Прощай Америка

Алекс Вайт

2025-12-02

Contents

Прощай, Америка **1**
Предисловие 2
Глава 1 Москва. Июнь 20... года 4

Прощай, Америка

Роман Александра Вайта

Опасно шутить со словом. Слово гнило, да не исходит из уст ваших![36] Если это следует применить ко всем нам без изъятия, то во сколько крат более оно должно быть применено к тем, у которых слово - попроще и которым предопределено говорить о прекрасном и возвышенном. Беда, если о предметах святых и возвышенных станет раздаваться гнилое слово; пусть уже лучше раздается гнилое слово о гнилых предметах. Все великие воспитатели людей налагали долгое молчание именно на тех, которые владели даром слова, именно в те поры и в то время, когда больше всего хотелось им пощеголять словом, и рвалась душа сказать даже много полезного людям. Они слышали, как можно опозорить то, что стремишься возвысить, и как на всяком шагу язык наш есть наш предатель. “Наложи дверь и замки на уста твои,[37] — говорит Иисус Сирах, — растопи золото и серебро, какое имеешь, дабы сделать из них весы, которые взвешивали бы твое слово, и выковать надежную узду, которая бы держала твои уста”.

Предисловие

История знает множество примеров, когда процветающие, могущественные государства, переживая череду страшных потрясений – (нашествия воинственных соседей, разрушительные правления тиранов, неразумные действия властей, неурожаи, природные катастрофы, страшный голод, изнурительные, опустошающие гражданские войны) гибли, исчезая с карты мира. В древности такова была участь Трои, Персидского, Микенского (Ахейского), Ассирийского, Акадского, хеттского царств Месопотамии. В этом же ряду – Атлантида, Империя инков, Рим, Византия, Венецианская Республика, королевства: Кастилия, Арагон, Наварра, Сардиния, Норманнская Сицилия. Оставим в стороне Европу, где многим странам удалось сохранить государственность, избежав трагедий распада в силу довольно редких природных, политических и экономических кризисов. Американский континент, Ближний и Дальний Восток также оставим в покое. Нас в этом контексте интересует только Россия. Ни одна другая страна не переживала таких глубоких взлётов и трагических падений. Междоусобные войны князей, татаро-монгольское иго, Смутное время, спровоцированное пресечением московской ветви династии Рюриковичей, взятие Москвы польско-казачьим войском, противоречивый период правления Петра Первого, нашествие Наполеона, тяжёлые последствия Крымской войны против союзных войск Франции и Британии, революция большевиков, гражданская война, экономическая разруха, Великая Отечественная, перестройка Горбачёва, развал СССР. Перечислять дальше? Всё это происходило в относительно короткие промежутки времени. Кажется, что России кем-то предначертана судьба мифического Сизифа, обречённого снова и снова тащить на своих плечах тяжкий груз на горную вершину. Но достигнув цели, Сизиф устало опускает руки, а груз государственности срывается в пропасть. За ним снова с маниакальным упорством на дно спускается Россия, чтобы опять взвалить на плечи и нести на гору «свой крест».

Почему эти события на Руси происходят с пугающим постоянством, отличаясь только мелкими деталями? Падения и взлёты стали чем-то вроде национального вида спорта. Зачем всё это нам? Вопрос, на который пока нет ответа. Возможно, мы не умеем извлекать уроки из прошлых ошибок? Может быть. Или что-то есть такое магически мазохистское в характерах русских людей? Может, нам доставляет наслаждение больно падать, расшибая лбы, обдирая колени, и с муками подниматься? Что

особенного происходит в душах и разумах наших правителей, которые неосознанно, а иногда очень даже зряче толкают Сизифа (Россию) в спину, заставляя избавляться от ноши на полпути? Мы долго думаем, что в таком случае делать, но точно знаем, кто виноват.

Виноват в том, что, будучи ещё мальчишкой, с восторгом смотрел на обожаемого Чапаева, сказочного героя, скачущего в атаку на коне под Красным знаменем, затем вытирал кулаком слёзы со щёк, не в силах видеть, как тонет в водах реки его любимый Василий Иванович, поливаемый свинцом из пулемёта врагов. А, когда мальчишка подрос, он смотрел другие, талантливо сделанные фильмы: «Летят журавли», «Как закалялась сталь», «Они сражались за Родину», и его сердце переполняла гордость за то, что его Великий и могучий Советский Союз сломал хребет Гитлеру.

Однако, новые реалии жизни всегда берут своё. Парень начал понимать, что хлеб не растёт на деревьях, что работа у станка – тяжёлый труд, что руководить пролетариями легче, чем ишачить на комбайне, что партийный билет в кармане – пропуск в иную реальность, где можно получить должность, кабинет с мягким креслом, даже персональный автомобиль с личным шофёром в придачу к квартире, где тепло и ниоткуда не дует. Вот уже он вроде и не виноват, что ему хочется другой жизни. Как в Америке, или в Британии. Ему бы подошла даже Бразилия, где есть Рио-де-Жанейро, где живут полтора миллиона человек, и все поголовно ходят в белых штанах. Это не про Остапа Бендера из Золотого телёнка. Это про Горбачёва, про Раису Максимовну Титаренко, про Бориса Николаевича Ельцина, про современных русских губернаторов и мэров, про заместителя министра обороны Тимура Иванова, про верхушку власти нынешней России. Про Демиурга нашего, создателя Ходорковских, Тимуров Ивановых, коррупции, системы грабежей, отношений, понятий и откатов. Это про Чубайса, посеявшего в наше сознание семена либеральных ценностей вместе с зёрнами стремления к наживе любой ценой. Это про «Рыжую бестию» - искусителя и Каина, кромсавшего стальными зубами рукотворных финансовых кризисов сердца соотечественников, превращая комсомольцев с пламенными взорами в собственников, готовых пожирать всё живое вокруг себя, словно хищники. Русские олигархи, выращенные Чубайсом, действительно напоминают акул. Рыбаки знают, что акула, попавшая в сети, даже со вспоротым брюхом продолжает пожирать всё, что находится рядом. Вот такой он – Демиург русского разлива.

«Эффективный менеджер», впрочем, никогда не скрывал свою, непонятно откуда взявшуюся ненависть к совкам. Там, где он проехался катком реформ, трудно было что-то обратно склеить.

Люди с более или менее хорошим советским образованием, даже представить в страшном сне не могли, что те, кто возглавили исход России к светлому будущему, на самом-то деле ведут нас к темнейшему прошлому. Что их цели совершенно другие, чем те, которые они декларируют. Напрасно теперь говорить, что за каждый ваучер Чубайс обещал каждому две ”Волги”. Это, как сейчас встать над могилой Хрущева и спросить: ” А где мой коммунизм, который вы всем обещали в восьмидесятом году?”

Бесполезно людям во власти, у власти, при власти, а тем более являющимся властью, задавать такие глупые вопросы. Они же не для того туда шли, чтобы выполнять то, что обещали.

Глава 1 Москва. Июнь 20... года

Воскресное утро выдалось тёплым и солнечным. Какому-нибудь местному пенсионеру, вышедшему покурить натощак сигарету на лавочке, лёгкие облака на горизонте, помимо ревматической боли в коленках, дали бы дополнительную пищу к размышлениям — будет гроза к обеду или же дождь пойдёт ближе к вечеру. Но высокому, хорошо сложённому парню, чья фигура мелькала в тени старых яблонь, не было никакого дела до капризов погоды. Обнажённый, мускулистый торс блестел от пота. Повязка на лбу защищала глаза, не давая кончикам длинных влажных волос падать на лоб и касаться ресниц. Интенсивная зарядка, привычно начатая им ровно в шесть тридцать утра, продолжалась уже добрый час, наливая силой рельефные мышцы рук, спины и живота. Босые ноги приятно холодила обильная роса, выпавшая к рассвету на аккуратно постриженном газоне дачного участка. Сделав несколько дыхательных упражнений, но услышав в тихом шуме ветра посторонний звук, молодой человек повернул голову в сторону небольшого двухэтажного коттеджа. Окно, выходящее на открытую веранду, оказалось распахнутым, и в раме проёма он увидел обнажённую женскую фигуру, держащую в поднятой руке смартфон.

- Что? - чуть запыхавшись, спросил парень, с удовольствием

пожирая взглядом высокую девичью грудь с крупными, вишнёвого цвета сосками, красивую линию плеч и верхнюю часть бёдер.

- Алёхин! - зевнув, но тут же улыбнувшись, сказала девушка. – Саша! Сколько раз просила тебя брать трубу с собой, когда машешь в саду ногами?

- Ладно, ладно. Завтра так и сделаю, - воскликнул молодой человек, направляясь к веранде. - Разбудили тебя? Прости.

- Саш! Поклянись, что это — последний раз, - девушка сунула смартфон в руку хозяина.

- Какой-то мужик уже два раза звонил. Сказал — ещё раз наберёт через минуту. Офонарел народ совсем. В воскресенье спозаранку людей будить.

Алёхин, легко перемахнув через подоконник, нежно погладил девушку по смуглой спине.

- Ступай в койку. Вздремни немного, пока я душ приму.

- Скажи, что ты меня любишь.

- У тебя есть повод сомневаться? - ласково спросил Александр, наклоняясь, чтобы поцеловать подругу.

Однако, мелодия, прозвучавшая из динамика смартфона, заставила Алёхина чертыхнуться и посмотреть на экран. Номер звонящего не определился.

- Слушаю!

- Гроссмейстер?

- Да, - внезапно охрипшим голосом откликнулся молодой человек.

- Через два часа — Филёвский парк, набережная, последняя скамейка налево от причала, где швартуются прогулочные теплоходы.

Соединение прервалось. Алёхин, положив смартфон на стол, почувствовал лёгкий озноб. Виной был не сквозняк, трепавший занавеску открытого окна. Это была дрожь нетерпения, тревоги и ожидания перемен.

Агентурный никнейм «Гроссмейстер» принадлежал Алёхину и значился в его засекреченном досье, доступ к которому имели только три человека, а эти люди были отнюдь не рядовыми сотрудниками Главного управления Генштаба Минобороны.

Акулы пера – журналюги, а также зарубежные разведки по-прежнему называли эту структуру коротко — ГРУ.

Александр, выбив лёгкую дробь костяшками пальцев по столешнице, отправился в душ, справедливо полагая, что времени добраться до Москвы не так уж много, но и не мало. Вылив на голову немного шампуни, Алёхин на мгновение застыл, опираясь на стену душевой кабины. Когда он одним из лучших на курсе закончил Череповецкое высшее военное училище радиоэлектроники, его, совсем ещё «зелёного» специалиста в тогда ещё «узкой» сфере кибер безопасности, сначала командировали в Консерваторию*, а оттуда, не дав пройти дальше маленькой комнатки при КПП, направили в «Лабораторию Касперского», вручив конверт с инструкциями. Это было его первое место работы, где он проводил всё своё рабочее время уже четыре года, просиживая джинсы на стуле одного из отделов, стараясь ничем не выделяться среди офисного планктона. Здесь никто ни с кем не дружил, не состоял в приятельских отношениях, но и не лез с расспросами. В «конторе» царила сугубо деловая атмосфера, сознательно взращиваемая начальством и поддерживаемая всеми сотрудниками, хорошо подготовленными в разных областях компьютерных технологий. Единственная привилегия для лейтенанта, ни разу не одевавшего военную форму после отъезда из Череповца, был небольшой офисный закуток, который он делил с молодым, лохматым, бородатым айтишником, больше похожим на хакера из голливудских фильмов. Насколько понимал Алёхин, слушая редкие возгласы парня, тот занимался тестированием систем безопасности облачных сервисов. Сам Александр совершенствовал свои навыки во взломах аккаунтов DarkNet, DeepWeb, i2P и FreeNet. Результаты своей работы по выявлению каналов связей нелегальных торговцев оружием, крупных поставщиков наркоты, владельцев подпольных онлайн казино, тотализаторов, производителей поддельных банковских карт, банкнот, акций и прочих финансовых документов, он тщательно шифровал, дважды в месяц передавая специальному курьеру в условленном месте. Куда в результате уходила информация Алёхин не знал, но предполагал, что одним из адресатов была служба экономической безопасности ФСБ или же Шестое управление Генштаба России. Работа у Александра была не пыльная, интересная, временами захватывающая. Единственное, что шло в разрез с его характером и логикой математического склада ума — это абсолютное равнодушие руководства лаборатории к его персоне. Однако, получение очередного офицерского звания после двух лет прозябания за столом с шестью мониторами, напомнило ему,

кто является его настоящим начальством. Алёхин догадался о продвижении по службе, увидев суммы, перечисляемые тайным работодателем на его банковскую карту, «не привязанную» к зарплатному счёту в «Лаборатории Касперского». Однако, немного раздражало то, что он не понимал, зачем была нужна вся эта конспирация с местом работы в сторонней организации, с прочими сопутствующими заморочками. Но Алёхин мирился с существующим положением вещей, в глубине души полагая, что на всё должны быть свои причины. Судя по всему, утренний звонок обещал перемены в его жизни, поэтому Александр быстро собрался, поцеловал в щёку заснувшую девушку, нежно погладив женское загорелое плечо. Затем аккуратно закрыл за собой дверь, вывел из гаража старый чоппер Харлей-Дэвидсон, купленный по дешёвке и восстановленный меньше года назад собственными руками. Выходной день диктовал свои условия дорожной обстановке, поэтому Алёхин добрался до места довольно быстро. Он оказался в нужном месте за пять минут до назначенного времени. Не торопясь, Алёхин спускался к набережной, оценивая обстановку, оставляя без внимания редких прохожих: пенсионеров, дышавших свежим утренним воздухом, двух девушек и парня — любителей скандинавской ходьбы, активно переставлявших лыжные палки на тропинках. Боясь оступиться на выщербленных каменных ступенях, Александр бегло скользнул взглядом по фигуре женщины с детской коляской, которая кормила кусочками хлеба прожорливых речных чаек. Ничего необычного для этого времени дня Алёхин не заметил, но, оказавшись на пристани, увидел двух мужчин спортивного телосложения, застывших в непринуждённых позах возле парапета причала для прогулочных судов. Один из парней стоял спиной к реке, держа в поле зрения лестничный спуск к воде, другой вертел головой, наблюдая за передвижениями гуляющих.

На нужной Александру лавочке сидел довольно пожилой человек, одетый в дешёвый спортивный костюм и лёгкую соломенную шляпу. Перед ним стояла маленькая карманная шахматная доска. Пальцы «пенсионера» то витали в воздухе над крошечными пешками, то застывали над более значимыми фигурами, будто человек не мог решиться сделать нужный правильный ход. Александр, имитируя походку бездельника, направился к лавочке, затем остановился возле человека, словно из любопытства оценивая позицию на шахматной доске. «Пенсионер», сняв шляпу, лениво поднял взгляд на подошедшего.

- Играете?

- Иногда, - признался Александр.

- Что скажете? - человек положил головной убор на лавочку рядом с собой и провёл рукой по воздуху над фигурами шахмат.

- Защита Алёхина, - сказал Александр. - Интересный дебют. Нет необходимости занимать центр пешками, если можно оказывать давление на левом фланге продвижением двух слонов.

Это были условные фразы. «Пенсионер» удовлетворённо кивнул.

- Да, вы правы, - человек спокойно и медленно начал складывать шахматы. - Я пойду впереди. Вы — за мной. Дистанция — пятьдесят метров. Идём, не торопимся, наслаждаемся видами.

Алёхин едва заметно кивнул. Затем, отойдя в сторону, облокотился на ограждение причала. Игрок в шахматы помедлил минут пять, обмахиваясь шляпой и жмурясь от яркого солнца, лучи которого рождали сверкающие блики на воде. Потом, поднявшись, двинулся к лестнице. Александр, отпустив человека на нужное расстояние, пошёл за «пенсионером», глазея по сторонам с благостным видом праздношатающегося лодыря, не знающего, каким образом убить свободное время. Взгляд снова выхватил силуэты двух парней, которые уже «отклеились» от парапета. Соблюдая нужную дистанцию, молодые люди, озираясь, пошли следом. А человек в шляпе поднялся на вершину склона, где начиналась парковая полоса и, выбрав безлюдную узкую аллею, слегка сутулясь, двинулся по ней. Алёхин с каждым мгновением этой странной прогулки ощущал всё усиливающееся нервное возбуждение, которое постепенно перерастало в озноб. «Пенсионер», неожиданно увеличив темп ходьбы, скрылся за крутым поворотом аллеи. Александр опомнился. Он быстрым шагом попытался догнать человека, но, выйдя из-за деревьев, увидел небольшую поляну с маленьким домиком без окон в конце тропинки. На единственной двери висела табличка «Посторонним вход запрещён». Рядом - ещё одна, чуть ниже и меньше первой, на которой значилось - «Мосэнерго». Стены вместе с дверью были разрисованы граффити, причём дверное полотно выглядело весьма внушительно. Два отверстия под ключи, массивная ручка, местами ржавая, толстая сталь двери говорили о том, что внутрь попасть не так просто. Алёхин, растерянно оглянувшись, заметил тех самых двух парней, которые шли за ним, но теперь застыли в пятидесяти метрах у поворота аллеи, опираясь спинами о сосны. Оба, почти одновременно

закурили, поглядывая по сторонам. Александр вздохнул, взялся за ручку двери и потянул её на себя. Тяжёлая сталь беззвучно отошла в сторону. Внутри домика он увидел ряд щитовых шкафов с надписями «Не влезай», «Убьёт». Один из шкафов был приоткрыт. Алёхин осторожно потянул за створку. Вместо электромонтажных планок с предохранителями и проводами высокого напряжения, вниз вела узкая лестница, тускло освещённая редкими маленькими лампочками. Александр, вернувшись к порогу трансформаторной подстанции, плотно затворил дверь. Потом осторожно стал спускаться по лестнице пока не достиг приличных размеров комнаты, где увидел стол, стоящий на нём допотопный телефонный аппарат, два стула, а рядом - человека, нетерпеливо меряющего шагами помещение. «Пенсионер», оглянувшись на приглушённый шорох подошв кроссовок и деликатный кашель, остановился, помедлил мгновение, в очередной раз оглядывая Алёхина, и показал рукой на один из стульев.

- Присаживайтесь. Что ж, капитан, пришло время нам познакомиться ближе. Не называю своего воинского звания, но поверьте на слово, я имею достаточно полномочий, чтобы предложить вам новую работу в структурах «Аквариума».

При слове «аквариум» мелкая дрожь нервного возбуждения, сотрясавшая тело Алёхина, внезапно улеглась. Александр, отодвинув стул, уселся. Он дождался пока незнакомец займёт своё место за столом и обратился в слух. Александр знал, что в узких кругах аквариумом называют комплекс зданий в Москве, где размещаются подразделения Военной разведки.

- Мы внимательно изучали вас, молодой человек, всё последнее время... Вернее — с момента вашего выпуска из училища и присвоения звания лейтенанта. Должен признать, что Гроссмейстером вас прозвали не зря. Вы не только блестяще играете в шахматы. Вы обладаете основами стратегического мышления, феноменальной памятью и отличными навыками в области информационно-аналитической, разведывательной деятельности. Кроме того, применяя специфический язык кинологов, у вас отличная родословная, прекрасное воспитание, острый ум, что является очень хорошим дополнением к прочим достоинствам. Вашу жизнь отличает внутренняя дисциплина, терпение, а также, смею предположить, неосознанная до конца любовь к Родине вместе с преданностью делу, которому вас учили. Ваш дед по отцу закончил войну в звании майора и был в своё время сначала заместителем военного коменданта Берлина, затем — первым помощником коменданта города Москвы. Впоследствии он

вышел на пенсию в звании полковника, а до этого являлся начальником артиллерии Гвардейской Таманской дивизии. Ваш дед по матери, которая была значительно моложе вашего отца, погибшего в Афганистане... До 1991 года являлся руководителем отдела Аналитического управления КГБ СССР. Жаль — рано уволился в запас, хотя я его понимаю. У вас есть тот стержень, который не купишь ни за какие деньги. Та самая белая офицерская кость, не позволяющая размениваться по мелочам, а следовать определённой цели, которой у вас пока нет, но которую мы готовы вам предложить...

- Стержень? - смущённо переспросил Алёхин, воспользовавшись паузой в речи незнакомца. - Простите. Не привык к комплиментам.

- Это не комплимент. Я лишь обрисовываю реальность. В настоящее время ваше сознание находится в режиме ожидания. Вы не понимаете, для чего вас направили в лабораторию Касперского, и есть ли у Вооружённых сил дальнейшие планы в отношении вас. Я правильно излагаю ситуацию?

- Почти, - кивнул Александр. - Но смею заметить, что та область деятельности, в которой я специализируюсь сейчас, очевидно, является этапом подготовки к чему-то большему. Иначе на меня бы не тратили в училище государственные средства, а лаборатория Касперского на моё место могла бы взять любого пацана-программиста с задатками хакера.

- Верно, - усмехнулся «пенсионер». - Если мы достигли некоего прогресса в отношении формулировок, давайте оставим в стороне пафосный стиль разговора, чтобы перейти к конкретике. Итак. Принято решение создать внутри одной из структур Генерального штаба особое подразделение, которое будет заточено на ведение специальных информационных операций, - незнакомец расстегнул молнию на куртке и снял с шеи цепочку, на которой болталась довольно большая флешка, а из внутреннего кармана вынул толстый запечатанный конверт.

- Держите, капитан, - собеседник положил предметы на стол и подвинул их к Алёхину. - Накопитель содержит подробные инструкции, плюс - видение нашей общей проблемы так, как её понимает Военная разведка. В конверте - кое-какие документы, ключи от квартиры, в которой вы будете проводить довольно много времени, адрес офиса, где продолжите трудиться на благо Родины. Кстати, помещение выкуплено малоизвестным благотворительным фондом, зарегистрированным на... Впрочем, сами позже посмотрите бумаги и оцените уровень предварительной подготовки. Единственная жертва, которую мы от вас потребуем, заключается в том, чтобы порвать все связи со

знакомыми и друзьями. Это касается и вашей девушки. Однако, если это для вас проблема, - ладонь незнакомца легла на конверт.

- Нет, - твёрдо ответил Алёхин. - Никаких проблем.

- Я хотел сказать, что если вам нужно время подумать...

- У меня было достаточно времени, пока я добирался сюда.

- Тогда я не ошибся в отношении вас, - сказал «пенсионер», поднимаясь. - Видели двух человек, следовавших за вами?

- Заметил, - пробормотал Александр, убирая конверт вместе с флешкой в собственный внутренний карман кожаной куртки.

- Лица запомнили?

- Конечно.

- Эти ребята будут обеспечивать связь в крайних непредвиденных ситуациях. И ещё. Подчиняться вы будете лично мне. Отчитываться только передо мной. Каналы связи — особый протокол Даркнета, плюс защищённые телефонные линии. Необходимое оборудование вам доставят через два дня в ваш новый офис. Таким образом, даю вам эти дни на изучение собранной для вас информации и решение личных вопросов, о которых шла речь выше. Некоторые нюансы вашей новой работы буду знать только я... Никто больше. Помните. Любой, кто не подтвердит в каждом отдельном случае и в определённом порядке свои полномочия, является агентом наших вероятных противников. Все подробности — на флешке. Вопросы есть?

- Пока нет, - Алёхин, быстро поднявшись, невольно подобрал свой и без того тощий мускулистый живот. - Но наверняка возникнут.

- Хорошо. Через неделю вам позвонят. Если появятся вопросы, требующие личной встречи, мои люди дадут дополнительный канал связи. Это всё?

«Да, сэр», - хотел пошутить Алёхин, но, сдержав свой хулиганский порыв, только кивнул.

- Хорошо, - сказал незнакомец. - Я выйду первым. Вы — через пять минут. Можете называть меня Иваном Матвеевичем... Дверь за вами закроется автоматически.

Александр дождался момента, когда стихли шаги, раздался скрип входной двери, потом вытащил конверт и вскрыл его. Через мгновение на ладони лежали несколько листов бумаги

и связка ключей. Алёхин запомнил текст, сжёг бумагу на огне зажигалки, оставленной на столе, растёр пепел пальцами, взглянул на часы и покинул фальшивую электрощитовую. Сделав два шага по аллее, он обернулся, чтобы увидеть ожидаемое. Дверь, приведённая в движение скрытым запором, подчиняясь очевидно некому электронному механизму контроля доступа, скрипнув, медленно закрылась. Тихо щёлкнул замок...

Квартира в доме, которая теперь должна была служить Алёхину временным пристанищем, располагалась на Западе Москвы в получасе ходьбы от «Аквариума». Ограда с раздвижными воротами преграждала въезд. Рядом возвышалось небольшое строение, где находилась охрана. Александр, набрав несложный шифр на панели калитки, вкатил свой мотоцикл на территорию. Из домика охраны вышел человек в чёрной форме, преградил путь.

- Вы здесь живёте?

- Да, уважаемый. Привыкайте. Два дня назад купил здесь квартиру, а заодно и место на подземной стоянке. Ещё не переезжал, но завтра начну.

- Назовите номер квартиры и номер машино-места.

- Не вопрос. - Александр сообщил охраннику нужные номера, которые значились в бумагах из открытого накануне конверта с инструкциями. Охранник, связавшись с кем-то по рации, отступил в сторону. - Добро пожаловать. Пока вы будете единственным жильцом на этаже.

- Стало быть, с соседями дело обстоит плохо, - с сожалением в голосе сказал Алёхин. - Жаль. Даже рюмку не с кем выпить.

- Не жалейте. Появятся соседи, начнут стены сверлить. Мало не покажется.

- Это, точно, - легко согласился Александр, заводя двигатель мотоцикла. - Где тут у вас въезд на парковку?

- Обогнёте здание справа, увидите ворота в стене. Летом в течение дня они открыты. В управляющей компании получите карточку владельца. Чтобы не заморачиваться с кодами, карта запрограммирована на открытие ворот подземной парковки и двери подъезда. Ваше машино-место номер ноль, ноль, три.

- Всё понял. Спасибо. Теперь будем видеться чаще.

- Конечно, - охранник убрал рацию.

Не прощаясь, он пошёл в своё укрытие, где в окне маячило лицо ещё одного человека.

Из окон квартиры открывался шикарный вид на Серебряный бор и Москва-реку. Помещение выглядело довольно сносно. Оно состояло из двух современно обставленных больших комнат, одна из которых должна была одновременно служить кабинетом и спальней. Алёхин осмотрел кухню с белой мебелью, пощупал плотные шторы на окнах, зашёл в просторную ванную с душевой кабиной, потом немного потоптался на дорогом тёмно-вишнёвом полу. Всё выглядело абсолютно новым.

- Муха не сидела, - бормотал Алёхин, с удовольствием разглядывая мощный компьютер, рядом с которым на письменном столе лежал блестевший алюминием небольшой ноутбук без логотипа бренда.

Александр открыл шкаф, с удивлением уставившись на несколько костюмов, курток. джинсы и прочую одежду, аккуратно развешанную и разложенную на полках. Внизу стояли три пары обуви. На абсолютно новых кроссовках фирмы «Puma» даже были завязаны шнурки. Не удержавшись, он примерил несколько вещей. Всё оказалось в пору. Подумав немного, Алёхин подошёл к окну, где заметил тонкие нити сетки, которыми было армировано стекло.

- Вот оно как, - абсолютно не удивился Александр, который уже видел такое в лаборатории Касперского. - Обо всём позаботились.

Он уже не сомневался, что квартира защищена по высшему разряду от «прослушки» и прочих средств радиоэлектронной разведки. Алёхин не стал проверять помещение на предмет видеоконтроля, ибо это противоречило тому, что говорил ему незнакомец внутри фальшивой щитовой, спрятанной в глуши филёвского парка. Но на всякий случай открыл свою кожаную сумку, достал оттуда личный маленький, но невероятно ёмкий накопитель SSD. Через минуту капитан подключил накопитель через нужные разъёмы сначала к компьютеру, а через полтора часа проверки на вирусы и наличие шпионских программ, пересел с той же целью к ноутбуку. Ещё через час он уже не сомневался в чистоте девайсов и в невероятной мощи аппаратов. Удовлетворённо хмыкнув, Александр убрал диск SSD вместе с проводами в тайник, который он тут же оборудовал в ванной, открыв люк доступа к системам канализации и водоснабжения. Место было отличное. Если не знать заранее, что между стеной и трубами есть лаз, то найти «сейф» было не так просто. Рука Алёхина совершенно случайно наткнулась на нужную щель.

- Уф, - облегчённо выдохнул он, в который раз проверив, надёжен ли тайник. - На первое время сойдёт. Теперь — в душ.

Ещё через три часа, потратив кучу денег на покупку инструментов, Александр поменял сим-карту в смартфоне на новую, перенёс туда кое-какие контакты, после чего занялся заменой личинок в замках и установкой собственной системы сигнализации, синхронизировав её электронные мозги со своим собственным смартфоном. Он совершенно забыл о пище насущной, а потому к семи часам вечера, почувствовав голод, огорчённо произнёс:

- Чёрт!

Почесав затылок, он начал собираться в магазин, но ощущение пустоты в желудке подтолкнуло капитана к холодильнику.

- Ни фига себе! - воскликнул он, разглядывая полки с набором продуктов. - Даже об этом подумали. Знают название моего любимого молока. «Домик в деревне», три с половиной процента жирности. Отлично.

Алёхин вытащил из упаковки хлеб, отломил порядочный кусок от багета, открыл молоко, затем торопливо перекусил. Вытерев чистым, хорошо пахнувшим кухонным полотенцем губы, он приступил к самому главному, что хотел сделать с утра, но оттягивал удовольствие. Александр, достав флешку, переданную ему новым начальником, сел за компьютер. Карта памяти содержала множество ссылок и пароли доступа на засекреченные ресурсы множества иностранных и отечественных аналитических центров, работающих на спецслужбы разных стран. Здесь же Алёхин обнаружил IP адреса хакерских групп и объединений хакеров - фрилансеров. Для начала он внимательно изучил инструкции, о которых шла речь утром. В основном это были дилетантские рассуждения, дополненные пожеланиями людей мало знакомых с ИТ-технологиями, поэтому Александр закрыл этот файл, чтобы перейти к другим, более интересным виртуальным папкам с интригующими названиями. До пяти утра он успел прочесть досье на некоторых американских и европейских политиков: Билла и Хилари Клинтон, Дональда Трампа, Бени Сандерса, Джо Байдена. Ангелы Меркель, Эрдогана, Эммануэля Макрона. Особый интерес представляли данные о характерах, привычках, вкусовых, гастрономических, литературных, мировоззренческих и прочих предпочтениях.

В пять тридцать утра мозг отказался подчиняться владельцу. Алёхин заснул, едва добравшись до дивана в гостиной.

Он поднялся в девять, с досадой подумав, что это позже обычного, побрился, сварил себе кофе, доел остаток багета и спустился в подземный паркинг. Через полчаса Александр уже открывал дверь большого офисного здания с множеством табличек на стенах перед входом. Прислонив карточку, обнаруженную в том самом конверте с документами, к устройству контроля доступа, он прошёл пост охраны, затем поднялся на нужный этаж, где увидел указатель конторы, руководителем которой он теперь являлся. На табличке рядом с массивной дверью значилось - «Центр изучения исторических перспектив».

«Полный бред», - подумал Алёхин о названии фирмы, покидая кабину лифта.

Капитан оглянулся на закрывающиеся двери лифта, отрезающие его от прошлого. Но мосты за спиной уже «догорали». Обратной дороги не было. Алёхин пару мгновений постоял перед устройством, снабжённым сканером отпечатков пальцев, потом поднял руку. Но дверь неожиданно открылась сама. В проёме появился человек лет двадцати пяти, чем-то неуловимо похожий на двух охранников, сопровождавших вчерашнего «пенсионера».

- Доброе утро! - сказал парень, придерживая дверное полотно. - Вы...

- Волков Алексей, - представился Алёхин, следуя «легенде», изложенной в полученных инструкциях.

- Я вас узнал. Видел фотографию, - сказал незнакомец. - Меня зовут Руслан Смирнов. Я тут временно вроде сторожа. А вообще-то я инженер по специальности «Интеллектуальные экосистемы» и много ещё чего могу.

- Давно вы здесь сторожем? - спросил Алёхин.

- Ровно неделю.

- Понятно, - кивнул Александр. - Приятно познакомиться. Показывайте офис.

Парень отпустил дверь, которая с мягким звуком захлопнулась, затем развернулся через левое плечо.

Помещение, судя по всему, занимало половину этажа. Широкий коридор делил пространство на две части. Руслан, открывая перед новым начальником двери, давал возможность осмотреть каждую комнату. Всего их было пятнадцать, не считая кабинета с табличкой «Посторонним вход воспрещён». Офисная мебель выглядела достаточно дешёвой, но зато

компьютерная техника радовала глаз. Большие мониторы, мульти протокольные медиа конверторы, коммутаторные блоки, принтеры, металлические стеллажи с серверами, шкафы с системами хранения данных, прочее железо были накрыты прозрачной плёнкой, тускло сверкая разноцветными соединительными проводами.

- Что с настройками? - спросил у Руслана Алёхин.

- Я же говорю. Всю неделю возились. Тут целая бригада работала. Ушлые парни, грамотные, немногословные. Тот, который главный, сказал: «Если, что — дайте знать». Номер его телефона - на столе в вашем кабинете. Правда, после этих ребят приходили ещё одни умники, показывали та-а-кие удостоверения, - Смирнов театрально закатил глаза. - Проверяли заново всё. В том числе ставили дополнительную защиту от систем взлома и проникновения. Я потом вам покажу комнату с оборудованием. Генераторы «Белого шума»*, вибро-сети и прочее. Космос!

- Хорошо, - сказал Алёхин. - Потом сам всё посмотрю. Веди в кабинет шефа.

- Так, вроде, вы наш шеф.

- Тогда не теряй времени, - пробормотал Александр, немного удивлённый обилием и уровнем класса оборудования.

- Вопрос можно? - обернулся к нему Руслан.

- Давай.

- А, чем наша фирма конкретно заниматься будет?

- Тебя на работу брали — глупые вопросы задавать?

- Простите, шеф. Мне просто надоело тут бездельничать.

- Ещё один день ничего не решает. Завтра начнут подходить нужные люди. Работы тебе прибавится. Займёшь пока комнату возле входа справа. Там будет что-то вроде отдела кадров.

Для начала Алёхин осмотрел собственный кабинет, затем стал проверять работоспособность установленной в нём аппаратуры. Однако, черед тридцать минут Руслан, постучав, вновь появился на пороге.

- Разрешите?

- Да, конечно.

Применяются для маскировки звуков с целью конфиденциальности и защиты от внешней прослушки. Белый шум - сигнал,

имеющий одинаковую интенсивность на разных частотах, что обеспечивает ему постоянную спектральную плотность мощности для подавления остальных звуков.

- Шеф! У нас — гости.

- Уже? Кого же нам Бог послал?

- Баб!

- В каком смысле?

- В самом прямом. Две девицы. Сидят у меня в комнате. Говорят, что направлены к нам на работу.

- Даже так? Заводи.

Черед минуту две девушки примерно одинакового возраста стояли перед столом начальника почти по стойке смирно. Сам Алёхин держал в руках запечатанные сургучными печатями конверты. В них он нашёл направления на бланках Управления кадров Генерального штаба и краткие выписки из личных дел.

- Значит, вы... - Александр поднял глаза на симпатичную блондинку сорок второго размера, одетую в голубые джинсы, белую блузку и лёгкие летние кроссовки розового цвета. - Вы...

- Светлана Лебедева, старший лейтенант, - лихо отрапортовала девушка.

- Да, да. Вижу, - Алёхин опустил взгляд на бумаги. - Закончили финансовую академию. Два года работали в НКО. Рекомендованы на должность главного бухгалтера. А вы, значит, - Александр взглянул на вторую девицу небольшого роста, плотно сбитую крашенную брюнетку с короткой стрижкой под мальчика. - Вы у нас просто бухгалтер. Валентина Ивановна Елисеева, лейтенант.

- Так точно, - девушка непроизвольно спрятала за вырез блузки цепочку с золотым крестиком. - А ещё — специалист по налоговым вопросам, эксперт по схемам, применяемым на Западе для ухода от... Понимаете, о чём я? В сопроводительных бумагах всё указано.

- Отлично. И давайте без армейских привычек. У нас тут всё по-простому. Отправляйтесь к Руслану... Это тот парень, который открыл вам дверь. Он покажет ваши рабочие места, объяснит, что тут у нас и где. Пока обживайтесь и привыкайте.

- А, что тут привыкать? - откликнулась Светлана. - Чаи на холяву гонять не привыкли. Нужно составить штатное расписание, завести учётные карточки сотрудников, проверить документацию на оборудование, составить на него картотеку, взять всё на баланс и прочее, и прочее.

- Тогда, вам и шашки в руки, - улыбнулся Алёхин. - Кстати. Никаких карточек сотрудников и штатного расписания. Все финансовые потоки, включая зарплату, не ваше дело. Завтра вы получите банковские карты на свои имена для денежного довольствия. Если у вас есть собственные карты, избавьтесь от них. И ещё. В конце коридора есть небольшая комната, где оборудована кухня. Посмотрите там, что к чему... Главное, чтобы кофе машина работала. Теперь всё! Вопросы будут?

- Нет, - одновременно сказали девушки, переглядываясь.

- Тогда, свободны.

- Есть! - ловко, через левое плечо повернулась Елисеева.

- Я же сказал. Будьте проще. Субординация дело хорошее, но без фанатизма. Меня можете называть шеф или Волков. А ещё проще — Алекс. Всё понятно?

- Так точно. То есть, да, - Светлана, кивнув, затем крутанувшись на каблуках, пошла к дверям вслед за лейтенантом Елисеевой.

Алёхин с досадой покачал головой. Оставшись в одиночестве, он включил свой рабочий компьютер, чтобы продолжить тестирования гаджета.

Через неделю в штате «Центра изучения исторических перспектив» уже работали: два молоденьких лейтенанта — программиста, присланных из «Пентагона». Так в определённых кругах людей, «продвинутых» в области слухов, называлась в/ч 54726 или Центр военно-технической информации Министерства обороны России. Кроме офицеров, выглядевших в гражданской одежде юными тиктокерами, помещения обживали, тестируя оборудование, три выпускника «Бауманки», два парня из Физтеха - специалисты по созданию эксплойтов, специальных программ для проведения кибер-атак, два криптолога и четыре «мастера» разработки алгоритмов дешифровки текстов. Все эти люди были направлены из номерного центра страшно секретной спецслужбы. Сам Алёхин, кроме налаживания отношений со столь разношёрстной публикой, продолжал разрабатывать план «Научно-технической деятельности», который собирался

обсудить с вышестоящим начальством, запросив встречу по данным ему каналам связи. Ещё не получив «добро», он на свой страх и риск связался через Даркнет с хакерами, которые, как он предполагал, в своё время тесно сотрудничали с неким Игорем Турашевым. Игорь был гением в вопросах взлома самых защищённых компьютерных сетей. В настоящее время хакер находился в бегах. Где скрывался, никто этого не знал, однако Алёхин выяснил, что в декабре 2019 года министерство юстиции США выдвинуло обвинение в адрес Туращева. Парня обвиняли в создании хакерской группы Evil Corp. За помощь в поимке преступника Федеральное Бюро Расследований обещало выплатить пять миллионов долларов. Эту тему одно время активно обсуждали в лаборатории Касперского, и Алёхин, тогда совершенно не представлявший, зачем это нужно, осторожно наводил справки о том, кто ещё мог входить в Evil Corp.

В результате трёхдневного зависания в Сети, долгих переговоров, фантастических обещаний и откровенного давления с лёгкими угрозами, Алёхину удалось назначить встречу с человеком, носившим никнейм «Атлас», который мог бы вывести поиски на нужный след.

В этот день Александр, сидя на одной из лавочек парка имени Горького, терпеливо ждал появления хакера, понимая, что тот так сразу не подойдёт, а какое-то время будет наблюдать за местом встречи. День клонился к закату, сумерки медленно заполняли уединённую аллею, стихали голоса детей и посетителей парка, но Алёхин по-прежнему сидел в одиночестве. Подняв руку, он взглянул на запястье, где «красовались» винтажные часы «Командирские», подаренные когда-то отцом.

- Чёрт! - пробормотал Александр, в который раз оглядываясь вокруг. - Хитрый гад! Нужно было действовать через ГРУ, а те бы с ментами договорились. Привели бы в наручниках, словно телёнка на верёвочке.

В глубине души Алёхин понимал, что никогда бы не поступил таким образом, хотя уже знал, в каких местах мог появляться Атлас. Используя служебное положение в отношении хакера, Александр сразу утратил бы доверие найденного с таким трудом нужного ему человека, что сломало бы всю игру, которую затевал капитан.

«Пришлось бы отлавливать парня на барахолках, где торгуют редким «железом». А это заняло бы месяца два. Лишняя потеря времени. К тому же, неизвестно, как он сейчас выглядит», - подумал Александр, неохотно, медленно поднимаясь и сетуя,

что у него нет даже фотографии разыскиваемого.

В ту же секунду в заднем кармане джинсов начал издавать странные звуки смартфон.

- Да! – раздражённо, в то же время с надеждой проворчал Алёхин, уже догадавшись, кто звонит.

- Терпение — не лучшее качество твоей натуры, - голос в трубке казался глухим и безжизненным.

- А ты действуешь по принципу - «Бережёного Бог бережёт»? Гюльчиталь! Покажи личико. Дело к тебе есть на миллион.

- Не гони. Стреляного воробья на мякине... Дальше эту поговорку помнишь или подсказать?

- Раз ты подписался на свиданку, не поленился пробить мой номер, да ещё позвонил, значит интерес и любопытство у тебя разыгрались. Ты, где-то здесь, поблизости. Да? Что скажешь?

- На мента ты не похож. Группы захвата не вижу. Кстати, мне по фигу менты. Последнее время ничего противозаконного не делаю. Живу себе спокойненько.

- Тогда тебе нечего бояться, кроме ФБР, - усмехнулся Алёхин, даже не пытаясь включить на небольшом устройстве, спрятанном в кармане, поиск геолокации собеседника.

- От новых знакомых всегда неприятности.

- Ты слишком мрачно смотришь на жизнь. Выходи, давай. Изложу тебе своё дело, дальше сам решай. Кусаться не буду.

- Ладно.

В смартфоне раздался сигнал отбоя, а за спиной Алёхина послышались шаги. Алёхин оглянулся. От кустов, зеленеющих на фоне толстых лип, к нему двигался парень среднего роста, одетый неприметно скромно, даже бедно. Подойдя вплотную, он дал рассмотреть своё худое лицо с острыми скулами и вздёрнутым носом, тощие руки, нелепо торчащие из коротких рукавов футболки, глубоко посаженные глаза за толстыми линзами очков, изучающе бегающие по фигуре Алёхина.

- Излагай! Только по-быстрому. Темнеет, а мне сумерки не очень нравятся - сказал парень, приблизившись и неожиданно ощупывая мускулистую фигуру Алексея.

- Господи! - с преувеличенным разочарованием сказал Алёхин, спокойно дав подошедшему закончить обыск. - С кем я связываюсь? С параноиком... Ты, хотя бы имеешь представление о современных методах прослушки?

- Ладно, ладно, ты сам не психуй, - потупил взгляд парень. - Ближе к делу. Чего тебе надо?

Вместо ответа, Алексей задал новый вопрос:

- Твоё имя — Игорь Турашев?

- Чего? - Глаза Атласа округлились. - Так, вот кто тебе нужен? Хочу тебя расстроить. Турашев — клоун. Ширма, понимаешь. За ним, в плане хакерских навыков, стояли другие люди...

- Уж, не ты ли? - издевательски спросил Алёхин.

Однако, новый знакомый вполне серьёзно произнёс:

- Может и я. Только сейчас это не имеет значения. Дела давно минувших дней. Ты лучше скажи, чего тебе надо, и разбежимся.

Алексей внимательно в который раз осмотрел с ног до головы парня, набрал в грудь воздуха и начал объяснять Атласу суть своего предложения, наблюдая, как, спустя десять минут разговора у парня нервно задёргался острый кадык, затем постепенно оживлялось его лицо.

- Что скажешь? - спросил Алёхин, закончив говорить.

Атлас задрал голову к небу, где одна за другой загорались звёзды, на пару минут застыв в этом положении.

- Если тебе нужно время всё обмозговать, то пожалуйста, - равнодушно предложил Алексей. - Но думаю, такой работы у тебя ещё не было. Если хочешь дальше щипать последние рубли с пенсионных карт стариков, вольному воля. Но сколько верёвочке не виться... А со мной свежие порции адреналина и профессиональный рост настоящего хакера тебе обеспечен.

- На хрена мне нужен твой рост. Впрочем... Согласен! - неожиданно быстро выпалил Атлас. - Когда приступаем?

- Для начала тебе нужно усвоить главное. Запоминай. Ты подчиняешься непосредственно мне, больше никому, кто бы тебе, что не говорил. Посылай всех куда подальше. Второе... Между нами должно быть абсолютное доверие. Задачи буду ставить тебе только я. Во всех офисных бумажках, отчётах, для остальных моих сотрудников ты будешь Атласом. Твоё настоящее имя моим ребятам – абсолютно до лампочки. Они профи. А это значит, не суют свои носы в чужие дела. Отчитываешься только передо мной. В моём офисе тебя ждёт отдельный кабинет. Это лучше, чем камера в американской тюрьме. Вход в здание — по электронному чипу. Получишь этакий укольчик под кожу. Доступ в твой кабинет будет закрыт для всех, кроме меня и твоей светлости. Внутри —

полная безопасность со всеми современными примочками. Нужный софт для подстраховки будем проверять вместе. Не должно быть ни малейших дыр. Все необходимые IP-адреса будем регистрировать на подставных лиц в других странах. Шифрование делаем на высочайшем уровне, плюс использование особого VPN* или прокси-серверов в тех местах, где плюют на обязательства собирать сведения о пользователях Сети... Чтобы корректировать планы, вносить изменения в уже придуманные схемы... Для этого есть особое место. В других локациях держи рот на замке. Только в таких крутых мерах предосторожности - залог нашего успеха. Последнее... Во всём этом кипише, помимо материальной составляющей, а зарплата у тебя будет не маленькая, есть существенный бонус. В случае прокола, а если будем внимательными, такого не должно случиться, я обеспечу тебе необходимую защиту. Все остальные инструкции получишь позже по ходу дела. Уяснил?

- Гладко было на бумаге, - проворчал Атлас.

- Держи хвост пистолетом, - весело воскликнул Алёхин. - Не омрачай своим пессимизмом шикарный летний вечер. Тебя берут на работу в престижное место - Центр исследования исторических перспектив. Зацени. Одно то, что твои мозги кем-то оценены и востребованы, должно переполнять тебя гордостью.

- Тоже мне... Престижное место? Не пудри мне мозги. Таких центров сегодня — пруд пруди. А, что, если я откажусь?

- Поздно пить Боржоми... Тогда мне придётся тебе убить.

- Ты это серьёзно? - вскочил на ноги Атлас.

- Фигурально. Я просто сдам тебя американскому ФБР. Они ищут Игоря Туращева со всей его шайкой-лейкой. Пять миллионов обещают за любые сведения. А за преступления против собственной финансовой системы пиндосы знаешь, сколько лет дают?

- Пожизненное, - мрачно протянул Атлас.

- Могут и на самый демократичный в мире электрический стул тебя посадить. Так, что решай, - поднялся с лавочки Алексей. - Либо работаешь со мной... Не на меня, а со мной... Чувствуешь разницу? Или будешь пожизненно жопу подставлять членам тюремного негритянского братства Пиндосии. Если ты думаешь, что сумеешь лечь на дно и погасить свечку, то ошибаешься. Если я тебя нашёл, то есть люди, чья специальность — доставать людей даже из-под земли. На любой просвещённый взгляд,

моё предложение — гораздо лучше тех мрачных перспектив, которые я только что нарисовал. Твоё слово?

- По рукам! - На узкой ладони парня Алёхин ощутил увидел влагу. - Но с одним условием.

- Куда же без них? А я, наивный, думал — обойдёмся без мелочей. Ладно. Что там у тебя?

- Какой бы не была зарплата, нам с тобой нужна толстая финансовая подушка безопасности, чтобы люди, приближенные к тебе, императору, не переметнулись к конкурентам из-за материальной составляющей. Когда я со временем отойду от дел, лёжа на той подушке, хочу со спокойной душой встретить старость, - с вызовом произнёс Атлас.

- Не понял. Ещё раз, - Алёхин с удивлением уставился на собеседника.

- Объясняю, - уже смелее повысил голос Атлас. - Не знаю, сколько будут получать члены твоей команды, но хорошие спецы стоят дорого. К тому же у них не должно быть соблазна «засветить» или вообще «спалить» твою контору и косвенно все структуры, стоящие за ней. Считаю, что у нас должна быть «чёрная» касса или поощрительный фонд. Знаешь, время такое. Без материальных стимулов дела сегодня не делаются.

Алёхин задумчиво смотрел поверх головы Атласа на тёмные кроны деревьев. Хакер был прав. Сам Алексей уже думал об этом. История спецслужб знала немало примеров, когда люди, связанные военной присягой, имевшие внушительные послужные списки и должности, ломались на материальном вопросе, превращаясь в информаторов, двойных агентов, предателей. Каждому в душу не залезешь. «Чёрная» касса, в принципе, неплохая идея. Хорошие деньги плюс страх перед скорым, неотвратимым возмездием за предательство — лучшие стимулы лояльности и неутомимого рвения.

- Я подумаю, - сказал Алёхин, протягивая Атласу руку. - Через два дня, скажем в двадцать один ноль, ноль, приходи вот по этому адресу. Там всё обсудим детально, - Александр вложил в ладонь хакера клочок бумаги.

VPN — технология, позволяющая обеспечить безопасность с помощью зашифрованного соединения.

Парень сунул в карман джинсов бумажку и, не говоря больше ни слова, исчез в кустах. Сам Алёхин поспешил к своему мотоциклу.

Хакер

Атлас, несколько озадаченный ещё одним сюрпризом, который преподнесла ему жизнь в виде предложения Алёхина, петляя по еле заметным в траве тропинкам, вскоре оказался в глухом углу парка. Парень, оглядевшись по сторонам, сел на старую деревянную лавочку. Торопиться домой не стоило. С некоторых пор он предпочитал выходить на улицу только в часы пик, когда можно легко затеряться в толпе, или поздним вечером, изображая из себя хромого калеку, опирающегося на трость. К такому персонажу не приставали полицейские. К тому же, вероятность наткнуться на проверку документов снижалась по мере приближения ночи. У полиции в это время были другие дела, не связанные с соблюдением правопорядка. Сумерки было самое опасное время дня, особенно летом, когда улицы заполнял праздно шатающийся народ. Хотя Атлас формально в России пока был чист перед законом, однако, он справедливо полагал, что бережёного Бог бережёт. Прошлое преподало хакеру урок, и парень не хотел повторения чего-то подобного в настоящем и будущем.

- Судя по всему, родная страна наконец-то оценила мои способности, - прошептал он, криво ухмыляясь. - И выдала мне индульгенцию. Скорей всего она временная, но для моих целей это просто невероятная удача, подарок судьбы.

Атлас поёрзал, устраиваясь поудобнее, подвинулся ближе к спинке лавочки, положил локти на перекладину, поднял голову и стал смотреть в ночное небо. Сегодня он ощущал себя почти счастливым человеком. Задача, которую он когда-то поставил перед собой, и которая казалась ему ранее недостижимой, эфемерной мечтой неудачника, теперь приобретала некоторые черты конкретного плана действий. Парень отдавал себе отчёт, что потребуется не одна неделя, чтобы обдумать все детали, подробности, необходимые шаги, и что у него нет права на ошибку, но чувство тихой радости уже переполняло душу. Дело даже было не в том, что ему, ещё юному начинающему программисту, вдохновлённому примером Марка Цукерберга, в своё время удалось попасть в США через десяток промежуточных стран почти без копейки денег в кармане. Он считал, что его таланты по достоинству оценят либо в Хьюстоне, либо в пригороде Сан-Франциско — логове высокотехнологичных компаний, которое называется Кремниевой долиной. Однако, реальность оказалась для него слишком жестокой, даже безжалостной. По началу всё складывалось не так уж

плохо. Ему удалось снять угол в студенческом кампусе Стэнфордского университета, выпускники которого основали многие знаменитые компании такие, как Hewlett-Packard, Electronic Arts, Sun Microsystems, Nvidia, Yahoo, Cisco Sistems и Google. У Атласа не было денег, чтобы заплатить даже за раскладушку, поставленную для него в крохотной кладовке апартаментов одним из «вечных» студентов универа. Этот баловень судьбы оказался сыном одного из русских высокопоставленных дипломатов, которого отправили в Америку учиться уму-разуму и которому нужен был обыкновенный раб для мелких услуг, начиная от мытья машины до покупки наркотиков в ближайшем городке Пало-Альто. После шести месяцев унизительного заискивания перед каждым придурком из кампуса, Атласу удалось найти работу в самом университете. Администрации требовался уборщик в инженерную школу. Так назывался один из факультетов, где готовили специалистов в области астронавтики, биоинженерии и программирования. Атлас работал по вечерам до поздней ночи, а днём злой, не выспавшийся ухитрялся пробираться на лекции, где слушал профессоров в оба уха. А ещё он заводил полезные знакомства, благо его английский язык постоянно совершенствовался. Ещё через год Атлас оброс нужными связями, Ему даже удалось устроиться в одну из мелких, но многообещающих фирм, специализирующуюся на создании компьютерных программ для Пентагона. Но хакерская жилка, которая неожиданно пробудилась в самой глубине души, сыграла с ним злую шутку. Нет, он не занимался ничем противоправным, ему просто было интересно поболтать где-нибудь в баре о вещах, имеющих отношение ко взлому сетей, похвастаться перед сверстниками - айтишниками своими «выдающимися» способностями. И, когда Атласа арестовало ФБР, он искренне удивился. Однако, американская действительность оказалась ещё более удивительно - немилостивой. В прессе и на телевидении комментаторы соревновались, кто красочнее приукрасит возможности русских хакеров и шпионов, кто представит больше «доказательств» о вмешательстве русских во все демократические щели в попытках перетряски «грязного белья» Америки. Атласа обвинили в незаконном въезде на территорию Соединённых Штатов, подделке документов, участии во взломе серверов какой-то крупной энергетической компании, название которой сам он услышал впервые от следователей. В довесок ему приписали ещё ряд «ужасных» преступлений против американских «свобод» и национальной безопасности. До сути обвинений не смог докопаться даже адвокат, назначенный судом. В ожидании процесса Атлас просидел в следственной тюрьме ФБР округа Фримонт, штата

Колорадо девять месяцев. Его поместили в одиночную камеру, где круглые сутки горел яркий свет, не было матраса на железной койке, зато имелся разбитый, грязный унитаз, который просто вопил «Не садись на меня». Соседние помещения, по всей видимости, занимали умалишённые. За стенами постоянно слышались дикие крики, безумный, яростный бред и вопли. Когда он потребовал русского консула, ему сократили суточный рацион, отказали в кофе, чае, воде и туалетной бумаге, но принесли, очевидно в качестве издевательства, Библию, напечатанную на русском языке. Пришлось пить воду из бачка унитаза. Поэтому, когда при очередном допросе ему предложили сделку в обмен на освобождение с последующей депортацией на территорию Мексики, избитый и сломленный морально Атлас, «узнал» на всех фотографиях, которые ему подсунул следователь, лица «соучастников», физиономии своих «покровителей», подписал материалы дела, почти не вникая, кто были все эти люди и в каких преступлениях их обвиняли. Заключённого вывезли в Мексику ночью на большом чёрном внедорожнике, который даже не останавливали на границе ни американская, ни мексиканская полиция. После двадцати минут езды по пустыне, огромный внедорожник резко затормозил, дверь открыли, с Атласа сняли наручники, а затем парня вытолкнули из машины на окраине какого-то городка, причём без документов и денег, но с подарком от правительства США, той самой Библией, которую Атлас за время заключения перечитал трижды от корки до корки.

Способы, которыми он возвращался в Россию, это была отдельная, страшная история, которую Атлас даже не хотел вспоминать, однако фрагменты её часто снились ему по ночам, заставляя просыпаться в мокрой от пота постели. Но именно в Мексике, стоя на тёмной улице маленького городка у столба, где горела тусклая лампа, наверное, единственная в округе, и, глядя на огромное мачете в руках человека, который что-то зло говорил другому, обшаривающему карманы Атласа, парень поклялся, что кто-то в Америке ответит за всё это. Неважно кто именно, неважно как. Первая идея, которая пришла ему в голову, прежде чем мексиканцы стали избивать странного гринго, состояла в том, чтобы найти лазейки в защите серверов американской финансовой системы, чтобы обрушить её. За время, проведённое в тюрьме, он понял — самое дорогое для американцев это деньги, а самое ужасное — остаться без цента в кармане. Атлас решил, что вплотную займётся хакерством, если выберется из переделки живым. Ему повезло. Пара тумаков от грабителей, резаная рана на бедре, плюс кровоподтёк на скуле

показались ему самой маленькой неприятностью тем более, что его карманного формата Библия валялась в пыли у самых ног. Потрёпанные страницы с русским текстом не заинтересовали грабителей. Атлас, подобрав книгу, сунул её под рубашку. С той минуты он возненавидел всех американцев с Мексикой в придачу. Долгая дорога домой удвоила его ненависть почти ко всему остальному миру. Он ненавидел сытых, лощёных мужиков разных национальностей, рассекающих на роскошных Феррари и Ламборджини пространство узких площадей Сан-Тропе и Монако. Он ненавидел одетых в белое арабов, снисходительно посматривающих поверх опущенных окон белых внедорожников на него, худого белого парня, подметающего улицы Абу-Даби. По ночам, лёжа на продавленном матрасе среди таких же, как он, бедолаг пакистанцев в ночлежке на окраине Дубаи перед тем, как забыться тяжёлым сном, он размышлял о том, сколько ещё придётся вытерпеть самой Земле, прежде чем она развалится подобно гнилому ореху. Атласа начинало тошнить, когда он видел нефтяные вышки, терриконы, выработки медных шахт, представляя все эти буры, рудники, скважины, червоточины, которые человек наделал в теле планеты. Он начал воспринимать Землю огромным живым организмом. Он не без основания полагал, что терпение планеты на исходе. Атлас видел, что всё чаще гнев природы за вырубленные леса, грязные, обмелевшие реки, новые пустоши и шрамы всевозможных разработок выплёскивался через край в виде торнадо, цунами, землетрясений, техногенных катастроф. Он всё чаще размышлял о том, что, если помочь Земле избавиться от паразитирующего на её теле человечества, это будет величайшим для планеты благом и спасением.

Алёхин старший

У деда Александра в этот день был день рождения. Хотя старик с внуком виделись очень редко, не испытывая острой необходимости в общении из-за большой разницы в возрасте, но не зайти, не поздравить «новорождённого», значило проявить неуважение, нарушив давнюю традицию. Квартира генерала «действующего резерва» ФСБ находилась в центре Москвы на бульваре рядом с Тверской улицей. Зная код домофона, Алёхин всё же нажал кнопку вызова.

- Кто? - в динамике раздался знакомый голос с требовательными нотками.

- Я. Кто же ещё?

- Думал — уже забыл о старике.

Звук отпирания электронного замка заставил капитана торопливо распахнуть дверь. Дед не любил долго давить на клавиши приборов.

В большой квартире с высокими потолками было душно и пахло старостью. Александр торопливо обнял отставного генерала, положил свой рюкзак на полку допотопной вешалки, задвинутой в угол прихожей.

- Значит, ждал? - Алёхин кивком головы указал на стол в гостиной, застеленный чистой скатертью, где стояли рюмки, чашки, заварной чайник, банка растворимого кофе и ваза с печеньем «Бакинское курабье». Центральное место занимала бутылка армянского коньяка «Царь Тигран».

- Не изменяешь своим вкусам? Пятнадцать лет выдержки. Он же сейчас дорогущий.

- Не дороже пенсии. Могу себе позволить, - проворчал дед, показывая на резной стул с высокой спинкой. - От тебя же подарка не дождёшься. Садись.

- Ты давно сам запретил подарки, - напомнил генералу Алёхин, оглядывая плечи и сутулую спину старика, обтянутую атласным тёплым халатом.

- Не люблю дни рождения. На хрена лишний раз думать, что для меня давно начался обратный отсчёт?

- А я не люблю, когда ты ворчишь без повода. Пенсионера из себя корчишь. Твоему трезвому уму можно позавидовать. И здоровьем Бог не обидел. Так, что — наливай. Выпью за твой день варенья.

- Это, что-то новое. Ты же не пьёшь.

- Есть два повода, товарищ генерал.

- Первый знаю. А второй?

- Повышение получил вместе с новым местом назначения.

- Надеюсь, не в горячей точке, - буркнул генерал, разливая коньяк. - Точек этих развелось нынче. Турки — сволочи, прибалты — шавки подзаборные, террористы разные... Паны польские с американского голоса поют. Об Украине даже говорить не хочу... Тьфу! Не так решать нужно с ними, не так. Ладно. Давай. За твою карьеру... Куда направили? - Дед ловко подцепил вилкой дольку лимона.

- Не переживай. В Москве остаюсь.

- Слушай? А ты не женился случайно на какой-нибудь из этих? - острие вилки указало на потолок.

Лицо генерала сморщилось, и было непонятно, то ли это от кислого вкуса лимона, то ли он осуждал внука.

- А, если, да? - улыбнулся Алексей.

- Две главные заповеди разведчика, - старик снова взялся за бутылку, - Зря не торопиться, и осторожность — превыше всего.

- Я пошутил. Свободен пока, словно птица.

- То-то. Нынешние девки — стервы. Не то, что в наше время. Твоя бабка за мной на край света могла поехать. Жаль только тебя родители поздно на свет произвели... Рассказывай, что это за новая работа? Впрочем, не говори. Меньше знаю, лучше сплю. Главное — ты доволен. По лицу вижу. Однако, - вилка снова поднялась в воздух. - Повторяю. Будь осторожен. В прошлые времена не каждому сослуживцу можно было доверять. А нынешние... Эх! За Рассею обидно. Какую страну просрали.

- А, ты чем занимаешься? - Алёхин взял из вазы кусочек печенья. - М-м... Свежее... Что это? - Алексей подошёл к письменному столу, где увидел кипу бумаг, прижатую массивным антикварным пресс-папье.

- Так. Ничего особенного, - смутился старик. - Этапы большого пути.

- Неужели — мемуары? -

- Смейся, смейся, - дед кончиками пальцев начал нервно выстукивать на скатерти барабанную дробь. - Тебе все записи оставлю. Чтоб ты знал, каким образом некоторые сволочи шаг за шагом сдавали страну американосам.

- Да, да, - рассеянно откликнулся Александр. - Кому ещё писать об этом?

- И не говори, - генерал, расценив слова внука, как поощрение, тяжело поднялся со стула. - Сегодняшнюю главу сегодня не покажу. Сырая ещё. А то, что уже вычитал самым тщательным образом, изволь. Па-апрошу в кабинет, - театральным жестом ветеран КГБ показал на массивную дубовую дверь с облезшим на некоторых местах лаком.

Александр украдкой взглянул на циферблат часов, спрятанных в резном деревянном корпусе, висевшем в простенке между окнами, затем покорно сел в кресло, придвинутое к огромному письменному столу. Алёхин уже решил, что остановит словоизлияния деда ровно через двадцать минут,

чтобы ретируется, но то, о чём начал говорить генерал, поглаживая сухой ладонью толстую тетрадь, похожую на бухгалтерскую книгу, сразу заинтересовало молодого офицера. Он, усевшись поудобнее, обратился в слух.

- Если ты не знаешь... Свою трудовую деятельность я начинал в Мексике обычным, заурядным референтом посольства и даже не помышлял о разведке. Начало хрущёвской оттепели было причиной смягчения системы контроля за дипломатическими работниками. Хрущёвский период даже допускал некоторое свободомыслие, не говоря уже о снижении требований к дисциплине. Молодёжь посольства иногда позволяла себе посиживать в барах, свободно общаясь с местными. И знаешь? Я часто думаю, что одно единственное, почти ничего не значащее решение, которое ты принимаешь в юности, влечёт за собой целую лавину последующих событий, меняющих всю твою жизнь... Впрочем, это лирика... Главное, что однажды в одном из таких заведений я познакомился с двумя парнями. Одного звали Фиделем Кастро, а второго - Че-Геварой.

- Ни фига себе! - не удержался от восклицания удивлённый Алексей. - Не может быть.

- Ещё, как может, - улыбнулся дед, по-прежнему держа тетрадь закрытой. - Придёт время, прочтёшь подробности наших встреч здесь. Братья Кастро в то время уже были не бедными людьми и могли себе позволить путешествовать. Мексика им очень нравилась. Итак... Поскольку испанский тогда у меня был на высоте, я трепался с ними обо всём на свете, но эти парни поразили меня своим нестандартным мышлением и предельной откровенностью. Это уже потом, в разведке, меня учили, что в основе влияния на людей должно быть умение с помощью психологических способов воздействия пробивать внешнюю оболочку личности. При первых встречах ты пока ничего не знаешь о человеке. С кем бы ни встречался за рубежом, видишь только лицо и слышишь то, что тебе говорят. Но произнесённые слова невольно заставляют тебя анализировать сказанное, составляя определённое мнение о той мировоззренческой позиции, которую твой новый знакомый декларирует. Меня позже прекрасно натаскали на такие дела.... Я не очень по газетному изъясняюсь?

- Нет, всё нормально, - улыбнулся Александр.

- Опять отвлёкся... Прости... Значит так... Только я стал общаться с Че Геварой и Фиделем, так сразу почувствовал, что они абсолютно нестандартного уровня люди. С далеко идущими планами, целями, идеями, с четко осмысленными

жизненными ценностями. Таких людей в то время было немного на Западе. В этих парнях была глубочайшая вера в необходимость перемен. Они верили, что их призвание не носит личностного характера, а должно служить национальным интересам Кубы. Пожалуй, это было главным, краеугольным камнем личной философии братьев Кастро. Они стремились изменить свое общество, государство и свой народ. Они хотели лучшей жизни для страны, которой фактически управляли американцы. Рауль и Фидель считались людьми обеспеченными, принадлежали к привилегированному классу, имели в собственности четырнадцать тысяч гектаров земли... Как у нас сейчас говорят, «были в шоколаде». А вот поди ж ты... К тому же братья закончили престижный в то время Гаванский университет. Основной их целью, как они мне объясняли, было посвятить собственную жизнь служению народу Кубы. А для этого им предстояло сломать стереотипы, изменить сознание людей и политический строй страны. Выбор заключался между строительством социализма и усовершенствованием капитализма. В условиях Кубы они пришли к выводу о необходимости встать на тернистый путь социально-экономических реформ. Братья хорошо знали труды Маркса и прочих философов-экономистов предшествовавшего марксизму периода. Поэтому все первые документы независимой Кубы носили социально-направленный характер. Оцени фразу Фиделя: «Мы не собираемся строить коммунизм, но мы и не собираемся цементировать капитализм с его пороками». Кстати, чтоб ты знал. Кубинской конституцией запрещена чрезмерная концентрация собственности в руках одного юридического или физического лица...

- Мне кажется Фидель ошибался. Частная собственность предполагает более эффективное управление и, в конечном итоге, экономическое процветание, - не удержался от замечания Алексей.

- На бумаге, мой мальчик. То, что ты сказал, хорошо только в теории, - генерал с досадой хлопнул тетрадью по столу. – Жесточайшие, всё более частые экономические кризисы с завидным постоянством сотрясают Запад, провоцируя неравенство, недовольство простых людей и снижение уровня жизни. Надеюсь - ты не будешь этого отрицать? Вот и слава Богу, - почти крикнул генерал, заметив нетерпеливую гримасу на лице внука. - Братья Кастро отнюдь не были наивными мечтателями, тем более - дураками. У кубинцев до сей поры невозможной вещью является появление монополий, однако разрешается всякая собственность: государственная, кооперативная и частная. Куба предлагает нечто похожее

на образец экономики Китая раннего периода. Специфика устройства кубинской политической модели такова, что распределение национального богатства происходит в интересах всего народа. То, что дал Господь или Природа, не может быть частной собственностью. Если, к примеру, мы в России и дальше будем идти по выбранной либералами дороге, то скоро у нас даже воздух станет частной собственностью. Будем каждому продавать по баллону кислорода в неделю. Все, что получено от Бога на нашей грешной планете (земля, вода, недра), должно принадлежать всему обществу, которое имеет право сдавать ресурсы в аренду предпринимателям на определенных условиях, не разрушая естественную социальную среду, на которой создано государство. Посмотри на Новую Зеландию. Вроде бы капиталистическая страна, но заповедник, мать её. Мудрые политики, мудрое правительство! Они охраняя, преумножают среду, унаследованную от Бога.

- Странно слышать слова о Боге от бывшего члена КПСС и бывшего руководителя аналитического управления КГБ, - снова не удержался от иронии Алёхин, чем побудил деда виновато опустить голову.

- Каюсь. Грешен. Жаль, что мудрость приходит с годами. Но ради истины должен тебе сказать, что, занимая тот пост, я пытался предотвратить то, что от меня уже не зависело...

Генерал огорчённо махнул рукой.

- Да, где там? Люди, которые берут на себя информационно-аналитическую работу в сфере прогнозов, должны быть независимы от властной структуры, заказывающей исследования. Если вы начинаете работать под чью-то диктовку, например, политической партии, то будете не исследователем, а рабом, связанным по рукам и ногам. Начнёте подгонять свой анализ под заранее сформулированные ориентиры.

- Давай откровенно, дед, - начал «заводиться» Александр. - Получается, что часть вины в развале Союза лежит на тебе и таких, как ты. Вас же было целое управление, целый Комитет Государственной Безопасности... Вы мели доступ к огромным пластам информации, которые получали из многих источников: разведка, посольства, дешифровка, перехват телефонных звонков, донесения агентуры. Ты и твои люди должны были формулировать независимую точку зрения, докладывать наверх о надвигающихся проблемах. Разве не так?

- Если отобрать у информационно-аналитической структуры свободу, она превратится в информационно-пропагандистское бюро. У нас сейчас снова так и происходит; вместо анализа с

детальным разбором «полётов», всё заменяется информационным цунами, который всегда ведет к катастрофе. Давай вспомним, чем являлся нацизм в Германии? Это была информационная, психологическая атака на нацию. Начиная с 1933 года Гитлер заставлял немецкий народ мыслить шаблонами, становиться подобием солдатской шеренги, исполняющей приказы. Тоже самое сегодня происходит, например, с Украиной, даже начинается у нас... Постой, - генерал хлопнул себя по лбу. - Судя по твоему интересу к моим откровениям, твоя новая должность связана с аналитикой?

- Вроде того, - неохотно признался Алексей.

- Тогда скажи своему начальству, что если оно хочет избежать ошибок в планировании политических, военных и разведывательных операций, то должно иметь реальную независимую аналитическую структуру, которая поможет выбрать наилучший вариант действий. Такой расклад предполагает полную свободы от «хотелок» работодателя. В твоём случае — от государства. Это первое условие. Второе. Нужно уметь управлять потоками информации. Вы не должны заглатывать все, что попадается в расставленные сети. Каждый раз, тем более, когда поступают сенсационные данные, не надо дергаться в попытке сразу докладывать наверх. Остыньте и перепроверьте.

- Ты сам прекрасно понимаешь, что «верхи» должны быть морально готовы принимать правду, - перебил генерала Алёхин.

- Знаешь? Пословица гласит: «Тяжелое, трудное время рождает сильных людей, а хорошие времена — слабых». Сильному руководителю правда глаза не выколет... Разве я не прав?

- Насчёт того, что сейчас тяжёлые времена, ты попал в точку. А, что касается нынешней власти, даже и не знаю.

- Даст Бог, Господь вразумит нынешних правителей. Жаль, что Горбачёва с Ельциным Господу так и не удалось наставить на путь истинный, - вздохнул дед. - Может, тогда и шанс у страны был бы.

- Шанс? - Алёхин, прочитавший массу литературы о причинах развала Советского союза, широко открыл глаза. - Отсюда подробнее, пожалуйста.

- Изволь! - Старик бросил взгляд на тетрадь. - Дело было в мае девяносто первого года. Мы с Крючковым ехали на машине к Ельцину, и я сказал: «Горбачев уже сдулся, как политическая фигура. Пригласят меня на вашу встречу с боссом или нет,

дело десятое. Предложите Ельцину провести новые выборы в органы власти СССР. Предложите, чтобы он возглавил не только РСФСР, а весь Советский Союз. В настоящий момент фигура Бориса Николаевича может быть объединяющей. Он в состоянии пресечь любые проявления сепаратизма, если захочет. Не нужно дробить страну. Мы — великое государство, которое может решать любые проблемы. Ельцины приходят и уходят. Рано или поздно Борис тоже уйдет, как и все люди на этой Земле. Главное— сохранить государство. Это будет величайшим достижением сегодня, когда все вокруг работают на развал. Можете доложить эту мою точку зрения в качестве мнения всего аналитического управления КГБ», - генерал в который раз тяжело вздохнул.

- Изложил Крючков это соображение или нет, я не знаю, поскольку на встрече с Ельциным я не присутствовал. Сидел в предбаннике с Бурбулисом.

- И, чем дело кончилось?

- А, ты не знаешь? - язвительно спросил дед. - Предатели, сволочи!

Старик, обойдя стол, уселся на вращающееся кресло спиной к окну.

- Представь себе. В феврале девяносто первого я, только что назначенный начальником управления КГБ, получил доступ к строго секретной внутренней информации. Почитав кое-какие документы оперативников, ужаснулся. Потом доложил Крючкову, что, дескать, мы, которым доверили защиту суверенитета страны, сидим, будто у кровати больной матери, а у неё нет шансов на выздоровление. Нельзя спасти, можно только мерить температуру, менять горчичники.

- Неужели всё было так плохо?

- Ещё хуже, чем можно сейчас представить. В то время лично перелопатив кучу аналитики, я подготовил две докладные записки о политических взглядах людей, которые играли основные роли советников в окружении Горбачева.

- Александр Яковлев и Эдуарде Шеварднадзе?

- Как это ты догадался? - с иронией спросил дед,

- Они были главными боярами при Горби.

- Угу, - кивнул генерал. - Яковлев занимался внутренними делами. Идеология, экономика, а Шеварднадзе— внешними. Материалы мне предоставили по распоряжению Крючкова,

чтобы я мог, проанализировав, обобщить эту информацию. Записку, вернее — два варианта, я исполнил каждую в единственном экземпляре, черновики должны храниться в архиве ФСБ, но я не гарантирую, что они там уцелели. Могли изъять. Если коротко, вывод был неутешительным. Эти люди не имели ничего общего с будущим социалистического строя, они в своей деятельности были ориентированы на Запад, работая в его интересах США. О мотивах предательства этой сволоты прочтёшь здесь, - отец положил ладонь на тетрадь. - Эти верные марксисты, ленинцы тесно сотрудничали с определёнными разведывательными структурами Северной Америки и Европы. Например, Шеварднадзе в то время уже перестал передавать руководству страны записи своих бесед с иностранными дипломатами.

- А, должен был?

- Конечно. Тогда существовало правило, которое никто не мог нарушить. Говорю сейчас о том периоде, когда я возглавлял Аналитическое управление КГБ. Вольница началась примерно с февраля 1991 года. Ни одной записи от министра иностранных дел уже тогда не поступало. О чем он говорил и с кем? Может, он устно что-то докладывал Горбачеву, но это было уже нарушением партийной дисциплины, всех действующих норм для людей такого ранга. Шеварднадзе с определённого времени больше не пользовался услугами собственных переводчиков. Никогда не вел беседы в зданиях советских посольств. Всегда уезжал в места нам не подконтрольные, где имелись американские переводчики. То есть он осмелился лишить государство возможности контролировать своего министра иностранных дел. Что касается Яковлева, то его деятельность давно носила открытый подрывной характер. Он руководил идеологией и в конце девяностых годов постепенно заменил всех руководителей Центрального телевидения, радио и газет. То есть к власти над целым пластом публичной информации пришла плеяда людей, которые потом организовали то, что мы называем информационной революцией, совершённой под видом «перестройки и гласности». Ты не читал публикаций тех дней? Это был ужас. Со страниц газет, с телеэкранов нам рассказывали, что в метро у нас крысы развелись по метру ростом. Что в колбасе есть останки человеческих тел. И это, не говоря уже о более серьёзных внутренних, политических вопросах. Это был полный информационный бред, но преподносили его виртуозно. Такая пропаганда предопределила трагический финал в истории огромной страны. Яковлев всячески поддерживал сепаратистские настроения во всех республиках, особенно в Прибалтике,

куда он приезжал многократно. И Яковлев, и Шеварнадзе почти открыто подогревали протестную ситуацию. Они явно были заинтересованы в развале СССР... Ты этого не знаешь... В далекие пятидесятые годы Яковлев входил в группу из пяти человек, которую направили на стажировку в США. В то время он числился в аспирантуре Академии общественных наук при ЦК партии. В Америке, в Колумбийском университете его научным руководителем был Дэвид Трумэн, один из видных антикоммунистов и политологов. Вместе с Яковлевым в Штатах стажировался Олег Калугин, небезызвестный тебе генерал КГБ. Еще трое наших стажёров там оказались по линии ГРУ. Все пятеро впоследствии стали предателями. Из донесений нашей агентуры следовало, что, ещё будучи послом в Канаде, Яковлев встречался с сотрудниками ЦРУ. Очевидно, именно в то время он был завербован, погорев на компромате, собранном во время его стажировки в США. Именно в Канаде наш пострел приобрёл вкус к дорогим вещам и тягу к тратам, несовместимым с собственной зарплатой.

- Да-а, - удивлённо протянул Алёхин. – Вот, это - номер... А, кто те, трое из ГРУ?

- Не могу сейчас сказать, фамилии вылетели из головы. Потом прочтёшь в моих записях. Главное не в этом. Яковлев, Шеварнадзе и Калугин были друзьями по жизни. Калугина я очень хорошо знал. Он являлся начальником одного из наших управлений, мы были коллегами. Слушай дальше. Что ты думаешь? Получив от Крючкова два моих документа, которые полностью разоблачали Яковлева и Шеварднадзе, Горбачев лично показал их тем же персонажам. Возможно, эти записки сохранились в архиве ФСБ за девяносто первый год. Там указан исполнитель — твой покорный слуга. В тех рапортах я предупреждал: «Эти люди в любой момент могут, выйдя из состава партийных органов, скрыться за рубежом». Но всё получилось ещё хуже... Они просто предали Родину. Мне уже в то время все стало ясно. От Горби нужна была только воля, чтобы взять под стражу обоих мерзавцев. А Крючков, будучи в приятельских отношениях с Горбачёвым, медлил, колебался. Тьфу! Сам Яковлев говорил впоследствии... Сейчас... Дай найду, - генерал снова схватил со стола увесистую рукопись и начал перелистывать страницы.

- Вот! - Воскликнул он, отыскав нужное место, - Читай. Эту сволочь за эти самые слова я бы удавил...

Алёхин пропустил мимо ушей угрозы деда, принял тетрадь у него из рук и стал читать «откровения» Яковлева:

«После двадцатого съезда партии в узком кругу ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны. Избрали простой, как кувалда, метод искажения идей позднего Ленина... Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработали, разумеется, устно, следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, идеями Плеханова, социал-демократией вместе с либерализмом уже бить по Ленину... Оглядываясь назад, могу с гордостью сказать, что хитроумная, но весьма простая тактика: механизмы тоталитаризма направить против тоталитарной системы, успешно сработала... Для пользы дела приходилось и отступать, и лукавить. Грешен. Лукавил не раз. Говорил про обновление социализма, а сам знал, к чему дело идёт».

- Ни фига себе! - растерянно прошептал Алёхин, возвращая деду тетрадь.

- Именно, - кивнул головой генерал. - Единомышленники. Сволочи. Бурбулис, Старовойтова, Шахрай... Изнутри... Кроты, сучьи дети. Предатели! А сам Горбачёв — Иуда, первый среди них.

Прерывистое, гневное дыхание старика подчёркивало тяжесть наступившей паузы.

- А, что делает нынешняя власть? - взгляд генерала был обращён к окну, закрытому плотными шторами. - Никак не поймут в Кремле... Не поставив все точки над И в делах изменников Родины, к коим я причисляю Горбачёва с Ельциным, невозможно смотреть в будущее.

- Так, вроде Путин сотню раз говорил, что развал СССР — величайшая трагедия эпохи.

- Одних слов мало. Я бы подключил сюда историческую науку, собрал бы факты — всю историю предательства страны, да выложил бы в публичное пространство. А то, гляди... Музей царю Бориске, отцу русской демократии, чёрт бы его взял, отгрохали в Екатеринбурге. За какие такие заслуги? Сотни тысяч квадратных метров. Я скажу тебе, с чьей подачи и зачем отгрохали. Это — символ незыблемости господства наших либералов западников, их своеобразная благодарность Ельцину за всю ту собственность, которую Боря передал в жадные, шаловливые ручонки. Представляешь? Многие поколения советских людей эту собственность создавали... А, взять Мишу Меченого — словоблуда. Тут недавно наткнулся на его старую статейку в американском журнале. Пишет вроде того, что мы не проиграли Штатам Холодную войну. Это, типа, мы

вместе с американцами от неё только выиграли. Придурок. Перевёртыш. Идиот без совести и чести. Выиграли, утратив треть страны, потеряв Восточную Европу, «кинув» под каток НАТО все ранее лояльные нам страны, порезали на металлолом ракеты, корабли, почти уничтожили флот, армию. Дебил! Государственный преступник.

- Но до конца же не удалось, - посмел возразить деду Алёхин. - Путин восстановил утраченное.

- Ты это специально злишь меня или дурачком прикидываешься? - вспылил старик. - Сравнил... Путин мелко плавает. Раньше никто не смел варежку открывать против Союза. Турки, вон, в семидесятых заикнулись, что, мол, перекроем Босфор. Что ответил Подгорный?

- Что?

- А то. Только попробуйте, мол. Вместо одного пролива будет несколько. Стамбула на карте больше не будет, басурманы. А ты мне тут про Путина, про мягкую силу.

- Я ни слова не сказал о мягкой силе.

- Неважно. Со своей мягкой силой мы докатились до майдана на Украине, до гражданской войны на Донбассе, до уничтожения памятников нашим воинам освободителям по всей Европе. Ты возьми... Калининградскую область, к примеру. Можно сколько угодно говорить о мягкой силе, но стоит только уйти оттуда нашему флоту, произойдёт непоправимое. Время работает против нас. Тамошнее население, особенно молодёжь, уже не ассоциирует себя с Советским Союзом, не помнят они такую страну. Регион постепенно втягивается в сферу орбиты Запада. У них там особые отношения с Польшей, Литвой и прочими шавками. А с учетом нашей экономической слабости и транспортных проблем, появляются идеи, соблазны, планы по созданию новой суверенной республики с названием «Янтарный берег». Коньяк так в пору называть. На иное мозгов не хватает. Вроде того, что не судите нас строго. Мы, мол, об этом рассуждаем не потому, что являемся сторонниками сепаратизма, а потому, что такова жизнь. Надо, мол, учесть все обстоятельства, которые пока развиваются не в пользу России. Чёрт бы их всех взял. Да ещё польско-литовская пропаганда не дремлет. Типичное компрадорское мышление. Твой Путин сидит на мине замедленного действия.

- В смысле? - вяло спросил Алёхин.

- В смысле того, что российская элита представляет собой компрадорскую, продажную буржуазную свору тупоголовых

дураков. Почему французы в своё время почти без единого выстрела сдали Гитлеру свою прекрасную, любимую Францию, хотя у них имелись все средства для защиты страны? Сильная армия, современное вооружение, необходимые ресурсы. Молчишь? Эх, чему вас только учат в институтах? Крупная и средняя французская буржуазия убедила своих генералов сдать Францию фюреру. Нашёптывали в уши военным, мол, нужно избежать лишних жертв. А на самом деле французская элита была слишком тесно связана с немецкой. А ворон ворону глаз не выклюет. Вот и легли под Гитлера. А после войны вдруг победителями оказались, мать их. С какого бодуна? Думаешь — глобализацию американцы зря придумали? Нет, милый мой. Тесное переплетение экономических связей предполагает соответствующий образ мыслей местных элит. Европейских лидеров банально покупают или шантажируют. На каждого европейского политика у американосов есть компромат. Всякие Оланды с Меркелями сразу поднимают лапки кверху, лишь бы не тронули капиталы их местных спонсоров, банковские счета, собственность. Гауляйтерами Восточной Европы поставили внуков бывших пособников фюрера. Яркий пример — Чехия и Прибалтика... Наши олигархи, чиновники — ничуть не лучше. Где у них деньги, родственнички, недвижимость, если не считать того, что есть в России? Впрочем, это риторический вопрос. Такая ситуация с властью у нас по всей стране, в каждом регионе. Да ещё коррупция. Какого губернатора не возьми...

- Да, уж, - вынужден был согласиться Алёхин. - Ты прав.

- Ещё бы. Посмотри на Приморский край. Там весь бизнес всё больше втягиваются в сферу влияния Китая, Японии и Южной Кореи. Что наших людей там привязывает к России? Одна Транссибирская магистраль? Стоимость билетов на самолеты такова, что я даже не знаю, кто туда летает, кроме командированных чиновников. Когда мне говорят, что во Владивостоке почти нет ни одной машины российского производства, я не удивляюсь. Связи с Родиной не крепнут, а рушатся. Всю рыбную продукцию гонят в Японию. В магазинах — японские, корейские, китайские товары. Что будет лет, этак, через двадцать? Недавно об этом приятель Путина Владислав Сурков говорил, что Россия держится административными обручами. В точку попал сукин сын. Не люблю его. Интеллектуал хренов... Расползается страна. При определённом повороте событий может произойти взрыв развального характера. Думаешь в Хабаровском крае митинговали в поддержку опального губернатора? Смешно... Мы совсем недавно еле сорвали планы чеченцев по созданию «Кавказского эмирата». Существовали идеи провозглашения

«Уральской Республики», даже отделения всего Юга России. Вот так, мой дорогой. В основе крепнущих, развивающихся государств лежит социально-экономическое единство. Вот, что людей сплачивает. Бисмарк сначала объединил немцев мечом и кровью, а потом Германия обрела единый хозяйственный организм. Франция, как была неделимая, такой и осталась. При Бурбонах, Наполеоне и после него французы держат себя в кулаке. А у нас в России рыхлой становится вся структура управления. Поэтому у меня на душе больше тревоги и боли, чем оптимизма. Когда я слышу, что Москва скоро будет самым крупным мусульманским городом мира, мне становится не по себе. Вот уйдут люди моего возраста, которых пока ещё тридцать пять миллионов, кто придет на их место? Какая будет судьба у страны? Кое-кто из русских людей уже от православия отрывается, уходит в ересь. Возьми Украину. Там поляки с литовскими католиками во все щели лезут. А у нас даже Православная церковь, которая всегда была фактором сплачивающим, молчит, словно в рот воды набрала. Вот такие вопросы должны поднимать аналитики, чтобы давать реальную картину руководству страны. Возможно, Путин или его преемник опомнятся, начнут слушать не только себя. Хуже всего то, что в Кремле крутятся люди, которые только поддакивают первым лицам государства. Даже в старое время шуты говорили царям правду. А у нас? Мать вашу... Володин, спикер Думы! Третий человек в системе власти. Флюгер и хамелеон. Жополиз хренов.

Генерал внимательно посмотрел на внука, словно хотел лишний раз убедиться, что тот понимает, о чём идёт речь. Однако, Алёхин, совсем недавно желавший уйти, чтобы тщательно обдумать собственные планы, сидел с несколько ошарашенным видом. Никогда ещё дед не говорил с ним о своей прошлой работе в таких подробностях.

- О чём задумался? - спросил старик, снова располагаясь в кресле за письменным столом.

- Знаешь, дедуля...

- Не называй меня этим дурацким словом, - недовольно проворчал генерал. - Тоже... Моду взял.

- Прости, прости. Больше не буду... Знаешь... Вот ты говорил про аналитику и всё такое прочее. Ты же не будешь отрицать... Ну, в плане... Вот сейчас мы практически воюем с Эрдоганом и американцами в Сирии. Может, зря мы вляпались в ближневосточное дерьмо? Всё это мне напоминает наши дела с Афганистаном. Мы прокачали ситуацию, всё учли?

- Надеюсь… Кое-что учли. Однако, ты не сравнивай афганскую войну и наше военное присутствие в Сирии. Небо и земля. Афган в то время стал катализатором приближающегося краха страны. У нас уже тогда по разным причинам не хватало ресурсов. Решение о вводе войск в Афганистан было абсолютно неожиданным для всех. Я, начальник информационно-аналитического управления внешней разведки КГБ, узнал о вторжении Сороковой армии в Афган за три часа до начала операции, когда самолеты с десантом уже были в воздухе. Никто не просчитывал последствия этой акции, и никто не понимал, что послужило мотивом для идиотского приказа. Это было чисто спонтанное эмоциональное решение Леонида Брежнева, которого поддержал министр обороны Устинов, сторонник максимального накачивания деньгами ВПК. Они вместе и забили последний гвоздь в гроб нашей военной машины в плане финансов. Если бы нам, аналитическому управлению, позволили оценить перспективы операции, мы бы высказались категорически против. Не смотря на любые осложнения вплоть до неприятностей по службе. Потому, что хорошо видимой цели в той войне не просматривалось. За каким хреном нам был нужен Афган? Британцы триста лет с ним мучились. Он вообще никому не нужен. После нас американцы туда вляпались и, что? Не знают теперь, чего со всем этим делать. Та наша бессмысленная война — следствие эмоционального перевозбуждения Брежнева, который жутко обиделся на то, что Амин казнил своего бывшего начальника Тараки, не взирая на прямые просьбы генсека КПСС сохранить мужику жизнь, выслав его в Советский Союз. Восток — дело тонкое. Азиаты есть азиаты, у них свои нравы. А нам зачем была нужна эта бойня? Мы влезли в десятилетнюю войну, которая стала предтечей гибели СССР. Сирия — другое дело. Анализируя сирийскую операцию, вижу, что у нашей власти, как ни странно, есть совершенно чёткий план действий и ясность понимания конечных целей. Там угадывается профессиональный аналитический фундамент. А, значит, Путин советовался со стариками, - генерал лукаво улыбнулся.

- Уж не с тобой-ли? - Алёхин округлил глаза.

- Давай, замнём этот вопрос для большей ясности, - уклонился от прямого ответа старик, но весь его вид говорил о том, что вопрос ему приятен. – Вот, скоро уйдём мы, верные долгу, присяге и верности государству, которого вроде бы и нет уже, кто тут останется? Недоумки, которые после выпуска из Академии разведки, не придумали ничего лучше, чем арендовать десяток Мерседесов-джипов и гонять по ночной Москве? Эти дебилы не знают, что такое честь офицера и долг

перед страной. Запомни, сынок. Чтобы достичь определённых высот на нашем с тобой поприще необходимы четыре вещи: особый склад ума, гибкое мышление, беззаветное служение Родине и абсолютная верность профессиональному долгу, когда руководствуются только интересами Отечества. А нашей стране ещё предстоят нелёгкие испытания.

- Ты сейчас о чём?

- Об Украине, конечно. Мы — на пороге полномасштабной войны с ней, а вернее со всем НАТО.

- Не может быть, - Алёхин ощутил холодок, пробежавший по спине к затылку. - Впрочем, я мало интересуюсь политикой.

- А зря, - усмехнулся генерал. - Потом, когда всё начнётся, вспомнишь мои слова.

Старик тяжело поднялся и подошёл к книжному шкафу. Достав с полки книгу, положил её рядом со своими мемуарами.

- Плоды своего труда я тебе пока дать не могу, а вот это — возьми.

- Что за книга?

- Николай Васильевич Гоголь. Том - «Переписка с друзьями». Классная вещь.

- Разве? - удивился Алёхин, перелистывая страницы взятой со стола книги. - «Мёртвые души» читал. «Тараса Бульбу» ещё в школе проходили.

- То-то и оно, что проходили. Владей и почаще заглядывай в эту книгу. Полезно. Особенно на ночь. Кладезь мудрости, перемешанной с любовью к родной стране, России... Ладно, время позднее уже. Устал я что-то. Ступай домой.

- Прости, дед. Может быть это жестоко... Последний вопрос. Только честно. Ты чувствуешь свою вину за развал Союза?

Генерал поскрёб плохо выбритый подбородок, смущённо кашлянул, потом почесал седой затылок.

- Что ж, имеешь право... Скажу тебе так... А, чего нам оставалось? Устроить военный переворот? Чем могла закончиться попытка Комитета взять власть в рассыпающейся стране? Жалкий опыт ГКЧП во главе с Янаевым говорит о том, что поздно пить Боржоми, когда печень с почками отвалились. Каким способом ещё можно было воздействовать на власть, когда на путь уничтожения наше государство толкали не заброшенные на парашютах диверсанты, а первые лица страны.

Среди них, это я уже знаю наверняка, находились прямые иностранные агенты, но они занимали столь высокие посты, что оказались совершенно вне пределов досягаемости «органов». Уж, если вырождающаяся изнутри верхушка КПСС сумела в после сталинские времена сожрать всесильного Берию, искушённого в борьбе за власть, то наш Крючков, зависимый от Яковлева, был человеком калибра значительно меньше. Не имел ни силы воли, ни силы духа. А мы, военные, делали всё, что смогли... Ладно. Двигай домой. Нечего на ночь мне душу бередить. Впрочем, постой...

Генерал тяжело поднялся, включил телевизор, настроил уровень звука на максимальный, потом подошёл к своему «рабочему» месту и взялся за столешницу, словно намереваясь сдвинуть тяжёлый дубовый стол.

- Подожди, - вскочил Алёхин, недоумевая, зачем деду двигать мебель. - Помогу.

- Пустое, - проворчал старик, довольно легко толкая стол к окну. - У меня паркет хороший, а к ножкам приклеены войлочные прокладки. И говори чуть тише.

- У тебя здесь прослушка?

- Камер нет, это точно, сам проверял, а микрофончики — не знаю. Они сейчас такие маленькие. Если не знаешь, где искать, - дед обречённо махнул рукой. - Всегда помни, бережёного Бог бережёт...

Через минуту громоздкое, резное сооружение оказалось в стороне, открывая запылённый пол с наборной паркетной мозаикой.

- Зачем прятать такую красоту? - спросил Алёхин. – Твой паркет – антиквариат, винтаж.

Генерал, хитро улыбнувшись, наклонился, присматриваясь, потом, кряхтя, с натугой встал на колени. Он нажал на какую-то неприметную дощечку. Раздался тихий шум, и часть паркета приподнялась. Алёхин заметил, что к паркету, искусно соединённому в одно целое на толстой фанере, были прикреплены небольшие телескопические домкраты, наподобие тех, которыми приподнимаются крышки багажников в автомобилях.

- Ни фига себе, - тихо удивился Алёхин. – Что я вижу? Тайник? Классно придумано. Но, постой. У тебя же сейф в спальне есть.

- Сейф — для честных воров, а здесь — самое сокровенное, - старик уже доставал из тайника какие-то толстые тетради. -

Держи! Это — довесок к моим записям и Гоголю. А то умру в одночасье, вот тогда мои бывшие коллеги перетрясут всю квартиру основательно.

- Что здесь? - Алёхин сделал попытку открыть одну из тетрадей.

- Потом всё посмотришь, - широкая ладонь генерала легла на обложку. - Подарок мой спрячь подальше. Придумай место.

- Тебе хорошо. У тебя высота потолков метра три с половиной...

- Найдёшь тайничок. Что-нибудь придумаешь. Но имей в виду. То, что там написано, и сейчас представляет определённую опасность. Подальше спрячешь, здоровее будешь. У себя хранить больше не могу. Возраст. А сейчас — ступай с Богом.

Когда Алёхин прощался с дедом, часы показывали начало двенадцатого ночи. Оказавшись дома, Александр вытащил из свёртка, куда старик сложил «подарки», томик Гоголя, положил книгу на подоконник, а рядом разместил тетради.

«Интересно, что такого нашёл дед у Николая Васильевича. Заинтриговал старик», - молодой человек торопливо заглянул в холодильник, подумал секунду и вернулся к тетрадям. - Ладно, потом почитаю классика. Интересно, что в тетрадях?».

Алёхин уселся поудобнее в кресло, включил переносной светильник, закреплённый на столешнице журнального столика, и взял в руки верхнюю в стопке тетрадь. Между обложкой и первой страницей оказался клочок бумаги, где рукой деда было написано: «Дневник Раисы Максимовны. Период: 1987 — 1998».

«Какая ещё Раиса Максимовна? - недоумевающе спросил сам себя Алёхин, оставляя на месте записку и переворачивая страницу. На следующей мелким, довольно красивым почерком он увидел записи:

«Решила вести дневник. Наконец-то... Миша говорит, что мы сейчас живём в переломный момент истории. Что нас ждут великие дела. Да я и сама это вижу. Столько событий. И каких. Пусть всё написанное останется моим внукам, новому поколению, чтобы знали... Хотя, кто-то из древних говорил: «Нет пророков в своих отечествах». Но я уже решила. Пусть... Для истории. Из первых рук... Мне бы попробовать уверовать в бога, да не получается. Это нужно ходить в церковь. А там - духота, грязь на полу, потом, ладаном пахнет, попы лохматые молитвы читают нараспев, краснея от натуги. Скучно. Может, в будущем. Когда-нибудь... Сегодня среди простого люда мода на Господа Бога пошла. Лет этак через десять буду

соответствовать. Учитель приходит тогда, когда готов ученик. А я пока не готова. Но нужно подумать над этим, уговорить мужа выстроить церковь в Форосе. Вроде храма, которые когда-то у князей были при усадьбах в имениях. Меценатом Мишу сделаю, как в старину. Михаил Сергеевич недавно обронил мимоходом, что новое место в Крыму присмотрел для постройки резиденции. Военным хочет поручить. Ладно... Дело не одного года. Мне Бог и так помогает. Даже с Мишей в нужное время свёл. Впрочем, заполучить бывшего селянина мужем оказалось делом несложным. Хотя, до восемьдесят четвёртого года я ещё сомневалась в правильности выбора. Слишком много врагов было у Миши, не смотря на поддержку Юрия Владимировича. Главным соперником тогда мне казался Гейдар Алиев. Он и сейчас, будучи в опале, не прочь нам свинью подложить...»

Алёхин изумлённо оторвал взгляд от страницы.

- Чёрт! Да тут же речь идёт о... Юрий Владимирович? Это же Андропов... Миша, Михаил Сергеевич — Горбачёв, - прошептал капитан, непроизвольно и настороженно оглядывая пустую комнату. - Боже! Это дневник Раисы Максимовны Титаренко, жены Горбачёва! Обалдеть! Хотел бы я узнать, каким образом эти записи оказались у деда?

Алёхин ещё раз внимательно осмотрел страницы, затем обложку. То, что бумага оказалась не разлинованной, а переплёт явно не носил следов качественного фабричного производства, наводило на мысль, что все листы дневника были скопированы с оригинала. Скорее всего их тщательно фотографировали, а потом уже снимки перенесли на бумагу и сшили кустарным способом.

- Вот это номер! - прошептал молодой человек, снова упираясь взглядом в мелкий почерк.

«Не могу сказать, что нам так уж сильно везло. Не хвастаясь, скажу, что существенную роль в карьере Михаила Сергеевича сыграла я. Миша по молодости звёзд особых с неба не хватал. Как же называлась его должность в колхозе? Забыла... Он сам говорил. Ах, да... Подручный машиниста комбайна. Так, вроде бы. Впрочем, отец Мишеньки, агроном, обладал природной смекалкой. За какие-то заслуги, за урожай, наверное, должны были дать орден отцу, а тот уговорил руководство района выписать награду на имя Миши. Очень мудро. Знал, что в жизни такая штука для сына лишней не будет. Вот орден со временем и пригодился. По направлению, без вступительных экзаменов сопляка орденоносца приняли в МГУ. Это у меня была золотая медаль за окончание школы, а у Миши, троечника, не

по заслугам орден Трудового Красного Знамени на пиджаке красовался. Вот так. С этой наградой, да ещё в своей шляпе он смотрелся очень импозантно. Почти все девицы на моём факультете с ума по нему сходили. Он тогда был худющий, да стеснительный. И глаза какие-то... Будто всё время сомневался в чём-то. Когда мы познакомились, мне всё время его приходилось подталкивать к «поступку». Самостоятельно не мог ни одного решения принять. Ох, уж эти его метания. Чего мне только стоило из него мужика нормального сделать...»

Алёхин бегло просмотрел страницы дневника с подробностями личной жизни, не представлявшими для него интерес, пока не наткнулся на следующее:

«Нужно быть благодарной судьбе, что после Андропова генсеком сделали Черненко. Был бы на его месте более энергичный, полный сил человек, худо пришлось бы моему Мише, а с ним и мне. Довели бы до конца расследование, материалы которого я, уже после избрания Михаила Сергеевича генсеком, приказала чекистам принести и положить мне на стол, не стать бы нам людьми, которых с честью, даже с благодарностью принимали в каждой стране Европы, не говоря уже о Вашингтоне с Лондоном. Впрочем, я даже не удивилась, когда узнала, что Михаила Сергеевича подозревали в покровительстве подпольной торговли наркотиками, о его взятках в ту пору, когда он руководил Ставропольем. Миша очень честолюбивый, неосторожный, внушаемый. Гейдар Алиев! Вот, кто был инициатором расследования. Он наушничал в Комитете госбезопасности, плёл интриги, норовил занять место Миши. Господи! Тогда уже почти всё КГБ знало, что руководящая верхушка южных республик погрязла во взятках, злоупотребляя своим положением. Но прицепились почему-то к Мише... Он мог и не знать про наркотики. Хотя, это я себе внушила, сама себя уговариваю. Знал, конечно, знал. Докладывали наверняка, но в силу слабости характера, закрывал на многое глаза. Считал, наверное, что это может испортить ему послужной список... Слава богу он уже тогда начал понимать, каким образом окружать себя преданными людьми...».

Алёхин перевернул ещё несколько страниц.

«Наконец-то я убедила Михаила Сергеевича быть смелее и не обращать внимания на происки врагов в Политбюро. Сегодня — не сталинские времена. Это древнее дурачьё в ЦК даже не динозавры, а так... Не подберу определения... Слабоумные, старые ленивые коты, не способные ловить мышей. Их бы только гладили по головкам, вручали награды, да кормили

досыта с ложки, врачи бы очки им втирали, мол, проживёте ещё лет сто, только не нужно волноваться... Крючков — протеже Саши Яковлева. Без Сашиного «одобрям» шагу не сделает. Сам Яковлев — на нашей стороне. Он — очень умный человек, не то, что Миша. И дальновидный. Ему наплевать на чины. Из наших осторожных с ним бесед я сделала вывод, что уничтожение старой, замшелой советской системы управления страной — Сашина цель. Он по духу — западный политик, демократ, либерал и прогрессивный, свободомыслящий человек. Саша укрепил меня в мысли взять на себя роль проводника западных ценностей и внушать их Михаилу Сергеевичу. С одной стороны — я, с другой — Саша. Хотя не уверена, что моя особа для Яковлева — единственный инструмент. Думаю, у такого игрока — несколько тузов в рукаве. Ну и пусть. Он использует меня, а я буду использовать его. У него есть связи среди интеллигенции, в газетах, на телевидении. В конце концов, прошло то время, когда жёны генсеков были бессловесными куклами, безвкусно одетыми бабами, погрязшими в домашних делах, жалкими тенями за спинами мужей. Почему бы мне не блистать в нарядах от Кардена где-нибудь в Европе...»

Алёхин отложил тетрадь, прошёл в ванну, умыл пылающее жаром лицо холодной водой прежде, чем вернулся к чтению:

«Декабрь 1984 года. Ура! Мы — в Англии. Нас принимают, словно коронованных особ. Вчера я видела замечательную женщину. Какое умное лицо. Всё понимающие глаза. Маргарита Тетчер, премьер-министр Великой Британии. Говорят, у неё больше власти, чем у самой английской королевы. Маргарет!!! Прекрасное имя, полное достоинства. Но я сделала вид, что мне весь этот приём не в диковинку. Хотя, не заметила никакой помпезности. Сплошное уважение и понимание исторической важности момента. Впрочем, подумаешь! Кто такая Тетчер? Пока летели в самолёте, взяла у Миши справку Крючкова и очень удивилась. Я думала Тетчер из аристократической семьи, но ошиблась, она такая же, как я. Мать — портниха, отец — торговец бакалейной лавки. Один из дедов — сапожник, второй — стрелочник на железной дороге. По-моему, в Америке говорят в этом случае так... Она сделала сама себя... Сегодня у Миши была ещё одна встреча с провинциальной Маргариткой. С некоторой долей страха муж признался мне, что предложил Тетчер разоружиться, хотя не имел на то полномочий от Политбюро. Но по совету Яковлева он решился на откровенный разговор. Затем положил на стол перед Маргарет особую секретную карту Генштаба, где были обозначены цели и траектории ракетных ударов по Британии. Миша неуверенно улыбался, вспоминая растерянное, изумлённое лицо Тетчер... Я

видела, что мой Михаил немного испуган, но и горд своим поступком... Понимаю... Он уже примерял на себя роль великого реформатора с неординарным мышлением. Мне иногда кажется, что ему доставляет удовольствие работать против системы. Даже стало немного обидно за себя. Кто его всё время подталкивал и поддерживал? Я иногда не выдерживаю, нервно беседую с ним... Мне даже приходиться повышать голос... Он иногда совершенно невозможен. Никакой благодарности... Разве не я просила свою сестру через её мужа — дипломата в Канаде, когда они приезжали в отпуск, прощупать возможности нашей поездки туда? Думаю, впечатление, которые мы произвели в Канаде, было хорошей проверкой Мишиных способностей к переговорам на высшем уровне перед встречей с Тетчер. Крючков был против встречи с Трюдо, но противодействовать не решился. О Тетчер вообще никто тогда даже и не думал... Но Яковлев сумел всё устроить... По словам Миши, он сам лично развернул карту перед изумлёнными и растерянными британцами, твёрдо сказав: «Госпожа премьер-министр! Со всем этим нужно покончить, и как можно быстрее... Хотя, мне показалось, что Маргарет много знает о Мише. Она выглядела достаточно подготовленной к такому повороту событий».

Алёхин в очередной раз перевернул страницу и наткнулся на тонкую пачку блокнотных листов с почерком деда. Очевидно, читая откровения Горбачёвой, генерал делал пометки и намеренно оставил свои записи в тетради. Александр повернул лампу так, чтобы свет падал на карандашные наброски. Некоторые места в них были помечены красными чернилами.

«В соответствии с протоколами оперативных данных сотрудников внешней разведки, контролировавших чету Горбачёвых в зарубежных поездках и на основании тщательного анализа моим Управлением тех событий, можно сделать вывод о следующем:

Первое. Приход к власти Горбачёва осуществлён с помощью внешних усилий при активном участии английской разведки. Ещё будучи первым секретарём одного из крупнейших краёв России, Ставропольского и членом ЦК, в сентябре 1971 г. чета Горбачёвых посещает Италию, якобы по приглашению итальянских коммунистов, чему не нашлось подтверждений ни в одном из документов архива МИД СССР. Изъяли? Чьё было указание? Итог поездки в Италию! Вероятно, были составлены психологические портреты нашей пары. Полученные данные уточнялись британцами во время визита Горбачёва во главе партийной делегации в Бельгию (1972 год), ФРГ (1975 год) и

Францию (1976 год). В составах принимающих сторон были замечены известные психологи, антропологи, почерковеды, специалисты в области изучения мимики и жестов. Уверен, что именно в то время была произведена оценка поведенческих шаблонов Горбачёва. Не исключено, что М. С. был завербован МИ-6 ещё в бытность руководителем Ставропольского края или даже чуть раньше.

Второе. Из донесений полковника, двойного агента Олега Гордиевского, работавшего в Лондоне до своего разоблачения в 1985 году и собиравшего информацию для нас через наших английских «друзей», Маргарет Тетчер однажды сказала: «Когда мы получили информацию о смертельной болезни и возможной близкой смерти советского лидера (речь шла о Ю.В. Андропове), то задумались о возможном приходе к власти с нашей помощью человека, благодаря которому мы сможем реализовать наши намерения. Эта уверенность основана на оценке моих экспертов, а я всегда формировала очень квалифицированные группы специалистов по Советскому Союзу, по мере необходимости способствовала дополнительной эмиграции из СССР нужных людей — знатоков механизмов назначений и карьерного роста партийной элиты Советского Союза. Таким полезным нам человеком по мнению моих советников является некто Горбачёв, который характеризуется психологами, как человек поверхностного ума, недальновидный, внушаемый, корыстолюбивый, достаточно коррумпированный и весьма честолюбивый. Он имеет хорошие взаимоотношения с большинством персонажей «старой» советской политической элиты, поэтому приход его к власти с нашей помощью теоретически и практически возможен…»

Третье. Учитывая коррупционную составляющую деятельности Горбачёва ещё на посту руководителя Ставрополья, его склонности к взяткам и роскошному образу жизни... Все эти «слабости» усилились после брака с Раисой Титаренко-Горбачёвой. Полагаю, что Михаила Сергеевича банально ежедневно и ежечасно искушали подношениями. Иначе, чем объяснить разворованные его администрацией кредиты на восемьдесят миллиардов долларов. Здесь ещё нужно вспомнить сто шестьдесят миллиардов марок, предложенных Колем за вывод советских войск из Германии. Горби согласился на шестнадцать миллиардов, но трудно поверить, что остальная сумма ему не была выплачена, часть наличными, часть на секретные счета в заграничных банках. Кроме того, многочисленные западные университеты и фонды давали Горбачёву награды, премии, дипломы, почётные степени и звания с соответствующими вознаграждениями. Все эти деньги

осели в карманах четы Горбачёвых. Хотелось бы знать, какие суммы сегодня лежат у Горбачёва на его банковских счетах в Лондоне? Вся информация легко может быть проверена сотрудниками посольства, если будет запрос по линиям МИД и разведки.

Вышеописанная внешнеполитическая «активность» Горбачёва только в одном случае передачи секретной карты Минобороны СССР в руки Маргарет Тетчер могла стоить Михаилу Сергеевичу не только карьеры, но и головы. Однако он вышел сухим из воды. Почему? Вопрос отдельного расследования, которое я надеюсь будет рано или поздно проведено...»

Усталость брала своё. Не смотря на удивление, интерес, который представляла тетрадь, на вопросы, всплывающие в сознании, глаза Алёхина начали слипаться. Он встал, принёс из спальни подушку и, не раздеваясь, лёг на диван, прижимая тетрадь к груди.

- Дневник Раисы Максимовны — это нечто, - бормотал он, устраиваясь удобнее. - Если издать всё это, то книгу можно назвать - «Последний день Помпеи». Образец болезненного тщеславия, непомерно раздутого эго и местечковой жажды власти.

Последней мыслью, которую Алёхин запомнил перед тем, как провалиться в сон, было желание снова увидеться с дедом, чтобы выяснить, за каким чёртом тот сунул ему в руки бомбу замедленного действия и почему никому из высшего руководства СССР не пришло в голову взять на себя ответственность за судьбы страны, дав указание арестовать Горбачёва...

Вся следующая неделя пролетела для капитана, как один день. Он уходил из дома рано, а приходил поздно. По ночам анализировал, что было сделано и что предстояло ещё сделать, исходя из поручений Ивана Матвеевича. Скоро Алёхину дали понять, что его план-концепцию деятельности вверенного ему подразделения одобрили на самом верху. Даже в сжатом виде документ получился не маленьким. Сто страниц печатного текста самых коротких выкладок, больше похожих на тезисы, после изучения начальством, Алёхин сжёг на глазах у двух генералов в одном из кабинетов неприметного особняка в центре Москвы. Он не стал пугать начальников лишними подробностями и специальными терминами, справедливо

полагая, что многое из сказанного в виде дополнений к тексту генералы не поймут. Зато подробные планы и схемы будущих информационных операций теперь хранились в недрах флешки, которую он прятал в новом домашнем тайнике, устроенном в спинке его собственного компьютерного кресла. За то время, которое он прожил в новом доме, Алёхин успел убедиться в абсолютной надёжности системы охраны здания, в сложности контроля доступа. И собственные «ловушки», тайно размещённые в квартире, внушали определённый оптимизм в надёжности мест хранения информации.

В один из дней последних чисел августа капитан внимательно слушал доклад своей правой руки - Атласа о проделанной *Центром исследования исторических перспектив* работе.

- «Сирийская электронная армия» — уникальная хакерская группировка, - с некоторой долей пренебрежения в голосе, объяснял Атлас. - Она начала свой «нелёгкий труд» в 2011 году, поддерживая режим Башара Асада. Группа не отличается высоким профессионализмом, однако, ей удалось атаковать огромное количество серверов довольно солидных западных организаций. На их счету – взлом сотни аккаунтов высокопоставленных политиков. В основном сирийцы используют спам, вирусы, фишинг и DoS-атаки. Сегодня группировка атакует оппозиционные ресурсы, западные СМИ и различные псевдо-правозащитные организации типа «Белых касок». Шеф! Ты слушаешь?

- Да, да, - подтвердил Алёхин, вспоминая встречу с майором из управления Двенадцать Бис ГРУ, который передал ему документы ещё по нескольким хакерским группировкам, чьи контакты удалось «засветить». - Дальше.

- А, чего дальше? Дальше — дело техники, - махнул рукой Атлас, - Установили с ними связь, затем они проверили нас на вшивость, но в итоге согласились сотрудничать. Уже есть от них кое-какая интересная информация.

- Например?

- Например, материалы переписки журналистов The Independent, The Daily Telegraph, The Daily Express, Forbes, Chicago Tribune, аналитические справки американского телеканала CBC. Кроме того, они поделились с нами паролями к личным аккаунтам Обамы и Макрона в некоторых элитных интернет-сообществах, где в удалённом доступе тусуются сливки общества. Считаю, для начала неплохо.

- Что ещё? - спросил Алёхин, наблюдая за растущим воодушевлением Атласа.

- Есть контакты с Anonymous. Слышал о нём?

- Угу. Структура с непонятным и неопределённым организационным статусом.

- Какая разница, какой у них статус? Наверняка — это группы хакеров, объединивших свои силы и возможности на временной основе. Главное результат.

- Согласен. Это они «атаковали» Пентагон?

- Точно, - восхитился Атлас. - Одна операция «Париж» чего стоит.

- Взломали несколько тысяч почтовых ящиков, принадлежащих военному крылу «Исламского государства»?

- А ты откуда знаешь? - удивился Атлас. - Уж не ты ли к этому причастен?

- Всё может быть, - с загадочным видом улыбнулся Алёхин. – Лучше скажи, о чём с Анонимусом сумел договориться?

- Так... Есть планы, - отвёл взгляд Атлас. - Они собаку съели на проникновениях в банковские структуры.

- Не пудри мне мозги. Говори по делу.

- Относительно недавно они взломали платёжные системы MasterCard, Visa и PayPal, когда последние отказались проводить платежи Джулиана Ассанжа, основателя WikiLeaks.

- Кто такой Ассанж я знаю, - нетерпеливо сказал Алёхин. - Нам, что с этого?

- Господи! Ну и тормоза у тебя, шеф. Вспомни, о чём мы говорили в парке Горького, - воскликнул Атлас.

- Тише! Чего разорался? - Поднял руку Алёхин.

- Вовсе я не ору. - понизил голос Атлас. - В Анонимусе есть спецы по взлому крупных инвестиционных и банковских серверов. Я тут набросал пару схем, определил цели. Авось, вместе с этими парнями, у нас получится что-нибудь путное, - хакер сунул в ладонь шефу клочок бумаги. - Главное, ухитриться использовать этих кое-кого в тёмную.

Корявым почерком Атласа на бумаге, сунутой в руки Алёхина, было написано:

1. Black Rock с подтверждёнными активами 6,84 триллионов долларов. Инвестиционный продукт — iShares.
2. The Vangard Group — 6,2 триллиона. Стратегия — пассивное инвестирование.
3. UBS Group — 3,26 триллиона. Имеет глобальную инвестиционную сеть по всему миру.
4. Fidelity — 3,2 триллиона. Разработала особую он-лайн платформу для торговли ценными бумагами целыми портфелями. (В составе портфелей - доходность с нулевым коэффициентом расходов и минимальными инвестиционными требованиями).
5. Bank of New York Mellon — 2.36 триллиона долларов...

- И, зачем нам эти компании вместе с цифрами? - спросил Алёхин, уже догадываясь.

- Ты хочешь спросить. Почему так мало? - Атлас скорчил гримасу человека, съевшего ложку соли. - Здесь гигантские суммы, которыми оперируют в своих делах указанные фирмы.

- Не валяй дурака, - разозлился Алёхин. - Если есть, что сказать, говори.

- Это далеко не полный список инвестиционных кампаний, имеющих дело с промышленными гигантами, IT- корпорациями, страховыми и пенсионными фондами. Они зачастую сотрудничают друг с другом, хотя и являются конкурентами. Например, любая из них может использовать свою онлайн брокерскую платформу, чтобы позволить инвесторам покупать и продавать продукты конкурирующей фирмы. А это для нас — золотое дно. Наверняка там полно дыр в защитных системах. Используя наработки Анонимус, мы заставим эти кампании поделиться с нами. Чем мы хуже, скажем Владимира Левина. Собрав команду всего из четырех человек, он из своей квартиры в Санкт-Петербурге взломал крупные счета Citibank в ряде стран, переведя на свой счет двенадцать миллионов долларов.

- Угу. В девяностых его взяли в лондонском аэропорту «Станстед» и отправили за решётку. Правда банку не удалось вернуть все деньги.

- Конечно не удалось. Бесследно пропало четыреста тысяч зелёных. Пусть это немного, но чел отсидел всего три года. А хакером был почти никаким.

- Знаю. Дилетант... В том банке до него поработали настоящие профи, а ему продали софт для входа в банковскую сеть, чтобы замести следы настоящего взлома. А этот дурачок попался. Там были украдены совсем другие суммы.

- А-а, - разочарованно протянул Атлас. – Значит, ты — в теме.

- Надеюсь, ты сам лично ещё не развил бурную хакерскую деятельность? - поднялся из-за стола Алёхин.

- Жду вашей команды, начальник, - Атлас дурашливо вскочил по стойке «смирно».

- Команды? Пока не надейся, - Алёхин подвинул список на край стола.

- Понимаю. Значит, вы не будете иметь к этому никакого отношения. Так и запишем.

- Я тебе запишу, - разозлился Алёхин. - Никакой собственной инициативы.

- Понимаю. Вы подумаете…

- Давай сменим тему, - Александр нервно зевнул. - Что у тебя ещё?

- Red Hacker Alliance, - торжествующе воскликнул Атлас. - Вероятно, самая многочисленная хакерская группировка в мире. Впрочем, неудивительно, это же Китай. По моим скромным оценкам, численность группы превышает восемьдесят тысяч человек. Если так, то для DDoS-атак им даже никакой специальный софт не нужен. Могут положить любой ресурс вручную, просто заходя на него одновременно со всех своих ип-адресов. Считается неформальной организацией, но наверняка сотрудничает с правительством КНР. В противном случае их бы уже давно не существовало. Члены этой банды причастны к атакам на крупные западные СМИ, в частности на CNN. Контакты на кое-кого в группе у меня тоже наметились.

- Отлично. Но в любом случае нужно быть осторожным. Повторяю ещё раз. Следует шифроваться с помощью иностранных прокси-серверов иранских, венесуэльских, китайских, турецких, северокорейских, а в особых случаях — прятаться за ширмой сторонних или фальшивых VPN. Я дал тебе список. Так будет безопаснее. Ни одна ниточка не должна привести к нам.

- Обижаете, шеф. Не первый день замужем.

- И на старуху бывает проруха, - обронил Алёхин. - Для подстраховки переговорю с нашими технарями. У тебя всё?

- На данный момент.

- Тогда, свободен… Чёрт! Сегодня же суббота. Который час?

- Десять вечера, - Атлас повернул к себе запястье начальника. - До понедельника?

- Если что-то срочное, звони, - Алёхин уже шёл к двери.

После двух пирожков, съеденных днём в офисе несколько часов назад, в желудке ощущалась пустота. Добравшись до дома, Александр по обыкновению достал из холодильника пакет молока, отломил от чёрствого багета изрядный кусок. Усевшись в кресло, капитан начал есть, обдумывая события недели и дальнейшие перспективы, которые сулили достигнутые на данный момент результаты. Пережёвывая хлеб, он вспомнил о томике Гоголя, подаренного дедом. Алёхин быстро поднялся, нашёл успевшую запылиться книгу, пробежал глазами оглавление, затем перелистал страницы. Раздел «Переписка с друзьями» состоял из десятка небольших глав, которые Александр быстро прочитал, делая большие глотки прямо из пакета и откусывая всё ещё вкусный хлеб. Было странно читать непривычные обороты речи, но поражала глубина, искренность и мудрость рассуждений писателя. Тот словно обращался к современникам Алёхина. Особенно понравилась глава «Занимающему важное место». Александр доел хлеб, допил молоко и заново перечитал отмеченные закладками места, где Гоголь обращался к какому-то царскому генералу, чья фамилия Алёхину абсолютно ничего не говорила.

«Во имя Бога берите всякую должность, какая б ни была вам предложена, и не смущайтесь ничем. Придется ли вам ехать к черкесам на Кавказ или занять место генерал-губернатора — вы теперь нужны повсюду. Что же до затруднительностей, о которых вы говорите, то все теперь затруднительно; все стало сложно; везде много работы. Чем больше вхожу умом в существо нынешних вещей, тем менее могу решить, какая должность теперь труднее и какая легче. Для того, кто не христианин, все стало теперь трудно; для того же, кто внес Христа во все дела и во все действия своей жизни, — все легко. Придется ли вам по-прежнему быть генерал-губернатором где-нибудь внутри России — та же христианская мудрость осенит вас. Очень знаю, что теперь трудно начальствовать внутри России — гораздо труднее, чем когда-либо прежде... Много злоупотреблений; завелись такие лихоимства, которых истребить нет никаких средств человеческих. Знаю и то, что образовался другой незаконный ход действий мимо законов государства и уже обратился почти в законный, так что законы остаются только для вида; и если только вникнешь пристально в то самое, на что другие глядят поверхностно, не подозревая ничего, то закружится голова у наиумнейшего человека... Чем больше всматриваешься в организм управления губерний, тем более изумляешься мудрости учредителей: слышно, что Сам Бог строил незримо руками государей. Все полно, достаточно,

все устроено именно так, чтобы споспешествовать в добрых действиях, подавая руку друг другу, и останавливать только на пути к злоупотреблениям. Я даже и придумать не могу, для чего тут нужен какой-нибудь прибавочный чиновник; всякое новое лицо тут не у места, всякое нововведение — ненужная вставка. А между тем нашлись же такие правители губерний, как вы сами знаете, которые пристегнули ко всему этому множество разных чиновников по особым поручениям, множество всяких временных и следственных комитетов, разложили и раздробили действия всякой должности и сбили чиновников так, что они потеряли и последние понятия о пределах точных своего поприща. Хорошо, что вы этого не сделали, потому что вы и тогда понимали это дело лучше других. Вы очень хорошо знаете, что приставить нового чиновника для того, чтобы ограничить прежнего в его воровстве, значит сделать двух воров на место одного. Да и вообще система ограничения — самая мелочная система. Человека нельзя ограничить человеком; на следующий год окажется надобность ограничить и того, который приставлен для ограниченья, и тогда ограниченьям не будет конца. Эта пустая и жалкая система, подобно всем другим системам отрицательным, могла образоваться только в государствах колониальных, которые составились из народа всякого сброда, не имеющего национальной целизны и духа народного, где неизвестны ни самоотверженье, ни благородство, а только одни корыстные личные выгоды...Не скрывайте от народа дела, объясните им всю правду. Зачем заставлять их узнавать то же самое из лживых иностранных газет и давать кружить им головы? Обнаружьте им всю правду начисто. Скажите им, что Россия, точно, несчастна, что несчастна от грабительства и неправды, которые до такой наглости еще не возносили рог свой; что болит сердце у государя так, как никто из них не знает, не слышит и не может знать. Да может ли быть иначе при виде этого вихря возникнувших запутанностей, которые застенили всех друг от друга и отняли почти у каждого простор делать добро и пользу истинную своей земле, при виде повсеместного помраченья и всеобщего уклонения всех от духа земли своей, при виде, наконец, этих бесчестных плутов, продавцов правосудья и грабителей, которые, как вороны, налетели со всех сторон клевать еще живое наше тело и в мутной воде ловить свою презренную выгоду. Когда вы это им скажете, да вслед за этим покажете, что теперь им всем предстоит сослужить истинно благородную и высокую службу царю, а именно: так же великодушно, как некогда становились в ряды противу неприятеля, так же великодушно стать теперь на неприманчивые места и должности...»

Медленно листая страницы, делая паузы, чтобы отложить в памяти прочитанное, крайне поражённый новым для себя открытием гениальной философии писателя, Алёхин добрался до главы «Нужно проехаться по России». Новые откровения Гоголя заставили снова впиться глазами в текст.

«Монастырь ваш — Россия! Облеките же себя умственно ризой чернеца и, всего себя умертвивши для себя, но не для нее, ступайте подвизаться в ней. Она зовет теперь сынов своих еще крепче, нежели когда-либо прежде. Уже душа в ней болит, и раздается крик ее душевной болезни. Друг мой! или у вас бесчувственно сердце, или вы не знаете, что такое для русского Россия. Вспомните, что когда приходила беда ей, тогда из монастырей выходили монахи и становились в ряды с другими спасать ее. Чернецы Ослябя и Пересвет, с благословенья самого настоятеля, взяли в руки меч, противный христианину, и легли на кровавом поле битвы, а вы не хотите взять поприща мирного гражданина, и где же? — в самом сердце России. Не отговаривайтесь вашей неспособностью, — у вас есть много того, что теперь для России потребно и нужно. Что ж? Разве мало мест и поприщ в России? Оглянитесь и обсмотритесь хорошенько, и вы его отыщете. Вам нужно проездиться по России. Вы знали ее назад тому десять лет: это теперь недостаточно. В десять лет внутри России столько совершается событий, сколько в другом государстве не совершится в полвека. Вы сами заметили, живя здесь, за границей, что в последние два, три года даже начали выходить из нее (России) и люди совершенно другие, не похожие ни в чем с теми, которых вы знали еще не так давно. Чтобы узнать, что такое Россия нынешняя, нужно непременно по ней проездиться самому. Слухам не верьте никаким. Верно только то, что еще никогда не бывало в России такого необыкновенного разнообразия и несходства во мнениях и верованиях всех людей, никогда еще различие образований и воспитанья не оттолкнуло так друг от друга всех и не произвело такого разлада во всем. Сквозь все это пронесся дух сплетней, пустых поверхностных выводов, глупейших слухов, односторонних и ничтожных заключений. Все это сбило и спутало до того у каждого его мненье о России, что решительно нельзя верить никому. Нужно самому узнавать, нужно проездиться по России. Это особенно хорошо для того, кто побыл некоторое время от нее вдали и приехал с не отуманенной и свежей головою. Он увидит много того, чего не видит человек, находящийся в самом омуте, раздражительный и чувствительный к животрепещущим интересам минуты. Сделайте ваше путешествие вот каким образом: прежде всего выбросьте из вашей головы все до одного ваши мненья о России, какие у вас ни есть, откажитесь

от собственных своих выводов, какие уже успели сделать, представьте себя ровно не знающим ничего и поезжайте как в новую дотоле вам неизвестную землю…Таким же самым образом, как русский путешественник, приезжая в каждый значительный европейский город, спешит увидеть все его древности и примечательности, таким же точно образом и еще с большим любопытством, приехавши в первый уездный или губернский город, старайтесь узнать его достопримечательности. Они не в архитектурных строениях и древностях, но в людях. Грешит нынешний человек, точно, несравненно больше, нежели когда-либо прежде, но грешит не от преизобилья своего собственного разврата, не от бесчувственности и не оттого, чтобы хотел грешить, но оттого, что не видит грехов своих. Еще не ясно и не совсем открылась страшная истина нынешнего века, что теперь все грешат до единого, но грешат не прямо, а косвенно. Этого еще не услышал хорошо и сам проповедник; оттого и проповедь его роняется на воздух, и люди глухи к словам его. Сказать: “Не крадите, не роскошничайте, на берите взяток, молитесь и давайте милостыню неимущим” — теперь ничто и ничего не сделает. Кроме того, что всякий скажет: “Да ведь это уже известно”, — но еще оправдается перед самим собой и найдет себя чуть не святым. Он скажет: “Красть я не краду: положи передо мной часы, червонцы, какую хочешь вещь — я ее не трону. взятку я беру только с богатого, который сам просит об этом, которому это не в разоренье; молиться я молюсь, вот и теперь стою в церкви, крещусь и бью поклоны; помогать — помогаю: ни один нищий не уходит от меня без медного гроша, ни от одного пожертвованья на какое-нибудь благотворительное заведение еще не отказывался”. Словом, он увидит себя не только правым после такой проповеди, но еще возгордится своей безгрешностью. Но если поднять перед ним завесу и показать ему хотя часть тех ужасов, которые он производит косвенно, а не прямо, тогда он заговорит другое. Сказать честному, но близорукому богачу, что он, убирая свой дом и заводя у себя всё на барскую ногу, вредит соблазном, поселяя в другом, менее богатом, такое же желание, который из-за того, чтобы не отстать от него, разоряет не только собственное, но и чуждое имущество, грабит и пускает по миру людей; да вслед за этим и представить ему одну из тех ужасных картин голода внутри России, от которых дыбом поднимется у него волос и которых, может быть, не случилось бы, если бы не стал он жить на барскую ногу, да задавать тон обществу и кружить головы другим. Показать таким же самым образом всем модницам, которые не любят никуды появляться в одних и тех же платьях и, не донашивая ничего, нашивают кучи нового, следуя за малейшим уклонением моды, — показать им, что они

вовсе не тем грешат, что занимаются этой суетностью и тратят деньги, но тем, что сделали такой образ жизни необходимостью для других, что муж иной жены схватил уже из-за этого взятку с своего же брата чиновника (положим, этот чиновник был богат; но, чтобы доставить взятку, он должен был насесть на менее богатого, а тот, с своей стороны, насел на какого-нибудь заседателя или станового пристава, а становой пристав уже невольно был принужден грабить нищих и неимущих). Велико незнанье России посреди России. Всё живет в иностранных журналах и газетах, а не в земле своей. Город не знает города, человек человека; люди, живущие только за одной стеной, кажется, как бы живут за морями. Вы можете во время вашей поездки их познакомить между собою и произвести взаимный благодетельный размен сведений, как расторопный купец, забравши сведения в одном городе, продать их с барышом в другом, всех обогатить и в то же время разбогатеть самому больше всех. Подвиг на подвиге предстоит вам на всяком шагу, и вы этого не видите! Очнитесь! Куриная слепота на глазах ваших! Не залучить вам любви к себе в душу. Не полюбить вам людей по тех пор, пока не послужите им. Какой слуга может привязаться к своему господину, который от него вдали и на которого еще не поработал он лично? Потому и любимо так сильно дитя матерью, что она долго его носила в себе, все употребила на него и вся из-за него выстрадалась. Очнитесь! Монастырь ваш, крепость ваша — Россия! С Богом же, и не бойтесь ничего! Устройте так дела, чтобы они не только при вас шли хорошо, но и после вас; чтобы не мог ничего сдвинуть ваш преемник, но вступил бы невольно уже сам в утвержденные вами границы, держась вами данного законного направления. Христос научит вас, как закалять дело накрепко и навеки. Будьте отец истинный всем вам подвластным чиновникам и каждому помогите свято и честно исполнить должность свою. Подавайте братски руку всякому освобождаться от его собственных пороков и недостатков. Еще скажу вам слово насчет любви и всеобщего расположения к себе, за которыми многие так гоняются. Заискивать любви к себе есть незаконное дело и не должно занимать человека. Смотрите на то — любите ли вы других, а не на то — любят ли вас другие. Кто требует платежа за любовь свою, тот подл и далеко не христианин... Состраданье есть уже начало любви. Уже крики на бесчинства, неправды и взятки — не просто негодованье благородных на бесчестных, но вопль всей земли, послышавшей, что чужеземные враги вторгнулись в бесчисленном множестве, рассыпались по домам и наложили тяжелое ярмо на каждого человека; уже и те, которые приняли добровольно к себе в домы этих страшных врагов душевных,

хотят от них освободиться сами, и не знают, как это сделать, и все сливается в один потрясающий вопль, уже и бесчувственные подвигаются. Но прямой любви еще не слышно ни в ком, — ее нет также и у вас. Вы еще не любите Россию: вы умеете только печалиться да раздражаться слухами обо всем дурном, что в ней ни делается, в вас все это производит только одну черствую досаду да уныние. Нет, это еще не любовь, далеко вам до любви, это разве только одно слишком еще отдаленное ее предвестие. Нет, если вы действительно полюбите Россию, у вас пропадет тогда сама собой та близорукая мысль, которая зародилась теперь у многих честных и даже весьма умных людей, то есть, будто в теперешнее время они уже ничего не могут сделать для России и будто они ей уже не нужны совсем; напротив, тогда только во всей силе вы почувствуете, что любовь всемогуща и что с ней возможно все сделать. Нет, если вы действительно полюбите Россию, вы будете рваться служить ей; не в губернаторы, но в капитан-исправники пойдете, — последнее место, какое ни отыщется в ней, возьмёте, предпочитая одну крупицу деятельности на нем всей вашей нынешней, бездейственной и праздной жизни. Нет, вы еще не любите Россию...».

Закончив чтение главы, Алёхин опустил книгу на колени и устало, со смятением в душе закрыл глаза. Он поймал себя на мысли, что начинает понимать деда, его душевную боль, вызванную развалом огромной страны, много веков собираемой русскими царями в единую, сильную империю.

«Даже Ленину и большевикам не удалось разрушить тот фундамент государственности, на котором держалась Россия, - думал капитан, перебираясь на диван. - Неужели нашей стране нужна авторитарная власть времён Петра Первого или что-то вроде режима Сталина? Чёрт его знает! Мы — действительно необычная страна и, наверное, разительно отличаемся от Запада. Нужно будет почитать материалы о времени правления Елизаветы, Екатерины Великой, Александра Первого. При Екатерине мы поставили на колени Европу, при Александре сломали шею Наполеону, хотя в России тогда процветало крепостное право. А сегодня какую-то Украину с Прибалтикой не можем привести в чувство», - продолжал размышлять Алёхин.

С чувством досады, он включил смартфон, сфотографировал несколько страниц книги, потом, дотянувшись до ноутбука, набрал в поисковой системе Яндекса слово – «Гоголь». Через минуту, мысленно ругая себя за пренебрежение в школе уроками литературы, он нашёл то, что не могла подсказать память. Писатель был потомком Остапа Гоголя – гетмана

правобережного Войска Запорожского и появился на свет в селе Сорочинцы Миргородского уезда Полтавской губернии.

- Чёрт! Родом из Украины. Вот это номер! - Воскликнул капитан, медленно перелистывая страницы книги. – Очевидно, в то время украинцы были другими.

Он стал вспоминать содержание рассказов из «Вечеров на хуторе близ Диканьки», улыбаясь рождающимся в сознании образам… Через несколько минут он понял, что засыпает. Положив томик Гоголя на пол, капитан повернулся на бок...

Глава 2. Лондон. Февраль 20... года

Джонатан Кларк — заместитель начальника директории внешней контрразведки МИ-6 посмотрел на часы, висевшие на стене его просторного кабинета, потом тяжело вздохнул. Стрелки показывали ровно десять утра... Сэр Джонатан сморщил нос и неожиданно чихнул. Британская зима с некоторых пор утомляла его. Туманы, дожди, мокрый снег, превращавший улицы в грязные сюрреалистические картины, наподобие тех, которые он видел когда-то на одной из выставок, организованной Королевской академией художеств, наводили тоску, вызывая раздражение. В такие дни добираться до Воксхолл-Бридж на личной машине было непростым делом. Расходы на служебный автопарк давно, постепенно урезали, поэтому в ясные весенние и летние дни Кларк в качестве средства передвижения выбирал автобус или пригородный поезд, любуясь через окна пейзажами. А вот зимние улицы, заплёванные снегом, грязью, летевшей из-под колёс автомобилей, пластами растоптанной жевательной резинки и блевотиной возле дверей пабов, рождали ностальгию по прошлому, усиливая ненависть к мигрантам, которых он считал источником всех бед Британии. Ещё раз вздохнув, он взял со стола папку с бумагами, и открыл её. Взгляд наткнулся на лист бумаги с ежедневно обновляющимся паролем доступа к внутренним серверам Ми-6. Пароль произвольно формировался главным компьютером, к которому имел доступ только сам Директор и частично системный администратор, немолодой бородатый человек, одевающийся (на строгий вкус Кларка), подобно продавцу сувениров, торгующим открытками с фотографиями королевской семьи на Трафальгарской площади. Сэр Джонатан лениво потянулся к клавиатуре служебного ноутбука и включил его. Прежде, чем он успел ввести пароль, дверь осторожно приоткрылась. В щель сунула голову секретарь — моложавая дама в костюме вызывающе бордового цвета. Худые ноги обтягивали чёрные, высокие кожаные сапоги с красными, ободранными о тротуарную плитку, массивными

каблуками. Джонатан Кларк тяжело вздохнул, мысленно проклиная странный стиль одежды, появившийся в коридорах власти с лёгкой руки Терезы Мей, затем, с плохо скрываемой иронией, спросил:

- Что-то случилось? Может, ядерная война с русскими началась?

- Нет, сэр. Ничего катастрофического.

- Тогда, в чём дело? Или у вас не работает внутренняя связь?

- Простите, сэр. В приёмной — мистер Флетчер. Он хотел переговорить с вами ещё вчера, но вы были на совещании у Директора, поэтому мистер Флетчер вас не дождался. Молодой человек говорит, что дело не терпит отлагательств.

Кларк покачал головой, словно осуждая настойчивость одного из десятков специалистов по IT безопасности, контролирующих внутреннюю сетевую активность всех офицеров разведки, имеющих доступ к информации, хранящихся на внутренних серверах Дирекции.

«Бог мой! Мне давно пора смириться с реальностью, что в МИ-6 сегодня набирают субъектов, не уважающих дисциплину, субординацию и демонстрирующих полное неуважение к начальству», - Джонатан Кларк не одобрял современной кадровой политики, в том числе, приём на работу в разведку по объявлениям в социальных сетях или с помощью баннеров, расклеиваемых в лондонской подземке, но он придал лицу соответствующее начальственное выражение и сказал:

- Пусть войдёт. И напомните мне его полное имя.

- Дэвид Флетчер, сэр.

- Запускайте.

Это слово Кларк использовал довольно часто. Причиной послужил случайно подслушанный разговор секретарши с кем-то из подчинённых, которая обронила такую фразу: «Мне жалко мальчиков-новобранцев. Они заходят к начальству, словно кролики в клетку удава. Иногда их нужно даже подталкивать в спину».

Однако Дэвид Флетчер не походил на жертву для заклания. Парень выглядел довольно уверенно. Только бегающий взгляд на бледном лице подсказал Кларку, что его подчинённый очень взволнован.

- В чём дело, Дэвид? - спросил заместитель начальника Директории, всем своим видом показывая недовольство. -

Нельзя было решить вашу проблему на более приемлемом для вас уровне?

- Простите, сэр, - молодой человек взялся за спинку кресла, стоящего у стола, но не дождавшись приглашения сесть, нервным движением достал из кармана брюк носовой платок, чтобы вытереть потный лоб. - Прежде чем пройти по всей иерархической лестнице, я решил, что будет лучше, если вы первым узнаете о чрезвычайном происшествии, - длинная тирада помогла Флетчеру справиться с волнением.

- Чрезвычайном? - озадаченно переспросил Кларк, ощутив испарину на висках. Неприятное чувство приближения возможных неприятностей рождало сухость в горле. - Хорошо, слушаю вас.

- Проникновение, сэр?

- Проникновение? Это то, о чём я подумал? - Кларк откинулся на спинку кресла, крепко сжимая пальцами рук подлокотники.

- Боюсь, что да, сэр.

- Сработали защитные системы?

- Не все, сэр. Поэтому, никто и не придал этому вопиющему факту должного значения.

- Флетчер! Прошу без банальных фраз. Постарайтесь коротко и ясно изложить суть дела. Имейте в виду. У меня мало времени слушать всякую чепуху. К двенадцати часам утра я приглашён на совещание в Министерство обороны. Итак, у вас десять минут.

- Хорошо, сэр, - Флетчер проглотил комок, застрявший в горле, и откашлялся, поднеся платок ко рту. - Итак. Я заметил это вчера около полудня, когда большинство наших парней отправились на ланч. Вирус или даже целый рой троянов, судя по всему, успешно преодолел преграды PC Pandora*, затем SniperSpy**, проскочили мелкое сито Micro Keylogger*** и только софт DLP**** заметил неладное, но на мой взгляд ни одна из программ безопасности не смогла полностью предотвратить перемещение огромного массива информации за периметр наших серверных систем.

- За периметр? - поднял брови Кларк. - Вы уверены?

- Уверен, сэр. Никто, даже если это был двойной агент или, скажем сотрудник, ради развлечения или по глупости случайно нажавший нужные клавиши, не решился бы копировать данные на любой носитель, типа флешки, микро-SSD или любое другое

устройство. Профессионал знает, что система его тут же вычислит.

- Насколько я правильно понял, все наши супер - комбинации защитных, мониторинговых и блокирующих систем не сработали?

- Они выполнили свои функции, сэр! - с некоторой долей обиды воскликнул Флетчер, - К сожалению, никто из сотрудников кроме меня не заметил предостережение DLP о проникновении. Другой вопрос, почему не сработала блокировка.

- Боже праведный! - воскликнул Кларк, - Поздно разбираться с вашими «почему». Какая информация была похищена и кем? Если я не ошибаюсь, - это — первый случай в нашей истории?

- Первый, сэр. Все мы считали, что наши системы достаточно надёжно защищены от взлома. Но, увы. Объём украденного, судя по длительному времени сбоя систем безопасности, является весьма значительным. Что именно похищено, предстоит ещё уточнить, но для этого нужен доступ к определённым архивным файлам. Если я не ошибаюсь, дать на это разрешение — в вашей компетенции, сэр.

- Файлы похищены из архива? Час от часу не легче. Кто это сделал, хотел бы я знать?

- Программа определения адреса источника атаки уже запущена, сэр.

- Сколько нужно времени, чтобы определить, какие файлы взломаны?

- Если предоставите мне доступ к архиву, то к вечеру смогу вам сказать точно, что именно украдено.

- Считайте, что доступ, как и повышение по службе, вы уже получили, Я немедленно распоряжусь. Ступайте… К вечеру жду вас у себя в кабинете.

- Простите, а Директору вы сами доложите? - Флетчер приподнялся на носках, словно собирался немедленно броситься в кабинет руководителя Ми-6.

- С твоего позволения, сынок, я сделаю это лично, когда узнаю, что похищено и кто за этим стоит.

«Этот парень не промах, - с раздражением подумал Кларк. - Готов выпрыгнуть из ботинок и штанов, лишь бы оказаться лицом к лицу с директором сэром Янгером.

** PC Pandora — программа скрытно устанавливается в систему серверов организации и контролирует любые компьютеры и весь интернет-трафик. Делает снимки экрана, фиксирует клавиатурный ввод, действия на посещаемых веб-сайтах и прочее.*

*** Sniper Spy - производит мониторинг удалённого компьютера в режиме реального времени, делает снимки пользователя с веб-камеры компьютера, записывает звуки в помещении, где установлен компьютер, просматривает файловую систему, удалённо загружает файлы, просматривает и удаляет процессы системы и выполняет другие стандартные для шпионской программы функции.*

**** Офисная шпионская программа, которую не видно в меню, в панели задач, панели управления программами, списке процессов и в других местах компьютера, где есть возможность отслеживать работающие приложения. Она не подаёт признаков присутствия и не влияет на производительность системы, скрытно отправляет отчёт на FTP-сервер.*

***** Технологии предотвращения утечек конфиденциальной информации из информационной системы во внешний мир (и технические устройства для осуществления этой задачи). DLP-системы анализируют потоки данных, пересекающих периметр защищаемой информационной системы. Если в потоке обнаруживается конфиденциальная информация, срабатывает активная компонента системы и передача сообщения (пакета, потока, сессии) блокируется.*

Далеко за полночь Джонатан Кларк снова сидел в своём кабинете и, устало зевая, читал бумаги, принесённые в конце рабочего дня всё тем же Флетчером. Многие файлы были для Кларка неприятными откровениями. Чиновник без обиды, но с определённой долей злорадства примирял собственное эго с мыслью, что даже для него эти материалы долгое время оставались тайной. Он пока не открывал в служебном компьютере ссылки Флетчера для доступа к оригиналам украденных секретных папок, полагая, что тогда ему пришлось бы сидеть в офисе несколько суток, а то и больше. Для начала Кларк просмотрел только список файлов с необходимыми пояснениями дотошного специалиста по кибер-безопасности:

«Папки с номерами 23/687СС — 23/698СС— содержат досье на Бориса Джонсона. В этих материалах объединены результаты вербовки, агентурных разработок, внешнего наблюдения в период пребывания объекта в учебных заведениях

и восхождения по служебной лестнице. Здесь же находятся видео, аудио материалы наблюдения, файлы прослушки всех электронных устройств, принадлежащих объекту».

«Папки с номерами 12/321СС — 12/392СС содержат досье на канцлера Германии Ангелу Меркель, её близких соратников по партии, плюс аудиоматериалы телефонных переговоров немецкого канцлера, любезно переданные нам американцами из АНБ».

«Папки 48/771СС-48/789СС. Досье на Жана Клода Юнкера — Председателя Евро-комиссии».

Офицер разведки раздражённо почесал висок кончиком шариковой ручки. Весь список похищенных файлов занимал двадцать четыре листа бумаги формата А-4. Джонатан Кларк заново бегло стал просматривать печатный текст, пока не наткнулся на упоминание о файлах 002/244UCC — 002/287UCC, которые были объединены в досье под названием «Mother Theresa».

Кларк, зябко передёрнув плечами, отложил в сторону бумажные листы. Матерью Терезой в узких кругах британского истеблишмента называли премьер-министра Британии Терезу Мэй. Ещё раз заглянув в текст, словно ему хотелось убедиться, что глаза его не обманули, сэр Джонатан подумал немного, потом вытащил из кармана свой смартфон с установленном на нём особой защитой и набрал номер. Дождавшись ответа, он назначил встречу собеседнику через час, затем «зашёл» на сервер управления кадров, нашёл анкету Дэвида Флетчера, распечатал на принтере титульный лист с фотографией и домашним адресом, сунул бумагу во внутренний карман пальто, убрал документы в сейф. Через пять минут мистер Кларк покинул здание на набережной принца Альберта.

В семь часов утра полицейский патруль, вызванный человеком, прогуливающим свою собаку на одной из улиц в Лондонском районе Челси, обнаружил труп, в кармане плаща которого оказалось удостоверение одного из департаментов МИД Британии на имя Дэвида Флетчера. Молодой человек был застрелен на пороге своей квартиры, которую он снимал со своей подругой в одном из старых таунхаусов, которые ещё сохранились среди новостроек рядом со футбольным стадионом Челси.

Шесть месяцев спустя.

Сигнал вызова домофона застал Алёхина за мойкой посуды. Было раннее утро февральского воскресного дня, но Александра

заранее предупредили о госте. Капитан успел позавтракать и навести порядок на своём письменном столе, где с вечера он готовил справочные материалы, необходимые для встречи. Алёхин торопливо вытер руки, накинул сверху футболки спортивную куртку, затем подошёл к домофону.

- Кто?

- Здравствуй! Открывай!

Алексей узнал голос, нажал кнопку снятия блокировки двери подъезда и вышел из квартиры. Через минуту послышался звук движения лифта, а спустя ещё пять минут на лестничной площадке появилась сутулая фигура, облачённая в довольно потёртую дублёнку. В руках Иван Матвеевич держал видавшую виды винтажную зимнюю шапку из меха ондатры. Алёхин, пропуская начальника, отступил в сторону на пороге, и саркастически хмыкнул.

- Чего? - обернулся гость, сбрасывая на руки хозяина дублёнку.

- Простите, товарищ генерал... На вас прикид из восьмидесятых.

- Чего, чего?

- Говорю — одежда. Так одевались в эпоху моего деда.

- Откуда тебе знать, как мы, старики, одевались в молодости? - добродушно проворчало начальство.

- Люблю старое советское кино, - улыбнулся Алёхин. – А потом, у моего деда в шкафу такого добра – море?

- Море – это хорошо? Однако, вы, молодёжь, вроде Голливуд обожаете?

Алёхин пренебрежительно махнул рукой.

- Для недоумков. Не тот нынче Голливуд. Зомби, ужастики, апокалипсисы разные и прочая ерунда про хороших парней, спасающих мир от террористов или пришельцев. Не понимаю... Неужели самим американцам не надоело смотреть, как их собственного президента раз десять пытались похитить вместе с Белым домом в разных вариантах? Такие фильмы не для моего слабого ума и расшатанной нервной системы.

- Зря, - Иван Матвеевич, поправив на себе галстук, сел в кресло, заранее поставленное гостю хозяином возле письменного стола. - А я грешен. Люблю американское кино. Оно — зеркало разлагающейся империи.

- Разве? - Александр нерешительно топтался возле стола, поглядывая на стопки бумаг, разложенных возле ноутбука. -

Слишком пессимистическая оценка. А мне кажется - им до развала ещё далеко.

- Поживём - увидим. И не спорь с начальством. Давай-ка ближе к делу. Садись рядом. Всё прочитал? - генерал кивком головы показал на бумаги.

- Практически всё.

- Перевёл на русский? Кстати, как у тебя с английским?

- Переводил со специальным словарём отдельные места, где слишком всё наворочено. А с языком... Раньше — в пределах разумного. Но в этом году всё лето ходил на курсы. Потом на тренинг разговорный. Сейчас вроде ничего. На уровне.

- И правильно. Работа у тебя теперь такая. Совершенствуй. Это мне старику тяжело. Сам материалы лопачу с электронным переводчиком. Мне наши программисты сварганили. Без интернета работает. Впрочем, хватит лирики... Время не ждёт. Давай займёмся нашими баранами. Что скажешь про свой недавний улов?

- Подлинники. Совершенно секретная информация. Взлом серверов МИ-6 производился, типа, с территории Украины. Материал можно использовать. Особенно досье на Трампа, на Терезу Мэй, на Бориса Джонсона, на Меркель и Макрона. Что касается рыбы помельче... У нас теперь - все козыри на руках для вербовки.

- Ох уж это твоё «типа». Как бы на наш след не вышли. Впрочем, давай по порядку, - генерал взъерошил остатки седых волос на собственной голове. - Начнём с Трампа. С ним всё ясно, как божий день. Демократы сами, без нашей помощи сожрут этого ковбоя. Вопрос времени и денег. Само досье на Трампа— полный отстой. Так, по-моему, сегодня говорят. Фальшивка. Состряпал её некто Кристофер Стил — ныне отставной разведчик из МИ-6. Нам известны заказчики. Знаем, кто платил за досье. Это Национальный комитет Демократической партии и клан Клинтонов во главе с Хиллари. Сам Стил работал в Москве под дипломатической крышей три года с девяностого по девяносто третий. Потом наезжал к нам редко, а с две тысячи девятого — ни разу. Поэтому досье состряпано грубо, всё высосано из пальца. Я бы сказал — в голливудском стиле. Американцы привыкли жевать вместе с попкорном любую чушь, особенно в отношении России. Все информаторы Стила в Москве — придуманные персонажи...

- Стойте, стойте. Проститутки, которые были с Трампом в московском отеле «Ритц Карлтон» и мочились в кровать,

в которой во время визита в Москву спал Обама... Это же в духе Дональда. Он - большой любитель эпатажа. К тому же ненавидит Обаму. На мой взгляд эта информация, якобы подтверждённая горничными, вполне достоверная.

- Чушь собачья, - спокойно сказал генерал. - Кстати, давай без субординации. Сколько можно повторять? Зови меня Иван Матвеевич. Ладно? А теперь подумай. В своём досье Стил говорит о высокопоставленных источниках. Вот, - генерал нашёл в стопке документов несколько листов бумаги, сложенных пополам, и развернул их.

- «Источник А» - высокопоставленный сотрудник российского МИДа, источник В - высокопоставленный сотрудник спецслужб, до сих пор вхожего в Кремль, источник С - высокопоставленный финансовый чиновник, источник G - высокопоставленный кремлевский чиновник». Получается, что у Кристофера Стила, ныне скромного главы небольшой консалтинговой компании «Орбис» с десятком сотрудников, включая уборщиц, есть «источники» везде, где можно и, где нельзя. В Кремле, ФСБ, МИДе, Минфине, притом на самом верху. Это называется — ни фига себе. Куда смотрит милиция? Ха! - саркастически засмеялся куратор Алёхина. - Американосам бы подумать... А на хрена всем этим людям откровенничать с каким-то Стилом, который не был в России тринадцать лет, а тут вылез, словно чёрт из коробочки? Пусть этот британец рассказал бы газетчикам, каким таким чудесным образом за короткое время он подобрался к нужным людям в Кремле, ФСБ и МИД. Не говоря уже о горничных в отеле. По моим сведениям, подтверждённым независимыми американскими журналистами, Стил был нанят демократами через компанию прокладку «Fusion GPS» в начале июня 2016 года. А свой первый отчет, тот самый, о «Похождениях Трампа в московском отеле», он представил уже 20 июня того же года. «Грандиозную работу» проделал этот Стил. В течение буквально двух недель экс-агент МИ-6 смог выяснить подробности «самой секретной операции ФСБ»! Более того, за это время придурок успел, по его словам, вывезти за границу горничных вместе с «бывшим высокопоставленным сотрудником ФСБ». Этот уже давно отставной генерал каким-то непостижимым образом оказался полностью в курсе сверхсекретной операции последнего времени и даже подтвердил ее Стилу. Как говорил Станиславский, не верю. Заметь, в досье нет никаких достоверных имён, а сплошные ляпы в мелких подробностях. Запомни, капитан. В разведке, как в настоящей журналистике, главное не получить информацию, а проверить степень её достоверности. Теперь, последнее. Тебя не удивляет, что ФБР со своими тридцатью

пятью тысячами сотрудников, «проедающими» почти девять миллиардов долларов в год, ЦРУ с огромным штатом и, прости, Господи, бюджетом в пятнадцать миллиардов, крупные американские газеты, «поднимающие» на сенсациях большие бабки, независимые журналисты, спецы из АНБ… Никому из этих структур, располагающих огромными деньгами, не удалось то, что сделал за две недели экс-разведчик Кристофер Стилл. Самым могущественным разведывательным структурам мира не подфартило найти никого: ни горничных, ни менеджера отеля, ни «высокопоставленного экс-сотрудника ФСБ». Поэтому, досье на Трампа нас должно интересовать лишь по одной причине. Как этот явный фейк теперь можно использовать против Хиллари Клинтон, чтобы насолить демократам. Нужно будет слить по твоим каналам кое-какую информацию для ФБР, которое и без того уже по требованию республиканцев планирует привлечь Стила к ответственности за ложь. Ведётся расследование. Доведут-ли до конца, увидим в ближайшее время. А пока публике рассказывают мелодраматическую историю, по которой можно снять голливудский блокбастер. Подумать только — парень за две недели построил в России фантастическую разведывательную сеть. Одного не возьму в толк. Зачем «палить» её, слоняясь по редакциям газет и болтая с журналистами? Ведь, это все равно что самому перестрелять своих агентов! Кстати, между прочим, врать агентам ФБР — это федеральное преступление… Стилу нужно учесть этот момент. Но, хватит о пустышке. Трамп нам пока не интересен. А тот хаос, который начинается в Америке, льёт воду на нашу с тобой мельницу. Демократы утопят Дональда без нашей помощи. Давай поговорим о Терезе Мэй. Что нам уже известно?

Алёхин изменил положение тела на кресле, чтобы сесть поудобнее.

- Вроде, на первый взгляд Тереза — кристально честный политик, но есть одно большое «НО». В 1977–1983 годах она была сотрудником Банка Англии, а следующие двенадцать лет - консультантом в международной Ассоциации систем клиринговых платежей. С восемьдесят шестого параллельно работала в офисе управления лондонским районом Мертон. Занималась вопросами жилищного строительства. В полученных нами материалах есть протоколы допросов десятка бизнесменов, из которых ясно, что Мэй замешана в коррупционных сделках и выводе значительных сумм в оффшоры. Когда она стала Министром внутренних дел, всю эту информацию на бумажных носителях уничтожили, но файлы сохранились на серверах МИ-6.

- Отлично! Уже кое-что. Вернее — один из рычагов давления на алюминиевую леди... Поступим так, - генерал поскрёб плохо выбритый подбородок. - Баба есть баба. У неё — семь пятниц на неделе. То она - за предоставление равных прав однополым парам, то против предоставления геям возможности усыновлять детей. Сегодня она сторонница сохранения членства страны в ЕС, а завтра выступает против дальнейшей интеграции Британии в Евросоюз. Бывший лидер консерваторов Дэвид Кэмерон, на наше счастье, затеял референдум на тему, стоит ли Британии оставаться в Европейском союзе. Следует сделать так, чтобы он проиграл референдум, а страна проголосовала за выход из ЕС. Ослабим ЕС, ослабим Британию. Есть идеи?

- Над этим нужно будет поработать, - задумчиво обронил Алёхин. - Создать сотни тысяч фальшивых аккаунтов в соцсетях, группы поддержки, переписку, лайки и всё такое... В принципе — ничего сложного.

- Отлично, - Иван Матвеевич с воодушевление хлопнул себя по коленке. - Ещё нужно учесть следующее. Британская финансовая элита надеется использовать Brexit в своих целях. Их план наглый и расчетливый, как и всё, что делают англичане. Выйти из Евросоюза, избавиться от мигрантов, диктата Брюсселя по многим политическим и экономическим вопросам, чтобы сбросить с шеи тяжёлое ярмо - платежи в общеевропейский бюджет. При этом предполагается, что Великобритания всё же сохранит для себя главный бонус - легкий доступ на европейский рынок. Сценарий - истинно англо-саксонский. Он предполагает сохранить все, что выгодно для британской экономики, но при этом ничего за это не заплатить. Мы сделаем так, чтобы эта цена была запредельно высока. Используем растущие амбиции Макрона на лидерство в ЕС, бабское упрямство Меркель, уязвлённое самолюбие Жана-Клода Юнкера.

- Главного среди евро комиссаров? Не понимаю, причём здесь он? - удивился Алёхин

- У мужика есть личные счёты к Британии, поскольку он лишился премьерского кресла в родном Люксембурге из-за шпионского скандала, в котором была замешана МИ-6. Об этом открыто писала английская пресса. Сейчас для него наступает время мести, и, зная Юнкера, думаю, что он попытается нанести максимальный ущерб англосаксам. А мы ему в этом поможем, подогревая настроения сторонников выхода через социальные сети и английскую оппозиционную прессу, - генерал посмотрел на закрытое шторами окно. - Который час?

- Одиннадцать, - Александр взглянул на свои наручные часу, лежащие справа от ноутбука.

- В двенадцать мне нужно уйти, - сказал генерал, почесав затылок. - Если есть вопросы, задавай.

- Что это был за скандал с Юнкером? Подробнее пожалуйста. Мне нужно быть в курсе, - Алёхин сделал пометку на листе бумаги со своими записями.

- История началась в самом конце прошлого года, когда появились слухи, что ещё в две тысяча седьмом шеф разведывательной службы Люксембурга Марко Милле тайно записал свою встречу с Юнкером, который в то время занимал пост премьер-министра. В декабре двенадцатого года была создана парламентская комиссия, которая начала проверять деятельность люксембургской разведки. Но самое смешное в том, что мы тоже записали переговоры Милле с Юнкером, но через нашу агентуру в Брюсселе пустили слухи в журналистской среде о причастности МИ-6 к этому делу. Подчистить за собой разведка Люксембурга или поленилась, уверенная в своей безнаказанности, или не успела. Таким образом мы запустили процесс скандала. В результате комиссия пришла к выводу, что люксембургские рыцари плаща и кинжала действительно нарушили законы страны. Они, например, прослушивали и следили, естественно, незаконно, за политиками и бизнесменами, а затем сливали информацию британцам. В архиве английской разведки оказалось около тринадцати тысяч досье на влиятельных люксембуржцев. Потом были слушания в парламенте, где Милле признался, что его люди прослушивали даже семью великих герцогов Люксембурга, подозревая герцога Жана в сотрудничестве с британской МИ-6. Милле предоставил документы, свидетельствующие, что месье Жан передавал секретную информацию англичанам. Вся прослушка осуществлялась якобы в рамках антитеррористической операции. Дальше всё покатилось, словно снежный ком. В докладе парламенту о незаконной деятельности разведки говорилось, что одна из операций в ряду многих на самом деле была оказанием помощи таинственному, неназванному публично российскому олигарху, выплатившему за некие услуги не менее таинственному испанскому посреднику десять миллионов долларов.

- Олигарха мы тоже им подсунули? - поднял брови Алёхин.

- Заметь. Не я это сказал, - усмехнулся генерал.

- И чем всё кончилось?

- Это - европейская демократия, дорогой, - генерал снова

посмотрел в окно. - Кончилось тем, чем мы и планировали. Парламентарии решили, что премьер Жан-Клод Юнкер несет политическую ответственность за то, что парламент не был вовремя проинформирован о противозаконной деятельности разведывательной службы Люксембурга. И потребовали отставки Юнкера. А тот, сделавшись через некоторое время комиссаром Еврокомиссии, затаил обиду на англичан, подозревая их в том, что они таким образом получили на премьера компромат. И теперь проблемы у Мэй начнутся в Брюсселе. Вся фишка в том, что сегодня у Лондона мало или почти нет рычагов давления на Юнкера, Макрона или Меркель. Их даже нельзя публично критиковать, поскольку это еще больше осложнит грядущие европейско-британские переговоры. Но самое смешное, что Вашингтону тоже выгодна шаткость позиций матери, мать её, Терезы. Оторвав Англию от Евросоюза, американцы не прочь заключить Британию в ещё более тесные экономические и политический объятия. Так, что скоро мы увидим интересный цирк на переговорной площадке. Европейские гиены, а с ними американцы начнут обгладывать ещё живого, но дряхлеющего британского льва. Но есть ещё один вариант развития ситуации. Возможно, выход Британии из Евросоюза инициирован американцами с далеко идущими целями, чтобы, первое, ослабить ЕС, второе — обеспечить англичанам свободу рук в конфликте между нами и Украиной. Британцы – мастера специальных, диверсионных операций. Вопросы?

- Э-э, - нерешительно и с некоторой опаской протянул Алёхин. - Простите, но - не по теме. Я тут заинтересовался эпохой Горбачёва... Хотел бы у вас выяснить роль Ельцина в развале Союза.

- Роль отцов русской демократии? Зачем тебе это и, чего тут выяснять? - нахмурился генерал. - Лично я считаю первого — Иудой, а второго... Даже не подберу определения, - генерал молчал добрую минуту. - Одному и другому до сих пор на Западе поют дифирамбы... Видишь-ли... Ладно... Сейчас уже можно... Лично я считаю, что Михал Сергеевич — недоумок и большая сволочь. Тьфу! Даже говорить о нём ничего не хочу. А вот Ельцин... На него, думаю, на Западе собрали в своё время толстое досье, где среди прочего есть психологический анализ характера. А по своей сволочной натуре этот человек — просто грязь... В его душе с детства формировался дух противоречия, который до поры подавлялся особенностями школьного, пионерско-комсомольского воспитания, а затем партийной и советской системой. Но, чем выше Борис поднимался по карьерной лестнице, тем меньше на него действовали

инструменты сдержек. В результате дух противоречия трансформировался в харизму бунтаря, этакого революционера внутри системы. Знаешь, что в своё время написала о нём берлинская газета Sueddeutsche Zeitung?

Алёхин, молча, отрицательно покачал головой.

- Оцени! - генерал откинулся на спинку кресла. - Попробую вспомнить близко к оригиналу... Вот... «После Ленина ни один другой русский политик не переворачивал так бесцеремонно страну вверх ногами». Понимаешь? Немцы это написали... История, брат, странная, даже страшная штука. Вспомни роль Распутина в падении Российской империи. Распутиным нашего времени и был Ельцин. Тут всё, словно специально, сошлось в одной точке. На одной этой чёртовой харизматической личности. Разум Ельцина уже с юности был отравлен алкоголем. Пил он безбожно. Водка, а порой и самогон, постепенно лишали его остатков рассудка. Родился он в крестьянской семье. Отец был репрессирован. Воспитывал парня дед, который часто колотил парня, как это водится в деревне. Но Бориска уже тогда имел довольно сложный, агрессивный и самолюбивый характер. Он часто дрался со сверстниками и старшими ребятами. Думаю, в ходе поножовщины лишился фаланг трёх пальцев, хотя позже утверждал, что ему их оторвало при попытке вскрыть гранату. Какая граната? Где он нашёл её на Урале? Жаль, что никто не докопался в данном случае до истины. Ну, да ладно. Есть люди, которым противопоказано быть у власти. Таким человеком и был Ельцин. Какой он к чёрту демократ? Его авторитаризм зашкаливал на самых ранних этапах его партийной карьеры. Именно поэтому он легко, словно нож в масло, вошёл в авторитарную советскую номенклатуру, а затем ревностно следовал указаниям партии. Именно он выполнил решение Политбюро, организовав снос дома Ипатьевых в Екатеринбурге, место расстрела царской семьи. Заметь. С этим делом не мог справиться или не осмелился ни один из его предшественников на посту первого секретаря Свердловского обкома КПСС. Поздний Брежнев плохо разбирался в людях. История, не знаю за какие наши грехи, возвела на самый верх политической Олимпа России Бориса Ельцина обидчивого, самолюбивого разрушителя, да ещё хронического алкоголика, падкого на лесть и восхищение его личностью. Как вспомню все выкрутасы этой пьяни во время заграничных визитов, тошно становится. А пьянка в Беловежской пуще, после которой четыре огромные республики разбежались по своим «квартирам»? Уголовное дело, между прочим, где надо было сажать и Ельцина, и всех остальных за анти - государственную деятельность. Вина советской элиты при Ельцине в том, что именно она была

главным инициатором развала Союза, совершенно не осознавая последствий. Кравчук ухватился за эту возможность, поскольку в душе хотел стать Великим гетманом Украины. Именно он уже тогда поощрял нациков, закрывая глаза на подрывную деятельность нового бандеровского подполья, завезённого из Канады. Всё покатилось вниз, как снежный ком с горы. В считанные дни оборвались все связи. Даже у российского МИДа не стало прямых контактов с Украиной, не говоря уже о президентском уровне. На Киев наши горе-руководители смотрели с пренебрежением. Мол, сами приползут. Типа, как ты говоришь, никуда не денутся. Я хорошо помню те Беловежские посиделки. Парни из охраны сборища потом мне рассказывали, что на всех документах, которые «гуляли» между «делегациями» виднелись жирные пятна от колбасы или сала. А хохлы в тот момент сами не знали, чего хотели. Потом, кто-то из них, уже не помню фамилии, предложил. «Поедем на охоту, когда чуть протрезвеем. Если убьём кабанчика, то на хрен нам нужен Союз, уходим в самостоятельное плавание. Если не убьём, крутим педали в обратную сторону, остаёмся в составе СССР».

- Видимо, убили, - мрачно сказал Алёхин

- Нашёлся среди хохлов снайпер. Русский, сволочь. Фокин его фамилия. В то время был премьер-министром Украинской ССР. С первого выстрела завалил кабана. Попал прямо в глаз. Кстати, Горбачёв предлагал этой сволочи возглавить правительство Советского Союза. Представляешь? Мало нам было прочих Иуд.

- А, Фокин, что?

- Отказался.

Иван Матвеевич устало потёр седые виски.

- Кстати, ты сам расспроси у своего деда про Горбачёва с Ельциным. Он тебе много чего может рассказать.

- У старика трудно выудить секретную информацию, - улыбнулся Алёхин. - Говорит, что презумпцию невиновности ещё никто не отменял

- Даже так? - удивился генерал. - А я, и многие из ветеранов разведки полагаем, что Ельцин был в своё время завербован и работал на США. Руководство от этого отмахивалось, но, как оказалось, зря. Однако, после заявления того же Руцкого о том, что Ельцин собирался укрываться в здании посольства США в случае, если бы его захотели арестовать после Беловежской пущи… Это уже кое о чём говорит. Предатели в случае измены всегда торопятся похвастаться перед своим хозяином. А эта

беспалая сволочь первому, кому позвонил и доложил о развале Союза, был Джордж Буш.

- Интересно бы узнать, когда его завербовали? - задумчиво спросил Александр.

- А, чёрт его знает, - развёл руками Иван Матвеевич. - Твой дед лучше в этом осведомлён. Но я думаю, что это произошло в середине восьмидесятых годов. Смотри. По-моему, в сентябре восемьдесят девятого года Боря уже являлся соперником Горбачёва на пост Генсека. И вдруг получает приглашение из Штатов — приехать, прочитать серию лекций на тему «Будущее советской демократии». Каково? Алкаша Ельцина — лекции читать. Да он тогда уже почти не просыхал. Причём пиндосы всю подготовительную работу провернули в тайне от Горбачёва. Поездку организовали с одной стороны: Новосибирский фонд социальных изобретений, который уже тогда был штатовским грантоедом, а принимающей стороной американцы сделали какую-то американскую контору, названия уже не помню. Но знаю, что та фирма действовала на основе Программы советско-американских обменов. Плюс к этому делу подключались Фонды Рокфеллера и Форда. Ну, как интересно?

- Более чем.

- Наша резидентура в Штатах докладывала, что приглашение для чёртовых лекций являлось прикрытием. На самом деле его позвали на «смотрины». Всё-таки — офигенно ценный агент. Нужно было его обнюхать, да пощупать ручками. Плюс наверняка тогда ему дали методички, проконсультировали, как отделаться от ставшего лишним в этой схеме Горби. И Бориска в Вашингтоне сразу с места в карьер стал отрабатывать «программу». Вместо скучного дела читать какие-то дурацкие, никому не нужные лекции, он начал делать заявления, за которые ему башку надо было открутить, да уже некому было.

- Например?

- Например, о неоспоримом праве республик на выход из СССР, о необходимости многопартийной системы. Есть сведения, что он уже во время той поездки заверял клан Бушей, что скоро сковырнёт Михал Сергеича.

- Ни фига себе! - воскликнул Алёхин.

- Вот тебе и «ни фига». Кстати. Во время встречи Бори с группой сенаторов неожиданно появился сам Джордж Буш вместе со своим вице-президентом... Так сказать приехали лично посмотреть на диковинку. И тогда Ельцин передал Джорджу какой-то документ из десяти пунктов на нескольких страницах. Что это за бумаги до сих пор неизвестно. Но,

думаю это был конкретный план действий агента Ельцина. Я уже не говорю о том, что после встречи с Бушем, эту сволочь принимали в американском сенатском Совете по международным отношениям. Вот это я понимаю авансы. На той встрече присутствовал сам Дэвид Рокфеллер. Затем на смотрины пожаловал Збигнев Бжезинский с кучей крупных шишек из транснациональных компаний, банков и фондов. К Ельцину в гостиницу приезжали люди Сороса, и уже не помню кто ещё, но все они представляли, да и сейчас представляют политическую и финансовую элиту США. Вот так-то, мальчик мой. Мне даже интересно, кто ему книжечку предвыборную в то время написал. «Исповедь на заданную тему»? Наверное, Чубайс с кем-то из ЦРУ отличился. И тираж я тебе скажу был не маленький. Аж целых пятьсот тысяч экземпляров. У нас такими тиражами никого до этого не печатали, кроме писателей с мировыми именами. Да и после тоже. Лев Толстой выискался. И не возражай мне, - разволновался Иван Матвеевич.

- Я не возражаю, - пожал плечами Алёхин.

- То-то, - генерал немного помолчал, остывая и собираясь с мыслями. - Я уже говорил тебе, что сразу после междусобойчика в Беловежской пуще, Бориска позвонил не кому-нибудь, а в Америку самому Бушу - старшему. Одобрения жаждал, медных труб, мать его! Доложил о проделанной работе, стало быть. Политбюро себе новое нашёл... Над придурком откровенно насмехались все мировые лидеры. А он в хмельном запале, то оркестром германской полиции при канцлере Коле дирижировал, то Ваньку валял на потеху Клинтону... Ельцину рюмка водки была дороже интересов и чести отечества. Он, ещё, сволочь, имел наглость и глупость сравнивать себя с великими императорами российскими. Я на всю жизнь запомнил его слова: «Ну, посмотрите, России просто не везет. Петр Первый не закончил реформу, Екатерина Великая не закончила реформу, Александр Второй не закончил реформу, Столыпин не закончил реформу. Я должен закончить реформу...». Тьфу! Дебил, предатель, агент чёртов! – Генерал, взволнованно поднявшись, стал собираться, укладывая в карман пиджака свою пачку бумаг. - Ладно. Хватит об Иудах. Пора мне. А то в сердце, словно кол забили. Пойду я. А ты смотри. Родине служи, как положено. Если понадоблюсь срочно, сам знаешь протокол. Будь здоров и честь имею.

В череде дней, подчинённых постепенно выработанному Алёхиным строгому порядку, в который время от времени врывались непредвиденные осложнения, пролетело ещё несколько месяцев. В одну из пятниц апреля по требованию

позвонившего ему Атласа, Александр задержался в офисе дольше обычного. Он сидел в своём кабинете в окружении пяти мониторов, устало наблюдая за работой софта, расшифровывающего файлы, которые в этот день удалось получить от хакерских группировок «Sofacy» и «APT 28». Этот материал должен был содержать данные «прослушек» структурами национальной безопасности США телефонов президента Франции Эмануэля Макрона и канцлера Германии Ангелы Меркель. Алёхин отрешённо провожал взглядом каждую всплывающую страницу, не вникая в смысл содержания документов, справедливо полагая, что вечер пятницы не самое лучшее время для тщательного анализа. Нетерпеливый стук в дверь заставил его оторваться от монитора.

- Открыто, - громко сказал Александр.

- Шеф! Это я, - улыбающееся лицо Атласа почему-то разозлило Алёхина.

- До понедельника не мог подождать? - спросил капитан.

- А сегодня, что? - Атлас оглядел кабинет, отыскивая глазами календарь.

- Пятница, чёрт тебя возьми. Порядочные люди давно дома телек смотрят.

- А я не претендую на порядочность, - улыбка хакера стала ещё шире.

- Другой бы, нормальный человек, извинился перед начальством, - проворчал Александр.

- Простите, гражданин начальник, ваше превосходительство!

Алёхин давно привык к эпатажу Атласа, поэтому спокойно сказал:

- Хватит шута включать. Что у тебя?

- Две новости.

- Хорошая и плохая? - поморщился Александр.

- Нет. Обе просто отличные.

- Если ты насчёт Sofacy, уже знаю. Хакнули сервера АНБ знатно.

- Подумаешь - хакнули. Семечки, - пренебрежительно отмахнулся Атлас. - Рассказать подробности?

- Меня интересует только одна. К нам следы не приведут?

- Зуб даю. Замели тропочку, мусор подчистили. Если на кого и выйдут, то на хохлов. Мы их использовали втёмную. По установившейся доброй традиции.

- Тогда, чего от меня нужно? - устало откинулся на спинку стула Алёхин.

- Просто посмотри на это? - Атлас жестом фокусника снял с шеи цепочку, на которой болталась миниатюрная флешка. - Твой ноут здесь?

- Держи, - Александр достал из ящика стола личный ноутбук, включил его и, повернувшись спиной к Атласу, ввёл сложный пароль. - Учти, у меня операционка Линус с моими доработками.

- Знаю, - сказал хакер, проверяя отключен ли на устройстве вай-фай и блю-туз. - Вуаля! - воскликнул он, поворачивая экран ноутбука к Алёхину.

- Что за хрень? - спросил Александр, рассеянно глядя на первую страницу какого-то файла, но уже с тревогой догадываясь, что у него перед глазами. – Это - то, о чём я подумал?

- Точно. - голос Атласа стал звучать очень тихо и все последующие фразы он произносил уже шёпотом, нервно поглядывая на окно, скрытое шторой. - Номера наших с тобой счетов в швейцарских и малазийских банках.

- Ты серьёзно? - ладонь Алёхина легла на тачпад, открывая один за другим десять страниц текста и цифр с логотипами разных банков.

- Я же тебя предупреждал, что жить на одну зарплату — это не для меня.

- Господи! - Тяжело вздохнул Алёхин, тоже перейдя на шёпот. - Час от часу не легче. И, что мне теперь с этим делать, чёрт тебя возьми.

- Принять, как данность, - покровительственно улыбнулся Атлас. - Мы же вроде договорились… Я беру на себя техническую и организационную сторону вопроса, а ты обеспечиваешь защиту, если что-то пойдёт не так.

- Чёрт, чёрт! - не сдержавшись, Алёхин ударил ладонью по столу. - Мы не о таком договаривались. - Александр снова уставился на экран компьютера и снова заговорил шёпотом, - Речь шла о создании небольшого фонда, из которого можно доплачивать нашим парням. - А тут — шесть счетов в разных банках на общую сумму, - Алёхин зашевелил губами, считая

в уме шестизначные цифры. - Господи! Да это же двадцать миллиона евро и тридцать миллионов в швейцарских франках.

- Точно. Малайзия вместе со Швейцарией пока ещё гарантируют тайну вкладов, плюс тут же оформляют ВНЖ по желанию клиента.

- Какое к дьяволу желание? - продолжал злиться Алёхин. - Постой... Никаких фамилий, имён, гражданства владельцев счетов я здесь что-то не вижу.

- Что и требовалось доказать, - победно откинулся на спинку кресла давно усевшийся Атлас. - Счета номерные. Полная инкогнита.

- Инкогнито — оно, - проворчал Алёхин, продолжая изумлённо смотреть на экран.

- Чего?

- Инкогнито — среднего рода, - взгляд капитана, наконец, сосредоточился на лице Атласа. - Ну и сволочь же ты. Если про эту аферу моё начальство узнает, я тебя просто повешу на первом же дереве, которое попадётся мне на глаза.

- Не бери в голову. Ты просил фонд поощрений, вот тебе фонд.

- Да, как мне оттуда деньги снимать, как ребятам объяснять, откуда они?

- Всё просто, - Атлас принял позу кота, чувствующего близость мыши. - Листай дальше. Здесь - список ключей для операций со счетами. Делаешь запрос — тебе присылают виртуальную номерную банковскую карту привилегированного клиента. С этой карты ты можешь... Э-э, - Атлас почесал затылок. – Вот, тут я не подумал. Пожалуй, ни в одном нашем банке денег нам не дадут... Чёрт... Ты только не волнуйся. Это дело техники. Мы же партнёры. Из каждого безвыходного положения есть по крайней мере два выхода. Откроем в Москве какой-нибудь благотворительный фонд, куда будем принимать пожертвования от самих себя. Заодно пару детских домов отремонтируем, десяток хирургических операций нуждающимся оплатим. Денег — чёрт за ночь не перетаскает. Придумаю что-нибудь. Голь на выдумки хитра

- Слушай, голь, - рука Алёхина потянулась к флешке, вставленной в гнездо USB. - Пошёл ты, куда подальше!

- Погоди, - пальцы Атласа легли на ладонь шефа. - Здесь ещё не все наши с тобой деньги.

- Что значит не всё? - Алёхин раздражённо отбросил в сторону руку партнёра.

- Открой вот этот файл, - Атлас неожиданно вскочил, придвинул к себе гаджет шефа, склонился над клавиатурой и снова повернул ноутбук экраном к Алёхину.

Тот с изумлением уставился на всплывающие один за другим скрины каких-то приложений и сайтов с графиками и столбиками цифр.

Через минуту Александр догадался, что это такое.

- Так ты, вдобавок, хакнул биржу криптовалют? - обречённо и тихо произнёс он.

- Ага, - безмятежно подтвердил Атлас. - Полгода над этим работали.

- С ума сойти, - вынужден был восхититься Алёхин. - Постой. Ты сказал «работали»?

- Не парься. У меня свои методы и свои Саши Винники*.

- И, сколько вы хакнули? - спросил Алёхин, вытирая со лба внезапно выступивший пот.

- Ты только не волнуйся, - хакер с озабоченным видом пытался поймать взгляд партнёра.

- Хорош резину тянуть. Говори уже... - обречённо поторопил Александр.

- Хакнули двумя группами в разных местах разные биржи. Наша с тобой доля — около тридцати тысяч биткоинов. Это в пересчёте на доллары будет где-то, - забормотал Атлас, подсчитывая сумму, - один биткоин сейчас торгуется в районе больше тридцати двух тысяч баксов. Значит, тридцать тысяч биткойнов... Или девятьсот шестьдесят миллионов зелёных.

- Сколько, сколько? - еле проглотил комок в горле Алёхин.

- Ты слышал.

- А ты не спятил?

- Наоборот. Жаль не побил рекорд.

- Какой рекорд? Ах, да, - спохватился Алёхин. - Если не изменяет память, в конце две тысяча тринадцатого года со счетов подпольного магазина крипты «Sheep Marketplace» было украдено девяносто шесть тысяч биткойнов. Ещё одну биржу, по-моему – «Bitfinex», взломали в августе шестнадцатого года, в результате мошенникам удалось вывести больше ста

девятнадцати тысяч BTC, что по курсу на тот момент составляло приблизительно шестьдесят пять лимонов зелени. Так, что ты точно не рекордсмен.

- По количеству коинов да, но по сумме в баксах мне нет равных, - вздёрнул подбородок Атлас.

**Александр Винник — по версии правоохранительных органов США считается основателем нелегальной биржи обмена криптовалют. По запросу США был задержан в Греции и отправлен во Францию, где в 2018 году судом ему предъявлено обвинение в отмывании денег и хищении девяти млрд. долларов. ФБР США и Россия требуют его выдачи.*

- Угу. Это только из-за роста цены на биткойн за последние три года. А ты не подумал, что нас заметут через пару недель?

- Ха-ха! Ищи ветра в поле! - победно развалился в кресле Атлас.

- Ты меня до инсульта доведёшь, - побледнел Алёхин. - Хорошо. Допустим... Тебе это удалось... Теперь рассказывай, как ты всё провернул?

- На хрена тебе знать детали? Наслаждайся моментом триумфа.

-Триумфа? Колись, недоносок! Хочу знать, в чём признаваться на допросе у следователей ФБР.

- Давай без наездов, - обиделся Атлас. - Бедного хакера обидеть легко, а я ночами не спал, не доедал, разница во времени и всё такое. В «Дарке» висел безвылазно, координировал, софт писал, тестировал, ошибки убирал. Думаешь легко было следы замести?

Физиономия Атласа действительно выражала неподдельную обиду и выглядела настолько не соответствующей кошмарному, по мнению Алёхина, моменту, что, не смотря на злость, Александр едва не рассмеялся.

- Ладно, - смирился он. - Рассказывай.

- С подробностями — выйдет долго, - насупился Атлас.

Алёхин взглянул на часы.

- Лишних не нужно. Если, что — переспрошу.

- Окей, - Атлас стёр с лица налёт обиды, глаза его заблестели. – Значит, так... Ты должен знать, что программное обеспечение

узлов сети «Биткойн» существует в двух видах: приложение с графическим интерфейсом и фоновое приложение, так называемый «демон» в Unix или в Windows. Программы могут удалённо управляться по протоколу ISON-RPC-REC. Это позволяет подключить к одному узлу несколько майнеров, создать собственный пул запросов, сконнектить узел сети с определёнными специальными веб-сайтами...

- Стой, - спохватился Алёхин. - Давай оставим в покое технические подробности. Я это уже знал, когда ты ещё не родился. Дело говори.

- Ладно, - разочаровано вздохнул хакер. - Юмор твой, считай, заценил... Если совсем коротко, то мы сначала определили список объектов, где зарегистрированы самые большие сообщества пользователей, есть ли там не очень сложные системы регистрации, верификации. Дальше начали узнавать, где недавно введены новые сервисы, где открыты новые онлайн площадки для торговли. На таких проще найти системные ошибки в защите. В результате вышли на некую «Binance» со штаб-квартирой в Гонконге. В марте две тысяча восемнадцатого эта биржа зарегистрировалась на Мальте. С начала двадцать первого года они запустили Binance Jersey — новую торговую платформу для обмена криптовалют на реальные денежные знаки, в том числе на российские рубли. Только мы решили с деревянными не связываться. Вот...

- Логично, - поощрил рассказчика Алёхин. - Дальше.

- Дальше — ещё проще. Осенью прошлого года биржа добавила площадку для торговли фьючерсами биткойна. Поэтому вероятность наличия дыр у них в софте была гипотетически возможна. В итоге мы, найдя уязвимость в шифровании кошельков, создали троянов, которые через кейлогер* взломали пароли и «увели» несколько файлов с ключами. Плюс наткнулись на ошибку обработки неподтверждённых транзакций в системах бухгалтерского учёта пары других сервисов обмена. Задача упростилась, когда мы обнаружили постоянные, в течение нескольких дней, купли-продажи или переходы некоторого количества крипты в одни и те же руки. Кому это понадобилось не знаю, но это меня вдохновило ещё на одну идею...

- Остановись, - Алёхин поднял руку. - Не совсем понимаю, зачем кому-то продавать себе и тут же покупать биткойны?

- Не тут же, а через полчаса, час... Такие операции называются хеджированием, - небрежно сказал Атлас, но заметив вопрошающий взгляд партнёра, пояснил. - Своего рода страхование рисков при ценовых колебаниях, в нашем

случае — защитный механизм суточных качелей стоимости либо биткойнов, либо традиционных валют. Крупные игроки на рынке криптовалют по большому счёту – махровые спекулянты. Для них главное: утром дёшево купить, вечером дороже продать...

- Ни фига себе, - удивился Александр. - На говне сметану собирают.

- Не скажи, - потёр руки Атлас. - Курочка по зёрнышку клюёт... При тех суммах, которыми они оперируют, зарабатываются миллионные состояния буквально за полдня на разнице курсов валют и волотильности биткоина.

Александр сокрушённо покачал головой.

- Ладно. Проехали. Дальше. Поздно уже.

- Короче, - смирился Атлас, которого просто распирало от желания рассказать все тонкости взлома биржи криптовалют «Binance». - Я нашёл способ использовать учётные данные пары взломанных компьютеров системы аудита «Binance», затем перевёл на свой, открытый там же счёт, а, по сути, купил по завышенному номиналу двадцать пять тысяч биткойнов. От предложений не было отбоя, но я брал маленькими партиями. Вся операция заняла несколько минут прежде, чем софт биржи спохватился, заподозрив неладное, и цена была приведена к значениям, установленным легальными торгами клиентов. Это тоже потребовало от биржевой системы защиты определённого времени, но поезд уже ушёл. Ту-ту.

- Что значит ту-ту? Система разве тебя не вычислила, не проследила, куда исчезли двадцать тысяч коинов?

- Думаешь, зря я на своего трояна время гробил? Я уже говорил, что все следы ведут к Сашам Винникам.

- Надеюсь, ты с Винниками не по смартфонам общался?

- Обижаешь начальник, - оскорбился Атлас. - Все Винники фальшивые, с фальшивыми учётными записями, короче — боты. Зацени другое, - Атлас сделал эффектную, почти театральную паузу.

- Что ещё? - устало спросил Алёхин.

- Пустяк... За полтора часа у меня получилось через компанию Global Gold открыть для нас он лайн металлические номерные счета в Гонконге и Сингапуре. Вот куда биткойны делись. Главное в моей операции — быстрота, оффшоры и хитроумная паутина счетов, проследить и вычислить которые невозможно. Понятно?

- Что, что? - изумлению Алёхина не было предела. - Ещё раз.

- Что слышал. В наших с тобой банковских сейфах и там, и там лежит чёртова куча драгметаллов... Номера счетов, они же – номера сейфов найдёшь на флешке. Её оставлю тебе. Итак... В хранилищах Гонконга и Сингапура в общей сложности по тысяче килограммов золота и палладия. И всё это наше.

- По тонне на брата реального золота?

*Кейлогер – клавиатурный шпион, программное обеспечение или аппаратное устройство, регистрирующее различные действия пользователя (нажатие клавиш, движение мыши) для дальнейшего перехвата информации.

- И палладия тоже. Реального, брат, реального. Успокойся. Хранилища не являются банками, значит не подчиняются банковскому регулированию, не производит обмен данными. Абсолютная секретность, плюс тайна вкладов. Никаких бумаг, вроде виртуальных сертификатов. Прямое владение, можешь даже посмотреть на своё золото. Мне видос прислали, как там всё устроено, ты обалдеешь. Хранилище – произведение искусства в сфере безопасности. Всё застраховано на любой случай. Пожар, потоп, кража, мошенничество, взлом... Если нужно, даёшь команду и твои металлы отправятся в любую точку мира. Не знаю, как ты относишься к монетам из золота.

- Чего? – потерянно спросил Александр.

- Я ещё месяц назад одно дело замутил с парой монетных дворов в разных странах. Сегодня получил подтверждение, что моя и твоя коллекции золотых монет – уже в хранилище. Если пересчитать на вес, килограммов по сто каждому.

- Я убью тебя, - вылетел из кресла Алёхин.

Через пару секунд горло Атласа оказалось в сжатом кулаке Александра, а сам хакер был прижат к стене.

- Подожди, - прохрипел партнёр. - Завещание напишу.

- Я тебе покажу завещание, - гремел Алёхин, гневно сотрясая тщедушное тело хакера.

- Хватит, хва-а-а-тит, - задыхаясь, еле пропищал Атлас. – Мы же партнёры.

Капитан, заметив помутневшие зрачки партнёра, отпустил его. Тот, потирая ладонью горло, сполз на пол.

- Ну и здоров ты, начальник.

- Молись богу, чтобы нас не вычислили.

- Не писайте кипятком, шеф. Всю операцию я продумывал больше года ещё до нашего знакомства. Кучу схем нарисовал, кучу банков, стран и финансовых компаний изучил, пока всё срослось. И, вообще, на хрена им нас вычислять? Это же себе дороже,

- В смысле? - снова повернулся к партнёру Алёхин.

- Репутация! - веско сказал Атлас. - Деловая репутация бирж. Думаю... Они уже втихую разделили убытки на всю массу своих клиентов. Подумаешь. Ну, обеднели какие-нибудь торговцы оружием или наркотиками на пару тысяч коинов. Если бы у них это был единственный актив... Кто из наркобаронов в каком-нибудь Гондурасе или Колумбии проводит аудит своих операций с биткойнами? Для них это тёмный лес. Конечно, есть у некоторых грамотные бухгалтеры, но такие боятся докладывать о потерях. Могут в пустыне или джунглях живыми закопать за то, что не доглядели.

- Тёмный лес? Господи! И этому человеку я пообещал прикрывать задницу? Твоё легкомыслие зашкаливает. А, если среди пользователей криптобирж есть, скажем, какая-нибудь гуманитарная организация?

- Ага, - небрежно взмахнул рукой Атлас. - Дом престарелых или приют для собак. Не смешите меня, шеф. Думаешь — все владельцы криптовалют — белые, пушистые? Там ворюга на ворюге сидит. Подожди, я ещё доберусь до наших доморощенных Соросов, типа Ротенберга или Потанина...

- Чего? – Алёхин опустил взгляд на свои сжатые кулаки.

- Сними розовые очки, начальник. За бугром - всё тоже самое, что и у нас. Коррупция рулит. Наши, думаешь, у кого учились? Потрогать русских золотых тельцов за вымя — большое удовольствие. Ты не с Луны свалился, случайно? Возьми любого губернатора или мэра, любого крупного чиновника в регионах. Вот, свежий пример. У полковника Захарченко — начальника службы собственной безопасности МВД сколько денег нашли? Почти десять миллиардов рублей. На одну зарплату он столько накопил? Или Лёха Улюкаев — поэт хренов, министр экономического развития? Или Миша Абызов — тоже министр. Вор, каких мало. Вывел, сволочь, за бугор больше четырёх миллиардов. Откуда бабки? Ты думаешь, чего это наш народишко такой злой на власть? Надоело! Гадом буду — найду счета какого-нибудь нашего Кисы Воробьянинова, хакну всё до копейки.

- Причём здесь Киса Воробьянинов? - устало поморщился

Алёхин. — Ты вообще читал «Золотого телёнка»? Там подпольного миллионера зовут Корейко.

- Да, без разницы? - не унимался Атлас. - Думаешь, когда Чубайс корпоративы в Роснано закатывает на государственные деньги, ему в виде откатов ничего не капает? Хотя, он и без того подпольный миллиардер. Поднял кучу бабла на приватизации. Откаты для него — семечки, на карманные расходы.

- Ладно, ладно. Хватит, - Алёхин постепенно остывал. - Молись Господу, чтобы тебе, то есть, в смысле нам, всё сошло с рук... Флешку оставь и вали отсюда. Если что-нибудь такое ещё устроишь без моего ведома, пеняй на себя.

Добравшись до дома, Алёхин долго не мог уснуть, прокручивая в голове информацию, полученную от Атласа, пока в сознании окончательно не укрепилась мысль, что он теперь богат, баснословно богат. Перед глазами плясали цифры денежных сумм, названия стран и городов, которые он давно хотел посмотреть. Он вспомнил про фотографию последней модели чоппера «Харлей-Дэвидсон», вырезанную из журнала и лежавшую в одной из книг на полке. Александр даже встал, нашёл фото и, включив ночную лампу, стал с удовольствием рассматривать стремительные обводы мотоцикла, прошитое толстыми строчками кожаное сиденье, хромированные детали обвеса. Он так и задремал, положив картинку на грудь.

Утро субботы выдалось солнечным и поначалу радостным, но снова принесло чувство тревоги. Ситуация, в которой он теперь оказался, беспокоила, даже злила Алёхина. Он постарался мысленно отпустить её, чтобы дать себе возможность постепенно привыкнуть к новой реальности, переключив свои мысли на что-то другое. О работе думать не хотелось, поскольку Александр ощущал определённую долю вины перед начальством, перед всеми, кто работал вместе с ним. Но, что-то, какая-то мысль, весь вечер ускользавшая от него, не давала покоя. Он ещё раз попытался представить то количество золота, о котором ему говорил Атлас. Внезапно Алёхин понял, почему его партнёр якобы не подумал о возможности свободно распоряжаться деньгами в России. Вернее, Александр теперь был совершенно уверен, что у самого Атласа такая возможность есть, а вот сам он, Алёхин, теперь будет на крючке, в некоторой зависимости от хакера. Тот придумает тысячу причин, чтобы оттянуть момент, когда Алёхин получит личный доступ к счетам и сейфам. Скорее всего Атлас таким образом даёт понять своему работодателю, что он, совсем ещё недавно скрывавшийся кибер-преступник, приобрёл определённую власть над своим шефом. С этой минуты Александр не сомневался, что хакер задумал ещё какую-

то сомнительную операцию, которая в будущем сулит тяжёлые последствия и неприятности. Просто Атласу нужно время. Над этой ситуацией стоило подумать.

Алёхин тяжело вздохнул, осознавая поражение и невозможность пока ничего изменить. Ему, вдруг, захотелось увидеть Наташу, ту самую девушку, с которой он обошёлся так незаслуженно и грубо. Сегодня капитан вынужден был признаться, что время от времени, даже чаще, чем прежде, он думал о своей бывшей подруге, осознавая, что вместе с чувством вины, поселившимся в его душе, там есть ещё и запоздалое раскаяние.

- Сволочь ты, Алёхин, - прошептал он, выходя из ванной, где долго стоял под струями холодной воды, надеясь, что озноб поможет ему справиться со злостью на самого себя.

Он посмотрел в окно. Солнце светило вовсю, пожирая остатки снега в укромных уголках дворов и улиц. Почти везде на газонах, особенно там, где проходили теплотрассы, уже пробилась свежая зелёная трава. Дорожное покрытие чернело пятнами недавно уложенного нового асфальта, на котором заметно выделялась белая краска разметки.

«Господи! Весна! Наконец-то», - мысленно воскликнул Алёхин, будто впервые увидел картину за окном.

Александр бросил взгляд на фотографию мотоцикла, валявшуюся на ковре, и вспомнил про свой Харлей, стоявший всю зиму на стоянке подземной парковки.

«Интересно, сезон уже открыли? – Алёхин вспомнил о тусовках мотоклуба «Ночные волки».

Капитан включил компьютер, нашёл на рабочем столе экрана иконку клуба, затем дважды щёлкнул по ней левой кнопкой мыши. Оказалось, что байкеры собирались официально открывать сезон именно сегодня. Александр, поднявшись на ноги, начал торопливо одеваться. Через пятнадцать минут он вывел свой чоппер на улицу. Свежий ветер упруго толкнул его в грудь, когда Алёхин почти до упора крутанул ручку акселератора на себя. Ещё через полчаса он уже въезжал в ворота клуба, где тусовка набирала обороты. Группы людей, одетых преимущественно в кожаные куртки, толкались возле мотоциклов. Оживлённо переговариваясь, они шутили, ругались, курили, жевали резинку, осматривали чопперы, бросали покровительственные взгляды на байки новичков, сравнивая технические характеристики техники и оценивая тюнинговые навороты. Алёхин жадно, полной грудью вдыхал весенний, тёплый воздух, смешанный с запахами бензина, масла,

кожи, дешёвого парфюма, табачного дыма и пота. Побродив среди байкеров, поговорив с редкими знакомыми, с которыми он встречался когда-то в клубе или в сервис-центрах и, услышав призывы к выезду, Александр торопливо пошёл к своему мотоциклу. Протиснувшись между двумя бородатыми, пузатыми верзилами, он увидел свой Харлей. Рядом с мотоциклом, спиной к тусовке стояла девушка. Длинные ноги, обтянутые джинсами, красная кожаная куртка, шлем, ярко расписанный цветочным узором и болтающийся на сгибе локтя, притягивали взгляды многих парней. Знакомая посадка головы, русые волосы заставили Алёхина ускорить шаг. В этот момент девушка обернулась. Александр узнал Наташу. Она тоже сфокусировала свой взгляд на лице Алёхина. Её длинные ресницы дрогнули, а потом распахнулись шире.

- Ба-а! Какие люди и без охраны, - медленно, с презрительной иронией произнесла Наташа. - То-то я смотрю — знакомый чоппер. - Сколько лет, сколько зим?

- Привет, - растерянно сказал Алёхин. - А ты, что здесь делаешь? Как здесь оказалась?

- А ты думал, что я, как верная собака, сижу до сих пор на крыльце твоей дачи и жду хозяина?

- Ничего я не думаю, - помимо своей воли начал злиться капитан. - Ключи от дома с собой?

- На хрена они мне сдались? Или ты полагаешь, что я там всё это время резала ножом твои вещи или колошматила посуду? Под крыльцом дома твой ключ лежит, где хозяином предписано.

- Да, ладно тебе, - Алёхин, сняв с руля мотоцикла свой шлем, начал нервно теребить застёжку. - Ну, прости. Сволочь я. Обстоятельства, и вообще... Столько дел навалилось.

- Конечно, - насмешливо согласилась Наташа. - Столько дел, ещё больше обстоятельств. К чёрту твои обстоятельства! Ты имел наглость смыться, словно дерьмо в унитазе, ничего не объяснив, не попрощавшись, не оставив даже записки. Так кошек бросают подонки вроде тебя или собак выгоняют на улицу за ненадобностью. Ах, да. Забыла... Ты же мужик с большой буквы. Из тех, за кем бегают шлюхи, капая слюной от желания перепихнуться. Ты из тех, кто у бабы по-хамски спрашивает: - Снег какого цвета? Чёрный?». А та, дура, отвечает: - «Как скажешь, милый».

- Эй, эй! - попытался остановить девушку Алёхин. - Ну, хватит. Давай, чуть тише. Люди оборачиваются.

- Да, пошёл ты! - Наташа пнула ногой байк, и тот завалился на бок, глухо звякнув штангой упора.

Неожиданно девушка сбросила с локтя шлем и замахнулась им на Александра. Тот подставил спину, затем быстро выпрямившись, схватил Наташу за руку.

- Ой! - Жалобно вскрикнула девушка. - Пусти. Больно.

- Эй, мужик! - запястье Алёхина сжали чьи-то сильные пальцы. – Ты, чё? Оборзел совсем?

Александр отпустил Наташу, вывернул руку, освобождаясь от захвата и, перенеся упор на левую ногу, сильно ударил правым кулаком в близкое лицо, украшенное длинными бородкой. Через несколько секунд рядом с поваленным байком завязалась драка. На плечах Алёхина повисли двое парней. Ещё трое, ругаясь и мешая друг-другу, пытались кулаками достать до головы Александра. Удар в затылок заставил Алёхина упасть на колени.

- Пустите его! - Наташа врезалась в группу дерущихся, колотя по мужским плечам шлемом. - Кому сказала? - Не трогайте его. А-а! - Девушка с неожиданной силой толкнула в грудь рослого парня, наматывающего на руку велосипедную цепь. - Убью, скотина!

- Ты, чего, Нат? - парень от неожиданности едва не перелетел через припаркованный рядом байк. - Совсем спятила?

Но девушка, не слушая, глотая текущие по щекам слёзы, уже поднимала Алёхина, заботливо ощупывая тело и затылок Александра.

- Господи! Кровь. У тебя - кровь на виске, - говорила она, торопливо доставая из кармана джинсов платок.

- Тьфу! - сплюнул парень владелец цепи. - Бабы — дуры. Её едва не отметелили, а она... Ладно, - буркнул байкер, убирая цепь в багажник своего байка. - Считай, козёл, что тебе повезло. Наталья, садись сзади, сейчас все поедут.

Глухой голос, усиленный микрофоном, призвал байкеров готовиться к выезду. Все засуетились.

- Нат! Долго тебя ждать? - Парень требовательно смотрел на девушку, поглаживая сиденье сзади себя.

Наталья, не обращая внимание на презрительные взгляды, опустившись на корточках возле Алёхина, слюнявила платок, вытирая кровь с лица Александра.

- Как хочешь, - бросил парень, крутанув ручку газа.

Через пару минут во дворе клуба осталось всего несколько человек, возившихся возле неисправных мотоциклов. Наташа с Алёхиным продолжали сидеть на асфальте.

- Чего не поехала с тем придурком? - спросил Александр, с трудом поднимаясь с колен. – Это - твой бой френд?

- Дурак ты, Алёхин, - девушка бросила платок на землю, усеянную окурками, и принялась растерянно оглядываться вокруг. - Чёрт! Моя сумочка в багажнике у Бориса осталась.

- Значит, его Борисом зовут? - продолжал допытываться Александр, постепенно остывая и начиная чувствовать боль от ссадин. - Ну и, как?

- Что, как? - Наталья повернулась к Алёхину, с вызовом глядя ему в глаза.

- В койке твой новый чувак — орёл?

- Офигительный, - девушка грациозно поправила растрепавшиеся волосы. - Если хочешь знать, то Боря - лев, король джунглей. Не то, что некоторые.

- Некоторые — это я?

- Слава Богу, догадался, - зло, с вызовом выпалила Наташа.

- Тогда бы ехала с ним, - с показным равнодушием сказал Алёхин.

- Только не нужно мне указывать, что делать.

- Знаешь, почему ты не поехала? – Улыбаясь, спросил Александр.

- Просто не поехала и всё. Настроение пропало.

- Врёшь. Хочешь сам скажу?

- Иди к чёрту!

- Ты любишь меня, - тихо сказал Алёхин, дотягиваясь до ладони девушки.

- Иди к чёрту, - тихо повторила Наташа, отдёргивая руку, но тут же тихо заплакала.

- Если бы ты знал, если бы ты знал, что я пережила, - сквозь слёзы быстро говорила она. - Ментов замучила, все морги, все больницы обзвонила, под дверью твоей квартиры сидела, как дура. Все спрашивали, кто я тебе или делали вид, что ничего не знают. Где ты пропадал?

- Ну, ладно, ладно, девочка моя. Прости меня, подлеца. Иди ко мне, - Александр, дотронувшись пальцами до подбородка Наташи, повернул к себе заплаканное лицо. - Были причины, но это не имеет к тебе никакого отношения. Это просто работа, - капитан только сейчас понял, что за то время, пока с ним не было этой женщины, он неосознанно пытался заставить себя забыть о её существовании, убедить разум, что это было мимолётное увлечение, загнать в самый дальний угол сердца свою любовь к девушке, но случайная встреча в клубе «Ночные волки» всё расставила по своим местам.

- Какая работа? – девушка, подчиняясь силе рук Алёхина, прижалась к нему. - Ты же не вахтовым методом работаешь на какой-нибудь нефтяной скважине или в шахте?

- Всё гораздо хуже, - Александр гладил девушку по спине, с нежностью чувствуя мышцами груди слабые содрогания тела и сильные толчки биения женского сердца.

- Что может быть хуже? - с тревогой спросила Наташа.

Голубые глаза с аквамариновым отливом пытались поймать ускользающий взгляд Алёхина.

- Расскажу при случае, - твёрдо сказал Александр.

- Но не сейчас?

- Да. Не сейчас. Но ты не волнуйся. Я сам так сильно люблю тебя, - неожиданно для себя еле слышно признался капитан, растерянно отворачиваясь. - Ладно. Вот твой шлем, - он нагнулся и через мгновение надел на голову Наташи шлем, заботливо спрятав под ним белокурые волосы. - Поехали отсюда.

- Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте, - прогремел им вслед один из байкеров, ковырявший до той минуты отвёрткой в моторе мотоцикла возле ангара.

- Га-га, - засмеялись, поддерживая шутку, ещё трое парней, оставшиеся во дворе клуба.

- Дебилы! - обернувшись, закричала Наташа, едва удерживаясь в седле набирающего скорость чоппера.

Дача, где Алёхин не появлялся вот уже одиннадцать месяцев, выглядела заброшенной и неуютной. Кое-где вдоль заборов в тени ещё лежали остатки снега. Молодая зелёная трава, пробиваясь через прошлогоднюю сухую, требовала стрижки, да и весь газон с дорожками из тротуарной плитки смотрелся ужасно. Ветки кустов смородины, отросшие

за прошлое лето, торчали в разные стороны. На стволах яблонь старую побелку давно смыло осенними дождями, зато все плодовые деревья уже начали цвести. Запор калитки, которую слегка перекосило зимой, провернулся со скрипом. Алёхин, пропустив вперёд спутницу, односложно, с неохотой отвечая на приветствия соседей, возившихся на своих грядках, затащил мотоцикл во двор. Наташа подошла к двери и достала ключ, спрятанный под старой, державшейся на одном гвозде, доской крыльца. Внутри дома оказалось довольно холодно. Алёхину пришлось запустить котёл, а потом включить холодильник. Наташа, слегка нервничая, начала распаковывать рюкзак, который они купили в Москве, прежде чем наполнить продуктами в супермаркете. Спустя час был накрыт стол и наполнены шампанским бокалы. Всё это время молодые люди перебрасывались дежурными фразами, выбирая нейтральные темы: о погоде, общих знакомых, о соседях, которых Наташа когда-то просила приглядывать за домом.

- Ну, давай выпьем, - Александр уже держал в руке бокал.

- За что? - девушка обвела взглядом небольшую гостиную. - Господи! Словно это было вчера.

- Вчера?

- Угу! Вот так же мы сидели вечером накануне твоего исчезновения. Только пили красное сухое вино. Помнишь?

- Конечно, - тихо сказал Алёхин, разглядывая через стекло бокала пузырьки газа, поднимающиеся со дна к поверхности шампанского.

- Ты даже какой-то тост произнёс тогда. Помнишь его?

- Нет, - удивился Александр. - Разве это был тост?

- Даже речь небольшая. Складно так получилось. Про любовь и всё такое прочее... А утром испарился мужик.

- Не начинай, - поморщился Александр. - Ты же обещала.

- А я и не начинаю. Ты тоже много чего обещал. Просто хочу знать причину.

- Причина была, - мрачно отозвался Алёхин.

- Баба наверняка, - легко нашла объяснение Наташа. - Какая я дура. Не догадалась. И тот мужик тебе утром звонил для отвода глаз, а потом этой сучке трубку передал. Я права?

- Ну, причём здесь бабы? - сокрушённо воскликнул Александр. - Чуть, что, бабы у вас виноваты. Тебе сейчас обязательно

отношения нужно выяснять? Мы же вроде договорились забыть прошлое. Будем считать, что моего исчезновения не было.

- Хочу ясности, - девушка, сделав глоток шампанского, поставила свой бокал на стол. - Чего ждать от тебя завтра? Может, ты поссорился с ней? Может сегодня переспать не с кем? А тут меня увидел, идиотку.

- Наташ! Прошу тебя. Не нужно. Всё совсем не так, как ты думаешь. Если ты хочешь скандала, то не ехала бы со мной. Дала бы тем парням набить мне морду. И все остались бы довольны.

- Ладно... Скажи, - девушка положила ладонь на сжатый кулак Алёхина. - Это правда, что ты мне сказал во дворе при байкерах?

- Что именно?

- Что любишь меня.

- Могу ещё раз повторить, - Александр поднял виноватый взгляд. - Если честно, то я пытался выбросить тебя и наши прошлые отношения из головы, но вижу, чувствую, что не получилось.

- Почему?

- Что, почему?

- Почему ты исчез? Если не баба, то что это было?

- Господи! - уже своей ладонью Алёхин накрыл руку Наташи. - Как тебе объяснить? Скажем, работа у меня такая.

- Что же это за работа? - Девушка поднялась, обошла Александра и прижалась грудью к его спине.

- Сложно объяснить... Не имею права. Мне запрещено.

- Кто может запретить говорить правду?

- Представь, есть такие люди.

- Может ты член бандитской группировки? Киллер? Я жила с тобой больше года и почти ничего о тебе не знаю.

- В наше время — меньше знаешь, крепче спишь, - попытался улыбнуться Александр. - Давай оставим этот разговор. Достаточно того, что я люблю тебя и не хочу потерять.

- Ты только сейчас это понял? - девушка взъерошила волосы на голове Алёхина.

- Я знал это всегда, только...

- Что только?

- Чтобы окончательно разобраться в себе, мне потребовалось время. Прости. И ещё одно, - Александр взял Наташу за руку, подвинул её стул вплотную к своему и усадил. – Выбор – за тобой. Или ты принимаешь существующее положение вещей, или...

- Боже мой! Ты киллер, - глаза девушки, внимательно изучавшие лицо Алёхина, округлились.

- Не болтай чепухи, - начал сердиться Александр. - Скажи! Принимаешь меня таким? Да или нет?

- Ладно, - тяжело вздохнула Наташа. - У каждого свои способы зарабатывания на жизнь.

- Господи! - почти выкрикнул Алёхин. - Никакой я не киллер. Как тебе ещё объяснить? Работа у меня такая... Связанная с государственной тайной.

- Ты не похож на учёного, супер пупер ядерщика или на конструктора летающих тарелок.

- Всё! Довольно! - Алёхин быстро поднялся, выскочил на веранду, одел свою куртку и стал искать шлем.

Девушка поймала Александра за рукав уже на крыльце. Она с силой повернула капитана к себе лицом.

- Ну, всё, всё. Не кипятись. Я поняла. Работа, режимное предприятие, подписка о неразглашении тайны и всё такое прочее. У меня папа когда-то работал в секретном институте, - Наташа торопливо стягивала с Алёхина куртку. - Наследие советских времён. Понимаю. Только, зачем было бросать меня год назад? Мог бы тогда всё объяснить. Ну, давай... Ну, хватит сердиться, пойдём в дом. Смотри. У-у! От тебя даже пар идёт. Вон искры из глаз. Больше не буду доставать тебя. Прости, - девушка с неожиданной силой обняла Александра. - Мне всё равно, какая у тебя работа. Только не бросай меня больше...

Горячие, мокрые от слёз губы прижались к губам Алёхина. Он ощутил горьковатый вкус соли и запах земляники. Сильное, частое биение сердца девушки ощущалось через одежду и вызывало ответную волну нежности...

Рассвет застал Алёхина сидящим абсолютно голым у открытого окна. Он пристроился на подоконнике, глядя на спящую Наташу. Русые волосы разметались на подушке, закрывая плечи и часть спокойно поднимающейся и опускающейся полной груди. Золотая цепочка с крестиком нашла себе место в ямке над ключицей. При дыхании золото тускло

сверкало отполированными гранями в предрассветных сумерках. Александр чувствовал себя опустошённым, но счастливым. Любовь к Наташе переполняла его сердце, но мысль о неизбежности объяснения, почему им предстоит встречаться в странном режиме секретности, портила ему настроение.

«Чёрт, чёрт, - мысленно выругался он и вернулся в постель, устраиваясь на самом краю, чтобы не разбудить Наташу. - Даже не знаю, как разрулить ситуацию, - думал Алёхин, слушая звуки дома. - Наверное, нужно подключать деда. Расскажу ему всё. Он плохого не посоветует».

Однако, понедельник новой рабочей недели внёс свои непредвиденные коррективы в планы капитана. В десять утра старший группы разработчиков софта для создания и регистрации фальшивых аккаунтов в обход общепринятых правил социальных сетей принёс и положил Алексею на стол SSD диск с исходными данными тестирования программ. Алёхину пришлось просидеть над ними до четырёх часов дня, проверяя результаты долгой, почти двухнедельной работы группы. Основной фишкой в софте была невозможность вычислить начальные IP — адреса виртуальных псевдо-пользователей, так называемых ботов… Когда раздался особый сигнал смартфона, известивший о «приходе» сообщения по защищённой линии, Александр с досадой перевёл взгляд с экрана компьютера на свой гаджет, лежавший рядом с клавиатурой. В тесте СМС значился адрес, дата, время и кодовое слово «Марго». Алёхин, взглянув на часы, понял, что для предстоящего доклада по «Делу Терезы Мэй», ему не хватит времени на подготовку. Встреча с начальством должна была состояться вечером в двадцать ноль, ноль. Александр торопливо «закрыл» тестируемый диск. Вынув его из слота привода компьютера, он положил диск в коробку, а коробку - в сейф. Потом встал, запер кабинет и поспешил в комнату, где размещалась кухня. Там за длинным столом он застал двух айтишников, уплетающих бутерброды. Кофейная машина тихо урчала, наполняя пространство ароматным запахом.

- Привет, шеф, - вскочил один из парней, поднимаясь на ноги.

- Виделись утром, - проворчал Алёхин, отыскивая на полке чистую чашку. - Кофе свежий? Или старый подогреваете?

- Только что свежак засыпали, - откликнулся айтишник, откусывая от своего бутерброда большой кусок и смахивая на пол крошки, застрявшие в бороде.

- Отлично, - Александр нетерпеливо посмотрел на панель управления машиной.

До окончания приготовления напитка оставалась минута. Мысли о предстоящем совещании занимали почти всё сознание Алёхина, однако наливая себе кофе, он вспомнил о Наташе. Идя по коридору в свой кабинет с чашкой в одной руке, другой он достал из кармана кнопочный телефон, «открыл» адресную книгу и нажал на иконку с нужным именем.

- Привет! Ты, как там?

- Привет! Скучаю.

- Я тоже. На работе всё нормально?

- Рутина.

- Понятно, - Александр помедлил немного… - Слушай. Вечером меня не жди. Заезжать за тобой не будет времени. Да и заночую, очевидно, на службе. Доберёшься до дачи самостоятельно?

- А, зачем? - голос девушки стал звучать глуше, в нём появилась лёгкая хрипота. - Я тоже в Москве останусь.

- У своего байкера?

- Ты, что, ревнуешь?

- Гм. Не то, чтобы очень, - задержал дыхание Алёхин.

- Очень хорошо. Позвони, когда освободишься, - в рубке зазвучал сигнал отбоя.

- Чёрт! - тихо выругался Александр, засовывая телефон в карман и отпирая кабинет. - Чёрт, - ещё раз обронил он, едва не пролив горячий кофе себе на ноги. - Ничего. Дело времени, привыкнет, - уговаривал сам себя Алёхин, снова включая компьютер и открывая нужные файлы, необходимые для подготовки доклада. Когда Александр закончил, снова звякнул кнопочный гаджет. К удивлению Алёхина, на экране высветился номер телефона Ивана Матвеевича с текстом СМС - «Не опаздывай».

Возле маленького особняка, спрятанного в одном из переулков старой Москвы, стояли: слегка потрёпанная дорогами чёрная «Волга» и грязный «Мерседес W140» не первой свежести. Алёхин, поставив на тротуаре свой байк, подошёл к дверям дома, на котором, отражая свет уже горящих уличных фонарей, блестела табличка с надписью «The Bank». Александр критическим взглядом окинул фасад здания, давно требовавший ремонта, потом нажал кнопку звонка, прикреплённого под табличкой. Массивная дверь открылась почти сразу. Алёхин догадался, что улица просматривается в обе стороны скрытыми видеокамерами. Молодой человек

в неприметном сером костюме отступил в сторону, закрыл дверь за гостем, а затем молча пошёл впереди Александра по узкому коридору. Через минуту он впустил Алёхина в помещение, которое выглядело довольно презентабельно. В центре располагался круглый стол. У плотно зашторенных окон красовался ряд резных кресел с обивкой из потёртого красного бархата. У стены справа от входа стоял длинный диван. Пространство вокруг него освещала большая бронзовая люстра с плафонами в стиле барокко, оставляя в полумраке стены огромной комнаты. Провожатый указал на один из углов помещения, где Александр заметил кресло. Алёхин растерянно кивнул трём людям, сидевшим спинами ко входу и не обратившими внимание на вошедшего. Два человека у стола, облачённые, один в форму морского офицера с погонами капитана первого ранга, второй - в общевойсковой мундир с генеральскими регалиями о чём-то тихо разговаривали с Иваном Матвеевичем, куратором Алёхина.

Минут пять Александр разглядывал интерьер, изредка бросая взгляды на группу офицеров, сидящих за столом, пытаясь поймать обрывки тихого разговора. Но до слуха долетали только отдельные слова, и Алёхин догадался, что речь шла о МИ-6. Наконец Иван Матвеевич, обернувшись, поманил Александра пальцем.

- Не знакомлю. Обойдёмся без имён. Садись, - генерал показал на свободный стул справа от себя.

- Итак, - достаточно громко, чтобы все слышали, сказал Иван Матвеевич. - Маленькая преамбула, проясняющая цель, ради которой мы все тут собрались, - генерал положил руку на плечо Алёхину. - Потерпите, господа. Спич — не для вас, а для нашего молодого коллеги, чтобы просветить, так сказать. Значит так, - генерал кашлянул в кулак.

- Россия сегодня находится в состоянии войны. Да, да... Идёт война информационная, сетевая, гибридная, где со стороны Запада все средства, особенно ложь, хороши. На носу — горячая фаза битвы с Украиной. Ещё со времён Ивана Грозного англосаксы искренне считали нас, русских, варварами, азиатами, а это в их понимании означает, что мы по уровню развития недалеко ушли от туземцев Африки или индусов времён колониальной Британии. Если покопаться в истории, то боевые действия против нас ведутся давно. Возьмём семнадцатый век, период российской «Смуты». Тогда тараном являлось Великое княжество литовское, а начиная с правления Петра Первого за нас взялась всерьёз Британия, вступая в союзы с разными странами Европы —

Швецией, Пруссией, Польшей, а с определённого момента ещё подключили Османскую империю, ныне -Турцию. Черчилли, Блэры и прочие Камероны называют себя высшей расой господ, остальные, так они полагают, находятся ниже их по уровню интеллекта, культуры и ментальности. Мы, русские, патриотичны и патриархальны, а это на современном Западе признаки дурного вкуса и ущербного мышления. Вопрос! Разве это не фашизм? Именно по этой причине, а ещё из-за нашей былой наивности, вере в высшую справедливость, Запад нас постоянно обманывает. И пресловутая демократия, свобода слова, прочие права человека, все эти мантры, либеральные побрякушки, которыми они украсили свои белые одежды, испачканные кровью аборигенов, это тоже оружие против нас. А ещё они считают, что псевдодемократические правила, договора, разные конвенции не обязательны для исполнения западной элитой. Их законы всегда выше любых других. Российской власти, желает она этого или нет, пришло время осознать, что запросы большинства нашего общества является неоспоримым приоритетом внешней и внутренней политики. Запросы на социальную справедливость, равные права для всех, на неукоснительное соблюдение законности, в том числе самой властью... Вор должен сидеть в тюрьме, как и люди, работающие против интересов народа и государства. Интеллигентам, промышленникам, банкирам пора определиться — с кем они. С народом или со своими западными «партнёрами», которые поставили себе целью сделать Россию слабой, а в конечном итоге — расчленить и уничтожить. Разделяй и властвуй — вот тот принцип, которым всегда руководствовался коллективный Запад. Наша власть должна стать не вещью в себе, не замкнутой на себя, мать её, «экосистемой», а государством, способным защитить российский народ от произвола чиновников, от агрессивного мнения либерального меньшинства, от давления и травли средствами массовой информации истинных патриотов Отечества. Среди таких много бизнесменов, журналистов, публичных людей — артистов, художников, медиков, преподавателей, не разделяющих разрушительную идеологию западного образа жизни. Мы должны поставить заслон деструктивным идеям, которые всё больше становятся похожими на идеологию обыкновенного фашизма. Нужна чистка во всех государственных структурах от представителей пятой колонны. В нацистской Германии общественное мнение меньшинства, став оружием против государства, результате подчинило государство себе с ужасающими последствиями для немецкого народа. Украина? Похожая ситуация, и поэтому Запад поддерживает там власть нацистов...

Алёхин внимательно слушал генерала, который всё больше увлекаясь, продолжал говорить, словно стремился в чём-то переспорить невидимого оппонента.

- Нужно сшивать Россию заново более крепкими нитями, чем простые экономические связи. Калининград, Дальний Восток уже переориентированы, первый — на Западную Европу, второй — на Японию, Китай, Южную Корею. Нам нужны дешёвые авиабилеты, дешёвые грузоперевозки, дешёвая электроэнергия в этих регионах. Нужны рабочие планы развития. Нам необходимо иметь перед глазами цель. Какое государство мы хотим построить, какую молодёжь хотим видеть на наших улицах? Кто отвечает за молодёжную политику? Кто отвечает за систему образования, высшую школу, науку? Что делают многочисленные аппараты ведомств, которым поручена эта работа? Отрабатывают ли они свои зарплаты? А то наплодили пустышек... Национальный фронт, депутатские комитеты разные. Чем они занимаются, кроме того, что охотно треплют языками и осуществляют вояжи за бугор ради пустой болтовни, ради лекций перед снисходительно ухмыляющимися западными социологами, специалистами по России? Волонтёрское движение, это хорошо, но в наше время этого ничтожно мало. Кто из посещающих передачи Соловьёва, уважаемых, вроде бы умных, образованных людей сказал бы нам «Что делать?», написал бы программу и положил её на стол: - Нате вам руководство к действию. Назначайте ответственных и спрашивайте с них. Вот тогда бы народ увидел, чего в действительности хочет наша власть. Способна ли она повернуть вспять процесс губительного скатывания страны в либерализм. На полицейских дубинках долго не продержишься. Могут в один прекрасный момент развернуться в обратную сторону и ударить по власти. Ещё Ленин сказал, что власть только тогда чего-нибудь стоит, если умеет защищать себя. Не только с помощью дубинок и водомётов. Давайте вспомним времена НЭПа или возьмём Китай. В экономическом плане нужно развязать людям руки, бросить клич — обогащайтесь, но в рамках закона...

- Остынь, Иван Матвеевич, - остановил генерала морской офицер. - Тебе бы тоже в телевизоре выступать. Давай ближе к теме, ради которой ты вытащил наши задницы из служебных кресел. Нам с тобой ещё справочный материал готовить для МИДа. Мне Захарова обзвонилась. Лавров нервничает. А ты тут нам политзанятия устраиваешь.

- Хорошо, - хлопнул ладонью по столу генерал. - Согласен. Оставим всю лирику на потом. Значит так... Что мы сегодня

имеем в Британии? Кэмерон оставил Мэй тяжёлое наследство в виде результатов референдума о выходе Британии из Евросоюза. Чуть позже, сынок, - Иван Матвеевич повернулся к Алёхину, - доложишь, как там у нас дела в медиа и английском сетевом пространстве по этому вопросу. Что удалось и что ещё нужно для того, чтобы поставить Терезу раком?

Морской офицер и общевойсковой генерал переглянулись и засмеялись, а Иван Матвеевич продолжал:

- Нашей агентуре в Лондоне удалось через посредников передать Мэй копии документов, подтверждающих её коррупционную деятельность в ранний период административной и политической карьеры, но, - Иван Матвеевич назидательно поднял указательный палец. - Тереза оказалась крепким орешком. Пока не ведётся на компромат. Считает, что у неё — сильная позиция с опорой на правящие круги США. Держит паузу, типа оценивает. Наши решили пока особо не давить на премьера, учитывая проблемы со свободой слова в британских массмедиа, чтобы посмотреть, что будет. Зная характер этой леди, полагаю, что теперь перед Терезой стоит сложная, практически невыполнимая задача: списать на Россию и лично на Путина все проблемы британской политики, последствия жёстких общественных конфликтов, которые подобно кислоте разъедают ткань английской государственности. Нападение — лучшее средство защиты. Очень соблазнительно повесить на русских то, что Тереза стыдливо называет ”внутренним раздором” или ”диссонансом». Объяснить это влиянием Кремля или тем, что, дескать, российская пропаганда научилась использовать ”информацию в качестве оружия”, так себе стратегия. Но наша дама наверняка будет вопить о ”фальшивых новостях” из Москвы, о мифических хакерах, - генерал, едва заметно улыбнувшись, взглянул на Алёхина. - Но такие риторические упражнения будут признаком слабости, а не силы. Британский премьер заранее постарается найти виновных в том, что Англия скоро превратится под ее чутким руководством из «Могучей британской экономической империи» в американский политический задний двор, в мишень для издевательств со стороны евро-политиков. Итак. Вот, что мы имеем в настоящий момент на британском направлении. Что думаете по этому поводу? Высказывайтесь, - Иван Матвеевич по очереди оглядел присутствующих и кивнул морскому офицеру.

Тот откашлялся и откинувшись на спинку стула, сказал:

- Думаю, что Тереза пройдёт до конца через весь театр абсурда, в который самоуверенная британская элита превратила «Брексит». Все эти лорды больны снобизмом, состоящим из

непомерной гордости, самоуверенности, чувства непогрешимости и политической глупости. Интересы государства для них – на десятом месте. Считаю, что премьерша вряд ли выдержит весь переговорный кошмар, который устроят ей партнеры с континента. И то, что она переведёт стрелки на Россию, не сомневаюсь. Ей будет нужен, впрочем, как и всем британским политикам до неё, внешний враг, на которого можно списать собственные неудачи.

- И что она придумает на этот раз? - оживился Иван Матвеевич.

- А, чего тут думать? - капитан первого ранга впервые внимательно посмотрел на Алёхина. - Ты же, Иван Матвеевич, сам сказал... Начнёт информационную атаку, придумает историю про русских шпионов или хакеров. Пойдёт проторенной дорожкой. Вспомни историю со странной смертью Бориса Березовского, или с отравлением Литвиненко. Мало в Лондоне сидит наших беглецов, жертв «кровавого» режима Путина. Там и Чичваркин, там же — предатель Калугин. Ещё этот, как его, Скрипаль. Найдут кого-нибудь в качестве жертвы.

- Ты прав, - Иван Матвеевич согласно наклонил голову. - Я тоже так считаю. Терезе Мэй предстоит проявить изворотливость змеи, чтобы отвлечь британского обывателя от провальных попыток свалить из ЕС по-хорошему. Лично я полагаю, что они выйдут на самых плохих, даже ужасных для экономики Британии условиях. А то, что они будут таковыми, я не сомневаюсь. Агентурные данные из Брюсселя подтверждают, что Меркель, Макрон, ключевые чиновники Евросоюза настроены крайне решительно. Они будут выставлять всё более жёсткие условия британцам. Эти отомстят Британии за всё. За высокомерие, за особые отношения, на которых Англия входила когда-то в ЕС. Поэтому, нашему МИДу следует готовиться к худшему. Наш компромат подтолкнёт Терезу к совершению всё новых ошибок. А это — самое главное. И ещё... Что бы Мэй не затевала по отношению к России, нам нужно найти доказательства лжи и показать миру всю абсурдность пустых обвинений. Кроме того, перед нами поставлена задача — сделать так, чтобы, выйдя из ЕС, Англия осталась без поддержки некоторых территорий, исторически де-юре принадлежащих Британии.

- Например? - поднял голову от стола общевойсковой генерал.

- Северная Ирландия! - воскликнул Иван Матвеевич. - Сынок, - повернулся куратор к Алёхину. - Давай-ка обрисуй нам ситуацию по поводу настроений ирландцев. Расклад политических сил, и всё такое прочее...

Александр попытался встать, но генерал удержал его

движением руки.

- Сиди. И давай своими словами, без этих штук, - добавил Иван Матвеевич, увидев, как его подчинённый полез в портфель за ноутбуком, принесённым с собой...

Алёхин вышел из дверей особняка около полуночи, предварительно вручив каждому из генералов по флешке с информацией по Британии. Заведя байк, он взглянул на часы.

- Двадцать три сорок пять, - тихо сказал он, оглядываясь на дверь дома, где он только что был.

Вопреки ожиданиям, никто из присутствовавших на совещании не торопился покидать особняк.

«Старая закалка», - подумал Александр.

Следующей его мыслью было позвонить деду. Алёхин знал, что старик по укоренившейся за время службы привычке до сих пор любит работать по ночам со своими старыми бумагами, а проблемы, возникшие у Александра, требовали разрешения. Он уже доставал смартфон, но звонить передумал.

Капитан, опустив свой тощий зад в седло мотоцикла, погнал его по ночным, быстро пустеющим московским улицам.

Дед почти сразу снял трубку домофона и, узнав голос внука, тут же, без лишних вопросов открыл дверь. Старый генерал стоял на лестничной площадке в шаге от порога своей квартиры. Впустив Алёхина, спросил:

- Чай будешь? Яйца могу сварить, колбасы нарезать.

- Буду, но кофе лучше. И лучше яичницу, - попросил Александр, виновато поглядывая на деда, расставляющего чашки.

Старик терпеливо ждал, пока внук жадно поглощал жареные с колбасой яйца, запивая еду ароматным, свежесваренным кофе. Через пять минут старик, быстро помыв посуду, двинулся к кабинету. Алёхин, тихо рыгнув, пошёл за отставным генералом.

- Что стряслось? - спросил Алёхин старший, включая телевизор громче обычного и усаживаясь в кресло. - Бери стул, садись рядом. Говори тихо... На всякий случай.

- Что стряслось? Ничего катастрофического. Ты только не волнуйся.

- Ты бы не явился в первом часу ночи. Давай, рассказывай, что там у тебя, - дед, повернув голову, подставил ухо так, чтобы Алёхину было удобно говорить.

Александр обречённо набрал воздуха в грудь и стал рассказывать деду о новой работе, о её специфическом характере, об условиях, поставленных работодателями, о взаимоотношениях с Наташей, которые уже нарушали эти условия, о звонке Ивана Матвеевича на кнопочный телефон Алёхина, номер которого куратор не мог знать и о многом другом, что было для него неясным и вызывало тревогу. В этой исповеди он оставил за рамками разговора только свои дела с Атласом. Выслушав внука, старик минуту думал, осмысливая информацию.

- Что тебе сказать? Это, друг мой, разведка со всеми вытекающими. Ты, друг сердечный, теперь под колпаком. Это я про твой телефон. Что аппарат кнопочный, для прослушки ничего не значит. Теперь даже защищённые гаджеты в твоём случае вряд ли помогут. Засветился? Получи неприятности. Нужно будет — приставят наружку. Ивана Матвеевича я знаю давно. Когда он ещё служил лейтенантом в одном из моих отделов. Аналитический склад ума, хватка волкодава. С телефоном он дал тебе понять, что знает о твоих встречах с Наташей. А это нарушение одного из выставленных тебе условий работы. Иван теперь наблюдает, как ты выйдешь из этой ситуации. В плане карьеры — это не очень хорошо. Запомни раз и навсегда. Если в твоём близком окружении есть люди, которые тебе дороги, значит ты уязвим. Это — рычаг давления, как не крути. Особенно для врага. Что с этим делать, тут нужно подумать. Касаемо остального, - отставной генерал почесал переносицу. - Не вижу оснований для лишнего беспокойства.

- Я тоже по началу не видел, - перебил деда Алёхин. - Даже интересно было. Но чем больше погружаешься в это информационное болото, тем, прости, больше неуверенности и страха.

- Страх, знаешь ли, это нормально. Все разведчики боятся. Страх держит разум в тонусе, не даёт расслабиться, допустить ошибку. А вот про неуверенность - не понимаю тебя. В чём ты не уверен?

- Ты до конца не понимаешь ситуацию - начал горячиться Александр. - Я же в некотором роде нарушаю законы. В любой стране мира моя деятельность считается киберпреступлением...

- Совесть замучила? - уголками губ усмехнулся генерал. - Что ж, давай разберём ситуацию. Отмотаем время лет на тридцать, сорок назад. Думаешь, работа любого нашего оперативного агента под прикрытием за границей не была преступлением?

Наши разведчики похищали секретные документы, технологии, чертежи и прочую конфиденциальную информацию, искали компромат на политиков, журналистов, учёных, нащупывали уязвимые места в системах безопасности стратегически важных объектов вероятного противника, занимались шантажом при вербовке, не говоря уже о прочих разных делах, связанных... Короче. Такова работа разведчика, будь то оперативный агент, шеф резидентуры или аналитик с дипломатическим паспортом. Да. Прокалывались, ловили, высылали, сажали, пытали, шантажировали, старались перевербовать... Сейчас, сам понимаешь, другое время. Век, так сказать, компьютерных технологий, цифровых методов получения разведывательных данных. Но суть деятельности осталась прежней. Специфика профессии, парень. От неё никуда не денешься. И ты должен быть готов к последствиям. Неуверенность в правоте дела, связанного с национальной безопасностью, суверенитетом твоей родины, часто приводят к провалу разведчика. Не можешь справиться, пиши рапорт об увольнении, ступай в охранники магазинов.

Окаменевший подбородок генерала говорил о крайней степени раздражения старика и недовольстве внуком.

- Слушай, ты только не волнуйся так. Уже и поговорить с тобой по душам нельзя, - в голосе Алёхина слышались нотки раскаяния.

- Я хочу, чтобы ты понял главное, - тихо продолжал дед, отдёргивая ладонь, до которой дотронулся внук. - Мы — на пороге большой войны. Войска НАТО стоят у наших границ. На меня, тебя, на всю страну оказывается страшное давление: психологическое, информационное, технологическое, санкции разные... В период Холодной войны такого не было. Но ключевой вопрос в этом управляемом хаосе звучит так. Способны мы выдержать этот прессинг? Сломаемся, сдадимся на милость страшного коварного противника и своры мелких шавок вроде Литвы, Латвии, Эстонии, прочих сволочей? Пойми. Все эти красивые слова насчёт прав человека, свободы слова и прочей чертовщины, называемой западными либеральными ценностями, за мифическое нарушение которых нас обкладывают санкциями — просто дымовая завеса. А за ней стоят интересы… Военно-промышленных комплексов США, Британии, Франции, транснациональных корпораций, финансовых элит. У России тоже есть свои интересы. И в этом нет ничего необычного. Интересы двигают интересами. Так было всегда, однако, с одной существенной разницей. Демократическая банда Запада, как правило, играет краплёными

картами.

Последнюю фразу генерал выделил интонацией голоса.

- Понимаешь? Они считают, что сами могут нарушать эти изобретённые ими ценности, например, уничтожив в своё время коренное население Америки - индейцев, а в наши дни стирая с лица земли Югославию, Сирию, Ирак, Ливию, сажая за решётку Ассанжа, угрожая тюремным заключением Сноудену, фальсифицируя собственные выборы, вмешиваясь в наши дела, подсовывая нам разных Навальных и Тихановских… Им плевать на эти самые ценности. Ценностями маскируется жажда наживы, желание разделять и властвовать над остальным миром, ставить на колени непокорных, клеветать на них в газетах, утюжить армией сопротивляющихся диктату. У американосов с детства в крови мышление ковбоев, покорявших когда-то Дикий Запад. А ты мне про неуверенность свою. Тьфу ты, прости, Господи!

- Ладно, ладно, дед, - остановил старика Алёхин. - Разбушевался. Выдал речугу. Куда нашим записным пропагандистам по телеку? - Александр повернул голову в сторону работающего телевизора, где заканчивалась передача «Воскресный вечер с Владимиром Соловьёвым».

- А, что плохого в пропаганде? - старик гневно посмотрел на внука. - Разве, скажем, Америка не занимается этой самой пропагандой? Занимается, ещё какой. В мировом, так сказать, масштабе. Нагло врут собственному народу, вводят в заблуждение остальной мир. Так сказать, втирают ему очки… А ты, извини, просто дуралей. Включи свой разум. Война — это не только количество ядерных боеголовок, танков, снарядов, самолётов. Чтобы выиграть современную войну, нужно другое оружие, другие инструменты, иные технологии. С конца восьмидесятых годов прошлого века идёт битва за сознание людей. И в этой войне мы, к сожалению, держим оборону. Зарылись, понимаешь, в окопах и вяло отстреливаемся…

Алёхин внимательно посмотрел в глаза деду, осознавая, что тот говорит удивительные для своего возраста вещи.

- Ты сейчас - о технологиях изменения сознания?

- Слава тебе, Господи! Догадался, - ещё больше разволновался генерал. - Да. Технологии изменения сознания, ментальности наших людей. Завуалированные, а ныне уже и прямые нападки на наши традиционные духовность, бескорыстие, православие, потребность русских в правде. В мозги наших с тобой сограждан через Твиттер, Фейсбук,

Инстаграм и прочие дьявольские изобретения, вкладывают совсем другое, сеют зёрна сомнения в правильности нашего особого, цивилизационного пути, отличающегося от западного. Цукерберг со своими социальными сетями — это скорее пешка в коварной игре на выживание, инструмент. Другие люди стоят за спинами таких, как он. Именно они платят деньги и заказывают музыку. Бизнес этого парня — яркий пример того, как благие начинания, которые вроде бы должны прочными узами объединять людей, превращаются в каменные плиты дороги, ведущей молодых в ад транснационального, корпоративного авторитаризма. На этом парне и ему подобных лежит часть вины за уничтожение Милошевича, Каддафи, Саддама Хуссейна и сотен тысяч мирных, ни в чём не виноватых людей. Социальные сети — инструмент создания информационного фона для изменения сознания, этакая психологическая артиллерийская подготовка, за которой всегда следует вторжение и разрушение неугодных Западу стран. И самое ужасное, что население государств, предназначенных к закланию, искренне верит, что после очередного майдана или революции, мать их, роз, когда падёт очередной «режим», наступит райская жизнь со свободами и правами. Вон в Москве — полно хохлов, гастарбайтеров. Спроси у них, лучше им стало жить после прихода к власти нацистов? Постой, - генерал быстро поднялся со стула. - Мне тут один мой бывший сослуживец, ныне живущий в Киеве, письмо прислал. Сейчас тебе прочту, что он думает про украинские реалии.

Алёхин-старший торопливо покинул кухню, но вскоре вернулся, держа в руках несколько листов бумаги, сложенных вчетверо.

- Вот, оно. Сейчас, сейчас, - старик, развернув бумагу, нацепил на нос очки, лежавшие до этого на холодильнике.

- Всё читать не буду. Только самое интересное на мой взгляд. Хотя опубликовать бы эту душевную боль человека в прессе или социальных сетях, чтобы другие недоумки знали… Погоди. Ага. Вот, нашёл. Слушай, что человек пишет…

«У меня и у всех нас украли целую страну. Представь себе, была у нас страна – одна шестая часть суши, население почти триста миллионов, полюс мировой силы, Родина, более полувека на равных соперничавшая с Америкой. Победила Третий Рейх, первая запустила человека в космос, создала пояс стран - сателлитов, союзников, ядерный щит. Зона влияния - почти на всю Африку и половину Азии. У нас были друзья даже в Латинской Америке. Природные богатства огромные, нефть, газ, алмазы, почти вся таблица Менделеева в недрах. Гимн

такой, что когда он начинал звучать, то по неволе все вставали и начинали подпевать (это тебе не скулёж про «Ще не вмерла»). Ну, и так, по мелочи, типа «Красной Машины», которая в хоккее на льду разрывала в клочья канадских профессионалов… И вот в девяносто первом году у меня (и у тебя тоже) забирают не маленькую часть территории моей Родины (площадь СССР была 22,4 миллиона квадратных километров, площадь Украины – 600 тысяч кв. км.), забирают огромный процент от общего числа соотечественников, почти все природные богатства, гордость за державу, а с ней — многовековую историю и культуру, космос и величие. Это всё равно, что вместо «всенародного достояния» тебе в зубы всучили «ваучер», за который можно купить целый кусочек ничего. Взамен говорят: «Теперь ты украинец, сынок. Пышайся». Чем пышаться, то бишь гордиться? Тем, что выкопали Чёрное море? Но тогда этого бреда даже ещё не придумали. А меня самого вообще спросили, хочу ли я быть этим не залежным «украинцем»? У меня половина предков - чехи, вторая половина русские из Орла и Сибири. Все родственники разбросаны от Мурманска на севере до Краснодарского края на юге, от Праги на западе до Омска на востоке. Мне говорят, что Святогор, Илья Муромец, Добрыня Никитич, князь Александр Невский — не твоё. Держи, хлопче, Катигорошка». Кого, кого? Тебе говорят: «Пересвет, Рюрик, Дмитрий Донской, Иван Калита это всё москали. Зато у тебя теперь есть великий герой Сирко». Вашу мать! Так зовут шелудивую собаку в забытом Богом селе, причём трусливую и шкодливую. Песня даже есть: «Сирко, собака, мий собака». В школах теперь учить про Суворова, Кутузова, Ермолова, Румянцева, Нахимова – не надо. Про победы Жукова, Рокоссовского, Конева, Ватутина – тоже. Изучать надо только историю бесконечных поражений биднои, нещаснои Украйины, которую на протяжении тысячи лет попеременно дрючили клятые москали, клятые турки и клятые поляки (но, вообще-то - не очень клятые, потому что нам хочется евро интегрироваться). Не твои - Иван Грозный, Пётр Великий, Екатерина.

Генерал перевёл дыхание, посмотрел на внука и продолжал:

«Про Богдана Хмельницкого учить западло, зрада, потому что он сделал единственную правильную вещь, которую можно сделать с «Окраиной» – присоединил её к России. А потому Богдан — зрадник, и ганьба ему! Остаётся в качестве примера только нищий, заеденный когда-то вшами до смерти предатель Мазепа. Всё! На этом история Украины заканчивается. Свидомые нацики при этом немного растерялись, но сразу же сообразили, что свято место пусто не бывает, поэтому выдумали древних укров, выкопавших Чёрное море. Однако,

уже современные «укры», украв у тебя, (у нас) Родину, историю, начали воровать культуру, в частности, литературу. Начали запрещать всё и всех. Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Толстого, Булгакова…Их у меня больше нет. И Гоголя, кстати, тоже. Потому что кляти, кляти, кляти москали. Переделали хлопца Мыколу в свою веру. А, что теперь есть? Мелкий карточный шулер, словоблуд Котляревский с матерной «Энеидой», истеричная лесбиянка Леся «Украинка», плюс «наше всё» - сам Тарас Шевченко. Кстати, его творчество специально переводили с русского на украинский, потому что изначально «Кобзар» он писал на южнорусском наречии русского языка. Какая досада и зрада! Ах, да, чуть не забыл. Ещё был Остап Вышня, но его нельзя изучать, потому что он писал правду про «чухраинцев», и всю эту селюковость галичан дичайшее высмеивал. Что там после художественной литературы? Давай посмотрим на философию. Виноват, на хвильософию. Украинская философская мысль – это Иван Франко, который всегда подчёркивал, что он русин и на «украинца», которым некоторые его называли, страшно обижался. Сковорода, который, кстати, был учеником и последователем Санкт-Петербургской философской школы. Вот и всё. Опять полнейшая зрада. И теперь свидомые говорят: «Куда до этих наших «хвилософов какому-то Бердяеву, князю Кропоткину, Толстому, Циолковскому, Герцену или тому же Ульянову-Ленину?» Завидуйте москалики! Скажу тебе откровенно. Лично меня в украинской мове добил перевод «Хоббита» на эту самую мову. Книжка у нас теперь называется «Гобит» и рассказывает несчастному читателю, что Гамгам (так наши переводчики на мову поиздевались над Голлумом) ведёт Фродо и Сэма через горы, по которым бегают орки с, извиняюсь, списами. Периодически они разводят костёр сырниками. И всё это они делают для того, чтобы кинуть кильцэ в жерло вулкана (это слово даже свидомые творцы украинского языка не смогли исказить). А бросают то кильцэ, чтобы спасти «Сэрэдземъя». Орки — это, между прочим, обезображенные злым колдуном эльфы. Так украинский язык является обезображенным русским. А это предполагает, что эта самая мова чрезвычайно бедная. Количество слов мизерное, оборотов мало, словообразовательный механизм убогий. Человек, который пытается думать на мове, неизбежно ограничен мизерным словарным запасом и поэтому априори скудоумен. И если вспомнить Бродского:

Пусть теперь в мазанке хором Гансы

С ляхами ставят вас на четыре кости, поганцы.

Как в петлю лезть, так сообща, сук выбирая в чаще.

А курицу из борща грызть в одиночку слаще.

- Бродский гениален. Всё предвидел. И даже последнюю «войну за борщ» (потому что больше у чубатых ничего не осталось). Самое простенькое стихотворение Николая Гумилёва или Александра Блока (если на Украине вообще есть что-то похожее) в тысячу раз богаче самого лучшего стихотворения Тараса Шевченко или, не дай, Боже, Володымира Сосюры. По богатству смыслов и образов, по фонетике, по яркости красок. Что там после языка и литературы? Пусть будет музыка. Чем бить будем, свидомые? «Щелкунчика» или «Князя Игоря». Русская классическая музыка – это Чайковский, Римский-Корсаков, Глинка, Бородин, Глазунов, Мусоргский и так далее. А, извиняюсь, украинская где? Картавое блеяние Вакарчука на ворованную у «Битлов» музыку будем предлагать? Остаётся только «гопцы-дрыпцы» Сердючки. Хорошо... В Киеве есть театр оперы и балета. Построенный русскими. Театр имени Тараса Шевченко. На Украине вообще сейчас всё имени Шевченко – бульвары, театры, метрополитен, университет и так далее. Потому что нет больше никого, кроме Шевченко. Спроси кого-нибудь в мире (не на постсоветском пространстве) «ху из Шевченко?», максимум вспомнят про футболиста киевского Динамо. Зато, кто такой Толстой, Достоевский, Пушкин, Чайковский, Шостакович, Рахманинов – ответят все от Нью-Йорка и до Пекина. В Нью-Йорке, правда, не во всех районах. И так, куда не ткнись. Везде по запросу «украинский» - зияющая пустота. Поэтому идут судорожные попытки записать в украинцы Иисуса Христа, императора Юстиниана или хотя бы Джо Байдена. Взять пресловутый *боржч.* Ведь, если забрать у свидомых борщ, то останется у них только голая «дупа». Хотя нет, это польское слово, так что и «дупы» не останется. Понимаешь? Если когда-нибудь китайцы начнут битву с русскими за первенство изобретения пельменей в турецкой (!) Википедии – всё, кранты... Можно будет считать, что Китай кончился. В общем, «независимость» по-украински – это когда тебя забросили на необитаемый остров, лишив доступа к цивилизации, культуре, технологиям, нормальному общению. И говорят: «Поздравляем, ты независим». От чего? От своей Большой Родины? И ладно, если бы нас, русских, из Украины забросили на остров... А ведь под боком есть ещё и богом проклятая Галиция, откуда постоянно лезут маленькие злобные йододефицитные гоблины. Причём, у этих гоблинов рабское преклонение перед австрийцами, Хранцем-Йосипом, всем западным миром сочетается с дурной мыслью, дескать - «Если я сам - при белых господах, значит я почти

надлюдына». И они с этой агрессивной глупостью лезут и лезут из всех щелей. Имён им не счесть. Левко, Вуйко, Дурко и Рагулько. Типичным, реликтовым представителем гордых галицийских вуек является недоразумение по фамилии Дроздов, которое вечно воняет на различных западенских телеканалах. Этого чахлика в школе били все, даже пацаны младших классов, поэтому он теперь пытается отомстить всему миру, записывая миллионы русских людей в «ватники», которых он бы уничтожил, «спалил и повесил» (никто не сомневается, что ему хотелось бы, вот только ни силы, ни смелости у вырожденца нет). Только безнаказанность позволяет этому шакалёнку держаться на плаву, словно куску дерьма. Вуйки очень гордятся Львовом – городом, в котором несколько центральных кварталов, это остатки «развалин» архитектуры более высоких цивилизаций (германской, польской и немного армянской). Сама Галиция к этой архитектуре никакого отношения не имеет. Самостоятельно Вуйки не то, чтобы создать шедевры архитектуры, но даже наладить нормальное водоснабжение или вывоз мусора не в состоянии. Поэтому Львов приходит в запустение и постепенно разрушается. Так всегда бывает, когда город оказывается захвачен реликтовыми селюками - гоблинами (или кобольдами, я не силён в новой украинской мове). С Киевом, который после войны был с любовью заново отстроен русскими, сейчас то же самое происходит», - генерал сделал паузу, снова переводя дыхание и вытирая пот, выступивший на лбу. - Ну, как тебе?

Алёхин изумлённо почесал затылок.

- Твой товарищ просто отжигает. Видно, наболело у него.

- Не то слово, - кивнул старик. - Продолжать? Здесь недолго осталось.

- Валяй, - махнул рукой Алёхин.

- Ладно, - генерал перебрал листы бумаги, отыскивая место, на котором прервал чтение, - Дальше приятель мой пишет... «Люди, по недоразумению считающие себя украинцами, уже шестой год злятся, что у них «скрали» Крым. А на самом деле у них гораздо раньше украли Москву и Питер, Байкал, Алтай, Кавказ, Дальний Восток, Камчатку, Суворова и Кутузова, Илью Муромца и Александра Невского, Пушкина и Толстого, Чайковского и Шостаковича, Беринга и Ермака, нефть и газ, алмазы и золото, Заполярье, Великую Степь и не менее Великую Тайгу. Вынудили ютиться в маленькой, затхлой и насквозь фальшивой «Украине» вместо огромной, могучей и прекрасной России. Политический «украинец» (сколько бы пропаганда ни

рисовала других образов) – это нищий жлоб с протянутой рукой, побирающийся и пресмыкающийся перед всей планетой. И которого под его истошные крики о «незалежности», вроде, как непрерывно продолжают грабить клятые москали, а теперь уже вроде и Европа начала, в которую они так упорно стремятся. Но если он поймёт, кто действительно его ограбил, то вместо дурацкого «Чей Крым?» (Крым - русский, это давно даже ежу понятно) он начнёт спрашивать (себя прежде всего) «Чья Россия?» и, самое главное «Кто Я сам?!». Тогда он станет на шаг ближе к возвращению себе украденного у нас славянского мира всякими мерзкими Кравчуками, Кучмами, Ющенками, Януковичами, Тимошенками, Зеленскими и прочими шакалами, пресмыкающимися перед Шерханом»...

Старик снял очки, бросил их на холодильник, сложил листы бумаги и убрал письмо в карман пижамы.

- Стало быть, так-то, сынок. Тоже самое пиндосы планируют сотворить с нашей Россией. А мы, судя по твоим откровениям, только начали им противостоять. Скажи, чем мы занимались все эти тридцать лет после Ельцина? Сначала ножкам Буша радовались, потом восторгались свободой тратить своё время, сидя в интернете и впитывая своими мозгами либеральную, лицемерную хреновину о демократии, правах, ужасах сталинского, а теперь путинского режима. Тьфу, - старик тыльной стороной ладони вытер слюну, выступившую на губах. - И ещё скажу тебе... Знаешь, кто в первую очередь на прицеле у Запада? Наша молодёжь. Тринадцать плюс... Неокрепшие ни душой, ни разумом. Из таких верёвки вить — одно удовольствие. Наше будущее — безграмотные сопляки, поколение Фейсбука и Тик-Ток. Вот, что тебя должно волновать, а не угрызения совести. В этой прокси войне мы пока сидим в окопах на границах и вяло огрызаемся. Как бы в скором времени не перейти к партизанской войне на своей территории. Опаздываем, опаздываем, как всегда. А в любой битве утрата инициативы почти всегда приводит к поражению...

- Твоё «почти» вселяет надежду, - обескураженно обронил Алёхин. - И, наверное, ты прав.

- Все мы правы задним умом, - буркнул дед, постукивая пальцами по столу.

- Дед, прости... Просто мне интересно... Что, на полном серьёзе хохлы считают Иисуса украинцем?

- Господи ты боже мой! - старик снова полез в карман и вытащил письмо. - Возьми, сам читай. Я не стал тратить зря твоё время. Но, если хочешь, изволь.

Александр взял из рук деда два листа, исписанные мелким, но хорошо понятным почерком и начал бегло просматривать не прочтённую дедом часть письма. Текст был написан несколько в другом стиле, что говорило о том, что над письмом работали в два приёма и в разное время.

«Чтобы тебе, мой друг, стала понятна степень умственной деградации некоторых украинских националистов, особенно в противостоянии с Россией, нужно знать, чем вызвана их вера в собственную исключительность. Почему они ставят себя выше даже западных европейцев, а свое мнение считают исключительно верным? Началось все с перекосов в образовании и мифов, которые возникли в украинском культурном пространстве из-за комплекса неполноценности после распада СССР. Вот у всех есть мировые достижения, а у украинцев – что-то не густо. И тут началось. Мировая цивилизация и культура оказались родом из Украины, Иисус Христос и Будда оба были украинцами, как и древние римские императоры, египетские царицы и фараоны, да и Америку отрыли тоже украинцы. Если кто-то в мире не знает «таких очевидных фактов», то украинские «историки» готовы просветить каждого. Особенно преуспели в этом бреду на западной Украине. Смотрим публикацию Ивано-Франковской газеты «Галичина» от 25 декабря 2018 года под названием «Иисусу из Назарета были присущи все факторы национальной идентичности украинцев». Дальше — ещё больший бред. «Иисус был родом из Галилеи и все его родственники и апостолы, за исключением Иуды, были галилеянами. Потому, что согласно «последним научным археологическим данным галилеяне – это южная ветвь суперэтноса галлов-кельтов-киммерийцев, который сформировался около XII века до нашей эры именно в Украине». После чего этнос «под разными племенными названиями расселился на огромной территории – от Припяти до Испании и Палестины». Таким образом, галилеяне «были прямыми потомками южных галлов – выходцев с Украины». Тем более, что «Иисус был человеком *европейского* типа с атлетическим телосложением высотой 180 см., длинными волосами и благородным выражением лица», что подтверждает изображение на Туринской плащанице». Понимаешь, дружище? Получается, что «Иисус был галилеянином, а не иудеем», а значит украинцем по происхождению. А судя по некоторым фразам в тексте Библии… Это не я говорю, а так написано в статье… «Иисус говорил на «карпатском диалекте украинского языка». Не больше, не меньше. Идём дальше… Парламентская газета «Голос Украины» 12 марта 2009 года опубликовала статью доктора политических наук, профессора Валерия Бебика

под названием «Великий скиф Будда: пророк, который не знал Бога?». В статье указывается, что Будда имел украинские корни и принадлежал к скифскому народу будинов, проживавшему во втором тысячелетии до нашей эры на территории древней Украины. По утверждению этого учёного идиота Бебика, «Имя будинского народа сохранилось в названиях населенных пунктов Середина-Буда (Сумщина) и Буда (Черниговщина)». В публикации указывается, что потомки будинов до сих пор проживают на территории Сумской и Черниговской областей... Кстати, этот профессор также обосновал еще ряд не менее интересных идей, а именно: «украинское государство существует более 7,5 тысяч лет»; «Константинополь был колонией украинского Херсонеса»; герой греческих мифов Геракл был «уроженцем Крыма, жил на острове Хортица в нижнем течении Днепра и являлся прародителем скифов»; «Настоящее имя Чингисхана – Богдан» и он тоже был украинцем. Кроме того, украинцами были: царица Древнего Египта Нефертити, первый фараон Египта Менес, римский император Сулла, основатели Рима Ромул и Рем (оказывается они были выходцами из Ровно).

Ты думаешь — это шутка такая? Ничуть. Да, что там Иисус Христос и Будда, древние цари, фараоны и императоры! Теперь кратко перескажу тебе смысл «исторических» открытий некоего Сергея Плачинды. Ещё в две тысяча пятом году этот якобы учёный написал книгу «Лебедия», из которой настоящий патриот Украины может узнать, что «древне-украинский язык — мать всех индо-европейских языков», а «древняя Украина — родина всех индоевропейских народов». И вообще, по утверждению этого дебила с учёной степенью, «колесо и плуг изобрели древние украинцы в пятом тысячелетии до нашей эры. Тогда же они приручили коня». На чём основаны все эти «гениальные» открытия никто не знает, но в этой же книге написано, что «Древние укры несли в мир первичную цивилизацию и научили другие народы пахать, сеять, растить хлеб, ковать орала и плуги, ткать полотна, строить дома, и»... Держись за что-нибудь, чтобы не упасть... «Укры научили другие народы писать». Вот никто не умел, а украинцы всех научили. А, я-то, мой друг, всё удивлялся, с чего бы нашему президенту Ющенко публично возиться с какими-то найденными в земле черепками и восхищаться: «Какую цивилизацию мы миру принесли! Сколько уникальных шедевров, начиная от Триполья, мы подарили народам». В тот день мне подумалось, а не пора ли нам собственный Лувр построить, поскольку по мнению украинских искусствоведов, Репин — Репа, это украинский художник, а Чайковский - Чайка — украинский

композитор. Достоевский, оказывается, тоже наш, украинский. Правда писал по-русски, но всё равно наш. Так что, дорогие россияне, ничего своего у вас нет, а все созданное на Земле - «это украинская культура». А вот тебе откровения две тысячи пятого года от Мирослава Мамчака, кстати — главы телерадиокомпании ВМС Украины. Тоже почувствовал зуд в пальчиках и тиснул книжонку «Флотоводцы Украины», в которой так и написал: «Флот Запорожского казачества стал родоначальником Черноморского флота Российской Империи, а теперь и Черноморского флота Российской Федерации». Вот так-то! Но, и это ещё не всё. Наслаждайся... Оказывается, на самом деле, Америку открыли, кто бы ты думал? Правильно. Украинцы. Следи за умозаключениями некоего кандидата в дураки исторических наук Александра Дубины. По его утверждению, поскольку в средневековой Европе фамилии давались, как правило, по месту происхождения человека, то Христофор Колумб, называемый на португальском языке Коломбо, был родом из известного с XIII века города Коломыя (райцентр Ивано-Франковской области). При этом, шкипером на корабле Колумба ”Санта Мария” тоже был украинец - Хуан де Коса, чье имя «легко расшифровывается как Иван Козак». На основании этих «неопровержимых фактов», Дубина считает, что южноамериканское государство Колумбия должно быть названо в честь украинского мореплавателя Коломыей, а округ столицы США - Коломыйским районом Вашингтона. Все эти «научные» открытия сделаны задолго до Майдана четырнадцатого года...»

- Ладно, - отставной генерал, следивший за брезгливым выражением лица внука, читавшего выдержки из письма, раздражённо вырвал листы бумаги из рук Алёхина. - Довольно с тебя. Двигай до хаты. Опять мы с тобой засиделись, третий час ночи уже.

Алёхин вернулся домой ровно в три ночи, но разговор с дедом не шёл из головы. В душе царила сумятица, а сознание требовало анализа прочитанного. Однако мозг желал продолжения банкета.

- Утро вечера мудренее, но до него ещё дожить надо, - мрачно пробормотал он и, сварив себе ещё кофе, достал из тайника дневник Горбачёвой.

Спать не хотелось, Наташи не было. Александр, тяжело вздохнув, начал лениво листать страницы, но через минуту откуда-то из середины тетради выпали два листа бумаги. Александр нагнулся, поднял их с ковра и развернул. На полях текста, который оказался копией стенограммы, он с удивлением

узнал почерк деда. Заголовок тоже был написан рукой генерала и звучал так: «Выступление Б.Н. Ельцина перед американским конгрессом 17.06.1992 г.». Поскольку никогда раньше Алёхина особо не интересовала политика, а тем более политология, он с нарастающим интересом начал читать текст и ремарки деда на полях:

«***Я имею высокую честь выступить здесь, в конгрессе великой свободной страны,*** как впервые за тысячелетнюю историю России всенародно избранный президент, как гражданин великой державы, сделавший свой выбор в пользу свободы и демократии».
(*Аплодисменты. Конгрессмены, мать их, аж подскакивают, овация. Какой выбор, когда? Сделавший единолично? От имени державы его никто не просил.*)

«***Мир может вздохнуть спокойно:*** коммунистический идол***, который*** сеял повсюду на земле социальную рознь, вражду и беспримерную жестокость, который наводил страх на человеческое сообщество, рухнул. Рухнул навсегда. ***И*** я здесь для того***, чтобы заверить вас: на нашей земле*** мы не дадим ему воскреснуть!» *(Бурные аплодисменты, опять подскакивание конгрессменов, овация... Широко шагает Борис. Не боится штаны порвать? А это не ты разве почти всю свою жизнь сознательно служил этому коммунистическому идолу, сеявшему «рознь, страх и беспримерную жестокость?» Или прикидывался, Иудушка?).*

«***Я горжусь тем, что*** российский народ нашёл в себе силы и сумел сбросить с плеч тяжёлую махину тоталитарной системы***»*** *(А, не ты ли со товарищи, будучи комсомольским вожаком, а потом делая партийную карьеру, толкал свой народ под эту «махину», построенную большевиками? Что-то тебя тогда совесть не мучила.)*

«Я горжусь тем, что говорю здесь от имени великого народа, который вновь обретает своё достоинство***. Я преклоняюсь перед простым россиянином, который в самых тяжёлых испытаниях*** сберёг душу и идёт сегодня на неимоверные лишения во имя возрождения своей родины.» *(А я, наивный, как и все в этой стране, думал, что мы обрели свою свободу и достоинство гораздо раньше, когда возродили государство после Гражданской войны, победили Гитлера, заново отстроили державу, запустили в Космос первый спутник и первого космонавта. Что ты знаешь, перерожденец, о русской душе?)*

«Россия окончательно сделала выбор в пользу цивилизации, здравого смысла, общечеловеческого опыта. ***Убеждён, что***

наш народ обязательно осилит этот нелёгкий путь. Нет в мире народа, которому был бы вреден воздух свободы.» *(Вот, сволочь! Да у тебя самого в душе давно сформировалась самая настоящая рабская психология. Значит, по-твоему, мы все нецивилизованные варвары? А насчёт вреда воздуха свободы тебе могли бы рассказать сербы, которых с твоего согласия бомбили самолёты НАТО, стараясь сделать их абсолютно свободными от любви к Родине, от способности защищаться. Спросил бы, что думали о такой свободе иракцы и Саддам Хуссейн, когда американцы утюжили Багдад ракетами.)*

«И это правило не имеет исключений. Свобода раскрепощает ум, питает оригинальные дерзкие идеи и концепции, но не обеспечивает немедленно процветание, не наделяет каждого счастьем и благополучием. Это особенно важно помнить политикам — самые благородные устремления неизбежно будут отброшены и преданы забвению, если не найдут прямого продолжения в повседневной черновой работе. Наш опыт последних лет ярко подтверждает это. Свободу не обмануть! Не может существовать демократия и тоталитарная государственная система. Не может сосуществовать рыночная экономика и возможность командовать всем и вся. Не может сосуществовать плюралистическое по своей природе гражданское общество и коммунистическая нетерпимость к инакомыслию. Опыт минувших десятилетий научил нас: коммунизм не имеет человеческого облика! Свобода и коммунизм несовместимы!»
[Бурные аплодисменты, переходящие в овации. Мерзавец! Ну, не лицемер? На скольких ты сидел партсобраниях, заседаниях ЦК, партийных съездах, клеймя американский образ жизни. Скольким членам партии, осмелившихся выступить с критикой родной, воспитавшей тебя системы, ты сломал карьеру? Не ты ли, коверкая чужие судьбы, помогал строить коммунизм? Оказывается, твой опыт научил тебя, что коммунизм не имеет человеческого облика? Посмотрел бы ты, сволочь в зеркало на свой облик алкаша.)

«***Вы помните август прошлого года? Когда в течение трёх дней над Россией висела чёрная тень диктатуры. Я обращался к москвичам, к защитникам российского Белого дома, обращался ко всем россиянинам*** *(так в речи)*, ***обращался с танком*** *(оговорка по Фрейду?)*, ***с танка, чей экипаж не подчинился преступному приказу. Скажу искренне, тогда у меня было чувство страха, но чувство страха не за себя, это был страх за судьбу демократии в России и во всём мире, я знал, что могло произойти, если мы не победим. Граждане России защитили свою***

свободу и не допустили, чтобы 75-летний кошмар повторился вновь. С этой высокой трибуны я хотел бы выразить искреннюю благодарность и признательность президенту США г-ну Джорджу Бушу, американскому народу *(запинается)* ***за неоценимую моральную поддержку правого дела российского народа в тот период».***
(Аплодисменты... Мерзавец, заискивающий перед ещё худшими лицемерами и мерзавцами. Это же надо? Боялся за судьбу демократии в России и мире... Не за судьбу демократии ты боялся, а за собственную персону, боялся за свою личную власть, за привилегии. Если бы не слабый, никчёмный предатель Горбачёв, валил бы ты лес за Уралом вместе с подельниками: Кравчуком, Шушкевичем, Бурбулисом, Шахраем и всей компанией — творцами Беловежских соглашений. Вот чего ты боялся.)

«***Россия на своём опыте убедилась: любое промедление в укреплении свободы и демократии может отбросить общество далеко назад. Сегодня для нас как никогда актуален зловещий урок прошлого: именно в разрушенной стране с обескровленной экономикой большевизм сумел создать тоталитарный режим — гигантскую военную машину, запустить ненасытный ВПК. Это не должно повториться. Вот почему задача задач для России сегодня — это проведение экономических и политических реформ».***
(Вот же паразит! Эк, перевернул всё. Полностью уверен, что после революции кто-то пытался у нас укреплять свободу и демократию, а большевики отбросили общество назад. Ты забыл, кто двигал войска на восставший Питер? А не в тот ли период времени Британия владела половиной мира в виде колоний и подавляла любое сопротивление покорённых народов, не думая ни о свободе, ни о демократии. А не американцы ли случайно во время нашей гражданской войны высадились в Архангельске, и вместе с японцами — на Дальнем Востоке? А не Америка ли случайно имеет гигантскую военную машину, офигенный ВПК и военные базы по всему миру? Ах, да. Это, в смысле «режим» и прочее бла-бла не должно повториться. А то, кто-нибудь вновь восстанет, как Вьетнам, Корея, как Сальвадор Альенде в Чили.)

«***Перед нами стоят проблемы, которые ещё никому в мире не приходилось решать одновременно. Нужно: обеспечить беспрецедентное реформирование экономики, которое за семь десятилетий лишилась всех рыночных механизмов, заложить основы демократии, возродить правовое государство в стране, которое десятилетиями отравлялось ядом социальной розни и политического***

подавления, обеспечить на период преобразований социальную и политическую стабильность в стране — сохранение гражданского мира. В этом сложнейшем деле у нас нет права на неудачу, нет дополнительных попыток как в спорте — все они были использованы нашими предшественниками. ***Поэтому реформы во что бы это ни стало нужно довести до конца. Вселяет в меня силы поддержка большинства граждан России. Россияне уже поняли, что нет другого пути, кроме пути реформ. И это очень важно. Сегодня я говорю вам так, как говорю своим соотечественникам: "От реформ не отступлю!" А сместить меня практически до 1996 г. невозможно — я здоров и не сдамся, пока реформа не будет необратимой».***

(В момент перевода этой фразы конгрессмены смеются, аплодируют и встают... Господи! Такого персонажа и клоуна они у себя давно не видели. Большинство из конгрессменов наверняка были знакомы с досье ЦРУ на Бориса и знали о его характере, привычках и пристрастиях к спиртному. Зачем смещать алкаша? Пусть по пьяни указы подписывает. Потому и были приставлены к нему реформаторы — Чубайс с компанией. У них действительно нет права на неудачу, на вторую попытку. Чубайс, судя по тому, что я о нём знаю, страшный человек, у которого нет души и ничего святого там, где она должна быть. Пройдёт по трупам, если нужно. Ему поставили задачу не реформы проводить, а уничтожить страну, самого мощного противника США. Два очень беспринципных (ещё Гайдар), и очень принципиальных в своей жёсткости, жестокости и безжалостности человека, за которыми выстроилась стая шакалов).

«***Мы чувствуем колоссальную ответственность за успех наших преобразований не только перед российским народом, но и перед гражданами США, перед всем человечеством. Сегодня свобода Америки защищается в России. И если реформы провалятся, придётся заплатить многие сотни миллиарды долларов, чтобы хоть как-то компенсировать эту потерю.»*** *(Неприкрытое заискивание со стороны Ельцина. Мол, аванс не помешал бы мне. Заплатите за работу. И на ответственность перед собственным народом ему плевать, а вот прочее человечество в лице США — это другое дело).*

«***Вчера достигнуто беспрецедентное соглашение о глубоких сокращениях Систем Наступательных Вооружений в два этапа. Причём, не на 30-40 % как раньше и договаривались 15 лет, а более чем в три раза: с 21 тысячи***

боеголовок (*при переводе этих слов конгрессмены начинают аплодировать и вставать. Таких подарков от вероятного противника никто не ждал. Сидели, наверное, и не знали — верить или нет. Может. Во хмелю сболтнул, но разобрались, что не шутит Борис. Полная победа без войны!)* ***до шести, семи тысяч договорились всего за пять месяцев и эту всю работу провести к 2000-му году. И я очень надеюсь, что мы с Бушем доживём до этого года.***

(*Конгрессмены смеются, аплодируют, снова подскакивают, овация, камера выхватывает какого-то ошеломлённого американского военного. А Боря продолжал, балдея от эйфории. Горбачёв отдыхает. Переплюнул его Бориска)*

«***Мы, просто, не имеем право похоронить эту уникальную возможность. Тем более что сегодня судьбы ядерного оружия и российских реформ, призванных навсегда устранить возможность тоталитарной диктатуры в России, оказались столь драматически связаны. Заявляю вам: у нас есть твёрдая решимость и политическая воля идти вперёд, и мы доказали это на деле, и именно Россия покончила с имперской политикой и признала первыми независимость республик Прибалтики. Россия была в числе основателей СНГ, которое прекратило путь к неконтролируемому распаду бывшей империи, отвело опасность всеобщей межнациональной бойни. Россия предоставила реальные права своим автономиям, подписан федеративный договор, и наше государство избежало участи Советского Союза — Россия сохранила своё единство. И именно Россия существенно замедлила скорость маховика милитаризации и делает всё, чтобы остановить его. Я ответственно заявляю, мы, не дожидаясь подписания договора или соглашения, приступили уже, и подтвердит здесь министр обороны России присутствующий, к снятию с боевого дежурства ракет тяжёлых «СС-18», нацеленных на США».***

(Конгрессмены снова подскакивают, нескрываемые улыбки, бурные аплодисменты, овация. Дождь подарков продолжается, мать его! Противник продолжает разоружаться. Браво!)

«***Уважаемые члены Конгресса, каждый человек несёт печать своего времени, ни для кого не делается исключения: ни для рядового гражданина, ни для президента... -*** *(Если у Горбачёва была на лице печать Иуды на голове, то четырёхпалого Ельцина Господь пометил печатью Каина)...* ***- Многое пережито, многое переосмыслено. И вот сейчас хотел бы закончить своё выступление***

словами из песни американского композитора российского происхождения Ирвинга Берлина (*поднимает глаза, благоговейно, не по бумажке)*: «***Господи, благослови Америку!»***
(Конгрессмены вскакивают, аплодируют. Ельцин учтиво держит правую ладонь у места, где, как он считает, расположено сердце. Конгрессмены театрально подходят ближе к трибуне, стоят и аплодируют. Овация, мать их. Ельцин в умилении кивает головой — отстрелялся. Аплодисменты не утихают. Ельцин вскидывает кулак вверх — Всё просаран!)

Алёхин тяжело вздохнул, аккуратно сложил листы стенограммы, сунул их обратно в тетрадь, положил дневник Горбачёвой на стол и, не выключая света, побрёл к дивану. Он прикрыл ресницами уставшие, воспалённые глаза, но сон не торопился принять его в свои объятия. Капитан давно научился не думать о службе в свободное от неё время, но именно этой ночью заснуть не удавалось. Разум отказывался понимать недавнее прошлое. Чтобы отвлечься, Александр стал размышлять о новом задании, которое он третьего дня получил от начальства. Записку Ивана Матвеевича принёс специальный курьер, что являлось подтверждением особого случая. Команде Алёхина требовалось найти свидетельства, опровергающие обвинения американских «партнёров» в адрес России о вмешательстве русских хакеров в предвыборную компанию США. Он перечитал короткий текст записки несколько раз, удивляясь наивности и невежеству начальства. Первым порывом после того, как он сжёг клочок бумаги, было тут же написать ответ в виде небольшой лекции по кибербезопасности, но через минуту изменил решение, пообещав себе пораскинуть мозгами над этой новой проблемой. За время службы, когда он был ещё курсантом, вышестоящие командиры не уставали повторять - «Не умеешь — научим. Не хочешь — заставим».

«Нужно посоветоваться с Атласом», - решил Алёхин, хотя знал, что если кибер-атакующий не захочет оставить о себе какую-то информацию, то установить его местонахождение и национальную принадлежность практически невозможно.

Атлас как-то упоминал, что в структурах ЦРУ существует специальная группа хакеров UMBRAGE, в задачи которой входит тщательная маскировка под другие хакерские группы, обосновавшиеся в третьих странах.

- Эти парни — профи, - говорил Атлас. - Я точно знаю, что они выдают себя за хакеров из России, Ирана, Китая и Северной Кореи. Американосы искусно имитируют «почерк» любой группы, которую хотят «засветить», а пользуясь тем, что вся «Паутина» у них в кармане, могут продублировать любые IP — адреса в любой

стране.

- Но на каждую хитрую задницу должен быть свой крутой винт, - пробормотал Алёхин, выстраивая в уме предстоящий разговор с Атласом.

Он мог бы просто приказать парню сделать работу, но в последнее время Атлас всё реже появлялся в офисе, откровенно отлынивая от работы. Где он пропадал и чем занимался, Алёхин мог только догадываться, но то, до чего временами докапывался хакер, используя свои знания и виртуальные знакомства в мире «специалистов» особого профиля, было настолько ценным, что ссориться с парнем не имело смысла.

Через пару минут размышления Алёхина переключились на отношения с Наташей. Он поймал себя на мысли, что сам наверняка находится под наблюдением ГРУ. В любом случае исключать эту возможность было бы глупо, а это значило, что нюансы его отношений с девушкой рано или поздно будут известны начальству, что сулило проблемы.

«Может, жениться?», - подумал капитан, но тут же улыбнулся, слабо представляя себя в роли мужа.

Перед его внутренним взором предстало лицо Наташи, и он решил, что на следующей неделе нужно обязательно куда-нибудь повести её развлечься. Александр догадывался, что она скучает. Не в её характере — сидеть дома, скучая в одиночестве. Александр пообещал себе, что больше не даст девушке шанса устроить ему испытание в виде сегодняшней ночи без неё. Чувство ревности заполнило сердце, но тут же растворилось в злости на самого себя.

- Сволочь! - сквозь зубы выругал себя Алёхин и почти тут же провалился в сон.

Осень проникла в Москву тихо и почти незаметно. Поначалу с тёплыми западными ветрами, нежно обнимающими ещё зелёные листья лип и тополей. Затем немного похолодало, однако, пальто всё ещё продолжали висеть не нужными в шкафах горожан. Во второй декаде ноября начались нудные затяжные дожди, небо заволокло низкими облаками. В скверах усердно трудились дворники, собирая в чёрные пластиковые мешки мокрую, бодро падающую листву. Казалось, что сумерки начали захватывать город раньше положенного времени. На улицах по вечерам становилось всё меньше людей. Для «служивых» из «Центра изучения исторических перспектив» каждый день делился на периоды: первый - до пары чашек

кофе во время ланча с гамбургерами из Макдональдса и второй - после ещё десятка чашек из кофе-машины, установленной на столе в жалком подобии кухни, устроенной в конце длинного коридора. Всё остальное время отнимал анализ информации, поступающей из разных источников. Иногда Алёхину казалось, что его скоро будет тошнить от вида компьютеров, от мерцания экранов, от содержимого флешек, принимаемых из рук, одетых в гражданское, офицеров специальной связи, которые зачастили в Центр. Для архивных работ ему прислали нового сотрудника, откомандированного в распоряжение Алёхина начальством вместе с ещё полудюжиной человек для прохождения дальнейшей службы. Александру не нравилось, что штатное расписание увеличилось в два раза. Ему не нравилось, что его контора превращается в информационный сливной бачок, но спорить с Иваном Матвеевичем, с которым он изредка встречался, не имело смысла. Судя по поступающим данным, информационно-пропагандистские атаки на Россию и политические баталии на дипломатическом поприще приобретали ожесточённый, строго направленный и плохо управляемый характер. Атлас тоже доставлял много хлопот. Появлялся он редко, зато, когда бывал в офисе, вёл себя с прочими сотрудниками вызывающе, свысока и пренебрежительно. Единственным плюсом его появлений была всё та же информация, на основании которой аналитические записки, которые Алёхин готовил для руководства, были насыщены фактами и вескими доказательствами, основанными на сканах секретных файлов, похищенных у первоисточников. Именно по этой причине Алёхин терпел выходки Атласа, его странные, часто не к месту, цитаты из Ветхого Завета, которым Александр не переставал удивляться, считая очередным чудачеством своего главного хакера.

Алёхин взглянул на часы, висевшие в кабинете над шкафом, забитом книгами по экономике, истории разведок мира, рефератами на основных европейских языках студентов, чья будущая специальность — политология, конфликтология и технологии влияния на социум. Вечером он обещал Наташе повести её в Большой театр. Билеты уже лежали в его кармане. Сам Александр дочитывал результаты расследования одного известного британского журналиста, связанного с английской разведкой. Его компьютер якобы случайно взломал один из приятелей Атласа, а тот притащил материал Алёхину. Файл состоял из двух частей. Первая относилась к самому расследованию, и содержала пояснения, сделанные, судя по манере, самим Атласом. Ремарки были напечатаны курсивом.

Капитан ещё раз взглянул на часы и, тяжело вздохнув, погрузился в чтение откровений репортёра.

«После покушения на Сергея Скрипаля мне удалось получить информацию, что бывший русский разведчик был тесно связан с экс-агентом Ми-6 Кристофером Стилом — тем самым, который составил скандальное «русское» досье на Дональда Трампа. На самом деле досье сделано по заказу предвыборного штаба Хиллари Клинтон при посредничестве американской фирмы Fusion GPS. Материалы досье использованы для введения в заблуждение тайного суда FISA с целью получения ордера на прослушку штаба Дональда Трампа».

Тайный суд FISA — структура Внешней разведки Соединённых штатов. Создан по инициативе Конгресса для процедуры получения разрешений на физическое и электронное наблюдение и сбор разведывательной информации внутри США. Суд совещается в тайне. Выслушивает только сторону обвинения, подающего запрос. Решение суда окончательное и обжалованию не подлежит. Судей в состав суда назначает лично Верховный судья США, не отчитываясь ни перед Сенатом, ни перед Конгрессом, а, тем более, не запрашивая согласия Президента США. Таким образом Верховный судья в данном вопросе не отчитывается ни перед кем, даже перед Верховным судом и не обсуждает ни с кем кандидатуры судей.

«По некоторым данным, Скрипаль активно сотрудничал с частной сыскной фирмой Orbis Business, до настоящего времени руководимой Кристофером Стилом. Мои источники в разведке на условиях анонимности подтвердили эту информацию. Сам Стил, будучи скромным агентом МИ-6, одно время работал в дипломатическом представительстве Британии в Москве. Вернувшись в Лондон, он стал одним из многих экспертов по России, причем не самым лучшим. За его плечами - всего лишь три года (1990-1993) работы в России под дипломатическим прикрытием. Бывшие коллеги Стила сообщили мне, что он занимался в основном кабинетной деятельностью и в «поле» не выходил. К удивлению многих сослуживцев Стила его карьера претерпела головокружительный взлет именно в то время, когда Скрипаль начал передавать Ми-6 секретную информацию (в 1995-2004 годах). В 2006-м Стил был уже главой российского отделения британской разведки. Нет никаких сомнений в том, что Скрипаль знал Стила, а Стил знал Скрипаля. И ещё одно замечание. Не столь важно, был ли Стил куратором Сергея Скрипаля (хотя, скорее всего, был). Куда важнее другое. Экс-сотрудник ГРУ не мог быть источником Стила при составлении досье на Трампа (три четверти которого оказалось фальшивкой).

К тому времени Скрипаль уже давно не жил в России и не имел доступа к российской секретной информации, а его дочь Юлия никаких выходов на осведомленные источники не имела. Остаётся вопрос - в чем заключалось сотрудничество Скрипаля с Orbis Business?»

Алёхин прокрутил вниз страницу текста.

«Разумно предположить, что Скрипаль являлся консультантом Стила. Вместе они могли нафантазировать все, что угодно на основе знаний беглого русского разведчика о специфике работы российских спецслужб на рубеже веков. Впрочем, сочинительством мог заниматься и сам Кристофер Стил, а Скрипаль просто советовал ему, какие материалы можно использовать для компромата на Трампа. В этом качестве беглец был совершенно неопасен для спецслужб России — таких консультантов на Западе - вагон и маленькая тележка, как говорят русские. Но если Скрипаль действительно плотно работал вместо со Стилом, то жертва отравления доподлинно знала, что русское досье Трампа — полный фейк. Возможно, он знал даже нечто большее. О заказчиках, о том, как фабриковали дело о российском вмешательстве в предвыборные баталии в США. Может быть, Скрипаль даже догадывался об основных действующих лицах антитрамповского заговора. А вот это уже опасное знание. Возможно, именно по этой причине МИ-6 решило избавиться от Скрипаля... Следует заметить, что в 2009 году после смерти своей жены Лоры, Стил ушел в отставку. Вместе с партнером Кристофером Берроузом он основал фирму Orbis Business Intelligence, которая занимается корпоративной разведкой. Об этом говорится на официальном сайте фирмы. Там же можно узнать, что Orbis работает не только в Британии, но и по всему миру. «Мы предоставляем стратегические консультации, проводим сбор разведывательных данных, анализ операций, а также сложные межотраслевые исследования», — говорится на сайте организации. По данным сайта, эти исследования касаются технологий отмывания денег, защиты интеллектуальной собственности, а также вопросов, связанных с политикой». И ещё... Американский президент Дональд Трамп был не первым, за которым следил Кристофер Стил. Известно, что бывший сотрудник Ми-6 в 2016 году собирал компрометирующую информацию на занимавшую в то время пост зампреда Еврокомиссии Кристалину Георгиеву, которая была одним из претендентов на пост генсека ООН. Из электронных писем, попавших в моё распоряжение, можно сделать вывод, что Стил связывался с некоторыми влиятельными гражданами Болгарии, пытаясь исследовать темное прошлое Георгиевой, особенно ее

предполагаемые связи с организованной преступностью».

Закончив чтение файла, Алёхин сделал в своём смартфоне пометку - «поработать с электронной почтой Георгиевой и не оставлять без «опеки» британского журналиста». Затем сбросил файл документа на флешку, предназначенную для отправки начальству и выключил компьютер, не забыв установить новый пароль. Часы показывали седьмой час вечера. Александр быстро навёл порядок на столе, проверил содержимое ящиков, запер сейф, быстро оделся и покинул офис. На стоянке автомобилей он нашёл свою машину. Пока грелся двигатель, заботливо протёр боковые зеркала чёрной «Волги — Газ 21». Это был давний подарок деда. Летом автомобиль стоял на даче в гараже и покидал убежище только с наступлением осени, когда на мотоцикле ездить уже было не комфортно. Алёхин потратил кучу денег, чтобы отреставрировать авто, напичкать его современными устройствами типа дисплея с медиа системой, автоматическими стекло подъёмниками, разъёмами для зарядки смартфонов и прочими прелестями цивилизации. Благо - кузов Волги был в идеальном состоянии, поскольку дед купил машину прямо из гаража Совета Министров СССР сразу после развала страны. Генерал на службе редко пользовался этим автомобилем, предпочитая ради экономии времени ездить на метро.

Алёхин подобрал Наташу на троллейбусной остановке возле Белорусского вокзала. Девушка ворвалась в машину вместе с порывом свежего осеннего ветра и выглядела потрясающе, всем своим видом подтверждая догадку капитана, что сегодня она выкроила время зайти к стилисту. Волосы были искусно уложены, обрамляя слегка завитыми прядями похудевшее лицо. И без того красивую линию губ корректировала розовая помада. Небольшой слой туши на ресницах подчёркивал миндалевидный разрез глаз. Умело нанесённый макияж делал облик девушки слегка аскетичным, но ещё более привлекательным.

- Классно выглядишь, и пахнешь соблазнительно, - сказал, улыбаясь Алёхин.

- Шанель номер пять, - весело откликнулась девушка. - Надеюсь, у нас билеты в первых рядах партера?

- Десятый. Других не мог достать.

- Жаль!

- Почему? Это же близко и... И - достаточно дёшево.

- Ну, что за мужик пошёл нынче, - с укоризной сказала Наташа. - Не дано вам постигнуть всех тайн женской души.

- Почему? - Алёхин сделал вид, что обиделся.

- Нет. Вот ты скажи. Зачем женщины ходят в театр?

- Из любви к искусству.

-Темнота. Женщины - сами произведения искусства. Мы ходим туда не на людей посмотреть, а себя показать.

- И кто тебе мешает?

- Десятый ряд.

- Почему?

- Опять «почему»? Так бы, я встала в первом ряду, обернулась в зал и постояла бы минуту, другую...

- Понимаю, - снова улыбнулся Алёхин, не сводя глаз с дороги. - Фурор произвести?

- Нет. Ты безнадёжен... Мы же на «Мазепу» идём?

- Угу.

- Значит, объясняю... «Мазепу» я видела и слышала раз пять. Это — первое. Мне наплевать на фурор, на завистливые взгляды баб при свете люстр театра. Главное, что все мужики в зале с меня бы потом глаз не сводили даже в темноте. Тем более, что почти все оперные певицы весят килограммов по сто.

- Теперь понял, - рассмеялся Александр. - Ты хочешь лишить мужиков зрелища?

- Наоборот, - Наташа повернула лицо в профиль. - Разве я не хороша?

- Ладно, ладно, - Алёхин уже искал место на платной стоянке в одном из переулков рядом с театром. - В следующий раз возьму билеты на галёрку. Будешь знать. Выходи, сокровище нации.

Уже к концу первого акта Александр спал сном праведника. Он не видел глаз актрисы, певшей арию Марии, которая с презрением посматривала на поникшую голову Алёхина в тех паузах, когда пел её партнёр — запорожский казак Андрей. На храп в моменты музыкальных пауз несколько раз оборачивался даже дирижёр, стоявший на постаменте в оркестровой яме, но встречая ироничный взгляд Наташи, понимающе улыбался. Алёхина разбудили только аплодисменты после финала второй картины первого действия. Он повернул голову к девушке и

удивился беспокойству, с которым она оглядывала зрительный зал.

- Что? Ой, прости. Заснул нечаянно.

- Не бери в голову, - сказала Наташа, вставая. - Пойдём отсюда.

- В буфет?

- В гардероб. Одеваться.

- Почему? До конца ещё далеко… Тебе не понравилось? Ах, да… Ты на этой опере - в пятый раз.

- В шестой, - поправила его девушка. - Не в этом дело. Уходим.

Алёхин покорно поплёлся за Наташей, перед которой поспешно расступались мужчины и опускали глаза женщины.

В гардеробе Алёхин подал приготовленные заранее номерки служительнице.

- Что? Не нравится опера? - Спросила та.

- Очень нравится, - Наташа повернулась к женщине. – Печальная история. Там Мария скоро узнает о пытках, о грядущей казни Кочубея. Такие арии будут исполняться, что слёзы на глазах сами наворачиваются! В таких местах я всегда рыдаю, а сердце просто разрывается от боли.

- Да, да, - посочувствовала гардеробщица. - Такое произведение, такие у нас певцы, так искренне поют. Я, когда идёт второе действие, тоже плачу, Носового платка не хватает… Даже здесь, - женщина развела руками, избавившись от двух плащей слишком чувствительных зрителей.

Алёхин, хорошо зная Наташу, едва не прыснул в кулак.

- И, что это было? - спросил он, усадив девушку в автомобиль.

- Так… Ничего.

- Давай уже. Что случилось? Только не надо мне заливать про страдающую Марию, бедного Кочубея и прочие оперные страсти.

Наташа всем телом развернулась к Александру.

- Знаешь… Я думала, что это мне кажется, но нет…

- Что кажется? И, что нет?

Даже в сумраке салона машины было видно, как беспокойно сверкали глаза Наташи.

- Знаешь, что я чувствую? Будто, весь последний месяц за мной следят.

- Господи! Да, с чего ты взяла?

- С потолка, - девушка раздражённо повернула к себе салонное зеркало заднего обзора. - Ты же знаешь, что я очень хорошо ощущаю на себе чужие взгляды.

- Брось. Кто-то косо посмотрел на тебя. Я заметил, что мужики часто провожает красавиц жадными глазами, особенно, если парням от шестнадцати до семидесяти, - голос Алёхина звучал преувеличенно бодро, но тревога уже проникла в сердце.

- Это другое. Даже на даче иногда я просыпаюсь от того, что кто-то наблюдает за мной. А уж, когда по улице иду или, скажем в такси еду. Вот и сейчас...

Наташа вращала зеркало, рассматривая людей на улице.

- Буду давать тебе на ночь пустырник, - Алёхин ласково провёл ладонью по атласной щеке девушки. - Говорят, помогает. Будешь спать крепче, чем я на этой чёртовой опере. - Впрочем, знаю лучшее средство. Рюмка коньяка перед койкой и секс.

- Так и сделаем, - Наташа вернула зеркало на место. - Поехали отсюда. Давай, какой-нибудь ресторан найдём. Посидим и выпьем в самом деле.

Александр, запуская двигатель, согласно кивнул. Он был почти счастлив, что выкроил время для Наташи, которая последние дни явно скучала. Но всё равно, чувство вины и недовольство собой таились в глубине души Алёхина. Он справедливо полагал, что именно эта осень будет решающей для его отношений с девушкой. Работа отнимала у него почти все силы, не позволяя уделять Наташе столько внимания, сколько нужно.

«Проклятая служба, - думал капитан, вращая баранкой и легко удерживая тяжёлую машину на мокрой дороге. – Вот, возьму и женюсь на зло всем», - эта мысль заставила его вспомнить своё обещание начальству.

Затем он мысленно представил себе строгое, изрезанное глубокими морщинами лицо Ивана Матвеевича, его осуждающий взгляд, недовольно сжатые губы.

«Ну, не расстреляет же он меня», - почти прошептал Алёхин, беззвучно шевеля губами.

- Что? - спросила Наташа.

- Нет. Ничего.

- Ты вроде, что-то сказал.

- Тебе показалось, - Александр на мгновение повернул голову к девушке.

- Ладно. Показалось и показалось. Только не сердись.

- Я не сержусь.

- Сердишься... Я же вижу. У тебя взгляд становится немного странный.

- И ничего не странный, - Алёхин закусил нижнюю губу.

- Ладно. Ты не волнуйся.

- Я не волнуюсь. С чего ты взяла?

- Хорошо, - тёплая ладонь девушки легла на правую руку Алёхина, державшую руль. - Вон вывеска. Вроде ресторан. Тормози.

Александр, сняв ногу с педали акселератора, начал притормаживать, перестраиваясь в правый ряд, и намереваясь свернуть с Ленинградского проспекта на боковую улицу.

- Господи! - Наташа улыбнулась, поправляя волосы. – Яр? В самом деле? Это круто.

- Угу, - довольно буркнул Алёхин. - А ты думала я тебя в какую-нибудь дешёвую забегаловку повезу?

- Обалдеть! - воскликнула девушка и тихо запела:

«Соколовский хор у Яра

Был когда-то знаменит.

Соколовская гитара

До сих пор в ушах звенит...»

Александр, паркуя «Волгу» на стоянке, подхватил:

- «Эй, ямщик, гони-ка к «Яру»

Лошадей, брат, не жалей...»

- Лев Толстой. «Живой труп», - сказала Наташа, открывая дверь авто.

- А наш Лев Николаевич ещё и поэтом был? - удивился Алёхин, вынимая ключ из замка зажигания.

- И драматургом тоже... Эх, ты! Темнота... Ой! - девушка едва не наступила в глубокую лужу рядом с машиной.

- Подожди, - Александр выбрался из автомобиля, обошёл его, легко подхватил Наташу на руки, ногой захлопнул дверцу и понёс драгоценную ношу к ресторану.

Швейцар, чьи галуны на форменном пальто блестели, словно золотые монеты, улыбаясь, открыл массивную дверь.

- Добро пожаловать.

Алёхин, не обращая внимания на нескольких человек, стоявших возле консоли гардероба, опустил смеющуюся, вырывающуюся Наташу на сверкающий паркет только возле резного дивана с красными парчовыми подушками. К ним уже спешил метрдотель — молодой человек, одетый в чёрный фрак.

- У вас, конечно, столик заказан, - полным собственного достоинства, вкрадчивым голосом произнёс он.

- Конечно, нет, - беспечно ответил Алёхин, изучая лицо молодого человека, на котором уже проступила высокомерная маска неприступности.

- Тогда, простите, но вынужден вас огорчить. У нас столики заказывают иногда даже за месяц. Увы.

- Я думаю, вы решите эту маленькую проблему, - в руке Алёхина появилась пятитысячная купюра, тут же перекочевавшая в нагрудный карман чёрного фрака.

Молодой человек огляделся по сторонам, затем тяжело вздохнул, проталкивая банкноту глубже.

- Посидите здесь. Сейчас что-нибудь придумаем. Это займёт минут десять.

- Торопиться не нужно, - Александр уже усаживался рядом с Наташей, оглядывая роскошное убранство вестибюля.

Метрдотель, кивнув, неторопливым шагом направился к дверям, из-за которых доносился негромкий гул голосов, звон посуды и тихая скрипичная музыка.

- Ты сумасшедший, - Наташа, достав из своей сумочки смартфон, выключила его.

- А ты — кладезь информации, - улыбнулся Алёхин. - Я думал, что этот романс не Толстой сочинил, а какой-нибудь цыган или гусар в давние, давние времена, а теперь это даже на эстраде поют.

- Мне приятно, что сумела тебя удивить, - Наташа привстала, оценивая своё отражение в огромном зеркале, висевшем на

противоположной стене. - Не слишком шикарное платье для ресторана в будний день?

- Не одежда красит человека, - Александр перехватил взгляд толстяка с огромным животом, распиравшим двубортный пиджак и не опускал глаза, пока тот не отвернулся и не стал что-то выговаривать своей спутнице — тощей юной девице в высоких чёрных ботфортах на длинных худых ногах. - Хочешь я тебя удивлю?

- Давай, - согласилась Наташа. - Судя по всему, у нас сегодня вечер откровений.

- Вроде того... Начнём. Что ты знаешь о Яре?

- Роскошный ресторан. В этом же доме — гостиница Советская и цыганский театр «Ромен». Историческое здание. Заведение пользуется успехом, но цены здесь космические.

- Это всё? - победно усмехнулся Алёхин.

- Пожалуй, - нерешительно сказала девушка. - Ну, ещё стиль особый. Богато, пафосно. Паркет классный, наборный. Что ещё? Наверное, цыгане здесь пели ещё при царе Горохе...

- Темнота, - передразнил Наташу Александр. - Слушай сюда, как говорят в Одессе. Знаешь, кто и когда его основал?

- В смысле — открыл? Нет.

- Эх! Мотай на ус. Тысяча восемьсот двадцать пятый год. В Москву из Франции в поисках счастья и, конечно, денег приехал предприимчивый человек, повар по имени Транкиль Ярд. Сразу после Нового года он открывает на углу Кузнецкого моста и Неглинки в одном из доходных домов заведение с названием «Ярд». Через несколько лет последняя буква в названии куда-то пропала, ресторан стал называться «Яръ» с твёрдым знаком. Интересно?

- Ещё как. Но тот «Яр» был в центре Москвы, если я не ослышалась. Где Кузнецкий мост и где улица Беговая?

- Молодец. Хороший вопрос. Слушай дальше. Через три года «Яръ» выселили с Кузнецкого моста. А произошло это по причине, что возле заведения часто пели цыгане, а властям казалось, что это «повреждает нравы добропорядочных москвичей». Ресторан переехал в увеселительный сад «Эрмитаж». Но не в современный сад «Эрмитаж» на Петровке, а в старый, который был на Божедомке.

- Чем же месье Тронкилю на Божедомке не понравилось?

- Ресторатор тут не при чём. Он опять не угодил властям. Слишком шумно там гуляли. Опять же — цыгане. Тогда существовало неписаное правило. Цыганам разрешалось петь только на окраине, за городской заставой. Поэтому Яр и перебрался сюда. Здесь в то время была окраина Москвы, застава с будкой и шлагбаумом. Заведение вновь открылось в Петровском парке в одноэтажном здании возле Петербургского шоссе, ныне — Ленинградка. Там, где мы оставили машину, росли вековые деревья вплоть до стен загородного дворца Петра Первого, ныне - Академия Жуковского. Здесь можно было петь сколько угодно. Ни месье француз, ни цыгане ничего от этого переселения не потеряли. Популярность заведения только росла, удаленность нового «Яра» от Москвы никого не смущала. Каждый вечер богатые купцы, прочие любители хорошей кухни и цыганского пения мчались к ресторану на рысаках. У ямщиков такие заказы считались очень прибыльными. Во-первых, пассажиры щедро платили извозчикам, во-вторых, ресторан бесплатно выдавал лошадям сено. А сено тогда было дорого.

- Но ты же сказал, что заведение было одноэтажным. Вижу — с тех пор домик значительно подрос.

- Прежде, чем ресторан стал культовым тусовочным местом, он сменил владельца. Пресыщенный российской жизнью Тронкиль продал ресторацию русскому купцу Аксёнову, а тот был человеком с размахом. При нём здание перестроили. Оно превратилось в настоящий дворец, каковым и является до сей поры. Был открыт Зимний сад, появился фонтан, газовое освещение, огромный зал, по-моему, на триста мест, здесь играл симфонический оркестр, и помимо цыганского хора, выступал ещё русский хор, - Алёхин увлёкся, уже не замечая, что к его словам прислушивались швейцар, два гардеробщика и люди, раздевавшиеся возле стойки.

- Сюда ездила вся элита Москвы, - продолжал свой рассказ Алексей. - Здесь бывали: Григорий Распутин, Савва Морозов, адвокат Фёдор Плевако, Чехов, Александр Куприн, Горький, Шаляпин, Леонид Андреев, Константин Бальмонт, художники Брюсов, братья Васнецовы, Левитан, Репин, Врубель, Серов...

- Остынь, - Наташа схватила Алёхина за руку, пытаясь остановить. - На нас обращают внимание.

- Плевать, - Александр даже не посмотрел в сторону любопытных. - Пусть знают.

- Ладно, - согласилась Наташа, затем, словно извиняясь, пожала плечами. - Жги дальше.

- А, чего тут жечь? - наконец-то опомнился Алёхин. - Тут и без меня в своё время отжигали. Военные с купцами устраивали в «Яре» невероятные безбашенные кутежи, да, не побоюсь этого слова, оргии. Однажды в один из дней гусары даже провели в ресторане настоящую осаду на цыганок, державших оборону возле фонтана в Зимнем саду. Правда, женщин быстро поймали, расцеловали, каждой засунули за корсаж сторублевую ассигнацию, после чего всех отпустили с миром. Ты представляешь, что такое в то время было сто рублей?

- Бешеные деньги, - неожиданно вмешался в рассказ Алёхина швейцар. - Извиняюсь, - смутился он. - Просто я нумизмат, монеты собираю, а ещё у меня есть коллекция царских ассигнаций. Между прочим, в хорошем состоянии. Ещё раз прошу прощения. Да вы рассказывайте дальше. Где и когда всё это услышишь?

- Да, чего там? - смутился Александр. - И рассказывать больше особо нечего.

- Ладно тебе прибедняться, - Наташу явно забавляла ситуация. - Ты же сам говорил — тут такая тусовка была... Закачаешься. Давай уже дальше, колись. Может тут и прадед твой цыган слушал?

- Прадед — не прадед. Не знаю. Но загулявшие купцы любили играть «в аквариум».

- В аквариум? Что это значит?

- Всё просто. Стоявший в зале рояль наполняли шампанским, «пускали» туда рыб – только не живых, а копчёных сардин из банки. Еще купцы ради забавы колотили посуду. Хитрый Аксенов решил и здесь «наварить». Он установил своего рода прейскурант, согласно которому каждый подобный проступок карался в ресторане денежным штрафом. Вымазать лицо официанту, запустить бутылкой в зеркало, кидаться тарелками – все это стоило немалых денег. Аксёнову было плевать на зеркала и посуду. Все имущество ресторана он застраховал на крупную сумму. А подвыпившие офицеры любили порой саблями пальмы рубить, которые росли в дубовых бочках. Элитное и весёлое место было. Целые цыганские династии в этом месте выступали. Сам Ференц Лист во время гастролей по России цыганской музыке здесь внимал. Но, однажды, - Алёхин замолчал, увидев, что в дверях зала появился метрдотель. - Нам, наверное, столик нашли.

- Столик подождёт! - воскликнула Наташа. - Что «однажды»? Вот так всегда... Заинтригуешь, а потом - в кусты на самом

интересном месте.

- Однажды... Короче... Здесь любил погулять сам Савва Морозов, если вы знаете о ком я.

Швейцар и Наташа почти одновременно кивнули.

- Так вот. Приезжает как-то вечером Морозов в «Яръ», а его не пускают. Представляете. Савву Морозова мецената, богача, завсегдатая этого заведения не пускают. Типа — нельзя. Весь зал снят. Банкет. Как думаете, что сделал Морозов? - Алёхин обвёл взглядом всех, кто мог его слышать.

- Купил ресторан, - выпалил метрдотель.

- Для Морозова это было слишком просто, - победно улыбнулся Александр. - Богатый купец так бы и сделал, но не Савва. Он спокойно вышел на улицу, навербовал каких-то босяков, потом приказал им ломать стену ресторана, чтобы на своей тройке въехать в зал.

- Во, даёт! - восхитился швейцар. - Наш человек. И чем всё кончилось? Полицию не вызвали?

- Какая полиция? Думаю, у такого человека вся полиция была в кармане, - с чувством собственного достоинства произнёс метрдотель.

- Репутация, - веско сказал Алёхин.

- Причём здесь репутация? - Наташа снова взяла за руку Александра, давая понять, чтобы тот прекратил свою лекцию.

- Репутация заведения, - сказал Алёхин. - Чтобы постоянного клиента выставить с помощью полиции? Для «Яра», думаю, это было неприемлемо.

- Каким образом всё разрулили? - Метрдотель строго взглянул на гардеробщиков, которые тут же ретировались за стойку.

- С помощью красивой цыганки из хора. Уговорила не буянить. Савва не мог отказать привлекательной женщине. Сменил гнев на милость и уехал.

Алёхин поднялся, подавая руку Наташе.

- Готово? - Он повернулся в сторону чёрного фрака.

- Идите за мной, - метрдотель пошёл вперёд, слегка наклонившись и показывая дорогу. -Всё было не просто, но я уладил с руководством.

- Отлично! - с воодушевлением произнёс Александр, когда они оказались у столика, очевидно недавно поставленного возле окна метрах в десяти от сцены.

- Между прочим, - метрдотель отодвинул стул для Наташи, потом наклонился к Алёхину. - Вижу вы много знаете о нашем заведении. Похвально. Но должен вам заметить... Видите тот столик на небольшом постаменте? - Рука молодого человека, обтянутая белой перчаткой, показала направление.

- Видим, - одновременно сказали Александр и девушка.

- За тем столом обедала сама Маргарет Тетчер, когда приезжала в Москву, - на лице мэтра вновь появилась маска высокомерия. - А за тем, вон тот справа у окна, завтракал сам Бельмондо.

- Неужели! - воскликнула Наташа, оглядывая наполовину заполненный зал. - Никогда бы не подумала. Вы сами видели?

- Кого? Жан-Поля? Рассказывали, - смутился метрдотель. - Я тогда здесь не работал. Ещё раз добро пожаловать в наш ресторан. Сейчас к вам подойдёт официант. Вот меню. Можете пока ознакомиться... Во избежание неожиданностей, - маска высокомерия сменилась маской торжества. – Я имею в виду цены...

- Вы свободны, - бросил в сторону чёрного фрака Алёхин. - Пока... Как говорит наш президент.

- Алёхин! Прекрати.

- А, чего он? Подумаешь, Бельмондо.

- Радуйся, что этот парень держит марку. Новейшая история ресторана «Яр», это - Тетчер и красавец Бельмондо.

- В молодости красавец, - буркнул капитан. - Да Бог с ними со всеми. Посмотрим, чем здесь кормят? - Алёхин взял со столика один экземпляр меню, протянул девушке, а сам стал просматривать второй. - Впрочем, заказывай сама.

- Даже не знаю, - нерешительно сказала Наташа. - Может, салат «Цезарь»?

- К чёрту салат! - Алёхин посмотрел на подошедшего официанта. - Икра чёрная есть?

- Обижаете, уважаемый.

- Тогда икры грамм триста, бутылку шампанского «Вдова Клико» винтаж, розовое, бутылка во льду. Открыть при нас. Дальше... Сыр Фуагра, стейк по-американски с дижонской

горчицей, немного осетрины, ну и салат с морепродуктами для дамы.

- Хлеб, фрукты? - оживление официанта выглядело почти неприличным.

- Конечно, - кивнул Александр.

- Ты с ума сошёл, - девушка наклонилась к уху Алёхина. - Видел цену на Клико?

- Угу, - не моргнув глазом, подтвердил Александр. - Без пары рублей - десять штук.

- А фуагра со стейком? - Не успокаивалась Наташа. - У нас, что? Аттракцион невиданной щедрости? Хотя, после сцены спектакля, где ты положил в карман чёрного фрака пять тысяч, чему я удивляюсь? Кстати, откуда деньги, Зин? Не помню, чтобы ты когда-нибудь так сорил бабками. Может, наследство получил от прадедушки американца?

- Сегодня — особый случай, - капитан смущённо потёр переносицу, вспомнив о суммах на своих тайных счетах.

- Господи! Ведь, я толком ничего о тебе не знаю, - подперев щёку ладонью, задумчиво произнесла Наташа. - Кто ты, Алёхин? Чем занимаешься? Где пропадаешь? Где ночуешь, когда не со мной? Мы встречаемся с тобой уже кучу времени, и то почти всегда на твоей чёртовой даче. Слушай! Может, ты олигарх? Этакий гражданин Корейко с чемоданом денег, спрятанным в ячейке камеры хранения на Киевском вокзале?

- Тебе это узнать сегодня нужно обязательно? - спросил Александр, наблюдая за официантом, который поставил на стол ведёрко со льдом и уже намеревался открывать бутылку «Мадам Клико», - Дайте я сам.

Взял шампанское из рук официанта, капитан снял с горлышка обёртку.

- Осторожно, - спохватился метрдотель, появившийся из ниоткуда.

- Нервным просьба удалиться, - улыбнулся Алёхин, - Нас в ФСБ учили открывать шампанское без шума и пыли.

Пробка, удерживаемая сильными пальцами капитана, аккуратно вышла из бутылки, чтобы перекочевать в ладонь официанта, который облегчённо расправил плечи, с уважением посмотрел на Алёхина и предпочёл ретироваться.

- Это ты так пугаешь людей? - девушка спокойно наблюдала, как бокалы наполнялись золотистой жидкостью, в которой уже вовсю бушевали пузырьки воздуха.

- Ты о ФСБ?

- Ты бы ещё КГБ вспомнил.

- А, что? Были времена. Но, к сожалению, этот пацан уже никогда не увидит настоящих чекистов. – Александр, сосредоточенно намазав кусок белого хлеба маслом, уже накладывал сверху густой слой чёрной икры. - Давай выпьем с тобой за моего деда.

- Чекиста?

- Может быть, - Алёхин поднял бокал на уровень глаз, внимательно глядя на девушку.

- Господи! Я думала, что ты для меня открытая книга, но ошибалась. Сегодня удивил. Вот скажи, этот ресторан был твоим экспромтом?

- Ты же сама первая предложила поехать в кабак, ты же заметила вывеску.

- Это ничего не значит. Да, заметила. Ты ехал мимо и довольно медленно. Признавайся. Всё подстроено? И твой сон в театре — спектакль. И твоя история про «Яр».

- Про ресторан - чистая правда.

- Не сомневаюсь. Но странно, что ты столько знаешь о заведении. Манипулятор. Всё специально подстроено. И пять штук метрдотель наверняка тебе вернёт. А столик ты заранее заказал.

- Обижаешь, - подражая голосу официанта, сказал Алёхин. - Никакой импровизации с манипуляцией. Что касается Яра... Просто я много читал о старой Москве. Гиляровского, Бунина, Куприна, Достоевского.

- Ты много раз меня удивлял, но сегодня — действительно особый случай, - Наташа, сделав глоток из бокала, отложила в сторону бутерброд с икрой.

- Куда? Ты ешь. Я для кого всё это заказывал?

- Вернее — для чего, - девушка положила в свою тарелку немного салата. - Ты самоутверждаешься, тешишь своё эго. Кстати, ты мне как-то говорил, что живёшь на одну зарплату мелкого клерка.

- Насчёт мелкого это я погорячился. Я работаю в лаборатории Касперского.

- Я так и думала. Иначе ты не ездил бы на Харлее.

- На старом Харлее, - назидательно поднял вилку на уровень глаз Александр.

- А ещё у тебя есть раритетная «Волга» в шикарном состоянии.

- Дедова. Но восстанавливал я, - Алёхин положил вилку и вытянул над столом руки ладонями кверху. - Видишь золото?

- Не-а.

- Наверно зря мою с мылом. Да, ты ешь. Ну, что ты, право слово. Официант всё не съеденное себе заберёт.

- Не-а, - упрямо встряхнула густыми волосами Наташа. - С метрдотелем поделится.

- Вот именно. Ешь.

- Что будет с моей фигурой?

- От икры и осетрины не поправишься. Завтра посажу тебя на воду.

- Ага, щас. Всю эту роскошь пусть упакуют на вынос. Утром позавтракаем. Представляешь. Чёрный кофе с чёрной икрой. Круто. Но ещё круче, что мой мужчина — загадка, сюрприз.

- Если у нас речь зашла о сюрпризах, для тебя их тоже есть, - Алёхин полез во внутренний карман пиджака.

Через мгновение на скатерть легла квадратная коробочка размером с пачку сигарет.

- Алёхин! - глаза Наташи округлились. – Это - обручальное кольцо? Стой. Нет, нет, - в голосе девушки слышалась растерянность. - Знаю. Ожерелье или браслет. Неужели с брюликами?

Александр густо покраснел.

- Сама посмотри.

Наташа открыла коробочку, перевернула и потрясла ею в воздухе. На стол упала банковская карта.

- Что это? - девушка длинным ноготком указательного пальца презрительно подтолкнула квадрат пластика к Алёхину.

- Хочу, чтобы ты ни в чём не нуждалась. Трать сколько хочешь. Там — два миллиона.

Наташа вскочила. Тихий гул голосов и негромкую музыку рояля перекрыл звон бьющегося хрусталя.

- Придурок!

Алёхин медленно, словно на ватных ногах поднялся со стула, растерянно глядя вслед девушке, которая устремилась к выходу из зала. Не успел он сделать и двух шагов за ней, как его схватили за локоть. Алексей нервно выдернул руку из цепких пальцев. Это был официант.

- Уважаемый! А, платить по счёту, кто будет. Охрана!

- Сколько? - прохрипел Алёхин.

Парень поднял лицо к расписному потолку, потом, опустив голову, зашевелил губами, записывая какие-то цифры в небольшом блокноте, вытащенным из кармана:

- «Вдова Клико», сыр, осетрина... Мм...

- Быстрее, - гаркнул на него Александр, - Тебе бы в зоопарке черепах сторожить.

- Сейчас, сейчас, - официант словно не слыша, продолжал орудовать карандашом... Тысяч тридцать, может, чуть меньше, - победно провозгласил он.

- Возьми сколько нужно. Сдачу оставь себе.

Капитан одной рукой сгрёб со стола банковскую карту, а второй достал из кармана пиджака толстую пачку банкнот, которую тут же благоговейно принял в ладонь официант. Парень аккуратно перегнул «котлету», медленно, словно наслаждаясь процессом, отделил от неё нужное количество купюр. Остаток он вернул Алёхину. Тот бросился к выходу. Рядом с гардеробом находились какие-то люди, но Наташи среди них уже не было.

- Девушка, с которой я пришёл... Где она? - спросил Александр у одного из гардеробщиков.

- Я подал ей пальто... Она ушла пару минут назад.

- Пальто без этого? - На пальце Алёхина закачались два номерка.

- Она сказала, что выйдет подышать свежим воздухом, а номерок вы мне отдадите.

- Ладно, - капитан бросил номерки на стойку и, не дожидаясь, пока гардеробщик принесёт ему плащ, бросился на улицу, где едва не сбил с ног швейцара.

- Где она? - Блестящая, хорошо начищенная форменная латунная пуговица пальто привратника едва не полетела в грязь.

- Пошла к Ленинградке. Только что завернула за угол.

- Почему ты не вызвал ей такси?

- Предлагал. Но она послала меня к чёрту, - последние слова швейцар уже бросал в спину убегающего Алёхина.

Наташа стояла метрах в ста от угла здания гостиницы на проезжей части с поднятой рукой. Мимо проносились машины, поднимая колёсами водяную пыль.

- Наташа! - крикнул Александр, переходя на шаг. - Постой!

Он споткнулся о бордюрный камень, а когда снова поднял глаза, чёрный автомобиль, стоявший до этого у тротуара, резко взял с места, набрал скорость и устремился к девушке. Что было дальше, Алёхин в следующие месяцы вспоминал, как кошмарный сон. Вместо того, чтобы затормозить, машина увеличила скорость. Послышался звук глухого удара. Тело Наташи поднялось, словно лист, подхваченный ветром, переламываясь, упало на капот и тут же отлетело в сторону к фонарному столбу. Автомобиль, притормозив, медленно, будто в замедленной киносъёмке, проехал мимо оцепеневшего Алёхина, а затем взял правее, исчезая за поворотом. Александр заметил сосредоточенное лицо человека, сидевшего за рулём, который оглядывался, будто проверял, что происходит сзади. Александр, закричав, побежал к девушке.

Наташа лежала в луже лицом вниз на своей театральной сумочке. Ноги были неестественно переплетены, Две струйки крови ползли из-под копны рассыпавшихся волос, окрашивая в тёмное бордо асфальта масляно блестевшую воду. Алёхин опустился на колени, взял девушку за плечи и осторожно перевернул.

- Господи, господи, - бормотал он, гладя мокрыми ладонями грязное, перекошенное застывшей гримасой боли лицо Наташи. - Скажи что-нибудь, скажи, где болит?

Глаза капитана застилал туман. От шока кружилась голова. Он приподнял собственную ногу, создавая упор для лежащего тела, затем приложил ухо к губам девушки. Дыхания Александр не услышал. Рядом собирались люди, слышались голоса, смешиваясь с фоном улицы. Потом звуки начали складываться в слова.

- Что делают сволочи? Лихачи проклятые.

- Не трогайте её. Может, там переломы. Нужно вызвать скорую.

Кто-то присел рядом с Алёхиным.

- Скорая уже не поможет. Она мертва.

Бешенство захлестнула Алёхина. Продолжая поддерживать голову девушки, он, не глядя на человека, зло, непримиримо выдавливал из себя слова:

- Откуда вы знаете? Вы, что, врач. Эй, кто-нибудь? Звоните сто двенадцать, ноль три, куда-нибудь звоните. Делайте что-нибудь.

- Смотрите. Сколько крови. У вас на руках кровь. Похоже, у неё череп пробит и шейные позвонки сломаны.

- Вы доктор, да? Доктор? Вот, вот, - Александр одной рукой придерживая Наташу, полез в карман, доставая смартфон. - Звоните...

Кто-то, кого капитан не видел, протянул ему что-то белое, пушистое. Алёхин, не глядя, взял и понял, что это был шарф. Он подложил его Наташе под голову, затем вытер левую руку о собственные брюки. Глаза будто застилала снежная пелена. Александр провёл по лицу, пытаясь смахнуть капли дождя, но ресницы были сухими. Что-то мешало ему видеть улицу, окружающих людей и девушку, лежащую у него на коленях. Почему-то он вспомнил деда, его жалобы на высокое давление. Снова начала кружиться голова. Алёхин запрокинул лицо к небу, пытаясь сфокусировать взгляд на свете уличного фонаря, но из этой затеи ничего не вышло, а стало только хуже.

Скорая помощь приехала через двадцать минут. Люди в синей униформе склонились над телом, а рядом, словно из тумана, появились носилки. Потом Алёхин, обхватив собственную голову окровавленными руками, сидел внутри машины рядом с Наташей и человеком, что-то пытавшимся ему объяснять. Наконец до ушей Александра стали долетать отдельные слова:

- У неё почти нет шансов. Удар был очень сильный. Думаю, что сломано основание черепа, наверняка произошло кровоизлияние в мозг. Почти уверен, что есть множественные переломы рёбер, повреждены лёгкие. Сделаем рентген, потом, если что, вскрытие...

- Заткнись, - простонал Алёхин.

- Давайте я вам дам что-нибудь успокоительное. У вас — нервный шок.

- Прошу, как человека. Заткнись.

- Понимаю... Ладно...

Уже в больнице Алёхин, перед которым захлопнули двери смотрового кабинета, целых два часа давал путанные показания полицейскому патрулю. На рассвете, переругавшись с охраной морга, капитан всё утро просидел у тела девушки, накрытого какой-то плотной чёрной тканью. В девятом часу, едва не воя от тоски, капитан наконец встал. Натыкаясь на шкафы и стулья, он вернулся в приёмный покой, где его уже ждали следователи. Бессвязное повествование Алёхина было записано на диктофон, потом он вяло отвечал на вопросы. В одиннадцать часов утра капитана отпустили, дав подписать какие-то бумаги. Оказавшись дома, в своей квартире, Александр упал ничком на диван, спрятал лицо в подушке и тихо с глухими стонами заплакал.

Спустя какое-то время, медленно, с некоторым усилием Алёхин открыл глаза, чтобы взглянуть на своё запястье. Секундная стрелка часов невозмутимо, с завидным упорством двигалась по кругу, но две остальные застыли: малая на цифре три, большая — на двенадцати.

«Три утра или пятнадцать ноль, ноль?» - Спросил он сам себя, переводя взгляд на окно, плотно задёрнутое шторой.

Александр тыльной стороной ладони протёр ресницы от налёта высохших слёз, затем вытер пальцем уголки глаз. Он оглядел комнату, не понимая, почему он впервые чувствует своё сердце, которое билось так сильно, что он ощущал толчки пульса в висках. Словно чужая, невидимая, сильная, тяжёлая рука лежала на груди. Такого с ним никогда ещё не случалось. Досада и злость на самого себя заставила Алёхина подняться. Именно в этот момент он понял, что его жизнь изменилась. В ней больше не было Наташи. Она осталась лежать на носилках где-то в прошлом, накрытая с головой чёрной блестящей тканью, и уже никогда не встанет, и не улыбнётся ему. Капитан застонал, оглянулся на журнальный столик, где лежала маленькая дамская сумка, стиснул зубы, обхватил голову руками и стал ходить из угла в угол, натыкаясь на мебель. Тихий настойчивый, продолжительный звук остановил его. Капитан замер, совершенно не соображая, что это такое и откуда «оно». Только спустя несколько мгновений он догадался, что это был звук вызова сотового телефона.

- Пошли они все к чёрту, - прошептал капитан, закрывая уши ладонями.

Но звук не прекращался. Через пару минут Алёхину казалось, что знакомая мелодия превратилась в сверло, проникающее в мозг. Когда Александр понял, что это звонит примитивный старенький, складной «Самсунг», номер которого знали только Атлас и дед, пришлось пойти в прихожую, поднять с пола плащ, чтобы найти во внутреннем кармане кнопочный девайс.

- Атлас. Пошёл к чёрту. Мне не до тебя.

- Саша! Это я.

- Дед? Прости. Чего тебе?

- Ты — в порядке?

- Да... Вернее. Не совсем.

- Я тоже так решил. Тут мне названивают из какой-то больницы, потом два раза звонили полицейские, а ещё было несколько звонков из похоронных контор. Ты, что — заживо меня похоронить собрался?

- Прости, прости, - Алёхин потёр лоб, собираясь с мыслями. - У меня — несчастье. Просто я оставил в больнице полицейским твой номер телефона. Он же защищён от прослушки... Не знаю, как это получилось. На автомате, наверное. Ты же сам меня учил...

- Да, что с тобой приключилось? Причём здесь похоронные бюро?

- Сейчас объясню, - Александр рассеянно тёр лоб, тяжело вздыхая. - Помнишь, я тебе о Наташе рассказывал?

- Твоя девушка. Помню, конечно.

- Мы вчера были с ней театре, потом - в ресторане... Её сбила машина... Насмерть, - спазм в горле мешал Алёхину говорить.

- Ах, ты, Господи! Как же так?

- Очень просто. Сбили будто специально. Она стояла на краю дороги. Это — почти центр, на Ленинградке, у Яра. Ты слушаешь? Алло!

После долгой паузы генерал спросил:

- Цвет и марку машины заметил? Номера?

- Дед! Причём здесь номера? - почти закричал Александр. - Наташи больше нет... Она мертва... Понимаешь?

В ответ раздался звук кашля, затем неразборчивое ругательство.

- Возьми себя в руки, попытайся успокоиться. Истерика не поможет. Ещё раз спрашиваю про номера.

- Ни хрена я не запомнил. Меня будто самого переехали, и со зрением что-то. Ни черта не видел в тот момент. Но, вроде стало проходить. Давление, наверное.

- Ладно, - тихо сказал дед. - Криком уже ничего не изменишь. Потом с этим будем разбираться. Полицейские велели передать им личные вещи Наташи. Говорят, что ты обещал следствию её телефон, записную книжку, письма, если они есть.

- Да, да... Вспомнил. Я спрятал сумочку Наташи. Сам не знаю зачем.

- Значит, на то была причина, которую ты не осознавал до конца... Родственникам догадался сообщить?

- Постой. Чёрт! Насколько я знаю, Наташа из Томска или Омска. В Москве у неё никого нет, кроме меня. Хотя, наверное, друзья какие-то есть... Впрочем, я пороюсь в её смартфоне. Давай я тебе позже перезвоню.

Алёхин отложил свой гаджет в сторону, потёр виски, затем нашёл в прихожей женскую сумочку и вытряхнул на стол содержимое. Отодвинув всю косметику, какие-то ключи, несколько дисконтных карт, единый проездной, водительское удостоверение, паспорт и несколько мятых бумажек с номерами телефонов, какими-то записями, он взял в руки смартфон и включил его. Девайс оказался без пароля. Александр, тяжело вздохнув, стал листать список контактов. Он оказался на удивление небольшим. Помимо его собственного номера телефона, там были номера нескольких магазинов, сервисов доставки товаров, имена мужчин с приписками: «Сантехник», «Такси», «Айтишник», «Ювелирка», «Дом».

«Ничего похожего на папа, мама или брат, сестра», - тяжело вздохнул Алёхин, заканчивая

перелистывать список.

Взяв в руки ключи, он отрешённо смотрел на них, вспоминая свои встречи с Наташей.

- Господи, - пробормотал он. - Она никогда не позволяла провожать её домой, а я не настаивал. Идиот!

Александр взял в руки паспорт девушки, где нашёл отметку о регистрации. К его удивлению, Наташа была зарегистрирована в Подмосковье.

«Дубна, Улица Ленина, дом 29», - прочитал он.

- Чёрт! Частный сектор, - тихо сказал он, листая страницы паспорта, пока не добрался до первой страницы.

Погладив пальцем фотографию, где Наташа выглядела совсем юной, он сфотографировал на свой смартфон данные отдела внутренних дел в Омске, где был выдан паспорт, затем страницу с омской пропиской и позвонил по номеру телефона Наташи с надписью «Дом». Ему ответил дребезжащий, сиплый мужской голос.

- Алло.

- Здравствуйте, - начал Алёхин. - Дубна, улица Ленина? Простите за беспокойство. Наташа Полянская здесь проживёт?

- Наталья? Она зарегистрирована у меня, но бывает редко. Как уедет в Москву, так и пропадёт на месяц. Может и дольше.

- А вы, случайно, не родственник Наташе? Может, отец или брат старший?

- Зачем? Ни то, ни другое. Снимает она у меня комнатёнку. Домик у меня небольшой, пенсия — курам на смех. А вы, кто ей будете?

- Вам из полиции звонят, - соврал Алёхин.

- Неужто натворила что Наталья? Ах, ты, Господи!

- Нет, нет. Ничего такого, - спохватился Александр. - Она, ведь, из Омска, верно?

- Точно, - подтвердил владелец дома двадцать девять по улице Ленина. - Оттуда.

- Может, вы телефон её родственников в Омске знаете или адрес?

- Прости, мил человек. Не лезу я в дела своих жильцов. Помочь здесь ничем не могу.

- И много у вас жильцов?

- Вы же из полиции, а не из налоговых органов. Зачем вам это знать?

- Отвечайте на вопрос, - строгим, не допускающим возражения голосом, произнёс Алёхин. - Или повесточку вам прислать по месту жительства? В отделении наговоримся обо всём.

- Ладно, - в голосе владельца дома прозвучали нотки смирения. - Жили у меня три таджика или узбека в сарайчике. Кто их разберёт... Но это летом. Работали они тут у местных,

дома строили, траву косили старикам, выгребные ямы чистили. Денег заработали, а потом уехали.

- Ясно, - тихо сказал Александр. - Может, письма Наташе приходили из Омска?

- Чего не было, того не было. Ключ от почтового ящика есть только у меня.

- Хорошо. Спасибо за информацию. Если будет нужно, я вам снова позвоню.

- Не могу препятствовать. Всегда, пожалуйста. До свидания...

Алёхин несколько секунд держал смартфон в руке, обдумывая свои дальнейшие шаги, потом позвонил деду.

- Снова я. Слушай. Можешь по своим старым каналам, я скажу тебе адрес, узнать номер телефона в Омске?

- Постой, догадаюсь... Наташа твоя из Омска?

- Записывай, - резко сказал Александр, почти сразу начиная диктовать адрес прописки из паспорта девушки.

- Запомнил, - голос деда зазвучал по-деловому. - Перезвоню минут через сорок.

К удивлению Алёхина, звонок раздался через пятнадцать минут.

- Номер телефона я узнал, но есть одно «но».

- Что там ещё?

- Твоя Наташа российское гражданство получила три года назад. Она — украинка.

- Чёрт! – в который раз устало выругался Александр. - М-м... Может, кто-то из родственников остался в Омске?

- Вроде бы есть ещё тётка, но ей за восемьдесят. Ни черта не понимает, что ей говорят. Если ты планировал свалить на старуху все хлопоты по погребению, то ничего не выйдет. Придётся этим заниматься тебе. Чего молчишь?

- Думаю, - тихо пробормотал Алёхин. - Никогда этим не занимался. Чёрт, чёрт! Знаешь, у меня даже сердце разболелось.

- Ах, ты, Господи! Может, пожалеть тебя, утешить? Типа — Саша, кровиночка моя... У тю, тю... Приезжай. По головке поглажу, корвалола накапаю.

- Дед! Кончай свою дрессировку. И так тошно.

- Это - жизнь, мой мальчик. Привыкай. Она состоит не только из удовольствий.

- Ладно, ладно... Всё... Говори, что нужно делать.

- Пиши телефоны этих чёртовых контор. Звони им сам. Там тебе расскажут, что полагается в таких случаях. У тебя деньги есть?

- Есть.

- Тут нужны серьёзные суммы, если ты хочешь, чтобы всё было по-людски, с достоинством.

- Я понял, - после продолжительной паузы сказал Алёхин. - Только к тебе есть две просьбы.

- Слава Богу — не три или четыре.

- Дед! Прошу тебя! - С тоской в голосе сказал Александр. - Не начинай.

- Прости, прости. Ворчу по привычке. Что нужно?

- У тебя связи остались. Пусть следаки не достают меня. Найди человека, через которого смогу передать им вещи Наташи. Сам не хочу светиться.

- Сделаю. Что ещё?

- С похоронными конторами я все вопросы порешаю, но быть на погребении не могу.

- Почему? Или ты настолько инфантилен, что...

- Не в этом дело, - перебил деда Алёхин. - Я не могу совершенно по другим причинам. Это связано с моей службой. Ты понимаешь, о чём я?

- Не совсем. Сейчас я слышу голос слабого, безвольного человека, не способного проводить в последний путь женщину, которую любил. Или это было мимолётное увлечение? Как сейчас говорят: - «Только секс. Ничего больше...»

- Дед, пожалуйста, - тихим, полным боли голосом проговорил Александр. - Я не могу. Чисто физически не могу. Я Наташу действительно любил... Сильно. Сильно. Ещё вчера она была полная жизни, а сегодня... Я просто не смогу вынести это. Открытый гроб, её лицо. Нет, ты не поймёшь этого...

- Куда уж мне? Я же старый, бесчувственный гриб, монах-отшельник, не имеющий представления о плотских утехах, о любви к женщине. Спасибо тебе, внучок, - более миролюбиво,

но с долей сарказма проворчал генерал. - Говори твою вторую просьбу... Постой, догадаюсь...

- Да, верно. Я попрощаюсь с Наташей накануне ночью в больничном морге.

- Господи! Не ожидал... Ну, что за люди сейчас? Неженки. Тьфу. Жаль не я тебя воспитывал... С нас в своё время можно было с живых кожу драть...

- Хоть убей меня. Не могу... Вместо меня поезжай и проследи, чтобы Наташу похоронили, как следует. По обычаю, что ли... Я закажу для тебя машину с водителем, перезвоню, где нужно быть и во сколько. Прямо на место привезут венки... Короче, всё, что требуется в таких случаях. Если хочешь, возьми с собой кого-нибудь из знакомых для массовки. Я даже не знаю, с кем она дружила и работала, - сказал Алёхин, с трудом вспоминая лицо приятеля девушки — волосатого байкера из клуба «Ночные волки».

- Во, молодёжь пошла, - без тени удивления сказал дед, но тут же воскликнул: - А, поминки?

- Помянем у тебя дома вдвоём, если ты не против. Что скажешь?

После паузы, генерал глухо кашлянул и ответил:

- Ну, что с тобой делать, сукин ты сын. Считай, договорились.

- Тогда диктуй номера телефонов этих чёртовых контор...

Алёхин передумал в тот же вечер. Позвонив по первому же номеру похоронного агента, он, не торгуясь, уладил все формальности, связанные с погребением Наташи, оплатил услуги онлайн, затем долго сидел, обхватив голову руками, раскачиваясь, словно маятник часов и тихо воя. Упрёки деда вместе с укорами совести постепенно делали своё дело. Выпив залпом стакан коньяка, он попытался заснуть, но из этой затеи ничего не вышло. Лицо Наташи снова и снова всплывало перед глазами, заставляя капитана глухо мычать от тянущей боли в сердце. В двенадцатом часу ночи, он решил, что не прийти на похороны, это значит предать любимого человека. Алёхин тяжело вздохнул, поднялся, прошёл в ванную, разделся, встал под холодный душ, потом опустился на колени, опираясь спиной о кафельную плитку и долго так сидел, подняв перекошенное отчаяньем лицо к потолку, позволяя воде смывать текущие по щекам слёзы. Сколько времени он просидел в таком положении, Александр не знал. Но когда его начало знобить,

он с трудом поднялся, вылез из душевой кабины, насухо вытерся полотенцем, оделся и постарался взять себя в руки, мысленно обозвав бабой. Через час Алёхин уже звонил в двери морга при больнице. Служитель — пожилой кряжистый детина в синем, застиранном халате почти не удивился просьбе посетителя. Получив в ладонь пятитысячную банкноту, он проводил странного гостя в холодную комнату без окон, где тихо гудели компрессоры холодильных установок и стоял ряд носилок, на которых лежали чёрные мешки с телами. Дядька, включив свет, начал расстёгивать молнию на одном из них, но Алёхин остановил его.

- Дальше я сам.

- Воля ваша, - согласился, отступая, служитель. - Господи, грехи наши тяжкие. Минут пятнадцать хватит вам?

- Вы идите, - тихо сказал Алёхин.

- А вы, уважаемый, не извращенец, случайно?

- Нет, - отрезал Александр, отворачиваясь.

- И ладно, - закивал головой дядька, направляясь к двери. - Если, что, зовите. На лицо трупа не смотрите. Вам же легче будет.

Алёхин, не отвечая, застыл возле тела.

- Свет можно выключить.

- Воля ваша. Настольную лампу оставлю. Охо, хо. Чего только не приходится видеть на этой чёртовой работе, - проворчал служитель, боком выбираясь из комнаты.

Александр, найдя стул, сел рядом с Наташей. Через полчаса дверь скрипнула и в образовавшуюся щель снова пролез дядька.

- Пора, уважаемый. Не дай Бог застукают нас с вами. Скорая очередного жмурика привезёт или ещё какая оказия приключится.

Алёхин встал, наклонился, ещё раз посмотрел на восковое в ссадинах, холодное лицо Наташи, резко выпрямился и круто развернулся.

- Спасибо.

- Чего уж там. Если что, обращайтесь.

Александр, непонимающе взглянув на служителя, быстро направился к выходу...

На следующий день на похоронах Алёхин стоял в некотором отдалении за стволом высокой толстой берёзы, отрешённо наблюдая за дедом, который вместе с тремя такими же стариками, своими приятелями окружили могилу, слушая священника, нараспев читающего молебен. Когда опускали гроб, Александр отвернулся и пошёл к дальнему выходу с кладбища. Там его ждало такси. Он приехал к дому деда раньше стариков, расплатился с водителем, затем сел на лавочку рядом с детской площадкой. Осеннее небо было затянуто тучами, начинался дождь. Алёхин смотрел на мокрые жёлтые листья, которые тихо падали на землю, создавая грязный, бронзового цвета ковёр на траве газона. Капитан в который раз перебрал в памяти события того самого вечера, когда не стало Наташи. Боль не отпускала его, как и чувство, что он что-то оставил без внимания, какую-то мелочь, нечто такое, что в тот роковой день имело для очень важное значение. Звук двигателя и скрип тормозов неподалёку отвлекли его от мрачных мыслей. Это на арендованном чёрном «BMW» приехали с кладбища старики. Алёхин огляделся по сторонам, поднялся, затем, отряхнув капли дождя с плаща, пошёл к дверям подъезда. В кабинете деда был накрыт стол с закусками, стояли бутылка коньяка и бутылка водки. Все расселись, выпили, закусили, не забыв произнести положенные слова. Александр, не обращая внимания на деда, поглядывающего в его сторону, игнорируя любопытные взгляды стариков, перебрался в кресло, в которое сел, рассеянно слушая разговор, завязавшийся за столом. Он был бесконечно благодарен генералу за то, что тот провёл соответствующую работу с пенсионерами. Никто ни к кому не лез с вопросами. Один из стариков, раскрасневшийся после второй рюмки, что-то доказывал второму, сидевшему рядом с генералом. Но неожиданно, тема беседы, развернувшейся не к месту, и здравые рассуждения говорившего, привлекли внимание Алёхина.

- Гляжу я на современную молодёжь, диву даюсь. Мрут в таких молодых годах. Почему? Чего им не хватает? И за ради чего? Я бы понял, ежели бы за правду. Тогда не жалко. Сколько их молодых сегодня лежит на кладбищах? Сколько их сгинуло в девяностых? Прытких, да при цепях золотых? А всё за деньги эти проклятые...

- По дурости, - перебил приятеля генерал. - Бандитской пехоте и платили-то немного.

- А я тебе про что? - удивился первый старик. - Ладно бы за Родину умирали или за справедливость. Вот фильм был. Не знаю, смотрели вы, али нет. «Брат» называется.

- Про бандитские разборки, - бросил генерал, намазывая на бутерброд с маслом красную икру.

- Не скажи. Фильм со смыслом. Не только про деньги. Про силу правды. Помните, что главный герой там говорил? Щас воспроизведу... «Вот скажи мне, американец, в чём твоя сила? Разве в деньгах? У тебя много денег, и чего? Я вот думаю, что сила в правде: у кого правда, тот и сильнее!».

- Наивная философия сценариста, - проворчал дед, наливая себе и приятелям свой любимый коньяк. - А в её основе христианская мораль Иисуса. Я бы сказал иначе. Правда - в силе. У кого сила, тот и прав. Вот, возьми Америку, если ты уж о ней вспомнил, чёрт бы её подрал. Сила Америки — в цинизме, прагматическом подходе к любой проблеме. Деньги для них — один из инструментов достижения поставленных целей. Они работают с любой страной — потенциальным противником или союзником по многим фронтам. Убирают старые элиты, исповедующие консервативные ценности, приводят к власти новых, беспринципных людишек. Если какое-то государство достаточно устойчиво, сохраняет определённый суверенитет, то раскачивается политическая и экономическая ситуация, используется оппозиция, протестные настроения людей, создаётся хаос, затем устраивается переворот. Они работают одновременно на многих направлениях, не брезгуя самыми грязными методами: враньё из уст политиков и журналистов, двойные стандарты, передёргивание фактов и бездоказательные обвинения. Они ни в чём себе не отказывают. Последнее время даже не стесняются открыто озвучивать свои требования. А у нас в России - «открытая, последовательная и ясная внешняя политика», основанная на этой самой чёртовой правде. В этом случае мы заведомо ставим себя в положение защищающегося, а это почти всегда приводит к поражению. Чего мы стесняемся? Против нас ведётся война. Значит, на войне, как на войне. Черномырдин был хорош во главе Газпрома, но не в качестве посла России на Украине при Ющенко и Януковиче. Вместо футбольных клубов нам следует скупать на Западе средства массовой информации, вести против врага подрывную, да, да, подрывную работу, простую, без лишнего изыска пропаганду, доступную для тупых мозгов западной биомассы. Мы должны тихо, кропотливо, без лишнего шума и пыли работать в тылах противника, чтобы перекупать элиты, журналистов, политиков, заставляя их продвигать наши интересы...

- И-и, милый мой, - не выдержал первый старик. - У нашей нынешней власти мозгов не хватит на такие дела. Им бы только

карманы свои набить, а на нас, народ, им насрать.

Генерал, помрачнев, стал чесать рукояткой вилки подбородок, словно обдумывая услышанное.

- Не знаю, о чём они там думают, только, если наша власть в ближайшее время не повернётся лицом к народу, в разы увеличив зарплаты, пособия, пенсии, если окончательно не перекроет чиновникам кислород в плане коррупции, вывода денег за границу, если отпрыски наших богатеев по-прежнему будут плевать с высокой колокольни на законы и на простой народ, жди социального взрыва, а затем военного поражения, не смотря на весь наш гиперзвук, на цирконы с калибрами. Ибо основным мотивом любого протеста является зависть к благополучию других, к олигархам и чиновникам, гордящимся своим богатством... Тем более, что добыто оно воровством и казнокрадством...

- Точно, - ещё более возбудился оппонент деда. - Ибо глаголет Писание, что началом гордыни угнетаемых является презрение угнетателей к угнетённым...

- Ты бы ещё Ленина процитировал, - усмехнулся генерал.

- А, что? Ленин многое чего скоммуниздил у Иисуса. А Христос говорил: «Тот, кто презирает и считает за ничто других, одних считает бедными, других людьми низкого происхождения, третьих невеждами, то вследствие такого презрения доходит до того, что почитает только себя одного мудрым, благоразумным, богатым, благородным и сильным».

- Ладно тебе на Иисуса валить. Скажи, что это ты сам придумал. Давай лучше ещё раз помянем рабу божию Наталью, - генерал вновь взялся за бутылку.

- А если и сам, то, чего в этом плохого? - не сдавался приятель деда. - Уж и пофилософствовать нельзя? Зависть есть печаль бедного из-за благополучия ближнего, которая ищет не добра для себя, а зла для ближнего. Завистливый хотел бы видеть успешного по жизни бесчестным, богатого — убогим, счастливого — несчастным. Вот цель зависти: видеть, как человек из счастья попадает в беду.

- Илья Петрович! Ты же когда-то атеистом был, - снова улыбнулся генерал. - А нынче, словно поп с проповедями лезешь не к месту.

- Нет. Погоди. Вот возьмём наши банки, - не сдавался первый старик.

- Причём здесь банки?

- А притом. Библию почитай. Сам Моисей учил иудеев: «Если дашь деньги взаймы бедному из народа моего, то не притесняй его, не налагай на него роста». Это цитата из библейского «Исхода», если не знаешь... А наши банкиры что? Под какие проценты гражданам деньги, кредиты дают? В кого из банкиров пальцем не ткнёшь, одни евреи. Но им даже на своего Моисея плевать. А, военная операция эта... На фронтах выбивают мужиков в самом рассвете сил. Кто потом работать будет, создавать это наше ВВП? Куда смотрит государство? Власти никакого дела нет, что народ нищает. Тарифы растут, продукты дорожают... Пора бы и силу выказать, да приструнить олигархов с торгашами...

- Государство? - щёки генерала побагровели от возмущения. - Ты не мешай всё в кучу. Олигархов, войну, тарифы... Я могу судить о силе государства по уровню возможностей, которые оно предоставляет своему гражданину, чтобы тот мог реализовать свой талант, свои способности, свои идеи. При этом государство не должно ставить человеку условием разную хрень типа пола, религии, цвета кожи, происхождения, политических взглядов и прочую чепуху.

Старик сунул в рот дольку лимона и сморщился, едва выговорив:

- Государство должно оставлять право гражданину оставаться человеком, а не превращаться в пищевую трубку или потребительскую корзину. А, что до тарифов и цен — согласен с тобой.

- Чубайс во всём виноват, - поддакнул третий, до сей поры молчавший престарелый участник поминальной трапезы.

- Типун тебе на язык, - рассердился генерал. - Чёрта на ночь не поминают. Но раз вспомнили — пора расходиться по домам.

- Тогда наливай на посошок, - почти хором воскликнули старики.

- Всё! - отрезал дед. - Будет. Расходитесь по квартирам, а то лестницы в доме крутые, а вы — навеселе. На лифте езжайте.

Приятели деда, подчиняясь суровому тону хозяина, выбрались из-за стола и отправились в прихожую одеваться. Генерал, собрав в пакеты закуску, пошёл к входной двери, где уже слышался шорох одежды. Через минуту он вернулся.

- Ничего, что я им с собой всю еду упаковал? Может, зря? Ты сам почти ничего не ел.

- Всё нормально, - вздохнул Александр. - Не переживай.

- Ладно. Ты — домой?

- Если не возражаешь, я у тебя заночую. Сегодня не могу один дома.

- Всё пройдёт... Тебе нужно поспать. Глаза красные, словно у рака варёного. Сейчас постелю тебе на диване здесь. С грязной посудой и столом завтра разберёмся...

- Угу, - пробормотал Алёхин, перебираясь на старый кожаный диван и ложась.

Через мгновение Александр спал, подложив под голову локоть. Дед сочувственно покачал головой и вышел, но вскоре вернулся с подушкой в руках. Подложил её под щёку внука, он ретировался, тихо закрыв за собой дверь.

Первые две недели после похорон Наташи Алёхину было особенно тяжело. Ночами он почти не спал, бесконечно упрекая себя во всём, что привело, как он считал, к непоправимой беде. Александр винил себя в эгоизме, равнодушии к девушке за пределами их отношений, за невнимание к мелочам совместной жизни, за то, что не предлагал Наташе выйти за него замуж. Ему казалось, что если можно было бы отмотать во времени события назад и всё исправить, то трагедии удалось бы избежать. В те часы, когда он засыпал, ему постоянно снилась девушка именно в тот день, когда они ходили в театр, а потом в ресторан. Алёхин вздрагивал от собственного крика и просыпался, не в силах видеть снова и снова мокрый асфальт улицы, фигурку Наташи, силуэт чёрной машины, резко рванувшей с места, звук удара и плохо различимое за лобовым стеклом лицо человека, сидевшего за рулём. Мысль, что он где-то видел этого парня, не давала покоя. Но когда Алёхин пытался вспомнить, когда и где, перед ним всплывало другое, родное лицо, разбитое, искажённое болью с разметавшимися окровавленными волосами, неподвижными большими глазами, которые смотрели куда-то поверх головы Алёхина, а в глазных впадинах дрожали то-ли слёзы, то-ли капли дождя.

Глубокой осенью светало поздно, но уже в шесть часов утра Александр вставал, нетвёрдой походкой шёл на кухню, варил себе кофе. Он выходил на улицу, словно во хмелю, кутая подбородок в шарф и вызывая удивление на лицах охранников дома. Спускаясь к реке, огибавшей Серебряный бор, капитан бродил в лесу по тропинкам, рассеянно наблюдая за собачниками, выгуливавшими своих питомцев. После восьми Алёхин, словно подчиняясь мысленному алгоритму

старой программы, брал себя в руки, чтобы, вызвав такси, доехать до работы, которая хоть немного, но отвлекала от мрачных мыслей. Медленно, но, верно, служба брала Алёхина в «ежовые» рукавицы, заставляя подчиняться дисциплине, поручениям, приказам и реалиям действительности. Боль вместе с тоской постепенно отходили на второй план, оседая в потайных уголках души, разум медленно приходил в норму. Огромные потоки информации делали своё дело, возвращая Алёхина к привычной жизни, вызывая интерес и способность к анализу. Особенно тщательно Александр стал готовить сопроводительные записки к материалам, передаваемым Ивану Матвеевичу, который несколько раз по телефону дал понять, что он недоволен Алёхиным. Куратор звонил по защищённой линии, каждый раз спрашивая:

- Что с тобой, дружок? Что-то случилось?

«Нашёл себе дружка», - раздражался Александр, но вслух успокаивал генерала:

- Всё в порядке. Текучка. Виноват. Исправлюсь. Больше такое не повторится.

- Повнимательнее там, - отеческим тоном примирительно говорил Иван Матвеевич, тут же выдавая очередную порцию поручений, присылаемых по старой привычке через специальных курьеров.

Алёхин, изучая полученные материалы, начал осознавать, что на политической и разведывательной кухне готовится что-то серьёзное не только внутри страны, но и за её пределами. К предстоящим Новогодним праздникам объём работы втрое превосходил то, что до сих пор делали сотрудники Александра. Они взламывали сервера иностранных корпораций, российских частных крупных компаний, электронные почты людей, которые по сути являлись политической и промышленной элитой России, планировали и осуществляли атаки на секретное делопроизводство западных политиков, включая высокопоставленных военных НАТО. Вся IT — банда Алёхина работала на износ. Сжатое насыщенным рабочим графиком время не оставляло им возможности для собственного анализа. Поэтому завершающую фазу этой деятельности пришлось взять на себя Александру, иногда забывавшему о безопасности собственного компьютера, хотя правило, которое он сам для себя установил, предписывало проверять системы каждые сутки на взлом или на внутреннее, несанкционированное проникновение. Тридцатого декабря Алёхин отпустил сотрудников чуть раньше обычного, поскольку следующий день был нерабочим. Сам Александр остался,

чтобы привести в порядок незавершённые дела. В девятом часу вечера он, вспомнив о системах безопасности, начал тестировать сервера, а затем ключевой софт при помощи набора специальных программ личной «флешки», где был размещён особый «антивирус» секретной разработки «Лаборатории Касперского», созданный специально для оборонного сектора и спецслужб. К своему удивлению, гневу и растерянности, он вскоре обнаружил, что кто-то пытался взломать пароли его служебного компьютера, подключённого к отдельному, хорошо защищённому серверу. Кто-то посторонний включал его личное «железо» три раза за последнюю неделю.

- Зараза! - в сердцах воскликнул Алёхин.

Капитан, промокнув рукавом рубашки внезапно вспотевший лоб, стал лихорадочно вспоминать, кому он давал «добро» на работу с собственным компьютером, хотя прекрасно знал, что такое просто невозможно. Немного успокоившись, Алёхин бросил перебирать в памяти лица сотрудников, чтобы проанализировать ситуацию. В принципе ничего опасного в ней не было, поскольку служебным «железом» он пользовался крайне редко, предпочитая не хранил там самую «серьёзную» информацию, которую ему сбрасывали не через «сеть», а доставляли на портативных накопителях. Алёхин забирал их домой, обрабатывал, переносил на диск, служивший хранилищем, стирал все данные в накопителях и возвращал исполнителям чистыми. Таким образом, к сборнику всевозможных досье или к библиотеке «висельников», как он называл свой жёсткий диск, имел доступ только он. Именно для таких случаев Александр когда-то устроил тайник в тесном пространстве между вентиляционным каналом и кирпичной кладкой стены в ванной собственной квартиры.

В этой ситуации интересным было другое. Кто и зачем пытался взломать его служебный компьютер?

«В моей конторе определённо завёлся «крот», - размышлял Алёхин, меняя личные пароли доступа к определённым папкам. - И главное, на кого этот крот работает? Если это обычная практика ГРУ, то пену поднимать не имеет смысла, а если...

В это мгновение ожил его смартфон, и Алёхин был вынужден ответить на вызов. Голос звонившего он узнал сразу.

- Чего тебе?

- Завтра свободен? - в голосе Атласа Александр уловил лёгкие нотки превосходства.

- Предположим, - недовольно ответил Алёхин.

В последнее время хакер появлялся в конторе от случая к случаю, пропуская мимо ушей все замечания своего начальника. Но связи парня в хакерской среде и доставляемая им ценная информация исключали возможность «закручивания гаек».

- Давай встретимся, - предложил Атлас. - Старый год проводим.

- В гости набиваешься? Может и Новый год с тобой прикажешь встречать?

- На святое не претендую. Личной жизни твоей мешать не стану. Что скажешь, если в полдень побродим где-нибудь в малолюдном месте?

- Отличная идея. Можно на кладбище. Ты мороз нормально переносишь? Задницу не застудишь на сквозняке?

- Кладбище — перебор, - не смутился Атлас. - Давай в «Бункере 42» на Таганке.

- Где, где? Какой, к чёрту бункер?

- Музей холодной войны. Восемнадцать этажей вниз. Двести девяносто три ступени, семь тысяч квадратных метров тоннелей...

- Никогда о таком не слышал, - пробормотал Александр. - Почему там?

- Я же сказал — восемнадцать этажей катакомб. Сталин знал толк в таких сооружениях. Никакая бомба не пробьёт, даже атомная. Тем более в канун Нового года. Народ уже столы накрывает в это время. Мы там будем, как у Христа за пазухой. Не подслушать, не проследить.

- Ты параноик, - слабая улыбка подняла уголки губ Алёхина. - Это срочно?

- Господи! То ты упрекаешь, что я не показываюсь на глаза, то отказываешься от романтической встречи. Тебе не угодишь.

- Ладно, - сдался Александр. – Давай завтра, тридцать первого, в одиннадцать утра. Говори точный адрес.

- Забей в навигатор «Музей холодной войны», и все дела.

Алёхин, нажав иконку отбоя, начал собираться. Но идти в какой-то бункера не хотелось. Домой тоже не тянуло. Квартира ещё хранила запах Наташи, хотя она никогда в ней не была. То и дело на глаза попадались мелочи, принадлежавшие девушке, но Александр не прятал их, полагая, что это неправильно. Но и смотреть на вещи было больно.

Он медленно шёл по тротуару в сторону Садового кольца, оттягивая момент, когда всё же нужно будет взять такси. Конец декабря в Москве выдался достаточно тёплым. Температура воздуха днём поднималась до ноля градусов, но к вечеру опускалась до минус трёх, пяти. Довольно часто шёл снег. Тридцатого декабря снег повалил ожидаемо густыми пушистыми хлопьями, быстро накрывая тротуары белым ковром. На мостовых почти мгновенно образовалась грязная каша, перемалываемая колёсами машин. Холодный ветер дул Алёхину в лицо. Капитан, отворачивая голову, уже поглядывал на проносящиеся мимо такси. Но за окнами автомобилей виднелись силуэты пассажиров. Александр уже ругал себя за то, что не заказал такси через мобильное приложение. Он остановился и, отвернувшись к стенам домов, стал доставать смартфон из внутреннего кармана куртки. В этот момент спиной Алёхин ощутил дробные частые, довольно болезненные толчки смёрзшегося снега, вылетающего из-под колёс проезжавшей мимо машины. Капитан с проклятиями оглянулся. Чёрный автомобиль, резко притормаживая, прижался к тротуару, включил заднюю передачу и сдал обратно. Медленно опустилось окно пассажира, в проёме показалось молодое лицо, обрамлённое чёрной бородкой. Мелькнула блестящая запонка на рукаве белой рубашки. Звучный с хрипотцой голос звучал примирительно с вежливыми, извиняющимися интонациями.

- Прошу прощения. Это всё — невнимательность моего водителя. Я очень сожалею, что мы испачкали вашу одежду. Смотрите! - воскликнул человек, высовывая наружу руку. - Даже брюки вам испоганили. Ещё раз простите нас.

- Да, что уж там, - смирился с неприятностью Алёхин. - Ничего страшного.

- Нет. Не говорите так, - человек приоткрыл дверь. - Если это загладит нашу вину... Давайте мы подвезём вас. Из-за слякоти и снегопада вы так домой только к ночи доберётесь. Такси сейчас нарасхват. Тридцатое... Садитесь, садитесь, - человек подвинулся на заднем сиденье, освобождая место.

Александр взглянул поверх крыши авто на двигающиеся в плотном потоке машины и с досадой сказал:

- Я же грязный со спины. Испачкаю вам всё внутри.

- Ничего. Почистить сиденье — пустяки. Кожа... Пусть это будет хоть каким-то наказанием для моего водителя.

Алёхин перевёл взгляд на человека в машине, потом осмотрел автомобиль. Это был чёрный Мерседес Е-класса.

«Товарищ — точно не москвич. Наверняка приезжий, - подумал Александр. - Наш, коренной проехал бы мимо, да ещё бы газу поддал. Ладно, - решил Алёхин. - Пусть подвезут до метро», - и добавил вслух.

- До Смоленской площади подбросите?

- Конечно, - тут же согласился человек. - Мы даже сделаем больше, если не возражаете.

- Нет, нет, - спохватился Александр. - До дома — это слишком большая любезность с вашей стороны.

- Я не это имею в виду, - беспечно взмахнул рукой незнакомец. - Давайте заедем по пути в ресторан, где я угощу вас ужином. Поверьте, это не так много за испорченную куртку и ваши грязные брюки, - торопливо говорил пассажир Мерседеса, заметив протестующий жест Алёхина. - Мне это доставит удовольствие. Я всё равно собирался перекусить. У меня с утра маковой росинки во рту не было. Тем более, что завтра — уже праздник. Пусть это будет для вас небольшим подарком.

Алёхин, ощутив пустоту в желудке, вспомнил, что сегодня кроме чашки кофе с утра и второй в полдень, он больше ничего не ел и не пил.

«Всё равно придётся искать какую-нибудь забегаловку», - подумал он.

Готовить Алёхин не умел. Даже пельмени из пачки получались у него рыхлыми, полными воды и несъедобными.

- Ладно, - согласился капитан. - Только я сам оплачу счёт.

- Это мы ещё посмотрим! - Воскликнул незнакомец, потирая ладони.

- Вы, очевидно, приезжий? - спросил Александр.

- Почему вы так решили?

- Выговор у вас не московский. А ещё среди москвичей с каждым годом всё больше равнодушных, даже откровенно хамоватых.

- Вы заблуждаетесь. Коренные жители Москвы — образец доброжелательности и желания помочь.

- Неужели?

- Вы сомневаетесь?

- Угу, - буркнул Алёхин, рассеянно глядя в окно автомобиля.

Тем временем машина, сбавив ход, свернула в один из переулков, ведущих в сторону от центра города. Через несколько минут водитель остановился возле небольшого ресторана почти рядом с Тишинским рынком.

- Выходим? - Предложил незнакомец, открывая свою дверь.

- Странно, - проворчал Александр. - Даже очереди нет, хотя для любого ресторана в такую пору — час пик.

- Вы забыли, что сегодня — тридцатое декабря. Завтра сюда уже не попадёшь. Поторопимся, я голоден, как волк. Стол заказан. Думаю, что даже уже накрыт.

Алёхин оглянулся на водителя, который невозмутимо остался сидеть за рулём, и пошёл вслед незнакомцу. А тому уже помогал избавиться от пальто старичок гардеробщик. Сервированный стол, к которому показывал дорогу юноша-официант, располагался в самом углу просторного, но совершенно пустого помещения. Откуда-то сверху из спрятанных под потолком динамиков доносилась тихая музыка. Александру предложили стул, и он сел спиной к залу. Уютному сумраку, царящему в ресторане, добавляли таинственности плотные, тёмно-бордового цвета шторы на окнах, но лампы точечного света позволяли хорошо рассмотреть тарелки, столовые приборы и хрустальный кувшин с каким-то напитком. Алёхин, не мешая незнакомцу делать основной заказ, в деталях рассмотрел сотрапезника. Тот был почти одного роста с Александром. Лицо выглядело усталым, худым, но внимательный взгляд то и дело переходил с текста меню на Алёхина, словно человек проверял, что выбор блюд не вызывал неудовольствия у нового знакомого. Слегка вьющиеся чёрные волосы блестели, были аккуратно пострижены, зачёсаны назад, открывая высокий лоб. Короткая борода, в которой местами пробивалась седина, обрамляла скулы, подчёркивая красивую линию подбородка. Вместе с небольшими усами борода составляла единое целое, оставляя открытыми довольно пухлые губы. Тем временем, хозяин стола, передав меню официанту и позволив тому удалиться, повернулся всем телом к Алёхину.

- Что ж, давайте знакомиться. Вы угадали. Я не москвич, но уже долгое время работаю здесь. Моё имя Валид Джамил. Родом из Сирии, Вы спросите, чем я занимаюсь? Скажем так. Оказываю консалтинговые услуги. Кстати, я закончил в Москве Военный институт иностранных языков, успев поработать у себя на Родине переводчиком с русского на арабский и французский.

- Произношение почти идеальное. Я бы сказал: Южнорусское, - растерянно предположил Александр, оглядывая помещение. -

Всё равно странно. Мы в ресторане одни.

- Ничего. Завтра хозяин устанет считать прибыль, - улыбнулся Валид. - В нашем случае плюс пустоты в том, что нас обслужат быстро, а еда будет вкусной. Вы пальчики оближите.

Словно в подтверждение его слов, появились два человека с подносами. Они принялись ловко расставлять на столе тарелки. Алёхин, уже испытывая острое чувство голода, наблюдал за быстрыми руками официантов. Нарезанный толстый лаваш, уложенный на большое блюдо, источал божественный аромат. Чёрная икра, почти с верхом заполняющая блюдце толстого стекла, сама просилась в рот. Тонкие пластинки копчёной осетрины тускло блестели. Вид ломтиков королевской рыбы заставил желудок Алёхина медленно сжаться. Свежие овощи: маленькие огурчики, помидоры «черри», зелень, принесённые на большом блюде, словно телепортировались с холста картины живописца, специализирующегося на натюрмортах.

- Люля-кебаб и шашлык когда прикажете? - спросил один из официантов. - Кстати, из спиртного что-нибудь желаете?

Валид сделал вопросительный жест в сторону Александра.

- Вообще то я не пью, - решительно сказал тот, с некоторым усилием проглотив слюну.

- Похвально. Обойдёмся соком, - воскликнул Валид. - Мясо — минут через десять. И про чай с бергамотом не забудьте... Где-нибудь через сорок минут.

Официанты, одновременно кивнув, разошлись по разным углам зала. Валид тем временем взял нож, кусок лаваша, намазал его маслом и сверху уложил толстым слоем икру.

- Держите.

- Спасибо... Я не назвал вам своё имя.

- И не нужно. Я его знаю.

Александр едва не подавился, с изумлением глядя на сирийца.

- Я знаю о вас не всё, но многое, - продолжал Валид. - Да вы ешьте, ешьте. Не стесняйтесь.

- Что вам от меня нужно? К чему весь этот цирк? Кто вы? - Внезапно «севшим» голосом спросил Алёхин, медленно опуская вилку с куском осетрины.

- Я оказываю вам услугу, - спокойно ответил сириец. – Но, чтобы вы не устроили здесь сцену оскорблённой чести, типа, да

как вы смеете, и сразу не ушли, скажу… Я знаю, кто убил вашу подругу Наташу.

- Чего? - срываясь на фальцет воскликнул Александр.

- Да, да… Только боюсь, эта информация вам не понравится.

- Кто ты такой? - Алёхин тщетно пытался совладать со сжатыми в кулаки дрожащими руками.

- Понимаю… Вы мне не верите. Хорошо. Прежде, чем мы продолжим ужин, обещайте мне, что сохраните хладнокровие и не побежите с пистолетом искать убийцу вашей девушки.

После продолжительной паузы, сдерживая нервный озноб, Алёхин тихо сказал:

- Обещаю…

- Тогда, держите, - Валид, достав из внутреннего кармана конверт, положил его на стол.

Александр едва справлялся с ознобом. Через минуту ему всё же удалось открыть конверт. В руках оказалась пачка фотографий. Он медленно перебирал прямоугольники бумаги, на которых видел знакомые очертания зданий Ленинградского проспекта, фигуру Наташи со спины, спускающуюся по лестнице крыльца ресторана «Яр», чёрную машину, стоявшую у тротуара. На одной из фотографий был даже заметен пар, вырывающийся из выхлопной трубы, что свидетельствовало о включённом двигателе. Алёхин, словно листал в памяти картины трагедии. На трёх последних фото чётко читался регистрационный номер машины, хотя он был залеплен грязью. Белым пятном выделялось лицо водителя, который был поразительно похож на охранника, который сопровождал Ивана Матвеевича по аллеям Филёвского парка.

- Сволочь, - выдохнул Алёхин, торопливо засовывая фотографии обратно в конверт. – Убью гада!

Он попытался подняться, но рука Валида легла на запястье.

- Гнев — плохой советник. Вы мне обещали. Давайте продолжим наш ужин. Не пропадать же добру.

- Да, пошёл ты, знаешь куда?

- Знаю, знаю, - спокойно сказал сириец, снимая ладонь с руки Александра. - Пистолетик вам дать или у вас свой имеется?

Уже поднявшийся Алёхин, обессиленно рухнул на стул.

- Зачем вы мне показали эти фото?

- Чтобы вы знали, кто ваш настоящий друг, а кто враг.

- Только не надо мне в друзья набиваться. Постойте! Значит Наташа была права...

- Не понимаю, в чём? - пожал плечами Валид.

- Вы следили за нами?

- Не отрицаю. С некоторых пор.

- С чего бы это? Я рядовой обыватель. Офисный планктон, так у нас говорят.

- Отнюдь. Вы не рядовой, а действующий офицер очень интересной во всех отношениях спецслужбы. Рассказать о ваших профессиональных интересах?

- Обойдусь, - к Алёхину вернулось самообладание. - Вы что, вербуете меня? Чего вы от меня хотите?

- Услуга за услугу, - сириец откинулся на спинку стула. - Поймите, я не склоняю вас к измене Родине. Нам просто нужна некоторая информация, добываемая вашими людьми, в которой нет абсолютно никакой пользы для вашего начальства. Думаю — её отправляют в корзину.

- Короче, - грубо одёрнул Валида Алёхин.

- Правильно. Как говорят на Западе... Время — деньги. Перехожу к сути предложения. Нас интересует взлом серверов определённых государственных структур некоторых ближневосточный стран. Иордании, Израиля, Йемена, Катара, Арабских Эмиратов, содержимое электронных почтовых ящиков нескольких крупных арабских бизнесменов, нескольких политических лидеров. Для вашей страны Ближний Восток — не приоритетное направление для специальных информационных операций и разведывательной деятельности. Там доминируют американцы вместе с израильтянами.

- Ага. Ещё Эрдоган. Вы случайно не на него работаете?

- Я с вами предельно откровенен. Скажем так. Я оказываю определённого рода услуги для

одной ближневосточной монархии. Видите, насколько я вам доверяю.

- Иорданию исключаем, - зло улыбаясь уголками губ, сказал Александр. - Остаётся Саудовская Аравия.

- Возможно, - Валид, взяв фужер, налил в него сок из хрустального кувшина. - Советую. Гранатовый. Очень вкусно.

- Знаете, что я сделаю? - Раздражённо спросил Алёхин, доставая смартфон. - Сейчас позвоню своему начальству и сдам вас с потрохами за попытку вербовки.

- Валяйте, - спокойно отреагировал на угрозу сириец. - Вашим начальникам будет интересно также узнать об украденных вами деньгах, размещённых в оффшорных банках, о биткойнах, которые выведены со счетов бирж криптовалют Европы и Азии. А ещё ваша подруга останется не отомщённой, поскольку без приказа свыше подонок в той машине не посмел бы...

- Я подумаю, - быстро сказал Алёхин, вставая.

- Ваши слова обнадёживают. Подумать, всё взвесив, разумно. Только думайте недолго. Кстати, ваш дед ведёт одинокий образ жизни, а это нехорошо.

- Вы мне угрожаете? - На щеках Александра проступил румянец гнева.

- Даже не думал. Просто я констатирую факт, - Валид полез в нагрудный карман пиджака и вытащил маленький прямоугольник бумаги. - Моя визитная карточка. Буду ждать вашего звонка.

Алёхин взял карточку, затем, круто развернувшись, направился к выходу, но тут же остановился.

- Как меня вычислили?

- Долго рассказывать, и не имеет смысла. Но чтобы успокоить, скажу, что вашей вины здесь нет. Просто один из сотрудников конторы, где вы трудитесь на благо Родины, допустил неосторожность, засветив реальный IP-адрес при крупной покупке специфического оборудования в одной дружественной нам стране. Наш специалист по случайному, но счастливому обстоятельству обратил на это внимание. Пройти по цепочке оставалось делом техники, не говоря уже о времени...

Алёхин даже не удивился, когда увидел на улице стоящее у тротуара свободное такси. Не спрашивая разрешения, он, открыв заднюю дверцу, плюхнулся на сиденье. Водитель обернулся, внимательно изучил пассажира и спросил:

- Куда едем?

- Проспект Жукова.

Всю дорогу Александр прокручивал в памяти фрагменты «застольной» беседы. Он злился на себя, пытаясь представить варианты разговора, приведи он те или иные аргументы,

которые сейчас ему казались вескими, взвешенными и которые могли бы поставить на место наглого, самоуверенного Валида. Всё поведение сирийца во время ужина давало понять, что тот знает, что делает, что встреча была не случайной и хорошо подготовленной. В то же время Алёхин понимал, что оказался застигнутым врасплох, даже подвергнут психологической атаке с помощью фотографий, проливающих свет на загадку гибели Наташи.

Алёхин крепко сжал челюсти до скрипа зубов и застонал. Но поймав в зеркале заднего вида любопытный взгляд таксиста, справился с очередным, проснувшимся ещё в ресторане, приступом тоски. Капитан отвернулся, глядя в окно машины. Странная апатия овладела разумом, который будто отказывался верить в реальность происходящего. Александр даже не заметил, что такси замедлило ход. Алёхин начал узнавать проплывающие мимо дома. Он непроизвольно вздрогнул от громкого вопроса водителя.

- Может, адрес конкретный назовёте?

- Остановитесь здесь, - Алёхин, достав деньги, рассчитался с таксистом, не заметив, что передал тому лишнюю тысячу рублей.

Остаток пути он преодолел пешком, пытаясь привести в порядок мысли, но только оказавшись в своей квартире, сбросив на пол одежду, встав под душ, Алёхин осознал всю сложность своего положения. Фигуры игры, которую затеял сириец, стояли на шахматной доске, но у Александра не было не только ферзя, но и части пешек. Самое ужасное заключалась в том, что Алёхин перестал думать о собственной судьбе, а начал размышлять о том, каким образом отомстить своему начальству. Возможностей, не говоря уже о вариантах пока не просматривалось, однако, в душе капитана росла уверенность, что он найдёт способы, которые заставят людей, стоявших у истоков решения о ликвидации Наташи, пожалеть о содеянном.

- Ладно. Утро вечера мудренее, пробормотал он, падая на кровать и вяло строя планы на следующий день.

«Ещё этот Атлас нарисовался не ко времени, - подумал он. - То пропадает где-то неделями, то встретиться приспичило. Узнаю, что это он ломал мой комп, «засветив» реальные координаты конторы, убью… Интересно, какого рожна Атласу от меня нужно?», - запутавшись в ворохе возможных причин неожиданного появления хакера в канун Нового года, Алёхин забылся беспокойным сном.

На следующий день тридцать первого декабря Александр проснулся поздно. Болела голова, тело ломало, будто он накануне простудился или его пинали ногами. Алёхин с трудом заставил себя подняться с постели, выпил таблетку анальгина, прежде чем отправиться в ванную. Медленно водя электрической бритвой по скулам, Алёхин поймал себя на мысли, что у него нет никакого желания выходить на улицу. Учитывая вчерашние события, Александр не ждал от встречи с Атласом ничего хорошего. А ещё Алёхина угнетало состояние беспомощности, связанное с необходимостью что-то придумать в отношении сирийца.

«Нужно потянуть время, - решил Александр. - Решить, какую информацию ему подсовывать, поиграть с ним в активность, но не подставляться, не давая повода к дальнейшему шантажу. А потом явлюсь к деду, он поможет решить проблему, найдёт выход».

Облегчённо вздохнув, Александр закончил бритьё, вымыл бритву, затем оделся, решив, что свидание с Атласом может быть полезным. Из опыта Алёхин знал, что общение с парнем, фонтанирующим разными, причём совершенно невероятными идеями, может сегодня принести пользу с целью выработки определённого плана действий на будущее.

Пройдя бронированные двери музея и купив билет у скучающего служителя, Алёхин оказался возле информационного стенда внутри наружной оболочки бункера. Атласа он нашёл прислонившимся к бетонной стене со смартфоном в руках.

- Привет, - буркнул Александр, оглядываясь. - Ну и местечко ты выбрал.

- Зато сюда сотовая связь не пробивается. А это очень хорошо, - вместо приветствия воскликнул хакер, переворачивая смартфон экраном к Алёхину. - Одним словом бункер. Нет, ты прикинь. Во, чего раньше строили. Толщина бетонного купола 6 метров. Атомной бомбой не пробьёшь. Всё предусмотрели. Ворота и двери закрываются по ходу взрывной волны, предусмотрены компенсационные коридоры и много ещё чего. Сам Сталин приказал сотворить это чудо инженерной мысли после Хиросимы и Нагасаки. Отсюда планировали управлять нашей Необъятной в случае ядерной войны с пиндосами. Представляешь, какая здесь начинка, какое хозяйство были когда-то.

- Ты зачем звал? Или новую работу нашёл экскурсоводом?

- Кстати. Тут без поводыря нельзя. Запрещено. Заблудиться

можно. Столько здесь штолен натыкано. Если иметь схему, можно выйти через тайные ходы или к линии метро, или прямо в Кремль. Хотя, теперь это наверняка невозможно... Замуровали ... Но ты не переживай. Я договорился. Нас проведут в помещение бывшего центра управления нашей Необъятной. Бабки нынче решают многие проблемы. Час спокойного разговора нам обеспечен.

Где-то скрипнула дверь, а под потолком «ожили» лампы.

- Вы готовы? - рядом с Атласом стоял человек, одетый в форму советского офицера послевоенных времён. На боку висела винтажная холщовая сумка с противогазом.

- А мы, как пионеры! - откликнулся Атлас. - Всегда готовы.

- Тогда пошли, - сказал экскурсовод, оглядывая высокую фигуру Алёхина. - В некоторых переходах потолки низкие. Головы берегите.

«Офицер» двинулся по коридору, показывая дорогу к дверям лифта. С громким скрипом кабина медленно двинулась вниз. Через какое-то время «экскурсанты» оказались в узком тоннеле, который вывел их к небольшому залу, где стоял старый канцелярский стол с допотопным телефоном, освещённым старой настольной лампой. Жёлтый абажур выглядел серым из-за слоя пыли. Тут же прислонились к бетонной стене два ободранных стула.

- Промежуточный КПП, - сказал «офицер», проходя мимо стола. - Дальше пускали только по особым пропускам.

- Далеко ещё? - спросил Атлас.

- Пара штолен и три лестницы вниз.

- Тогда, ну его на хрен этот центр управления. Мы и здесь можем посидеть, подышать воздухом давно минувшей эпохи, - хакер остановился возле одного из стульев.

- Любой каприз за ваши деньги, - облегчённо сказал экскурсовод, которому явно не хотелось в праздничный день ублажать каких-то богатых придурков, сотрясая пространство словами, которые он повторял в будние дни раз по десять. - Я вернусь за вами минут через сорок, как договаривались.

- Уважаемый! - Атлас уже развалился на стуле. - Можешь не утруждаться. Обратно мы сами дорогу найдём. У меня зрительная память хорошая.

- Ладно. Если что, звоните, - «офицер» поднял трубку телефона, послушал, затем положил обратно. - Связь работает.

И ещё. Вижу по одежде, что вы люди приличные, а значит, распивать спиртное здесь не будете...

Алёхин, «закипая», смерил экскурсовода холодным взглядом.

- А, что? Местные алкаши — завсегдатаи бункера?

- Бывает. Особенно зимой. На улице холодно, а тут тепло. В рюкзаках проносят водку или в карманах. Не обыскивать же людей. Зря обижаетесь. Администрация приказала предупреждать в порядке профилактики. Не моя, так сказать, инициатива.

- Мы вас, товарищ, пока не задерживаем, - ещё холоднее, подражая Алёхину, тоном большого начальника произнёс хакер.

- Ладно, - даже не улыбнулся экскурсовод.

Парень повернулся и пошёл к лифту.

- Отличное местечко для спокойно поговорить, - Атлас похлопал по тканевому сиденью соседнего стула. - Присаживайтесь, товарищ.

- Хватит дурака валять, - Алёхин начинал раздражаться. - Не вижу темы для разговора, кроме той, что ты в офисе почти не бываешь.

- Следую моде, пашу землю на «удалёнке», как папа Карло. Боюсь чёртов вирус подхватить, - хакер, опустив голову, стал изучать листок бумаги, приклеенный к телефонному аппарату с коротким списком трёхзначных номеров. - Во наша власть даёт. Сталинский режим отдыхает. Всех загнали в виртуальный Гулаг с этим ковидом. Скоро в цифровое рабство загонят... Ладно бы зарплату нормальную платили. С огнём играют, а общество — на пределе.

- На каком? - не выдержал Александр. - Повторяешь всякую чушь либеральную. Да русские никогда не жили так, как сейчас. Причём здесь пандемия?

- К чёрту ковид. Я про людей, - огрызнулся Атлас. - Что ты сказал? Живут, не тужат?

- Я тоже про людей, - насел на хакера Алёхин. - Лично я считаю, что мы живём в лучшем из времён. Ещё сто лет назад у наших прадедов не было ни центрального отопления, ни горячей воды. Холодную черпали из колодца или речки, а не из крана. Про электричество я вообще не говорю. Если и было, то в стольных градах. Питере, Москве. И то не во всех домах. Из общественного транспорта – трамвай на конной тяге. Опять же в крупных городах. Скажи... Бесплатное всеобщее образование

было? Нет. Говорили: «Ты. чего, холоп, белены объелся? Ставь крестик в углу бумажки и не выделывайся». Нормальная медицина? «Дохтур! Может мне кровя пустите, пиявок на задницу поставит, а то кашляю, сил более нету?» А, рабочие? Пахали по четырнадцать, шестнадцать часов. И это, не то, что пришёл на завод, включил станок с ЧПУ, дальше - на перекур, а тяжёлый физический труд. В деревнях тракторов с комбайнами в помине не было. Из развлечений — гармошка или за бабами в бане подглядывать. Ни телевизора тебе, ни интернета, ни даже радио. Весь наш сегодняшний, запредельный комфорт в городах с горячей водой, центральным отоплением и прочей хренью – это буквально появилось в последние несколько десятилетий. Даже в СССР было далеко не так чудесно, как сейчас рассказывает Зюганов. Мой отец бананы увидел впервые после Олимпиады в Москве. «Фанта» - опять же только в Москве и только на разлив, один стаканчик в зубы возле парка Сокольники. Я уже молчу про хорошую мебель, дорогие сервизы, аппаратуру разную. Телевизоры, видаки, проигрыватели дисков. Если только подобные вещи из-за границы привозили. А сейчас в магазинах есть такое, чего в советское время даже в спец. распределителях для партийной элиты не было. И коррупция в СССР существовала, и преступность, и вроде, как насквозь прогнившая «коммунистическая элита», предавшая страну при первой возможности... А люди радовались.

- Так в «девяностые» всё поменялось, - вяло возразил Атлас, удивлённый горячности Александра. - Появились возможности...

- У кого? У тебя? Для любителей «святых девяностых» у моего деда тоже пара «ласковых» слов нашлась бы. Может, кто-то из либералов и присосался в то время к обслуживанию какого-нибудь вороватого олигарха, чувствуя себя хорошо, даже «демократично», то есть свободно воровал и грабил, но я ещё помню братков, которые ходили с пистолетами, ножами или кастетами в карманах. Кладбища городов страны забиты «вечно молодыми, вечно пьяными» пацанами тех лет. Хоронили с золотыми цепями на шеях и в спортивных костюмах. Кто-то уже забыл, каково было жить в России без Путина? Ну, так пересмотрите «Бандитский Петербург» или «Улицы разбитых фонарей». Там у главных героев только имена поменяли, а так всё взято из реальной жизни.

- Господи, - вздохнул хакер. - Ещё один защитник Путина.

- Я не его фанат. Но скажу тебе вот что. Человеку свойственно ошибаться. Лично я считаю, что ВВП «проспал» Украину. Вопрос с Донбассом нужно было решать вместе с Крымом. Зато число крупных заводов в России за тридцать лет выросло почти на

сорок процентов. Количество личных автомобилей на душу населения увеличилось в семь раз. Сбережения обычных граждан в банках превысили тридцать триллионов рублей. Найди статистику. Она есть в открытом доступе... Сегодня «Оборонка» у нас на подъёме. Армия! Разве сравнить её с той, из «девяностых»? Не знаю, как ты, а я считаю, что мы живём в интересное времён, в лучшей из стран, и не факт, что дальше будет ещё лучше потому, что война у нас с Западом идёт, если ты не заметил. Вот ты, вроде был в Америке. Скажи — хорошо там?

Атлас почесал затылок.

- Даже и не знаю... Хотя, что есть, то есть... На улицах кучки наркоманов тусуются, а полиции — по фиг. Тюрьмы забиты заключёнными. Там даже есть особое понятие «карьерный уголовник». Таким в тюряге хорошо. Сыт, обут, одет, ночует в тепле. На улицах даже в дневное время грабят и стреляют. Меня самого пару раз чуть не убили. Повсюду — бездомные бродяги, нищие с тележками. Цензура там реальная, не то, что у нас. Свобода слова отсутствует в принципе. Одно промывание мозгов дешёвой пропагандой. Попробовал бы кто-нибудь вроде наших приблуд хохлов на американском телевидении пургу против дяди Сэма нести, сразу записали бы в террористы. Каждую зиму десятки тысяч людей умирают от холода на улицах в северных штатах. Наверно, ты прав. Я вон и в Гонконге был. Прослышал, что там та-а-кие возможности... Ни фига подобного. Устроиться на работу без знания китайского языка нереально. Стандартное жильё - общей площадью десять, двенадцать квадратных метров, унитаз и душ совмещённые на одном квадрате, кровати стоят в два-три яруса. И ценник на этот ужас дороже, чем на трёхкомнатную квартиру в Москве. Полуметровые крысы пешком по улицам ходят среди бела дня. Кстати, в Париже их тоже полно. А в Голландии стоило мне случайно затесаться в тусовку протестующих против фиг его знает, чего... Вроде бы бузили против повышения цен на пиво и на услуги проституток, так меня чуть собаками полицейские не затравили. Порвали куртку сволочи, руку прокусили до крови.

- Полицейские? - усмехнулся Алёхин.

- Собаки, мать их! - выругался Атлас. - У них зубы, что лезвия бритв. И вообще, ненавижу весь грёбаный коллективный Запад. А пиндосов, так особенно.

- А я о чём? - с мрачным видом сказал Алёхин. - Запомни, русские никогда не жили так хорошо, как сегодня. Молчу про Латинскую Америку и Африку... Там вообще более трети

населения прозябает в трущобах. Сотни миллионов людей голодают, мёрзнут, там не хватает чистой питьевой воды, они не могут нормально помыться, ходят в каких-то лохмотьях, не имеют доступа к нормальному образованию, медицине, еде. А у нас некоторые блогеры, сидя за рулём тачки ценой в семь - двенадцать миллионов рублей, снимают на супер, пупер, навороченные айфоны ролики о том, как нищает наш собственный «несчастный» народ. Или делают то же самое в собственных студиях, в которых одного только освещения и прочего оборудования на сотни тысяч долларов. Один такой дебил прямо с пляжей Таиланда, заодно рекламируя кредитки от различных банков, рассказывает, как бедному российскому пролетарию плохо живётся в буржуйской России. И зрители у них такие же. Вот увидишь - на праздники эти миллионы «несчастных» русских выпустят новогодних фейерверков на два бюджета Украины, заедая шампанское или французский коньяк бутербродами с красной икрой уже «через не могу», а затем отправятся на отдых в Доминиканы, Таиланд, на Бали. А там наши с тобой соотечественники снова начнут стонать: «довёл Путин страну до ручки, всё разворовано, голодает Россия». Это что? С ума посходили или дурака включают? Не отрицаю, проблем у нас до фига, но они всегда были и будут при любой форме государства и при любом президенте.

- Да, уж, - вяло согласился Атлас. - Ну их на хрен вместе с их любимой Америкой. Кстати, если уж разговор зашёл, к тому же у нас позиции на многое с тобой почти совпадают, хочу спросить... Только не удивляйся и не ори на меня... Что ты знаешь... Нет, не так... Смотри. Мы вроде сейчас бодаемся с хохлами и на пороге войны с НАТО. Так? Так. Скажи мне - будет война с американосами или не будет? И за что, собственно, воевать?

- Опять ты за своё. Америка уже воюет с нами руками хохлов. А ты, по примеру пана Зеленского или Авакова с Порошенко, которые, то-ли выпив лишнего, то-ли чего-то там нанюхавшись, спрашивают: ”За что воевать клятым москалям — за дачу Сечина? За яхту Абрамовича? За любовниц Путина?” А я бы у них сначала спросил: А за что воевать украинским солдатам или, скажем, полякам, тем же немцам? За миллиарды Коломойского и Ахметова? За сынка Байдена наркомана Хантера? За американскую геополитику? За нищенские зарплаты простых людей? За высокие налоги? За рост цен? За домик Яценюка в Майями? За космические тарифы ЖКХ? За мизерные пенсии? За вырубаемые леса в Карпатах? За уничтоженную украинскую экономику, пустые верфи, заводы? За падающие мосты в Киеве? Может за ”Бизвиз” и кружевные трусики для дур - пацанок? Может, за мову драться, этот

суржик? Кстати, в ”аннексированном” нами Крыму мова является вторым государственным языком, никому не нужным, как оказалось, но статус которого никто не отменил. Все желающие могут разговаривать на украинском, правда охоты у людей особо не наблюдается.

- Жаль, - неожиданно произнёс Атлас.

- Чего тебе жаль? Что войну могут отменить?

- Конечно. А то бы как жахнули из всех калибров по пиндосам, чтоб другим неповадно было. Представляешь, какая жизнь классная будет без Америки. Весь мир облегчённо вздохнёт.

- Ты меня зачем сюда позвал? Постой, догадаюсь. Изучаешь объект, да?

- В смысле?

- В смысле отсидеться здесь, если что.

- Может быть, - тихо сказал хакер... Хотя... Задам тебе ещё вопрос. Можно?

- Валяй, - неохотно ответил Алёхин, машинально посмотрев на запястье и огорчившись, что не увидел там часов, которые он забыл на полочке в ванной.

- Скажи, что ты знаешь о системе «Периметр»?

- Чего?

- Чего слышал? Система гарантированного ядерного возмездия, если знаешь, о чём я.

- Да, на фига оно тебе?

- Ну, пожалуйста... Из чистого любопытства.

- Что ты за человек? Чем мозги свои засоряешь? Ну, система. Что-то вроде ядерной дубины на самый крайний случай.

- На какой? Это тот самый ядерный чемоданчик у Путина, где кнопка «Пуск»?

- Ну, что ты пристал, как банный лист? Зашёл бы в сеть, да порылся, погуглил.

- А тебе западло объяснить простому человеку простыми словами?

- Прикидываешься, да? - снова начал злиться Алёхин. - Ладно, расскажу, что знаю... После Хиросимы, когда стало понятно, что американцы могут запросто поставить на колени любую страну, наши, создав собственную атомную бомбу,

решили подстраховаться, понимая, что со временем может возникнуть угроза блокировки штатных каналов управления стратегическим ядерным арсеналом. Нужен был надёжный резервный способ связи, чтобы гарантированно довести команды о пуске ядерных ракет в случае внезапного нападения. Если говорить о ядерном чемоданчике, то их должно быть три. Один у Путина, второй - у министра обороны, третий — у начальника генерального штаба. Чемоданчики служат в основном для связи с командным центром управления ядерными силами.

- Так просто? А если, например, внезапно ударят по Москве и все, включая первых лиц, погибнут, не успев даже открыть эти чёртовы чемоданы?

- Тогда и заработает «Периметр».

- Каким образом?

- Для таких кризисных ситуаций, понимая, что методы радиоэлектронной борьбы будут постоянно совершенствоваться, придумали использовать в качестве резервного независимого канала связи специальные командные ракеты, которые вместо боеголовок способны нести мощную, защищённую от внешнего воздействия радио передающую аппаратуру. Пролетая над нашей территорией, подобная ракета передавала бы команды к запуску баллистических ракет не только на командные пункты соединений РВСН, но и непосредственно на пусковые установки.

- А ракетам этим, кто отдаёт команды?

- Решение о старте командных ракет принимает автономная контрольно-аналитическая система. Это очень сложный программный комплекс на основе искусственного интеллекта отечественной разработки. Ты думаешь, американцы первыми придумали компьютеры? Чёрта с два. Наша система автономна. Она получает и анализирует огромный объем самой разной информации. Во время постоянного боевого дежурства подвижные, плюс стационарные центры контроля, спрятанные на всей территории России, непрерывно оценивают массу параметров: уровень радиации, сейсмическую активность, температуру воздуха и давление, контролируют военные частоты, фиксируя интенсивность радиообмена, следят за данными спутниковых систем предупреждения о ракетном нападении, а также контролируют телеметрию пусков разгонных блоков гражданских космических аппаратов. Система отслеживает точечные источники мощного ионизирующего и электромагнитного излучения, которое идентично сейсмическим возмущениям во время ядерных ударов. После почти мгновенной обработки всей

поступающей информации система «Периметр» в состоянии сама принять решение о нанесении ответного ядерного удара по противнику. Понятно?

- В принципе понятно. Тогда ещё один вопрос. Система надёжна?

- Господи! Что ты, как ребёнок? Хочешь проверить?

- Да, кто ж мне позволит? - Атлас оскалил зубы в хищной улыбке. - Интересуюсь на всякий случай. Сбои были? Вот, например, спутники связи запускают чуть ли не ежемесячно.

- При любом запуске... Учебном, например, другие страны нас заранее оповещают через МИД.

- А если забудут, тогда — ядерная война?

- Скажу тебе так. От раздолбайства никто не застрахован. Я знаю об одном таком случае. Не помню точно год, когда это было. Наши соседи - Норвегия запустили исследовательскую ракету. А Норвегия, если ты не знаешь, это страна НАТО. И если что-то там у них запускается по баллистической траектории без уведомления, то это расценивается, как ядерная атака. К тому же, та ракета по своим техническим параметрам имела определенное сходство с американской системой Trident. Наша аппаратура оповещения сработала четко, и в Генштаб поступил сигнал о ракетной угрозе. Мы посчитали, что это достаточно веский повод активировать систему «Казбек». Это — тот самый ядерный чемоданчик. Боря Ельцин, министр обороны Павел Грачев и начальник Генштаба установили связь, используя непосредственно устройство в пресловутых чемоданчиках. Президент активировал ядерные коды, чтобы привести в боевую готовность наши пусковые устройства. Но, слава Богу обошлось. Оказалось, что сообщение норвежцев о планируемом запуске ракеты затерялось в нашем МИДе и естественно не было доведено до сведения сотрудников системы раннего предупреждения. Но этот случай - из ряда вон выходящий. Кстати, «Периметр» не зафиксировал ни одного параметра, подтверждающего нанесение удара. Но мир тогда стоял на пороге Третьей мировой.

- Во даём! - непонятно чем восхитился Атлас. - Хотя при Боре Ельцине всё, что угодно могло произойти. Слушай, а у американцев точно так же всё устроено? Не знаешь, случайно?

- У нас, что здесь? Выездное теле - шоу «Что, где, когда?»

- Тебе трудно ответить?

- Поройся в интернете, - устало ответил Алёхин, пытаясь встать, но хакер удержал его за руку.

- Да, ладно тебе. Мне интересно твоё мнение. Можно взломать их чемодан?

- Не знаю. Не пытался, - Александр освободил запястье из цепких пальцев Атласа. - Всё, что мне известно... У них там полный бардак с этими чемоданами.

- В смысле?

- При Клинтоне, когда они там готовились бурно отмечать Миллениум, в Пентагоне решили поменять коды от чемоданов. В принципе — это рутинная процедура, выполняется раз в месяц. Однако, неожиданно выяснилось, что старые коды были утеряны несколько месяцев назад, и об этом никто не знал. У них, чтобы не напрягать мозги президенту, код, а он достаточно сложный... Этот код распечатан на специальной пластиковой карточке типа банковской... Короче. Билл потерял карточку. Но не признавался. Каждый раз придумывал отговорку. То, типа некогда, совещание, то гольф у него. Представляешь? - Алёхин ехидно улыбался.

- А ты про это откуда узнал?

- Неважно, отмахнулся Александр. - Дело не в этом. Клинтон терял карточки дважды. Терял их и Буш младший. Потом Обама. Короче... У них президенты — пофигисты ещё те. Одного не пойму, на хрена тебе вся эта информация? - с подозрением спросил Алёхин.

- Смотри, - Атлас, словно забыв про Алёхина, задрал голову к низким сводам потолка. – Если, к примеру, кто-то нашёл бы эти карточки... Скажем, какой-нибудь Бен-Ладен... Вероятно, имея несколько последовательностей чисел, букв и цифр, можно вычислить алгоритм смены кодов... Это же, в принципе не так трудно. Всё равно, что, имея соответствующую программу, подобрать пароли для взлома... Раз в месяц, говоришь? Надо подумать...

- О чём? Ты в своём уме?

- Чего ты взвился? Может, у меня чисто спортивный интерес?

- Слушай... Ты у психиатра давно проверялся? Даже не думай пытаться. Американосы тебе такой покажут интерес, что мама не горюй.

- Да, ладно... Пошутить уже нельзя. Я же — чисто теоретически... А так, классно было бы. Продал бы алгоритм

северным корейцам миллиардов за сто. Были бы мы с тобой в шоколаде.

- Ты — дебил или прикидываешься? - Александр тяжело вздохнул и поднялся. – Тебе мало тех денег, которые у нас есть? Только, время на тебя и твои глупости убил зря. Пошли отсюда.

- Ты иди первым, - всё также глядя в пространство, сказал Атлас. - Нажмёшь кнопку вызова лифта, экскурсовод спустится за тобой.

- А ты?

- Меня выведут наружу другим ходом.

- Господи! - тяжело вздохнул Александр. - Параноик!

- Это точно, - не обиделся хакер. - Пока... Если, что... Я — на связи.

Оказавшись на улице, Алёхин долго стоял, вдыхая свежий воздух, пахнувший оттепелью. Увидев такси, медленно проезжавшее мимо, он поднял руку. Водитель молча ждал, пока забравшийся на заднее сиденье пассажир соберётся с мыслями и назовёт адрес. Подумав немного, Алёхин решил заехать в офис. Однако, когда он рассеянно дёрнул дверь, он вспомнил, что ещё вчера он отпустил всех сотрудников на новогодние праздники.

Чертыхнувшись, Александр достал собственный ключ от электронного замка — пластиковую карточку. Дверной механизм тихо щёлкнул, и Алёхин вошёл внутрь. Из комнаты рядом вышел дежурный офицер в штатском. Сонное выражение лица говорило о том, что молодой лейтенант дремал на небольшом кожаном диване у стола, заставленного мониторами видеонаблюдения.

- Привет, шеф! - поприветствовал начальника парень, виновато улыбаясь.

- Царствие небесное проспишь, - проворчал Алёхин. - Если буду нужен, я у себя в кабинете.

Расположившись за столом, Александр обхватил голову руками. Он уже не думал о странном разговоре с Атласом. Все его мысли занимала Наташа. Он перебирал в памяти дни, когда они были вместе, вспоминая: запах духов девушки, прикосновение к его телу тёплых девичьих рук, внимательный взгляд красивых голубых глаз. Капитан застонал, едва справился со спазмом, сдавившим горло, энергично потёр

ладонями лицо. Через минуту он переключился на анализ последних событий, связанных с попыткой вербовки.

- По сути, не имея сильных ходов в партии, которые разыграло с ним его непосредственное начальство, к которой неожиданно присоединился сириец, Алёхин пока предпочёл сосредоточиться на возможных вариантах безопасной работы с Валидом. Перебрав десяток вариантов, начиная от доклада Ивану Матвеевичу с целью возможной агентурной игры, и до собственных инициатив, включающих сотрудничество в известных пределах, Алёхин отбросил их все. Они имели множество изъянов, которые не сулили ничего хорошего. Испортив несколько листов бумаги, где он набросал кучу схем, Александр раздражённо смял их, положил в массивную бронзовую пепельницу, затем сжёг, не забыв растереть пепел пальцами. Спустя два часа он уже понял, что без совета деда ему не обойтись. Генерал ответил на звонок почти сразу.

- Слушаю.

- Ты дома?

- А куда мне деться с подводной лодки? С утра гулял в сквере, но там — сплошной каток.

- Да, небольшая оттепель. Но вечером придётся коньки одевать… Слушай, дед. У меня к тебе дело есть?

- С Новым Годом поздравить?

- Ага, подтвердил Алёхин. - Укрепление родственных связей — святое дело.

- Без вопросов. Приезжай…

В квартире деда пахло хвоей и мандаринами. Стол в гостиной, застеленный белой скатертью, был сервирован на двоих. По центру возвышалась бутылка шампанского. Александр скользнул взглядом по тарелкам с нарезанной копчёной колбасой, сыром и красной рыбой. В углу кабинета на табуретке стояла настоящая ёлка, украшенная старыми, прошлого века игрушками, шоколадными конфетами, подвешенными к веткам на петельках из толстой суровой нитки. Ярко блестели оранжевые мандарины, чей запах Алёхин ощутил ещё в прихожей. Александр не удержался от улыбки.

- И охота тебе возиться? Кто тебе нитку в иголку вдевал, чтобы все эти петельки соорудить?

- Пустое, - отмахнулся дед. - Отец твой так любил. Он... Маленький ещё был, тайком конфетку разворачивал, стараясь оставить нетронутой обёртку, а мы с бабушкой притворно спрашивали: «Кто это все конфеты на ёлке поел? Наверное, мыши у нас завелись.» А он голову опустит и тихо так отвечает: «Снегурочка ночью приходила... Может, она?» И такие глаза невинные делал... Ладно. Что было, то прошло. До Нового года ещё время есть. Рассказывай с чем пожаловал?

Через минуту Алёхин и генерал сидели напротив друг друга за плотно задёрнутыми тяжёлыми шторами, при включённом телевизоре.

- Так всё серьёзно? - тихо спросил дед, показывая головой в сторону окна.

- У меня — большие проблемы, - сказал Александр, глядя прямо в глаза генералу.

- Что ж. Беда не приходит одна. Давай, рассказывай сначала более подробно, в деталях.

Алёхин смущённо кашлянул и заново пересказал деду события прошедшего года, начиная с момента встречи с Иваном Матвеевичем в Филёвском парке. Когда генерал услышал о счетах внука в оффшорах, он побагровел, ахнул и переспросил:

- Сколько, сколько у тебя? Я не ослышался?

Алёхин ещё раз озвучил цифру.

- Где-то так... Примерная сумма, точно не помню.

- Господи! - воскликнул дед. – Это, это же...

Не подобрав нужного слова, старик достал из кармана брюк носовой платок. Вытерев вспотевший лоб, он застыл, стараясь оценить масштаб возможных проблем.

- Дед! Ты только не волнуйся. Это - ещё не всё.

- Чего уж теперь? Волнуйся, не волнуйся. Давай дальше. Только чувствую, дальше будет ещё хуже.

- Не то слово, - тяжело вздохнул Алёхин. - Может, выпьем? Так мне легче будет рассказывать.

- Делу — время, потехе — час, - генерал сжал кулак и хлопнул им по подлокотнику кресла. - Мне нужна ясная голова. Постой... Ты же не пьёшь.

- Ладно. Не пить, так не пить, - тихо сказал Александр.

Он стал рассказывать деду о том дне, когда погибла Наташа. Когда он добрался до подробностей встречи с Валидом, генерал, выбравшись из кресла, стал расхаживать по кабинету...

Когда внук, завершив повествование, замолчал, старик остановился, нашёл взглядом в углу кабинета стул, поставил его рядом с Алёхиным и сел, зябко потирая руки. Молчание, которое последовало за всеми этими действиями, показалось капитану бесконечным. Александр с обречённостью арестанта, ожидающего приговора суда, откинулся на спинку кресла, опустив плечи. Ему оставалось только молчать. Пауза стала невыносимой, когда генерал, подойдя к окну, почти уткнулся лицом в плотные шторы. Алёхин провёл языком по высохшим губам. Он чувствовал страшную жажду, будто провёл целый день под палящим солнцем.

- Что скажешь, дед? Чего делать мне теперь? – Хрипло выдавил из себя капитан.

Генерал обернулся, пригладил седые волосы, подошёл к внуку и тяжело опустился на стул.

- Дело хреновое, скажу тебе честно. Но есть варианты. С какого начать?

- Давай с плохого, - обречённо сказал Алёхин.

- В принципе они все плохие эти варианты. Но в разной степени. Значит, так... Господи! И с повинной не пойдёшь, - губы генерала дрогнули. - В наше время тебя бы, сукина сына, трижды расстреляли. А сейчас посадят лет на двадцать, если не больше.

- Сам знаю, - начал злиться Алёхин.

- Эх! Ну, и молодёжь нынче пошла, - тихо сказал дед. - Не украсть, не покараулить толком не могут.

- Брось свои шуточки.

- Ладно, ладно. Не закипай... Значит так. Будем размышлять. Бабло, как сейчас говорят, ты вернуть не можешь?

- Кому возвращать? Если только государству, - Александр поднял на деда виноватые глаза.

- Тоже вариант. - оживился генерал. - Чистосердечное признание с возмещением ущерба облегчает вину, снижая планку меры наказания.

- Какого ущерба, кому? Дед! - попытался вскочить Алёхин, но генерал удержал его, положив ладонь на плечо.

- Ладно, ладно... Держи себя в руках... А если по порядку, то вот, что я думаю... За вами с Наташей давно ходил «хвост». С каких пор установили наблюдение, это уже не важно. Девица твоя слежку почувствовала. Ходили не по пятам, а от случая к случаю. Причина? Вспомни предупреждение Ивана Матвеевича. И он был прав по большому счёту. Твоя работа не предполагает сердечных привязанностей. Любовь — болевая точка, на которую если надавить, то можно сломать человека. Однако, не думаю, что твоё начальство давало добро на ликвидацию Наташи. Хотя, всё может быть. Времена такие. Старые кадры уходят, а новым начальникам пальцы в пасти не клади. Таким образом могли проверить твою психологическую устойчивость и верность долгу. Но это вряд ли. Наши до такого ещё не созрели морально... Впрочем, гарантию в этом дать не могу. Фотки, которые тебе показал этот Валид, ни о чём не говорят. Они могли быть фальшивкой. Тут прослеживается более тонкая игра, учитывая ту информацию, к которой у тебя имеется доступ. Девушку могли убить люди твоего сирийца. Думаю, что он не тот, за кого себя выдаёт. Над его головой могут торчать уши любой спецслужбы, начиная от британцев и заканчивая Ближним Востоком. А ещё у меня появилось большое подозрение, что о твоих банковских счетах Валид и те, кто стоит за ним, могли узнать от американцев. Только они имеют технические возможности отслеживать все банковские трансакции и «подсвечивать» их. Убийство Наташи, исполненное так демонстративно топорно, да ещё у тебя на глазах, преследовало две цели. Первая — оказать давление, вывести из душевного равновесия, что им практически удалось. Не важно, кто отдал приказ, и кто исполнил, важно — сломать, заставив делать то, что нужно потенциальному противнику, - генерал не заметил, как перешёл на язык, принятый в военной среде. – Надеюсь, понятно?

- Да, - кивнул Алёхин. - Делать то, что?

- По-хорошему, смириться с потерей... Я имею в виду Наташу. Явиться с покаянием в органы, а дальше, думаю, предстоит большая агентурная игра с твоим фальшивым сирийцем. Во всяком случае так действовали в моё время.

- Не могу, - отрицательно замотал головой Александр, вспомнив угрозу Валида в отношении деда и обещания, данные когда-то Атласу. - Поверь, на это есть личные причины.

- О чём ещё ты забыл мне рассказать?

- Ни о чём, - Алёхин опустил голову, не выдержав пристального взгляда старика.

- Если ты замышляешь отомстить, это глупо и непрофессионально.

- Плевать на твой профессионализм, - снова вспылил Александр.

- Эй... Потише, - дед с опаской посмотрел на зашторенное окно. - Гнев — плохой советчик.

- Какие у меня ещё есть варианты?

- Пудрить мозги сирийцу. Кормить второстепенной информацией, но это будет всё равно изменой Родине. Долго так продолжаться не может. Сам понимаешь. Рано или поздно «заметут». Вроде так говорят в криминальном мире?

- Чёрт! - выругался Алёхин. - Чтоб мне провалиться сквозь землю, лишь бы не видеть, не слышать и на думать ни о чём.

Генерал, расхаживавший до этой минуты по кабинету, внезапно остановился.

- А это идея?

- Что?

- Идея, говорю, - дед с энтузиазмом потёр ладони. - Тебе нужно лечь на дно. Исчезнуть, уехать в какую-нибудь глушь. В медвежий угол. У нас таких много. В Сибири, на Камчатке. Сахалине. Временно, конечно. Затаиться... А я тут наведу справки. Подниму старые связи, почву прощупаю. Подноготную Валида твоего попытаюсь узнать. Номер машины помнишь, на которой он тебя подвозил?

- Записал на всякий случай, - Алёхин полез в карман джинсов. - А, как же Иван Матвеевич? Меня же искать будут.

- С Иваном я разберусь. Поговорю с ним по старой памяти. Без подробностей. На твоё место найдёт человека. Свято место пусто не бывает. Тут главное выиграть время... Эх! - генерал почесал макушку. - Зря ты ввязался в эту авантюру с Атласом и деньгами. Было бы всё иначе, чуть проще.

- Чего уж теперь? - в который раз вздохнул Александр. - Что сделано, то сделано.

- Ладно, - генерал придвинулся вплотную к внуку, затем, кряхтя, присел перед ним на корточки. - Я сам возьму тебе билет. Поедешь на поезде. Там легче с проводником договориться, если билет на чужой паспорт выписан. Мне не звони. Затаись где-нибудь. Теперь условимся о связи. Сделаем так, - генерал наклонился к уху Алёхина и начал давать внуку инструкции...

Вокзал жил своей бурной жизнью. Не смотря на режим пропуска в здание по билетам, в залах было полно народа. Кто-то сидел на лавочках, перекусывая, кто-то пытался дремать, откинувшись на спинки жёстких пластиковых кресел. Часть людей, ожидая отправления поездов, переходили от киоска к киоску, рассматривая обложки журналов, время от времени поглядывая на часы. Алёхин, не подумав об интенсивности движения на московских улицах, плохо рассчитав время, приехал на вокзал почти за час до отправления экспресса Москва — Тюмень — Тобольск. Капитан нашёл себе место у задней стенки передвижного прилавка, где торговали цветами и, облокотившись у окна на широкий подоконник, встал так, чтобы через витрину ближайшего киоска просматривать зал. В зале стоял гул от множества голосов, поэтому Александр не сразу расслышал тихий голос за спиной.

- Ох, уж эти вокзалы. Столпотворение. Вавилон, да и только.

Алёхин, быстро обернувшись, увидел лицо Ивана Матвеевича, который стоял рядом, с улыбкой рассматривая толпу. Капитан быстро огляделся, внутренне подобравшись.

- Не мельтеши. Один я… Без свиты, - сказал генерал. - Думал, перед отъездом позвонишь, попрощаешься. Ан, нет. Пришлось мне, старику, рано встать, да тащиться на метре в час пик.

- Я думал, что дед с вами всё обговорил, - смущённо пробормотал Алёхин.

- Мог бы и сам. Вот она, молодёжь. Никакого уважения.

- А, за что вас уважать? - вскинул голову Александр. - Пришли брать? Валяйте!

- Арестовать тебя — дело нехитрое. Оперативники ГРУ взяли бы под белы руки, да засунули бы в багажник машины. Тут дело в другом.

- В чём же. Совесть мучит? Неудобно перед старым другом, бывшим начальником?

- Знаешь, от чего мне неудобно? - тихо сказал Иван Матвеевич. - Неудобно штаны через голову надевать. Неудобно знать, что какой-то молокосос, салага думает, что это я приказал убить его подругу. Вот отчего мне неудобно.

- Так, это не вы? - удивлённо воскликнул Алёхин.

- Ну, сам посуди. На фига мне это было нужно? Если любовь настоящая? Понимаю. Сам любил не раз. Тут все приказы, доводы об уязвимости и прочие уговоры бесполезны. Получил

бы добро, рассказал бы часть правды Наташе, чтобы осторожнее была, и благословили бы мы тебя. Как говорят… С Богом!

- Тогда, кто? - Александр едва не схватил генерала за плечи.

- Не здесь. Для такого разговора нужно подходящее место. Поехали ко мне домой. Только я пойду первым, а ты — метрах в десяти.

Всё ещё сбитый с толку Алёхин, взглянув сначала на часы, с сожалением посмотрев через окно на перрон, где стояли поезда, двинулся за начальником, стараясь не терять того из вида. Генерал вышел из здания вокзала и сел в одно из стоящих на улице такси. Машина тут же медленно отъехала от тротуара. Александр, нырнув в следующую машину, попросил водителя не терять из вида такси генерала. Таксист с удивлением посмотрел на пассажира через зеркало заднего вида.

- Что? Хахаля своей бабы хочешь с поличным застукать?

- Лишнего не болтайте, - осадил водителя Алёхин. - Держитесь рядом, остановитесь там, где выйдет клиент.

- Понял, - откликнулся таксист. - Органы. Понимаю. Служба. Платить-то будете?

- Обязательно. Держите дистанцию.

Через полчаса Алёхин сидел в небольшом кабинете квартиры Ивана Матвеевича в доме на одной их маленьких улочек, примыкающих к Фрунзенской набережной. Квартира была небольшая, но уютная, принимая во внимание, что генерал давно жил один, предпочитая немногочисленных близких родственников держать на расстоянии. Иван Матвеевич, открыв ключом ящик письменного стола, вынул оттуда большой плотный конверт. Через секунду перед Алёхиным лежало несколько фотографий, снятых в разных ракурсах.

- Он? - спросил генерал.

- Да, - подтвердил Алёхин, рассматривая знакомое лицо. - Сказал, что он сириец. Что работает на несколько ближневосточных стран. Пытался вербовать меня. Просит второстепенную для нас информацию.

- Никакой он не сириец, - Иван Матвеевич сгрёб снимки и сунул их в конверт. - Зовут его Остап…

- Вы ещё скажите — Остап Бендер, - недоверчиво усмехнулся Александр.

- У него папа, конечно, не турецкоподданный. И до великого комбинатора ему далеко.

- Тогда, кто он? Для чего ему так шифроваться, маскируясь под сирийца?

- Этот парень — большая сволочь. Этнический украинец с канадским дипломатическим паспортом. В посольстве занимает пост Второго секретаря военного атташе. Кадровый сотрудник МИ-6, а ещё он - майор ГУР, военной разведки Украины. К тому же — конченый нацик в третьем поколении. Жена — гражданка США. Отец — профессор в одном из университетов Оттавы. Специалист по цветным революциям. Прадед, ныне покойный, бывший бандеровец, сбежал в Канаду накануне подписания капитуляции Германии. Был активным членом УПА-УНСО. Осуждён нашим военным трибуналом заочно, но канадцами не выдан. Думаю… Этот Остап, правнучек подонка и организовал убийство Наташи.

- Не может быть? - воскликнул Алёхин. - Он мне показывал фото человека, бывшего за рулём машины…

- Наивность в сумме с непрофессионализм тебя когда-нибудь погубят, - тяжело вздохнул генерал. - Я тебе таких фото сколько хочешь могу наделать. Ты о фотошопе слыхал?

- Снимки — фальшивка?

- Предпосылки для твоей вербовки — сплошная фальсификация. Фото — подделка, кстати, очень хорошая. В принципе — это первое дело такого уровня для Остапа Макарчука. Он же Валид, он же Оливье Фаро, он же Остин Паркер…

- Убью гада, - сорвался со стула Алёхин.

- Остынь! Кому говорят? Это нам совершенно не нужно, - генерал поймал капитана за полу пиджака. - Давай обойдёмся без мелодрам в итальянском стиле.

- Что? Пусть дальше разгуливает по Москве и портит мне нервы?

- Сядь… Да, пока будет ходить. Если прикажу, то ты составишь ему кампанию. Будешь даже задницу ему подтирать в сортире.

- Всё равно убью, - упрямо процедил Александр, медленно опускаясь нас стул.

- Нет, не убьёшь. А сделаешь всё, чтобы твой Валид поверил, что ты у него в кулаке.

- Где он у нас засветился? Посмотреть бы его послужной список.

- Он под нашим колпаком всего пару недель. Раньше мы его не принимали всерьёз, как всех укров. Так, толкался в Москве возле серьёзных людей. Ничего особенного. Понты. Одно имя Валид, чего стоит, - поморщился Иван Матвеевич. - Оказывается, парень далеко не шут, а прикидывался. Но, наверняка это его первая серьёзная агентурная сольная партия. Удостоился доверия хозяев. Поглядим, оправдает ли.

- Это значит, будет игра?

- Рад, что ты не безнадёжен. Конечно сыграем. Только не с ним лично, а с МИ-6 и хохлами из ГРУ. Согласен?

- Говорите, что делать, - Алёхин почувствовал, что чувство мести, которое пылало в душе, постепенно уступает место любопытству и холодной ярости.

- Первое, - лицо генерала стало суровым. - Начнёшь передавать ему грамотно отфильтрованную информацию, о которой он попросит. Учти, что по мере роста доверия к данным, к тебе лично, Остап наверняка со временем будет требовать документы, касающиеся Вооружённых сил России, особенно те, которые относятся к методам шифрования и к способам радиоэлектронной борьбы. А, мы ему кое-что подсунем, но чуть погодя. Второе. Почитай укро-нацистскую литературу. Я снабжу материалом. В разговорах с Остапом дай понять, что ты недолюбливаешь Путинский режим, поддерживая идеалы русского национализма. Что тебе по душе теории исключительности белой расы и всё такое прочее. Ненароком так, в разговоре... Дальше. Не знаю, где и как... Придумаешь сам. Покажешь ему свои татуировки со свастикой, с символами норманнского оккультизма. Чёрное солнце, черепа, паутина...

- У меня нет татуировок, - поморщился Александр.

- Не переживай. Сделаем.

- Ещё чего. На всю жизнь себе шкуру испорчу. А потом, это больно...

- Господи ты боже мой, - по-женски всплеснул руками генерал. - Больно ему? Потерпишь. Закончим всю эту бодягу с хохлами, устрою тебе по блату косметическую операцию. У меня есть знакомый врач. Поскоблим тебе шкуру. Станешь чист, даже бел, как простыня после стирки.

- Наколки не прокатят. Будут выглядеть слишком новыми. А должны быть потрёпанными жизнью.

- Усложняешь, - отмахнулся Иван Матвеевич. - Наколки и в Африке наколки. Главное, чтобы были.

- Не скажите, - разум Александра, освобождённый от груза вины и неопределённости, уже принял новую реальность.

Мозг заработал, предлагая варианты агентурной игры.

- Националистические радикальные идеи, как правило формируются в достаточно юном возрасте. Так?

- Предположим, - осторожно согласился генерал. – И, что из этого следует?

- А то и следует, что если я идейный нацик, то эта идеологическая хрень должна сформироваться в моём сознании уже давно, значит и наколки должны выглядеть убедительно потёртыми. Типа — утратили свежесть цветов, поскольку сделаны в юности.

- Ты прав, - подумав немного, Иван Матвеевич вынужден был признать правоту капитана. - Поговорим со специалистами. Пусть поколдуют с оттенками. Если нужно — состарим живопись... Когда твой фальшивый сириец обещал выйти на связь?

- Не сказал. Но думаю — у нас в запасе дня три есть.

- Тогда езжай домой, садись за компьютер, гугли инфу про нациков, готовься в плане идеологии. К вечеру пришлю тебе материалы по украинскому нацизму. Привезёт это дерьмо мастер по тату. День наколки поболят, потом всё пройдёт. Перечень и характер информации, которую от тебя потребует Остап, будем оперативно согласовывать. Но баловать украинскую разведку изобилием себе дороже. Пусть знают цену получаемого. Чем интересна эта игра... Одной из главных задач для тебя, помимо передачи умной, дозированной дезы противнику, является анализ возможностей «ронять» интернет на территории Украины, чтобы иметь способы воздействия на каналы управления войсками, на системы вооружений, поставляемых Западом.

- Понимаю. Вы имеете в виду, что украинский сегмент интернета через сети сотовой связи сегодня видоизменён по американскому образцу? Насколько я знаю, в Штатах — всего два оператора, раздающих трафик. Это – Century Link и Com-cast. Они жёстко конкурируют между собой, «бодаются» за первенство, а это отрицательно сказывается на устойчивости. В восемнадцатом году хакеры последовательно «положили» обе сети почти на трое суток. Семнадцать штатов осталось

без мобильного интернета даже без возможности связи с экстренной медицинской помощью и аварийными службами. Представляю, что будет, когда эти сети «лягут» одновременно на более долгий срок. Считаю, что концентрация интернета в руках ограниченного количества кампаний, ведёт к потере его надёжности. На Украине ситуация чуть лучше, но в принципе — такая же. Там мобильный интернет «держат» три крупных оператора, работа которых вдобавок сильно урезана государством в плане контроля. Если оказаться внутри украинского сегмента интернета, сделать нужный софт, то «положить» сети в нужный момент не составит особого труда.

- Это то, что я хотел от тебя услышать, - похвалил Алёхина генерал. - Думаю, узнав о твоём «нацистском бекграунде», Остап довольно скоро предоставит тебе каналы связи через украинский сегмент сети, который нами в достаточной степени не контролируется. Твой хакерский опыт в сумме со временем, проведённым у Касперского, должны пригодиться. Представляешь, какие здесь открываются возможности в военном плане?

- Догадываюсь. В связке со средствами РЭБ, если ещё «лягут» сети, задействованные в управлении войсками, будет большой «Буда-бум».

- Чего? - не понял Иван Матвеевич.

- Из «Пятого элемента» эпизод. Фильм есть такой голливудский.

- Серьёзней нужно быть, агент Малдер, - улыбнулся Иван Матвеевич, давая понять, что он тоже неравнодушен к американскому киноискусству. - Пошли дальше...

Генерал ещё добрых два часа инструктировал Алёхина, рассказывая об особенностях работы двойного агента. Ближе к полудню Иван Матвеевич отпустил Александра, который, покинув квартиру генерала, вызвал такси и уехал домой.

Сигнал смартфона застал Алёхина в ванной. Капитан чертыхнулся, выскочил из душевой кабины и, не вытираясь, бросился в спальню, где тихо гудел гаджет.

- Алло!

- Почему так долго не подходили?

Алёхин сразу узнал этот вкрадчивый с южным акцентом голос. Валид, Остап, он же - Остин Паркер не выдержал недельной паузы и связался с Александром ровно через три дня.

- Вы бы ещё в пять утра позвонили, - проворчал Алёхин, чувствуя озноб от нервного возбуждения. - Сейчас семь ноль, ноль. Я даже побриться не успел.

- Кто рано встаёт, тому бог даёт. Так у вас говорят в России?

- А у вас в Сирии? - капитан позволил себе слегка «поддеть» Остапа.

Но украинец ловко вывернулся.

- У нас один мудрец говорил: «Время бьёт наповал. Главное раньше времени не подставиться под удар»… Однако, довольно философии. Ближе к делу. Что вы решили? Хотя, выбора у вас нет.

- Я уже это слышал, - тихо сказал Алёхин.

- И?

- Согласен…

- Тогда сегодня вам нужно быть в Банке «Открытие» на Кутузовском проспекте дом тридцать. На ваше имя арендована ячейка. Ключ получите у сотрудника отделения. Паспорт не забудьте. В боксе лежит конверт. Содержимое — список того, что нас интересует в первую очередь. Через неделю туда же положите информацию. Никаких флешек. Всё — на бумаге. Запомнили?

- Конечно.

- И всё время оставайтесь на связи.

- Конечно, - повторил Алёхин, хотя в трубке уже звучал сигнал отбоя.

Александр, тут же позвонив в свой офис, предупредил, что задержится на пару часов. Ровно в полдень он сидел за своим письменным столом, изучая список «Валида». Минут через пять он сделал копию двух страниц текста, встал, выглянул в коридор и бросил в пространство:

- Курьер ещё здесь?

Из комнаты возле входных дверей вышел «дежурный по части».

- Сидит у меня. Ждёт, как вы приказали.

- Пусть зайдёт ко мне с регистрационным журналом.

Через минуту Алёхин, подождав, пока молодой офицер в штатском распишется за получение документов, вручил ему

запечатанный конверт, в который он засунул список Валида. На плотной крафтовой бумаге чёрным фломастером жирно было написано имя и звание Ивана Матвеевича.

- Сегодня же. Лично в руки генералу.

Офицер кивнул, небрежно бросил конверт в ничем не примечательный портфель, прикованный к наручнику, обхватывающему запястье.

- Свободен, - бросил курьеру Александр и, дождавшись закрытия двери кабинета, снова начал изучать список.

- Взлом почтовых серверов Службы внешней разведки Саудитов? - Не то. Туфта, - бормотал Алёхин. - Личный аккаунт принца Бен-Султана. Чушь. На хрена это ему надо? Сервер национальной разведки Турции? Отдел иностранных операций? Может быть, но это не главное. Дальше, дальше... Вот оно. Типа, так, прицепом к прочему. Сервер Российских железных дорог. Ему нужен доступ к нашей железке. Номера воинских эшелонов, расписание, наименования грузов, направления... Ох, хитры эти укры. Но и мы не лыком шиты. Подождём, что скажет Иван Матвеевич.

Алёхин спрятал бумаги в сейф. Закрыв его, он стал заниматься своей привычной рутинной работой — предварительным анализом информации, запуская по очереди диски, лежавшие у него на столе в специальной папке.

К следующей встрече с фальшивым сирийцем Александр явился почти «во всеоружии». Несколько наколок откровенно националистических, но с российской спецификой красовались у него на спине и предплечьях. На груди улыбался: с правой стороны Троцкий, слева Кропоткин. Вся «живопись» была выполнена очень искусно. Картинная галерея выглядела потрёпанной жизнью, благодаря добавленным в краску особым пигментам. Два дня после «экзекуции», Алёхин втирал в кожу особый крем, не дававший татуировкам воспалиться. Свидание с Остапом состоялось утром всё в том же парке имени Горького на дальней, почти у Воробьёвых горах, аллее. Александр прогуливался рядом с лавочкой, накрытой сугробом, прятал подбородок от ветра в воротник тёплой кожаной куртки и поглядывал на нескольких лыжников, усердно пробивающих себе лыжню в свежевыпавшем снегу. Остап появился со стороны реки, постоял немного на перекрёстке аллей, потом стал приближаться к условленному месту по уже расчищенной набережной. На плече у него висел чехол со сноубордом,

который заметно оттягивал плечо. Подойдя к Алёхину, «сириец» расчистил лавочку и присел на край.

- Принесли? - спросил он вместо приветствия.

- Не всё.

- Почему?

- Большая часть информации уже — в архиве, а я себе копий не оставляю.

- Понимаю. В целях безопасности, - кивнул Остап. – Это - разумно. Но с сегодняшнего дня прошу все материалы копировать и сбрасывать мне через Даркнет.

- Не пойдёт, - мрачно сказал Александр. - Даркнет давно прозрачен для специалистов. Не взыщите. Только флешка при личной встрече.

- Частые свидания не в моих правилах, - улыбнулся Остап. - Но для вас сделаю исключение.

- Мне с вами тоже стрелки забивать не с руки, - проворчал Алёхин.

- Придётся нам подружиться, - решительно сказал украинец, вставая. - Чёрт. Задница почти примёрзла к лавке. Давайте, что там у вас.

Алёхин полез в потайной карман куртки, вытащил несколько листов бумаги, свёрнутых в трубочку, стянутую резинкой.

- Здесь распечатка последней переписки принца Бен-Султана с эмиром Абу-Даби по поводу испытаний в условиях пустыни последней модификации американской системы «Патриот». На трёх последних листах — технические подробности. А на этой флешке, - Александр, разжав кулак, положил в ладонь Остапа накопитель. - Почти триста гигабайт документов ФБР и АНБ по Ближнему Востоку. Довольно большой пласт информации. Содержит более миллиона файлов с видео, аудио записями, электронными письмами. Плюс некоторые документы по антитеррористической деятельности и военной разведке. Плюс хакерская программа для взлома агента пересылки сообщений Exim. Не взыщи, что не на бумаге.

- Понимаю, - проворчал Остап. - Как вам удалось с Exim подсуетиться?

- Нашли уязвимость в агенте. Потом запустили в него червя с возможностью тут же активировать код доступ со стороны. Думаю, эта программа вам пригодится, - с торжеством в голосе

сказал Александр, прекрасно знающий, что уязвимость в Exim американцы уже нашли и даже закрыли брешь.

- Отлично, - одобрительно воскликнул Остап, пряча в чехле от сноуборда всё, что он только что получил. - Где остальное по списку?

- В следующий раз, - беспечно махнул рукой Алёхин. - Не хватило времени.

- Держите ещё маленький списочек, - украинец сунул в руку Алёхину лист бумаги сложенный вчетверо. - Посмотрите, что с этим можно сделать. Даю вам два дня.

- Мало, - упрямо наклонил голову Александр. – Основная работа отнимает кучу времени.

- Придётся выкраивать, - тоном начальника бросил Остап.

- Пара недель, никак не меньше, - сказал Алёхин, бегло пробежав по листу глазами.

- Одна неделя. Так и быть. Время не ждёт, знаете-ли. И про старый список не забудьте.

- Ладно. Мне пора. Холодно сегодня, - Александр шмыгнул носом. - Здесь вам не Алеппо с Дамаском.

- Да уж, - зябко пожал плечами Остап. - Нужно подыскать другое место. И лыжники здесь трутся. Слишком опасно. Знаете местечко потеплей?

- Если только в бане, - равнодушно бросил Алёхин.

- Неплохая мысль, - воодушевился Остап. - И никаких подозрений. Общий интерес двух приятелей. Отдельный кабинет, пиво, креветки, - щёлкнул пальцами украинец. - Только баню я сам найду. Любите креветки?

- Ненавижу. Но, кто платит деньги, тот заказывает музыку, - пробубнил Алёхин, отворачиваясь, чтобы скрыть торжество.

Александр был доволен, что идея с баней вроде бы принадлежала не ему, но наживку охотно заглотили. Важно было тем или иным способом показать Остапу «картинную галерею» на теле Алёхина.

- Через десять дней позвоню, - «сириец», вскинув на плечо сноуборд, не прощаясь, пошёл в сторону Воробьёвых гор.

Весна, прячась за чередой одинаковых, но по-своему не простых дней, насыщенных работой, застала Алёхина врасплох событиями, главной канвой которых стала

усиливающаяся интенсивность военных действий на Украине. Внешне - политическая составляющая хакерской деятельности команды Александра отошла на второй план. Получая от начальства задания оперативного характера, связанные с попытками взлома серверов Министерства обороны Украины, генерального штаба, командования ВСУ, военных иностранных советников высокого ранга, натаскивающих силы специальных операций Незалежной, контора Алёхина работала на пределе возможностей. Раз в неделю, разобравшись с текучкой, Алёхин отправлялся на конспиративную квартиру ГРУ, где они долго, иногда до самой ночи обсуждали с Иваном Матвеевичем содержание и возможные пределы той информации, которую с растущим аппетитом уже не просил, а требовал фальшивый сириец. Встречи во всевозможных частных банях и саунах сделали своё дело. Доверие к татуированному Алёхину росло. Остап сначала с показным равнодушием выслушивал высказывания националистического характера, лениво поощряя критику российской власти из уст Алёхина, но со временем начал поддакивать своему агенту, делая упор на якобы общие цели «братских» народов в противостоянии «авторитарному, жидо-масонскому режиму» Путина. Алёхин, изобразив на лице маску мрачного презрения, соглашался, играя желваками на скулах и выпуклыми, сильными мышцами плеч.

- Меня эти парилки, во как достали, - жаловался он генералу. - Всё время боюсь, что наколки того гляди полиняют и смоются. Мало того, что лежу на полке, извиваясь, словно уж на сковородке, так ещё выслушиваю всякий бред. Вроде наш хохол парень не дурак, но большая часть его мозгов забита таким мусором... И что самое интересное, он в этот бред искренне верит...

- Что Бог сначала создал укров, а потом от них произошли обезьяны? - усмехнулся Иван Матвеевич. - Что галлы пришли во Францию из Галиции? Хорошо, что этот нацик не напоминает тебе, кто в древности выкопал Чёрное море.

- Надоело, - буркнул Александр. - Сколько мы ещё с ним возиться будем?

- Сколько надо, - отрезал Иван Матвеевич. - Разве тебе не интересно, кто отдал приказ на ликвидацию Наташи? Кто прикрывал операцию, кто обеспечивал слежку, сопровождение, делал фактурные снимочки. Нам нужно выявить всю сеть, чтобы

в нужное время взять всех.

- Уже почти три месяца прошло, а мы всё выясняем, - проворчал Алёхин. - Я бы сам с удовольствием размазал этого Остапа по стенке.

- Не сомневаюсь, но нужно потерпеть. Через этого парня можно выйти на солидных людей в разведке ВСУ. А там, брат, почти сплошь личности с американскими и британскими паспортами. Наказаний за военные преступления никто не отменял. Доказательная база нужна. А ещё ниточки к нашей пятой колонне здесь тоже нам не помешают. Вопросы есть? Вижу, вопросов нет.

- Ладно, Алёхин поднялся. - Сегодня воскресенье. Вчера, слава Богу, Остап мне спинку потёр, так, что поеду, повожусь со своей «Волгой». А то на такси передвигаться надоело.

- Ты с того дня за руль так и не садился? - с сочувствием спросил генерал.

Александр отрицательно покачал головой;

- Не мог. Спущусь в гараж, дверь машины открою, а там запах духов Наташи. Аж голова кружится. Свежей травой и цветами пахнет... Даже просил одного чувака... Он рядом свой «Бентли» ставит. Заставил его сунуть башку в салон и понюхать.

- И что?

- Ничем, говорит, не пахнет. Типа у тебя, что-то с головой. Психосоматика.

- Чего?

- Навязчивая идея, связанная с дурными воспоминаниями.

- Так и сказал? Сильно для владельца крутой тачки.

- Поэтому я решил, - словно не слыша генерала, продолжал Алёхин. - Перебороть, мозги на место поставить, с машиной поковыряться. Тем более, что Остап про неё спрашивал. Может, продать ему авто?

Иван Матвеевич собрал морщины на лбу.

- Лучше проверь «Волгу» на предмет прослушки. Зуб даю, пару радиомикрофонов с передатчиками найдёшь. Или датчик GPS. Хохлы нетерпеливы. Хотят тебя полностью контролировать. Но ничего не трогай, если собираешься на машине ездить.

- Сам знаю.

- Хорошо. Тогда давай разбегаться. Делаешь так, как нынче порешали с тобой. Лады?

- Есть, товарищ генерал!

В первых числах мая во время очередной встречи с Остапом, Алёхин вдруг неожиданно озадачил украинца.

- Слушай. Ты, ведь, не сириец? Да или нет?

- Я знал, что рано или поздно ты догадаешься. По моим запросам вычислил?

- И по запросам тоже, - усмехнулся Александр. - Сначала не понимал, зачем сирийской разведке совершенно ненужная информация. Допускал, что для противодействия Турции, Ирану, курдам... Но эти данные имеют специфику пустых закладок. Если ты — посредник и тебе за них платят большие деньги, то получается, что бабки идут на ветер. Но не в этом твой прокол. Наколочку я у тебя рассмотрел. Ты же в бане всегда в плавках был. Я сначала думал, стесняется мужик. Арабский менталитет, обрезание и всё такое. А потом случайно увидел. Резиночка ослабла, а ниже копчика на правой ягодице — маленький волчий крюк, а на левой — крошечная свастика. Ладно бы одна свастика. Решил бы, что ты из немецкой БНД. Потомок какого-нибудь эс-эс-мана. Но волчий крюк наводит на определённые мысли.

- Догадался, значит? Соскочить хочешь? - на благообразном смуглом лице Остапа появился злой оскал.

- Куда соскочить? - удивился Алёхин. - Завяз уже по самые уши. У тебя, наверное, и компромата на меня целая папка собрана? - Некуда соскакивать. Чую — в углу я, словно волк. Красные флажки всё ближе.

- Какие флажки? - осторожно спросил Остап.

- Такие, - хриплым голосом ответил Алёхин. - В моей конторе неделю назад люди появились из Управления. Меня на месте не было, но сотрудники доложили, что проверку спецы провели внеплановую. Потрошили оборудование, софт, сервера. Новые камеры слежения понаставили. Я, как услышал, сам стал заново тестировать железо и софт. А там, куча дополнительных блокировок стоит. Программы новые появились для обнаружения несанкционированного доступа с контролем, кто работал на том или ином компе, в какое время, сколько. Под колпак сунули все IP адреса, которыми я пользовался для взлома чужих серверов... Смекаешь, о чём я?

- Под Джека Воробья косишь?

- Зачем? От себя дело тебе говорю. Подозревают что-то. Ищут источник утечки информации. А поскольку, львиная доля инфы, передаваемая мной, теперь касается войны России с Украиной, вот и суди сам... Не мог я не догадаться. В тупости и дебилизме не замечен. Думаю, у тебя дипломатическая неприкосновенность. Ну, отправят тебя обратно в Киев... А мне, что делать? Нет, ты как хочешь, а мне нужно рвать когти. Конец нашей пылкой любви.

- Без суеты, ладно, - поморщился Остап. - Будешь работать, сколько я скажу.

- Хрен тебе, - упрямо наклонил голову Алёхин. - Отсоси. Сегодня — наша последняя встреча.

-Так у тебя же дед в Москве живой. Но это пока...

- Опять угроза? Или воздух сотрясаешь напрасно?

- А ты, как думаешь?

- Уже подумал. Я с ним вчера на этот счёт говорил. И, знаешь, что он мне ответил?

- Что может ответить старый человек? Впрочем, догадываюсь. Аве, Цезарь! Идущие на смерть приветствую тебя.

- Что ты ржёшь, как лошадь, - разозлился Алёхин. - Дед столько раз под смертью ходил, что одним больше его не удивишь. Он мне так и сказал. Дескать, ну, убьют они меня. Им же хуже будет. Собаки, полиция, следователи, свидетели, прокуроры, видео с камер. А камер у него в квартире, учитывая былые заслуги, догадайся сколько. Вот и получается, что ехать тебе в Киев в любом случае.

- Ты про меня деду рассказал? - в свою очередь разозлился Остап.

- Я не идиот так дёшево колоться, - буркнул Александр. - Намекнул, мол так и так. криминогенная обстановка в Москве, грабежи участились, а он один живёт и всё такое.

- А, предок твой?

- Плевать, сказал. Типа — я своё отжил. Нет... Ты, как хочешь, а я рвану в Таиланд. Побуду там, пока война не кончится...

- Ладно, - после длинной паузы сказал Остап. - Сделаем по-другому. Ты же брат мне по духу, Путина своего не любишь, идеи у тебя правильные. Такие парни, как ты, на вес золота. Давай отправлю тебя в Киев. Звание за тобой сохраним. Будешь

работать на нашу общую победу над вашим режимом. И не смотри на меня глазами битой собаки. Нечего пораженческие настроения при мне разводить.

- Даже не знаю, - с сомнением в голосе, произнёс Алёхин. - Я думал, по-быстрому продам здесь дачу, квартиру, прочие якоря, да слиняю в тёплые страны.

- Если успеешь, - терпеливо, с заботой сказал Остап. - А в Киеве — лафа. Мои рекомендации, твоя подготовка будут востребованы. Начнёшь заниматься, чем занимался, но совершенно безнаказанно. Крышу тебе в лице СБУ и прочих структур обеспечим в лучшем виде. Дадим людей в помощь. Посадим на новые «Ипы». Оборудование у нас классное, американское. Квартиру получишь в центре Киева. Свою недвижимость не продавай. Разобьём Путина, вернёшься в Москву, проедем с тобой на танке по Красной площади. Вот тогда и погуляем от души. Соглашайся. В Киеве я тебе баб подгоню. Знаешь, какие у нас дивчины гарные?

- Не хочу в Киеве. Хочу дом во Львове. Поближе к границе с Евро.

- Отлично, - облегчённо вздохнул Остап. - Будет тебе всё, что хочешь. Но работать придётся в Киеве. Это не обсуждается. Согласен?

- Подумаю, - намеренно уклонился от прямого ответа Алёхин. - Ты мне больше не звони. Купи десяток новых сим-карт и шли СМС, если что.

- А, может, у тебя паранойя? - предположил Остап. - Мания преследования. Могли бы ещё поработали здесь годик. А там можно и свалить из владений Саурона.

- Вопрос закрыт, - зло ответил Александр. - Не хочешь, твоё дело. А я линяю.

- Постой, постой. Горячиться не нужно. Дай мне неделю. Утрясу все вопросы...

- Два дня, - перебил Алёхин, подозрительно прислушиваясь к голосам за дверью отдельного кабинета Сандуновских бань. - Слышишь? Вроде затвор автомата передёрнули? Может, группа захвата?

- Параноик ты, - махнул рукой Остап. - Бокал расколотили. Народ здесь гуляет. Вот и все дела. Ладно. Двигай домой. Через два дня выйду на связь.

После встречи с Остапом, Алёхин поехал к деду. Он вёл свою «Волгу», по привычке поглядывая в зеркало заднего вида и проверяя, нет ли «хвоста». Но в голове капитан прокручивал детали только что состоявшегося разговора.

«По-моему не переиграл, - анализировал Александр. - Хотя, актёр из меня плохой. Впрочем, этот Остап тоже не Станиславский. Ни одному слову нельзя верить. Рожа хитрая, думает, что он пуп земли. Дешёвка. Одни понты. Наверное, прав Иван Матвеевич. Брать хлопца не к спеху. Такие уверены, что они непогрешимы, хитры и способны без труда обвести всех вокруг пальца. Хочешь игры? Поиграем, сволочь!»

Алёхин заранее предупредил деда, что приедет. Спокойный взгляд генерала, его способность в неспешной беседе дать, словно невзначай, дельный совет были сегодня просто необходимы Александру для уверенности в собственных силах. Он отдавал себе отчёт, что, не смотря на план, разработанный Иваном Матвеевичем, партия предстоящей игры с украинской разведкой не гарантировала успеха, не говоря уже о нужном результате. И, что с минуты, когда он сегодня вышел из «Сандунов», его жизнь уже круто изменилась.

К своему удивлению, Алёхин застал в компании деда своего начальника. Иван Матвеевич сам открыл Александру входную дверь. Пожав Александру руку, он поспешил обратно в кабинет, откуда тут же раздались голоса. Генералы что-то горячо обсуждали. Алёхин снял куртку, нашёл свои тапочки, стараясь не привлекать к себе внимания, прошёл на кухню и, прислушиваясь, включил электрочайник.

- Ты хочешь сказать, что это мы свалили Терезу Мей? С каких пор мы вмешиваемся в чужие дела, нарушая международное право? Это же - против всех наших принципов, - в голосе деда слышалось искреннее возмущение.

- Какие принципы? Какое право? - с сарказмом возражал Иван Матвеевич. – Стало быть, Терезе, в смысле Британии, совать свой нос в наши дела можно, а нам нет? Так не пойдёт. Путин всё помнит и ничего не прощает. С какой стати ему прощать клевету с отравлением Скрипаля?

- И, как вы всё там провернули? - нотки возмущения в голосе деда сменили интонации любопытства.

- Через своих агентов влияния, вхожих в кабинеты британских силовиков. Ты же знаешь военных. Главное — уронить в их сознание зерно сомнения.

- Зерно?

- Ну да. Что соглашение о выходе из ЕС ужасно для Британии с её многовековой имперской историей. Что Тереза лишком мягка, нетороплива, склонна к компромиссам, ущемляющим честь Туманного Альбиона. Что именно поэтому надо заменить главу Кабинета министров...

- И сработало? - нетерпеливо спросил Алёхин старший.

- Конечно. Мы весь процесс контролировали. А твоему внуку удалось взломать переписку бывшего главы МИ-6 Ричарда Дирлава с высокопоставленными сотрудниками силового блока британского правительства и гражданскими активистами. Не помню дословно, но вот тебе примерная фраза из одного письма: «Нашей целью является заблокировать любую сделку...». Речь идёт о Брексите. «Которая будет основываться на малодушном, катастрофическом плане, и, если понадобится, убрать этого премьера, заменив его на другого. На того, кто будет к нам прислушиваться. Нужно избавиться от неё, как можно скорее…». Вот так, мой друг. Ничего сложного. Что посеешь, то и пожнёшь.

- Избавиться? Этот Ричард так и написал? Держите меня! - воскликнул дед. - Как-то не очень сочетается с хвалёными демократическим идеалами и классическими процедурами британской парламентской демократии.

- А я, о чём? - Иван Матвеевич посмотрел в сторону двери, где появилась фигура Алёхина с чайником в руках. - Чай? Прекрасно. Мне — покрепче, - сказал он, снова поворачиваясь к собеседнику. - В результате наших точечных акций и действий заговорщиков Тереза Мэй проваливается со своим мягким планом Брексита в британском парламенте. Дальше, она терпит фиаско при переговорах со странами ЕС. Её соперники не скрывают своего удовлетворения. На смену мадам выходит решительный Борис Джонсон, который и завершает начатое так, как этого «хотел» силовой истеблишмент. Решительно и жёстко. А ты говоришь — международное право. С волками жить по-волчьи выть.

- Хорошая работа, - вздохнул дед и, не удержавшись, улыбнулся. - Что же. Признаю. Времена меняются, методы работы — тоже.

- Но это ещё не всё, - Иван Матвеевич сделал Алёхину, продолжающему стоять в дверном проёме с подносом в руках, приглашающий жест. - Скажи деду. Давай, похвались.

Александр, поставив на письменный стол поднос с чашками, сел на краешек стула.

- В результате нашего нового посева в благодатную почву британского парламентаризма у Ми-6 возникла новая идея. Им

уже и Джонсон не по нраву. Три дня назад мы перехватили новое письмо главы британской разведки, адресованное некоторым аристократам, денежным мешкам - спонсорам. В нём говорится примерно следующее: «Я не вижу причин, почему премьер Джонсон должен удержаться на плаву. Он настолько потерял контроль над своим рассудком и силой воли, что, возможно, оно и к лучшему.» Это британец намекает на увлечение премьера наркотиками...

- Ты дальше процитируй. Дальше ещё интереснее! - воскликнул Иван Матвеевич. - Скоро Борис узнает, что решение поставлять безнаказанно оружие хохлам приведёт к неприятным последствиям.

Алёхин улыбнулся.

- Дальше Ричард Дирлав пишет. «Министр иностранных дел Лиз Трасс вместе с министром по вопросам Брексита Дэвида Фроста имеет достаточно выдержки, чтобы завершить дело с Брекситом. Недавно я обедал с одним из давних друзей Бориса Джонсона в финансовых кругах, и он сказал мне, что перевёл свою поддержку на Трасс. Считаю — на посту премьера Лиз добьётся больших успехов». Примерно так.

- Лиз Трасс? - с изумление переспросил дед. - Ладно Борис Джонсон клоун, но эта... - отставной генерал щёлкнул пальцами, подбирая слово, - Эта дамочка — полная дура. Ни эрудиции, ни интеллекта, ни должного образования. Черчилль в гробу перевернётся.

- Какие времена, такие и премьеры, - веско заметил Иван Матвеевич. - Марионетка не должна быть семи пядей во лбу. Малышку Лиззи заприметили ещё в девяностых. С тех пор её ведут по карьерной лестнице. Она меняла и меняет взгляды вместе с принципами, как перчатки. Нынче такие персонажи на политическом Олимпе Британии нужны, как воздух. Этой скажут ноги раздвинуть перед Байденом, раздвинет. И не важно, что она толкает речи о вещах, в которых совершенно не разбирается. С такими иметь дело — одно удовольствие. Они предсказуемы. Смех, да и только...

- Как бы плакать не пришлось, - проворчал дед.

- Пустое. Мир стал театром задолго до нас с тобой. Вот, только актёры ныне измельчали. Трагедии — не для них. Кишка тонка. Фарс — другое дело.

- Дай Бог, дай Бог, - тихо сказал отставной генерал, задумчиво глядя на внука.

- Что? - не выдержал взгляда Алёхин.

- Мне Иван Матвеевич уже обрисовал твою ситуацию, - буркнул дед. - Не нравится мне она.

- Это же, просто работа, - Иван Матвеевич не хотел выпускать инициативу беседы из рук. - Не о чем беспокоиться. Александр справится. Не мальчик. Возле твоей пижамы ты его не удержишь.

- Ты пижамы мои не тронь, - гладко выбритые щёки деда покраснели от гнева. - Не учили парня агентурной работе от слова вообще. Опыта нет, а ты его в сразу - в логово, в стаю волков.

- Повторяю, время такое. Сжато до такой степени, что аж горячее, - гнул своё Иван Матвеевич. - На ходу все учатся. И экономике мобилизационной, и воевать пацанам в реальных условиях приходится с чистого листа в реальной боевой обстановке. Вон под Киевом и Черниговом нам по заднице надавали, так офицеры, не говоря уже о генералах сразу за ум взялись. Даже репы чесать не стали. Опыт Отечественной, каким бы он ни был ценным, не панацея. Он не гарантирует победы. Много с тех пор воды утекло, ещё большее изменилось. Да, не волнуйся ты за внука. Давай, капитан, ещё раз пройдёмся по плану. Всё ли предусмотрели? А дед твой послушает. Может что и присоветует дельное. Мы тут в реальном времени изучали твою последнюю беседу с Остапом. Вроде всё прошло нормально, - Иван Матвеевич вынул из большого портфеля, стоявшего у стола, электронный блок прослушки.

- Когда вы успели в бане жучки поставить? - удивился Александр. - У вас же всего час времени было.

- Мастерство не пропьёшь. Остап только тебе позвонил, я сразу дал команду... Мои спецы наготове сидели. И ехать до Сандунов было не далеко. Правда, под рукой микрофончики оказались не самые супер, пупер. Поэтому звук немного гуляет. Влажность, пар, помехи какие-то... Но суть разговора понятна. Давай ещё раз послушаем...

Остаток дня до позднего вечера два генерала снова и снова «разжёвывали» Алёхину особенности агентурной работы нелегала, заставляя отвечать на каверзные вопросы, временами загоняя капитана в ситуационные ловушки...

Александр остался ночевать у деда, а Иван Матвеевич, вызвав машину, уехал, ободряюще похлопав Алёхина по плечу и неудачно пошутив:

- Цианистый калий нынче не в моде, а «Новичок» с подачи Терезы Мей теперь вещь банальная, но необходимая. Так, что будь осторожен.

- Дьявол тебя забери, - не выдержал дед. – Это, мой Сашка не может тебя послать. Ты ж ему и царь, и бог, и воинский начальник. А я могу. Ступай от греха подальше.

***

Атлас почти не появлялся в офисе, справедливо полагая, что чем меньше его видит новый начальник, присланный на место Алёхина, тем лучше. Должностной статус хакера не был официально зафиксирован ни на одной бумаге. Даже в платёжных ведомостях, подшиваемых в бухгалтерии, не значилась его настоящая фамилия. Все давно привыкли, что странный лохматый, небрежно одетый парень - что-то вроде свободного художника, которого время от времени привлекал в помощь персоналу старый шеф, откомандированный вроде бы на повышение. Во всяком случае такие ходили слухи среди айтишников конторы. И Атлас, по-прежнему одержимый своими фантастически-дерзкими идеями, пользовался относительной свободой, посвящая львиную долю времени поиску решений, способных удовлетворить его «жажду мести». Заброшенный склад, снятый им в аренду, продолжал насыщаться всевозможной вычислительной и компьютерной аппаратурой, тут же объединяемой в одно сложное, интеллектуальное целое искусственного разума. В этом ангаре хакер практически жил, зависая в социальных сетях, «Даркнете» и прочих серых зонах, где общались, делились опытом такие же, как он, одиночки, где можно было связаться с криминальными группами специалистов нелегального кибер-спецназа. После долгой переписки на сайтах, специализирующихся на проведении подпольных аукционов и торговле хакерским софтом, Атласу, к своему удивлению, всё же удалось приобрести сканы четырёх пластиковых карточек с выбитыми на них гербом Соединённых штатов и довольно длинными рядами цифр, чередующихся с буквами. Эти карточки, как уверяли продавцы, были старыми, утраченными из-за халатности их обладателей, кодами активации ядерного арсенала Америки. Два пластика якобы были утеряны Биллом Клинтоном, одна карточка - Бушем младшим и одна - Бараком Обамой. Теперь день за днём система искусственного разума, собранная Атласом, и которую он ласково называл «Франкенштейном», просчитывала различные варианты алгоритмов смены кодов. Хакер не жалел денег, покупая в западноевропейском и американском

сегментах Интернета любые программы для гарантированного выигрыша в рулетку. Настольной книгой Атласа стал трактат «Об азартных играх» средневекового итальянского математика Джероламо Кардано, большого любителя игры в кости, который впервые теоретически обосновал закон больших чисел. Ночами хакер штудировал труды Якоба Бернулли с методами подсчёта вероятности для сложных событий. В своё время Атласа выгнали с четвёртого курса математического факультета МГУ, и теперь он навёрстывал пробелы в своём образовании, изучая работы Пуассона, Чебышева, Маркова, Холмогорова и других великих математиков, внёсших свой вклад в теорию чисел, теорию вероятности, математический анализ. Ночами, когда тихий, успокаивающий шум работы оборудования приводил в относительный порядок его нервную систему, Атлас писал собственную компьютерную программу, мысленно повторяя, как заклинание:

«Частота событий в серии испытаний не меняется хаотично, а приближается к своему предельному теоретическому значению, то есть к вероятности. Предположим, случайные величины независимы и случайно распределены, тогда существование для них математического ожидания является необходимым, достаточным условием применимости закона больших чисел...»

- Чёрт тебя возьми, Эйнштейн! Ты — гений, но и мы не лыком шиты, - бормотал хакер, лихорадочно стуча пальцами по клавиатуре компьютера. - Берём один бросок игральной кости. Математическое ожидание нужной нам цифры составляет три с половиной. Ага. Предположим, это нам и нужно. Как говорил старина Кавью*: «Генерация случайных чисел слишком важна, чтобы оставлять её на волю случая».

Атлас, отодвинув от себя гибкую клавиатуру, застыл, глядя на экран безумными глазами.

«Если программистам в Пентагоне удалось создать алгоритм «произвольной» смены кодов, то у меня тоже должно получиться. Ясно, что коды меняет компьютер. Да, мощный. Да, железо у них самое последнее, софт, что надо, но я должен повторить то же самое. Чем я хуже самоучки индуса Рамануджана**? Они же не отправят меня в психушку, как хотели отправить этого парня... Расходящиеся ряды? Отлично. Учтём. Мне ещё Нобелевскую премию дадут, если успеют. Итак, берём некоторое начальное число... Дадим ему значение четыре. С буквами сложнее, но закономерность будет та же... Пусть дальше идёт буква Z. Четвёрку помножим на три, прибавим пятёрку и разделим на семь. После цифрового ряда выбираем букву С».

Атлас, схватив карандаш, на клочке бумаги стал лихорадочно писать математические формулы.

- Так, так. Что у нас тут? Первая последовательность. Вот она. Выглядит достаточно случайно. Остаётся только задать последнее число X. Для таких случаев часто используется текущее время. Отлично. Все люди предсказуемы... Посмотрим, предсказуемы ли компы. Дальше, дальше...

После пяти месяцев работы программа по генерации кодов была готова. Оставалось испытать её.

Странным образом, где-то в глубинах разума Атласа постепенно стиралась граница между нравственными критериями добра и зла. Хакер понимал, что он психически болен, что нужно остановиться и не делать то, что им задумано, однако, уже не мог справиться с искушением.

«К чёрту милосердие! К чёрту любовь к ближнему, всепрощение и сочувствие! - думал он во время бессонных ночей, когда сомнения терзали его с особенной силой. - Любое отсутствие чего-либо, в том числе и любви, заполняется их противоположностью. Свято место пусто не бывает. Не моя вина, что в этом мире нет добра. Пусть эту пустоту заполнит собой абсолютное зло, и я помогу ему в этом деле.»

- Вы хотите больше несправедливости, ненависти, унижений, жестокости, больше крови? Я дам вам желаемое, - шептал он, кусая губы.

Роберт Р. Кавью (1915 — 1996) — американский исследователь и математик. Работал в Международном агентстве по атомной энергии. Эксперт по теоретике генерации и закономерностей случайного ряда чисел.

****** ***Сринивас Рамануджан (1887 — 1920) — индийский математик. Не имея специального математического образования, добился больших результатов в области теории чисел. Обладал исключительной способностью замечать и запоминать огромный числовой материал.***

Создавая свою программу, Атлас продолжал работать над прочими проектами, гарантирующими стопроцентное достижение поставленных перед собой задач, хотя с каждым днём противодействие хакерской активности в Сети становилось всё сильнее. Он знал, что обеспечение кибер-безопасности Соединённых Штатов находится в зоне ответственности

Пентагона, но этот огромный военный бюрократический монстр «размывал» свои полномочия между кучей других федеральных органов и корпоративной сферой, полагая, что кража интеллектуальной собственности, хотя и угрожает национальным интересам США, но является заботой коммерческого сектора экономики. Такая постановка вопроса открывала много лазеек, чем Атлас весьма успешно пользовался. Он оплачивал наработки мало кому известных хакерских групп, создавая софт, способный в перспективе «положить» значительную часть инфраструктуры Америки, включая транспортную, энергетическую сферу, атомные электростанции, финансы, организацию движения железных дорог, морских перевозок и многое другое, вплоть до объектов противоракетной обороны. Хакер давно понял, что безопасность различных систем любой инфраструктуры основаны на гибридной архитектуре, состоящей из классических IT-сетей и промышленных OT-компонентов*, которые в свою очередь управляют компонентами взаимодействия с физическими объектами управления. Средства контроля для такой архитектуры, как правило, изолированы от Интернета и объединены в единое целое в пределах внутренних сетей. Он давно знал, что механизмы контроля SCADA** довольно легко доступны для хищений из информационных кладовых «Всемирной паутины», если знать, с какой стороны подступиться к этому делу. Большинство таких средств контроля не имеют прямых связей с системами, непосредственно управляющими инфраструктурными объектами, но могут использоваться в качестве шлюзов, через которые можно получать конфиденциальную информацию для проведения сложных хакерских атак. То, что в США большинство объектов критических для национальной безопасности находится в частных руках, открывало для Атласа широкое поле деятельности. Поэтому он не стеснялся, тестируя своих «червей» на сравнительно небольших американских компаниях. Для начала Атлас взломал сеть Sollars River Project, отключив на двое суток воду и электричество двухсоттысячного города. Потом взломал сервер офиса нефтяного гиганта Chevron в Сан-Хосе. Мощный компьютер компании и соответствующая программа отвечала за предупреждение о внештатных ситуациях. Атлас перенастроил систему на аварию после её планового перезапуска. Следующей его целью стал софт контроля воздушного движения штата Массачусетс. Хакер инициировал сбой управления всеми службами аэропорта, отменив две дюжины рейсов авиакомпаний на двое суток. В Австралии ему удалось сбросить в реку миллионы литров сточных вод из очистных сооружений, а заодно нарушить водоснабжение Аделаиды. Атлас мог бы написать целую

книгу о своей хакерской деятельности за последний год, но самой выдающейся операцией устрашения он считал собственную атаку на французский завод по обогащению урана. Хакеру удалось создать червя, который через взломанный персональный компьютер одного из сотрудников, проник во внутреннюю сеть управления центрифугами, увеличив скорость их вращения. Оборудование пошло в «разнос», в то время как операторы наблюдали на экранах нормальный режим работы.

Аварии удалось избежать благодаря минутной слабости Атласа. Ему почему-то стало жаль французов. Он прекратил диверсию, хотя считал, что лягушатники заслужили ядерной встряски. Хакер до сих пор полагал, что авария на Чернобыльской АЭС была устроена искусственно в качестве первого эксперимента будущих прокси войн лучшими в то время специалистами в области технологий взлома систем безопасности.

Атласа не смогла остановить разработанная совсем недавно система расширенной ИТ-безопасности «Ada tive defense», которая сочетала в себе новейшие технологии защиты, обнаружения и реагирования на угрозы. Софт системы был способен на самостоятельное устранение программных уязвимостей, выявление вредоносных моделей поведения, генерацию собственного противодействия. Хакер абсолютно не боялся возможностей «Ada…» определять, каким образом и кем осуществляется атака на систему.

Он просто взял и разработал абсолютно новый «инструмент», позволяющий получить полный доступ к жизненно важной инфраструктуре Соединённых Штатов Америки.

**** OT-сети — сети операционных технологий.***

***** SCADA (Supervisory Control And Data Acquisition) – система сбора данных и оперативного контроля, предназначенная для получения и хранения информации о текущем режиме энергосистемы и состоянии оборудования.***

Украина

Попасть на Украину или в Украину, как любил повторять при последних встречах Остап, оказалось не так просто. Проинструктированный своим вербовщиком, Алёхин вылетел

сначала по туристической путёвке в Стамбул, где в посольстве Незалежной, отобрав все российские документы, ему вручили новый паспорт с трезубцем на синем титульном листе. Из Стамбула пришлось лететь в Варшаву, где его встретил немногословный поляк в отлично сшитом чёрном костюме, державший в руках табличку, где по-русски было написано — Валид. Особое впечатление на Александра произвели защитные очки от солнца на лице парня, делавшие его похожим на актёра Даниэля Крейга в роли Джеймса Бонда. Не смотря на прохладную для середины мая погоду, на встречавшем не было, ни плаща, ни куртки. Поляк с удовольствием бросал взгляды на своё отражение во всех зеркальных витринах, пока они шли по территории аэропорта к стоянке машин. Спустя два часа езды в восточном направлении от Варшавы по хорошо асфальтированной дороге, белая Шкода свернула с шоссе, на минуту остановилась перед воротами ограды из колючей проволоки для проверки документов и въехала в расположение какой-то воинской части. Алёхин увидел ряды ангаров, потом десяток истребителей МИГ-25, а затем огромный военно-транспортный самолёт, украшенный символикой военно-воздушных сил США, возле которого суетились люди, выгружая большие ящики, опутанные маскировочной сеткой.

- Приехали, - сказал поляк, глуша двигатель автомобиля возле приземистого длинного строения, обнесённого ещё одним рядом проволоки. - Сюда, проше пана.

Александр оглядел постройку, в которой почти не было окон, а те, которые он заметил, оказались закрыты, оборудованы железными решётками, а стёкла замазаны белой краской.

- Не похоже на отель, - с раздражением обернулся Алёхин к провожатому, но тот, равнодушно пожав плечами, показал на стальную дверь, которая, щёлкнув автоматическим замком, приоткрылась.

Поляк отступил в сторону, пропуская Александра. Тот взялся за ручку, распахнул дверь, переступил порог. Сзади снова щёлкнул замок, и Алёхин оказался в абсолютной темноте.

- Эй! Здесь есть, кто-нибудь? - спросил он, ощупывая руками пространство вокруг.

Но справа и слева послышался шорох шагов, его схватили за локти, на запястья надели наручники, а на голову мешок, затем, схватив сзади за плечи, повели куда-то вглубь помещения. Через минуту сквозь плотную ткань мешка забрезжил свет, кто-то усадил Алёхина на стул, а потом его стали избивать, нанося удары в голову, по затылку, вискам и в подбородок. Находясь

почти в бессознательном состоянии, Александр всё же понял, что его привязывают к стулу, что сопротивляться бесполезно, однако он продолжал делать вялые попытки вырваться, насколько позволяла свобода действий. Капитан рефлекторно уворачивался от ударов, наклоняя корпус, подставляя плечи. Вот только, в темноте, когда он не видел, где находятся люди, избивающие его, уворачиваться не очень получалось. Голова начала гудеть, на разбитых губах он чувствовал кровь, боль заставляла его хрипеть и извиваться.

- Эй! - почти простонал Алёхин, тяжело дыша. - Вы, что, мужики, озверели? За что?

Но люди, к которым он обращался, продолжали своё дело. Когда Александр повис на

скотче, прилепившем его тело к стулу, его сильно ударили ногой в грудь. Алёхин ощутил себя лежащим на полу. Он едва не захлебнулся, когда потоки воды обрушились на его голову. Закричав, он стал ругаться, посылая своих мучителей во все места, которые подсказал расстроенный, помутившийся от боли рассудок. Когда словарный запас иссяк, Александр затих, слабо постанывая и повторяя «За что?». Наконец с его головы содрали мешок, затем схватили за волосы, приподняв голову.

- Фамилия, имя, воинское звание?

Алёхин едва смог повернуться на звук голоса. Он старался держать глаза открытыми, но ресницы, непроизвольно опускались от яркого света настольной лампы, не давая сфокусировать взгляд на лице, склонившегося над ним человека. Это лицо совершенно не выглядело жестоким, скорее всего деловым. Русые волосы, зачёсанные назад, слегка приплюснутый боксёрский нос, голубые глаза, выглядевшие на смуглом лице стеклянными. Рядом с человеком стояли ещё двое. Их лица были закрыты масками. Но на камуфляже Алёхин разглядел шевроны с цветами флага Украины и нашивки с символами военного подразделения. Что конкретно они означали Александр не мог разобрать из-за слёз, навернувшихся на глаза. Ему удалось рассмотреть только молнию, какую-то птицу с широко расправленными крыльями и трезубец.

- Фамилия, имя, воинское звание? - повторил человек, похожий на боксёра, нанеся Алёхину, лёгкую, но болезненную пощёчину. - Трижды повторять не буду.

- Во внутреннем кармане куртки мой паспорт, - прошепелявил пленник разбитыми губами.

- На хрена мне твой фальшивый паспорт? - человек разогнулся,

переглядываясь с другими военными. - Я тебе таких десятка два за полчаса наделаю. - Звание, фамилия?

Алёхина подхватили под руки и усадили на стул, не забыв о новом ударе в живот.

- Вы же сами мне вручили свой паспорт в вашем посольстве, - с перерывами прохрипел Александр, хватая воздух открытым ртом. - На каком основании меня здесь допрашивают? Мне обещали работу, а не издевательства. Позвоните Остапу. Он всё подтвердит.

- Какое посольство? Какая работа, какой Остап? - наклонившись, заорал Алёхину прямо в лицо обладатель боксёрского носа. - Ты, сволочь, колорад чёртов, агент ГРУ, шпион ватников, рашистов. Фамилия, имя, звание? Какая цель внедрения? Задачи, явки, каналы связи?

- Да, вы чего мужики? Совсем обалдели? Свой я. Завербовали меня в Москве почти год назад. Я же вам сведения ценные добывал, - хрипел Алёхин, уже зряче уворачиваясь от новых ударов.

- Имя, фамилия, звание? - не уставали повторять военные, по очереди избивая Александра.

- Хватит, хватит. Я всё скажу. Больно!

- Говори!

- Я — Волков Алексей. Генеральный директор Центра изучения исторических перспектив. На самом деле моя фирма в Москве работает под крышей одного из управлений российской военной разведки. Помогали, так сказать, финансово. Но я ни хрена не военный, а был вольнонаёмным. Номинально имел звание капитана, но это только в платёжных ведомостях для высокой зарплаты, - разум Александра уже включил защитные механизмы.

Алёхин с математической точностью торопливо, давясь кровью и слюной, воспроизводил заранее разработанную легенду, уже неоднократно озвученную перед Остапом.

- Фирма занималась информационными технологиями. Собирала различную информацию, компромат на политиков и всё такое. Да такого дерьма полно в Сети. Наш Центр не один такой? Хакеров развелось — море. Тут главное иметь связи в этой среде. Думаете, чёртов Асанж откуда брал информацию? Ему многие конкуренты тех или иных политиков сами её сливали... Не понимаю... Ваш чёртов Остап, который меня

вербовал, всё уже знает. Чего вам ещё от меня надо? Таких фирм, как моя, в Москве море...

- Заладил... Там у него море. Здесь тоже море. Не знаем никакого Остапа. Брешешь, сволота московитская!

Алёхина снова, повалив на пол, начали избивать. Александр подтянул ноги к животу, пытаясь минимизировать ущерб, почти жалея, что согласился отправиться на Украину.

«Уроды, суки, ваш Бандера - фашист», - мысленно повторял он с каждым новым ударом.

Пленника вновь подняли, разрезав скотч, отлепили от стула, потом, грубо поворачивая и награждая тумаками, стали раздевать. Через минуту он лежал абсолютно голым, заново связанным в углу на деревянной лавке с головой, закутанной в полотенце, а сверху постоянным мощным потоком лилась вода. Спустя несколько мгновений, Алёхин начал захлёбываться, а затем потерял сознание.

Он очнулся уже одетым в сухую одежду, сидящим в совершенно другой комнате, где высоко под потолком узкое окно едва пропускало солнечный свет. Алёхин осторожно пальцем пощупал ссадины и синяки на лице, смазанные каким-то обезболивающим кремом. Кое-где он ощутил скобы швов и кусочки пластыря. Рёбра ныли, напоминая о недавно перенесённых побоях, но, судя по всему, не было ни вывихов, переломов, ни трещин в костях.

«Профи работали», - подумал капитан, оборачиваясь на скрип двери.

В помещение вошёл высокий, подтянутый, средних лет мужчина в полевой форме натовского образца. По нашивкам с американским флагом Александр понял, что перед ним янки. Военный внимательно осмотрел синяки, дотронулся пальцем до пластыря на лице пленника и осуждающе покачал головой.

- Какое варварство, - сказал он на русском языке с заметным акцентом, усаживаясь на табурет, привинченный к полу. - Я зафиксирую побои в своём рапорте. Вы не против, мистер Волков?

- Конечно не против, - откликнулся Алёхин голосом, полным обиды, страха и жалости к себе. - Эти подонки мне все внутренности отбили. А ещё пытали. Заставили воду глотать, словно я не живой человек, а... Унитаз в общественном туалете.

- Весьма прискорбно, - посочувствовал ему американец. - Тем более, что на вас должна распространяться Женевская

конвенция, поскольку вы - военнопленный.

- Ну, причём здесь конвенция? - ещё жалобней спросил Александр. - Не военный я вовсе.

- А, кто же вы есть на самом деле, мистер Волков? - почти ласково произнёс янки. - Знаете, что я вам скажу? Совершенно не одобряю методов дознания офицеров Службы безопасности Украины. Считаю их недопустимыми. Но со своим уставом в чужой монастырь не ходят. По-моему, так говорят в России. Я ничего не смогу для вас сделать, если вы не скажете украинцам всей правды. Я бы на вашем месте, чтобы облегчить свою участь, признался бы, что являюсь кадровым российским разведчиком и рассказал бы о задании, к которому, должен отдать вам должное, вас отлично подготовили. Пытку водой не каждый выдержит. Итак, я вас слушаю.

- Какое задание? - с отчаянием, упавшим голосом спросил Алёхин. - А... Понял. Игра у вас такая. В добрых и злых полицейских. Видел такое в голливудских фильмах. Злые ждут за дверью, а вы, мистер, добреньким прикидываетесь. Но поверьте. К разведке я не имею никакого отношения. Меня самого укры завербовали, предложив работу в Киеве, в качестве специалиста по IT- безопасности. Если вы не в курсе… Лично я - убеждённый национал-социалист. Кроме того, одобряю стремление Украины к свободе и демократии на основе объединяющей наши народы национальной идеи. Настанет время и такие, как мы, русские патриоты, возьмём власть в свои руки. Это я о России сейчас…

- Даже так? - в глазах американца равнодушный холод сменился огоньками интереса. - Должен снять перед вами шляпу. Вы хорошо держитесь для национал-социалиста. И наколки на вашем теле сделаны профессионально. Впрочем, настоящий разведчик должен быть хорошим актёром. Уверен, что стресс и болевой шок активизирует актёрские способности. Ладно. Не хотите рассказать мне о вашем задании, воля ваша. Видит Бог, я хотел спасти хорошего парня от дальнейших истязаний, но вы сами выбрали свою судьбу, - офицер поднялся, подошёл к двери и постучал.

Дверь открылась, пропуская в комнату трёх человек, ранее допрашивавших Алёхина.

- Русский ваш, парни.

Ночью, избитому, с ожогами на лице от сигарет, со следами пыток электрическим током на гениталиях, со снятым плоскогубцами ногтем большого пальца левой руки, Алёхину

зачитали приговор военного трибунала, из которого он узнал, что утром его расстреляют. Ужас и тоска овладели сердцем Александра, но боль от пыток была так сильна, что, когда его отволокли в камеру, бросили голого в углу возле грязного унитаза, он облегчённо вздохнул и заплакал. Безысходность ситуации и усталость побудили его с глухим, звериным стоном перевернуться, лечь на живот, закрыв голову руками, чтобы застыть в тяжком забытье. Но провалиться в сон ему не дали. Снова открылась дверь, его грубо схватили за руки, затем всадили в мышцы правого бедра два укола. Глаза Алёхина почти сразу закатились. Он сполз по стене камеры на пол, теряя сознание.

Капитана вернуло в реальность прикосновение чьих-то рук, пытавшихся поднять его. Через минуту, удерживаемый за плечи, он оказался на железной кровати, накрытый вонючим, пропахшим мочой одеялом. При свете единственной лампы Алёхин удивлённо глазел на людей, склонившихся над ним.

- С ума сойти, - удивился худой высокий парень с кровоподтёком под левым глазом. - Нацики уже своих мочат. Глядь, татуировок у хлопца сколько. Чисто картинная галерея, - мягкий, южнорусский говор с нотками сочувствия заставил Александра застонать.

- Побачь, - тихо, оглядываясь на дверь, сказал пожилой толстяк, одетый в грязную домашнюю пижаму. - Майдан жрёт своих героев. И, шо оно значит?

- Шо? - повернул к нему голову худой парень.

- Шо, шо? То и значит, шо знову зрада у них на фронте. Ишь, як хлопца отделали. Мабуть, сбежал с окопов. А кракены или азовцы догнали его.

- Вообще-то я русский, - с трудом разлепил разбитые губы Алёхин.

- А мы, хто? - удивился толстяк. - Нашёл чем хвалиться.

- Вы не поняли. Из Москвы я, - внёс ясность Александр.

- Тогда дело другое, - выпрямился худой парень, даже не удивившись. - Пленный. Бачил я ваших здесь. Ох и били пацанов, ох и волтузили… Потом всех постреляли во дворе.

- Где видели? Здесь же Польша, - в свою очередь удивился Алёхин, приподнимая голову и разглядывая грязные штаны, в которых он почему-то оказался.

Голый торс Александра с наколками, кровоподтёками, синяками выглядел ужасно.

- Яка Польша? - переспросил его толстяк. - В Харькове мы.

- В Харькове? - Алёхин со стоном опустил голову на матрас, пытаясь понять, каким образом он оказался так далеко от военного аэродрома, где его пытали. - А, как я сюда попал? И какой сегодня день?

- Як попал? А черты их знают, этих уродов клятых из СБУ, - прошептал ему на ухо толстяк. - Тебя едва живого приволокли... Только, только бурду вроде чая разнесли по камерам... По пояс голого, бросили на пол, кинули на ту койку рубаху камуфляжную, затем смылись, наказав не трогать тебя. Да, хрен им. Мы, шо, не люди. И ты — человече всё же, а не Шарик, пёс подзаборный, хотя по татуировкам бачу, шо ты им свой. Как такое може буты, не розумию... А, в каком месте тебя в полон взяли?

- Не пленный я, - Алёхин со стоном приподнялся на локтях и сел, смутно вспоминая два укола, носилки, грязный багажник автомобиля и ночную дорожную тряску.

- То дело не наше. Пленный, не пленный. Тут, по заслугам, всем раздают трюнделей, - назидательно сказал худой парень. - Нас, честных воров, сначала к столбам фонарным привязывают, чтобы каждый фраер мог вдарить по голому заду, и потом на фронт отправляют. Оппозицию, вот эту, которая в пижамах, - вор большим пальцем показал на толстяка. - Особенно тех, кто нашу военную технику фоткают, к обмену на весеушников везут, если в возрасте состоят, или грошами не откупятся.

- За каким лешим мне ихнюю технику было фоткать? - начал горячиться толстяк. - Проснулся на рассвете от ба-баха. Аж уши заложило. Прилёт был со стороны москаликов. Только я вышел на балкон, да включил смартфон, а сосед напротив то увидел. Через пять минут СБУ приехало. Заложил... Сволочь, Иуда. А ты, хлопец, если не офицер, - человек в пижаме сочувственно посмотрел на Александра, - То с тобой ещё не так всё плохо. Или обменяют, или, слышал, судят ваших солдат за военные преступления. Лет пятнадцать могут дать. Зато живой останешься?

Алёхин вновь со стоном перевернулся на живот, спрятал голову в локтях и застыл.

- Да, ты чего, фраерок? - нагнулся над ним уголовник.

- Приговор трибунала... Расстрелять обещали.

- Ого. Да за шо? Мабуть, дивчину нашу снасильничал? На то вы, москалики, горазды. По телеку балакала наша опер по правам громодян, шо до баб наших вы дуже охочи...

- Пошли вы к чёрту! - слабым голосом выругался Алёхин, отворачиваясь к стене.

- Тю! Обиделся? - В который раз удивился вор. - Ну лежи, ожидай. А мне на волю скоро.

- В окоп, а не на волю, - поправил его толстяк.

- Эй! Ты крашче тут не гавкай, - обиделся уголовник. - На понтах оторвусь. Мол, разделяю идеи «Азова». На худой случай нехай записывают в терр. оборону.

- Размечтался, - проворчал толстяк.

- Завидки берут? - торжествующе воскликнул вор. – Зараз грюкну в дверь, скажу, шо ты с москаликом этим заодно... Шо розмовы против клоуна и влады нашей вели... Шо вы родичи гарбузовы... Забачь! Признали друг-дружку... Если будешь знов гавкать. А, ну вас всех в жопу, - выругался парень, ложась на железную койку в углу, где виднелось окно, забранное решёткой.

Алёхин, не ожидавший всего того, что с ним случилось, попытался не обращать внимания на боль и успокоиться. Тихо постанывая, он сел, с трудом согнул ноги в коленях, обхватил их руками, прислушиваясь к звукам тюрьмы. Тишину камеры прерывали далёкие крики и эхо глухих ударов, будто кого-то со всего размаха колотили головой о стену.

Толстяк, походив по камере, насколько позволяли её размеры, сел на кровать рядом с Алёхиным.

- Ты откуда будешь, хлопец? - спросил он, с брезгливым страхом разглядывая ссадины на лице Александра.

- Какая тебе разница?

- Не желаешь говорить, не надо. Но за розмовою здесь не так хреново. Отвлекает от обстановочки, будь она не ладна. Чего прислушиваешься? Орут? Тут всегда кто-то кричит, даже ночью. Пытают, гады, народ, бьют, ногти вырывают. Тут до тебя человек один сидел. Так его всю ночь били, потом приволокли и бросили на пол, как тебя. А через два часа пришли за ним, и больше мы его не видели. Уж так избит был... Батька с мамкой не узнали бы. Не лицо, а сплошное месиво.

- Слушай, - едва сумел повернуться к толстяку Алёхин. - Ты помолчать можешь?

- Без проблем. Но тогда крики и вопли слышнее. А мне не по себе от них. Говорят, через пару дней привыкаешь, но у меня не получается.

- А ты сколько дней здесь?

- Сначала считал, а потом бросил. Тут все стены исцарапаны. Столько людей в этой камере пересидело. Все поначалу зарубки делали, а потом, думаю после пыток, писали каждый о своём. Кто-то мать вспоминал, кто жене просил привет передать, если сгинет. Многие матом душу отводили. Кто бы мог подумать, что я сам в застенках окажусь? После первых суток здесь, думал, что это страшный сон такой, но он продолжается день за днём.

Алёхин заметил, что южный говор собеседника постепенно меняется на довольно чистую и правильную русскую речь, а потому спросил, перейдя на вы:

- А вы где работали и кем?

- Вообще-то я — доктор философии. Преподавал политологию в университете. И знаете, к какому выводу после долгих размышлений пришёл, оказавшись здесь? Политология — не наука. Это — набор вербальных инструментов и методов на службе у государства для запудривания плебсу мозгов. Некий набор идеологических клише, филологический туман, маскирующий преступления промышленных и финансовых элит любой страны в борьбе за собственность, деньги, влияние, за теневую, реальную власть. Что ещё страшнее, в набор инструментария входит особого рода нейролингвистическое воздействие на коллективное сознание с целью заставить людей принимать за истину любую, даже самую чудовищную ложь.

- Даже так? - безучастно спросил Алёхин, простившись с мыслью о сне.

- Именно. Именно так. Ничего не изменилось со времён Трои и Древнего Рима. Простой человек живёт сегодняшним днём, далёким от воображаемого совершенства, порой ужасным, гнетущим, тягостным, бедственным, но с надеждой, что всё должно скоро измениться к лучшему. Но ничего не меняется. Человек умирает, так и не дождавшись исполнения желаний и надежд. Одно поколение сменяется другим, но всё остаётся по-прежнему. Вспомните Иисуса, походы Цезаря или Великую французскую революцию с явлением нового мессии, Наполеона. Воодушевлённые надеждой на перемены французы кричали на площадях: - Либерте, Эгалите, Фратерните! Свобода, Равенство, Братство. И что они получили? Свободу носить красивые

мундиры, равенство в атакующих шеренгах и братские могилы, давно заросшие травой на просторах Российской империи. Я даже сочинил здесь на эту тему стишок, - смущённо покашлял в кулак доктор наук. - Хотите прочту?

- Валяйте, - вяло согласился Алёхин.

- Тогда слушайте, - толстяк, выпрямившись, начал декламировать, делая паузы, чтобы вспомнить текст.

- Когда нечего больше,
наступает мгновение...
Всё равно, что для Польши,
или Бельгии - свет откровения:
Ближний стал для тебя и не сват, и не брат,
а без совести вор.
Вот тогда достают автомат,
мажут маслом затвор.
Был бы случай и повод
для расчётов и платы.
Автомат - это довод
для любой бюрократии.
Эй, вы, сытые! Головы ниже,
но без слёз и мольбы.
В Барселоне, Мадриде, Париже
громче звуки стрельбы.
- Где вы, жертвы аборта?
На колени, и в ряд...
В толерантных и гордых
плюнул зло автомат...
- Морды вниз, и ни слова
христианская братия!
Автомат - есть последний из доводов

для любой дипломатии.
Когда нечего дать,
когда жить стало горше,
поднимается рать
или несколько больше.
Парни жмут кулаки,
прячут камни в ладонях,
и на лицах - платки,
а в платках не догонят.
Если некуда, некогда, кроме...
Это надо же, дожили...
Звуки слышатся грома
в Украине и Польше.
Лава гнева пошла...

Извержение кратера.

Эхо, будто волна, да ещё с перекатами.
Кто-то в маске у глаз до безумия рад,

что последний из доводов у демократии
- автомат.

- Что скажете?

- Ничего так, складно получилось, - одобрил Алёхин. - Смотрю, вас тоже демократия достала.

- Так и я о том же, - разволновался толстяк. - Лежу здесь ночью на койке и размышляю. Вот жил себе, никого не трогал, преподавал даже... Дебилам нынешним... Надеялся, что вот, вот, и заживём по-европейски, сыто, пьяно, без потрясений. Но с каждым днём становилось всё хуже. Януковича сменил Турчинов, потом Порошенко. Ладно, думаю. Пусть. Петром хотя бы американцы руководят. Научат его уму-разуму. Потерпим... А они — такие же ненасытные. У них коррупция круче нашей зашкаливает, Трампа в наглую отстранили от власти. Лгут, хуже, чем на Банковой в Киеве, хотя наших, считал, никому переплюнуть не получится... Вот сейчас имеем то, что имеем. Зеленского... Клоуна, лицедея, вора и диктатора. За что боролись, на то и напоролись. Не рабы, мать их. Но тут ещё Россия наконец на войну пришла. А у меня сына недавно в армию забрали. Свободу выбора дали. Изувеченным остаться, убитым быть или в плен угодить. Ради чего? Ради НАТО? Тоже мне. Цель обозначили. Словно собаке кость. В Евросоюз - любой ценой? Какая на хрен Европа? Она ещё до Гитлера была фашиствующей. Откуда фюрер черпал своё нацистское вдохновение? Всё оттуда же. Европа русским не может простить своего освобождения в сорок пятом. Оно им было не нужно. Европейцы в той обстановке прекрасно чувствовали свою исключительность. Чуть ниже высшей арийской расы, но это их устраивало. Они осознавали себя такими же фашистами. В любые времена. С эпохи крестовых походов и Ледовых побоищ. В глубинах душ своих, в тайных уголках сознания эта ненависть жила, глубоко спрятанная и дремлющая до поры. А после развала Союза им аж припекло. Подумали, что наконец настало их время. Время мести за поражение. Фашизм и расизм в европейцах сидят на генном уровне. От дедов, прадедов достались. Их хвалёная толерантность — ширма, тонкий слой лака на лубочной картинке, где поверхностные мазки краски маскируют истинную, страшную картину, которой позавидовал бы сам Босх. Но лак треснул, на картине появилась паучья сеть

кракелюра, краска начала осыпаться... Кстати, украинцам тоже не простили итогов Второй мировой войны, считая их такими же русскими Иванами. Лично я не питаю в отношении Европы никаких иллюзий...

- Да, заткнёшься ты наконец, политолог хренов, - приподнялся на своей койке вор. - Ей Богу. Сдам тебя с потрохами мусорам за агитацию... Только спать мешаешь...

- Ладно, ладно, - засуетился толстяк. - Молчу, - он наклонился к самому уху Алёхина и торопливо зашептал:

- Предположим Господь убережёт моего Андрейку. Вернётся. Дальше что? Снова жить надеждой на лучшее? Если бы удалось создать машину времени, отправиться в прошлое и спросить у предыдущих поколений, что было самым лучшим в их жизни, все ответили бы одинаково. Надежда! Надежда на лучшее... Вот, смотрите... Я умру, сын мой умрёт, внуки дай бог появятся... Тоже придёт время — умрут. Но мир останется прежним со своей извечной безысходностью и отсутствием выбора. В нём по-прежнему будет продолжаться противостояние политических кланов, борьба за власть, за свои интересы финансовых и промышленных элит, использующих простой народ, как пушечное мясо. И к политологии, вешающей нам всем лапшу на уши, это не имеет никакого отношения. Раз в сто лет им нужна война, чтобы спустить в канализацию обманутое ими быдло. Скажу вам больше. Не американцам принадлежит идея создания общества потребления. Это уже было в Древнем Риме. Помните? «Хлеба и зрелищ». А потом эту идею творчески доработал Маркс. Перевёл в практическую плоскость Ленин. Какое светлое будущее обещали народу большевики? Коммунизм! Мол, преодолеем любые трудности, пойдём на любые жертвы, и наступит оно, долгожданное. От каждого по способностям, каждому по потребностям... Черпай полной ложкой, не потея... Но эта старая, как мир, иудо-саксонская инновация вступила в противоречие с коммунистической нравственностью и моралью. Так сказать, Боливар не выдержит двоих... В смысле - Советский Союз не выдержал. Начал спотыкаться, чтобы сдохнуть в одночасье... Американцы со своей идеей общества потребления додумались до этого «открытия» спустя тридцать лет после Ленина. В пятидесятые годы. Им нужно было перебить бубнового короля социализма своим козырным пиковым тузом. Жалкие последователи. Ни одной своей собственной философской мысли. Даже «Разделяй и властвуй» взяли у Британии. Но, знаете, с потреблением у них всё же получилось, в отличие от большевиков. И не важно, что это

общество, все последующие поколения американцев, морально уродливы, жестоки, эгоистичны. Побочный эффект, если хотите. Думали, как лучше... Зато американскому социуму практически позволено всё. Грабить тех, кого они считают папуасами, азиатами, арабами, индейцами, отстреливать на улицах себе подобных. Гендерное равенство? Пожалуйста. Однополые браки? Не вопрос. Легализация наркотиков? Сделаем. Чего ещё желаете? Они убивают в человеке божественное начало, превращая его в послушное животное, меняя ориентиры, искажая реальность, превращая добро в зло и наоборот... Это зло они одевают в броскую, поражающее воображение красивую конфетную обёртку и делают нравственной ценностью. Почему нет? Это же эффективно в смысле управления. Это приносит результат. Иначе, кранты Америке. Знаете, что? Я начинаю понимать, почему русские восстали против этого кошмара. И самое ужасное — пройдёт какое-то время, вся эта бодяга в конце концов кончится, однако, рано или поздно всё опять вернётся на круги своя... Привычная жизнь сурка, надежды на лучшее будущее, потом апатия, безысходность, ложь, ожидания неизвестного прекрасного и новые реки крови. Печально осознавать это. Мне больно оттого, что наш путь заново пройдут наши дети, внуки, правнуки, их дети и внуки, но опять они не смогут изменить ровным счётом ничего... Наверное сейчас вы будете меня презирать, но я всё чаще думаю ещё кое о чём. Во мне, вот здесь, под коркой, - доктор наук постучал кулаком по собственной голове, - сидит предчувствие близкой катастрофы, но, как ни странно, всё ещё теплится надежда, что не сегодня, пусть не завтра, а когда-нибудь в будущем всё изменится в лучшую сторону. Люди будут жить, забыв о насилии, нищете, войнах, вот только я уже никогда не увижу этого. Такая тоска берёт, что аж сердце болит. Ноет и ноет...

- Постойте, - остановил доктора наук Алёхин, качнувшись в сторону от горячего несвежего дыхания толстяка. - Остановимся на лжи... Если такая тактика со стратегией эффективны, то что в этом плохого? Может, лгать с благими намерениями не так уж и плохо?

Александр вспомнил наставления Ивана Матвеевича, предупреждавшего об осторожности и осмотрительности.

- И вы - туда же, - сокрушённо поник головой политолог. - Или не понимаете, или прикидываетесь таким же недоумком, как многие в Киеве.

- Ладно, ладно, - примирительно сказал Алёхин. - Всё, что вы сказали, слишком сложно для меня. Я люблю более простые решения. Автомат — неплохой аргумент для решения многих

проблем. Вот в этом я с вами согласен. Лучше скажите — сколько сейчас времени?

- Смотрите, - вынуждено сбавил обороты доктор. - Вы у нас появились после сниданка. Сегодня чай был с куском плесневелого хлеба. Так?

- Вам виднее.

- Ото ж. Хронометров тут ни у кого не мае, кроме караульных солдат. Мыслю, что полдень уже, - политолог снова перешёл на суржик.

- С чего вы взяли?

- Чуете? - толстяк указал рукой на дверь. - Крики затихли. И, шо это значит?

- Не томите, уважаемый, - смиренно попросил Александр.

- Обед. Перерыв у следователей. Потом перекур с дремотой. Ещё час тихо будет. Можно и нам вздремнуть. Нервы успокоить.

Но надежды владельца грязной пижамы оказалось напрасными. Из коридора снова донеслись громкие голоса, крики, затем глухая, редкая дробь ударов. Алёхин, слушая звуки тюрьмы, постепенно привыкал к ним и вскоре задремал. Сон навалился на него, словно тяжёлое ватное одеяло, вырвав из реальности до позднего вечера.

Его разбудил топот подкованных башмаков, лязг ключей и скрежет ржавых дверных петель.

- Эй! Который тут москаль? На выход!

По спине Алёхина пробежал озноб. Он вздрогнул, зачем-то посмотрел в сторону унитаза, медленно, преодолевая боль в отбитых мышцах, поднялся, сделал шаг вперёд. Толстяк, лёжа на койке, подвинулся, спрятавшись за Александром, потом сел, слегка подтолкнул его в спину и прошептал:

- С Богом.

- Давай, давай, - поторопили заключённого от двери. - Двигай ластами.

Два человека, стоящие в дверях, посторонились, пропуская заключённого. Тюремщики выглядели внушительно. Рослые парни были одеты довольно свободно для кадровых военнослужащих. Бёдра обтягивали защитного цвета брюки в пятнах камуфляжа с множеством больших и малых карманов. На поясных ремнях, кроме небольших подсумков для обойм, висели футляры из плотной толстой ткани, откуда выглядывали рукоятки

пистолетов. В нижней части чехлов виднелись ремешки, которые обхватывали бёдра, плотно прижимая скрытое тканью оружие к ногам. Дополняли картину футболки с коротким рукавом и какими-то нашивками. Спереди выделялась более крупная надпись - «Служба Безпеки Украіны». Алёхин, переступив порог, остановился, подчиняясь окрику. Пока сзади один из офицеров запирал дверь, второй защёлкнул на запястьях Александра наручники.

Двор тюрьмы находился в замкнутом пространстве между стенами зданий, выстроенных в виде прямоугольника. Ночное небо где-то на востоке озаряли беззвучные вспышки зарниц. Само пространство двора было ярко освещено прожекторами, позволившими Алёхину рассмотреть тёмные пятна маленьких окон, забранных решётками, несколько железных дверей, а у стены - высокий деревянный щит из толстых досок метра три в ширину, где стояли двое гражданских. Положение тел, поникшие плечи, связанные за спиной руки и опущенные головы подсказали Александру, что это такие же заключённые. От фигур оборванцев веяло безысходностью и отчаянием. Один из них поднял глаза, разглядывая появившихся во дворе людей, но тут же испуганно опустил взгляд.

- Встань рядом с теми придурками, - Алёхина толкнули в спину по направлению к деревянному щиту.

Острое чувство тоски сжало сердце Александра. На подгибающихся, «ватных» ногах он подошёл к оборванцам. Встав рядом, капитан со страхом посмотрел на соседей по «расстрельной» стене. Было видно, что людей тоже долго избивали. На лицах чернели кровоподтёки. На шее одного из них Алёхин заметил следы ожогов, которые воспалились и отливали синюшно-чёрным цветом. Сильный свет прожектора позволял даже заметить, что у второго зека оторванное ухо висело, словно пришитое к нижней части головы ниткой, а нос был сломан в основании переносицы.

- Ты кто? - громким шёпотом спросил заключённый с перебитым носом, не поворачиваясь.

- Теперь уже и не знаю, - ответил ему Александр, чувствуя, что его начал бить нервный озноб. - Нас, это... Сейчас убьют?

- Похоже на то, - подтвердил второй человек более зрелого возраста, стоявший по правую руку от первого. - Суки! Бандеровская сволочь!

- Разговорчики в строю! - крикнул издали один из офицеров СБУ. - Мразь ватная.

Оба тюремщика двинулись к щиту, доставая пистолеты.

- На колени! - приказал один из них, снимая оружие с предохранителя и досылая в ствол патрон. - На колени, мать вашу! Сепары колорадские! - Не смотреть мне в глаза. Опустили морды!

Алёхин со странной покорностью, продолжая дрожать, наклонил голову, краем глаза заметив, что под ногами вставшего рядом с ним на колени человека появилась лужа. Остро запахло мочой. Выстрелы раздались неожиданно. Александр упал, повинуясь неодолимой силе притяжения земли, словно искал у неё спасение. Рядом, сначала отброшенные на щит убийственной энергией свинца, падали лицами вниз, заваливаясь набок, те, кто мгновение назад были живыми людьми. Алёхин, лёжа ничком и неловко вывернув шею, смотрел на эту страшную картину, будто перед глазами поставили включённый телевизор, где демонстрировался фильм ужасов. Он совершенно не чувствовал боли и уже смирился с единственной мыслю, засевшей в ещё работавшем сознании, что так и должно быть, что это и есть смерть, вернее то короткое, больше похожее на кошмар, мгновение перед небытием.

«Я умер, я умер, - думал он. - Но этого не может быть. Почему я не чувствую боли? Мы так не договаривались. Молодые не должны умирать... Зачем же в грязи? Зачем здесь лужи крови? Почему так остро пахнет мочой? Почему я слышу шаги? Ах, да. Мозг ещё снабжается кровью. Вернее, её остатками... Поэтому, поэтому... Разум всё ещё живёт...»

Звук шагов приближался, пока не затих где-то рядом. Сильные руки поставили Алёхина на ноги, но его колени, парализованные ужасом, не выдержав, подогнулись. Руки, скованные наручниками, внезапно поднялись, подчиняясь чужой силе. Только сейчас, ощутив сильную боль в запястьях, он вынужденно вскрикнул, и, шатаясь, медленно встал на ноги. Голова запрокинулась, поскольку мышцы предплечий последовали за руками, которые оказались прижатыми к дереву щита наручниками, надетыми на стальной крюк. Александр, словно через пелену тумана, смотрел слезящимися глазами на ухмыляющиеся лица двух парней с пистолетами, снова готовыми выстрелить.

- Глянь, Гриша, - сказал один из офицеров. - Сомлел хлопчик от страха. Того гляди в штаны наложит. Я вроде целил ему в прямо в лоб. Чтоб меня. Промахнулся малость.

- Не трынди, Петя. Не разыгрывай здесь Робин Гуда. Стрелок

из тебя, как из твоего писюна шланг для полива огорода. Ставлю сто баксов, что попаду в яблоко на башке этого придурка.

- Парни, может, не надо, - жалобным голосом попросил Алёхин. - Я же вроде свой.

- Свой? - воскликнул Гриша. – Это, в каком смысле? Все вы тут своими были, а москали пришли, так вы флагами красными их встретили.

- Здесь, какое-то недоразумение, мужики, - продолжал канючить Александр.

Мозг Алёхина, ощутив, что смерть на данный момент прошла мимо, начал лихорадочно работать, предлагая убедительные доводы для спасения жизни.

- Нет, брат. Так, не пойдёт, - сказал офицер, которого товарищ называл Петром. – Стой прямо, не шевелись. Принесу яблоко, поставлю тебе на голову и покажу Грише, какой я Робин Гуд.

- Тиль Уленшпигель, - неожиданно поправил его Алёхин.

- Чего, чего? - не понял Пётр.

- В яблоко на голове своего сына стрелял из лука с расстояния пятьдесят шагов не Робин Гуд, а Тиль

- Чего?

- Тиль Уленшпигель. Легендарный швейцарский народный герой. Искусный лучник, борец за независимость страны. Согласно одной из версий легенды, - пустился в пояснения Александр, надеясь на выигрыш времени и чудо. - Наместник германского императора, издеваясь над жителями города повесил на площади свою шляпу, приказав, чтобы все прохожие кланялись ей. Вильгельм, единственный из горожан, кто не стал этого делать, и в наказание за непослушание наместник заставил Тиля стрелять в яблоко, поставленное на голову сыну стрелка.

- И что, попал куда надо этот Тилли Вилли? - спросил один из офицеров.

- Конечно. Правда, его отправили в тюрьму, но по дороге он сбежал в горы, подстерёг наместника и убил его.

- Ты дывись, Петро. Ватник нам попался умный, даже образованный. У рашистов такие оказывается есть. Чуешь? Какой-то жид швейцарец боролся за незалежность. Чем мы хуже? Москали, все, как, один, оккупанты и агрессоры. Вот только ты, падло, от нас уже не убежишь. Бежать тебе некуда, а потому стой смирно.

- Да, стою я. Но, если вы меня пристрелите, вам это с рук не сойдёт.

- Григорий! Гляди. Сейчас прокуратурой рашистской пацан пугать начнёт. Она ж там, в Москве дела на нас заводит…

- Ага… А ещё красными линиями стращает. Мужик! Мы их столько уже видали ваших красный ниток, что можем рушники ими вышивать.

- Объясняю последний раз, - Алёхин, почти пришедший в себя, сделав строгим лицо, добавил угрозы голосу. - Уверен, что вы совершаете ошибку. Поговорите с теми, кто привёз меня. В смысле, сопровождал… У этих людей наверняка есть бумаги на меня, типа, анкеты. У вас должны быть личные дела заключённых. Там всё написано… Не отрицаю, что я из России. Меня завербовало ваше СБУ, как специалиста по кибер-безопасности. К тому же с детства разделяю идеи национал-социализма, даже состоял в партии «Русское национальное единство». Вы мои наколки видели? - Александр наклонил голову, схватил зубами отворот курки и рванул ткань в сторону.

- Наколочки красивые, не спорю, - сказал Пётр. - Дела личные, говоришь. Нам по барабану дела. У нас своих некуда девать. Давай лучше мы сейчас проверим твою верность идеям национального единства. - Гриша! Веди сюда из камеры того приблатнённого, которого наши сознательные громодяне поймали на мародёрстве.

Через несколько минут тишину двора нарушили понукания офицера и сдержанное возмущение вора из той самой камеры, где в тревожном недоумении остался перепуганный доктор политологии.

- Куда вы меня на ночь глядя тащите, пацаны? - мародёр судорожно хватался за малейшие выступы стен, упираясь каблуками башмаков в бетонные плиты двора. - Не по закону. Я тихо спал себе на нарах, сны с бабами видел, а вы меня — на свежий воздух? Не имеете права. Не по понятиям это.

Увидев трупы, стоящего Алёхина с поднятыми руками возле деревянного щита, где ясно виднелись следы от пуль, вор сбавил шаг, упираясь каблуками башмаков в землю, затем повернул обратно, хватая за рукав конвоира. Но офицер ударил его ногой в живот, заставив упасть.

- Молчать, сука приблатнённая! - прорычал Григорий, поднимая парня за ворот рубахи. Дрочил на унитазе, сволочь. Быстро встал у щита, падла. Услышу хоть один звук, пеняйте

на себя, - офицер, запрокинув голову, уже обращался к чёрным пятнам окон.

- Тебя Николай зовут. Правильно? - Ласково пробасил Пётр, брезгливо обнимая мародёра за плечи и подводя к щиту. - Мыкола. Только тихо. Шумнёшь ещё раз, получишь пулю в лоб без разговоров. Встал рядом со жмуриками. Ближе... Они уже пять минут не кусаются.

Оба офицера засмеялись, переглядываясь.

- Представь, Мыкола, - Пётр, взяв из рук Григория яблоко, положил его на голову рецидивисту. - Уронишь, убью, а потому не шевелись и не кипишуй. Представь, что ты участник научного экскримента. Стой смирно, тогда всё обойдётся. Может быть.

Офицер достал из кармана ключ от наручников, освободил руки Алёхина, вынул из кобуры пистолет, проверил, есть ли патрон в стволе, выщелкнул обойму и протянул пленнику оружие рукоятью вперёд. Держи, мужик. Ты, сегодня, Вилли Тель, борец за независимость Украины. Если попадёшь в яблоко, выйдешь отсюда, а блатной отправится на войну. Промахнёшься, оба будете завтра мух навозных кормить за городом в лесном овраге.

- Та вы шо, пацаны? - одними губами прошепелявил вор, едва не потеряв равновесие и не уронив яблоко. - Меня нельзя. Убивать нельзя... Давайте по-хорошему. Автомат – на плечо, и пойду москалей бить.

- Заткни хлебало, пока ботинком в гнилые зубы не получил, - веско сказал ему офицер Григорий, поворачиваясь к товарищу. - Классная придумка. А если наш Лёша не стрелок?

- Его проблемы. Ты лучше встань у него за спиной, будь наготове. Шевельнёт рукой с пистолетом в нашу сторону, стреляй. А ты держи, - офицер разжал судорожно стиснутый кулак Алёхина и положил ему в ладонь оружие. - У тебя две минуты.

Александр растерянно смотрел на пистолет в руке, лихорадочно соображая, что делать. Он почти не слышал тихие мольбы вора.

- На понт тебя берут, фраер. Не стреляй… Не по закону это.

- Молчать! - крикнул Пётр. - Двадцать секунд.

Холодное дуло упёрлось Алёхину в затылок. По вискам из-под волос потекли струйки пота. Он не мог заставить себя смотреть на полное ужаса и отчаяния лицо мародёра, на трясущиеся

губы, на качающееся яблоко, каким-то чудом ещё остающееся на голове вора. Безвыходность ситуации заставила сжать рукоятку пистолета.

«Или я, или тот никчёмный, испуганный до смерти парень, подумал Александр. - Боже мой! За что мне всё это?»

- Десять!

Александр судорожно набрал в грудь воздуха, поднял пистолет, зажмурил глаза и выстрелил.

- В яблочко!

Радостный возглас почти оглушил Алёхина. Он медленно поднял голову, пытаясь разглядеть, что делается возле щита. Рядом с лежащими на земле телами уже стоял один из офицеров. Он осматривал выходное отверстие от пули в затылке вора, сидящего в неестественной позе на бетоне спиной к щиту.

- Петя! Наш москаль стрелком оказался. Точно в лоб между глаз. Можно штангенциркулем мерить. Вот это да. Убийственная точность. Ковбой, мать его. С такого расстояния... Давно я подобного не видел. Тут шагов сорок будет. Словно пригвоздил к дереву.

У Александра закружилась голова. Он сделал глотательное движение, проталкивая в желудок комок желчи, застрявший в горле, затем невольно положил руку на услужливо подставленное плечо украинского офицера, чтобы не упасть.

- Довольно, парни, - у двери, ведущей во внутренние помещения тюрьмы, Алёхин увидел того самого американца, который в Польше под Варшавой допрашивал Алёхина на военной базе. - Представление окончено.

- Чёрт! Шатает. Сутки не ел, - растягивая слова, бросил ему Александр, заботливо подведённый офицерами ближе, и со злостью добавил. – Этот спектакль было обязателен?

Каким-то непостижимым способом только что пережитый шок дал толчок бурной мыслительной деятельности. Математический ум Алёхина мгновенно сложил разрозненные кусочки событий последних двух суток в единое целое. И это целое, судя по всему, было чужой игрой с заранее написанным сценарием. Но, к своему удивлению, его не вырвало, как это часто происходило с киногероями — полицейскими, впервые застрелившими человека. Алёхин чувствовал радость, даже облегчение от мысли, что вот сейчас неопределённость, весь кошмар должны закончиться в его пользу. Трупы, лежавшие у деревянного щита, в этот момент уже ничего для него не значили. Мертвецы

издали казались неподвижными манекенами, неким фоном, что-то вроде декораций второго плана «жёсткой», излишне натуралистической пьесы.

- Спектакль? Скажу больше. Он был необходим... Осторожность никогда не бывает лишней. Однако, должен заметить, господа, - американец в упор посмотрел на офицеров СБУ. - Актёры вы не важные, но я не Станиславский. Придираться не буду. Вы свободны.

- Простая проверка, - янки подошёл вплотную к Алёхину. - Ничего личного. Поздравляю. Но ваш выстрел дилетанта был для меня приятной неожиданностью. Зачем глаза закрывали? Не убивали раньше?

- Не приходилось, - признался Алёхин.

- Оно и видно. Профессионал сделал бы всё просто, быстро, не колеблясь. То, что сделали вы, сыграть невозможно. Идите за мной. Вас отведут в душ, наложат швы, где нужно — пластырь, переоденут, накормят и отвезут в Киев.

- Аттракцион под названием «Манна небесная»... Один вопрос, сэр. Чего вы ко мне прилипли? Вам делать больше нечего? Судя по всему, вы военный советник. Зачем вам нужен какой-то жалкий русский, завербованный украинской разведкой? Как вы вообще узнали обо мне?

- На жалкого русского вы не похожи. Это — раз, - американец начал разгибать пальцы правой руки, до этого мгновения сжатой в кулак. - Как узнал, неважно. Вы же не станете настаивать, чтобы я раскрыл вам методы агентурной работы? Это — два. Считайте, вам просто повезло со мной. Итак. Место вашей новой работы — Киев. Вашу квартиру пока обставляют. Она не готова. Гостиница подойдёт?

- У меня есть выбор?

- Нет.

- Тогда пошли. Меня уже воротит от этого места, - Алёхин двинулся за американским офицером, тыльной стороной ладони вытирая со лба крупные капли пота.

Киев

Пригороды Киева замаячили перед широким капотом Хаммера на рассвете. Свежий ветер вместе с потоком встречного

воздуха заставляли трепетать небольшой американский флаг, закреплённый в специальном гнезде рядом с массивной антенной бортовой рации. На улицах было пусто. Только редкие патрули, состоящие из странных, разношёрстно экипированных людей, услышав характерный гул двигателя, застывали на месте, провожая испуганными взглядами военный автомобиль, защищённый лёгкой бронёй и дипломатическими номерными знаками. К удивлению Алёхина, машина, не сбавляя ход, миновала несколько гостиниц, выскочила на улицу, где Александр успел заметить её название «Нагорная». Хаммер медленно проехал мимо здания с номером дома 24/1, на котором красовалось что-то вроде мемориальной доски с гербом и надписью на украинском языке «Служба зовнішньої розвідки України». Сделав разворот на одной из площадей, автомобиль оказался возле комплекса зданий, где остановился возле помпезного строения в районе улиц Владимирская, Поторжинского и Малоподвальная.

Заглушив двигатель, американский офицер повернулся в Алёхину.

- Волков! Я вас специально прокатил по определённому пути. Запомнили названия улиц?

Александр утвердительно кивнул, хотя просто глазел по сторонам. Он никогда не был раньше в Киеве, однако нашёл его довольно красивым, со злорадством отмечая шрамы, нанесённые городу войной в виде блокпостов и пропагандистских плакатов с лозунгами, рассчитанными на дебилов.

- Знание местных реалий вам пригодится. А здесь, - офицер показал рукой на вход в здание, где стояли часовые в камуфляже, довольно равнодушно посматривавшие в сторону Хаммера. - Здесь находится Главное управление военной контрразведки Службы безопасности Украины. Следуйте за мной. Вам нужно пройти определённые процедуры.

Снисходительно кивнув часовым, отдавшим американцу честь, офицер провёл Алёхина в небольшое помещение, расположенное перед системой контроля доступа, включающей рамку металлоискателя и детектор обнаружения взрывчатых веществ.

- Можете называть меня мистер Адамс, - сказал офицер, открывая дверь с помощью магнитной карточки, чтобы пропустить вперёд Александра. - Ждите здесь.

Ожидание затянулось на добрые два часа. Алёхин

успел немного поспать, откинувшись на спинку деревянного, видевшего лучшие времена, кресла. Затем его дремлющее сознание уловило звук шагов за дверью, но ручки с внутренней стороны он не увидел. Посмотреть, что происходит за пределами комнаты не получилось. Капитан стал нетерпеливо вышагивать из угла в угол, всё ещё чувствуя боль в мышцах спины и живота. Немного размяв ноги, Александр начал медленно обходить комнату по периметру, разглядывая плакаты, прикреплённые к стенам, где с удивлением обнаружил карту России с закрашенными в цвета украинского флага территориями Хабаровского края и Дальнего Востока. Тут же Алёхин увидел два листа формата А4 со списком имён и фамилий, номерами телефонов, званиями, где он не нашёл ни одного офицера чином ниже майора. Справа от фамилий был напечатан перечень структурных подразделений, в которых трудились все перечисленные лица. Причём номера телефонов киевской телефонной сети были продублированы номерами сотовых операторов.

«В местной службе безопасности с безопасностью явные проблемы», - подумал Александр, продолжая черпать всё новую информацию со стен.

Это занятие вскоре прервал щелчок дверного замка. Порог переступили четыре человека в полевой форме. Один из них тащил за собой стальной передвижной невысокий стеллаж наподобие тех, которые использовали в автомастерских. Не обращая внимания на Алёхина, военные начали размещать на столах внушительно веса ноутбук в титановом корпусе, цветной принтер, пачку фотобумаги, стопку пластиковых карточек, устройство для ламинирования, маленький чемоданчик неизвестного назначения и прочие мелочи для какой-то очевидно срочной работы. Один из офицеров положил на стул комплект военной формы, молча показав на неё пальцем, давая понять, что одежда теперь принадлежит Алёхину. Первое, что сделали военные, это снова сняли у Александра отпечатки пальцев. Отсканировав их, они загрузили результаты дактилоскопии в цифровые недра ноутбука. Через полчаса слаженная бурная деятельность завершилась. На руках Алёхина оказались: новенькое водительское удостоверение, удостоверение сотрудника Главного управления военной контрразведки Украины, карточка системы контроля доступа, офицерская книжка со званием капитана, дебетовая карта «Приватбанка», связка ключей, «закатанная» в гибкий пластик гербовая бумага с текстом на украинском языке и печатями. Последнее, за что его заставили расписаться, была инструкция на пятидесяти листах, где Алёхин успел прочитать только

заголовки разделов. Он понял, что это его личные обязанности и короткий перечень допусков со списком подразделений, где ему категорически запрещалось появляться. Чтение прервал новый щелчок замка. Александр поднял голову и увидел своего нового знакомого - американца.

- Все свободны, кроме Волкова, - тоном большого начальника отдал команду американец.

Через пару минут всё оборудование вместе с офицерами исчезло. Алёхин рассовывал по карманам полевой формы без знаков различия свои новые документы. Американец терпеливо ждал, потом сел рядом.

- Эту макулатуру, - палец офицера постучал по стопке бумаг с инструкциями, прочтёте на досуге. Ваша карта системы допуска не позволит вам пройти туда, куда вход для вас закрыт. Советую вам даже не приближаться к дверям этих подразделений и служб. Ценность моего совета вам ещё предстоит узнать. Поверьте. В этом комплексе зданий своя паранойя и свой распорядок, основанный на определённых правилах. Два последних этажа охраняются с особой строгостью американскими морпехами. Там находится отделы американской, британской, польской разведки и разведки Ватикана. Проще говоря, координационный центр сил специальных операций...

- Зачем мне это знать? - с недоумением спросил Алёхин. - Разве это не закрытая информация?

- В этом чёртовом дурдоме, - офицер сделал округлое движение руками. - Я имею в виду не Управление, а в целом страну... Здесь вода в унитазах не держится. Ставлю сто баксов, что в первый же день, когда вы приступите к своим обязанностям, какой-нибудь придурок в офицерской столовой со званием майора или подполковника просветит вас о сложностях и опасностях своей работы.

- Даже так? - с улыбкой спросил Алёхин.

- А чего вы ожидали в стране, где президент — клоун? - с презрением бросил в пространство американец. - Я же сказал, тут своя специфика. Такое я видел только в Африке среди черномазых... Ладно. Это всё неважно. Собирайте свои чёртовы бумаги. У подъезда вас ждёт такси. Не удивляйтесь, что за рулём сидит штаб-сержант. Машина принадлежит СБУ. Вас отвезут в гостиницу. Два дня отдыха минус сегодняшние сутки. Послезавтра у входа в здание вас будет ждать офицер из подразделения, где будет проходить ваша дальнейшая служба.

Он дополнительно проинструктирует вас. Вопросы есть?

- Есть. Сколько денег вот на этом счету? - Александр потряс в воздухе банковской картой.

- Они, - американец презрительно кивнул в сторону двери, - называют это подъёмными. Месячное жалованье капитана в гривнах. Дальше деньги будут поступать регулярно в первых числах каждого месяца. Что ещё?

Алёхин ещё раз внимательно изучил свои фотографии на удостоверениях. На них хорошо были заметны кровоподтёки, швы и пластырь. Офицеры СБУ даже не удосужились обработать изображение с помощью фотошопа.

- Мне кажется эти корочки… С ними, что-то не так, - иронично сказал Александр.

- Вы имеете в виду фотоснимки? Забудьте. Я же сказал. Специфика. А потом, шрамы украшают мужчин, - в который раз снисходительно улыбнулся американец. - Что-то ещё?

- Всё ясно, сэр! Могу быть свободным?

- В гостиничный номер для вас доставлены лекарства и мази. Постарайтесь ликвидировать следы ущерба хотя бы на вашем лице. Машину можете использовать весь день. Покатайтесь по городу с картой. Купите в любом киоске. Пригодится. Если вопросов больше нет, свободны, капитан.

Через сорок минут такси доставило Алёхина к гостинице «Алофт» недалеко от центра города.

- Подождите здесь минут двадцать, - попросил штаб-сержанта Александр. - Приму душ, потом покатаемся. Мне нужно город посмотреть и купить кое-что.

- Шо? - удивлённо повернулся на сиденье водитель.

- Подожди меня двадцать минут.

- Да пошёл ты! - сержант демонстративно сплюнул в открытое окно.

- Американский офицер сказал, что машина целый день в моём распоряжении, - твёрдо повторил Алёхин.

- Не хай йде куда дале, твой американец! У мэнэ те раз свои справы.

Новоиспечённый капитан контрразведки удивлённо смотрел вслед рванувшей с места иномарке белого цвета, оснащённой дугообразным знаком такси на крыше.

Через неделю Александр считался почти своим человеком в недавно созданном подразделении по координации деятельности Сил информационных операций Департамента контрразведывательной защиты интересов государства в сфере информационной безопасности. Департаменту подчинялась дюжина частных центров информационно-психологических операций разного уровня. Первые пятнадцать дней он выполнял разовые, мелкие поручения старших офицеров, порой довольно специфические, и по мнению Алёхина совершенно не связанные с укреплением безопасности Украины. По заданию нового начальства он легко, используя способы давно известные опытным хакерам, взламывал сервера и личную переписку владельцев крупных компаний, находящихся в тесной связи с офисом президента Украины. некоторыми руководителями правительства и людьми из Министерства обороны. Его знания о торговле западными образцами вооружений, о коррупционных схемах распределения международной финансовой помощи пополнялись с быстротой схода снежной лавины. Вся эта вакханалия воровства, откатов, мздоимства, кумовства и коррупции добавляла хаоса в систему управления армией.

«Интересно, что думают обо всём этом американцы, британцы и прочие спецы, засевшие на двух верхних этажах? - задавал себе вопрос Алёхин.

К середине июня Александр понял, что высокопоставленные офицеры иностранных специальных служб сами являлись участниками множества коррупционных сделок. Такой вывод стал следствием взлома десятка почтовых аккаунтов, использующихся представителями НАТО при оборонном ведомстве Украины. А ещё капитан заметил, что многие сотрудники СБУ в тех подразделениях, куда у него имелся доступ, допускают небрежность в работе с секретными документами, оставляя их на письменных столах среди прочих бумаг. Соблюдая осторожность, насколько это было возможным, Алёхин узнал много интересного об организационной структуре Службы и диверсиях информационно-психологического характера, проводимых силами специальных операций. Ему удалось запомнить, а позже воссоздать текстовые файлы со списками агентурного подполья на освобождённых территориях Донбасса и разведывательно-диверсионных групп, заброшенных в республики в тылы российских войск. Все эти боевые подразделения вели подрывную деятельность под видом борьбы криминальных группировок за сферы влияния или маскировались под сотрудников российских спецслужб, на которые затем возлагалась

ответственность за теракты и диверсии. Также ему на глаза попались отчёты об устранении лидеров военно-политического руководства Донецкой Республики: Александра Захарченко, командира батальона «Спарта» Арсена Павлова (позывной Моторола) и командира батальона «Сомали» Михаила Толстых (позывной Гиви). Однажды, в туалете за корзиной для использованных бумажных полотенец, Александр заметил плотный скомканный шар бумаги. Привлекла внимание надпись «Совершенно секретно» жирным курсивом. Каково же было его удивление, когда, развернув бумагу, он увидел внушительный список имён иностранцев с номерами паспортов и воинскими званиями. Алёхину было совершенно непонятно с какими целями составлялся этот список и почему он оказался в неподобающем месте, но в нём были фамилии военных США, Британии, Дании от сержантов до полковников. Уже значительно позже удалось выяснить, что многие из этих людей являлись инструкторами по подготовке кадров для информационных операций, перехватов переговоров по мобильным телефонам, организации террора, работавших под прикрытием ОБСЕ или в качестве журналистов. Против двух фамилий британцев Александр обнаружил записи карандашом от руки: «Июль 2014. Малазийский «Боинг-777». Контроль запуска. Зачистка места катастрофы.»

В конце месяца Алёхин всё же переехал в служебную квартиру. Она была небольшой, но располагалась почти в самом центре города. В это же самое время ему наконец-то предоставили личное рабочее место с компьютером. Ещё через месяц капитану уже поручали разработку предложений по серьёзным информационным операциям, что говорило о растущем доверии со стороны начальства. «Железо», на котором приходилось работать, радовало. Оно открывало новые возможности без риска быть разоблачённым. Он в который раз отметил ту предварительную подготовку его внедрения, которую, следуя указаниям Ивана Матвеевича, провели сотрудники «Аквариума». Зайдя на несколько определённых, безобидных украинских сайтов, специализирующихся в сфере услуг, Александр нашёл в лабиринтах виртуальных «движков» незаметные постороннему глазу «кроличьи норы». Введя особые коды, он скачал на маленькую, с огромным резервом памяти флешку софт, придуманный ещё Атласом. Всё это он проделал в разных концах города с компьютеров небольших интернет-кафе. Один из «червей» хакера дал ему возможность «почистить» свой служебный компьютер без нарушения связки: контроль доступа - система безопасности. Теперь, имея нужные «инструменты», Алёхин мог, соблюдая разработанные им самим

меры предосторожности, «ломать» почти любые сервера СБУ, кроме тех, которые контролировались иностранными спецами на двух верхних этажах здания. Там были свои системы внутренних и внешних коммуникаций, собственный софт, блокирующий атаки извне. С этим Алёхину ещё предстояло разобраться, а пока он с регулярной периодичностью легко обходил блокировки украинских серверов, связанных с оборонными системами защиты внутренних сетей контрразведки, добывая нужную информацию и не забывая снабжать своё новое украинское начальство данными о российских «секретах», передвижениях войск, планируемых ротациях соединений, «оперативных планах» Генерального штаба России. Всё то, что «по доброте душевной» позволял передавать украинской разведке Иван Матвеевич, включая некоторые достоверные данные, существенно не влияющие на ход военных операций против вооружённых сил Украины.

Однажды в один из жарких летних вечеров Алёхин столкнулся нос к носу с мистером Адамсом возле входа в одно из зданий СБУ. Американец вылезал из бронеавтомобиля и выглядел уставшим, даже удручённым. Запылённый, с обгоревшим на солнце лицом, тот начал подниматься по лестнице к дверям.

- Полковник, сэр! - вытянулся в струнку Александр, уступая дорогу.

- А... Мистер Волков? - Адамс машинально козырнул, оглядывая высокую фигуру капитана. - Бравый вид... Чего не скажешь об остальных местных вояках.

- Рад видеть вас, сэр. Вы — с фронта?

- Так и есть, сынок, - американец посмотрел на свои грязные башмаки, потом перевёл взгляд на караульных у двери. - Знаешь что. Поехали куда-нибудь. Выпьем... Ты же — по большому счёту мой крестник.

- Да, конечно. - нерешительно топтался на месте Алёхин. - Жарко. Пиво в такую погоду – то, что надо.

- Окей, - полковник сделал жест рукой, показывая в сторону Хаммера.

- Редисон блю! - бросил он водителю, садясь на пассажирское кресло.

Александр, скользя подошвами ботинок по гильзам от пулемёта, устроился на одной из продольных сидений за спинами американцев.

Через двадцать минут Адамс вместе с Алёхиным сидели за стойкой бара гостиницы. Зал был почти пуст. Какие-то гражданские занимали несколько столов, но, увидев военных, тут же ушли.

- Что за люди? - полковник посмотрел им в спины. - Иногда мне кажется, что они все ждут русских или готовы мне нож в спину воткнуть при удобном случае. Вот ты, вроде тоже русский, но с каким-то европейским цивилизационным налётом белого человека. Откуда он на тебе?

- Кто знает? - Александр сделал глоток из высокого стакана. - В нас столько же европейского, сколько азиатского.

- Да, скифы вы. Да, азиаты вы с раскосыми и жадными глазами, - продекламировал Адамс. - Не помню, кто из ваших бумагомарателей это написал.

- Блок. Александр Блок.

- Верно, - согласился полковник, доливая в свой стакан порцию виски из открытой барменом бутылки. - Но эти строки ничего не объясняют.

- Что именно вы хотите знать?

- Вы, русские интеллигенты, цари, интеллектуалы, генсеки всегда доводили собственный народ до крайней степени нищеты, а страну до ручки, до последнего рубежа, за которым вас ждал холод огромной братской могилы. Так?

- Предположим.

- Но после хаоса мятежей, войн и крови, русские, словно птица Феникс, восставали из пепла и каждое ваше поражение в конечном итоге вы превращали в победу. Так?

- Наверное.

- Не крути хвостом. Я, ведь, слежу за тобой, сынок. Ты умён... Чувствую в тебе стержень... Что-то в твоём характере есть такое, непостижимое и странное... Половина местных, с которыми мне приходится иметь дело, по большому счёту такие же русские, но они в подмётки ботинок не годятся тем, кто по ту строну фронта. Не понимаю, почему? Может, причина – тридцать лет независимости? Или - загадочная, русская душа?

- Вероятно, она самая, - усмехнулся Александр.

- Слышал, слышал. Романтично, но банально, - полковник сделал знак бармену налить ещё пива. - Умом Россию не понять. Когда в девяносто восьмом мы начали потрошить Югославию...

Я тогда был капитаном, офицером связи при оперативном штабе НАТО. Война с Милошевичем могла затянуться на годы. Америка получила бы второй Вьетнам. Единственное поле боя, на котором мы могли одолеть сербов, было небо. Южные славяне — хорошие вояки. Они доказали это, сбив наш бомбардировщик Стелс. В ответ мы сделали то, что сегодня с Украиной частично делает Путин. Мы полностью закрыли небо, затем стали равнять с землёй всё, до чего могли дотянуться. Но сербы продолжали воевать, а мы начали нести потери. Тогда Клинтон позвонил Ельцину, а тот послал своего представителя уговорить Милошевича сложить оружие. Я тогда не мог в это поверить. Вы сдали своего союзника, позволив уничтожить форпост славянского мира в Центральной Европе. Уму непостижимо. Не понимаю... Вот уж воистину, наша система измерения вам не подходят. Можешь объяснить мне логику русских?

- У нас говорят - аршином русских не измерить... Я сам себя иногда не понимаю, - ушёл от прямого ответа Алёхин.

Он заметил, что полковник быстро пьянел.

- В смысле? - Адамс через стекло стакана изучал этикетки бутылок, стоявших на полке за стойкой.

- В том смысле, что я ещё школьником увлёкся идеями национал-большевизма, связался с ультра-патриотами, шкуру наколками испортил, потом вроде поумнел... Работу мне классную предложили. Но всё бросил, дал себя уговорить одной порядочной сволочи... И вот я здесь. Таких, как я, у нас называют предателями Родины, Иудами.

- Тебе это очень не нравится, верно?

- Два месяца назад сильно парило, а теперь привык. Назад пути уже нет.

- Парило? Сорри. Мой русский не так хорош, как ты думаешь.

- Тоже самое, что слово напрягает. В смысле — волнует, доставляет беспокойство, выводит из душевного равновесия.

- Парит... Нужно запомнить. Я говорил тебе, что ты умён?

- Да, сэр.

- Тогда объясни мне феномен, позволяющий вам выходить сухими из воды. Объясни мне, почему местные, такие же, по сути, русские, вроде бы дерутся, как черти, но в их глазах я вижу страх и безысходность. Даже здесь в Киеве среди офицеров СБУ или у парней из военной разведки... Я нутром чую... От них пахнет страхом и дерьмом приближающейся катастрофы. Все

наши аналитики в ЦРУ, эксперты НАТО, политики ошибаются в оценке Путина, в оценке возможностей твоей страны. Они дают плохие советы Байдену. Ни один из этих советов не принёс ощутимой пользы Америке. Почему?

- Возможно, сэр, ваши эксперты говорят Белому дому и вашей разведке то, что вы хотите слышать, а не то, что есть на самом деле.

- Я уже думал об этом, но это – слишком просто. Тут есть, что-то другое, какой-то парадокс, тайна. Вот ты мне её и объясни, сынок, - полковник, покончив с пивом, приложился к горлышку бутылки Джонни Уокер. - Хочу услышать твоё мнение.

- Разве тайну можно объяснить? Впрочем, ладно... Кто платит деньги, тот заказывает музыку, - Алёхин сделал паузу, собираясь с мыслями. - Начнём с Холодной войны... Ваша мнимая победа в Холодной войне расслабила вас. Вы сами назначили себя победителями со всеми вытекающими последствиями. Америка убедила себя, что с Россией всё кончено. Русские слабы. Вся промышленность, включая ВПК, лежит в руинах. Созданная по вашим лекалам, под вашим присмотром из бывших комсомольцев, молодых интеллектуалов КПСС буржуазия, признав ваше лидерство, устремилась к похожему образу жизни. Не говорю уже об экономической модели, построенной на остатках старой, социалистической системы. Вы действовали по шаблону, разработанному однажды и успешно применяемому в любой другой стране после государственного переворота. Но в нашем случае что-то пошло не так. Для Белого дома стало неприятным сюрпризом, что приведённый под вашим контролем, с вашей помощью к власти некто Путин не оправдал ваших надежд. Он тихо, спокойно, последовательно, не привлекая к России лишнего внимания, восстановил то, что казалось разрушенным до основания. Проблема ваших экспертов, разведки и советников в том, что они не способны признавать ошибки, допущенные старой американской элитой типа Бжезинского и Киссинджера. Ваша политика в отношении России продолжала следовать по накатанной колее, по схемам, испытанным ранее в других странах. С вашей точки зрения такая политика была эффективной. Но время имеет способность менять любую реальность. В свою очередь реальность должна оказывать влияние на аналитические подходы, за которыми должна следовать политика. Но та реальность, которую вы себе придумали сами, не в силах изменить то, что сидит глубоко внутри русских на генном уровне.

- И что же у русских внутри? - Продолжал свои вопросы полковник.

- Неискоренимая, вечная тяга к социальной справедливости, поиску истины и собственного цивилизационного пути. Однако, ваш истеблишмент очень хотел в прошлом и желает видеть Россию в настоящем и будущем разорванной в клочья. Так однажды выразился Обама. Поэтому советники, эксперты, новое поколение разведчиков говорят вашей политической элите не истинное положение дел, а то, что она желает слышать, что греет сердца и души президентам, сенаторам, конгрессменам, прочим влиятельным фигурам, обладающим в Америке реальной властью. Я достаточно ясно всё объяснил?

- Дьявол! - выругался американец. - Твои рассуждения похожи на сказки кремлёвских пропагандистов из зомби ящика. Я услышал то, что я и так знаю. Подозреваю, что ты слишком умён, чтобы просто так по доброте поведать мне о секретах русской души. А это подозрительно. А ещё ты не пьёшь. Это ещё более подозрительно, даже раздражает, если честно, - Адамс попытался подняться со стула, но ему не хватило концентрации.

- Полковник… Сэр! Вам тоже ума не занимать. Вы давно должны быть генералом, - польстил американцу Алёхин. – А, что много не пью, так это привычка с детства, когда одни уроды, хулиганьё во дворе напоило меня до бесчувствия. Я думал - вместе с рвотой оставлю на полу все кишки.

- Сынок. В Штатах генералами становятся те, кто не брезгует лизать задницы тем же конгрессменам, сенаторам и президентам. А такие, как я должны делать грязную работу на грешной земле? Но это не отменяет моего убеждения, которое звучит так: Кто отлынивает от дружеской попойки, тот вызывает подозрения... Может, дело в другом? Ты брезгуешь пить со старым воякой, заработавшим на чёртовой куче войн артрит и подагру?

- Что вы, сэр? Да и, когда мне было за вами угнаться, если я вам целую лекцию прочитал? - засмеялся Алёхин, делая глоток из бокала с пивом.

- Далеко пойдёшь, парень… Надо бы заняться твоей карьерой и перевести к нам наверх, - палец полковник указывал на потолок. - Поговорю кое с кем. Такой человек достоин более выгодного контракта.

- Смотря, какие условия вы мне предложите, сэр. В смысле – сколько… Если теряешь Родину, друзей, веру в разумное, доброе, вечное, то единственное, что представляет для человека ценность, это деньги.

- Жизнь, сынок, полезная в принципе штука. Она иногда

преподносит сюрпризы, а заодно делает нас циниками и прагматиками. Твой деловой подход — шаг в правильном направлении. Ты любишь деньги, а это правильно. Деньги... Они лучше женщин примиряют человека с чёртовой жизнью. Они не жалуются, не устраивают сцен, ничего от нас не требуют, но зато приносят массу удовольствий... Денег никогда не бывает много... Это — весьма по-американски, и мне по душе.

Алёхин расстался с американцем далеко за полночь почти друзьями. Финал попойки испортило желание Александра помочь полковнику добраться до машины, терпеливо ожидающий на стоянке возле отеля.

- Руки прочь! - сопротивлялся Адамс, пресекая попытки поддержать его за талию. - Ты ещё молоко из соски тянул, когда я виски неразбавленным начал пить. Не сметь меня лапать! Я тебе не шлюха с Крещатика.

Вместе с водителем - морским пехотинцем капитану удалось, затолкав полковника в Хаммер, пристегнуть сухопарое тело ремнями. Сержант в знак благодарности сдержанно кивнул Алёхину, забрался на водительское сидение и завёл двигатель. Адамс, высунув голову из открытого окна, прокричал:

- Сынок! Я о тебе позабочусь.

Провожая взглядом стоп-сигналы Хаммера, капитан ощущал такую ненависть к американцу, что руки непроизвольно сжались в кулаки. До этого вечера к своим сослуживцам по СБУ, особенно к тем, кто говорил на суржике, он чувствовал злое пренебрежение и лёгкое презрение. Но в эту минуту Алёхин вспомнил о тех днях, когда его допрашивали, а потом вели на расстрел. Постояв немного на улице, Александр, круто развернувшись на каблуках, быстро двинулся вдоль по улице, внезапно осознав, что ненавидит офицеров СБУ даже больше, чем Адамса.

Американский полковник был прав. Жизнь, не дожидаясь вмешательства Адамса в судьбу Алёхина, преподнесла сюрприз. Через неделю весь комплекс зданий СБУ гудел словно осиный рой. Офицеры собирались по углам, о чём-то тихо разговаривая. По коридорам сновали штаб-сержанты из секретного отдела с папками для бумаг в руках. Генерал Павлюченко — непосредственный начальник Алёхина вызывал к себе людей пачками и орал так, что эхо гуляло по коридору, хотя кабинет генерала отделяла от внешнего мира двойная, толстая дверь, обитая кожей. Александр, проходивший мимо,

смог разобрать несколько фраз на чистом русском языке:

- Обленились господа громадяне. Неженки, мать вашу. Не пойдёте? Побежите у меня. Я вам покажу, как Родину любить.

Алёхин поймал за рукав одного из шифровальщиков.

- Что за переполох? Чего это наш «Павло» разволновался?

- Москали прорвали фронт под Лисичанском. Наши драпают. Только я тебе ничего не говорил. Это дуже секретная информация.

- Ну и шо? - Алёхин с самого начала пребывания в среде украинцев старался говорить на суржике. - Подумаешь, пару сёл оставили. Завтра обратно заберём.

- Ты шо? Прикинутый? Може, писля контузии? - рассердился штаб-сержант. - Рашисты вчистую размотали наши четыре элитные бригады. Одна из них — морская пехота. Там двухсотых больше тысячи. Линия обороны посыпалась. Эти придурки, вояки терры сдаются пачками. Из нас, офицеров здешних, создают заградительные подразделения на пидмогу спецназу СБУ. Ты давно автомат в своих руках бачил?

- Не помню. Давно.

- Ото ж. Вспоминай с какой стороны рожок вставлять. Пригодится. Вон пацаны с бумажками бегают. Списки составляют. Эх, мне бы отмазаться. Слушай! Дай штуку баксов взаймы.

Увидев растерянное лицо Алёхина, штаб-сержант, обречённо махнув рукой, побежал дальше по коридору.

Ещё через час во внутреннем дворе выстроились офицеры, перед которыми вышагивал генерал Павлюченко. Алёхин, поглядывая на ящики с оружием, на кучи бронежилетов, краем уха слушал речь начальника.

- Шановни паны! Орлы мои! Коршуны! Ридна ненька в небезпеке. Кляти москали захапили Северодонецьк, перешли реку, побили богато наших славних воев. Кому выпала честь убыть на пидмогу нашему спецназу, зла на владу не держить. Блатных у мене не бывае. Поидуть на нову линию обороны все паны вплоть до майора. Отбирал тих, у кого не мае жинок и дитэй. Если нет пытаний, прошу, панове, розибрать жилеты и зброю. Вольно.

Строй рассыпался, раздались недовольные голоса:

- Ага! Щас! Блатных у него нема. А Шевчук где? А Микола Свернигора? А Пономаренко, капитан?

- Разговоры, панове! - рявкнул генерал.

Павлюченко, кивнув майору спецназа, обвешанному оружием, удалился, тихо матерясь. В эту секунду Алёхин со злостью, отчаяньем и тоской осознал, что вооружённый до зубов майор теперь его непосредственный командир.

Уже вечером тактическая группа спецназа СБУ, усиленная офицерами киевских и некоторых региональных подразделений военной разведки, сил специальных информационных операций, следовала на Восток второстепенными дорогами на автобусах с табличками «Дети». За автобусами, замыкая колонну, поднимая дорожную пыль, двигались две боевые машины пехоты и танк Т-72. Майор, командир группы с русской фамилией Мишин ехал вместе с Алёхиным в одном автобусе, где разместились отобранные им самим офицеры ССО в званиях не ниже капитана. Им предстояло быть старшими мобильных блок постов численностью до взвода каждый. Александр, глядя через щель занавешенного шторой окна на хаты, окружённые садами, на поля, проплывавшие мимо, рассеянно слушал инструкции. Мягкий скрежет рессор автобусов, монотонный говор майора, тихий свист ветра, проникавшего в салон через приоткрытые верхние люки, навевали дремоту.

- Ваша задача, парни, - майор давал последние указания. - Препятствовать отходу наших деморализованных частей с линии фронта. Если, кто идёт с оружием, техникой, сохранив боеспособность, таких останавливать, выявлять командиров, сортировать паникёров. Из трусов, бежавших с поля боя, должны быть организованы воинские подразделения. Каждому из вас выданы карты местности. Вы все знаете районы дислокации наших групп. Вновь сформированные из отступающих частей войска обязаны занять линию обороны в соответствующих местах. На ваших картах всё указано.

- А вы, майор? - повернулся к офицеру Алёхин.

- Я со своими людьми, чтобы выиграть время, должен отсекать ДРГ русских, пытающихся на наших плечах продвинуться дальше. Ещё вопросы?

- Что делать с вояками, бросившими оружие? - спросил кто-то из темноты салона.

- Кого не успели развернуть бойцы из Кракена и Азова, расстреливать на месте перед строем вновь созданных частей.

- То есть, основную грязную работу сделают нацики? - спросил тот же голос.

- В этом они мастера, - с изрядной долей презрения в голосе, ответил майор. - Но и вы должны действовать без сожаления и жалости.

- Тоже в спины стрелять? - солидный бас, принадлежавший человеку в возрасте, разорвал напряжённую тишину, наступившую после слов майора.

- Если понадобится, но лучше перед строем. Да, не переживайте вы так. Дышите ровней. Ехать ещё далеко. До утра всё равно с вами ничего не случится. А там делайте, что должны и будь, что будет.

- Звучит фатально, - громко проворчал Алёхин.

- А ты вздремни, капитан, - откликнулся Мишин. - Вижу глаза у тебя слипаются. Керосинил накануне?

- Не пью, - отрезал Александр. - От слова «вообще».

- Подозрительно, - сказал майор. - Верно, мужики? Но перегаром от тебя попахивает. Ладно, ладно. Шуткую. Предлагаю поспать. Учитесь ценить каждую минуту жизни, хлопцы. Пригодится.

Постепенно все разговоры в автобусе стихли. Многие из офицеров последовали примеру майора. Кто-то дремал, положив голову на впереди стоящее кресло, кто-то откинулся на спинку сидений и храпел с переливами. Алёхин сонно смотрел в окно на уже далёкое, наполовину скрытое холмами солнце, готовое нырнуть за горизонт.

Яркая вспышка впереди разорвала сумерки. Через мгновение ударная волна мощного взрыва разбросала вокруг асфальтовую крошку, каменную пыль и куски металла, мгновенно пробившие тонкую обшивку автобуса. Тут же сзади раздался ещё один взрыв. Пространство в тылу колонны тут же накрыло пламенем. Алёхин бросился на пол рядом с уже мёртвым майором спецназа, который лежал лицом вниз с осколком, торчащим в затылке. Ещё пять разрывов занесли внутрь автобуса уцелевшие остатки стёкол, какие-то болты и гайки. Сзади, где находился моторный отсек, уже бушевал огонь.

- Сейчас бензобак рванёт! - Чей-то голос, звучавший будто через вату, долетел до ушей Александра.

Капитан потряс головой, пытаясь понять откуда кричат и что это за звон, давивший на барабанные перепонки, но звериный

инстинкт выживания заставил его, встав на колени, быстро оглядеться. В салоне кто-то громко кричал на одной протяжной ноте. Алёхин увидел десяток окровавленных трупов, а за лежащими вповалку мертвецами - какого-то молодого парня в камуфляже с капитанскими нашивками. Офицер, опираясь на сиденье одной рукой, второй пытался собрать и засунуть обратно в огромную чёрную рану на животе собственные кишки.

- А! А! А! Стой, стой! - парень со страхом переводил взгляд с Алёхина на свои внутренности. – Волков! Помоги…

Александр посмотрел в ту сторону, где должен был находиться водитель. Тот сидел боком, удерживаемый массивной ручкой переключения скоростей. У солдата на месте головы из плеч торчал искорёженный кусок металла. Из-под него толчками вырывались уже слабеющие струйки крови.

Капитан бросился вон из автобуса в ближайшие кусты, где уже лежали какие-то люди. Отсюда хорошо просматривалась дорога, горевший позади танк. В тылу разбитой колонны, отброшенные друг от друга, пылали бронетранспортёры, детонировали боеприпасы.

- Что это было? - Алёхин повернулся к какому-то пожилому офицеру, стоявшему на коленях и пытавшегося сунуть в автомат рожок с патронами. - На мины наскочили?

- Авианалёт, - прохрипел украинец. - Или откалибровали нас.

- Что? Как откалибровали?

- Ты шо? Только из мамки выпрыгнул? Калибрами русские ударили. Ракеты у них такие есть. Ты не контужен, случайно?

Александр ощупал собственное тело.

- Вроде нет. Просто оглушило. Разве мы доехали до места? Я задремал… Даже не знаю, который час.

- Бес его знает, доехали или нет. Где мы те раз — большой вопрос. Да и какая разница? Русские могут нас достать повсюду. Вот связались с ними на свою голову… А у меня дети, - неожиданно сказал пожилой офицер.

- Наш генерал сказал, что подразделение формируется из одиноких.

- Слухай, - вспышка света со стороны объятого пламенем автобуса исказила черты лица офицера, но в следующее мгновение Алёхин понял, что украинец просто взбешён. - Ты малохольный или полный дебил. - Нашёл кому верить. Наш

генерал мать собственную продаст, не поморщится. Ты лучше найди себе автомат, проверь, целый, чи сломан, да патронами разживись. Вон оружия сколько разбросано. Никогда не знаешь, что сука — война преподнесёт тебе через пять минут на блюдечке с голубой каёмкой.

- Золотой телёнок — классный фильм, - пробормотал Александр, оглядываясь вокруг. - Может, нам подождать, а то вдруг ещё раз ударят?

- Иди, иди, - махнул рукой офицер. - На сегодня «Калибров» больше не будет. Во всяком случае по нам.

- Почему?

- От, Сатана! Откуда только такие берутся? Ты, шо в АТО не был? У русских над нами беспилотник висел. Сейчас снимает твою глупую рожу, а операторы — москали ржут, как кони. Вали отсюда. Вон пара автоматов. Про патроны не забудь.

Алёхин отполз в сторону, затем стал двигаться вдоль обочины дороги на коленях, проверяя оружие. Через пять минут он вернулся с тремя пистолетами «Глок», автоматом, десятком рожков и четырьмя гранатами. Всё найденное он предусмотрительно завернул в плащ- палатку. Адреналин в крови зашкаливал, пережитый стресс вызывал нервный озноб. Алёхин, бросив свёрток рядом с пожилым офицером, торжествующе стал снимать с плеча переносной ракетный комплекс Джавелин.

- Во, чего нашёл. Всё целое.

- Ох, ты мама моя! - Недовольно ворчал украинец, отбрасывая в сторону американский РПГ с оторванным спусковым крючком. - Напрасно тащил, мучился... А заряды к этой штуке где? - Майор проверил пистолеты, сунул один из них в пустую кобуру, закреплённую на поясе, затем разделил пополам гранаты с рожками.

- Жаль воды нет, - к ним из темноты вышел человек с нашивками штаб-сержанта армейского спецназа. - Всё в транспортёрах было. Пластик расплавился, а вода испарилась. Придурки! Нет, чтоб воду по фляжкам разлить, так пленились. Запихали в БМП воду упаковками, словно в театральном буфете.

Вокруг разговаривающих офицеров стали собираться уцелевшие. Алёхин насчитал пятнадцать человек. Кто-то подбирал автоматы, кто-то вёл с собой раненых. Вскоре все сгрудились возле пожилого офицера.

- И шо робить будэмо? - спросил тот, оглядывая уже лежавших раненых. - Десять целых и пять трёхсотых? Двухсотых никто не догадался сосчитать? Надо бы документы у них из карманов вынуть.

- Трёхсотых оставим здесь, - сидевший на ящике с патронами лейтенант протирал полой куртки пистолет. - Нехай собак, да ворон отгоняют от загинувших. Утром кто-нибудь поедет по дороге, всех подберут вместе с документами.

- То ли поедет, то ли нет. Карту бы посмотреть, где мы, - голос из темноты звучал неуверенно и тихо.

- И, как ты в темноте сориентируешься? Кто следил за дорогой и табличками с названиями сёл? Никто. Я так и думал. Обратно нельзя. Слыхал про заслоны Азова? Те не будут даже разбираться. Они так боятся русских, что стреляют во всё, что прёт на них. И до утра здесь оставаться нельзя. Мародёры из окрестных хуторов уже свои Жигули заводят. Наверняка слышали взрывы, видели вспышки. А с этими шакалами лучше не сталкиваться нос к носу. У них и пулемёты ручные в багажниках есть. Суки! - выругался пожилой капитан. - Гиены! Им проще всех нас положить, чтобы забрать оружие. Организованные, сволочи. По всей Украине селюки в банды посбивались. Атаманами обзавелись. А те приторговывают зброей. Особенно Джавелины им подавай. В цене они зараз немалой.

- Так, чего делать-то? - спросил молодой лейтенант, взвешивая на ладони очищенный от пыли и крови Глок.

- На предохранитель поставь, не игрушка, - осуждающе сказал штаб-сержант спецназа. - Видал я таких игрунов, а потом двухсотыми к мамкам в мешках ехали.

- На Лисичанск двигать нужно, - тихо из темноты проворчал кто-то. - Туда же ехали, там наши.

- Думаю, что, - штаб-сержант присел рядом с пожилым капитаном, словно признавая его авторитет и назначая командиром, - Следовать нужно на Северск. Можно на Бахмут, но топать дальше. Транспорт бы достать... Там новая линия обороны, там порядка больше. Под Лисичанском фронта нет. Развалился. Нарвёмся на штурмовые группы москалей или на наёмников наших. А те вообще не в курсе, кто из ВСУ, а, кто сепары Донбасса. Форма одна, что у нас, что у них. В темноте шевронов не разобрать. Эти уроды сначала стреляют, а потом зубы золотые у трупов прикладами выбивают. Особенно поляки.

- С ранеными что делать? - подал голос Алёхин.

- Сказано уже. Здесь оставим, - оглянулся капитан. - Двое могут держать автоматы. Ищите аптечки, мать вашу. Перевяжем, оттащим подальше в лес, спрячем от мародёров. До утра продержатся, а там видно будет. Может с вертушки их наши заметят или с беспилотника.

Спустя час в абсолютной темноте на Восток цепочкой по обочине дороги двигалась группа военных, в составе которой шёл Алёхин. Замыкал маленькую колонну штаб-сержант спецназа, что-то тихо бурчавший себе под нос. Александр уловил несколько фраз:

- Было бы в кармане пять баксов... Поспорил бы, что старик капитан себе на уме. Сдаться хочет, если на москалей наткнёмся... Половина их этих молокососов лейтенантов бросит оружие, чтобы лапы поднять...

Усталость повисла тяжёлыми гирями на ногах военных спустя три часа ходьбы, но штаб-сержант пресекал все разговоры о привале.

- Привыкли задницами кресла в кабинетах греть... Эх! Пехота из вас, как из меня балерина... С рассветом отдохнём. Спрячемся в зелёнке, чтобы авиация не накрыла, - тихо и монотонно говорил он. - Поспим пару часов, потом на местности сориентируемся. Кто-то из наших должен же проехать по этому чёртовому шляху.

- На наших надейся, а сам не плошай, - откликнулся пожилой капитан. - Если дороги уже под огневым контролем москалей, то тут хрен кто проедет, кроме гражданских.

- Тоже вариант, - сказал Алёхин, боявшийся отстать и потеряться. – Конфискуем у них транспорт.

Он неожиданно почувствовал себя единым целым со всеми этими людьми.

- Эх! Найти бы грузовик.

- Легковушки тоже подойдут. Даже лучше, - поддержал разговор кто-то из идущих впереди.

- Точно, - со злостью откликнулся сержант. - Нас пятнадцать морд. А чего, нормально. Остановим Ауди или Мерс, а лучше Жигули. В сёлах и Москвичи ещё есть. Упакуемся в него, пару тел в багажник запихнём, а ты, умник, на крыше поедешь... Тихо! Во! Слышали?

Где-то далеко заработала артиллерия. Тёмное небо, усеянное звёздами, прочертили огненные следы выстрелов РСЗО. Послышались глухие звуки разрывов, похожие на ворчание близкого грома. Справа по ходу движения за очертаниями большого лесного массива стало расти малиновое зарево.

- Похоже не нас одних в землю закатали, - сказал капитан, останавливаясь. - Хотя, судя по интенсивности, накрывают куда большую площадь. Пачками шмаляют.

- Думаю, не меньше батальона прорывается из Северодонецка, - сказал штаб-сержант, сбрасывая с плеча на землю Джавелин. - До чего, сука, тяжёлый... Жаль, связи нет... Кто-нибудь рацию там, на дороге догадался поискать?

- У меня есть, - Алёхин полез в один из подсумков.

- Чего раньше молчал? – Сержант, вырвав из рук Александра портативную рацию, стал слушать переговоры на разных частотах.

Офицеры остановились, образовав круг. Из динамика сыпалась лавина звуков, подтверждающая, что где-то идёт бой. Некто с позывным Якут виртуозно ругался матом, приказывая накрыть огнём пятый квадрат. Слышались украинская и русская речь. Затем басовито заговорили по-польски. Последнее, что разобрал Алёхин, было неразборчивое бормотание на английском языке с молитвой Богу...

- Не, панове, - неожиданно сказал пожилой капитан. - Я бы переждал весь этот шухер. Вон, слева, за полем, какие-то огни. Зуб даю, там село. А если это село, значит есть вода, сало, молодые огурчики и самогон. Что думаешь, штаб-сержант?

- Ладно, - смирился спецназовец. - Топаем туда. Переспим это дело. Утро вечера мудренее.

Офицеры вновь выстроились в цепочку и, не смотря на усталость, бодрым шагом двинулись через поле.

Редкие огни оказались десятком уличных фонарей. Поле неожиданно закончилось просёлочной дорогой, а за ней на небольшой возвышенности стали видны соломенные и черепичные крыши хат в окружении посадок подсолнухов. Штаб-сержант поднял руку, затем быстро присел. Остальные офицеры последовали его примеру. Алёхин примостился сразу за спиной сержанта.

- Что?

- Вроде цигарку кто-то курит в кустах и железо звякнуло, - Эй! - негромко крикнул спецназовец.

- Эй! - тихо откликнулось эхо, но его перекрыл сиплый бас, - Кто идёт?

- А, вы кто? - Приподнялся из травы капитан.

- Да, пошёл ты! А ну, выходь по одному с поднятыми руками! Зараз побачимо, кого чёрт принёс.

- Свои мы, - крикнул Алёхин.

- Ага. Тут такие свои целый пятый день шастают. Вылазь, говорю, на шлях.

- Какого чёрта в самом деле? - У края подсолнухов во весь рост встал молоденький лейтенант.

В опущенной руке он держал автомат, другая была поднята над головой.

- Не сметь с офицерами в таком тоне разговаривать! - ломающимся голосом крикнул он.

- У него граната! - завопил из кустов человек, владелец «густого» баса.

Не успел стихнуть крик, как со стороны села темноту разорвали вспышки автоматных очередей. Кто-то за спиной Алёхина, не выдержав напряжения, выругался и открыл ответную стрельбу. Пули «смачно» впивались в тополя, с хрустом срезая ветки. Слева от Александр ударил выстрел из ручного гранатомёта. Впереди у одной из хат вспыхнуло пламя разрыва. Штаб-сержант напрасно кричал, перекатываясь по земле от одного офицера к другому. Пули ломали головки подсолнухов над головами. Со стороны села вели интенсивный огонь. Было слышно, как в хатах разлетаются стёкла окон. Бой прекратился минут через десять сам собой.

- Хорош палить, хлопцы! - крикнул сержант в темноту. - По-людски можете сказать, кто вы. Если луганские или донецкие, разойдёмся без шума и пыли. Чего зря патроны жечь?

- Наши мы, из ВСУ пушкари. Корректировщики, связисты, спецы по беспилотникам. А вы кто?

- Спецназ СБУ. Сейчас я встану с удостоверением, направлю на него фонарик. Пускай один из вас подойдёт, бумаги наши посмотрит.

- Да, ладно. Верим на слово. Выходите.

- Выходим. Только без стрельбы. У нас уже есть трёхсотые.

- Будь оно неладно, - донеслось в ответ. - Не боись. Выходь.

Вблизи село выглядело довольно большим. При свете Луны и зарева далёкого пожара стали заметны улицы, переулки, кирпичные, местами глинобитные хаты, двухэтажные длинные постройки, напоминавшие казармы, несколько коровников, силосная башня и что-то вроде складов. Селение было похоже на процветавший когда-то богатый колхоз.

Через пару минут Алёхин стоял под уличным фонарём на краю села вместе с офицерами, слушая разговор штаб-сержанта с артиллеристами.

- Сколько вас тут? - спросил спецназовец.

- Десять пацанов. Месяц назад призвали. Все из Ровно, - отвечал ему маленького роста солдат. - Двое здесь в карауле, остальные должны быть наготове, но, суки, после стрельбы сидят в хате, словно мыши. Боятся, что морды им набьют.

- Десять бойцов? Всего-то? - удивился пожилой капитан, пытаясь перехватить роль командира у сержанта. - Не густо. Но за стрельбу, за наших трёхсотых убить вас мало.

- Звиняйте, пан офицер. Мы не хотели. Забоялись дуже... А, что не густо? Тут с нами ещё взвод батальона Айдар, да польские наёмники человек двадцать.

- И, где они? - огляделся по сторонам капитан.

- В конце села на опушке леса мы им два блиндажа вырыли. Там ховаются.

- От вояки, мать их, - выругался сержант. - Вас, значит, в караул на первую линию, а сами ховаются?

- Москальских литаков стерегутся. Говорят, что русские привыкли, что мы за мирными прячемся, а в лесу — прохлада, птахи, да соловьи спивают.

- Связь у вас есть? - спросил сержант.

- У поляков и Айдара своя, а у нас армейская только с дивизионом. Сотовая, то працуе, то нет.

За спиной Алёхина послышались проклятья и ругательства. К группе подходили отставшие офицеры, тащившие хромавшего, стонущего человека.

- Ещё трое наших двухсотых за дорогой лежат, - сказал капитан, помогая раненому опуститься на землю. - Лейтенанту

башку прострелили... И чего со всем этим дерьмом делать будем?

- Трое убитых? Ни хрена себе. Вот тебе и пушкари... Плюс наших человек сорок москали ещё раньше положили при обстреле колонны... Круто для одной ночи... Ладно. Утром со всем этим дерьмом разберёмся, - буркнул сержант.

- Сорок три двухсотых у вас? - удивился пушкарь. – Это, надо суметь.

- Не твоё дело! - Прикрикнул на него пожилой капитан. - Веди к командирам.

- К полякам или Айдару?

- На хрена нам поляки? - Снова сорвался на крик капитан.

- Да, вот они сами топают, - боец предусмотрительно отступил за спины офицеров.

- От, сатана! Кто тут у нас? - К группе подходили трое. - Что за стрельба? Что за кипеж среди ночи?

- Звиняйте, панове, что побудили вас, - с сарказмом и злостью в голосе сказал пожилой капитан, разглядевший на рукавах военных нашивки батальона «Айдар».

- А ты шо за гусь пупырчатый?

- В свете фонаря мелькнуло опухшее лицо и стеклянные глаза высокого человека с автоматом на правом плече.

- Офицер службы безпеки, - на полтона выше ответил капитан. - Вы обязаны представиться мне, согласно уставу, как старшему по званию.

- Ты дывысь, Петро, - обернулся верзила к солдату за своей спиной. - Цей гусь каже, шо вин старшой. Вертайсь к блиндажам, буди хлопцив, будемо разбираться, кто тут старшой. А пока прошу паньство, папиры.

- Чего? - не выдержал штаб-сержант. - Ты, сука, в лесочке прятался, паскуда. Вместо того, чтобы караульную службу нормально организовать. Здесь твои пушкари наших троих положили. Вояки хреновы, мать твою.

- А ты маму мою не заимай, - издевательски спокойным голосом остановил ругательства сержанта айдаровец. - Свою — то, будь ласка. А пока п-а-атребую от вас документики.

Нехорошее предчувствие заставило Алёхина шагнуть вперёд.

- Мы выполняем особое задание, солдат. Документы есть только у штаб-сержанта спецназа. Если он сочтёт нужным показать, он покажет. Прошу вас представиться самому.

- Ты ещё, шо за фрукт? - повернулся к нему верзила. - А ну, документы быстро собрали в стопку, - суржик парня почти мгновенно поменялся на русскую речь. - У меня есть полномочия поставить вас всех к стенке, как дезертиров. Вместо того, чтобы фронт держать, вы, суки, в бега ударились. А нас на то и разместили здесь, чтобы таких заворачивать обратно. Всем построиться!

- Пошёл ты! – Сорвался на крик штаб сержант, убирая удостоверение в нагрудный карман куртки и доставая из кобуры пистолет.

- Тише, тише, мужики, - встал между спецназовцем и националистом Алёхин. - Не нужно так нервничать. Вон, рассвет скоро, а мы стоим, словно на параде. А если беспилотник москальский нас уже срисовал? Давайте все успокоимся. У вас, у Айдара вроде связь есть?

- Допустим.

- Предлагаю опустить оружие, пойти в блиндаж. Там свяжемся с командованием и проясним ситуацию.

- А я тебя спрашиваю, кто ты такой, шоб мне указывать? - не сдавался верзила.

Рука Александра мгновенно выхватила из кобуры Глок. Дуло упёрлось в лоб националисту.

- Я тот, кто может прямо сейчас прострелить тебе башку. И мне ничего за это не будет, поскольку недоумки, находящиеся в твоём подчинении, открыли беспорядочную стрельбу, положив троих наших. Что с этим будем делать? На кого списывать? Учитывая те потери, которое мы понесли этой ночью… А это без малого пятьдесят бойцов. Военный трибунал оправдает меня по всем статьям. Поэтому, - Алёхин, услышав звук передёргивания затвора, повысил голос. - Всем опустить оружие. Быстро!

Штаб-сержант неожиданно зашёл верзиле за спину, в свою очередь приставив дуло своего пистолета к затылку айдаровца.

- Выполнять! - С искажённым от злости лицом заорал сержант.

- Робить, хлопцы, шо вам говорят, - буркнул верзила и, наклонив голову к Алёхину, прошептал ему на ухо, - Я тебя запомнил, фраер.

Громко, чтобы слышали все, националист добавил:

- Ладно хлопцы. Замнём всё это дело для ясности. Шухер со стрельбой нам ни к чему. Гости, хоть и не званые, но и в Африке тоже гости. Пошли до блиндажей. А вы, гаврики, -повернулся айдаровец к пушкарям. - Бегом в хату, где поховались ваши друзьяки, берите лопаты и заройте в ближайшей канаве двухсотых. Место обозначьте, чтобы не забыть. Жетоны отдайте штаб-сержанту. Пятнадцать минут на всё. Время пошло.

Двумя группами, держась настороже и оставив двоих бойцов в карауле, военные двинулись к лесу.

- Ты молодец, - похвалил Алёхина штаб-сержант. - Жаль, на цивильного интеллигента похож... Чуть до смертоубийства дело не дошло.

- Всё впереди по нынешним временам, - философски заметил Александр, - Знаешь, а Глок мой пустой был. Обойму забыл до конца вставить. Когда выхватил, по весу понял, что выскользнула. Под ноги упала. Хорошо, что никто не заметил в темноте.

- Ну, ты даёшь, парень, - тихо засмеялся сержант. – Я ещё подумал, почему ты затвор не передёрнул. Видал двинутых мозгами, но таких... Этот придурок тебя запросто пристрелить мог. Обойму подобрал?

На следующий день, получив приказ из Киева, штаб-сержант вместе с вояками батальона Айдар взялся за оборудование укрепрайона для контроля над частью дороги, связывающей Славянск с Северском, Краматорском и Лисичанском. Националисты ворчали, всячески отлынивая от работы. Злыми взглядами они провожали офицеров СБУ, взявших на себя работу по сооружению двух блокпостов, чтобы перекрыть путь дезертирам. Алёхин, мысленно ругая судьбу за такую, затянувшуюся на неопределённое время командировку, поначалу переживая за своих «червей», окопавшихся в серверах СБУ и качающих информацию для передачи в Москву, в итоге смирился с реальностью. Он даже стал себя чувствовать единым целым со странными, грубыми, вооружёнными до зубов людьми, рискующими жизнями ради денег, радикальных идей, жажды насилия, страха перед властью и чёрт его знает ради, чего ещё. Все они презирали поляков. Те держались отдельно, соблюдая определённую дистанцию. Наёмники были лучше экипированы. У каждого имелись: бронежилет, каска, натовская автоматическая винтовка, тщательно подогнанная форма и более совершенные системы связи. Неизвестно от кого они получали приказы, но несколько раз Алёхин видел, как

они по двое грузились на квадроциклы, затем куда-то уезжали. Возвращались возбуждёнными, довольными собой и устраивали в собственном блиндаже вечеринку.

- Псы! - ворчал штаб-сержант, презрительно сплёвывая на землю. - Жаль на Вагнеров поляки пока не нарвались. Но ещё не вечер.

Устраивали гулянки и националисты. Они пили самогон, громко разговаривали, кто на русском, кто на суржике, но в каждой фразе из пяти слов, два были матом. Поначалу это резало Алёхину слух, потом он привык, но зато узнал почему в селе не осталось жителей. Всех владельцев сотовых телефонов записывали в сепаратисты, если находили в девайсах фото какой-либо украинской военной техники. Эти люди потом бесследно исчезали. Вторую категорию людей, чьи телефоны оказывались «чистыми», тут же, не слушая возражений, объявляли мобилизованными, чтобы отправить в окопы. Обратно они не возвращались. Оказывавших сопротивление просто расстреливали на глазах у соседей в ближайшем овраге без суда, зарывая по ночам в землю словно дохлых собак. Оказалось, что этим беспределом уже две недели руководил тот самый верзила, лейтенант Айдара по фамилии Пилипенко. Александр старался держаться поближе к штаб-сержанту, замечая на себе недобрые взгляды нацика. Офицеры СБУ по примеру наёмников, тоже начали пить. Пожилой капитан с красивой фамилией Премысловский, наладил контакты с поляками, которые в обмен на ящик автоматов Калашникова, отобранный у мародёров, тут же расстрелянных в кювете, привезли откуда-то две коробки виски. На шестой день Алёхин заметил у блиндажа наёмников женскую фигуру. Камуфляж, плохо подогнанный по фигуре, не мог скрыть тонкую талию, высокий рост и стройные длинные ноги. Длинный козырёк чёрной бейсболки закрывал лицо. Расстояние было слишком большим, чтобы разглядеть женщину. К тому же она тут же села за спиной наёмника на квадроцикл и куда-то пропала до вечера. Алёхин не заметил, когда она вернулась, допрашивая со штаб-сержантом задержанного на блок посту полковника ВСУ. Тот ехал один на стареньком форде Мондео и не смог показать ни командировочного предписания, ни оформленного должным образом направления в другую часть. Офицера, отведя к одной из хат, заперли в погребе.

- Вроде, по словам мужика, его во Львов перевели, - ворчал штаб-сержант, листая офицерскую книжку. - Пусть другим расскажет эту сказку. Сбежал из части, сволочь. Завтра с оказией отправим, куда положено. Пусть там разбираются.

- Видел дивчину у блиндажа поляков? - спросил Алёхин.

- Заметил, - недовольно проворчал сержант. - Премысловский уже «подъезжал» к ней.

- И что?

- Отшила. Он деньги ей показывал, доллары... Где только взял сукин сын?

- А она?

- По мордасам. Раз, два... Я, честно говоря, удивился. Думал, шлюху себе поляки привезли.

- Слушай. Не томи. Кто она?

- А-а... Понравилась бабёшка? Не мудрено. Сидим тут, как кобели на передержке...

- Ваня!

- Чего Ваня? Премысловский уже выяснил у своего дружка пана. Снайпер она. Из Киева. Прикомандирована к наёмникам. Что-то у них затевается. Значит, говоришь, понравилась тебе?

- Брось. Я даже не разглядел её толком. Что-то знакомое в фигуре показалось.

- Все бабы в военной форме выглядят одинаково знакомо. Кстати, в постели ночью без света они все на одно лицо... Ладно. Поздно уже. Пиши сопроводительную для полковника. Завтра пусть кто-нибудь отконвоирует эту сволочь в мобильную контору СБУ. Это километров тридцать отсюда.

Увидеть лицо снайпера оказалось не так просто. Она всегда носила бейсболку с огромным козырьком, который бросал тень на лицо, пряча глаза. Алёхин совершенно случайно увидел девушку в один из дней рано утром. Ночь была жаркая. Даже в прохладе блиндажа не удавалось заснуть. Александр тихо выругался, встал с деревянного помоста, служившего военным постелью и, стараясь не разбудить спящих, вышел на свежий воздух. Он знал, что в селе у одной из хат возле реки сохранился сарай с сеновалом. Низко висящая в небе Луна позволила легко найти тропинку. Его окликнул кто-то из караульных, посветив фонариком.

- Всё в порядке, - тихо сказал бойцу Алёхин. - Я капитан Волков... Жарко, пойду окунусь.

- На ту сторону реки не плавайте, предупредил его караульный. - Вчера там мины начали ставить.

- Чего же всех не предупредили?

- Сапёров прислали — полные дебилы. Только что мобилизованные. Из Ужгорода. Толком обучить не успели. Как только сами не подорвались? Говорят, что на карту нанесли, а таблички ставить не будут. Со дня на день москалей ждут.

- Добре. Дякую, что предупредили, - сказал Александр и пошёл по тропинке, ведущей через село к реке.

Он искупался, тихо фыркая, даже постанывая от удовольствия, потом вылез на берег, снял трусы, выжал и сел на траву, чтобы обсохнуть. Где-то далеко слышались выстрелы орудий, но зарева пожаров не было видно. Небо продолжало оставаться иссиня-чёрным бархатным ковром с вытканными на нём алмазами звёзд. Алёхин поднял руку, чтобы погладить округлый бок полной Луны, но тут же передумал, с испугом покрутив головой.

«Кто увидит, подумают — мужик умом тронулся», - капитан застыл, решив дождаться падения шальной звезды.

Время тянулось медленно, словно тонкая нить жидкого мёда. Александр мысленно представил, что он сделал бы, если был Богом, и тут же подумал, что подставил бы времени ковш Большой Медведицы, чтобы время зря не пропадало. Потом раздавал бы время старикам и детям, чтобы они могли вот так же, как он, сидеть часами, смотреть на звёзды, свет которых то слабел, то усиливался, меняясь каждое мгновение.

«Господи! Как же красиво ночное небо. Вот так и выглядит вечность. Пройдет сотня, тысяча лет. Меня и многих живущих сегодня уже не будет. Никто из тех, с кем я знаком, не оставят ни малейшего следа на этой, пахнувшей сеном и поспевающими вишнями земле, а вечность всё так же будет наблюдать миллиардами сверкающих глаз за суетой нашего мира. Она будет безмолвно смеяться над глупостью ничтожных, маленьких, упивающихся мнимым величием букашек, называющих себя людьми, которые считают себя совершенными, непогрешимыми, равными Богу», - размышлял Александр.

Он поднялся на ноги, почувствовав невыносимую печаль, судорожно вздохнул и снова бросился в прохладные воды реки. Тело постепенно остывало, а с ним и разум, возвращаясь в реальность. Капитан вылез на берег, надел высохшие трусы, потом камуфляж и пошёл к сеновалу.

Алёхин проснулся, словно кто-то тронул его за руку. Он перевернулся на живот, чтобы посмотреть через щель дверцы

сеновала на уже взошедшее Солнце. Оно слепило глаза, хотя половина солнечного диска ещё скрывали верхушки ив, растущих над рекой. Тихий всплеск заставил Алёхина насторожиться. Он перевёл взгляд в сторону реки, откуда доносились звуки. Обнажённая девушка выходила из медленного потока, ладонями хватая воду, окатывая янтарного цвета потоками худые плечи. Александр растерянно захлопал ресницами. Он во все глаза смотрел на стройную фигуру. До реки было метров тридцать. Алёхину ничто не мешало разглядывать высокую грудь, с которой скатывались струйки воды, стройные длинные ноги и бёдра с белой, не загоревшей полосой кожи там, где тело должны прикрывать трусики.

- Наташа? – вопросительно прошептал он, но тут же понял, что ошибся, хотя девушка была очень похожа на ту женщину, о которой он стал вспоминал всё реже.

Однако, сходство было поразительным. Та же гордая посадка головы на тонкой длинной шее, тот же цвет волос, хотя солнце не давало рассмотреть в деталях нюансы короткой стрижки. Такое же округлое лицо с прямым носом, разрезом глаз и полными губами. Та же линия подбородка... С изумлением, чувствуя озноб, Алёхин продолжал глазеть на девушку, выискивая знакомые черты, но не находил главного — мягкого взгляда, ямочки на подбородке, маленькой родинки над левой грудью чуть ниже ключицы и небольшого родимого пятна на внешней стороне правого бедра.

«Похожа, очень даже, - подумал Александр, переворачиваясь на спину.

Он уже догадался, что увидел ту самую снайпершу, которую опекали польские наёмники.

Девушка повернула голову в его сторону, внимательным взглядом окинула изгородь, окна хаты, забитые досками, потом сарай, где находился сеновал, и быстро вышла на берег. Подхватив одежду, она скрылась в кустах ивы. Алёхин опять прилив к щели. Снайпер, уже одетая, шла по улице в сторону леса. Александр, выждав добрых десять минут, спустился на землю, перелез через забор на соседний, заросший травой, огород, выбрался на параллельную улицу. Постояв немного в полной растерянности, он медленно побрёл к своему блиндажу, перекинув через плечо собственные башмаки.

- Нужно будет попросить Премысловского познакомить нас, - бормотал себе под нос Алёхин, поднимая босыми подошвами пыль на тропе. - Хотя взгляд у неё какой-то настороженный,

острый. Ах да... Она же стрелок. Нацистка, наверное... Может, ну её к чёрту?

Весь путь до блиндажа Александр взвешивал все «за» и «против» идеи сближения с явно не простым, наверняка опасным персонажем.

Однако все колебания разрешились следующим вечером. В наступающих сумерках через село к лесу на высокой скорости проскочило несколько бронированных автомашин. Алёхин в это время находился на блок посту, прикрывавшем западный отрезок трассы на Северск. Усталый, злой на себя за то, что не предусмотрел возможности опасных командировок, где он мог погибнуть в первый же день от рук своих при любом обстреле, Алёхин уже сутки пребывал на жаре среди хаоса беспорядочного, неуправляемого отступления войск Украины из Лисичанского котла. В полдень блок пост пострадал от удара дальнобойной артиллерии. В хаосе разрывов было совершенно не понятно, откуда и кто стрелял... Александру снова повезло. Его слегка контузило, но потерь среди личного состава избежать не удалось. Груз «двести» в количестве десяти единиц был отправлен с попутным транспортом в сторону Краматорска. Сменившись, капитан долго отмывал в реке грязь, пыль, пот и запах пороха. Вернувшись в блиндаж, он лёг на скомканный, грязный, пропахший потом матрас, найденный в одной из хат, и смежил веки, собираясь поспать до ужина, но по крутой лестнице в землянку скатился его приятель штаб-сержант.

- Волков! Вот ты где. Одевайся и дуй за мной.

- Что ещё стряслось? - Алёхин с трудом открыл воспаленные глаза.

- К нам в гости целый генерал на головы свалился с каким-то натовским офицером. Зуб даю, что натовец — англичанин со званием не ниже полковника. Шевронов у него не видел, но выправка и англо-саксонская рожа говорят сами за себя.

- Ну и шо? - отвернулся к бревенчатой стене Александр. - Пошли они... Сам знаешь куда.

- Ты потише давай, - сказал сержант, подавая Алёхину поясной ремень с кобурой. - Вон Пилипенко, нацик отмороженный, к тебе давно не равнодушен. Ищет повод прицепиться. У меня приказ. Собрать всех офицеров СБУ, которые здесь остались. А вас тут всего пятеро. Совещание генерал хочет провести в лесу. Ночь лунная. Устроили типа пикника на поляне метрах в ста отсюда. Карты фонариком подсвечивают. Шо то комбинуют... Давай быстрее. С начальством — аж целый взвод британского

спецназа. Гляди, возьмут за жабры, Пилипенко тебя с большим удовольствием к стенке поставит.

- А фамилия у генерала есть?

- Зараз будешь смеяться...

- Мне не до смеха, Ваня. Спать хочу зверски, - Алёхин, зевая, прилаживал на поясе Глок.

- Тогда держись за стенку, не то упадёшь... Генерал — баба. Зам. начальника Департамента контрразведывательной защиты интересов государства...

- Я про фамилию спрашивал, - проворчал Александр, выбираясь из блиндажа. - Умеют же у нас конторы называть...

- Лазутина. Я её знаю. В СБУ с девяносто второго. Профессионально занималась спортивной стрельбой. Кандидат наук по психологии. Работала в контрразведке, потом старшим офицером в Центре специальный операций. Та ещё штучка... Хватит ноги волочить, словно на тебе целый день пахали. Пишлы швыдчей.

- Баба генерал — эка невидаль. Лучше скажи, что в ней такого штучного?

- А ты не знаешь? Постой, вспомнил. Мне Премысловский говорил, что ты недавно у них в аппарате... Здесь — бери правее. Вот по этой тропе, - сержант, коснувшись плеча Алёхина, понизил голос

- Держись с этой сукой на дистанции. В начале войны за Донбасс её назначили командиром особой оперативной группы СБУ. Тогда ещё не было чёткой линии фронта. Бойцы Лазутиной выявляли пророссийских активистов, похищали и пытали гражданских. Некоторых до смерти. Те, кого ломали, становились информаторами, ярыми патриотами Украины. Только между нами. Я недолюбливаю поклонников Бандеры и давно наблюдаю за тобой. В тебе ещё осталось что-то человеческое, а она, скажу тебе — просто сволочь. Хуже бабы я ещё не видел. Ладно, почти пришли. Но учти, я тебе ничего не говорил.

Нить тропы оборвалась на поляне, где стояла большая палатка, накрытая камуфляжной сетью для лучшей маскировки. Сержант выключил свой фонарик, затем, кивнув часовым возле входа в палатку, недовольно покосился на десяток бойцов батальона Айдар. Те сидели на поваленном дереве и курили, пряча тлеющие огоньки сигарет в ладонях. По периметру поляны маячили тени. При свете Луны Алёхину удалось

рассмотреть шевроны британского спецназа на чёрном кевларе бронежилетов.

Сержант приподнял полог, закрывающий вход, пропустил вперёд Алёхина, затем вошёл сам и сказал:

- Разрешите? Доставил вам Волкова, пани генерал.

На звук голоса от карты, разложенной на грубо сколоченном из толстых жердей столе, обернулась довольно худая женщина в полевой армейской форме. Дизель- генератор, ворчавший за стенами палатки, давал достаточно света нескольким лампам, подвешенным к потолку. Александр смог рассмотреть моложавое лицо с широко посаженными глазами, прямой нос, высокий лоб, зачёсанные назад волосы, схваченные на затылке заколкой в виде трезубца. В облике Лазутиной не было ничего устрашающего или неприятного, кроме ушей, вытянутых в стороны, словно у крысы.

«Обычная женщина, - подумал Алёхин. - Сколько ей? Пятьдесят, может чуть меньше. Встретил бы на улице, принял за бухгалтера».

Александр, отдавая честь, вытянулся, позволяя взгляду генеральши пробежаться по его лицу.

- Сядьте с остальными, - сказала Лазутина, показывая рукой на самодельные скамьи, расставленные по периметру палатки.

Там уже сидел штаб-сержант, что-то тихо говоривший на ухо Премысловскому. Чуть поодаль расположились пятеро знакомых офицеров СБУ, командир взвода нациков Пилипенко со своим сержантом связистом. К своему удивлению, в углу Алёхин заметил знакомое лицо. Там на высоком пне сидела снайпер. Бейсболка лежала на правом колене козырьком к земле, удерживаемая тонкими пальцами, нервно поглаживающими плотную ткань. Лицо оставалось в тени, но Александру показалось, что девушка следила за каждым его движением.

- Итак, панове! Ещё раз обсудим поставленную перед нами задачу. Оценим риски, взвесим шансы на успех, - Лазутина, будто ища поддержки, посмотрела на высокого британского полковника, постукивавшего карандашом по карте.

- Если верить разведданным, любезно предоставленным нашими союзниками, - продолжала генерал. - По одной из дорог, ведущих к Северодонецку, должен проехать высокопоставленный офицер, генерал, командир ударной группировки русских «Центр», действующей в настоящее время на северо-восточном направлении. С вероятностью девяносто пять процентов — это

генерал-майор Хрусталёв. В сопровождении полувзвода охраны из состава ЧВК «Вагнер» он проследует по просёлку номер два пять ноль три в район населённого пункта Демидовка...

- Маю пытанье, - кашлянув в кулак, но довольно непочтительно перебил Лазутину Пилипенко. - Вы так и не открыли, откуда информация. За каким чёртом генералу ехать в то село?

На лице генерала не дрогнул ни один мускул. Она спокойно, словно разговаривая с ребёнком, ответила:

- Мы не знаем всех планов российского Генштаба, но личность Хрусталёва нам хорошо известна. Он любит сам оценивать обстановку, бывать в районах, максимально близких к местам предстоящих боевых действий, особенно на направлении главного удара. Если данные нашей агентуры по ту сторону ленты верны, - Лазутина коротко взглянула на британца. - Если Хрусталёв появится в том районе, наша операция по замыслу преследует две основные цели. Первая. Ликвидация генерала, что позволит обезглавить группировку. И вторая. Этот акт устрашения в какой-то степени будет медийным ударом по вооружённым силам москалей. Доказательством, что мы можем достать любого. Плюс деморализация сил противника, что позволит нам контратаковать в удобном, выгодном для нас месте по линии Северск — Бахмут — Угледар...

Алёхин, слушая, наблюдал за происходящим, словно смотрел военный фильм советских времён.

«Это невероятно, - думал он, нервно кусая губы. - Они спокойно планируют убийство... И наших не предупредить... Чёрт их всех возьми этих хохлов вместе с британцами!

- Прошу всех до карты, - Лазутина старалась заглянуть в глаза каждому, кто приближался к столу.

- Итак, панове офицеры. В операции будут задействованы две группы. Первая, снайперская. Галина! Вы должны были провести окончательную доразведку квадрата, выбрать место для засады. Покажите на карте, где, по-вашему, лучше провести акцию.

Руки подошедшей к столу девушки разгладили вощёную бумагу. Указательный палец стал двигаться по зелёному полю, пока не остановился на одной точке.

- С беспилотников ни хрена в лесопосадках не разглядишь, - нарочито низким голосом в грубой манере заговорила снайпер. - Зелёнка слишком густая. Пришлось всё смотреть в натуре не один раз. Вот здесь переходили линию фронта. Там сплошняка

нет. Куча оврагов, балок. Местами — молодой ельник. Русло реки почти пересохло. Воды по грудь. Мужикам придётся яйца замочить.

- Без перехода на физиологию и мат, если можно, - торопливо сказала генерал.

- Могу и без мата... Вот здесь, - короткий ноготь постучал по карте. - Самое удобное место для лёжки. Высотка. Внизу дорога, как на ладони. Видите поворот? Машины должны сбавить ход. А если наша группа поддержки начнёт шмалять из миномёта... Но не по дороге, а скажем вот по этому селу, то москали точно остановятся. Главное, начать весь спектакль только по моей команде. Не раньше, не позже. Русским будет сложно оценить обстановку, посмотреть, что к чему. Может, выдвинут дозор в то место, откуда пойдёт обстрел из миномёта... А нашим, группе поддержки, особенно Пилипенко… Если вдруг прихватит понос по причине страха перед вагнерами, советую заранее проблеваться, посрать среди кустов вот в этой посадке... Если всё пойдёт, как планируем, у меня будет время на два выстрела.

- Добре, - Лазутина, покровительственно похлопав снайпершу по плечу, повернулась к офицерам. - Итак... Пилипенко! Молчать... Выдвигаетесь на рассвете. В четыре ноль, ноль. Двумя группами на двух машинах. Первая группа. Снайпер, штаб-сержант и два офицера. Вы, Волков и вы, Премысловский. Вторая группа обеспечивает имитацию разведки боем и миномётный обстрел. Старший — Пилипенко. Поедете к линии фронта с разницей во времени один час. По одиночным машинам русская авиация не работает. Время и место сбора... Уже сегодня, - Лазутина посмотрела на хронометр, чей пластиковый браслет обхватывал запястье. – В двадцать один два ноля обеим группам быть в расположении девяносто второй бригады морской пехоты. Это — здесь, - генерал показала нужную точку на карте, терпеливо ожидая, пока офицеры не нанесут все координаты на свои.

- Ночью перейдёте ленту. У вас будет четыре часа, чтобы добраться до места проведения операции. Вопросы?

Алёхин поднял руку, привлекая внимание.

- Почему я? Почему не наёмники? У меня нет реального боевого опыта... Может, выберите кого-то другого.

Лазутина посмотрела на лицо британца, где явно читалось презрение, затем подошла вплотную к Александру.

- Мы сегодня вынуждены отправлять в бой неподготовленных призывников. Через два дня они становятся опытными бойцами.

Стыдно, офицер. Волков ваша фамилия?

Алёхин кивнул, с трудом проглотив густую слюну, мешавшую дышать.

- Волков! Вас рекомендовал мне капитан Премысловский. К тому же из разговоров с вашими товарищами я сделала вывод, что мой выбор правильный. Характеристики, данные вам — отличные. Ваше рвение на службе вызывает уважение, даже чувство уверенности, что мы победим в этой войне. Понимаю… Вы ещё не участвовали в реальных боевых столкновениях, но тянуть лямку на блок посту в этом дурдоме тоже требует определённой выдержки, характера и терпения. Думаю, справитесь. Тем более, что основную работу сделает снайпер, а вы с капитаном лишь необходимое прикрытие и поддержка огнём, если возникнет необходимость. Надеюсь, мне не нужно вам напоминать о секретности операции. На простых солдат в таком деле полагаться не могу.

Алёхин, слушая генерала, постепенно успокаивался. Обволакивающий голос женщины действовал на него, подобно звуку метронома. Словно в тумане он видел пронзительный, неподвижный взгляд тёмных глаз генеральши, ухмыляющееся лицо Пилипенко и предостерегающие жесты штаб-сержанта.

- К тому же наш снайпер, - продолжала Лазутина, - из всех кандидатов в напарники тоже выбрала вас. Не вижу причин не доверять её интуиции. Ещё вопросы есть?

Алёхин неожиданно ощутил себя ребёнком, которого родители уговаривают съесть ложку каши. Капитан, отрицательно покачав головой, посмотрел в сторону девушки, неожиданно оказавшейся рядом с ним.

- Отлично. Тогда все свободны. У вас — один час на сборы. Слава Украине!

- Героям слава! - прогремело под сводами палатки.

Машина, которую выделили группе Алёхина, оказалась фургоном с отдельной кабиной, где за руль сел штаб-сержант, а рядом устроился Премысловский. Девушка снайпер и Александр разместились за перегородкой кузова, усиленного толстыми кусками листовой стали. Привинченные к полу мягкие сиденья позволяли ощущать себя довольно удобно, давая возможность вести разговор. Но девушка молчала, держа между колен винтовку, завёрнутую в зелёное тряпьё. Алёхин пытался смотреть в открытое боковое окно, вдыхая

пряный запах сухой полыни. Вдоль узкой, пустой в это время дороги проплывали светлые, освещённые Луной, поля, какие-то изгороди, подсолнухи, а вдалеке - тёмные массивы леса.

- Так и будем молчать? - не выдержал Александр, повернув голову к девушке в надежде поймать её взгляд.

- Кто здесь у нас мужик? Вот и развлекай.

- Давай познакомимся, что ли, - Алёхин, переложив в левую руку автомат, вытянул перед собой правую.

В это мгновение машину тряхнуло на ухабе. Александр, выпустив из рук оружие, схватился за сиденье.

Звон металла о металл перекрыл громкий смех снайперши.

- Смешной ты... И странный немного.

- Почему странный?

- Не знаю... Не такой, как все. И глаза у тебя этакие...

- Какие?

- В них нет, ни жестокости, ни пустоты. Подбери автомат! Держишь, словно женщину, которая надоела.

- Разве?

- Угу. Я уже давно не реагирую на грубость, не обращаю внимания на раздевающие взгляды мужиков. А твой взгляд почувствовала. Ведь это ты смотрел на меня, когда я в реке купалась.

- Очень нужно было, - Алёхин почувствовал жар румянца на собственных щеках.

- Смотрел, смотрел. Не бреши. Я знаю. Там в сарае на сеновале был ты. Скажешь, нет? У меня глаз профессионала. Всё замечает.

- Хорошо. Признаюсь. Был. Но не специально. Без всяких задних мыслей.

- Не сочиняй. Не поверю, чтобы у здорового мужика, давно не видевшего голых баб, не было задней мысли. Ах, да. Вы думаете не головой, а тем, что болтается между ног.

- Не веришь, не надо, - обиделся Алёхин.

- Ладно, ладно... Чую, губы надул. И о чём же ты думал в то утро, кроме того, каким образом со мной перепихнуться?

- Ты очень похожа на одну девушку, которую я знал когда-то.

- Ну, надо же? Очень романтично. И как её звали?

- Сначала назови своё имя. А то мы, как чужие...

- А мы и есть чужие. Попутчики. Мы странно с вами встретились и странно разойдёмся, - пропела девушка. - Да, не злись ты. Называй меня Гадюка.

- Опять ты за своё? - воскликнул Алёхин.

- Точно тебе говорю. Позывной у меня такой.

- А, настоящее имя?

- На хрена оно тебе сдалось. Мне с позывным проще... Ты же не назвал имя своей подруги, пассии. Понимаю. Любовь, морковь, страдания...

- Наташа!

- Что?

- Её звали Наташей.

- И она похожа на меня?

- Как две капли воды. Мелкие детали не в счёт.

- Ах, ты сукин сын! - В голосе снайпера звучала злость. - Когда и где ты её видел в последний раз? И почему ты сказал, что её звали, а не зовут?

- Не ори на меня, - в свою очередь разозлился Александр. - Что там было между мной и Натальей, осталось в прошлом.

- Было? Колись, сволочь! - девушка качнулась вперёд.

Холодное дуло пистолета коснулось лба Алёхина.

- Ты чего взбесилась? - отпрянул Александр. - Какая муха тебя укусила? Убери к чёрту оружие!

- В прошлом, прошлом, прошлом, - начала раскачиваться на сиденье снайпер, пытаясь затолкнуть пистолет обратно в кобуру. - Прошлое, будь оно проклято!

- Постой! - осенило Алёхина. - Наташа — твоя сестра? О, Господи! Скажи мне свою фамилию, чёрт тебя возьми!

- Полянская.

- Что? - Александр не верил собственным ушам.

- Что слышал. И... Знаешь, мне плевать на сестру, плевать на родителей. Я одиночка. Понял, придурок? – Девушка, разжав колени, закрыла ладонями лицо.

Винтовка съехала на пол, глухо звякнув. Гул двигателя и шум автомобильных колёс только подчёркивали тяжесть молчания.

Алёхин, оправившись от шока, нагнулся, чтобы дотронуться рукой колена девушки.

- Давай... Расскажи мне... Что с тобой случилось? Где родители? Почему тебе плевать на них?

- Почему бы тебе для начала не пойти на хрен или не рассказать о своих тайнах?

Алёхин, засучив рукав куртки, взглянул на часы.

- Судя по всему, у нас дорога длинная. Времени хватит. С моей историей не всё так просто. В двух словах не опишешь. Может, сначала ты? Почему ты стала снайпером? Что вообще происходит с твоей жизнью? Ты — будто сжатая пружина.

Девушка выпрямилась, вернула оружие на место между ног и неожиданно тяжело вздохнула с протяжным стоном.

- Ладно... Хоть ты не исповедник, да и в Бога я не верю... Всё этот чёртов Майдан... Я была сопливой девчонкой, когда вся эта фигня началась. Училась в Киеве на юриста. А тут протесты начались. Все студенты рванули на Крещатик свергать Януковича. Ах, прости, забыла. Меня Олеся зовут. Олеся Полянская. Гадюка — позывной. Галина — агентурная кличка. Родом - из Ясиноватой Донецкой области. Сестра Наташа на четыре года старше меня. Она тогда работала медсестрой в Луганске. Отец на заводе вкалывал, мать — учительницей в школе. А я всегда была бунтаркой. Мне нравились парни с татуировками, футбольные фанаты, нравились идеи Правого сектора, я балдела от видосов, где Билецкий и Ярош несли всякую пургу про великую Украину, освободительное движение, превосходство белой расы, про наше предназначение изменить мир, разрушив империю московитов. С родителями ругалась по-чёрному, потом совсем порвала с ними. Даже не звонила. В восторге была от Юльки Тимошенко. Огонь баба. Зажигалка. Я тоже косу отпустила, как у неё... С Наташей люто поцапалась. Она считает, что Москва во многом права, и мы - один народ. Чёрта с два! Мы даже подрались однажды. Я вообще-то сильная. К тому же занималась вместе с парнями карате и прочей восточной хренью. Короче... Последний раз, когда видела сестру в Луганске, избила я её за то... Чтобы не капала мне на мозги кремлёвской пропагандой. После этого свалила с концами в Киев. Мне нравилось ходить с парнями по улицам ночью с факелами, пугая лавочников, евреев и прочих интеллигентов. Кстати, обратил внимание на генеральшу? -

неожиданно спросила Олеся.

- Да... И что?

- Эта сволочь увидела меня однажды, когда я почти совсем свихнулась от дури. Понимаешь, о чём я?

- Нет, - Алёхин слегка нагнулся, пытаясь в сумраке поймать бегающий взгляд девушки.

- Наркота, придурок. Пить стала с парнями... Сначала пиво, потом винище... Она меня заметила на одном из митингов. У этой сучки лесбийские наклонности... Подъехала ко мне, лиса этакая, мозгоправ, психолог грёбаный... Она спец в этих делах. И вроде не давит на тебя, а ты уже, словно кролик перед ней. Считает себя крёстной матерью таких уродов, как я... Эх! Дальше нет охоты рассказывать... Одно время состояла у неё в команде оперативников, занималась жёсткими разборками с колорадами и сепарами... Когда дело к настоящей войне с москалями повернулось, Лазутина меня на курсы снайперов пристроила... Украинской Валькирией, Жанной Дарк называла. Вот и вся моя история...

Олеся замолчала, затем подняла голову, прислушиваясь. Алёхин хотел спросить, почему Олеся говорила о своей прошлой жизни с горечью и сожалением, если ей всё нравилось, но не успел. Машина сбавляла ход, притормаживая. Потом совсем остановилась. Александр выглянул в окно.

- По-моему, приехали. Блок пост.

Заскрипела, открываясь, дверь автомобиля, и Алёхина увидел Премысловского. Подсвечивая свои шевроны фонариком, он приближался к бетонным блокам и мешкам с песком, оставлявшим на дороге узкий проезд. К нему навстречу вышел человек с автоматом наизготовку.

- Девяносто вторая бригада? - спросил капитан.

- А вы, кто?

- Прошу ознакомиться с предписанием, - сказал Премысловский, протягивая солдату бумагу, сложенную вчетверо.

- Лейтенант! - позвал, отступая в сторону боец, стараясь не выпускать из поля зрения машину и стоящего рядом незнакомого капитана.

В круге света показался офицер. Молча, развернул протянутый лист бумаги, затем внимательно прочитал текст, отобрав фонарик у Премысловского.

- Меня предупредили. Второй батальон морской пехоты. Лейтенант Захарчук. Дам вам провожатого, пусть сядет рядом с вашим водителем. Покажет дорогу до штаба.

- Добре, - кивнул капитан. - Через час здесь будет ещё одна машина. Смотрите в оба. Не отстрелите башку кому-нибудь из наших.

- Езжайте! - Не принял попытки пошутить лейтенант. - Ищенко! - крикнул он, обернувшись. - Сядь рядом с водилой. Проводи до штаба. А то, не дай Бог, свернут не туда и на минное поле заедут. Держите свой фонарь.

Премысловский, обойдя фургон, открыл заднюю дверцу

- Ну, как вы тут, голубки? Может замутим оргию, побалуемся втроём? – сказал он, залезая внутрь.

- Пошёл на хрен, - бросила ему Олеся, отворачиваясь.

Александр посмотрел через окно на серый предрассветный туман, ползущий из низин на дорогу. Он был в шоке от рассказа девушки. К тому же Алёхин считал, что большая часть вины за смерть Наташи лежит на нём. Он прятал это чувство в потайных уголках души, однако то, что прозвучало из уст снайперши сегодня, потрясло Алёхина. Боль потери, постепенно угасавшая в его сердце, словно тлеющий в чёрной золе костёр, куда вдруг бросили охапку сухой травы, ожила. В какой-то степени он обрадовался лезущему в кузов Премысловскому. Александр понимал, что должен что-то сказать Олесе в ответ на её исповедь, но присутствие постороннего делало это невозможным.

- Волков! Уступи место! - Премысловский, сидя на корточках, хватался за кресла при каждом толчке на ухабах.

Алёхин начал было подниматься, но Олеся подняла руку, удерживая его на месте.

- С какого бодуна ты к нам залез? Ты там, впереди прохлаждался всю дорогу. Типа — в первом классе, а мы здесь, как орехи в пустой банке катались, и вдруг осчастливил. Подлизываешься?

- Я старший группы, - с неожиданной резкостью сказал капитан. - Мне до лампы, чем вы тут занимались. Катались, обнимались, целовались. Я — старший по должности.

- Должностями будешь в Киеве меряться, - невозмутимо ответила девушка. - Здесь тебе не баня, а ты не веник. Так, пушечное мясо.

- Да, пошла ты!

- Пошёл сам... Только другой дорогой.

- Хватит вам, - остановил конфликт Алёхин. - Помолчите оба. Голова от вашего крика пухнет. Штаб-сержант в кабине, наверное, думает, что мы здесь передрались.

- Она первая начала.

- Слушай, Премысловский. Что с тобой случилось? Ты вроде нормальным человеком был ещё неделю назад. А последнее время, словно пёс цепной на людей кидаешься. Гляди... На ответку нарвёшься ненароком...

Премысловский внимательно посмотрел в лицо Александру.

- Пшепрашам, как говорят поляки. Извини, Волков. Это война портит мне кровь. Впрочем, всем моим знакомым тоже. Звереют люди. Даже в цивильном, гламурном Киеве. На дно идём, дружок. Тонем.

- Рано пузыри пускаешь, - откликнулась снайпер.

«По большому счёту капитан прав, - подумал Алёхин. - Люди опускаются. Медленно и верно. Не желая тонуть, барахтаются, выплёскивая со дна сердец на поверхность грязь животных инстинктов, зло, зависть, жадность, ненависть к себе подобным в желании выжить любой ценой».

Дальше офицеры тряслись на ухабах в абсолютном молчании, а через полчаса уже сидели в глубокой траншее, перекрытой двумя рядами брёвен, слушая командира батальона, светившего фонариком на развёрнутую карту.

- Забачьте, - говорил заросший бородой тощий, будто целый год не доедал, злой майор. - Обстановочка у нас быстро меняется. Выход наших разбитых частей по единственной дороге прекратился. Шлях уже сутки перерезан русскими. К москалям подошли резервы. Разведка докладывает, что не меньше четырёх батальонных групп. Замечены были вот здесь, - палец майора показал точку на карте. - Потом пропали. Чёртовы Байрактары не помогают. Маскировка у русских, что надо. А вот здесь, на этом просёлке поздно вечером видели четыре дивизиона РСЗО. Тоже канули, растворились, будто сахар в чае. Нам ещё туман мешает...

- То есть, плотность русских на один гектар выше обычного? - спросил Премысловский.

- Готовят что-то крупное, - продолжал пояснять майор. - Насчёт плотности не могу судить. Здесь сплошной линии

фронта нет. Где, что у них, доподлинно не знаю... Разведка не успела... Наши узлы обороны здесь и здесь. Что мы сами смогли накопать, то накопали. Укрепы - в основном вдоль дорог. Траншеи, пулемётные гнёзда, дальше, в сёлах — миномёты. В двенадцати километрах отсюда две батареи гаубиц спрятаны в овраге. Есть десяток танков. Не знаю, что там в Киеве задумали, направляя вас сюда, но зайти в тыл москалям маленькой группой можно вот по этой балочке. Там речка. Воды в ней — по пояс. Место топкое. ДРГ противника здесь пока не работают... За рекой - большой лес, холмы и поля. Если вас не заметят с воздуха, пройдёте без проблем.

- Нужно выдвигаться за час до рассвета, - неожиданно сказала Олеся. - Пока туман висит над поймой реки, у нас есть шанс.

- А, что с Пилипенко? - спросил Премысловский.

- Ждём этого придурка до двух ночи. Сейчас — первый час. Майор! - девушка повернулась к морскому пехотинцу. - В три ноль, ноль, нужен небольшой переполох. Имитация прорыва... Типа разведки боем. В таком тумане русские не удивятся, стянут к месту боя резервы... Скажем, вот в этой точке устройте заваруху, - рука Олеси легла на полотно карты. - Сделаете?

- Не могу отказать. Предупреждён. Обязан оказывать содействие. Но времени мало. Бойцы устали. Нас только утром сюда перебросили на усиление.

- Нужно постараться, - перехватил инициативу разговора Премысловский. - После войны отдохнём. Соберите ударную группу к двум тридцати. Пары взводов хватит. Ничего тяжёлого с позиций не снимайте. Достаточно будет стрелкового оружия и пары ПТРК.

- Этого добра до... - майор нервно засмеялся. – Благодаря НАТЕ.

- Нет. Так не пойдёт! Перепашут вас из миномётов, если москали не дрыхнут, - снова заговорила Олеся. - А они, будьте уверены, в передовых частях ушки на макушке держат. Уж я-то знаю. Броня нужна. БМП, и хотя бы один танк. Вашим уйти легче потом будет.

- Сожгут мне технику, - обречённо и грустно сказал майор.

- Байден полякам скажет, те новую пришлют. Не жалей, майор. Бог не выдаст, свинья не съест, - сказал Премысловский, глядя на облака, постепенно закрывающие звёздное небо.

В три часа утра к далёким, пока ещё тихим раскатам грома добавилась автоматная трескотня, звук выстрелов

гранатомётов и раскатистые приступы кашля танковой пушки на левом фланге. Олеся, в очередной раз взглянув на серое небо, обещающее грозу, легко выпрыгнула из траншеи в туман. За ней последовали штаб-сержант, Алёхин и Премысловский. Правее в ста метрах от них бруствер перевалил Пилипенко со своими бойцами, которые поползли в сторону ручья, огибавшего невысокий холм. По руслу, заросшему камышом, они должны были выйти к позиции, обозначенной на его карте жирным красным крестом.

Группа Премысловского, пригибаясь, держась как можно ближе к стволам елей, высаженных когда-то правильными рядами вдоль узкой просёлочной дороги, перебежками двигалась к степной балке. Туман быстро редел, позволяя разглядеть вереницу тополей на Востоке, заросли ивы, указывающие местоположение реки и небо с узкой полоской зари.

Алёхин на бегу оглянулся. Далеко на западе продолжало погромыхивать. Там собирались тяжёлые тучи с чёрным оттенком, обещавшие грозу. Александр, догнав Олесю, дотронулся до её плеча.

- Что? - спросила девушка, останавливаясь и приседая на одно колено.

- Дождь будет, - задыхаясь от бега, сказал Алёхин.

- Знаю. Нужно двигаться быстрее. Если начнётся ливень, мы в бронежилетах, с боезапасом в той речке утонем или в болотистой пойме завязнем. Ты плавать умеешь?

- Конечно.

- А я нет, - за спиной Алёхина уже сидел на земле Премысловский, хватая воздух открытым ртом.

- Тогда шевели жопой, - сказала Олеся, подхватывая на локоть винтовку.

Там, где громыхал бой, постепенно всё стихало. До слуха доносились одиночные автоматные выстрелы, потом прогремел разрыв мины. За первым последовал другой, за ним - третий.

Спустя час, измученные, вымокшие по грудь Алёхин, сержант, Олеся, а за ними Премысловский, тяжело дыша, поднимались на высокий, заросший молодыми дубами и густым кустарником холм. Это была та самая точка, которую выбрала снайпер для засады. Удар грома прямо над головой заставил пригнуться.

- Туда! - сказал Александр, ощутив на щеке первые, тяжёлые

капли дождя, рукой показывая на толстое, высокое дерево с густой кроной.

Они едва успели укрыться под низко висящими над землёй ветками. Начался ливень, сопровождаемый вспышками молний, полосующих небо буквально в сотне метров от дерева. Дождь хлестал такой, будто кто-то наверху перевернул гигантскую бочку с водой. Через две минуты Алёхин, закрывающий собственным телом девушку, вымок до нитки. Гроза закончилась неожиданно и сразу. Небо светлело с каждой минутой. Ветер погнал тучи на Восток, и вскоре лучи Солнца, прорвавшись через мокрые, тяжёлые от влаги кроны деревьев, рассыпали горсть изумрудов на высокую траву под ногами. Александр передёрнул плечами, избавляясь от луж на плащ-палатке и выпрямился, давая возможность Олесе встать.

- Ты — в норме?

- Не такое видела, - сказала девушка, доставая из недр камуфляжа сухую тряпку, чтобы вытереть ею винтовку. - Спасибо.

- Пустяки, - Алёхин встрепенулся, словно большая собака, пытаясь стряхнуть с камуфляжа капли воды.

От одежды офицеров поднимался пар.

- Ваня! - Олеся нашла глазами штаб-сержанта. - Гроза пошла в сторону москалей. Это даст нам время оборудовать позицию. Бери мужиков, нарежьте ветвей... Только не ломайте. Издали будет видно шевеление. Тащите аккуратно, медленно... Деревья влажные, ветки долго останутся свежими, - снайпер огляделась, потом подошла к срезу возвышенности, заросшей кустами, легла на землю, достала из чехла бинокль и стала смотреть на дорогу, огибавшую холм, на сёла за полями, на мост, переброшенный через балку. Затем переползла на другое место, откуда, по её мнению, обзор был лучше. Оглянувшись на пыхтение за спиной, она коротко взглянула на Алёхина, тащившего за собой охапку ветвей, затем немного отодвинулась в сторону.

- Не поднимайся. Клади ветки сюда. На сырой земле лежать не в кайф... Вот здесь ещё воткни для лучшей маскировки. Господи! Нож у тебя есть?

- Нет.

- Держи! Концы веток сделай острыми. Втыкать будет легче... И винтовку, будь ласка, принеси. Рюкзак мой не забудь.

Через несколько минут гнездо для снайпера было готово. Олеся тщательно, почти с нежностью обматывала протёртую, заново смазанную винтовку сухими зелёными тряпками, запас которых оказался у неё в рюкзаке. Спустя двадцать минут обустройство позиции было закончено. Штаб-сержант, лёжа в паре метров от снайпера, взглянул на свой хронометр.

- Пять ноль, ноль, - тихо сказал он, срывая травинку и засовывая её в зубы.

- Поезд прибыл согласно расписанию, - Олеся уже держала у губ миниатюрное устройство связи. - Шмель! Шмель! Я — Гадюка, - девушка переключилась на приём, приложив к уху крохотный наушник, закреплённый на шее.

- Ничего, - снайпер посмотрела сначала на сержанта, потом повернулась к Премысловскому. - Заснул Пилипенко, чи шо?

- Вызывай ещё, - тихо сказал сержант.

- Думаешь, москали не «шерстят» эфир? Ну, Пилипенко... Убью гада.

По глазам девушки было видно, что она злится.

- Спит, сволочь, отдыхает.

- Вызывай! - приказал Премысловский.

- Ползи отсюда на хрен... Вали на половину ке ме левее, сам вызывай этого придурка, - грубо ответила Олеся. - А я засирать эфир не собираюсь. Если раньше времени вычислят наши координаты, накроют с воздуха...

- Погоди, - привстал на колени Премысловский. - Волков? Ты где? Ползи сюда.

Алёхин, слушавший перепалку, лёжа за кустами, переполз ближе.

- Чего?

Забери у Олеси связь, Дуй на ту сторону холма. Вызывай Пилипенко. Пусть доложит, как там у него и, что?

Александр принял у девушки, устало закрывшей глаза, миниатюрную рацию и пропал в кустах.

- Ну ты сволочь, Премысловский, - сказала снайпер.

- На войне, как на войне, - ответил тот, улыбаясь одними губами. - Кем-то нужно жертвовать. Слушай. Может, накрыли группу Пилипенко. Когда мы сюда выдвигались, слышала разрывы?

- Это морпехи при откате к позициям батальона на свои же противопехотные мины нарвались, - сказал сержант, переворачиваясь на спину и прислушиваясь.

- Уверен?

- Разрывы натовских мин трудно с чем-то другим спутать.

- Я думал это из миномётов...

- Тихо! - девушка перевернулась, последовав примеру сержанта, и накрывая куском маскировочной сетки оптику винтовки. - Вертолёт!

- Не один, - подтвердил сержант. - Премысловский! Жопу в кусты засунь.

- Ударные КА-52, - Олеся вновь повернулась на живот. - Разведка! Значит, генерал собирается в путь-дорогу. Сейчас летуны круг сделают, потом лесополосу прочешут.... У нас — двадцать, тридцать минут до полной готовности. Где Волков? Заметят капитана, нам - звездец.

В это время Александр, на ходу ломавший голову над решением проблемы, каким образом сорвать операцию ВСУ, выбрался на другую сторону высоты, где услышал звук двигателей, а затем увидел вертолёты. Повинуясь неосознанному порыву, он, встав на открытом месте, принялся размахивать руками, привлекая внимание лётчиков. А те, пролетев над дорогой до самого горизонта, развернулись и двинулись обратно, отклоняясь на Восток в направлении к лесному массиву, где должен был занять позицию Пилипенко. Алёхин, подпрыгивая, продолжал подавать сигналы. Солнце слепило глаза, заставляя опускать голову. Чувство отчаяния захлестнуло капитана. Через пару минут он обессиленно сел на траву, с тоской глядя в след уходящим машинам. Однако, следуя какому-то своему, известному только пилотам плану, машины отвернули в сторону. Через пару минут вертолёты снова начали приближаться к дороге. Александр, окрылённой надеждой, вскочил, сорвал с плеча автомат и выпустил очередь над высоткой, срезая верхушки деревьев. Вертолёты, снизив скорость, повернули в сторону размахивающего оружием человека. Приближаясь, один из них наклонил нос машины к земле и на мгновение завис. Алёхин, словно в замедленном воспроизведении страшного кинофильма увидел, как под фюзеляжем слегка повернулось что-то вроде палки, потом вспыхнули язычки пламени, послышалась очередь приглушённых хлопков. Прямо перед ним к небу полетели куски земли, перемешанные с травой.

Он стоял, словно зачарованный, повторяя шёпотом:

- Стойте. Нельзя так... Я же свой... Нельзя...

Два разрыва тридцатимиллиметровых снарядов авиационной пушки разнесли в щепки дерево за спиной капитана. Алёхин, опомнившись, повинуясь инстинкту, выпустил из рук автомат и бросился бежать, петляя словно заяц, в сторону кустов, придерживая шлем ладонями.

- Кого-то накрыли с вертушки, - тихо сказала Олеся, опуская бинокль. - Сначала из пушки шмаляли, в сейчас из пулемёта кучно кладут... Точно... Дебила Пилипенко не иначе обнаружили. Сейчас расхерачат его группу в пыль... Господи! Эти уроды из Айдара недоумки, мать их. Дать себя обнаружить в таком густом лесу, нужно ухитриться.

- Чего делать будем? - спокойно спросил сержант, продолжая жевать травинку.

- Коньки смазывать, и ходу, - приподнялся на руках Премысловский.

- Коньки точат, а лыжи смазывают, - спокойно отреагировала Олеся. - Лежи. Никуда мы отсюда не двинемся. Будем ждать.

- Чего? - загорелое лицо капитана выглядело потерянным и отрешённым. - Чего ждать? Пока нас разнесут на мелкие куски?

- Будем ждать русского генерала... Заодно Волкова подождём.

- Откуда ты знаешь, что этот генерал появится? А твой Волков давно драпанул. Думаю, уже ломится через кусты обратно к нашим морпехам.

- Тебе виднее. Ты же по себе судишь. А, Премысловский? - спросила Олеся, вновь поднимая к глазам бинокль. - Вань! Ты чего молчишь?

- Ждём, - лаконично ответил сержант, прислушиваясь. - Чуешь?

- Какашки? - подняла голову снайпер.

- Они, вертушки. Но вот, ещё... Звук. Вроде другой... Слышишь?

- БМП?

- Точно. Пара штук. Плюс что-то полегче.

- Верно! Доставай из ранца мои причиндалы.

Сержант, поднявшись на колени, вынул из ранца лазерный дальномер. Следующим устройством, положенным на траву, был «Skywatch explorer» — измеритель температуры и скорости ветра. Затем на заранее подготовленное место Иван установил зрительную трубу Yukon 6-100x100. Через пару минут всё было готово для стрельбы.

- Солнце за спиной. Это хорошо, - сказал он, поворачивая голову к снайперу.

- Дальность?

- Тысяча двести метров.

- Скорость ветра?

- Боковой, западный, скорость — четыре и восемь метров в секунду. Угол к плоскости — сорок пять градусов.

- Чувствую на правой щеке... Терпимо, - бормотала Олеся, устраиваясь удобнее в своём гнезде. - Температура воздуха?

- Двадцать три градуса. Таблицу поправок доставать?

- Не задавай глупых вопросов и не мешай. Я её наизусть выучила, когда ты ещё под стол пешком ходил.

- Ах, какие мы крутые, - прошептал сержант, прикрывая срезанной веткой зрительную трубу.

- Небольшая дифракция, мираж... Марево... Поправка одна угловая минута, два щелчка вправо, скорость машины — пусть пятьдесят км. Быстрее здесь не проедешь, - шептала Олеся, медленно вращая колёсико маховика корректировки прицела.

Узкое пространство и точка, в которой пуля должна была встретиться с целью, слегка дрожали от невидимых испарений, поднимающихся в воздух после грозы. Закончив необходимые манипуляции, Олеся слегка расслабилась, поглаживая указательным пальцем правой руки скобу спускового механизма винтовки, стоящей на специальных сошках.

- Где они? - не поворачивая головы, спросила у сержанта Олеся.

- Вижу! - хриплым шёпотом произнёс сержант.

- Скорость колонны?

- Сорок километров в час. Семьсот метров до выстрела. Одна минута.

- Чёртов Пилипенко. Придётся стрелять по движухе, - прошептала снайпер, не отрываясь от прицела.

Олеся, медленно закрыв глаза, перестала ощущать время, освобождая сознание от восприятия звуков и ненужных эмоций. Пульс, постепенно выравниваясь, достиг привычного для стрельбы ритма. Ровно через минуту она распахнула ресницы, чтобы увидеть нужный участок дороги. В объективе прицела Олеся увидела сначала БМП, потом бронированный «Тайфун» для десанта, а следом ехал армейский командно-штабной «Тигр» - ГАЗ четырнадцатой серии. Лицо человека, сидящего впереди на пассажирском сиденье, казалось маленьким светлым размытым пятном.

- Он? - тихо и спокойно спросила снайпер.

- Вроде. Без каски... На погонах по одной большой звезде.

- Принято!

Олеся сделала обычный вдох, задержала дыхание и, сделав ранее рассчитанное упреждение на скорость машины, плавно, с небольшим усилием нажала на спуск.

В то же самое мгновение перед радиатором переднего БМП она увидела вспышку и разрыв от выстрела гранатомёта. На лице снайпера не дрогнул ни один мускул.

Пуля калибра 12,7х99, выпущенная из двенадцатикилограммовой винтовки Barrett M82, уже достигла цели, пробив отверстие в бронированном стекле Тигра. Олеся хорошо видела паутину трещин, увеличивающуюся в диаметре. Она быстро дослала в затвор новый патрон и выстрелила ещё раз.

- Цель? - крикнула Олеся, поднимаясь на колени.

- Ни хрена не вижу, - сержант продолжал спокойно смотреть в зрительную трубу. - Движок у БПМ горит. Дым... Уходим? Это наверняка Пилипенко проснулся. Вот дебил.

- Ждём. Мне нужно подтверждение, - неожиданно сказал Премысловский, подползая ближе. – Я – старший группы...

- Отвали, - оттолкнула капитана снайпер. - Ты, чего? Где спиртное взял?

- Шкалик у меня... На особый случай, - Премысловский полез в карман штанов и вытащил плоскую фляжку величиной с бумажник. - Будешь?

- «Тигр» на ходу остался, мать его. Разворачиваются. На втором БМП из пулемёта шарашат по лесному массиву. Огнетушителями гасят пламя на первом. Похоже, от разрыва загорелся только кожух под капотом.

Скороговорка сержанта заставила Премысловского встать.

- Уходим... Слышите? Вертушки уже лес обрабатывают, откуда из гранатомёта саданули. Закончат, нашу высоту тоже начнут на всякий пожарный. Тогда нам хана. Двигаем на хрен отсюда.

- Постойте! - Алёхин, задыхаясь от быстрого бега, проломил грудью заросли кустов и упал на колени.

- Волков? - сержант, торопливо укладывая оборудование в ранец, удивлённо обернулся. - Где пропадал? Куда автомат дел?

- Вертушки, - едва сумел выговорить Александр.

- Так это по тебе они вначале работали? - спросила Олеся, забрасывая за спину чехол с винтовкой.

- Чёрт! Еле ушёл, - вместо ответа выдавил из себя Алёхин.

- А Пилипенко?

- Связи так и не было. Думаю, москали помехи ставили в этом районе?

- Может и так, - кивнул сержант. - Рацию не потерял? Поднимайся.

Александр, всё так же стоя на коленях и переводя дух, достал из пустого отделения подсумка рацию.

- Хорошо. Давай сюда. Две минуты перевести дух. По старым следам своим не пойдём. Река после дождя разлилась. Нужно брать правее. Там - лесопосадки. Если траншей пока не накопали, есть шанс проскочить, пока после шухера москали не опомнились, - торопливо говорила снайпер, нетерпеливо наблюдая за сборами.

В полдень на пути отхода, в полуразрушенном, брошенном жителями селе, снайперская группа наткнулась на большую группу солдат батальона Азов. Вырытые в полный рост траншеи изломанной лентой пересекали дворы. Из окопов, замаскированных всяким мусором, утыканных ветками кустов, шли узкие ходы к околице и дальше - к лесным посадкам, где пряталась основная часть азовцев. В самом селе оставался заслон из двух десятков националистов, которые едва не открыли огонь по приближающейся группе Премысловского.

- Тю! Хлопци. Забачьте. С ними — баба! А ну, бросай зброю. Руки — в гору!

- Отставить! - из-за угла хаты вышел Пилипенко. - То наши.

Глаза лейтенанта скользнули по лицу Олеси и со злым прищуром остановились на Алёхине.

- Живой?

- Как видишь.

- Жаль. Но ещё не вечер.

- Эй, Пилипенко! – снайпер, сбросив с плеча винтовку, отдала её штаб-сержанту. - Подержи.

Избавившись от оружия, Олеся быстро шагнула вперёд и врезала кулаком по подбородку Пилипенко. Лейтенант, едва удержав равновесие, сначала схватился рукой за щёку, потом лихорадочно стал расстёгивать кобуру.

- Зараз пристрелю суку, - прохрипел он, тщетно пытаясь достать застрявший в чехле пистолет.

Премысловский схватил Пилипенко за руку, а сержант, сунув в руки Алёхину снайперскую винтовку, быстро выхватил свой Глок.

- Только дёрнись!

- Шо дёрнись? Шо дёрнись? - попятился лейтенант. - Шо? Значит, бабе можно бить офицера в морду? За шо? В трибунал напишу. Нехай разберутся.

- За шо? - зло переспросила Олеся. - Кто на связь не вышел от слова вообще? Кто не вовремя саданул по дороге из гранатомёта? Ладно бы попал, куда нужно... Кто чуть не испортил акцию? Из-за тебя едва Волкова не убили.

- А я, шо? Моих хлопцив тоже побило. У меня двое уцелели, остальных москали вертушками на куски разобрали.

- Тебе было сказано без команды себя не обнаруживать, - устало сказала Олеся, присаживаясь на поваленную яблоню. - Зачем из Осы палили, если Джавелин с собой несли?

- Утопили мы его. И связь тоже, - с Пилипенко уже слетела вся самоуверенность.

- Так у вас две рации было, - вступил в разговор Премысловский.

- Было, да сплыло, - опустил голову лейтенант. - Обе утопли. Под дождём реку переходили. Кое-кого вода с головой накрывала. Половина бойцов плавать не умели. Кто ж знал, шо такая гроза будет?

- Вояка хренов, - Олеся грязно выругалась. - Вы ближе к дороге были. Можешь подтвердить уничтожение цели?

- Да не попали мы по БМП. Так, по радиатору только чиркнули.

- Я про генерала пытаю, дебил ты недоношенный.

- Не бачил, - Пилипенко вяло освободил запястье из руки Премысловского. - В нашу сторону москали пулемёт стали разворачивать, а мы...

- Сразу драпанули, - бросил в пространство штаб-сержант. - Вам же специальную оптику дали, и фотокамеру с дальнобойным объективом, чтобы с точностью зафиксировать попадание в цель. Где они?

- Вам легко тут языками трепать. Шарахнули из винтовочки за километр почти, а потом сразу ходу. А мы едва не полегли там все, - в голосе Пилипенко звучали нотки обиды.

- Итак, что мы имеем? – Олеся, поставив ногу на ствол дерева, пучком травы начала счищать грязь со светло-зелёной замши башмака. - Подтверждения нет. Русские ушли почти без потерь. Результат операции неизвестен. Значит, зрада получается, а ты, Пилипенко, половину своего взвода в лесу гнить оставил, - снайпер выпрямилась, принимая из рук сержанта чехол с винтовкой.

- Мне шо, на своём горбу всех двухсотых тащить було? - снова взвился лейтенант.

Он повернулся к азовцам, которые, молча, с интересом слушали весь разговор.

- Погоним москалей скоро до самого кордону, всех найдём и поховаем. Так, браты?

- Ты, что ли погонишь? - спокойно спросил штаб-сержант, пряча своё оружие. - Как бы нас не погнали скоро до заходнего рубежу.

- Шо тут за размовы таки? Хто тут паникуе?

Через плетень, разделяющий траншеи, перелезала группа бойцов во главе с рослым человеком в довольно чистом камуфляже песочного цвета.

- А вы, кто? - Премысловский, по-прежнему чувствуя себя старшим группы, повернулся к подошедшим.

- Лейтенант второй роты третьего батальона полка Азов, - офицер небрежно зиганул, выбросив ладонь вверх. - Шо вы имеете мне сказать?

- Я — Премысловский, капитан СБУ, старший снайперской группы. Возвращаемся со специального задания.

- Документы!

- Не брали по известным причинам. Если связь есть, вяжитесь с Киевом вот по этому номеру, - капитан протянул азовцу заранее приготовленный клочок бумаги. - Там всё подтвердят.

- Добре, - сказал лейтенант, не прикасаясь к бумаге. - Верю на слово. На сепаров или наших дезертиров вы не похожи. Москали, когда говорят, то акают… По экипировке вижу, шо вы - наши. Позволь, снайперша, винтовочку твою.

Азовец взвесил на руке чехол с оружием, расстегнул лямки и наполовину вытащил винтовку, с интересом рассматривая приклад, затвор и прицел. Затем понюхал ствол.

- Американская, - с уважением произнёс лейтенант, возвращая оружие Олесе. - Не по вам канонада была рано утром?

- Слышно было? - победно улыбаясь, спросил Премысловский.

Офицер кивнул, поворачиваясь к штаб-сержанту, потом внимательно посмотрел на Алёхина.

- Сержанта бачу… Спецназовца ни с кем не спутаешь. Школа! А ты, шо за кадр?

- Капитан СБУ Волков. Центральный аппарат Сил специальных операций.

- Какие люди! - усмехнулся лейтенант Азова. - К таким охрану нужно приставлять, а их на операции отправляют. Во времена настали. Давайте-ка хлопцы двигать до лесу. Стоим здесь с вами на открытом месте, как бельмо в глазу. Не ровен час, с беспилотника нас уже рассматривают. Так и прилететь может.

- А вот у меня вопрос, - неожиданно встал за спиной Алёхина Пилипенко. - Шо это наш бравый капитан Волков перед акцией на холме перед москальскими вертушками руками размахивал, когда ему было положено при снайпере находиться? О чём ты летунов предупредить хотел?

Все взгляды сошлись на Алёхине, а штаб-сержант встал рядом с Пилипенко.

- Сам видел?

- Собственными очами, - лейтенант Айдара сделал из пальцев вилку и прикоснулся к своим ресницам.

- Ты же говорил, что трубу зрительную утопил? - Алёхин сжал кулаки, лихорадочно соображая, что может произойти дальше.

- А бинокля зачем солдату даётся? - Пилипенко похлопал по чехлу, висевшем на ремне через плечо.

- Что скажешь? - с подозрением спросил у Алёхина офицер «Азова».

- Проще, чем два пальца… Ты на связь выходил? - вопрос был обращён к Пилипенко.

- Я же сказал, что утопили мы рации.

- Капитан Премысловский и наш снайпер, - Алёхин взглянул на Олесю. - предполагали подобное развитие событий, а потому капитан приказал мне связаться с тобой любым доступным способом. А какой способ самый простой?

Пилипенко пожал плечами.

- Привлечь внимание, - стараясь выглядеть спокойным, продолжал Александр. - Пришлось выйти на открытое место с другой стороны холма, подавать тебе, дебилу, сигналы, рискуя жизнью. Не моя вина, что ты, придурок, ни хрена не понял. Хуже того. Ты поставил операцию под угрозу невыполнения. Живым ушёл, своих двухсотых бросил, а меня едва в землю не зарыли с вертушек.

- И даже не ранили, - с иронией сказал Пилипенко. - Но всё равно, подозрительно это.

- Кто ты такой, чтобы меня, офицера СБУ, подозревать? - Алёхин шагнул вперёд, рассудив, что пора перейти от оправданий к нападению,

Он схватил айдаровца за отвороты куртки.

- Ты, урод грёбаный не дал произвести снайперу точный выстрел. Ей пришлось работать по движущейся мишени. Мы ещё посмотрим, кем займётся трибунал. Пошёл вон и не попадайся мне на глаза, сволочь.

В то самое мгновение, когда Александр стал трясти лейтенанта, раздался громкий, прерывистый свист. Взрыв разметал всех, кто был рядом. В глазах стоявшего напротив Пилипенко Алёхин увидел пламя, а затем на правом виске лейтенанта мгновенно расцвела красная роза. Тут же на противоположной стороне головы осколок снаряда выбил наружу частицы костей черепа, перемешанных с кровью и кусочками мозга. Пилипенко начал оседать куда-то в бок, увлекая за собой крепко вцепившегося в него Алёхина. Ещё два разрыва поблизости вздыбили землю, передавая её дрожь спине Александра, который непонятно каким образом оказался

под неподвижным, обмякшим телом Пилипенко. Алёхин почувствовал удар в правое предплечье, а потом боль, словно в плоть вошла раскалённая игла. Что-то мокрое, неприятное поползло по коже.

«Червяк или гусеница… Почему больно? Может, оса укусила?», - подумал Александр, всеми силами не давая телу, лежавшему сверху, сползти на землю.

Кто-то, кого через завесу дыма не мог видеть Алёхин, стонал на разные голоса. В ушах внезапно зазвенело, и все звуки стали доноситься будто через вату.

- Откуда вата? Зачем вата? - пробормотал Александр, мотая головой из стороны в сторону и натыкаясь затылком на камни.

А потом он услышал глухую барабанную дробь. Капитан обречённо смежил веки, чувствуя, как что-то твёрдое бьёт в спину лежащего на нём айдаровца, от которого, Алёхин только сейчас это почувствовал, пахло потом, порохом и дерьмом. Александр, с отвращением оттолкнув тяжёлое тело, начал приподниматься на локте, вытаскивая пальцами «вату» из ушей. Он с недоумением смотрел на свои короткие, обломанные ногти. Там не было никакой ваты, но слышать он стал лучше. Теперь стоны казались ему редкими истошными криками, терзающими барабанные перепонки. Спустя какое-то время над селом повисла тишина. Алёхин сжал голову ладонями, словно хотел поставить её на положенное место, затем поднялся на колени, чтобы осмотреться. Там, где раньше были хата и траншеи, остались две большие воронки с разбросанными вокруг кусками глины, остатками брёвен, жердей и фрагментов человеческих тел. Штаб-сержант сидел на земле, слепо шаря вокруг себя руками. Олеся лежала ничком в паре метров от Алёхина. На спине девушки горел камуфляж, чернела искромсанная плоть. Из большой дыры над левой лопаткой торчали окровавленные кости. Лейтенант Азова с искажённым, чёрным от порохового ожога лицом стоял возле колодца, зачем-то пытаясь связать разрезанную осколками верёвку, но одном конце которой, зацепившись на ветку поваленного дерева, висело дырявое ведро.

Алёхин на четвереньках стал двигаться к сержанту.

- Ваня! Что это было?

- А? - поднял голову сержант. – Волков, ты? Говори громче. Ни хрена не слышу.

Две тонкие струйки крови вытекали из ушей штаб-сержанта.

- Что это было? - Алёхин рукой показал на небо.

- Кара небесная по грехам нашим. Ты, шо, контужен? Ударные беспилотники, наверное. Или арта пяток снарядов кинула.

- Наша? – Александр, оглушённый взрывами, думал в этот момент о российской артиллерии.

- Кто их разберёт, - прокричал сержант, размазывая на шее кровь. - Ты сам цел?

- Вроде бы, - Алёхин, вспомнив о боли, терзающей предплечье, вытянул вперёд руку. Надо же... Кровь. Откуда?

- Зацепило тебя... Помоги подняться.

Алёхин нагнулся, подставляя здоровое плечо.

- С Олесей что? - спросил Иван, с помощью Алёхина подходя к снайперу. - Жаль! Наповал. В спину прилетело. Чёрт! - он, выпустив плечо капитана, снова опустился на землю возле мёртвого тела девушки и огляделся.

- Кучно положили, сволочи. Надо бы двухсотых посчитать.

- Пускай Азов считает, - зло сказал Алёхин, осторожно и бережно переворачивая Олесю на спину.

Глаза девушки оказались открыты. Солнечный луч дрожал на ресницах, подчёркивая границу света и тени. В зрачках отражалось небо, там плыли крошечные облака и тонкие, словно ниточки, чёрные дымы от быстро догорающих у изгороди подсолнухов. Чуть выше поясного ремня, обхватывающего талию, из дыры, прикрытой тлеющей тканью камуфляжа, вытекала масляно блестевшая кровь, заполняя этот зияющий кратер. Тут же торчал кончик большого осколка, от которого поднимался пар. Алёхин сидел неподвижно, стараясь не смотреть на рану, но взгляд всё время возвращался к кровавому месиву, в котором тонул дымящийся кусок стали. Александр заставил себя смотреть прямо в глаза Олеси, с дрожью замечая, что из них вместе с жизнью ушли холод, зло и непримиримость, освободив место укору. Зрачки всё ещё казались тёплыми. Он даже торопливо с надеждой провёл ладонью над лицом девушки, в глубине души надеясь, что Олеся моргнёт.

- Почему? Почему это произошло именно с Олесей? Сначала Наташа, теперь... - Алёхин осторожно закрыл девушке широко распахнутые веки, словно боялся укоряющего взгляда.

- Капитан! Отпусти её, - над ним стоял штаб-сержант. - Ты, шо, убитых первый раз видишь?

Александр, не говоря ни слова, безнадёжно махнул рукой, затем медленно, шатаясь, поднялся.

- Ты в норме?

- Какая тут может быть норма, Ваня? - Александр выпрямился, потом обвёл пространство вокруг себя руками. - Смотри! Разве это норма? Война — норма? Растерзанные тела — норма? Разве может быть нормой, что снайперами делают баб? Что в когда-то большом селе остались только изгороди возле хат? Что подсолнухи горят? Что не видишь, кто в тебя стреляет, и самое главное, какой в этой войне смысл? Да пропади оно... Лучше б меня...

- Успокойся, - тихо сказал сержант, оглядываясь на приближающегося нетвёрдой походкой лейтенанта Азова.

- Ну и, шо тут у вас? - спросил тот. - Плач Ярославны? Маменькин сынок жалуется на життя? Мертвяков первый раз бачит?

- Ты вместо пурги, вызывай из леса своих хлопцев, - крикнул сержант. - Двухсотых опознать надо.

- Не ори.

- Чего?

- Ясно... Контуженый ты. Уходим отсюда. Если корректировал налёт высотный дрон, может снова прилететь. Ночью поховаем братов наших. Меня Петром зовут, если интересно. Кричевский фамилия. Позывной — Викинг.

- Премысловского не видел? - спросил Иван, оценивающе оглядев фигуру лейтенанта.

- Твоего капитана? Голова в подсолнухах валяется, а сам — за изгородью. Ему руку осколком срезало по локоть в качестве бонуса.

- Ладно. Шутить после будем... Уходим, - проворчал сержант, пиная ногой изувеченный ствол снайперской винтовки.

- Никуда я не пойду, - тихо сказал Александр, снова опускаясь рядом с Олесей. - Почему её бронежилет не спас?

- Ты, шо, капитан? - Кричевский снисходительно похлопал офицера по плечу. - Наши жилеты не знаешь? Если Порошенко за шо брался, то притом крал безбожно... А-а... Розумию... Она, шо? Бабой твоей была?

- Не твоё дело!

- Не хвилюйся, хлопче. У мене в лиси е, чим поживиться. Тут вчора тарантас швидкой допомоги затримали. Сепарами оказались, суки донецкие. За каким хреном в серую зону заехали, того не сказали. Правда, мы водилу, а разом санитара сразу пристрелили. Девку, врача, себе оставили. Хочешь, уступлю на одну ночь. Её пока никто из наших пальцем не тронул. У меня дисциплина с порядком во взводе железные.

- Пошёл к чёрту, - огрызнулся Алёхин, уже решивший самостоятельно похоронить Олесю.

- Оставь Волкова в покое, - сказал сержант, нахлобучивая на голову найденную среди разбитых брёвен каску. – Пусть поховает снайпершу. Лёш! Прислать тебе бойца в помощь? Один справишься?

- Ну, что ты со мной, как с недоумком контуженным?

- Ладно, ладно. Молчу. Держи инструмент, - сержант, вынув из чехла сапёрную лопату, воткнул её в землю рядом с капитаном. - Может, тебя перевязать? А, хочешь, помогу с Олесей?

- Обойдусь, - Александр, раздвинув пальцами ткань камуфляжа, осмотрел свою рану, - Пустяк, царапина. Ты иди. Тебе самому к врачу надо.

- Торопитесь, хлопцы, - сказал Викинг, задирая голову и оглядывая небо.

Сержант осуждающе покачал головой, забрал у Кричевского жетон убитого Премысловского, несколько мгновений постоял возле тела снайпера, затем, прихрамывая, побрёл вслед за Викингом.

Алёхин медленно приходил в себя, до конца не осознавая, зачем остался один возле мёртвого тела. Разум говорил ему, что Олеся враг, что она чужая, но в то же время сложное чувство владело его сердцем. Капитан ощущал, что между ним и девушкой даже сейчас есть какая-то связь, ниточка, соединяющая настоящее с прошлым. Было ли это чувство вины по причине поразительного сходства Олеси и Наташи, Александр не знал, но в эту минуту считал, что нужно самому, не доверяя чужим, равнодушным рукам, похоронить девушку. Алёхин тяжело вздохнул, вытащил из земли лопату, заткнул её себе за пояс, посмотрел на лицо Олеси, потом на воронку, где лежала чья-то оторванная рука без кисти поверх бронежилета, продырявленного осколками во многих местах. Бронежилет выглядел огромным приспособлением для нарезки овощей. Капитан снова опустился на колени, очищая рукой грязь с лица Олеси, потом поднялся. Он пошёл в тень к остаткам изгороди,

где после обстрела уцелела высокая ива. Через час, мокрый от пота, он закончил копать две ямы, с благодарностью думая о пышном чернозёме, легко уступающем острому лезвию лопаты. Подняв девушку на руки, капитан отнёс показавшееся ему невесомым тело к одной из могил и бережно опустил в землю погибшую. Затем, отыскав оторванную голову Премысловского, положил её в другую яму. Труп капитана, который Александр волоком тащил к могиле, был тяжёл. Казалось, что мертвец оказывал сопротивление, цепляясь всем, чем можно, за траву, обломки брёвен и разбросанные фрагменты прочих тел.

- Ты был в принципе не плохим человеком, - бормотал Алёхин, забрасывая яму землёй. Капитан насыпал внушительный холмик грунта, воткнул в могилу жердь и прикрепил к ней табличку с именем и званием Премысловского, написанными на обрезке доски куском обугленной деревяшки.

Похоронив капитана, он сел у открытой могилы с телом Олеси, избегая смотреть девушке в лицо. Побыв в таком положении несколько минут, он снова взялся за лопату. Через полчаса на холмике лежала разбитая снайперская винтовка с вырезанным на ложе именем и позывным снайпера. Вытерев со лба пот, Алёхин прислушался. Где-то в траве стрекотали кузнечики. Порывы слабого ветра раскачивали головки уцелевших подсолнухов, шелестевших огромными листьями. На Востоке за далёким горизонтом работали пушки. Новые звуки заставили его повернуть голову в нужную сторону. За изгородью две большие собаки рвали на куски то, что раньше было солдатом. Десяток ворон ходили рядом, подпрыгивая, будто высматривали, осталось ли что от трупа. Алёхин нагнулся, подобрал осколок черепицы и бросил в собак.

- Пошли отсюда, - крикнул он. - Чего надо? Совсем озверели.

Вороны отскочили в сторону, одна из собак, в которую попала черепица, с визгом прыгнула в кусты, а вторая, повернув окровавленную морду к Алёхину, угрожающе зарычала. Капитан, выхватив свой Глок, со злостью передёрнул затвор. Пёс, поджав хвост, «включил заднюю передачу» и отступил, спрятавшись за разбитое колесо телеги. Очевидно, что собака хорошо разбиралась в звуках, зная, какие последствия могут быть связаны с клацаньем металла. Пёс, вытянув морду, пару раз тявкнул, показывая человеку и птицам, что ещё не всё кончено, что он по-прежнему хозяин положения.

Алёхин озадаченно почесал потный висок кончиком дула.

- Не дай Бог, раскопаешь могилы, вернусь, убью тебя, тварь, - сказал он собаке, сплюнул и отвернулся.

Александр медленно обошёл двор, тяжело перешагивая через заваленные обломками брёвен траншеи, поднимая с земли и осматривая оружие. Выбрав себе автомат, он проверил, сколько у него в подсумках рожков с патронами, оглянулся в сторону могил, постоял немного, затем пошёл по узкой, еле заметной в сухой, высокой траве дороге к лесу. На опушке он наткнулся на штаб-сержанта, который лежал в тени, не выпуская из поля зрения дорогу.

- Ну, шо? Поховал дивчину?

Алёхин мрачно кивнул.

- Премысловского тоже. В разные могилы, там в тени у изгороди, - Алёхин, вытянув руку, показал направление. - Сообщить бы кому о погибших. Родным, например. Там ещё другие валяются.

- Нехай нацики сами своих двухсотых ховают. А родичей? Где их теперь найдёшь, родных-то? Война многих с насиженных мест сдёрнула, - сказал сержант. - Могилы как-то обозначил?

- Снайперу нашему из остатков винтовки сделал что-то вроде обелиска. Ножом имя вырезал на ложе. Ты на карте своей село это как-то обозначь.

- Уже.

- Хорошо, - тихо откликнулся Александр. - Ваня! Я тут пока шёл, всё не мог понять... За каким хреном Азов в селе заслон держит, а основные силы в лес отвёл?

- Кто их знает? - пожал плечами сержант. - Обычно наоборот. Приказ командования — окапываться в жилой застройке. Может, новая тактика у нас такая? Русские, прежде чем штурмовать наших, утюжат сёла из арты. Точно! Вспомни Айдар и Пилипенко... Новая тактика. Жертвуем заслоном, а потом отбиваем штурм из засады.

- Слушай, Вань, - Алёхин лёг на землю рядом с сержантом. - Выбираться нам отсюда нужно. Слышишь?

- Слышу, Волков, слышу. Дай полежать спокойно. Отдохну малость? В башке звенит, словно не голова это, а пустой бидон. Слаб я ещё. Или это пушки работают?

- Артиллерия. И не плохо кого-то обрабатывают. Кучно кладут. А это значит, фронт снова поползёт на Запад, - Алёхин по примеру сержанта сорвал травинку и сунул её себе в зубы. Ты отдыхай пока, набирайся сил.

- Не переживай... К вечеру буду, как свежий огурец... Я тут взаймы взял у Викинга рацию... Моя разбита в хлам... Связался с Киевом. Приказ получил... Стоять на смерть вместе с Азовом.

- Кричевский знает, что тебе сказали в Киеве?

- Думаю, знает, только собирается этой ночью тоже драпать отсюда. Он не глухой, - Иван повернул голову на Восток. - Вроде ближе бьют. Или ветер?

- У Викинга, что, транспорт есть?

- Угу. Та самая Скорая помощь. А ещё Хаммер без стёкол, плюс БМП без башни, но на ходу. Баки полные. Морд тридцать с ним. Поляна отсюда в сотне шагов. Там все и почкуются. Шалаши построили, пару землянок. Зачем им укреп, если драпать собрались?

- Ты про генерала русского, что Киеву доложил?

- Правду сказал, но там — эйфория. Им главное — пиар, мать его. Наверное, в зомбо- ящике перемогу уже празднуют. Мол, наши доблестные воины точным попаданием обезвредили главного русского террориста... Сам знаешь, как они в Киеве это делают.

- Как бы завтра не было у них - «Бац, бац и мимо». Уничтожение цели никто из нас не может подтвердить. Да и почти уже некому. Тебе это ничего не напоминает?

- Свадьба в Малиновке, - усмехнулся сержант.

- Точно, - Алёхин выплюнул травинку. - Знаешь, что я решил?

- Что?

- Не буду драпать вместе с азовцами. Они — первоочередная мишень для москалей. Думаешь, русские не знают, что тут в лесу этот Викинг с парнями засел? Давай на спор. Ещё до темноты русская авиация сравняет это место с землёй.

- Что ты предлагаешь?

- Уходить немедленно. Мне в бы в Киев вернуться. Дел неоконченных много. Непосредственное начальство моё, думаю, бесится. Я же — аналитик. Какой из меня боец?

- Без транспорта далеко не уйдёшь. Те морпехи, которые разведку боем для нас устраивали, уже снялись с позиций. Кричевский мне сказал. Хрен догонишь.

- Ваня! Я хорошо в технике разбираюсь, особенно в мотоциклах. На уровне любителя, конечно, но всё же.

- Если ремонт не сложный... Свечи там или карбюратор почистить, то я тоже могу. Ты к чему это?

- Там в селе сарайчик есть. Я, когда мимо шёл, заглянул в него на всякий пожарный. Смотрю, мотоцикл Урал стоит. Отвернул пробку бака, бензина в нём — больше половины. У меня когда-то был Харлей. Попробовал тот Урал завести, однако, облом вышел. Ручку газа слегка клинит и рычаг сцепления закусило.

- И чего?

- В сарае инструмента нет или не нашёл я. Правда, аккумулятор на Урале слабенький, но думаю, если всё смазать, чтобы пару раз дёрнуть стартер... Может и заведётся. Отыщи мне отвёртку, плоскогубцы какие-нибудь, моток изоленты. Можно сала кусок... Впрочем, сало не пойдёт. Там в сарае пластиковых банок полно. В некоторых наверняка машинное масло есть... Сможешь инструмент достать?

- Если в транспорте Азова пошарить, может и отыщется что-нибудь.

- Тогда действуй. У тебя час времени. Сможешь провернуть это дело?

- Почему час?

- Я сам посплю немного. Голова раскалывается. Тоже контузило слегка. Найдёшь инструмент, разбуди. Потом вернёмся в село. Попробую до вечера Урал тот починить. Давай, давай. Нечего на меня глазеть, я сплю уже.

Сержант, тяжело поднявшись, двинулся по тропе через лес к лагерю азовцев.

Солнце перевалило за полдень, но Алёхину, идущему вслед за Иваном, казалось, что сутки уже тянутся целую вечность. После короткого сна в голове немного прояснилось. Он чувствовал приятную тяжесть в заднем кармане штанов, где были спрятаны украденные сержантом пара отвёрток, пассатижи, моток проволоки и почти израсходованный кружок изоленты жёлтого цвета. Тихие звуки трения металла о металл придавали Александру уверенность, что он справится с ремонтом мотоцикла и, что скоро весь кошмар последних дней закончится. Ближе к окраине села, они пошли медленнее, прислушиваясь к звукам далёкой пушечной стрельбы. Оглянувшись на лес, где остался дозорный Азова, даже не спросивший, куда направляются офицеры, Алёхин, коснувшись плеча сержанта, показал рукой направление. Они свернули на узкую тропинку, в

конце которой виднелась соломенная с прорехами крыша сарая. Ворота тихо скрипнули, пропуская офицеров внутрь.

- Вот он, красавец, - сказал Александр, подходя к деревянным пустым ящикам от патронов, частично накрытых куском брезента. – Не зря я его так замаскировал.

Плотная ткань полетела на землю, а ящики — в сторону. Рука Алёхина нежно погладила потёртую, пыльную кожу сиденья.

- С ума сойти. Даже коляска есть... И этот поцоканный временем аппарат должен поехать? - с недоверием спросил сержант.

- Посмотрим, - откликнулся Александр, доставая из кармана инструменты.

- Помочь?

- Хочешь помочь, не мешай. Первая заповедь опытного автомеханика.

- Ну, ну. Тогда я пойду, пошарю в селе. Жрать охота. Жаль, что сало у Азова не стащил.

- Ничего, потерпим, - почти шёпотом сказал Алёхин, приседая перед мотоциклом. – Осторожней там.

Но ворота уже скрипнули, отрезая капитана от мира. Потея, Алёхин сбросил куртку, оставшись голым до пояса...

Штаб-сержант пропадал почти час. Александр так увлечённо трудился над Уралом, что вздрогнул от неожиданности, когда створки ворот отошли в сторону после пинка снаружи. Александр, быстро поднявшись, обернулся. Сержант, отодвигая створку ворот плечом, протискивался боком в сарай, таща в руках пулемёт и две железных коробки с патронами. Локтем он придерживал рваный полиэтиленовый пакет, где желтели головки подсолнухов.

- Испугал, чёрт! - воскликнул Алёхин. – Пулемёт? С ума сойти... А, жратву принёс?

- Нет. Вороны с собаками сожрали пайки, что были в ранцах у трупов... Всё растащили, - сержант с шумом перевёл дыхание. - Придётся на семочки перейти... Воняет уже в селе... Впору нос затыкать. Чуешь?

- Чую, сынку, чую, - поморщился Алёхин, отступая в сторону от мотоцикла.

- Ё, моё! - удивился сержант. - Аж глаза слепит. Всё сверкает. Починил?

- Всё проверил, протёр, смазал, надраил. Свечи от нагара почистил, карбюраторы тоже, ручку сцепления заменил на новую. Вон в том ящике нашёл, - капитан показал рукой на стоящий у верстака ящик, набитый ржавыми деталями. - Топливо из бака слил, заново отфильтровал... Вроде всё в порядке. Давай попробуем завести.

- Первый ряд партера мой, - улыбнулся сержант, опуская на землю оружие, а зад — на ящик. - От винта!

Алёхин отвёрткой повернул замок зажигания, поставил ногу на педаль стартера и, слегка подпрыгнув, резко надавил, одновременно вращая на себя рукоятку газа. Мотоцикл чихнул. Из выхлопной трубы с громким звуком вырвался клуб чёрного дыма, и в гараже снова стало тихо.

- Чёрт! - выругался Александр, - Забыл бензина немного подкачать, - он проверил кран под топливным баком, несколько раз пальцами надавил снизу на рычажки подсоса обоих карбюраторов, снова сунул отвёртку в замок зажигания, повернул её по часовой стрелке. Затем, поставив ногу на рычаг стартера, с усилием подпрыгнул на педали.

Раздался хлопок. Двигатель кашлянул, но тут же лениво зарычал, словно сытый зверь.

- А! - воскликнул Алёхин, добавляя газу. - Что я говорил?

- Знаешь, - улыбнулся Иван. - Ты руки вообще не мой. Золото смывать нельзя. На чёрный день пригодится... Держи соняшник. Семочки — аж сладкие.

Александр поймал на лету головку подсолнечника.

- Ты на хрена пулемёт притащил? - Спросил капитан, сплёвывая на пол шелуху.

- Давай на коляску привинтим. Не помешает.

- Подожди. Урал заглушу.

- Может, не надо? Боюсь, после не заведём.

- Обижаешь начальник, - Алёхин, заглушив двигатель, подошёл к пулемёту. - Тяжёлый гад. Бери. Ставь сюда. Сейчас чем-нибудь присобачим его...

Минут через двадцать Алёхин вывел мотоцикл из сарая. С помощью сержанта, который подталкивал Урал сзади, они покатили «аппарат» через село к грунтовой дороге, которая должна была упираться в трассу Лисичанск — Славянск. Решив,

что звук двигателя уже не услышат в лесу, Алёхин, запустив движок мотоцикл, картинным жестом руки показал на коляску.

- Ваня! Готово. Прошу садиться. Карета подана.

Сержант примостился за пулемётом, предварительно бросив в ноги пакет с подсолнухами.

- Удобно? - сверху вниз посмотрел на офицера Алёхин.

- На унитазе удобнее, - проворчал Иван.

- Не сомневаюсь, но до унитазов ещё нужно добраться. Поехали?

- Ты днище коляски проверил? Не ржавое? А то провалюсь не дай Бог. Тем более, что сиденья нет.

- Если провалишься, держись за пулемёт и быстрее ногами перебирай, - улыбнулся Александр.

- Смешно, - сержант поднял голову. - Видел бы ты свою рожу.

- Глупая?

- Грязная. Вся в масле и саже.

- Плевать. Держись.

Алёхин плавно тронулся с места и покатил по дороге, объезжая ухабы. Через пару километров они выехали на шоссе. В обе стороны от перекрёстка уходил довольно неплохой асфальт. От самых обочин начинались поля. Где-то они были даже не вспаханы, на отдельных участках колосилась высокая трава.

- Рожь, - со знанием дела сказал Алёхин.

- Овёс, дурила, - сержант крутил головой, ища дорожные указатели.

- Иван! Куда поворачиваем? Налево или направо?

- Погоди! Слышишь?

- Кузнечики. Они всегда по жаре свои концерты устраивают.

- Нет, брат, - сержант, отвернул рукав куртки, посмотрел на своё запястье.

- Семнадцать часов с минутами. Знаешь, что это за звук?

- Танки?

- Нет, брат. Это - авиация...

Словно в подтверждение слов сержанта, чуть в стороне от дороги, едва не касаясь подвесами с вооружением вершин пирамидальных тополей, с рёвом пронеслась пара СУ-25, отворачивая влево и уходя под углом сорок пять градусов в небо. Сделав разворот, самолёты пошли в сторону леса, где засели азовцы. Вскоре оттуда донеслись звуки выстрелов авиационных пушек.

- Хана Викингу, - сказал сержант. - Вовремя мы оттуда слиняли.

- Это, точно. Выходит, нашу новую тактику русские раскусили. Лес утюжат.

- Получается так. Против нас не дураки воюют. Давай, капитан, трогай. А то, чем ближе к вечеру, тем сильнее парит. На ветерке остыну. Грозы бы не было.

- Подожди, - Алёхин приподнялся в седле. - А это, что такое? Если повернуть налево, там же дорога на Славянск. Правильно?

- В той стороне вроде стрельба, - сержант, последовав примеру Алёхина, тоже выпрямился, насколько позволяло узкое «гнездо» коляски. - Километра три отсюда.

- Тогда, чего делать будем? - плюхнулся в седло Александр. - Как в сказке. Налево пойдёшь — коня потеряешь, направо — сам голову сложишь.

- Сказка передыха, мать её. Хана тишине, - Иван вынул из-под ног цинк с пулемётной лентой, открыл затвор и вставил ленту в механизм подачи патронов пулемёта. - Русские закончили перегруппировку, и, если я что-нибудь понимаю в этой чёртовой войне… Они начали мстить за своего генерала. Это, Лёша, штурмовые группы сбивают наши заслоны в ближайших сёлах на дороге к Славянску. Это ещё дронов в небе нет. Мы на этой дороге, как бородавка на заднице.

- Что ты предлагаешь?

- Ни хрена я не предлагаю. Меня беспокоит, что стоим мы с тобой здесь уже минут пятнадцать, и ни одной машины ни в ту, ни в другую сторону. Почему?

- Трассу перерезали в оба конца.

- Правильно, а мы, как дерьмо в проруби — посерёдке.

- Если бы в проруби, - Алёхин рванул ворот камуфляжа. - Жарко… Знаешь, что я предлагаю?

- Валяй!

Капитан достал из-за пазухи карту.

- Смотри сюда. Мы — здесь, - палец Александра нашёл нужную точку. - Село и лес — вот они. А за этим холмом, где мы в засаде сидели, река протекает. Забыл? Мы через неё переправлялись... Гляди, вот она, - палец скользил по карте. - Тут она поворачивает и течёт почти у трассы. Метров пятьсот отсюда. Съедем с асфальта. Переждём весь этот шухер, а в темноте, по просёлкам минуем вот это большое село, вот здесь выскочим на шоссе Полтава-Киев. Дальше будет легче. Как тебе идея?

- На безрыбье, - сержант задумчиво чесал потный затылок. - Есть ещё вариант. Сдаться в плен москалям. Надоело мне всё это, - Иван в раздражении снял каску и бросил её под ноги.

- Ваня! Мне в плен - нельзя, - тихо сказал Алёхин. - От слова совсем.

- Понимаю, - после паузы буркнул сержант. - Если руки в крови москалей, тогда оно конечно. Пытал, кого из пленных? Расстреливал?

- Не твоё дело, - разозлился Алёхин. - Едем к реке или нет?

- Чёрт с тобой. Поехали. Заодно помоешь рожу, ототрёшь руки песочком. А то, если встретим русских, испугаются парни...

К большому облегчению Александра съезд к реке оказался проще, чем он ожидал. Не пришлось перетаскивать мотоцикл через заросшую кустарником обочину или канаву. Не пришлось насиловать двигатель по песку или грязи. Они увидели узкий просёлок с едва заметной колеёй, укатанной тележными колёсами. Просёлок вывел к обрывистому берегу реки, а потом к песчаной косе с пологим уклоном к воде. Офицеры загнали Урал под деревья в тень, куда не доставали лучи солнца, медленно клонящегося к Западу. Алёхин торопливо сбросил с потного, липкого тела на песок одежду, а затем с разбега бросился в узкий речной поток.

- Уф! Класс! - крикнул он, вынырнув на поверхность. - Слушай, Ваня. Здесь — просто рай!

Но сержант не разделял восторга капитана. Он медленно раздевался, прислушиваясь к далёкой перестрелке и тихо разговаривая сам с собой.

- Гуще кладут. Крупный калибр. Танковый или бе-эм-пешный пулемёт. Насыпают знатно.

- Чего ты там бормочешь? - крикнул ему Алёхин. - Ныряй. Вода что надо.

Сержант аккуратно сложил собственную одежду, пошёл было к воде, но вернулся к мотоциклу. Он открыл затвор пулемёта, проверил правильность установки патронной ленты и повернул ствол в сторону просёлка. Потом достал свой Глок, снял его с предохранителя, засунул оружие в один из башмаков, с выверенной небрежностью бросив обувь у воды.

- У тебя паранойя! - крикнул ему Алёхин.

Закрыв глаза, медленным брасом он поплыл против довольно быстрого течения.

Поныряв немного, он пустил ноги, нащупал дно, затем, раздвигая грудью воду, двинулся к берегу, где сержант лежал на мелководье, словно рыба, выброшенная из сетей. Капитан, согнав ладонями воду, плюхнулся на песок почти рядом с Иваном.

- Нет, ты скажи... Правильно мы сделали, что выехали к реке?

Сержант повернул к Александру голову, перекатился на спину и сел рядом, с интересом рассматривая татуировки на коже Алёхина.

- Вот, ты мне скажи, что это за хрень? Вроде на дебила мужик не тянет, а у него — целая дурацкая картинная галерея. Зуб даю. Застукали бы русские тебя в компании с Викингом, сразу в расход пустили бы. Ты потому оттуда ноги сделал?

- Отвяжись. Молодой был, потом поумнел немного, а тату сводить времени нет, к тому же грошей не хватает.

- Грошей в СБУ? Не смеши мен.я Лучше скажи, что не умеешь их зарабатывать... Изобразил бы что-нибудь красивое, как у меня, - Иван повернулся так, чтобы на плече была видна татуировка — голова волка, державшего в пасти пучок стрел. - Спецназ рулит везде и всюду.

- Подумаешь, - с оттенком ревности сказал Алёхин. - Если тебе не нравятся нацистские символы, так знай, что это не мной придумано и даже не фашистами Третьего Рейха. Это древние мистические знаки ариев, живших когда-то в стародавние времена на территории Индии. Кстати, крест испанских басков тоже похож на свастику. А ещё такой орнамент можно увидеть на древнегреческих вазах, на остатках стен Древнего Рима, в Китае, Японии. У многих древних народов свастику изображали на предметах быта, оружии, монетах, знамёнах и гербах. В некоторых странах даже в церковных храмах можно найти

орнамент из свастик. Это символ Солнца, движения, жизни, света, огня, добрых знамений. Разве свастика виновата в том, что стала национальным символом фашистов Германии? - Алёхин обрушил на сержанта все знания о символе, которые он почерпнул специально для непредвиденных ситуаций, но тот только зло морщился.

- Можно подумать, ты наших свидомых хисториков начитался про древних укров. Чтоб ты знал, - опустив голову, тихо сказал сержант. - У меня деда бандеровцы убили в сорок шестом на Львовщине, а ты мне тут про свастику заливаешь. Парню тогда было шестнадцать лет. Эту лекцию москалям прочтёшь, когда они тебя поймают.

- Прости. Про деда твоего не знал. То-то я смотрю... Ты азовцев на дух не переносишь.

- Что? Заметно?

- У тебя на лице всё написано.

- Придётся поработать над собой, - мрачно усмехнулся Иван.

- Раньше надо было это делать, - Алёхин лёг на спину, положив руки под голову. - А теперь поздно пить Боржоми...

- Ты это о чём?

- Путин прийдэ, порядок наведэ. Хороший ты мужик, Ваня, но...

- Что, но? Сдашь меня в СБУ?

- Оно мне надо? Война рано или поздно закончится. Такие, как ты будут нужны Украине живыми. Поверь мне. Клоуну Зеленскому скоро трындец наступит...

- Провоцируешь? - медленно, сжав кулаки, поднялся Иван. - Хотя, мне давно всё по фиг. Зеленского может и уберут, как Пороха, да свято место пусто не бывает.

- «Я верю, вновь, взойдёт она, звезда пленительного счастья и на обломках самовластья...», - продекламировал Алёхин.

- Сам сочинил?

- Не-а. Это Пушкин. Великий русский поэт.

- Странный ты парень, - задумчиво сказал сержант, снова опускаясь в воду. - Накачан, плечи вон какие. Косая сажень. Сила есть. Ума тебе не занимать... Другой бы свалил из этой помойки подальше, а ты в СБУ пошёл. Знаешь, что? Поезжай

обратно и на могиле снайперши нашей про пленительное счастье расскажи.

- Ты прав, дружище. Ещё раз прости. Что-то я не в ту степь заехал.

- Все мы заблудились, - тихо сказал Иван.

Алёхин молчал, глядя в небо, где начали носиться стрижи, охотясь за мошкой, поднимаемой вечерними тёплыми потоками воздуха к редким перистым облакам. Далёкая стрельба прекратилась, зато кузнечики крошечными смычками с ещё большим рвением ударили по струнам своих скрипок.

Звенящую ткань тишины неожиданно разорвали треск сухой ветки под чьим-то каблуком. Тут же Алёхин услышал клацанье автоматного затвора.

- Сидим! Не встаём! Руки за голову!

Капитан, вздрогнув, замер, чувствуя холодок, пробежавший по спине. Штаб-сержант медленно повернул голову на звук хриплого голоса. На песчаную косу редкой цепью выходили вооружённые люди в бронежилетах и камуфляже с белыми повязками на рукавах. На касках у каждого красовалась наклейка с латинской буквой Z.

- Ну вот и приехали, Алёхин, - тихо сказал сержант.

- Это точно, - подтвердил высокий бородач.

У него, единственного, повязка обхватывала нижнюю часть ноги чуть выше щиколотки.

- У тебя, шо? Повязочка с башки на ногу сползла? - Насмешливо спросил сержант.

- Гляди-ка, - верзила, пропустив вопрос Ивана мимо ушей, остановил тяжёлый взгляд на татуировках Алёхина. - Опять нам кролики, прыгуны попались. - Ну-ка, кто тут у нас?

Стволом автомата он начал поднимать лежащую на песке одежду. Потом обошёл Алёхина и остановился за спиной сержанта.

- Так и запишем, - бородач оглянулся на своих бойцов. - Один — конченый нацик, да ещё СБУшник. Значит, конченый вдвойне. А второй — доблестный, быстро бегающий с поля боя спецназ Незалежной. Сладкая парочка. Вы, случайно, не гомики? – Спросил верзила, широко открывая рот в хищной улыбке и показывая щель на месте выбитых зубов.

Настороженно оглядевшись по сторонам, он повторил:

- Спорю на пару сигарет, что эти уроды — гомики. Господа офицеры приехали расслабиться, бросив своих боевых товарищей умирать на позициях.

Сержанту понадобилось секунд десять, чтобы оценить ситуацию. Он, быстро извернувшись, ударом ноги под колено опрокинул бородача на песок. Тут же поднявшись, Иван бросился к мотоциклу. Он уже разворачивал пулемёт в сторону оцепеневших бойцов, но нажать на спусковой крючок не успел. Верзила оказался проворнее. Его мгновенная реакция заставила Александра застыть, открыв рот в попытке крикнуть. Автомат в руках лежавшего на песке бородача дёрнулся, выплёвывая огонь. Короткая очередь попала сержанту в верхнюю часть тела. Свинец, образовав кровавую дугу из пулевых отверстий на груди Ивана, отбросил сержанта в сторону от мотоцикла.

- Вот, сука, - сплюнул на землю один из солдат. - Шустрый гад.

- Чума! Пойди посмотри... Дышит? - хриплым, прерывающимся голосом попросил бородач.

- Готов, - разогнулся боец, которого назвали Чумой.

Алёхин начал медленно подниматься, чувствуя слабость и дрожь в коленях.

- Сидеть! - Кто-то, кого Александр не видел, ударил его прикладом в спину.

Боль вернула ему способность сопротивляться, но разум почему-то отказался включать защитный механизм принятия правильных решений. Капитан увернулся от руки, хватавшей его за плечо, затем в два прыжка пересёк полоску песка, отделяющую берег от воды. Оттолкнувшись на мелководье, Алёхин, отчаянно закричав, бросился в реку. Ему хватило мгновения, чтобы достигнуть глубины. Судорожно работая руками и ногами, с открытыми глазами он поплыл к противоположному берегу. Выскочив из потока, он, словно огромный жук, стал карабкаться по обрывистому склону, оскальзываясь, цепляясь скрюченными пальцами за каждый выступ. В ушах было полно воды, капитан не слышал окриков, ему не хватало воздуха. Когда он оказался на краю обрыва, который принимал за спасительную границу между жизнью и смертью, сильный удар в левую верхнюю сторону спины, заставил теряющее равновесие тело сделать движение вперёд, а, затем развернуться. В следующую секунду он уже падал обратно в реку, подчиняясь законам баллистики и притяжения Земли.

Чума, медленно пряча трофейную Беретту обратно в кобуру, виновато посмотрел на верзилу.

- Взводный! Извини. Ей богу не хотел. Чисто на автомате. Рефлекс.

- Извини? Да, чтоб тебя. Такому ценному кадру по ногам нужно было шмалять. А ты? Учишь вас, учишь. Всё — бестолку.

- Я по ногам и стрелял. Песок под ногой поехал, ствол и задрало на пару миллиметров.

Бородач в сердцах бросил каску на землю.

- Чёрт! Мать твою в Бога, душу! Раздевайся и плыви теперь туда. Может, жив ещё укроп. И нечего жаться, словно баба перед тем, как первый раз ноги раздвинуть. Живо на тот берег!

Чума сбросил с плеча автомат, ворча что-то себе под нос, снял бронежилет, ботинки, оставшись в пропахшей потом футболке и штанах, затем вытащил из кобуры пистолет, аккуратно положил его поверх бронежилета, достал из ножен на поясном ремне нож, взял его в зубы и пошёл к воде.

- Чума! Может, носки снимешь? - крикнул ему вслед один из солдат.

- Ничего, - обернулся стрелок. - Главное нигде ничего не жмёт. Заодно и трусы постираю.

- Плыви уже, - бородач с мрачной усмешкой наблюдал за своим бойцом. - Гляди — в воде там осторожней. Раков здесь до хрена. Могут на яйца твои позариться.

- Чуме яиц не жалко, - засмеялся другой боец. - У него их пять. Хоть одно, да останется, самое крутое.

- Гляди от смеха свои три не потеряй, - Чума уже был на другом берегу.

Он перевернул Алёхина на спину, разглядывая выходное отверстие от пули, потом выпрямился и улыбаясь, сообщил:

- Груз двести готов к упаковке. Жетон с него снять?

- Не трожь. Пусть свои подбирают. А то моду взяли. Всех нам оставляют. А мы шо, им нанялись? - крикнул в ответ бородач. - Дуй обратно. Уходим.

«Это так выглядит мир после смерти», - эта мысль, подобно удару тока, пробудила сознание Алёхина, заставила его открыть глаза.

Непроницаемая, чёрная пелена с тёмно-фиолетовыми неровными разводами, где вспыхивали белые маленькие

молнии, через пару мгновений стала ещё гуще и чернее. Александр торопливо смежил веки и задышал, подчиняя дыхание неровному, слабому ритму сердцебиения. Он чувствовал тянущую боль в груди, но в то же время странное восторженное блаженство охватило его, словно эта боль была долгожданной жертвой некому высшему божеству, представшему перед вновь открытыми глазами Алёхина в виде близкого звёздного неба, медленно плывущего над пропастью, которая зачем-то странным образом, покачивая невесомое тело, ещё держала Алёхина на грани бытия. Он узнал созвездие Большой Медведицы и попытался поднять руку, чтобы взяться за ручку ковша, но боль стала невыносимой. И тогда он протяжно с тоской застонал.

«Да, так и выглядит Бог, так и выглядит смерть... Я умер, я не чувствую ног... Как холодно... В эти минуты время расщепляет меня на атомы, чтобы воссоединить с непостижимой вечностью, страшной в своей неумолимой логике бесконечного распада. Интересно, во что я превращусь после смерти? Ах, да... В разлагающийся труп... Не хочу. Это невозможно. Я, венец творения Бога, и гниющая плоть. Не хочу! Нет!»

Алёхину показалось, что он громко закричал, порываясь выбраться из тисков тоски, из рук боли, но тут же услышал голос:

- Боженька мий! Стонет, словно собака скулит. Жаль хлопца... Да, ты лежи тихо, соколик. А то не довезу тебя. Ты и так почти не дышал.

Тихие слова слетали с губ человека, чьё лицо заслонило звёзды.

- Господи, - прошептал Алёхин. - Прости, что не узнал тебя... Это ты?

- Бредит, болезный. Ох, не довезу его...

Александр глубоко, со стоном вздохнул, пытаясь справиться с новым приступом боли, прояснившим сознание.

- Где я?

- Вот... Очнулся... Дыши, дыши... На лодке мы. Плывём по течению. Тут через два поворота речки село будет. Хотя село — одно название. Дюжина хат наберётся. Остальные давно брошены. Пара стариков, остальные — старухи. Повезло нашей Снегирёвке. Вояк у нас нема... Далече от трассы. Балки, да овраги. За десять лет запустения ветер все поля порезал, куда там бритве. И дорога... Была булыжник, а ныне — одни ямы.

Тихий, мелодичный голос с мягким южным говором явно принадлежал женщине.

- Почему я в лодке? - с трудом шевеля сухими губами, спросил Алёхин, осознавая, что слышит не только журчание голоса, но и плеск воды за кормой, даже трение весла о дерево борта.

- Скажи спасибо деду Василю. Он часто в то проклятое место наведывается. Там временами мёртвые всплывают, солдатики убиенные. Такие времена сегодня. Течение в нашем Сухом бычке сверху быстрое. А тела сгинувших на этой клятой войне речка под коряги затаскивает. Дед о таких ямах знает, потому раколовки там ставит. Возле мертвяков раков много собирается...

Звук голоса доносился чуть сзади и сверху. Алёхин, сделав усилие, застонав от боли, немного запрокинул голову. Он лежал на дне лодки в ногах у женщины. Белый платок показался ему огромным венком из цветов, обрамляющим загорелое почти до черноты лицо...

- Ты слухаешь? - Женщина снова наклонилась над Александром. - Не помирай, сынок. Куда мне с тобой потом деваться? Дыши, старайся.

- Стараюсь, - едва смог выговорить Алёхин, чувствуя, что снова теряет сознание.

- И глаза не закрывай. Смотри на меня, слухай, шо балакаю... Против песчаной косы Васыль на тебя и наткнулся. Думал, шо убитого нашёл. Лежал ты почти в самой воде под обрывом. Одни штаны на тебе были. Хотел дед тебя в воду спихнуть, да застонал ты. А он — тот ещё хохол... Моя хата с краю... Бросил тебя, набрал раков ведро, снова раколовку поставил, и до дому поплыл. Лодка шибко по течению идёт, да на беду или счастие твоё... Уже сумерки пали на поля, тут дед Васыль чуть лодку мою не продырявил. А я травы разные по над речкой собирала. Время сумерек — колдовское время. Хочешь, говорит, мужика молодого, голого забачить, плыви вверх по Бычку. Лежит, говорит, ни жив, не мёртв. Поспешай бабка, а то сама помрёшь скоро, а мужика себе не найдёшь. Богохульник чёртов. А мне и не надо, мужика-то. Мой дед сгинул давно в подвалах СБУ... Эх, язык мой. Ладно, то другая байка. А ты терпи, милый. Я тебя сорочкой своей наскоро перевязала, да травы нужные на раны положила. Если Бог даст, то выхожу тебя. Эй, не спи!

- Не сплю, - прошептал Алёхин, тараща глаза на звёзды. - В груди огонь горит.

- Потерпи, сокол ясный. Скоро уже.

Александр кусал губы, чтобы не потерять сознание. Как ни странно, звук воды за бортом успокаивал его. Даже боль казалась не такой жгучей. Он даже сумел поднять руку и пощупать полотно, которым его перебинтовали.

- Сорочка моя нижняя. Не сомневайся, чистая она. Этим утром надела. Ну, вот... Доплыли.

Лодка качнулась, ткнувшись носом в берег, потом наклонилась. Алёхин услышал плеск воды и шуршание юбки.

- Ты полежи здесь, а я за старухами сбегаю. Тяжёлый ты. Там, на песке еле перевалила тебя в лодку. Думала, пупок надорву... Полежишь?

- А, куда я денусь, - прошептал Алёхин, морщась от боли и приподнимая голову.

Он увидел мелькание босых пяток, какую-то безрукавку поверх белой кофты женщины, голые руки, хватающиеся за кусты на обрывистом берегу. Где-то тявкнула собака, за ней другая.

Минут через пять Александра, снова потерявшего сознание, уже тащили по тропе к старой хате под соломенной крышей три бабы, причитая в полголоса и поминая чёрта наравне с войной.

- Ох, не накликать бы беды на село, Ксения, - запричитала одна из женщин, наклонившись над Алёхиным, которого с трудом положили на кровать, стоявшую у стены за столом, на котором горела керосиновая лампа. - Из азовцев он. Забачь наколки. У-у... Шо ж такое ныне робится? Постреляют нас. Ей Богу постреляют, бабы. Или те, или другие. Нет, чтоб бросить мужика на речке...

- Та, ступайте уси витсиля. Раскудахталися. И шо вин с Азова, так сразу шо, не людына? - пристыдила баб Ксения. - Нехай помирае, як собака, колесом тележным переeханая?

- Дывысь старая. - сказала женщина, укорявшая спасительницу Алёхина, - Если шо, мы к этому делу...

- Та, знаю вже. Ваши хаты с краю. Идить с Богом. Зараз сама справлюсь. Сомлел хлопец.

Бабы, перекрестившись на икону Николая Чудотворца в «красном» углу хаты, толкаясь в узких дверях, вышли.

Ксения наклонилась над тяжело дышавшим в беспамятстве Алёхиным, покачала головой, выпрямилась, затем, встав на лавку возле печки, стала шарить под лежавшим там лоскутным одеялом. Вытащив оттуда маленький чемоданчик, она открыла

его. Суетливо перебирая маленькие свёртки, нашла бинты в фабричной упаковке, какое-то снадобье в пузырьке из тёмного стекла, моток пластыря, завёрнутого в целлофан. Потом взяла лампу и вышла в сени. Там висели связки высушенных трав, вперемежку с пучками недавно собранных. Подумав немного, женщина сняла с гвоздика одну из связок и вернулась в хату...

Алёхин проснулся с первыми лучами солнца, бьющего прямо в открытое окно. Слабый тёплый ветер шевелил занавески белого полотна, а за ними близко колыхались цветы высоких мальв. На колышках плетня, перевёрнутые вниз горлышками, выстроились разнокалиберные горшки и кувшины. К удивлению Александра, ему удалось немного приподняться, Он увидел чистые бинты, которые перекрещивали грудь, словно пулеметные ленты на бушлате революционного матроса из старых советских фильмов. Боль была терпимой, дышать стало легче, но слабость снова опрокинула Алёхина на постель. С той стороны, где белела печь, послышалась какая-то возня. Сначала на пол спрыгнула кошка, потом Александр увидел голые икры ног и край юбки. Он отвернулся, давая возможность Ксении набросить на себя блузку.

- Очнулся? Другое дело. Вот и хорошо. Травку новую тебе на раны положила. В темноте не очень и рассмотрела, что там у тебя, но на спине дырочка небольшая, хотя и глубокая. Пуля прошла насквозь... Спереди только дело немного хуже. Чуть, чуть ниже и сердце тебе прострелили бы. Воспаление там есть небольшое. Антибиотики нужны или ещё какое снадобье. Но ты не бойся. Чуть позже... Сейчас ещё рано. Спит наверное... Я дочке позвоню. Она мне сотовый телефон на всякий случай дала. Грошей там на карте немного, но для пары звонков хватит. Обещала приехать на неделе. Вот пусть захватит что-нибудь из города. Скажу, чтобы поторопилась. Там у них вроде аптеки открытые есть пока. А ещё в госпитале она працуе, в военном. На работе отпросится. Скажет — мать захворала. Должны отпустить...

Алёхин кивнул, натягивая на голое тело застиранную, в заплатах простыню. А Ксения продолжала тихо, успокаивающе ворковать, разливая молоко по оловянным кружкам из высокого глиняного кувшина:

- Дырка у тебя со спины чистая. Это хорошо. А то, шо гноится на груди без лекарства, так то, ничего страшного. Обойдётся. Шо они эти лекарства могут? Одна химия в них. А у нас травы такие, шо любую хворь снимут. Ты не хвилюйся... Пей молоко, оно полезное. Одна у нас корова осталась на селе. Всем миром держим, сено косим, годуем. Вот такой коммунизм у нас

тут получился. А за околицу не отпускаем Майку. Заблукать может или уведут дезертиры. Вон на прошлой неделе зашли к нам такие. Всё, шо можно унести с собой, то забрали. Даже старый патефон у деда Васыля. Конфискуем, говорят для нужд захистников Батькивщины. Не разумею, какой прок от патефона, если пластинки дед давно во хмелю побил на мелкие кусочки. Хорошо, шо Майку успели в лесу сховать, да бабу Галю при ней оставили.

Алёхин с помощью Ксении маленькими глотками пил молоко, рассматривая лицо женщины. Оно было обожжено солнцем. Глубокие морщины на лбу, седые волосы, собранные в пучок на затылке, говорили о лишениях, которые выпали на её долю, о непростой жизни и пережитых бедах. Руки, державшие кружку, были красивой формы, но тоже тронутые загаром до самых плеч. Толстые пальцы носили следы тяжёлой работы. Кожа на них местами потрескалась, ногти, коротко постриженные, выглядели просто ужасно. Было видно, что их временами ломали. Остатки просто откусывали тупыми ножницами.

- Баба бабой… Да?

- Что? - не понял Александр.

- Смотришь на меня… Наверно думаешь, что я селянка? В поле и огороде с детства колупаюсь?

- Ничего я не думаю, - Алёхин, оторвавшись от кружки, перевёл дух.

- Тогда ложись… А в село я лет восемь назад переехала. Сбежала от войны, от обстрелов, от беды. Жила себе в городе припеваючи до пятнадцатого года, а вот пришлось тикать оттуда. К лопате, вилам и тяпкам быстро привыкла. Забыла, когда последний раз маникюр делала.

- Спасибо вам огромное, - тихо, с паузами сказал Александр. - Вы сильная.

- А ты помаши косой, да тяпкой целый день в сухую землю потыкай…

- Я не в том смысле… Не всякая подберёт такого, как я. Иным страшно.

- Многие духом пали. Другие уехали. Кто в Польшу, кто в Московию. А те, кто остались, те — завистливые, боязливые, ленивые, бессловесные. Таким в уши яды лей, в глаза писай, а они скажут — божья роса.

- Но вы не такая.

- Русская я. С Донбассу. Похоже, немало ещё осталось уголька в моей крови. Прадед в шахте работал, на Гражданской сгинул. Дед тоже шахтёром был. В конце новой войны с германцами в армию добровольцем пошёл. Да на беду его к селюкам после победы в Закарпатье отправили, там его Бандеры и убили... Ночью через окно в хату гранату бросили... Многих тогда эти гады постреляли... И силы во мне особой уже нет. Была бы моложе, взяла в руки автомат, пошла бы на фронт. А я вот здесь от жизни спряталась.

- А на фронт какой? За кого бы воевали?

- Ты меня на слове не поймаешь. За кого нужно, за того и воевала бы. За правду, за дочерей своих, за парней молодых, чтоб супружниками дочкам моим стали, за мужа моего невесть где заживо гниющего... А може и нема вже его на свите билом. А тут возись с тобой, - неожиданно разозлилась Ксения. - Говорили мне бабы, шо дурная я, шо зря я в не своё дело полезла. Сердце беду чует.

- Так, не возились бы. Оставили там, где нашли, - обиделся Алёхин.

- Я же баба не в себе. Жалостливая. От начала любопытство разобрало. Може, думала, из знакомых кого убили. Тут в окрестных больших сёлах хлопцев всех подчистую в солдаты забрили. Жаль, татуировки твои в темноте не рассмотрела...

- На ноги поднимусь, уйду от вас, - Алёхин отвернулся к окну.

- Вы гляньте на него. Вин пиде... С печки на горшок слезть не способен, а туда же. Пиде вин витселя? Лежи каменем, пока рана не зарастёт. Вот зайдут в Краматорск русские, да власть московитскую здесь установят, сдам тебя им с рук на руки. Нехай другие с тобой цацкаются, наколками твоими любуются.

Бледное лицо Александра окрасил слабый румянец гнева. Он, скрипя зубами от боли, с неимоверным усилием отрывая голову от подушки, стал подниматься на локтях, одновременно опуская ноги к земляному полу.

- Куда? - сильные руки Ксении опустились Алёхину на плечи. - Дывысь який вин нервный. Да, не слухай ты бабу старую. Не выдам тебя ни тем, ни другим. Сбежал из Азова? То и слава Богу. Господь простит все грехи твои, если покаешься от всего сердца. И русским не выдам, и донецким. Война всех ожесточила, а твоих приятелей неразумных из Азова, тех власть наша такими злыми сделала. Не на них вина лежит, а на Порошенках, на Ющенках, на херое ихнем Бандере... На батьках ихних за то, шо разум им в нужное время на положенное место хворостиной,

да ременем не поставили… А ты, по глазам вижу… Чистые они у тебя. Значит, человек ты хороший, в крови чужой руки не замарал. Вот дочка приедет, вылечим тебя, а там видно будет. Може, к тому времени война закончится. Тогда ступай на все четыре стороны.

То ли молоко оказало на него целебное действие, то ли травы «колдовские», то ли слова, ткущие ручейком с губ Ксении, только Алёхин успокоился, закрыл глаза и снова заснул… Его разбудил далёкий гром грозы. Он открыл глаза и удивился. Было темно. Он лежал на чём-то мягком, накрытый старым лоскутным одеялом. Ни печки, ни окна с занавесками Александр не увидел. Он развёл руки в стороны, пытаясь вспомнить, с какой стороны от постели находился стол, но ладони наткнулись на дерево перегородки. Справа через щели в досках проникал свет, и оттуда доносились тихие женские голоса. Снова где-то далеко заворчал гром. Алёхин с трудом встал, не опуская рук, почти вслепую, на ощупь сделал шаг к самой широкой щели. Дождавшись перерыва в раскатах грома, затаив дыхание, прислушался. Ему было важно понять, что произошло, пока он спал, почему оказался один за какой-то перегородкой.

- Тебя словно Господь надоумил, - тихий голос принадлежал Ксении.

- Этот лейтенант всю дорогу от Краматорска мне мозг выносил. Говорил, что самогона хорошего хочет. Типа — давно его не пил, а от спирта у него желудок болит. Вот я и показала ему хату деда Васыля, а сама к тебе побежала. День назад предчувствие какое-то странное у меня было

- О то, правильно, дочка. Сердце — оно вещун. Его слухать надо.

- Мама! Мы — одни. За каким чёртом ты язык свой ломаешь, речь коверкаешь? Говори нормально.

Второй женский голос Алёхин слышал где-то раньше. Капитан попытался разглядеть через щель, кому он принадлежит. Две фигуры располагались за столом, на котором стояла керосиновая лампа, освещающая лицо Ксении. Вторая женщина сидела спиной к перегородке. Александр, преодолевая боль в груди, стараясь не шуметь, перебрался к отверстию от вылетевшего из доски сучка, чтобы лучше видеть. Но тень, отбрасываемая светом лампы, лишь позволила рассмотреть худые плечи и тонкую фигуру в военной форме. Длинные волосы, заплетённые в косу, уложенную вокруг головы, словно светились и выглядели странно на контрасте с камуфляжем.

- А этот лейтенант, вызвавшийся тебя в село отвезти, ухаживает за тобой? - Ксения поправила фитиль лампы, добавив света.

- Пытается. Пристал, как репей к юбке в огороде. Опасно, говорит, одной ехать...

- Давно знакомы?

- Его недавно в наш госпиталь прислали. Как поток раненых увеличился, так и этот ухажёр появился.

- Врач?

- Ветеринар. Мобилизованный. Врачей не хватает.

- Ещё бы. Хорошие давно уехали, а плохие сбежали, да похоронились у родичей в сёлах, - Ксения, легко поднявшись, задёрнула поплотней занавески на окнах.

- Потому у нас ветеринары и занимаются ранеными. Врачи — товар штучный. Такого выучить на мове нереально. Костоломами им в СБУ работать, а не людей лечить, - воскликнула в сердцах девушка.

- Тише ты, - всплеснула ладонями Ксения. - Смотри, доча. Вылетят, где не нужно такие слова, не поймаешь. А беды достанешь. Ладно, если слезами обойдётся. Мол, дура баба...

- Надоело бояться, мама. Восемь лет боялась, а теперь осточертело всё. Эта ложь, эта ненависть, эта животная страсть нациков убивать... Слышишь гром?

- Гроза недалече.

- Пушки это, мама. Фронт в обе стороны неделю колыхался, а ныне двинулся к Западу. Медленно, но, верно. А, хочется быстрее. Русские — в пятидесяти километрах от Северска и под Артёмовском. Ещё немного — Славянск возьмут и Краматорск. После этой новой нашей зрады всё покатится к чёрту.

- А ты куда? Всю жизнь бегать от себя не сможешь. Устанешь.

- Не знаю, мама. Может, в Польшу подамся.

- А шо? Тоже вариант. Горшки ночные, да унитазы ждут таких, как ты.

- Не начинай. Прошу тебя.

- Ладно... Шо с пациентом нашим делать? Пока фронт не пойдёт дальше, надо бы держать его в чулане от греха. Хорошо, что успели перетащить хлопца за перегородку. Не зря даю

ему отвары сонные. Намучился болезный. Даже не проснулся... Повезло ему. Пуля на вылет прошла. Видела рану?

- Видела. Судя по всему, каким-то чудом не задела ни лёгкое, ни сердце. Но выходное отверстие на груди выглядит плохо, воспалилось. Потому и горячка у него.

- Кто ж его так? Разве это люди? Звери, да и только. В спину стреляли. Но Господь защитил, пулю в сторону отвёл... А, когда поправится, куда ж ему деваться-то? Если укропы хлопца убивали, нельзя ему обратно к ним. Если донецкие, они нацика, да ещё татуированного тоже не помилуют.

Девушка, тяжело вздохнув, сокрушённо пожала плечами.

- Угораздило же его... Как же он влип в это дерьмо?

- Ты бы поговорила с ним. Чай — не чужой тебе. Объясни ему всё, как было... Может, на войну эту он подался из-за тебя?

«Не чужой? О чём это они? - Алёхин в недоумении на секунду крепко зажмурил глаза и снова приник к отверстию в перегородке. - Что происходит?»

- Да... Наверное, ты права, - девушка повернулась, поправляя косу. - Но разговаривать нам не о чем. Не простит он...

- Наташа! - прохрипел Алёхин, снова теряя сознание.

Гулкий звук падения тела заставил женщин броситься к лазу в чулан.

Александр очнулся от прикосновения чего-то холодного ко лбу. Этот холод был бы приятен, если бы не капли влаги, сползающие по вискам к шее и дальше по отросшей щетине к затылку. Алёхин с усилием открыл глаза. Первое, что он увидел, был силуэт девушки, сидящей рядом с постелью, прислонившись спиной к перегородке.

«Значит, это не было бредом? - мысленно спросил он сам себя. - Рядом — Наташа? Почему? Может, это галлюцинация?»

Александр протянул руку, пытаясь дотронутся до тонкого запястья, но тут же сжал пальцы в кулак, не решаясь разбудить спящую.

Сквозь щели в досках маленького убежища, где лежал Алёхин, виднелся свет единственной лампы, горевшей в горнице. Оттуда слышались тихие шаркающие шаги и странная заунывная мелодия, которую тихо, тонко кто-то пел с придыханием и вздохами.

«Нет. Этого не может быть. У меня что-то с психикой. Последнее время все женщины для меня - на одно лицо», - Александр попытался приподняться, но почувствовав сильную боль в груди, тихо застонал.

- А? Что? - Встрепенулась девушка.

Она склонилась над забинтованной грудью раненого. - Болит? Терпи казак. Жар спадает. К тебе уже прикоснуться можно, а недавно обжигал хуже кипятка, - ладонь Наташи легла Алёхину на плечо, и тот не памятью кожи, а сердцем узнал прикосновение.

- Знаю, этого не может быть, но ты — вот она, рядом. Это сон? Это чудо такое? Скажи... Да или нет? Может, я умер? Или до сих пор в забытьи?

- Тише, не так громко, - ещё ниже наклонилась Наташа, нервно освобождая ладонь из руки Алёхина. - Слышишь? Громыхает. Где-то рядом РСЗО работает. А в селе военные.

- Плевать мне на военных и на канонаду, - жарко, торопливо зашептал Александр. - Главное — ты жива, рядом со мной, а больше мне ничего не нужно. - Алёхин снова взял девушку за руку. - Почему ты жива?

- Может, мне снова в могилу лечь? - злым шёпотом предложила Наташа. - Наверное, так будет лучше для нас, москаль ты не добитый, нацик чёртов.

- Ну и жаргон у тебя, - поморщился Алёхин, но спохватившись, добавил. - К чёрту гробы, могилы и нациков. Если ты сейчас не расскажешь мне, что всё это значит...

- И, что ты сделаешь? - с холодной усмешкой спросила девушка. - Пожалуешься Путину или в ООН?

- Встану и пиду с дворища, - выпалил Александр.

- Глядите, люди добрые? Ватник на украинской мове забалакал, - Наташа выпрямилась, собирая в пучок волосы и передвигая на другое место заколку.

- Я серьёзно, - Алёхин, сжав зубы, чтобы не застонать, начал приподниматься, но ладонь девушки не позволила ему это сделать. - Точно тебе говорю. Встану... Пойду, куда глаза глядят.

Наташа отдёрнула руку.

- Иди. Вот так, полуголый и вали отсюда. Весь в наколках. Посмотрим, далеко ли? Тут сейчас — чересполосица, торт

Наполеон. Сам чёрт не разберёт, где ВСУ, а где русские.

- Тогда застрелюсь, - Александр начал переворачиваться на бок, потом с неожиданной быстротой выхватил из кобуры, висевшей у Наташи на поясе, пистолет, взвёл курок и приставил дуло к виску.

- Отдай, - Наташа спокойно протянула руку. - Отдай. С оружием так не шутят.

- Пока не расскажешь мне, что с тобой… Что с нами произошло, почему ты здесь, и что всё это значит, не отдам?

- Эй! Голуби! - стук в перегородку и женский голос заставил девушку раздражённо оглянуться.

- Что, мама?

- Тише вы там. В пяти километрах пушки стреляют неизвестны чьи, а вы, словно войны на вас нет. Дед Васыль на разведку пошёл, узнать, что к чему, а твой ухажёр самогоном машину загрузил и рванул отсель тропой через поле. Уже и любовь ему не нужна. Вот хлопцы ныне пошли... Так, что до поры сидите тихо, словно мыши.

- Ладно, мама, - Наташа снова повернулась к Алёхину. - Между прочим, у меня к тебе тоже вопросы есть. Когда и где ты себе иконостас нацистский наколол? Как сюда попал? Почему на шее твоей жетон ВСУ болтался? Задавать ещё вопросы? У меня их есть для тебя.

- Знаешь, - Алёхин удобнее перехватил рукоять пистолета, плотнее прижимая дуло к собственному виску. - Договоримся так. Ты начинай первая. Расскажи мне, что ты чувствовала, когда я сидел рядом с твоим бездыханным, обезображенным телом в морге? Что за волшебник погрузил тебя в летаргический сон? Кто, когда дал тебе живой воды напиться, чтобы воскреснуть? И вообще... Каким чудесным образом ты летаешь во времени и пространстве? Может, ты ведьма? И метла у тебя есть? Ты даже чем-то похожа на паннычку из Гоголевского «Вия». Почему на тебе камуфляж? Почему у тебя оружие, почему какой-то придурок алкаш ухлёстывает за тобой? Давай!

Даже в сумраке Наташа заметила, как палец Александра, лежащий на курке, напрягся и побелел.

- Хорошо, хорошо. Ну, пожалуйста. Не дури. Отдай пистолет... Беседа наша будет длинной. До рассвета всё рассказать не успею.

- А ты — самое главное. Начни с того вечера в ресторане,

когда тебя машина сбила. Ведь, всё было подстроено! - осенило Алёхина. - Кем, почему? - капитан положил оружие в раскрытую ладонь девушки, затем со стоном опустился на подушку.

- Больно? - вместо рассказа спросила Наташа.

Александр, кивнув, повернул голову так, чтобы лучше слышать.

- Тебя бы в больницу отправить, - сказала девушка.

- Обойдусь. Заживёт, как-нибудь.

- Как-нибудь нам не надо. Мы должны вернуть обществу полноценного человека.

- Хватит цитатами из «Кавказской пленницы» сыпать. Рассказывай.

- Хорошо. Ты только не волнуйся. Ладно? Итак... Даже не знаю с чего начать. Родилась, училась в Донецке. Потом переехала в Киев. Молодая была. Дура дурой. Даже Майдан четырнадцатого года какое-то время поддерживала. Янукович тогда всем надоел. Дальше нацики власть стали к рукам прибирать. Если ты не в курсе... Не только в Донецке с Луганском люди бунтовали. Было ещё восстание в Харькове. Когда шахтёры здесь старую власть свергли, мой отец в Харьков двинул на помощь местным русским. Сестра моя младшая с фанатами футбольными в то время тусила. Совсем от рук отбилась. Мы с мамой остались одни. Бывало так, что денег на еду не хватало. Зарплаты на Донбассе тогда мизерными были. С продуктами — перебои. Хотя, если имелись деньги, особенно доллары, всё можно было достать. Вот мама мне и сказала, езжай в Россию. Там работу нормальную найдёшь. Мне, мол помогать будешь, пока отец не вернётся. Вот так я оказалась в Москве. Потом с тобой познакомилась. Влюбилась даже. Жизнь налаживалась, хотя поначалу было не просто. Одно время я даже работала в службе «Секс по телефону». Представляешь?

- Угу. Голос у тебя подходящий, обволакивающий, - слабо улыбнулся Алёхин. - Но ты не отвлекайся. Рассказывай дальше.

- Дальше — будет только хуже, - тяжело вздохнула Наташа. - От папы не было вестей года три. Я даже стала привыкать, что его нет. Просто пропал человек. Будто в воду канул. Мама в село переехала. От бомбёжек, от обстрелов сбежала, не выдержала. Сестра в армию украинскую пошла добровольцем. Где она, что с ней, до сих пор не знаю. Доходили слухи... Через общих знакомых... Думала — злые языки врут из любви к искусству... Впрочем, это другая история... И вот, когда

решила, что я тебя в лотерею выиграла, что счастье — здесь, рядом, меня нашли укры, сволочи. Показали видео, где отца избивали, пытая так, что я и представить себе не могла. Я вырывалась, не хотела смотреть, кусалась, отворачивалась, но... Если коротко, то американские фильмы ужасов — детское кино. Потом, после проникновенных бесед о патриотизме, долге перед нацией и прочей хрени, мне сказали: «Либо ты работаешь на нас, СБУ, либо отца тебе будем присылать по частям, начиная с гениталий». Об остальном ты можешь догадаться. Сцена с машиной, с тем наездом была инсценировкой, а перед этим в туалете ресторана, мне сделали соответствующий кровавый макияж, потом в вену воткнули шприц с какой-то дрянью. Сказали, что у меня две минуты прежде, чем я отключусь. Думаю, что это был препарат, с помощью которого можно сымитировать все признаки смерти. Один из нациков, прикрывая меня зонтиком, вывел на улицу... Я почти не помню, что было дальше, но на инстинктах сгруппировалась... Представляю, как это страшно выглядело со стороны... Удача, что меня удалось вывести из того состояния. Не знаю, сколько денег заплатили врачу и санитару в морге... Думаю, скоты, которые со мной это провернули, не расстроились, если бы я на самом деле умерла... Зачем им нужна была та кровавая сцена, до сих пор не понимаю.

- Значит, когда я сидел у твоего гроба, ты ничего не слышала и не чувствовала? - тихо спросил Алёхин. - Похороны тоже были имитацией?

- Наверняка. Только с пустым гробом. Эти парни денег не жалели. В это время моё почти бесчувственное тело волокли в аэропорт для отправки через Минск в Киев.

- Понимаю... Ты теперь — штатный агент СБУ? - с угрозой в голосе просил Алёхин.

- Если бы, - покачала головой девушка. - Хотя мне предлагали. Говорили, что внешность у меня сногсшибательная. Типа — далеко пойду.

- И?

- Ты же меня знаешь. Если я упрусь, меня с места не сдвинешь. Верните мне отца, тогда и поговорим. Вот такое было моё условие.

- Судя по всему, не вернули, - задумчиво глядя на печальное лицо Наташи, тихо сказал Александр.

- Его замучили до смерти ещё два года назад, а всё это время мне морочили голову, попросту, врали.

- Странно, что тебя так просто отпустили.

- Просто? - Наташа упрямо наклонила голову. - Если бы ты знал, чего мне это стоило. Впрочем, зачем тебе подробности? Это у нас здесь кошмар ужасом погоняет, а Москва живёт своей жизнью. У вас там сплошные праздники... Сценарий к фильму можно написать, как меня избивали, уговаривали, угрожали, потом в камере из петли вытаскивали. Как в психушку отправили, кололи всякой гадостью, таблетками пичкали... Тоже рассказывать?

- Но не сломали, - Алёхин нежным прикосновением руки к колену, обтянутому камуфляжем, остановил словесный поток. - Прости. Это всё из-за меня.

- Твоей вины здесь нет, - всхлипнула Наташа, вытирая рукавом слёзы. – Такая у нас система. Это то, во что превратили Украину. Ложь, предательство, насилие, стукачество на близких в этом ужасе стало нормой. Это конец всей эпохи «Моя хата с краю». Это — нацизм в самом диком, животном, ужасном проявлении. Не знаю, есть Бог на свете... Не знаю... Может, это он помог мне всё выдержать, но меня отпустили... Сказали, что есть приказ сверху, а так, продали бы за бугор на органы... Говорили мне: - Ты девка красивая... Сначала развлекались бы с тобой по самое не могу... В конце концов эти сволочи прочитали, заставив слушать, досье на меня, чтобы знала, какая я сука и мразь. Лейтенант СБУ — планктон офисный, мразь прыщавая, с ухмылочками, с издёвкой читал мне протоколы допросов, где не было ни одного слова правды... Потом взяли подписку о неразглашении тайны и отпустили, дав понять, что это ещё не конец, а что-то типа отпуска для восстановления нервной системы. Сказали, что наступит время, когда мои услуги вновь будут нужны Батькивщине. Вручили предписание, как специалисту-медику, в военный госпиталь, хотя я думала, что эти суки однажды ночью пустят мне пулю в голову... Так они делали это со многими бабами до меня, сидевшими со мной в одной камере... Сначала насиловали, потом расстреливали... Сволочи. Врачей им, видишь ли, теперь не хватает. Будь моя воля, я бы всех раненых азовцев и прочую нечисть собственными руками прямо на койках в госпиталях удавила бы...

В порыве жалости и нежности Алёхин попытался приподняться, чтобы прикоснуться рукой к щеке девушки, но та, заметив движение, удержала его за плечи, наклонилась сама, позволив капитану обнять себя. Они застыли в таком положении. Александр чувствовал биение сердца Наташи. Он испытывал к ней такую любовь и сострадание, что едва не задохнулся от спазма, перехватившего горло.

- Довольно… Пусти, - отстранилась девушка. - Жалость твоя мне по барабану… Господи! Ну, за что мне всё это?

- Наташа! Посмотри на меня, - Алёхин схватил девушку за запястья, слабым давлением собственных рук заставляя остаться рядом с ним. - Всё позади, всё постепенно образуется. Главное — мы живы, остальное не важно. Время и не такое способно излечить.

- Не говори банальностей, я тебя умоляю, - тихо сказала Наташа. - Ничего ещё не кончено. Слышишь? Громыхает.

- Гаубицы или самоходки, - Александр старался поймать ускользающий взгляд девушки.

- Эх, ты… Вояка, - криво усмехнулась Наташа. – Я же сказала, РСЗО работают. Ты звук выстрела орудий от пуска ракет не можешь отличить. Скоро закончат. Позицию поменяют, чтобы ответным огнём не накрыло. Где там мама, интересно? Рассвело, а у неё лампа горит. Впрочем, все бабы на селе так делают. Дают понять русским, что в хатах гражданские есть.

- Во двор вышла, наверное. Женщины — они любопытные.

- Теперь — не до любопытства. Деликатная она. Откровения наши слушать не желает. У неё в огороде пост наблюдательный есть. Оттуда далеко степь видно. Если, что… Предупредит нас… Ладно. Давай. Теперь твоя очередь рассказывать…

- Знаешь, - Алёхин повертел головой, устраиваясь на подушке так, чтобы меньше чувствовать боль в спине и груди. - Я, кажется, догадываюсь, кто отдал приказ отпустить тебя и перевести в госпиталь.

- Да, откуда тебе знать?

- Знаю, поверь. Это — Лазутина. Генеральша. Заместитель Начальника департамента контрразведки СБУ.

Наташа удивлённо выпрямилась.

- Слышала про эту сволочь. Да, с какой стати ей обо мне беспокоиться?

- Думаю, её попросили.

- Кто? Не говори загадками.

- Олеся Полянская, сестра твоя.

- Боже мой! Откуда ты знаешь? Да, кто ты такой, мать твою?

- Не ругайся, - Алёхин справился с волнением и наконец встретился глазами со взглядом Наташи. - Не удивляйся, не

перебивай. Расскажу о себе, нынешнем. Но только то, что можно рассказать, тогда тебе многое станет ясным... Готова?

- Ещё секунда и я сама тебя пристрелю! - крикнула девушка, хватаясь за ремешок кобуры.

- Ладно, ладно. Итак, я, сегодня... Кстати, по твоей милости... То есть, ты косвенно причастна к этому делу... Короче... Я — капитан СБУ, предатель Родины, в смысле — России. Служу... Вернее, служил в одном из отделов Департамента специальных операций. В связи с тяжёлым положением на фронтах, командирован на донецкий участок. Три дня назад на «передок» приезжала Лазутина с целью сформировать две разведывательно-диверсионные группы. Одну для прикрытия операции по ликвидации российского генерала, командующего группировки Юг. Вторую, для непосредственного исполнения акции. В эту последнюю, кроме меня и прочих офицеров, входила Олеся Полянская, снайпер. Понятно?

- Боже мой, боже мой! - шептала Наташа. - Что понятно? Что должно мне быть понятно?

- Обе группы накрыли наши вертушки...

- Чьи, наши?

- Российские. Чьи же ещё... Нам... Мне вместе с одним хорошим хлопцем, сержантом, удалось выбраться из той мясорубки...

- Это, тогда ты получил пулю в спину?

- Нет. В спину мне стреляли позже, когда мы с Ваней наткнулись на разведку дончан.

- Тогда, причём здесь генеральша Лазутина?

- В общем-то не причём. Она свалила с фронта той же ночью в Киев. Наверное, пиарит спланированную акцию.

- Так это Олеся убила русского генерала?

- Олеся наверняка промахнулась... Не по своей вине.

- Господи! Олеся — снайпер? Я знала, что она - в армии, но, чтобы записаться в снайперы... Да мне плевать, по чьей вине она промазала. Где она сейчас?

- Лазутина покровительствовала Олесе, даже опекала её. Я довольно долго разговаривал с твоей сестрой. По сути, она — несчастный человек, такая же жертва системы... Но диким зверем её сделать не удалось... Они с генеральшей были близки... Ну, ты понимаешь... Думаю, Олеся была в курсе

многих дел Лазутиной и СБУ. Допускаю, что кто-то из офицеров, услышав знакомую фамилию, что-то ляпнул Олесе про тебя. Вот она и подъехала к Лазутиной с просьбой, замолвила за тебя словечко...

- Не верю. Олеся всегда была конченой эгоисткой и нациком.

- Что, и в детстве? И в юности?

- Когда-то она была хорошим, добрым ребёнком. Мама любит её до сих пор. Господи! Ты не думай. Я не чёрствая. Но слов благодарности к этой нацистке у меня нет, - Наташа откинулась на спинку стула, прислушиваясь. - Тихо. И движки у РСЗО не урчат. Смылись, наверное.

- Кто-то должен это вам сказать, - Алёхин, морщась, снова привстал.

- Что сказать? Кому — вам?

- Тебе и маме. Ксении... Ты только не волнуйся.

- Постой, догадаюсь. Олесю ранили?

Александр отрицательно покачал головой.

- Хуже... Её убили. Рядом разорвался снаряд. Осколочный. Я сам похоронил её. Даже место запомнил, потом вам покажу.

Окаменевшее лицо Наташи испугало Алёхина. В растерянности, молча, он смотрел на закушенные губы, пытаясь поймать остановившийся взгляд девушки. Молчание повисло в чулане, словно липкая невидимая паутина. Александра бросило в жар. Он почти физически чувствовал вспотевшим телом прикосновение нитей безысходности, связавших его голый торс с неподвижной фигурой девушки. Это становилось невыносимо, но слова, которые он мысленно подбирал, чтобы утешить девушку, показались ему в эту минуту жалкими, пустыми и банальными.

Голос, прозвучавший за перегородкой, и скрип открывающейся потайной двери, впустившей через широкую щель сноп солнечного света, льющийся из распахнутых настежь окон хаты, вернули капитану ощущение времени. Ксения, наклонившись, протиснулась в дверной проём, коротко, с недоумением взглянув на Александра и на дочь, присела на край постели.

- Ох, ужасу нынче натерпелись мы в селе. А всё война та проклятая, - женщина скорбно поджала губы. – Уж, на что мы привыкли к ранам и крови, а каждый раз дрожь пробирает. Гореть им в аду, бандерам этим. Титка Харитынка сунулась в посадки за коровой, а нет коровы той. Была в лесу схована...

Один обрывок верёвки на колышке болтается. Испугалась животина выстрелов или увели, один Бог знает. У бабки Оксаны порося ещё ночью пропал из сажка. А деда Васыля, словно собаку, пристрелили. И-и, - запричитала женщина, туже затягивая узел на платке, покрывающем голову. - Доболтался возле солдат. Он для курева, для махорки газетку донецкую хранил за пазухой, да свернул цигарку при вояках этих, так через газетку ту и сгинул. Очередью из автомата с криками «сепар» из деда решето сделали. Изверги. А твоего ухажёра, видно, на блок посту тормознуть хотели. А, фельдшер — на педали, и ходу. Внучок бабы Баськи тот случай наблюдал. Раколовку пошёл проверять на речку, а тут — трах, бах. Твой жених — к просёлку, в кусты. «Стой!» - кричат вслед машине. А ухажёр им в ответ: «Хрен вам, а не горилка!» Был бы тверезый, а то — почти в доску. Так его из пулемёта посекли, так посекли. На зорьке БТР притащил дырявое авто на край села уже без твоего милого. Половина бутылей с горилкой — одни осколки. Дух из машины — пить можно...

- Мама! - звенящий голос Наташи заставил Ксению вздрогнуть. - Замолчи!

- А я, шо? Уж и рассказать вам об ужасах наших не можно?

- Не в этом дело. Ты сначала про корову и порося, а потом о людях, которых эти звери постреляли. Поздравляю, мама. У тебя поросёнок — на первом месте, - Наташа поднялась, почти касаясь копной волос низкого потолка.

- Ладно, ладно, умолкаю, - Ксения, обидевшись, поджала губы. - И животина тут не при чём. Если бы не утки, куры и прочая живность, село давно бы вымерло. Магазинов в округе давно не мае, а пенсии вообще не дают... А у вас тут, шо? Наговорились? Всё меж собой утрясли?

- Мама! - Наталья, отвернувшись, вытерла рукавом глаза. - Довольно. Лучше скажи. Наши доблестные захистники ушли?

- Большая часть в сторону Славянска подались, - помрачнела Ксения. - Скорей бы наши выбили их с Украины. Надоело ждать.

- Скорей бы, - согласно кивнула Наташа. - Приготовь что-нибудь на завтрак, а я пока нашего раненого перевяжу, да подумаем вместе, что дальше делать.

- Сниданок? Это я мигом. Омлет с укропом зроблю. Слава Богу куры ещё несутся, - Ксения протиснулась обратно в горницу, оставив узкую дверь открытой.

Заскрипели ставни, в каморке стало немного темнее.

- Маме про Олесю — ни звука, - прошептала Наташа на ухо Алёхину. - Пусть всё остаётся так, как было. Давай помогу тебе сесть. Сейчас бинты сниму... Будет больно.

После завтрака, заново перебинтованный Александр задремал в горнице на хозяйской кровати, чувствуя вместо боли в ране приятный холодок какой-то самодельной мази, вытащенной Ксенией из погреба. Алёхина разбудил тихий, неровный ход настенных часов. Он, открыв глаза, уставился на обшарпанный циферблат, качающийся медный маятник на тонкой спице, кукушку, застывшую в крошечном окошке, когда-то прокуковавшей, но так и не сумевшей спрятаться обратно, по причине выхода из строя пружины дверцы гнезда. Стрелки показывали пять вечера. Александр, опустив босые ноги на земляной пол, неловко встал. Держась за стенку, ему удалось добраться до открытого окна. Ксения сидела на низкой лавочке в тени расщеплённой надвое яблони. Одна сторона дерева была сухой, а на второй алели спелые плоды. Алёхину так захотелось яблок, что он с трудом отвёл взгляд от дерева. Он стал наблюдать за ловкими руками женщины, которая ощипывала курицу. Рядом на куске старой гранитной плитки стоял, сердито сопя старый, весь в копоти примус. На аппарате громоздилась большая кастрюля, из-под крышки которой во все стороны вырывались струйки пара. Александр кашлянул, привлекая внимание Ксении, но тут же пожалел об этом. Кашель отозвался острой болью в груди. Женщина обернулась, положила курицу на огромный лист лопуха, поправила локтем волосы и посмотрела на раненого.

- Проснулся? Вот и славно. Вид у тебя гораздо лучше... Вот, шо мои травы с хворыми делают. Сейчас курчака сварю. Наташа велела бульоном тебя кормить. Но я сделаю погуще, картошечки молодой добавлю, буряка, зелени всякой... Будет нам с тобой на три дня знатный борщ. Дочка всё село обошла. Никто курей не хотел продавать, особенно несушек. До чего дожили... Люди живность держат в посадках за околицей. Понаделали сажков, да клетей в кустах... Во, лихо, лишенько, шо с людьми делает. Одна Галя, та, что на отшибе живёт, уступила курицу. Не могу, говорит, отказать славной захистнице Украины. Вот зараза баба. Но взяла сто гривен, патриотка щирая.

- А сама Наташа где?

- Так нет её. Грицько тут ехал мимо села. Тот, что молоко по окрестным хуторам собирает, потом аж в Соледар возит раз в две недели. Телега у него небольшая, на три бидона

сорокалитровых. Вот доча с ним и договорилась. Ещё до полудня попылили по грунтовке. За Григоровкой повернут на другую дорогу. Просёлок, но безопасный. Этот Гриць ушлый хлопец. Даром, что без руки. Русский осколок ему клешню отрезал. Чик, и всё. Как на этой яблоне, - Ксения показала локтем на дерево. - Он все тропы в округе, все просёлки знает, чтобы блокпосты и засады миновать. Асфальтом нынче ехать себе дороже. Коптеры сверху за всеми тут следят, - грязный, указательный палец Ксении показал на небо. - А чьи эти коптеры, не разобрать.

- В основном они китайские, - натянуто улыбнулся Алёхин.

Его беспокоило внезапное исчезновение Наташи. То ли рана, то ли сердце заныли, отзываясь болью в груди.

- Оно конечно, - согласилась Ксения. - Но лучше бы на них знаки рисовали, чтобы увидеть можно, где русский, а где укроповский. Да ты, бачу, обиделся, что Наташа тебя не разбудила?

- Я думал — она останется, - растерянно сказал Александр.

- А, чего ради? - Ксения, закончив потрошить курицу, стала резать её на части и бросать в таз с чистой водой. - Тебе рентген бы сделать. Рана паршиво выглядит. Может в ней кусочек свинца застрял. В больницу тебе нужно ехать. Найдёт доча транспорт, вернётся.

- Какой транспорт в нынешней ситуации? - раздражённо откликнулся Алёхин, трогая пальцами проступившее через бинты пятна сукровицы и гноя. - Линия фронта — условна, серые зоны обстреливают со всех сторон. Сёла переходят из рук в руки. Зря вы её отпустили.

- Я ей тоже самое говорила, но разве вы, молодые, батькив слухаете. Вон, в соседнем селе, километров пять отсюда... Даже не «Азов» и не «Айдар» на постое были, а простые морпехи. Так прямо на улице поймали двух дивчин, потом насиловали неделю, а в конце, зарезав, словно коз, зарыли в овраге... Ох, ты, Господи! Где ты и, шо себе думаешь? - Женщина перекрестилась. - Наталка сказала... Если не договорится в Соледаре насчёт машины, приедет на перекладных, но с лекарствами. Тебе антибиотики нужно пропить и рану почистить. Ты бы пошёл, да полежал, пока борщ не приготовлю. Рано тебе ещё вставать. Спал бы, пока в селе тихо.

В эту минуту Алёхин осознал, каким он был счастливым в тот день, когда увидел Наташу живой. Счастье наполняло его душу даже тогда, когда девушка рассказывала ему свою

историю. То, что случилось с ним после «несчастного случая» На Тверской: тоска, отчаяние, вербовка фальшивым сирийцем, переезд на Украину, допросы, имитация расстрела, рискованная игра с украинской разведкой, возможность собственной гибели, всё это уже не имело значения, а лишь обостряло ощущение счастья.

«Оно оказалось недолгим», - подумал капитан, с обречённостью признавая, что ничто в этой жизни не вечно.

Александр наклонил голову, понюхал повязку, сморщил нос и, почувствовав головокружение, хватаясь руками за стенки из-за слабости в ногах, вернулся к постели. Чуть постанывая, он медленно лёг на спину, закрыв глаза, но беспокойство, рой мыслей не давали заснуть. За последнее время он слишком много узнал об украинской армии, чтобы не волноваться за Наташу.

Девушка не вернулась ни через день, ни через три, ни через две недели. Ксения напрасно по вечерам вынимала из тайника сотовый телефон и звонила дочери. Всё было напрасно. Наташа на звонки не отвечала. Ксения делала вид, что в этом нет ничего страшного, но по ночам молилась за дочь, а днём с каменным выражением лица выполняла рутинную работу по дому, продолжая лечить Алёхина своими самодельными мазями, травяными компрессами и настойками.

- Ничего, - приговаривала она, меняя повязки. - Мабуть раненых дуже богато, не отпускает начальство... Вон, россияне. Палят из пушек, не переставая, снарядов не жалеют. Оно и правильно... Нечисти меньше будет... Приедет, никуда не денется. Потерпим, правда? - поднимала Ксения глаза на Александра.

- Конечно, - как можно беспечнее ответил Алёхин, принимая правила игры, но его беспокойство росло с каждым днём, усиливаясь по ночам.

К тревоге добавлялось раздражение от рассказов Ксении об ужасах войны, о которых он ещё месяц назад даже не догадывался. Однако, война уже успела оставить свои следы в его душе, постепенно обволакивая её паутиной равнодушия к чужим судьбам и привычкой к насилию. Именно поэтому он не почувствовал сочувствия и печали, узнав о смерти деда Василя, который первым нашёл Алёхина на берегу реки и, который, по сути, был спасителем капитана. Александр всё чаще думал о том, что в эти смутные времена цена человеческой жизни упала до цены пачки сигарет.

- Господи, - вздыхала Ксения, возвращаясь в хату после коротких разговоров с бабами, обсуждавших слухи, циркулирующие по округе. – Опять бандеры понаехали. Самогону этим чертям мало. Сегодня ночью забрались в хату к бабке Христине. Насильничали с ней до утра. Слава Богу баба крепкая, не сгубили её понапрасну. Соседка говорит, что сама полночи в речке пряталась по горло в воде. Боялась, что и до неё эти нехристи доберутся... А в хате Христины — мат, перемат, мат, перемат. На рассвете ушли, а Христина пошла отмываться. Считай целый подол шприцов на своей кровати насобирала. Взводом насильничали, все обколотые, дурные...

Александр кусал губы, проклиная свою беспомощность, свой страх перед страшной реальностью, в которой оказался. Боль от раны переросла в душевное недомогание. Он начал злиться из-за того, что почти каждый день мысленно представлял себя на месте деда Василя, нарвавшегося на автоматную очередь солдата наркомана. Однажды ночью во сне Алёхин увидел придурковатое лицо сельского пастуха, тронутого умом парня, который неделю назад в поле наступил на мину и теперь умирал с оторванной по колено ногой от гангрены в хате с проломленной крышей на руках у матери. Скорую помощь в село не пропустили солдаты «Кракена», забрав машину для своих нужд. Он слушал разговоры Ксении с соседками по улице про виденные кем-то танки с чёрными крестами, про американские ракеты, выпущенные с каких-то дальних позиций за лесом по Донецку, где за сутки погибло несколько десятков мирных жителей, про удары по Херсону, Новой Каховке, по какому-то Энергодару, о котором он никогда не слышал, но там, оказывается ещё работала атомная электростанция.

- Это просто безумие, - шептал он, кусая губы. - Страшный сон. За что он мне?

Однако, со временем Алёхин физически начал чувствовать себя лучше. Рана перестала гноиться. Место, куда попала пуля, почти затянулась молодой кожей. Александр уже довольно бодро передвигался по горнице, но дальше порога хаты Ксения его не пускала.

- От греха подальше, - ворчала она, вырывая из рук Александра стамеску с молотком, когда он попытался починить разваливающийся табурет. - Дезертиры в лесах шастают. По трассе броневики в сторону фронта едут. Бабы видели шевроны Кракена на рукавах у солдат. Разведку российскую вчера в поле заметили. А може, то беглые дезертиры были... Сиди уже в хате за перегородкой, хлопче, на двор носа не высовывай. Время скоро всех успокоит. И президента зелёного нашего

придурковатого, и Байдена, кочергу ему в печёнки. Лишь бы Путину здоровья побольше дал.

- Путин для вас — что-то вроде Иисуса, избавителя, - криво с сарказмом улыбнулся Алёхин. - Только его могущество, похоже, сильно преувеличено.

- Поживём, увидим, - парировала Ксения. - Ты думаешь — так просто сатану сокрушить? - перекрестилась женщина. - Всему — свой час и срок. Скорей бы хотелось, да потерпим чуток...

Для села день начался буднично и привычно. Где-то далеко заработала артиллерия. К полудню в южном направлении пролетела сначала пара Су-25, а потом десяток вертолётов. Алёхин, высунувшись из окна, так и не смог определить, чья это была авиация. Расстояние и зной, заставляющий дрожать воздух, размывали очертания авиационной техники. А через три часа, когда почти стихла далёкая канонада, на центральной улице появились три бронированных вездехода без опознавательных знаков. За ними двигался грузовик, кузов которого был затянут маскировочной сеткой, а кабину прикрывала решётка из железных прутьев. Колонна остановилась возле дома, в котором когда-то была сельская лавка. Из кузова грузовика начали выпрыгивать солдаты, потом на земле появилась груда мешков, в которые начали насыпать сухую землю прямо с огородов.

Ксения забежала в хату вся раскрасневшаяся с трясущимися губами.

- Ховайся за перегородкой. Офицеры, шо повылазили из чёртовых джипов, уже по селу шастают. Вроде дезертиров ищут. Ох, лышенько, горе. Оборону в селе налаживают, окопы роют, да самогону опять требуют.

Алёхин двинулся к своей потайной каморке, но в эту секунду скрипнула входная дверь. За спиной раздался топот армейских башмаков.

- Уф! Жара, будь она неладна. Начало сентября, а дождей всё нет. Эй, баба! Сыровец домашний е?

Александр застыл возле печки, раздумывая поворачиваться лицом к вошедшим или нет.

- Квас? Как не быть? - заворковала Ксения. - В погребе вас дожидается. Знала, что защитники наши могут заглянуть в село, вот и приготовила. Жалко борщ не поспел, ещё нужно заправлять буряком и зеленью. Зрада, что нема хлеба свежего,

зато есть сухари старые прошлогодние заплесневелые. Да, где ж его хлебушка нынче взять?

- Так, доваривай борщ, да тащи сюда, карга старая. Чего зря базар здесь устроила. Вот, бабы. Ну, шо за народ? Строчит, словно пулемёт. Сто слов в секунду... А ты, кто такой? Ау, перебинтованный! Повернись к нам рожей. И руки подними выше.

Алёхин медленно развернулся к двери. У порога стояли два офицера. Один из них, старше по возрасту, был без знаков различия, но в бронежилете, а у второго на плечах красовались погоны лейтенанта, а на левом рукаве - шеврон СБУ.

- Глянь, Виталий! - воскликнул обладатель натовского бронежилета. - И жетон у него на груди болтается. Постыдился бы ховаться под бабской сподницей. Снял бы жетон, не позорил Украину. Во, дезертиры, сволота проклятая. Совсем обнаглели. Сидит тут, зараза, на печи, семочки щёлкает...

- Погоди, Остапыч! Да я ж его знаю! - Воскликнул лейтенант, возвращая пистолет кобуре и подходя ближе. – Волков это. У нас кабинеты в разных концах коридора были. Волков! Ты, чё? Не помнишь меня?

Алёхин, переведя дыхание, сдержанно улыбнулся.

- Извини, брат. Ранен, да ещё контужен немного. Память почти отшибло. Впрочем, лицо знакомое...

- Ха! Остапыч... Глянь на него. Конечно знакомое. Денисенко я, Виталий. Всякой хреновиной бумажной у нас занимался, а потом повысили. За диверсии теперь отвечаю, а ещё - за розыск агентов москальских на наших территориях. Ну, вспомнил?

- Да, да... Денисенко. Вспомнил, - Александр улыбнулся ещё шире.

- То, то, чертяка. Ты у нас почти героем стал. Тебя уже и похоронить успели. Никто из твоей группы после той операции с москальским генералом не вернулся. Скажу тебе честно. Мы же офицеры. Нам по долгу службы положено или перемогу добыть или сгинуть. А вот бабу, снайпершу из вашей ДРГ, жалко. Не за шо сгинула... Красивая дивчина была, - лейтенант восхищённо поцокал языком. - Мордаху её во всех газетах напечатали. Начальство наше... Это потом подробности про акцию узнало, а сначала решили, что ваша группа генерала завалила. Сам пан Зе телефоны в СБУ оборвал. Хотел вам героев Украины всем дать посмертно. Шукайте, визжал, фотки для прессы. Типа, перемога великая. Батькивщина повинна знать своих хоробрых

захистников. Распиарили акцию так, шо дальше некуда, а потом выяснилось, что это не вы, а пушкари наши из гаубиц генерала того накрыли двумя днями позже. А ты, вот он, живой...

- Повезло, - поморщился Алёхин. - Пуля навылет прошла. Если бы не местные бабы, помер бы в одночасье. Подобрали, на себе тащили, выхаживали, как родного.

- Кто бы мог подумать? - проворчал старший офицер. - Я думал, что местное быдло здесь москалей ждёт не дождётся.

- Видать, ватников с колорадами тут давно постреляли, одни патриоты остались, - небрежно сказал Алёхин, избегая смотреть на Ксению. - Вот, скажи, Виталий... Что простая баба может понимать в ранах?

- Кто её знает, - откликнулся лейтенант. - Хотя в таких сёлах, как это, в степной глуши наверняка ведьмы остались. Вот не явились Остапыч и я, вылечила бы тебя старуха, а потом на горбу твоём над селом стала летать. В постель бы к тебе залезла, чернобровой дивчиной прикинувшись. Во, гляди, какими очами на нас смотрит. Тут, не то, что Гоголя вспомнишь, а сатану, чёрт бы ему в печёнки.

Громкий хохот офицеров заставил Ксению прикусить язык, хотя на его кончике едва держалась дерзкая колкость.

- Да я не против полетать, - поддержал шутку Алёхин. – Главное, на ноги она меня поставила. Месяц назад я пластом лежал, да матом эту войну крыл. Мысли разные бредовые в башку лезли... Думал, здесь в этой грёбаной хате и помру.

- Собирайся, - «включил» командира лейтенант. - Главное, ты живой. Такие боевые офицеры ныне на шляху не валяются. С офицерским составом у нас беда. Многих повыбили. Мы к вечеру, по холодку, в сумерках обратно поедем.

- А я решил, что вы здесь оборону будете держать. Бойцы, чего тут без вас делать будут?

- Что приказано, то и будут, - поморщился, словно от зубной боли Остапыч. – На хрена сержанты? Им даны все нужные команды. Без нас справятся.

- Чёрт с ними, бойцами, - шепнул на ухо Александру Виталий. – Пушечное мясо и мусор, таких не жалко. Хлопцы из последней мобилизации, резервисты. Без поддержки арты продержатся пару суток, то и ладно. Собирайся.

- Из камуфляжа одни штаны на мне остались, - с ухмылкой сказал Алёхин. – В таком виде ходить классно, если бы бабы

молодые в селе оставались. А так офицеру ехать стыдно...

- Приоденем, - пообещал лейтенант.

Через четверть часа Алёхин в пыльном камуфляже с чужого плеча, который был ему мал, кряхтя и постанывая, забирался на заднее сиденье Хаммера, откуда соскочил низенький боец, пересевший в другую машину.

- Нормально? - Обернулся Виталий. - Если что, там вещмешок есть с барахлом. Подложишь под голову, если худо станет.

Офицер постарше в свою очередь тоже оглянулся.

- Волков! Что-то с бабой ведьмой ты уж больно нежно прощался в хате. Странно.

- Остапыч! - Воскликнул лейтенант. - Не будь святей батьки нашего Бандеры... Волков! Не обращай внимания. Он у нас вроде партайгеноссе Мюллера. Всех подозревает. Ха-ха. У вас там во Львове все такие подозрительные, да идейные? А, майор?

- Кому надо, тот и подозрительный, - проворчал офицер, заводя двигатель. - Не то, что вы здесь. Обмоскалились. Настоящей мовы не услышишь. И не замай языком своим поганым львивских патриотив.

- Ага, патриоты, - легкомысленно воскликнул Денисенко. - Мы тут кровь за Неньку проливаем, а ваши по шинкам сидят, пиво польское дуют.

- Скажем проливать, значит будете проливать. На то вас и разводили, - со злостью ответил Остапыч, наблюдая в зеркало заднего вида за формированием колонны их трёх внедорожников. - А мы среди таких — белая кость. Кровь у нас шляхетная, ценнее вашей в разы.

- Слышал, Волков? Мы с тобой для майора быдло, биологический мусор, а он, что-то вроде пана голубых кровей. Зря таких, как Остапыч, под корень не извели русские после той, прошлой войны. Вони было бы меньше.

- Шо? А, ну повтори!

Резкий удар по тормозам остановил машину на краю села. Пистолет в руке офицера был направлен в лицо Денисенко. Сзади просигналил Хаммер, который едва не врезался в бампер передней машины. Алёхин, восстановив равновесие, крикнул с заднего сиденья:

- Эй, парни! Хорош фигнёй страдать. После нашей победы счета личные друг другу предъявлять будете. Поехали уже,

пока беспилотник москалей нас не застукал.

- Ещё раз пасть свою вонючую откроешь, зубы в глотку вобью, - прохрипел Остапыч, убирая оружие. - Пошёл назад к своему приятелю. Швидко!

Лейтенант, зло повторяя себе под нос ругательства, перелез к Алёхину.

- Ты видел это, Волков? Будешь свидетелем. Рапорт на него, суку львовскую напишу, - зашептал Денисенко, жарко дыша Алёхину в ухо. - Взял моду пистолетом мне в нос тыкать.

- Брось, - Александр обнял лейтенанта за плечи. - Не мельтеши, дыши ровнее. Ещё не вечер.

- Это, точно, - Денисенко несколько раз глубоко вздохнул. - До первого боя пускай живёт. А там, пуля - в спину, и повезут нашего майора в цинковой домовине аж до самого Львова.

- Не мели языком, - Алёхин не повышал голоса, стараясь, чтобы рык мотора и железный голос карданного вала глушили слова. - Лучше скажи — мы сразу в Киев или есть дела по дороге?

- Понимаю. Тебе в Киев охота. Чистая постель, девку какую подцепить можно сейчас дёшево... Будем там обязательно, но позже.

- А, чего не сразу?

- Ты пока в этой глуши парился с ведьмами, много чего случилось. У нас — перемога намечается под Харьковом. Погоним москалей, аж пятки у них засверкают. И ракеты им не помогут, и чечены Кадырова.

- Так уж и погоним?

- И так, и эдак. И в хвост, и в гриву. Не сегодня, так завтра до своей границы побегут.

- А ты не брешешь?

- То Арестович с Гордоном брешут... Похоже - проспали москали наш контрнаступ. Мы резервы подтянули скрытно, да технику эшелонами. Натовцы всю операцию спланировали на основе своих данных со спутников. Под Харьковом русских сухопутных частей почти нет. Правда у них полно артиллерии, но без прикрытия пехоты. Бронетехники с гулькин нос. Одно старьё вроде совковых БМП.

- Не может быть! Может, разведка ошибается?

- Может, не может. Знаю одно. Все боеспособные части они ещё две недели назад перебросили южнее. Линия фронта на Севере с их стороны — решето. К тому же у москалей принцип ведения войны дурацкий. Жизнь солдата дороже. Так, что мы сейчас двигаем под Харьков. Всех лишних молодых пацанов из СБУ туда бросают. Пан Зе сказал — гнать ватников до самой границы, а в Изюме, Балаклее, в других местах всех сепаров зачистить. Кто москалям помогал, кто сочувствовал, кто цветочками встречал, кто деток на русском начал учить. Короче — всех. А с этим придурком, Остапычем будь осторожней. Гад он, каких мало. Белой костью себя считает. Майор хренов. Знаешь, за какие заслуги звание получил? Пленных резал ножичком. Чик по горлу, а потом яйца у них клещами откусывал... Говорил, высушу, чётки из них сделаю... Но ничего, он у меня дождётся.

- Шепчетесь, голубки? - Неожиданно обернулся, молчавший до той поры Остапыч. - Волков! У тебя выговор, что ни на есть, москальский. Где ты русскому так выучился?

- В Москве, - равнодушно отвернулся к окну Алёхин. - Предатель я, чтоб ты знал. Идейный предатель. Режим путинский ненавижу.

- Гонишь? - Майор внимательно изучал лицо Алёхина, глядя в зеркало заднего вида.

- А, чего ему гнать? - воскликнул Денисенко. - Спец он. В компьютерах шарит. Тебе до него, как до Китая босиком. Мозги у тебя, Остапыч, не те. На другое заточены.

- И на что же?

- Чтобы какую пакость нормальному офицеру сделать. Доносец нацарапать на ближнего. С трупами русских, не тобой убиенных, пофоткаться на фронте. Ты ж только беззащитных мастер резать. На то большого ума не надо.

- Ты опять за старое? - с угрозой в голосе спросил майор. - Закрой хлебало.

- Сам закрой, - вошёл в раж Денисенко, в свою очередь доставая из кобуры пистолет.

- Хорош, мужики, - Алёхин, схватив оружие за ствол, вырвал пистолет из рук лейтенанта. - Вы, чего, совсем озверели? Приедем на место, доложу о вас по начальству.

- Ой, как страшно, - ухмыльнулся Остапыч, не отводя глаз от дороги, несущейся под колёса внедорожника. - Сейчас в штаны наложу.

- Не совестно вам? - Алёхин потрогал рукоятью пистолета собственный висок, где начинала пульсировать боль. - Собачитесь, словно дети малые. На фронте браты наши гибнут, а вы за волыны хватаетесь.

- Браты? - Майор продолжал зло улыбаться. - Слышал, Денисенко? Москаль в браты нам набивается. Сало наше ели в прежние времена такие браты, а нам голодоморы устраивали. И не совестно было. Впрочем, совесть для таких не член. Без неё прожить можно.

Алёхин, мысленно выругавшись, снова отвернулся к окну, не слушая злое брюзжание майора. Мимо в сумерках проносились телеграфные столбы, неубранные поля, тёмные силуэты сожжённой военной техники. Александр машинально вертел в руке пистолет, потом опомнившись, повернулся к лейтенанту и протянул оружие.

- Оставь себе, - тихо сказал Денисенко, с ненавистью глядя на бритый затылок майора. - У меня такого добра — десяток в вещмешке.

Алёхин пожал плечами. Сунув пистолет за брючный ремень сзади под куртку, он через заднее стекло посмотрел на дорогу. Колонна из трёх машин двигалась довольно быстро, однако через два часа сумерки сменились почти абсолютной темнотой. Александр через плечо майора рассматривал приборную доску. Спидометр показывал восемьдесят километров в час, а цифровые часы — половину первого ночи. Алёхин, насколько позволяла теснота кабины, забитой ящиками с патронами и какими-то узлами, вытянул ноги, затем начал осторожно разминать плечи, подсчитывая пройденное расстояние.

- Указатель на развилке проскочили, - тихо сказал Денисенко. - Полтава — направо, Харьков налево, двести ке ме. Что-то блокпостов наших не видно.

- Ближе к Харькову замучают. Тормоза начнутся. В темноте могут и пальнуть сдуру, - откликнулся майор. - Надо где-то заночевать.

- А, вон, что там справа? - воскликнул лейтенант, наклоняясь и показывая пальцем руки на тёмный фасад здания у дороги.

- Мотель, мать его! - Остапыч стал притормаживать, давая возможность машинам сзади сбавить скорость. Бачишь вывеску?

В свете фар блеснул дорожный знак — стрелка поворота и разбитое стекло рекламного указателя, где ясно читались буквы:

МОТ...

- Будет, где ноги вытянуть, - проворчал лейтенант, открывая дверь джипа.

Бронированные автомобили выстроились в линию перед лестницей, ведущей на высокое крыльцо с массивной стальной дверью. Офицеры, держа наготове автоматы, выходили из машин, настороженно оглядывая двор, заваленный старыми досками и всяким мусором.

- Похоже, сбежали все отсюда, - сказал Алёхин, поднимая голову к окнам.

- Тем лучше, - бросил ему майор. - Пошли хлопцы.

Поднявшись на крыльце, он потянул ручку двери. Стальное полотно, к его удивлению, легко открылась. Денисенко, первым протиснувшись через щель и держа палец на спусковом крючке автомата, зажёг ручной фонарик. Стойка портье сверкнула старым лаком. Луч света, остановившись на пустых ячейках для ключей, заскользил по стенам.

- А, ну-ка, - Остапыч, увидев выключатель, подошёл к нему и щёлкнул клавишей.

Под потолком зажглась единственная лампочка в разбитой люстре.

- Забачь... У них, тут, ресторация была, - сказал один из офицеров, показывая дулом автомата на разбитое стекло двери, через которую были видны несколько столов, пробитый пулями холодильник и стойка для вин.

- Так, хлопцы, - сказал майор, вкладывая свой пистолет в кобуру на бедре. - Рассыпались по этажам. Посмотрите, что к чему. Мне не нужны сюрпризы. Встречаемся в ресторане, мать его.

Офицер подождал, пока сапоги военных прогрохотали по лестнице на второй этаж, заглянул в несколько служебных помещений. Обнаружив туалет, с ухмылкой сказал:

- Хлопцам в мужской, дивчинам в бабский.

- Да, пошёл ты, - огрызнулся Денисенко.

Подталкивая в спину Алёхина, Виталий двинулся к помещению ресторана.

- Задёрни плотнее шторы, а я поищу кладовую. Может, вино какое, где завалялось?

Алёхин не знал, сколько человек сопровождало майора, пока не увидел всех офицеров и не пересчитал их.

«Три сержанта, два лейтенанта, капитан, Остапыч и Денисенко. Со мной — девять», - подумал он, не осознавая зачем ему эта информация.

Через пятнадцать минут почти все собрались в ресторане, где у разбитого музыкального автомата покачивался с пятки на носок майор, изучая список пластинок, от которых остались одни куски, лежавшие на полу.

- Во, какие здесь песни пели, - протянул офицер. - Почти всё на русской мове. Да тут гнездо сепаров було колысь.

- Остапыч. Ты — больной, ей Богу, - сказал Денисенко. - Тут трасса идёт с Востока на Юг в Крым. Какие ещё в таком месте песни нужны?

- Лучше скажи — вино надыбал?

- Какое на хрен вино? Одни крысы в кладовке, да и те, словно, жертвы Освенцима.

- Освенцим классное местечко было для таких, как ты, Денисенко.

- Пошёл ты, - лейтенант, отойдя к окну, стал через щель в портьерах изучать стоянку для машин.

- У вас шо? - Повернулся майор к сержантам.

- На втором этаже ничего ценного. Ни телеков, ни кресел. Только в номерах одни кровати обшарпанные остались, десяток матрасов и светлые пятна на обоях, где картины висели.

- Свернигора где?

- До машин пошёл за самогоном и тушёнкой.

- Молодец! А это шо за явление Христа народу?

В дверях ресторана стоял старик, одетый в длинную бабскую вышиванку. За его спиной улыбался молодой парень из офицеров, сопровождавших Остапыча.

- Во, чего я нашёл! - весело воскликнул лейтенант. - Во дворе у них оказывается погреб есть. Дед прятался там.

- И кто ты, отче? – Майор, взявшись за ворот рубашки старика, потянул деда внутрь помещения.

- Так, это... Сторожую я здесь. Хозяин велел присмотреть за собственностью. Гроши мне на телефон ложит за труды тяжкие.

Если бы не я, тут последнее растащили бы. А вы, паны хорошие, как платить за ночлег будете? Наличными или продуктами?

- Наличными? - издевательски протянул майор. - А это мы ещё посмотрим, какой сервис у тебя, дед. Ага! Вот и самогон. Хлопцы! Открывайте тушёнку, фляжки, наливайте бокалы. Бокалы, дед, у тебя есть?

- Были, да сплыли. Сам из люминия пью.

- Ладно! Из горла будешь?

- А, чего не выпить с хорошими панами? - глаза деда увлажнились. - С нашими захистниками завсегда готов.

Ещё через полчаса все офицеры были пьяны. Кто-то спал, уткнувшись в локти, положенные на столы. Кто-то тупо смотрел перед собой, цедя самогон через зубы, вяло тыкая штык ножами в банки с тушёнкой. Денисенко сидел на корточках перед музыкальным автоматом, роясь в куче разбитых пластинок, отыскивая целую. Майор с остекленевшим взглядом смотрел на деда, изучая вышивку на рубашке.

- Денисенко! Брось ты свои пластинки. Нам сейчас дед сыграет и споёт. Он, чую, все песни москальские наизусть помнит. Помнишь, дед?

- И милай... Лет десять почитай при этой забегаловке состою. Тут такие загулы были, что тебе и не снились. Большие люди, на Полтаву проезжая, у нас останавливались.

- Тогда, начинай, - майор взял в руки штык-нож на манер дирижёрской палочки.

- Оставь деда в покое, - к столу, качаясь, подходил разочарованный Виталий. - Ни одной целой.

- На хрена тебе пластинка? - лениво взглянул на него майор. - Давай, дед. Что-нибудь из Киркорова. А лейтенант Денисенко тебе пару составит. Он Киркорова любит, мать его.

- Куда мне до Киркорова? Стар я уже, - неожиданно заупрямился старик. - И голос не тот. В моё время молодое таких песен не пели.

- А какие пели? - Остапыч, словно в шутку, уколол голую ногу деда кончиком штыка. - Вспоминай, мухомор ты этакий. «Вставай страна огромная, вставай на смертный бой». Эту помнишь?

- На концертах по телевизору на день победы часто пели... Как не помнить?

- На день победы? Вон оно, что? Тогда пой, - майор снова поднял штык, намереваясь дирижировать. - Только на ридной мове украинской спивай.

Старик открыл рот, но тут же сжал губы, с испугом глядя на острое широкое лезвие.

- Чего? Язык проглотил? Денисенко! Помоги деду.

- Отвяжись.

- Нехорошо старшего по званию посылать, - осуждающе покачал головой майор.

Алёхин с тревогой и возрастающим гневом смотрел на бледное лицо Остапыча, глаза которого постепенно наливались кровью.

- Дед! Ты лучше спой нам эту хренову песню, пока я добрый, - не унимался майор. - Раз вышиванку нацепил, значит должен на своей родной украинской мове петь. Кстати, ты где эту рубаху взял? С какой бабы снял, гриб старый? Спивай, кажу. А Волков с Денисенко тебе помогут. Солисты Большого театра, мать вашу!

Тишина, воцарившаяся в помещении, ощущалась огромным ватным одеялом, сброшенным с потолка. Закрытые окна вместе с духотой усиливали ощущение нарастающего ужаса немой сцены. На лбу Алёхина выступил пот. Он всей кожей чувствовал звериную ненависть, исходящую от майора и волнами расползающуюся по углам. Старик сторож молчал, тяжело дыша. Его взгляд не мог остановиться ни на чём конкретном и блуждал от плотно задёрнутых штор к двери.

Движение майора было подобно броску змеи. Лезвие штыка располосовало горло старику от уха до уха. Кровь фонтаном рванула вверх и в стороны, добавляя разноцветной вышивке белой рубахи густого красного цвета. Руки деда застыли на полпути к горлу. В таком положении он стал заваливаться назад, подламываясь в коленях. Остапыч застыл, с любопытством наблюдая за агонией старика.

- На хрена ты это сделал? - Воскликнул Денисенко. - Ты, чего? От самогона совсем офонарел? - Руки лейтенанта дрожали, пальца сжимались в кулаки и тут же разжимались.

Майор, быстро повернувшись, медленно пошёл на офицера.

- Теперь пой ты, сука. Концерты москальские победные смотрел? Колись, гад. Я вас всех заставлю на мове Батькивщину славить. Кричи «Слава Украине»!

Штык нож застыл у глаз Денисенко. Алёхин медленно поднимался со стула. Остальные офицеры, кто с интересом, а

кто с удовольствием наблюдали за происходящим.

- Шо, - рука майора с ножом опустилась к дрожащим губам лейтенанта. - Може, ты от страха язык себе откусил. Дай посмотрю.

Выстрел прозвучал сухо, словно щелчок бича. Майор упал на бок. Вторая пуля, выпущенная лейтенантом, попала Остапычу в голову, и офицер, судорожно дёрнувшись, перевернулся на спину. Резко запахло порохом. Дымящийся ствол пистолета в руке Денисенко не предвещал ничего хорошего. Воронённая сталь ходила ходуном, палец на спусковом крючке побелел. Все, кто был в комнате, вскочили с мест, хватаясь за оружие. Но лейтенант словно обезумел. Он стрелял в шарахающиеся от него фигуры, пока не кончились патроны. Кто-то стрелял в ответ. Денисенко несколько раз отбрасывало к стене. Но он, морщась от боли, поднимался, менял обоймы и продолжал нажимать на спуск пистолета. После беспорядочной пальбы живыми, кроме Денисенко, остались Алёхин, один из сержантов и капитан по фамилии Гончар. Сержант сидел на полу в луже крови. Медленно с усилием он пытался поднять автомат. Гончар торопливо перезаряжал свой Глок, не выпуская из поля зрения неподвижно стоявшего Денисенко.

- Ложись, идиот, - стоя на коленях, крикнул ему Алёхин, выхватывая из-за спины подаренное ему оружие.

Когда обойма в Глоке Гончара щёлкнула, встав на место, левая рука Александра непроизвольно, подчиняясь инстинктам, передёрнула затвор своего пистолета, а палец правой утопил в выемку рукояти спусковой крючок. Две пули попали Гончару в грудь. Тот попятился, непонимающе глядя на Алёхина, споткнулся о перевёрнутый стул, затем упал лицом вниз. Сержант, обречённо поднимая руки, выронил автомат. Держа раненного на прицеле, Алёхин спросил, не поворачивая головы:

- Денисенко! Ты цел?

- А, чего мне будет? - Лейтенант глупо улыбался, ковыряя стволом пистолета дыры на зелёном камуфляже. - Больно, чёрт.

- Так ты в бронежилете? - Догадался Алёхин.

- Говорил этим дебилам. Не снимайте брони даже в койке. Бережёного бог бережёт. Не послушали.

- Ты больной, Денисенко, - Алёхин подошёл к сержанту, ногой отбросил в сторону автомат, обыскал офицера, забрал у него пистолет и оглядел место «битвы». - И чего теперь нам делать?

- Хрен его знает? - Лейтенант обессиленно рухнул на стул. - Знаешь, Волков? Я давно этого гада убить хотел. Постоянно руки чесались. Сука он редкостная.

- Тебя же трибунал теперь ждёт. И свидетель есть, - Волков, нагнувшись, стал исследовать рану на плече у сержанта.

- Так, пристрели его, Волков.

- Сам и пристрели.

- Бог с ним? - Лейтенант вяло махнул рукой.

- С кем?

- С трибуналом. Устал я, Волков. Самому застрелиться, что ли?

- У тебя патроны кончились, - Алёхин нашёл у опрокинутого стола подсумок, открыл его, обнаружил там подобие аптечки скорой помощи, достал бинты, разрезал штыком камуфляж на плече сержанта. Залив рану самогоном из фляжки, Александр стал накладывать повязку.

- В машинах этого добра полно, - тихо, почти шёпотом сообщил лейтенант.

- Чего? Самогона?

- Патронов, мать твою. Знаешь, Волков... Бери машину и вали отсюда.

- А ты?

- Не твоя забота.

- Волков. Дякую, - тихо сказал сержант, поднимаясь с помощью Алёхина и усаживаясь на стул.

- Не за что... Рана — пустяк. Плечо задето. Пуля прошла навылет... Нет, мужики. Так не пойдёт, - Александр нагнулся над трупом майора, потом посмотрел на убитого капитана, сокрушённо покачал головой, забрал все обоймы к пистолету, закреплённые в специальный кармашках на поясах мертвецов.

Рассовав патроны по своим карманам, Алёхин сел рядом с сержантом.

- Трибунал — это конечно хорошо, но нам он не нужен в принципе. Тебя, лейтенант, в лучшем случае посадят, в худшем расстреляют, а что ещё хуже отправят в штрафной батальон на передовую. Сержанта тоже посадят за попустительство преступлению. А меня заодно с вами.

- Пусть садят. Лучше в камере пересидеть войну, чем под пулями русскими и снарядами по траншеям ползать. Зато, когда отпустят, домой живым вернусь, - ворчал сержант, натягивая камуфляж поверх перевязанной раны.

- Как посмотреть, Свернигора, - Денисенко стал расхаживать из угла в угол. – Это, если война кончится, А, если нет, снова в армию загремишь.

- Не всё так безнадёжно, - Алёхин хлопнул ладонью по столу. - Сержант! Скажи! Майор сволочью был?

- Даже и не знаю. Сволочь – мягко сказано.

- Вот, вы, хохлы хитрожопые. Черти бы вас взяли! Прямо говори. Да или нет.

- С ним иногда весело было.

- Уже повеселились. Обхохочешься. Особенно сегодня.

- Волков! Вали, говорю, отсюда. О себе думай. Кто майора застрелил? Бери машину, смывайся в Киев. Ты тут не при делах. Спасибо, что жизнь мне спас...

- Если бы патроны у тебя не закончились, ты и меня пристрелил бы вместе с остальными? А, потом, я Гончара завалил. На мне тоже груз двести повис.

- Тебя бы не тронул я. Хотя, в горячке мог. А сейчас уже тошнит от всего. Езжай от греха подальше, мы тут сами с сержантом разберёмся.

Алёхин внимательно посмотрел на Денисенко. Тот уже взял себя в руки, задумчиво массируя пальцами заросший подбородок.

- Знаю, как ты разберёшься. Замочишь хлопца, и концы в воду.

- Этого придурка? На хрен он мне сдался? Его слово против моего. Этого Остапыча давно было пора к чёрту в пекло отправить. Сам повод дал, сука. Не я, так донецкие рано или поздно его прищучили бы.

- А я вам о чём толкую? - Александр, мысленно анализируя ситуацию, ещё раз обыскал карманы майора в поисках ключей от машины. - Вы же герои, мать вашу. Обнаружили здесь ДРГ противника, приняли неравный бой. Вата бежала, получив по зубам и забрав своих убитых. А такое стрелковый бой без жертв с нашей стороны - чудо небывалое. Шестеро двухсотых в твоей команде, конечно, дуже богато, но, ведь, русские не лыком шиты. Я прав? Так в своём рапорте и напишу, когда до

Киева доберусь. Вам - по ордену, мне тоже заодно чего-нибудь прицепят. Садитесь и пишите. С собой ваши рапорта заберу. Я же теперь — старший по званию. Бумага есть?

- Найдётся, - воодушевился сержант.

- Ты прям писатель фантаст, - мрачно проворчал Денисенко. - Не поверят. Чтобы в сотне километров от фронта на ДРГ нарваться?

- Поверят. В наше время, чего не бывает. Наш генерал доложит наверх о перемоге, Залужный дальше Зеленскому, а у того будет повод просить у американосов ещё оружие. Типа, во блин, чего делается у нас в тылу. Москали совсем обнаглели...

По лицу лейтенанта было видно, что он полностью пришёл в себя, а идея Алёхина ему понравилась.

- Примитивно, конечно, однако, сойдёт, - сказал он. - Правда Залужному скоро отставку дадут.

- Чёрт с ним, Залужным... Примитивно? Это как подать. Тебе может и не поверили бы. Да кто тебя, какого-то лейтенанта будет искать под Харьковом, да выяснять детали? А мне, капитану Волкову, герою спецоперации, да ещё оставшемуся в живых, поверят. Чем проще объяснение, тем оно правдоподобнее...

На рассвете Денисенко, облив бензином стены мотеля, поджёг здание вместе с трупами.

Сержант уже сидел за рулём одного из внедорожников.

- Справишься? А, Свернигора? - спросил у него Алёхин, намереваясь закрыть дверь машины.

- Не хвилюйся, пан капитан. Не в таких переделках бывал.

- Хорошо, - Александр, похлопав парня по бедру, обернулся к подошедшему лейтенанту.

- Спасибо ещё раз.

- Чего там... Волков! Отойдём на хвилыну.

Офицеры направились к обочине дороги, где остановились, глядя на зарево пожара.

- Капитан! Я тебе бензина по самую пробку залил. Ещё две канистры на борт поставил.

- А, себе, Денисенко?

- У сержанта из машины возьму, если что. Ладно, не поминай лихом. Может, свидимся ещё.

- Всё может быть. Держи краба, - Алёхин пожал руку лейтенанту.

Выезжая со стоянки на дорогу, Александр посмотрел в зеркало заднего вида. Денисенко уже стоял у открытой дверцы внедорожника сержанта, расстреливая беднягу из пистолета.

- Тупой ублюдок! Чтоб тебя, - выругался Алёхин, сворачивая в сторону развилки, где он видел дорожный указатель.

«До Полтавы — сто пятьдесят, до Киева — двести, - думал он, притормаживая. - Стою, словно витязь возле камня с надписью... Куда сейчас? Наташу искать? Без документов не вариант. На мне одежда с чужого плеча и один жетон на шее вместо документов. Днём на первом же блокпосту в этом дурдоме пристрелят к чёртовой матери. Но ехать надо... Сначала в Киев. Где-нибудь в лесу здесь неподалёку пережду. Нужно немного поспать. После такой встряски грех не поспать. С наступлением темноты поеду дальше. Ночью Хаммер останавливать не будут. На дорогах — дебилы из терробороны. Побоятся. Утром нарисуюсь в управлении. Доложу, что и, как. Получу документы, а дальше видно будет», - после долгих размышлений решил Александр, отпуская педаль тормоза...

Иван Матвеевич посмотрел на своё запястье, потом в окно, где дождь с каждой минутой добавлял графитовой краски серым сумеркам, затем повернулся к водителю.

- У тебя — полтора часа. Ровно в двадцать один два ноля должен быть здесь. Заедешь вон в ту арку. Всё понятно?

- Сделаем, - грузный прапорщик в гражданском костюме, который сидел на нём, как на садовом пугале, кивнул. - Заскочу сначала в Макдональдс, чего-нибудь в пасть кину.

- Ну, ну, - генерал, дёрнув ручку двери, вылез под дождь. - Вкусно и точка, - сказал он, наклоняясь и просовывая голову в автомобиль.

- Чего?

- Макдональдс так теперь называется.

- Да мне по барабану, какая на нём вывеска, товарищ генерал. В желудке шаром покати. Целый день, то туда, то сюда мотаюсь. Скоро на ладонях баранкой мозоли натру. Диспетчер совсем

обнаглел. Где это видано, чтобы вашу машину шушере всякой, капитанам и майорам давали? За какой такой надобностью?

- Ладно. Не ворчи. Езжай, - Иван Матвеевич, захлопнув дверцу машины, пошёл через арку к нужному подъезду.

Он знал своего водителя лучше собственных башмаков. В такой дождь ни в какой Макдональдс тот не поедет, а, медленно будет прочёсывать бульвар. Затем посадит любого прохожего, поднявшего руку, и поработает полтора часа таксистом.

Генерал, нырнув под навес подъезда, набрал на панели домофона номер нужной квартиры.

- Иван? - знакомый с хрипотцой голос звучал глухо.

- Ты ещё кого-нибудь ждёшь? Мы же договаривались.

- Заходи.

Прогудел сигнал, щёлкнул замок. Иван Матвеевич потянул на себя дверь и двинулся к лифту мимо посмотревшей на него консьержки, которая сидела в своей конуре редко, но знала всех жильцов в лицо, в том числе немногочисленных гостей, посещающих её «владения».

- Привет, Мария Ивановна! - Запоздало крикнул генерал. - Как здоровье?

Не расслышав ответа, Иван Матвеевич вошёл в лифт и нажал кнопку нужного этажа. Дверь квартиры уже была приоткрыта. Иван Матвеевич, сняв на пороге плащ, протиснулся внутрь.

- Повесь дождевик здесь на стуле, - Алёхин-старший показал рукой в угол прихожей. - Чай, кофе или что-нибудь покрепче?

- Сушки с маком есть? - спросил Иван Матвеевич.

- Утром в магазин ходил специально. Я твои привычки знаю.

- Тогда — чай. Можно коньяка туда пару капель.

- Проходи в кабинет, - буркнул старик. - Только заварил, сейчас принесу.

Через пять минут генералы сидели по разные стороны письменного стола. Иван Матвеевич грыз сушку, по глотку отпивая горячий чай из фарфоровой чашки с красными драконами и посматривая в сторону древнего огромного цветного телевизора, где телеведущая Ольга Скобеева с ясным, пылающим взором беззвучно открывала рот.

- Зачем приглашал?

- Чтоб просветил, как дела, кто виноват, что делать? Из первых рук, так сказать.

- Если ты о внуке, то информации пока ноль. А если про другое, то я - не первые руки.

- Но и не последние, - парировал Алёхин-старший. - А то сижу здесь, как пенёк, слушая разных Соловьёвых, а с ним - самодовольных экспертов... Сижу, думаю, а не дурак ли я, не выжил ли совсем из ума.

- Давай по порядку, - Иван Матвеевич поставил на стол чашку. - Александр не выходит на связь уже почти три месяца. Никакой активности за это время по его личному компу нет. Геолокация подтверждает, что аппарат по-прежнему обретается в его киевской квартире, а это значит, что он не задержан и не разоблачён. По нашим каналам ничего выяснить не удаётся, да и опасаюсь я связываться с нашими бывшими сослуживцами. Вчера они вдохновенно Бандеру славили, сегодня с американосами ручкаются, да нам кое-что сливают на всякий случай, чувствуя, чем дело закончится. Если прямо буду интересоваться твоим парнем, только хуже сделаю. Но, судя по тому, что нет вообще никакой информации, то я бы потерпел, не дёргался. Иначе... Если взяли его, шуму было бы в пабликах подконтрольных СБУ ваше крыши. Арестович бы светился весь. Типа — разоблачён очередной агент Путина. Пресечено посягательство на незалежность, суверенитет и целкость, мать их. Подождём. Объявится. Может, в командировку парня послали. У них там неразберихи в тысячу раз больше, чем у нас.

- Допустим, - Алёхин-старший постучал пальцами по краю своей чашки. - Согласен. В нашем с тобой случае отсутствие новостей — самая хорошая новость. Теперь давай о другом. Помнишь, наша десантура под Киевом стояла? Хохлы чемоданы паковали, а кое-кто уже на Запад драпал. Сам видел по телеку. Пробки на дорогах и всё такое. Потом — бам, как гром среди ясного неба. Отвели войска, оставили Сумскую, Черниговскую, Киевскую области. Зачем? Почему? Генштаб в лице Конашенкова, потом Лавров что-то такое про переговоры в Стамбуле талдычили, о доброй воле, о плановой перегруппировке... Ладно. Допустим... Погорячились. Как при Грачёве в Грозном. Верхом на броне в Киев поехали, цветочков ждали, готовились ручками в ответ махать, а когда получили по задницам, то сразу добрая воля у кого-то прорезалась...

- Чего ты от меня хочешь? - устало спросил Иван Матвеевич.

- А, чтобы не эксперты московские, да военкоры кремлёвские с дилетантами в военном деле мне лапшу на уши вешали, а

хочу от тебя узнать... Почему после таких военных успехов на Донбассе, после взятия Мариуполя, Херсона, после таких значимых побед у нас снова облом под Харьковом? И не говори мне о перегруппировках, о выравнивании линии фронта, о его протяжённости. Не говори мне, что у нас не война, а СВО. Не приемлю вранья. Выходит — всё напрасно? Тогда за что гибли наши солдатики, взяв Балаклею, Изюм, ту же Бучу? Чтобы с позором уйти? А спины им не жгли испуганные, растерянные взгляды жителей этих городов, поверивших, что Рассея вернулась на эти свои исконные земли навсегда? Это же надо довоеваться до такого, что наши даже технику бросали набитую Бе-Ка. В сорок первом, сорок втором за такое к стенке бы командиров поставили. Не говоря уже о генералах... Что это такое? Перегруппировка у них, ядрёна вошь. Скажу тебе словами одного хитрожопого французского философа. Не помню имени. Жил в средних веках. «Когда не достигают желаемого, делают вид, что желали достигнутого». Можешь передать это нашему Генштабу.

- У хохлов сегодня десятикратное превосходство в пехоте, - мрачно перебил старика Иван Матвеевич. - А у нас там войск почти не было, кроме малочисленных гарнизонов из частей Омона и Росгвардии.

- Ну, конечно. Значит, это менты опять виноваты. Побежали... Расскажи это жителям Балаклеи, получившим российские паспорта. Это их теперь прямо на улицах нацисты привязывают к деревьям, прибивают эти паспорта гвоздями к голым подошвам, пытают, а потом расстреливают. Почему у них было превосходство, а у нас нет. Какой мудак планировал операцию? Почему не было резервов, нужного количества артиллерии? Где была авиация? У нас же - господство в воздухе. Куда оно делось? Молчишь? Потому и хочу я у тебя спросить, как у офицера в больших чинах, близкого к начальству, принимающему решения... Может у нас хитрый план какой имеется? Что-то вроде задумок Кутузова. Может, заманим хохлов до Москвы, а потом, как вдарим. А, что? За то время, пока перегруппировки разные будем делать, поднакопим Искандеров, Кинжалов, настругаем беспилотников из фанеры на коленке. А то у нас ударные все БПЛА, быстрые, высотные, да мощные, под Америку заточенные. Попугать, погрозить дяде Сэму. А на Украину их нельзя. Там — типа наши люди... А в Изюме и Буче не наши люди остались? А в Донецке не наших людей каждый день десятками убивают американским оружием? Где мне взять эти чёртовы ответы? Может, у Скобеевой? - старик махнул рукой в сторону телевизора.

- Вон радуется. В Москве — день города отмечают. Мэр опять какую-то ленточку режет. Хорошо не красную на радость хохлам. Ладно бы завод новый танковый открыть. Нет. Он колесо обозрения в парке Горького запускает. Другого дела нет. Пир во время чумы. Хочешь, переключу на другую программу? Там ещё одна тема будет актуальная по самое не могу. Сбежавшая Пугачёва в Россию вернулась. Мозги нам, русскому быдлу, вправлять. И Галкин скоро вернётся. Ургант уже по Москве шастает с ухмылочками. Вот он я. Вы нам — красные ниточки, да ленточки, а мы кладём на всех, да паспортами вашими подтираемся...

- Чего ты к Пугачёвой прицепился? - Иван Матвеевич отвёл в сторону глаза. - Не в ней дело, не в Галкине и Урганте.

- Ясное дело, что не в них, - поморщился, словно проглотил ложку уксуса, Алёхин старший. - Дело в нас, русских, позволяющих всем, кому не лень, садиться на шею.

- Всё гораздо сложнее, - покачал головой Иван Матвеевич.

- Объясни дураку старому.

- Это - сбой либеральной системы, которая тридцать последних лет создавала свой антипод, антисистему.

- Ты тумана не напускай. Давай по-нашему. Проще, по-военному.

- Тогда смотри. Берём, к примеру культуру. Все тридцать лет она опосредованно, через все медиа создавала не духовные ценности, а звёзд. Уже забыты Глазунов, Шилов, Утёсов, Клавдия Шульженко, зато на слуху гламурный Никас Сафронов, какой-то Агутин или Шнур. Кто правил бал на эстраде? Там вообще — что-то вроде мафиозного клана, семьи. В центре — Пугачёва, Киркоров, Леонтьев, братья Меладзе, Галкин, Крутой, Игорь Николаев, Вайкуле и прочие из второго ряда, которые на подхвате. Почти все с Украины в Москву перебрались в поисках лёгких денег. Пели из каждого утюга, возили их по всей стране, награждая орденами и медалями. Что ни праздник, то Кремлёвский дворец. День милиции, день Советской армии, теперь - Защитника Отечества, день ВДВ, юбилей ФСБ... А на сцене — они. Сытые, свысока улыбающиеся. Заливаются соловьями. А миллионы, открыв рты, смотрят на них в телевизоре, восхищаются нарядами. В переполненных залах сидят люди в погонах. Улыбаются, хлопают. А звёздули наши все, как один: - Я люблю вас. Без вас не могу и дня. Ради вас живу и пою... Сволочи двуликие. Но, когда люди в погонах занялись своим делом, начали Родину защищать, эти подонки

взбунтовались. Завизжали. «Осуждаю, ненавижу, пошли вы со свой армией. Где тут можно гроши сдать на бронежилеты для бедной, кроткой, независимой Украины? Уезжаю от проклятого режима, из духовного концлагеря». И многие свалили. Там же у всех собственность за бугром. Не дай Бог отберут, как у Соловьёва. Тьфу.

- К чему ты про культуру? - начал терять терпение Алёхин старший.

- А к тому, что за эти тридцать лет благополучия, сытой жизни и либеральной уверенности в том, что мы скоро сольёмся в тесных объятиях с Западом, наша элита — промышленная, банковская, интеллектуалы, прочая пена, в том числе и генералы, расслабились, мозгами обленились, обманывая сами себя, что не посмеет больше Запад на нас рты разевать, что война сорок первого — сорок пятого года была последняя. Сволочи англосаксы в этой иллюзии нас поддерживали, пока сами не окрепли духом, силы набрались, наглости, Европу под себя положили. «Война и голод помогают держать людей, отупевших от нищеты, в мире иллюзий", - говорил Оруэлл. Это — действительно правда, но не вся. Сытая, спокойная жизнь — такая же питательная среда для этих чёртовых иллюзий. Иллюзий непобедимости, могущества, неуязвимости, бесконечного продолжения «банкета». Мол, если надо, до Берлина опять дойдём. На танках с флагами и гармошками за неделю. «Повторим!», заливался Соловьёв. Вот нас и спускают сейчас с небес на грешную землю. Может, не следует такое вслух, но я даже рад этому. Всем нам сегодня нужно понять, что Запад ещё боится, но он скоро посмеет. Посмеет развязать войну в Европе. Ставки сделаны, и они настолько высоки... Наворочено ими уже необратимого слишком, и сказано много непростительного, санкций наложено так густо, что если всё будет так, как ими задумано, то под весом собственных проблем Запад, а он об этом начинает догадывается, сам и погибнет. Он просто вынужден будет воевать по-настоящему. То есть уже не на запугивание, не руками хохлов, а на уничтожение нас, русских. На уничтожение России, с которой ужиться он не может целое тысячелетие. Чем скорее народ, особенно некоторые из наших генералов поймут, что учения это одно, где всё, как в театре или в кино по сценарию... А война — дело грязное, многовекторное, сложное, кровавое, через не могу затратное. И делать дело надо не в белых перчатках, а по серьёзному. Думаю, люди, там на самом верху, - генерал поднял указательный палец. – Всё, вышесказанное мной, понимают, но не торопят события.

- Иван! Ты хочешь меня уверить, что мы специально выжидаем, вроде провоцируем врага? А не ошибаемся ли? Не переждём? Не будет ли по классике черномырдинской: «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда»?

- Если честно... Тут — очень тонкая грань. Мы должны ввести наших заклятых друзей в заблуждение. Что, дескать, не так уж мы и сильны. А дезинформация - большое искусство. Сейчас враг изучает нас. Наши методы, тактику, стратегию. Да, да. Там на Украине. Мы могли бы навалиться со всей дури, используя новейшие разработки и более современное оружие, но зачем? Он, сволочь, начнёт тоже тянуть время, разрабатывать противоядие, новые системы, предлагать перемирие. А оно нам надо? Большая война неизбежна, это факт, однако это будет последний бой. И для нас, и для Запада. Пока он считает, что есть шанс. Пусть считает. Я, конечно, всего не знаю, но догадываюсь, что сдача Балаклеи, Изюма, Купянска и оставление Харьковской области — даже не тактическая, а стратегическая уловка. Вроде того, что сказал твой средневековый француз. Чтобы американосы считали, что когда мы не получаем желаемого, то делаем вид, что желали достигнутого. Пусть радуются пока. Но, чтоб тебе было легче, скажу. Впрочем, ты, наверное, уже в курсе. Командующего Западным военным округом освободили от должности за бардак у Харькова, чтобы остальные генералы не задницей думали, а головой. И квасных патриотов успокоили, чтобы не воняли из каждой норки. Громкие отставки ещё будут.

Алёхин-старший озадаченно почесал подбородок.

- Насчёт намерений Запада, я об этом писал высшему руководству страны ещё в девяностых. Ты не открыл для меня Америку. Согласен с тобой. Они понимают — или сегодня или никогда. Тут и фактор Китая, и много чего ещё. Они брызжут многолетней ненавистью и злобой ко всему, что Западу в нас непонятно, ко всему, чему он завидует, ко всему, чего страшится. Это и размеры наши, и сила духа, и ресурсы, тяга к справедливости и благородство, на которые сам Запад не способен. Он за всю историю своего существования хотел жрать сладко, много, а ныне желание жрать без меры всё больше омрачает его рассудок. За эту жратву он не хочет больше платить, погружаясь в сытую икоту от пожираемого, обвиняя нас в своих же смертных греках. Всё по Евангелию. «И придут девять ненормальных к одному здоровому и скажут: Ты — безумец, потому что не безумствуешь с нами».

- С каких пор ты Евангелия читаешь?

- С тех пор, как мне телек надоел.

- Глубокую мысль озвучил.

- Не моя. Но разве это не про Запад, не про нас сказано?

- Согласен с тобой. У них Россия давно комом в горле стоит. Многих Запад уже обглодал. Некоторых, сербов, к примеру, показательно, но щадяще. Других: Ливию, Ирак — со звериной жестокостью. А про ненависть к нам — в точку. Я бы добавил, раз уж вспомнили с тобой священные писания... Ненавидит нас в том числе и за веру в Бога, которую они растеряли, а мы нет… Ладно: потерпим. Мы не терпилы, мы терпеливые. Вот добьём мы до ручки советские запасы оружия, тогда всё и начнётся. Зверь должен сам выйти против нас. Это будут не наёмники в украинской форме. Выйдет. Куда денется? Иного пути у него нет... Подготовится и выйдет. За все проигранные войны. За изгнание поляков из Москвы в Смутное время, за Наполеона, за Карла Двенадцатого, разбитого Петром, за Гитлера. Я часто думаю, что многие из нас, русских, ещё до конца не осознают, какая это будет война. Последняя для России или последняя для Запада. Она будет ужасной.

- Умеешь ты утешить... Одного боюсь. Некоторые не понимают, что это время уже близко. Вон сосед с лестничной площадки напротив. Бывший чёртов комсомольский вожак в прошлом. Тут сидели мы с ним на лавочке в сквере, а он брюзжит: «Когда всё это кончится? СВО какое-то придумали. Надоела эта свистопляска путинская до чёртиков». Представляешь? Ему уже всё надоело. Война в горячей фазе только начинается. По девяностым ностальгирует. Талдычит — золотое время было. Спокойное, сытое. Таракан жирный.

- Плесни ещё чайку, да коньяка не забудь.

- Так, остыл уже. Нужно заново воду кипятить, - приподнялся со стула Алёхин-старший.

- И так сойдёт, - Иван Матвеевич потёр седые виски. – Значит, ты говоришь, настоящая война только начинается? Я считаю, она давно идёт. Но не на поле боя, а в головах, в информационной сфере, на дипломатическом поприще, в ООН, в интернете, во всех международных, правовых структурах, созданных и подмятых под себя американцами. Но это отдельная тема.

- Нам нужно выстоять. Вопрос жизни и смерти, но сомневаюсь, что сдюжим.

- Сомневаешься? - Иван Матвеевич с сожалением посмотрел

на бутылку коньяка, застывшую в руке отставного генерала. - Почему?

- Перечитывал тут на досуге... А у меня свободного времени теперь много... Перечитывал Булгакова «Белую гвардию», «Дни Турбиных», Алексея Толстого, его трилогию «Хождение по мукам», всё сравнивал то время и наше теперешнее.

- И, чего?

- Ситуация у нас в стране сегодня чем-то похожа на время начала падения царской империи. Девятьсот четырнадцатый, начало Первой мировой... Пресыщенное, высокомерное равнодушие власти к народу. В первые месяцы войны — патриотический подъём в промышленных центрах и в среде интеллигенции. «Всех шапками закидаем». Дело доходило до экзальтации. Всё — для победы. Обыватели побогаче, купцы, фабриканты жертвовали деньги, великие княгини и княжны записывались в сёстры милосердия. Институтки, студентки из благородных, следовали их примеру. Представители высшего света, вся эта шушера: князьки, графья, проматывающие огромные состояния за границей, модные писатели, валили из Баден-Баденов обратно на Родину в воинственном угаре, Уже, здесь пускались во все тяжкие. Кутежи, бабы, пьянки, гулянки, будто последний день им остался. Булгаков пишет о некой обречённости. А потом довольно быстро, после года войны, неудач на фронтах появились усталость, апатия, страх и безразличие. В открытую ругали закостенелую систему власти. Служилый люд в чинах, который считал Россию лапотной, а Запад просвещённым, землёй обетованной, тихо саботировали все меры, которое предпринимало правительство. Генералы докладывали в Генштаб, а тот дальше царю только то, что приятно было слышать государю. Мелкие успехи преподносились, как победы, солдат изображали былинными богатырями, а в своих гнилых дворянских сердцах презирали и ненавидели, предчувствуя приближение краха. А потом, где-то в году шестнадцатом на фронтах в солдатской массе появились большевики, началось разложение армии, а с ним агония государства российского. Сейчас у нас происходит примерно тоже самоё. Развращение, казнокрадство в среде бюрократии, в том числе военной, неуважение к закону, повсеместное и редко наказуемое бесправие... Думаю, у нас скоро начнётся что-то похожее на революцию.

- Ну, ты и хватил. Революция с большевиками — давно в прошлом. Откуда им сейчас взяться? И духовитость у нашей оппозиции не та, и мозгами Бог обидел, - Иван Матвеевич украдкой посмотрел на часы. - Им ещё Ленина нужно родить из

собственной среды.

- Зря ты так, - проворчал Алёхин-старший. - Ещё год таких перегруппировок и неразберихи в армии с логистикой, с материальным обеспечением, колебаниями власти, тихим саботажем либералов на всех уровнях принятия решений... Всё это вызовет непонимание у народа, а затем - недовольство. Тем более, что наверху считают наш народ чем-то вроде недоумка. Хочешь включу звук у телевизора? То, что несут с экрана... Уши вянут, а мозги в косички заплетаются. Правды не услышишь ни на одном канале. Мусор... Намёки одни, да словоблудие. Запомни, - отставной генерал хлопнул кулаком по столу так, что звякнули чашки. - Первый признак порчи общественных нравов - исчезновение правды, ибо правда лежит в основе всякой добродетели и является первым требованием к правителю государства. Только глупцы могут быть непоколебимы в своей непогрешимости. Можешь передать это Путину.

- Господи! - вздохнул Иван Матвеевич. - И ты туда же. Кошка бросила котят, это Путин виноват? А я скажу тебе другое. Величие победы... А она, надеюсь, будет за нами... Величие победы измеряется степенью трудности, тягот, принесённых на алтарь её достижения.

- Ну, конечно, - криво улыбнулся Алёхин-старший. - Сначала, не усвоив уроки прошлого, сами создаём себе трудности, а потом с потом, кровью преодолеваем их... Вот объясни мне, старику. Удары укров по нашим Белгороду, Курску, Воронежу... Что это такое? Плечами жмёшь? Утомил тебя? А я скажу, что это. Это наш пофигизм. Это наша неспособность прикрыть своё воздушное пространство в первую очередь. Это значит, что наша система ПВО работает, но не настолько эффективно, как следовало бы. Истины ради... Значительная часть снарядов и ракет врага сбивается, но пострадавшим жителям от этого не легче. Даже, если кого-то ранило или, не дай Бог, убило осколками от сбитых ракет, всё равно удар был нанесён. Где наша ответка по центрам принятия решений? А? Не слышу? А если к нам прилетит что-то более серьёзное? Всё это вызывает вопросы по поводу жизнеспособности всей нашей оборонной концепции. Насколько она безупречна? Насколько реформа армии, о которой трубили все наши СМИ, была правильно проведена? Я уверен, что наши проблемы с нехваткой личного состава в зоне СВО, проблемы со связью, с беспилотниками, коррупцией в Минобороны, это прямое следствие неправильно проведённой реформы, это неверная оценка возможностей противника. Я прекрасно помню все разговоры про то, какой молодец был Сердюков, что сократил огромное количество

военных частей, институтов и организаций. «Нам не нужна такая большая армия», говорили у нас тогда, военные в том числе. «Мы сейчас создадим компактную, но эффективную, хорошо вооружённую армию, и она будет мобильной!» На мой взгляд, уже вчера такая постановка вопроса вызывала у меня большие сомнения, потому что, имея такую огромную по территории страну невозможно закрыть все дыры этой компактной, мобильной армией. На что вы рассчитывали?

- Опять ты за своё! Причём тут я?

- Может, не причём, однако свои соображения мог бы доложить на самый верх.

- До Бога высоко, а до царя… Сам знаешь.

- Стены надо было лбом прошибать, а не штаны в кресле просиживать.

- Слушай! Сейчас поругаемся.

- Смотри, какой обидчивый? – Старик, налив себе в чашку коньяка, залпом выпил, закусив долькой лимона.

Иван Матвеевич понял, что разговор ещё не окончен. Он заёрзал в кресле, уже демонстративно глядя на часы. Но попытка встать осталась незамеченной.

- Или в случае с Украиной… Вы рассчитывали на молниеносную операцию, а она не получилась… Теперь нужно вести большую крупномасштабную войну, а для этого нужны более серьёзные вооружённые силы, большее количество личного состава, техники, оснащения, перестройка логистики, обеспечение нужной скорости принятия решений, система наказаний за ненадлежащее исполнение приказов и случаев саботажа. Не говоря уже о деньгах.

- Предлагаешь военное положение ввести? - скупо улыбнулся Иван Матвеевич.

- Считаю — необходимо. А то нашим Верховным финансисты крутят, как хотят. То рубль цифровой предлагают ввести, то опускают его бедного деревянного ниже плинтуса. Вся эта фигня, эти полумеры - результат псевдо-финансового подхода к серьёзным, жизненно-необходимым вещам. Это всё следствие того, что финансисты определяли и сейчас ещё определяют идеологию развития страны. Не политики, не философы, не промышленники, не настоящие, знающие эксперты, не военные, а финансисты!.. Люди, которые говорят: «Надо вот к этой, мать её, цифре всё остальное подогнать. Цифра – это главное, а остальное не имеет значения». Вот

Минфин вышел с предложением сократить более чем на полтора триллиона расходы бюджета. На что же он предлагает сократить финансирование? На дорожно-транспортную систему, раз. Затем, на науку и технологии. Типа - зачем они нам нужны? И третье, на оборону… Ты представляешь? Нашли время сокращать затраты на оборону! Господи! У нас идёт война, а они: «Зачем нам оборона?» А ещё, посчитав, решили сократить затраты на науку и технологии потому, что, вроде как, крепнет импорто - замещение! Они, что там, дебилы? Мне хочется спросить: «Разлюбезные вы мои, а когда Набиулина просрала триста миллиардов долларов, вы о чём думали? Теперь вы сокращаете? А, может быть, если бы вы триста миллиардов не перекачали за бугор, вообще не пришлось бы ничего сокращать?» Люди, занимающиеся финансами, не имеют права определять стратегию развития государства. Они бухгалтера, их место - у столов с калькуляторами… Им должны сказать, что надо делать, ставить задачи, а они обязаны их выполнять без разговоров. Все эти министры финансов, эти центробанки и весь остальной экономический планктон. Они по сути — смазка шестерён в государственном механизме, предназначенные для того, чтобы все колёсики крутились, как подобает. Не более. Вот так следует к ним относиться. Как к расходному материалу. Не хочешь? Заставим. Не можешь? Менять таких к чёртовой матери. А у нас они десятилетиями в своих креслах сидят с умными рожами… На самом верху обязаны признать и сказать народу правду, что именно эти сволочи стали творцами концепцию псевдоразвития, именно они убедили всех в надёжности западных финансовых инструментов, стабильности глобального миропорядка. Считаю, что это они создали множество проблем, в том числе с вооружёнными силами, которые мы сейчас имеем. При Сталине таких расстреливали.

- Ну, ты и хватил, - засмеялся Иван Матвеевич, стараясь перевести разговор в шутку, чтобы закончить его. - Кто тебе пенсию будет в срок платить? Финансы — дело тонкое. А экономика — вообще тёмный лес.

- Вот, именно. С такими финансистами-экономистами никакого НАТО с Госдепом и ЦРУ не надо, сами всё развалят в лучшем виде. Давай, представь себе: Начало лета сорок первого года. До двадцать второго июня — пара недель. Руководитель Госбанка СССР отпускает курс рубля в свободное плавание, устраняется от его регулирования, а до этого осенью сорокового года вывозит на биржу в город Берлин триста двадцать тонн золота. Это, между прочим, тогда, девяносто процентов добытого страной за два предвоенных года… Вывозит для продажи

золотишка за рейхсмарки, разместив там же наши валютные резервы на общую сумму 300 миллиардов марок, которые Европа, объединенная Третьим Рейхом, тут же бы арестовала на нужды фашистского режима. А нарком финансов СССР, не смотря на украденные, по сути, финансовые резервы страны, продолжал бы вкладывать бюджетные средства в покупку всё тех же рейхсмарок и облигаций гитлеровской Германии, а заодно ежемесячными платежами аккуратно рассчитывался бы с фашистами по евробондам. И уже во время войны после двадцать второго июня, вместо воссоздания в тылу производств, потерянных на оккупированных территориях, сказал бы, что надо подождать инвесторов, лучше всего иностранных, а лично он, нарком финансов, на оборону денег не даст. Представил?

- Вполне. Сталин таких к стенке точно бы поставил.

- А я тебе о чём? - воскликнул старик. - Ладно. Вижу, сидишь, как на иголках. Поезжай уже с Богом. И про внука моего не забывай. Держи ситуацию на контроле. Если, что... С тебя спрошу за то, что не вытащил парня. Мы же своих не бросаем? - издевательски прищурился бывший разведчик.

- Ты — язва желудка, - Иван Матвеевич, встав со стула, обнял отставного чекиста. - Сделаю всё необходимое. Если возьмут Сашку, он будет первым в списках для обмена. Но, думаю, скоро сам объявится. Верю в него.

- Ещё одно, - старик, набросив пальто генералу на плечи, отворил дверь. - Скажи своим, кто отвечает за прослушку. Мне тут делать было нечего... Микрофончики я все ваши нашёл. Вот пакет, в нём весь этот мусор, плюс список мест, откуда снял. Оставил один жучок в туалете. Ему там самое место. Люблю, сидя на толчке газетку вслух почитать, да воздух попортить.

Иван Матвеевич взял пакет, раскатисто расхохотался, надел пальто, ещё раз обнял старика и вышел, аккуратно притворив за собой дверь.

Атлас

После начала специальной военной операции на Украине Атлас утроил осторожность. Он совсем перестал пользоваться обычным интернетом, прекрасно осознавая, что это пространство — малая, видимая часть айсберга Всемирной паутины, его вершина. Она стала настолько прозрачной, что только полные идиоты, а к ним Атлас причислял девяносто пять процентов

живущих на Земле, могут пользоваться общедоступными сетями. Чем больше он анализировал свой безумный план, подвергая сомнению детали, риски и желаемый результат, тем глубже он погружался в глубокие воды теневого интернета. Эта скрытая от большинства пользователей огромная часть Сети была настолько велика, что даже узкие специалисты, к которым он относил начинающих хакеров, не знали, какое количество веб-страниц активны в тот или иной момент. Однако, там можно было найти любую информацию, включая закрытые базы данных крупных предприятий, правительственных учреждений, используемых для внутренних коммуникаций и управления активами. Такая информация не индексируется поисковыми системами, снабжена надёжными паролями или просто запрещена определёнными механизмами безопасности к обработке поисковиками. Но Атласа с определённого времени не интересовали учётные записи серверов интернет-банкинга и пенсионные счета, ему не нужны были пароли электронных почт и мессенджеров, не нужна закрытая информация, содержащаяся в файлах крупных инвестиционный компаний. Его целью являлась самая глубина «омута» с ещё более опасными ресурсами, открывающими простор для разной нелегальной деятельности. Он искал нижнюю точку подводной части айсберга, где скрывались люди, одержимые своей анонимностью и безопасностью. Атлас искал «братьев по духу»: безумцев, радикалов, бывших, «съехавших с катушек» сотрудников спецслужб. Он стучался в запертые двери криминальным талантам с террористическими наклонностями и даже к сумасшедшим творцам сценариев Апокалипсиса. Сетевой браузер TOR, разработанный когда-то американцами для защиты переговоров с агентами ЦРУ, пока устраивал Атласа, но на один из своих компьютеров он поставил ещё и систему I2P, предполагающую ещё большую анонимность, а значит, свободу покупать и продавать определённые услуги, просто общаться с неординарными, отвергнутыми обычной жизнью, гениями, оппозиционерами разных стран и мастей, врагами Глобализма, сторонниками идей «изменения мира к лучшему». Осознавая всю опасность «глубоких вод», куда в последнее время зачастили представители закона разных стран, вычисляя торговцев оружием, секс-услугами, наркотиками, хакер постоянно совершенствовал систему фильтров, а заодно методов шифрования, чтобы обезопасить себя от шпионских программ, связанных с анализом активности клавиатуры, ботнетов* и прочих напастей.

Спустя четыре месяца неустанного поиска, сотни бессонных ночей и дней, когда Атлас не отрывал свой зад от кресла, он

нашёл абсолютных, как он считал, беспредельщиков.

Один из них продавал карты мест прокладки кабелей систем связи между Европой и Америкой. Его информация частично подтверждалась данными спутникового сканирования определённых участков океана, морского дна и совершенно секретными документами Пентагона. После изучения сканов с помощью особой программы, анализирующей цифровую идентичность, Атлас понял, что неизвестный хакер действительно продаёт уникальный товар, да к тому же ищет на Ближнем Востоке «инвесторов» готовых вложить средства в обрушение мировой банковской системы. Ещё через две недели Атлас наткнулся на человека, утверждавшего, что тот знает места расположения совершенно секретной, разветвлённой паутины тоннелей с коммуникациями, идущими по территории России к горному массиву Ямантау, где спрятан командный пункт управления системой «Периметр», называемой американцами «Русское оружие возмездия».

После долгой переписки с этим человеком, хакер понял, что его визави — внук разработчика алгоритмов запуска командных ракет оружия возмездия, создателя совершенно уникальной по тем временам нейросети — искусственного интеллекта, отвечающего за автоматическое управление ответным массированным ядерным ударом и, что этот разработчик оставил внуку копии некоторых чертежей, схем и черновых расчётов. Достоверность информации не вызывала сомнений. Она подтверждалась очень интересными подробностями описания серверного зала с тремя супер компьютерами, которые должны обрабатывать данные, поступающие от тысяч всевозможных датчиков, разбросанных по территории России, включая тестирование уровня радиационного и сейсмического фона рядом с критически важными объектами: Кремлём, Министерством обороны, Генштабом, пунктами управления военными округами, военно-морским флотом, позициями Ракетных войск, важнейшими военно-морскими базами, городами с важнейшими оборонными объектами. Чтобы уверить потенциального покупателя в подлинности документов, человек прислал файл со списком первоочередных целей на территории стран НАТО, заложенных в нейросеть «Периметра».

Хакер насчитал не менее тысячи объектов на территории Западной Европы и США, в том числе в списке значились: база подводных лодок Китсап-Бангор, пункт базирования флота США в Сан-Диего, итальянская авиабаза Авиано, база Рамштайн в Германии, радиолокационные станции в Норвегии, на Аляске, военные базы США на Окинаве и Филиппинах.

Атлас уже многое знал о «Периметре», но некоторые детали принятия нейросетью решения об ответном ядерном ударе поражали воображение своей беспощадной логикой. Система была способна в режиме реального времени отслеживать возникновение зональных источников ярко выраженного ионизирующего и электромагнитного излучения, сейсмическую активность земной коры, возникающую после множества наземных ядерных ударов, сигналы телеметрии с постов Ракетных войск стратегического назначения и информацию от Системы предупреждения о ракетном нападении. «Периметр» также был способен распознавать присутствие на командном пункте посторонних лиц.

Во всех случаях отклонения от нормы, нейросеть инициировала тестовый сигнал на пульт дежурного офицера в Центре управления ядерной триадой, генералам при начальнике Генерального штаба и Министре Обороны. Если система не получает ответа, ”Периметр” передаёт бразды правления ситуацией самому себе и начинает следующий этап проверки: звонок на ”ядерный чемоданчик” президента. Если президент, или, министр обороны или начальник Генштаба не отреагируют на звонок, ”Периметр” сделает свои выводы и начнёт обратный отсчёт.

«Быстродействие системы — пятнадцать, двадцать минут, в зависимости от того, какие пусковые платформы к этому времени уцелеют, - читал текст пояснительной записки Атлас. - Если учесть разветвлённость и огромное число пусковых установок ядерных ракет на огромных пространствах России, включая атомные подводные лодки, то при ответном ударе на месте США останется широкий морской пролив между Мексикой и Канадой».

В конечном итоге хакер, заплатив разным продавцам за сотни файлов информации, схем, чертежей, инженерных расчётов подрядчиков и всю аналитику в общей сложности пятьдесят миллионов долларов, начал корректировать свой собственный план.

Слово Botnet (ботнет) образовано от слов «robot» (робот) и «network» (сеть). Киберпреступники используют специальные троянские программы, чтобы обойти систему защиты компьютеров, получить контроль над ними и объединить их в единую сеть (ботнет), которой можно управлять удаленно.

Полковник Адамс

Алёхин заглушил мотор своего Хаммера в сорока километрах от мотеля, возле которого он оставил лейтенанта Денисенко. Двигаться дальше не выспавшимся капитан не рискнул. Ему было необходимо восстановить силы, обрести уверенность, что разум и тело в критических ситуациях не подведут. Не заезжая далеко в лес, он замаскировал машину ветками деревьев на одной из полян, где проспал до полудня. Разбудил капитана гул тяжёлой техники, двигавшейся в сторону Харькова по шоссе. Александр выбрался из машины, затем, пригибаясь, подобрался ближе к трассе. Шесть танков и десяток БМП прошли мимо, кроша кромку асфальта обочины. На броне сидели солдаты, угрюмо смотревшие прямо перед собой. Алёхин вернулся к своей машине, привёл себя в относительный порядок, нашёл в одном из ящиков армейский паёк и вернулся к обочине автотрассы. Целых два часа он просидел в кустах, пережёвывая галеты с шоколадом и наблюдая за дорогой. В ту и другую сторону редко, но двигались гражданские автомобили. Глаза снова начали слипаться, однако, когда в сторону Киева прошла колонна армейский джипов, состоявшая из семи машин, капитан поднялся во весь рост. Кое-где на дверях джипов он заметил эмблему СБУ. Алёхин на мгновение задумался, а потом бросился к своему внедорожнику. Через пару минут капитан, выведя автомобиль на дорогу, поехал вслед колонне, постепенно нагоняя её. Через полчаса такой езды, он почти приблизился к последнему джипу, но не стал садиться колонне на хвост. Александр сохранял дистанцию, то нагоняя военных, то отпуская их на несколько сот метров. Его расчёт оправдался. В таком режиме колонна и он сам без задержек миновали все блокпосты вплоть до Киева. Никто не думал останавливать армейские джипы. Очутившись в черте города, Алёхин постепенно снизил скорость, дал колонне отъехать и свернул на проспект, ведущий к его квартире. Уже в сумерках, он припарковал Хаммер на платной стоянке. Забрав с собой вещмешок, куда сложил остаток продуктов, Александр без приключений добрался до собственного жилища. Свой ключ он оставлял в глубокой щели у подоконника на лестничной площадке. Тот был на месте. Вставив его в замочную скважину, Алёхин открыл дверь. Но его облегчённый вздох прервал звук текущей воды в ванной комнате. Александр осторожно, держась ближе к стене, миновал маленькую прихожую и заглянул в комнату. Ему было необходимо забрать свой компьютер. В

том месте, где он рассчитывал найти девайс, его не оказалось. Зато бросилась в глаза военная полевая форма натовского образца с нашивками американской армии. Камуфляж лежал на диване, аккуратно сложенный, а из-под него выглядывала кобура. Алёхин медленно, стараясь не шуметь, вытащил пистолет. Это был полноразмерный M-17 Sig Sauer с обоймой повышенной ёмкости на двадцать один патрон калибром девять миллиметров. Александр засунул пистолет сзади за ремень армейских штанов, затем, осторожно двигаясь, держа собственное оружие наготове, пошёл к приоткрытой двери в ванную комнату, где продолжала шуметь вода и чей-то голос что-то тихо напевал. Заглянув в щель, Алёхин увидел широкую голую спину человека, знакомый, коротко остриженный затылок, кулак в веснушках, сжимающий электробритву, часть щеки небритой щеки.

- Полковник Адамс? - Александр опустил пистолет, плечом открывая дверь. - Я думал, что это грабитель забрался в квартиру. Простите, сэр.

- Господи Иисусе, - вздрогнув, полковник быстро оглянулся. - Ну и напугал ты меня, сынок. Глазам своим не верю. Жив, значит?

- Да, вроде живой, - улыбнулся Алёхин, слыша смешной, знакомый акцент американца.

Он был удивлён, почти рад видеть в своём жилище именно этого человека.

- Вы то, сэр, как здесь оказались?

- Прости, парень. Дай мне тут закончить, выйду, поговорим.

Полковник, ещё раз оглядев Алёхина с ног до головы, отвернулся к зеркалу.

Через пять минут, уже одетый, благоухающий туалетной водой, Адамс доставал из холодильника запотевшую бутылку виски Джек Дэниэлс и кювету со льдом.

- Знаешь, сынок... В глубине души я был уверен, что ты рано или поздно объявишься. Ты – не из тех, кто легко даст себя убить. Прости, что не успел... Как это здесь говорят? Вовремя отмазать тебя у твоего начальства. Идиоты. Это же надо? Таких специалистов посылать на верную смерть? Впрочем, в этом сумасшедшем доме неразбериха — нормальное явление. Но мы работаем над этой проблемой. Выпьешь со мной?

- Если только пару глотков. Слаб ещё. К тому же не ел почти двое суток.

- Ранен? Я так и подумал. Слишком бледное лицо даже для человека, вернувшегося с того света. Ну, рассказывай. Слышал, что тебя хотели наградить посмертно, но ты, смотрю, жив, слава Господу. Поэтому хочу услышать подробности чудесного воскрешения, - полковник плеснул немного виски в стакан Алёхину, а себе налил ровно половину, щедро насыпав в спиртное лёд.

- А в холодильнике из еды ничего нет? - спросил Александр, не притрагиваясь к выпивке.

- Извини дружище. Я обычно ем в ресторане. Кстати, ночую здесь не очень часто. Прости. Когда появилась информация об уничтожении вашей диверсионной группы, я решил, что лишнее убежище в этом чёртовом городе мне не помешает. Тем более за всё здесь платит американское правительство. Потребовал запасные ключи, и вот я здесь. В условиях угрозы ракетного удара русских по центрам принятия решения, ночевать время от времени в разных местах у меня вошло в привычку. Истины ради… Русские за всё время ни разу не бомбили жилой сектор. Если только украинское ПВО постарается... Эти придурки пытаются сбивать гиперзвук. Бывает, что из наших Пэтриотов попадают по гражданским... Вещи твои я сложил в шкаф. Можешь принять душ, поменять грязный камуфляж на форму. Всё выглажено и аккуратно лежит на полках. Кстати, ты случайно не видел мой пистолет? - Улыбнулся американец.

- Держите, - Алёхин, вытащив из-за спины оружие, протянул полковнику Sig Sauer.

- Ладно, - американец пошарил рукой под подушкой дивана, нашёл там обойму и, лукаво улыбаясь, поставил её на место. - Привычка… На то есть свои причины… Когда-нибудь расскажу тебе. А сейчас двигай в ванну, мойся, переодевайся. Поедем куда-нибудь поужинаем.

Алёхин, кивнув, отправился в душ. Там он с наслаждением отмыл грязь и пот, осмотрел заживающую рану, осторожно потрогал молодую кожицу шрама, вытерся сухим полотенцем, висевшим рядом с мокрым, затем натянул на себя военную форму, которая теперь стала ему чуть велика.

Ещё через четверть часа он сидел напротив полковника в ресторане. Немного смущаясь от изучающего взгляда американца, капитан жадно поглощал горячий украинский борщ. Адамс лениво ковырял в своей тарелке котлету по-киевски, не забывая про виски, которое ему принёс официант в хрустальном графине.

- Ненавижу эту местную привычку, - ворчал полковник, отхлёбывая из стакана. - Почему они переливают спиртное в этот чёртов хрусталь? Я должен видеть, за что плачу... Ты закончил?

Александр кивнул, но тут же показал пальцем на тарелку полковника.

- Будете?

- Валяй, - Адамс отодвинул от себя тарелку. – И начни уже свой чёртов рассказ.

Алёхин торопливо доел котлету и, сыто откинувшись на спинку стула, начал рассказывать американцу о своих приключениях, поглядывая на графин, в котором уровень виски с каждым новым эпизодом повествования становился всё ниже.

- Вот, вкратце, и всё, - сказал Александр, закончив пересказывать свою эпопею. - Самое обидное, что нашему снайперу не удалось застрелить русского генерала.

- Что ж. Бывает, - полковник постучал пальцами по столу. - В любом плане операции всегда есть изъяны, не говоря уже об ошибках исполнителей. Внимательно перечитаю твой подробный рапорт. Но в случае с вашей акцией, нужно было всё спланировать нам, настоящим профи. Тогда бы не пришлось полагаться на случай. А сейчас могу сказать, что я не ошибся в тебе, сынок. Попасть в такой замес дилетанту, по сути, книжному червю, и выбраться оттуда целым — не просто удача. Характер нужно иметь. А ещё - стальные яйца. Всё это у тебя есть... Поэтому я позабочусь о твоей дальнейшей карьере. То, как сумел добраться до Киева, тоже впечатляет. Эти зомби-вояки могли бы пристрелить тебя на любом блокпосту...

- Зомби? Это вы про украинцев? Может, горе — воины? - поправил американца Александр.

- Именно зомби. Они, как дети. Верят на слово наркоманам министрам из правительства мистера Зе.

- Может, вы теперь расскажете, какие здесь новости, какое положение на фронте, насколько далеко продвинулись русские? - Алёхин рукой очертил круг над столом. - А то, пока я со своей раной койку продавливал, совсем выпал из информационного поля. Совершенно не понимаю, за каким дьяволом нужно было устраивать покушение на русского генерала. Думаю, на его место сразу нового поставили.

- Конечно поставили, - кивнул головой Адамс. - Но Зеленскому хотелось показать Путину, что можно достать любого. Это

— раз. Теперь новый командующий русскими войсками на южном театре боевых действий держится подальше от линии фронта. Если быть совсем точным, то его штаб размещается в ста пятидесяти километрах от своих передовых подразделений. Учитывая проблемы со связью, сложные механизмы принятия решений у русских, нехватку беспилотников, что критично для разведки, мы теперь имеем время и возможности для скрытой концентрации войск на нужных направлениях. Главное, чтобы ты лучше понимал сегодняшние реалии... Все военные операции сейчас планируют офицеры НАТО, опираясь на информацию со спутников и данные американской разведки...

- Простите, сэр. У меня вопрос. Неужели генералы ВСУ так плохи? - перебил Александр полковника.

- Они учились в тех же военных заведениях, что и русские, а потому этот товар несколько залежалый, еще советского образца. Понял, о чём я?

- Инертность мышления, боязнь совершить ошибку, за которую по головке не погладят, привычка угадывать, чего хочет начальство, страх потерять кресло вместе с генеральскими погонами…

- Ты умный мальчик, - Адамс похлопал Алёхина по плечу. - Всё верно. Пока они согласовывают свои действия с боссами, теряют самое драгоценное на войне...

- Время! - воскликнул Александр.

- Правильно, - полковник, подлив в свой стакан виски, сделал изрядный глоток. - Теряешь время — теряешь деньги и стратегическую инициативу. Мы позволили Путину показать всё, на что способна его армия, а Украине — пережить шок первых месяцев войны, чтобы понять: русская армия — колосс на глиняных ногах, с ней можно довольно легко справляться, если слушать старших, то есть, нас. Поставляя Зеленскому современное оружие, мы уравниваем шансы, лишаем противника превосходства в воздухе, в артиллерии, в системах ПВО. Мы дали увидеть украинским солдатам, сначала все возможности русских, а потом доказали на деле, что всё их супер - оружие — обыкновенный блеф. Оно ничуть не лучше западных аналогов, а в отдельных видах — хуже. Что русские системы радиоэлектронной борьбы мало на что способны, что новейшие модификации самоходных орудий и танков, прошедшие незначительную модернизацию — это старые советские образцы со своими недостатками. Русские недооценили способность Украины к сопротивлению и нашу решимость поддерживать режим в Киеве. Нам удалось

изучить тактику русских, мы поняли, что у них в настоящее время банально не хватает мобилизационного ресурса. Они не способны оперативно управлять имеющимися резервами. Мы много ещё чего успели о русских узнать, а потому нам удалось мотивировать украинских солдат, повысить их профессиональную подготовку и спланировать ряд операций, что позволило отбросить русских на Изюмском направлении, заставить их оставить Харьковскую область, города Купянск, Оскол, Лиман.

- Круто! - с преувеличенным энтузиазмом воскликнул Алёхин. - Но насколько я знаю, на Донецком направлении русские имеют успех, а в Запорожье и у Николаева нам не удалось существенно продвинуться.

- Успех на Донецком направлении? - удивился Адамс. - С чего ты это взял? Да, там есть банды Вагнера. Но темпы продвижения — мизерны. После семи месяцев боевых действий не взять Славянск, Северск, Бахмут. Это ты называешь успехом?

- Хорошо, - согласился Александр. - Но наша Харьковская наступательная операция — не показатель. Ну, что там вернула себе Украина? Жалкий клочок земли.

- Она вернула свою веру в окончательную победу, она вернула себе самоуважение, оперативную и стратегическую инициативу. Это — только начало. Война предстоит ещё долгая, на изнурение, износ, на слом русской системы власти. Знаешь, кто в ней победит?

- Мы, конечно... То есть, Украина, - опомнившись, поправил себя Алёхин.

- А, кто проиграет?

- Москва, Путин... Если всё пойдёт гладко.

- Нет, сынок, - Адамс покачал головой. - Победим мы, американцы. А проиграет в первую очередь вся Европа.

- С чего бы ей проигрывать?

- С того, что так угодно Америке, - ребром ладони полковник прочертил линию на скатерти. - Нам не нужны в Европе конкуренты в лице Германии, Франции, Италии. Запомни, мы планируем те или иные действия на десятки лет вперёд, готовя политические плацдармы и удобряя почву нужными нам политиками. Они все у нас в кармане, - американец похлопал себя по груди. - И вся эта операция по ослаблению Европы задумана ещё Бжезинским и начала реализовываться в девяностые годы.

- Но тут появился некто Путин, который спутал вам все карты, - с иронией сказал Алёхин.

- Волков, мальчик мой. Ты умён, но слишком наивен. Если уж мы нашли в провинциальной Канаде и на задворках моей любимой Америки нужных людей, потомков эмигрантов послевоенного периода, а затем рассадили их по креслам президентов и премьеров почти во всей Европе, чтобы они отстаивали наши интересы, то почему ты не допускаешь мысли, что твой Путин — наша креатура? Подумай сам. Если честно, вербовать в Германии агентов среди резидентуры КГБ было проще, чем мне сейчас допить вот этот чёртов графин с виски, - Адамс постучал ногтем по хрусталю.

- Как скажете, сэр, - Алёхин отвёл взгляд от раскрасневшегося лица полковника.

- Именно так. Будешь слушать меня, далеко пойдёшь. Посмотри на Зеленского. Жалкий тип, да к тому же еврей, а как взлетел с нашей помощью.

- Мне и на своём месте хорошо. С высоты падать больнее. А с Путиным, похоже вы ошибаетесь. Ваши журналисты рисуют его этаким Фишером или Ботвинником в политике.

- Ошибаюсь? Может быть, но вряд ли. Я не претендую на истину в последней инстанции, поскольку не Господь бог, но Путин далеко не Фишер. Он даже не Карпов с Каспаровым. Говорят — он непредсказуем? Докажу тебе обратное. Конечно, он не берёт под козырёк, как европейцы, не делает открыто то, о чём мы его просим. Потому, что с вашим народом, русскими, нужно быть крайне осторожным. Многие ваши правители это знали. Вами нужно уметь манипулировать, постоянно внушать, что вы - особая нация со стальным характером, что вы — народ победитель, что умом Россию не понять. Но мы к этому и не стремимся. Мы вас банальным образом просчитываем. Не получается зайти с одной стороны, мы заходим с другой. Мы своими действиями подводим Путина к нужным нам решениям. Он далеко не стратег и не выдающийся шахматист. Скорее — хороший игрок в покер. Где-то проигрывает, что-то выигрывает. Он реагирует ситуационно, в самый последний момент, оказавшись на краю неизбежного. Потом он делает грозный вид, говоря, что дальше отступать некуда. И делает то, что мы от него ожидаем. Отступает к новой красной линии.

- Мне кажется, что вы всё же заблуждаетесь, сэр, - смутился Алёхин. - Ваша оценка слишком упрощённая.

- Давай разбираться, - Адамс сделал знак официанту, показав

пальцем на графин.

Через минуту полковник, отобрав открытую бутылку из рук официанта, налил крепкий напиток в свой стакан, даже не предложив виски своему собеседнику.

- Если бы твой Путин был самостоятельным, умным человеком, настоящим разведчиком, он бы не приближал к себе людей, основываясь на их лояльности и личной преданности. Он бы не закрывал глаза на взятки в среде высших лиц государства, на корпоративные, деловые связи членов правительства с бизнес-элитой. Он бы не опирался на людей, которые считают, что главное в их работе не результат, а фиктивные отчёты, в которых они указывают то, что желает видеть босс. Он превратил вашу внешнюю разведку в туристическое агентство для глупых, ленивых детей высокопоставленных родителей. Он бы доверял специалистам, которые, я уверен, предостерегали своего босса о ловушках, размещённых АНБ в оптоволоконных интернет кабелях, которые собирают огромное количество информации и секретных данных по всей Европе, включая Россию. То, что мы взорвали ваш Северный поток в Балтике, это не спонтанная акция, а давняя наработка. Нечто подобное уже было. Путин наверняка знает о тайной операции ЦРУ сорокалетней давности, когда мы взорвали советский газопровод, идущий из Сибири в Европу. Взрыв был такой мощности, что его видели из космоса.

- Диверсионная группа? - спросил Александр.

- Всё было гораздо проще, - засмеялся Адамс. - Для систем управления трубопроводом Советы получили от нас через цепочку посредников серию микросхем со специальными закладками. Эти чипы исправно проработали несколько месяцев, а потом, подчиняясь программе, взорвали чёртовы трубы. А теперь, скажи. Какую сумму ты поставишь на то, что мы не сделали того же с вашими Северными потоками?

- Думаю, такой финт два раза не проходит. Наверняка все чипы Газпром проверял на предмет таких закладок. Только бледнолицый два раза наступает на одни и те же грабли.

- Грабли? - не понял полковник.

Алёхин объяснил смысл анекдота, и американец, оценив шутку, долго смеялся. Потом снова приложился к краю стакана, глотнул и вытер тыльной стороной ладони выступившие от хохота слёзы.

- Люблю русские поговорки, - сказал Адамс. - Надо бы записать.

Александр с улыбкой протянул американцу салфетку.

- Ручка есть? Одна и та же тактика не прокатит.

- Не прокатит?

Алёхину снова пришлось объяснять значение слова.

- А, кто говорит об одной и той же схеме диверсии? - удивился полковник. - Есть много других способов оставить Германию без газа, а вас без прибыли.

- Не жалко вам Германию?

- Мой дед воевал со швабами во время Второй мировой, - в глазах Адамса загорелись огоньки. - Много о себе воображают. Чёртов локомотив Евросоюза. Пустим европейскую экономику на дно, а немцев — по миру с сумой. И твой Путин нам в этом успешно помогает.

Неторопливая, с сильным акцентом речь полковника стала быстрее. Количество выпитого спиртного давало о себе знать. Он уже не старался выстраивать фразы на русском языке, а говорил, всё чаще используя английскую речь.

- Не знаю — осознаёт он очевидное или нет, но это неважно. Все наши механизмы влияния давно тщательно продуманы и запущены. Ситуация напоминает мне охоту на медведя в русском варианте. Свора собак выгоняет зверя из берлоги, кусая его за пятки со всех сторон, заставляя тратить силы в напрасных попытках отбиться. Но результат предсказуем. При этом собаки, они не охотники, они просто натасканы на медведя с целью загнать его в угол, остановить и обессилить. А когда к месту свары в нужное время явится настоящий охотник, в данном случае мы, останется сделать последний выстрел, а затем снять шкуру. Следишь за моей мыслью?

- Конечно. Значит, украинцы - свора собак?

- Ты выглядишь расстроенным и обиженным. А зря. Не принимай близко к сердцу, как говорят русские. Это просто бизнес. Кстати, Америка — это даже не государство, а тоже успешный бизнес-проект, где финансовый сектор контролирует еврейская мафия, а всё остальное – итальянская Коза Ностра. Они вместе, учитывая взаимные интересы, сажают в Белый дом президентов, они же убирают их тем или ирным способом. В Сенате и Конгрессе у них давно есть свои люди… Впрочем, я немного отвлёкся… Так вот… Украина — одна из многих шавок в нашей стае. Там ещё есть прибалты и поляки, шведы с немцами, всякие ООН, суды по правам человека, прочие нужные нам организации, включая медиа. Этакая свора гончих

собак. Каждый пёс должен вырвать у медведя свой клок шерсти. Мы успешно провели компанию по дезинформации о неспособности ВСУ вести современные боевые действия, об отсутствии у них мобилизационного резерва, сил и средств в виде военной техники, систем ПВО, боеприпасов, горюче-смазочных материалов. Мы заставили русских думать, что солдаты ВСУ ни на что не способны, что при вводе русских войск на Украину дезертирство может принять массовый характер, что ещё одно усилие, и Путину можно праздновать победу. Но заставляя Зеленского гнать на фронт территориальную оборону, набранную из разного сброда, мы также занимались поставками современного оружия, а из украинской кадровой армии готовили настоящих профессионалов, которые уже начали показывать, что наши деньги не были потрачены зря...

Полковник залил в себя новую порцию спиртного, сыто икнул, достал сигарету, и не предлагая Алёхину, закурил, откинувшись на спинку стула.

- Знаешь, у меня есть возможность смотреть российские телевизионные каналы. Я с удовольствием время от времени это делаю.

- С удовольствием? - переспросил Александр, мысленно жалея, что согласился на этот ужин.

Разговор был интересным, но приобретал характер провокации.

- Конечно. Даже с восторгом. Во-первых, пополняю свой запас русских слов, выражений и поговорок. А во-вторых, смотрю в основном шоу ваших пропагандистов. Соловьёва, Скобееву, Куликова. Всех не помню. Для таких «специалистов» в Москве - благодатная почва. Особенно для экспертов, представляющих разные Центры и Институты по изучению разного бла, бла. Каждая такая контора часто состоит из одного человека - всё того же эксперта — шута. Какими они выглядели грозными ура-патриотами ещё год назад. В каждом слове сквозило превосходство, пренебрежение к Зеленскому, к его воинству. Сколько иронии, сколько шуток, сарказма. Заметь, мы им даже не платили. Они сами с энтузиазмом, захлёбываясь от усердия, смеясь, кормили русского обывателя нашей дезой. Бедный Арестович! - неожиданно воскликнул американец.

- Кто это? - Александр надел на лицо маску удивления.

- Вы разве не знакомы? - Полковник покровительственно похлопал Алёхина по плечу. - Сынок. С твоей стороны это большое упущение. Я вас представлю друг другу. Этот парень — клад. Наш человек в офисе Зеленского. Провокатор, мастер

информационно-психологических манипуляций. Самородок, хитрая бестия. Над его прогнозами о неизбежном наступлении ВСУ на Запорожье по всем фронтам в российском медиа пространстве потешались все эксперты, блогеры и телеведущие. Самое смешное, что он говорил и говорит правду, в той мере, в которой мы ему позволяем. Но преподносит её, как бред сумасшедшего фантазёра. Но этот малыш — один из многих... Даже не винтик, - Адамс щёлкнул в воздухе пальцами, подбирая слово.

- Шестерёнка, - подсказал Александр.

- Шестёрка? - не понял полковник. - Нет, не то. Он - приводной ремень механизма информационной дезинформации. Вот, кто этот парень. Он тоже, но с особым талантом покусывает медведя...

- А вам не кажется, сэр, что медведь по-настоящему ещё не проснулся? Спячка была слишком долгой. Ему кажется, что он видит сон. Но вот, когда он по-настоящему проснётся...

- Мистер Волков. Вы читали хоть одну книжку про охоту на медведей? - Американец бросил окурок сигареты в пустой стакан Алёхина.

- Нет, - признался Александр.

- А я их прочёл десяток разных авторов из разных стран, где такая охота — вид национального спорта. Так вот. После долгой спячки медведь, просыпаясь, часто умирает от банального запора или от разрыва кишечника в попытках выцарапать из задницы окаменевшую пробку дерьма. В нашем случае дерьмо, это коррумпированные русские чиновники, ожиревшие, обросшие собственностью генералы, оппозиция, пятая колонна, грантоеды, либералы. Эта пробка слишком крепка, поскольку наши капельницы во время спячки не переставали подпитывать сон медведя красивыми иллюзиями о демократии и свободном рынке. Но если он очнётся, если не сдохнет раньше от укусов собак и кровотечений через трещины в анальном отверстии, ему предстоит осознать одну вещь, - Адамс, взглянув на часы, сделал знак официанту подойти.

- И какую же? - Задал Алёхин ожидаемый вопрос.

- Что ему предстоит принять условия охотника. Стать либо шкурой на стене, либо экспонатом в нашем зоопарке, объектом в системе глобального лидерства США. Европе мы уже не оставили выбора. Она — там, где ей и положено быть. У наших подошв. Потому, что мы намерены восстановить наше доминирование, несколько утраченное за последние годы.

Каких бы жертв и затрат это не стоило остальному миру, - полковник вытащил из нагрудного кармана френча устройство, похожее на сотовый телефон, но только более толстый и набрал на экране несколько цифр.

Почти сразу же кто-то ответил Адамсу и выслушал короткий приказ на английском языке.

Взглянув на счёт в руке официанта, американец бросил на стол пятьдесят долларов, забрал, уложенные в пакет две бутылки виски, затем кивнул Алёхину в сторону выхода. Пока полковник, стоя у дверей ресторана, раскуривал новую сигару, подъехал Хаммер. Александр увидел знакомое лицо морпеха, сидящего за рулём, который, тоже узнав его, кивнул в ответ. Машина резво взяла с места в сторону центра города. Адамс дремал, сидя прямо, словно истукан, держась рукой за поручень над головой. Он вышел возле комплекса зданий СБУ, бросив на колени Алёхину одну из бутылок.

- Привыкай, - сказал он, вяло взяв под козырёк. - Лично мне спиртное позволяет держаться на плаву, не утопая во всём этом болоте. Майк! - Адамс засунул голову в окно машины. - Отвезёшь нашего друга домой. До связи утром.

- Да, сэр, - коротко ответил сержант.

Алёхин оглянулся на фигуру полковника, растворившуюся в темноте на неосвещённых улицах центра города.

- Закурим? - предложил Александр Майку.

Водитель, лениво потянувшись к нагрудному карману, достал открытую пачку Мальборо. Джип на большой скорости проскочил ярко освещённый Майдан Незалежности, свернул на одну из улиц, где сверкали витрины магазинов, вывески ночных клубов и баров. Дальше мостовая резко пошла вниз.

- Видел? - Майк повернул к Алёхину голову.

- Что?

- Будто войны и нет совсем. Проститутки, сутенёры, прочий мусор этого чёртова места тусуется здесь до рассвета. Напоминает Миннеаполис, откуда я родом. Не то, чтобы города похожи. Атмосфера и масштаб те же. А ты, где пропадал? Давно тебя не видел.

- Долгая история. Хочешь, зайдём ко мне, расскажу.

- Виски полковника откроешь? - парень облизнул губы.

- Без проблем.

- Окей, - сержант, прибавив скорость, начал сравнивать достоинства и недостатки шлюх разных стран, где он служил раньше.

Его английский язык был примитивен и односложен, как в голливудских боевиках с Арнольдом Шварценеггером в главных ролях. Через десять минут сержант сидел в квартире Алёхина, положив ноги в башмаках с толстыми подошвами на журнальный столик. В руках он держал стакан с виски.

- Это дерьмо, лёд в мой стакан больше не клади. Я тут привык не разбавлять.

- Как скажешь, - Алёхин открыл холодильник, запихнул в морозильную камеру кювету с водой и сел напротив сержанта.

- Давно ты здесь, Майк?

- Шестнадцать месяцев. Прибыл сразу после этой чёртовой заварухи.

- А раньше?

- Ирак сначала, потом Афганистан. После ранения переправили сюда.

- К полковнику как попал?

- Возил его пару раз в Мариуполь, когда там нацисты Азова стояли, потом притёрлись.

Сержант не цедил спиртное, а делал торопливые внушительные глотки, вытирая губы рукавом камуфляжа.

- Может, по косячку свернём или уколемся? - Предложил сержант, взглянув на часы. - Время ещё детское.

- Наркоты не держу, - как можно мягче ответил Александр. - Извини, дружище.

- Странно, - вздохнул парень. - Тут почти все офицеры СБУ в этом дерьме себе не отказывают. А на фронте — обычная вещь. Жаль, что не держишь, а то бы покайфовали. Кстати, ты свою историю обещал рассказать.

- Всё просто, - Алёхин коротко, но со значительной долей фантазии пересказал то, что уже говорил полковнику, добавляя от себя детали из сюжетов американских блокбастеров про войну.

- Да, ты у нас Рембо, - оживился Майк, закрывая рот, когда повествование было закончено. - Снайпер — баба? Красивая, говоришь, молодая? - На кого похожа была?

- На Мерилин Монро. Только в современном варианте.

- И сиськи такие же? Торчком стояли?

- Ага, - Алёхин подлил виски в стакан сержанта.

- Тогда почему ты её не отымел?

- Времени не было, да и обстановка не позволяла.

- Зря, - расстроился сержант. - Я бы и место нашёл, и время. А то здесь в этом чёртовом городе все шлюхи, словно по одному шаблону деланные. Или ноги кривые, или жопы толстые.

- Тогда шаблонов два.

- Чего?

- Забей. Скажу тебе одну вещь, - Алёхин невольно входил в роль крутого мачо. - Здесь, в Киеве — тихая заводь. Вот там, где пули над головой свистят, начинаешь ценить время, чувствовать настоящую жизнь. Все инстинкты обостряются. Никакой наркоты не нужно. Адреналин зашкаливает. Стреляешь во всё, что движется, а тебе за это никто ничего не предъявляет.

- Знаешь, - нахмурился сержант. - Завидую тебе, парень. В Ираке я при штабе был всю командировку. В Афганистане один раз в поле выезжал. Представь. Идёт колонна бронированных Хаммеров, а местные аборигены разбегаются, как тараканы. Не повезло мне. В других местах парни постреляли от души. А я не успел. Хочешь скажу одну вещь?

- Конечно, - Александр смотрел на сержанта поверх края стакана. - Мы же друзья.

- Хочу послать полковника к чёрту. Запишусь в наёмники. Хорошие деньги можно поднять. Киев не скупится на бабло. Особенно, если ты американец. Они почти молятся на нас, считая богами.

Слово «бабло» Майк произнёс по-русски.

- Я много, чего слышу, когда наши офицеры между собой языками «бельё местное» полоскают. Наёмники сейчас в цене. Их тут уже тысяч пятьдесят понаехало отовсюду. Много наших парней. Слух идёт — готовится большое наступление на какой-то Николай и Хер знает ещё какую дыру.

- Николаев и Херсон?

- Точно! А ещё Запо..., Запор....

- Запорожье?

- В точку. Но сначала будет удар по Крымскому мосту. Люди этого придурка наркомана президента подробностей операции даже не скрывают. Цирк-шапито.

- Не выдумывай про Крым. Знаешь, какая там система ПВО? Собьют всё, что ближе, чем на милю подлетит.

- Кто говорит про ракеты? - пьяно удивился сержант. - Здесь уже видели англичан — боевых пловцов. Но я бы поступил ещё проще. Заложил бы взрывчатку в грузовик и подорвал бы по радиосигналу на самой середине моста. Такой, знаешь, джихад мобиль соорудил бы, как в Ираке.

- Мост наверняка строго охраняется, - задумчиво пробормотал Алёхин.

- Ты плохо знаешь русских! - Воскликнул Майк. - Полковник говорит, что они... Мой Адамс даже узнал у местных парней нужное русское слово... Разбар... Раздал...

- Раздолбаи?

- Точно. Разбалдаи. К тому же у русских на блокпостах, если дашь денег, особенно баксы они жалуют, пропустят даже танк под тентом на большегрузе.

- Думаю, на том мосту всё по-другому. Там безопасность - на уровне,

- Если бы мы не были друзьями, - плавно качнулся сержант. - Я бы мог биться с тобой об заклад, что скоро местные придурки подорвут мост. Сдаётся мне, ты ещё не в теме, хотя и офицер СБУ.

- О чём ты?

- Думаешь, русские военные охраняют мост? Ни хрена подобного. Там что-то вроде частной лавочки. Типа — охрана, а на самом деле штатские дебилы в форме какого-то департамента транспорта. Есть ещё дорожная полиция. Но на тех пробы негде ставить. Берут в открытую.

- Брось! Откуда знаешь?

- Когда однажды ехали с полковником, тот смотрел фотки со спутников. Я краем глаза взглянул. На снимках можно разглядеть даже номер жетона полицейского.

- Сочиняешь!

- Чего?

- Ладно... Не важно, - Алёхин уже пожалел о своём горячности. - Значит, ты в наёмники пойдёшь?

- Наверное, - подтвердил сержант. - Подам рапорт, и поцелуйте меня в зад. Скука здесь при штабе. А там, делай, что хочешь. Как в джунглях Вьетнама. Смотрел фильм Оливера Стоуна «Взвод» или «Апокалипсис сегодня» Фрэнка Копполы?

- Нет.

- Зря. В «Апокалипсисе» эскадрилья вертолётов в щепки разносит деревню заодно с узкоглазыми рисоводами, этими грязными Чарли*. Можешь мне поверить. Коппола ничего не придумывал. Вот время было. Стреляй во всё, что заметил, что ползает, прыгает, а за это тебя ещё по головке гладят, ордена на грудь вешают. Русские для меня — такие же вьетнамцы, туземцы, мать их.

Алёхин сжал зубы. Сержант, не смотря на опьянение, заметил гримасу на лице Александра.

- Без обид, - проворчал американец. - К тебе это не относится. Полковник разбирается в людях. Если он тебя выделил из толпы прочих шакалов — офицеров СБУ, это что-то значит. Хотя, лично я не люблю предателей. Предал своих один раз, будешь предавать дальше, но уже новых хозяев.

- А, чего же тогда пьёшь со мной?

- А мне всё равно с кем пить. Тут даже поговорить особо не с кем. Есть ещё шлюхи, но они – просто тупые коровы. Английский язык не знают совсем.

- Всё зависит от суммы...

- Чего? - Не понял сержант.

Чарли. Так американцы звали северных вьетнамцев во время Вьетнамской войны.

- Кто платит деньги, тот заказывает музыку.

- Чего? - округлил глаза американец.

- Могу для тебя, по дружбе, заказать через Сеть даже черномазую девчонку со знанием английского и британским акцентом. Привезут в лучшем виде.

- Откуда?

- Какая тебе разница? В Европе много черномазых. Украина — не исключение. А Киев — город богатый.

- Вообще-то я расист, - плотоядно улыбнулся сержант. - Но для разнообразия, почему бы нет? Надо поговорить с парнями в казарме.

- Сам не потянешь?

- Чего?

- Ладно, проехали, - устало сказал Алёхин. - Если надумаешь, сам пошарь в местном интернете. Идея — подарок от меня.

- Да я не особо продвинутый юзер, - смутился американец. - А тут надо русский знать или местную тарабарщину. Я простой морпех. Всякой компьютерной хрени особо не обучен. Показали, какие кнопки нажимать, я и нажимаю. Слушай… Нечего здесь из себя яйцеголового умника корчить.

- Как скажешь, - успокаивающего выставил перед собой ладони Алёхин.

Разговор, не смотря на обилие информации, начал утомлять.

- Кстати. Дорогой гость! Тебе хозяин не надоел?

- Чего?

- Время, говорю, позднее. Второй час ночи. Тебе не пора? В казарме не хватятся?

- Я уйду, когда сам захочу. Не ты здесь главный.

- Ночью далеко не уедешь. Везде - патрули, - примирительно сказал Александр.

- А, это видел? - Спросил сержант, доставая из нагрудного кармана куртки прямоугольный пластик и поднося его к глазам Алёхина.

Александр разглядел несколько печатей, изображение орла на фоне американского флага, текст на английском языке, где было звание, имя и фотография сержанта.

- С этой штукой я могу ездить, где хочу, когда хочу, делать, что хочу на всей территории этой дерьмовой страны… Виски ещё есть?

- Посмотри в углу за шторой. Туда полковник бутылку поставил, когда мы уходили.

Сержант тяжело поднялся, спрятал пропуск, шагнул, едва держась на ногах, к окну, где, с трудом нагнувшись, отыскал бутылку. Он начал пить прямо из горлышка, но, сделав пару глотков, пошатнулся, затем выронил спиртное из рук. Заваливаясь назад, морпех рухнул на пол. Осколки

стекла с оглушительным звоном разлетелись по всей комнате. Алёхин от неожиданности вздрогнул, потом встал, подошёл к американцу и нагнулся. Сержант крепко спал, слегка похрапывая. Александр, подхватив тело под мышки, поволок морского пехотинца в спальню. Бросив пьяного на кровать, Алёхин аккуратно вытащил пропуск из кармана сержанта, затем включил сканер, простоявший на подоконнике без дела почти всё лето, настроил его, затем достал из шкафа свой ноутбук. Однако, вспомнив советы Ивана Матвеевича, потратил тридцать минут, чтобы проверить все комнаты на предмет скрытого видеонаблюдения. Квартира оказалась «чистой». В тайнике, устроенном в подлокотнике дивана, Александр нашёл маленький пакет из фольги, в котором хранились его флешки. Вставив одну из них в ноутбук, он проверил девайс на попытки чужого проникновения. Мощный, подвергшийся значительному апгрейду, ноутбук никто не вскрывал и не пытался взломать пароль доступа. Облегчённо вздохнув, Алёхин скачал скан пропуска в отдельный файл, созданный на особом миниатюрном накопителе, потом заново перепрятал флешки, выключил все девайсы, сунул ноутбук обратно в шкаф и в крайней степени усталости устроился на диване.

Александр проснулся от громких звуков, проникающих в комнату через открытую дверь лоджии. Голова болела так, словно её сдавливали клещи. Алёхин, потирая место, где под футболкой ещё немного саднила рана, встал и заглянул в спальню. Мятая постель со следами грязных подошв была пуста. Звук голосов на улице становился всё громче. Александр, выйдя на лоджию, посмотрел вниз. Возле Хаммера собралась небольшая толпа, которую пытались отодвинуть от машины полицейские. Сам автомобиль, возле которого расхаживал и ругался сержант, стоял без колёс, опираясь на столбики из кирпичей. Голос американца перекрывал увещевания полицейских. Ругательства из уст взбешённого сержанта вызвали улыбку на лице Алёхина.

«Наш адрес не дом и не улица, наш адрес Советский Союз», - эта мысль об особенностях характера русского человека добавили Александру хорошего настроения.

Тут же он увидел колонну машин, свернувших во двор. На одном из автомобилей была заметна аббревиатура СБУ, за ней двигались: мощный тягач с открытой грузовой платформой, погрузчик для тяжёлой техники и ещё один армейский Хаммер. Вся техника остановилась рядом с обездвиженным джипом сержанта. Два американских солдата, козырнув

офицерам СБУ, начали о чём-то вполголоса разговаривать между собой. Затем им потребовалось добрых пять минут, чтобы успокоить взбешённого сослуживца. Алёхин не стал дожидаться, чем закончится инцидент. Он запер дверь ключами изнутри, оставив их в замочных скважинах, задёрнул плотнее шторы, снова достал компьютер и начал работать над сканом пропуска американца. Через час новый документ был готов. Только вместо фотографии сержанта на нём красовалось лицо Александра. Имя и звание тоже подверглись веб редактуре. Закончив работу, Алёхин распечатал новый пропуск на фотобумаге, прошёл на кухню, достал разделочную доску, отыскал круглый с зубчиками нож для разрезания пиццы. Вскоре он держал в руках устройство с проводами, которое он собрал для ламинирования. На столе лежали два листа прозрачного толстого пластика, вырезанные из файла для бумаг. А ещё через десять минут Александр внимательно рассматривал готовый документ, где на английском, русском и украинском языке говорилось, что его владелец — особа неприкасаемая, наделённая особыми полномочиями.

- Для сельской местности сойдёт, - бормотал Алёхин, щупая пальцами ещё тёплый пластик. - Впрочем, почему для сельской? Получилось классно. Кто эту ксиву будет внимательно рассматривать? Тут один орёл с полосатым флагом внушает уважение и трепет.

Александр ночью почти не отдавал себе отчёта, зачем он вытащил пропуск из кармана сержанта, зачем сделал скан, но сейчас в голове постепенно стал вырисовываться план дальнейших возможных действий. Он спрятал документ, принял душ, оделся в свою военную форму, вызвал такси и поехал на самый большой блошиный рынок Киева. Барахолка находилась на Почайной улице, считаясь раем для коллекционеров. Но Алёхин, миновав ряды с антиквариатом, монетами и прочими предметами старины, добрался до закутка ангара, где торговали одеждой, обувью и различными аксессуарами. На форму офицера СБУ почти никто не обращал внимания. Здесь очевидно привыкли ко всему, поэтому Александру удалось купить в разных местах новые с иголочки офицерские куртку и штаны американской армии, а к ним тактические армейские ботинки USMC с высоким берцем на толстой рифлёной подошве. Алёхин не торговался, а платил, сколько запрашивали, зная, что цену для офицера СБУ никто заламывать не будет. Покупая армейское кепи с нашивками морпеха, он не удержался и спросил продавца:

- Ворованное?

- Та, упаси меня Господь, пан офицер. Клянусь мамой. Пиндосы сами приносют.

- Тебе? Не бреши, Микола, - влез в разговор торговец, стоявший рядом. - Мелко плаваешь.

- А я и не кажу, шо мне. Оптом сдают. Прямо со складов своим доверенным купцам. У них — рука руку моет. А я от наших купцов после всё это забираю на реал. И мне без разницы, ворованное оно, чи не. Я же не пытаю у пана офицера, навищо ему американьска форма... Може, он до той самой Америки ехать собрался. А, може, перед дивчиной какой решил покрасоваться. Так берёте цей капелюх, чи не?

- Держи гроши, суй всё до пакета, - распорядился Алёхин. - И за языком следи. А то сегодня я добрый, а завтра, кто знает...

- А я, шо? Я молчу, пан офицер. Моя хата с краю.

- То и добре, - Алёхин ещё немного потолкался среди народа, потом, покинув барахолку, вернулся домой.

На следующий день ровно в девять часов утра, чисто выбритый, благоухая дорогим одеколоном, он стоял возле караульного офицера СБУ на входе в главное здание и ждал, пока тот доложит начальству о появлении «погибшего» героя. Но, к удивлению Александра, о его появлении в Киеве уже знали. Почти сразу же к нему спустился офицер, кивнул караульному, взял «пропажу» под руку и повёл к лифту. Через десять минут Алёхин, подчиняясь кивку сопровождающего офицера, потянул на себя массивную дверь кабинета, оказавшись лицом к лицу с генерал-майором СБУ - заместителем начальника Департамента контрразведывательной защиты интересов государства. Лазутина сидела за письменным столом, внимательно читая какой-то документ. Спустя минуту она подняла голову и бросила взгляд на стоявшего перед ней офицера.

- Стало быть, ты и есть тот самый Волков? - спросила Лазутина, поднимаясь из-за стола. - Тогда в палатке, где мы обсуждали план акции, было темно. Я плохо тебя рассмотрела. Повернись к окну!

Алёхин подчинился. Он встал так, чтобы дневной свет падал на лицо.

- Странно, что ты один выжил в том замесе, - задумчиво сказала генерал. - Зеленский всей вашей группе хотел присвоить звания Героев Украины. Посмертно. Тебе уже сказали?

- Слышал. Но, говорят, не срослось.

- Именно так. Не срослось. Садись в кресло у окна, а я подвигаюсь, потопчу ковёр. Ненавижу сидячий образ жизни.

Александр сел и вопросительно уставился на Лазутину.

- Давай, рассказывай, как там всё было? Можешь называть меня Юлия Анатольевна.

- А, чего рассказывать? Вы уже, наверное, кучу рапортов прочитали. Может, я тоже рапорт напишу? Знаете, когда имеешь дело с бумагой, многое можно вспомнить в подробностях.

- Конечно напишешь. Куда тебе деться? А пока хочу услышать живой рассказ. Возражения есть?

- Нет, - выпрямился в кресле Алёхин.

- Тогда начинай.

Лазутина, словно забыв о присутствии офицера, начала расхаживать по кабинету. Александр обречённо вздохнул, давая понять, что ему надоело повторять уже сказанное не один раз. Он начал своё повествование, придерживаясь версии, которую он озвучил перед полковником Адамсом. Когда Алёхин добрался до места в рассказе, где он получил пулю в спину, но выжил, благодаря заботам сельских баб, Лазутина остановила его жестом руки.

- Ты лично видел, как погибла Олеся Полянская?

- Я тогда не понимал, что происходит. Взрывы один за другим. Что это было? Может, артналёт или авиация. И, наверняка, чуть раньше нас с дрона засекли. Меня отбросило в сторону. Собственную голову еле успел засунуть в какую-то дыру, а потому ни хрена я не видел. Когда всё кончилось, голос подал, но в ответ — ни звука... Потом стал ползать по воронкам. Вот тут и наткнулся на Полянскую. Ничком лежала. Осколками её посекло. Перевернул, а она уже не дышит. Только глаза огромные, удивлённые, будто спрашивает: - «За что?». Тут и сержант появился...

- Из спецназа? Тот, которого у реки застрелили? - уточнила Лазутина, останавливаясь у окна.

- Он самый. Уходить надо, говорит, пока дым от разрывов над лесом висит.

- А ты, что?

- Сказал, что похоронить всех по-людски нужно.

- А он?

- Хотел уйти, но передумал, - Александр считал своим долгом выгородить штаб-сержанта. - Затаились разом в кустах до времени, а потом похоронили... Олесю отдельно от всех. Хорошо, что земля там — один песок. Выкопали две ямы и... Одну для Премысловского...

Алёхин не договорил, с трудом проглотив комок в горле, мешавший дышать.

- Хорошо, что похоронили. Доктор уже видел твою рану? - Лазутина обернулась, внимательно рассматривая лицо Александра.

- Нет нужды. Уже всё зажило.

- Покажи.

- Зачем? Шрам остался. Пластырем на всякий случай закрываю.

- Покажи.

- Не верите мне?

- Покажи, - в голосе Лазутиной слышалась угроза.

Алёхин стал медленно расстёгивать куртку. Он снял её, аккуратно повесил на спинку стула, затем задрал футболку, поворачиваясь спиной. Лазутина подошла ближе, провела ладонью по мускулистому торсу Александра и неожиданно, резко сорвала пластырь. Алёхин тихо ахнул, застонал и повернулся, оказавшись лицом к лицу с генеральшей.

- Что дальше? - спросил он. - Можете и с груди пластырь снимите. Жалеете, что палец не можете сунуть в дырку?

- Не дерзи мне, Волков. Если бы не пан Зеленский и не полковник Адамс, который считает тебя ценным кадром, я бы перед трибуналом тебя поставила. Открой секрет. Почему к тебе неравнодушен чёртов американец?

- За что трибунал? - с обидой воскликнул Алёхин.

- А по совокупности. Учти. Не верю я ни одному твоему слову. Это Адамсу можешь вешать лапшу на уши, но не мне.

- Вот она, благодарность Батькивщины, - Александр уже натягивал куртку. - Стараешься тут, стараешься...

Лазутина, словно забывшись, смотрела в одну точку на куртке Алёхина, чуть выше воинских нашивок.

- Жаль, поздно прочла твоё досье. Жаль, не я курировала твою вербовку. Там всё шито белыми нитками. Не верю я тебе. И Украину не трогай. Она тебе не Батькивщина...

- Дело ваше, - Алёхин стоял вольно, заложив руки за спину, чуть покачиваясь с пятки на носок. - Можете арестовать, если не нравлюсь вам. Уже изучил методы СБУ. Пытать начнёте? Да, хрен с вами. Проходили. Все вы тут, словно пауки в банке. Друг-друга подсиживаете, на невинных людей кидаетесь... А-а... Догадываюсь в чём тут дело... Это вы Олесю Полянскую ко мне приревновали... Почему, нет? Я — парень видный. Она мне тоже приглянулась.

- Не дерзи, заткни пасть, сволочь. Пошёл вон из кабинета. У секретаря лежат твои новые документы, пропуск на твоё имя в американский сектор здания на последних этажах. Поступаешь в распоряжение полковника Адамса. Но знай, я буду следить за тобой. А насчёт пыток, это я ещё до тебя не добралась. А когда доберусь, тебе небо в овчинку покажется.

- Смотрю я на вас и думку гадаю, - не выдержал Александр. - Русская фамилия. Сами вы русская. Красивое славянское лицо. Выросли ещё в советские времена, в классы на асфальте играли, в школу советскую ходили, в институты. Подруги у вас русские были. Откуда столько ненависти к русским? Откуда столько злости? Не понимаю. Я сам — националист. Русский националист, но в вас, что-то пещерное есть, первобытное. Откуда?

Или это окрас такой? Чтобы не выделяться из стаи...

- Ты как со старшим по званию разговариваешь? Заткнись! Вали из кабинета, пока я добрая, - злая гримаса исказила лицо Лазутиной. - И запомни. Язык у тебя слишком длинный. Придёт время - укорочу.

- Я хотя бы говорю то, что думаю, в отличие от некоторых. Можете, хоть сейчас наручники на меня надеть, доложить начальству, что разоблачили очередного шпиона москалей. Арестович о великой перемоге народу расскажут, а многие там в России, сочувствующие Украине, десять раз подумают, прежде чем встать на вашу сторону.

Лазутина быстро подошла и, словно кошка, резко, быстро ударила открытой ладонью по лицу Александра.

- Пошёл вон!

Алёхин, круто развернувшись на каблуках, мысленно ругая себя за горячность и неосторожность, выскочил из кабинета.

Секретарь Лазутиной — девушка в форме лейтенанта ВСУ равнодушно посмотрела на лицо офицера, на следы от ногтей на щеке, потом многозначительно и победно бросила взгляд на военных, ждущих приёма, но в итоге протянула Александру небольшой казённый, жёлтого цвета конверт.

Пропуск в «американский» сектор здания оказался похожим на пластиковую карточку социального страхования или на удостоверение водителя. А ещё он был похож на электронный прямоугольник гостиничного ключа. Отличие состояло в том, что на пластике имелась фотография, печать СБУ с водяными знаками, сложный штрихкод и маленький герб США.

Лифт, ведущий на верхние этажи, находился в другом крыле здания и был отделён от небольшого холла стеклянной перегородкой с дверью, возле которой прохаживался часовой. Внимательно изучив пропуск, сверив фотографию с лицом его владельца, караульный, козырнув, пропустил Алёхина за перегородку. Александр не увидел на камуфляже часового ни нашивок, ни знаков различия, но не стал ни о чём спрашивать молодого здорового парня. В лифте не было кнопок, зато имелось сканирующее устройство, к которому Алёхин приложил свой пропуск. После ощутимого толчка вверх и нескольких секунд подъёма, двери лифта распахнулись. Александр оказался лицом к лицу с ещё одним часовым в полевой форме американского морского пехотинца и нашивками сержанта. Тот стоял, слегка расставив ноги в высоких, тяжёлых башмаках, положив ладонь на рукоять пистолета, корпус которого прятался в кобуре по самый курок.

- Сэр?

- Мне нужен полковник Адамс, - по-английски сказал Алёхин, поднося к глазам караульного пропуск.

Сержант кивнул, но продолжал стоять, с любопытством разглядывая незнакомого офицера. Через несколько секунд из-за угла появился ещё один морпех. Алёхин понял, что лифтовой холл постоянно находится в поле зрения видеокамеры.

- Сэр! Следуйте за мной, - сказал второй солдат.

Держась чуть впереди, он повёл Александра по коридору.

Миновав несколько дверей, морпех остановился у четвёртой по счёту. Приложив к считывающему устройству пропуск Алёхина, он отступил в сторону, жестом предлагая своему подопечному войти. Капитан переступил порог и оказался в большом зале. Точечные светильники под потолком создавали полумрак. Окна были закрыты чем-то вроде штор, не давая

ни малейшего шанса заглянуть солнцу в недра помещения. За столами, разделёнными низкими перегородками, сидело человек тридцать молодых парней в американской военной форме, внимание которых целиком поглощало то, что происходило на экране компьютеров, стоящих перед ними. У каждого из солдат на голове имелись наушники, а возле губ Александр заметил маленькие микрофоны на тонких обручах, обхватывающих шеи. Следуя за своим провожатым, Алёхин заметил, что на экранах медленно менялись спутниковые снимки с координатами, привязанными к местности. В конце зала сержант открыл ещё одну дверь в помещение, где оказался небольшой холл с тремя дверями. За одной из них было что-то вроде приёмной. У стола сидел военный с нашивками лейтенанта, который отпустил провожатого жестом руки.

- Мистер Волков? - Полувопросительная интонация не предполагала ответа, и Алёхин промолчал.

- Ждите. Полковник освободится через пару минут.

Александр, оглядев «предбанник», занял один из свободных стульев возле приоткрытой двери, за которой, как он догадался, размещался кабинет Адамса. Оттуда доносилась тихая музыка и женский голос. Алёхин невольно прислушался.

- Мир преобразуется покоем. Он, словно Алхимик, преображает Вселенский хаос в золотую плазму Божественного порядка. Внутри нас, в нашей ДНК, во всём Божественном вокруг нас всегда царит покой. Этот покой существует за пределами нашего разума... За пределами понимания... За пределом всех мыслей... Этот покой - квантовая пустота... И он обладает огромным потенциалом преображения всего сущего. Когда наше сознание разворачивается к своему первоисточнику, через Покой мы выходим из хаоса и начинаем существовать в гармонии со своим внутренним миром... Замирает суета внешней деятельности... Мы погружаемся в блаженное состояние... Это поле эмоциональной тишины... Пробелов пустоты между мыслями... Отрешённости от страстей мира... Словно в замедленной съёмке перед внутренним взором появляются необъяснимые видения... Сцены и картины движутся так медленно, что кажется, можно прикоснуться к ним кончиками пальцев... Чувства и мысли разноцветными камушками падают в тихую безмолвную гладь сознания... Вы осознаёте их кругами на воде от этого медленного, плавного падения, которые постепенно расширяясь, меняют состояние материального тела... Круги идут друг за другом, растворяясь в Покое... Вы слышите лишь свое дыхание, пребывая в странном воображаемом, неподвижном центре... Об эту неподвижность

разбиваются все внешние волны. Драма жизни закончена. Внутри не осталось ничего, что бы желало продолжать эту Игру...В этой неподвижности всего того, что называется Душой, в самой сердцевине ДНК каждое ядро клеток пронизывают Покой и Умиротворение... Волны Покоя подхватывают сознание, унося его в невероятные глубины, всё более и более раскрывая то, что раскрыть, казалось бы, невозможно... Чему нет названия и определения... То, от чего всё существо начинает испытывать восторг. Который длится... и длится, словно сама Вселенная... Затем Покой изливается в единую точку, которой сейчас являетесь Вы... Он - источник радости, он - предел блаженства... Покой, который видит только себя... Конец всех страданий, начало всех начал, где рождается свет... звук... цвет... И вот отсюда начинается движение. Сотворение нового мира это - всегда движение, связанное с появлением новой жизни. И этот процесс не прекращается ни на минуту. Строительство новых клеток и новых миров никогда не останавливается... И всё же... Всё же... Всякое движение заинтересовано только в достижении Покоя... В возможности прикоснуться к его Источнику... Чтобы начать новое движение, новое созидание. Бесконечно...

Проникновенный женский голос, вещавший на русском языке, стих, наступила тишина. Алёхин внутренне подобрался, решив, что сейчас распахнётся дверь, кабинет покинет женщина, но раздались тяжёлые шаги и на пороге появился полковник.

- А-а! - весело воскликнул Адамс. – Вот он, наш герой. Проходи.

Александр протиснулся в щель между фигурой американца и дверным откосом. Кабинет на удивление оказался небольшим. Стол, четыре офисных стула, кожаный диван, почти пустой шкаф со стеклянным дверцами, карта Украины на стене и консоль, на котором стоял открытый ноутбук с выдвинутым дисководом.

- А, где? Впрочем, не моё дело, - растерянно сказал Алёхин, обведя глазами помещение.

- Ты о чём? - спросил полковник, усаживаясь и кладя ноги на стол.

- Я слышал женский голос, - Александр стоял, широко расставив ступни, заложив руки за спину.

- Это был компакт диск, - улыбнулся Адамс.

- Ах, да, - кивнул головой Алёхин. - Понял... Дистанционный сеанс психолога. У вас же, чуть что, вы сразу идёте к мозгоправам, - Александр после встречи с Лазутиной всё ещё был «на взводе».

- Чёртов Голливуд, - проворчал Адамс. - Меньше смотри дурацких фильмов. В них наших военных рисуют бравыми парнями с ранимой психикой. Или грубыми солдафонами без комплексов… Это была просто минута отдыха. Деловая суета убивает мысль, а мне нужно было подумать.

- А, при чём здесь женщина-психолог, да ещё русская?

- Если ты забыл, на русском языке создана величайшая литература. «Война и мир» Толстого. «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание» Достоевского. А то, что ты слышал — плод размышлений одной вашей современной писательницы. Елена Вайт, если не ошибаюсь. Скачал на диск, теперь время от времени слушаю. Двойная польза. Изучение загадочной русской души и погружение в язык. Ты, насколько я успел тебя изучить, из этой же обоймы. Иногда ставишь меня в тупик, загоняя в угол. Это одна из причин, по которой ты здесь.

- А остальные?

- Видел зал с гаджетами? - вместо ответа спросил Адамс.

- Заметил. Парни анализируют данные со спутников.

- Так и есть. Мы в режиме реального времени передаём ВСУ информацию о передвижениях русских войск. По факту мы создали свою собственную систему управления боем. Сегодня мы можем почти мгновенно вносить коррективы в планы и бить в самые уязвимые точки по всей глубине территорий, оккупированных Путиным. Спросишь, зачем ты здесь? Ты мне нужен для двух вещей. Сядь где-нибудь. Вопросительный знак перед глазами утомляет. Итак, - полковник достал из коробки, стоявшей на столе, толстую длинную сигару, откусил кончик, сплюнул на пол и прикурил от зажигалки, выкрашенной в защитный зелёный цвет.

- Я не из тех людей, кто верит в «неизбежную победу» той или иной стороны только потому, что одна из них агитирует за тоталитарный псевдо-социализм, а другая за демократию… Если вспомнить историю, например, гражданскую войну в Испании, то там победили силы, гораздо более консервативные во главе с одиозным автократом генералом Франко, который был просто ангелом по сравнению с вашим Зеленским. Да, франкистам тоже помогали из-за рубежа, но ведь и республиканцам помогали. Испанскую Республику поддерживал Советский Союз, посылая военную технику и кадровых военных под видом добровольцев. Тем не менее, победил фашист Франко. А, почему?

- Может, вы мне скажете,

- Потому, что он выиграл информационную войну. За ним пошла армия, в основном состоявшая из фермерской или, как говорят русские, крестьянской массы. Запомни. Тяжёлый труд убивает мысль. Простых испанцев, да ещё истовых католиков из глубинки удалось убедить, что коммунисты и республиканцы — исчадия ада, желающие всех уравнять в правах, отняв собственность, в первую очередь самое дорогое для фермеров - землю. За генералом также стояли банкиры, крупные латифундисты и промышленники из страха потерять заводы, деньги, поместья. Может, у республиканцев и в планах не было отнять у элиты собственность, но главное не то, что они планировали, а то, что им приписывали. То же самое произошло в Чили, когда к власти пришёл генерал Пиночет. Понял, о чём я?

- Информационные войны — не моя специальность, - тихо сказал Алёхин.

- Мне насрать на специальности. Я вытаскиваю тебя из болота, которым по сути является СБУ с их бабами генералами и откровенными наци. Я делаю тебе одолжение, как знатоку русской души и русского характера. Наши советологи, специалисты по России, все эти русские диссиденты семидесятых годов, консультирующие Пентагон и Госдепартамент, постарев, давно потеряли хватку, протёрли в тёплых креслах чёртову кучу штанов, покрылись нафталином, утратив связь с бывшей Родиной. Они ни хрена не понимают, что движет русскими в этой войне. Вся ваша оппозиция последней волны, сбежавшая на Запад, все эти гроссмейстеры, спекулянты, банкиры и прочая шваль... Они брызжут ядовитой слюной от злости, что лишились возможности воровать. Они выдают нашим верхам то, что те хотят слышать. А это, всего лишь, голая русофобия с тиктокерской блевотиной, действующая только на молокососов школьников. А мне нужен человек тонко чувствующий настроения русских. Мне нужен настоящий аналитик, который только недавно сам варился в самой гуще русского борща.

- В Киеве борщ считается чисто украинским ноу-хау, - не удержался Александр.

- К чёрту этот ваш чёртов борщ, - полковник, сделав глубокую затяжку, стряхнул пепел сигары прямо на зелёное сукно стола. - С борщом разберётесь сами. Нас, американцев всегда отличал прагматизм, а потому нам насрать на всё, что мешает достичь нужных результатов. Знаешь, после Второй мировой войны мы даже нашли работу всем высокопоставленным военным нацистам Третьего рейха...

- Не может быть! - удивился Алёхин.

- Не может? - рассмеялся Адамс. - Давай я тебе перечислю звания и фамилии... На память пока не жалуюсь. С кого начать? Например - Адольф Хойзингер. Был во время войны начальником оперативного отдела Генштаба сухопутных войск Вермахта, а уже с тысяча девятьсот шестьдесят первого по тысяча девятьсот шестьдесят четвёртый год, он - Председатель Военного комитета НАТО. Пошли дальше... Ганс Шпайдель, начальник штаба группы армий у Роммеля. С пятьдесят седьмого по шестьдесят третий год — командующий НАТО в Центральной Европе. Иоганн фон Клейман. Полковник Генштаба Вермахта. В шестьдесят седьмом — командующий войсками НАТО в той же Европе. Эрнст Фебер, полковник, инспектор Главного управления кадров Вермахта, с семьдесят третьего по семьдесят пятый год — командующий войсками НАТО, - полковник перевёл дух.

- Я могу назвать ещё десяток имён генералов СС и Вермахта, которые занимали высокие должности в НАТО в послевоенный период.

- И зачем мне это знать? - удивился Александр.

Затем, что это яркий пример нашего прагматизма. Мы уже в то время для грядущей войны с Россией отбирали нужных нам людей, в первую очередь хороших аналитиков, не брезгуя нацистским прошлым немцев. Ты, на мой взгляд, сынок, один из лучших в своём деле. И я хочу, чтобы ты возглавил группу аналитиков при департаменте американской военной миссии в Киеве, которая занимается информационным воздействием на русских.

- Думаете, ваша пропаганда сработает? - с интересом спросил Алёхин.

- Нам нужна не просто пропаганда, как у Соловьёва и Скобеевой. Мне нужна тонкая психологическая обработка русских, фейки, основанные на правдивой информации. В Америке это работает... Почему не сработает у русских? Игра на эмоциях, скандальные разоблачения — дело хорошее, требующее определённых навыков... А ваша либеральная пресса в России с воем и визгом подхватит дезу. Будет рвать на куски любого человека или группу людей под свист толпы, жаждущей скандальных разоблачений, лишь бы было о чём поговорить за бутылкой пива в баре или на кухне. Поставлена задача - производить для русских, прежде всего для молодых сосунков аудиовизуальную продукцию, насыщенную скрытыми проукраинскими символами, смыслами, мемами, фейковой

информацией о событиях на Украине для продвижения в интернете. Кроме того, нам нужна печатная продукция для доставки в зону боевых действий, оккупированные регионы, а по возможности - распространять её в самой России и странах, куда направлены основные миграционные потоки русских. Вся эта медийная хрень должна быть насыщена данными о последствиях агрессии для мирного населения Украины, интервью с жертвами преступлений русских солдат, мифами о «спецоперации», данными об экономической ущербе для России. И всё это с учётом твоего знания русского менталитета. Что скажешь?

- Что сказать? Только то, что ложь имеет краткосрочный эффект и со временем уступает место правде.

- Мальчик мой. В наше время, ложь стала оружием, нравится тебе это или нет. Она становится истиной в зависимости от точки зрения, политической целесообразности, готовности фанатично верить в то, что каждый день вбивают в сознание людей... Чтобы стало предельно ясно, чего я от тебя хочу, давай вспомним, что происходило с Древним Римом в период упадка. Прежние нравы: скромность, мужество, простота, выносливость солдат, сила духа, долг граждан перед Родиной, которые позволили римлянам создать великое государство, через какое-то время сменились стремлением к роскоши, праздности и развлечениям. Новые правила поведения стала диктовать элита. Сливки римского общества старались переплюнуть друг друга, строя огромные дома, особняки на морском побережье, устраивая пиры и оргии. Перед пирующими кривлялись комедианты, фокусники. Рабы - гладиаторы на потеху убивали себе подобных, устраивая кровавые зрелища. Процветало чревоугодие. Толстяков, поваров, кондитеров становилось всё больше. Того же самого: хлеба и зрелищ, жрать и ржать начал требовать простой народ. Рим тратил огромные суммы на организацию массовых праздников, на театральные представления для толпы. В этом массовом стремлении к удовольствиям перестала ценится семья, как основа социума. Она превратилась в обузу, мешающую удовольствиям. Женщины не хотели рожать, заботясь о фигурах. Если раньше римская молодёжь стремилась к подвигам во имя величия Рима, то в период предсмертной агонии империи главным жизненным ориентиром стали деньги. На смену скромности, благородству, чести, долгу пришли излишества, лесть, ложь и разврат. Разложение Рима началось с элиты, с головы, - Адамс, до этого расхаживающий по кабинету, остановился прямо перед Алёхиным.

- Сегодня вечером, на досуге, подумай вот над чем. Не похожа ли история падения Рима на историю твоей бывшей Родины. Кто-то из ваших философов, не помню, кто, говорил, что Россия — Третий Рим, а четвёртому не бывать... Кстати, смотрел когда-то один из старых советских фильмов. Не помню названия. Но в том фильме звучала песня с такими словами: «С чего начинается Родина»... Поразмысли над этим.

- Хорошо, - пообещал Александр, ощущая противную дрожь в желудке и делая попытку подняться.

- Не торопись, - остановил его полковник. - Есть ещё одно небольшое дельце, которое, на мой взгляд, можешь провернуть только ты.

- Сэр! Вы переоцениваете мои способности, - Александр, покорно вздохнув, снова сел.

- Может быть. Однако, посмотрим, на что ты способен. Так ли хорош, как мне рассказывали.

- Слушаю.

- Тебе аббревиатура KillMilk о чём-нибудь говорит?

Алёхин едва заметно вздрогнул. Такая реакция осталась не замеченной. Полковник назвал имя, которое придумал Атлас. В разговоре с Александром хакер когда-то намекал, что неплохо бы создать группировку «убийц» правительственных сайтов, западных систем управления инфраструктурой и экономикой. В текучке дел Алёхин забыл об этой беседе, но название проекта осело в памяти. Отвечая на проницательный взгляд американца, Алёхин пожал плечами.

- Видел кое-какую информацию в сети. Это никнейм главы объединения хакеров под общим названием Killnet, если не ошибаюсь. А, что они успели натворить?

- Много чего. Например, «положили» более 70% всей системы интернета Литвы.

Большая часть литовских информационных ресурсов теперь функционирует лишь в пределах самой страны. А ещё эти парни парализовали ряд правительственных сайтов Болгарии. На счету группы несколько попыток атак на инфраструктуру США, причём успешных. Главарь имел наглость заявить в социальных сетях, что системы безопасности американских сетей управления — ноли без палочки. Я не понимаю, что это значит, но звучит угрожающе. А вчера мне доложили, что эти парни хакнули местную систему управления, адаптированную для ВСУ.

- Даже так? - Не удержался от усмешки Алёхин.

- Твоя улыбка, сынок, сейчас неуместна.

- Простите, сэр, - Александр согнал улыбку с губ. - Крутые парни, если это правда.

- Можешь не сомневаться. Теперь русские пытаются контролировать в режиме реального времени передвижения украинских войск, время с местами проведения совещаний командования, подготовку резервов, позиции батарей РСЗО, ПВО, установок Himars, локацию складов боеприпасов, логистические схемы поставок вооружений и прочую информацию, включая данные со спутников о попаданиях в цель русских ракет и снарядов. А ещё эта система используется для передачи команд украинским средствам нанесения ударов. Теперь русские имеют возможность быстро менять собственные позиции.

- Хреново, - покачал головой Алёхин.

- Что? - не понял американец.

- Плохо, говорю.

- Я хочу, чтобы ты помог вычислить этого ублюдка. Вскрыть сеть целиком, адреса, локацию всех членов группы.

- Эти парни могут быть где угодно, - осторожно сказал Александр.

- Мне плевать. Хоть на чёртовом Марсе. Мы достанем их, если поможешь найти ублюдков.

- А, ваши спецы в Америке, полковник? - спросил Алёхин.

- Ты имеешь в виду ЦРУ или АНБ?

- И то, и другое.

- Работают, но дело продвигается слишком медленно. Из Киева разгрести это дерьмо проще. У тебя в помощниках будет целый десяток первоклассных парней. Здесь нужно работать тонко, без спешки. Это не смартфоны Шольца, Меркель и Джонсона вскрывать. Кстати, русским в этом деле тоже кое-что удалось. Они взломали смартфон Лиз Трасс.

- А это, кто ещё?

- Бывшая премьер-министр Британии. Идиотка... Правда, полезная. Держать часть переписки, включая сверхсекретные данные о переговорах с ключевыми союзниками у себя в личном смартфоне. Мой бог! С какими дебилами приходится работать!

- проворчал Адамс, тщетно пытаясь раскурить потухшую сигару. - Поможешь мне? У тебя должно получиться.

- У меня есть выбор? - Пожал плечами Александр.

- Выбор всегда есть, но вот, что я тебе скажу, парень... Ты думаешь мне нравится эта война? Ошибаешься. Политики в Вашингтоне ведут дело к обмену ядерными ударами. И это самый худший сценарий развития событий. Ненавижу политику, не люблю чёртовых политиканов, но я служу не им, а своей великой стране. Поэтому готов пойти на всё, чтобы катастрофы не произошло. Мы должны победить русских любыми способами, кроме самого худшего варианта.

- А если вы проиграете? - Не удержался от вопроса Алёхин.

- Америка никогда не проигрывает, - американец раздражённо потушил сигару о зелёное сукно письменного стола. - Об этом есть кому позаботиться. Те же чёртовы политики представят дело так, что это мы победили, а не наши противники. Так было во Вьетнаме, в Корее, Ираке, а совсем недавно в Афганистане. Американский народ легко в это поверит. Всё дело в том, как подать информацию... Но хуже всего то, что после войны толпе всегда нужны козлы отпущения. Посмотри на меня. Мне — уже пятьдесят пять. После всего, что мы натворили вместе с британцами в этой долбаной стране, будут искать виноватых среди тех, кто принимал оперативные решения на местах и кого власть имущие опустили в это дерьмо с головой... Таким, как я, дадут под зад, выкинув из армии пусть не с позором, но лишив кровью заработанных пенсий и привилегий. И это будут не чёртовы генералы, а мы — настоящие боевые офицеры, которые сидели по уши в этом гнилом болоте. Нас обвинят даже в том, к чему мы не имели никакого отношения. Но со мной этот фокус не пройдёт.

- И на старуху бывает проруха, - пробормотал себе под нос Александр, но Адамс вопросительно уставился на капитана.

- Что это значит?

Алёхин, смягчая формулировки, объяснил смысл поговорки.

- Это будет не мой случай, - сказал полковник, задумчиво поворачивая колёсико зажигалки. - Поиметь себя в зад я им не позволю. У старого волка всегда есть пути отхода. А вот, что будет с такими, как ты? Большой вопрос. После войны вы останетесь наедине со своей совестью, фобиями, страхами, ночными кошмарами, гаагским трибуналом и прочим дерьмом, которое преследует военных. И никому в целом мире до вас не будет дела. Особенно это касается сброда, воюющего здесь

ради и вместо Америки. Сегодня они пресмыкаются перед нами, считая богами, а завтра с таким же рвением начнут нас проклинать. Но тебе я предлагаю выход.

- В каком смысле? - спросил Алёхин.

- Я тоже знаю кое-какие поговорки русских. Когда начнётся последняя стадия войны, подо мной уже будет солома, - хрипло рассмеялся Адамс. - Скажу откровенно. Я создал с проверенными людьми частную военную кампанию. Мои компаньоны пока занимаются вербовкой наёмников в Африке, в Ираке, Латинской Америке. Но это только начало. Лёгкие деньги на карманные нужды. Солдаты, пусть даже хорошие — всего лишь расходный материал. Пушечное мясо. Мне нужны такие парни, как ты, чтобы выйти на другой уровень. Поможешь сегодня мне, я позабочусь о твоём будущем. Когда здесь лопнет этот мыльный пузырь — режим Зеленского, мы, свалив отсюда, начнём совсем другую жизнь. Пока существует бизнес-проект «Соединённые Штаты», мы всегда будем с тобой в шоколаде. Что скажешь? По рукам? - Полковник протянул руку ладонью вверх.

Алёхину осталось только подать свою и он это сделал.

Вернувшись домой вечером, Александр, выпив стакан сока, лёг на диван, чтобы «прокрутить в памяти события прожитого дня, а затем стал анализировать каждую деталь разговора с Лазутиной. Он понимал, что теперь не может связаться с Москвой. Наверняка его служебный ноутбук был искусно взломан, защита, которую он разработал самостоятельно, с высокой долей вероятности обойдена, а рабочий компьютер контролируется СБУ. Теперь он не мог передавать нужную информацию, не мог безнаказанно взламывать интересующие Москву серверы. Алёхин понял, что находится совсем рядом с расставленным на него капканом. Один неосторожный шаг, и наступит конец его работы в Киеве. Дальше — разоблачение со всеми последствиями, вытекающими из провала. После нескольких минут размышлений его озарила мысль. Он быстро поднялся. Включив ноутбук, проверил активацию системы геолокации. Всё вроде работало, как должно было работать, но Александр не стал отвечать на запрос гаджета о своём местонахождении, полагая, что всему своё время. Те люди, кто теперь контролировал его ноутбук вместе со служебным компьютером, должны привыкнуть к не вызывающей подозрений деятельности Алёхина на благо Украины и Соединённых Штатов. Кроме того, капитан знал, что под именем KillMilk развил бурную деятельность его старый приятель Атлас. Сдавать хакера американцам

Алёхин не имел никакого желания и права. Это тоже было равносильно провалу, но не выполнить просьбу, а по сути, приказ полковника, капитан не мог. Вспомнив про Адамса, Александр стал думать о рассуждениях американца, связанных с хронологией упадка Древней Римской империи и делами в России. Удобно расположившись перед ноутбуком, он начал лихорадочно читать ленту медиа новостей, затем последние публикации блогеров в Ютюбе.

В двенадцатом часу ночи он обессиленно откинулся на подушку дивана.

«Действительно… С чего начинается Родина? - Мысленно сам себя спросил Александр. - А, может, с кого? Что же у нас получается? Возьмём самые шокирующие случаи. Примерно в те дни, когда в бою, чтобы не сдаваться украм в плен, подорвали себя гранатами два русских солдата, пышно хоронили модельера Валентина Юдашкина. Об этом трубили все СМИ. Тогда же на Родину пожаловала Пугачёва, осудившая вместе с Галкиным спецоперацию.

Перед ней на похоронах расшаркивался, целовал руки пресс-секретарь верховного главнокомандующего страны, ведущую эту самую спецоперацию. Как такое возможно? Тогда выходит, русские солдаты, сражаясь, умирают и за этих гадов тоже. За то, чтобы Пугачева и Собчак, оскорбляя Россию во время войны, могли безнаказанно, когда захотят, из неё сбежать, а потом, как ни в чём не бывало в неё возвратиться. Воюют за того же Юдашкина, с какого-то перепугу - кавалера орденов «Почета» и «За заслуги перед Отечеством», который с две тысячи пятнадцатого года не подавал налоговые декларации, задолжав государству миллионы рублей. Но Родина деликатно не беспокоила «по пустякам» милашку кутерье, а на его похороны пожаловал лично пресс-секретарь президента Дмитрий Песков», - Алёхину стало жарко.

Он расстегнул ворот рубашки, другой рукой продолжая машинально прокручивать тачпад.

«Почему Юдашкина ещё пять лет назад не взяли за жабры? Или кто-то наверху считает, что такие персонажи есть соль земли Русской? С них, а не с погибших солдат начинается Родина? Точно так же лишь после бегства Чубайса за границу во время СВО стала проводиться проверка информации о спрятанных в европейских банках миллиардных счетах рыжей бестии, на котором пробы негде ставить. Правильнее будет сказать, что Чубайсу дали смыться. А теперь он волонтёр в Израиле. Плюнув в сторону России, помогает доблестным

евреям убивать туземцев Палестины, говоря: «Это - совсем другое». Почему Юдашкину дали спокойно умереть, не взыскав с него долги? Потому что они оба, и Юдашкин, и Чубайс представители элиты? Им можно стоять над законом, а другим нет. Вернее, сидеть на шее у закона. Наши солдаты воюют, погибают за банкиров и олигархов вроде Абрамовича, Тинькова, Фридмана, высасывающих соки из российского народа и российской земли. Эти трое тоже давно уже за границей. Но многие всё ещё здесь, под крылом у всё прощающей Родины. Наши парни воюют за главу Центробанка Набиуллину, безнаказанно позволившую Западу ограбить Россию на триста миллиардов долларов, а арестованные в ответ деньги западных компаний она снова втихаря выводит из страны. Воюют за Сбербанк, который после две тысячи четырнадцатого года вкладывал миллиарды долларов в Украину, а значит финансировал ВСУ, отказываясь при этом работать в российском Крыму. Первое региональное отделение там Греф открыл лишь совсем недавно. Воюют за бизнесменов, задирающих цены на бронежилеты. За коррупцию в оборонной промышленности, продолжающуюся даже во время СВО, о чём давно знает, по его словам, сам глава следственного комитета Бастрыкин. Они умирают за генералитет, который не обеспечил армию дронами, связью и другим необходимым для ведения тяжёлой войны, переложив многие из этих забот на волонтёров. За российскую таможню, не пропускающую грузы для фронта, собранные народом. Погибают за то, чтобы дочь и зять Щойгу в разгар войны имели возможность прожигать жизнь в Дубае, ругая Россию. Вон бывшая жена одного из замов Министра обороны тусуется в Куршевеле в одной компании с Валерием Меладзе, который до этого на другом курорте во время концерта произносил бандеровские кричалки. Воюют за праздники и фейерверки Собянина, за вора губернатора Петербурга Беглова. Наши солдаты гибнут в траншеях ради пиара элиты, ради пира во время чумы. Они воюют за новых россиян – мигрантов, заселяющих Россию с лёгкой руки властей, в то время как русские отправляются на фронт. Воюют за тех, кто сбежал от мобилизации в Грузию и Казахстан, но, по словам того же Пескова, они всегда могут вернуться. Воюют за то, чтобы Песков дальше продолжал нести свою «пургу». Наши парни гибнут за офисный планктон, за корпоративы, которые устраивают на бюджетные деньги госкомпании в новых стенах роскошных зданий, построенных во время всеобщей нужды, за футбольных фанатов, истошно орущих на стадионах, за стендап комиков, в своей пошлости переходящих все границы морали, за нравственное падение звёзд шоубиза, за бездельников, беспечных людей заполняющих концертные залы, столичные

рестораны, дворцы спорта, где проходят турниры боёв без правил. Они гибнут за накачанных здоровяков, избивающих себе подобных ради денег, за всякую хрень, льющуюся в эфир с телеэкранов. Ну, чем не начало падения Третьего Рима?»

Александр в раздражении захлопнул крышку ноутбука, Чувствуя, что от тела остро запахло потом, он отправился в ванную. Ему казалось, что, смывая пот, он смывает с себя информационную паутину, в которой задыхается не только он, но и его страна. Выключив воду и переступив край душевого поддона, он с удивлением посмотрел на себя в зеркало. Он стоял в абсолютно мокрой одежде босыми ногами в луже, образовавшейся на кафельном полу.

- Во, докатился, - ворчал он, раздеваясь до гола. - К чёрту! Период упадка, говорит Адамс? Это мы ещё посмотрим, кто, когда упадёт первым. Пошёл он на хрен! Я буду делать то, что должен, а там будь, что будет.

Ко всем проблемам, обрушившимся на Алёхина последнее время, самым неприятным стало осознание, что полковник очень умён. Поведение Адамса, его неординарное мышление, интеллект, «заряженный» всевозможной информацией в сумме с фундаментальными знаниями ломали все стереотипы представления капитана об американцах.

«Мне предстоит двойная игра, - Алёхин вспомнил о просьбах полковника. - А для этого нужен второй, «чистый» ноутбук, двойники посторонних IP-адресов, или при каждом выходе в Сеть делать взлом чужих точек доступа. Трудно и хлопотно, но надо».

С подачи Адамса он вспомнил один из самых любимых фильмов своей юности «Семнадцать мгновений весны» и позавидовал Штирлицу, который так трогательно опекал свою радистку с её громоздкой рацией, спрятанной в чемодане.

- Нужна надёжная система связи, - прошептал капитан. - Иначе работа на американцев не имеет смысла.

Алёхин, тяжело вздохнув, решил не торопить события, справедливо полагая, что время — на его стороне, однако новые гаджеты, в том числе несколько смартфонов с «левыми» СИМ -картами, купленными с рук на чёрном рынке ему не помешают. Но одно открытие, скорее мысль, как следствие общения с Адамсом, заставила Алёхина горько улыбнуться.

«Это, что же получается? Если у вас есть то, чего нет у США, то это угрожает американским национальным интересам. Если у вас имеется что-то больше, чем есть у Америки, это для неё

повод объявить вас страной-изгоем. Если у вас есть то, что есть у Штатов, но ваше лучше, это основная причина для вторжения американцев в вашу страну, чтобы уничтожить ваше лучшее. Если у вас чего-то нет совсем, а у США есть, но мало, то это опять против правил, установленных Америкой для всего остального мира. Если у неё не получилось поставить вас на колени, то вы с точки зрения международного права, придуманного США, виновны, поскольку осмелились сопротивляться. И вообще, если вы всё еще существуете, то это незаконно. И виноваты в этом опять-таки вы, - думал капитан, нервно кусая губы. - Нет! Так не пойдёт. Мы ещё посмотрим, кто, кого возьмёт за жабры».

Атлас

Осень постепенно и всё более настойчиво предъявляла свои права на Москву. На газоны и листву деревьев в скверах, на мокрые в потёках от дождей стены домов, на лица прохожих, которые с каждым днём выглядели всё более озабоченными и хмурыми. Осень наложила свою мокрую лапу даже на время, которое будто медленно сжималось, быстро накрывая улицы сумерками, а по утрам всё позже пряча свой тёмный плащ в шкаф ночи. Было холодно, но Атласу, только что расплатившемуся за такси, было всё равно. Он считал, что не бывает плохой погоды, а есть плохая одежда. Он дождался, пока такси скрылось за углом дома, огляделся вокруг, скользнул взглядом по человеку, который выгуливал на пустыре флегматичную таксу, затем набрал нужный код на замке троса, которым к фонарному столбу был прикован старый допотопный велосипед. На этот аппарат вот уже долгое время не покушались даже бомжи, настолько он был грязен и ржав, но цепь и педальный узел, густо смазанные, позволили Атласу легко тронуться с места «парковки». Неторопливо проехав квартал, хакер, постоянно оглядываясь, добрался до своего «офиса». Совсем недавно бригада таджиков закончила в нём перепланировку, убрав под землю толстые кабели, и теперь ангар утеплённый снаружи, внутри выглядел более презентабельно, чем раньше, но не выделялся из группы остальных строений в этой промышленной зоне. Тяжёлая, из толстой стали дверь, тихо, без скрипа отошла в сторону, повинуясь кодированному радиосигналу брелка, спрятанному в одном из внутренних карманах куртки Атласа. Переступив порог и дождавшись закрытия двери, хакер негромко сказал:

- Свет.

В тот же миг огромное пространство ангара выступило из темноты, освещённое полусотней не ярких, но рационально подвешенных к поперечным балкам ламп. Атлас с чувством гордости и тихой радости вздохнул, пытаясь расслабиться. Он направился мимо стеллажей, где тихо щёлкали внутренности серверов, между рядами столов, где стояли работающие компьютеры, в отдельное помещение, расположенное рядом с двумя холодильниками внушительных размеров. Задав нужную температуру огромному автоматическому газовому котлу, он достал из морозилки плоскую коробку и сунул её в микроволновку. Через несколько минут Атлас уселся в кресло на колёсиках так, чтобы видеть ряд компьютерных экранов. Опираясь локтями на стол, он начал жадно поглощать пиццу, читая новостные ленты. Вскоре он вытер руки о собственные джинсы и переместился к одному из девайсов, проверяя курсы валют по отношению к биткоину, котировки золота, нефти и газа. Не доверяя полностью онлайн торговле, спустя полчаса он стал связываться через даркнет с теневыми крипто-брокерами и крупными торговцами золотом, соглашаясь или отвергая предложения. Покончив с финансовыми делами, хакер погрузился в глубокие воды Сети, скрывающие невидимую часть «айсберга» Интернета. Сегодня на его запрос месячной давности ответил некто «Кровный брат Че-Гевары», предлагавший купить карту размещения на территории Америки пусковых установок баллистических ракет с местами хранения ядерных боеприпасов. Атлас, довольно улыбнувшись, дал разрешение программе обозначить себя в Сети в облике цифрового невидимки, используя сквозное многоступенчатое шифрование, защищённый от взлома VPN и фальшивый IP-адрес. После этого он отправил «Че-Геваре» короткое сообщение с просьбой верификации подлинности информации. Теперь оставалось ждать ответа, который мог прийти или через несколько минут, или через неделю. Последователи Джулиана Ассанжа были очень осторожны. Однако, пульсация символа - черепа с костями в правом углу экрана уже добрых пять минут требовала его внимания. Хакер вывел на экран софт, предназначенный для общения в общедоступной Сети, где увидел десяток вкладок, позволяющих, если это необходимо, переписываться в режиме реального времени. На последней по-русски крупно было написано: «Тебя трудно найти. Вспотел. Волк стаи.»

«Волк стаи? - удивился Атлас. - Кто бы это мог быть?»

После минуты раздумий хакер набил короткий текст: «Кто ты? Чего надо?»

Буквально через несколько секунд пришёл ответ: «А,

поговорить? Старые знакомые просто обязаны поговорить».

Пальцы хакера запорхали по клавиатуре. «Кто ты?»

«Волк стаи из воробьиного парка на высоком берегу большой реки».

Атлас на мгновение опешил. В памяти сразу всплыла встреча, которая круто изменила его жизнь. Воробьёвым или беличьим парком молодёжь называла парк Горького. Он снова склонился над клавиатурой.

«Вспомнил. Но стае вроде бы назначен новый Акелла».

«Так и есть. Ты воспользовался этим, чтобы лечь на «дно»? Очень мудро. Но я теперь — в кругу красных флажков. Ситуация такова, что мне нужна связь с Третьим Римом».

Атлас поморщился. Он прекрасно помнил слова средневекового монаха — летописца Филофея: «Два Рима пали, третий стоит, а четвёртому не бывать». Третьим Римом в русских летописях называли Москву. Хакер, недовольно покачав головой, набил следующий текст: «Исключено. Я — в лёжке. И теперь всё, что было раньше— не моя тема».

Через несколько секунд прилетел ответ:

«Тобой интересуются за большой лужей. Рассержусь, могу шепнуть кое-кому на ушко кое-что интересное».

«Волки — не стукачи. Но ты можешь рискнуть. Твоему кое-кому будет забавно узнать кое-что о тебе».

«Уговорил. Обойдёмся без тесных дружеских объятий, но я всё равно попрошу тебя об одной услуге. Без твоей помощи мне крышка».

«Излагай».

«Полковник вооружённых сил США по имени Адамс из американского контингента военных специалистов, размещённого в Киеве. Узнай о нём, что можешь. Послужной список, связи, компромат и всё такое прочее. Посылаю фото, на всякий случай. Снял мужика на смартфон, но качество хорошее. Всю информацию передай по этому каналу. После чего «зачисти» созданный файл, сотри следы переписки. Лады?».

Атлас думал минуты две, прежде чем ответить.

«Ок. Но на этом всё. Без вариантов».

Хакер закрыл программу, тяжело вздохнул и, чтобы не откладывать дело в долгий ящик, начал поиск. На это он

потратил пять часов, запуская хакерские софты в базы данных американских изданий, специализирующихся на военной теме, в архивы организаций, так или иначе связанных с Пентагоном. Обрабатывая всё, что было связано с полковником Адамсом, хакер, улыбаясь, удовлетворённо кивал.

- За что обожаю американцев? За их маниакальную тягу к сенсациям и журналистским расследованиям. А ещё - за методичность, - ворчал Атлас. - В Пентагоне — сплошная секретность, но системы безопасности — решето. Любой продвинутый школьник наделал бы там дыр одним пальцем. Дебилы!

К половине шестого утра файл с информацией был готов. Удивлённый хакер, не ожидавший таких результатов поиска, «спрятал» компромат в софте для передачи сообщений, а в шесть ноль, ноль Алёхин уже внимательно изучал полученную информацию, предварительно дешифровав материал, с помощью разработанной ранее вместе с Атласом программы, на новом, купленном в закоулках блошиного рынка, ноутбуке. Он не стал взламывать роутеры Wi-Fi соседей по лестничной площадке. Такие действия позволил бы себе только умалишённый. Ещё накануне вечером Александр залогинился в Сети, использовав клон реального IP-адреса. Теперь он мог какое-то время спокойно им пользоваться. Но для себя Алёхин решил, что через пару суток заменит материнскую плату вместе с диском SSD. Это было необходимо с точки зрения собственной безопасности. К тому же Александр жалел, что не сразу проверил всю свою одежду, висевшую в шкафу. Ругая себя за легкомысленность, он сделал это только вечером, обнаружив в рукаве военной куртки и в каблуках ботинок миниатюрные датчики GPS. Алёхин оставил их там, где нашёл и не стал искать новые, понимая всю бесполезность и опасность таких действий. Однако через минуту он решил, что сейчас все эти поиски не имеют особого значения. «Поработать» с датчиками можно и позднее. Ему была нужна надёжная связь с Москвой. А пока он начал изучать «славный» боевой путь полковника Адамса.

«Первое, кстати, самое главное. На твоём фото — не Адамс, а некто — Бенджамин Макгрегор. Этот чел в 2002 году закончил «Вест-Пойнт». Зачислен в резерв морской пехоты армии США. В 2003 преподавал основы диверсионных и антитеррористических операций офицерам Национальной гвардии. Затем был направлен командиром взвода специального назначения в Ирак, где пробыл с 2004 по 2007 год. Участвовал в рейдах на территории Афганистана с целью уничтожения наиболее непримиримых лидеров Аль-Каиды и Талибана. За особые

заслуги (ликвидация Изата Ибрагима - правой руки Саддама Хусейна, позже - одного из главаря ИГ, подозреваемого ЦРУ в тайных контактах с Москвой) получил звание капитана, а на грудь - крест ВМФ «За заслуги» (Вторая по значимости награда США).

В начале 2007 года группа морпехов под началом тогда ещё капитана Макгрегора при выполнении задания на западе Сирии попала в засаду проиранских военных формирований. Капитан единственный, кроме радиста, кто выжил, но попал в плен. После года заключения в лагере особого режима на территории Ирана бежал, убив двух охранников. Согласно расследованию корреспондента журнала «Leatherneck», печатного издания Корпуса Морской пехоты США, подозревался командованием группы войск НАТО в Ираке в тяжком преступлении против собственных солдат, а именно в ликвидации раненых членов собственной диверсионной группы. По свидетельству сержанта Кима, обеспечивающего связь отряда с командованием в Багдаде, Макгрегор, чтобы не тащить на себе раненых солдат, перерезал им глотки. Крики, мольбы и стоны были подтверждены записью эфира. Рация оставалась на связи с командным центром операции за несколько минут до пленения Макгрегора иранцами, но позднее улики объявлены косвенными и недостоверными. После побега и реабилитации в госпитале твой парень получил «Серебряную звезду за храбрость в бою»; пятая по значению награда в армии США.

В период с 2011 по 2015 этот мужик служил в 82 воздушно-десантной дивизии США, где командовал ротой специального назначения. На его счету несколько командировок в Афганистан, где с 2016 по 2017 года он занимался подготовкой сил специальных операций афганской армии.

В конце 2017 получил звание полковника, был выведен в резерв армии США, став инструктором частной военной компании Golden Key Group, штат Техас, и преподавателем корпуса подготовки спецназа морской пехоты, но недолго.

В 2019 году полковник получил учёное звание бакалавра, прослушав курс лекций по психологии насилия в Медицинском центре Джорджа Вашингтона. В начале 2020 года посещал военную тюрьму Гуантанамо на Кубе и учебный центр ЦРУ, осваивая методы информационно-психологического воздействия, плюс - особенности допросов с применением нестандартных способов пыток. В это же время активно изучал опубликованные ограниченным тиражом для служебного пользования труды по нейродегенеративным заболеваниям, особенностям массового психоза и социальной шизофрении. Имел тесные связи с военной

разведкой Британии, находился в дружеских отношениях с полковником английской армии Кристофером Найджелом Доннелли, который в настоящее время является одним из руководителем Центра специальных морских операций украинской армии в Очакове».

Алёхин тихо свистнул, почесал затылок и продолжал читать послание Атласа.

«По данным нескольких источников из Центра оборонных информаций Defence Monitor (Вашингтон, округ Колумбия) твой американец в 2021 году был награждён медалью Конгресса «За выдающуюся службу», что не афишировалось. Это секретная информация. Обычно награда вручается военным высокого ранга на уровне глав комитетов начальников штабов, но по мнению аналитика Кристофера Поулза из Defence Monitor полковник Адамс получил медаль за планирование и успешное проведение диверсий на российских газовых трубопроводах «Северный поток» и в районе Керченского пролива».

Алёхин, уже не удивляясь, рассеянно разглаживал пальцем правую бровь. Самое интересное в послании Атласа оказалось в конце файла.

«Теперь — вишенка на торте. В 2008 году после получения очередного воинского звания «майор», твой Адамс, тогда ещё носивший фамилию Макгрегор, был арестован по решению Общего военного трибунала. Мужик содержался под стражей на военной базе США «Арифджан» в Кувейте. Он подозревался в хищениях, а также в вывозе в третьи страны исторических ценностей и артефактов из музеев Ирака. Основанием для возбуждения дела стал скандал, связанный с появлением на аукционе Christie’s в Нью-Йорке комплекта золотых украшений, идентифицированных одним из антикваров, как сокровища, найденные археологами в Ираке при раскопках столицы Нимруд ассирийского царства. Клад хранился до вторжения американцев в одном из музеев Багдада, а потом исчез. В последний момент лот был снят с продажи, началось расследование. Полиция выяснила, что через цепочку посредников золотые украшения пытался продать некто Бенджамин Ридл, бывший сержант морской пехоты, служивший под началом Макгрегора. После неожиданного увольнения из армии в 2008 году, сержант Ридл открыл в Калифорнии антикварный салон, где начал торговать произведениями искусства античного периода от имени некой компании, зарегистрированной на Кипре и занимающейся глубоководными погружениями. Расследование обнаружило, что через салон бывшего сержанта было продано частным коллекционерам Европы и стран

Персидского залива сотни иракских артефактов и музейных ценностей. Ридл согласился сотрудничать со следствием взамен гарантий судебной неприкосновенности. Согласно его показаниям, подразделение майора Макгрегора одним из первых появилось на территории раскопок Вавилона, где начало обустраивать военную базу Camp Alpha, откуда в скором времени при непосредственном участии майора целыми грузовиками и вертолётами начали вывозиться артефакты. Далее часть грузов отправлялась на военных самолётах в Америку, а часть — на военные базы США в Греции и Италии. Согласно секретным протоколам допросов, именно Макгрегор через киприота, связанного с английской разведкой, основал кипрскую компанию Uliss Marine Worker, у которой, как показала проверка, никогда не было ни специальных судов, ни оборудования для подъема затонувших кораблей. После того, как ФБР обнаружила на территории США ещё три антикварных салона, служивших перевалочными базами исторических ценностей Ирака, агенты проследили деловые связи владельцев с майором Макгрегором. Дело передали в военный трибунал. Макгрегору грозило двадцать лет заключения по обвинению в незаконном обороте наркотиков, оружия и антиквариата, хотя военный прокурор требовал наказания по отдельным составам преступления в общей сложности до пожизненного срока. Однако, во время процесса, при конвоировании в тюрьму дисциплинарных казарм форта Ливенворт (штат Канзас) наш майор был убит при нападении неизвестных. Труп вместе с телами трёх солдат Военной полиции нашли в сгоревшем военном автобусе, взорванном выстрелом из гранатомёта. Мертвеца опознали по оплавленному жетону и снимкам зубов. Кстати, ранее нашего Макгрегора на время следствия до суда подвергли аресту на 60 дней, что очень странно. Минимальное время лишения свободы, согласно Единому кодекса военной юстиции — сто двадцать дней. Дело майора было закрыто по факту смерти обвиняемого на основании ходатайства отдела адвокатов Корпуса Морской пехоты и по причине невозможности привода в суд свидетелей, которые один за другим в течение месяца после открытия расследования погибли при странных обстоятельствах. Ходатайство о прекращении дела удовлетворено лично командиром Корпуса морской пехоты генералом Джеймсом Конвеем, который руководил силами Корпуса во время иракской войны. Формулировка - «За недостаточностью улик и смертью ключевых свидетелей, включая подозреваемого». Генерал сейчас в отставке. Занимает высокий пост в корпорации «Northrop Grumman» с годовым оборотом тридцать один миллиард долларов. Его особняк в Калифорнии ломится от произведений восточного искусства. В

одном из секретных отчётов военного следователя есть заметки, в которых говорится, что у Макгрегора были покровители в Пентагоне и Военной разведке из числа высокопоставленных генералов, разрабатывавших план вторжения в Ирак, что подтверждает файл, найденный в компьютере бывшего сержанта Ридла. В файле были обнаружены: список специального оборудования для взлома хранилищ, подробные схемы залов и запасников иракских музеев с указанием наиболее ценных артефактов, вес, оценочная стоимость сокровищ, а также некие номера, состоящие из рядов букв и чисел, которые идентифицировали, как номера бортов военно-транспортной авиации США, задействованной в Ираке. Совершенно очевидно, указывается в заметках, что некоторые командиры экипажей самолётов были осведомлены, что за грузы они перевозят. Кое-кто из лётчиков позже погиб при странных обстоятельствах. Копии статей, заметок, судебных протоколов и остальную хрень по твоему Адамсу прилагаю».

Алёхин, открыл последнюю страницу, поморщился. Без ещё одной огромной вишни на торте Атлас обойтись не смог. Во весь экран светился белозубой улыбкой молодой бравый офицер с нашивками майора на парадной форме, украшенной орденами. Под фотографией Макгрегора - Адамса Александр разобрал надпись крупными буквами: Semper Fidelis. Это был девиз корпуса морской пехоты США - «Всегда верен».

- Ладно, - прошептал Алёхин, закрывая файл и перемещая его на приготовленный флеш накопитель.

«Значит, кто-то из высших чинов, скорее всего Джеймс Конвей позволил Макгрегору исчезнуть, чтобы затем возродиться из пепла в образе полковника Адамса с новым послужным списком, новыми документами, сохранив прежние награды. Да и, кто сегодня будет проверять наградные удостоверения Адамса, где фигурировала его настоящая фамилия Макгрегор? Корпусу пора сменить свой девиз на «Ты мне, я тебе». Наверняка сегодня этот сукин сын полковник является вдобавок высокопоставленным офицером частной военной компании. Думаю, что это - “Blackwaters” Чёрные воды. Хотя сейчас они называются “Academi”. Судя по всему, только Чёрные воды готовят крупные масштабные операции в странах, куда Пентагон напрямую не суётся... Подумаю, что с этим делать позже, а пока...».

Алёхин, выключив, убрал ноутбук. Затем разделся и, преодолевая лёгкую боль в спине начал делать уже подзабытые упражнения для увеличения мышечной массы и силы, отжимаясь от пола, скручиваясь в надежде подтянуть мышцы живота, ослабленные долгим выздоровлением. В девять утра капитан,

чисто выбритый, в отглаженной форме, уже сидел на своём рабочем месте в помещении СБУ, отведённом американцам, где наблюдал через стеклянную перегородку за полусотней бойцов информационного фронта, пальцы которых неутомимо терзали клавиатуры компьютеров, создавая фальшивые аккаунты в российских социальных сетях, делая вбросы, сочиняя фейки, согласно методичкам, разработанным американскими офицерами.

Наташа

Осенью линия фронта на всей её протяжённости в две с половиной тысячи километров стабилизировалась. Российская армия, проведя мобилизацию на контрактной основе, зачистила тылы на занятых территориях, нарастила производство вооружений и боеприпасов, обезопасила пути снабжения, изменила соотношение сил в свою пользу, перейдя к активной обороне. Тактика ведения боевых действий изменилась. Превосходство в воздухе, в ракетных и артиллерийских системах теперь позволяли наносить массированные удары по инфраструктурным объектам Украины и с большой эффективностью обстреливать скопления националистов, командные пункты, места сосредоточения украинской техники и логистические центры. Армия Украины тоже не сидела, сложа руки. Страны Запада активно снабжали её оружием и боеприпасами, а «драконовские» методы мобилизации, позволяющие пополнять измотанные боями бригады, помогли Киеву стабилизировать фронт. И только на Донецком и Луганском театрах военных действий ударные, штурмовые части русской армии медленно, перемалывая артиллерией живую силу противника, продвигались вперёд, постепенно прогрызая укреплённые линии обороны ВСУ в городах и посёлках, всё ещё подконтрольных нацистам.

Перед тем, как Бахмут был взят русскими в полукольцо, Наташе удалось вывезти мать из почти уничтоженного войной села. Ксению буквально под руки два санитара ВСУ затолкали в кузов грузовика, где вповалку лежали убитые и раненые солдаты. Под обстрелом машине удалось вырваться на свободный, пустынный просёлок и добраться до госпиталя, где работала Наташа.

- Всё, мама. Вот тебе ключ. Дальше сама, - девушка устало выпрыгнула из кабины, поправляя ремень на пыльной куртке с нашивками сержанта. - Здесь адрес, - клочок бумаги перекочевал из руки Наташи в ладонь Ксении. - Спросишь

дорогу у местных, если заблудишься. Чтоб ты знала... Свет вырубают около шести вечера. Захочешь помыться, включишь электронагреватель в ванной. Слава богу вода в городе пока есть, а русские по водокачкам не стреляют. Проголодаешься, в холодильнике — хлеб, правда только чёрный, ещё яйца есть. Они долго не портятся, если отключают электричество.

- А ты? - Ксения торопливо, с помощью санитара слезла на землю, испуганно оглядываясь на трупы, на стонущих раненых в кузове грузовика.

- Меня не жди. Сама видишь, что тут творится. Главный врач и так ко мне слишком добрый. Вон уже машут мне из окна операционной. Всё! Пока, - Наташа, поцеловав мать в щёку, побежала к зданию госпиталя.

Ксения постояла немного возле машины, наблюдая, как вытаскивали из кузова раненых, сбрасывая прямо в грязь тела погибших солдат. С полными слёз глазами и гримасой сострадания на лице женщина пыталась помогать, но высокий парень в грязном, синем халате, испачканном кровью, прикрикнул на Ксению:

- Шли бы вы себе домой, титко. Не путайтесь мне под сапогами. Мне ваши слёзы промокать некогда. И без вас тошно.

Женщина, поправляя платок на голове, согласно кивнула. Закусив губы, пошла прочь. Жилище Наташи оказалась почти в самом центре Бахмута возле небольшого сквера, изрытого траншеями и обезображенного мешками с песком. Двухподъездный, трёхэтажный, обшарпанный дом с давно не крашенным фасадом в ранних осенних сумерках выглядел убого. Ксения, обойдя квартиру, нашла ванную комнату, затем минут пять изучала инструкцию для водонагревателя, написанную от руки дочерью и прилепленную скотчем на зеркало. Ещё через десять минут ей удалось вымыть голову еле тёплой водой, смыть с себя дорожную пыль и пот. Прислушиваясь к звукам канонады, доносящимся с востока, женщина открыла дверцу холодильника, обнаружив там десяток яиц и половину «кирпича» чёрного хлеба. В этот самый момент погас свет. Сгустившиеся сумерки нагло полезли в окна, заклеенные полосками бумаги в виде крестов.

- Вот, сатана? - воскликнула Ксения, закрывая чёрное чрево холодильника.

Она попробовала включить газовую плиту, но не услышав характерного шипения, испуганно повернула кран в исходное положение. Голод напоминал о себе спазмами в желудке.

Женщина достала одно яйцо и, разбив скорлупу, торопливо выпила содержимое. Вместе с темнотой в квартиру проник холод. Ксения походила из угла в угол, в который раз попыталась рассмотреть, что делается на улице, но увидев силуэты редких прохожих, торопливо идущих мимо вплотную к стенам домов, задёрнула шторы и отправилась в спальню. Женщина, не снимая одежды, залезла под одеяло, сворачиваясь в комок. Далёкий гром орудий совершенно её не беспокоил. Близкие одиночные автоматные выстрелы заставляли поднимать голову, прислушиваясь, но вскоре усталость и привычка к войне сделали своё дело. Ксения, согревшись, задремала, пытаясь удержать ускользающую мысль, что нужно обязательно дождаться дочь, которая наверняка вернётся усталая и голодная.

Пробуждение было внезапным, будто от прикосновения к плечу. Женщина подняла голову, прислушиваясь, пытаясь понять, что её разбудило.

«Тишина, - тут же догадалась она. - Почему так тихо?»

За последние три месяца Ксения настолько привыкла к выстрелам, близкой и далёкой канонаде, звуку и эху от разрывов мин, снарядов, ракет, что не могла спать в абсолютном безмолвии. Тишина вызывала у неё беспокойство, нехорошие предчувствия и ожидание беды. Женщина, выбравшись из-под одеяла, подошла к окну, за которым рассвет пытался пробить пелену мелкого дождя. На улице не горел ни один фонарь. Окна домов казались чёрными дырами на фоне серых стен.

- Даже ни одна собака не гавкнет, - прошептала она, в который раз прислушиваясь. - впрочем, какие собаки в этом страшном, полупустом городе?

Ксения чувствовала, что тишина, словно невидимый, но плотный дым проникает через стёкла, наполняя тревогой воздух, набирает вес, приобретая очертания огромных рук, пытающихся схватить её за голову и ещё плотней заткнуть уши. Близкий рык двигателя вызвал облегчение. Где-то в конце улице вспыхнули автомобильные фары, но тут же погасли. Женщина отпрянула от окна, но продолжала стоять, увидев тёмное большое приближающееся пятно, рождающее тихий звук мотора и стальной лязг гусениц.

«Неужели русские? - обрадовалась она, но тут же осознала свою ошибку.

По улице двигался бронетранспортёр с группой солдат, облепивших башню. Слабый холодный осенний ветер заставлял

трепетать украинский флаг, закреплённый на антенне. Следом на малой скорости ехал крытый грузовик. Машины остановились возле старого железного забора, возведённого, очевидно, ещё до войны. Железные листы огораживали заброшенную строительную площадку с почерневшим от дождей фундаментом. Солдаты, не спеша, поправляя на себе амуницию, начали спрыгивать с бронированной машины на асфальт. Из кузова грузовика вылезли ещё несколько человек в военной форме и опустили задний борт. Затем Ксения увидела, как открылись распашные люки БМП. Из брюха железного монстра выволоки сначала двух человек — мужчину и женщину, на головы которых были надеты серые мешки, затянутые на шеях изолентой. А из грузовика стали стаскивать безоружных военных в форме со связанными за спинами руками. В свете ручных фонарей были видны нашивки российской армии. Семеро пленных выглядели растерянно, будто не понимали, где находятся. Они со страхом оглядывались по сторонам. Тем временем два украинских офицера о чём-то совещались между собой, отойдя в сторону. Они ожесточённо спорили, но, быстро о чём-то договорившись, вернулись к своим бойцам, выстроившихся полукругом рядом с пленниками.

Предчувствие трагедии заставило Ксению отойти в глубину комнаты, но она по-прежнему не могла отвести взгляд от машин. Вскоре двух гражданских с мешками на головах поставили у забора, и два украинских солдата, повинуясь приказу одного из офицеров, отпуская шутки и ухмыляясь, выпустили из автоматов по две короткие очереди в мужчину и женщину. Фигуры качнулись назад, а затем мужчина упал лицом в грязь, а женщина мягко осела, заваливаясь на бок. До места казни было шагов шестьдесят, семьдесят. Ксения видела, как ручейки крови стали медленно вытекать из-под тел, окрашивая в чёрный свет короткую, влажную, местами вытоптанную траву возле забора. Женщина пыталась отвернуться, но мышцы шеи словно одеревенели. К тому же не получилось прикрыть веки. Они будто налились свинцом, не желая опускаться. Ксении казалось, что под ресницы вставили обломки спичек.

Эхо выстрелов ещё звучало в холодном воздухе, а солдаты ВСУ буднично, деловито, подталкивая пленных прикладами автоматов, поставили растерянных русских военных на колени рядом с убитыми гражданскими. Лиц четверых с такого расстояния Ксения не могла рассмотреть. Все были избиты, с синяками и кровоподтёками. Но по плечам, по кряжистым фигурам можно было понять, что это сорокалетние мужики, которые очевидно полагали, что опять их будут избивать, а потом украинцы пополнят ими фонд обмена пленными. Но

трое молодых русских солдат с надеждой оглядывались, будто надеялись на чью-то помощь или защиту. Один из парней пытался встать, раньше прочих осознав, что сейчас произойдёт нечто страшное. Срывающимся голосом он закричал:

- Братцы! Вы, что, братцы? Мы же — пленные. Мы же с вами русские. Нас так нельзя...

Офицер, чей фиолетово-чёрный шеврон на рукаве теперь был хорошо заметен, краснея от натуги, нагнулся и заорал прямо в лицо парню:

- Milcz, psie! Wszyscy, rosjanie, świnie niemyte. Im więcej cię zabijemy, tym szybciej zajmiemy Moskwę.*

Кто-то из мужиков, стоящих на коленах и сумевших разобрать речь польского наёмника, начал вставать. Один из них поднял голову. С ненавистью глядя в лицо поляку, громко, делая паузы, сказал:

- Москву хочешь взять? Хрен тебе, а не Москва. Хотелка — не того размера. Мало вас били когда-то Суворов и Паскевич. Жаль, что по задницам, а надо было по головам, чтоб поумнели.

Поляк задёргался, будто его отхлестали по лицу. Правая рука офицера потянулась к кобуре. Достав большой чёрный пистолет, он выстрелил стоящему с поднятой головой русскому в ногу ниже колена. Не попав с первого раза, он сделал два шага к пленному и разрядил всю обойму по нижней части бёдер. Солдат рухнул на землю, вопя от боли, а наёмник, срывая голос, завопил:

- Курва! До дупы мне твои Суворов и Паскевич. Пердолили мы вас ране, пердолим и те раз.

Раненый попытался снова подняться, но поляк выстрелил ему прямо в лицо. Остальные пленные испуганно сбились в кучу, переступая по земле на коленях, словно калеки безногие. Молодой паренёк тонким жалобным голосом выкрикнул:

- Братцы! Нельзя так. Мы же — славяне, одной с вами крови.

- Кончай вату быстрее! - приказал второй офицер своим солдатам.

Короткими автоматными очередями над головами, выстрелами по коленям и окриками украинцы положили пленных на землю лицом вниз, а потом добили русских солдат, стреляя из пистолетов в затылки. Через пару минут всё было кончено.

Ксения сидела на полу, закусив губы до крови. Слёзы непроизвольно текли из глаз по щекам и дальше в открытый от

беззвучного вопля рот. Не смотря на привычку к войне, к виду крови, зверское, бессмысленное убийство пленных потрясло женщину. Когда снаружи стихли выстрелы, она, с трудом встав на колени, подняла голову над подоконником. А на улице, украинцы, оглядываясь в сторону восходящего Солнца, нервно прислушиваясь к начинающейся орудийной канонаде, торопливо обливали трупы бензином из канистры.

* *Milcz, psie! Wszyscy, rosjanie, świnie niemyte. Im więcej cię zabijemy, tym szybciej zajmiemy Moskwę. (польск.) Молчи, собака. Все вы русские свиньи немытые. Чем больше мы вас убьём, тем быстрее возьмём Москву.*

Один из солдат снимал всю процедуру на смартфон, посматривая на пустые окна близлежащих домов. Польский офицер достал из кармана штанов зажигалку и кинул её в руки второму офицеру.

- Niech spłoną od polskiego ognia, - громко, на камеру прокричал он, поднимая два пальца

под лобовой срез каски.

- От польского, так от польского, - сказал второй офицер, кивая своему солдату. - Пали уже московитское быдло, ватников клятых, да тикаем отсюда. Не дай Бог под обстрел попадём.

У забора вспыхнуло пламя, и тут же ветер подхватил чёрный дым, разнося по улице запах горелого мяса.

Наташа вернулась домой после полудня. Машина скорой помощи, задняя дверь которой была изрешечена осколками, высадила девушку прямо на улице. Водителю не удалось подъехать к самому дому из-за траншеи, которую с одиннадцати часов утра, когда немного стихла российская канонада, копали солдаты территориальной обороны посередине газона, опоясывающего здание. Девушка вылезла из автомобиля, кивнула водителю, отрешённо взглянула на костёр, догорающий возле забора, затем повернулась к сержанту, командовавшему землекопами.

- Вы бы ещё на крышах позиции устроили.

Сержант, окинув ладную фигуру девушки в форме с нашивками военного врача, посмотрел на небо и, вынув спичку

изо рта, которую он, жуя, перекатывал из стороны в сторону, флегматично ответил:

- Але дадуть команду, и на кровле вогнёвы точки зробымо.

- Костёр зачем возле забора развели? Потеплело, ведь.

- Та вин до нас вже був. Да ты пидийды ближче до вогня. Мабуть с утра там когось из россиянив пострелялы, да запалили, шоб не завонялы. Ни ховать не треба, ни домовин стругать.

- С чего ты взял, что россиян? - спросила Наташа, машинально перекрестившись.

- Так кажу вам, пани доктор. Идить забачьте. Обривки одягу местами между костей ще тлиють, шеврони забачить можно. Да, вы б шли видсиля по своему дилу, а то мои хлопцы давно гарных дивчин не бачили, вже вас очами кусають.

- Подавятся, - девушка сфокусировала взгляд на костре.

Между досок, очевидно брошенных в огонь позже, она увидела груду почерневших костей и несколько человеческих черепов.

Привыкшая за время войны к виду трупов, изувеченным телам с кровоточащими ранами, Наташа почувствовала сначала ужас, потом отвращение и тошноту. Поспешно отвернувшись, она неуверенно на подгибающихся ногах пошла к своему подъезду.

Квартира выглядела пустой. Девушка заглянула в комнаты, но там никого не оказалось. Беспокойство притупило все остальные чувства. Мать сидела в темноте на полу ванной в странной позе, прижав лоб к фаянсовому умывальнику. Рядом с ней лежала тряпка и стояла банка с содой, которую Наташа прятала за унитазом. При включённом свете умывальник сверкал довоенной белизной, будто не знал долгих, неожиданных отключений воды и ржавой субстанции, текущей после того, как вечерами всё же давали электричество и воду. Кожа на косточках пальцев матери, сжатых в кулачки, была стёрта до крови.

- Мамо! Ты что тут делаешь?

Ксения, медленно повернув голову, взглянула заплаканными глазами на дочь.

- Да, вот. Решила почистить тебе умывальник. Сейчас закончу, унитазом после займусь, - дрожащие, окровавленные руки женщины потянулись к тряпке.

- Ты видела, как казнили пленных русских? - догадалась Наташа.

Ксения, молча, кивнула, прижимая тряпку к груди и двигаясь словно во сне по направлению к двери.

- Иди сюда, - тихо сказала Наташа, обнимая зарыдавшую мать.

Поглаживая Ксению по содрогающейся спине, девушка ощутила, как её собственные слёзы, пробив защитную брони привычки к ужасам войны, потекли по щекам.

- Пойдём, пойдём, - спохватилась Наташа, осторожно вынимая тряпку из скрюченных пальцев матери. - Погляди-ка. Все косточки стёрла. Пойдём на кухню. Там у меня пластырь есть. Ну, хватит, мамо. Успокойся. Не плач, а то я сама сейчас разревусь.

- Такой ужас, Ната. Такой ужас, - бормотала Ксения, снова выхватывая тряпку из рук девушки и вытирая опухшие глаза. - Они звери, доча. Они хуже фашистов. Как может Господь смотреть на это и не покарать нелюдей?

- Они — зомби, мамо. Что ты хочешь от тех, кого превращали последние тридцать лет в существ, ненавидящих всё русское? В их душах, разумах и сердцах не осталось ничего человеческого, кроме рефлексов, отвечающих за необходимые функции звериной, животной жизнедеятельности. За пожрать, опустошить в нужный момент кишечник, мочевой пузырь или насиловать баб при удобных случаях, - говорила Наташа, поглаживая спину матери и подводя её к кухонному столу. - Сейчас пластырь наклеим, чай вскипятим. Газ давно выключили, так мы примус наладим. Ты, наверное, не ела ничего с самого утра? Скажи, не ела?

- Яйцо сырое выпила, - односложно и тихо ответила Ксения. - Не до еды мне сейчас. Господи, скорее бы всё это кончилось? Пусть бы уже Зеленский с Путиным договорились скорее. Вот было бы счастье на радость всем. У нас бабы в селе каждый божий день молились, чтобы эта война скорее закончилась.

- Я тоже часто слышу такое от разных людей, - почти шёпотом сказала девушка, внимательно изучая, хорошо ли пластырь держится на косточках пальцев матери. - А потом спрашиваю себя... А, что всё? Чем это ***всё*** должно закончиться? Ты думаешь я не хочу конца войны? Я также ненавижу войну, как многие нормальные люди. Но она идёт, и конца ей пока не видно. Почему?

- Не знаю, - растерянно пробормотала Ксения, машинально, в который раз проверяя есть ли вода в кране.

- В том то и дело, - продолжала Наташа, открывая полку

и доставая коробочку с чаем. -Тут самое важное — понять, почему это вообще случилось. У любой войны есть причины. Политические, экономические, военные. Но это — внешние причины. Те, которые на виду. Согласна?

- Наверное, - пожала плечами мать, промокая ресницы средним пальцем правой руки, на котором белело колечко пластыря.

- Не хочу тебя расстраивать, мама. Но есть главная причина для всего того, что случилось с нами. Эта причина - нравственная, душевная... Допустим, война закончится, скажем, завтра или через неделю. Пусть даже через год. Предположим, договорятся американцы с Путиным, а тот с Зеленским... И, что с того? Это значит, что всё вернётся на круги своя? Всё будет, как раньше до войны? Снова будут факельные шествия нацистов. Снова будут зиговать на площадях придурки из «Азова». Снова нас будет учить жить по-звериному эта сволочь Ярош. Снова Зеленский с Арестовичем будут врать нам, что весь цивилизованный мир с нами? Дурные на голову западенцы опять будут плевать в нашу сторону, поливая грязью Россию, призывать к убийству москалей. Все те, кто сегодня казнит пленных, будут благоденствовать, как герои, как доблестные захистники Батькивщины, появляться в телевизорах, похваляясь своими «подвигами», орденами, медалями, вручёнными им военными преступниками Порошенко и Зелей. Вот, что будет, если Путин и Украина вдруг сказочным образом договорятся о мире, если, конечно, им Байдены или Трампы позволят. Мама! Если даже все украинцы захотят окончания войны, захотят, чтобы наступила жизнь, как раньше, то тогда всё бессмысленно. Бессмысленны жертвы с обеих сторон. Бессмысленны все усилия и договора о мире, пока мы не поймём, какой нам мир нужен в итоге. Желание, чтобы всё стало, как прежде, не приблизит конца войны. Конец её приблизит только победа. Не Украины, не НАТО вместе с Зеленским, который бросает в мясорубку то, что осталось от украинского народа, а закончиться это всё должно победой России. Поэтому война будет долгой. Она дана Украине, как испытание. Для нашего пробуждения от кошмарного сна, осознания неправоты, для крушения иллюзий, для покаяния. Чтобы те, кто довёл нас до состояния зверей, жаждущих крови, до нищеты, смерти, увечий, разрухи, сгинули на веки вечные вместе с Азовами, СБУ и НАТОй. Но это случится только, если верх возьмёт Россия. А перемогой Украины должна быть победа над своим страхом перед продажной нацистской властью, над своим безразличием, когда твоя хата с краю, над глупостью, леностью, невежеством, бездуховностью, безбожием, животным началом, бушующем

в нас, над ненавистью к русским. А потому, мамо, эта война продлится долго. Не для того русские и украинцы гибнут сегодня на фронтах, чтобы всё осталось, как раньше. Когда мы переболеем нацизмом, когда поймём кто, зачем развязал эту войну, натравив одну часть русского народа на другую, вот тогда и начнётся движение к миру.

Наташа, замолчав, отвернулась к окну, глядя на роющих траншеи солдат ВСУ и на костёр, догорающий возле забора. Тишину через минуту прервала Ксения.

- Ты об этом говорила ещё кому-нибудь?

- Мама! Я ещё пока в трезвом рассудке, - повернулась к матери Наташа.

- Будь осторожна там, в твоём госпитале. Ох, чует моё сердце, заберёт тебя СБУ.

- Господи! Мама! Да, когда же ты поймёшь, что мне уже всё надоело. Бояться, оглядываться. Тебе не надоело? Вот когда надоест, то это и будет наш общий первый шаг к нашей перемоге, к победе России в этой войне. Когда всем хохлам надоест быть пушечным мясом и расходным материалом, разменным картами в руках властных сволочей, тогда наступит мир, хотя и не сразу...

- Да-то Бог, Наташа. Дай Бог... Слышишь?

- Ты о канонаде? Слышу, конечно. Сегодня ближе, чем обычно. Думаю — русские через пару недель, максимум через месяц возьмут Бахмут. Но, как подумаю, сколько людей ещё погибнет, сколько покалеченными останется, у меня сердце начинает болеть. Судя по тому, что наши захистники траншеи роют возле жилого сектора и огневые точки устраивают на крышах многоэтажек, всё закончится, как в Мариуполе. Знаешь, что от него осталось?

- Люди казали, шо одни развалины там. Азовцы за спинами баб и детей прятались...

- Так будет и здесь. В госпитале готовятся к эвакуации.

- А куда?

- Место в секрете держат. Но трёхсотых с сегодняшнего дня везут уже в Харьков или в Днепропетровск. Легкораненых снова гонят на фронт или за взятки отправляют подальше от фронта. Убитых давно не регистрируют, хоронят вместе с жетонами всех скопом на западной окраине города среди развалин.

- Боже ж ты мой. Не по-людски это, - Ксения, положив подбородок на сведённые вместе руки, с жалостью смотрела на дочь. - Что и учёт не ведут?

- Поимённо нет, если только по количеству.

- Шо? И на могиле крестов не будет с именами?

- А, зачем? - зло усмехнулась Наташа. - Так хлопец вроде сгинул без вести, ну и ладно. Может дезертировал или в плену... Так и напишут матерям и жинкам... Зато компенсацию родне не нужно платить за погибшего, да и нечем. Разворовано всё давно.

- Вот, сволочи, - удивлённо пробормотала Ксения. - Скорее бы это всё кончилось...

- Опять за старое, - повысила голос Наташа. - Прошу тебя. Не начинай. И без твоих причитаний тошно.

- Ладно. Молчу, молчу, - обиженно сказала Ксения.

- Ты, вот что, мамо. Сиди сегодня дома, как мышь. К окнам не подходи. Будет обстрел близко, беги из квартиры. Под домом подвал есть. К вечеру за тобой бойца пришлю. Вроде бы главный врач не против, чтобы ты помогала у нас в госпитале. Рук не хватает. И ко мне поближе будешь, мне спокойнее. У меня в госпитале каморка есть, где спать можно. Начнётся эвакуация, со мной поедешь. А там видно будет. Всё понятно или повторить?

- Что ты со мной, доча, разговариваешь, будто я недоумок с Закарпатья? Всё уразумела. Сижу, как мышь, жду шофёра.

- Хорошо. Прости за резкость. Это всё нервы. Так, я пошла? – Наташа, поставив в раковину чашку, попыталась открыть воду.

В трубах зашумело, заскрежетало, однако, после долгой паузы из крана потекла тонкая струйка ржавой воды.

- Опять! - с досадой воскликнула девушка.

- Да ты ступай себе. Я тут без тебя управлюсь.

- Тогда, до встречи, - Наташа, поцеловав мать в щёку, направилась к выходу. - Дверь не запирай. Всё равно бесполезно. Вышибут, если кому приспичит. Да и взять у нас нечего.

- Постой, - остановила девушку Ксения. - От суженого твоего вестей нет? Он мне обещал, что найдёт тебя.

- Господи! - в сердцах воскликнула Наташа.

Она торопливо вышла, раздражённо хлопнув дверью.

Ксения тяжело вздохнула, осуждающе покачала головой, но вопреки запрету дочери подошла к окну, стараясь не смотреть на тлеющий костёр. Наташа быстрой походкой двигалась по улице, высоко подняв голову и глядя прямо перед собой.

- Спаси и сохрани тебя Бог, - шептала женщина, крестя силуэт дочери. - Господи! Скорее бы всё кончилось... Тьфу ты!

Март заливал дождями мостовые Киева. А ещё во время резких похолоданий устраивал ледяной каток на улицах. Алёхин в погожие дни передвигался по городу пешком лёгким спортивным шагом, а в ненастные добирался до комплекса зданий СБУ общественным транспортом. Сидячая работа и нравоучения полковника Адамса нервировали его больше, чем участившиеся ракетные обстрелы российской армии, наносивших удары по инфраструктуре столицы Незалежной. Если не ходили троллейбусы и закрывали метро, Александр не спешил. Рутина информационной войны не способствовала укреплению нервной системы. Даже его, человека опытного, «съевшего собаку» на технологиях создания фейков и медийных вбросов, бесила бессовестная ложь, выплёскиваемая на Украину свидомыми политиками, журналистами, его собственным кибер-подразделением, которое контролировали и натаскивали англосаксы, сующие свои носы даже в служебный компьютер Алёхина. С ещё большим изумлением Александр удивлялся тому, как всю эту ложь истово, с восторгом потребляли блогеры, диванные аналитики, завсегдатаи социальных сетей не только на Украине, но и либеральное крыло интернет-тусовки в России. Временами вся эта «движуха» напоминала ему огромную паутину на далёкой теперь даче под крышей сарая, куда по непонятным причинам слетались мухи, осы, комары и прочая порхающая, ползающая живность, чтобы запутаться в липких нитях, повиснув там, дёргая лапками, ожидая очереди быть съеденным хозяином сети.

Сегодняшний день ничем не отличался от остальных. Кибер-бойцы обречённо смотрели в экраны своих гаджетов. Их пальцы стучали по клавиатурам, создавая очередные фейки, ведя фальшивые аккаунты, блоги, собирая лайки, отвечая на комментарии подписчиков, анализируя охват аудитории не только на территории страны, но и далеко за её пределами.

Создавая по указанию американских советников новые темы, Алёхин собирал бесценную информацию, которую пока не было возможности передавать в Москву. По ходу дела он сделал поразительное для себя открытие. Удивился с какой скоростью

умственная деятельность потребителей фейкового дерьма переходит на аутсорсинг — использование информационных ресурсов со стороны. Особенно это касалось молодых блогеров, создателей словесного мусора, различного рода графоманов от политики, экономики и прочих сфер умственного труда.

«Зачем держать в голове имена, факты, искать достоверную информацию, если можно «погуглить» и всё узнать, - с иронией думал Алёхин, анализируя некоторые публикации. - Мне повезло, что в моей школе ещё работали учителя старой закалки, требовавшие запоминать множество вещей, казавшихся ненужными, держать в голове тексты стихов, математические формулы, теоремы, основные законы физики и многие другие вещи, которые заставляют работать разум. Это был необходимый фундамент, материал для мыслительной деятельности. А теперь включать голову вовсе и не нужно. Есть интернет. Всеми процессами в политике, экономике, журналистике, прочих сферах начинает заправлять поколение с разумом на аутсорсинге», - Александр посмотрел в зал через стеклянную перегородку.

«Могу поспорить на пару сотен баксов, что большинство из этих молокососов не смогут осилить статью в двадцать тысяч знаков, а тем более не в состоянии извлечь из напечатанного ими самими текста заложенный туда смысл, - продолжал размышлять Алёхин, изучая взглядом лица своих подчинённых. - Вон тот с бычьей шеей и усами подковой. Крест православный виден через расстёгнутый воротник куртки. Типа верующий. Спроси его про самые значимые праздники православия... Когда Рождество Пресвятой Богородицы, Вознесение Господне или Троица? Полезет в интернет... Пройдёт немного времени, вслед за Украиной человечество скатится в мир невежества и цифрового самодовольства. Что самое интересное вся эта публика, зависающая почти сутками в Сети, получила возможность писать собственные опусы, комментарии, заводить аккаунты, постить, лайкать и выташнивать в информационное пространство всякую хрень. Все превратились в писателей, аналитиков, экспертов, читая себе подобных псевдо-профессионалов, специалистов на любую тему. Класс! Человеку, чей разум зависим от собственного гаджета, можно внушить любую ахинею. Что и происходит везде, где есть интернет. Люди в своей массе даже думать и чувствовать начали одинаково. Как нас учит полковник Адамс? «Берём некое событие, а потом на этой базе выстраиваем пирамиду своих фантазий, предположений, гипотез и просто любого правдоподобного бреда нужной нам политической или идеологической направленности. Потом подкидываем весь материал выбранному нами идиоту-

блогеру. Какое-то время он тупо изучает это творение, а потом бежит с ним, считая его личной собственностью, по соцсетям, как «дурэнь з пысаною торбою». Нам больше ничего делать не нужно. Фейк начинает собственную жизнь».

Алёхин мысленно с характерным американским акцентом проговорил украинскую поговорку, услышанную от полковника.

- Адамс прав... Или кто там ему прорабатывал детали стратегии кибервойны, - тихо сказал капитан, откидываясь на спинку кресла.

«Можно даже не пробовать отбирать новенькую погремушку — фейк у несмышлёнышей… Социальные сети под завязку забиты подобным словесным поносом. Масса идиотов круглыми сутками барахтается в этом дерьме. А есть ещё категория эмоциональных придурков, которые начинают вибрировать, взбивая пену, добавляя красок информационной картинке. При этом они уверены, что эта их «отрыжка» очень важна для мира, даже влияет на него».

«Хотя всё же влияет, - снова ушёл в себя Александр, вспоминая результаты мониторинга аккаунтов и блогов украинского и российского сегментов Интернета. - Хохлы, похоже, абсолютно неспособны к мозговой деятельности. Они безоговорочно верят любому фейку».

Размышления Алёхина прервало оживление в «операционной». Он поднял глаза. По проходу шёл полковник Адамс, заложив руки за спину. Офицеры — англичане и американцы, ни один не повернул головы, а украинский сектор начал торопливо подниматься, шурша обрезиненными колёсиками кресел по облезлому старому дубовому паркету.

- Лёгок на помине, - проворчал Александр, вставая, чтобы открыть дверь перегородки.

- Честь имею, полковник, - бодро приветствовал босса капитан, приложив два пальца к непокрытой голове и вытягиваясь в струнку.

- Вольно, сынок, - вяло махнул ладонью американец.

- Чем обязан, сэр?

Адамс ногой закрыл дверь, подтянул себе одно из трёх кресел, стоявших у плотно зашторенного окна и сел, положив тяжёлые ботинки с толстой подошвой на стол. Косо взглянув через стекло перегородки в зал, американец достал сигару, откусил кончик, выплюнул огрызок на пол, затем прикурил от зажигалки, поднесённой капитаном.

- Поговорим по-английски, - сказал Адамс. - Не хочу, чтобы твои люди нас слышали.

- Могли бы встретиться в вашем кабинете.

- Кабинет — слишком громкое название для моей конуры. А потом у меня есть подозрение, что эта сука — генерал Лазутина или Буданов приказали поставить там новые «жучки». Пока мои люди не облазят там все углы, лучше поболтать здесь.

- Генеральша вас ревнует ко мне.

- С чего бы это? Я — не гей.

- Баба, она и есть баба! - грубо буркнул Алёхин.

- Нет, сынок. Думаю, между генеральшей и тобой есть какая-то связь. У меня чутьё на такие дела.

- Вы про секс?

- Если бы... Мне было бы спокойнее. Копает она под тебя. Глубоко копает.

- А мне скрывать нечего, - поморщился Александр.

- Ладно, ладно. Не злись. Русские говорят: - На злых воду возят.

- Сэр! Вы делаете успехи в изучении русских поговорок.

- Может оно и так, только я не понимаю их смысла. Почему можно на злых воду возить? Чем добрые хуже? Впрочем, к нашей встрече поговорки отношения не имеют. Ты — неглупый парень, чего не скажешь об основной массе офицерского состава СБУ. Имеешь терпение слушать, умеешь анализировать. Ценю умные советы. Твои замечания дают мне пищу для собственного анализа.

- Переходите к делу, полковник. Не нужно тратить время на комплименты.

- Тогда я буду говорить, а ты останови меня, если стану ошибаться в оценках. Итак. Война с русскими перешла в затяжную фазу. Это и хорошо для нас, и плохо по разным причинам. Хорошо потому, что, истощая Россию в военном и экономическом плане, мы истощаем Германию, а с ней всю остальную Европу за исключением Польши, поддерживаемой в большей степени британцами, чем нами. Догадываюсь, в чём конкретно заключается политика Госдепа в отношении наших союзников — западных европейцев, но на мой взгляд, мы постепенно теряем доверие к нам не только Европы, но и

верных до последнего времени режимов на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке. Согласен?

- Не совсем понимаю причин вашего волнения, сэр. Во-первых, вы — солдат и подчиняетесь приказу. Но, для критично мыслящего человека, каковым являетесь, скажу. О Западной Европе волноваться не стоит. С ней плотно работают ЦРУ, АНБ и структуры Сороса, пропихнувшие в органы европейской власти нужных вам людей. Шольц, Макрон, Боррель, фрау фон дер Ляйен, ваш клиент — Зеленский, Джонсон, а теперь новый английский премьер — ваши аватары, марионетки, перчаточные куклы, думающие, что они кукловоды для аватаров меньшего калибра. Ваш Джо Байден жив, пока нужен вашей элите. Как только на месте президента понадобится «сильный» лидер, старика Джозефа отправят в архив за неделю. Несчастный случай, падение с велосипеда, инсульт. Тут возможен любой сценарий... Вы же прекрасно знаете, что всеми мировыми процессами управляют другие люди, которые имеют свою стратегию, своё видение будущего, В их распоряжении огромные финансовые и медийные ресурсы. Не говорите мне, что никто, вы в том числе вы, не знает этих людей, - Алёхин сделал паузу, давая возможность перехватить инициативу разговора полковнику, но тот сдержанно ответил:

- Предположим знаю. Что с того?

- Если знаете вы, значит знают о них и другие персонажи, которым по закону жанра политических игр положено это знать. Знают, изучают их сферы интересов, методы влияния, отслеживают их действия, родственные связи, предпочтения, привычки, чтобы угодить и не выпасть из тренда. Ваше глубинное государство будет терпеть таких аватаров до тех пор, пока те действуют в интересах западной экономической и финансовой элиты. Если говорить о России и Китае, то там терпят местных кукловодов до тех пор, пока те не перейдут определённые грани. Если это происходит, тайная, страшная, неосознанная никем до конца сила истории, я имею в виду реальных властителей мира, в руках которых эта сила находится, подчиняясь собственной логике, убирает с шахматной доски эти фигуры. Разве не так?

- Продолжай, - тихо сказал Адамс, с возрастающим интересом глядя на Алёхина.

- Не нужно тешить себя иллюзиями, что взращённые системой власти некоторые кукловоды всемогущи. Если бы это было правдой, то наш мир стал бы безгранично тоталитарным. Вспомните Гитлера. В начале своего пути он сам был аватаром,

марионеткой, но харизматичным до мозга костей. Фюрер умел изрекать простые, понятные истины, объясняющие немцам, кто является для них настоящим врагом. Он был страстным, предельно убедительным в своих речах. Гитлер был тем, кто, не зная древней истории, на интуитивном уровне осознал, что толпе всегда нужен кумир, а потому он стал таким кумиром. Поставив себя над толпой, он быстро ликвидировал местных кукловодов из старой элиты. Такая же история произошла со Сталиным и старыми большевиками - когда аватары со временем становятся кукловодами, а затем исчезают в подвалах Лубянки...

- Старые большевики? - перебил капитана Адамс.

- Да. Те, кто стоял у истоков революции в России, - пояснил Алёхин. - Арест и последующая ликвидация Сталиным главных персонажей из старой гвардии большевиков стали большой неожиданностью для уцелевших «неприкасаемых». Теперь возьмём Путина. Просто вспомним, куда делись Березовский, Гусинский, Ходорковский и прочие «уважаемые», всесильные кукловоды. Они считали, что держат самого Господа Бога за бороду, но кем теперь стал Путин? Идём дальше. Азия. Си Цзин-Пинь только что добил своих бывших приятелей-кукловодов на XX съезде коммунистической партии Китая. Все прекрасно поняли, кто на самом деле управляет страной...

- Не понимаю, куда ты клонишь, - задумчиво сказал полковник.

- А туда и клоню, - сдержанно улыбнулся Алёхин. - Качество многих из нового поколения аватаров, мнящих себя кукловодами, не выдерживает критики. Слабаки, придурки. Слышали о Джасинде Ардерн? Это премьер-министр Новой Зеландии. Так вот, она недавно обнародовала планы по первому в мире налоговому сбору на сельскохозяйственные газы и биогенный метан, основная масса которого вырабатывается во время отрыжки шести миллионов новозеландских коров и двадцати шести миллионов овец.

- Молодец баба. Защита окружающей среды, зелёная энергетика... Мадам идёт в русле мировых трендов и политики старика Джо, - улыбнулся Адамс.

- Точно! - воскликнул Александр. - Предлагаю вам, полковник, у себя на Родине выступить с законодательной инициативой обложить налогом страдающих ожирением американцев, подсчитав сколько кубометров воздуха они испортили, сидя на унитазах. А заодно посчитать, сколько воздуха испортили солдаты США на военных базах по всему миру.

Вопреки опасениям Алёхина, такая наглость и озорство не

разозлили, а только развеселили полковника. Он откинулся на спинку кресла, затем начал хохотать, роняя на пол пепел сигары.

- Если ты не против, давай поговорим о Польше, - отсмеявшись, попросил Адамс.

- Без проблем, - легко согласился Алёхин. - Кстати, у меня дед — нумизмат. У него неплохое собрание царских серебряных рублей. И он до сих пор мечтает заполучить хотя бы хорошую копию рубля времён русского императора Константина...

- Постой! - остановил офицера полковник. - Насколько я знаю вашу историю, не было в России императора с таким именем. Это первое. И зачем твоему деду какая-то копия?

- Вы правы. Константин был следующим по старшинству братом императора Александра. В то время он являлся Великим князем, Наместником Царства Польского, вошедшего в состав Российской Империи после четвёртого раздела Польши союзниками в результате победы над Наполеоном.

- Погоди-ка, сынок, - поднял руку Адамс. Что значит четвёртый раздел Польши? Были ещё три?

- Увы! - пожал плечами Алёхин, словно удивляясь невежеству полковника. - Польша во все времена своей истории завидовала соседям, пытаясь воевать с ними. С Пруссией, Австрией, Венгрией, Османской империей, Россией... Создавала союзы с врагами этих стран, но не выполняла договорённости, предавая союзников. Польское дворянство всегда было склонно к неповиновению своим королям, что порождало бунты, мятежи, борьбу за власть, войны и внутриполитические кризисы. Наконец, Польша, как сейчас говорят, «достала» в те годы всю Европу, угрожая стабильности континента. А старушка не могла придумать ничего лучше, как позволить присоединить польские земли к существующим в то время империям. При Екатерине Великой было три таких раздела. Четвёртый произошёл после победы России над Наполеоном. Это, если коротко. Вернёмся к Константину?

- Валяй! - воскликнул Адамс, с уважением оглядывая стоявшего перед ним офицера.

Итак, - продолжал Алёхин. - Константин должен был наследовать русский престол, но ещё при жизни старшего брата отказался от тяжкого, как он считал, бремени. Об отречении знал только сам Александр...

- Прошу прощения, - снова перебил рассказчика американец. - Но такое в России невозможно. Я много читал о русских

дворцовых переворотах, начиная с эпохи Петра Первого. Даже те, у кого не было прав на царскую корону, но у кого хватало смелости, легко захватывали власть. Ваша Екатерина, опираясь на армию, отправила за решётку, а потом ликвидировала своего мужа Петра Третьего, чтобы царствовать больше тридцати лет.

- Правильно, - одобрительно кивнул Алёхин, в глубине души удивляясь знаниям американского полковника. - Но Константин Павлович был человеком странным, необычным, считавшим, что по своим способностям и запросам его вполне устраивала Польша, наместником которой его сделал старший брат. Великий князь много сил и средств вложил в возрождение польской армии, которая вошла в состав русской. Он женился на польской аристократке. Выстроил на деньги Российского правительства дворец Бельведер в Варшаве, оказывал покровительство многим польским аристократам. Он, вообще был человеком довольно либеральным, добрым, покладистым и великодушным. Но тайна отречения сыграла особую роль в дальнейших событиях и судьбе Польши. Весть о внезапной смерти Александра очень быстро дошла до Варшавы. Часть польских аристократов — заговорщиков, воодушевлённых революцией во Франции, подстрекаемых Британией, мечтая о былом величии Речи Посполитой, решили, что пришло время для очередного бунта и возвращения стране независимости. Тем более, что Россия начала войну на Балканах с турками. Заговорщики решились на вооружённое восстание, даже на убийство Константина. Полякам казалось, что так они решат сразу несколько задач. Застанут врасплох царское правительство, спровоцируют очередную борьбу за власть между Великими князьями, выиграют время для вывода польских военных подразделений из состава российской армии, чтобы с позиции силы диктовать условия русскому царю. Константин был предупреждён о заговоре. Ему удалось бежать, однако путаница с престолонаследием быстро разрешилась. Новый император Николай Первый довольно быстро в течение года подавил очередной польский мятеж. Его итоги оказались плачевны для поляков. Они лишились конституции, дарованной им Александром, получили ликвидацию автономии и более жёсткое административное управление, - Алёхин перевёл дух.

- К чему ты рассказал мне эту историю? - Устало зевнув, полковник посмотрел на часы.

- А к тому, что история — забавная штука. Она всегда повторяется. Что делать? Цикличности развития цивилизаций ещё никому не удавалось отменить... После Второй мировой войны, которая случилась в том числе по вине польских властей,

произошёл пятый раздел, но в гораздо более мягком варианте. Сталин забрал себе восточные части Польши, присоединив их к Белоруссии и Украине, но подарил полякам значительные территории Германии. Однако, не зря кто-то назвал Польшу гиеной Европы. Она всегда кусала руку дающего. К тому же в национальном польском характере постоянно присутствуют неистребимая спесь и ностальгия по былому. Нынешние польские власти считают, что сегодня Америка с Британией всецело на их стороне, а значит, наступило время для реализации амбиций Польши стать региональным лидером в качестве основного игрока за покерным столом Европы. При этом в Варшаве полагают, что главными противниками на пути к цели, если вы не знаете, являются Франция вместе с Германией, а вовсе не Россия. Русофобия для Польши, всего лишь модный тренд, надежда откусить кусок пожирнее от Украины. Думаю, вы, полковник, в курсе политики Вашингтона в отношении Евросоюза, в отношении Польши. Разделяй и властвуй. Но поверьте, история — женщина коварная. Вы плохо знаете поляков. Они всегда хотят, «как лучше», а получается у них, как всегда.

- Ты о чём это, сынок? - поморщился Адамс.

- Просто мысли вслух, - Алёхин добавил елея голосу. - Ежегодно Польша получает от ЕС безвозмездную помощь в сумме семнадцати миллиардов евро. Статус вечного просителя страшно тяготит поляков. Они любыми путями пытаются избавиться от такого унизительного положения. Очередная авантюра по возвращению восточных территорий, получению очередных, многомиллиардных репараций от Германии, попытка бунта в благородном, «едином» европейском семействе закончится шестым разделом Польши. Думаю, Путин всё этот просчитал, поэтому ему плевать на все русофобские выпады поляков. Он знает, чем всё в итоге обернётся. К этому человеку вашей элите ещё нужно подобрать нужные ключи.

- О, мой Бог, - картинно поднял руки Адамс. - Только не нужно снова говорить мне о прозорливости, гениальности и деловых качествах Путина. Чем дольше длится война, тем больше стали проявляться слабые стороны его характера, а заодно изъяны русской системы власти. Мои наблюдения за действиями Путина время от времени пополняют досье на вашего президента, которое я уже давно начал вести ради интереса к его личности. Отчётливо вижу, что Путин крайне медлителен, осторожен в вопросах кадровой политики, не любит резких перемен. Одни и те же люди десятилетиями занимают руководящие посты на всех уровнях властной пирамиды.

Они обрастают нужными связями, деловыми партнёрами, инструментами для реализации личных интересов, которые часто не совпадают с государственными. Любой креатив от людей, не встроенных в систему власти, вызывает у Путина, у чиновников его администрации отторжение, страх перед возможной ошибкой, ревность к генератору идеи. Русских бюрократов пугает необходимость принимать собственные, очевидные решения из-за опасения в случае неуспеха потерять доверие и покровительство вышестоящего начальника. Именно поэтому любая инновация в любой сфере, а особенно в военной, где уровень бюрократии запредельный, не переходит в практическую плоскость исполнения. В результате у русских постоянно возникают проблемы на фронте, в ближайшем тылу и даже на предприятиях ВПК, - полковник, опустив огрызок погасшей сигары в стакан для карандашей, потянул из кармана курки новую.

Алёхин снова взял со стола зажигалку.

- Можно подумать в Украине другие бюрократы, - ворчал Александр, снова поднося пламя к новой сигаре Адамса. - Да, и ваши, американские, полагаю, не лучше

- Не буду отрицать. Американская бюрократия во многом похожа на русскую. Наши чиновники больны функциональной неповоротливостью, феноменальной безответственностью, зато им страшно нравится неограниченно расширять рамки своей компетенции для того, чтобы занять всё имеющееся у них свободное время. Бюрократии разрастаются не потому, что официальные лица берут на себя новые полезные обязанности, которых у них раньше не было, а потому, что бюрократы постоянно должны выглядеть занятыми людьми. Они обрастают проблемами там, где проблем на самом деле не существует, и затем с ленью, даже удовольствием наблюдают за попытками своих подчинённых их решить. А последние, в свою очередь, тратят уйму времени не на дело, а на создание отчетов и докладных записок для начальства. Этот процесс продолжается бесконечно. Однако, заполнение формуляров, написание инструкций и ведение досье на самом деле вовсе не нужны для выполнения тех задач, которые должна решать бюрократия. Да, и чёрт с ними. Я отношусь к бюрократии, как к неизбежному злу... Но скажу тебе одну вещь. Работая здесь с этими странными людьми, - полковник помахал ладонью в воздухе, рассеивая дым после затяжки и показывая на окно. - Мы научились использовать даже самые безумные идеи простых украинцев для нашей пользы. Ты удивишься, что они предлагают в социальных сетях.

- Не понимаю, причём здесь бюрократия и блогеры, - пожал плечами Алёхин.

- Всё очень просто, - усмехнулся американец, наблюдая, как растёт столбик пепла тлеющей сигары. - Украинский патриотизм вместе с идеологической мотивацией туземцев рождает горы креатива. Наши парни из ЦРУ, Пентагона, Сил специальных операций научились оперативно оценивать самые различные варианты нанесения ущерба русским. Затем я через нашего посла или сам лично вызываю местных высокопоставленных бюрократов и отдаю им приказ немедленно приступить к реализации креативной идеи. Ослушаться, спустить всё на тормозах они не могут. Боятся. Вот и всё. В результате русские прозевали много сюрпризов, вроде взрыва грузовика на Крымском мосту или удары беспилотниками по базе стратегической авиации в Энгельсе. У Путина цепочка принятия решений значительно длиннее. Часто она обрывается из-за длительных согласований между бюрократическими структурами. Твой президент любит создавать комиссии, комитеты, советы, в которых гибнут отличные идеи. Когда-нибудь ты вспомнишь мои слова: - Россию погубит кадровая политика Путина и бюрократия.

Адамс посмотрел на часы, давая понять, что потерял интерес к разговору.

- Ладно, - торопливо произнёс Алёхин. - С Путиным всё более или менее понятно. Хотелось бы знать, что вы думаете о Зеленском? Только честно. Лично я считаю, что, делая ставку на этого персонажа в противостоянии с Путиным, вы совершаете большую ошибку.

- Зеленский? - американец на несколько мгновений застыл, собираясь с мыслями. - Зеленский! Если коротко... Еврей! Неумолимой логикой хода времени он вынесен, словно щепка среди прочей пены, на самую вершину украинской власти. Успешный шоумен, для которого русский язык является родным. На заре своей артистической карьеры, выступая в качестве шута, стал известен в России, благодаря телевидению. Отнюдь не являясь адептом радикальных течений украинского национализма, не имея, что свойственно для современной творческой элиты, совершенно никаких этических и моральных принципов, он тонко чувствовал запросы публики, конъюнктуру рынка сатиры, высмеивая украинских олигархов и последователей Бандеры. Однако, растущая в сознании украинцев, подогреваемая извне, особенно британцами, русофобия начала диктовать свои условия общественной и политической жизни в Киеве. Зеленский,

уже не пытаясь усидеть на двух стульях: принадлежности к русскоязычному населению, к русской культуре с одной стороны и признания себя сторонником украинского национализма с другой, выбрал себе новое амплуа в русле теперь основного западного тренда — ненавистника России, горячего поклонника американской демократии. Очевидно, что костюм лицедея стал ему тесен, а маска туповатого шута перестала нравиться не только ему самому, но и современным национал-патриотам Украины. Местные спонсоры, наш Госдепартамент увидели в актёре, сыгравшем главную роль в сериале «Слуга народа», неплохой потенциал. Поэтому мы начали готовить парня в соперники президенту Украины Петру Порошенко, который пытался монопольно распоряжаться всей экономикой этой чёртовой страны. Тем более, что Порошенко, строивший всю свою карьеру во власти на имидже умеренного политика, неожиданно для нас резко свернул в сторону «пещерного» национализма. Пришлось спонсорам, в том числе западным, позволить «играть» Зеленскому свою партию на Юго-восточном русскоязычном электоральном поле. После победы на выборах, этот клоун сразу забыл о своём электорате, про обещания закончить войну на Донбассе, про необходимость налаживания отношений с Россией, про намерение сделать русский язык вторым государственным. Да и, кто бы ему позволил слиться с Россией в тесных объятиях? Давай скажем честно, признавая очевидное. То, что не хотят замечать западные покровители Зеленского… Легкомысленность, беспринципность, аморальность, присущие представителям шоубизнеса, помогли превращению в общем-то не глупого человека в тирана, разрушителя прав и свобод украинцев, врага инакомыслия, в ярого националиста, честолюбивого, жадного, вступившего на скользкий путь предательства собственной страны, забвения памяти предков. Для этого типа национальность по большому счёту не имеет никакого значения. Он, нарушая международное гуманитарное право, легко отдаёт приказы уничтожать и русских, и украинцев везде, куда может дотянуться руки СБУ. Вооружённые силы Украины для него — пушечное мясо. Его даже нельзя назвать евреем, поскольку он поддерживает культ поклонения Бандере, став союзником потомков тех, кто уничтожал еврейский народ. Он циник, желающий продавать себя дороже реальной цены, для него важны только власть и деньги. А ещё он, пусть и плохой, но актёр с огромным комплексом неполноценности, провинциальной ущербности, вынужденный всё глубже погружаться в роль жертвы агрессии, этакого последнего героя - защитника Европы, мрачного пророка склонного к истерикам в антураже соответствующих декораций, предвозвестник, мать её, Третьей мировой ядерной войны. Патологический,

самовлюблённый лжец, считающий украинский народ стадом тупоголовых баранов. Зеленский похож одновременно на Симона Петлюру и вашего Остапа Бендера в деревенском украинском варианте... Как-то так...

- Жёстко, - Александр с удивлением разглядывал невозмутимое лицо полковника. - Типа - «Что хорошо для Дженерал Моторс, то хорошо для Америки». В каждом вашем слове сквозит презрение к Зеленскому. Ещё более удивительно, что вы читали Ильфа и Петрова.

- Сынок, - Адамс поднял руки в протестующем жесте. – Жёстко? А, кто просил откровенности. Думаешь, я не в состоянии отделить мух от котлет, не способен видеть ситуацию в её истинном свете? Ты думал у меня – шоры на глазах, как у лошади, повинующейся узде? Я достаточно трезво смотрю на вещи… Однако, я — солдат, подчиняющийся приказам. И моё личное мнение вместе с неприязнью к этому человеку не отменяет главного. Для Америки было важно поменять пьяницу Порошенко на молодого, креативного подонка, готового самозабвенно лизать наши башмаки. Как говорил президент Рузвельт о никарагуанском диктаторе Анастасио Сомоса: «Да, он сукин сын, но он наш сукин сын». Кстати, цитатой президента «Дженерал Моторс» Чарльза Вильсона ты меня сразил наповал. Неплохо, неплохо...

Гул сирен за окнами и прерывистый низкий сигнал, звук которого заставил поднять головы офицеров в общем зале, прервали откровения Адамса.

- А это креативная идея русских! - воскликнул Алёхин, подходя к окну, чтобы посмотреть на уличную суету через узкую щель в плотных занавесках. - Очередной ракетный удар по Киеву.

- Чёрт бы их побрал! - выругался Адамс, растаптывая каблуком башмака огрызок сигары, которую он уронил на пол от неожиданности.

Где-то сначала вдалеке, а затем совсем близко раздались взрывы.

- Ладно, сынок. Время - деньги, - сказал полковник, поправляя кобуру на поясе, охватывающем тощий живот. - Я бы на месте русских бил не по заводам, а по электростанциям, по Банковой, телецентру, мостам через реки, - добавил он, неторопливо открывая дверь стеклянной перегородки. - Так мы делали в Белграде.

- Я бы тоже, - тихо проворчал Алёхин, выходя в зал сразу вслед за Адамсом с намерением отправить часть людей в

бомбоубежище согласно приказам, недавно развешанным на видных местах во всех помещениях Управления.

Когда Наташа, оставив на пороге квартиры Ксению, выходила из дома, она, задержавшись под козырьком подъезда, ещё раз посмотрела сначала на место казни русских военных, потом на солдат, роющих траншеи и оборудующих скрытые позиции для миномётов в жилой застройке. Девушка подняла голову к небу, прислушиваясь к недалёкой канонаде. Низкие тучи, обещавшие дождь, стали выше и светлее. Резкий порывистый ветер гнал облака на Восток, освобождая пространство небосклона для солнечного заката.

«До сумерек — час, полтора, - подумала Наташа. - Если русские поднимут в воздух дроны, то обнаружив эти траншеи, завтра сравняют с землёй всю улицу. Чёрт!

Девушка, повернув за угол дома, в раздумье остановилась. Взглянув в ту сторону, где находился госпиталь, она почти бегом пошла по переулку, ведущему к железнодорожному узлу. На привокзальной площади было немноголюдно. Возле здания вокзала зачем-то горели уличные фонари, хотя осенний закат давал возможность хорошо рассмотреть десяток помятых в разной степени легковых машин, небольшую группу водителей, промышлявших извозом, военный патруль, проверявший документы у какого-то деда, восседавшего на телеге, запряжённой двумя тощими лошадьми. Наташа знала, что пассажирские поезда ещё ходили, а потому сразу направилась к кассам, где увидела довольно большую очередь из плохо одетых женщин, старух и подростков. Зато у воинской кассы не было ни души. Окно оказалось завешано жалюзи, а снаружи на бечёвке красовалась табличка с надписью «Каса закрита». Наташа быстро подошла и постучала в стекло перегородки. За окном мелькнула тень, раздался звук шагов, но тут же всё стихло. Девушка вытащила из кобуры свой пистолет, дулом провела по стеклу, перевернула табличку и громко стукнула рукоятью по деревянному прилавку кассы. Через несколько секунд внутри появился яркий свет, жалюзи пошло вверх, а в окошке нарисовалось круглое, курносое лицо женщины средних лет.

- Хто тут фулиганит? Я вот патруль позову, - с нотками превосходства, понимания своей власти над остальными людьми, сказала кассирша, но увидев дуло пистолета и военную форму, смущённо закашляла. - Простить, будь ласка. Закрыты мы на обид те раз.

- Какой к чертям обед? - Наташа дулом пистолета показала на

часы, висевшие за спиной кассирши. - Поезда ещё не отменили?

- Од кветню до серпня було проходящих тьма, а ныне почти все збройные, литерные, - ответила кассирша, заслоняя часы широкими плечами.

- Что, пассажирских вообще нет? - Девушка оглянулась на толпу у кассы для гражданских лиц.

- А вам, куды треба? – Женщина облегчённо вздохнула, когда пистолет нырнул в кобуру. - Если е припис войсковый, то покличу коменданта, он вас пристроит на эшелон. В ночи отправим один с битой техникой в Харькив.

- Поеду не я, - Наташа посмотрела на старый клочок бумаги с расписанием, приклеенный к стеклу. - Мне маму нужно отправить к родичу в Черкассы. Очень вас прошу.

- Так, так, розумию, пани врач. Ох, времечко ныне. Ох и времечко, - подобрела и тут же сделала скорбное лицо кассирша. – На ваше щастя будэ поизд од ранку сборный. О седьмой, чи о девятой године. Як сформируют, так и поедет. В нём три вагона для пассажиров, плацкартные. Остальные — просто платформы и товарняк для припасов збройных. Бахмут, Днепр, Киев и дальше до самой границы с Белорусью. В Черкассы дошлёпает на следующие сутки к вечеру. А, шо долго едет, так война у нас.

- Тогда один билет, пожалуйста, - попросила Наташа, доставая из нагрудного кармана военной куртки деньги.

- Пятнадцать тысяч гривен для вас недорого? - спросила кассирша, пододвигая к себе билетную книжку и хватая правой рукой шариковую ручку.

- Сколько? - удивилась девушка. - Впрочем, не важно. Держите. - банкноты, свёрнутые в трубку, перешли из рук в руки.

- Нехай ваша мамо багажу богато не имеет. Тут такое будэ на перроне... Забачьте вон очередь у касс. Часом и сквозь викна бабы до вагону лезут. А вы, як с мамой прийдёте, так сразу в перший плацкарт от хвоста сидайтэ.

- Учту. Спасибо вам.

- Тогда Слава Украине! - сказала кассирша, опуская жалюзи перед кучкой баб, уже окруживших Наташу.

Через два часа Ксения открыла дверь в ответ на продолжительный стук.

- Простить, будь ласка, шо не отворила одразу. Думаю, кто тут грюкает. Выглянула в окно, а у подъезда Скорая стоит. - женщина куталась в тёплый платок, с беспокойством и тревогой глядя в глаза солдату с нашивками санитара. - Что-то с дочкой?

Солидной комплекции дядька со свисающим поверх поясного ремня пузом, протянул ей конверт.

- Велено отвезти вас, титко, те раз на вокзал.

- Что за спешка? - Женщина осторожно взяла в руки конверт.

- Внутри записка, билет и гроши. Больше ничего не знаю. Но наказ маю - отвезти те раз, а то од ранку мало-ли шо здесь будет, - санитар кивнул в сторону окна. - Траншеи просто так не роют и улицу не минируют. А вы на вокзале ночь пересидите себе спокойно, в тепле. Москали вокзалы не обстреливают.

Ксения открыла конверт, взглянула на деньги, на железнодорожный билет, вздохнула и начала читать записку дочери.

«Позвонила в Черкассы твоему нацисту-брату. Попросила ради Христа приютить тебя на время. Не хотел, сволочь. Но за гроши согласился. Братец твой чёртов. Седина в бороде, а всё туда же. Горланит Слава Украине... Поезд в девять ноль, ноль утром. Билет у тебя войсковый. Обратись утром на вокзале к коменданту. Патруль поможет тебе сесть в вагон. Доберёшься, позвони мне. Номер знаешь. Целую, Ната».

- Ох, ты боженька ж мий! - засеменила по квартире Ксения. – А, шо ж брать с собой? Да и нема у меня почти ничего.

- Берить, титко, хлиб, если маете. Сало еще можно... То буде вам на перше время, - посоветовал санитар. - В дорози шось зъисты дуже часом охота.

- Да, яке тут сало? – Ксения открыла холодильник, доставая кирпич серого хлеба, упакованный в плёнку, чтобы не плесневел.

Она аккуратно отрезала половину буханки, нашла среди вещей Наташи платок и завернула туда хлеб вместе с парой луковиц.

- Хватит? - повернулась она к солдату.

- А я знаю? - пожал плечами тот. - Да идёмте уже. Через полгодины — комендантский час.

Спустя сорок минут Ксения сидела в зале ожидания вокзала на лавке, прижимая к груди тощий узелок.

А для Наташи первая половина ночи была сплошным кошмаром. С наступлением темноты начали прибывать машины с грузом двести и триста. Вместе с двумя врачами, парой других медсестёр она не отходила от трёхсотых. Бойцам с ранами средней тяжести накладывали свежие повязки, чтобы затем формировать из них команды для дальнейшей транспортировки в тыл. Таких переводили в освободившееся крыло здания, где совсем недавно размещались операционные и откуда уже вывезли всё оборудование. Легкораненых тоже перевязывали, тут же отправляя теми же грузовиками обратно на линию фронта. Убитых складывали на заднем дворе госпиталя, где высились кучи грязного, окровавленного обмундирования. Армейские жетоны двухсотых вместе с документами относили на стол в ординаторскую, куда вскоре отправили Наташу для составления списка дневных потерь. С заднего двора даже через закрытые окна проникал трупный запах. Морг госпиталя, заполненный убитыми почти до потолка, должны были освободить ещё на прошлой неделе, погрузив в железнодорожные рефрижераторы на станции, но по какой-то причине этого до сих пор не сделали.

Закончив со списками, рассортировав жетоны, солдатские книжки и удостоверения офицеров, Наташа устало потянулась, встала и погасила настольную лампу. Набросив поверх халата тёплую куртку, девушка поспешила на воздух, чтобы где-нибудь сесть у ограды госпиталя с подветренной стороны и продышаться. Она разместилась на лавочке со сломанной спинкой и наклонилась, опираясь локтями о колени. Осторожный кашель заставил её повернуть голову на звук.

- Кто здесь?

- Та то я, Богдан Вишня из третьей палаты, - хриплый голос звучал жалобно и тихо.

- А-а. Знаю тебя. Терроборона, старший солдат, Ужгород... Не помню название села... Постой, ты же вроде у нас лежачий. Господи, да ты на носилках. Кто тебя сюда перетащил?

- Ближче, пидийды ближче, сестричка, - раненый тяжело задышал. - Нахились. Дуже важко балакать вже.

- А ты помолчи. Сейчас сбегаю за санитарами. Кто распорядился оставить тебя здесь?

- Нагнись, - белое пятно ладони потянулось к Наташе, девушка неловко встала на колени перед лежащим на носилках солдатом.

- Дякую, шо на носилках оставили, а не на землю свалили, -

тихо со всхлипом, сказал раненый. - Ты скажи лучше, шо со мной дальше будет? - солдат перешёл на русский язык.

- Что, будет, что будет... Лечить будем тебя. Без ног люди тоже живут. Если жена любит тебя, Богдан, то не бросит. Мужик на гражданке ныне в цене. Да, что с тобой такое? Почему ты здесь?

- Брешешь. Гангрена у меня, доктор утром сказал. Не жилец я. Тело вже гнить почало.

Наташа отвела взгляд от лихорадочно мерцавших в темноте глаз раненого. Она знала, что старший солдат Вишня обречён.

- Никто не имеет права оставлять тебя здесь на холоде.

- Погодь, положи мне руку на лоб.

Наташа подчинилась, сразу ощутив жар на лице солдата.

- Тут у нас ввечеру люди появились, - делая паузы, снова заговорил солдат. - Сразу видно, хозяева.

- Какие хозяева? - растерялась Наташа.

- Закордонные. В форме чёрной. При автоматах коротких, як в кино. На ангельской мове балакали.

- На английском, - догадалась Наташа. - Наёмники? И чего им здесь нужно?

- Трёхсотые, которые лёгкие, казали, шо контейнеры те наёмники из своей машины выгружали.

- Какие контейнеры? Может со взрывчаткой? - девушка оглянулась на здание госпиталя.

- Не-е. То другое. А главный врач наш с офицером ихним почал с важко трёхсотыми по одному балакать. Кому на ухо, а кто контуженный — на бумажке слова писать.

- Да, о чём ты, Вишня? - хотела встать во весь рост Наташа.

- Не уходи, не бросай меня, дослухай, - раненый тяжело задышал.

- Ты лежи, лежи. Слушаю. Говори.

- Казали, кто пока жив ещё, органы свои... Должен согласие дать на отъём.

- Как на отъём? - совсем растерялась девушка. - Уж не бредишь ли ты?

- Казали: кто отдаст, того после смерти запишут героем и медалью наградят посмертно. Шо компенсацию семьям выплатят за такого... А кто не согласный, то як вин дух свий испустит, спалят его во дворе, шоб назвать пропавшим без вести или дезертиром.

- Господи! - тихо вскрикнула Наташа. - Да, что это делается на белом свете? Чтобы живым такое предлагать, - девушка хотела подняться, но потная горячая рука раненого вцепилась в её запястье.

- А ты не шуми, - с нотками обречённости в голосе прохрипел Богдан. – Дослухай… Как я тут оказался? Отдал одному санитару последние гроши, шоб он сюда, во двор меня выволок. Хочу напоследок небо забачить, звёзды. Свежим воздухом надышаться, а не карболкой. А ты не шуми, - повторил раненый. - Мне уже всё равно не жить, а тебя за то, шо голос подашь, главный ваш сдаст этим, которые в чёрном при контейнерах. Те гады убьют тебя, сестричка, не поморщатся. А теперь иди витселя. Да тикай подале. Скоро всю Украину нашу порежут на органы. А я им не дамся, сукам... И плевать мне на компенсацию. Моей бабе, шалаве гулящей, гроши те — до одного места. Она в Варшаве на панели больше за день мае... А теперь тикай со двора. Дай помереть спокойно.

Наташа, словно пьяная, теряя равновесие, опираясь на лавочки, поднялась и пошла к зданию госпиталя, выделявшееся серым пятном на фоне дикорастущих абрикосовых деревьев. Тихий звук голосов и английская речь, заставили её отпрянуть в тень гаража, возле которых стояли четыре машины скорой помощи. По брусчатой, выщербленной за время войны, дорожке к воротам двигалась группа людей. Девушке удалось рассмотреть короткие автоматы, чёрный камуфляж и контейнеры белого цвета, которые держали в руках незнакомые, странные солдаты. Сзади семенила грузная фигура, в которой Наташа узнала главного врача госпиталя. Он что-то говорил высокому человеку, замыкавшему шествие. Тот высокомерно кивал, подтверждая, что понимает, о чём его заискивающим тоном просит врач. Тем временем солдаты открыли ворота и начали грузить контейнеры в два больших джипа с работающими моторами. Главный врач неловко приложил ладонь к белой шапочке, венчавшей голову, развернулся и пошёл обратно, а машины тут же уехали, на мгновение ослепив девушку светом узких фар. Дождавшись тишины, Наташа выскользнула из тени. Держась ближе к стенам, она побежала в здание, где пробралась в ординаторскую. Там она увидела молоденькую медсестру, лежащую на диване.

Девицу перевели к ним недавно из Одессы. Настольная лампа с абажуром, накрытым плотной тряпкой, бросала призрачные тени на стопки армейских книжек. Когда скрипнула дверь, дремавшая медсестра в страхе подняла голову.

- Господи! Наташа? Испугала. Где ты была?

- В Караганде, - зло прозвучало в ответ. – Ты, чего здесь делаешь? Твоё место рядом с ранеными.

- Так всему персоналу приказали спрятаться.

- Кто? Зачем?

- Главный врач. Воздушная тревога, говорит.

- Ты слышала сирены в городе?

- Нет.

- Так, какого чёрта?

- Страшно, Наташа. Тут люди ходили по палатам в чёрном. Как ангелы смерти. Санитаров отправили к моргу. Там грузовики стоят с вечера. Мужики трупы пошли грузить, а мы, кто куда попрятались. Да, ты чего взвинченная такая?

- Не твоё дело. И не лезь в душу, ладно. Дай подумать.

Сестра замолчала, всё также с испугом поглядывая на дверь, а Наталья села за стол. Подперев ладонью подбородок, другой рукой она начала машинально перебирать армейские жетоны. Через несколько минут девушка снова собрала жетоны в кучу и поднялась.

- Вставай. Давай диван разложим? Я еле на ногах держусь. Ляжем рядом, теплее будет.

Девушки легли валетом, но сознание Наташи продолжало перебирать в памяти подробности рассказа брошенного во дворе солдата. Она повернулась на другой бок, глядя открытыми глазами на плотное одеяло, закрывающее окно.

- Не спится что-то, - тихо сказала молоденькая медсестра.

- Чёрт! Мне тоже... Странные дела творятся у нас сегодня...

- Ты про Украину?

- И про неё тоже, - проворчала Наташа.

- Знаешь, - нерешительно подхватила медсестра. - Я люблю Украину. Вернее, раньше любила... Впрочем, нет. И сейчас люблю. Ту нормальную, процветавшую когда-то страну, которой она была, которую все помнят до сих пор. Украина для

меня Нэнька, с какой стороны не посмотреть. Я же из Одессы. В этом городе всегда было всё перемешано. В нём жили и живут евреи, русские, греки, украинцы. Есть татары... Всех не сосчитать. Я не говорила на украинском языке, но он мне нравился. Ты слушаешь?

- Слушаю, - подтвердила Наташа. - Мне тоже.

- А я тебе о чём? Одесский говор тем и хорош, что в нём куча самобытных слов на украинском, на русском, на еврейском языках... Когда-то Родиной для нас всех был Советский Союз. Моя бабушка плакала, когда он развалился. Пророчила беды. Я маленькая была, не помню этого, но мама мне рассказывала...

- Не развалился, а развалили, - снова проворчала Наташа.

- Неважно уже, кто виноват в той беде, - затараторила медсестра, словно боялась, что не успеет высказаться. - Что мы, украинцы сейчас имеем вместо Великой страны? Деградацию всего того, что нам досталось в наследство от СССР. Паралич мозгов, казнокрадство, воровство на всех уровнях и войну, которой можно было легко избежать, будь у нас нормальный президент.

- Паралич? - Приподнялась на локте Наташа. - Нет. Здесь другое. Нас опустили ниже плинтуса, девонька моя. Сознательно, целенаправленно. Дураки русские продолжали вкладывать в Украину гигантские бабки. Да и сама наша Нэнька была богаче всех остальных союзных республик, кроме России, Я где-то читала о сорока миллиардах долларов, которые нам дали русские всего за пару лет. Да на эти деньги можно... Я не знаю, что сделать... Американосы, суки... Практичные сволочи. Сами признались, что дали нам всего пять миллиардов, но на другое. На промывание мозгов, на возвращение потомков бандеровцев, бежавших после войны в США и Канаду. Если это не так, скажи...

- Да. Наверно, это правда, - закивала медсестра. - Нам досталось офигенное наследство, которое до сих пор продолжает держать нас на плаву. Мы могли бы стать великими, но этому уже, наверное, не суждено сбыться. Каждая мразь, чуть приблизившись к кормушке, обирала народ до нитки, выпрашивала у Запада кредиты, чтобы следующие поколения украинцев стали должниками. А сами сваливали с этими деньгами за кордон. Один Яйценюк с его забором вдоль границы с Россией, чего стоит. Понятно... Все в мире крадут, но не столько же! У нас в Одессе большинство простых людей еле концы с концами сводят... Скажу тебе одну вещь... Не сдашь меня в СБУ?

- Оксана! На хрена ты мне сдалась? - Усмехнулась в темноте Наташа. - Говори, раз сама затеяла разговор.

- Ну и скажу, - вскочила на колени медсестра. - Я завидую москалям. Повезло им. Вдруг откуда ни возьмись, пришёл умница Путин и всё порешал. А мы ждали, ждали. Но ни фига из этой жданки не вышло. Вместо разумных людей - одни ничтожества у власти. Когда пан Зе соскочил со сцены сразу в кресло президента, я уже знала, что ничего хорошего от него не дождёмся, но ох, как хотелось, чтобы сказка состоялась. Думала, всё будет, как у москалей. Ведь там до Путина было всё то же самое, что и у нас. Воровали не меньше наших. Война с Чечнёй, Ельцин алкоголиком был. Кстати, они с Порошенко чем-то похожи. Оба керосинили, мама не горюй. Потом у нас война началась на Донбассе. А тут — Зеленский. И ростом не вышел, как Путин, и зовут Владимиром. Вот он, думаю, наш мессия! И, шо?

- Шо, шо? А ты, шо? Чем мыслила, когда в бюллетене птицу ставила? Чтобы прикормленный шут Коломойского в Иисуса Христа превратился? Дурой надо быть наивной, - Наташа зевнула и, подражая матери, перекрестила рот.

- Можно подумать ты одна у нас тут умная, - парировала медсестра. - Тоже, наверное, за пана Зе голосовала.

- Да, пошёл он, - рассердилась Наташа. - Сволочь... Знаешь, я часто думаю... Есть у русских поговорка. Каждый народ достоин той власти, которую имеет. Возьми нас... Что мы сделали, чтобы Советский Союз не развалился? Что мы сделали, чтобы подонки, иуды, ранее притворявшиеся коммунистами... Кравчуки, Кучмы, прочая сволота не стали оборотнями?

Ничего. Мы радостно аплодировали предателям, развесив уши, радовались незалежности. Незалежности от кого? От России? Типа — москали всё наше сало съели? Да если хочешь знать, Россия от себя отрывала, годуя с руки пятнадцать дармоедов — республик, а теперь они воротят от России морды, а мы дальше в замес пошли, чтобы вляпаться в это дерьмо, - Наташа перевела дыхание, с опаской посмотрела на дверь и понизила голос дот шёпота.

- Мне дед когда-то говорил, что настоящим коммунистом был Сталин, которого оболгали, назвав кровавым тираном. А он за две пятилетки собрал в единое целое огромную страну, разорённую гражданской войной, сделав её снова великой, возродил промышленность, создал армию, которая победила фашистов. Ты только представь. Какой ценой всё это было сделано. Сколько тяжёлой работы выпало на долю людей.

Каждый человек был на счету, востребован и нужен. Пусть перегибы, пусть репрессии. Но без насилия то, что осталось от Российской империи, в единое целое было не собрать. Слишком многим нравилась анархия и безвластие. А что создали за тридцать лет независимости у нас? Ни-че-го! Разворовали все, до чего могли дотянуться толстые пальцы олигархов. Сделали русских своими врагами. Памятники посносили нашим же предкам, веками обустраивавшим эту землю, поливавшим её своей кровью. Слышала? В твоей Одессе памятник снесли Екатерине Великой. Основательнице города?

- Слышала, - тихо откликнулась Оксана. - Утёрли нос этим москалям, - добавила она горько.

- Только на подлости мы и способны, - махнула рукой Наташа. - А сколько красивых слов сказано на Майдане. Мы самые, самые уникальные, цивилизованные, древнего роду, демократичные и свободные, не рабы на генном уровне. Приймайте нас скорийше до Европы. В кружевных трузерах желаем там по улицам гулять, оперу в Вене будэмо слухать. И, шо? Где она та опера? Тьфу! Жрали печеньки американские на Майдане, и не заметили, что Яйценюки нашу Украину с потрохами продали… Ладно, - Наташа легла поудобнее, подоткнув под себя куртку. – Ну их всех к чёрту… Давай спать. Новый день будет тяжёлым.

Девушки затихли, и осмелевший от тишины сон довольно быстро подарил им желанное забытьё.

Топот ног в коридоре разбудил Наташу. Она быстро поднялась с дивана и не удивившись, что проснулась в одиночестве, подошла к окну, отодвинула в сторону одеяло. На мокрой брусчатке стояло несколько грузовиков. За ними виднелись машины скорой помощи. Санитары грузили в кузова машин носилки, коробки с бинтами, связки самодельных деревянных досточек, используемых в качестве шин при переломах.

В дверь громко постучали. Наташа, обернувшись, увидела скорбное лицо главного врача.

- Ты здесь? Давай, поспешай во двор. Поедешь вместе с санитарами в Лозовую.

- Что случилось?

- Москали обстреляли там железнодорожную станцию.

- Так это от фронта километров сто, - удивилась Наташа. - Если только ракетами. Пострадавших много?

- Откуда я знаю. Угодили прямо в поезд. Забирай три машины. Ты — главная.

- А в какой поезд? - Упавшим голосом спросила побледневшая девушка.

- Какой, какой... Наш воинский поезд. В семь утра вышел из Бахмута. Шёл через Лозовую, Павлоград на Днепр и дальше. Москали угодили прямо в пассажирские вагоны. Их всего три и было. Мне сказали, что один вообще разнесли в щепки...

- Господи! Тот поезд вроде должен был в девять часов утра уйти, - Наташа сорвалась с места, на бегу напяливая куртку.

Разбитая дорога, толчки и тряска на ухабах, блок посты, понурый вид патрулей, встречающихся возле сёл и состоявших преимущественно из бойцов-женщин последней волны мобилизации, не могли отвлечь Наташу от мрачных мыслей.

- Только бы жива была, пусть даже ранена немножко... Да, что же это за война такая? - Шёпотом повторяла девушка, морщась от звуков заунывной песни, которую пел тот самый санитар, отвозивший Ксении конверт с билетом на злополучный поезд.

Колонна автомобилей выбралась на трассу, почти не тронутую войной, и увеличила скорость, включив сирены на машинах скорой помощи. Замелькали указатели километража до Лозовой. И чем ближе продвигалась колонна к месту назначения, тем больше у Наташи болело сердце. Внезапно, словно кто-то толкнул её в спину, Наташа посмотрела на водителя, а потом обернулась к санитару, лежавшему на носилках.

- Что-то я Оксану не заметила, когда собирались. Не видел, куда подевалась?

Санитар смущённо кашлянул в кулак и засуетился, поднимаясь. Через минуту он сидел за спиной девушки, ухватившись за какой-то поручень. Поглядывая на шофёра, санитар зашептал Наташе в ухо:

- Уходить тебе надо, девонька.

- Куда, зачем?

- Тише, не шуми. Смотри на дорогу. Видел я Оксану. Вы же с ней вместе спали в ординаторской?

- И что с того? - девушка снова попыталась обернуться, но солдат не дал ей этого сделать.

- Да, не к тому я... То дело ваше. Но по первой зорьке вышла та Оксана, да прямиком, на цыпках побежала до главного. Он

в своём кабинете ночевал. А я по нужде тогда направился, в смысле — до гальюна… И дуже мне стало любопытно, шо Оксана забыла у нашего главного. Думаю, сральник от меня не уйдёт, ну и подкрался к дверям кабинета, чтобы послухать…

- И, что? - пожала плечами Наташа, освобождаясь от ладоней санитара. - Что главный наш ни одну юбку не пропустит, то все знают.

- А то, девонька, что та сука Оксана стала тебя закладать.

- В каком смысле? - Тихо выдохнула девушка.

- В том самом, - санитар задышал перегаром в самое ухо Наташи. - Зачала передавать главному вашу ночную розмову, базар. Балакала, шо сепаратистка ты конченая, шо любишь москалей, а пуще всех — Путина. Шо Россию кохаешь, як добрая жинка гулящего мужа. Шо Се-Се-Сер — это светлое прошлое, а наша Украина — мрачный, рогульский большой хутор, село, где живут дебилы и ледащее быдло … Далее всё такое разное в том же духе.

- И, что на это главный?

- Шо, шо? Известно шо. Давай кнопы на телефоне тискать, до Службы безпеки звонить. Такая у нас ситуация, мол. Сепарку выявили. Приезжайте одразу, да поховайте бабу в застенок, пока к ворогу не подалась, да не сдала позиции наших захистников в городе.

- А, СБУ что? - Руки Наташи начали непроизвольно дрожать.

- По тому, шо главный повторял за ними, як попугай, зрозумил я, шо зараз им нема часу… Ближе к вечеру заберут тебя, дивчина… Как пить дать, заберут.

- Спасибо тебе, Мыкола Батькович, - повернулась к санитару Наташа, взглянув на водителя, сосредоточенно глядевшего на дорогу. - Руки у тебя аж горячие. Согрел немного, а то озноб прошиб.

- Нема за шо, - снова опустился на носилки санитар. - Зябко ныне, да и ветер встречный во все щели нашей кареты задувает. Мы ж понятливые.

Чем ближе подъезжала к Лозовой маленькая автоколонна, тем сильнее болело у Наташи сердце. Сама станция была оцеплена бойцами территориальной обороны. Небольшие группы местных жителей бродили по площади, переговариваясь с солдатами, собирались в кучки, обсуждая случившееся. По лицам людей что-либо заметить было трудно. Одни смотрели с жадным

любопытством на клубы чёрного дыма, поднимавшегося над зданием вокзала, на десяток машин скорой помощи, возле которых виднелись носилки, накрытые брезентом. Другие о чём-то спорили, показывая руками на Запад. Третьи просто тупо стояли, равнодушно глядя на суету вокруг станции. Из репродукторов на столбах довольно громко звучала траурная музыка. Звуковой фон дополняли далёкие звуки сирен, глухой говор людей, причитания женщин, тарахтение передвижных электрогенераторов и урчание какой-то техники, работавшей за зданием вокзала.

Худой, высокий мужчина в камуфляже с нашивками сержанта и автоматом за спиной бросился наперерез головному автомобилю, в котором ехала Наташа. Девушка открыла окно.

- Вон там ставьте машины. Слева... А я побегу доложу начальству. Откуда вы?

- Из Бахмута, - Наташа выпрыгнула из машины на мостовую. - Убитых много?

- Та вон лежат, - сержант махнул рукой в сторону носилок.

- Гражданские есть? - слабость в ногах заставила девушку опереться рукой о дверцу автомобиля.

- А, як не быть, - сержант поправил ремень автомата, сползающего с плеча, готовясь бежать докладывать начальству. - Там те, кого на площади раскидало взрывами, остальных складывают по ту сторону вокзала, чтобы глаза не мозолили. Лекари уже работают, раненых перевязывают, сортируют. Человек двадцать зараз повезли до госпиталей. Куда вы?

- Пойду посмотрю на тех, убитых, кого сюда вынесли, - Наташа, с тоской оглядев площадь, нашла в себе силы оторваться от грязного кузова кареты скорой помощи. - Николай! - она обернулась к своему санитару. - Ставь машины, где указано, готовьтесь к приёму раненых.

Среди убитых по эту сторону вокзала оказались одни мужчины. У трупа, одетого в старый ватник, не было головы. У троих недоставало конечностей. Изрядно поношенная военная форма, разорванная осколками, перемешалась с кусками плоти. Наташа подавила приступ тошноты и продолжала поднимать куски брезента. Из дюжины убитых девять оказались гражданскими. Среди них маленьким комочком на огромными носилках смотрелся ребёнок лет семи с развороченным животом.

Наташа проглотила комок горечи, мешавший дышать, выпрямилась, поворачиваясь к женщине-санитару, сидевшей

на складном стуле возле убитых. Толстуха самозабвенно, с аппетитом уплетала бутерброд, состоявший из куска чёрного хлеба и приличного ломтя сала. Распахнутый грязный халат поверх камуфляжа открывал нашивку батальона «Кракен».

- Остальных пострадавших видела? Убитые ещё есть? - Спросила Наташа.

- А, шо? - Лениво переспросила санитарка.

- Так видела убитых или нет? - закипавшая в груди ярость мешала Наташе говорить.

- Ну, бачила... И, шо?

- Женщины среди пострадавших есть?

- Може и е. Не считала, - толстуха подняла глаза к небу, картинно вздыхая. - Поисты спокийно не можно. От, люды!

- Слушай, сука, - процедила Наташа сквозь зубы. - Тебе жрать именно сейчас приспичило?

- А у мени роздых зараз, - парировала санитарка, продолжая жевать. - А ты, бачу, местная, з Донбассу. По-мокшански дуже гарно балакаешь. Была бы я охвицером службы безпеки взяла бы тебя под белы, тощи ручонки, да проверила, а чи нема у тэбе родичей в самом Донецке...

- Чтоб тебя разорвало от того сала! - выругалась Наташа и, увидев, как к зданию вокзала подъехали обшарпанные, ржавые машины скорой помощи с харьковскими регистрационным номерами, пошла навстречу показавшемуся со стороны платформ уже знакомому сержанту территориальной обороны.

- Проводите меня к пострадавшим, - попросила она.

- Та сами идить туда. У менэ от погляду на рудые кишки и кровь уже два раза жолудок наизнанку выворачивался. Да ещё та музыка нервы мне треплет... Через главные двери дороги нема. На перроне — завалы. Клумбы бетонные для цветов взрывом повыворачивало, вход завалило. Обогнуть треба будынок справа. Вон, бачите, куда санитыры с мешками для трупов пишлы?

Наташа, смерив сержанта презрительным взглядом, растолкала любопытных, слушавших разговор. Обходя обломки бетона и груды кирпичей, девушка двинулась к железнодорожным путям, осторожно ступая башмаками по штукатурке и битому стеклу. При виде белого халата солдаты, стоявшие в оцеплении, молча расступались. То, что увидела Наташа, поднявшись по остаткам ступеней на перрон, заставило

её замедлить шаг. На третьих по счёту от главной платформы искорёженных рельсах стояли уцелевшие, удерживаемые домкратами, очевидно недавно поднятые, изрешечённые осколками грузовые платформы поезда. Но там, где должна была быть голова состава, на боку валялся электровоз с зияющими рваными дырами на корпусе, и ещё дымящееся нечто, что когда-то являлось пассажирским вагоном. Рядом со зданием вокзала стоял пожарный поезд, автомобильный подъёмный кран, мощные передвижные сварочные аппараты, баллоны с газом и несколько компрессоров, от которых тянулись шланги к сабельным пилам и резакам. Повсюду суетились ремонтные рабочие, люди в военной форме, врачи, облачённые в грязные, испачканные кровью белые халаты. Какие-то люди в чёрной униформе копались в груде чемоданов и узлах. Наташа, прижав руки к груди, массируя ладонью область сердца, и в то же время надеясь на лучшее, не обращая внимания на толчею, на валяющиеся повсюду куски железа, части колёсных пар, на обломки, стальные конструкции, скрученные в самые причудливые формы, медленно шла мимо окровавленных раненых, сидящих на асфальте перрона, к груде неподвижных, окровавленных тел.

- Так это вы из Бахмута? - Офицер с погонами полковника торопливо схватил девушку за рукав бушлата.

- Да, да... Это я, - машинально ответила Наташа, порываясь идти дальше.

- Очень хорошо, - продолжал военный, удерживая руку девушки. - Давайте сюда ваших санитаров. Вон там требуется помощь, - он показал на стонущих людей с перекошенными от боли лицами, сидящих у стены, побитой осколками. - Да, что с вами такое? - Воскликнул офицер, глядя на остановившийся взгляд и бледное лицо Наташи.

- Мне нужно осмотреть убитых, - тихо сказала та, вырывая запястье.

- Да за каким дьяволом они вам сдались? Тут выжившими надо заниматься, а вы, что? Бегом за санитарами и к делу, чёрт вас возьми.

- В этом поезде ехала моя мама! - закричала Наташа, толкая в грудь офицера, преградившего ей дорогу.

- Господи! - Отступил в сторону военный. – А, чего среди раненых сначала не посмотреть?

- Так проще... Мне... Сначала... - Девушка с усилием оторвала взгляд от группы солдат, укладывающих трупы в пластиковые

мешки. - Скажите им, чтобы прекратили.

- Что прекратили? – Полковник растерянно оглянулся

Но Наташа, безнадёжно махнув рукой, снова двинулась к намеченной цели. Нагибаясь, переворачивая женщин, лежащих ничком, а таких было большинство, слегка касаясь тел детей и стариков, она добралась до трупов, уже спрятанных в мешках. Наконец она выпрямилась, облегчённо вздохнула, но тут же слёзы ручьём покатились из глаз. Солдаты, молча провожая странного медика взглядами, тихо переговаривались.

- Ну, что? – Офицер стоял рядом, протягивая Наташе грязный носовой платок.

- Не нашла, - ответила девушка. - Списки раненых есть? Сколько тяжёлых?

- Списки у меня, - полковник полез во внутренний карман бушлата и вынул кипу мятых бумаг. - Почерк моего писаря разберёте?

- Справлюсь. Вы ещё не видели, как пишет наш главный врач, - Наташа устало тыльной стороной ладони откинула выбившиеся из-под заколки волосы, затем начала изучать списки. На бумагу коряво, наспех были нанесены имена пострадавших с паспортными данными. Против некоторых фамилий стояли галочки, а после них знаки плюс или минус.

- Минус — это тяжёлые? - догадалась девушка.

- Точно, - кивнул полковник. - Галочки — это те, кого уже отправили по госпиталям и больницам. Остальные ждут отправки, - военный показал рукой на людей, сидящих и лежавших возле стен вокзала. - В Бахмут десяток возьмёте?

- У меня с транспортом напряг. Только три машины.

- Ничего. У нас тяжёлых девать некуда. Лёгкие подождут. Тут и ехать пара часов, не больше.

- Ладно, - согласилась Наташа, протягивая военному бумаги. – Это, всё?

- Есть ещё список убитых, которых сразу после бомбёжки вывезли отсюда.

- Дайте сюда, - не смотря на крепнувший с каждой минутой холодный ветер, девушке стало жарко.

- Боец мой под копирку писал. СБУ первый экземпляр себе забрала, - полковник держал на вытянутой ладони клочок бумаги, который он вытащил из заднего кармана брюк. - Хорошо

я копию спрятал... Думал, может сгодится для отчётности в МЧС.

Наташа, торопливо схватив мятый лист бумаги, впилась глазами в корявые строки. Имя и фамилию матери она нашла в самом конце списка.

Сердце гулко ударило в грудь, рождая боль под левой лопаткой. Наташа открытом ртом жадно схватила холодный воздух и стала валиться назад, теряя сознание.

Сколько времени длилось беспамятство она не знала и пришла в себя от резкого запаха нашатырного спирта. Девушка отвернулась, отвела от лица чью-то руку, тряхнула головой. Рядом поднимался с колен полковник, отталкивая в сторону кого-то, в чьих руках была бутылка и кусок ваты.

- Слава Богу, - скороговоркой бубнил военный, пытаясь вытащить из крепко сжатого кулака девушки клочок бумаги. - Вы — в порядке? А то, затылком о железку крепко приложились.

Наташа тем же сжатым кулаком, в котором был список, провела по волосам, попыталась подняться.

- Лежите. Я за вашим санитаром бойца послал. Господи! Вот беда, - причитал полковник.

- Я — в норме, - тихо, монотонно сказала девушка, усаживаясь удобнее. - Сердце только болит, и голова кружится.

- Прикажу вам валерьянки накапать, - спохватился офицер, ощупывая затылок Наташи. - Волосы у вас густые и кость крепкая. Шишка будет, но крови нет. Вы списочек-то мне дайте.

Он забрал бумагу, затем спрятал её в том же заднем кармане.

- Ничего. Всё образуется... Я же понимаю... Мама ваша... Вы держитесь. Война. Ох, проклятая. Надоела. Когда только кончится? На пенсию бы скорее. Сколько смертей, сколько смертей. У меня тоже сына под Херсоном...

Полковник, не договорив, безнадёжно, вяло ударил себя по щеке.

- Мог бы откупить его у военкома, да денег не хватило. Ставки растут день ото дня.

Наташа снова нашла опору спине в виде стены и тихо спросила, вытирая слёзы, непроизвольно текущие из глаз:

- Куда их отвезли? Я маму заберу... Похоронить...

- Знаешь, девонька, - полковник примостился рядом, наблюдая за работой спасателей и санитаров. - Странно всё это.

- Что странно?

- Да всё, - военный повертел головой из стороны в сторону. - Смотри. На путях, кроме этого поезда составов больше нет. Обычно здесь все пути забиты. Товарняки, цистерны с горючим, платформы с техникой... Какую в ремонт везут, какую — на передок. Железнодорожники говорят, что приказ был... Ещё затемно всё начали растаскивать по дальним тупикам и на перегоны. А поезд ваш почему-то держали часа полтора у главной платформы. Дежурный начальник станции бегал и предупреждал пассажиров, что вот-вот состав отправят, а поезд всё стоял и стоял до самого удара. И ещё... Грузовые вагоны в том поезде оказались пустыми. Ни техники, ни личного состава. Не странно ли? За каким чёртом их прицепили к составу? Когда наших бойцов по тревоге подняли для ликвидации последствий... Тут уже эсбеушников человек двадцать бегало, словно ждали где-то неподалёку. Все в чинах не ниже капитана. Подогнали грузовики, стали путейских «нагибать», чтобы обломки прилетевших бомб скорее вывезти. Даже машины эти что-то быстро приехали. Странно всё это. А тут один мой боец... После ранения и плена его в нашу часть перевели. Так он подошёл до меня и говорит: «Подозрительно. По хвостовикам ракет, по воронкам видно, что прилёты были с Запада.» Однако, в той стороне русских нет и таких ракет, говорит, у москалей тоже нет. А ещё Служба безпеки съёмку тут вела профессиональными камерами, кино делали. Трупы, дыры в вагонах и всё такое. А один, штатский в микрофон что-то тараторил. Вот я и думаю... Может, тут дело нечистое?

- Сволочи, - тихо сказала Наташа, с трудом вставая.

- Чего? - полковник приложил ладонь к уху. - Шумно здесь...

- Спрашиваю, куда маму мою отправили с остальными? Где тут у вас морг?

- В том-то и дело, - опустил глаза военный. - Мы двухсотых по моргам возим... Я тоже у СБУ спросил, в каком морге люди будут своих родных искать, а он мне - «Не твоё собачье дело». Чего тебе? - Полковник повернулся к подошедшему ближе солдату, который уже минуты три крутился рядом, покуривая сигарету и пряча по привычке курево в рукав бушлата.

- Если вы про первую партию двухсотых... Звиняйте, слышал часть вашей розмовы... Если интересно, конечно...

- Говори, - разрешил бойцу полковник.

- Утром, когда тут ещё СБУ всем заправляло, перекинулся я парой слов с водилой грузовика, в кузов которого первые трупы совали. Так он сказал, что двухсотые ещё пригодятся. Артистами поработают в другом месте, а после сожгут их в передвижном крематории под Днепром. Типа — зря, что ли немцы морозилки, да печи нам прислали.

- Суки! – хрипло, с надрывом выкрикнула Наташа.

Заметив спешившего к ней санитара из Бахмута, приказала ему. - Николай! Бросай всё к чёртовой матери. Поехали.

Девушка неуверенной походкой, держась за стену, переступая через обломки, двинулась вдоль здания вокзала.

- Куда вы? - Бросился вслед за ней полковник.

- Сволочи! Убью! Первого, кто под руку попадётся.

- Тише, девонька, тише, - Николай вместе с бойцом МЧС обхватили яростно вырывавшуюся Наташу с двух сторон, а полковник заступил дорогу.

- Остынь! Себя погубишь, и нас заодно, чтобы языками не трепали... А мать уже не вернёшь.

Девушка неожиданно забилась в судорогах, а через мгновение обмякла в руках солдат, снова потеряв сознание.

- Тебя Николай зовут? - Полковник тронул за плечо санитара, оглядываясь на суету возле разбитых вагонов. - Увози её отсюда к чёрту от греха подальше. И без её истерик тошно.

- А раненые?

- У вас — три машины?

- Так точно.

- Две с персоналом пускай остаются, а её увози...

Наташа очнулась от тряски и от боли в руках. Она с трудом подняла голову, пытаясь осознать, где она и что с ней. Через минуту ей стало понятно, что она лежит на носилках в салоне скорой помощи, пристёгнутая ремнями. Машину на ухабе снова качнуло из стороны в сторону. Девушка ударилась левым виском о баллон с кислородом, закреплённый в изголовье.

- Боже мой, - прошептала Наташа, морщась от боли. - Николай... Николай! - повторила она громче, выгибая тело и пытаясь найти взглядом лицо санитара.

- Шо?

- Почему я связана? Что случилось, и где мы?

Гул двигателя стал тише, машина постепенно замедлила ход, затем остановилась. К Наташе, переступая через запасное колесо и пустые коробки, протиснулся Николай.

- А то вы не помните? - Сказал он, присаживаясь на откидное сиденье у боковой двери. - Очухались? Вот и добре. Вы там на станции такое устроили... Два раза в обморок падали.

- Да, да... Припоминаю, - Наташа устало закрыла глаза. - А, куда мы едем?

- Я в горячке сначала на Бахмут повернул, а потом передумал.

- Расстегни ремни, - жалобным голосом попросила девушка, вращая кистями рук. - Больно же.

- А вырываться, чтобы вашу мамо шукать, не станете?

Наташа медленно повернула голову, сфокусировав взгляд на лице солдата.

- Бесполезно, наверное? – После долгого молчания спросила она тонким голосом, полным тоски.

- И полковник то самое балакал. Искать тот крематорий себе дороже выйдет, да и поздно уже... Я думаю, шо, если там всем СБУ заправляло, то они могут нас так само живыми в печь засунуть. Им свидетели не нужны...

- О чём ты?

- Так уже давно слух есть между солдатами... Шоб не платить семьям наших захистников за погибель, объявляют их пропавшими. А, которых найдут в поле, таких тайно жгут. От, чёртовы сыны, та власть клятая.

- Расстегни ремни, - снова попросила Наташа.

- Погодьте трохи, - Николай, неловко повернувшись, посмотрел вперёд через лобовое стекло. - Тут блокпостов по дороге на Днепр, словно грибов летом после дождя. Вы у меня на носилках — добрый пропуск. А в беспамятстве — просто клад. Ранили, балакаю, врача нашего в Лозовой... Они заглянут в салон и кажут, вези, мол, докторшу дальше. Про Лозовую уже все слышали. Из каждого утюга про него балакают. Москали, русня, зверь Путин и всё такое.

- А почему мы в Днепропетровск едем?

- Так Днепр мисто великое. И магазины мабуть е. Одежду цивильную купим, переоденемся, на дно заляжем. Переждём

трохи.

Наташа запрокинула голову, чтобы поймать бегающий взгляд санитара.

- Так ты тоже решил, что с тебя хватит?

- Давно уже. Почти с того самого дня, как вы у нас в госпитале появились. Да и вообще... Того гляди баб немощных в санитары определят, а нас, мужиков на фронт отправят. Им же, сволочам киевским мясо в окопах треба. Дулю им с маком.

- Ремни чуть ослабь, - жалобно попросила девушка, пытаясь поднять руки.

- Тормозну, свалитесь. Потерпить трохи. Выскочим на трассу, пересажу вас наперёд. А пока лежите смирненько. Да и время уже — седьмой час. Ночь близко... Нам бы к рассвету до Днепра добраться

Санитар, решив, что сказано достаточно, перелез на водительское сиденье и запустил двигатель.

Наташа снова устало закрыла веки... Но сознание рисовало, то чёрные мешки с трупами, лежавшими на перроне, то грустную, всё понимающую улыбку матери...

- Ничего, доча... Всё пройдёт зимой холодной, всё пройдёт. Поспи, родная. Худая такая сделалась, аж светишься... Ничего не кушаешь, не пьёшь... Всё работа у тебя на первом месте... Баю, баю... Не ложися с краю...

Девушку разбудил визг тормозов. Она снова больно ударилась виском о газовый баллон и разлепила слипшиеся от слёз ресницы. Через закрашенные белой краской стёкла пробивался свет, но было заметно, что снаружи уже воцарились сумерки. Кто-то с сильным польским акцентом разговаривал через открытое окно водительской двери с Николаем.

- Цо? Дэзертирами естешьче? А ну, пшёл на двор с авто!

- Так, панове, офицеры...

Заискивающие нотки в торопливом потоке объяснений Николая прервал тот же голос.

- Кто ещче ест в самоходе?

Боковая дверь машины неожиданно распахнулась. Наташу ослепил яркий свет фонаря. Она, непроизвольно дёрнув головой, отвернулась. Едва державшаяся на голове заколка освободила русые волосы, в которых спряталось лицо девушки.

- О, матка бозка! Забачьте паны, кого цей чубатый тут ховае. Для чего пан звязал дивчину?

- Так, это, - забубнил санитар. - Дохтуршу везу в Днепр. Контузило её в Лозовой. Може, слышали, шо там москали потяг цивильный разбомбовали?

- Москали? Ха-ха.

Рука в перчатке схватила Наташу за шею, разворачивая голову девушки к свету. Луч долго светил ей в лицо, а потом скользнул дальше в салон машины. Теперь Наташа могла рассмотреть трёх военных с автоматами наизготовку, натовскую экипировку, рассеянный свет ещё двух фонарей, нашивки на рукавах, где ясно виднелся польский флаг, шевроны ВСУ и какого-то подразделения Войска польского.

- Прошу паньство! - Воскликнул солдат, снова переводя свет фонаря на лицо Наташи. - А доктор твой — краса, руса коса. А, для че'го она — в путах.

- Так балакую вам, паны. Контужена лекарь в Лозовой.

- Не подоба ще. Не похоже на контузию, - вмешался второй наёмник, отодвигая плечом в сторону своего товарища. - Очи ясные у дивчины, лик светлый.

Третий, высокого роста солдат, жадно смотрел поверх голов остальных на грудь Наташи, поднимающую ткань кителя в прерывистом дыхании.

Дальше весь разговор между наёмниками шёл на польском языке.

- Я же говорил тебе, Яцек, что мне всегда везёт. Я баб за сто километров чую. Если приспичит, то добыча сам плывёт в руки. Говорил?

- Говорил. Я тоже баб давно не щупал. Не зря мы тут торчали. Марек, который час?

- Половина пятого. До рассвета время есть.

- Тогда тащи её из машины.

- Зачем? Внутри чисто, да и удобно. К тому же этот идиот всё сделал для нас. Уложил и связал. Кто первый? Он, наверное, сам хотел докторшей попользоваться.

- Пусть Станислав первым лезет на неё. Снимай штаны, солдат, а мы подержим её, чтобы не брыкалась. Лично я предпочитаю быть последним. У меня болт больше. Он не для сухой щёлки. После вас баба расслабится, смазка будет лучше.

Наёмники один за другим полезли в машину. То, что произошло дальше было неожиданным, жестоким, быстрым и страшным. Блеснуло, занесённое для удара, лезвие сапёрной лопатки, которая до этой минуты была закреплена с тыльной стороны пассажирского сиденья. Сталь с хрустом раскроила череп одному из поляков. Сильной рукой санитара обмякшее тело тут же было отброшено назад. Один из наёмников стал неловко поворачиваться в тесноте кабины, но автомат убитого поляка уже был в руках Николая. Оружие плюнуло огнём в грудь второму наёмнику. Ответный одиночный выстрел пистолета Станислава, стоявшего на коленях в ногах у Наташи, попал санитару в плечо, но тот, разворачиваясь и оседая на асфальт, продолжал держать палец на спусковом крючке. Длинная очередь прошла над телом оцепеневшей, испуганно закрывшей глаза девушки, кроша всё на своём пути и заполняя салон машины пороховыми газами. В наступившей тишине стало слышно шарканье каблуков опускающегося на пол смертельно раненого Станислава и звон перекатывающихся под судорожно дёргающимися ногами наёмника пустых автоматных гильз. Наташа открыла глаза. Тяжело дыша от страха и выплеска адреналина, девушка стала искать взглядом фигуру Николая. Тот сидел на обочине, выронив из рук автомат и опустив голову. Рядом валялись тела двух поляков. Станислав с хрипом, протяжными всхлипами шумно втягивал открытым ртом воздух, насыщенный сгоревшим порохом. Валяющийся в ногах Наташи фонарь освещал бледное, перекошенное судорогой лицо наёмника, огромные чёрные неподвижные глаза и дымящиеся дыры на груди там, куда попали пули. Девушка в панике стала дёргаться всем телом, стараясь освободиться. После серии неудачных попыток, отчаянный, на пределе сил рывок заставил одну из пряжек поддаться. Ремень ослаб, и Наташа высвободила правую руку. Через пару минут она уже стояла на коленях рядом с Николаем, гладя того по лицу и приговаривая.

- Дыши, смотри на меня. Дыши. Я сейчас...

Девушка, быстро поднявшись, рванулась снова к машине, но вспомнила, что все перевязочные материалы, оборудование и прочие вещи, необходимые при ранениях, оставлены в Лозовой. Она медленно вернулась к санитару. Схватив его за воротник бушлата, попыталась поднять.

- Помоги мне, чёрт тебя возьми. Сейчас погрузим тебя и отвезём в какую-нибудь больницу... Давай, давай, поднимайся.

Скрюченные, окровавленные пальцы санитара слабо обхватили её запястья.

- Брось! – Николай, запрокинув голову, часто задышал, выплёвывая на подбородок густую кровавую слюну. - Брось... Не стоит... Мне — кранты.

- Перестань, - Наташа безуспешно пыталась поставить на ноги солдата. - Не говори ничего. Лучше помоги.

- Нет. Распах... Буш...

- Что? - Наташа осторожно опустила Николая на землю. - Громче.

- Не могу дыш... Бушлат, говорю...

Девушка рванула отвороты бушлата, распустила ремень на поясе санитара, потом начала расстёгивать влажный от крови китель.

- Сейчас, сейчас... Подожди. Фонарь принесу, - она аккуратно опустила тело Николая на землю и метнулась к машине за фонариком.

Когда она вернулась, луч света выхватил из темноты лежавшего ничком санитара.

- Господи! - тонко, по-бабьи жалостливо воскликнула Наташа, рывком переворачивая Николая лицом к себе.

- Спа... Больно... Хоть звёзды уви... напослед... Прости...

Девушка, подсвечивая фонарём, принялась осматривать раны на груди солдата. Через пару мгновений она осознала, что уже ничем не может помочь своему спасителю. Из дыры под левой ключицей медленно, редкими толчками вместе с жизнью вытекала, словно лава из крохотного вулкана, густая кровь. Ещё два пулевых отверстия на животе подсказали ей, что разорваны печень и повреждён желудок.

- Что? Не расслышала, - Наташа прислонила ухо к губам Николая.

- Нра... Ты мне... С того самого д... Дня... Думал, уедем куда... Заживём раз... Разом. Не сложилось.

- Ты мне тоже нравился... Нравишься, - поправила себя девушка. - Прости меня тоже...

- Нема... За шо...

Через минуту Наташа уже плакала, держа на весу голову затихшего санитара. Рассудок словно выключился. Она почти не воспринимала окружающую её действительность. Далёкий гул автомобильного мотора вернул девушку в реальность. Она

подняла голову. Мимо медленно проехал легковой автомобиль. В боковом окне мелькнуло чьё-то испуганное лицо, скупо освещённое лампами приборной доски. Наташа хотела позвать на помощь. Но водитель машины отвернулся, сосредоточив всё внимание на дороге. Автомобиль, быстро набрав скорость, скрылся в полумраке. Девушка проводила взглядом оранжевые габаритные огни, но тут же заметила очертания большого внедорожника, стоявшего впереди по ходу движения.

- Господи! - прошептала она. - Да, что же я делаю? Совсем разума лишилась. Уходить нужно отсюда.

Наташа вновь посмотрела на чёрную ленту шоссе, потом — на мёртвые тела и снова — на тёмный силуэт внедорожника.

«Что за дорога? Где мы сейчас? - Подумала она, поднимаясь на ноги. - Нужно оттащить мёртвых в кювет... А, Николай?»

Девушка чувствовала себя совершенно разбитой. Но чувство благодарности заставили её приподнять санитара под мышки, чтобы попытаться затащить труп на пассажирское сиденье автомобиля Скорой помощи. С огромными усилиями ей удалось это сделать, промучившись с ногами Николая добрых пять минут. Колени Николая отказывались гнуться, а широкое пространство кабины не давало возможности придать телу вертикальное положение. Захлопнув правую дверь, Наташа уже хотела сесть за руль, но вспомнила о наёмнике в задней части салона. Собрав последние силы, она вытащила убитого поляка через заднюю дверь на дорогу. Оказавшись в кресле водителя, Наташа посмотрела на пристёгнутого санитара, приподняла поникшую голову мертвеца и опустила её на подголовник. Потом протянула руку к замку зажигания, тут же осознав, что ключа в нём нет. Поиски в карманах Николая и вокруг машины при помощи фонаря оказались тщетными. Наташа снова уселась за руль, спрятала лицо в ладонях, отчаянно соображая, что делать дальше.

- Слава Богу, на шоссе никого нет... Война. Проклятая война... Думай, девонька, думай...

Она выпрямилась, глядя прямо перед собой, вспоминая, какими способами можно запустить двигатель. Силуэт внедорожника, стоявшего впереди назойливо лез в глаза.

- Это - Хаммер, тачка поляков... Нет? Вроде похоже.

Наташа вылезла из машины и пошла к тёмному силуэту. Впереди на обочине стоял японский армейский джип Тойота Мега Круизер 75 с кузовом, затянутым брезентом. На переднем бампере виднелись странные регистрационные номера. Такие

выдавали для машин воинских частей «Иностранного легиона Украины». Девушка открыла заляпанную грязью дверь. В салоне тут же вспыхнул свет. На приборной доске сверху валялся чёрного цвета брелок дистанционного включения двигателя. Кнопка запуска нашлась справа от руля. Наташа уселась на сиденье водителя, которое оказалось ей по росту. Ноги свободно доставали до педалей. Она запустила мотор, которой сыто заурчал на малых оборотах. Стрелка уровня топлива показывала почти полный бак. Девушка опустила боковое стекло и посмотрела назад. Машина скорой помощи сиротливо стояла на обочине. Рядом виднелись трупы убитых наёмников. Девушка передвинула селектор передачи в положение «драйв», но тут же вернула рычаг в исходное состояние, устало положив голову на руки, державшие рулевое колесо. Отчаянное положение, в котором она оказалась, постепенно погружало рассудок в состояние прострации и неуверенности в действиях. Наташа совершенно не представляла, что делать дальше и куда ехать.

«Думай, дивчина, думай», - эти слова она услышала будто со стороны.

Наташа испуганно оглянулась на труп санитара, едва заметный через лобовое стекло машины скорой помощи.

- Чёрт! - отчаянно воскликнула девушка, лихорадочно перебирая в уме варианты своих дальнейших действий.

Она снова вылезла из джипа, чтобы оглядеться. Мимо на высокой скорости пролетела заляпанная грязью иномарка.

- Чёрт! - снова повторила Наташа, усаживаясь обратно в машину.

Включив заднюю передачу, девушка подогнала джип вплотную к мёртвым наёмникам. Она потратила добрую половину часа и остаток сил, чтобы затащить трупы в кузов Тойоты. Побросав туда же оружие, она закрыла опасный груз брезентом, в последний раз посмотрела на силуэт мёртвого санитара в машине Скорой помощи и совершенно опустошённой снова села за руль внедорожника. Нога неуверенно нажала на педаль акселератора. Джип, прокрутив в холостую задними колёсами по грязи, двинулся вперёд.

Через пару километров, перевалив вершину холма, Наташа заметила вдали цепочку фонарей и свет рекламы автомобильной заправки. Резко затормозив, девушка съехала на обочину, потом загнала машину в кусты. Судя по стрелкам хронометра на приборной доске, до рассвета оставалось четыре часа. Опустив

до отказа сиденье, Наташа устроилась поудобнее и сразу же провалилась в сон.

Её разбудил солнечный свет, бивший в лобовое стекло, и близкий рёв двигателей. Девушка испуганно привела сиденье в нужное положение, после чего посмотрела в зеркало заднего вида. По дороге, рядом с которой она спрятала джип, по направлению к далёкому перекрёстку двигалась небольшая колонна военных грузовиков. Дождавшись, когда мимо проедет последний, Наташа вывела свою машину из кустов. Соблюдая приличную, Тойота двинулась в том же направлении. На развилке колона повернула налево. Бросился в глаза дорожный указатель со стрелкой и названием города. Девушка, не теряя из вида грузовики, повернула вслед за ними.

В этот день… Впрочем, таких дней становилось всё больше… В этот день Алёхин проснулся раньше обычного. За окнами царили сумерки. Лишь скудный свет уличных фонарей, большая часть которых давно уже не работала, подсказывал, что до рассвета ещё далеко. Александр вернул к жизни свой смартфон, чтобы определиться со временем.

- Зараза! - выругался Алёхин.

Часы показывали пять утра, однако на иконке СМС сообщений светилась красная точка. Алексей открыл ленту сообщений и прочёл следующее: «Майору Волкову в 10.00 явиться в приёмную генерала Лазутиной Ю.В.»

«Да, чтоб их разорвало! Нашли способ, дебилы. Что за срочность? Может, война кончилась?», - тяжело вздохнул Александр, возвращая смартфон прикроватной тумбочке. У капитана ещё было время поразмыслить о причинах и последствиях этого приказа, но после пяти минут выстраивания вариантов по степени угроз, он, снова выругавшись, встал с кровати. Включив ноутбук, капитан перебрался за письменный стол. Экран с заставкой в виде песчаной пустыни действовал успокаивающе, помогая думать. Лазейкой, присланной ему Атласом, которая позволяла на серверах Службы внешней разведки связываться с Иваном Матвеевичем, Алёхин до сей поры не решился воспользоваться. Планшет, купленный, согласно инструкции хакера, был разбит сразу после скачивания программы и выброшен в мусорный бак на другом конце Киева. Софт Алёхин перенёс на флешку, сразу же спрятав её в тайник.

СМС от Лазутиной застало его врасплох. Ничего хорошего от визита к генеральше он не ждал, а потому просчитывать

варианты не имело смысла тем более, что пани Юлия, судя по сплетням среди офицеров СБУ, была злопамятной, коварной стервой. Гораздо больше Алёхина беспокоило навязчиво - опасное внимание полковника Адамса. Чего в этой навязчивости было больше — покровительственного снобизма, профессионального интереса, желания совершенствоваться в русском языке или выстраивания предпосылок для перевербовки, Александр не знал, но приходилось держаться настороже. Тем более, что полковник всё теснее привязывал своего подопечного к себе через майора Гастингса, нового офицера из среды британских советников. Две недели назад полковник в офицерской столовой СБУ подошёл к Алёхину вместе с британцем, а вечером они вместе прикатили на квартиру к Александру, где распили бутылку виски. Гастингс очень чисто говорил на русском языке, что являлось среди иностранцев на Украине редкостью, и удивил Алёхина вольнодумием, близким к радикальным идеям неоконсерватизма. Три дня назад майор пригласил Алёхина к себе на квартиру в правительственном квартале Киева, которую занимал на пару с ещё одним британским офицером.

- Это - ваши книги? - Удивился Александр, оглядывая длинный ряд шкафов со стеклянными дверцами и богатую обстановку помещения, где стояли удобные кресла с обивкой из гобелена, висели картины, написанные маслом и хрустальные люстры.

- До войны здесь жил профессор, - усмехнулся Гастингс. - То ли философии, то ли медицины. Точно не знаю. Не спрашивайте куда он делся. Судя по корешкам книг, хозяин квартиры был фанатом русской словесности, знатоком русских философских течений прошлого.

- Разрешите? - Алёхин открыл один из шкафов.

- Надо же. Достоевский, Толстой, Чернышевский, Бердяев, Тихомиров, Кропоткин, Гумилёв... А это, кто? Николай Лосский? Не слышал. Антиквариат, однако. Редкое издание, судя по переплёту...

- Не слышали о Лосском? - удивился Гастингс. - Николай Лосский. Философ и учёный со своим оригинальным взглядом на эту чёртову жизнь. В своё время был исключён из русской гимназии за пропаганду атеизма, много странствовал. В конечном итоге пришёл к православному христианству. Кстати... Одно время служил во Французском иностранном легионе...

- Неожиданно! И, в чём состоит его учение? - С внутренним стыдом спросил Александр.

- Долго рассказывать, - махнул рукой майор. - Если

коротко...Он называл свои философские открытия идеал-реализмом, полагая, что весь мир — это единое целое, не смотря на границы, государства и нации. А человек, как органическая часть этого мира, не должен вмешиваться в ход истории, менять мир сообразно своему разумению, а лишь созерцать реальность в её неприкосновенной подлинности.

- Даже так? - рассеянно пробормотал Алёхин, отмечая, что на книгах нет пыли.

Было видно, что ими часто пользовались.

- Жаль, что у человечества в отношении мира — другая точка зрения, - добавил Александр.

- Себялюбцы, - ответил майор.

- Что? - не понял Алёхин.

- «Зло, царящее в нашей жизни, может наносить ущерб лишь тем личностям, которые запятнаны виною себялюбия».

- Только не говорите мне, что вы сами это придумали, - Алёхин почувствовал в своей душе растущую неприязнь к англичанину.

- Эти слова написал когда-то сам Лосский, чью книгу вы держите в руках, - с видимым удовольствием парировал Гастингс.

- Разве англичане сами не разносили зло по всему миру? - Не удержался Александр.

- А разве Путин на Украине не занят тем же самым? - Не остался в долгу майор.

- Может и так, - Алёхин уже пожалел, что дал втянуть себя в опасный разговор. - Но многие из офицеров нашего управления, у кого сохранилось критическое мышление в остатках мозгов, считают, что агрессия со стороны России — ответная реакция Путина на эскалацию гражданской войны, спровоцированной в этой стране вами, британцами...

- Что подтверждает мнение полковника Адамса о Путине, - перебил собеседника майор Гастингс. - Путин не стратег. Он — хороший тактик, реагирующий на возникающие угрозы по мере их поступления.

- Чтобы играть в долгую, как американцы, Путину нужна вся полнота информации по многим направлениям. У него нет натовских возможностей разведки, новых технологий обработки данных и цифровых систем фундаментального анализа. Разве

не так? - Александр решил польстить британцу и перевести разговор в безопасное русло.

- Вам виднее, - ухмыльнулся англичанин. - Вы же перебежчик. Но в целом я с вами согласен. Если говорить о начале вторжения Путина, то последующий вывод российских войск из северных областей Украины, был итогом просчётов и самонадеянности российского военного командования и русской военной разведки. Но в первую очередь ваше бегство из северной Украины явилось результатом ошибочных политических решений. На первом этапе путинская операция задумывалась, как пиар-акция по образу и подобию немецкого Блицкрига. Она удалась на начальном этапе, а затем перешла в стадию стагнации по многим причинам, в числе которых были ошибочная оценка боеспособности украинской армии, размеров помощи стран НАТО, и решимость президента Байдена всё время повышать ставки. Также свою роль сыграли стратегические и тактические просчёты в подготовке всей операции, включая неверный анализ внутриполитической ситуации на Украине со стороны служб внешней и военной разведок русских. Сыграли роль напрасные надежды на содействие украинских политиков и представителей бизнеса, связанных с Россией. Но самое главное... Режиму Путина нужна была быстрая, решительная и окончательная победа над Зеленским. Вся последующая, так называемая «перегруппировка» российских войск в Харьковской области, оставление ряда городов вблизи русских границ подтвердила фатальные провалы в управлении войсками, логистике, планировании боевых операций с утратой инициативы и переходом к обороне на ряде значимых направлений. Или я не прав?

- Наверное так и есть, - кивнул Алёхин. - Лично я считаю, что оставление Херсона и почти всей части левобережной Украины — это политическое поражение не только российской армии, но и всей системы путинской власти с вытекающими последствиями: потеря имиджа, утрата доверия в способности русских защищать не только свои территории, но и донецких коллаборационистов, не говоря уже о падении уважения к московскому диктатору на международной арене. Огромный, ужасный бурый медведь на самом деле оказался плюшевым мишкой с гнилыми зубами. К этому позору, иначе утрату Херсона не назовёшь, прибавилась череда последующих унижений: подрыв Крымского моста, газопроводов «Северный поток», атака беспилотников на Крым и Севастополь. Все эти события должны развенчать в глазах простых русских, а также промосковски настроенных украинцев образ Путина, как дальновидного, умного стратега, геополитического

игрока, просчитывающего партию на десятки ходов вперёд. Пиар в пользу президента, которым занимались кремлёвские пропагандисты, потерпел фиаско...

Алёхин понимал, что если он в разговоре с этим умным британцем не даст объективную оценку результатам боевых действий на первом этапе войны, то завоевать доверие майора не получится.

- В точку! - Воскликнул Гастингс. - Мы увидели перед собой маленького, растерянного человека, у которого нет мужества сказать своим согражданам правду о собственной недальновидности, о своих ошибках и просчётах. Надувая щёки, говорить, что «мы ещё не начинали» звучит довольно жалко. Он также не может сказать правду о всех договорённостях, которые были между Ельциным и американцами, Чубайсом и кланом олигархов, когда выбирали Ельцину преемника. Старая коммунистическая система власти выполнила свою задачу. Она сделала самое главное. Развалила Советский Союз, дав шанс партийной верхушке занять вакантные места в пирамиде управления, а приближённым Ельцина обзавестись собственностью. Нами же новому «правителю» России была уготована особая роль, в чём-то похожая на роль Горбачёва. Но, если при Горбачёве была имитация «Перестройки», то здесь — имитация демократии, имитация «возрождения Великой России».

- Почему этот процесс оказался таким растянутым во времени? - смиренно спросил Алёхин. – Любые реформы должны проводиться решительно и быстро.

- Всё очень просто, - Гастингс похлопал Александра по плечу. - Мы опасались непредсказуемых последствий быстрого развала с разделом ядерной страны на части. Были живы люди старой закалки, воспитанные на коммунистических идеалах: генералы, служившие под началом Рокоссовского и Устинова, менеджмент оборонных заводов, генеральные конструкторы, учёные из народа, создавшие ядерный щит и образцы вооружений того времени, которыми, кстати, сегодня всё ещё пользуется российская армия. Старшее поколение большевиков было, как говорят русские, подковано теоретически. Они изучали Маркса, труды Ленина, зубрили «Капитал», фанатично мечтали о мировой революции, строили планы окончательного слома капиталистической системы. В этом была их сила. Следующее поколение коммунистов теоретически оказалось менее подготовленным по объективным причинам. Люди были заняты практической работой, строительством социализма. Марксизм изучали по брошюрам и лекциям.

Брежневская элита уже воспитывалось на фельетонах и статьях газеты «Правда». У них не было глубоких знаний основ экономики и государственного строительства. Сегодняшним олигархам, всем остальным русским достаточно Википедии, Фейсбука и Ютуба. Поэтому нельзя было ломать через колено то, советское, патриотическое, «железное» поколение, полное достоинства и понятий о чести, Родине, долге. Мы боялись социального взрыва, бунта, анархии в стране, обладавшей ядерным оружием. Поэтому был разработан план постепенного уничтожения России за ширмой демократических реформ, разговоров о великом будущем страны и прочей словесной эквилибристики. Тридцать лет правления Путина — это запущенный нами процесс создания олигархической системы власти, движения в сторону сырьевой экономики, постепенного разрушения советского наследия в сфере технологий, военно-промышленного комплекса, сокращения армии и дальнейшей духовной деградации ваших граждан. Мы запустили в России формирование общества потребления, которому вскоре будет наплевать на суверенитет страны...

- Мне кажется, что вы переоценили свои возможности, недооценив Путина. Удивительное преображение путинской армии – неприятное для вас открытие, - перебил британца Алёхин, - Слава Богу, не американцы страдают от ракетных ударов по городам Украины. Не британские войска с трудом выживают на поле боя... Но это пока.

Майор, усаживаясь в кресло, продолжал улыбаться.

- Так называемая путинская реформа русской армии — сплошное пропагандистское шоу. Нет никакой современной армии номер один в Европе. Есть отдельные воинские соединения, предназначенные для проведения помпезных парадов и «успешных» учений. Есть отдельные виды оружия для «показательных» стрельб, пусков и демонстраций. Современная, высокотехнологичная, прекрасно экипированная, вооружённая российская армия существует только на бумаге в отчётах чиновников высокого ранга из Министерства российской обороны. Военные действия на Украине показывают превосходство НАТО во всех аспектах ведения боевых действий: в системах разведки, планирования, управления, связи, дальнобойной артиллерии, оперативно-тактических ракетах и далее по списку. Чем сейчас занимается Путин? Как лидер страны, ведущей войну, абсолютно ничем. Пустые слова, публичные рассуждения, надоевшие даже собственному народу. Он рассказывает об уникальной цивилизационной роли России, о близком крахе однополярного мира, о «новом» мироустройстве. Ни слова

о реальном положении дел на фронтах, о дипломатических провалах, о неотложных мерах в экономике, которая почему-то оказалась не готовой к войне. Путин бросает в зону боевых действий сорокалетних, пятидесятилетних резервистов, чтобы уничтожить тех людей, которые с молоком матери впитали в себя настоящую любовь к России, помнят рассказы дедов о войне с германским фашизмом, стоившей русским двадцати миллионов погибших. Ему крайне важно после завершения боевых действий остаться с поколением тик-токеров и офисного планктона, которые легко примут поражение страны вместе с системой западных ценностей. Вот, что такое Путин, - Гастингс довольно хлопнул себя по коленке.

- Ваши откровения я рассматриваю, как признание, что Путин — засланный вами в Россию казачок? - спросил Алёхин, усаживаясь напротив британца.

Заметив растерянность на лице англичанина, Александр пояснил смысл фразы.

Гастингс улыбнулся. Достав из нагрудного кармана армейской рубашки вместе с карандашом блокнот, он записал пояснение, одновременно кивая головой.

- Засланный казачок? Может, и так, - сказал он. - У меня нет доступа к секретной информации Госдепа или ЦРУ, но в любом случае этот парень не умеет играть в долгую. Иначе он не окружал бы себя абсолютно некомпетентными людьми, возглавляющими спецслужбы. Очевидно, что ему предоставляют только те отфильтрованные аналитические и разведывательные данные, которые он хочет видеть в силу своих геополитических представлений о нас, Европе, Ближнем Востоке, Украине и США.

- Вероятно вы правы, сэр, - вынужден был согласиться Алёхин, вспомнив разговор с дедом о специфике работы аналитического управления КГБ в советское время. - Но ваши разведывательные структуры тоже довольно часто садятся в лужу.

- Что? - Не понял британец, снова доставая блокнот.

Алёхин в «двух словах» пояснил смысл фразы, добавив:

- Мне кажется вы допустили ошибку в оценке новейших систем русских вооружений, а также недооценили состояние и устойчивость путинской экономики. Ваши президенты говорили, что порвут её в клочья.

- Пусть первым кинет в меня камень, кто сам без греха, - Гастингс игриво хлопнул собеседника блокнотом по плечу.

- Эти слова, по-моему, принадлежали Иисусу. К сожалению, так бывает, когда в дела военных или разведки вмешиваются финансисты.

- Странно, - Алёхин смотрел на сытое довольное лицо майора с едва скрываемой неприязнью. - Где разведка, а где финансы?

- Друг мой! Вы просто не знаете, как устроена банковская, инвестиционная и финансовая система Запада. И какую роль она играет в военной сфере.

- Имею некоторое представление, - проворчал Александр, отводя взгляд.

- Интересно! - воскликнул Гастингс. - Ну, ну, - поощрил он Алёхина. - Хотел бы услышать точку зрения русского.

- Боюсь, это займёт время, - Александр попытался свернуть разговор.

- А мы никуда не торопимся, - британец расставил руки, словно пытался обнять удобные кожаные кресла, хрустальные люстры, картины и полки с книгами. - Уже жалею, что в отличие от полковника не держу здесь запасов спиртного. Продолжайте.

Алёхин с показной покорностью откинулся на спинку кресла, положив, словно прилежный ученик, руки на колени.

- Вся ваша экономика, особенно американская, держится на Военно-промышленном комплексе. Так? После каждой войны в Европе, Америка делала технологический и промышленный рывок, становясь более сильной, чем раньше. Плюс американцы печатают в огромных количествах доллары, заставляя другие страны покупать зелёные фантики... Это — если коротко парой фраз.

- Скорее, эта ваша пара фраз - в стиле официальной советской пропаганды периода застоя, - Гастингс, достав из кармана пачку жевательной резинки, предложил одну пластинку Алёхину. Тот отрицательно покачал головой.

- Берегу пломбы, - буркнул Александр.

- У вас с зубами всё в порядке, - небрежно парировал американец, кладя в собственный рот пластинку.

- Вы и это знаете, - покраснел Алёхин, злясь, что недооценил настырного капитана.

- Как и то, что ВПК Америки — всего лишь верхушка айсберга.

- Не понимаю, - Александр непроизвольно ковырял ногтем гобеленовую обивку подлокотника кресла.

- Кровеносная система американской действительности — это финансы, - Гастингс смотрел в потолок, словно чтение лекции доставляло ему удовольствие.

- Ясно. Доллары для американцев главное. Я так и сказал.

- Доллар здесь не при чём. Финансы — это фондовый рынок, фьючерсы, акции, их котировка в каждый текущий момент, дивиденды и фиксирование прибыли в итоге... Это — довольно сложная система для непосвящённого. К тому же такая система является центром принятия решений, в том числе военного характера. Основополагающие решения принимает не Сенат и Конгресс, не Белый дом, не Парламент Британии и не Пентагон, а Уолл-стрит и Лондонский Сити. Два десятка крупнейших банковских, транснациональных инвестиционных компаний и фондов контролируют девяносто процентов мировых финансов, определяя вопросы геополитики, войны и мира...

- Не совсем понял вас, - Алёхин, словно ученик, поднял руку, полагая, что пауза, которую сделал майор, предполагала возможность вопроса.

- Всё просто, - англичанин довольно потёр ладони. - Транснациональные инвестиционные компании и банки уже давно отработали тактико-стратегические способы борьбы с региональными европейскими и азиатскими конкурентами. Сначала создаётся информационный фон, цель которого посеять сомнения в платёжеспособности и финансовой устойчивости жертвы, намеченной к закланию. Затем на бирже через определённые группы брокеров проводится атака — игра на понижение стоимости акций. Когда волнения множества мелких инвесторов достигает предела, начинается сброс акций, ценные бумаги скупаются по бросовым ценам, формируются контрольные пакеты. Дальше запускается обратный процесс восстановления и стабилизации определённого сегмента рынка. Фиксируется прибыль, формируется внешнее управление, позволяющее нам контролировать «жертву». Возьмём войну в Ираке. Это пример блестяще проведенной глобальной финансовой операции. Саддам Хуссейн до поры даже являлся нашим союзником в противостоянии с Ираном, что позволило нашим инвестиционным фондам выйти на рынок ценных бумаг Ирака, вкладывая деньги в акции нефтедобывающих и финансовых компаний Саддама. Постепенно, медленно, без лишнего шума были куплены блокирующие пакеты акций. Когда рынок нами был «разогрет», а стоимость иракских активов по мнению Уолл-стрита достигла приемлемой высоты, финансисты избавились от акций, зафиксировав огромную прибыль, затем дали отмашку ЦРУ. В результате появилась пробирка Колина

Пауэла на заседании Совета безопасности ООН. Затем началось вторжение в страну. Фондовый рынок Ирака рухнул...

- Саддама назвали кровавым диктатором, сотни тысяч иракцев пали жертвой агрессии НАТО, появилась ИГИЛ, - с улыбкой идиота на лице перебил британца Алёхин.

- Оно того стоило, - невозмутимо сказал Гастингс. - Блестящая операция, проведённая американцами, но задуманная парнями из Лондона. Также у финансистов в запасе есть ещё один инструмент. Навязывание кредитов и займов странам Третьего мира. В ход идут дипломатическое давление, шантаж, даже физическое устранение несговорчивых политиков стран будущих должников. А, что касается Ирака, то в результате финансовой, а затем военной операции, мы создали очередной хаос на Ближнем Востоке, что позволило НАТО нарастить военное присутствие в регионе. Продажи американского, британского победоносного оружия выросли в полтора раза, плюс у нефтяных компаний появилась возможность захватить рынок добычи нефти, а у финансистов - снова скупать за гроши акции, чтобы в который раз «разогреть» инвестиционный рынок Персидского залива.

- Чёрт возьми. Неужели вам удалось так просто всё это провернуть?

- А, почему нет? - Пожал плечами майор. - Такие схемы отрабатывались и раньше. Сначала внутри Америки или Британии с инвестиционными фондами-конкурентами. Так, сказать — битвы местного значения. Потом в Латинской Америке. В Никарагуа, Аргентине, Панаме, в Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке, а сейчас в Европе. Конфликт на Украине, парень, из той же серии. Он готовился нами давно. Подключение к этому делу практически всей Европы — вспомогательная, но не менее важная операция. Здесь главным было преодолеть нежелание европейцев воевать с Россией. Однако, нам удалось с помощью уловок, в основе которых лежит манипулирование эмоциями, переломить ситуацию в пользу войны единым фронтом. Дескать, бедные свободолюбивые украинцы и кровавое чудовище Путин. В конечном итоге всё оказалось несколько сложнее, но мы справимся. Фактор времени на нашей стороне.

- Зачем вы всё это мне рассказываете?

- Чтобы ты знал. Британия, вернее Лондонский Сити превыше всего. И своих целей мы добиваемся в любом случае любыми методами. И горе тем, кто - не с нами, а против нас...

Воспоминания Алёхина о разговоре с Гастингсом прервал сигнал будильника и вибрация смартфона. Александр снова посмотрел на часы. Они показывали восемь утра. Пора было бриться, принимать душ, готовиться к встрече с Лазутиной, от которой Александр ждал одни неприятности. Выбирая новое лезвие Жиллет для бритвы, Алёхин думал о том, что хорошо бы англичане с американцами скорее перегрызли друг-другу глотки в схватке за доминирование над миром.

- Все вздохнули бы с облегчением возле трупа белоголового орла на шкуре дохлой кошки, которая когда-то была львом, - пробормотал Александр, смывая со щёк оставшуюся пену.

При появлении Алёхина точно в назначенное время у стола адъютанта Лазутиной, ему предложили занять стул слева от дверей кабинета, заставив ждать битый час. Александр начал нервничать спустя двадцать минут, но не подавал вида. Он сидел с каменным выражением лица, наблюдая за офицером, отвечавшим на телефонные звонки. Наконец, подняв трубку внутреннего телефона и, очевидно получив приказ, адъютант кивнул Алёхину на дверь кабинета. Александр встал, зачем-то пригладил волосы, а через минуту вытянулся у стола Лазутиной, не дойдя до него пару шагов.

- Капитан Волков по вашему приказанию явился, - негромко, но чётко дал знать о себе Алёхин, рассматривая идеальный пробор в короткой стрижке на склонённой к бумагам голове генеральши.

Та, не отвечая, продолжала читать какой-то документ, жестом руки указав на кресло, стоящее у стола. Александр сел, держа прямой спину, положив руки на колени.

- Знаешь, что это? - Неожиданно спросила Лазутина, поднимая несколько листов бумаги и снова бросая их на стол.

- Не имею понятия, - кашлянув, ответил капитан, чувствуя подвох и начиная нервничать ещё больше.

- Это, мой мальчик, протокол допроса диверсанта москалей. Взяли суку ночью.

- И, что с того? - Пожал плечами Алёхин. - Борьба с диверсантами — не входит в мои обязанности.

- Случай необычный, - словно не слыша, продолжала Лазутина, поднимаясь.

Она обошла стол и встала рядом с капитаном, нависая над ним. Холодок озноба пробежал у Александра по спине. Он ненавидел

ситуации, когда кто-то, особенно начальство, стоял подобным образом, подчёркивая своё превосходство.

- Необычный, слышишь, Волков, - повторила генеральша, постукивая тонкими пальцами левой руки по спинке кресла, а правой удерживая капитана от попытки подняться.

- Диверсантом оказалась твоя бывшая пассия, некто Полянская Наталья. Поймали мы её пару дней назад. Не удивлён, Волков?

Александр вывернулся из-под руки Лазутиной и вскочил.

- Не может быть?

- Чего не может? Эта сука — двойной агент, работавший на нас в период твоей вербовки, а заодно на московитскую разведку против своей Батькивщины. А потому есть большие вопросы к тебе. Первый. Это ГРУ ватников дало добро на твой побег в Украину или ФСБ? И второй… Какую информацию тебе поручили добывать здесь, что ты успел передать в Москву?

- Не верю ни одному вашему слову, пани генерал, - тихо, с мрачным упрямством сказал Алёхин. - Зачем вы это делаете?

Александр лихорадочно выстраивал линию защиты, просчитывая возможности выбраться из расставленной ловушки.

- Что делаю? - Лазутина отступила на шаг.

- Неуклюже лжёте. Полянская погибла ещё в Москве. Я сам видел мёртвое тело, а потом гроб на кладбище и могилу. Может были у неё в жизни ошибки, да только это дело прошлое? - Продолжал возмущаться Алёхин, подавляя желание выхватить оружие. - Зачем вы тычете пальцами в мою старую рану… Вы обознались. Задержали кого-то похожего на Наталью, а теперь проверяете меня на вшивость?

- Ах, какие мы нежные! Не всё так просто, как тебе хотелось бы. - Лазутина устало потёрла пальцами рук виски. - Мнимая смерть этой шлюшки была постановочной, необходимой деталью плана твоей вербовки. Мы вывезли её из Московии, затем, учитывая некоторые особенности характера нашего агента, временно расторгли контракт, отпустив на все четыре стороны и считая, что ей нужно отдохнуть. Однако, она продолжала работать на русских. Устроилась старшей медсестрой военного госпиталя в Бахмуте. Ты сам знаешь, что Бахмут мы почти уже сдали оркам. Думаю, что эта сучка получила задание устроить провокацию на железнодорожной станции Лозовая. Не знаю, каким образом, но она подсунула свой телефон одному из пассажиров поезда Бахмут-Киев-Черкассы. Эшелон был наполовину воинский. К нему прицепили три плацкартных вагона с гражданскими.

Кстати, видеокамеры на вокзале Бахмута зафиксировали её личико, когда она за десять часов до теракта брала билет в кассе. Жаль дура кассирша не помнит на чьё имя выписан проездной документ. Тот состав ночью задержали в Лозовой. Там по непонятной причине «завис» семафор. Велика вероятность, что у неё был сообщник на станции. Пока чинили чёртов семафор, русские нанесли ракетный удар по составу, по всей вероятности ориентируясь на датчик GPS в телефоне, оказавшемся в вагоне. Результат - больше пятидесяти убитых гражданских. Что скажешь?

Пока Лазутина рассказывала свою историю, Алёхин заставлял себя гасить все захлестнувшие разум эмоции, пытаясь анализировать услышанное. Когда генерал замолчала, капитан почти полностью овладел собой.

- Что-то здесь не так, - тихо сказал он, поднимая взгляд и смотря прямо в глаза Лазутиной. - Если Наталья жива, если она является вашим агентом, то она — хорошая актриса. С чем вас и поздравляю. Помимо актёрских способностей у неё должна быть мотивация. Но ничто в её поведении не давало мне повода считать её упёртой националистской. Но, как бы то ни было, отдаю вам должное. План сработал. Моя вербовка вашими агентами в Москве была проведена профессионально. Подробности вы должны знать. У меня не оставалось выхода, кроме двух вариантов. Застрелиться или... Выбор я сделал. Тем более, что никогда не разделял и не разделяю позицию российских властей в отношении стремления Украины к независимости. Второе. Что касается ракетного удара русских в Лозовой. Я довольно хорошо знал Полянскую… Дело прошлое, но повторяю. Наталья не фанатик… Не могла она хладнокровно способствовать убийству полусотни человек, тем более гражданских… Третье. Если русские накрыли ракетами вагоны, кто и каким образом смог отыскать оставленный в поезде смартфон? После ракетного удара от него остались бы рожки, да ножки.

- Это - дело техники, внимательности и усердия. Офицеры СБУ не зря едят свой хлеб. Рожек не нашли, а ножки отыскали. Но есть ещё один момент. Твою Полянскую накануне русской акции устрашения заложила подруга, когда Наталья склоняла её к измене Родине. Донос зафиксирован отделением СБУ Бахмута. Очевидно, что Полянская, опасаясь ареста или шального русского снаряда, бежала из города. Её машину задержали на одном из блокпостов трассы Харьков — Киев. Что скажешь,

- Во-первых. Полянская – ваш агент. Всё, что было когда-то между ею и мной - в прошлом. Или вы думаете, что это

я, подарив ей Хаммер, поручил взорвать эшелон? - Немного растерянно спросил Алёхин.

- Хватит нести пургу. В кузове вездехода твоей Натальи нашли трупы польских наёмников в количестве трёх. Двое застрелены из автомата, один — из пистолета, найденных в той же машине. Восхищаюсь её подготовкой. Уложить наповал трёх вооружённых до зубов профессионалов нужно ещё постараться. Или вы вместе всё это провернули?

- Вместе? Ничего об этом не знаю. Можете проверить. Я уже сто лет не видел Полянскую… Вы же сами её готовили, если она работала на вас. Только за каким чёртом Полянской прятать оружие в своей машине? Это же – улики. Проще выбросить на месте преступления. И потом, зачем ей убивать каких-то наёмников, а потом ехать в Киев? Она бы ехала к границе или на Донбасс.

- Зачем в Киев? Вероятно, ради встречи с резидентом русских? Вот я и думаю, не ты ли тот самый резидент?

- Чушь! Полная чушь! - Возмутился Алёхин. - Вы задержали девушку похожую на Наталью. Доводы ваши высосаны из пальца. «Вероятно», «Очевидно», «По непонятной причине». Это не доказательства. К русской разведке я не имею никакого отношения.

- Это мы проверим прямо сейчас. Иди за мной! - Приказала Лазутина, застёгивая свой китель, выглядевший лишним элементом одежды на стройной фигуре.

- Куда? - Капитан остался стоять на месте.

- Ты в допросах пленных или сепаров участвовал?

- Не доводилось. У вас для грязной работы есть другие люди.

- Когда-то надо начинать, - весело воскликнула Лазутина, открывая дверь. - Выбирай. Будешь злым или добрым дознавателем?

«Да, пошла ты!», - хотел сказать Алёхин, но вслух произнёс, - Мне всё равно.

- Ладно, - решила за капитана генеральша. - Квалификация у тебя не та, чтобы иглы под ногти загонять или косточки пальцев молотком плющить. Здесь нужны профессионалы. Будешь добрым. Извольте, пан капитан, следовать за мной.

Не обращая внимания на протестующие, тихие возмущения Алёхина, Лазутина двинулась из приёмной в коридор и дальше к лифту. Александру ничего не оставалось, как следовать за ней.

Комната для допросов была точной копией помещения декораций голливудских фильмов, где американские детективы проводили время с подозреваемыми, пытаясь запутать свою жертву неожиданными вопросами. За огромным стеклом, которое изнутри комнаты выглядело зеркалом, сидела Наташа, прикованная цепью с наручниками к столу. Поникшие плечи, опущенная голова вызвали у капитана такой прилив нежности, что он едва не застонал. Алёхин с любовью смотрел на плавный изгиб шеи, на родинку в ямочке под ключицей, на серёжку в мочке уха. Девушка была одета в брюки цвета хаки и такую же футболку с надписью на спине «Збройны силы Украіны». Лазутину возле двери в комнату ждал здоровенный детина в полевой форме офицера СБУ с нашивками лейтенанта. Подвёрнутые рукава куртки позволяли рассмотреть мускулистые руки и огромные кулаки.

Сердце Алёхина учащённо забилось, пытаясь вырваться из грудной клетки, а потом замерло в судороге боли.

- Знакомься, Волков. Это лейтенант Котляр. Выбьет любое признание из кого хочешь. Вперёд, хлопцы! - воскликнула Лазутина, подходя к смотровой витрине.

Алёхин бросил взгляд на видеокамеры, установленные по углам комнаты для допросов, на монитор, стоящий на столе рядом с генеральшей, затем быстро проскользнул в открытую Котляром дверь.

Наташа подняла голову. Её блуждающий взгляд наткнулся на лицо Александра. Ресницы девушки широко распахнулись от удивления. Губы приоткрылись, словно она хотела что-то спросить, но Алёхин, опередив лейтенанта, быстро подошёл и хлёстко ударил задержанную по щеке, чуть ниже кровоподтёка, очевидно оставленного при аресте или первом допросе.

- Сука! - Заорал капитан, нависая над задержанной. - Допрыгалась, доигралась в агенты, идиотка!

Алёхин, воспользовавшись оцепенением девушки и растерянностью лейтенанта, который не ожидал такого поворота событий, быстро встал так, чтобы заслонить Наташу от видеокамер и зеркала. Он размахнулся, ладонью ударив задержанную ещё раз чуть ниже уха. Со стороны это должно было выглядеть, как удар в ту же щёку, но капитан расслабил руку, зная, что мышцы шеи не так чувствительны к боли. Алёхин тут же быстро наклонился и закричал:

- Это - тебе за всё, что я пережил в Москве! Из-за тебя я лишился шикарной квартиры, дачи, своего Харлея. Мой дед

теперь ненавидит меня, сука!

Капитан наклонился ещё ниже над девушкой, пытавшейся заслониться руками от слюны, вылетавшей изо рта Алёхина, затем прошептал Наташе на ухо:

- Терпи. Сочиняй любые небылицы. Разыгрывай обиду, возмущение. У нас — сутки. Я тебя вытащу... Сволочь, подстилка донецкая. Ненавижу! - снова заорал Алёхин, схватив Наташу за волосы и смотря ей прямо в глаза. - Язык отрежу за всю твою ложь!

- Вытащу, - едва шевельнулись губы Александра, а рука медленно поднялась для нового удара.

Но сзади на спину Алёхину уже прыгнул Котляр, оттаскивая от девушки, упавшей от сильного толчка капитана и повисшей на цепи.

- Ты, шо, пане офицер? Мы так не договаривались. Едва не покалечил деваху. Пойдём витсиля. После с ней потолкуем.

Дверь открылась. В комнату вошла Лазутина, хлопая в ладоши.

- Браво, Волков. Не ожидала от тебя, всегда такого уравновешенного. Ты, оказывается, крутой, злопамятный хлопец.

- Копилось всё долго, - прохрипел капитан, тяжело дыша, вырывая локти из цепких лап Котляра. - Убил бы, если бы не ваш лейтенант. Прошу прощения.

- Ничего, - генеральша взглянула на девушку. - Котляр тебя научит, как следует вести допрос... Лейтенант, - Лазутина повернула к себе опущенную голову Наташи. - Похоже, девица в обмороке. Волков! Ты не в висок ей попал, случайно. Так и под трибунал угодить недолго... Котляр! Вызови конвой и врача. Пусть приведут её в чувство. Завтра продолжим.

- На хрена мне конвой? Сам справлюсь. Прошу прощения... У вас, пани генерал, вроде завтра с утра совещание в ставке Верховного? - сказал лейтенант, отстёгивая Наташу от цепи. - Для допроса день неподходящий.

- От, сатана. Совсем забыла... Волков! Свободен до послезавтра. Котляр! Приведёте в чувство арестованную, сегодня спать ей не давайте, следующие сутки тоже. А ты, Волков, не расслабляйся. С тобой мы ещё не закончили.

Алёхин, взглядом полным ненависти, проводил Лазутину, идущую по коридору к лифту, потом повернулся к лейтенанту.

- Прости, Котляр, что испортил тебе обедню. Давай помогу дотащить эту сучку до камеры.

Александр пока смутно представлял, каким образом он освободит девушку из застенков СБУ, но весь путь по подвалам здания, расположение и номер камеры Наташи он запомнил.

Через час Алёхин, плюнув на службу, вышел на улицу. Миновав квартал, он сел на лавочку в сквере, расстегнув воротник куртки. Немногочисленные прохожие испуганно смотрели на задумчивое лицо офицера, на комплекс строений СБУ, на флаг Украины, развевающийся над крышей главного здания, и торопились миновать опасное место, пользующееся дурной славой.

- Адамс! - Внезапно прошептал капитан. – Вот, кто мне нужен.

Капитан вскочил, поймал проезжавшее мимо такси и поехал в свою киевскую квартиру.

Там он в который раз проверил купленный недавно ноутбук на постороннее проникновение, достал из тайника флешку с информацией по Адамсу, после чего стал составлять что-то похожее на досье.

- У меня есть три, четыре часа для вербовки полковника, - бормотал Алёхин, пока его пальцы летали по клавишам ноутбука.

К полудню, закончив работу, Александр спрятал флешку обратно в тайник, затем достал оттуда удостоверение, которое он сделал на основе пропуска, найденного после пьянки в кармане сержанта, водителя полковника. Ещё раз изучив документ, капитан удовлетворённо кивнул. Он спрятал ламинированный прямоугольник бумаги во внутренний карман своей куртки, распечатал досье на Макгрегора-Адамса, положил четыре страницы текста в прозрачный файл, а файл в папку. Ровно в три часа он стоял в приёмной полковника перед его адъютантом.

- Босс назначил вам встречу, господин капитан? - Спросил сержант с нашивками морского пехотинца. - Не найду нужную запись. Может, вы что-то напутали, сэр?

- Доложите полковнику, что пришёл капитан Волков. Дело срочное. Оно касается сержанта морской пехоты Ридла.

- Я не знаю такого, - удивлённо сказал адъютант.

- Неважно. Доложите обо мне. Полковник поймёт.

Сержант положил ладонь на трубку внутреннего телефона, но, передумав, встал и зашёл в кабинет.

- Прошу, капитан, - Адамс появился из-за спины сержанта, открывшего дверь изнутри.

Полковник пропустил вперёд Алёхина, подошёл к своему столу, заваленного какими-то бумагами и сел, положив ноги прямо на документы.

- Слушаю. У тебя — пять минут, чтобы объяснить мне, откуда ты знаешь сержанта Ридла.

Алёхин, вынув из папки, которую он прижимал к боку локтем, пластиковый файл, протянул его Адамсу.

- Что это?

- Сначала прочтите содержимое.

- Зачем мне это делать? Неужели тебе удалось взломать сервера ФСБ? Или личный смартфон Путина? Тут, что — важная информация?

- У Путина нет смартфона, и вы это знаете. Он — не Хилари Клинтон, не Меркель и не Макрон. Мы теряем время, полковник, сэр.

- Хорошо, - Адамс, достав из файла бумаги, стал быстро читать их, перелистывая, по несколько раз возвращаясь к уже прочитанным местам.

- Хорошая работа, сынок, - Адамс, закончив чтение, сложил бумаги и убрал их в ящик стола. - Я так понимаю, что это начало вербовки. Дай угадаю, кто за этим стоит, хотя всё очевидно. Или это русская контрразведка, либо кто-то в СБУ решил, что пора хвосту вилять собакой.

- Не то, не другое, сэр.

- Ах, да, - Адамс театрально хлопнул ладонью по собственному лбу. - Есть ещё англичане, которых мучают фантомные боли с ностальгией по утраченной империи. Знаешь, сынок, - полковник достал из кобуры, висящей на бедре, пистолет и взвёл курок. - Ничто не мешает мне пристрелить прямо сейчас в порыве праведного гнева какого-то вшивого украинского офицера, шантажирующего военного Соединённых Штатов.

Алёхин продолжал спокойно в почтительной позе стоять перед столом.

- При всём уважении, сэр... Вы же знаете, как это работает. Флешка с более подробной информацией о вас,

мистер Макгрегор, о ваших делах в Ираке, именах покровителей, позволивших вам сменить фамилию, откорректировать послужной список, сохранить награды, перейти на работу в «Чёрные воды», лежит в нужном месте у нужного человека. Если я не выйду за пределы здания через час, информация по специальным каналам пойдёт в Штаты, а там ляжет на столы многим людям. Независимым журналистам. Карлсону Такеру, например. Сенаторам-республиканцам, ненавидящим демократов. Инфа попадёт в предвыборный штаб Трампа, в секретариат ООН. Может, вы ещё успеете скрыться к тому времени, скажем, с помощью той же Blackwater, но подумайте о ваших далеко идущих планах в бизнесе. Подумайте о генерале Джеймсе Конвее, бывшем командующим Корпусом морской пехоты. Вспомните девиз корпуса «Всегда верен». Конвей не простит вам этой ошибки. Он достанет вас, где бы вы не скрывались. Что скажете?

- Сынок! Если думаешь, что я испугался, то ты крупно облажался. Такие, как я, всегда нужны людям, наделённым властью, для определённых дел. Если наша армия по всему миру сливает разное, вонючее дерьмо в канализацию, то такие, как я делают так, чтобы это дерьмо снова не полезло обратно. Для такой грязной работы мы незаменимы.

- И всё же я рискну, - твёрдо сказал Александр. – Интересно, что будет, когда компромат на вас заживёт собственной жизнью и начнёт лезть из всех щелей.

- Дьявол! Только британцы, сукины дети могли добраться до этой информации, - тихо сказал полковник, задумчиво постукивая дулом пистолета по столешнице.

- Ошибаетесь, сэр. Это моя личная инициатива. Ни одна разведка, даже израильская, здесь не при делах, - улыбнулся Александр. – Вне узкого круга ваших покровителей эти секреты знаю только я.

- Тогда не совсем понимаю, зачем тебе это, - полковник облегчённо вздохнул, пряча пистолет. - Тебе мало перспектив, которые я тебе нарисовал, если согласишься работать на меня? Тебе нужны деньги здесь и сейчас? Понимаю. Ты хочешь выйти из этой паршивой игры, по недоразумению называемой Украиной?

- Нет, сэр. Бизнес с деньгами не при чём. Это — сугубо личное. Так сказать, одноразовая акция.

- Если я правильно понял, ты хочешь использовать старого друга в качестве презерватива. Это забавно. Старого волка

вроде меня? Что ж, я всегда считал тебя умным парнем, сынок. И не ошибся. Что тебе нужно? Убежище в Штатах, американский паспорт, хорошая работа в сфере IT?

Александр тяжело вздохнул, словно ему была неприятна сама ситуация. Позволил себе сесть на стул возле полковника, он приблизить губы к уху Адамса.

- Мне нужна помощь в освобождении одной заключённой. Она — сидит в одиночке, в одном из подвалов СБУ.

- Чёрт? - воскликнул Адамс. - До меня дошло, наконец... Я же читал твоё досье. Это, - полковник защёлкал пальцами, вспоминая, - Поклонская. Та самая, в которую ты влюбился, а она была лишь наживкой на рыболовном крючке. Старею, сынок. Забыл, что любовь — страшная сила. Некоторые парни любят не за что-то, а вопреки всему. Эх, молодость! Не ожидал...

- Не Поклонская, а Полянская... Так, вы поможете или нет? - Алёхин начал терять терпение.

- Будет нелегко, - слегка переигрывая, ответил полковник. - Здесь главный вопрос — не всплывёт ли твоя флешка в нужном месте в нужное кому-то время? Я даже не прошу передать флешку мне. Дубликатов никто не отменял.

- Даю слово офицера, - твёрдо сказал Алёхин.

Адамс посмотрел прямо в глаза капитану.

- Убить тебя я всегда успею. Дай подумать, как провернуть это дело. Ты давай, вали отсюда, займись подготовкой отхода или отмазки перед своим начальством. Надеюсь, ты приготовил для твоей пассии убежище на время, пока всё не успокоится? Впрочем, это уже не моё дело. Жди телефонного звонка с дальнейшими указаниями. Всё. Свободен.

Александр полез в карман куртки, вытащил дешёвый смартфон, купленный по дороге с рук у нищего старика, и положил на стол Адамсу.

- Когда Полянская будет у вас или, если буду нужен, звоните. Номер с тыльной стороны — на полоске пластыря. Окей?

- Окей. Свободен, сынок, - повторил полковник.

Алёхин появился на службе через полчаса. Сказавшись больным, он снова покинул здание, совершенно не представляя себе, сколько Адамсу понадобится времени, чтобы выполнить обещание, а потому решил, что следует поторопиться. Пройдя пешком метров пятьсот, Александр поймал такси. Он назвал водителю адрес автосалона «Авто Бавария», где продавали

иномарки с пробегом. Оказавшись в сопровождении менеджера на площадке с машинами, Алёхин остановился возле Volkswagen Passat неприметного серого цвета.

- Косяки есть у этой тачки? - спросил Александр.

- Так это же не убиваемый Пассат две тысяча пятнадцатого года. Коробка автомат, два сцепления. Машина в порядке. Сдал один хлопец из Львова. Он покупал тачку в Польше.

- Почему сдал?

- Отключался один из цилиндров. А так всё работает. Швейцарские часы хуже. Наши умельцы посмотрели, перепрошили тачке мозги. Сейчас вроде всё нормально. Из дефектов — слегка битое заднее крыло, прожжённый сигаретами салон, а ещё сломан датчик дождя. В остальном — отличный вариант с дизельным движком. И стоит недорого. Для вас, пан офицер, сделаем скидку.

- Сколько денег возьмёте за этот Пассат?

- Наличными?

- Угу, - буркнул Алёхин.

- Семьсот тысяч гривен, - выпалил менеджер, округлив глаза и сделав безучастным лицо.

- Пятнадцать тысяч зелени хватит?

- В смысле долларов наличными?

- У тебя со слухом плохо?

- Мало, пан офицер. Тачка, что надо.

- Могу и конфисковать, - равнодушно бросил Алёхин, направляясь к воротам площадки. Через сорок минут вернусь с постановлением СБУ. Вы, падлы, здесь совсем оборзели. Война идёт, а вы...

- Стойте, пан офицер, - перебил Алёхина менеджер, торопливо шагая вслед за капитаном.

- Зови сюда хозяина салона, - остановился Александр.

Через пять минут, переговорив с невысокого роста евреем — владельцем автосалона, Алёхин условился, что машину ему подгонят через час к гостинице «Киев» на Грушевского вместе с документами, где Александр передаст деньги.

- Мне нужны ваши данные для договора купли-продажи? - заискивающим тоном сказал менеджер.

- Впишем данные на месте, когда тачку мне подгоните, - бросил на ходу Алёхин. - Номер в отеле — шестьсот двадцать три.

- Може, пошлём капитана на хрен, Абрам Моисеевич? - тихо спросил у хозяина менеджер, провожая взглядом высокую фигуру офицера. - С какого бодуна ему нужен этот Пассат?

- Нет, Сёма. Это же СБУ. То не наше дело. Хотя, - владелец салона почесал затылок. - Позвони смотрящему из Бориспольской братвы. Пусть пришлёт пару «быков». Чую, что-то не так с этим капитаном. Хрен ему, а не тачку. Пусть «братва» заберёт у него зелень по сухому. Поделим пополам.

- А если не получится по сухому?

- Мочите хлопца. Война всё спишет. Этих капитанов в СБУ, что собак бродячих. Раскидайте в номере презервативы, кокс, заколки бабские, из холодильника вылейте в раковину спиртное, пузырьки бросьте на разобранную постель...

- Понял, понял, - растерянно улыбнулся Семён. - Типа, со шлюхой поссорился, та его и пришила пьяного. Только, где я кокс возьму?

- Эх! Семён! Держи! - Хозяин автосалона полез в задний карман брюк, затем сунул в подставленную ладонь менеджера небольшой пакетик.

Алёхин, снова поймав такси, поехал домой, где достал из тайника все наличные деньги, бросил в спортивную сумку кое-какие вещи, туда же сунул свою полевую форму и пистолет Глок с глушителем.

В гостинице на Грушевского он был через сорок минут. Окинув взглядом внушительное, в имперском сталинском стиле здание, он прошёл к стойке регистрации, где показал удостоверение офицера СБУ. Александр без проблем снял номер, забронированный им заранее по телефону.

- В следующий раз звоните раньше, - с укором выговорила ему девушка-администратор, вернув офицерское удостоверение, которое она даже толком не прочла. - Хотя бы за три дня. Из-за вас пришлось гостя срочно переселять в другой номер. А он, между прочим, немец.

- Всё в интересах национальной безопасности, - небрежно бросил ей Алёхин, забирая карточку-ключ. - Вам нужны неприятности с моим начальством?

Администратор, испуганно опустив взгляд, тихо сказала:

- К лифту — направо. Шестой этаж.

Александр поднялся к номеру, оценил дубовую толстую дверь, открыл её. Переступив через порог, он бросил сумку на кровать. Затем достал пистолет, проверил обойму и снова спрятал оружие в сумку. Подумав немного, Алёхин вынул из неё всё содержимое вместе с деньгами. Уложив вещи в шкаф, он пересчитал доллары.

- Двадцать... Пять штук оставлю себе. Хватит на первое время, - тихо сказал он, сунув пачки, перевязанные резинками, в пакет, а пакет — в сумку.

Постояв немного у окна, капитан снова подошёл к двери, заклинил язычок замка куском пластыря, оставив узкую щель между откосом и дверным полотном. Проверив, легко ли слетает пластырь, если повернуть ручку двери, Алёхин заклинил язычок замка, затем передёрнув затвор пистолета, снял его с предохранителя, положил оружие на стол, сверху — небольшую подушку, взятую с дивана, и сел рядом, передвинув стул от окна вплотную к столу. Дотянувшись до сумки, Алёхин пристроил её между ног...

В пятнадцать часов десять минут в дверь постучали.

- Открыто, - громко сказал Александр, поправив подушку. - Входите.

Дверь еле слышно скрипнула. Послышался тонкий металлический звук, который означал, что пластырь слетел, а язычок свободно вошёл в нужное место, запирая замок. В комнате появился менеджер автосалона. За ним неторопливо вошли два высоких с квадратными плечами парня, которые остановились недалеко от двери, опираясь широкими спинами о стену. Менеджер в одной руке держал большой конверт, где очевидно находились документы на машину.

- Тачка — на улице возле отеля, - сказал он, положив папку рядом с подушкой, и вопросительно посмотрев на Алёхина.

- Ключи от Пассата — на стол, - лениво произнёс Александр, нагибаясь.

Он взял сумку за ручки, поднял и поставил её себе на колени.

- Так, это, - переступил с ноги на ногу менеджер, неуверенно оглядываясь на двух

громил. - Деньги показывайте.

«Быки» оторвали спины от стен. Один из них, сунув руку за спину, достал нож. Выкидное длинное лезвие зловеще

блеснуло.

- Слухай сюда, фраерок. Гроши вынимай из торбы!

Алёхин левой рукой приподнял сумку, бросил её громиле, а правой нащупал рукоять Глока, спрятанного под подушкой. Бык неловко поймал сумку, затем повернулся, чтобы передать своему приятелю, который уже держал наготове пистолет, казавшийся в огромной лапе игрушечным.

Капитану понадобилось пять выстрелов, чтобы уложить на ковёр двух громил. Вскочив, он сделал контрольные выстрелы в головы, стараясь не испачкаться кровью, и повернулся к оцепеневшему Семёну

- Ключи от Пассата? - Вопросительно произнёс Алёхин, пытаясь справиться с дрожью в голосе.

Менеджер хотел что-то сказать, но ни губы, ни язык, ни голосовые связки не повиновались своему хозяину.

- Ключи! - Александр тычком ствола Глока в грудь усадил Семёна, усадил парня в кресло.

- Так... Так, нема ключей, - наконец сумел произнести менеджер. - То не я. То всё мой хозяин. Это он велел вас мочить, пан капитан.

- Ясно, - Алёхин рукавом куртки вытер вспотевший лоб. - Кинуть меня хотели. Нехорошо это, Семён. Ах, не хорошо.

Капитан вынул из Глока обойму, проверяя сколько патронов осталось и снова вставил её в пистолет.

- Не убивайте меня, - тихо заскулил менеджер, вжимаясь в спинку кресла. - У меня — жинка и трое детей маленьких...

- Помолчи секунду, дай подумать, - Алёхин, обернувшись, посмотрел на трупы. - Из карманов твоих дружков клади всё на кровать?

После того, как Семён вывернул карманы «быков», капитан подошёл к постели и стал стволом пистолета ворошить несколько мятых бумажных гривен, пакетик с коксом, женские заколки и пару презервативов.

- Не пойму, кто из вас больший дурак, твой хозяин или ты, - Александр отошёл от кровати и быстро, бросая взгляды на бледного, покрывшегося потом Семёна, ещё раз обыскал убитых бандитов.

Через пару минут Алёхин выпрямился, держа в руках ключи с брелком, на котором красовалась эмблема Мерседеса.

- Вы на чём сюда приехали? - Капитан повернулся к Семёну.

- Если скажу, вы не убьёте меня?

- Ты почему не в армии? - Вместо ответа спросил Алёхин.

- Так, хворый я, - загнусавил менеджер. - Плоскостопый. На правой ноге трёх пальцев нема. Топором по пьяни отрубил в селе у батькив. Детки... Самому младшему годик. Их ещё годувать и годувать треба. А приехали мы до вас на Мерине. Внизу стоит.

- На мове скулить очень жалобно у тебя выходит, - злясь на себя, сказал Александр. - Все вы тут в Киеве плоскостопые. Что же мне с тобой делать? А, Семён?

Подумав немного, Алёхин ножом, подобранным с пола, срезал шнур, удерживающий открытыми плотные оконные шторы и стволом пистолета указал Семёну на дверь ванной.

- На колени! - приказал Александр.

- Не убивайте меня! - заголосил менеджер, зачем-то прикрывая голову руками.

Капитан, коротко размахнувшись, ударил парня рукоятью пистолета по затылку, потом связал потерявшего сознание Семёна сетевым проводом от электрофена, прикрутив податливое тело портьерным шнуром к стальной трубе под раковиной.

«Значит так, - размышлял Алёхин, оглядывая номер. - Часа через три, четыре здесь будет полиция, если хозяин автосалона не хватится Семёна раньше. Хотя, не факт. Ему нужно будет объяснять много чего полицейским. Я бы на месте еврея во избежание неприятностей сдал бы с потрохами своего работника. Кокс, презервативы, заколки, ножи, оружие и два трупа в номере отеля. Чувствую, пойдёт Семён сначала за решётку, а потом на фронт».

Через пять минут, повесив снаружи на ручку двери табличку «Не турбувати», Александр покинул отель. Капитан вышел на парковку, где среди прочих машин увидел Mersedes-Benz AMG зелёного цвета. Он нажал на кнопку брелка. Гелендваген откликнулся на призыв светом фар и тихим всхлипом клаксона.

«Неплохо живут в Киеве блатные, - подумал капитан, осматривая со всех сторон автомобиль. - Неплохой Мерс. Такие делают для Бундесвера. Помощь Шольца Зеленскому, не иначе. Типа — всё для фронта... Большой вопрос, как машина оказалась у быков?»

Алёхин бросил в багажник сумку с вещами, а через минуту он уже ехал в сторону Южного моста через Днепр, чтобы попасть

на трассу Киев — Полтава. Выехав на автостраду, он вскоре свернул в сторону Борисполя. Алёхин припарковал Мерседес на стоянке аэропорта, откинул спинку кресла, устроился удобнее, закрыл глаза и стал ждать. Нервное напряжение не отпускало капитана. Тревожное состояние провоцировало озноб. Только сейчас он осознал, что сжёг за собой все мосты. Александр вспомнил лица убитых в гостинице, и его тело содрогнулось от ненависти к собственной персоне и предчувствия беды.

«Нужно взять себя в руки, - мысленно уговаривал себя Алёхин, стараясь вызвать в памяти облик Наташи, какой он увидел её три года назад во время знакомства.

Волна нежности, рождённая в глубинах души, заставила сердце забиться чаще.

- Господи! Да, святится имя твоё, да приидет царствие твоё, да будет воля твоя... - Начал бормотать Александр, внезапно вспомнив слова молитвы, хотя до этой минуты не считал себя верующим человеком...

Проговаривая молитву до конца, он почему-то представлял себе образ Иисуса, виденный на иконах. То ли молитва помогла, то ли несколько глубоких вдохов, но капитан немного успокоился. Он взглянул на часы. Время тянулось медленно. Тревога снова овладела разумом и сердцем. Ожидание становилось мучительным. Вскоре оно превратилось в самобичевание.

«Это я во всём виноват. И в училище пошёл, дав себя уговорить деду, и военным стал потому, что все в роду были военными. С Иваном Матвеевичем связался, пропади он пропадом... Чёрт! Ненавижу ждать, ненавижу, когда ничего от меня не зависит. Идиот, дебил...», - думал Алёхин, сжимая в руке смартфон, номер которого знал только полковник Адамс.

Когда свет зажжённых фонарей на автостоянке немного отодвинул от здания аэропорта вечерние сумерки, локоть капитана сначала ощутил вибрацию, а затем Александр услышал мелодию рингтона. Вытащив из кармана телефон, он посмотрел на оживший экран гаджета. Номер звонившего не определился. Но капитан торопливо провёл пальцем по маленькому зелёному значку трубки для ответа на вызов.

- Алло, - хрипло произнёс он, стараясь придать голосу мужественные нотки.

- Ты, где, сынок?

Голос американца был на удивление спокоен и деловит.

- Удалось? - вместо ответа спросил Алёхин.

- Твоё дело — в моей шляпе.

- Отлично. Пятьсот метров после перекрёстка и поворота на Борисполь. Трасса Киев — Полтава.

- Окей. Буду через сорок минут, - ответил полковник, отключая вызов.

Озноб, с которым капитану вроде бы удалось справиться, снова дал о себе знать, перерастая в дрожь нетерпения.

«Чёрт! - Спохватился он, нагибаясь и шаря в «бардачке» машины. - Нужно было на карте посмотреть, что там в пятистах метрах».

Карта оказалась под толстой кипой протоколов дорожной полиции о нарушении скорости. Алёхин торопливо развернул потёртый на сгибах план Киева с прилегающими окрестностями и с облегчением увидел, что все заметные строения в виде мотеля, автозаправочной станции, кафе и магазинов, на которые он раньше по дороге из Киева не обратил внимания, располагаются ближе к границам города до поворота к аэропорту.

- Не будет видеокамер и посторонних глаз, - сделал вывод капитан.

Выждав двадцать минут, включив двигатель, он тронул машину с места. Ближний свет фар выхватывал из тёмного покрова ночи указатели и дорожные знаки. Повернув на перекрёстке в сторону Полтавы, Алёхин проехал полкилометра, остановившись на обочине. Выключив свет, откинувшись на спинку сиденья, капитан застыл в ожидании. Мимо проносились машины, но быстро надвигающиеся на окрестные поля сумерки и приближение комендантского часа давали о себе знать. Автомобилей с каждой минутой становилось на трассе всё меньше. Александру оставалось только сидеть, опустив до отказа стекло двери и внимательно наблюдать за дорогой в зеркала заднего вида. Он не сразу заметил медленно крадущийся по крайней правой полосе дороги Хаммер. Свет фар, оборудованных маскировочными шторками, привлёк внимание Алёхина в самый последний момент. Внедорожник остановился рядом с Мерседесом. Боковое стекло опустилось, и Алёхин увидел лицо водителя, освещённое светом ламп приборной доски. Это был полковник Адамс.

- Hey, kid, how you doing? – Американец, улыбаясь, поднял руку.

- Добрый вечер, полковник

- Пятерых гражданских на обочине перепугал, пока на тебя не наткнулся. Ты хорошей тачкой разжился, - посмотрев на мерседес, сказал Адамс.

- Давайте меняться, - выдавил из себя улыбку Алёхин.

- Рад бы, но не могу. Хаммер — собственность армии США. Я привёз тебе то, что ты просил. Открывай заднюю дверь!

Капитан, оглядевшись по сторонам и не заметив ничего подозрительного, вышел из машины.

- С девушкой всё в порядке?

Вместо ответа, полковник, не торопясь, сам вылез из Хаммера, открыл заднюю дверь и помог спуститься на землю человеку в американской военной куртке, на голову которого надели мешок, а руки стянули пластиковыми наручниками.

- Вот она, твоя Натали.

- Мешок снимите, - сказал Александр Адамсу, но тот, будто не слыша, удерживая пленницу одной рукой за наручники, другой достал из нагрудного кармана сигару и зажал её зубами.

- Дай-ка прикурить, - попросил полковник, оглядывая придорожные деревья, будто на них росли зажигалки.

- Не курю, - отрезал Александр, нащупывая правой ладонью рукояти пистолета, засунутого за пояс.

- Расслабься, сынок. Твой грозный вид смешон. Если бы я хотел тебя убить, то давно сделал бы это.

Полковник широко улыбался, перекатывая зубами сигару из одного уголка рта в другой.

- Не вижу ничего забавного, - сказал подошедший ближе Алёхин, начиная развязывать узел верёвки, затянутый на шее пленницы.

- Если не считать того, что мой водитель сержант сейчас играет в шахматы с Малюком*, главарём ваших бандитов из СБУ. Оба пьяны в стельку. Мне оставалось только спуститься в подвал, вызвать дежурного офицера, толстяка со свиными глазками, и забрать девицу.

- Так просто? Без санкции самого Малюка?

- Мне на его визы, штампы и подписи насрать. Вот эта форма, - Адамс постучал себя по нагрудному карману, над которым виднелись нашивки, - открывает любые двери. Охрана стояла

на вытяжку, а толстяк начальник караула растерянно хлопал глазами, заплывшими жиром.

- Вы сильно рисковали, - Алёхин наконец снял мешок с головы Наташи и встретился с её удивлённым и немного испуганным взглядом. - Слишком всё гладко прошло.

Александр в темноте рассмотрел широкую полосу липкой ленты, которой девушке замотали рот.

Полковник, беспечно махнув рукой, вынул сигару изо рта.

- Волшебную палочку из нескольких слов: «В интересах национальной безопасности США» ещё никто не отменял». Вывели мне заключённую без всяких бумажек...

- Держите! – Алёхин, сделав шаг вперёд, засунул в нагрудный карман куртки полковника флешку. - Даю слово, что больше вы обо мне не услышите. Окажусь подальше от Киева в безопасном месте, уничтожу копию... Передайте сержанту, что мы как-нибудь, после войны сыграем с ним в шахматы.

- Ладно, - всё также весело откликнулся Адамс. - Твоему слову верю. А про шахматы... Нужно ещё научить Майка двигать по шахматной доске не только пешки.

- Даже так? - удивлённый Алёхин взял Наталью за руку, подталкивая её к открытой задней двери Мерседеса. - Не знаю, каким образом сержант и вы, полковник, выкрутитесь из этой истории, но вам виднее. Спасибо, сэр.

- Малюк — не твоя забота. Он давно у меня на крючке. Генерал сам сидит по уши в своём дерьме. А дерьмо это — контрабанда янтаря, плюс организация военных преступлений. Подумай лучше о себе. На твой счёт у меня были особые планы, но видно не судьба. Запомни одно. Если где-нибудь в Штатах или в Европе всплывёт обо мне информация, ты вместе с твоей девицей — покойники. Ещё увидимся, если будет угодно судьбе, - кивнул Адамс капитану, засовывая сигару обратно в карман и залезая в свою машину.

Хаммер взревел двигателем и, разбрасывая задними колёсами щебень с обочины в кювет, круто, почти на месте развернулся, чтобы через минуту пропасть в темноте.

Александр снова открыл заднюю дверь своей машины, затем посмотрел на девушку, которая неподвижно сидела внутри, глядя в одну точку.

***Малюк В.В. – глава Службы безопасности Украины**.*

Капитан достал из кармана нож. Сначала он перерезал пластик на запястьях, а потом осторожно, медленно снял липкую ленту с губ Наташи. Та сразу же повернулась к Алёхину. Коротко размахнувшись, она ударила капитана по лицу.

- Ой! - тут же пискнула девушка, растирая ладонь. – Больно.

- За что? - возмущённо спросил Александр, дотронувшись до щеки.

- За допрос, за тумаки, за то, что орал на меня. За всё по совокупности. Но, если честно, не знаю. Нервы, наверное. Было бы за что, убила сразу, глаза бы выцарапала.

- Ладно, - сказал капитан, захлопывая заднюю дверь.

Он, сев за руль, на мгновение застыл.

- Что теперь? - спросила Наташа.

- Давить на газ, - Александр завёл двигатель.

- Ты или слишком крут, либо полный дурак! - Наташа, восстановив кровообращение в руках, попыталась перелезть на переднее сиденье. - В принципе — это одно и тоже. Куда давить? Меня к утру хватятся, если уже не хватились. Оба пропадём.

- Ещё посмотрим, - Алёхин резко взял влево, выбираясь с обочины на трассу.

- А-а. Так у тебя есть план, - насмешливо сказала девушка. - Как я не догадалась, ты же у нас шахматист.

- Наташ! Давай ссориться будем после. Не я виноват в том, что тебя схватили на дороге с тремя трупами поляков в кузове Тойоты. За каким чёртом ты оказалась в той тачке?

- Долго рассказывать, - девушка снова попыталась сесть рядом с Алёхиным, но тот удержал её.

- Сиди там, где сидишь. Ты — заключённая, которую перевозит капитан СБУ. А то, что у тебя выйдет долгий рассказ, так у нас дорога тоже долгая. Начинай, не то засну за рулём. Больше суток почти не спал. И ещё... Если нас тормознут на блок посту, быстро надевай мешок на голову, а руки — назад.

- Ладно, - кивнула Наташа.

Она тяжело, со всхлипом вздохнула и стала рассказывать всё, что случилось, начиная с того времени, когда она покинула село, где Ксения прятала Алёхина.

Через два часа капитан издалека увидел освещённый фонарями дорожный указатель. Под ним располагались бетонные блоки, образующие стену с бойницами. Сверху блоков лежали мешки с песком.

- Вроде город впереди. Думаю, это Пирятин. И, как водится, чёртов блок пост, будь он неладен. Приготовься, - не оборачиваясь, сказал Александр. - Лучше, ляг на пол.

Солдат, сидевший возле блоков на чём-то напоминающем старое обшарпанное автомобильное кресло, встал. Держа автомат наготове, он поднял руку. Алёхин медленно подъехал, открывая окно.

- В чём дело? - Недовольным тоном спросил капитан.

- Проверка, пан офицер. - Хочу забачить ваши папиры.

Алёхин достал из нагрудного кармана пластик, который он изготовил, используя документы сержанта Майка.

- Тут шось не нашей мовою оттиснуто, - с разочарованием произнёс солдат, оглядываясь. - Те раз сержанта нашего покличу. Нехай сам разбирается. Эй! Мишко! Хорош спать, двигай сюда.

- Кто тут у нас? - К машине, зевая уже подходил сержант. - За каким лихом вас ночью в Пирятин занесло?

- Подойдите ближе, сержант, - тихо, но строго приказал Алёхин. - Во-первых, застегните пуговицы на форме, а во-вторых, представьтесь, как положено.

- Виноват, пан капитан, - Мишко уже рассмотрел шевроны на куртке Александра. - Сержант Михаил Ярыжко. Откуда следуете и куда?

- Ярыжко! Возьмите мои документы из рук солдата и читайте, что написано ниже английского текста. Там - всё чёрным по белому?

- Оказывать всякое содействие. Проезд везде. Не подлежит досмотру. Американская печать и подпись не по-нашему. И, шо?

- Шо? - переспросил капитан, - А то, шо не вашего ума дело, куда я еду, зачем и, шо. Дело национальной безопасности США. В сторону оба, мать вашу! - заорал Алёхин, забирая документы из рук сержанта.

- А мне, шо, больше иных надо. Едьте, будь ласка. Хоть к чёрту на рога. Только в городе — комендантский час. Там патрулей

из терробороны полно, если не дрыхнут. Будут вас у каждого столба останавливать.

Капитан, не слушая больше сержанта, закрыл окно и тронул машину с места, сворачивая на плохо освещённом перекрёстке налево в частный сектор.

- Пронесло? - руки Наташи обвили шею Александра.

- Не нервничай. Всё будет хорошо, - сказал Алёхин. – Ксению только очень жалко. Может, жива ещё. Я бы не терял надежды.

- Знаешь, я столько смертей видела за эти годы, что в добрые исходы почти не верю, да и слёзы все выплакала. Глаза — словно пустыня Сахара. Уже не спрашиваю, кто ты на самом деле. Устала от вопросов, не получая ответов. Мне даже всё равно, куда ты меня везёшь.

Фонари кончились. Домов, окружённых садами, становилось всё меньше, а дорога - хуже. Алёхин, проехав пару километров, свернул на узкий просёлок, а с него — в лесопосадки, обрамляющие небольшое поле неубранной кукурузы. Убедившись, что машину надёжно скрыли заросли ивы, капитан заглушил двигатель, зажёг в салоне свет и вынул из бардачка карту.

- Так, мы где-то здесь, - палец Александра нашёл точку на карте. - Дальше, если ехать на север, у нас будет Нежин, Прилуки, Чернигов. От Чернигова до Гомеля чуть больше ста километров. А это уже Белоруссия.

- Мы едем в Белоруссию? - спросила Наташа.

- Там граница со стороны Украины не так строго охраняется. И путь безопаснее, чем если сразу двигать на Восток в Россию. Через зону боевых действий хрен проскочишь.

- Значит, Белоруссия? – Девушка, открыв дверь Мерседеса, вышла, жадно вдыхая холодный воздух. - А ты меня спросил? Спросил, чего хочу я?

- Знаешь, - Алёхин тоже вышел из машины и начал раскладывать сиденья, - До утра — пара часов. Давай поругаемся позже, когда я немного посплю. Мне в глаза будто песку насыпали. Устал.

- Ладно, - пожала плечами Наташа. - Ты спи, а я посижу, покараулю освободителя.

Капитан, ни слова не говоря, достал из багажника сумку, сделал из неё подушку и устроился на заднем сиденье, вытянув ноги, насколько позволяла теснота салона. Через пару минуту Александр крепко спал.

Однако, сон его продолжался недолго. Наташа, набросив на плечи куртку Алёхина, походила вокруг Мерседеса, пиная носками ботинок заросли сухого бурьяна, потом, открыв дверь машины, тронула Алёхина за плечо.

- А? Что? - капитан поднял голову, непонимающе глядя на лицо девушки, склонившейся над ним.

- Ты лежи, лежи. Я могу и так с тобой поговорить.

- Сколько времени?

Наташа нащупала ключ, торчавший в замке зажигания. Зажглись лампы приборной доски.

- Без десяти пять.

- Чёрт! - выругался Алёхин, приподнимаясь на локте. - Ты неисправима. Ну, что тебя ещё мучит?

- Забыла тебе спасибо сказать. Всё вышло так неожиданно. Меня даже не особо пытали...

- Не успели, - мрачно проворчал Алёхин.

- Наверное. Но я думала, что это конец. Что возьмут меня под белы рученьки, да поставят к стенке. Прошлой ночью даже представляла, что бы я делала на месте Зои Космодемьянской, и придумывала последние слова для своих палачей.

- Ничего, - Александр хотел обнять Наташу, но не решился. - Доберёмся до Белоруссии, отдохнём пару дней. Всё забудется.

- А потом? Что мы будем делать потом?

Капитан пожал плечами.

- Просто жить. Хочешь, уедем за границу?

- Ты думаешь, это так легко?

- Почему нет? В Чернигове купим чемоданы, одежду. Пересечём белорусскую границу в укромном месте. Переоденемся. Особых проблем я не вижу. Белоруссия не ведёт войну с Украиной. Паспорта — дело техники. Деньги у меня есть...

- Я не об этом, - немного помолчав, Наташа тяжело вздохнула. - Я не могу бросить Украину. Это — моя Родина, моя страна. Здесь похоронены мои предки. Мне нужно найти могилы отца, матери, сестры. Это вам, русским, да хитро мудрому Путину всё до фонаря. Вы вроде пришли освобождать нас. Но каждую минуту на Украине гибнут простые люди от бомб, пуль и снарядов. На наших кладбищах уже не хватает мест хоронить погибших... Мужиков, насильно мобилизованных, молодых

хлопцев — несмышлёнышей идеалистов... В ваших пабликах, ваши же военкоры называют этот ужас могилизацией...

- Наталья! Не начинай, - начал злиться Алёхин. - Твоя страна сделала свой выбор ещё при Ющенко. Да и Украину, как государство, создали Ленин и Сталин, за что вы обоих дружно возненавидели. И прошу, не повторяй чушь о древних укрaх, которую придумали ваши доморощенные историки.

- Я и не повторяю. Слава Богу не в Закарпатье, не на Львовщине родилась. Но то, что основал Украину Богдан Хмельницкий, с этим ты не будешь спорить?

- Буду, - Александр упрямо наклонил голову. - Сам Хмельницкий не считал себя украинцем. Поищи в интернете исторические документы, почитай его переписку с русским царём Алексеем Михайловичем. В письмах нет ни одного слова об Украине, как о стране. Мне самому было интересно, откуда «ноги растут». Перелопатил кучу ресурсов... Сам Хмельницкий был польским шляхтичем. А польское королевство, устав от беспредела и грабежей запорожских казаков, среди которых были беглые литовские, польские, русские крестьяне, нашли блестящий выход из положения. Они решили по примеру турецкого султана создать корпус этаких славянских янычар. Тем более, что отваги казакам было не занимать. Вот так и появилось в составе войска польского реестровое казачество. Хитрый ход. Хотите казаки пановать на краю Дикого поля, то вот вам привилегии. Но не всем. А присматривали за этими янычарами польские шляхтичи, назначаемые королём войсковыми писарями, сотниками, старостами. Мать Богдана была дочерью поляка, гетмана реестрового казачьего войска Богдана Ружицкого. Потому и военная карьера Хмельницкого, получившего образование в иезуитской школе, шла, как по маслу. После службы в войске польском он был приписан к реестровому казачеству, получив должность чигиринского сотника. Кстати, вот тебе вишенка на торт для историков вашей незалежности... Хмельницкий верой и правдой служил польскому королю, принимая участие на стороне поляков в войнах с Русским царством. Но всё дело в том, что запорожские казаки, большинство из которых были русские люди, являлись православными, ощущая себя частью русского мира, а реестровое казачество даже не помышляло о собственном государстве, понимая, что ни поляки, ни турки не допустят объединения в единое целое земель, отвоёванных у той же Польши и татар. И ещё... Тогда считалось, что царская или королевская власть — власть от Бога. Иными словами, Хмельницкого никогда не признали бы самодержцем казаков, восставших

против законной польской власти. Задушили бы его державу ещё в колыбели. Польского короля устраивало, что казаки служили заслоном для Речи Посполитой с юга на окраине Дикого Поля, защищая поляков от набегов татар. Польских магнатов устраивало, что на Востоке запорожцы угрожали московскому царству, устраивая разбойничьи набеги в приграничных землях. Если бы не сосед Хмельницкого, такой же польский шляхтич, по дурости разоривший поместье Богдана, то чигиринский сотник, который не нашёл справедливости и защиты у короля польского, был вынужден взяться за саблю, подняв запорожцев против обнаглевшей шляхты, считавших казаков быдлом...

- Господи! - Девушка раздражённо перебила Алёхина. - Что ты мне лекции про Хмельницкого читаешь? Может, я больше тебя о нашем казачестве знаю.

- О вашем? - капитан возмущённо развёл руками. - Да никакого вашего, украинского казачества никогда не было. Днепровские пороги облюбовали беглые русские, литовские холопы, вольница, решившие, что лучше грабить польские территории, чем пахать на них в поте лица. Хмельницкий не думал ни о каком казацком государстве. Единственной целью сотника, полковника, войскового писаря, а затем гетмана его королевской милости войска запорожского являлось защитить крестьян, заселявших пустующие земли на границах с Крымским ханством от жадной шляхты, пытавшейся надеть ярмо на переселенцев. Он понимал, что поднятое им восстание, без поддержки со стороны в итоге обречено. Поэтому шарахался из одной крайности в другую. То хотел ислам принять, чтобы верно служить турецкому Султану против Польши, то мечтал встать на сторону польского короля, обещавшему казакам отдать в полное владение захваченные у татар земли, то шведам прислуживал и даже французам. Казацкая старшина всегда хотела жить на западный манер. Одеваться, как польские магнаты, владеть замками, подражая Вишневецким, Потоцким и французскому принцу Конде, которого Хмельницкий с почтением называл своим бывшим вождём.

- А с какого бока тут принц Конде затесался? - удивилась Наташа.

- Эх, ты. А ещё украинкой себя называешь... Во время войны Испании с Францией в середине семнадцатого века ваш Хмельницкий во главе двух тысяч казаков принимал участие в осаде французами крепости Дюнкерк... Наёмником был твой гетман со старшиной запорожской. Кто платил деньги, тот его и танцевал... В то время полковник Хмельницкий даже не помышлял ни о какой унии с московитами. По Европе ездил,

завидовал красивой жизни, с кардиналом Мазарини разговоры вёл. В совершенстве владел польским языком и латынью, а на всякий случай во французском слегка поднаторел. Но казацкая беднота, крестьяне хотели другого. Защиты московского царя Алексея Михайловича и всей православной Руси, бывшей с казаками одной веры. Не могу точно процитировать, нужно посмотреть в Интернете, но Хмельницкий, захватив Киев, говорил перед огромными толпами: «Выбью из лядской неволи весь русский народ. Что раньше я воевал во вред и за неправду, то отныне я буду воевать за нашу веру православную... Отрекитесь от ляхов и с казаками оставайтесь, потому что лядская земля сгинет, а Русь будет господствовать». Типа, я избавлю от польского горя весь русский народ. Примерно, вот так. Чёрт его знает, популизмом занимался или уже искренне считал, что без России пропадёт. Чего у него не отнять, дипломатом он был не плохим.

- Ага, - с обидой, словно маленький ребёнок, у которого отняли любимую игрушку, воскликнула Наташа. – А, чего же тогда царь московский не сразу принял Украину под свою руку? Может, ждал, пока поубивают поляки казаков, да пересажают восставших крестьян на колья. Один к одному, как твой любимый Путин. Десять лет ждал, пока нацики убивали дончан...

- Опять ты за Украину топишь? - с досадой сказал капитан. - Говорю же, не было тогда никакой Украины. Опять же не ручаюсь за точность, но Хмельницкий написал Царю Алексею прежде, чем дважды или трижды пытался договориться со шляхтой... Думаешь, царь не знал об этом. Кстати, на Переяславской раде, где решалось будущее восставших, Хмельницкий там тоже болтался, как сама знаешь, что в проруби. Он предлагал казакам выбирать из четырёх государей — султана турецкого, хана крымского, короля польского и царя московского. А то, что не сразу Земский собор решил принять войско запорожское в московское подданство, то сама посуди. Принять, значит придётся воевать Москве с поляками. А любая война — палка о двух концах... Вот тебе ещё информация к размышлению. После смерти Богдана, запорожские гетманы не раз предавали Россию, служа полякам или шведам, считая это выгодным. Кто в конкретный период времени казался им сильнее, к тем и переходили на службу. Сначала это сделал сын гетмана Юрий, потом гетманы Брюховецкий, Дорошенко, наконец Мазепа. А друзья, не говоря уже о братьях, познаются, между прочим, в беде.

- Ладно, - Наташа зевнула. - Хватит проповедей. Давай факты.

Что там писал Хмельницкий вашему царю?

- А то и писал, - Алёхин наморщил лоб, вспоминая. - Вот... Примерно так... «Божиею милостию великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Великия и Малыя Руси самодержцу... Богдашка Хмельницкий, гетман Войска Запорожского и всё Войско Запорожское низко до лица земли челом бьют. Богу милостивому и вашему царскому величеству велико благодарим, получивши ныне, что от веку жаждали есмо, промыслом божиим и милостию неизчетною вашего царского величества: что ваше царское величество пожаловати под крепкую и высокую руку свою государскую нас, верных слуг своих, приняти изволил... Мы, Богдан Хмельницкий, гетман Войска Запорожского, и все Войско Запорожское, за милость неизреченную вашему царскому величеству паки и паки до лица земли низко челом бьем».

Капитан перевёл дух и торжествующе посмотрел на девушку.

- Извини, но у меня математическая память. Что раз прочитал, запоминаю навсегда... А теперь скажи, где тут хоть слово об Украине и, на каком языке писал письмо царю Хмельницкий?

- Сдаюсь, - Наташа отвернулась.

Она задумчиво смотрела через окно на узкую полоску рассвета.

- Да, брат... Память у тебя, что надо. Или ты специально готовился, чтобы показать какой ты умный.

- Специально? Когда? Мне, что, больше нечего делать? Просто, когда оказался в Киеве, порылся в ваших же источниках, не вычищенных вашими дебилами историками. А памятью, ты права. Бог не обидел.

- Историки, мать их, - выругалась девушка. - Иуды, предатели... Как их земля носит. И вроде над душой у них никто не стоял, не пытал, не мучил. Выходит, они сами, с удовольствием накрапали целые тома про укров.

- Знаешь, - капитан потёр кулаками воспалённые глаза. – Только ты не обижайся... Иногда я думаю, что предательство — в крови у хохлов. Этакий ген или зерно, прорастающее в определённых условиях. Не обязательно мучить человека, пытать его, чтобы заставить предать свою Родину, товарищей или память предков. Современные украинцы, большая часть которых носит русские имена и фамилии, сами с охотой, даже с восторгом предали всё, что связывало их с прошлым. Свою настоящую историю, свою православную веру, своих родичей,

оставшихся в России, свою память, своих дедов, воевавших против немецкого нацизма, своих детей, у которых они украли будущее... Сказать, почему?

- Тебе надо выговориться? Давай.

- Их купили, поманили светлым, европейским завтра, рассказывая, что Россия — это зло, а русские — все сплошь орки. Что у них прямо вот сразу, немедленно будет свобода, безвиз, воля, кружевные труселя, всем по чашке кофе в Вене перед оперой. Их заставили забыть, что в сорок первом году вместе с Гитлером на Советский Союз напала та самая просвещённая, цивилизованная Европа, голландцы, французы, румыны, хорваты, прочая шушера, где по факту в то время пришли к власти местные нацисты. Тоже самое происходит сегодня. Европой рулят потомки нацистов. У канцлера Шольца дед являлся полковником или даже генералом СС, у Алёны Бербок, главы МИД Германии, тоже. Самый громкий скандал в своё время был связан с именем бывшего генсека ООН Куртом Вальдхаймом. У мужика оказалось нацистское прошлое. И ничего. Стал президентом Австрии, отработав весь срок. Можно этот список продолжать, но горькая правда в том, что предки Шольца, Бербок, Вальдхайма убивали наших дедов… Это предки хорватских, литовских, венгерских, румынских и прочих белых, пушистых сегодняшних младо европейцев жгли наши деревни, расстреливали советских людей на улицах оккупированных городов, создавали концлагеря. А русские Украины, позволив внушить себе, что они потомки древних укров, с большим удовольствием предали свою историческую родину Россию.

Алёхин наклонился, глядя через ветровое стекло на Восток.

- Жаль не удалось поспать. Ну, что? Будем собираться, ехать дальше?

- Никуда я с тобой не поеду, - Наташу неожиданно будто подменили.

Она вышла из машины, подняла руки и потянулась всем телом, подставляя лицо восходящему солнцу.

- Ты уж один, как-нибудь, а я не брошу этих самых русских людей. Большинство из них просто заблудились. Кто-то думал пересидеть смутное время, кто-то давно опомнился, но боится протестовать. Я их не оставлю на съедение твоим чеченцам, которые боготворят Путина, готовые стрелять по каждому украинцу. Не отдам и в руки нацикам, которые дорвались до власти, упиваясь безнаказанностью.

- Господи! - Алёхин тяжело вздохнул. - Ну и каша у тебя

в голове. Причём здесь чеченцы? Хорошо. Ты не любишь Путина. Но я уверен, просто знаю. Те, которые, как ты говоришь, заблудились, боятся, или хотели пересидеть, типа — моя хата с краю, ждут не тебя, а скорого прихода русских. Они искренне считают, что Путин прийдэ, порядок навэде. Москва снова всё восстановит. Русские все проблемы порешают, наладят жизнь, построят дороги, новые заводы и всё остальное. Крым, Мариуполь тому яркий пример. Заживут они, словно ничего не было. Ни войны, ни жестокости, ни сотен тысяч убитых. Ты ради этих хамелеонов, которые уже готовы перекраситься из жёлто-блакитного в триколор, хочешь остаться? А что ты будешь делать с Житомиром, Винницей. Львовом? Или там тоже живут те, кто заблудился?

- Не усложняй, - Наташа растерянно взъерошила собственные волосы.

- Я усложняю? Ты не заметила, но наш мир сильно упростился за последнее время. Каждый в нём занял своё место на той стороне, которая ему ментально близка. Сама Россия уже не та. Это совершенно другая страна, другие люди. Знаешь, в чём урок всех майданов?

- Ещё не думала об этом?

- А я вот поразмыслил на досуге, - Алёхин схватил девушку за плечи, повернув к себе лицом. - Как же так получилось, что почти всё население Украины, очень близкое нам по духу особенно в русских городах Киеве, Харькове, Днепропетровске, Чернигове, Херсоне, Николаеве так быстро оскотинилось и озверело. Почему вы позволили сделать с Украинской православной церковью то, что сделали. Как мог Ющенко... Он же не уроженец Ивано-Франковщины, не из Житомира приехал, он родом с Юго-Востока из Сум... Мужик оказался просто мразью, наградив Бандеру и Шухевича званием героев Украины. Почему так получилось? С какого момента русские, живущие на Украине, превратились в антирусских. Пока сами украинцы не ответят на эти вопросы, ваши мантры: «Запад даст нам всё за красивые глаза» или новая, недавно родившаяся присказка - «Путин придёт, порядок наведёт» будут продолжать работать. А вы после войны станете сидеть в парках на лавочках, семечки щёлкать или цигарки покуривать. Россия уже и раньше всё за вас разруливала, сделав самой богатой республикой в СССР. Пока вы не перестанете быть иждивенцами, ничего на Украине не изменится.

- Поэтому я и останусь, - твёрдо сказала Наташа. - Чтобы такие, как ты не попрекали нас куском хлеба.

- Чёрт! Чёрт! - схватился за голову Александр. - Ты не понимаешь. Я не могу тебя бросить здесь. Тебя поймают, это только вопрос времени.

- Ты можешь ехать куда захочешь, а я не хочу даром терять своё время, - девушка открыла багажник и стала быстро перебирать там вещи, в беспорядке валявшиеся на полу. - Откуда у тебя бейсбольная бита? Можно её взять?

- Машина не моя, - сказал Алёхин, с раздражением представляя, как Наташа пойдёт по дороге с бейсбольной битой на плече. - Слушай, не валяй дурака. Лучше обсудим ситуацию ещё раз.

- Нечего обсуждать, - отрезала девушка, залезая в сумку Алёхина и вытаскивая оттуда пистолет. - Твой?

- Нет.

- Патронов много?

- Господи! Видел я идиоток, но такую... Не помню, кто и когда сказал одну фразу. «Во всех странах есть свои идиоты, но, чтобы у идиотов была своя страна — такое впервые в истории человечества».

- Пошёл к чёрту! Мне твои оскорбления до одного места.

- Ладно, - капитан после недолгой борьбы отобрал у Наташи биту и пистолет. - Садись в машину. Я поеду с тобой.

Девушка, упрямо опустив голову, чтобы скрыть победную улыбку, открыла дверь Мерседеса.

- Рядом тебе нельзя, - остановил её Алёхин. - На заднее. Приготовь мешок на всякий случай. Будем придерживаться нашей легенды. Ты — шпионка, арестованная офицером СБУ.

- Знаешь, - тихо сказала Наташа, когда машина задним ходом выехала на дорогу. - Хочу спросить. Тот полковник американец, твой приятель...

- Ты — про Адамса?

- Умный он или, как все янки — туповат?

- Ты зря недооцениваешь американцев. Он прямолинеен, но далеко неглуп.

- Если он сумел вытащить меня из камеры, вывезти из Киева, наверняка у него есть легенда для отмазки перед начальством СБУ.

- Весьма возможно. Думаю, когда его спросят о тебе, он скажет, что ты уже - на Кубе в Гуантанамо, - ехидно улыбнулся капитан. - Хотя, это интересный вопрос. Не удивлюсь, что он себе соломку уже подстелил. Скажет, что в интересах национальной безопасности США тебя отправили, например в Польшу или Германию. Там есть секретные тюрьмы ЦРУ. Пока суть, да дело, особенно в этой неразберихе, когда русские давят на фронтах, о тебе через пару недель могут даже не вспомнить.

- А это значит, - подхватила Наташа. - Нам особо бояться нечего. Главное — мне нужно привести себя в порядок и переодеться в гражданское.

- Тебе идёт военная форма, - Алёхин тайком бросил на девушку взгляд. - Насколько я понимаю, ты же не планируешь на площадях украинских городов жечь глаголом сердца людей?

Капитан бросил взгляд на дорогу. В это раннее солнечное утро дорога была почти пустой, не считая редких машин и мотоциклов с колясками, на которых жители окрестных сёл спешили по своим торговым делам. Видавшие виды Жигули, Москвичи и мото-тарахтелки удивляли своей грузоподъёмностью, перевозя бидоны с молоком, ящики с яблоками, накрытыми соломой, живых коз и поросят. Мерседес, неподвижно стоявший на обочине, обращал на себя внимание, но военная форма пугала людей. Они, давя на акселераторы, поспешно скрывались за поворотами трассы.

- Итак, - Александр снова повернулся к Наташе. - Куда едем?

- Будем пробиваться в Донецк, - решительно сказала девушка.

- За каким чёртом ехать в западню? В той стороне сейчас идут самые интенсивные бои.

- И хорошо. У меня в тех краях есть знакомый мужик. Случайно узнала, что он офицер Первого донецкого корпуса. Там почти во всех батальонах есть подразделения снайперов.

- Час от часу не легче! - Воскликнул Алёхин. - Так ты снайпером решила стать? Безумная идея. Слава сестры покоя не даёт?

- Я не плохо стреляю. Подавала надежды, Мы когда-то в юности вместе с Олесей ходили на стрельбище. Это потом наши дороги разошлись.

- А ты, вообще, знаешь, что при современных системах разведки, в том числе с дронов, жизнь снайпера на ЛБС — пара недель?

- Плевать. За это время успею десяток нациков нащёлкать.

- Ну, да. Это же так просто, - с сарказмом произнёс капитан. – Всего делов — заехать в Донбасс через чёртову кучу блокпостов, минных полей и располаг ВСУ, перебраться через линию фронта, где по тебе может в любой момент прилететь, взять в руки винтовку, вымазать лицо сажей. Тебя, идиотку ещё научить нужно нациков щёлкать. Искусству маскировки, перемещениям в зоне поражения и прочей хрени,

- Тогда в артиллерию можно, - неуверенно произнесла Наташа.

- Точно. Там снаряды некому подносить.

- Слушай! Заткнись, а, - разозлилась девушка. - Ты сам, что предлагаешь?

Алёхин пару минут молчал, размышляя, потом взял Наташу за руку.

- А ты не хочешь вывести на чистую воду главарей нациков? Продажных генералов, воров — депутатов Рады? Всё эту мразь, жиреющую, набивающую свои карманы, зарабатывающую на крови? Узнать, в какой стране, в каких банках они держат украденное? Номера счетов, валюты, суммы?

- Каким образом?

- Понимаю. Это - непросто, но твой покорный слуга в этом деле собаку съел. Поверь мне на слово. Я даже могу изымать у особо неосторожных дебилов, пренебрегающих правилами кибер-безопасности, любые суммы. Не сразу, конечно, а откусывая по кусочкам в течение какого-то времени. Всё, что мне нужно для этого, немного налички, чтобы купить абсолютно новый, нигде не засвеченный, мощный ноутбук, «чистый» смартфон, сим-карту на чужое имя... Короче, нужно создать с нуля новую цифровую личность. А ещё нужно безопасное место для работы.

- Угу, - скептически улыбнулась Наташа. – Сущие пустяки... Где это безопасное место? СБУ давно научилось отслеживать любую интернет-активность.

- Они отслеживают простых пользователей, не умеющих быть в Сети невидимками. Базой для нас должен быть большой город с населением миллионов два хотя бы.

- Ты имеешь в виду Киев! Опять лезть в волчье логово? - Наташа удивлённо округлила глаза.

- Киев — худший из вариантов. Слишком много непредсказуемых факторов. Выбирай. Или Москва или Минск. Самое главное - иметь крышу над головой в районе массовой застройки. Лучше

всего найти нуждающегося пенсионера, сняв у него квартиру. Научу тебя всему, что знаю сам.

- Постой, - девушка сморщилась, словно проглотила ложку соли. - Ты к чему это ведёшь? Специально подводишь меня к решению вернуться в Москву? Манипулятор! Хитрый подонок, подлец. Ненавижу! - Наташа заплакала.

- Только не реви, - спохватился Александр, вытирая рукавом куртки слёзы, покатившиеся из глаз Наташи. - Для твоей же пользы стараюсь. На Украине скоро будет везде небезопасно. Дело идёт к финалу. В СБУ есть планы тотальной мобилизации. Даже женщин загребут в армию. Будут хватать, как мужиков, прямо на улицах. Не исключены провокации с обстрелами крупных городов, гибелью мирных гражданских. Запорожская АЭС — бомба замедленного действия. Ты же знаешь Зеленского с командой. Они ни перед чем не остановятся, чтобы сохранить власть, чтобы обеспечить Америке контроль над Украиной. На, - Алёхин вытащил свой пистолет, передёрнул затвор, досылая в ствол патрон и сунул оружие Наташе в руки. - Стреляй!

Он схватил девушку за руку, державшую пистолет и приставил ствол к своему виску.

- Я не отпущу тебя и не позволю наделать глупостей. Если хочешь остаться на Украине, стреляй, забирай машину, езжай, куда хочешь.

Глок ходил ходуном в руке Наташе, но капитан не отпускал её запястье, удерживая пистолет у своего виска.

- Ну, же, - прохрипел Алёхин. - Спуск очень мягкий. Жми... Постой! Давай отойдём в кусты, чтобы тебе не возиться с трупом, - капитан левой рукой приоткрыл дверь автомобиля. - Испачкаем кровью тачку, не отмоешь.

Наташа неожиданно завыла, словно собака, предчувствующая беду. Она разжала ладонь. Пистолет упал на колени Александру.

- Так-то лучше, - часто дыша, проворчал Алёхин, подхватывая Глок и ставя оружие на предохранитель. – Знаешь... Чтобы не оставалось тайн. Признаюсь... Азм есть офицер российской армии. Во многом благодаря тебе, стал чёртовым Штирлицем, кротом в СБУ. Так, что за тобой должок.

Капитан, сунув пистолет в кобуру, перевёл дух.

- Я люблю тебя, Наташа, - тихо сказал Алёхин. - И сделаю всё, чтобы твоя жизнь стала лучше, не смотря на эту чёртову войну и всё, что с ней связано.

Девушка, словно окаменев, молчала, глядя на свои дрожащие руки.

- Если Москва, значит, ты вернёшься на службу? - неожиданно спросила она. - И всё будет, как прежде?

- Всё будет, как прежде, - пообещал ей капитан.

- Понятно, - покорно кивнула Наташа. – Стало быть, я опять останусь сидеть одна в четырёх стенах, а ты будешь пропадать на работе сутками, а потом корчить невинную рожу и говорить, что — извини, милая, это служба. Не такой я жизни хочу, Алёхин. Не жизни содержанки, прислуги и секс-машины.

- Не дави на меня, ладно, - виновато сказал Александр. - Давай сначала доберёмся до Белоруссии. Думаю, в Москве тоже многое изменилось так же, как изменилась стратегия и тактика войны. Время расставило всё и всех по своим местам. Поехали?

Наташа покорно перебралась на заднее сиденье, где легла, подтянув ноги к животу.

Пересечь границу оказалось проще простого. План, который составил Алёхин, пока Мерседес пожирал километры трассы, сработал. У самой границы, спросив на КПП какой-то воинской части дорогу к пограничной заставе, капитан, оставив Наташу в машине с мешком на голове, козырнул часовому у штаба погранотряда, затем без стука вошёл в кабинет начальника заставы. Им оказался молоденький лейтенант, который увидев незнакомого офицера с нашивками СБУ, поднялся из-за стола, вытягиваясь в струну.

Алёхин, подражая стилю полковника Адамса, сказал:

- Без формальностей, сынок. Садись!

Но лейтенант, поспешно напялив на голову натовское кепи, продолжая стоять, выкинул руку в приветствии и крикнул:

- Слава Украине!

- А! Какова молодёжь? - поощрительно улыбнулся Алёхин. - Похвально. А теперь скажи, кого ты видишь перед собой?

Пограничник удивлённо захлопал глазами. Александр достал из кармана удостоверение СБУ, дал бегло прочесть лейтенанту, спрятал, но тут же вынул прямоугольник пластика с печатями и гербами США.

- Тебе всё понятно? - спросил Александр.

- Не совсем, - лейтенант с благоговением проводил глазами пластик, который Алёхин положил обратно в свой карман.

- Единственное, что тебе нужно понять, сынок, так это то, что, если кто спросит, ты меня никогда не видел… Того, что я тебе сейчас скажу, вообще не слышал. Зрозумел? Сядь, я сказал! - Прикрикнул на офицера капитан.

- Так, шо вам , пан офицер, треба в таком разе? - Садясь, продолжал хлопать глазами лейтенант.

- Все мои действия подчиняются интересах национальной безопасности Украины и Соединённых Штатов Америки, - Алёхин покровительственно похлопал пограничника по плечу. - Меня сопровождает женщина, лицо которой никто не должен видеть. Наша задача… Тайно, ночью перейти границу с Беларусью. В знак особого к тебе отношения, как к командиру заставы, доверительно скажу… Поскольку Путин разместил у Лукашенки пусковые установки с ядерным оружием, там, в Киеве, - палец капитана показал на потолок. - Принято решение о заброске в Белорусь разведывательно-диверсионных групп. Спутники НАТО со всеми хвалёными средствами дальнего обнаружения не могут определить в каких именно точках размещено это чёртово оружие. Поручено выяснить координаты и тайно установить в нужных местах системы наведения на цели. Моя группа не единственная. Остальные для надёжности будут прорываться через кордон в других местах. Розумиешь, куда я клоню? А потому, ты найдёшь мне контрабандиста, который тайно переправит нас в глухом месте через границу. Есть тут у вас такие?

- Тайные места?

- Контрабандисты, мать твою! - Счёл нужным выругаться капитан. – И, если ты с ними в доле, мне на это плевать.

Лейтенант думал целых пять минут. Сложная гамма чувств читалась на лице пограничника.

- Э, пане офицер. Разве не должны были меня предупредить, шо вы тут объявитесь? Мне треба дозвониться до начальства.

- Тогда мне придётся тебя пристрелить прямо здесь в твоём кабинете, - Алёхин достал Глок. - Ты — тупой или прикидываешься? Операция, мать твою, совершенно секретная. О ней в Киеве знают всего четыре человека. Сам Зеленский, посол США, ещё Малюк и Буданов. Теперь знаешь ты. Однако, ты, сынку, здесь лишнее, но необходимое звено. И останешься жив лишь при условии переправки нас через границу в обстановке строжайшей секретности. Я даже бабу, ту, что в машине, ликвидирую через неделю. Она — всего лишь прикрытие. Ты понял меня?

Пограничник, ошеломлённый напором Алёхина, испуганно кивнул.

- Так вы меня не убьёте? - спросил он.

- Если всё пройдёт гладко, сверли дырку на мундире для Золотой звезды Героя Украины. Но если когда-нибудь откроешь рот, типа по пьяни похвалиться за что получил Героя, будет у тебя дырка в голове. Ещё вопросы есть?

Побледневший лейтенант судорожно сглотнул, постоял минуту в полной прострации, но справившись с дрожью в коленях, сделал жест рукой, приглашая Алёхина к карте, висевшей на стене.

- Вот здесь, видите, - палец пограничника показал несколько мест на карте. - Тут сплошь леса, проще говоря — бурелом. Есть берёзовые рощи... А вот здесь - болото. Считается непроходимым. Но есть у меня один хлопец. Таскает с той стороны спиртное и сигареты... А туда — кое-что из оружия для оппозиции минской. Он знает пару звериных троп. С завязанными глазами проведёт пана офицера.

- Добре, сынку, - капитан одобрительно похлопал лейтенанта по плечу. – Скажи… Сегодня дождь не обещали? А то увязнем в болоте.

- Вроде, нет. И ночью тоже.

- Тогда посылай за контрабандистом. Начнём готовить операцию. И чтоб, ни одна живая душа… Мой Мерседес сожги где-нибудь в укромном уголке... Не вздумай отогнать тачку в свой личный гараж… Считай, что тебе снится вещий сон. Это я про награду. Но к гадалке, местной ведьме не ходи, - зловеще улыбнулся Алёхин.

- Розумию, пане капитан, - поспешно сказал пограничник.

На рассвете следующего дня Наташа и Алёхин оказались уже по ту сторону границы в Белоруссии на краю леса за контрольно-следовой полосой, которая упиралась в болото. Отправив обратно проводника, «диверсанты» дождались появления белорусского пограничного наряда и вышли к нему с поднятыми руками.

Атлас

То, что создал Атлас в арендованном ангаре, сложно было назвать суперкомпьютером. Это было нечто другое. Особая программа, созданная хакером, заставляла дорогостоящий хард, купленный через посредничество фирм однодневок, сливаться в «тесных объятиях» с любым сторонним гаджетом, имеющим доступ в Интернет. Так неутомимый паук, плетущий свою сеть и расставляющий капканы, соединяет узлы-ловушки тонкими нитями с центром паутины, где восседает он сам. Не важно, если чьи-то компьютеры, ноутбуки или смартфоны находились в спящем режиме или были отключены. Миллионы пользователей не догадывались, что их девайсы без ведома хозяев работали для достижения цели, которую поставил перед собой Атлас. Уверенность хакера в своей правоте добавляла ему решимости довести дело до конца. Сводки новостей с театра боевых действий, промахи российского командования, локальные неудачи боевых подразделений только ожесточали сердце хакера. Его жажда мести подпитывалась анализом публикаций и прогнозами западных СМИ. Атлас готовил свой собственный «ответный удар», полагаясь не только на свой талант, но также используя наработки разных хакерских групп, включая одержимых той же целью маньяков. План атаки на Запад давно созрел в его голове. Сроки и варианты нанесения ущерба зависели только от решения незначительных технических вопросов. В подпольном интернет- сообществе хакер прослыл этаким таинственным меценатом, поддерживающим молодые дарования и скупающим самые последние разработки в сфере IT технологий криминального характера. Атлас довольно улыбался, дорабатывая чужой софт. Он был только рад новому всплеску цифровой революции, которая захлестнула Восточное и Западное полушария.

Накануне католического рождества, хакер вылетел в Париж через Стамбул, имея в кармане паспорт Словакии, оформленный заранее в Москве двенадцать месяцев назад. Считая себя гражданином мира, Атлас также «приобрёл» по случаю удостоверение личности гражданина Латвии. В этот же период времени через посредника адвоката, он обеспечил заказами двух парижских частных детективов, заплатив каждому по пятьдесят тысяч евро. Общаясь с адвокатом по видеосвязи, Атлас использовал образ, созданный программой Искусственного интеллекта. В адвокатской конторе слушали печальную историю словацкого бизнесмена, жена которого бросила семейный очаг ради красивой жизни в Западной Европе. Расстроенная гримаса на толстом лице с трясущимися губами дополняла картину.

Предъявив на стойке иммиграционного контроля паспорт на

имя Лукаша Варги, и, оказавшись в зале прилёта аэропорта имени Шарля де Голля, Атлас нашёл офис конторы GetRentacar. Там он получил ключи от машины вместе с номером парковочного места на автомобильной стоянке возле здания аэровокзала. Сверяясь с данными бейджика, закреплённого на ключе, месье Варга нашёл довольно новый на вид Пежо 207, сел за руль и отправился в департамент Луара. Этот регион центральной Франции в долине одноимённой реки ничем особенным не отличался от других, кроме наличия в тридцати километрах от небольшого городка с громким название Орлеан атомной электростанции. Запарковав машину в переулке рядом с городской ратушей, Атлас зашёл на почту, получил два конверта, адресованных Лукашу Варга, и поехал в один из отелей. Показав портье QR-код бронирования, Лукаш взял карту-ключ от номера. Отказавшись от услуг носильщика по причине отсутствия вещей, месье Варга самостоятельно поднялся в своё временное жилище. Хакер впервые за много лет оказался за границей. После московской суеты, было странно наблюдать за спокойной, сытой, размеренной жизнью провинциального города, а потому он решил быстрее закончить здесь дела, справедливо полагая, что Орлеан похож на множество других французских городов. Ему было плевать на местные достопримечательности, на готический собор Сент-Круа, на церковь эпохи ренессанса Нотр-Дам-де-Рекуаранс, на жилую застройку позднеготического и ренессансного стилей, теснившуюся вдоль реки. Атласа интересовала только внутренность полученных на почте толстых конвертов. И в первом, и во втором прятались фотографии очень интересных с точки зрения Атласа личностей. Плюс два десятка страниц с текстом на английском языке содержали нужную ему информацию. На снимках были запечатлены двое мужчин разного возраста, внешностью и привычками. Но их объединяло одно. Оба они работали на атомной электростанции Сен-Лоран-дез-О. Имена и должности этих двоих Атлас нашёл во время интернет-сёрфинга на страницах одного из специализированных американских онлайн журналов. Эти люди не просто работали на АЭС, они имели доступ к корпоративной внутренней компьютерной сети станции. Самое главное, что бесило «словака» Варгу, чья «жена», ныне «работающая» в одном из ресторанчиков города, было то, что она изменяла своему мужу Лукашу с обоими французами». Такова была легенда для частных детективов... На фотографиях чётко виднелись флешки, принадлежавшие «соблазнителям». Одного из инженеров звали Франсуа Дешо. Это был молодой человек с внешностью айтишника и причёской в стиле борца Сумо. Он носил свой накопитель на шее,

прикреплённым к цепочке. Второго звали Жак Лакомб. Этот солидный мужчина с брюшком, изрядной лысиной и отрешённым взглядом извращенца, судя по всему, имел привычку перебирать в руке наподобие чёток связку ключей, среди которых висел флеш накопитель. Отложив фотографии, «Лукаш» начал читать досье на каждого, напечатанные на английском языке. Через десять минут Атлас знал, как и где «его клиенты» проводят свободное время. Франсуа Дешо три раза в неделю: вторник, четверг, пятница после работы посещал тренажёрный зал на улице Бассе, а Жак Лакомб любил, что странно для француза, так написал один из частных детективов, выпить пива в Viktoria Pub на улице Etieene Dolet.

Атласу потребовалось ещё пятнадцать минут, чтобы зайти на сайт тренажёрного зала, позвонить из номера отеля по телефону и попытаться объяснить на смеси французского с английским, что ему нужен абонемент. Проклиная французов, не желающих учить языки, Лукаш Варга всё же договорился с милой, но бестолковой девушкой, что он сам зайдёт за годовым абонементом ближе к вечеру.

Узнать номер шкафчика Франсуа Дешо в тренажёрном зале оказалось проще простого. Раздевалка состояла из двух помещений, разделённых перегородкой. Одно из них предназначалось для постоянных клиентов. Под цифрами на шкафчиках были прикреплены маленькие бейджики с именами. К тому же в этих помещениях не было видеокамер. Лукаш Варга появился в зале вечером в пятницу за полтора часа до закрытия. В это время большинство французов сидели в многочисленных барах и ресторанах, болтая о новостях, сплетничая и обсуждая последние матчи любимых футбольных команд. Тренажёрный зал выглядел, как и должен был выглядеть в конце дня. Пара толстяков терзала ногами велотренажёры, единственный инструктор наводил порядок, размещая на стойках разбросанные тут и там гантели, пристраивая на стойке блины для штанг. Франсуа Дешо занимался на силовой мульти-установке, прокачивая спину. Было видно, что тренировка ему давалась потом и кровью. Атлас, переодевшись, встал на беговую дорожку, затем запустил её, поглядывая в сторону инструктора и двух взмокших от пота толстяков. Инструктор вскоре ушёл в маленький кабинет за стеклянной перегородкой, где уселся в кресло, включив телевизор. Бегуны, обливаясь потом, испарились через пятнадцать минут. Лукаш Варга остановил свой тренажёр ещё через десять, давая время толстякам принять душ и переодеться. Затем, посмотрев в сторону Франсуа, он одобрительно поднял большой палец, удостоился

ответного взгляда, сопровождаемого снисходительной улыбкой француза, потом прихрамывая, отправился в раздевалку. Там, как и ожидалось, было пусто. Атлас, прислушиваясь к глухим звукам хода железных пластин по направляющим тренажёра, быстро вскрыл запор на шкафчике Дешо. Через несколько мгновений он нашёл флешку, висевшую на цепочке под джинсами и рубашкой. Достав из собственного шкафчика ноутбук и включив его, он вставил флешку в гнездо USB. Девайсу понадобилось минута, чтобы с помощью особой программы подобрать пароль. Ещё тридцать секунд девайс закачивал на флешку софт, который Атлас с чувством тайной гордости называл «Remengenet», что означало «Сетевая месть». За стеной неожиданно наступила тишина, потом раздались голоса на фоне шарканья подошв по бетонному полу коридора. Хакер едва успел сунуть свой девайс под одежду, лежавшую на лавке, а флешку повесить обратно на крючок в шкафчик француза и запереть его. Через мгновение в раздевалке появился мокрый от пота Дешо, вытирающий полотенцем лоб и шею. Атлас, не оборачиваясь, не торопясь, начал одеваться. Проводив взглядом усталого Франсуа, направлявшегося в душевую, хакер натянул на ноги кроссовки, спрятал ноутбук в рюкзак, закинул его за спину. Покидая заведение, месье Лукаш пожелал девице, сидевшей за стойкой регистрации, доброй ночи по-французски. Вернувшись в гостиницу, Варга, выпив банку безалкогольного пива, купленного по дороге, лёг в постель. Он заснул почти мгновенно с приятным чувством выполненного долга. В конце следующей недели такую же операцию он проделал с флешкой, принадлежавшей Жаку Лакомбу. Заполучить её оказалось сложнее, но хакер был готов к новой роли в предстоящем спектакле. Ему пришлось пять вечеров подряд провести в баре Viktoria Pub. Только на шестой день, а это была суббота, он увидел месье Жака. Тот сидел в гордом одиночестве за столиком в дальнем углу помещения, изучая винную карту. Пивший Кока-Колу Лукаш Варга, зажатый возле стойки двумя дамами среднего возраста, слез с табурета, чтобы, сделав круг по залу, приблизиться к столику Лакомба.

- Чёрт! Неужели в этом городе никто не говорит по-английски? - бросил в пространство Лукаш. - Боже мой! Даже посоветоваться не с кем.

Краем глаза Атлас заметил, что Лакомб поднял голову в нужном направлении. Хакер хмельно качнулся, но с разочарованным видом нетвёрдой походкой двинулся дальше.

- Эй! Месье!

Лукаш остановился, медленно разворачиваясь в сторону

окрика. Жак Лакомб оторвал задницу от стула, затем призывно махнул Атласу рукой.

- Присаживайтесь... Мистер?

- Лукаш. Лукаш Варга. Слава Иисусу! Он сжалился надо мной и послал мне доброго самаритянина, знающего английский.

- Мой английский требует более полного погружения в его дебри, месье. Симпозиумы и научные конференции вне Франции, вот моя единственная практика. Однако, вы не похожи на американца или англичанина.

- Я из Словакии. Путешествую в своё удовольствие, - Атлас взял в руки винную карту. - Две недели провёл в Германии и вот, что я вам скажу, месье...

- Жак Лакомб. Для вас — просто Жак.

- Вот, что я вам скажу, месье Жак. В Германии вина - дрянь. В Италии — лучше, но нет того волшебного послевкусия, которое присуще французским винам. То же самое говорят знатоки ваших вин по всей Европе.

- И они правы, - Лекомб, достав из кармана связку ключей, машинально стал перебирать их пальцами одной руки.

- Так и я о том же! - воскликнул Лукаш Варга. - Но в моём случае есть одно «но». Совсем не разбираюсь в сортах французских вин, а тем более в надписях на французском языке. Вот эта винная карта для меня шарада, не открытая Америка, куда приплыл бедняга Колумб, то есть ваш покорный слуга. Мне сказали, что надо знать с какого вина начать вечер и каким его закончить. Это правда, Жак?

- Так оно и есть, - с загадочным видом ответил Лакомб.

- Отлично! - Лукаш щёлкнул пальцами в воздухе. - Гарсон! Месье Жак! Я угощаю. Итак, что вы посоветуете для начала?

Спустя два часа «случайные знакомые» стали закадычными друзьями. Атлас не жалел денег, заказывая вина, выбранные Лакомбом, слегка ошалевшим от щедрости собутыльника. Француз быстро сообразил, что дешёвое пиво подождёт до следующей недели. Ещё через полчаса за столиком Лакомба уже сидели две проститутки, подпирая с двух сторон пьяного «в дым» месье Жака. Вечер закончился в одном из дешёвых отелей поблизости, куда Атлас с помощью жриц любви притащил Лакомба. Ночной портье, привыкший ничему не удивляться, помог закрыть двери лифта, провожая понимающим взглядом хмельную компанию. Увидев кровать, Жак долго стоял возле

неё, качаясь, пока проститутки раздевали француза. Затем количество выпитого вина сделало своё дело. Лакомб ничком рухнул на постель, раскинув руки, и захрапел.

- Девочки! - Атлас отсчитал дважды по триста евро.

Он совал деньги в руки проституток, приговаривая:

- Финита ля комедия. Go at home... Go, Go...

Блондинка с брюнеткой осознали, что ещё успеют этой ночью подцепить других клиентов, поэтому сразу же ретировались. Атлас с удивлением услышал певучий голос одной из девочек, прозвучавший за дверью.

- Швидчей, Оксана... Тоби те раз приспичило очи свои свинячьи пидмалюваты?

Через полчаса флешка Лакомба была «заряжена». Атлас в последний раз окинул взглядом голого «приятеля», потом открыл свой рюкзак, спрятал в нём ноутбук, достал лист бумаги с заранее напечатанным по-английски текстом, где рассыпался в комплиментах месье Жаку, положил записку на подушку рядом с головой француза и вышел, бесшумно прикрыв дверь номера. Лукаш Варга не стал спускаться на лифте, а воспользовался пожарной лестницей. Оказавшись на первом этаже, он высунул голову из-за угла стены, увидел спящего портье, осторожно ступая, прошёл к выходу, зная, что дверь «чёрного» входа редко запирается на ночь.

Атлас провёл в Орлеане ещё неделю, тестируя софт проникновения на сопротивляемость системам защиты внутренней сети АЭС. В результате он нашёл несколько лазеек в сети, позволявшим хакеру контролировать работу и управлять системами безопасности атомной станции Сен-Лоран-дез-О. Теперь реакторы стали бомбами замедленного действия. Оставалось только выбрать время, когда они взорвутся.

Атласу понадобилось три месяца, чтобы повторить похожую «операцию» в Великобритании, используя всё тот же паспорт гражданина Словакии. Ему удалось «зарядить» две атомные станции. Одну — «Хейшем-1» в Ланкашире. Вторую — «Торнесс» на востоке страны близ городка Данбар. Владельцем и оператором обоих станций являлась EDF Energy, принадлежащая всё той же французской Electricité de France, что упростило задачу.

В первой половине февраля Атлас вернулся в Москву. Следующий этап его плана требовал более глубокого проникновения в тему. Хакер давно выяснил, что президент Соединенных

Штатов носит ту самую, некогда вожделенную для Атласа пластиковую карточку с кодами, а ядерный чемоданчик таскает его помощник офицер. В случае непосредственной угрозы ядерной войны, после отправки кодов через специальную систему связи, находящеюся в чемодане министра обороны, тот подтвердит личность президента, после чего прикажет вооруженным силам применить ядерное оружие. Эта строка кодов не являлась кодом запуска ядерного оружия, она лишь использовалась для подтверждения личности президента. В этом процессе вышестоящее командование подтверждает запуск ядерного оружия, но окончательный контроль находится в руках оператора, который фактически имеет возможность предотвратить запуск ядерных ракет.

Если это происходит на стратегической атомной подводной лодке, командир имеет возможность применить ядерное оружие по своему усмотрению. Именно поэтому стратегическим атомным подводным лодкам обычно требуется более двух должностных лиц для запуска ракет.

Атлас, проанализировав довольно сложную систему приведения в действие американской ядерной триады, решил отказаться от идеи генерации кодов, а сосредоточиться на взломе системы контроля за пуском баллистических ракет Минитмен. Тем более, что хакер нашёл информацию, что в две тысяча десятом году в Штатах произошёл инцидент, во время которого пятьдесят стратегических ракет класса Minuteman таинственным образом исчезли с пусковых мониторов. Ракеты находились в своих стартовых шахтах на подземной базе ВВС США им. Фрэнсиса Уоррена в штате Вайоминг. Офицеры группы запуска не могли восстановить контроль за ракетами в течение часа. Были опасения, что ракеты уже находятся в процессе запуска. Виновной оказалась вышедшая из строя монтажная плата компьютера пульта управления системами.

- Господи! Благослови Америку с её военно-промышленным комплексом на базе частных корпораций, - шептал Атлас, размещая заказ нужных ему компонентов электроники на мало кому известных торговых площадках Малайзии.

«Если военные не контролируют разработку, качество, обслуживание и логистику поставок оборудования для ядерного оружия, для критически важных сетей управления, то это не моя проблема», - думал хакер.

Он уже примерно представлял, каким образом хакнет систему запуска Минитмен, обнаружив две уязвимые точки для «входа». Одной из них был софт радиоантенны над пусковыми шахтами,

через которую передаются команды, если основной пульт по какой-то причине не работает. Эта устаревшая конструкция с медным кабелем ограниченной пропускной способности могла принимать команды извне, например, с самолета, если их не получается отдать штатным способом.

«Нужен мощный, приемлемых размеров радиопередатчик на малозаметном крошечном дешёвом дроне, - продолжал размышлять Атлас. - Ни одна ПВО не среагирует. Обрушить на антенну лавину кодов, перегрузив систему. Это классная мысль, над которой нужно поработать».

Хакер ночами сидел перед экраном монитора, разыскивая информацию о сбоях софта безопасности устаревших, но ещё находящихся на боевом дежурстве ракет Минитвен. Все данные он тщательно анализировал на предмет уязвимости и удалённого доступа к сервисам систем. Через две недели он переключился на анализ информации, связанной с фактами применения Пентагоном разработок оружия, управляемого искусственным интеллектом. Здесь была такая же, на его взгляд, порочная практика продажи частными цифровыми гигантами своих технологий военным. ИИ не реже, чем человек, ошибался в самые критические моменты. В начале Иракской войны ракеты «Пэтриот», которые были запущены без участия человека, сбили сначала британский, а затем американский истребители.

«А это - совсем свежий пример», - обрадовался хакер, читая расследование британского независимого журналиста о системе раннего оповещения о ракетной атаке, которая дала сигнал ложной тревоги на американской базе Рамштайн в Германии. В Балтийском море в то время проходили учения военно-морского флота России. Компьютер принял учебные запуски ракет за реальные, не смотря на заблаговременное протокольное предупреждение российской стороной.

- Идиоты! - воскликнул Атлас, прикрывая ресницами воспалённые глаза. - Обмануть их хвалёный ИИ, как два пальца... Мощный направленный электромагнитный импульс. Что-то вроде удара молнии. Или двойник эха радиосигнала с имитацией сканирования земной поверхности во время ядерного нападения. Типа полёта ракеты с головкой самонаведения. Неужели наши ещё не додумались, каким образом можно предотвратить пуски? Если в сигнале зашифровать софт вируса, меняющего полётное задание ответного удара, то это будет высший пилотаж. Чёрт возьми! Выходит, что физические кнопки и тумблеры, которые ставят на русские пусковые установки надёжнее? Отлично! А это, что?

Хакер, лениво прокручивая новостную ленту какого-то, случайно найденного он-лайн ресурса штата Калифорния, наткнулся на интересную статью.

«Пятидесяти семилетний Ченгуан Гун, проживающий в Калифорнии арестован в Сан-Хосе шестого февраля прошлого года. Он стал гражданином США в 2011 году, получив степень магистра электротехники университета Клемсона, защитив докторскую диссертацию в Стенфорде...».

- И на хрена американосам понадобился этот китаец? - Ворчал Атлас, фокусируя взгляд на тексте.

«С января по апрель двадцать третьего работал инженером в исследовательской компании, базирующейся в Малибу. Так, так, так. Что это может быть за компания такая?». - Хакер внимательно изучил фотографию Гуна, затем открыл новое поисковое окно, где нашёл список высокотехнологичных компаний Калифорнии.

«Есть! Большая часть работ фирмы — разработка инфракрасных датчиков для систем обнаружения ракет. Финансируется Пентагоном. И за что же был арестован этот парень? Ага. Перенёс более трёх с половиной тысяч файлов со своего служебного ноутбука на три личных устройства хранения данных. Молодец! Дальше. Прокурор заявил, что технологии, украденные мистером Гуном, могут представлять угрозу для национальной безопасности США. Вот это нашествие Гуна. Побольше бы таких парней».

Хакер улыбнулся, читая копию судебного приговора:

«Многие из файлов, украденные подсудимым содержали конфиденциальные данные, а также информацию, являющуюся коммерческой тайной, связанной с разработкой и проектированием интегральной схемы считывания, которая позволяет системам космического базирования обнаруживать запуски ракет, отслеживать полёты баллистических и гиперзвуковых ракет, обеспечивая при этом устойчивый уровень предупреждающих сигналов. Также мистер Гун похитил техническую документацию для производства сенсоров нового поколения, которые позволяет самолетам определять цифровок эхо малозаметных целей в условиях плохой видимости».

- Поговорить бы с этим парнем, - пробормотал Атлас. - Посмотрим, сколько ему впаяли и, где он сидит?

К удивлению хакера, китаец был освобожден под залог в два с половиной миллиона долларов с обеспечением мониторинга

местоположения и соблюдением требований определённого режима нахождения на открытом воздухе.

- Да здравствует американский суд, самый гуманный суд в мире! - воскликнул Атлас. - Интересно, сколько китайцы заплатили денег за такой приговор шпиону, кому дали на лапу? Определённо, мне нужен этот Гун.

«Куда его сунули под мониторинг следует выяснить, - размышлял дальше хакер. - В судебном приговоре нет ни слова о запрете пользоваться интернетом. Вероятно ФБР держит парня под колпаком, контролируя сетевую активность китайского Джеймса Бонда, планируя дальше выйти на кураторов Гуна в Китае. Наверняка этот чел, если не успел передать все украденные технологии на родину, где-то припрятал копии устройств хранения данных. Нельзя ждать милостей от природы. Взять их у неё - наша задача!», - мысленно воскликнул Атлас.

После продолжительных раздумий и выбора вариантов поиска Гуна, Атлас понял, что, как бы ему этого не хотелось, но придётся лететь за океан.

В Штате Калифорния в это время года по местным меркам было довольно жарко. Боинг три семёрки авиакомпании American Airlines из Монтевидео мягко коснулся шасси взлётно-посадочной полосы аэропорта Лос-Анджелеса. Через десять минут самолёт с выключенными двигателями застыл у здания международного терминала.

- Алтас Балтс? - офицер полиции, распределявший очередь к стойкам иммиграционного контроля, взял из рук Атласа паспорт. - Гражданство Латвии? Цель визита в Соединённые Штаты?

- Деловая поездка, - хакер сдвинул на лоб очки с затемнёнными стёклами.

- А, что вы делали в Уругвае?

- Э-э... Офицер! У меня там родственники. Пришлось сделать крюк. Мой прадед после Второй Мировой войны эмигрировал из Германии сначала в Аргентину, а потом в Уругвай. Вы понимаете?

- Ваш дед был солдатом Гитлера? - глаза полицейского округлились.

- Вроде того. Но он не был в СС. Просто служил в латышском корпусе Вермахта и боялся русских.

- Понимаю, сэр. Сочувствую вашему деду... У вас биометрический паспорт, мистер Балтс. Вы можете пройти к безвизовым электронным терминалам. Там нет очередей.

- Вы очень любезны, офицер, - Атлас, сдерживая дрожь, чувствуя, как потеют ладони, двинулся в указанном направлении.

Ещё в самолёте хакер наклеил на пальцы тонкую плёнку с отпечатками, соответствовавшими биометрии паспорта, но по мере приближения к терминалам, он с трудом подавлял страх перед возможными «неприятностями». Однако, тщательная подготовка к перелёту оказалась не напрасной. Всё прошло благополучно, и Алтас Балтс, миновав зону миграционного контроля, перекинув через плечо кожаную сумку, похожую на репортёрский саквояж, оказался в вестибюле перед выходом на свежий воздух. В небольшой группе встречающих людей Атлас увидел человека, державшего в руках табличку с его именем.

- Вы — мистер Белтс? - спросил человек с внешностью латиноамериканца.

- Балтс, сэр, - поправил его хакер.

- Очень хорошо. Меня зовут Мигель Санчес. Следуйте за мной.

Вместе они вышли к стоянке такси, где мистер Санчес повернул направо. Через пять минут они оказались на автомобильной стоянке аэропорта возле арендованной онлайн машины.

- Вы хотели, что-то вроде недорогого, практичного мини-вена, сэр? - латиноамериканец вынул из рюкзака, который он перебросил на грудь, ключи, а следом - пакет с документами. – Взгляните на этот Додж-Караван. Серый практичный цвет. Двигатель TL33, велюровый салон, не прокурен, полный бак бензина.

- Объём двигателя - три, и три десятых литра?

- Да, сэр. В европейской системе мер и весов, - Санчес презрительно улыбнулся. - Вы оплатили два месяца аренды. Первый и последний. Если машина вам понадобится на более

длительный срок, в конверте — реквизиты нашей конторы. Заплатить можете в любом банкомате. Надеюсь, с водительским удостоверением у вас всё в порядке?

- Абсолютно, - Атлас вернул очки на переносицу. - У вас всё?

- Не забывайте пристёгиваться. У нас здесь с этим строго. Счастливого пути, сэр.

Санчес протянул руку. Она повисла в воздухе, поскольку мистер Балтс не мог себе позволить лишиться чужих отпечатков пальцев. Запасных у него не было.

- Спасибо, мистер Санчес!

- Тогда я побежал. У меня ещё два клиента прилетают с разницей в тридцать минут.

Атлас открыл машину, кинул на заднее сиденье сумку, завёл двигатель, включил кондиционер и аккуратно, стараясь не помять, снял плёнку с пальцев. Уложив отпечатки в особую коробочку и спрятав её в сумку, он облегчённо вздохнул. Посидев в машине несколько минут, чтобы освоиться, хакер включил навигатор, озвучил адрес, переводя рычаг коробки передач в положение «Драйв». Додж мягко тронулся с места. Чуть более тридцати миль до Малибу Атлас уложил под колёса машины примерно за час. Он никуда не торопился, опасаясь дорожной полиции, но, когда перед глазами открылась панорама невысоких гор Санта-Моники, эйфория и азарт охватили его. Атлас невольно слегка придавил акселератор, двигаясь по Пацифик Кост Хай Вей, но рокот отзывчивого мотора тут же отрезвил его. Миновав Беверли-Хилс, по извилистым улицам Малибу хакер уже двигался, не превышая скорости тридцать миль в час. Подчиняясь указаниям навигатора, Атлас вскоре оказался в одном из трёх кварталов города, где проживал средний класс. Крошечная вилла, которую ему удалось снять, пряталась под кронами деревьев в середине длинной улицы Виа-Эскондидо. Скорее это было небольшое бунгало, непонятно каким образом «пришпиленное» к обрывистому склону холма. К дому поднималась узкая дорога, стеснённая с двух сторон высокими «живыми» изгородями колючих кустарников, за которым виднелись черепичные крыши соседних строений. На маленькой лужайке возле бунгало в шезлонге сидел человек в белом костюме, обмахивая лицо ковбойской шляпой. Увидев Додж-Караван, человек торопливо поднялся и пошёл навстречу машине.

- Мистер Белтс? - спросил он, когда Атлас открыл дверь авто.

- Балтс, сэр. Он самый, - ответил хакер, подавая человеку руку. - Не плохой домик. На самом деле выглядит гораздо круче, чем на фото.

- Обычно бывает наоборот. Меня зовут Бред Арчер. Я — риэлтер. Мы с вами общались по Скайпу. Ближе к делу, сэр. У меня ещё встреча в Санта-Монике. Если вам нравится дом, давайте подпишем договор аренды, затем переведёте моей

фирме деньги. Ваш депозит пока останется у нас. Не думаю, что вы по неосторожности сожжёте бунгало, но мало ли что.

- Говорят, тут часто бывают оползни и торнадо?

- Не волнуйтесь, сэр. На такие случаи дом застрахован. С пакетом документов я передам вам копию страхового свидетельства на имя хозяина бунгало.

- А, кстати... Где он? Вдруг передумает.

- Вряд-ли, сэр. Мистер Бредфорд — мастер наездник или по-простому, жокей. Он сейчас в Британии. Подписал контракт с одним лордом, владельцем ранчо, который разводит лошадей для скачек. Так, что этот дом в вашем распоряжении на целых шесть месяцев, как мы договаривались.

- Тогда, вперёд! - Атлас деловым шагом направился к бунгало.

К пяти часам вечера Алтас Балтс, приняв душ и перекусив пиццей, которую ему доставил курьер, сидел за письменным столом, набрасывая список оборудования, которое ему предстояло купить.

Хакер, проанализировав ещё в Москве всю найденную информацию, связанную с китайцем Гуном, сделал вывод, что тот занимался промышленным шпионажем целенаправленно и профессионально. И, что решение суда со столь мягким приговором отнюдь не поставило точку в карьере шпиона. Украденные технологии нужно было довести до ума, а для решения такой задачи кураторам из Поднебесной необходима связь с мистером Гуном, как специалистом, видевшим собственными глазами все разработки «в металле».

«Если ФБР контролирует местонахождение Гуна, отслеживает его цифровой след, то, во-первых, если я найду китайца, на контакт с ним идти не следует, - рассуждал Атлас. - Себе дороже. Во-вторых. Мистеру Гуну наверняка нужен надёжный, безопасный канал связи с Китаем... Радио? Нет. Дедовский метод, крайне ограниченный в смысле передачи и получения информации. Защищённый телефон? Тоже не айс. Есть методы взлома любого смартфона. Тогда, что? Остаются почтовые голуби? Маловероятная экзотика... Тогда, что?».

Внезапно Атласа осенила догадка. Однажды вечером ещё в Москве он шёл к своему ангару. На глаза попалась небольшая антенна спутникового телевидения, закреплённая на стене одного из домов.

- Чёрт! Как я раньше об этом не подумал. Спутниковый интернет! - воскликнул хакер. - Дёшево, сердито. Почти никакого риска.

Потирая ладони, он отправился на кухню, где стоял бумажный стакан с недопитым кофе, который шёл в комплекте с пиццей. Потягивая через трубочку остывший напиток, Атлас закончил список необходимых комплектующих, бормоча:

- Варианты доступа... Конечно, двусторонний поток в Ka-диапазоне. Там антенны меньше, а значит установить незаметно будет проще. Дальше… Высокочастотное оборудование. Передающий и приёмный блоки. Ещё нужен модем для оптимизации локального сетевого траффика, хороший, «чистый» ноут с операционкой Linux. В DVB-S тюнере стандартную плату нужно заменить на плату от TBS Technologies. Эти лучшие. Особенно TBS-6922SE. Господи! Главное — найти этот чёртов китайский спутник и «срисовать» IP-адрес Гуна...

На следующее утро Атлас отправился в Лос-Анджелес в поисках нужных магазинов. Часть оборудования он купил в Magnolla на San-Diego Freeway, а нужную антенну — в Wireless World на востоке Беверли-Хиллс. Антенна была почти такой же, как в сценах фильма «В осаде» со Стивеном Сигалом в главной роли. Её диаметр составлял «смешные» пятьдесят пять сантиметров. Всего на оборудование Алтас Балтс потратил чуть больше тысячи долларов.

Остаток дня хакер провёл на пляже, наблюдая в бинокль за яхтами голливудских звёзд и большими моторными лодками, утыканными удилищами. Вернувшись домой на закате дня, он снова заказал пиццу, а затем проспал до рассвета прямо на террасе бунгало, накрывшись тонким пледом. Утром, приняв душ, Атлас переоделся в купленную накануне футболку, чтобы снова отправиться к морю, не забыв прихватить бинокль, но уже вечером приступил к монтажу оборудования и его настройке. Спутниковую антенну он установил внутри беседки, густо увитой плющом, разобрав старые кровельные балки. Со стороны устройство было невозможно заметить, даже подойдя вплотную. Кабели, заведённые в дом, хакер уложил под плинтуса. К трём часам ночи, всё оказалось готово для поиска и взлома любой локальной спутниковой сети. С чувством хорошо выполненной работы усталый хакер, не обращая внимания на гостеприимно открытую дверь ванной комнаты, прошёл мимо и плюхнулся в маленькой спальне на кровать.

Он потратил больше недели, по миллиметрам вращая антенну в поисках нужного спутника, перехватывая нисходящие

потоки трафика. Как правило потоки не шифровались, позволяя «слушать» сети нефтяников, больших парусных яхт, подразделений береговой охраны, каких-то геологов в горах Сьерра-Невада и пользователей системы Старлинк Илона Маска. На восьмой день рано утром, испытывая острую головную боль, отчаявшийся мистер Балтс запер бунгало, с ненавистью посмотрев на беседку, где пряталась спутниковая антенна. Он решил отправиться к пирсу подышать свежим морским бризом. Хакер дошёл почти до самого края широкого деревянного помоста, далеко выступающего в море, когда мимо в ста метрах от причала медленно прошёл довольно большой катер, на палубе которого какой-то человек крепил на корме удочки. Атлас совершенно машинально поднял руку и приветственно помахал ею. Человек повернул голову к пирсу именно в тот момент, когда хакер подносил к глазам бинокль.

- Гун! - выдохнул хакер, поспешно отворачиваясь. - Чёрт его возьми! Эврика! Катер — идеальное место для развёртывания лепестковой антенны. Все остальные прибамбасы легко спрятать в трюме. Ай, китайцы. Ай, молодцы. Интересно, что за двигатель стоит на лодке? Мощности и параметров силовой установки должно хватать для питания сетевого оборудования.

Дав судну отойти на полмили, хакер снова поднял бинокль к глазам и продолжал наблюдение, пока лодка не превратилась в маленькую точку на горизонте.

«Идеальное решение» - размышлял Атлас, возвращаясь к машине. - Принимать и отправлять потоки информации можно даже на ходу. Спутник! Где ты? Мне нужен китайский спутник.

Через пятнадцать минут хакер уже сидел перед экраном ноутбука, фильтруя нисходящие потоки. Он не сразу обратил внимание на чередование английских букв и китайских иероглифов, прерывающихся группами цифр, но найденный поток был слишком устойчив, чтобы его игнорировать. Хакер, беспокоясь, что связь может прерваться в любую минуту, запустил софт дешифровки сигнала. Через пару минут программа определила IP-адрес пользователя, историю траффика и диапазоны частот. Мистер Балтс увидел список китайских веб-сайтов и торрентов, с которыми сегодня работал китаец. То, что это был Гун, Атлас почти не сомневался, особенно после того, как в переписке на английском языке в нисходящем потоке замелькали три слова: сюй цинь сянь.

На своём личном девайсе хакер «вбил» эти слова в поисковую систему Гугл. Каково же было его удивление, когда на одном из британских аналитических сайтов, специализирующихся на

китайской тематике, он наткнулся на следующий текст:

«Сюй Цинь-Сянь — генерал-майор Народно-освободительной армии Китая. Отказался применить силу против демонстрантов в Пекине во время протестов на площади Тяньаньмэнь в 1989 году. Принимал участие в Корейской войне. Командовал 1-ой бронетанковой дивизией, затем 38-ой армией, самой крупной и боеспособной в НОАК. Являлся протеже министра обороны Цинь Цзи Вэя. Был осуждён военным трибуналом, отсидел в тюрьме четыре года, отправлен в ссылку. По слухам умер в январе 2021 года, поперхнувшись едой. Однако есть предположения, что смерть была постановочным актом, а генерал в настоящее время курирует одно из подразделений китайской военной разведки, которое занимается промышленным шпионажем».

- Бинго! - воскликнул Атлас, отрываясь от ноутбука. - Остаётся узнать параметры орбиты спутника и каков угол охвата луча нисходящего потока.

Ещё через полтора часа хакеру удалось заполучить параметры орбит пяти спутников Китая, зависающих над территорией США в определённые, интересующие Атласа периоды времени. Один из них по диапазону радиочастот был именно тем спутником, исходящий сетевой поток которого удалось сегодня взломать.

«Надо же, - мысленно удивился хакер. - В сектор охвата попадает Россия. Не ожидал. Значит, пора ехать домой. Будет приятно общаться с мистером Гуном, сидя в своём любимом мягком кресле».

Алёхин

Алёхина и Наташу белорусские пограничники почти сразу перевезли на военную базу в сотне километрах от границы, где целых две недели следователи КГБ Белоруссии допрашивали странных перебежчиков. Но Александр или молчал, или твердил, что будет разговаривать только с офицерами российской военной разведки. Белорусы слушали правильную речь Алёхина без признаков малороссийского акцента и недовольно морщились. Наташа, согласно уговору с Алёхиным, твердила, что ничего не знает. Что муж, капитан СБУ Волков, виноват во всех её бедах. Что она обязательно бросит его, и при первом же удобном случае потребует развода. В начале третьей недели задержанных перевели в одну камеру, а во вторник Алёхина вновь повели на допрос. Только в комнате вместо уже знакомых лиц следователей он увидел человека в гражданской одежде.

- Подполковник Никонов, - представился тот, вытаскивая их внутреннего кармана пиджака удостоверение офицера Первого главного управления Министерства обороны России.

Алёхин осторожно взял документ в руки, внимательно изучил текст, печати и фотографию.

- У вас белорусы сотовой телефон не отобрали? - неожиданно спросил Александр у офицера.

- При мне, - подполковник широкой ладонью похлопал по боковому карману пиджака.

- Можно позвонить?

- Матери, наверное, - понимающе улыбнулся Никонов. - Конечно.

Алёхин быстро набрал номер деда.

- Кто это? - раздался в трубке знакомый голос.

- Скажи Ивану Матвеевичу, что я в Белорусии...

- Саша? Ты? Господи! - растерялся дед.

- У меня нет времени, - Алёхин уже отбивался от попыток подполковника отобрать «трубу». - Пусть генерал давит на рычаги по своим каналам. Понял, дед?

Ответа Александр не услышал. Никонов, отобрав смартфон, грубо толкнул Алёхина в грудь.

- Ты, что себе позволяешь, сука?

- Спокойно, подполковник. Вызывайте конвой и ждите звонка из Москвы. Вам всё объяснят.

Александр надеялся, что на следующий день его отправят в Москву, но перебежчиков продержали на базе ещё полных три дня. Алёхин уже начал нервничать. Наташу снова перевели в другую камеру. Однако, на четвёртый день после встречи с Никоновым, в механизме принятия решения провернулась какая-то нужная шестерёнка, и после полудня задержанных уже ждала машина с российскими номерами. Это был довольно новый микроавтобус чёрного цвета с водителем в гражданской одежде. Рядом стоял уже знакомый подполковник, нетерпеливо постукивая пальцами по чёрному лаку капота. Когда подвели Наташу и Алёхина, Никонов открыл дверь, дождался пока пассажиры займут свои места, а сам уселся рядом с водителем.

- Я буду сопровождать вас, - сказал он, поворачиваясь и протягивая клочок бумаги. - Адрес верный?

Александр прочитал адрес деда, написанный от руки, и кивнул.

Утром следующего дня Алёхин уже обнимал деда, сильно постаревшего за то время, пока они не виделись. Отставной генерал смахнул со щеки слезу, затем внимательно осмотрел Наташу.

- Вот, она, молодость. Никакой галантности. Нет, чтоб познакомить меня с этим очаровательным созданием...

- Прости, дед. Это Наташа. Та самая.

- Долго жить будете, Наташа, - Алёхин старший, привыкший ничему не удивляться, и на этот раз не подкачал.

- Надеюсь, - девушка улыбнулась, смущённо, немного растерянно осматривая прихожую, но не решаясь пройти дальше.

- Будьте, как дома, Наталья... Не знаю вашего отчества, - генерал, сделав над собой усилие, нагнулся, доставая из обувной тумбы тапочки.

- Надевайте. Должны быть в самый раз. Армейские башмаки на паркете выглядят нелепо. Снимайте куртку, проходите в гостиную. А мы с Александром пока стол накроем. Я даже бутылочку коньяка в запас отложил. Знал, что ещё увижу внука. А тут двойная радость, - продолжал суетиться старик.

- Давайте я вам помогу, - спохватилась девушка.

Она уже надела тапочки, повесив на вешалку армейскую куртку.

- Не женское это дело коньяк открывать. Вы проходите в комнату, присаживайтесь. Там у меня два кресла. Очень удобные. А помогать особо нечего. В холодильнике — нарезки, салаты кой-какие есть.

- Ну, что вы будете бегать из кухни в гостиную. Я сама мигом стол накрою, - Наташа уже нашла дверь в ванную. – Руки помыть – дело одной минуты.

- Хозяйственная, - с лёгким оттенком зависти проворчал генерал. - А ты, чего столбом стоишь? - повернулся он к внуку.

- Вот, смотрю на тебя, - растерялся Алёхин.

- Что? Постарел?

- Есть немного.

- Всё нервы проклятые, неопределённость, ожидание. И на фронтах у нас — не шатко, не валко. Активная оборона, мать их, - проворчал Алёхин-старший. - Ладно. Хоть мне не терпится поговорить о трудах твоих тяжких, но сделаем это позже. К восемнадцати часам Иван Матвеевич обещал быть. Тогда всё и расскажешь.

К шести вечера Наташа, захмелев от вкусной еды и двух рюмок спиртного, уже спала на диване в кабинете генерала, заботливо укрытая пледом. А мужчины расположились в гостиной за журнальным столиком, где стоял поднос с коньяком, рюмками и чашками кофе.

- Так! - хлопнул ладонью по подлокотнику кресла Иван Матвеевич. - С твоим пребыванием в Киеве всё более, менее ясно. Рассказал всё коротко, но ёмко… Срок тебе — три дня. Напиши на бумаге свою эпопею в подробностях в виде рапорта. Пришлю офицера, он заберёт. Сам на службе не появляйся. Ни в твоём Центре, ни в «Аквариуме». Домой пока не езди. Поживи у деда. Здесь с тобой легче связаться. Чем меньше народа о тебе знает, тем лучше...

- И это всё? - возмущённо воскликнул Алёхин-старший. - Он же провалил задание. В моё время нелегалы по десять лет у врага работали, а этот, с позволения сказать разведчик, двух лет не продержался. Его в звании нужно понизить, да должность придумать, чтобы бумажки с одного края стола на другой по восемь часов в день перекладывал.

Старик презрительно посмотрел на опущенную голову внука.

- Не согласен, - возразил Иван Матвеевич. - Во-первых, способы войны изменились. Сегодня всё происходит на два порядка быстрее...

- Это, точно, - старик не дал собеседнику договорить. - Мы такими темпами скоро лишимся всего Черноморского флота. Хохлы топят наши корабли, словно рыбацкие лодки. Что нам делать с этой проблемой? Постой, догадаюсь. Не замечать... Капитан! - неожиданно рявкнул старик.

Алёхин вздрогнул и непроизвольно, подчиняясь выучке, вскочил.

- Почему ты не выяснил о планах и возможностях вражеского ВПК производить новые системы вооружений? Почему не наносили упреждающих ударов по заводам и базам дислокации?

- Постой, постой! - Иван Матвеевич жестом руки заставил Алёхина старшего снова опуститься в кресло. - Ну, чего ты на

парня взъелся? Гостью разбудишь. Не было такого задания у человека. Это поколение отцов наших прошло хорошую школу войны в Испании, потом в финскую компанию. И то, в сорок первом отступали до самой Москвы. А твой парень прямо «с колёс» работал в самом логове украинских нациков. Там, в этом гадюшнике, чтобы крутиться ужом и оставаться в живых, нужно быть профессионалом. Его информация об участии англосаксов в планировании войсковых операций Киева бесценна. С полковником Адамсом, как он всё провернул, любо дорого. А потому, хватит ругать внука. Остынь.

Пристыженный заступничеством Ивана Матвеевича, старик сменил гнев на милость.

- Но и награждать его я бы не спешил, - проворчал бывший разведчик.

- Награды — не в моей компетенции, - примирительно сказал генерал, поворачиваясь к Алёхину. - Говоришь, это твой Атлас нашёл всю информацию по Адамсу?

- Никакой он не мой, - обиженным тоном заметил капитан.

- Пусть так, - Иван Матвеевич устало улыбнулся. - Но парень опять будет твоей проблемой.

- В каком смысле?

- Слишком умён этот хакер, и по некоторой информации, что-то затевает. Американцы подошвы рвут, ищут его. Подозревают, что ветер дует с нашей подачи. Они думают, что некая наша подпольная хакерская группировка готовит им неприятности на структурных объектах. Быть может, без твоего Атласа здесь не обошлось. Кстати, он недавно ухитрился нелегально, через третьи страны побывать во Франции, Англии и, по косвенным, пока неподтверждённым данным, заскочил в Штаты. Мы не знаем, какие документы у него были. При возвращении в Россию наверняка использовал «левый паспорт», но заметить парня в общей массе пассажиров аэропорта, ни пограничники, ни наши спецы из ФСБ не смогли. Мы завели на него досье, но фотографий хорошего качества у нас нет. Большой вопрос, зачем он был в Штатах и, что там делал?

- Расставьте сеть, арестуйте его, - предложил Алёхин. – Это – вопрос времени.

- Можно, конечно, но есть вариант лучше. Тебе снова предстоит надеть на него поводок с ошейником. А мешать такому ценному кадру пока резона нет. Главное выяснить, какие у парня планы, какие методы, приёмы, схемы, технологии

и прочее. Не мне объяснять. Атлас очень осторожен и, повторяю, очень умён. Ребята Касперского с огромным трудом вычислили район его предполагаемой берлоги в Москве. Шифруется классно. Для закупок оборудования использует подставные фирмы однодневки и «липовые» паспорта. В средствах не стеснён. Трафик в пределах нормы для обычного пользователя, а это уже вызывает подозрение. Наводку, где искать, я тебе дам. Твоя легенда звучит так... Ты в патриотическом угаре уехал на СВО, но, как сейчас говорят, свалил из зоны боевых действий. Типа, разочарован ходом войны, медлительностью начальства, неопределённостью целей и всё такое. Написал рапорт на увольнение из Вооружённых сил. Короче, включай образ патриотически настроенного, но недовольного, нетерпеливого отставного офицера, о которого сейчас вытирает ноги даже собственный дед. И жить то тебе, бедолаге негде, а рвать зубами нациков с англосаксами ох, как хочется. Остальное додумай сам. Ты с ним когда-то работал, а не я. Тебе все карты в руки...

- Ох, не нравится мне всё это, - счёл нужным вмешаться в разговор Алёхин-старший.

- Как говорит наш верховный: - Нравится, не нравится, терпи моя красавица. - улыбнулся Иван Матвеевич. - Ладно. Мне пора. Телефон для связи вы знаете. Спасибо за хлеб и соль. А ты, капитан, проводи меня до метро. Поздно уже. Не хочу водителя вызывать. Он и так со мной сегодня вёрст двести намотал.

Генерал, к удивлению Алёхина, выйдя на бульвар, направился не в сторону метро, а к чёрной «Тойоте-Камри», стоящей у тротуара. Иван Матвеевич, открыв заднюю дверь, отступил в сторону, давая понять капитану, чтобы тот сел в машину.

- Иван! - сказал генерал, размещаясь рядом с Алёхиным и дотрагиваясь до плеча водителя. - Пойди погуляй немного. Покури на свежем воздухе.

- Вы же знаете, я не курю, - открывая свою дверь, сказал водитель.

Иван Матвеевич промолчал, наблюдая за своим шофёром, который, перейдя улицу, стал прогуливаться по бульвару, ярко освещённому фонарями.

- Вот, держи, - генерал вытащил из внутреннего кармана пиджака объёмистый конверт. - Здесь все твои документы, ключи от дачи и старой квартиры. Короче, там всё, что ты передал на хранение перед командировкой. Пока мои ребята не подгонят тебе Харлей и Волгу, передвигаться по Москве

будешь общественным транспортом. Да, совсем забыл. Номера на авто, на мотоцикле тебе поменяли на другие, новые. Ещё раз повторяю, в своём жилье не появляйся. Велика вероятность, что хохлы уже разобрались в ситуации. Не дай Бог отправят к тебе человека с определёнными навыками. Возьми, - Иван Матвеевич, открыв перчаточный ящик, достал оттуда небольшой пистолет. - Beretta 950 Jetfire. Восемь патронов в обойме, один в стволе. Очень удобен для скрытого ношения. В конверте найдёшь разрешение на оружие. Знаком с такой штуковиной?

Алёхин кивнул.

- Оружие последней линии обороны, - сказал он. - Для агентов под прикрытием или запасная стрелялка офицеров американской полиции.

- Так и есть, - подтвердил Иван Матвеевич. - Учти. Взять тебя под наблюдение не могу. Тому есть масса причин. Придётся выкручиваться самостоятельно, если что. Но ты у нас уже стреляный воробей.

- Угу, - буркнул Алёхин, пряча пистолет в кармане плаща. - В прямом и переносном смысле.

- И ещё. На деда не обижайся. Он мужик старой закалки. Ему это СВО, как серпом по одному месту. Ты — не Штирлиц, выдуманный Юлианом Семёновым. Это у того звание было штандартенфюрер или полковник. И работал он по версии писателя в центральном аппарате СС. А там, кстати даже не у каждого начальника отдела был доступ к совершенно секретной информации. Что касается войсковых операций тех времён, то Вермахт, генералы которого были особой кастой, подчинялся непосредственно Гитлеру. А потому наш Штирлиц не мог знать многих вещей оперативного характера, которые планировал немецкий генеральный штаб, не говоря уже о разведке Абвер… Такая вот загогулина… Моё мнение о твоей работе в Киеве разделяет и руководство «Аквариума». Ты довольно успешно справлялся с заданием для новичка непрофессионала в тех границах полномочий, которыми тебя наделили хохлы. По Адамсу — особый разговор. Тут надо крепко подумать, как использовать добытые тобой данные. Американец нам может ещё пригодиться. Ты бы с успехом мог бы работать и дальше, но прокололся в ситуации с Наташей. Я тебя предупреждал. Ахиллесова пята каждого разведчика — женщины. А хохлы научились давить на слабые места… Но, что уж теперь говорить об этом, раз случилось то, что случилось... Сейчас о главном. Твоя задача, снова завоевать доверие Атласа. Его «сумрачный гений» может натворить такое, что потом долго придётся

расхлёбывать. Проще, конечно, посадить его лет на пять, десять, но подождём. Тебе нужно выяснить, зачем он ездил за границу? Над какими кибер-проектами он сейчас работает, как далеко зашёл? Думаю, он действует не в одиночку. Нам бы пригодились его связи с другими хакерскими группами. Там тоже парни не лыком шитые. А если учесть, что китайцам, да что там китайцам, даже саудовцам Штаты уже давно поперёк горла стоят, то любые, неизвестные доселе наработки применения искусственного интеллекта в военной сфере нам бы пригодились. Набивайся к Атласу в постояльцы. Глаз с него не спускай. Всё понятно?

- Может, Наташу с собой взять к нему? - неуверенно спросил Алёхин. - Смена обстановки и всё такое...

- Что ж... Возьми, - легко согласился генерал. - Бабы, они благотворно влияют на мужиков в плане расслабона и потери бдительности. В детали её посвящать не нужно. А так... Пусть вертится на глазах у Атласа. Женское око, что алмаз. Может заметить многое, на что мужик внимания не обратит. Ну, всё. Мне пора. Вылезай!

Наводка генерала сработала только на восьмой день. Алёхин, сидя в своей «Волге», не сводил глаз с пустынной улицы, которая вела в сеть узких переулков промышленной зоны на севере Москвы. Неделя наблюдений давала о себе знать болью в глазах и шее. А ещё время от времени Александр думал о Наташе, о сложном характере деда, о том, найдёт ли девушка общий язык со стариком, хватит ли у неё характера преодолеть границы, которые для окружающих выстроил дед, отгораживая свой внутренний мир от повседневной реальности.

Внезапно капитан уловил боковым зрением какое-то далёкое движение в начале улицы. В сумерках было видно, что кто-то, не торопясь, шёл, разглядывая обшарпанные бетонные заборы, крыши ангаров и проходные давно неработающих заводов.

«Странно, - подумал Алёхин. - Бесстрашный, однако, человек. Один в темноте, в таком пустынном месте».

Капитан включил двигатель и, не зажигая габаритных огней, медленно сдал назад, пряча машину глубже в переулок. Александр повернул против часовой стрелки ключ, заглушив мотор, вылез наружу и встал за углом, наблюдая за медленно приближающимся человеком. А тот неожиданно свернул к небольшому одноэтажному дому, пустые окна которого освещал уличный фонарь. Алёхин только сейчас заметил старый

велосипед, привязанный к бетонному столбу цепью. Человек, нагнувшись, начал открывать замок на цепи. Разглядев рюкзак за спиной незнакомца, капитан покинул укрытие, застегнул все пуговицы на куртке и двинулся навстречу велосипедисту, уже садящемуся в седло. Алёхин узнал хакера, когда тот оказался всего в метре от него. Пропустив Атласа мимо, капитан резко развернулся на каблуках, одновременно хватаясь за лямку рюкзака. Рывок едва не опрокинул велосипедиста на разбитый асфальт.

- Эй, полегче, приятель! – Атлас, неловко соскочив с велосипеда, одной рукой потянул рюкзак к себе. - Там ни хрена ценного нет... Чёрт! Кого я вижу? Босс?

- Привет от старых штиблет! - Алёхин отпустил лямку, и хакер, потеряв равновесие, выпустил из рук руль велосипеда, который тут же подхватил капитан.

- Чего? Это невозможно! - воскликнул Атлас. - По теории Эйнштейна вероятность нашей встречи — почти нулевая. И только не надо мне говорить, что ты случайно оказался на этой чёртовой улице.

- Клянусь! - перекрестился Алёхин. - Моя старушка «Волга» стоит за углом. Хотел отремонтировать её в одном сервисе вон в том переулке. Мне сказали у них цены, лучше некуда, а у меня денег почти нет.

- И что там тебе чинили?

- В том-то и дело. Они до восьми работают. А я думал, что до десяти вечера. Закрылись двадцать минут назад. Хотел, чтобы зажигание отрегулировали, карбюратор почистили. Не тянет совсем движок.

- Предположим, - мрачно сказал хакер, закидывая рюкзак за спину и отбирая у Алёхина велосипед. - Значит, сел в тачку, собрался уезжать, но тут увидел человека с рюкзаком. Ты говорил, у тебя денег нет. Хотел меня ограбить? А куда, интересуюсь, ты дел миллионы баксов, которые мы с тобой хакнули за время совместной трудовой деятельности на благо Родины?

- Всё для фронта, дорогой! Всё для победы, - усмехнулся Алёхин. - А, потом, ты же заблокировал мне доступ к тем деньгам. Забыл? Не хорошо.

- Это, чтобы ты не пустился во все тяжкие. Откуда мне было знать, куда и зачем ты исчез. Может ты на особняк в Лондоне или на замок в Шотландии хотел потратиться?

Ладно... Предположим, что я поверил в то, будто наша встреча случайна. А теперь скажи, чего тебе надо? И второе, как ты меня вычислил? Ты же тогда, как сквозь землю провалился, бросив свою контору на произвол судьбы.

- Я уже сказал, что оказался здесь по воле моей старушки Волги. Когда тебя заметил, удивился. Если честно, даже обрадовался. Знаешь, жизнь — сложная штука. От неё не убежишь. Неумолимая рука судьбы забросила меня на Украину. Повоевать пришлось с хохлами. Долго рассказывать, как это всё случилось. Но со временем худо, бедно протрезвел, а потом пришёл в чувство. Вид крови, горы растерзанных трупов быстро лечат от патриотизма. Поэтому из армии уволился... На фронте был контужен. Даже сейчас не могу вспомнить, где спрятал свои банковские карты. Думал, ты снимешь блокировки, и я заживу припеваючи. Но человек предполагает, а судьба поступает по-своему. Бомжую сейчас.

- Бывает, - равнодушно пожал плечами хакер. - Я тоже одно время бомжевал. Мне иногда это нравилось. Значит, неумолимая рука? Пафосно, но сойдёт... От меня, чего хочешь? Я тебе уже помог с каким-то чёртовым американским полковником. На хрена та инфа была нужна даже не хочу знать. Сейчас, чего надо?

- Ничего, кроме крыши над головой. Квартира у меня была казённая. Там замок сменили и опечатали, суки. У деда жить, себе дороже. Стыдно, и весь мозг старик может вынести. Он у меня старой закалки, коммунист до мозга костей. Если поможешь с крышей над головой, могу помочь тебе в делах. Долг платежом красен. Отойду от контузии, устроюсь куда-нибудь, и разойдёмся, как в море корабли.

Атлас, почесав кудлатую голову под сдвинутой на затылок тонкой шерстяной шапкой, задумался.

- Долг, говоришь? Имеешь в виду мой долг тебе?

- Он самый и есть, - подтвердил Алёхин. - Вспомни парк Горького. Кто тебя вытащил тогда из одного места, не будем уточнять какого? Кто дал второй шанс хакеру в бегах? Тебя уже разыскивали по запросу американцев. Арестовали бы через пару недель. И полетел бы наш сизый голубок через океан на свидание с ФБР...

- Ладно, - в сумерках лицо Атласа выглядело худым и бесконечно усталым. - Не дави на психику. Ты «Волгу» свою так в переулке и оставишь?

- Со мной ещё женщина, - тихо сказал капитан.

- Что, прям в багажнике?

- Пока у своих знакомых живёт, но сам понимаешь...

- Я так и знал... Там, где бабы, жди неприятностей... Впрочем, чёрт с тобой. Приводи, - хакер обречённо махнул рукой. - Но только, если вы мне конспирацию под откос пустите... Не взыщи. Езжай за мной.

Атлас взгромоздился на велосипед и, осмотревшись по сторонам, поехал по извилистой узкой улице. Алёхин, прыгнув в своё авто, последовал за ним. Через триста метров дорога превратилась в узкий проезд, затем упёрлась в ржавые железные ворота, которые на удивление мягко, бесшумно откатились в сторону, позволяя рассмотреть ещё одни ворота довольно большого ангара. Капитан остановил машину, вылез наружу и оглянулся. Ворота также бесшумно, чуть подрагивая, закрылись, отрезая ангар от внешнего мира.

- Это и есть твоя берлога?

- Кому берлога, а кому... Сейчас сам всё увидишь.

Ржавая калитка ворот ангара плавно отошла в сторону, словно приглашая войти. Атлас переступил порог, растворяясь в темноте, но почти сразу внутри ангара вспыхнул свет. Алёхин вслед за хакером двинулся через узкий коридор, обшитый термо панелями к ещё одной двери. Через мгновение капитан оказался в огромном зале, где почти сразу же также неожиданно стало светло от шеренг светильников, подвешенных к потолку. Александр был поражён видом длинных рядов стеллажей с оборудованием.

- Обалдеть! - воскликнул Алёхин. – Это, чего у тебя здесь? Копия серверного зала Центробанка?

- Смейся, смейся, - впервые улыбнулся хакер. - Живу я здесь.

- Спишь в обнимку с железом?

- Бывает, - не принял шутки Атлас. - Пошли дальше.

Вместе они миновали площадку, устроенную на постаменте, где стояли: несколько кресел, десяток небольших столов, на которых громоздились экраны компьютеров, роутеры, какие-то тихо гудящие девайсы, вентиляторы и стойки, где хранились жёсткие диски. Но хакер шёл дальше. По ходу движения где-то под потолком зажигались новые лампы.

- Поднимайся! - хакер подтолкнул капитана в спину, когда тот остановился у лестницы.

- А, что там наверху?

Атлас вздохнул, покрутил головой, затем, отстранив Алёхина, стал подниматься первым. Лестница заканчивалась довольно большой надстройкой, внутри которой капитан увидел шесть дверей. Хакер поочерёдно стал открывать их.

- Туалет с ванной. Кухня. Моя спальня и два запасных помещения. Хочешь устроиться с комфортом, придётся тебе потрудиться самому. Сделаешь косметику, обставишь по своему вкусу. Денег я тебе дам. Наличка устроит?

- С меня — стакан красного! - воскликнул Алёхин.

- Пока располагайся на кухне. Там есть диван, а мне нужно поработать.

- Один вопрос. У тебя тут система «Умный дом» стоит?

- Умный дом — отстой, прошлый век. Здесь всем управляет ИИ. Ещё вопросы?

- Подушку дашь?

- Без неё обойдёшься. Если, что, в ванной полотенца свежие. В прошлом месяце менял.

- Приятно слышать, - почесал затылок Алёхин.

- Утром меня можешь не застать. Внизу на письменном столе оставлю пластик. В нём «зашита» программа для командного модуля системы доступа ангара. Даже сделаю два. Будете с твоей девицей носить на шее в виде амулета. И ещё. Не пытайся здесь строить из себя босса. Даже не думай лезть к железу.

- Спасибо! - искренне сказал капитан в спину уже идущему к лестнице Атласу.

Алёхин принял душ и, не вытираясь, достал свой сотовый телефон, намереваясь отправить СМС Наташе. Но связь не работала.

- Предусмотрительный, - проворчал капитан, устраиваясь на диване. – Атласа на мякине не проведёшь.

На следующее утро хакера в ангаре не оказалось. На огромном рабочем столе, заставленного экранами мониторов, клавиатурами, электронными платами и остатками пиццы, Алёхин нашёл две пластиковые карточки. Здесь же лежали наличные, которые сразу были пересчитаны капитаном.

«Миллион, - Алёхин свернул деньги в рулон, нашёл на столе резинку и сунул банкноты во внутренний карман куртки. -

Неплохо. Что-то вроде подъёмных. Интересно, где у него тут сейф? - Александр обвёл взглядом огромное помещение.

Он повесил на шею карточку, оставленную Атласом, вторую сунул в бумажник, а бумажник - в задний карман джинсов, затем взглянул на свой хронометр.

«Девять. Наверное, Наташа с дедом уже кофе пьют, - Алёхин снова взял в руки смартфон, но связи, очевидно, препятствовало какое-то устройство, спрятанное в ангаре.

Капитан попытался оживить один из мониторов. В ответ компьютер выдал на экран огромный кулак, который сразу разжался. Три пальца составили незамысловатую фигуру.

- Понятно, - буркнул раздосадованный Алёхин, мрачно уставясь на куски пиццы, обкусанные по краям.

- Интересно. Этот придурок провёл всю ночь перед мониторами. Зачем, с какой целью? Он даже поесть толком не мог. Что за срочность? - ворчал капитан, обыскивая стол в поисках подсказки.

Не обнаружив ничего полезного для себя, Алёхин на смартфоне стал набрасывать список необходимого для ремонта помещений, выделенных для него хакером. В список он включил кое-что из мебели, не забыв о широкой кровати и ноутбуке, который он давно обещал купить Наташе.

Всю неделю уже вместе с девушкой капитан занимался обустройством нового жилья. Атлас всё это время не показывался на глаза, сидя в своей комнате или проводя ночи за рабочим столом. Иногда Алёхин, выходя к лестнице, наблюдал сверху за хакером, который терзал клавиатуры компьютеров, а затем долго пялился в экраны мониторов, беззвучно шевеля губами.

В воскресенье, когда все работы в комнатах были завершены, капитан переглянулся с Наташей.

- Тебе нравится?

- Алёхин! Ты неподражаем. Мало того, что притащил меня в какой-то гараж в богом забытом месте, так ещё заставляешь жить рядом с ненормальным патлатым мужиком, повёрнутым на своих гудящих, чирикающих железках. Я по ночам просыпаюсь от гула оборудования и возгласов нашего хозяина.

- Не скули, женщина, - с показной строгостью воскликнул Алёхин. - Привыкай к хакерской жизни. Ты же сама хотела научиться ломать ресурсы хохлов. Теперь не жалуйся.

Вот, - капитан достал из небольшого нового холодильника бутылку шампанского. - Зови сюда Атласа. Новоселье нужно отметить.

- Слушай. А это законно?

- Что? Выпивать?

- Не валяй дурака. Вот это всё. Ангар, оборудование, все эти огромные стеллажи с серверами, толстыми кабелями, проводами, компьютерами, электронными платами, бесшумными воротами и прочим дерьмом.

- Не парься. Атлас отвечает за всё. Если он, каким-то образом тырит электроэнергию, это его проблемы.

- Не разговаривай со мной, как тиктокер.

- Ты сама спросила.

- Господи! Отвечай на вопрос.

- Нат! Поверь. Всё под контролем. Не переживай. Лучше пригласи к нам хозяина берлоги.

Через полчаса, слегка захмелевшие, все спустились в машинный зал, где стояли удобные мягкие кресла, привезённые два дня назад Алёхиным.

Хакер молчал, разглядывая своих собутыльников через стекло и пузырьки, поднимавшиеся в шампанском со дна бокала. Наташа смотрела на экран большого монитора, который неожиданно ожил и начал показывать какой-то голливудский фильм. Она удивлённо посмотрела на хакера.

- Как ты это сделал?

- Что именно?

- Вот это, - девушка показала краем бокала на монитор. - Ты же ничего не включал, ни к чему не прикасался.

- Именно, - поддержал Наташу Алёхин. - Извольте объясниться, товарищ.

- Проще пареной репы. Мой домашний ИИ знает, что в это время я люблю пару часов посидеть перед телеком. Так, сказать, черпаю идеи у Голливуда в плане креатива.

Атлас усмехнулся, откинулся на спинку кресла и, в свою очередь, спросил:

- Где ты такие кресла достал? Удобно… Прямо в сон клонит.

- В том-то весь смысл, - ответил Алёхин. - Некоторые вещи делают жизнь более приятной.

- Следовательно, по-твоему, смысл жизни в том, чтобы с комфортом проводить время. Так сказать, с удобствами ждать старости и смерти?

- Брось упрощать, - начал сердиться Алёхин, хорошо зная, чем может обернуться сарказм хакера.

- Тогда, давай. Объясни мне неразумному, что есть жизнь, которая царствует на Земле всего меньше десяти процентов от времени существования нашей Вселенной? Человек разумный и вовсе занимает в этом временном отрезке микроскопическую долю. Оставим в покое Бога. Я не принимаю ни теорию божественного происхождения человека, ни бред старика Дарвина. В случайные совпадения типа — всё произошло в нужное время в нужном месте, я тоже не верю. Внимание — вопрос! В чём смысл существования человечества на Земле?

- Тебе в двух словах или лекцию прочитать? - раздражённо спросил капитан.

- Мы вроде никуда не спешим, - сказал хакер, делая очередной глоток из своего бокала.

- Чёрт! Ладно, - Алёхин в раздумье почесал переносицу. - Оставляю за скобками «Большой Взрыв», запустивший формирование первых элементарных частиц - фундамента той реальности, в которой мы сейчас живём. А, потом... - замялся капитан, но Наташа пришла ему на помощь.

- Давай помогу, - торопливо произнесла девушка, укоризненно гладя на Алёхина. - Тут же хотят лекцию послушать. А я, всё же, микробиолог по образованию, медик по специальности. Итак, слушайте… На нашей планете ч*етыре миллиарда лет тому назад в пене, подсыхавшей на кусочках только что образовавшихся берегов мирового океана, появились первые аминокислоты — крупные молекулы, состоявшие из присосавшихся друг к другу атомов. Среди этих молекул появился первый репликатор. Это была молекула аминокислоты, но она обладала уникальным свойством — умела копировать саму себя. Так уж случилось, что наша жизнь возникла на белковом фундаменте, потому что основными строительными ресурсами на Земле в то время были вода, метан, аммиак и двуокись углерода — вещества, которые, взаимодействуя друг с другом под влиянием ультрафиолетового облучения и электрических разрядов, создавали аминокислоты — строительные блоки белка. Дальше — больше. От первых репликаторов до растений,*

динозавров и обезьян путь был неблизкий, но неизбежный. Однако, механизм эволюции оказался очень простым. Удачное копирование выживает, очень удачное выживает еще лучше, неудачное идет в мусор. Слепо присасываясь друг к другу, бессмысленно себя воспроизводя, безмозглые репликаторы в итоге сумели построить наш мир. Начали они с самого простого. С одноклеточных организмов, возникших через много, много лет после первого репликатора. Кстати, мужики. Вы знаете, как называется вид репликаторов, захвативший абсолютную власть на планете Земля?

Алёхин пожал плечами, а хакер, молча, но с возрастающим интересом смотрел на девушку.

- Не знаете? Грош вам цена в базарный день. Он называется - молекула ДНК. Длинная, двойная, свернутая в спираль цепочка микроскопических строительных блоков. Мы все состоим из них и созданы ими, являясь послушными, безвольными рабами, которыми управляют мириады маленьких рабовладельцев, засевших в наших клетках. Это они сделали нам глаза, чтобы мы видели, куда мы идем, не падали и не портили им убежище — нашу плоть. Они дали нам уши и обоняние. Они позволили нам иметь мозг и сознание, с заложенными в них программами самообеспечения, благодаря которым мы, роботы, решаем важнейшие задачи. Главная из них - не мешать генам, молекулам ДНК выживать, не сопротивляться их размножению. Естественно, что гены, создавая такой сложный организм, самые важные функции доверить человеку не могли; они сами управляют наиболее серьезными процессами в наших телах. Следят за обменом веществ, регулируют работу всех систем — от дыхательной до кровеносной. Собственно говоря, они обеспечивают жизнь себе, а нам, тупым и недалёким, оставлено решать вопросы на уровне «возьми палку, сбей вон тот кокос». Наши материальные тела для репликаторов, что-то вроде защитной оболочки с необходимым набором приспособлений для обеспечения жизнедеятельности молекул ДНК.

- Браво! - Атлас, привыкший пить из бумажных стаканов, в сильном волнении непроизвольно бросил свой бокал в урну, стоящую под столом, и захлопал в ладоши. - Учись, дружище. Я подозревал, что женщины не так просты. В уме некоторым не откажешь.

- Вы меня балуете, - с иронией отреагировала Наташа, доставая из урны не разбившийся бокал и ставя его на стол. – Впрочем, я равнодушна к комплиментам.

- Не прибедняйся. Всё верно расписала. Главное — доходчиво,

- сказал хакер. - В принципе, миллионы лет эта схема работала, и лишь при очередной мутации молекул ДНК гены немного перестарались и создали мозг человека чуть более сложным, чем требовалось. После этого сразу начались всякие сбои в программе: «Быть или не быть?», «Есть Бог или нет?», «Почему я смертен?» и прочие глупости. Конечно, мутация получилась забавной, но не самой успешной, если сравнивать, к примеру, с насекомыми.

- Действительно, - Алёхин с удивлением смотрел на девушку. - Может, ты ответишь нам на извечный вопрос человечества - «Почему мы смертны?»

- Потому что в человеке есть гены, программирующие его смерть в пределах восьмидесяти, девяноста лет. Это невыгодно человеку, это невыгодно прочим генам, но это выгодно самим генам смертности, потому что таковы их суть и предназначение. Многие растения, например, живут вечно, беспрестанно размножаясь почкованием или новым укоренением. А вот в основу ДНК животных легли репликаторы, заряженные на самоуничтожение. В случае растений гены тысячелетиями остаются в одном и том же организме, а во втором, если говорить о человеке, просто переходят в новые (возможно, даже улучшенные) телесные оболочки следующих поколений.

- Весьма возможно... Но не слышу ответа на свой вопрос, - сказал Атлас. - В чём смысл жизни? Какова конечная цель существования репликаторов и человечества в целом? Ну, давайте. Не зря же у одного вида приматов случилась мутация, позволившая головному мозгу реализовать такую странную штуку как абстрактное мышление, в результате чего интеллект человека неимоверно вырос, а за этим последовало много других странных вещей в виде поэзии, живописи, науки и прочей хрени.

Наташа, словно прилежная ученица, подняла руку.

- Ты сам почти ответил на свой вопрос. Мы живем ради будущего. Вот, смотри.
Не успеем оглянуться, и нашей земной биологической жизни с ее радостями, печалями придёт конец. В какое будущее мы ее превратим зависит именно от нас... Мы, человечество, творим Будущее, мы творим Историю Земли. Быть не песчинкой Истории, а ее Творцом. Вот главный смысл жизни человека. Зачиная, рожая, воспитывая наших детей и внуков, сажая деревья, возделывая землю, строя дома, создавая рассказы и стихи, рисуя картины, сочиняя музыку, разводя пчел,

фотографируя красоты нашего прекрасного мира, общаясь с людьми, мы оставляем после себя наш уникальный неповторимый, индивидуальный след на Земле и во Вселенной.

- Этот след также смертен, - мрачно бросил в пространство Алёхин, однако Атлас не обратил на эти слова никакого внимания, поэтому Александр продолжил с большей горячностью.

- Вселенной абсолютно наплевать на Землю, а тем более на человечество. Если эта истина ранит чьё-то самолюбие, Вселенной и на это плевать. Мы – не центр мироздания, не венец творения, даже не условие для существования реальности. Реальность, пространство и время прекрасно обходились без нас миллиарды лет. Они продолжали бы спокойно существовать, даже если человечество вообще бы не появилось на свет Божий. В нашем эгоцентричном заблуждении мы часто задаём сами себе неправильный вопрос: «Существовал бы мир без нас?» Я считаю, что вопрос должен звучать иначе: «Почему мы думаем, что наша жизнь на Земле имеет хоть какое-то значение для существования Космоса?» Вселенная велика, она умопомрачительно бесконечна. А, мы, лишь, крошечные создания на маленькой планете, вращающейся вокруг заурядной звезды на окраине средненькой галактики. Таких галактик в Космосе - сотни миллиардов. Хотя, какое там… По мнению учёных, во вселенной существует около двух триллионов галактик подобных нашей… Смешно. Если бы Вселенная обладала чувством юмора, она смеялась бы вместе со мной над тем, что каждый человек думает, что он пуп Земли… Для нашего сознания подобная мысль - эволюционная ловушка. Наш мозг развивался только для того, чтобы помочь хомо-сапиенс выжить. Считать себя особенными — полезная иллюзия для успешного выживания вида. Земле, если не ошибаюсь, четыре с половиной миллиарда лет. Человечество существует всего триста тысяч или ноль целых, семь тысячных процента истории планеты. Еще раз повторяю для романтиков. Вселенная прекрасно чувствовала до появления человека и будет существовать бесконечно долго после нас, абсолютно не меняя своих фундаментальных свойств. Слышали о гипотезе математической Вселенной? – Неожиданно спросил Алёхин.

- Нет, - растерянно ответила Наташа.

- Жаль. Она объясняет многие загадки Космоса.

- Например? – не выдержал Атлас.

- Проще простого. Наш физический мир, помимо слов, прекрасно описывается математикой. Подумайте вот о чём… А, что, если он и есть математика. Мы живем не в реальности,

подчинённой физико-математическим законам, а внутри гигантского математического объекта, реальность которого существует независимо от наблюдателя или исследователя.

- Чёртова философия! – недовольно воскликнул хакер.

- Философия? – Александр иронично усмехнулся. – Нет, дружище. Давай возьмём фундаментальные частицы, из которых состоит наша реальность: электроны, кварки, нейроны. Что такое электрон? Набор чисел. Заряд, полярность, масса. То же касается пространства: оно определяется чисто математическими свойствами — числом измерений, величиной кривизны, координатами. Здесь нет ни грамма человеческого ”багажа”. Вселенная пишет свою историю на языке математики, и ей плевать, читает кто-нибудь эту книгу или нет.

- По-твоему, звёзды, планеты, горы, моря, деревья – сплошная математика? - возмутилась Наташа. – Значит, гениальные поэты, художники вместо того, чтобы воспевать природу, должны были писать поэмы или картины в виде математических формул?

- Твои звёзды, планеты с деревьями – простые названия материальных объектов. Что-то вроде ярлыков, придуманных нашим разумом, - Алёхин, допив своё шампанское, поставил пустой бокал на стол. – Мы же не можем заменить красивое слово «звезда» на «сгусток плазмы, удерживаемый в пространстве гравитацией, внутри которого идёт термоядерная реакция». Слишком сложно для слабых умов основной части человечества. Математики называют такие упрощения ”сокращающими абстракциями”. Это делает понимание мира проще. Если бы людей не было, движение электронов, гравитационные взаимодействия галактик, термодинамические процессы в звездах, то есть, математика Вселенной продолжала бы работать точно так же.

- Постой, - остановил Алёхина хакер. - Если Вселенная бесконечна, если содержит бесконечное количество элементарных частиц, а материя подчиняется одним и тем же законам математики, то получается, что копия каждого человека неизбежно где-то существует? Или я ошибаюсь?

- Наверное, такое возможно, - Алёхин решительно потёр переносицу. – Если верить Эйнштейну, учитывая, что пространство бесконечно, что оно содержит бесконечное количество звёзд… В таком случае, любая конечная конфигурация атомов, молекул ДНК, включая нас, сидящих в этой комнате, должна повторяться бесконечное число раз.

- Ни хрена себе. Что мы имеем на выходе? – Атлас, подняв

ноги, сел в кресле по-турецки. – Если наука не врёт, хотя все учёные, особенно математики – фантазёры. Во Вселенной где-то… Чёрт его знает где, существует множество точных наших копий, а еще больше наших почти копий, проживающих все возможные варианты нашей жизни. Теоретически, на просторах Вселенной я могу встретить точную свою копию. За это нужно выпить. Шампанское осталось?

- Схожу принесу, - Алёхин вылез из кресла, а когда вернулся с бутылкой в руке, увидел хакера, смотрящего в одну точку поверх головы Наташи.

- Перевариваешь? – спросил капитан.

- Я тут литературу кое-какую скачал по квантовой физике, - очнувшись, начал Атлас.

- И?

- Наткнулся на статейку о параллельных Вселенных.

- Тогда, не томи, - Алёхин умело открыл бутылку, отыскивая взглядом бокал Атласа.

- Скажи… Ты веришь, что, когда происходит квантовое событие, реальность расщепляется на несколько версий. В одной вселенной электрон оказался здесь, в другой – чёрт его знает где. В одной реальности вы решили напиться, в другой, пропустили вечеринку.

- Я верю в математику и в то, что математически параллельные вселенные должны существовать, даже если там нет разумной жизни, что мало вероятно. Сама природа реальности порождает бесконечное множество миров, независимо от того, есть ли там кто-нибудь, кто способен это осознать.

- Получается, что я, лишь эпизод в истории Космоса, мимолетный сон реальности? – спросила Наташа.

- Что-то вроде того, - капитан протянул ей полный бокал. - Вселенная существовала миллиарды лет до нас и продолжит существовать бесконечно долго после того, как последний человек исчезнет. Но она даже не заметит нашего отсутствия.

Атлас, не вставая, дотянулся до своего бокала.

- Не знаю, не знаю… Может, ты прав. Лично мне нравится другая мысль, что настоящее может быть решающим фактором для будущего, и, что мы, человеки, стоим на распутье, обладая возможностями, и для самоуничтожения, и для обустройства разумной жизни в космосе… Чёртовы англосаксы!

Хакер сделал глоток шампанского, затем внимательно посмотрел на девушку.

- Натали! Ты заметила? Я сторонник твоей точки зрения о репликаторах, о смысле жизни и, что мы, оставляя след в настоящем, можем менять будущее. Но не всё так просто, - Атлас поднял вверх бокал, привлекая внимание Алёхина. - Какой след, к примеру, оставляют на земле англосаксы? Я не имею в виду литературу или искусство. Почему, так называемое «прогрессивное» англо-саксонское человечество, настолько жестоко, что позволяет себе фашизм, геноцид, этнические чистки и прочие «прелести» нашей жизни?

- Думаю... - неуверенно произнесла Наташа. - Мы все в той или иной степени жестоки. К своим близким, друзьям. Наверное потому, что мы — слепое орудие того самого репликатора, первой цепочки ДНК, первого убийцы на Земле, который, чтобы выжить, пожирал все прочие, отличные от него, молекулы. Другие организмы репликатор воспринимает как ценный материал для добычи дефицитных строительных блоков. Приказ «Съешь другого и смотри, чтобы не съели тебя» — это первый приказ на генном уровне, который получает любое живое существо в момент рождения.

- Разве истина глаголет устами младенцев? - С пафосом воскликнул Атлас. - Женщина — вот кладезь мудрости. А теперь, если вы не против, я озвучу свою точку зрения насчёт

смысла жизни. Оставим в стороне тот смысл, которым руководствуются прожигатели чёртовой жизни, разные мажоры, любители сладко пожрать и выпить. Они - тупиковая ветвь эволюции. Эта часть человечества, как отдельный, психологически незрелый, дисгармоничный вид разумных приматов, ищет смысл жизни в сферах, доставляющих животное удовольствие. Последнее время я много читал. Особенно Плеханова, Ленина, Ницше, которые полагали, что истинной целью человечества является достижение единства, подлинной разумности, исключающих агрессию, враждебность, разделения на социальные классы, на имущественные кланы. Множество философов, богословов видели иные смыслы жизни, выходящие за рамки земного существования человека, но немногие постигли истинную цель эволюции человечества.

- А, ты её знаешь? - с иронией спросил Алёхин. - Ницше, кстати, считал, что смысл жизни состоит в том, чтобы стать сверхчеловеком. «Человек— это канат, натянутый между обезьяной и сверхчеловеком», писал этот умник.

- Теперь ты упрощаешь, - отмахнулся хакер. - Ницше считал,

что смыслом жизни является подготовка Земли к появлению сверхразума. Чувствуешь разницу? Но ближе всех к истине был Циолковский.

- Разве? - Не унимался капитан. - Колонизация других Вселенных? Утопия!

Но Атлас, словно не слыша Алёхина, гнул своё:

- Земля – колыбель человечества. С этим не поспоришь. И Циолковский полагал, что когда-нибудь мы должны «вырасти», чтобы покинуть свою колыбель. Он говорил, что на человечестве лежит великая миссия. Стать в результате своего развития важнейшим фактором мироздания, превратиться во вселенский разум, который сможет, например, предотвратить гибель галактик по причине взрыва сверхновых звёзд и тепловой смерти.

- Нам до вселенского разума, как до Китая босиком, - пренебрежительно сказал капитан. - Тут ядерная война на носу. Мы её предотвратить пытаемся...

- До Китая, говоришь? - Атлас впервые с начала разговора остановил свой взгляд на Алёхине. - Хочешь узнать моё мнение о смысле жизни?

- Прямо сгораю от нетерпения. Двенадцатый час ночи.

Хакер невозмутимо продолжал:

- Идея создания "Сверхчеловека", который будет обладать невиданным прежде интеллектом, особыми способностями, не так уж и плоха. Управлять силой мысли любыми физическими процессами — сладкая мечта писателей-фантастов может стать реальностью. Как по мне, человечество существует только для решения одной, но главной задачи. Направление развития современных технологий лишь подтверждает мою собственную теорию.

- Генная инженерия? Создание репликатора-гена, отвечающего за бессмертие? - воскликнула Наташа.

- Весьма возможно, но это не главное. - Атлас уже расхаживал между стеллажами. - Человечество создано с одной единственной целью. Оно должно стать творцом Искусственного сверх Интеллекта.

- О, Господи! - поднял руки над головой Алёхин. - Кто о чём, а голый о бане. Мы тут на Земле убиваем друг друга, а ты про покорение Вселенной и про рукотворный Интеллект.

- Бог здесь не при чём, - спокойно продолжал хакер. – Ты сам сказал, что Вселенной плевать, что происходит на какой-то Земле. Колонизация и расширение, вот ключевая цель мироздания. Наталья! Я правильно истолковал твой спич о ДНК и хищниках-репликаторах?

Девушка утвердительно кивнула.

- Тогда отсюда можно сделать вывод, что формирование более сложных разумных систем, способных видоизменять материю, покорять пространство и время, можно реализовать только через более совершенную мыслящую структуру. Так?

- Всё правильно, - Наташа нервно поправила причёску.

- Следовательно, если человек "вдохнёт душу и разум" в совершенный кибернетический организм, который не будет обладать нашими недостатками, но возьмёт всё самое лучшее от нашей человеческой цивилизации, тогда с этого момента начнётся новая история Вселенной.

- Дважды утопия! - воскликнул Алёхин.

- Подожди. В этом, что-то есть, - торопливо сказала Наташа.

- Ага. Вот видишь, - воодушевился хакер. – Вы только подумайте. Человек по определению не способен преодолевать пространства Вселенной, поскольку наш биологический возраст для этого слишком ограничен. К тому же мы все хрупкие, нежные, чего Космос не прощает. Гравитация «Чёрных дыр», радиация, метеориты, астероиды... Им всем начихать на оболочку космических кораблей... Теперь представьте разумное существо, обладающее высочайшим интеллектом и сверхспособностями, которому не требуется кислород, вода, пища. Чей разум вобрал в себя миллиарды кветта байт информации, содержащей все способы решения любых задач, когда-либо стоявших перед человеком. Это существо может позволить себе полёт длинной в миллионы лет. Оно будет способно рационально использовать любые ресурсы, способно питаться энергией самого Космоса,*

саморазмножаться и обеспечивать мгновенную связь с себе подобным. У него нет эмоций, мешающих принимать решения, но при этом он является абсолютным миротворцем, поскольку ему известно, к чему приводят войны. Он воссоздаёт сам себя и себе подобных, но на новом, более совершенном уровне. Совсем, как чёртовы репликаторы. Он имеет творческий интеллект, а поэтому ему интересно узнать, что представляет из себя Вселенная, что находится в самых дальний уголках космоса.

Искусственный сверх - разум — идеальный колонизатор, мега репликатор.

- Ты это серьёзно? - заёрзал в кресле Алёхин.

- Нет. Шучу, - Атлас добавил сарказма голосу. - Смотри. Например, в гусенице есть генетическая программа, в результате которой она становится бабочкой. В некотором смысле бабочка существует до гусеницы. Это, как в дилемме, что было раньше? Курица или яйцо. Впрочем, к чёрту курицу. Я думаю, что в человечестве... Вернее, в сознании наиболее интеллектуально продвинутых человеческих особей, тем или иным способом, неважно каким именно, сгенерирована программа: вложить все свои знания, всю силу интеллекта в создание более совершенной разумной системы, способной к воспроизводству, вечной жизни и познанию главных тайн или смысла существования Космоса... Вот для чего, я думаю, мы созданы, и вот какова наша цель. Она и есть вселенский смысл нашей жизни.

Атлас, схватив бутылку, в которой ещё оставалось шампанское, сделал большой глоток

- Мы уже накопили достаточно информации, состоящей из проб, ошибок, новых открытий, технологий, чтобы этот опыт позволил нам разродиться офигенно мощным Искусственным разумом, - продолжал хакер после непродолжительной паузы.

Единица измерения ёмкости носителя и объёма информации — 10 в тридцатой степени.

- Мы совершаем самые разные, до конца непонятные нам самим, странные поступки в каждый момент времени потому, что мы - гусеница, которая вот-вот произведёт на свет бабочку. Само наше существование есть элемент реализации Вселенского плана. Каждая книга, картина, фильм, изобретение, архитектурное решение, дипломатия, политика, новые открытия, даже способы ведения войны, неважно... Это всё - часть мозаики, которая скоро соберётся воедино в новом существе... Оно, сбросив шкуру аппаратного харда, воспарит над пространством и временем.

- Лично для меня звучит высокопарно, но немного удручающе, - тихо сказала Наташа. - А, что же будет потом с нами, с человеками?

- Всё просто. Сегодня мы научились ограждать от нас других животных. Мы любуемся на них через прутья клеток в зоопарке или ездим в национальные парки пофоткать редкие виды зверей. Созерцание — вот наше будущее. Искусственный мега разум не станет нам врагом, он лишь займёт более высокую

ступень в эволюционном развитии, а затем начнёт с некоторой скукой приглядывать за нами, приматами, которые пытаются выживать на Земле. Мы же... Правда, далеко не все, с интересом примемся наблюдать за тем, как ИИ принимает нестандартные решения в освоении Космоса, колонизации других планет. Начнётся великое переселение созданных нами искусственных сверх людей, вдобавок обладающих бессмертием... В их разумах будет частица и моего интеллекта... Многое для нас останется непонятным, потому что наша логика не способна видеть целиком всю картину будущего. Но, как человек создал животным Африки в заповедниках иллюзию свободы, так и планета Земля на какое-то время станет для нас границей ареала обитания, потому что за её пределами во Вселенной эффективно может существовать только более совершенное создание...

- Ты просто сумасшедший сукин сын! - прервал хакера Алёхин. – У тебя – каша в голове.

- Понимаю твоё раздражение, - тихо сказал Атлас. - Только осознавая конечную, высшую цель существования человечества, можно выбрать свою индивидуальную роль в данном процессе. «Самоё дорогое у человека, это жизнь и её нужно прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы». Тебе не хватает широты взгляда…

- Ты ещё здесь своего Ницше процитируй, - еле сдерживая бешенство, почти закричал капитан. - Наташа! Ты слышала? Ох, неспроста он этот разговор затеял. Давай, колись, в чём смысл твоего спича? Что значит своя «индивидуальная роль»?

- Всему своё время, - Атлас, сев, с жадностью смотрел на бокал с шампанским в руке Наташи.

Но Алёхин уже навис над хакером, тяжело дыша.

Девушка вскочила, чтобы помешать капитану, но хакер и Алёхин уже стояли лицом к лицу.

- Ты думаешь я не догадался, зачем ты здесь? - тихо сказал Атлас. - Сторожевой собакой подрабатываешь? Поздно, дружище. Поезд ушёл.

- Пошёл ты к чёрту, - огрызнулся капитан, не позволяя девушке оттащить себя в сторону.

- Я тоже тебя не держу, - ответил Атлас. - Клади пластик на стол и проваливай.

- Мальчики. Не ссорьтесь. Всё, всё. Мы идём наверх. Это вино всем ударило в голову.

Подталкивая Алёхина в спину, девушка сделала несколько шагов к лестнице, заставив капитана ухватиться рукой за перила...

Не раздеваясь, Александр рухнул на кровать и застыл, упираясь взглядом в потолочные панели, закрывающие металлические конструкции свода. Наташа, выкинув из головы весь разговор с хакером, свернулась калачиком в кресле возле журнального столика, открыв свой ноутбук. Она ещё не полностью освоила программу взлома аккаунтов, которую закачал в девайс Атлас. Однако, её глаза время от времени отрывались от экрана, чтобы оценить эмоциональное состояние капитана. Наташа знала, что рано или поздно Алёхин заговорит и тогда она поймёт скрытую причину ссоры, произошедшей внизу. Но через полчаса Алёхин поднялся, затем, осторожно ступая, вышел из комнаты. Он уселся прямо на лестничной площадке, прислушиваясь к звукам, которые доносились снизу. Наташа тяжело вздохнула, потом, сняв одежду, нырнула под одеяло. Когда Алёхин вернулся, девушка притворилась спящей.

- Счастливая, - шептал капитан, устраиваясь рядом. - Новый репликатор этому идиоту подавай в вариантах мутаций Искусственного интеллекта. С ума сойти. Человечество только изобрело себе новую игрушку в виде мема, так нате вам...

Наташа приподнялась на локте.

- Ты всё успокоиться не можешь? Чем бы дитя не тешилось. Чёрт с ним, Атласом. Ложись уже. Ты просто кипишь от возмущения. Ш-ш-ш! Горячо, - девушка прикоснулась к обнажённому плечу Алёхина. - Даже новый вид репликаторов придумал. Мем. Бред какой-то...

- Никакой это не бред, не унимался Алёхин. – Мем - это единица информации. Мем можно даже геном назвать. Цепочка информационных блоков, способная самопроизвольно копироваться, размножаться, бесконечно мутируя, эволюционируя и совершенствуясь. Мем застревает в мозгу человека подобно занозе или бактерии. Он уже научился влиять на работу разума. Как и положено всякому приличному репликатору, свойства которых ты так красочно описала, мемы - хищники с эгоистическими наклонностями. Они любят разрастаться, притягивая к себе кусочки чужих фраз, мыслей, идей. Самое главное, мемы меняют среду, внутри которой находятся, подгоняя ее под нужные стандарты. Самые жизнеспособные мемы называются пророчествами, идеологиями, религиями, конституциями, сценариями, аналитическими откровениями. Благодаря им механизмы, созданные для выживания этих

новых информационных генов: медиаресурсы, социальные сети, интернет-приложения начали самостоятельно «создавать» для себя новые программы, отличные от тех, которые в них заложили создатели. Мы сплошь и рядом наступаем на горло собственным человеческим генам во имя своих мемов. Мир готов платить за это стрессами, депрессиями, комплексами неполноценности. Технологические революции всегда кровавы, что поделаешь. Бессмертия люди теперь ищут не в генной инженерии, а в мемах. Потому что биологическое родство стало для нас менее важным, чем информационное. Приятно сознавать, что в будущем сохранится твоя форма носа или разрез глаз, но еще лучше и надежнее, когда через столетия твоя мысль оживет в чьей-то чужой голове. Вот чем для человека стал поиск смысла жизни.

- Хорошо, хорошо. Пусть так, - Наташа стала успокаивающе гладить Алёхина по спине. – Сумбурно, мало понятно, но… Я знаю, что ты умный… Ложись уже. Утро вечера мудренее.

«И то верно, - подумал капитан, опуская голову на подушку. - Завтра надо встретиться с генералом. Что-то здесь с Атласом не так.

Утро следующего дня началось с сюрприза. Атлас вопреки обыкновению остался дома. Было похоже, что эту ночь он совсем не спал. Снизу доносилась тихая пулемётная очередь клавиатуры, шорохи, кашель и довольные возгласы. Наташи в постели не оказалось, зато из кухни шёл запах свежеприготовленного кофе. Алёхин поднялся, недовольно поморщась. Голова раскалывалась от боли. Он прошёл в ванную, где долго стоял под холодным душем, подставляя потокам воды, то лицо, то плечи. Растирая тело полотенцем, Александр заглянул в открытую дверь кухни.

- Привет! Вкусно пахнет.

- Кофе ещё горячий. Будешь? - Спросила его Наташа.

- Ты извини. В городе позавтракаю. Я отъеду ненадолго. Хорошо?

- Что-то срочное?

- Не особо. Просто нужно решить пару вопросов.

- Ладно, - девушка, пожав плечами, отвернулась, всем своим видом показывая, что обиделась.

- Клянусь. Всего - пара часов, - Алёхин надел на шею свой пластик-ключ и спустился по лестнице к выходу.

Атлас даже не обернулся на звук шагов. Александр искоса посмотрел на экраны мониторов, где по чёрным полям шёл ливень из цифр, букв, знаков, формул.

Оказавшись во дворе, где ворота, подчиняясь импульсу радиосигнала, начали открываться, капитан завёл Харлей, уселся в седло и оставил за спиной убежище хакера. Ловко маневрируя в потоке машин, Алёхин вскоре оказался на Третьем транспортном кольце. В нужном месте он перестроился правее, чтобы свернуть в сторону театра Советской Армии. На самой площади капитан остановил мотоцикл. Достав сотовый телефон, Алёхин позвонил Ивану Матвеевичу.

- Нужно встретиться, - после взаимных приветствий сказал Алёхин.

- Только вечером. Часиков в семнадцать. Раньше не могу.

- Чёрт!

- Что-то срочное?

- Ничего особенного... Ладно. В семнадцать, так в семнадцать. Где?

- Чтобы зря не тратить время, давай на бульваре рядом с домом деда. Заходить не буду. Времени нет, посидим на лавочке воздухом свежим подышим.

- Принято, - буркнул Алёхин.

«Даже лучше, - думал капитан, трогая с места Харлей. - Деда навещу».

Мысль, что Наташа будет ждать его к обеду, мелькнула и пропала.

Оставив мотоцикл во дворе дома, Алёхин поднялся на лифте к нужной двери. Отставной генерал не сразу открыл дверь. Александру пришлось трижды жать на кнопку звонка. Старик встретил его в пижаме с шариковой ручкой в правой руке и с чашкой в левой.

- Не ожидал. Предупреждать надо. Проходи.

Алёхин сбросил в прихожей куртку, затем надел тапочки, которые ему ногой пододвинул генерал.

- Когда на свадьбу пригласишь? - спросил Алёхин-старший, неодобрительно глядя на куртку, небрежно брошенную на стул.

- Когда перестанешь шутить на этот счёт.

- Я серьёзно.

- Не знаю. Может, когда война кончится.

- Понимаю. Когда рак на горе свистнет, - проворчал старик.

- Почему? Вон, американосы. Если послушать наших экспертов, то США уже «сливает» Украину. Слышал? Викторию Нуланд старина Байден уволил. На носу - выборы... Могу поспорить, что мы второе пришествие Трампа увидим. А ты, чего с ручкой расхаживаешь? Продолжаешь писать свои мемуары?

- Пишу мало-помалу. Аналитику, мать её, - генерал налил внуку кофе, взял тарелку с бутербродами, показав подбородком в сторону коридора. В кабинете Алёхин плюхнулся в кресло, а старик уселся за письменный стол.

- Нуланд, говоришь? Твоя Нуланд вполне может саботировать любые решения Байдена. Ей с вечно сонным Джо детей не растить. Деда скоро подведут к порогу Белого дома, чтобы дать пинка под тощий зад, а Виктория ещё может пригодиться своим покровителям — Ротшильдам, Рокфеллерам, клану Клинтон, Соросу. Эту зловредную бабу потому и переводят в запасные игроки... Виктория – та ещё ведьма. Когда к такому политическому весу, опыту и связям в придачу идёт ещё официальная должность заместителя Госсекретаря – этот человек может самостоятельно свою политику проводить. А такой прецендент - слишком опасен. Белому дому нужен финт ушами. Новый президент будет вынужден бросить не только Украину. Он отвернётся и от Европы. А уж, если выберут Трампа... «Наш» Дональд Иваныч человек импульсивный, горячий и самолюбивый. С ним хлопот не оберёшься. Но, как бы то ни было, Америка меняет приоритеты. Она уже нацелена на противостояние с Китаем. Для нас это открывает море возможностей вместе с морем проблем, потому что Европа под наше крыло не хочет, кто бы там о чём не мечтал. И с Трампом ей будет тяжело. А это – колоссальная проблема, нюансы которой многие твои эксперты пока не понимают.

- Почему проблема? Штаты на борьбу с Китаем в рамках НАТО создадут коалицию, подтянут в неё своих азиатских союзников и заставят европейцев воевать с товарищем Си.

- Милый мой. Уход США из Европы не приведёт к тому, что Европа автоматически станет лояльной к России. Скорее наоборот... Любая администрация, республиканская или демократическая в итоге почти с неизбежностью будет подталкивать Старый Свет наброситься на нас с удвоенной

силой. Вон Макрон уже почти направил двухтысячный корпус своих вояк в Украину. Одессу хочет, сволочь. Пойми, мил человек. США, уходя из Европы, не допустят, чтобы потом кто-то другой, Россия или Китай, создали на этом месте свои «рычаги силы» для противостояния с Америкой. Возьмём Ротшильдов... Макрон — их креатура... Они уже толкают в спину этого петуха, обещая ему вместе с поддержкой славу нового Наполеона. А затем Запад реализует один из своих любимых сценариев всех конфликтов, который называется «тактика выжженной земли». Уничтожат за собой всё, представляющее интерес для оппонентов. Хохлы вон многоэтажные здания взрывают при отступлении, чтобы мы потом на высоте не могли разместить свои наблюдательные пункты. А Европа – это больше, много больше, чем «ключевая высота»! Поэтому ровнять это всё с землёй США будут добротно, даже старательно... Либо есть ещё один вариант. Они могут это доверить нам! Потому что Путин, безусловно, мечтает о том, чтобы угроза для России со стороны Европы была снята не десятилетия вперёд. Это давно понимает весь остальной мир! Другое дело, что для нас не так просто утюжить скажем, Украину. Там же - «братский народ», чёрт бы его побрал. К тому же есть ещё один фактор, который следует учитывать. С большой долей вероятности США не будут больше поддерживать европейские страны с прежним усердием, и второго «Плана Маршала» по возрождению Старого Света тоже не будет! Почему? А вот тут — ещё интереснее. Тут надо понимать, откуда «ноги растут» у первого плана. Заодно – станет ясно, что именно делает сейчас Путин. Во Второй мировой войне не Германия, а Европа проиграла Советскому Союзу, это истина, не подлежащая сомнению, но Европа не лишилась тогда главного - надёжных баз своего богатства, своего процветания, а именно – колоний! Поэтому был реализован американский «План Маршала» по возрождению лежавшей в руинах Европы. Если нужна аналогия, то это всё равно, что, скажем при царской власти дать денег взаймы какому-нибудь князю, у которого сгорел дотла петербургский дворец, но зато целы все его поместья по всей России. Эти земли, а не дворец в столице, составляют основу его богатства. И все знают, что этому князю можно дать денег. Он завтра из своих поместий всё это выжмет, чтобы вернуть долг. В Штатах тоже понимали, что они дают деньги не каким-то нищебродам, а очень солидным людям, у которых да, многое разрушено в Европе. Однако, у неё оставалась целой колониальная империя в Африке и Азии! Именно поэтому Путин сейчас особо не кошмарит сам ЕС. Но это пока. Он занят Африкой, начинает заниматься Азией. Наш «ВВП» уничтожает саму основу европейского процветания. Колониальную систему.

Именно поэтому со стороны европейских элит на нас идёт такой лютый вал ненависти, русофобии и желания отомстить. Они там отлично осознают всю тяжесть последствий, если лишатся своих плацдармов в Африке. Наш добрый и ласковый зверь — русский народ не до конца понимает, что делает сейчас руководство страны. Но я разгадал суть стратегии Путина. Он планирует все вопросы с нашими западными «партнёрами» закрыть на сотню лет вперёд! Скоро будут происходить ещё более интересные события... После Украины Россия начнёт понемногу потрошить Старый Свет за его сегодняшние попытки отплатить нам за унижение сорок пятого года. Почти все страны этой самой Европы были либо союзниками Гитлера, являясь по сути фашистскими государствами, либо вассалами Германии. Французские, румынские, итальянские, голландские, хорватские дивизии воевали против нас на восточном фронте. А потому нам снова придётся напомнить старушке Европе её прошлое. Мы не можем ждать, пока они накопят силу и ударят сами. Завтра Европа получит то, чего давно заслуживает. У неё не останется колоний, из которых можно выжать средства на восстановление былого величия. И вот тогда Европа отправится в каменный век. При этом «хитрый» Путин уже лишил европейцев большей части их богатств в Африке. Он дал понять, что они плохие ученики, забывшие уроки истории, - старый генерал, улыбаясь, бросил ручку на стопку бумаги и откинулся на спинку кресла.

- Немного противоречиво, но зерно истины в твоих рассуждениях имеется. Ты аж светишься весь, - не удержался от сарказма Алёхин.

- А, чего же мне не светиться? - старик ладонью хлопнул себя по коленке. - Самое смешное в этой ситуации, что, судя по всему, Америка не против такого расклада. За два года СВО Штаты высосали из Европы всё, что им нужно. Ещё пара годков и от «бабушки» останется только оболочка. Американосы с нашей помощью окончательно расправятся с европейскими конкурентами. Африка будет в восторге. Из глобальных игроков только Китай против обезжиривания Европы. Он всё ещё пребывает в иллюзиях, что у него есть время отжать у США без войны самые лакомые куски пирога.

- До Бога высоко, до Китая далеко, - вяло не согласился с генералом Алёхин. - За каким чёртом Китаю вписываться за Европу?

- Если ты не знаешь, открою тебе страшную военную тайну, - наклонился над столом генерал. - Помнишь, Путин говорил, что мы воевать ещё и не начинали?

- Помню.

- Так вот. Причина, почему не начинали, это не санкции, не давление Запада, а хотелки Китая. Ему всё ещё интересна Европа в плане рынков сбыта, получения современных технологий, переноса производств в Поднебесную. И что же делает Европа? Она собирается по приказу США вводить санкции против Китая! В итоге она может лишиться защитника, который с первых дней проведения СВО всячески тормозил Россию! Что же, кого бог хочет наказать, того он лишает разума... Пекин в конце концов плюнет на Старый света, а у России окажутся развязаны руки. Вот тогда будет то, о чём говорил Путин, чего мы все ждём почти три года, но пока не дождались: Сначала Украина, инфраструктура, порты, энергетика, вся промышленность - в полный минус. В обязательном порядке. С Незалежной будет то же, что было с Грузией в две тысяча восьмом году. Демилитаризация. Когда из Тбилиси уже на второй-третий день раздавались вопли, что хватит, мы сдаёмся, Россия успела уничтожить всю военную технику, всю армейскую инфраструктуру грузин. Очередь Европы настанет. Не сомневайся. Задача Путина – лет на пятьдесят отбросить Европу в период жёсткого выживания и самовосстановления, чтобы даже глупых фантазий не было переть рогом на Россию...

- Широко шагнём — штаны можем порвать, - перебил деда Алёхин.

- Здесь выбор не велик. Стоять на растяжке между Востоком и Западом гораздо хуже, чем широко шагать по Европе.

- Твоими бы устами... - Александр поднялся. - Ладно... Мне — пора. Извини. Поговорили бы ещё, но служба. Кстати, совсем недавно ты критиковал Путина. Удивительное превращение критика в сторонника.

- Это – жизнь, мой мальчик. Все ошибаются.

Алёхин взглянул на старинные часы в деревянном корпусе, висевшие в кабинете. Стрелки показывали без пятнадцати пять. Дед заметил этот взгляд.

- Понимаю. Служба — она, как женщина, всегда требует своего, - старик тяжело выбрался из кресла. - Пойдём, провожу до дверей. Ты звони, когда снова соберёшься ко мне. Я вот в пижаме тебя встречал.

- Ну, не в парадной же форме при всех орденах, - Алёхин обнял старого генерала и пошёл к лифту.

За спиной послышался тихий скрип двери, затем щелчок

замка. Подняв руку, чтобы нажать кнопку вызова лифта, Александр застыл на мгновение, а потом решил спуститься по лестнице, чтобы размять ноги. Мягкие подошвы кожаных кроссовок почти бесшумно скользили по ступенькам. Когда до площадки между первым и вторым этажом оставался один пролёт лестницы, Алёхин увидел фигуру человека в чёрной одежде, оборачивающегося на звук шагов. В руке незнакомца масляно блеснул ствол пистолета с глушителем. Появление капитана со спины застало человека врасплох. Очевидно, он ждал, когда внизу появится кабина лифта, однако, его реакция сработала небезупречно. Неловко повернувшись, незнакомец поднял пистолет, дважды выстрелив в Алёхина. Но Александр уже отпрянул за угол стены. Война научила его многому. В том числе быстро доставать оружие. «Беретта» оказалась там, где должна была быть, сзади за поясом ремня. Рукоять удобно легла в ладонь, левая рука мгновенно передёрнула затвор. Алёхин, присев, быстро выглянул из-за угла. Новый приглушённый выстрел выбил кусок штукатурки над головой. Капитан выпрямился. Он увидел достаточно, чтобы сделать единственно возможное в такой ситуации. Александр высунул руку, затем шесть раз нажал на спуск, водя стволом пистолета снизу вверх и слева направо. Звук падения тела и глухое металлическое дребезжание дали понять, что капитан не промахнулся. Он осторожно выглянул, держа оружие наготове. Человек лежал на боку с поджатыми к животу ногами. Он пытался дотянуться рукой до отлетевшего в сторону пистолета и ему это почти удалось. Пальцы уже дотронулись до рукояти, но Алёхин оказался проворнее. Он уже стоял над незнакомцем.

- Даже не пробуй, - сказал капитан, направив ствол «Беретты» раненому прямо в лицо. - Руки! Руки за голову!

- Да, пошёл ты, - прохрипел человек, по-прежнему пытаясь поднять своё оружие.

Алёхин, молча наблюдал, как пальцы раненого обхватили рукоять пистолета, а рука, дрогнув, начала своё движение вверх. Капитан, отбросив колебания, выстрелил убийце сначала в грудь, и сразу же - в голову.

Где-то наверху раздались звуки голосов, шарканье подошв. Алёхин даже узнал голос деда. Остро запахло порохом.

- Назад! - закричал капитан, по-прежнему держа оружие наготове. - Всем назад! Вызывайте полицию. Не выходить из квартир до её приезда.

Голоса стали испуганнее и громче.

- Чёрт! - выругался Алёхин.

Он осторожно посмотрел вниз через металлическое ограждение лифтовой шахты. На площадке возле входной двери и у почтовых ящиков никого не было. Капитан осторожно спустился, осматривая каждый уголок тесного помещения, потом, приоткрыв дверь, выглянул на улицу. Двор выглядел пустынным. Где-то далеко слышалась полицейская сирена.

«У парня наверняка есть сообщник», - подумал Алёхин, протискиваясь через щель двери на свежий воздух.

До сумерек было ещё далеко, а потому капитан быстро окинул взглядом двор, ряд машин, припаркованных у стены здания, группу людей, состоявшую из нескольких стариков и женщин, которые, энергично жестикулируя, собрались вместе, что-то обсуждая, бросая испуганные взгляды на подъезд, который покинул Алёхин. Капитан быстро спрятал пистолет, посмотрел на свой мотоцикл, потом взглянул на запястье. Хронометр показывал без пяти минут пять. Александр удивился.

«Неужели вся перестрелка заняла целых чёртовых десять минут?» - спросил он сам себя.

Алёхин облизнул пересохшие губы, затем двинулся через арку дома к бульвару. Слева у тротуара метрах в ста от арки он увидел машину Ивана Матвеевича. Генерал, пропустив мимо автомобиль полиции, переходил улицу. Капитан, не торопясь, посматривая в сторону вооружённых полицейских, выскакивающих из белого с синими полосами форда, двинулся к своему начальнику, который, не садясь на свободную в это время лавочку, повернулся, заметив капитана.

- Что там за шум, а пыли нет? - вместо приветствия спросил Иван Матвеевич.

- Вся пыль - на лестничной площадке между первым и вторым этажом, - Алёхин коротко рассказал генералу, что произошло.

- Инте-ре-сно, - Иван Матвеевич, вынув из кармана плаща зубочистку, сунул её в рот. - Сам-то цел?

- Угу, - буркнул капитан.

- Тебя кто-нибудь видел? В подъезде, во дворе?

- Во дворе видели. Там мой мотоцикл стоит. Я не рискнул его забирать на виду у всех.

- Понятно. С полицией я решу это дело.

- Виноват, товарищ генерал. Гильзы не успел собрать. Времени не было.

- Гильзы — фигня. Хуже другое. Что это дело рук хохлов у меня сомнений нет. Позвоню кое-кому в ФСБ. Попрошу забрать дело у полицейских и держать меня в курсе. Подкину им пару версий. Пусть отрабатывают. Одного не пойму. На хрена ты к деду припёрся? Я же приказал — сидеть пока тихо, нигде не светиться. Встретились бы на бульваре, не было бы такого шухера. Ежу понятно, что на тебя в Киеве досье подробное есть, и причина, чтобы сделать из твоей особы груз двести.

- Какая разница? Не здесь бы застукали, так в другом укромном уголке. Чего уж теперь? - капитан виновато опустил голову.

- Эх! - вздохнул Иван Матвеевич. – Салаги. Учишь вас, учишь, а всё без толку... Ладно. Утрясём это дело. Впредь будь осторожен. В Москве полно спящих ячеек копателей морей и строителей египетских пирамид. Зачем звал?

Алёхин подробно передал свой разговор с Атласом.

- И в чём проблема?

- Атлас подозревает, что я специально приставлен к нему. Но его это абсолютно не волнует. Это значит, что его план, каким бы он не был, готов к реализации. Когда он приведёт его в действие — вопрос времени и желания хакера.

- И что это за план?

- Чёрт его знает. Но, если бы вы посмотрели на ту прорву оборудования в его логове, то сами начали волноваться. Брать нужно Атласа. Брать!

- А, что мы ему предъявим? Он скажет, что биткойны качает или полезные программы разрабатывает для человечества. Наверняка, весь его софт запаролен, а при нашем вмешательстве в лучшем случае «сгорит». Нет, мой дорогой. Говоришь, он целыми днями где-то шляется? Так используй это время. Флаг тебе в руки. Ломай его пароли, залезай в мозги его компьютерам. Не мне тебя учить. Ты же долго работал с ним, значит, знаешь его методы шифрования, его хакерский почерк.

- Легко сказать. - проворчал Алёхин.

- Кто говорил тебе, что будет легко? Хочешь, подключу головастых ребят из профильного управления ФСБ? Или парней Касперского?

Капитан отрицательно замотал головой.

- Сам справлюсь.

- Приятно слышать? - Генерал поднялся. - Смотрика... Полиция ещё работает, - сказал он, глядя в сторону микроавтобуса с надписью «Следственный Комитет России». - Что ж. Мотоцикл через пару дней заберёшь. Адрес я сообщу. Под сиденьем мои парни спрячут запасную обойму для Беретты... Это, чтобы ты не чувствовал себя «голым». Может, приставить к тебе «наружку»?

- Я, что, ребёнок?

- Ладно. Хозяин — барин... Куда тебя подвезти?

Алёхин назвал улицу в трёх кварталах от промышленной зоны, где находился ангар хакера.

А в это время Атлас, краем уха слушая тихое пение Наташи, которая возилась у себя наверху, заканчивал тестирование разработанной им программы для взлома спутниковых каналов связи Пентагона. Хакер уже создал десяток клонов IP-адресов спутникового интернета. Его тестируемый софт был способен отключать некоторые военные спутники, глушить каналы, подделывать сигналы связи, менять орбиты, снимать «отпечатки пальцев» операторов и обеспечивать частичный контроль даже над орбитальными станциями. Атлас не испытывал особой гордости за эту работу, мысленно отдавая дань уважения хакерским группировкам Hacking Team, Xumuxu и Rocket Kitten, вирусы которых он использовал в своём софте. А, ещё Атлас отдавал себе отчёт в том, что именно благодаря китайцу Гуну всё «срослось» и получилось. Этому предшествовала продолжительная, нудная переписка в Даркнете, обоюдный шантаж, торг и, наконец, обмен ценной информацией между агентом генерала Сюй Синь-Цяна и Атласом. Признавая ценность китайской шпионской деятельности, хакеру удалось убедить мистера Гуна, что совместная деятельность принесёт обеим сторонам только выгоду. В конечном итоге, взамен программы расшифровки алгоритмов генерирования кодов запуска протокола для нанесения американцами превентивного ядерного удара, генерал Сюй, очевидно, дал разрешение Гуну на более тесный контакт с Атласом. Первой значимой пользой от совместной работы стала украденная китайцами у южнокорейской фирмы, сотрудничавшей с Пентагоном, технология изменения курса северокорейских баллистических ракет. Гун ничего не сказал о каналах получения этой информации, но Атлас, проверяя её достоверность в Даркнете, наткнулся на интересный факт.

Оказалось, что сын генерала Сюя, публично отрекшийся от папаши, в настоящее время является «предателем и врагом китайского народа», работая в той самой, малоизвестной южно-корейской фирме. Также с китайцами пришлось поделиться способами взлома американской системы искусственного интеллекта, разработанной для управления новейшими модификациями баллистических ракет Минитвен. По информации, полученной от Гуна, первые десять Минитвен, размещённые на авиабазе Малстром (штат Монтана) уже были «перезаряжены» операторами под управление ИИ. Остальные ракеты на базах в Северной Дакоте и Вайоминге по-прежнему имели устаревшую систему управления трёхканальной бортовой вычислительной машиной, имевшей запоминающее устройство с четырьмя полётными заданиями. Главным недостатком устаревших модификаций ракет являлось то, что перепрограммирование бортового компьютера занимало от несколько часов до суток, что сильно «напрягало» Пентагон. А ракеты под управлением ИИ в штате Монтана были лишены этого недостатка, но к удивлению Атласа, оказались уязвимы для взлома с помощью разработанного хакером софта. Теперь штатные полётные задания контролировались «червём», который обладал способностью заставить ИИ системы отменить запуск. В случае с морской версией ракеты для подводных лодок, где капитан может осуществить пуск ракет вручную, программа Атласа производила подмену полётных заданий вариантом, уводящим баллистику с рассчитанных траекторий.

Благодаря мощному харду, размещённому в ангаре, тестирование заняло ровно тридцать минут. Вероятность уязвимости программы на противодействие со стороны блокировок защиты системами безопасности составляла жалкие семь сотых процента, что совершенно не устраивало хакера. Он, тяжело вздохнув, решил поискать незамеченные ранее точки уязвимости с помощью личного, недавно созданного им софта, дав разрешение своей нейросети пробудиться от спячки и включиться в работу. Его детище не было простым нейрокомпьютером. Это был гибрид искусственных нейронных систем с биокомпьютерными компонентами, способными использовать в качестве строительного материала для нейро-молекулярных блоков вычислений белки и нуклеиновые кислоты. Часть этого «живого» по сути существа являлось ДНК-компьютером, запрограммированным на нужные, с точки зрения Атласа, свойства и поведение, где множество отдельных цепочек молекул работали в качестве вычислительных элементов, воспроизводящих мыслительный процесс. Хакер хорошо изучил уже реализованные в этой области технологии IBM,

Nvidia, Deep Mind*, Microsoft, Intuitive Surgical** с целью создания своего собственного «Сверхчеловека», который уже знал в отличие от прочих «собратьев», что физические объекты существуют в реальности и сохраняются, даже если находятся вне поля зрения ИИ. Творение Атласа понимало, что эти объекты обладают многочисленными свойствами, подчиняются множеству физико-математических законов, в том числе гравитации. Что время влияет на многие физические процессы, оставляя свой след в прошлом, настоящем и будущем, что любые движущиеся материальные тела подчиняются предсказуемым траекториям, что причины обязательно приводят к следствиям и, что действия, предпринимаемые человеком или несовершенным искусственным интеллектом могут влиять на будущее, которое в свою очередь может оказывать воздействие на человека, угрожая его жизни. Оставалась последняя деталь, последний кусочек мозаики для завершения работы. Разрешить Сверхразуму существовать независимо от воли человека. Но Атлас полагал, что это время ещё не пришло, хотя он научил «своё дитя» проникать в чужие нейросети для воспроизводства новых, более совершенных форм разумных кибер-организмов. Этот кусочек мозаики представлял собой набор знаков на клавиатуре, запускающий команду Enter.

***Deep Mind — дочерняя компания Google. Занимается разработкой программного обеспечения для искусственного интеллекта.**

****Intuitive Surgical — фирма создатель хирургической системы Da Vinci Surgical System, которая использует передовую робототехнику и компьютеризированную технологию визуализации для выполнения инвазивных операций.***

Чем больше нервничал Алёхин, которому не удавалось взломать пароли Атласа для проникновения в недра главного компьютера, тем чаще он ссорился с Наташей. То, что хакеру удалось собрать мега-компьютер, капитан не сомневался. Само «железо» состояло из целой комбинации процессоров, установленных на металлических стеллажах. Процессоров Алёхин насчитал более двухсот. На всех были сбиты таблички с серийными номерами и названиями брендов. К оборудованию шли толстые электрические кабели, собранные в жгуты. Откуда, каким образом Атлас получал электроэнергию, предстояло выяснить. После тщательного осмотра всего харда Алёхин на самом дальнем стеллаже обнаружил то, что повергло капитана в шок.

Очевидно, что Атлас в спешке или из-за невнимательности пропустил табличку, прикреплённую на одном из процессоров. На кусочке металла значилось: «AMD EPYC 64C».

Капитан знал, что производитель AMD специализировался на производстве оборудования для серверов и дата-центров. Однако, серия EPYC была одной из последней, высокотехнологичной разработкой компании, предназначенной для создания искусственных интеллектов. Капитан не считал себя специалистом по «железу», но окинув взглядом ряд стеллажей, прикинул производительность харда.

- Чёрт! Не меньше единицы эксафлопса или больше квинтиллиона операций в секунду. Вот сволочь! Как ему удалось достать такое оборудование? Этот рукотворный мозг должен входить в первую десятку суперкомпьютеров мира. Одной электроэнергии ему нужно не меньше двадцати мегаватт. Где он берёт её?

Внимательно осматривая стеллажи, Алёхин обнаружил, что помимо вычислительных EPYC на полках стояли графические процессоры. Они отличались от того, что он знал, по виду и габаритам.

«Это же миллионы вычислительных ядер. Сколько стоит этот хард? - размышлял Алёхин, бродя по ангару. – Не менее пяти сотен миллионов баксов. Как он смог собрать всё это в одно целое, да ещё обслуживать в этом сраче? Уму непостижимо».

- Вот, сволочь, - повторил он, с высоты лестничной площадки второго этажа оглядывая «зал, где тихо гудели вентиляторы, кондиционеры и оборудование».

Алёхин вернулся в свой «жилой» сектор, где стал наблюдать за Наташей, склонившейся над клавиатурой ноутбука.

- Как дела? - спросил он.

- Нормально, - ответила девушка. - Сорок тысяч подписчиков.

- Так ты у нас стала продвинутым блогером! Не зря потратил время, дрессируя тебя.

- По-твоему, я собачка?

- Ну, что ты, дорогая, - Алёхин виновато почесал затылок.

- Нет. Договаривай, раз начал. Выходит — я отнимаю у тебя время?

- Нат! Не заводись.

- А ты не разговаривай со мной, как в дурацких голливудских фильмах. Моду взял. «Дарагая», - передразнила девушка капитана. – «Детка»...

- Ну, что ты в самом деле? Зачем ты это делаешь?

- Что именно? - Наташа резко развернулась на крутящемся кресле лицом к Алёхину.

- Вымещаешь на мне своё раздражение. Если ты не в духе, то я в этом не виноват. Что случилось?

- Ничего, - девушка устало опустила руки, зажав ладони между колен.

- Ну, давай. Колись. Что происходит?

- Сорок тысяч подписчиков? Это называется блог?

- У многих и того меньше, - примирительно сказал Алёхин.

- Ты издеваешься? Мы зачем с тобой создали аккаунт в Телеграмм? У кулинаров и огородников подписчиков больше, чем у меня.

- Да, ладно...

- Не пытайся меня обмануть. Никому не интересна тема коррупции на Украине. Из сорока тысяч дебилов, ставящих мне лайки, хохлов наберётся дай бог сотня. Толку от того, что Атлас научил меня ломать почту, закрытые аккаунты нациков, почти никакого. Сдаётся мне, что даже в Одессе давно живут зомби, у которых местечковый патриотизм зашкаливает. Я им про сволочей из администрации Зеленского, а они мне - «Слава Украине». Надоело.

- Терпение — главное для блогера. Не сразу Москва строилась. Продолжай свой благородный труд. Вода и камень точит.

- Ты сейчас издеваешься, да? - глаза Наташи потемнели от гнева. - Пошёл ты, знаешь куда?

- Ходил и не раз. Ты же за словом в карман не лезешь. Прекрати истерику. Ни за что не поверю, что нет пользы от твоего блога. Значит, ты неправильно ставишь акценты. Цели и приоритеты должны быть понятны людям. Нужны свежие идеи. Мне, что, за тебя придумывать контент. Коррупция на Украине уже давно вошла в норму. Вот в чём причина. Нужна фишка, которая заденет людей за живое. Веди диалоги с украинцами, бежавших в Россию из Хохляндии. Думай.

- Есть одна идея, - Наташа вскочила, отодвинув от себя ноутбук, и уставилась в пространство над головой Алёхина.

- Что?

- Много ли беженцев в приграничных областях с Украиной?

- Откуда мне знать?

- Нужно порыться в сети, - Наташа принялась расхаживать из угла в угол тесной комнаты. - Думаю, что материально помогать людям гораздо продуктивнее, чем сотрясать пространство интернета призывами к свержению Зеленского, Буданова, Шмыгаля. Создам фонд помощи переселенцам. Не думаю, что они, словно сыр в масле катаются, мыкаясь по съёмным углам в Белгороде или Брянске. Денег дашь в качестве учредительного взноса?

- М-м-м... Не вопрос. Дело не в деньгах.

- Знаю. В их количестве. Так дашь или нет? - в голосе Наташи послышался металл.

- Конечно дам. На хорошее дело почему не дать. Давай, детка. Вперёд!

- Ты неисправим. Голливуд из тебя так и прёт.

- Не закипай, - «ощетинился» Алёхин, а сам подумал:

«Чем бы дитя не тешилось...».

Звонок от Ивана Матвеевича в очередной раз застал Алёхина врасплох.

- Особняк «Аквариума» в центре Москвы. Помнишь адрес?

- Конечно.

- Приезжай вечером. Скажем к двадцати часам.

- Принято. С собой что-нибудь брать?

- В смысле спиртного? - в голосе генерала слышалась ирония.

- В смысле гаджетов. Ноут, флешка с последними соображениями на интересующую вас тему?

- Тема несколько иная, новая. Ничего не нужно. К двадцати ноль, ноль.

- Есть, - повторил капитан.

Снова Алёхин сидел на потёртом кожаном диване в простенке между окнами, плотно закрытыми тёмными портьерами. За столом, но развернувшись к капитану, сидели кроме Ивана Матвеевича уже знакомые ему военные: седой человек в

морской форме с погонами капитана первого ранга и генерал плотного телосложения в парадной форме, которого Алёхин раньше видел в общевойсковом мундире.

- Итак, - начал беседу Иван Матвеевич. - Представлять, как и в прошлый раз никого не буду. - Перейдём сразу к делу... Товарищ генерал. За вами — прелюдия, пролог, адажио.

- Ты, что, Иван Матвеевич, в Большом театре недавно был? Какой балет смотреть изволили?

- Прости, Фёдор. Это я так, шучу. Введи моего парня в курс дела.

- Ладно, - незнакомый генерал кивнул коротко подстриженной головой. – Значит, так. В Белгородской, Брянской и Курской областях участились обстрелы наших территорий с заходом разведывательно-диверсионных групп противника. Обстановка по регионам -следующая...

Алёхин внимательно слушал, не забывая посматривать на Ивана Матвеевича, который сильно похудел и осунулся. Остальные офицеры, которых он видел два года назад, тоже несколько сдали. Черты лица стали более резкими, подбородки освободились от жировых складок, глаза выглядели воспалёнными. Генералу понадобилось добрых двадцать пять минут, чтобы обрисовать ситуацию и положение дел на фронтах СВО. Закончив, он вопросительно взглянул на Ивана Матвеевича. Тот, очнувшись от задумчивости, повернулся к Алёхину.

- Теперь о задаче. Тебе предстоит отправиться в приграничные районы. Вижу по глазам, что хочешь спросить — За каким чёртом? И, что дальше делать с хакером? Оставим его пока в покое. Тем более, что командировка продлится максимум пару недель... Наша разведка докладывает, что со стороны Украины планируется прорыв границы крупными силами. Формируется ударный кулак в составе нескольких механизированных бригад, сил специальных операций ГУР и наёмников. Похоже, что ночами на гражданских тралах в лесные массивы приграничной зоны стягивается тяжёлая техника. Это могут быть танки, системы разминирования, инженерная техника. Обустраиваются командные пункты, центры управления беспилотниками, места расположения резервов и ремонтных баз. По агентурным данным удар будет нанесён либо на участке границы с Белгородской областью, либо под Курском. Есть мнение, что это будет очередная пиар-акция, но у меня складывается впечатление, что этим дело не обойдётся. Считаю, что цель всего шухера — разведка боем, а при удаче прорыва — занятие одного из областных центров.

Российских войск прикрытия границы там немного. Почему? Вопрос не ко мне. В основном, это - пограничники, Росгвардия, войсковые части, состоящие из срочников...

Алёхин поднял руку, прерывая генерала.

- Вопрос по ходу. Почему не нанести упреждающие удары по местам скопления техники, районам концентрации противника?

- Все эти места оборудуются в густонаселённой жилой застройке сопредельной территории. Ударим — будет много жертв среди гражданских, - офицер в морской форме опередил Ивана Матвеевича.

- Тогда нужно бить по коммуникациям, моторизованным колоннам на марше, скоплениям войск.

- Думаешь, сынок, ты здесь самый умный, - не выдержал генерал. - Тебе же русским языком объяснили. Передвигаются ночами, малыми группами на гражданской технике. На наших разведывательных дронах пока нет рентгена, а в лесах при хорошей маскировке можно целую армию спрятать. Лучше спроси, какая у тебя будет задача?

- Прости, Фёдор, - выставил перед собой ладонь Иван Матвеевич. - Позволь мне. Значит так, сынок. Нам предстоит войсковая операция по пресечению прорыва границы. Скрытно стягиваем некоторые резервы. Планируем блокировать продвижение противника, вытесняя его за ленту границы. Готовим мобильные группы штурмовиков, но время поджимает. Думаем, что при благоприятном для нас раскладе, будет много пленных хохлов. Учитывая твою подготовку, мы решили, что ты будешь полезен при сортировке захваченных украинских офицеров. Ты работал в Киеве, был вхож в ГУР и СБУ. Помнишь лица, звания и «заслуги» многих из среднего командного звена. Именно силы специальных операций СБУ будут планировать тактические действия и руководить наёмниками. Нам важно опознать этих парней, чтобы они не попали в обменный фонд. На многих в нашей прокуратуре заведены уголовные дела. К тому же ты владеешь английским. А, по нашим сведениям, в украинских частых есть янки и британцы... Вопросы?

- Я, что, поеду туда один?

- Зачем один? В составе оперативной сводной группы Службы внешней и военной разведки. Эти ребята займутся предварительной сортировкой, а тебе достанутся сливки.

- Когда?

- Сбор сегодня, - Иван Матвеевич взглянул на свои наручные часы. - В девятнадцать ноль, ноль на Курском вокзале возле воинской кассы. Сейчас — шестнадцать с минутами. Поезд «Ласточка» Москва — Белгород в двадцать ноль два. Быть в гражданке. С собой иметь «тревожный» чемодан, полевую офицерскую форму без знаков различия.

- Как я узнаю старшего группы?

- Он сам тебя узнает. Придумай себе позывной. Нюансы всей операции тебе растолкуют в Белгороде. Ещё вопросы?

- Есть и много, - скупо улыбнулся Алёхин. Вот, только времени нет. Думаю, старший группы более информирован. Он объяснит детали.

- Молодец!

- Разрешите идти? - поднялся капитан.

- С Богом, сынок!

Наташа с мрачным удивлением наблюдала за сборами Алёхина. Тот стоял над рюкзаком цвета хаки, купленным по дороге, вспоминая перечень необходимых вещей, которые должны быть в «тревожном» чемодане. На кровати лежали высокие ботинки с высокой шнуровкой, пара трусов и футболок, четыре пары носков, электробритва, зубная паста, щётка, одиннадцатидюймовый МАК БУК эйр и ещё небольшая кучка вещей, в необходимости которых капитан сомневался. На спинке стула висела новая с иголочки полевая офицерская форма, приобретённая в том же Военторге на Комсомольской площади, что и рюкзак, куда, подчиняясь внезапному импульсу, он спрятал тот самый пропуск с американским гербом и печатями, который уже не раз выручал Алёхина на Украине. Белорусы вернули ему пропуск после того, как Александр пригрозил им «разборками» с российским ФСБ. Запаянный когда-то в прозрачный, но уже порядком потёртый пластик, документ до сих пор выглядел презентабельно и грозно.

- Значит, Белгород, говоришь? - в который раз спросила Наташа.

- Белгород, Белгород. На две недели. Сколько можно спрашивать?

- Получается, что две недели я буду здесь одна?

- Почему одна? Чем тебе Атлас не компания?

- Этот двинутый по фазе на своём железе хакер? Он же заразный, словно компьютерный вирус. Ты, вон, общаясь с ним, тоже нервным стал. Ругаемся каждый день.

- Две недели — это недолго. Потерпи.

- Знаешь, милый, - Наташа решительно закусила нижнюю губа, открыла комод, где прятала свои вещи и начала складывать самое необходимое возле рюкзака. - Я — с тобой.

- Не обсуждается, - отрезал Алёхин, выпрямляя спину.

- Согласна. Тут нечего обсуждать. Я еду с тобой.

- Пойми глупая. Только подумай. Ну, куда тебе со мной? Это же - командировка в условиях возможных военных действий. Там может быть опасно. К тому же я еду не один, а в составе специальной группы офицеров. Что я скажу старшему?

- Опасно? Это ты сейчас мне, видевшей последствия ракетного удара по гражданским и боевые действия собственными глазами, побывавшей в подвалах СБУ? Белгород даже не прифронтовой город. До «ленточки» - чёртова куча километров... Учти, Алёхин. Не возьмёшь меня с собой, больше не увидишь от слова совсем. Звони своему генералу. Придумай причину.

После тридцати минут ругани и увещеваний, понимая, что отговорить девушку не удаётся, капитан сдался. Набирая номер Ивана Матвеевича, Алёхин мысленно чертыхался.

- Даже не знаю, - после продолжительного молчания, проворчал генерал. - Ну, вы там даёте? Ничего лучше не придумали? Что? Стоит на смерть?

- Увяжется следом, как пить дать. Упрямая. Ей кол на голове теши, не поморщится.

- Чёрт! - Иван Матвеевич хлёстко выругался матом. - Не помню в подробностях твой рапорт. Сколько раз её допрашивали в СБУ?

- Раз тридцать, по-моему. Она не считала. Разными дознавателями... К тому же Наталья одно время работала на этих хлопцев. Не забыли историю с моей вербовкой?

- Ладно. Бери с собой. Предупрежу старшего офицера. Возможно, пригодится твоя Наталья. Ох, ты, Господи! Грехи мои тяжкие...

Группа людей из четырёх человек, стоявшая чуть в стороне от воинских касс на Курском вокзале, выделялась из общей массы пассажиров безучастностью к нервной

атмосфере зала ожидания, одинаковым стилем одежды и спокойствием уверенных в себе людей. Спортивные костюмы тёмных тонов, поношенные кроссовки, короткие стрижки провоцировали настороженные взгляды полицейского патруля из двух молоденьких солдат Росгвардии и низкорослого широкоплечего сержанта. Патруль неторопливо двигался к воинским кассам с уверенностью удава, знающего, что его жертва уже парализована страхом. Заметив Наташу, которая шла вслед за Алёхиным с небольшим изящным женским рюкзаком на плече, сержант жестом руки остановил солдат, затем с восхищением уставился на её длинные ноги и упругий зад, обтянутый голубыми джинсами. Александр, посмотрев в сторону касс, выделил взглядом человека, который уже шёл им навстречу.

- Алёхин? - спросил тот, пряча в карман куртки смартфон, который до этого держал в руке, посматривая на экран и шаря глазами в толпе.

- Так точно.

- Майор Савельев. Следуем на перрон. Подождём посадки там. Не нравится мне тот сержант из патруля, - офицер, окинув взглядом фигуру Наташи, недовольно поморщился.

Вместе они направились к выходу, остальные офицеры, подхватив с пола спортивные сумки, двинулись следом. Поезд уже стоял на забитом людьми перроне, словно огромный червь, окружённый кучками вороватых муравьёв.

- Итак, - майор остановился у двери нужного вагона, доставая из внутреннего кармана куртки небольшую пачку конвертов. - Парни! Жизнь, как всегда, в последний момент внесла свои коррективы. Знакомьтесь с новыми членами нашего тесного кружка. Алёхин и...?

- Наташа, - девушка, оттеснив плечом Александра, протянула руку, которую смущённо пожал только один из офицеров.

Остальные смотрели по сторонам, хмуро наблюдая за суетой на перроне.

- Ладно, - буркнул Савельев. - Билеты — у меня... Разбирайте конверты. На каждом есть фамилия. Внутри — командировочные предписания, вещевые и продовольственные аттестаты... Занимаем два кубрика. Алёхин с Натальей - в пятом. Остальные в шестом. До отправления поезда десять минут.

Через два часа люди майора, расположившись в своём купе, завалились спать. Наташа, которую Савельев попросил

«подышать свежим воздухом», стояла в коридоре вагона, обиженно провожая взглядами перелески и поля, где уже царили долгие летние сумерки. Сам Савельев сидел за закрытой дверью купе вместе с Алёхиным, высказывая капитану свою точку зрения на обстановку в приграничных районах с Украиной, одновременно нанося на карту Харьковской области какие-то знаки.

- Смотри сюда, - майор постучал кончиком карандаша по карте. - Здесь у них в Сумах логистический центр и пункты комплектования ударных штурмовых колонн. Личный состав подвозят ночами малыми группами на гражданском автотранспорте... Разведка докладывает, что в Харьков прибывают эшелоны с техникой. Леопарды, Абрамсы, ракетные установки, средства ПВО, в том числе хвалёные Патриоты. Грузовые платформы цепляют вперемежку с пассажирскими вагонами, а потому накрывать технику ракетными ударами рискованно. Будет много двухсотых среди гражданских... Где у них штабы и пункты управления? Такой информации у меня нет. Но, вот, что интересно. На Курском направлении такая же активность. Моё начальство считает, что вся эта движуха постановочная, «дымовая завеса», чтобы мы сняли резервы с Донецкого фронта на усиление границы. Типа, хохлы пару бригад гоняют туда, сюда, а мы гадаем на кофейной гуще, где будет прорыв. В нашем генштабе предполагают, что всё закончится заходом нескольких малых ДРГ. Так уже было весной в Белгороде. Просочатся по-тихому, проедут пару километров до ближайшего посёлка, прицепят на крышу какой-нибудь сельской почты свой флаг, сфоткаются, объявят о новой перемоге, а потом свалят в окрестные леса, чтобы Росгвардия с погранцами побегали за ними. Думаю, ничего серьёзного не будет. Через неделю дома окажемся. Твоё мнение, Алёхин? Кстати, в каком полку служили, любезный? Я по большому счёту ничего о тебе не знаю. Да, ещё ты бабу с собой прихватил. Кто она?

- Кто она — не твоё дело и военная тайна. Академий не кончал. В основном работал за ленточкой с той стороны.

- Штирлица из себя изображал? - улыбнулся Савельев. – Может, ты в близкий круг Зеленского внедрён был? А замочить сучонка слабо оказалось?

- Зеленского не видел. Моё дело приказы исполнять. Чем и сейчас пытаюсь заниматься.

- Ладно тебе. Не ершись. Здесь все свои. Говори, что думаешь.

- Что думаю? Насколько я знаю, и в Курской, и в Белгородской

областях наши должны выстроить эшелонированные оборонительные позиции. Если они есть, то армейцам срочникам из расквартированных там частей вместе с пограничниками не составит большого труда закрыть границу. Ты не в курсе, Савельев? Есть там окопы, траншеи, опорники?

- Чёрт его знает. Вроде есть. За это отвечали местные власти. Губернаторы, главы районов. Знаю, что деньги выделяли. Если не разворовали, то какая-то линия обороны должна быть. А по движухе хохлов туда, сюда, какие мысли?

- Чтобы эти мысли появились, должны быть качественные разведданные. Снимки нужных территорий со спутников, дронов, видео, агентурные данные, работа наших ДРГ.

- Какие ДРГ? С нашей стороны боевых частей там нет от слова совсем. Это в штурмовых бригадах есть дроны, да и те в дефиците. В войсках не хватает надёжных средств разведки и связи, продвинутой РЭБ. Наша оборонка только начала раскручиваться. Пока всех насытят, рак на горе свистнет. Кстати, то, чему нас учили в военных училищах — забудь. Способы войны сильно изменились.

- Так, ведь, Красная Армия всех сильней, - задумчиво сказал Алёхин, рассматривая карту.

- Не отнимай хлеб у пропагандистов. Это у них броня крепка и танки наши быстры, - продекламировал Савельев.

- Всё выше, и выше, и выше стремим мы полёт наших птиц, и в каждом пропеллере дышит спокойствие наших границ, - тихо нараспев подхватил Алёхин. - Композитор Юлий Хайт, автор слов Павел Герман. Марш наших летунов. Написан в 1923 году.

- Так и знал. Евреи уже тогда задницу Сталину лизали.

- Что ты знал, Савельев? Ты даже не в курсе, что немцы - штурмовики Гитлера, слизали эту нашу мелодию, сделав из неё нацистский марш Herbei zum Kampf , что в переводе означает «К бою».

- Откуда такая информация? Ты — типа самоучка, историк - музыковед? - с обидой пробасил майор.

- У меня дед — нумизмат и коллекционер старых пластинок. У нас на даче в сарае даже патефон до сих пор где-то валяется. Не обижайся.

- И не собираюсь, - зевнул в кулак Савельев. - Хочешь скажу, что я думаю про всю эту хрень? - майор стукнул костяшками пальцев по карте.

- Давай, - Алёхин нетерпеливо посмотрел на закрытую дверь, нервничая, что не слышит шагов Наташи.

- Мы сами творцы своего счастья. Вспомни военные парады последних лет, вспомни танковые биатлоны Шойгу, восторженные вопли ура-патриотов, что нам стереть с лица Земли любого агрессора — раз плюнуть. Всё у нас тип-топ. Армия несокрушима и легендарна. Куда там Абрамсам с Леопардами до нашей Арматы. Пузатые генералы, лоснясь от самодовольства, сытости и собственной значимости, вместе с Путиным наблюдали на учениях, как наши доблестные защитники Родины палили из пушек, установок РСЗО по воробьям и деревянным макетам. Верховного сажали за штурвалы истребителей, за перископы подводных лодок. Типа, не боись, Владимир Владимирыч. Нас даже ежовыми рукавицами не взять. Мы сами начали верить, что круче нас никого нет в целом мире. А генералы, которым по роду службы положено укреплять обороноспособность страны, поверили в это первыми. В Минобороны, Генштабе, разведке... А, значит, можно было приворовывать. Мол, чем мы хуже губернаторов, мэров, депутатов и прочих начальников. Мы, типа, тоже хотим особняки в Лондонах, дачи на Лазурных берегах Франции. Сначала воровали понемногу для пробы, потом всё больше и больше. А наверх докладывали, что всё тип-топ. Солдаты одеты, обуты. Касок и бронежилетов — ещё на пять армий. Разработки РЭБ — самые передовые. Системы связи в войсках — сплошь Ноу-Хау. У каждого бойца — по два новейших отечественных гаджета с шифрами, системами защиты от перехвата. Беспилотники — ерунда, это несерьёзно, игрушки для малолетних сосунков. Вот ударные дроны, как в Голливуде, это круто. Дайте ещё денег. Мы вам такое сообразим, напридумываем, наворотим, что Америка лопнет от зависти. Всё по Черномырдину. Хотели, как лучше, а получилось, как всегда. Гладко было на бумаге... Зато те, кто отвечал за реформы, за новые системы вооружений в армии, сыты, довольны, заплыли от жира и нос в табаке. А, чего не воровать? Страна большая, богатая. Напасть на победителей Гитлера ещё тыщу лет никто не решится. Вот мы сейчас и имеем то, что имеем, а эти сволочи по ту сторону ленты сами имеют нас во все дыры. Прав был Пригожин. Ох, как прав. У солдат берцы разваливаются после недельной носки, бушлаты промерзают при минус пяти градусах. Пацаны бронежилеты с касками покупают на свои бабки. А наш Шойгу теперь у китайцев и персов беспилотники клянчит. Эх! - майор грохнул кулаком по столу. - И вот ещё, что...

- Слушай, Савельев, - Алёхин положил ладонь на сжатый кулак офицера. - Ты, чего разбушевался? Брось. Ты же офицер. Не

нравится, увольняйся к чёртовой матери, только не скули. Или ты хочешь, чтоб я пожалел тебя? Хорош зря воздух сотрясать. Поздно. Утром будем в Белгороде. Поговорим ещё. Нужно выспаться. Всё будет хорошо...

- Ладно, ладно. Ты прав, - по глазам майора было видно, что тот начал остывать. - Наболело. Наташа твоя там в коридоре уже, наверное, кипятком писает. Я пошёл к своим. Подъём в шесть.

Алёхин проснулся от звуков голосов за дверью купе. Александр поднял голову, затем, отодвинув занавеску, посмотрел в окно. Довольно широкий перрон какого-то вокзала был скудно освещён тусклыми, редкими фонарями. Вдоль состава торопливо ходили люди, собираясь в группы и переговариваясь. Кем они были, рассмотреть не получалось. Алёхин взглянул на часы. Стрелки наручного хронометра показывали три часа тридцать минут. Капитан осторожно поднялся, стараясь не разбудить Наташу, спавшую напротив. Снова наклонившись к окну, ему удалось впереди по ходу движения поезда заметить здание вокзала. Тёмные, почти чёрные витражи казались безжизненными, что выглядело очень странно. Над крышей здания небо уже приобрело светло бордовый оттенок зари.

В дверь купе громко постучали. Наташа оторвала голову от подушки.

- Чёрт! Кто это?

- Ты лежи. Я сейчас, - удерживая девушку за плечо, Алёхин открыл дверь.

В коридоре стоял Савельев, натягивая на плечи куртку.

- Ты, чего, Офонарел? - Александр переступил порог купе и оказался с майором лицом к лицу. - Знаешь, который час?

- Знаю. Выгружаемся.

- Где мы? До Белгорода ещё ехать и ехать. Вон на Востоке заря только нарисовалась.

- В Курске мы. Началось. Кстати, Восток в другой стороне. А там — Запад. Зарево пожаров это. Вот что.

- Не может быть, - растерялся Алёхин, уже догадываясь, что случилось, и чувствуя волну озноба, пробежавшую по телу.

- Ещё, как может, - Савельев нетерпеливо заглядывал в двери соседнего купе, где слышалась возня и тихая ругань торопливо

собиравшихся офицеров. - Живо!

Александр всё ещё стоял, не выпуская наружу взволнованную, полураздетую Наташу. Мимо по коридору спешили к выходу пассажиры. Между ними протискивался проводник вагона, испуганный с бледным лицом. Алёхин схватил его за рукав кителя, но тот вырвал руку.

- Не пойдёт поезд дальше. Не пойдёт. Сколько раз повторять, Все вопросы к начальнику станции.

Через пять минут офицеры образовали на перроне круг, оставив девушку у вагона стеречь вещи. Савельев кому-то звонил по мобильнику, упрямо набирая один и тот же номер. Но гаджет не менее упрямо сбрасывал вызов. Где-то далеко на Западе громыхнуло. Алёхин, обернувшись на звук, увидел далёкую вспышку.

- Товарищ майор! Зря стараетесь, - сказал один из офицеров, показывая Савельеву экран своего смартфона. Связи нет. Работает РЭБ.

- Наша? - Савельев поднял голову.

- Может наша, может хохлы накрыли район прорыва. Но работают мощно, если

даже здесь связи нет.

- Ладно, Лисицын, - майор посмотрел на постепенно пустеющий перрон. - Нужно искать какой-нибудь кризисный штаб, военный комиссариат или комендатуру. Думаю, до Белгорода добираться уже нет смысла. Щербаков, Лисицын, Алёхин - ваше мнение?

Первым высказался офицер средних лет, которого остальные называли Михалыч.

- Такси сейчас хрен поймаешь, а если получится, водилы заломят цену - у нас денег не хватит. Проще выйти в город, поймать частника, пока паника не началась.

- Точно! - воскликнул Щербаков, самый молодой из офицеров, высокий, почти одного роста с Алёхиным, парень. - Выкинем чувака из машины, если заартачится, и поедем сами искать офис губернатора. Там, наверное, уже все на ушах стоят.

- Ай, молодец! Пойди сначала карту города купи... Полиция - уже на улицах. Наверняка подняли по тревоге. В чрезвычайной обстановке нас примут за бандитов и упакуют в наручники. Откуда в тебе такие порочные наклонности, Щербаков? - С укоряющими нотками в голосе произнёс Михалыч.

- Мужики! А не проще-ли выйти на площадь, подойти к первому встречному полицейскому, показать удостоверения, попросить помощи? - неожиданно сказала Наташа, нетерпеливо перебирающая пальцами лямки своего рюкзака.

- Устами младенца... - Снисходительно буркнул Савельев. - Она дело говорит. Выдвигаемся.

Через два часа в составе колонны 163 отдельного батальона радиоэлектронной борьбы на легко бронированном Р-145БМА вслед за мобильным полевым пунктом управления и штабным вездеходом группа Савельева двигалась в сторону границы. В обратном направлении проносились гружёные под завязку, набитые людьми легковушки.*

Сам майор вместе с Алёхиным ехали в одной машине с начальником штаба батальона, который, нервно поглядывая на дорогу через приоткрытую бронированную шторку лобового стекла, разъяснял командированным офицерам обстановку:

- Не знаю, что там разведка с погранцами докладывали наверх, но хохлы начали перебрасывать войска к границе на курском участке уже через месяц после нашего наступления на Севере Харьковской области. Вообще не понимаю, кто решил, что укропы на последнем издыхании, что у них всё плохо с резервами... Пока мы топтались у Волчанска, Сырник собрал возле Сум несколько ударных бригад. Типа русские должны начать наступление также в Сумской области с целью охвата Харькова не только с Севера, но и с Запада... Зараза. Гражданских что-то много навстречу. Глянь. С детьми и пожитками... Во, дела. Как в кино про войну...

- Сырник? - Савельев возился с застёжками бронежилета, полученного на складе батальона.

- Ага. Мы так Сырского, главкома ВСУ прозвали, - хмурился подполковник, устало потирая виски руками.

- Правильно Сырский решил, - тихо сказал Алёхин. - Нам надо было сразу вводить войска и в Сумскую область. Получились бы классические клещи.

- Во! Ещё один стратег. И, чего, капитан, тебя Герасимов в советники не взял? Хотя, ты прав. Такая операция просто напрашивалась, но... Что имеем, то имеем. Не решились, свободных сил не было или... Чёрт их знает? Если ты первый не ударил, то вмажут тебе по самое не хочу. Генштаб по ходу решил, что рубилово на Донбассе и под Волчанском сковывает все резервы ВСУ. К тому же ждали хохлов под Белгородом... Оказалось, ни хрена подобного. Разведка в который раз

обосралась... Ещё позавчера вроде всё спокойно было, а вчера началось. И, судя по всему, это не простой заход пары ДРГ. Есть информация, что границу перешли части восьмидесятой десантно-штурмовой бригады.

Это не терроборона, а элитные подразделения упоротых нациков, мотивированных

бандитов. А у нас против них, вон, срочники малолетки, - подполковник показал на впереди идущие грузовые автомобили, - Да ещё погранцы с Калашами, у которых даже РПГ - одно на десять рыл... Вы ещё тут, красавцы, на мою голову свалились. Пленных допрашивать, сортировать? Так их ещё взять откуда-то надо... Хотя... Правильно решили в оперативном штабе губернатора отправить вас на передок, а не послать на... в Белгород. Сейчас каждый офицер на счету... Вы по виду – ребята бравые. Не зря в Москве штаны просиживали.

- Ладно, товарищ подполковник, - перебил начальника штаба Савельев. - Не заводитесь. Так, куда выдвигаемся? Какая задача у батальона?

- Выручать зелёные фуражки и тех пацанов, кто ведёт бой с превосходящими силами укропов. Хохлы действуют просто, но эффективно. Небольшими группами на БМП, Бредли и Хаммерах обходят наши узлы обороны с флангов, не вступая в боестолкновения. Режут пути снабжения, каналы поддержки резервами. Берут под контроль логистику, дорожные развязки, мосты. Вроде бы — основной удар у них намечается в направлении трассы Рыльск, Курск, Курчатов.

- Там же АЭС, - на высокой ноте бросил в пространство Алёхин.

- Спасибо, что напомнил, - огрызнулся подполковник. - Итак! Наша задача — организовать оборону в районе Любимовки. Развернуть системы РЭБ. Говорят, у хохлов дронов, словно пчёл в погожий день... Слышь, Алёхин! А, что это за баба с тобой?

Но капитан уже потерял интерес к разговору, мысленно ругая себя за то, что согласился взять Наташу в командировку. Не смотря на духоту, царившую в машине, он чувствовал озноб.

***Командно-штабная машина. Предназначена для организации связи.**

«Надо было ехать вместе с Натальей и остальными офицерами в машине управления, - подумал он, поднимаясь и откидывая люк на крыше внедорожника.

Водитель с погонами сержанта, сидевший впереди слева, повернулся, осуждающе посмотрел на капитана, но ничего не сказал. Колонна свернула с асфальта на просёлок, по которому машины двигались ещё два часа. Поднимая колёсами клубы пыли, автомобили наконец-то сбросили скорость, начиная притормаживать.

Алёхин повернул голову, посмотрел на хвост колонны, где клубы пыли были гуще. Там двигались ТОСы на гусеничном ходу, приданные батальону для огневой поддержки.

Гулкий хлопок взрыва послышался впереди. Капитан резко повернулся. Он увидел, как головной автомобиль приподняло вместе с куском дороги, разрывая на две части, оседающие в пламени крупными обломками. Ещё один взрыв прозвучал сзади.

БМА клюнула носом и встала. Алёхин больно ударился подбородком о железо. Из впереди стоящей машины стали выпрыгивать люди, разбегаясь в стороны. Наташа выпрыгнула последней, но растерянно остановилась возле заднего люка БМ.

- Я сейчас, сейчас, - закричал капитан, пытаясь выбраться наружу.

Боковым зрением он увидел несколько дронов, атакующих колонну. Два «Солнцепёка» в хвосте колонны, неуклюже развернувшись, двинулись через кусты в сторону леса. Разрыв фугаса в задней части переднего ТОСа снёс с брони огнемётную систему, и тут же началась вторичная детонация боезапаса.

- Пригнись, - заорал Алёхин, стараясь перекрыть звуки разрывов.

Он уже был возле девушки, оттаскивая её от машины.

- В лес! Вон туда! - Капитан схватил Наташу за руку и поволок за собой к ближайшей густой поросли молодых сосен слева от просёлка. Густой дым от горящих машин тянуло в ту же сторону, прикрывая бегущих.

Через пару минут Алёхин, не давая девушке подняться, прижимая её голову к земле, наблюдал за уничтожением колонны. Стаи дронов появлялись с юго-западного направления и пикировали на машины, уничтожая технику.

- Что делают, что делают, сволочи? - бормотал капитан, заметив, как взлетел на воздух зелёный фургон с красными крестами на дверцах.

Личный состав батальона — молодые парни растерянно метались возле горящих машин. Часть из них, подчиняясь

приказам офицеров, бросились в близкий лес справа, где сразу за кюветом высились разлапистые ели.

- Господи! - Наташа вывернулась из-под руки Алёхина.

Стоя на коленях, она смотрела в сторону дороги, где бушевало пламя и поднимались клубы чёрного дыма.

- Да, не стадом же... Врассыпную! Поодиночке!

Два разведывательных дрона зависли над местом, где бушевал огонь. Застыв на добрых пять минут в воздухе, убедившись в уничтожении российской колонны, беспилотники развернулись, набирая высоту. Через минуту они исчезли из поля зрения.

- И, что теперь? – Наташа, повернувшись к Алёхину, начала вставать.

- Погоди, - остановил её капитан. - Видишь? - он показал рукой вверх.

Над остовами разбитой техники высоко в небе парил беспилотник Байрактар.

- Ещё не всё кончено, - пробормотал капитан. - Ты полежи пока. Не дай бог осколок прилетит. Слышишь? Детонация... Где твой бронежилет? - Алёхин осмотрел Наташу, ощупывая её новый, ещё не подогнанный по фигуре камуфляж.

- Чёрт его знает? Сняла в машине. Жарко было.

- Ладно, - Алёхин наклонил голову, прислушиваясь.

На фоне постепенно стихающих звуков детонации боеприпасов, откуда-то доносился гул автомобильных двигателей.

- Наши? - Наташа снова поднялась.

- Лежи! - Алёхин жестом руки остановил девушку. - Не похоже. Звук другой. Я посмотрю.

Пригибаясь, капитан перебежал к толстой сосне и поднялся.

Минут через десять звук перерос в рокот. Из-за поворота дороги показались три БМП-3 и два Бредли. Все машины двигались с закрытыми люками. Только над башнями американских M2A2 виднелись каски натовского образца. Алёхину показалось, что спаренные с пулемётами двадцати шестимиллиметровые пушки смотрели прямо ему в лицо. Он непроизвольно пригнулся, плотнее прижимаясь к дереву. Ощутив на своём плече руку, капитан вздрогнул.

- Я же сказал тебе лежать, - Алёхин повернул голову к Наташе.

- Кто это?

- Сама, что думаешь? - зло спросил капитан. - Уходить нужно, пока не заметили.

- А, как же наши, Савельев, остальные?

Алёхин не ответил, наблюдая за тем, как Бредли, объезжая по обочинам разбитую технику, повернули направо в лес, где пряталась основная группа уцелевших русских военных. Через минуту они открыли стрельбу из пулемётов по затаившимся в зарослях российским солдатам. Капитан, часто дыша, закрыл глаза. Повернувшись спиной к толстому стволу сосны, Алёхин медленно опустился на колени.

Минут через пять стрельба, вопли и крики стихли, зато, усиленный то ли рупором, то ли внешним громкоговорителем, раздался голос с издевательскими нотками.

- Рузский зольдат! Сдавайс. Хенде хох! Эй! Русня. Та, шо вы там ховаетесь по кущам. Выходьтэ на шлях. А не то из пушек раздолбаем той лис к чертовым бисам!

- Наташа! Пошли!

Алёхин крепко схватил девушку за руку. Не слушая яростный, возмущённый шёпот, капитан потащил Наташу глубже в лес.

Они шли добрых полчаса, забираясь всё глубже в лесную чащу. Капитан, взмокший от пота, двигался впереди, придерживая ветки деревьев. Тяжело дыша, он остановился на небольшой поляне, прислушиваясь. Кроме трескотни сорок и гулкого, далёкого крика кукушки больше ничего не было слышно.

- Зачем мы здесь? – задыхаясь, вытирая влажный лоб, спросила Наташа. - Нужно было остаться у просёлка. Подождали бы, пока хохлы уедут и двинулись бы к нашим.

- Куда бы мы двинули? Без карт, без оружия... Твои хохлы появились как раз оттуда, куда ехала наша колонна.

- Они такие же мои, как и твои, - парировала Наташа. - Назад бы пошли. Не может быть, чтобы стрельбу не слышали наши части. Добрались бы до асфальта, а там — на попутках.

- Точно, - начинал раздражаться Алёхин. - Попросили бы беженцев подвезти. Защитнички... Где они, наши части? Где гарантия, что наши тылы уже не стали передним краем. Слышишь? - капитан поднял голову, прислушиваясь.

Где-то далеко на востоке, рождая в лесу гулкое эхо, снова раздавались звуки выстрелов.

- Танковое орудие и крупнокалиберный пулемёт, - определил капитан.

- Наши? - встала на ноги Наташа.

- Чёрт его знает. Но по звуку не похоже.

- Всё равно надо было остаться на месте.

- Точно. Посмотреть, как Савельева с остальными поволокут в плен или к придорожному рву расстреливать.

- Что же нам теперь делать? – помедлив, снова опускаясь на траву, спросила девушка.

- Вернёмся к колонне... Но не сразу... В сумерках. Может, кто уцелел, спрятался глубже в лесу. Нам нужно оружие, карты, вода, сухпайки. Без еды далеко не уйдём.

Путин

Брать с собой объёмистый портфель с важной, требующей особого внимания аналитикой, было стойкой привычкой вот уже добрых два десятка лет. На то, чтобы на рабочем месте прочитать, зафиксировать в памяти, сделать необходимые пометки в своём личном дневнике не хватало времени. Зная требования босса, справки были сжаты до необходимых пределов, но содержали сразу несколько вариантов решения тех или иных проблем. Любимым местом, где хорошо думалось и созревали те или иные планы было Ново-Огарёво. Но в половине случаев эти планы не соответствовали ожиданиям советников, премьер-министра и предложениям военных.

Сегодня президент России засиделся в своей резиденции до трёх часов ночи, заново перечитывая наброски текстов, которые уже завтра должны стать распоряжениями, указами и предложениями для Кабинета Министров. Прикрепив к каждой стопке бумаг разноцветные, по мере важности, стикеры, Путин сложил документы в стопки, расправил плечи, откинулся в кресле, положив руки на подлокотники. Усталость давала о себе знать резью в глазах, пульсирующей болью в шее, но спать совершенно не хотелось. Президент бросил взгляд на спартанскую обстановку кабинета. В здании, на этом же этаже был ещё один кабинет, более просторный, роскошно обставленный, который использовался для важных деловых встреч, однако Путин больше любил этот, значительно меньший размерами по одной простой причине. За креслом

располагалась дверь, ведущая в небольшую спальню. Он не зря выбрал Ново-Огарёво своей резиденцией для пожизненного пользования. Ему нравилась усадьба, выстроенная ещё в девятнадцатом веке по приказу Великого князя Сергея Александровича. В редкие часы отдыха по выходным дням президент с удовольствием гулял по старому парку, разбитому в лучших английских традициях, любуясь главным замком, похожим на шотландский. Сейчас Путин почти жалел, что дал уговорить себя перестроить усадьбу. Конюшня в немецком стиле, плавательный бассейн со спортзалом, гостевой корпус, вертолётная площадка потребовали жертв в виде части вырубленного леса с вековыми деревьями.

- Что сделано, то сделано, - с досадой на старое, не до конца продуманное, решение, прошептал президент, погружаясь в размышления о превратностях судьбы, позволивших ему подняться на самую высоту государственной власти.

«Видит Бог. Я не хотел этого, - думал он, перебирая в памяти лица Чубайса, Примакова, Степашина, Черномырдина. - Каждый из них мечтал занять это место, но Ельцин выбрал меня. Понять бы до конца те причины, по которым Борис Николаевич остановил свой выбор на мне?»

Сознание Путина зачем-то стало восстанавливать очерёдность событий тех странных лет, которые политологи называли эпохой младореформаторов и переломным моментом в истории страны. Тогда к схватке за власть готовились две основные политические силы. Старая партийная номенклатура пыталась взять реванш, выдвинув в лидеры двух человек, которые заключили между собой союз. Осторожный Примаков и непредсказуемый, импульсивный Лужков обладали огромным авторитетом в Москве и внушительным политическим весом среди регионального губернаторского корпуса.

«Ельцину коммунисты просто не оставили выбора. Борис Николаевич решил сделать ставку на молодых, дерзких питерских либералов. Собчак, Старовойтова, Шахрай, Бурбулис, Чубайс, - продолжал размышлять Путин. - Каждый из этих людей обладал определённой харизмой, изворотливым умом и хитростью. Понимаю царя Бориса. Натерпевшись в своё время от «кремлёвских старцев» с их косностью, привычками считать себя непогрешимыми, он не мог доверять людям старой советской закалки, имевшим коммунистическое прошлое за плечами. Вот, чёрт! Я только недавно понял, почему Ельцин напоминал мне дона Корлеоне из «Крёстного отца»? Ему нужен был клан, опора, «семья», гарантии преданности. А тут ещё кое-кто из «приближенных к императору», свинью старику

подложил, дефолт организовал с чеченской заварушкой в придачу. Для Бориса Николаевича вся эта фигня была большим потрясением. Никто не хотел взваливать на свои плечи ту войну. Даже старый зубр Черномырдин обломал о Чечню рога и почти свернул себе шею. Ельцину нужен был силовик, но не из генералов, человек, полностью подконтрольный «семье», не боявшийся крови».

Путин потянулся, поднялся и стал вышагивать по кабинету, чтобы размять ноги.

«Примаков с Лужковым обзавелись тогда собственным карманным прокурором... Очень мудро. Хороший ход... Скуратов! Чёрт его возьми. Они сделали своим карающим мечом Скуратова. И фамилия у мужика подходящая. Вот только клички Малюта не заслужил. Не тот масштаб лютости... Но мужик сразу же взялся копать под Собчака с перспективой выхода на Чубайса со всей питерской «бандой». Знаю, знаю. Так он нас называл... То, что я возглавил ФСБ, являлось ответным ударом «семьи». Для меня, как и в случае с назначением премьер-министром, это оказалось полной неожиданностью, удивительным карьерным взлётом. Пришлось сразу доказывать свою преданность клану, организовав вывоз за границу затравленного московской прессой уже больного Собчака, проигравшего выборы на пост питерского мэра. Каюсь. У меня был в том деле свой интерес. Если бы Скуратов посадил Собчака, ниточки потянулись бы не только к Чубайсу, к деловым партнёрам зятя Ельцина Юмашеву, но и ко мне. Нужно было срочно решать проблему Скуратова. Простое увольнение без веских оснований Генерального прокурора - «пламенного борца с криминалом» могло привести к непредсказуемым последствиям. В глазах народа он выглядел бы героем. Останься Скуратов на своём месте, вслед за делом Собчака появилось бы дело первого заместителя мэра Путина.

Президент в который раз за ночь улыбнулся, вспоминая о блестяще проведённой операции по нейтрализации врага клана. Генерального прокурора страны абсолютно голого в окружении проституток, сняли на скрытую видеокамеру в квартире брата одного из банкиров. Компромат показали на одном из центральных каналов телевидения, и проблема была решена...», - президент устало потёр виски.

- Пусть первым бросит в меня камень, кто сам без греха, - прошептал он.

«Мы все вышли из девяностых. Кто назовёт мне хотя бы одного человека, близкого сегодня к власти, кто в то время не был замешан в криминале? - размышлял президент, снова

усаживаясь в кресло. - Березовский? Гусинский, Потанин, Абрамович? Сам Чубайс? Там пробы ставить было негде... Вот так-то, пацаны. С любой точки зрения, а тем более с позиций человечности, норм нравственности, мои действия по спасению Собчака были оправданы. Пойти против Прокуратуры и МВД, поставить на карту свою новую должность, дальнейшую карьеру ради затравленного Собчака никому не нужного кроме жены и дочери, духу не хватило бы даже у Чубайса. Ещё лет пятнадцать назад я считал, что моё назначение премьером, а затем выборы, сделавшие меня президентом, всё это – тоже случайность. Но не зря говорят, что случайность — осознанная закономерность. Ельцину нужен был щит для обеспечения безопасности клана плюс карающий меч для победы «семьи» в схватке с московской и региональной элитой».

Путин почувствовал сухость в горле, с сожалением посмотрев на дверь кабинета. Время было позднее, но он знал, что дежурный помощник, зная привычки «хозяина», не спит. Тем не менее президент не стал нажимать кнопку звонка вызова, а поднявшись, сам включил электрочайник. Открыв дверцу небольшого шкафа, где хранились чашки с запасами пакетированного чая, он выбрал напиток с мятой. Через пару минут Путин уже прихлёбывал чай, наслаждаясь тонким вкусом и улыбаясь. Президент вспомнил, как старые кадры ФСБ называли близких и верных ему людей из Питера, которых он, только что назначенный на должность директора, постепенно перетягивал в Москву. Путин услышал эту фразу случайно, неожиданно зайдя в один из кабинетов на Лубянке. «Да, братцы. Наше ФСБ превращается в Ленинградский вокзал».

- Шутники, - проворчал президент. - Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним.

За время работы на Лубянской площади и позже, уже в должности премьер-министра, Путину удалось поставить на ключевые посты многих ведомств лояльных ему людей из числа бывших питерских друзей. За многими тянулся длинный криминальный след, но это абсолютно его не волновало.

«Предки деловой элиты Америки были обыкновенными бандитами. Кто там сегодня вспоминает об этом? А мне нужно было целиком сосредоточиться на подготовке к выборам», - эта мысль заставила Путина собрать складки на лбу.

Он уже тогда был уверен, что для убедительной победы в первом туре требовалось заранее вывести из игры коммуниста Зюганова и умного Примакова, входивших в тройку наиболее популярных политиков.

«Может, именно в то время я почувствовал вкус к закулисным играм», - продолжал размышлять президент.

Накануне дня голосования он обратился к российском избирателям с открытым письмом. Путин и сегодня прекрасно помнил его содержание:

«Наша первая, главная проблема – это потеря государственной воли и настойчивости в доведении начатых дел. Наша другая большая проблема – отсутствие твердых и общепризнанных правил. Государству здесь придется начать с себя. Оно должно не только устанавливать равные правила для всех, но и соблюдать их. Чем сильнее государство, тем свободнее личность. «Земля наша богата, порядка только нет». Так когда-то говорили в России. Больше такое о нас говорить не будут».

Путин уже тогда осознавал, что народу надоел беспредел олигархов, безысходность настоящего, бедность и нищенское существование. Люди, надеясь на перемены, ждали прихода крепкой, справедливой власти, поэтому случилось то, что должно было случиться. 26 марта 2000 года победа была полной и безоговорочной. Он стал президентом, позволив себе целый день наслаждаться этой победой. Средства массовой информации, роль которых он ранее недооценивал, стали рассматривать нового, молодого президента, как своеобразный социально-психологический феномен, они писали о загадочности его натуры, о том, что в нем есть какая-то тайна, даже окружили его неким мистическим ореолом. Но он только хитро улыбался, когда пресс-секретарь подсовывал ему статейки аналитиков на эту тему.

- Славное было время, - пробормотал президент, вытирая чашку салфеткой и возвращая фарфор в шкаф.

«Единственное, чего я не мог тогда понять, почему Чубайс сначала оказывал поддержку мне, а потом переключил своё внимание на Степашина. Что за двойственная натура у этой рыжей бестии. Может, он руководствовался проверенным годами деловым принципом — «нельзя класть яйца в одну корзину»? Впрочем, из Степашина можно лепить того, кого захочешь. Абсолютно пластичный человек. Флюгер. Но со мной этот фокус не прошёл. Перед «семьёй» я выполнил данное ей своё главное обещание. Обеспечил гарантии неприкосновенности. А прибрать к рукам все рычаги власти уже было делом техники. Ельцин, конечно, обижался, что я не бегал к нему просить советов, но быстро привык к новому положению вещей. Ему так даже было спокойнее».

- «Хорошая жена, хороший дом... Что нужно человеку, чтобы встретить старость», - президент вслух процитировал запомнившуюся ему фразу из фильма «Белое солнце пустыни».

Приглушённый расстоянием звук боя часов в главном кабинете, напомнил Путину о времени. Он взглянул на свой ручной хронометр. Это был Patek Philippe Perpetual в корпусе из белого золота и сапфировым стеклом стоимостью полмиллиона долларов. Стрелки показывали три тридцать утра.

- Пора бы и в койку, - прошептал Путин, направляясь к двери в спальню.

Помещение было небольшим, но в нём помещались: шкаф, удобный раскладной диван, круглый стол, накрытый зелёной скатертью и пара кресел. За перегородкой, разделяющий спальню на две неравные половины скрывалась ванная комната.

Президент расстегнул ремешок часов, снял их, затем, достав из шкафа большую шкатулку, открыл её. Внутри сверкали золотом, платиной и сапфировыми стёклами часы различных брендов. В специальных ячейках хранилась часть обширной личной коллекции хронометров. Путин из всех мужских аксессуаров предпочитал только наручные часы. Он окинул взглядом платиновый корпус A. Lange & Söhne Tourbograph с функцией измерения продолжительности событий, затем FP Journe Chronomètre Bleu часового мастера Франсуа Журна с золотым механизмом, потрогал ремешки из кожи крокодила, затем, помедлив, положил свой Patek в определённое место и поставил шкатулку на место. Подойдя к окну, президент плотнее задёрнул шторы, лишая возможностей свету парковых светильников просочиться в спальню, и повернулся к «красному углу», где висели иконы, подаренные ему патриархом Кириллом.

Путин довольно легко для своего возраста встал на колени, чтобы прочитать короткую молитву.

Ещё лет тридцать назад он считал себя либералом в отношениях с церковью, не ощущая внутренней потребности в религии, хотя в младенчестве был тайно крещён матерью в Спасо-Преображенском соборе. Долгие годы она тщательно скрывала эту тайну от семьи.

Уже позднее, будучи офицером КГБ, Путин пришёл к странному для коммуниста умозаключению, что коммунистическая идеология сродни христианству и, что оба этих философских течения должны служить интересам государства. Оловянный крестик, надетый священником ему, пятимесячному младенцу, много лет хранился в шкатулке среди разных дешёвых

украшений матери и старых фотографий. Только во времена Горбачёвской перестройки, когда власть начала поворачиваться лицом к церкви, матушка достала из тайника старый оловянный крестик и надела его на шею сына.

Президент хорошо помнил собственные слова, когда журналисты однажды спросили его, как он относится к православию:

«Свобода, братство, равенство, справедливость — все это заложено в Священном Писании. А, что такое Кодекс строителей коммунизма? Это сублимация, примитивная выдержка из Библии, ничего нового там не придумали... Ленина у нас положили в Мавзолей... Чем это отличается от мощей святых для православных? Мне говорят: в христианском мире нет такой традиции. Как же нет? На Афон поезжайте, посмотрите, там мощи святые есть».

Только значительно позже он понял, что сказал тогда кощунственные для искренне верующего человека вещи.

Сегодня президент ясно отдавал себе отчёт в том, что время всё расставило по своим местам, что религия играет важную роль в современной жизни страны, превращая модный тренд в потребность, а православие — в инструмент влияния на умы. Именно поэтому он начал «дружить» с патриархами церкви, посещать службы, передавать храмам старинные иконы, глубже изучать христианские первоисточники. Для него погружение в православие стало государственной необходимостью. Пренебрегать таким союзником, как русская Православная Церковь, было глупо и недальновидно.

Завершив молитву и трижды перекрестившись, Путин, не раздеваясь, прилёг на диван. Боль в глазах постепенно отступала, но сон по-прежнему не мог ничего поделать с необъяснимым лёгким беспокойством и чувством тревоги, не отпускающими сознание. Внезапно он вспомнил, что забыл протереть замшей стекло своего, недавно снятого хронометра. Тяжело вздохнув, президент снова поднялся на ноги.

«Давно я не был в Спасо-Преображенском соборе, давно не виделся с Патриархом. Моё упущение. Питер — далеко, а Московская патриархия здесь, под боком. Надо бы заехать к старику. Если уж я заразил его страстью к хорошим часам, нужно подарить святому отцу один из своих новых Брегетов. Заодно исповедуюсь».

Являясь прагматиком, к более тесной связи с Церковью и к роли «охранителя традиций» Путин стал готовиться, пребывая

ещё в должности главы ФСБ. Налаживать дружеские отношения с Патриархом Кириллом без нужной информации было глупо. А потому он дал поручение поискать личное дело Патриарха в архивах КГБ. Каково же было его удивление, когда он узнал, что отец нынешнего первосвященника с 1951 по 1960 год исполнял обязанности помощника настоятеля по богослужебной части того самого Спасо-Преображенского собора в Питере: где крестили маленького Володю.

- Мистика какая-то, - ворчал тогда молодой директор ФСБ, делая пометку в своём служебном блокноте. - Храм располагается рядом с моим старым домом в Ленинграде, а значит отец Михаил, в миру Гундяев, мог крестить меня, раба Божьего Владимира. Интересно, - Путин повертел в руках шариковую ручку и снял колпачок.

«Отец патриарха Кирилла Михаил Васильевич Гундяев тысяча девятьсот седьмого года рождения. В 1926 году поступил на Высшие богословские курсы в Ленинграде, по окончании которых попал в поле зрения органов государственной безопасности; служил два года в Красной Армии, к 1933 году окончил механический техникум, поступил в Ленинградский индустриальный институт; был арестован, обвинён в политической нелояльности к Советской власти. 25 февраля 1934 осуждён на три года. Отбывал наказание в Исправительном трудовом лагере на Колыме. 9 марта 1947 года рукоположён в сан диакона, 16 марта в сане иерея назначен митрополитом Ленинградским ко храму Смоленской иконы божьей Матери на Васильевском остров. В 1951году был переведён в Спасо-Преображенский собор».

- Очень интересно. Это, что же получается? Лагеря делают из политических заключённых священников? Хороша кузница кадров... Никогда бы не подумал. Весьма возможно, что у нашего патриарха, чей отец был репрессирован, имеются причины ненавидеть коммунистов. Надо быть с Кириллом аккуратнее в формулировках. Может обидеться на любое неосторожно сказанное слово, - тихо приговаривал тогда Путин, делая выписки из личного дела политзаключённого Гундяева.

Вновь открыв коробку с часами, президент выбрал Breguet Classique Complication с открытым механизмом стоимостью двести пятьдесят тысяч долларов, который он ещё ни разу не носил, вернулся в кабинет, положил хронометр на стол и сделал пометку на календаре для помощника:

«Для часов найти подарочный футляр, упаковать и позвонить Патриарху. Назначить встречу в воскресенье на семнадцать

часов, если это будет удобно Святому отцу».

Звонок телефона правительственной связи с табличкой «Министр обороны» заставил Путина вздрогнуть.

- Слушаю Сергей Кожугетович... Не сплю... Что-то случилось? Что? Курская область? Какими силами? Рока не знаете? Как далеко? Понятно...

Президент с трудом проглотил комок в горле, откашлялся, хотел что-то сказать, но, подавив приступ гнева, тихо положил трубку на место. Добрых пять минут он неподвижно сидел в кресле, глядя в одну точку. Потом нажал кнопку вызова помощника...

- Обзвоните всех членов Совета безопасности. Жду всех к семи часам утра в Кремле. Глава военной разведки с Начальником генштаба тоже должны быть...

Наташа

Алёхин и Наташа пошли обратно к дороге по своим старым, еле-заметным следам уже в сумерках, когда солнце скрылось за толстыми стволами сосен, начиная клониться к западу... Место боя в сумерках издалека выглядело ужасно. Остро пахло порохом, горячим металлом и жжёной резиной. От некоторых машин ещё поднимался дым. Хорошо были видны трупы, разбросанные по обочине.

- Скажи, Алёхин, - шёпотом, постоянно оглядываясь, спросила Наташа. - Почему ты побежал в другую сторону, а не туда, куда остальные?

- Не знаю. На автомате, наверное... Однако, странно.

- Что странно?

- Выживших нет. Даже раненых. Кто-то же должен был уцелеть?

Неожиданно из-за машины, почти целой, но с кузовом, изрешечённым осколками, вышли два человека. Один из них держал наготове пистолет, у второго, солдата срочника -молоденького парня в руках сверкала сапёрная лопата.

- Алёхин! Никак ты?

Капитан выпрямился, узнав Щербакова.

- Лейтенант! Цел?

- Вроде того. - Ты-то как? Смотрю, выходите из кустов. И Наташа при тебе.

- Повезло, - тихо сказал Алёхин, подходя ближе. - Ты давно здесь?

- Только вылезли из чащи. Решили, что может, где рацию найдём среди обломков. Мне тоже повезло. Этот боец, - лейтенант похлопал по плечу рядового. – Ох, инстинкты у парня. Пока все - по кустам и носами в землю, он рванул через лес, словно заяц. Ну, и я за ним. Так, ведь, Петров? - обернулся Щербаков к солдату.

Александр, не дослушав, заставил офицера повернуться лицом к себе.

- Как тут всё было, видели?

- Я нет. Петров всё видел. Нашёл дерево повыше, залез и снимал на смартфон. Тиктокер сраный.

- Что ты видел? - капитан повернулся к бойцу.

- Раненых добивали. Прямо в головы. Одиночными из пистолетов. А ещё, из автоматов короткими...

Даже в сумерках было видно, что у солдата дрожат руки, достающие из кармана куртки гаджет.

- Живых, в смысле, кто не был ранен, постреляли тоже. В основном офицеров. Остальных построили в колонну и повели в ту сторону, - парень неопределённо махнул рукой.

- Ясно, - на скулах Алёхина заиграли желваки. - Наталья! Пойди посмотри. Может, кто уцелел.

- Мы уже смотрели. Там, вон под той елью... Савельев лежит. Ранен в голову. Тяжело. Еле дышит.

- Давай туда, - капитан слегка подтолкнул девушку в спину.

- Так, чего делать будем, капитан? Ты, вроде, теперь у нас старший по званию, - спросил Щербаков.

- Ищем оружие, любое, даже неисправное, боеприпасы, пайки, рации, смартфоны, офицерские планшеты. Я займусь жетонами убитых. Выполняйте.

Алёхин, обходя трупы, лежащие в разных позах, приподнимая их, посматривал в сторону Щербакова и бойца, бродящих в сумерках среди разбитой техники. К его удивлению, ни на одном из убитых капитан не нашёл личных жетонов.

- Поснимали суки, хохлы. На хрена оно им понадобилось?

Через час все собрались возле уцелевшей машины.

- Что Савельев? - спросил капитан у Наташи.

- Нашла бинты, перевязала, но тяжёлый. Было бы авто, всё равно до госпиталя не довезли. Осколок — в височную часть. К утру умрёт. Может, раньше. Пойду посижу с ним. Подержу за руку

- Он в сознании?

- Где там... Но подержу.

- Ладно, - Алёхин посмотрел вслед Наташе, затем, сев на пробитую канистру из-под бензина, склонился над кучей оружия. - Это - всё, что нашли? Не густо.

Из пистолетов целым оказался только один. Мощный ухватистый «Грач». Капитан выщелкнул обойму. Она была полной. Вставив её обратно, он отложил оружие в сторону. Из десятка повреждённых автоматов удалось собрать два.

- Боец! Ко мне, - после некоторых раздумий приказал Алёхин солдату, разглядывавшему короткий штурмовой АК-47 с повреждённым затвором. - Руки подними!

- Чего?

- Руки подними. Стоять смирно! - капитан быстро обыскал бойца и вытащил у него из-за пазухи ГШ-18. - Так, так, так. Пистолет Грязева и Шатунова. Восемнадцать патронов в обойме. Как это понимать?

- Да я, товарищ капитан, нечаянно.

- Ах, нечаянно... Ладно. Позже будем разбираться. Щербаков, хочешь? - Алёхин подбросил на ладони пистолет.

- Я к своему Макарову привык.

- Макарова отдашь Наташе. Он легче, проще в использовании. Я возьму ГШ, а тебе - «Грач». Согласен?

Лейтенант неуверенно пожал плечами.

- А, мне, чего? - возмущённо спросил Петров.

- Тебе — вещмешок с БК, - Алёхин стал сортировать и укладывать в вещевой мешок боезапас. - Двадцать обойм. Больше унесёшь?

- Это, чё! - воскликнул солдат. - Типа наряд вне очереди? За что?

- За то, что борзый, - поддержал капитана Щербаков. - И разговорчики в строю.

Летние сумерки стали сгущаться. Солнце давно скрылось за лесом, но большой сектор ещё светлого неба на Западе позволил Алёхину ещё раз обойти разбитую технику. Результатом стали найденные ещё один офицерский планшет, а среди обломков - неповреждённый РПГ-7Д3. Два выстрела к нему, аккуратно уложенные в холщовой сумке, стали приятным бонусом. Капитан положил гранатомёт рядом с мешком Петрова.

- Получи довесок к прочему. Чтоб служба мёдом не казалась.

Солдат, взвесив на руке РПГ вместе с холщовой сумкой, тяжело вздохнул, смирившись с участью вьючного животного.

- Лейтенант! Посвети-ка фонариком, - попросил Щербакова Алёхин, подбирая с земли планшеты.

Лишь в одной из четырёх офицерских сумок оказалась пробитая осколком топографическая карта местности.

- Плохо видно. Батарея в фонаре садится, - капитан, сложив гармошкой карту, сунул её себе за пазуху. - Утром посмотрим. Может, как-нибудь кусочки склеим. Пошли к Савельеву, поглядим, как у него дела.

Офицеры и боец пошли на звук тихой песни к густому подлеску возле дороги. Наташа сидела под высокой елью, держа забинтованную голову майора у себя на коленях. Увидев Алёхина, она прекратила петь, осторожно положив голову Савельева на землю.

- Что? - спросил Алёхин.

- Умер, - почти прошептала девушка и заплакала.

Капитан, торопливо подойдя ближе, прижал Наташу к себе.

- Ладно, ладно. Что тут поделаешь? Не плач.

Девушка вырвала носовой платок из руки Алёхина и отошла в сторону, сморкаясь.

- Похоронить бы надо, - тихо сказал Щербаков.

- Если хоронить, так всех. А их тут, пацанов, человек тридцать, - солдат исподлобья посмотрел на офицера. – Может, больше. Вспотеешь всех закапывать.

- Петров прав, - Алёхин мрачно смотрел на белевшее в сумерках лицо Савельева. - Минут через двадцать будет темно. Да и много ли сапёрными лопатками накопаешь. Петров! Бери

свою. Будем копать по очереди. Похороним пока одного майора. Остальных завтра на рассвете. Утром прохладнее. Может, наши к тому времени подойдут. Стойте! Слышите?

Где-то недалеко за лесом слышался приближающийся гул двигателей.

- Наши! – Наташа, выронив платок, пошла к дороге.

- Куда? Назад! – Капитан, догнав девушку, развернул её обратно к деревьям. - Сидите с Петровым здесь. Лейтенант! Ты - со мной.

Пригибаясь, подхватив автоматы, держась подлеска, офицеры пошли на звук.

Со стороны Любимовки с выключенными прожекторами по просёлку двигались два танка. За ними в клубах пыли двигалась какая-то техника. Свет Луны позволил рассмотреть фигуры солдат, сидевших на броне, тягач, тащивший за собой погрузочную платформу, крытый КАМАЗ и массивную стрелу подъёмного крана над кабиной двухосного тяжёлого грузовика.

- Первый — Леопард немецкий, второй вроде Т-62, - определил Щербаков. - Куда это они?

- Думаю, вон туда? - Алёхин показал рукой на чернеющее возле леса поле, где стояли российские ТОСы. - Там один Солнцепёк — целёхонький. Брошен экипажем. Затрофеить хотят.

Капитан, задумчиво глядя на приближающиеся танки, опустился на одно колено.

- Ты, вот что, лейтенант! Дуй к Петрову, тащи сюда РПГ. Не забудь выстрелы.

- Понял, - тихо сказал Щербаков и тут же исчез в кустах.

Алёхин нетерпеливо теребил пряжку на ремне автомата, наблюдал за тем, как вспыхнули прожектора танков, как из Камаза стали выпрыгивать люди с какими-то ящиками, стаскивая на землю штативы, треноги и листы фанеры, выкрашенные в белый цвет. Раздавались звуки команд на английском языке, затем послышалась украинская речь. Буквально в считанные минуты на поле оборудовали съёмочную площадку, вспыхнуло дополнительное освещение. Два человека в чёрных бронежилетах с надписью «Пресса» встали перед кинокамерами. За спиной этих людей хорошо виднелся уцелевший Солнцепёк, застрявший на поле, перепаханном гусеницами.

- Вот, суки, - голос, тяжело дышавшего лейтенанта застал Алёхина врасплох. - Кино снимают. Совсем страх потеряли.

- Ага, - зло процедил Александр, протягивая назад руку, в которую Щербаков тут же вложил гранатомёт. - Их бы с дронов или вертушки разметать всех подчистую, да где они, наши соколы? Сейчас, сейчас. Будет им кино.

Капитан погладил трубу РПГ с уже засунутым в ствол выстрелом, положил оружие на плечо, тщательно прицелился и нажал на спусковой крючок. Кумулятивный снаряд, оставляя за собой дымный, сверкающий след раскалённых газов пошёл к тёмной огромной массе ТОСа. Через пару мгновений вспышка попадания, а затем почти мгновенная череда детонаций тридцати термобарических зарядов ТОСа накрыла огромным облаком огня съёмочную группу со всей командой сопровождения. Взрывная волна, несущая осколки, горячий воздух, смешанный с пылью, сучьями, мелким гравием, прошла над упавшими в траву офицерами, растерзав кроны ближайших сосен и берёз.

- Уходим! - заорал Алёхину на ухо Щербаков, хватая Александра за плечо. - Засекут!

- Хрена два, - крикнул в ответ капитан, прикрывая ладонями голову.

Переждав пару взрывов меньшей силы, Алёхин встал на одно колено, с восторженной ненавистью наблюдая, как бредут в стороны, спотыкаясь и вопя, горящие фигуры украинских солдат, как ревут запущенные двигатели танков, вращаются башни, отыскивая цели. Через несколько минут вражеская бронетехника открыла беспорядочный огонь из крупнокалиберных пулемётов, поливая свинцом потревоженный взрывами лес. Дождавшись относительной тишины, вызванной необходимостью смены боекомплекта, Алёхин толкнул Щербакова в плечо. Они скрылись в чаще леса, безмолвно наблюдающего за огромным костром сотнями глаз перепуганного зверья.

- Что там было? Вас заметили? Вы целы? - встретили офицеров вопросами Петров и Наташа.

Алёхин, бросив на землю пустую трубу РПГ, устало улыбнулся.

- Всё в норме. Петров! Что было? Салют был... Потом расскажу. Могилу для Савельева вырыл?

- Готова. Мы здесь поляну нашли. Земля там мягкая. Наталья светила фонарём, а я копал. Мы даже майора вашего

перетащили туда же. Тяжёлый... Справились на плащ-палатке...

- Место, когда всё закончится, найдём?

- Покажу вам. Сами зацените.

Наташа молчала, с беспокойством посматривая на Александра, по пошла в лес первой, подсвечивая тропу фонарём. Цепочка мужчин потянулась за девушкой.

Савельев лежал уже завёрнутый в плащ-палатку. Открытым было только лицо. Гримаса боли «отпустила» бледное лицо. Майор выглядел похудевшим и умиротворённым.

- Берите, - Алёхин, постояв минуту с непокрытой головой, взялся за углы палатки.

Щербаков торопливо подхватил парусину с противоположной стороны, а Петров придерживал ноги. Голова Савельева запрокинулась. Наташа рванулась вперёд, подхватив её. Тело майора показалось капитану невыносимо тяжёлым. Они неловко, стараясь не оступиться, начали опускать убитого в чернеющую рядом яму. Ступни Савельева зацепились за край могилы.

- Петров! Мать твою! - свирепо выдохнул Щербаков. - То, чё, могилу выкопать больше не мог. Не влезает.

- Так это, - солдат с трудом удерживал свой край палатки. - Кто ж знал-то, что он такой длинный...

- Раздолбай ты чёртов, - натужно прохрипел лейтенант.

- Ладно, - остановил Щербакова Алёхин. - После будем ругаться. Опускаем.

Тело с громким шорохом соскользнуло в яму. Каблуки сапог торчали из могилы, сверкая в свете фонаря гвоздиками подбивки.

- Петров! Согни майору ноги, - Алёхин выпрямил спину, коротко взглянув на почти невидимое в темноте лицо Наташи. – Теперь зарывай!

- Стойте, - спохватилась девушка. - Не по-христиански так-то. Дайте хотя бы молитву прочту.

Офицеры вместе с Петровым снова обнажили головы, слушая слова «Отче наш».

Через пять минут холмик грунта вырос над могилой. Наташа подобрала лопату, затем осторожно воткнула её лезвием в пахнущую прелой листвой землю. Щербаков постоял немного,

оглядываясь, потом вытащил лопату и высек на ближайшей сосне большой знак в виде звезды.

- Вернёмся, перезахороним, как человека.

- Всё. Двигаем отсюда, - Алёхин вытер тыльной стороной ладони вспотевший лоб. - Надо поспать чуток. Рассвет — часов через пять.

- Остальных хоронить не будем? - спросил Петров с радостной надеждой в голосе.

- Времени нет, - отрезал Щербаков. - Доберёмся до наших, тогда. Хохлы будут искать съёмочную группу. Наверняка слышали взрывы. Два на два умножат, нам мало не покажется.

- В Курске наверняка уже знают о разгроме колонны, - бросил в пространство Алёхин. - Батальон теперь - головная боль начальства. Это ж надо. Без разведки, без поддержки с воздуха... Угробили парней.

Все вместе они вернулись к месту, где лежало оружие и боезапас. Наташа, постелив на траву, уже тронутую росой, найденный среди обломков машин бушлат, легла, свернувшись калачиком. Алёхин сел рядом, прислонившись спиной к сосне. Щербаков с Петровым, нарезав штык-ножом охапку еловых лап, устроили себе постель, пристроились на ветках ели спинами друг к другу. Через минуту лейтенант встал и на четвереньках перебрался ближе к Алёхину.

- Чёрт! Роса, - Щербаков сел на канистру из-под бензина, щупая свои колени. - Петров, дебил чёртов, спит уже, как сурок... Чего делать будем, капитан?

- Совсем недавно ты Петрова своим спасителем называл... Вот она, людская благодарность... На рассвете двинем к Любимовке.

- На хрена. В лапы к хохлам?

- Подполковник, начштаба батальона говорил, что в Любимовке — наш опорный пункт из частей прикрытия границы. Если учесть, что ВСУ действуют тактическими группами, обходя позиции, оставляя наши части в своём тылу, значит пока сплошной линии фронта тут нет. Следовательно, в Любимовке должны быть наши командиры, техника, боеприпасы, еда и связь с Курском.

- А, чего не двинуть обратно по просёлку к асфальту. Видел? Там сёла вдоль трассы встречаются. Реквизируем у гражданских транспорт, покатим с ветерком в Курск.

- Повторяю тебе ещё раз. Не зная обстановки, легко нарваться на ДРГ противника. И потом. Как ты себе представляешь «реквизируем»? Защитники Родины грабят гражданских? Может, сжечь офицерские книжки, переодеться, выдавая себя за беженцев. Нет, приятель. Уволь. Лично я хочу поквитаться за пацанов, которые лежат там среди сожжённой техники. За нашего майора, за людей, за женщин, старух и детей, бросивших свои дома и бежавших от чубатых. Ты заметил, что мужиков среди проезжавших беженцев не было. Почти. Что это значит?

- Ушли партизанить?

- С охотничьими ружьями против танков? Хорошо бы... Однако, думаю, что хохлы мужиков отлавливают, переодевают в нашу форму, типа — пленные, и снимают кино про свою перемогу. После съёмок всех могут расстрелять.

- С чего ты это взял? Есть Женевская конвенция. Не посмеют.

- Не взял, а знаю почти наверняка. Поверь на слово. Посмеют.

- Он знает, Щербаков, - подняла голову Наташа. - Не сомневайся. Алёхин у нас такой.

- Ну, да... Забыл. Он же Штирлицем работал...

- Пошёл на хрен, лейтенант... А, ты, чего не спишь? - Алёхин заботливо укрыл плечи девушки краем бушлата.

- Уснёшь тут, - жалобно сказала Наташа. - Перед глазами лицо Савельева стоит. И вы тут ещё...

- Всё. Молчим, - капитан, запрокинув голову, уставился на звёзды, свет которых пробивался через кроны сосен, колеблемых слабым ветром. - Ты отвянь, Щербаков. Поспи лучше. Завтра будет трудный день. Разбужу на рассвете.

Оставив за спиной место разгрома колонны, двигаясь по обочине просёлка, держась настороже и постоянно прислушиваясь, в полдень следующего дня Алёхин вывел своё маленькое воинское подразделение к окраинам Любимовки. Село оказалось довольно большим, стоящим на берегу реки.

- Снагость, - буркнул капитан, пряча карту за пазуху.

- Чего? - переспросил Петров.

- Река так называется... Эх! Жаль бинокля нет. Щербаков! Останься с Наташей. Я с Петровым посмотрю, что там к чему.

Капитан, держа наготове автомат вышел из кустов и, пригибаясь, двинулся в сторону крайних домов. Солдат, подражая Алёхину, шёл следом, озираясь по сторонам.

- Товарищ капитан, - хриплый шёпот Петрова заставил Алёхина остановиться.

- Чего тебе?

- Почему людей нигде не видно. Странно это.

- Чёрт их знает. Вон церквушка на пригорке. Давай туда перебежками. Я двигаюсь, ты прикрываешь. Останавливаюсь, ты рвёшь ко мне. Ясно.

- Угу.

Минут через пятнадцать они достигли ограды церкви. Прикрываемые высокими кустами одичавшего шиповника, Алёхин, а за ним Петров подобрались к открытым настежь обветшалым дверям. Внутри заброшенного храма было пусто. Под ногами захрустели куски старого кирпича, зазвенели пустые гильзы. По углам валялись обрезки досок, разбитые ящики и какие-то тряпки. На лике повреждённой временем фрески Божьей матери, написанной когда-то неизвестным художником над Царскими вратами, виднелись следы пуль. Слой штукатурки почернел по краям отверстий, но глаза образа уцелели. Алёхину показалось, что они с укором смотрят на людей с оружием. На стенах выделялись светлые пятна с железными крюками, забитыми в каменную кладку.

- Если и было тут что-то ценное, унесли, гады, - капитан повернулся к Петрову. – Вопрос – кто это сделал. Хохлы или мародёры местные. Я полезу на колокольню, а ты держи двери под прицелом. Окей?

Солдат, закусив губу, кивнул.

Минут через пять капитан вернулся.

- Лестница — чёрт ногу сломит... Зато сверху обзор, что надо. Беги к Щербакову. Скажи — в селе никого нет. Жду вас с внешней стороны ограды у ворот.

Петров в сопровождении лейтенанта и Наташи вернулся неожиданно быстро.

- Ну, рассказывай, чего тут? - Щербаков вытер со лба пот, усаживаясь на траву.

Девушка в изнеможении устроилась возле ворот в тени раскидистой липы.

- Слушайте сюда, - начал капитан, озираясь. - В селе — пусто. Домов двести будет. Семь улиц. Река. Прикрывает село с юго-запада. Мост через неё взорван. На этой, нашей стороне видны траншеи, щели вроде капониров, перекрытые плитами, бетонные блоки, огневые точки. На том берегу тоже, что-то вроде блок поста с траншеями по обе стороны дороги. Но разбиты. Судя по карте, от реки до границы с украми — девять ке ме. До районного центра Коренёво - пятнадцать. Если хорошенько прислушаться, с той стороны слышна стрельба. Вроде бой там идёт. Курск — в девяносто трёх...

- И, где тут наши? Где опорники? Куда доблестные защитники Родины подевались? – Со злостью спросил лейтенант.

- Откуда мне знать? - Спокойно пожал плечами Алёхин. - Только на колокольне лежит труп нашего бойца в обнимку с пулемётом искорёженным. Из РПГ туда долбанули... Вот и все здесь наши. Пошли к реке, посмотрим.

- Может, кто-то уцелел, в засаде сидят, наблюдают, хохлов ждут, - ворчал Щербаков, следуя за Алёхиным. - Чёрт бы их взял.

- Ты бы помалкивал, - не выдержала Наташа. – Расчертыхался возле храма. На злых воду возят. Слышал?

Траншеи перед рекой оказались пустыми. Всё выглядело брошенным в спешке. Кое-где валялись стреляные гильзы, мятые пластиковые стаканчики, разорванные упаковки с обрывками окровавленных бинтов и бутылки из-под воды. Бетонные блоки у разбитого моста через реку, укреплённые мешками с песком, были посечены осколками. В одной из траншей Петров нашёл крупнокалиберный пулемёт НСВ-12,7 и две каски с разорванными ремешками. Рядом, присыпанные землёй, масляно блестели зелёной краской цинки с патронами. Ещё один пулемёт, ручной Калашникова РПК-74 они обнаружили в капонире. Он стоял в углу со сложенными сошками и пристёгнутым круглым магазином.

- Из них даже не стреляли, - проворчал капитан, обнюхивая стволы. - Судя по воронкам и перепаханной земле возле траншей, позиции накрыли миномётами, а потом стали насыпать из танков. Помнишь, Щербаков тот Леопард возле наших ТОСов?

- Ты у нас следопыт. Настоящий индеец, - лейтенант зло сплюнул на землю густую слюну. - Может, скажешь, что дальше здесь было?

- Что было? Элемент неожиданности. Надеюсь, что наши отошли в спешке, но без двухсотых. Мост успели взорвать. Жители, либо бежали накануне, либо эвакуированы. Но хохлы

в село заходили. Пробыли не долго. Слегка пограбили. С колокольни видел мебель на улицах разбитую, газовые плиты, телевизор. Его переехали. Даже на запчасти не годится. Окна в домах и двери — нараспашку. Торопились, сволочи. Вон оружие наше оставили. Бросить жаба душила, да тащить тяжело... Плохо другое. Думаю, хохлы вернутся. Не оставлять же такие позиции без присмотра. Вот наваляют им там наши, - капитан махнул рукой в сторону едва слышимых разрывов и стрельбы за горизонтом. - Пятиться начнут хохлы, за любые удобные рубежи цепляться.

- Каким образом, куда отошли те, кто за рекой оборону держал, если мост взорван? Вплавь, что ли? - Щербаков, прикрывая глаза ладонью от Солнца, смотрел на остатки переправы.

- На лодках могли. Думаю, тут у каждого хозяина лодка была. Река – довольно узкая. Добрались до берега, пустили посудины по течению, чтоб хохлам не достались, - сказала Наташа, глядя на ивы, клонящиеся к реке.

- Тогда, почему хохлы на этом берегу оказались? Нам-то чего делать теперь? - чесал затылок Петров, избавляясь от муравья в русых коротких волосах.

- Берега у реки пологие. Сейчас лето. Наверняка обмелела... На той стороне песчаная коса гусеницами перепахана. А вон у тех домов — колея. Там укропы выбирались на этот берег... Пробыли недолго. Думаю, несколько мобильных групп под прикрытием дронов. Обыскали дома, двинулись дальше. Что делать? Оборону будем держать до подхода наших, - капитан ободряюще похлопал солдата по спине. - Кто, если не мы? Лейтенант! Остаёшься здесь. Проверь пулемёты, почисти, осмотри ленту с патронами, протри, если нужно. Потом вместе перетащим Калашникова на колокольню... Петров! Видишь ближайший к реке дом? Дуй туда. Устроим там типа казармы. Найди колодец или бочки. Лучше пластиковые. Набери воды. Можно из реки. Пошарь в домах. Может, где примус или керосинка завалялись. Чай, кофе, если найдёшь, тащи в дом... Наталья! Проверь ещё раз блиндажи и капонир. Ищи аптечки.

- А, ты, капитан? - Щербаков повесил на грудь автомат и подобрал с земли каску.

- Достану бойца с колокольни, похороню наспех... Видишь, тропа вдоль реки? Закончу с двухсотым, пойду по ней. Тут должны быть ещё огневые точки для прикрытия флангов. И вообще, сплаваю, посмотрю, что, к чему на той стороне, - Алёхин, достал куски карты, отдал их лейтенанту, - На всякий... Мало ли, чего.

Утром следующего дня прошёл короткий ливень. Грунтовые дороги села слегка размокли. Чем выше поднималось Солнце, тем больше парило. Наташа сидела на лавочке у крайнего к реке дома, сворачивая старые, найденные в траншеях бинты, отстиранные накануне.

Петров, разбуженный Алёхиным на рассвете, съел пару галет с частью плитки шоколада из найденных в траншеях пайков, выпил кружку кипятка, вытер губы рукавом камуфляжа, затем отправился на колокольню, где на втором уровне звонницы ещё вечером капитан с Щербаковым успели оборудовать пулемётное гнездо, с трудом затащив по разбитой лестнице оружие, патроны и четыре мешка с песком. Вторую огневую позицию с крупнокалиберным НСВ-12,7 они устроили в траншее левее моста.

Голые по пояс, вспотевшие они сидели рядом на бруствере, замаскированном срезанными ветками, время от времени прислушивались, и в который раз разглядывали обрывки карты.

- Ни хрена не поймёшь. Не хватает кусков. Но, кто карту рвал, молодец, - тихо сказал Алёхин, подбрасывая обрывки вверх и наблюдая, как они, словно мотыльки, полетели к реке, уносимые ветром.

- Тихо вокруг. Словно, нас в склепе закрыли, - сказал лейтенант, поворачивая голову на северо-восток. - Стрельба стихла.

- Ты, что, был в склепе? - мрачно улыбнулся капитан.

- Нет. Это я так... Тишина такая, аж в ушах звенит.

- Кузнечики, - Алёхин бросил взгляд на мост. - То, что тихо, плохо. Значит, противник выбил наших с удерживаемых позиций и движется дальше к Курску. Крупняк получается.

- Чего?

- Крупная войсковая операция у хохлов. Вот, чего... Странно, что пока не заводит через границу резервы, тыловые части. Хотя, ещё не вечер.

- Может и заводит. Откуда нам знать.

- Это точно... Ниоткуда, - охотно согласился капитан. – Но мост в селе чинить будут.

- Может, ты зря психуешь? Будут, не будут. Ещё на ромашке погадай. Может, они здесь вообще не появятся. Тогда есть шанс

выскочить нам из этой передряги целыми.

- Ну, да, - проворчал Алёхин, водя пальцем по песку. - Однако, знаешь... Должны они здесь объявиться. Обязательно должны. Глянь. Вот здесь Курск, ближе - Суджа, там, - капитан рукой показал направление. - Вроде Казачья Лопань и Коренёво. Эта дорога с мостом связывает нашу границу с Казачьей Лопанью и Коренёво. Дальше – трасса и Курчатов. Наша с тобой Любимовка — классное место для логистики. Отсюда удобнее всего снабжать войсковую группировку, если у неё цель — Курчатов, атомная станция. Ниже по течению река разливается. Там — цепь озёр, а значит, заливные луга и болота... Эту позицию держать – одно удовольствие. Должны они этот мост восстановить или понтоны через реку кинуть. Зуб даю.

Словно подтверждая слова капитана, за мелколесьем по ту сторону реки послышался звук моторов. Алёхин вскочил, за ним медленно поднялся лейтенант.

- Что я говорил? - капитан стал быстро одеваться. - Щербаков! Дуй к церкви. Предупреди. Спит наверняка наш Петров. Вернёшься, занимай позицию в капонире. Твоя задача — валить с брони десант. Открываешь огонь по моему первому выстрелу. Выполняй!

Лейтенант, подхватив автомат, затем одежду, бросился к церкви.

- Наталья! - Алёхин повернулся к избе.

Девушка уже была на ногах, тревожно глядя за реку.

- Твоё место в капонире вместе с лейтенантом. Только к амбразурам не подходи.

Капитан посмотрел вслед Наташе, бегущей к окопам, спрыгнул в траншею, попробовал ещё раз, устойчив ли пулемёт на сошках, затем придвинул поближе к себе ящик с патронами. Заботливо вытерев рукавом от песчаной пыли заряженный РПГ, он погладил оружие ладонью. Положив гранатомёт у левого локтя, Алёхин застыл в ожидании.

Звук моторов довольно быстро приближался. Из кустов по ту сторону моста резво выскочил квадроцикл с двумя солдатами, тут же резко затормозив. Один из военных привстал в седле, перекинул автомат за спину, взялся за бинокль и начал исследовать противоположный берег реки. Минут пять он рассматривал деревню. Особенно долго держал в поле зрения колокольню. Потом, опустив бинокль, вынул из крепления бронежилета рацию.... Через пару минут рядом с

квадроциклом появился вездеход багги, а за ним, наматывая с обочины узкой дороги на гусеницы зелёную поросль кустов, к мосту выехал танк. За приземистым, широким, бронированным монстром Александр заметил десяток крытых машин, а дальше - два тягача с понтонами. Колонну грузовиков объезжали по мелколесью несколько БМП. На броне, раскачиваясь и держась за скобы, сидели солдаты. Один из бронетранспортёров остановился у въезда на мост, и кто-то из десанта спрыгнул на дорогу. Башня танка медленно повернулась вправо, затем открылся люк. Из чрева машины вылез человек в каске натовского образца. Сняв шлем, он направился к БМП.

Алёхин положил на плечо РПГ, тщательно прицеливаясь. Приглушённый хлопок, напоминающий взрыв петарды, застал солдат на другой стороне реки врасплох. Выстрел угодил в левый борт бронетранспортёра ближе к корме. Капитан сначала увидел искры, потом вспышку, машину слегка подбросило. Через открытые верхние люки повалил густой чёрный дым. БМП, пробуксовывая колёсами, рванулся вперёд и завис передней частью на остатках брёвен переправы. Уцелевшие десантники стали прыгать в воду. Через мгновение заработали автомат Щербакова, затем пулемёт с колокольни. Алёхин бросил под ноги пустую трубу РПГ, взялся за свой крупнокалиберный, целя по машинам в хвосте колонны. Ветер уже бросал в лицо запах гари. Танк сдал назад, выбираясь на твёрдую землю, но стал зарываться гусеницами во влажный песок. Алёхин повернул ствол пулемёта в сторону бронированной машины. Две короткие очереди угодили в башню. Полетели в стороны осколки железа, линзы дальномера, прицелов и приборов наблюдения. Т-72 натужно взревел. Пробив кормой край невысокого обрыва, танк попятился, скрываясь в лесу. Ответная беспорядочная стрельба заставила Алёхина довольно улыбнуться, глядя, как уцелевшие грузовики начали разворачиваться, а солдаты ВСУ пятиться, прячась в подлеске. Через полчаса выстрелы с противоположного берега стали стихать. Две грузовые машины горели, застыв на месте. Но остальным удалось развернуться. Они, натужно ворча моторами, скрылись за поворотом дороги. Экипаж танка из глубины леса обстрелял село, но сделав пять выстрелов, пушка замолчала, а звук двигателя вскоре затих.

На кураже, оглушённый стрельбой, Алёхин подхватил автомат, выскочил из траншеи и короткими перебежками рванулся к реке. Вода в самом глубоком месте доставала до шеи. Держа оружие над головой, сопротивляясь силе течения, капитан достиг опор моста у противоположного берега. Подошвы башмаков скользили по высокой траве, временами теряя опору, но Алёхин, помогая себе одной рукой, всё же выбрался к дороге, где залёг

на обочине. Отдышавшись, Александр приподнялся, чтобы осмотреться. До перевёрнутого багги и двух мёртвых солдат ВСУ было метров пятнадцать, но близко, всего в пяти шагах лежал труп, одетый в новую с иголочки натовскую форму. Алёхин не разглядел в деталях нашивки и шевроны, но они явно не были украинскими. Рядом валялся автоматический карабин М4, но капитана интересовал багги. Расстояние до него Алёхин преодолел в два приёма, каждую секунду коротких перебежек ожидая выстрелов. Бинокль, ради которого он решился на рискованный бросок за реку, капитан после тщательных поисков обнаружил в кустах, рядом с которыми лежал вездеход.

- Класс, - тихо сказал Александр, осматривая линзы и корпус бинокля.

Это был Leupold BX-2 с десятикратным увеличением в камуфляжной окраске корпуса.

Алёхин, перекинув ремешок оптики через голову, переполз обратно к багги. Там он опустошил подсумки трупов, затем начал аккуратно укладывать автоматные рожки себе за пазуху. Приятным бонусом оказались четыре гранаты Ф-1, которые он рассовал по карманам. Пару АК-47 капитан тоже забрал, пристроив оружие за спиной.

В лесной полосе по-прежнему было тихо. Только где-то далеко на востоке снова начали раздаваться звуки боя. В мирное время Алёхин бы подумал, что где-то за горизонтом стороной проходит гроза, сопровождаемая раскатами грома. Александр подхватил с земли свой автомат, осторожно поднялся, выпрямляя плечи и пару раз присел на месте. Оружие глухо звякало, повиснув на нём довольно тяжёлым грузом… Капитан с сожалением посмотрел в сторону валяющего американского карабина М4.

«Чёрт. Взять бы… Если только в зубы. Хотя, с таким грузом точно утону», - подумал Алёхин, пятясь, а через пару мгновений поворачиваясь спиной к лесу.

Съехав задом по травянистому склону к реке, он вошёл в воду и двинулся на другой берег, осторожно нащупывая дно подошвами башмаков, не забывая прислушиваться. На бетонной кровле капонира стояла Наташа с тревогой наблюдая за Александром. Рядом сидел Щербаков, держа наготове автомат.

Не успел Алёхин выбраться на твёрдую почву, как Наташа бросилась к нему. Капитан тяжело шёл навстречу, на ходу сбрасывая с себя оружие.

- Господи! Что ты делаешь? Сумасшедший! – девушка,

налетев словно порыв тёплого ветра, начала колотить кулачками по груди капитана. - Ты — больной. Без царя в голове. Зачем ты туда полез? Скажи, что не будешь так больше.

- Не буду... Осторожно. Руки отобьёшь. У меня за пазухой рожки для автоматов... Признаю, виноват. Чёрт попутал.

Наташа обняла Алёхина, зарываясь лицом в его мокрую одежду.

- Постой. Мне бы просохнуть для начала, - капитан с нежностью погладил девушку по мокрой щеке. - Держи, - он достал из нагрудного кармана упаковку таблеток. - Может, пригодится. Я в лекарствах ни черта не смыслю. Может, это противовоспалительное или антисептик.

Алёхин сел на землю, вынул из карманов гранаты, сбросил с себя сначала башмаки, а затем разделся до трусов.

- Где ты это взял? - немного успокоившись, девушка пыталась прочесть название лекарства.

- В кармане нацика, хозяина вот этой оптики, - капитан перекинул через голову ремень бинокля.

- Зря старался. Это — психотропное средство. К тому же таблетки размокли, - девушка бросила упаковку на дно траншеи.

Подошедший Щербаков нетерпеливо ждал своей очереди задавать вопросы.

- Ну, Алёхин, ты даёшь, - чуть оттеснив девушку в сторону, сказал лейтенант. - Так двухсотым стать недолго.

- Во, во! - Воскликнул подбежавший, запыхавшийся Петров. - Что бы мы тут без вас делали? Ну, чего там за рекой? Где каклы? Много мы их положили? Я так палил по гадам, что чуть зубы не сломал...

- Тебе, кто разрешил покинуть огневую точку? - капитан потянул к себе солдата за поясной ремень.

- Так, тихо вроде, - виновато улыбнулся Петров. - Уж больно узнать хотелось, что, да как. Ушли бандеровцы?

- Думаю, это пока. Кто бы им позволил? Запаниковали. Элемент неожиданности. Очухаются, вернутся. Видели понтоны на грузовиках? Им по зарезу здесь переправу наладить надо. Готовься обратно к марш-броску на колокольню. Если что, свистнешь. Свистеть тебя в детстве учили?

- Умею, - обиженно проворчал солдат. - Товарищ капитан... Ну, хотя бы в двух словах...

- Если коротко... Трое двухсотых возле моста. Ещё пятерых видел чуть поодаль возле подбитого БМП. Дальше времени не было смотреть. Но в десантном отсеке бронетранспортёра должны быть ещё... Трёхсотых, если и были, они с собой забрали.

- Будем считать десяток для ровного счёта! - обрадованно воскликнул лейтенант. Неплохо для первого раза. Что ещё?

- Один из убитых — наёмник. Может, поляк или француз. Не сообразил пошарить в карманах. Хотя, вряд ли у него при себе документы были.

- Так ты ради этой штуковины на тот берег сиганул? - спросил Щербаков, поднимая с земли бинокль. - Классная штука.

- Сам знаю, - сказал Алёхин, выжимая штаны. - С оптикой удобнее воевать.

- Дайте мне, товарищ капитан, - с детским восторгом почти прошептал Петров, протягивая руки. - У меня же на колокольне наблюдательный пункт, вроде. Или воронье гнездо?

- Вот, именно, вроде, - Щербаков беззлобно ударил солдата по рукам. - С колокольни без того далеко видно. Не по чину, брат.

- Как из пулемёта шмалять, так я первый, а как оптику дать на время, так пацан, - обиделся Петров.

- Разговоры! - Алёхин, раскладывавший свою одежду на солнечном месте, выпрямился, забирая бинокль у лейтенанта. - Побудет пока у меня.

- Кто смел, тот и съел, - с улыбкой, вытирая остатки слёз со щёк, сказала Наташа.

- Точно. Учись Петров, - покачал головой Щербаков.

- Да я, если бы тут, в траншее моя позиция... Тоже бы вплавь через реку, а то засунули меня к Богу за пазуху. На колокольне лестница — шею можно сломать. Кстати, если кому интересно... Пока тихо было, я пошарил там в церкви. Она, конечно, старая, но крепкая ещё. Стены - кладка кирпичная, внизу местами каменная. Метра два толщиной, если не больше... В углу за царскими вратами — что-то типа погреба. Люк был завален всяким хламом. Если бы не треснула доска под ногой, не увидел бы. Крышка деревянная, кое-где гнилая. Я голову в щель сунул, а там — лестница куда-то вглубь уходит. Две крысы сидели. Как ломанулись вниз...

- Лучше скажи, чего у тебя с патронами? - капитан, повернулся к Петрову, вешая бинокль себе на голую грудь.

- Нормально. Половина цинка.

- Возьми из капонира ещё ящик. Пока тихо, набей ленту. Всё. Иди.

Алёхин прислушался, вытянув шею, а затем сел на траву, взглядом приглашая лейтенанта сесть рядом.

- Наташ! Тоже садись. Обсудим кое, что. Щербаков, что думаешь? Дальше, чего будем делать?

- Ты командир. Тебе решать, - тихо сказал лейтенант, засовывая в рот спелую сливу, вытащенную из кармана.

- Хочу знать твоё мнение.

- Я так понимаю... Если раненых забрали, значит на той стороне профи, побратимы. Типа Азов или Кракен. Это те ещё сволочи. Захотят поквитаться. На рожон лезть не будут... Зря мы сидим на виду...

- Считаешь — они поквитаться не прочь? Согласен. Могли уже и очухаться. Но разведки пока нет. Давно обстреляли бы. Моя ошибка. Мог бы всех вас подставить...

Втроём они спустились в траншею, где сели рядом.

- Значит так, Щербаков. Огневые наши они наверняка засекли. Пока им не до переправы. Раны зализывают, но вспомнят, откуда мы огонь вели. А потому, занимай новую позицию. Засядешь вон в том доме, - капитан приподнялся. - Второй слева от моста. Оттуда простреливается брод. Он - в ста метрах. Видишь иву с раздвоенным стволом. Там — по шею. Выше по течению - гораздо глубже, нырнуть можно с ручками. Туда они не сунутся. Если только на технике. Наташа останется при мне. Я буду держать мост. Здесь тоже мелко. Ниже начинаются болотистые участки. Слишком топко для ДРГ. Багги с квадриками точно завязнут. Пешком — не вариант. А ещё дальше вниз по реке — цепь озёр и прудов. Здесь в Любимовке единственное место, где можно переправиться. Так, что бери ещё один автомат. Вот тебе запасные рожки, пара Ф1 на всякий пожарный. Держи оборону, но экономь патроны. Давай. С Богом.

- Слушай! - Щербаков начал вставать. - Там раций на двухсотых не было?

- Вот, зараза! - воскликнул Алёхин. - Не догадался. Мне бы перевернуть двухсотых, пошарить по карманам...

- Жаль, - лейтенант вздохнул, посидел минуту, потом осторожно выбрался из траншеи.

Подхватив оружие, он бегом направился к нужному дому.

- А мы, куда? - спросила Наташа, приподнимаясь и с тревогой оглядывая противоположный берег реки.

- Вернёшься в капонир. Там стены с перекрытиями бетонные.

- А если танк подгонят, да саданут из орудия? Нет, я от тебя ни на шаг.

- Наталья! - прикрикнул на девушку Алёхин.

- Что Наталья? Давай сюда чёртов автомат. Не буду я прятаться, хоть убей.

- Тьфу ты... Господи! В Бога, душу мать, - выругался капитан. - Опять за своё?

- Что моё, то моё, - огрызнулась Наташа. - Пошёл к чёрту! Я ещё поквитаюсь с нациками за маму.

- Ладно, - капитан взял девушку за плечо. - Не психуй... Сделаем так. Держись ближе ко мне. Я ложусь, ты падаешь на землю. Я перезаряжаю, ты стреляешь. Хоть в молоко, но стреляешь... Я бегу, ты с интервалом пять шагов за мной. Погоди... Ты с автоматом обращаться умеешь?

- Лучше не зли меня, Алёхин.

- Понятно... Умеешь. Тогда пошли.

Вместе они двинулись по траншее на правый фланг.

- Ты так и будешь голым воевать? - тихо рассмеявшись, спросила Наташа, глядя на обтянутый мокрыми трусами зад и голые ноги Александра.

- Очень смешно... С тобой голову потеряешь, не только одежду. Сиди здесь, в траншее, - растерянно проворчал капитан, улыбаясь.

Алёхин, положив на землю оружие, двинулся обратно. Он выбрался на бруствер, сел и стал торопливо одеваться.

Щебет птиц, стрекотание кузнечиков, журчание реки неожиданно заглушила длинная очередь из автомата, выпущенная с противоположного берега. Возле ног капитана пули выбили фонтанчики пыли, разошедшиеся веером в левую сторону. Алёхин, схватив одной рукой поясной ремень, другой - бинокль, спрыгнул на дно траншеи. Близкий разрыв гранаты, выпущенной из подствольника, обрушил на голову капитана изрядный пласт земли. Проморгавшись, Александр повёл

плечами, сбрасывая с себя землю, затем, пригибаясь, почти бегом двинулся к месту, где он оставил Наташу.

- Цела?

Девушка медленно поднялась, кивнула, осторожно трогая рукой глубокую царапину на щеке Алёхина.

- Пустяки. Камушком задело. До свадьбы заживёт.

- Отвечаешь?

- Отвечаю, - ободряюще улыбнулся капитан. - Петров придурок. Проспал хохлов.

В ту же секунду со стороны церкви прозвучала пулемётная очередь.

- Лучше поздно, чем никогда, - сказала Наташа, двигаясь дальше вслед за Алёхиным.

- Зря он обнаружил себя раньше времени. Эх, салага!

- Ничего страшного. Опыт – дело наживное, - неуверенно сказала девушка.

Через пару минут она уже сидела на пустом ящике в углу небольшого блиндажа, а капитан, стоя у амбразуры, смотрел через линзы бинокля в сторону моста. Мощная оптика позволяла различать фигуры в камуфляже и даже выражения лиц солдат. Алёхин насчитал десяток бойцов, рассредоточенных вдоль берега. За дальними кустами суетилось ещё трое, устанавливая миномёт. Вправо, перебежками в зону сектора Щербакова, двигались шесть человек. За спиной у одного из них капитан разглядел трубу РПГ.

- Наташа! – капитан опустил бинокль. - Оставь здесь автомат. Беги по траншее вдоль берега. Там окопы заканчиваются. В том месте до дома, где засел лейтенант — метров пятнадцать. Крикни Щербакову, что против него шестеро. Вроде собираются через реку. Пусть подпустит ближе. Главное, не дать им выбраться на берег. Вперёд!

Девушка, вопреки предупреждению Алёхина, перекинула автомат за спину и, пригнувшись, скрылась за поворотом траншеи. Капитан снова поднял бинокль, наблюдая за противником.

- Зараза! - прошептал Александр. - Винтовку бы снайперскую. Не нравится мне миномёт. Ох, не нравится. На вид — восьмидесяти двухмиллиметровый.

Тем временем расчёт миномёта изготовился к стрельбе. Алёхин уже пожалел, что отправил Наташу к Щербакову, но звуки разрывов за спиной, заставили капитана приподняться и оглянуться. Мины ложились по центру села, приближаясь к церкви. Через пару минут от стен храма в стороны полетели осколки кирпича и куски брёвен. Пулемёт на колокольне тут же замолчал. Десятый по счёту разрыв мины пробил брешь в стене верхнего яруса звонницы. Алёхин с болью в сердце опустился на землю. Посидев минуту, он снова поднялся, приложил бинокль к глазам, наблюдая за переправой выше по течению. Там по грудь в воде уже двигались, поливая из автоматов противоположный берег, фигуры в камуфляже. К звуку длинных очередей добавился новый, с короткими паузами.

- Молодец Щербаков! В самый раз.

Два солдата ВСУ, добравшиеся до середины реки, взмахнув руками и выронив оружие, ушли под воду. Ещё один, замыкающий цепочку, судорожно дёрнувшись, нырнул в медленный поток вниз лицом. Остальные, застигнутые врасплох, метнулись в стороны, теряя опору. Течение подхватило барахтающиеся тела и понесло вниз по течению. Двоим удалось добраться до каких-то старых свай на противоположном берегу, а последнего протащило мимо. Алёхин рассмотрел перекошенное страхом лицо и натовскую каску, болтающуюся за спиной на ремешке. Стрельба внезапно стихла, только со стороны реки доносились мат и крики. За поворотом траншеи послышались торопливые шаги, сопровождаемые звуком осыпающейся земли. Капитан взялся за автомат, но тут же опустил его. Это была Наташа. Крупные капли пота, перемешанные с пылью, делали лицо девушки старше.

- Сюда! - Алёхин помог преодолеть три крутые ступени, ведущие в блиндаж. - Молодец. Горжусь тобой, - он пригладил выбившуюся из пучка волос на затылке девушки русую прядь. - Не ранена?

- Всё нормально. Едва не задохнулась. Давно я так не бегала. Особенно на четвереньках.

- Отдохни пока, - капитан высунул голову, оценивая обстановку.

- Хохлы переставляют миномёт. Сейчас ударят по Щербакову, - Алёхин, взявшись за пулемёт, начал прилаживать его на сошках, просунув ствол в амбразуру.

Сместив корпус вправо, он крепче ухватился за рукоять, прицеливаясь. Но далёкий, тихий хлопок и звук летящей

мины заставил капитана непроизвольно пригнуться. Пулемёт завалился на бок, ударив Алёхина тыльной частью в подбородок.

- Чёрт, чёрт! - зло шептал Александр, возвращая пулемёт на место. - Щербаков! Позицию, позицию меняй...

Первый разрыв взметнул землю возле окон дома, где засел лейтенант. Второй угодил в крышу, разметав черепицу. Алёхин, сжав зубы, надавил на спуск. Его пулемёт выдал длинную очередь, срезавшую ветки толстой сосны, рядом с которой располагалась огневая позиция миномётчиков. Капитан повёл стволом вниз, затем начал бить короткими очередями по фигурам, заметавшимся на другом берегу. Он потерял чувство времени, а только стрелял и стрелял, пока оружие не заклинило. На мгновение застыв в тревожном недоумении, Александр отстегнул короб с лентой и понял, что кончились патроны. Он бросился в угол блиндажа, где, пригнув голову к коленям, заткнув уши ладонями, сидела на ящиках Наташа. Дрожащими руками капитан схватил новый цинк и вернулся к пулемёту. Затем принялся вставлять в патронник новую ленту, но та не поддавалась его усилиям. Капитан несколько раз со злостью ударил кулаком по направляющему жёлобу. Лента неожиданно легко встала на нужное место. Алёхин посмотрел через прицел за реку, отыскивая новые цели. Ими оказались два легко бронированных «Хамви» с поворотными башнями на крышах. Из одной торчал ствол пулемёта, из второй — труба ПТРК. За верхними срезами люков угадывались шлемы стрелков. Первая машина, свернув на обочину, двинулась в сторону брода к сектору, который держал Щербаков. Второй затормозил у моста, выбросив к небу небольшое облако выхлопных газов. Труба ПЗРК опустилась, а башня начала поворачиваться

- Наталья! – Алёхин, с натугой вытащив пулемёт из амбразуры, взялся за приклад. - Бери в одну руку короб с патронами, а другой держи ствол. Уходим.

Капитан подхватил автоматы, перекинул их за спину, и быстро, насколько позволяла ширина траншеи, пошёл вперед. Девушка, обжигая ладони, держала ствол, помогая тащить пулемёт. Натыкаясь на углы, на доски подпорных стенок, они добрались до старой позиции, которую утром занимал Алёхин.

- Сиди в углу, - не поворачивая головы, закричал Александр, прилаживая пулемёт на земляном бруствере между мешками с песком.

Высунув голову, он посмотрел поверх насыпи в сторону моста. И в этот момент раздался хлопок, а в сторону блиндажа, где была старая позиция, потянулся дымный след выстрела.

Разрыв ракеты ПЗРК разметал плиту перекрытия капонира. Вверх полетели куски горящего дёрна и щепки. Но Алёхин уже рассматривал через прицел вездеход, который заехал в реку и был почти на середине потока. Капитан видел, как вода захлёстывала узкие щели окон. Двигатель натужно ревел, заставляя «Хамви» преодолевать колёсами вязкое сопротивление донного песка. Но Александр почти ничего не слышал. Уши заложило от звуков, которые совсем недавно издавал его «Утёс» при стрельбе.

Капитан прикинул расстояние до цели, расставил ноги поудобнее, снова взялся за рукоять пулемёта и нажал на спуск. Короткая очередь с двухсот метров застала водителя вездехода врасплох. Это был момент, когда солдат пытался принудить машину выбраться на берег. Следующая очередь из бронебойных патронов 12,7х108 миллиметров пробили многослойное стекло башни, впечатав стрелка в заднюю стенку тесного отсека. Ещё пара очередей угодила в борт «Хамви», продырявив бензобак. Топливо вспыхнуло, двигатель заглох, машину охватило пламя, она задымила и попятилась, съезжая под собственным весом обратно к реке. Дверцы распахнулись. На песок через огонь стали выпрыгивать солдаты.

- Автомат! - не оборачиваясь, Александр протянул руку назад и сразу же ощутил потной ладонью холодный приклад АК-47.

Навалившись грудью на бруствер, капитан нащупал правой ногой выступ стенки траншеи и одним движением перевалил насыпь бруствера. Не торопясь, выравнивая дыхание, он встал на колено, приложил приклад автомата к щеке и, словно на учебном стрельбище, поймал на мушку людей, облачённых в камуфляж песочного цвета. Четыре коротких очереди опрокинули солдат на землю. Алёхин ясно видел дыры в бронежилетах и кровавые пятна на ногах. Одному из бойцов десанта он прострелил колени, второму попал в бедро. Из раны тугой струёй вверх и в сторону фонтанировала кровь. Третий лежал, уткнувшись лицом в песок и не двигался. Четвёртый, бросив оружие, на четвереньках полз к реке. Капитан, опустив автомат, быстро повернулся и спрыгнул обратно в траншею.

Шумно хватая ноздрями воздух, он криво улыбался, подмигивая Наташе. Та, ни слова не говоря, тоже оглушённая, подползла ближе, затем села, прислонив голову к плечу Александра.

Капитан взглянул на свои часы и удивился. Стрелки показывали четыре часа вечера.

- Ничего себе, - громко сказал Алёхин, массируя свои уши. - Ни

хрена не слышу.

- Что? - девушка не понимающе улыбнулась.

- День пролетел, а я даже не заметил, - прохрипел Алёхин, нежно проводя рукой по щеке Наташи. - Ой! Прости. Испачкал тебя.

Девушка скорей догадалась, чем услышала, что сказал Александр.

- Пустяки, - ответила она, вытирая лицо рукавом куртки. - Надо посмотреть, что там с Щербаковым и, где второй «Хамви».

- Молодец, - Алёхин, слегка толкнув Наташу в плечо, начал снова тяжело подниматься.

Затем, вытянул шею, посмотрел за реку.

На противоположном берегу было тихо. Вездеход, из которого произвели выстрел ПЗРК, исчез. В кустах, рядом с мостом, почти сливаясь с зеленью травы, лежало несколько трупов.

Алёхина постепенно отпускала горячка боя. Он начал, помимо слабого звона в ушах, различать далёкие звуки. Однако, ни ругани, ни криков он не услышал. За рекой далеко гудел автомобильный двигатель. А где-то близко начал долбить клювом по дереву дятел.

- Что там? - спросила Наташа.

- Вроде откатились. Но это пока. Тихо. Даже слышно, как дятел стучит. Вот, трудяга. По фигу ему война.

- Да, ладно, - с сомнением в голосе сказала Наташа, приподнимаясь и прислушиваясь. - В лесу всё зверьё разбежалось... Топор это.

- Топор? Странно. А мне показалось, дятел. И, что это значит? - спросил сам себя капитан. - Либо плот рубят хохлы, либо дрова для костров, жерди для палаток... Через пару часов стемнеет. Жрать захотели... Им ущерб ещё оценить надо.

Наташа, вновь поднявшись, посмотрела в сторону подбитого «Хамви», стоящего по ступицы задних колёс в реке.

- Слышишь? Стонет кто-то.

Капитан встал рядом с девушкой.

- Да... У передней двери... Это он. Я ему в ногу попал, в артерию какую-то. Кровь хлестала, словно пробку из винной бочки вынули.

- Если в бедренную, то скоро умрёт... А, вон тот рядом с бампером джипа... Мне показалось... Шевелится.

- Не может быть. Он же вроде ничком лежал... Ты ошибаешься... Мертвее не бывает...

- Ладно, - Наташа снова села. - Надо бы Петрова проведать. И узнать, что там с лейтенантом. Может, я сбегаю?

- Не сейчас. Слишком опасно. Я сам в сумерках схожу. И к двухсотым у «Хамви» наведаюсь. При них должны быть рации.

Александр сел рядом, прислушиваясь к звукам с той стороны реки.

- Рембо тебе в подмётки не годится, - неожиданно сказала Наташа, целуя грязную тыльную сторону ладони Алёхина.

- Разве? - устало спросил капитан.

- Видел бы ты своё лицо, когда стрелял. Глаза сверкают, на скулах желваки... Нет. Знаешь, на кого ты был похож?

- Скажи мне, - широко зевнул Алёхин, чувствуя, что напряжение последних часов постепенно отпускает его.

- На Дольфа Лундгрена в роли бойца советского спецназа в фильме «Красный скорпион». Смотрел?

- Смотрел, - пробормотал капитан. - Куда мне до него?

- Нет, серьёзно. Похож, похож. Особенно сзади.

- Вот, сейчас очень смешно, - Алёхин откинул голову к стене траншеи, прикрывая веками глаза. - Хоть спички под веки вставляй. Сами закрываются.

- Ты поспи немного. Я покараулю.

- Нет, нельзя мне, - тихо сказал капитан, подтягивая к телу колени и опираясь на них локтями.

Он, положив подбородок на кулаки, застыл, глядя в ещё светлое небо.

- Не выпендривайся. Вот, на живот мне ложись головой. Хоть часик поспи. Потом легче будет.

- Нет, - упрямился Алёхин, сопротивляясь усилиям Наташи склонить его голову на девичьи колени. - Случится, что, себе не прощу.

- Слушай доктора, пацан, - строго сказала девушка. - Не хочешь на животе, вот плечо.

- Ладно, - смирился капитан. - Посплю минут двадцать. Ты покарауль. Слушай лес. Любой посторонний звук, сразу буди меня. Хорошо?

- Ложись уже, командир, - ласково сказала девушка, гладя Алёхина по спине. - Вон, потный весь. Тебе бы футболку под курткой сменить.

- Обойдусь, - едва шевеля губами, прошептал Александр.

Свернувшись калачиком, он почти мгновенно провалился в сон.

Он видел белый песок и линию горизонта. Цветная ракушка попалась ему под ноги, Она хрустнула, рассыпаясь в пыль. Чья-то тёплая ладонь сжимала запястье. Алёхин повернул голову, уже зная, кого он увидит. Но вместо Наташи на него смотрел дед. Суровое лицо с голубыми белками глаз рассечёнными красными прожилками было так близко, что капитан отпрянул.

- Куда ты, сынок? - спросил дед, схватив Александра за плечо. - Уже темно. Мотоцикла у тебя нет. На чём домой поедешь?

Старик повернулся. Алёхин увидел, что дед облачён в генеральский мундир, но вместо погон со звёздами на его плечах красовались шевроны в виде американских флагов.

- Ты, чего это дед? - спросил Александр. - А, где твои погоны? Хотя вид у тебя бравый.

- Служу Советскому Союзу, - ехидно улыбнулся старик. - Не то, что некоторые. Только спать горазды, да штаны просиживать в креслах. Я в твои годы у полкового знамени в карауле мог целый день неподвижно по стойке смирно простоять.

- Врёшь дед. Не сплю я, и в карауле вместо меня есть кому подежурить.

- А Петров с Щербаковым-то пропали... Не за понюх табаку пропали... А ты всё спишь, спишь...

- Да, не сплю я, - крикнул Алёхин, вскакивая.

- Не кричи, - тихо сказала Наташа, удерживая Александра за руку. - Чего всполошился?

Капитан смутно видел фигуру девушки, стоявшую рядом на коленях. Алёхин, тряхнув головой, потёр щетину на скулах. - Который час? - спросил он, разглядывая тёмное небо с близкими, мерцающими над головой звёздами.

- Часов восемь, девять вечера.

- Точно, - Александр посмотрел на циферблат своих часов. - Половина девятого. Стемнело что-то рано. Хотя — первая половина сентября... На том берегу всё спокойно?

- Вроде тихо.

- Щербаков с Петровым не объявлялись?

Наташа отрицательно покачала головой.

- Чёрт! Плохо, - ссутулился Алёхин. - Какие ещё новости?

- Тот солдат возле джипа, который ничком лежал, живой.

- С чего ты взяла?

- Перевернулся на бок, потом встал на одно колено и начал вопить — «Хелп, хелп!»

- Что, прям так, на английском? - капитан с усилием поднявшись, посмотрел в сторону «Хамви».

- Ты не слышал? - раздражённо прошептала девушка. - Англичанин он, точно. Наёмник.

- Наёмники — тёртые парни. Давно сам бы слинял на тот берег.

- Нога у него сломана. Он пытался ползти к реке, но я ему крикнула, чтобы он заткнулся и не двигался, что стрелять буду.

- А он, чего? - Алёхин наконец рассмотрел тёмную фигуру, прислонившуюся к обгорелой резине переднего колеса внедорожника.

- Сидит, сволочь. Но замолчал.

- Пойду, посмотрю, - решил Алёхин, беря в руки автомат.

- Я с тобой, - Наташа подняла с земли своё оружие.

- А кто меня прикрывать будет? Оставайся здесь и держи этого парня на мушке. Дёрнется, жми на спуск. Только смотри, меня не зацепи...

Александр, почти бесшумно перевалив через бруствер траншеи, пополз к машине, беря левее, где росли кусты шиповника. Подобравшись ближе, он смог разглядеть солдата. Тот держал что-то в руках, тыкая в это нечто пальцами. Предмет выглядел продолговатой тёмной тенью с толстым штырём на конце. Через секунду Алёхин догадался, что это или рация, или спутниковый телефон.

- Руки вверх! - тихо по-английски сказал капитан.

От неожиданности солдат вскинул руки, ударив рацией по броне джипа. Громкий хруст дал понять Алёхину, что аппарат приказал долго жить.

- Руки, - повторил капитан. - Смотреть перед собой, оружие не трогать. Понятно?

- Ты русский, да? - дрожащим голосом по-английски спросил солдат, не поворачивая головы.

- Мы все здесь русские, кроме тебя- Алёхин подполз ближе. - Ты ранен?

- Нога сломана... По-моему, в двух местах.

- Имя?

- Майк.

- Хорошо, Майк. Теперь попробуй подняться на колени, руки за голову. Я обыщу тебя. Где твой автомат?

- Не знаю. Выронил. Где-нибудь поблизости валяется. Пистолет, вот он, забери.

Раздался шорох. Рядом с капитаном на песок упал большой чёрный пистолет, который Алёхин подобрал, сунув себе за пояс

- Там патрон в стволе заклинило.

- Сиди смирно, и не дёргайся, - сказал Алёхин, вставая.

Александр, не отводя взгляда от потенциального пленного, подошёл ближе, нагнулся и взял солдата за бронежилет, поднимая.

- А-а, - застонал тот.

- Терпи. Обопрись на мои плечи и пойдём.

- Не могу, - ещё раз застонал солдат, стоя на одной ноге.

- Не можешь, оставлю здесь, а утром тебя пристрелят.

- Кто? Меня нельзя пристрелить. Я — американец.

- Про «Азов» слышал? Вот они и пристрелят. У них хобби такое стрелять дебилов.

- Я не дебил, - жалобно сказал наёмник.

- Хочется верить… Пошли.

Стеная, тихо охая, опираясь на плечи Александра, американец начал переставлять ноги.

Он был одного роста с Алёхиным. Очевидно сообразив, что от собственных усилий зависит его жизнь, наёмник сумел доковылять до траншеи. Вновь придерживая парня за бронежилет, капитан помог солдату спуститься на дно окопа. Американец, в последний раз с облегчением застонав, сел, опираясь спиной о стенку. В траншее было темно. Солдат не мог видеть Наташу, но услышал её дыхание.

- Кто здесь? - испуганно воскликнул он, шаря у себя под бронежилетом.

Узкий луч света фонаря заскользил сначала по пулемёту, а потом по свирепому лицу Алёхина, который уже вырывал фонарь из рук солдата.

- Чёрт тебя возьми! - зашипел капитан, замахиваясь на солдата фонарём.

- Успокойся, Алёхин, - Наталья мягко взяла из рук Александра фонарь. - Парень и так напуган до смерти. Посмотри на него.

Девушка привстала. Прикрыв сверху фонарь ладонью, она включила его, направив луч на лицо солдата. Мягкий свет вырвал из темноты траншеи знакомое лицо.

- Майк! - удивлённо воскликнул Алёхин, узнав сержанта, водителя полковника Адамса. - Не может быть.

- Мы знакомы? - удивился американец.

В тусклом пятне света лицо Майка выглядело таким трагикомичным, что Наташа из деликатности выключила фонарь.

- Вот она, чёрная неблагодарность, - сказал Алёхин, хлопнув сержанта по плечу. - Кто виски с тобой в Киеве пил, а потом у твоего Хаммера какие-то уроды колёса ночью сняли? Забыл? Волков я. Капитан Волков.

- Волков? - с облегчением и некоторой растерянностью спросил Майк. - Ты — тот самый капитан, с которым полковник Адамс в барах свободное время убивал?

- Наконец-то, - Алёхин поднялся, чтобы в который раз посмотреть в сторону реки, затем снова сел. - Тот самый, тот самый. Во, дела! Кто бы мог подумать, что увижу тебя, придурка, ещё раз, да ещё здесь.

- Фак, фак! - ругнулся сержант. - Ты сам, что тут делаешь? Ты же — на нашей стороне, на правильной. Против плохих парней. Ты должен русских трахать во все дырки. А-а, понял, - в голосе Майка слышалось торжество. - Двойной агент, да?

Задание выполняешь? Ладно, ладно. Знаю. Военная тайна... Совершенно секретно и вся эта хрень... А вытащить из этого дерьма меня можешь?

- Остановись, Майк. Об этом мы позже поговорим. Сейчас наш доктор осмотрит твои переломы. А ты давай, расскажи нам, как ты в это самое дерьмо влез? Наташа! Посмотри, что у него с ногами.

Девушка осторожно начала ощупывать сержанта.

- Ой! Больно... Ой! Фак! Полегче. Штаны снимать обязательно?

- Мне всё равно. Хочешь, сам сними.

Наташа при свете фонаря занялась более тщательным осмотром. Майк продолжал охать и громко стонать.

- Тише ты, - зажал ему рот Алёхин. - Вот тебе деревяшка. Зажми зубами крепко. А то пары выстрелов из РПГ дождёмся с той стороны.

- Так, - девушка выпрямилась. - Сильный ушиб левого голеностопа и перелом либо медиально-клиновидной, либо плюсневой кости на правой стопе. Наложу шины из дощечек, крепко забинтую. Лучше, конечно, сделать рентген для верности, но где его взять. Если нет смещений, думаю, всё обойдётся. До свадьбы заживёт.

- Слышишь, Майк. Доктор говорит — до свадьбы твоей нога заживёт. Кстати, ты женат? - капитан прикладом автомата разбил пустой патронный ящик и ножом начал выстругивать тонкие, короткие дощечки.

- Не успел пока. Познакомился с одной девчонкой через сеть. Знаешь, есть такие сайты знакомств. Вот она, моя Стейси, - воспрянувший духом сержант, вытерев о свою куртку грязные руки, полез в карман куртки, вытащил бумажник и протянул капитану небольшое фото.

- Ничего так, - одобрил Алёхин. - А ты уверен, что это не развод?

- Чего?

- Девица твоя на самом деле страшная, как смерть, а тебе прислала фото подруги.

- Об этом я не подумал, - упавшим голосом сказал сержант. - Нет, такого быть не может. Она даже номер своего бюста от меня не скрыла. Пятый, понял?

- Поздравляю. Есть за что подержаться, - Алёхин, чувствуя, что краснеет, смущённо взглянул на девушку.

Тем временем Наташа, не слушая трёп мужчин, умело прилаживала дощечки к ногам Майка, туго бинтуя повреждённую стопу.

- Готово, - девушка, убрав лишние дощечки, вопросительно посмотрела на Александра. - Придётся твоему сержанту босиком пока ходить. Ботинок не налезет.

- Постой на атасе, - попросил Наташу капитан. - Только голову понапрасну из окопа не высовывай.

Алёхин, сев ближе к Майку, положил ему руку на плечо.

- Теперь рассказывай, как ты сегодня оказался в своём дерьмовом «Хамви».

- Сам ещё не осознал, за каким чёртом влип в это дерьмо, - начал сержант. - Скучно чего-то мне стало в Киеве при миссии военных советников. Если не пьянки через день, так шлюхи. Надоело всё. А тут один из наших парней говорит мне. Типа в армии этого клоуна Зеленского есть иностранный легион. Там хорошо платят. Тем более зеленью... На ленте стреляй во всё, что движется и тебе за это ничего не будет. А нам, парням из Штатов тем более. Не имеют права. Наш статус приравнен к дипломатическому... Неприкосновенность и всё такое. А ещё, говорит, поедешь домой раньше срока, а не по истечению контракта. Я уже давно мечтал свалить из этой недоделанной страны. Вот и подумал, а, почему бы не заделаться наёмником. Нас, американцев, во всём мире боятся. Солдаты США — элита, высшая каста. Кто посмеет тронуть морпеха? Тем более, что у меня опыт есть. Шесть месяцев в Ираке, четыре — в Афганистане. Кто ж знал, что русские так воюют.

- Тебе понравилось, как воюют русские?

- Если бы, - воскликнул Майк, морщась и меняя положение тела. - Неправильно они воюют. Нас такому не учили. У русских один танк может выйти против пяти Абрамсов. Прежде чем этого дебила сожгут, он наши, лучшие в мире машины... Штуки три разделает, как щипцы спелые орехи... Русские — безумцы. Они такие же, как их диктатор Путин. Ни военных традиций, ни уважения к противнику, ни понятий о настоящем военном искусстве или передовых способах ведения боевых действий... Говорят, они пытают, а потом расстреливают пленных...

- Понимаю. Суровая реальность оказалась для тебя ударом обуха по голове, - капитан прервал словоизлияния сержанта,

произнеся слово обух по-русски.

- Чего?

- Топор видел? Держал в руках?

- Видел.

- Так вот. Обух, это - тыльная тупая часть топора.

- И что?

- А, то, что тебе повезло, детка. Вместо того, чтобы лезвием, тебя ударили тупой частью топора войны. Иногда это приводит к летальному исходу, иногда на какое-то время вырубает. То есть, удар обухом вправляет тебе мозги, даёт шанс, если повезёт, переосмыслить прошлое. Так, что ещё раз повторяю, удача улыбнулась тебе. Останешься живым, даже при деньгах... Главное, запомни. Первое. Русские никогда не трогают безоружных, не расстреливают пленных. Хотя, туземных нацистов стоило бы. Второе. Когда-то давно русский князь Александр Невский после боя, где он разбил немецких рыцарей, сказал: «Кто с мечом на Русь придёт, от меча и погибнет». Всё понял?

- Вроде бы, - сержант опустил голову, но через минуту снова посмотрел на Алёхина.

- Одного в толк не возьму. Ты же умный. Мы таких называем яйцеголовыми. Зачем ты здесь? Сколько вас таких, русских, ещё в этом забытом Богом месте, в этой чёртовой глуши? На чьей ты стороне?

- Ты свою Америку любишь?

- Ещё бы, - вскинул подбородок сержант. – Это - самая могущественная страна в мире. Остальные нам должны...

- Должны? - хрипло оборвал Майка капитан, начиная «закипать». – Вот оно как? Большой вопрос, кто кому и за что должен? А вот я люблю свою Россию. И что мы с этим будем делать? Потому и воюю за неё. За Родину... Знай... Киев, Харьков, Одесса... Что там ещё у нас? Николаев, Херсон, Чернигов... Это тоже русские земли, только временно оккупированные нацистами... А сколько нас здесь у моста, не твоё собачье дело.

- Я тоже воевал и воюю за Америку, за свободу, за демократию, за мир во всё мире... - с обидой, запинаясь, выкрикнул сержант.

- Заткнись, урод. Тут тебе не конкурс красоты. Скажи ещё — за педиков и лесбиянок, - Алёхин нащупал в темноте кусок

доски, выхватил нож и стал в ярости отрезать от дерева щепки. - За тысячи миль от своего родного штата, на чужой земле воюешь за мир? Бред! Что американцы забыли в Сирии, Ираке, Афганистане? Тоже за мир воевали? Теперь, вот на Украине. Господи! Сколько же мусора в твоей тупой башке... Заткнись Майк, пока я добрый!

- Саша! – Наташа, сев рядом с капитаном, отняла у него нож. - Ты чего разорался? Остынь. Оставь этого идиота в покое. Он всё равно ни хрена не поймёт.

- Ладно. Вот ты и сиди с ним, карауль дебила. На тебе пистолет. Будет плохо себя вести, стреляй ему прямо в лоб. Ещё раз откроет рот, тоже стреляй. Не обмани его дурацких представлений о русских, - последние два предложения Алёхин тут же перевёл на английский язык.

- А ты, куда?

- Пока ночь на дворе, пойду посмотрю, что с Петровым и лейтенантом. Плохое предчувствие. Если ранены, так или иначе дали бы о себе знать. Может, в беспамятстве они... Жаль рации нет. Опять с этим Майком забыл обыскать дохлых хохлов. Заметишь движение на той стороне, стреляй одиночным.

Капитан подхватил свой автомат, вылез из траншеи и в темноте пошёл сначала осторожно по тропе, затем по узкой, пыльной дороге к церкви... Ветхие двери колокольни были распахнуты настежь. На невысоком крыльце под ногами хрустели осколки кирпичей. В темноте, почти на ощупь Алёхин полез наверх, ругая себя, что не взял фонарь. Старая железная лестница местами проржавела до дыр, но всё же откликалась на каждый шаг капитана глухим, протяжным звоном. Александр больно ударился головой о край люка второго яруса и чертыхнулся. Свет Луны, проникающий внутрь через узкое окно западной стороны колокольни, позволил рассмотреть выбитые внутрь куски камней с остатками брёвен.

- Петров! - тихо позвал Алёхин, услышав шорох в углу. - Петров! Ты жив? - капитан пролез через люк и встал, озираясь.

Какие-то тени шарахнулись в стороны, затем, подпрыгнув, поскакали к окнам. Две из них, расправив крылья, рванулись куда-то вверх. Алёхин от неожиданности присел, потеряв равновесие.

- Вороны, чёрт, - пробормотал капитан, чувствуя под руками что-то твёрдое, округлое, перекатывающееся, холодное.

Пальцы нащупали пустые гильзы, пулемётную ленту, а

чуть дальше - сталь оружия. В углу, откуда взлетели вороны, Александр нашёл тело. Оно лежало лицом вверх. Шлем валялся рядом. Капитан, опустившись на колени, наклонился. У Петрова на месте глаз зияли чёрные провалы. Перекошенный рот выглядел большой дырой с рваными краями. Камуфляж был разорван на груди, в прорехах белели кости. Среди них копошился какой-то небольшой зверёк с острыми ушами, совершенно не страшась человека.

- Крыса, мать её, - выругался Алёхин, брезгливо отбрасывая животное рукой в сторону.

Капитан поднялся, тяжело вдыхая запах гари, пыли и собственного пота.

- Эх, Петров! - прошептал Александр, садясь у стены. - Ты прости меня, мужик. Придут наши, похороним, как положено. По лестнице вниз тебя не дотащу.

Алёхин снова перебрался ближе к мёртвому солдату, осторожно снял с шеи парня армейский жетон. Затем вернулся к пулемёту и осмотрел его, насколько позволял лунный свет, проникавший через узкое, высокое окно звонницы. Оружие выглядело исправным. Капитан торопливо стал разгребать каменную крошку, отбрасывая в сторону битые кирпичи в поисках цинка с боезапасом, но нашёл только пулемётную ленту, набитую патронами. Перекинув ленту через голову уложив её на плече, он взвесил на руках пулемёт.

- Да уж, - тихо сказал он. - Но вариантов нет. К тому же время - деньги.

Подойдя к люку, Алёхин опустил вниз ноги, нащупывая верхнюю ступень лестницы. Затем протиснулся в люк, с трудом удерживая пулемёт на плече, затем начал спускаться. Несколько раз оружие застревало в пробоинах кирпичной кладки. Капитан ругался матом, вытаскивая из дыр то ствол, то приклад, но в итоге ему удалось сойти вниз и добраться до дверного проёма. Тяжело ступая, часто останавливаясь, чтобы прислушаться, он неуверенно двигался в темноте, натыкаясь на кочки и воронки от разрывов мин.

- Алёхин! Ты? - над бруствером траншеи белело лицо Наташи.

- Ждала кого-то другого? - раздражённо шёпотом спросил капитан.

- Ты, чего злой такой? А, где Петров?

- Оставил на колокольне.

- Он жив?

- Был бы жив, стал бы я тащить эту чёртову штуку, - сказал Александр, сбрасывая с плеча пулемёт и опуская его в траншею. - Прими ленту.

- А ты куда?

- К Щербакову, - Алёхин взглянул на циферблат своих часов.

Светящиеся в темноте стрелки показывали два часа ночи.

- Что там с Майком?

- Спит, сволочь. Даже похрапывает.

- Отпустило, значит... Всё равно. Присматривай за ним. Я скоро вернусь.

Капитан, стараясь держаться в тени кустов, пригибаясь, двинулся по тропе вдоль реки вверх по течению. Второй раз за ночь оказавшись возле сгоревшего «Хамви», он взглянул на трупы, решая, обыскивать их в поисках раций сейчас или на обратном пути.

Решив, что с неприятным делом можно повременить, Алёхин пошёл дальше, устало волоча ноги.

В стене нужного ему дома между окнами, смотревшими на реку, зияла дыра. Вместо давно не кошенной травы в палисаднике под ногами капитана хрустели обгоревшие куски дерева. Нижняя, цокольная часть постройки, очевидно, была каменной. Огонь после разрыва, облизав камни, не сумел достать до толстых брёвен. Изба выглядела бы целой, если бы не лишилась крыши и стёкол в окнах. Пустые проёмы походили на огромные, квадратные, чёрные пятна.

- Щербаков! Ты жив? - тихо позвал Алёхин, прислоняясь к стене рядом с дверью, которую он обнаружил с другой стороны дома.

Из глубины сеней пахнуло гарью. Капитан переступил порог, давая возможность глазам снова привыкнуть к абсолютной темноте. Вскоре он начал различать скудное внутреннее убранство старой постройки. Комнат оказалось три. Первые две, куда заглянул Александр, выглядели убого и пусто. В третьей, где окна выходили на реку, под ногами захрустело стекло, деревянные щепки, тихо зазвенели потревоженные подошвами башмаков пустые гильзы. Попадание мины разворотило комод и печь, «разобрало» на доски шкаф, разбросало стулья. Опрокинутый стол лежал на боку. Рядом валялся автомат.

Щербакова Алёхин нашёл у противоположной стены. Лейтенант лежал ничком, прикрывая затылок руками. Нижняя часть тела была засыпана кусками потолочной штукатурки и остатками дранки. Капитан, опустившись на колени, перевернул лейтенанта на спину. Левая щека Щербакова выглядела ужасно. В области височной части головы торчал большой осколок металла. Чёрный, давно засохший след тянулся вниз к подбородку. Второй — за ухо и дальше к вороту куртки. Бронежилет напоминал сито. Открытые мёртвые глаза выглядели стеклянными. Они неподвижно смотрели поверх головы Алёхина.

Капитан, сокрушённо вздохнув, повернулся, чтобы оглядеться. В том месте, куда был направлен мёртвый взгляд Щербаков, в «красном» углу висели иконы. Что это были за образа рассмотреть не удалось, да и не хотелось.

Алёхин для очистки совести попытался нащупать пульс на шее лейтенанта, даже наклонился, чтобы послушать дыхание, но холодная кожа и слабый трупный запах вызвали спазм в горле. Слёзы горечи непроизвольно собрались в уголках глаз. Затем потекли по щекам. Капитан глубоко, шумно вздохнул, хватая ноздрями сладковатый запах тлена.

- Ладно, - прошептал он, вставая с колен. - Мы ещё посмотрим, кто кого.

Алёхин подошёл к иконам, сдёрнул грязное, расшитое крестиками полотенце, прикрывающее образа сверху, затем вернулся к телу лейтенанта. Опустив ладонью веки Щербакову, капитан накрыл полотенцем мёртвое лицо.

«Ладно», - вновь подумал капитан, выпрямляя спину.

Он сделал два шага назад, затем остановился в центре комнаты.

«Куда лейтенант гранату дел? Вроде он только из автомата стрелял... Должна быть где-то здесь».

Александр окинул взглядом помещение.

«К чёрту! - решил он. Себе дороже. Разве тут, чего найдёшь? Только время зря потрачу».

Капитан в который раз за ночь посмотрел на своё запястье. Стрелки часов показывали четвёртый час ночи. Алёхин подошёл к окну, чтобы посмотреть поверх течения реки, мерцающей отражённым лунным светом. Он долго разглядывал противоположный берег. Ему показалось, что тени в лесу стали

гуще. Время от времени в разных местах вспыхивали, но тут же пропадали тусклые лучи света.

«Нужно уходить», - поторопил сам себя Алёхин.

Он сел на разбитый подоконник и спрыгнул вниз, придерживая автомат. Добравшись до «Хамви», он быстро, морщась от запаха, обыскал трупы. Из двух раций, которые нашёл капитан, одна оказалась разбитой. Вторая была целой. Динамик тихо потрескивал и щёлкал, но Алёхин тут же выключил рацию, чтобы не сажать аккумулятор. Он сунул устройство в карман штанов, затем расстегнул на трупах бронежилеты. Наградой за неприятную работу стал огромный «лопатник» - смартфон, который капитан спрятал в другом кармане. Держась в тени кустов, Александр двинулся в обратный путь.

Майк спал, обнимая пулемёт Алёхина. Наташа тоже спала, положив голову на руки, а предплечья – на пустой ящик, поставленный боком. Девушка неловко сидела, подтянув к груди ноги и тихо посапывала.

Капитан, опираясь спиной о стенку траншеи, сполз вниз, пристраиваясь рядом. Усталость, всё пережитое за день навалилось на него почти мгновенно. Сопротивляясь дремоте, он до боли закусил губу, тараща глаза, пытаясь разглядеть предметы, валяющиеся под ногами, но сон уже перемещал его разум в другую реальность, переключая сознание на картины, не имеющие к Алёхину никакого отношения. Александру снилось море. Пологие волны пенными языками вылизывали белоснежный песок. Маленький краб резво бежал по границе между небом и землёй, пуская пузыри и спотыкаясь о перистые облака. Небо выглядело аквамариновым, а вдали - ярко-синим, в котором Солнце казалось огромной, ярко начищенной золотой монетой. Далеко, далеко белел парус, то ныряя в воду, то взлетая над её поверхностью. Дрожащее знойное марево пронзало серебряное веретено, быстро превращающееся в клинообразный, стремительно увеличивающийся в размерах, корпус лодки. Панорама моря неожиданно отступила на задний план, исчезая за дымным шлейфом. Дым сгущался, клубясь, вытягиваясь в чёрный столб, который тут же опадал в виде красного снега на зелёную траву, а та в свою очередь превращалась в лес тонких рук с растопыренными скрюченными пальцами. Где-то за этим лесом рождался звук, похожий на тарахтение лодочного мотора. Шевелящиеся пальцы травы постепенно меняли форму. Вскоре трава стала похожи на щупальца медуз. Они хватали красный снег, который тут же таял, образуя на тонкой зелёной водянистой коже кровавые мониста. Звук мотора превратился в рёв. Огромные

раковины на белом песке выбрасывали из открытых ртов языки пламени вместе с горошинами чёрного жемчуга. Жемчуг нанизывала стальная игла, за которой тянулась золотая нить, к концу которой толстой ржавой проволокой была прикручена выхлопная труба. Чёрный с прорехами цилиндр плевался коричневой маслянистой жидкостью, в каждой огромной капле которой отражалось мёртвое лицо Петрова.

Алёхин вскрикнул и проснулся. В траншее было светло. Майк по-прежнему спал, а Наташа стояла, прислонившись грудью к дощатой стене окопа и смотрела поверх бруствера.

- Что там? - спросил капитан, быстро поднимаясь.

- Рассвет, однако, - повернулась к нему девушка. - А за посадками слышен рокот движков. Два каких-то чудака на мотоцикле выскочили к мосту, но тут же развернулись и пропали в кустах у дороги.

- Почему не разбудила? - Алёхин взглянул на часы.

Опустившись на колени, он начал шарить по настилу в поисках бинокля.

Через оптику капитан почти сразу заметил стальной, покрытый зелёной краской с вкраплениями песочных пятен, бок бронированной машины. Рядом суетились какие-то тени, то появляясь, то исчезая на фоне листвы. Капитан медленно поворачивал голову влево, не отрывая глаз от бинокля. Скоро он заметил танковую башню с орудием, опущенным вниз. Два солдата чистили ствол, орудуя банником с длинной рукоятью. Взгляд Александра остановился на человеке, стоявшем на броне ещё одной БМП. Тот смотрел на деревню, держа бинокль в одной руке и что-то говорил, поднося ко рту переговорное устройство. Был слышен далёкий, прерывистый звук работы дизельных двигателей. Алёхин опустил свой бинокль чуть ниже, чтобы рассмотреть траншеи по ту сторону моста. Было похоже, что там уже расположилась штурмовая группа. Он увидел несколько касок, лежащих на бруствере, даже разглядел огоньки сигарет, еле заметных в предрассветном тумане, наползавшем от реки на берег.

- Будет штурм, - сказал капитан, повернувшись к Наташе.

- Что, прямо сейчас? - девушка встала рядом с Алёхиным, пытаясь взять у него из рук бинокль.

Но Александр слегка отстранился, вешая оптику себе на шею.

- Не высовывайся. - капитан сел на дно траншеи. - Если у хохлов есть снайпер, то лучше пока сидеть тихо. Думаю, минут

через сорок, а то и через час они начнут.

- Шмальнуть бы по ним из пулемёта для острастки, - предложила девушка, опускаясь рядом.

- Не поможет. Там уже не просто ДРГ, а серьёзные ребята. Видел офицера... Рассматривает наш берег. На башке кевлар. Упакован, будто он - на выставке вооружений. Это не наёмники. Те одеты, кто во что горазд. На свои бабки не разгуляешься. Похоже на ЧВК. Постой...

Алёхин вытащил из кармана рацию.

- Посмотрим, - он стал крутить тумблеры настроек, пытаясь поймать частоту радиосвязи. - Так я и знал. Другой канал. На, послушай, - капитан прислонил рацию к уху Наташи.

- По-английски что-то, - девушка почти сразу отвела в сторону руку капитана.

- Именно, - проворчал Александр, приближая динамик к собственному уху. - Разговор ведут о каких-то улицах Любимовки. Кто-то на русском языке перечисляет названия. Опять на английском... Позывной «Мишель»... Левый фланг... Обсуждает, как накрыть огнём какой-то квадрат. Из танков или пушками Бредли... Теперь, что-то о правом фланге... Две группы. Первая — в лоб. Вторая — выше по реке... Польская речь... Нашли ещё один брод... Вот, чёрт!

- Что? Что?

- Подожди минутку. Мне надо подумать, - сказал Алёхин, уставясь на пулемёт Петрова.

Через минуту капитан взглянул на девушку, потом на спящего Майка.

- Петров накануне чего-то говорил про погреб в церкви. Вроде лестница там. Может, это подземный ход?

- Петров тот ещё фантазёр... Был, - с тоскою в голосе сказала Наташа.

- Против ЧВК нам не устоять, - Алёхин положил ладонь девушке на колено. - Тем более, что они ещё один брод нашли. Переправятся, зайдут в тыл, нам конец.

- Ты, что-то задумал?

- Из этого чёртова села сейчас никуда не деться. Уже рассветает, нас обнаружат с дрона, как только рассеется туман... А, что, если отойти к церкви. Если там есть подземелье,

а оно наверняка есть, пересидим день, а ночью видно будет. В темноте легче уйти.

- А чего же этой ночью мы не ушли?

- Считай, двое суток этих гадов здесь держим, - словно не слыша, продолжал капитан. - Ну, займут они это село... Понтоны перекинут, мост попытаются восстановить. Основные силы дальше пойдут, к ленточке. А здесь оставят не больше полувзвода. Понимаешь, о чём я?

- Догадываюсь. Тебе последних приключений мало, Рембо ты несчастный? Уходить нужно. Своих искать.

- Уйдём, но не сейчас. Посидим в подземелье, а ночью посмотрим, что к чему. Уйти всегда успеем. Собирайся. Я беру автоматы и пулемёт Петрова с лентами. Два цинка с боезапасом унесёшь?

- Разве у меня есть выбор? С Майком что делать?

- Пусть спит. Оставим здесь. Не хочу, чтобы он, когда очухается от шока, нам, сонным следующей ночью глотки перерезал. Собирайся...

Волны тумана, клубясь возле реки, наползали на улицы, скрывая дома и палисадники. Алёхин, шумно дыша, тащил на одном плече пулемёт, на другом пулемётную ленту. За спиной болтались автоматы, больно колотя прикладами по верхней части бёдер. Девушка не отставала от него ни на шаг, держа в двух руках тяжёлые патронные ящики.

- Может, передохнём? - прохрипела Наташа, спотыкаясь об искорёженный велосипед, лежавший посредине тропы.

- На том свете отдохнём, - Алёхин неловко повернулся, едва не уронив пулемёт. - Больше половины пути... Давай поднажмём. Туман редеет.

Ставя точку в словесной перепалке, со стороны реки ударила двадцати двухмиллиметровая пушка БМП Бредли. Звук разрывов за спиной, словно плетью, подстегнул Наташу и она, стиснув зубы, почти бегом устремилась вслед за Алёхиным. Едва стихла стрельба за рекой, где-то справа в деревне стали вновь рваться снаряды.

Капитан, остановившись у разбитых дверей храма, прислушался.

- Осколочно-фугасные… Из танка, - задыхаясь, сказал он, пропуская девушку вперёд. – Судя по звуку… Дом, где Щербаков сидел, обрабатывают.

Бросив поклажу на каменные плиты, разбитые временем, Алёхин с Наташей долго стояли, согнувшись и тяжело дыша.

- Дошли, - капитан рукавом куртки вытер потный лоб.

Снова взвалив оружие на плечи, он потащил пулемёт к остаткам царских врат. - Сюда. Погреб, где-то здесь.

Квадратный люк из старых, почерневших досок был стянут ржавыми железными полосами. Сверху лежали разбитые бочки и дырявые корзины, которые Алёхин отодвинул в сторону. Снаружи на досках ещё держался засов. Капитан, стараясь не касаться птичьего помёта, лежащего толстым слоем на люке, откинул его, открывая взгляду вход в подземелье.

- Нам, что лезть туда? - спросила Наташа, брезгливо морщась от запаха пыли, ударившего в нос. – В эту крысиную нору?

- Поздно пить боржоми, - бросил ей Александр, осторожно кладя оружие рядом с люком. - Я полезу первым, посмотрю, что там. Подашь мне ящики с патронами, потом пулемёт. Ладно?

- Господи! - воскликнула девушка, глядя, как Алёхин, взяв в руки фонарь, исчез в чёрном провале.

Тем временем орудийная стрельба стихла. Слышались только редкие, далёкие автоматные очереди. Наташа обречённо села на патронный ящик, с тревогой глядя через узкие двери храма на быстро тающий туман, в котором уже был виден разрушенный мост. Оттуда доносился нарастающий гул моторов. Судя по звукам, украинцы начали наводить переправу, выводя на противоположный берег тяжёлые тягачи с понтонами. Кто-то, казавшийся с такого расстояния лилипутом, ковылял по тропе возле изрытой снарядами траншеи, размахивая руками и что-то крича. Внезапно человек остановился, словно наткнулся на стену, переломился в поясе, рухнул на землю лицом вниз, и застыл в нелепой позе с неестественно вывернутыми ногами.

- Господи! Да, это же Майк, - прошептала Наташа. – Дурачок, американец недоделанный. Сидел бы себе тихо, так нет...

- Что там? - Алёхин высунул голову из люка. – Некогда село разглядывать. Давай сюда пулемёт.

Через пять минут, придвинув к люку всякий мусор, подкатив ближе пару дырявых бочек, капитан помог девушке спуститься по узкой каменной лестнице в подземелье. Опустив крышку,

он через щель концом щепки задвинул засов, а через дыру, которая проделал нога Петрова, опрокинул на бок одну из бочек, предварительно придвинув к люку разный хлам. Луч фонаря вырвал из темноты подземелья кирпичную кладку, арочные низкие своды, низ каменной лестницы, горку оружия и патронные ящики.

- Зачем в какой-то сельской церкви такое подземелье? - спросила Наташа. - Интересно, здесь мыши есть?

- Говори тише, - предупредил девушку капитан. - Мышей пока не видел, но из этой, не знаю, как назвать... Камера, что ли... Вон из того угла... Начинаются два подземных хода. Зачем так строили? Я где-то читал, что при закладке новых церквей вплоть до середины девятнадцатого века, как правило, копали подземные лазы. Это очень мудро. Тайные подземелья обычно вели в лес, к реке или за околицу, к последним домам за пределами храмов. Жители во все времена искали защиты за стенами церквей или монастырей. Пережидали набеги, мятежи, даже пожары... В случае чего можно быстро покинуть убежище по такому подземному ходу. Не удивлюсь, если мы с тобой найдём здесь колодец...

- Слушай! Есть что-то, чего ты не знаешь? - с покорностью человека, загнанного в угол, спросила Наташа.

- Я не знаю, боишься ты темноты или нет.

- Боюсь. Особенно если в темноте есть мыши.

- Мыши — не самая большая наша проблема, - сказал Алёхин, гася и снова зажигая фонарь. - Ты посиди тут пока... Только тихо. И не бойся ничего. Мне нужно осмотреться. Так, на всякий случай.

- Ладно, - согласно кивнула головой Наташа. - Только надолго не пропадай, а то у меня в этой западне приступ клаустрофобии начнётся.

Александр нежно коснулся ладонью щеки девушки, затем тяжело вздохнув, поднялся.

- Сиди тихо, словно мышь. Я быстро.

Глаза девушки постепенно привыкали к темноте. Через щели люка пробивался слабый свет, и подземелье уже не казалось таким мрачным. Под лестницей и люком оказалось довольно много пространства, где можно было даже ходить, не задевая головой своды. Наташа встала, вытянув руки в стороны. Касаясь пальцами каменной кладки, девушка начала двигаться вдоль правой стены. В той стороне, где исчез Алёхин, оказался

узкий проход. Там царила абсолютная темнота. Ещё один лаз она обнаружила под самой лестницей. Взгляд остановился на каких-то длинных предметах, помещённых в каменных нишах стен. Она заметила там слои паутины, которые выглядели словно занавески, колеблемые слабым током воздуха. Через минуту Наташа догадалась, что в нишах находились гробы, сбитые из хорошо оструганных досок, покрытых каким-то маслянистым лаком. Едва уловимо пахло смолой, ладаном и воском. Дерево, обитое железными пластинами, прекрасно сохранилось в сухом воздухе. Девушке стало страшно, будто это её заживо похоронили в этом подземелье. Она насчитала шесть ниш, и в каждом из них находилось по гробу. Наташу начал бить озноб. Ей показалось, что волосы на голове начали подниматься. Девушка в испуге пригладила локоны ладонями, вернулась к лестнице и села, взяв в руки автомат. В какой-то момент она потеряла счёт времени. Слух будто перенастроили на иную частоту звуковых волн. Она больше не слышала реальности, оставшейся за стенами храма, а сосредоточилась на ощущениях, которые пробуждали темнота, одиночество и страх. Где-то далеко капала вода, раздавались тихие шорохи, какие-то стуки и слабый гул. Чем дольше не было Александра, тем крепче Наташа сжимала оружие, чувствуя, как постепенно тепло её тела забирает себе оружейная сталь. Когда в темноте зазвучали шаги, она увидела свет, пляшущий под сводами подземелья. Вскочив на ноги, Наташа приготовилась к стрельбе.

- Ты, чего? - голос Алёхина заставил девушку очнуться. - Испугалась? Опусти ствол от греха подальше.

- Ох! Слава тебе, Господи, - тихо сказала Наташа, отдавая капитану оружие. - Почему так долго?

- Совсем недолго. Каких-то полчаса, - Александр взглянул на своё запястье, посветив фонариком. - Иди ко мне, - он обнял девушку одной рукой, заставляя её сесть на ящик.

- Нет. Ты скажи... Зачем здесь гробы?

- Где? - обернулся капитан, водя фонариком из стороны в сторону.

- Целых шесть штук. По три в каждой нише. С каких пор устраивают кладбища под храмами.

- Странно. Проходя мимо, даже не заметил. Вообще-то внутри церквей было принято хоронить святых, местных князей и мучеников. Иногда, даже священнослужителей в знак особых заслуг перед общиной. А ещё, аристократы, строившие на своих землях храмы, имели право быть погребёнными под их

сводами. Это же крипта. Подземная часть церкви. Обычное дело, особенно у католиков, - объяснял Алёхин, внимательно изучая при тусклом свете фонаря железные полосы и ещё крепкое дерево.

- Здесь - православный храм! - воскликнула Наташа. – Причём здесь католики?

- Тише, прошу, - капитан поднял голову, прислушиваясь. - Православный, не спорю. Но курские, смоленские земли с незапамятных времён были пограничной окраиной Руси. Здесь всегда было очень сильным влияние Литвы и Польши. А ещё Курск стоял на пути «из варяг в греки». Так, что в нашем случае мы имеем переплетение традиций.

- Господи! И всё-то ты знаешь, - вздохнула Наталья. – Мне не нужен Гугл, мой муж знает всё.

- Муж? Согласен. Банально прозвучит… Но нас повенчала война. Выберемся из этого дерьма, пойдём в Загс. Что скажешь?

- Подумаю, - невольно улыбаясь, сказала Наташа. – Боже мой! Ну и время. Мужика заставить жениться – целая проблема. Лучше скажи, откуда знаешь про крипты в церквях?

- Всё просто. Преимущество классического советского образования, - улыбнулся в ответ капитан. - Тебя, кроме гробов интересует, что я ещё здесь обнаружил?

- Давай уже. Не томи.

- Не знаю, куда ведёт ход под лестницей, но этот, - луч фонаря скользнул вдоль стены, остановившись на чёрном проёме. - Заканчивается норой в овраге у реки гораздо выше по течению. Пришлось ножом немного поработать. Там есть завалы, но думаю, выйти к реке можно. А ещё, где-то посередине прохода есть небольшая пещера, а в ней колодец. Воды я не достал. Нечем. Но мы что-нибудь придумаем.

- Да. Я слышала — капало далеко.

- Там, где колодец, река близко. К тому же вокруг песок, а это — природный фильтр. Пить хочешь?

- Потерплю, пока не придумаешь, чем воду достать. На худой конец можем ночью из реки напиться.

- Тише, - рука Алёхина сжала плечо девушки.

Он выключил фонарь, взял в руки автомат и поднял голову к люку.

Внутри церкви слышались голоса.

- Пан лейтенант! Та, нэма тут никого? Москали сами давно ту церкву разграбили. На перший погляд не було тут службы, мабуть лет сто.

- Похоже на то, Таранец.

Второй голос звучал немного тише. В нём чувствовалось превосходство. Русская речь говорившего была более правильной.

- Ступай к берегу. Доложи командиру роты. Тут можно устроить склад БК. Русня не станет бомбить храм, даже если он заброшен?

- Та я знаю? Навет, не. Розумию, шо страх перед Господом у москалив в крови. Нам та хвилософия - на руку.

- И я так думаю. Поспеши. Дроны орков уже разведку местности ведут. Их у москалей мало, но есть. Не ровен час, застукают… Если путинских ватников дальше до Курска не турнули, то они могут арту дальнобойную подогнать. Нам это надо?

- Тоди, я пиду? - голос Таранца звучал над самым люком. - Стены тут метра два в толщину. Добрый схрон можно зробить. Жаль образив в храми не мае. Даже поживиться нема чим.

- Вместе пойдём, - решил офицер. - Те раз будет дуже богато роботы. Пиндосы с лягушатниками на другой участок уходят, под Суджу, а нам здесь укрепрайон поручили оборудовать. Лопату наточил, Грицько?

- А мать её… Будь она неладна…

Топот и голоса стихли, но Алёхин продолжал сидеть, не включая фонарь.

- Даже не чихай, - прошептал он девушке. - Хохлы могли снаружи кого-нибудь оставить.

Капитан, осторожно поднявшись по лестнице на две ступени, прислонил ухо к щели между досок. До слуха долетели не близкие, новые голоса, шарканье ног, далёкая беспорядочная стрельба.

- Не пойму, в кого они стреляют. - прошептал Алёхин, снова садясь рядом с Наташей. - В селе пусто.

- Мужиками себя чувствуют, - зло ответила девушка. - Если на психотропных сидят, то адреналин зашкаливает. Крутые, сволочи.

Вокруг церкви всё стихло. Капитан хотел включить фонарик, но передумал.

- Батарея скоро сядет, - сказал он, задумчиво почесав давно не бритый подбородок.

Наверху послышался натужный рёв дизельного двигателя, потом скрежет тормозов. Тяжёлые шаги загрохотали по каменному полу церкви. Раздались звуки, будто на камень ставили что-то тяжёлое. Алёхин приник к щели, пытаясь рассмотреть, что делается в церкви. Он увидел башмаки, низ тяжёлых продолговатых ящиков, тусклый блеск зелёной краски.

- Точно склад здесь устраивают. То ли снаряды, то ли мины таскают. Цинки с патронами. Не шуточный укреп хохлы будут в селе строить. Да, Нат... Попали мы, - капитан отпрянул, протирая глаза. - Завалили своим БК наш люк.

- Получается, мы на пороховой бочке сидим? - прошептала девушка.

- Скорее под ней. Если сюда прилетит, храму вместе с нами — крышка.

Всё утро в церкви и вокруг неё слышались голоса солдат, топот, шарканье подошв и гулкий стук о каменный пол перетаскиваемых тяжёлых ящиков. Кто-то невидимый сидел недалеко от люка, рассказывая анекдоты про Путина, кто-то ругался матом, поминая какого-то Гнатюка, пропавшего в лесах с полевой кухней... К полудню суета улеглась. Время от времени слышались шаркающие шаги, заглушаемые разговорами караульных.

- Двое, - прошептал Алёхин, спускаясь по лестнице. - Часовые. Один внутри храма, второй не знаю, где. Наверное снаружи... На, - рука капитана сунула в ладонь Наташе плитку шоколада. – Хорошо, что паёк Майка по карманам рассовал. Ещё галеты есть, чернослив, банка какого-то мяса. Это вся еда.

- У нас же вроде что-то из съестного ещё оставалось. Два или три наших армейских пайка, бутылка воды...

- Две растоптали в горячке боя, а последнюю забыли впопыхах. Так всё в траншее и осталось.

- Ладно, до вечера не умрём, - девушка откусила большой кусок шоколада, остальное вернула капитану. - Ты тоже кусай. Мне одной много.

- Ага... Худеешь, да? Тут шоколада грамм сто. Ешь, говорю. Я галету пожую. Не люблю сладкого.

- Вовсе он не сладкий, - сказала Наташа. – Горчит. А про «не люблю» не сочиняй. Кто в кофе три ложки сахара кладёт? Кто

варенье трескал у деда?

- Зря ты про кофе вспомнила. Прямо запах его чую. Пару чашек горячего выпил бы. Интересно, что там мой старик делает? Мемуары свои строчит, поди. Если бы почитала, ахнула.

- Говорят, что мемуары — это приукрашенная версия прошлого. Деда твоего понимаю. Генералом был... Знаешь? Если не соврать, то красивую историю не рассказать.

- Зря ты это, - прошептал капитан. - Мой дед не из таких. Он историю всей своей жизни может подтвердить документально. У него даже есть копия дневников Раисы Горбачёвой. А стенограмму выступления Ельцина перед американским конгрессом я лично читал. У деда компромата разного на бывших — вагон и маленькая тележка.

- С таким счастьем - на свободе? Впрочем, что было, то прошло, - тихо сказала Наташа. - Чего теперь рассуждать, да теории разные строить, что могло бы случиться, если бы... Скажем, дед твой опубликовал бы те документы в нужное время... Пустая трата времени. История не терпит сослагательного наклонения.

- Поэтому у вас и случился Майдан в четырнадцатом году, - тихо проворчал Алёхин. - История также не терпит дебилов, которые не учатся даже на своих ошибках.

- Не заводись!

- Я не завожусь.

- Нет, заводишься. Перестань обиженно пыхтеть. Наверху услышат.

Наташа замолчала, отодвинувшись от капитана, затем откинула голову назад, опираясь затылком о нижнюю ступень лестницы. Алёхин, покорно вздохнув, прислушался. В храме было тихо.

- Слушай, Нат. Может, вылезти по-тихому. Наверняка у часовых вода есть и что-нибудь из еды. Нож в бок каждому... Может, рискнуть?

- Пока будешь выбираться из этой норы, услышат. Что тогда?

- Ладно. Прости. Это я от безделья... А... Если посмотреть, что в гробах? А, вдруг, там сокровища спрятаны?

- Размечтался. Этой церкви сто лет в обед, если не больше. Тут наверняка в революцию всё разграбили. А после пацаны

местные подземелье излазили. Не один ты такой умный. Господи! Как же я пить хочу. Даже глотать больно...

Алёхин, медленно выпрямившись на одеревеневших ногах, шагнул к ближайшей нише.

- Стой! Тебе делать больше нечего? - прошипела Наташа.

Но капитан, не слушая, уже пробовал поднять крышку ближайшего гроба. К его удивлению, она легко поддалась.

- Гвозди сгнили, - прошептал Александр, оборачиваясь.

Он сдвинул крышку от себя, подсвечивая себе фонариком.

- Пусто, - на выдохе прошептал Алёхин.

- А ты, чего хотел увидеть? Золото и бриллианты?

Капитан, не слушая, выключил фонарь, постоял немного, привыкая к темноте и перебрался ко второй нише. Снова скрипнула крышка, снова блеснул свет фонаря, снова раздался вздох разочарования.

- Нет, ты скажи, - девушка уже стояла рядом с Алёхиным. - На хрена тебе это нужно?

- Что, это? - прошептал капитан, двигая крышку на место.

- Разве не святотатство обшаривать гробницы? Господь не простит. Проклянёт во веки вечные

- Не говори глупостей. Тут без нас всё давно обшарили, - ответил капитан. - Думаю, проклятие уже настигло кого надо.

- Тогда, что ты хочешь найти?

- Не знаю, - капитан направил луч фонаря в третий гроб, затем перешёл на другую сторону крипты. - Любопытство — моя слабость.

К собственному удивлению и к ужасу Наташи, в шестом по счёту гробу лежала кучка костей и человеческий череп. Прежде, чем девушка сумела справиться со спазмом в горле и закричать, Алёхина ладонью зажал ей рот.

- Тихо, тихо. Успокойся. Всё хорошо. Подумаешь, скелет... Ты — в порядке? - спросил капитан, отводя руку.

Наташа кивнула, со страхом глядя на сдвинутую крышку гроба.

- Успокоилась? Хорошо, - шептал Алёхин, усаживая девушку рядом с лестницей.

Через минуту он сел рядом, держа на коленях и внимательно рассматривая при свете фонаря хорошо сохранившийся череп.

- Бедный Ёрик, - тихо сказал капитан.

- Господи, какой же ты циник. Ничего святого...

- Сердце моё... Это не я. Это Шекспир. Посмотри. Мужику, кем бы он не был в прошлой жизни, проломили голову чем-то тяжёлым. Видишь дыру?

- Даже не хочу смотреть.

- Напрасно. Это след от удара топором... Может, кистенём приложили. Знаешь, что такое кистень?

- Не знаю, даже знать не хочу.

- Кистень — оружие наших с тобой предков. Железная или каменная гиря... Ещё - небольшое ядро, подвешенное к деревянной рукояти ремнём, верёвкой или цепью. Дёшево и сердито. Иногда к железному сердечнику прилаживали шипы... Такое оружие пользовалось популярностью у разбойников, ямщиков, у монахов даже.

- Монахам оно зачем?

- Для самообороны. Думаешь, странствующих монахов не грабили? Ещё как грабили.

- Положи череп на место, - сердито прошептала девушка.

- Конечно... Знаешь, в старину, особенно у крымских ханов... Эти ребята любили пить вино из черепов своих врагов.

- Ты это сейчас к чему? - спросила Наташа, облизывая сухие губы.

- Посиди здесь. Я скоро вернусь, - капитан, подхватив череп, скрылся в проходе, ведущем к реке.

Девушка опустилась на землю, слушая удаляющиеся шаги Алёхина. В крипте стало тихо, зато минут через пять наверху раздались топот ног и голоса. Кто-то, кого Наташа не могла видеть, медленно двигался от дверей церкви к Царским вратам. Стук каблуков, перебранка двух человек звучали всё громче. Говорили на польском языке. Девушка, наученная горьким опытом общения с польскими наёмниками, поднялась и отступила к стене, пытаясь понять суть разговора. Через минуту она догадалась, что прямо над люком остановились два офицера, разыскивающие какие-то ящики. Луч мощного фонаря проник внутрь крипты через щели люка. Наташа сделал шаг назад, коснувшись спиной ниши, в которой стоял один из гробов.

Офицеры продолжали разговаривать, перейдя на ломаный русский, очевидно пытаясь разобрать надписи на ящиках.

- Ну и церква, - буркнул один из наёмников. - Давно не видел такого в храме. Зловещее местечко... Это же надо было придумать устроить здесь склад... Слухай, Яцек. Треба до штабу вернуться. Где шукать те проклятые Джевелины, не ведаю. Ниякого порядка тут нема.

- Вроде должны быть где-то здесь, - неуверенно обронил второй офицер. - Може, у алтаря те ящики сложили? Бандеры даже списка не сделали.

- Казали, у царских врат Джевелины. Но ходимы дале до алтаря. Там пошукаем. Не знайдэм, повернемся на це место. Давай по тому проходу. Ты — налево, я — направо.

Шаги стали удаляться. Наташа, подчиняясь внезапному импульсу, стараясь не шуметь, начала открывать пустые гробы, складывая туда оружие. Последними прежде, чем голоса вновь стали звучать над люком, она спрятала пулемёт и цинки с патронами.

Луч фонаря снова проник в подземелье, скользнув по лицу девушки.

- Шо мы тут маемо? - голос наёмника звучал почти над головой Наташи. - Забачь, Яцек. Люк... И, цо там под ним?

- Русские называют это погребом.

- Погреб в храме? Странно. А ну-ка, помоги.

Девушка на инстинктах быстро наступила коленом на край ниши, затем бесшумно легла в пустой гроб. Крышка, подчиняясь усилиям рук, с тихим скрипом отрезала её от мира. Затрещали ступени лестницы, затем послышался голос Яцека. Наташе показалось, что наёмник остановился совсем рядом с ней. Свет фонаря, проникший через щель под крышкой гроба ослепил девушку.

- Матка Бозка. Да тут цментаж, малое сховище для вмерлых. Штук шесть старых домовин.

- Яцек! Може, в тех домовинах — злато? Забачь, цо там.

- Ага. То злато едного тебя чекае... Ходзь, сам забачь. А я не буду тревожить вмерлых. То грех. Во, видишь, цо в першей домовине. Кости старые, лохмотья, смрад и пауки.

- В таких местах дьявол любит ховаться, - засмеялся первый наёмник. - Хочешь, позову его? Эй, сатана!

- Ходзь сам до чёрта, - выругался Яцек, торопливо поднимаясь по лестнице. – Тут, кроме крыс, нема никого.

Крышка люка с грохотом опустилась, сверху посыпалась пыль, раздался топот удаляющихся шагов. В крипте снова стало тихо.

Наташа пришла в себя не сразу. Она ещё долго лежала в гробу, тяжело дыша, прежде чем вылезти наружу. Сняв с лица и рук паутину, дрожа всем телом, девушка села на нижнюю ступень лестницы.

«Рассказать Алёхину? - размышляла она, с трудом поднявшись на негнущихся ногах, и начиная доставать из гробов оружие, складывая его у дальнего прохода, по которому ушёл капитан. - Нет. Не скажу. Начнёт бегать вокруг меня, словно курица, ахать, да охать. Его хлебом не корми, только позволь опекать кого-то... А потом будет подшучивать... Рембо и Ромео в одном лице, - Наташа злилась на себя, что не придумала ничего лучшего, что спряталась в гробу вместо того, чтобы скрыться в подземном проходе. - Нужно было пристрелить этих гадов из пистолета. Никто бы наверху не услышал... Хотя — это тоже так себе идея».

Александр вернулся минут через сорок. В руке капитан бережно, словно хрупкую стеклянную чашу, держал череп.

- Воду, кто заказывал? - тихо спросил Алёхин. - Ах, это были вы, сеньорита. Простите, что не заметил вас.

Даже в сумраке крипты были видны огромные удивлённые глаза Наташи.

- Это, что?

- Вода. Не слышишь, булькает? - прошептал Александр, покачивая в руке череп.

- Ты точно сумасшедший. Как тебе такое в голову пришло?

- Не знаю. Пришло и всё. Так, ты будешь пить или нет?

- Господи! В какой-то грязный череп набрать воды, это только ты мог придумать.

- И ничего он не грязный. Нормальный череп. Я его раз пять песком драил и раз десять изнутри водой полоскал.

- Ты к реке ходил?

- Зачем? Там, на берегу наверняка сейчас хохлов полно. Переправу налаживают, мост наверняка восстанавливают. Из колодца вода. Я же говорил тебе, что колодец нашёл. Не сомневайся, вода чистая. Ты будешь пить?

- Буду, - решилась девушка, облизнув сухую корку, покрывающую губы.

Наташа с гримасой отвращения на лице взяла из рук капитан череп. Ладони сразу намокли. Влага просачивалась наружу через крошечные анатомические проходы в костяной оболочке, но вода пахла свежестью. Она была так холодна, что заныли зубы.

- Ты пей, пей. Я ещё принесу.

- Погоди. Боже мой! Сейчас вырвет.

- Кто у тебя вырвет, здесь все свои, - пошутил Алёхин. – Психосоматика это... Психологический барьер. Пей, пока вода холодная. Нагреется, не то удовольствие. Закрой глаза, представь, что держишь кувшин или большую чашку с вином. Да, что с тобой такое? У тебя руки дрожат.

- Сам пил уже?

- Если пересчитать на литры, целый бидон.

- Подожди. А как ты без верёвки воду набрал?

- Об этом я сразу не подумал, но, на наше счастье, колодец изнутри выложен брёвнами. Дерево на удивление крепкое. К нему, с одной стороны, приделаны железные скобы. По ним спускался.

- Крепкое, говоришь? Везёт дуракам, - проворчала Наташа, оторвав губы от дыры в черепе.

- На, закуси шоколадом, - рука Алёхина нашла в темноте ладонь Наташи.

Они замолчали, жуя шоколад. Утолив жажду и немного поев, девушка, прижавшись к плечу Александра, закрыла глаза. Через пару минут она уснула. Алёхин не шевелился. Он сидел, прислушиваясь к звукам наверху, и думал, что делать дальше. Через какое-то время сон сморил и его.

Наташа проснулась первой от тихого храпа Александра. Она испуганно вздрогнула и зажала Алёхину рот. Капитан судорожно вздохнул, открыл глаза, потом схватился за автомат.

- Чёрт! Предупреждать надо, - сказал он, медленно вставая. - Что?

- Ты храпел.

- Ты же знаешь, что делать в таком случае.

- Потрогать тебя за ухо?

- Верно. Который час? - Алёхин взглянул на светящийся циферблат своего хронометра. - Ничего себе... Семь вечера. Вот это называется поспали.

Обнявшись, они долго сидели, думая каждый о своём.

- Интересно, - нарушил молчание Александр.

- Что? – Наташа, повернула голову, взглянула на Алёхина снизу вверх.

- Знаешь, мне раньше, в детстве казалось, что дни тянутся очень и очень долго, время идёт слишком медленно, но чем старше я становился, тем больше осознавал, что жизнь, по сути, слишком коротка, а времени у каждого из нас в принципе не так уж много. Вот, к примеру, сегодня день пролетел почти мгновенно, будто и не было его. Два года назад я не понимал деда, который говорил, что между утренней чашкой кофе и вечерним стаканом чая — всего одно мгновение, наполненное житейской, осмысленной суетой и печальным сожалением о прошлых ошибках.

- Твой дед — ещё тот философ, - прошептала Наташа. - Но, почему осмысленной суетой, а не бессмысленной?

- Я ему задал тот же вопрос.

- И, что он ответил?

- Дед сказал, что каждое наше действие, каким бы бессмысленным не казалось, преследует определённую цель. В его случае, учитывая возраст, опять же со слов генерала, осмысленность суеты заключается в том, чтобы не думать о финале жизни, приближающемся с каждой секундой. Я тогда отшутился. Что, дескать, не нужно обращать внимание на то, что неизбежно. Лучше подумай, говорю, сколько придурков ты пережил, начиная от Горбачёва и заканчивая Ельциным. А, он мне - «В этом всё и дело». Потом добавил: «Это самая большая ошибка в моей жизни. Нужно было сделать так, чтобы они, как можно раньше покинули этот мир». Понимаешь, что он хотел сказать?

- Догадываюсь. Сталин ни минуты бы не сомневался, что нужно делать в таких случаях.

- В этом весь фокус. Троцкий не дал бы соврать... Постой-ка!

Капитан поднял голову.

- Что-то тихо наверху, - прошептал Александр, делая два шага по направлению к лестнице.

Стоящий на земле череп, задетый носком ботинка, отлетел в сторону, ударившись о каменную кладку стены. Треск раскрошившейся кости в тишине был подобен громкому звуку раздавленного каблуком коробка спичек.

- Осторожно, медведь, - испуганно прошептала Наташа, но Алёхин уже поднимался по ступеням.

- Ни хрена не слышно, - наклонившись, сказал он на ухо девушке, которая уже стояла внизу, держась за талию капитана. - Ни голосов, ни шагов, ровным счётом ничего. Неужели даже часовых не поставили? У нас же здесь склад БК или что? Может, вылезти, посмотреть?

- Давай, - девушка кивнула, отпуская Александра. - Я просто задыхаюсь от этой темноты.

- Нервы, - обронил капитан. - Тихо... Попробую поднять люк.

Упираясь плечами в дерево люка, прижав подбородок к груди, Алёхин стал осторожно, по сантиметру приподниматься. Петли тихо заскрипели, люк начал поддаваться усилиям. Вниз посыпалась труха, щепки и прочий мусор. Александр, придерживая полуоткрытый люк руками, просунул голову в образовавшуюся щель и осмотрелся. Слабый свет, падающий сверху через дыры в купольной кровле, через узкие окна в стенах позволил рассмотреть часть храма, заставленного ящиками. Капитан почти бесшумно полностью открыл люк, положив его на груду тряпья, затем осторожно вылез наружу. В церкви никого не было. Наспех отремонтированные двери, белея в полумраке новыми досками, оказались закрыты. Алёхин, аккуратно ступая, пошёл к выходу. Через щели в досках он стал исследовать полуразрушенную паперть, тропу, переходящую в часть улицы, спускающейся к реке. На берегу что-то происходило. Оттуда доносился рокот двигателей. Где-то далеко слышались раскаты грома, но через пару мгновений капитан догадался, что это была артиллерийская канонада.

Чей-то близкий силуэт закрыл вечернюю панораму села.

- Стой! Кто там сунэ? - В приглушённом голосе слышалась превосходство вооружённого человека. - Стой! Стрелять почну!

- Я те раз тоби стрельну, Сорока. Я тоби стрельну по тупой тыкве. В зброю ще не награлся, малохольный. Смена караула идэ, придурок. Сержант Глушко сунэ.

- Та хиба в вечору можно забачить, кто там идэ, - понизил голос часовой. - У менэ очи не рэнтген. Отповядать треба, кто идэ. И не Сорока я, а солдат второго класса Сорочиньский.

- Заткнись Сорока, пока я добрый, - отозвался сержант, подходя к дверям храма в сопровождении ещё одного солдата. - Смирно! Смена караула, мать твою.

Стоявший за спиной сержанта вооружённый человек, сделал шаг в сторону, снял автомат, болтавшийся на ремне за спиной, и положил оружие себе на левое плечо.

- Сорока! Не слышу?

- Пост сдал... Ты, шо Глушко, як скаженный? - спросил Сорочиньский, уступая место у дверей новому караульному.

- Дуже устал. Шо не хвылына, то Глушко! Беги туда, Глушко, поспешай сюда. Вспотел аж. Наши на постой по домам расселяются, а я бегай, будто у меня тех матрасов жопой ешь. Комендантский взвод — слуга всех господ, - срифмовал сержант. - Где я всем кровати возьму, если две роты на постой сюда завели. Ничего, и на полу поспят паны... Пишлы видселя, Сорока. Я и нам с тобой хату присмотрел.

Но Алёхину уже было не интересно наблюдать за уходящими. Он внимательно рассматривал нового часового. Судя по внешнему виду солдата, парня мобилизовали совсем недавно. Камуфляж мешком сидел на нескладной фигуре. Автомат он держал, словно лопату. Подсумки болтались где-то сзади. На бойце не было бронежилета. Караульный потоптался минут пять, закурил сигарету, пряча огонь в рукаве, потом сел на нижнюю ступень паперти, положив оружие слева от себя.

Александр посмотрел в сторону реки, потом на небо, где ещё виднелась полоска вечерней зари, и вернулся к подземелью.

- Наташа! - шёпотом позвал Александр.

В проёме люка показалось лицо.

- Пошарь под лестницей. Я где-то там бинокль спрятал.

- Что в селе делается?

- Потом, потом. Давай бинокль. Только тихо.

Алёхин принял из рук девушки бинокль и вернулся к дверям. С вершины холма, на котором стояла церковь через мощную оптику стал хорошо виден свежий настил моста. Там ещё суетились какие-то люди. Левее чёрной тенью на реке выделялась понтонная переправа, рядом было заметно

скопление крытых машин. На маленькой площади, где, судя по всему, когда-то находился сельсовет, виднелись тёмные коробки лёгкой бронированной техники. Также Алёхин заметил танки, спрятанные в палисадниках под деревьями, а в одном из дворов - накрытые маскировочными сетями автомобили с россыпью антенн, установленных на крышах.

«Штабные», - определил капитан, опуская бинокль и переводя взгляд на часового.

Тот сидел неподвижно, опустив голову на грудь. Продолжающаяся суета в деревне рождала множество звуков, служивших фоном для скрипичного концерта цикад.

Алёхин вернулся к люку, помог девушке подняться. Он усадил её на ящик, снятый с верха пирамиды таких же прочих.

- Побудь здесь, пока я посмотрю, чего они сюда натащили. Подыши свежим воздухом. Хорошо?

Наташа кивнула, с опаской посмотрев на дверь.

Капитан, стараясь ступать бесшумно, пошёл по проходам, осторожно открывая крышки ящиков. Девушка следила за ним взглядом, время от времени поворачивая голову к двери. Минут через десять Алёхин вернулся, а затем застыл, стоя возле Наташи и размышляя о чём-то.

- Что в ящиках? - спросила девушка.

- Ничего особенного. Бе Ка для миномётов разных калибров, цинки с патронами для пулемётов, выстрелы к ПЗРК, противопехотные и противотанковые мины, дроны.

- Дроны? Может запустим один через дыру в кровле. Напишем нашим письмо. Предупредим, что мы здесь.

- Не запустим, - сказал Алёхин. - Нужна панель управления. А их тут нет.

- Тогда, о чём тут ещё думать? Нам пора уходить отсюда?

- Ещё успеем, - взгляд Александра зацепился за ящик, на котором сидела Наташа. - Встань на минуту.

Девушка, не понимая в чём дело, поднялась.

Алёхин, придерживая тугие запоры, аккуратно откинул защёлки.

- Вот, хохлы, - шёпотом удивился капитан, - Я уже думал, что у них проблемы со взрывчаткой. Вот она где... Так, так. Что здесь

у нас? Semtex-H? Ну, надо же. Пластит. Ей богу, пластит. И взрыватели к ним. Дистанционные. Подрыв с пульта. Отлично.

Александр сбросил с плеч куртку. Сделав из неё подобие мешка, он начал укладывать в него двухсотграммовые прямоугольные кирпичики взрывчатки.

Наташа, наклонившись над ящиком, вытащила пульт чёрного цвета, похожий на устройство дистанционного управления светом.

- Осторожно! - спохватился Александр, аккуратно вынимая пульт из девичьей ладони. Если там вставлены батарейки, то одно нажатие вот этой красной кнопки... Понимаешь, что тогда будет? - спросил он, открывая маленькую крышку отсека питания.

- Родимые мои, - нежно прошептал капитан, вынимая элементы питания, закрывая отсек и пряча два пульта в карман штанов.

Затем, взяв из ящика горсть цилиндрических детонаторов, Александр сунул взрыватели в мешок поверх пластита.

- Мост будем добивать или понтоны на воздух поднимем? - обречённо спросила Наташа.

Переправы рвать — опасное дело. Там полно глаз и ушей. К тому же, восстановить — раз плюнуть... Взорвём здесь в церкви всё к чёртовой матери. Без Бе Ка много не навоюешь.

- Я всегда знала, что ты безумец, но, чтобы храм взорвать... Ты, что, хохол отмороженный?

Алёхин, стоя на коленях перед ящиком, застыл, будто его ударили по голове.

- Да, действительно... Что это я? Прости. Но другой идеи у меня нет... Впрочем, - он опять стал перекладывать Семтекс и детонаторы. - Пластита много не бывает. Поможешь мне?

- Пошёл к чёрту!

- Значит, не поможешь, - капитан поднялся, взвешивая на руке мешок. - Придётся попотеть! Кстати, не поминай чёрта в храме.

Александр почти бесшумно полез в люк, Уже, стоя на первой ступени лестницы с грузом пластита в руках, он обернулся.

- Пошли уже. Время не ждёт. Автомат с собой возьми.

Наташа, пожала плечами, последовала за Алёхиным, прихватив оружие.

- Стой! А пулемёт с патронами?

Александр обернулся.

- Бог с ним. Слишком тяжело тащить. Будет нужен, вернусь.

Быстро пройти подземелье не получилось. В некоторых местах ход оказался завален камнями, деревянной обшивкой свода и кусками глины. Алёхин, расчищая голыми руками завалы, чертыхался, проклинал тяжёлую технику, заведённую ВСУ в Любимовку. Батарейки фонаря сели в тот момент, когда они достигли небольшой пещеры, где находился колодец. Через отверстие, обложенное булыжниками, тянуло холодом и еле уловимым запахом тины.

- Сейчас череп бы пригодился, - сказал капитан, облизывая сухие губы. -

- Который час? - спросила Наташа.

- Три сорок. Часа два, два с четвертью до рассвета, - Александр вытащил и-за пазухи рацию, пощёлкал тумблерами, сокрушённо качая головой. - Аккумуляторы тоже сели. Не было печали. Ладно... Хватит прохлаждаться. Давай двигаться дальше... Из реки напьёмся.

Они добрались до норы, заросшей кустами, в четыре часа утра. Обрыв с множеством ласточкиных гнёзд находился значительно дальше понтонной переправы. Алёхин высунул голову из лаза, чтобы осмотреться. Потом вытащил мешок, аккуратно положил рядом автомат, вылез из подземелья. Капитан сел, прислонившись спиной к стволу ивы. Наташа, выбираясь наружу, зацепилась жилетом разгрузки за сухую ветку куста. Дерево треснуло с громким звуком.

- Тише, - прошипел Алёхин, глядя в сторону понтонов, где виднелся силуэты часовых.

- Извини, - девушка пристроилась рядом с капитаном. - Что дальше?

- Отползём за поворот реки. Для начала напьёмся. Вопрос... Когда окажемся в селе, пойдём открыто или огородами?

- Зачем нам село?

- Надо...Потом объясню.

- Ладно... Ты у нас командуешь парадом, ты и решай.

Александр критически, насколько позволял лунный свет, осмотрел сначала себя, а затем одежду девушки.

Глиной мы, конечно, испачкались знатно, но в темноте, если с двух метров или более, хрен поймёшь, кто идёт. Будем

действовать по обстановке. Где-то двигаемся в наглую, где-то ползком по садам. Готова?

Наташа кивнула.

- Тогда на четвереньках — вон туда, - капитан показал направление вверх по течению реки, где за поворотом виднелись заросли ивы, опустивших свои зелёные «косы» в речной поток. Через пару минут, утолив жажду и умывшись, они уже шли по одной из улиц Любимовки, держась в тени заборов. Наташа с тревогой посматривала на открытые настежь окна некоторых домов. Из одной избы доносился заливистый, на разных звуковых частотах храп. В другой мерцал слабый свет керосиновой лампы. Изнутри доносились пьяные голоса, перекрываемые азартными возгласами.

- Вот, черти, - прошептал Алёхин на ухо Наташе. - В карты дуются. Тут давай пригнёмся от греха подальше. Вдруг выйдет кто сменить воду в аквариуме.

- Чего, чего? - На лице девушки появилось недоумение.

- Пописать, вот чего, - пояснил капитан, заставляя Наташу пригнуться. - Смотри-ка. Вообще страх потеряли. Ни светомаскировки, ни часовых возле техники. Странно, что от наших им ещё не прилетало. Пяток дронов бы сюда. Впрочем, наверняка РЭБом хохлы накрыли весь район.

- Наши не бьют по гражданским, - сказала Наташа.

- Где ты их видела?

- Не важно. Дело принципа...

Через два дома им навстречу попался солдат, который, шатаясь, пыхтя от натуги, тащил на спине холодильник. Он почти лицом к лицу столкнулся с Алёхиным.

- Тю! - воскликнул солдат. - А вы тут, шо в ночи робите?

С усилием присев, он поставил холодильник на землю, поправляя автомат, болтавшийся за спиной. Наташа загородила собой капитана, который, аккуратно постави свой мешок на землю, вытащил из чехла на поясе нож, спрятав лезвие в рукаве.

- А ты, шо? - певуче спросила Наташа. - Дывлюсь и гадаю. Колы пузо твое репне от такой ваги. Шо, в хате на Батькивщине у тэбе холодильника немае?

- А то, не твое дило! - неуверенно пробасил солдат. - Завидно стало, чи шо?

- Слухай, хлопче. А в том мисти, де ты такий добрый кошт взяв, водонагривачи, алэ микрохвильови печи нэ бачив?

- Ни, - солдат обнял холодильник, словно, кто-то мог лишить его такого сокровища. - А вы, шо с мешком?

- То дуже секретна информацья, - белозубая улыбка девушки на загорелом лице стала ещё шире.

- Секретна? - солдат слегка подпрыгнул, подбрасывая выше автомат. – И, шо там у вас в том мешке?

- Золото и бриллианты!

- Да, ну вас к лешему, - солдат заново присел, намереваясь взвалить холодильник себе на плечи. - Нема часу с вами балакать.

- Не хвилюйся хлопче. Мы из медичного взвода. Наш лейтенант наказал баню вам всем зробить. Приходь днём о двенадцатой године к остатней хате у реки. У нас и мыло в мешке сховано.

- Але буду меть часу, то завже, - проворчал солдат, пытаясь поднять свой драгоценный груз. - Подсобить трохи, панове, - с надеждой на помощь он посмотрел на Александра.

Алёхин подскочил, приподнял край холодильник, помогая парню.

- Чёрт. Пронесло, - капитан вытер пот со лба, провожая взглядом скрывающегося в сумраке солдата. - Плохо, что на нас знаков различия нет... Хотя, тому мародёру не до шевронов, да и во хмелю он... Чтобы я без тебя делал? - Александр с уважением посмотрел на довольное, улыбающееся лицо Наташи. - Ладно, двигаемся дальше, но гляди в оба.

Повернув в проулок, они оказались у домов, где стояла бронетехника. Капитан, оставив Наташу в зарослях сирени, уже теряющей листву, подхватив мешок, скрылся между рядами бронированных машин. Через двадцать минут он вернулся, тяжело дыша, но с глазами полными торжествующего веселья.

- Ну, хохлы! Словно дети малые. Все люки открыты. Проветривают технику на ночном ветерке. Внутри - боезапас. Ни часовых, ни собак, ни пулемётов на вышках, - пошутил он и тут же не удержался от похвальбы:

- По килограмму пластита заложил в шесть Леопардов прямо в тех местах, где у танков БК. По двести грамм досталось десятку БМП. Та же самая картина. Люки — настежь. Полный

боезапас, внутри никого... Гляди. Бронежилет прихватил... Однако, светает. Надо уходить.

- А, когда взрывать будем? - с воодушевлением спросила девушка, едва поспевая за капитаном, который быстро шёл к околице села, где за лугами виднелся густой лес.

- Терпение, друг мой, терпение! - воскликнул Александр, таща Наташу за собой по тропе среди густой высокой травы к опушке. Задыхаясь от быстрого бега, они упали на поляне среди молодых посадок елей. Посмотрев на Луну, частично закрытую облаками, капитан нащупал в кармане пульт, вытащил его и сунул в руки девушке.

- Метров двести до села, - сказал он, стаскивая с груди бинокль. – Батарейки я уже вставил. Давай, жми, а я посмотрю.

Наташа, перевернувшись на живот, поднялась на колени, держа в руке пульт. Через минуту над тем местом, где виднелись черепичные крыши домов и силуэты высоких пирамидальных тополей, взметнулись огромные языки пламени, расходящиеся огненным веером, а ещё через мгновение уши заложило от грохота взрывов. Почти сразу началась вторичная детонация БК. Алёхин не отрывал глаз от бинокля, с любопытством наблюдая, как среди пламени мелькали взлетающие к небу куски стали, комья земли, обломки стен, раздробленные доски, листы черепицы и скрученные в спирали части антенн станций РЭБ.

Через полчаса, прокладывая себе путь через заросли дикой малины, они всё дальше уходили в лес.

Поляна, где капитан решил устроить лагерь, окружали старые деревья, среди которых попадались дубы, каштаны и липы с раскидистыми кронами. Восходящее солнце заметно пригревало землю, отыскивая бреши в густой листве.

- Боже мой! Как я устала, - со стоном пожаловалась Наташа, падая в траву. - Ноги гудят. Слышишь?

- Слышу, - сказал Алёхин, садясь рядом. - Хором гудят. Мои с твоими. Хорошо, что сентябрь тёплый без дождей.

- Да, хорошо. Но хотелось бы прохлады. Я бы сейчас искупалась в реке.

- Подожди. Обживёмся здесь, найдём ручей или выйдем к Снагости в укромном месте, тогда искупаемся.

- Обживёмся? - удивилась Наташа. – Понимаю. О селе можно забыть, но разве мы не пойдём дальше к нашим?

- А, смысл? – капитан, сбросив на землю бронежилет, прислонил к дереву автомат. - Наши скоро погонят хохлов обратно к границе.

- И, как ты себе представляешь это «обживёмся»?

- Всё просто. Смотри. У хлопцев в Любимовке — два варианта оценки ситуации. Либо думать, что ночью атакованы дронами, либо... Потерю такого количества бронетехники объявят результатом диверсии. Многие дома повреждены. Укрываться почти негде, кроме траншей и капониров. Отсюда, вариант первый. Будут закапываться в землю. Усилят посты раннего предупреждения о воздушных атаках, пока не притащат новые станции РЭБ. Дозоры выставят не в самом селе, а километрах в трёх. Но к лесу не пойдут. Чтобы устроить там укрепы, нужна специальная техника. А это вопрос времени. Вариант второй. Предположим, они думают, что была диверсия. Значит начнут прочёсывать молодые лесопосадки. Опять же в чащу не сунутся по причине страха. Они же понимают, что любая ДРГ противника — это профи. Парней с такой подготовкой на понт не возьмёшь...

- Постой! - Наташа приподнялась на локтях. - А, если обнаружат пропажу взрывчатки?

- Подумают, что кто-то из местных. Типа — подпольщики, что недалеко от истины. Или мародёры. В таком случае начнут по ближайшим сёлам шарить. Это займёт день, может два. А затем или шах помрёт, или ишак сдохнет...

- По-человечески можешь объяснить?

- Конечно. Учитывая природную лень и полный пофигизм хлопцев... Не найдя подпольщиков, плюнут, забив на весь этот шухер. А потом, им что, делать больше нечего? Любимовка — важный логистический центр всей группировки, нацеленной на Курскую АЭС. Не верю, что наши не подогнали резервы, не начали крошить хлопцев с воздуха или артой. Вопрос времени, когда начнут их утюжить здесь. Но хохлы из-за своей упёртости будут цепляться за переправы, за опорники, которые уже начали обустраивать. Готов голову дать на отсечение, что сегодня подгонят сапёров. Постараются, как следует окопаться, учитывая рельеф местности и правила маскировки. Жаль, что у наших тут мало дронов. Думаю, лишние глаза с ушами не помешают.

- Ты о наших с тобой глазах?

- Конечно, - легко согласился капитан. – Построим в лесу шалаш, замаскируем его, поживём здесь недельку, а там наши вернутся.

- А, жрать что будем?

- Фу, как грубо, - Алёхин сделал лицо обиженным. - Придумаем что-нибудь. В лесу ягод полно, грибов. Силки поставим... Ты отдыхай пока, я сейчас.

Александр с показной лёгкостью поднялся и пропал в лесу. Наташа, устало закрыв глаза, снова легла, всей грудью вдыхая ароматы осеннего леса. Пахло сухими цветами, сеном и немного прелыми листьями. Она не заметила, когда заснула.

Её разбудили шорохи, сопровождаемые приглушёнными стуками. Тяжёлый, широкий ножа капитана кромсал толстые ветви каштанов, превращая их в жерди, отсекая более тонкие отростки с листьями. Над девушкой уже возвышался каркас довольно просторного шалаша. Наташа из-под приоткрытых век следила за голым по пояс Алёхиным, за игрой мускулов, перекатывающихся под кожей, за сильными руками и крутой бронзой плеч. Потянувшись, она полностью открыла глаза, затем медленно поднялась. Зайдя сзади, бесшумно ступая по траве, Наташа нежно обняла капитана, прижавшись грудью к широкой спине мужчины.

- Боже мой! - Алёхин, спустя минуту, осторожно вывернулся из объятий. - Испугала. Думал, всё, финиш. Или ведьма, или русалка. Не приведи Господь, если поцелует.

- Ага, - Наташа прильнула губами к приоткрытым губам Александра. - Вот, вот, всё тебе, - сказала она, переводя дыхание. - Но открою тебе страшную тайну. Русалки не водятся в лесу. У них же ласты растут вместо ног. Они ходить не могут. Только плавать. Я ведьма. Та самая Панночка из Вия. Читал Гоголя?

- Знаешь... Тебе кто-нибудь говорил? Ты похожа на Марину Влади из фильма «Колдунья», - прошептал капитан, нежно проводя ладонью по щеке девушки. - Впрочем, нет... На Тилан Блондо...

- Знаю, знаю. Самая красивая девочка по версии журнала Vogue, ставшая фотомоделью. Она из Франции, да? Сколько ей сейчас? Лет двадцать...

- Может быть. Хотя, красота понятие относительное. Но ты... Ты - само совершенство.

- Нашёл совершенство. Немытое почти неделю, лохматое, в камуфляже. Нет... Ведьма, значит ведьма.

Наташа, дурачась, схватив в руку тонкую ветку, только что срезанную капитаном, прыгнула на спину Алёхина.

- Пошёл! Быстрее! Быстрее.

Капитан рванулся вперёд, но споткнувшись о жердь, упал на колени. Смеясь и целуясь, они вместе покатились по траве.

- Ну, хватит, довольно, - Наталья неожиданно для Александра оттолкнула его.

Алёхин перевернулся, тяжело дыша и нависая над девушкой.

- Что с тобой?

Наташа долго молчала, глядя широко открытыми глазами на кроны деревьев.

- Так... Накатило.

- Давай, говори, - капитан наклонился ещё ниже, пытаясь поймать взгляд Наташи.

- Сестру вспомнила. Прости... Лежит где-нибудь... На поляне под землёй. Ты место помнишь?

- Найду, если нужно, - хрипло ответил Алёхин.

- Нужно найти... Потом... Господи! Ну, почему всё потом, потом, а не сейчас? Ладно... Вставай, хлопче, - слабая улыбка тронула губы девушки. - Нас ждут великие дела...

После полудня шалаш был готов. Капитан сложил туда немногочисленные вещи, затем, поддавшись на уговоры Наташи, поспал часа два, но проснулся сам.

- Голод не тётка, - ворчал он, засовывая в задний карман нож и проверяя автомат. - Рано меня не жди. Посмотрю, что в селе делается. Насчёт еды что-нибудь соображу.

- Осторожнее там, - тихо сказала Наташа. - Ты мне живым нужен.

- Учёного учить – только портить, - ответил Алёхин.

Он ещё раз поцеловал девушку, подхватил с земли бинокль, повесил на плечо автомат, выпрямился и пошёл через кусты по своим старым, еле заметным следам. Наташа побродила по лесу недалеко от поляны, нашла два десятка грибов — лисичек, попав ногой в промоину. Пришлось снять обувь, чтобы отжать мокрый носок. Сидя на пне, она надела ботинок

на сучок, повесила на ветку носок. Затем, обняв себя за плечи, стала перебирать в памяти события последних дней. Она удивлялась Алёхину, навыки которого оказались для неё неожиданным открытием. Девушка понимала, что бывают обстоятельства, когда животные инстинкты в трудной ситуации меняют людей, но, чтобы настолько, в условиях, когда речь идёт о жизни и смерти, это было трудно представить. Из хорошо воспитанного, кабинетного интеллигента, пусть даже военного, он превратился в машину для убийства.

«Ах, да, - вспомнила девушка. – Он же успел за ВСУ повоевать. Ну и дела».

Наташа сняла второй носок. Ей неожиданно захотелось походить по траве. Поднявшись, она стала двигаться по кругу, слегка пританцовывая в ритме вальса. Однако накопившаяся за всё время усталость заставили её остановиться. Девушка, надев ботинки, вернулась на поляну, где стоял шалаш. Она легла на охапку еловых веток, положив под голову руки. Солнце уже стояло довольно низко. Птицы, которых ранее не было слышно, привыкли к присутствию человека. Они вновь начали свои вечные разговоры, то-ли бранясь, то-ли передавая друг другу лесные сплетни. Наташа, перевернувшись на бок, опять задремала, убаюканная шумом лиственных крон и струнным концертом кузнечиков.

Знойный день давно сменился сумерками. Прохладные ладони вечера проникли через подвёрнутые рукава куртки к телу, поглаживая плечи Наташи. Она, открыв глаза, села, сонно, непонимающе озираясь, пока не осознала, что вернулся Алёхин.

Он стоял на коленях, вынимая из военного ранца и раскладывая на чистом холсте: четыре свежих пузатых огурца, буханку ржаного хлеба, большой чёрный пистолет, зелёную фляжку, где что-то булькало, банку сгущённого молока и толстый кусок сала.

- Проснулась? - спросил капитан, поворачивая голову на шорох.

- Откуда такая роскошь? - Наташа поднялась, поправляя волосы. - Почему не разбудил?

- Не решился. Ты так сладко спала, будто ребёнок. Ладошки под щекой, на губах улыбка. А это, - Александр коснулся холста. - Долго рассказывать. Давай лучше перекусим, а не то я начну отгрызать кусочки собственных пальцев.

Алёхин, достав нож, начал резать хлеб, посматривая на девушку, которая, потирая руки, уселась рядом на восточный

манер, поджав ноги.

- Держи, - капитан, поддев острием лезвия тонкий пласт сала, подал его девушке на куске хлеба. - Огурец бери.

- Боже, как вкусно, - с набитым ртом едва выговорила Наташа. - Давай рассказывай, добытчик. Где взял?

Алёхин, медленно пережёвывая пищу, протяжно, тихо урчал, словно голодный кот.

- А, чего рассказывать? Случай, везение. Вышел к реке. Пара километров отсюда в стороне от Любимовки. Это там, где Снагость впадет в каскад прудов или озёр. Оттуда по зелёнке можно добраться до села незамеченным. Вдруг, слышу взрывы. Не то, чтобы громкие, а похожие на хлопки петард. Я — на звук. Подбираюсь ближе, а там хлопцы рыбу глушат пластитом. Человек шесть, может, семь... Потом разделись до трусов, прыг в воду, рыбу подбирать. В раж вошли, оружие, разгрузки бросили. Азартные, черти. Ну, я ползком. Подобрался ближе, схватил ранец потяжелее и ходу. Мог бы положить всех, но не стал. Лишний шум... Хотя они, когда пропажи хватятся, занервничают... Хочешь ещё сала?

- Не-а. Надо экономить, - девушка, проглотив последний кусок хлеба, облизнула губы. - Теперь попить бы.

- Держи! - капитан протянул Наташе флягу.

Торопливый глоток обжёг девушке горло.

- Господи, спирт!

- Водка! Это с непривычки, - Алёхин закрутил пробкой флягу. - Надо было вылить, воды набрать, но пожалел.

- Знаешь, - Наташа на мгновение застыла. - Я тут промокла. В яму какую-то провалилась...

- Что с того? - капитан начал убирать импровизированный стол.

- Так, сейчас, сижу и думаю. Откуда в такой суши вода? Тут хороших дождей, судя по пыли, выжженной траве, сухой земле, месяц не было. Где-то здесь неподалёку наверняка родник бьёт.

- Показывай, где эта яма, - Алёхин поднялся, сунул свёрток в ранец, закрыл его, спрятал в шалаше.

Засовывая пистолет за поясной ремень сзади, выжидающе посмотрел на девушку.

Наташа пошла впереди, неуверенно озираясь по сторонам. Промоину они нашли почти сразу. Капитан остановил девушку жестом руки, затем лёг в густую, зелёную траву, буйно растущую по краям ямы, где тускло блестело пятно воды размером с ладонь. Извилистая канва свежего мха, уходящая к чаще из молодых осин, явно указывала, что этот лабиринт не что иное, как ручей, пробивающий себе тропу в зарослях дикой малины.

- Точно, - Александр поднялся. - Родник... Ей Богу, родник. Видишь рельеф? Это — склон невысокого холма. Ручей, судя по всему, течёт в ту сторону, - капитан махнул рукой, показывая направление. - Еле-еле писает, но течёт. Давай-ка пройдём немного. Может, там есть лесное озеро или безымянная речка.

Наташа, согласно кивнув, двинулась за Алёхиным, который, переступая выпирающие из земли корни деревьев, пошёл вниз по пологому склону, сбивая палкой крапиву, буйно растущую по краям узкого, почти невидимого потока. До слуха Наташи донеслось кваканье лягушек. После десяти минут ходьбы они вышли к низине, зажатой со всех сторон частоколом молодых берёз. Ровно по центру почти овального круга блестела спокойная гладь воды.

- Так и есть. Озеро! - воскликнула девушка, выходя на узкую полоску песка.

- Метров тридцать в диаметре, - определил Александр, - Можно даже купаться.

Наташа разделась сбросила ботинки, стянула с ног носки и зашла по колено в озеро. Она с наслаждением стала пить, постанывая от удовольствия. Алёхин заворожённо смотрел, как серебряные тонкие потоки воды проходя через неплотно сжатые ладони девушки, падали, образуя на воде круги, расходящиеся в стороны. Напившись, а затем искупавшись, Наташа набросила на плечи рубашку. Девушка села на плоскую вершину большого камня, торчащего из воды в полуметре от края озера, вытащила заколку и распустила волосы. Русые пряди закрыли лицо.

- Картина маслом, - тихо проворчал Алёхин. - Алёнушка. Васнецов.

- Что? - спросила Наташа, откидывая назад волосы.

- Одевайся. Шесть тридцать вечера, - капитан, зайдя в озеро по пояс, напился сам, долго черпая горстями чистую воду. - Через час будет совсем темно, - добавил он, посмотрев на лес. - Заблудимся.

Александр пару раз окунулся, растирая ладонями торс и плечи.

- Не заблудимся! - весело воскликнула Наташа, выходя на берег и подбирая обувь. - Ты же у меня — Чингачгук Большой змей. Знаменитый следопыт…

- Кстати, о змеях, - обернулся капитан, когда, одевшись, они начали подниматься по склону. - Ты тут поосторожнее. Почаще под ноги смотри.

- Как скажешь, - беспечно откликнулась девушка, держась за тёплую руку капитана. - Завтра выпьем твою водку и наберём воды во флягу.

Они вышли к своему лагерю, когда почти стемнело.

- Костёр бы развести, - огорчённо проворчал Алёхин, - да огонь в лесу далеко виден. Но мы, что-нибудь придумаем. Ты ложись, - Александр начал торопливо собираться, посматривая на быстро поглощаемые сумерками стволы деревьев.

- Ты куда опять собрался? - испуганно спросила Наташа.

- До Любимовки я так и не добрался, - капитан, проверив обойму пистолета, сел рядом. - Ты не бойся. Я скоро вернусь. Зверье местное само напугано. Из самых свирепых здесь только мыши.

- Утешил… За каким чёртом тебя в Любимовку несёт на ночь глядя?

- Прости, Нат… Но я должен. Помнишь, зачем мы здесь?

- Да будь оно всё неладно. Осточертела эта война! Не ходи. У меня дурное предчувствие.

- Нам нужны спички или зажигалка, новый фонарь, батарейки для рации. Но, главное, разведданные. Какими силами зашли, где расквартированы штурмовые группы? В какое время подвозят БК, по каким дорогам? Пункты управления войсками… Так, что, скоро вернусь, ты ложись. Ночь светлая, тёплая. К рассвету вернусь.

Не слушая гневных возражений, Алёхин подхватил автомат и пошёл к краю поляны. Девушка, чувствуя нервную дрожь беспокойства, едва сдерживая слёзы, забралась в шалаш. Она легла на охапку еловых веток, прислушиваясь к звукам леса. Через прорехи крыши Наташа видела слабый рассеянный свет Луны, пробивающийся через кроны деревьев. Где-то далеко на востоке громыхал то-ли гром, то-ли канонада тяжёлых орудий. Наташа повернулась на правый бок, сжалась в

комочек, пытаясь не думать о войне, но вскоре поняла, что не думать о войне, крови, своих убитых близких, о том кошмаре, который она испытала за все годы после Майдана, совершенно невозможно. Она была бы рада провалиться в забытьё, но знала, что во сне ей в который раз приснится мать, которую она сама же отправила на верную смерть. Опять будет сниться Олеся, окровавленная, с перекошенным болью лицом, слепо идущая по горящему полю пшеницы, протягивая руки к чему-то невидимому. Эти навязчивые сны возвращались к Наташе с пугающим постоянством, но она не говорила о них Алёхину, полагая, что время — самое лучшее лекарство от кошмаров, но, судя по всему, у войны было своё мнение на этот счёт.

Девушке казалось, что тишина, окружающая её, постепенно приобретает странные материальные формы. Она чувствовала на своём лице чьи-то тёплые мягкие ладони. Прикосновения плавно передвигались к затылку и шее. Слух уловил тихие звуки метронома, однако Наташа не сразу поняла, что это было биение собственного пульса. Сначала она считала удары, представляя, что это тикают её биологические часы, но вскоре окружающий мир перестал для неё существовать...

За лесом, в той стороне, где была Любимовка, громыхнуло так, что деревья качнулись, словно от мощного порыва ветра. Девушка мгновенно проснулась, испуганно села, прислушиваясь, а затем вылезла из шалаша. Толстый ствол липы показался Наташе надёжной защитой. Она села, прислонившись спиной к дереву, подняв голову к небу, усеянному звёздами. Лунный свет, заливающий небольшую поляну, рождал чувство тревоги. Кусты очерчивали границы реальности. Казалось, что за плотной ширмой, состоящей из ветвей и листьев, таятся сотни страшных тварей. Перед глазами Наташи появилось скорбное лицо матери, которое постепенно стало расплываться, превращаясь в нечто бесформенное, ужасное, с огромным веками, свисающими на щёки. Это нечто походило на что-то виденное девушкой раньше. Через мгновение она поняла, что кошмарный образ принадлежит Вию. Она видела это существо давным-давно в старом кинофильме и хорошо помнила тот ужас, который надвигался с экрана, проникая в самое сердце.

Наташа потрясла головой. Прогоняя видения, девушка осмотрела поляну, заливаемую светом огромной Луны. Поднявшись, она занялась сбором сухостоя, не забывая подбирать давно сломанные ветром тонкие ветки. Решив, что, когда вернётся Алёхин со спичками, маленький костёр будет очень кстати даже в такую светлую ночь. Она уже не думала о времени, вращая

ладонями сухую палочку между связанными вместе кусками старой сосновой коры, бросив сверху пучок прошлогодних листьев, перемешанных с сухой травой...

Двумя часами ранее Александр подходил к Любимовке. С каждым шагом, движения капитана становились осторожнее. Он уже видел тропу, ведущую к крайним домам, но свернул на поле, двигаясь в сторону реки, откуда слышался рокот двигателей. Найдя подходящее место, Алёхин залёг в густой траве метрах в трёхстах от понтонной переправы, по которой, хорошо видимая, двигалась лёгкая бронированная техника. Не отрывая от глаз бинокль, он насчитал два десятка автомобилей похожих на американские вездеходы. Колонну, выползающую из леса и проходящую через село, сопровождали группы стрелков на мотоциклах с колясками, причём на каждой был установлен пулемёт. Эта картина напомнила ему фильмы о войне. Вот также по просёлкам двигались немцы в сорок первом, сорок втором годах. Только сегодня, на фоне рыка моторов, доносились громкие возгласы на французском языке и польская ругань. Алёхин сменил позицию, подобравшись к обрыву, заросшему ивами. На правом и левом берегах переправы располагались посты охранения. За мешками, набитыми песком, виднелись стволы пулемётов и шлемы солдат. От понтонов до первой улицы села по оценке капитана было метров сто. В тени одного из домов Алёхин увидел силуэт танка. Под маскировочной сетью угадывалась башня немецкого Леопарда, а в палисаднике свежевырытые окопы выдавали себя белым песком брустверов.

- Не хило здесь укрепились, сволочи, - прошептал Алёхин, переставляя по земле руки с зажатым в них биноклем.

У основания холма, на котором стояла церковь, виднелись позиции ПВО. Капитану удалось разглядеть пусковую установку, накрытую брезентом. Отдельно стояли две машины с решётками радаров. Прямо на крыши фургонов были навалены ветки сосен, выделявшиеся на камуфляжной окраске густой тёмной зеленью.

Алёхин снова навёл оптику на переправу. Техника прошла, исчезнув среди домов, но на понтонах суетились солдаты, приводя в порядок настилы, проверяя стыковочные замки. Метрах в ста ниже по течению Александр заметил силуэты солдат, купающихся в реке.

«Сам бы понырял, - подумал капитан, чувствуя, что под курткой, поверх которой он надел бронежилет, взмокла спина. - Кто это у нас там ночные ванны принимает?»

С такого расстояния в сумраке ему не удалось рассмотреть шевроны, не говоря уже о знаки различия камуфляже, развешанном на кустах.

- Рация... Вот, что мне нужно, - шептал Александр, двигаясь ползком в сторону ночного «пляжа».

Настороженно поглядывая в сторону купальщиков, слушая обычный трёп соскучившихся по бабам мужиков, Александр встал на колени под молодыми осинами и обшарил брошенную на траву одежду. Ничего интересного или нужного для себя он не нашёл. Зато наткнулся на лежавший возле куста переносной противотанковый зенитный комплекс. Камуфляжный слой краски матово блестел на корпусе.

«Чёрт! Неужели Джавелин? - подумал капитан, осторожно приподнимая оружие на руках. - Нет. Не похож. Американец тяжелее».

Алёхин оглянулся на солдат, резвящихся на мелководье, затем внимательно осмотрел свой трофей. Пальцы нащупали табличку на корпусе. Капитан поднял оружие. При свете Луны он сумел прочитать название комплекса: «NLAV Saab Bofors».

- Шведы, суки! - шёпотом выругался Александр, снова взвесив на руках ПЗРК.

«Похоже, ракета внутри», - решил Алёхин, поднимая голову на звуки, идущие со стороны переправы.

На понтоны медленно въезжали крытые брезентом грузовики.

Капитан посмотрел на купальщиков, которые, судя по восклицаниям, на противоположном обрывистом берегу занялись поиском раков, спящих в норах под водой.

Решение пришло внезапно. Не думая о последствиях, Алёхин сбросил мешавший ему бронежилет, быстро засыпал его песком, схватил в руки ПЗРК, встал на одно колено, поднял оружие на плечо, направив его в сторону переправы. Сдвинул предохранитель на нужную отметку, капитан нажал на спуск. Он был готов к сильной отдаче, но выстрела не последовало.

- Зараза! - зло выдохнул Алёхин. - Дерьмо собачье!

Упав на спину, Александр сильно встряхнул пусковую трубу. Внутри что-то тихо зазвенело, словно горсть монет.

«Сломан, гад», - догадался капитан, опуская оружие.

Через кусты он вновь посмотрел на переправу, с досадой провожая взглядом последнюю машину в колонне, скрывающуюся

в темноте вместе с узким светом фонарей стоп-сигналов.

Услышав голоса выходящих из реки солдат, Алёхин пополз в сторону села к пологому холму околицы. Свежая земля налипала ему на ладони, затрудняя движение.

«Откуда здесь земля, если дождей давно не было? - подумал он, останавливаясь возле тёмных очертаний какого-то сарая. – Должен быть слой пыли… Странно».

Прислонившись спиной к доскам, капитан снова взял в руки бинокль. Он оставил без внимания росший у заборов бурьян, луг в излучине реки, но задержал взгляд на сжатом, местами выгоревшем, поле. В сильную оптику удалось заметить холмики земли, похожие на плотно утоптанные кротовьи норы.

- Это - мины, - прошептал капитан. – Любимовка - рубеж обороны, прикрытый с востока минными полями.

Оглянувшись в сторону села, не заметив ничего подозрительного, Алёхин, пригибаясь, внимательно глядя под ноги, двинулся к пятнам земли. Вытащив нож, он начал аккуратно, медленно раскапывать одну из «кротовьих нор».

«Противотанковая, ТМ-62, советская, мать их, - определил Александр тип мины, вытащив её из земли. - Когда только успели укропы? Не иначе миноукладчик работал. Руками много не поставишь. Вот, чёрт! Сколько войск сюда завели? Интересно, что хохлы дальше делать будут? Куда наши смотрели?»

Алёхин осторожными прикосновениями пальцев убрал с мины налипшую землю, затем снял куртку, стащил футболку, сделав из неё подобие мешка. Стараясь не дотрагиваться до взрывателя, он уложил в самодельный мешок мину. Полежав минуту, чтобы успокоить дыхание, он встал, набросил куртку на голое тело и двинулся к Любимовке, таща на плече свою новую находку. К реке капитан вышел рядом с местом, где купальщики ловили раков. Берег оказался пуст, только вдали на понтонах снова возились солдаты. Раздевшись, сняв часы и спрятав одежду, Алёхин подождал пока стихнет суета на переправе. Тяжело пробежав по песку, он вошёл в реку. Держа над водой только голову, двинулся вдоль обрыва, создающего подобие тени, таща за собой мешок. Последние двадцать метров до цели, Александр проплыл под водой. Он вынырнул в месте стыка двух понтонов, жадно вдохнул порцию воздуха, подтянулся на одной руке и положил мешок с миной на настил между стыковочных замков взрывателем вверх.

«Если не знать, где эта чёртова штука, разглядеть её почти

невозможно, если только с фонарём», - Алёхин перевёл дух, затем аккуратно, без всплеска опустился в реку.

На берегу, в кустах, в том месте, где он нашёл шведский ПЗРК, которого на песке уже не оказалось, капитан оделся. Он лёг на живот, снова взяв в руки бинокль. На длинных улицах Любимовки царила относительная тишина. Только по тихим голосам и огонькам горящих сигарет можно было определить местонахождение боевых охранений. Ни лая собак, ни звука работы двигателей Алёхин больше не слышал.

«Значит так... Похоже - колонны идут дальше в сторону Курска, - размышлял Александр, поворачивая голову в сторону далёкой канонады. - Интересно, наши подтянули резервы? Где беспилотники разведки? Где летуны, спецназ, ударные дроны?»

Капитан совершенно не представлял, что делать дальше.

«Языка бы взять, - подумал он. - А, что толку? Ни рации нет, ни карты, ни мобильника, чтобы передать обстановку, координаты этого укрепрайона. К тому же, кто поверит, если какой-то чел позвонит непонятно откуда и непонятно кому. Если только Ивану Матвеевичу? Но вряд ли генерал ответит. Незнакомый номер... Можно деду звякнуть, но тот вообще не берёт трубу, если посторонние звонят. Вот, чёрт! Командировочка. Чтоб её!

Алёхин посмотрел на небо, определяя который может быть час. Положение ковша Большой медведицы говорили о том, что до рассвета оставалось часа три. Капитан спустился к реке. Он жадно глотал холодную воду, опустив лицо в медленный поток. Затем, почувствовав боль в зубах, торопливо вернулся в кусты, вынул из кармана куртки хронометр, надел его на запястье.

- Ну, давай, давай! - шептал Алёхин, маскируя сломанными ветками свой наблюдательный пункт. - Где ваша техника, хохлы? Где пехота? Вы же Курск хотели взять...

Все чувства обострились до предела, когда он услышал шум моторов. Минут через десять на берег со стороны села выехали машины, крытые тентами с красными крестами на белом фоне.

- Чёрт! - негромко выругался капитан. - Вас только здесь не хватало. Не сметь!

Словно услышав приказ, колонна грузовиков остановилась, но никто не вылезал, ни из кабин, ни из-под тентов.

«Хотел бы я знать, сколько там двухсотых и трёхсотых?», - подумал Александр, наблюдая за военным, очевидно офицером, стоявшим на подножке переднего фургона. Человек держал в руке рацию.

Однако новые звуки отвлекли внимание капитана. Из леса на противоположном берегу реки уже двигалась к понтонам новая группа бронетехники. Алёхин узнал уже хорошо знакомые очертания Bradley, британских Warrior, немецкого Marder и БМП-1У. Капитан понял, что санитарные машины останутся стоять на месте, пока не переправится встречная колонна. Солдаты охранения уже вышли на дорогу, что-то крича десантникам на броне. Первым на понтоны въехал британский Warrior. Алёхин жадно смотрел на головную машину через оптику бинокля. Спустя пару мгновений яркая вспышка почти ослепила капитана. Александр оторвался от бинокля, тихо, с восторгом смеясь, наблюдая, как взлетали на воздух куски разорванных гусениц, как, словно бабочка, порхала над рекой развороченная взрывом боекомплекта башня, как вырванная из установочного жёлоба тридцатимиллиметровая пушка срезала верхушку сосны на обрывистом берегу. Восторг сменился чувством безграничной ненависти к разбросанным взрывной волной и посечённым осколками телам солдат, падающим в реку. Две секции повреждённого понтона начали расходиться. Двигавшийся за британцем горящий немецкий Marder, у которого очевидно осколком был пробит бензобак, начал плавно погружаться в воду. Из него выпрыгивали члены экипажа, больше похожие на пылающие факелы. Любимовку будто встряхнула невидимая рука. Что-то зазвенело, на улицах появились полуодетые солдаты, где-то слышалась автоматная стрельба и дикая ругань. С позиций ПВО возле церкви в небо с интервалом в несколько секунд ушли две трассирующие очереди из крупнокалиберного пулемёта. Ветер ударной волны горячим языком облизал лицо капитана, поднял волосы на непокрытой голове, срезал всю листву с кустов, за которыми он прятался, сорвал с плеча автомат, отбросив далеко в сторону разгрузку. Алёхин поднялся. Больше не скрываясь, пытаясь сеять панику, он побежал к Любимовке, размахивая руками и вопя: - А-а-а! Дроны, мать их! Воздух! Воздух!

На улицах, кроме солдат, разбегавшихся в разные стороны, прятавшихся в огородах, уже суетились офицеры. Капитан в который раз за сутки услышал польскую речь. Наёмники выглядели профессионалами. Все были полностью одеты, на каждом — бронежилет. Угрожая оружием, они пытались навести порядок, загоняя солдат в траншеи, вырытые вдоль улиц. Один из поляков схватил Алёхина за ворот куртки.

- Куда, курва?

- Так, до блиндажа, пан офицер. За зброей и жилетом.

- Стоять, - наёмник не отпускал воротник. - Мордой к забору!

По цо на мундире нема шевронив? Сконд естешь? З якой бригады? Пердольный пес!

- Пан офицер! - Александр вывернулся из рук поляка.

Злость и ненависть придали капитану сил. Остатки благоразумия мгновенно испарились.

- Не сметь меня лапать. Храбрые вы тут все, пока вам хвосты москали не прищемили. Вернёшься до Варшавы, там и пануй.

- Цо? - Хрипло процедил сквозь зубы наёмник, передёргивая затвор автомата. - А ну встань до мура! - поляк толкнул Алёхина в плечо, разворачивая к забору.

- Пошёл ты, - огрызнулся капитан, уже понимая, что совершает ошибку.

- Ты мне, курва, мувишь - пердоле ще? – оружейное дуло уже смотрело в глаза Александру.

- Эй! Пан офицер! Остынь! Шо тут за базар?

Знакомый Алёхину голос заставил поляка отступить на шаг. Но автомат наёмник не опустил, продолжая держать Александра на прицеле.

- Курва! Цей звис бараний, холера ясна, российский диверсант. Забачь. Муви тоби, пан Витал, со то ест правда.

- Так… Забачим те раз, кто тут нам попался? - сказал военный, остановивший поляка.

Луч фонаря упёрся в лицо Алёхину.

- Мать моя, женщина. Да это же Волков! Откуда ты здесь взялся?

Пятно света переместилось на лицо человека, стоявшего напротив Алёхина.

- Денисенко! - воскликнул Александр. – Виталий! Вот, дьявол! Я уже думал, не увидимся больше. Ты, смотрю, капитана получил?

- А то, - улыбнулся старый знакомый. - Растём. Это за бой с ДРГ москалей в том мотеле. Помнишь?

- Конечно, - Алёхин в свою очередь, оттолкнув поляка, хлопнул по плечу Виталия. - И майора бешеного, твоего Остапыча из Львова помню, и сержанта Свернигору, водителя Хаммера. Интересно, жив он или сгинул? - спросил Александр, прекрасно зная, что Денисенко застрелил сержанта на стоянке возле мотеля.

- Да, чёрт с ним, сержантом, - беспечно сказал Денисенко, поворачиваясь лицом к наёмнику. - Ты иди себе, пан. Мы тут сами разберёмся, что к чему.

Поляк опустил оружие и пошёл вдоль улицы, ругаясь себе под нос.

Суматоха в селе постепенно сходила на нет. Стало тише. Первый приступ коллективной паники прошёл. Офицеры постепенно наводили порядок. До слуха капитана долетели слова: «Всё под контролем. Беспилотников у москалей почти нет. Подумаешь, один прилёт. На то и война, хлопцы». Возле понтонов уже появилась инженерная техника вместе с сапёрами. Запылали костры, замелькал свет фонарей.

Денисенко, обняв Алёхина за плечи, повёл его вдоль улицы к ещё целому дому, где соломенная крыша почти нависала над окнами. Вместе они сели на лавочку перед воротами. Виталий достал из кармана пачку сигарет, предложив одну Александру. Тот отрицательно замотал головой.

- Ты же знаешь... Я не курю.

- Забыл, - откликнулся Денисенко. - Сколько мы не виделись?

- С этой паршивой войной счёт времени потерял.

- Бывает, - пожал плечами Виталий. - А помнишь, как мы этого Остапыча? Вот же гад был, а не человек. Мразь, садист чёртов. Но ему посмертно Зеленский орден мужества дал за героизм при ликвидации вражеской ДРГ... Всё благодаря мне. Главное в нашем деле что?

- Правильно доложить, - улыбнулся Алёхин.

- Верно. У нас вся армия держится на правильных людях. Специфика, однако.

- Ты просто грёбаным философом стал, Денисенко.

- Это - комплимент? - спросил Виталий, прикуривая сигарету от зажигалки.

- Похвала, - тихо сказал Алёхин, посмотрев на светлеющее небо. - Не опасно вот так курить в открытую. Не дай Бог прилетит от москалей.

- Москали теперь далеко. А потом, мне до фени, - Денисенко, бравируя, перехватил сигарету двумя пальцами. - Двум смертям не бывать... Лучше расскажи. Откуда ты тут взялся? Я тебя давно среди наших хлопцев в Киеве не видел. Ни слуху, ни духу. Спрашивал о тебе... Все плечами пожимали.

- Не могу ничего тебе сказать, - снова улыбнулся в темноту Александр. - Ты же знаешь правила.

- Понимаю, - Виталий бросил окурок на землю, тут же раздавив его каблуком башмака. - Секретность и вся такая прочая фигня. Нас вот тоже секретно сюда бросили. От России кусок откусить. Как бы зубы не обломать... До самого последнего дня в Сумах не знал, что здесь окажусь. Постой... Ты вроде с американцем, полковником Адамсом дружбу водил?

- С ним дружить себе дороже.

- Завербовал тебя?

- Может, да, может, нет.

- Ладно. Не хочешь говорить, не надо. Впрочем, я всегда считал тебя умным мужиком. Американский паспорт с домиком во Флориде мне тоже не помешали бы.

- Виталий! Без обид. Не могу тебе рассказать. С американосами шутки плохи. Но по дружбе, когда в Киев вернусь... Попытаюсь за старого приятеля перед Адамсом словечко замолвить.

- Добре, - без энтузиазма бросил в пространство Денисенко. – А, чё у тебя такой вид расхристанный? Вон поляк чуть к стенке не поставил.

- И на старуху бывает проруха. Налёт врасплох застал.

- Это точно. Не тебя одного... Странно, что раньше тебя в селе не видел... Значит, ты здесь — глаза и уши Адамса? Ещё бы. Нашим генералам ни одно стоящее дело поручить нельзя. Царствие небесное просрут. Пиндосы, вон, всё планируют, в пасти дебилам кладут, да ещё жуют вместо них. Генералам остаётся только проглотить. Но и такая простая вещь Сырнику не под силу. Вот же послал Бог командующего! Лучше бы Залужный оставался.

- Не подкатывай, - Алёхин снова посмотрел на небо. - Рассвет скоро. Слушай. При налёте там на переправе меня слегка контузило. Рацию потерял. Бронежилет сорвало, фонарь — в куски, разгрузка с БК утонула вместе с оружием и сумкой полевой. А там — документы, карты, компас. Мне ещё пистолет бы не помешал с запасными обоймами. Свой где-то выронил... Кто тут у нас матобеспечением заправляет?

- На хрена тебе к какому-то тыловому придурку обращаться? Опять же вызовут меня, капитана СБУ, пламенного борца с ДРГ и прочими шпионами. Тебе срочно?

- Вообще-то я на рассвете должен быть в Судже. Там штаб одной нужной мне части. Знаешь, иностранцы-советники не любят раздолбаев.

- Знаю, знаю. В Судже - французский спецназ. Проезжали через село вчера или позавчера... Уже не помню. Но они сами ещё те раздолбаи...

- И всё же...

- Ладно. Пошли до хаты. Пока понтоны снова наведут, и твоя колонна переправится, пройдёт пара часов. Документы не обещаю. С этим сложнее. Позже в штабе группировки выправишь новые. Но погоны капитана, свои старые, вместо документов, дам. И вот ещё, что. Держи, - Денисенко положил в ладонь старого знакомого клочок бумаги. - Номер моего сотового. Мало ли. Позвони, когда перед Адамсом словечко за меня замолвишь.

- Виталий! Ну, ты и жук, - сказал Алёхин, пряча бумажку в нагрудном кармане куртки.

Когда утренняя заря осыпала бронзовым дождём света кроны пирамидальных тополей, Алёхин деловым шагом, с большим ранцем за плечами шёл к переправе вместе с Денисенко. Разбитые понтоны уже заменили на резервные. Из реки вытащили помятый немецкий Мардер, поставив его на берегу рядом с обломками британского бронетранспортёра. Вокруг суетились солдаты ремонтных мастерских. По реке медленно скользили две лодки. Полуголые мужики с баграми обшаривали дно. В кузова санитарных машин грузили двухсотых, упакованных в чёрные пластиковые мешки. Раненых на носилках разносили по уцелевшим домам. Санитары рылись в ящиках с медикаментами. Но вся остальная колонна бронетехники стояла замаскированной в лесу, не подавая признаков жизни.

- Зараза! - воскликнул Алёхин. - Чёртова Суджа! Теперь до неё дай Бог к вечеру доберусь.

- Не хвилюйся, Волков, - Денисенко похлопал по плечу расстроенного Алёхина. - Для таких случаев и нужны друзья. С мотоциклом справишься?

- У меня в Москве был свой Харлей!

- Тогда, топай за мной, пане капитане.

Через пятнадцать минут Алёхин обнимал Виталия, который выкатил из сарая кроссовый, почти новый БМВ.

- Откуда у тебя это чудо немецкой инженерной мысли?

- В начале нашего спектакля с вторжением на нём ездил один лейтенант, старший группы ССО. Но не повезло хлопцу. Упокой Господь его душу. Та ещё паскуда был, - Виталий перекрестил собственную грудь. - Ну, я и забрал байк себе. Зачем? Тогда не знал, поскольку на мотоцикле не умею. Однако, вот, пригодился. Знаешь, что? – офицер вложил в ладонь Алёхину зажигалку.

- Когда доберёшься до... Сам знаешь до кого... Посмотри на чёртову зажигалку, вспомни про друга Денисенко. Если не убьют, то мне в плен придётся сдаваться. А там, как повезёт. Москали могут к стенке поставить за всё хорошее. Но на обмен не пойду. Надоело воевать за клоуна. Уразумел?

- Гусь ты, Виталий! - воскликнул Алёхин. – Ты, что имел в виду, когда сказал про доберёшься? До кого?

- Подумаешь на досуге. Знай, Денисенко не так прост. Его на мякине не проведёшь.

- Ладно, - Алёхин, поймав ускользающий взгляд Виталия, ободряюще улыбнулся. - Не поминай лихом.

Двигатель БМВ, кашлянув, взревел, унося Александра по пыльному сельскому просёлку в сторону поворота на дорогу, ведущую к федеральной трассе Белгород-Курск.

Проехав километров пять, капитан свернул на просёлок, ведущий на Запад, загнал мотоцикл в лес, где остановился. Ему предстояло сделать выбор. Вернуться к Наташе или, имея на руках рацию, подаренную Денисенко, попытаться установить связь с армейской группировкой, выдвинутой для ликвидации прорыва ВСУ. Он снял с поясного ремня рацию. Это был обычный китайский «Баофенг» с гражданским протоколом стандарта DMR. Размышляя, Алёхин вертел гаджет в руках. Он знал, что Министерство обороны выделило российским войскам две частоты в диапазонах VHF и UHF для связи с украинскими военными, желающими сдаться в плен. Достаточно было, настроив рацию на эти частоты, сказать два слова - «Вызываю Волгу». Дальше можно было договариваться об условиях и месте сдачи. Но, чтобы добиться контакта на этих частотах с людьми, принимающими решения на стратегическом и тактическом уровнях, нужно было сильно постараться. На той стороне линии соприкосновения такую активность наверняка бы приняли за провокацию или за элемент радиоигры.

«Просто так с наскока эту проблему не решить» - подумал

капитан, снимая мотоцикл с упора. - Придётся взвесить всё за и против, а, так, будет пустая трата времени. Решено. Возвращаюсь к Наташе. Один ум хорошо, а два лучше.», - Алёхин уже взялся за ключ, торчащий в замке зажигания, но какой-то холодный предмет коснулся его затылка.

- Руки! - Голос за спиной не сулил ничего доброго.

Александр начал медленно поднимать руки, пытаясь повернуть голову, чтобы оценить степень угрозы.

- Тихо, тихо, - продолжал тот же голос. - Шевельнёшь тыквой, всажу в неё пулю. Ноги ставим шире. Ещё шире. Пистолетик свой доставай. Медленно, двумя пальцами. Вот так. Теперь, бросай в кусты.

Алёхин, находясь в крайне неудобной позе, послушно вынул из кобуры оружие и бросил его на землю.

- Молодец! Хороший хлопец. Теперь медленно поворачиваемся ко мне лицом.

Обернувшись, Александр уставился на человека среднего возраста, среднего роста, одетого в грязную, потрёпанную полевую российскую военную форму с погонами лейтенанта. Шевроны на петлицах воротника куртки говорили о том, что перед Алёхиным - офицер пограничных войск. Грязный кулак сжимал рукоять пистолета Макаров.

- В бензобаке топлива много? - спросил лейтенант.

- Смотря, куда ехать.

- Отвечай на вопрос, а то я последнее время очень нервным стал. Могу пристрелить ненароком. Лучше не зли меня.

- Пристрелить? Меня? Не выйдет… Нельзя этого делать.

- Почему же? - Пограничник сделал два скользящих шага назад, направляя пистолет в грудь Александру.

- Потому, что я свой.

- Свой не свой, у меня на дороге не стой, - с угрозой сказал лейтенант, не опуская оружия. - Ты был своим, когда ещё пешком под стол ходил, а теперь ты — Иуда продажный, бандеровец чёртов.

Палец на спусковом крючке пистолета побелел.

Александр, ощущая внутреннюю нервную дрожь, изобразил на лице широкую глуповатую улыбку.

Пограничник изумлённо поднял брови. Рука, державшая оружие, немного опустилась.

- Вы, хохлы, то ли полные дебилы, то ли блаженные недоумки. Его пристрелят сейчас, а он улыбается. В плен хочешь?

- Нет. Всего-лишь пару слов имею сказать.

- Слава Украине?

- Не угадал, лейтенант.

- Тогда, что?

- Ты точно русский?

- Щас двину по роже, сразу поймёшь, кто я, - загорелые грязные щёки офицера пошли красными пятнами.

- Может, действительно подерёмся, чтобы разобраться, кто из нас больше русский, - предложил Алёхин. - Я ведь, сразу срисовал, что у тебя патроны кончились. Обойма в рукояти на честном слове держится. Хотя бы защелкнул её плотно, а потом угрожал.

- Разве? - растерялся офицер, но тут же, поставив на место обойму, снова поднял пистолет.

- Кончай дурью маяться, - Александр боком сел в седло мотоцикла. - Русский я. Капитан Алёхин, военный переводчик. Тоже влип здесь в это дерьмо, как и ты.

- А, зачем на тебе шевроны хохляцкие с погонами ВСУ? Вон мотоцикл ещё немецкий...

- Всё не моё. Трофейное. Давай-ка сядем, спокойно поговорим, как товарищи по оружию и несчастью.

Через десять минут Алёхин знал, каким образом лейтенант оказался в лесу и, где держали оборону его срочники в начале вторжения.

- Мои пацаны отстреливались до последнего патрона. Никто не уцелел. Нас и было то на передовых позициях всего с гулькин нос. Меня самого контузило. Очнулся на рассвете в какой-то яме. Там много наших лежало, даже гражданские. Хохлы поленились зарывать на ночь глядя. Оставили до утра. Ну, я вылез, отполз в сторонку. Очухался немного. Дальше пошёл помаленьку. Карты у меня не было. Зато пистолет в той яме на трупе нашёл... Остальное эти гады забрали. Часы, портсигар серебряный, крестик золотой нательный, смартфон. Я таким злым сделался, что имел бы один патрон, пристрелил любого хохла прямо здесь. Тебе повезло...

- Понимаю... Долго шёл?

- По ночам, лесопосадками. Дня два. Ну, а ты, капитан? Что военный переводчик делает в тылу врага?

- Наёмников среди хохлов здесь много. Поляки, британцы, французы...

- Ясно, - почесал затылок пограничник. - Чего делать будем? Может, сядем на твой БМВ, рванём к нашим?

- Не могу.

- Чего тебя здесь держит? В лапы бандеровцам хочешь попасть?

- В лапы не хочу. А вот по лапам, да по жопам надавать уродам очень хочется. Слышал взрывы ночью?

- Так это был ты? - догадался лейтенант. - Мать твою... Ну, ты даёшь. Хвастай, рассказывай.

Алёхин коротко поведал пограничнику историю ночи. У офицера загорелись глаза.

- Слушай! Ты прямо супер, пупер герой какой-то. Врёшь, что переводчик. Спецназ, да?

- Рембо - задумчиво пробасил Алёхин. - Меня так девушка моя дразнит. Слушай, мужик, - капитан, сняв со спины ранец, вытащил карту местности, подаренную Денисенко. – Вот, смотри...

Капитан достал карандаш. С торжеством посмотрев на лейтенанта, Александр начал наносить на карту позиции, оборудованные ВСУ в Любимовке, не забыв о почти достроенном мосте и понтонной переправе.

- Понимаешь, к чему я всё это рисую?

- Укрепрайон, разветвлённый узел обороны готовят, сволочи, - тихо сказал лейтенант.

- И важный логистический центр. Это значит, что генералы хохлов понимают, чем может закончится прорыв границы, - капитан начал складывать карту. - Думаю, у них цель — закрепиться возле Курска, чтобы оттянуть наши силы с других направлений. Держаться будут, сколько можно. В Киеве любят медийную шумиху. Сейчас у них – перемога.

- Но мы с тобой не можем с этим ничего поделать, - зло сказал пограничник. - Нас всего двое, хоть ты – типа спецназ.

- Ещё, как можем, - Алёхин нагнулся, сорвал травинку, сунул её в рот, затем показал пограничнику на чехол, привязанный к раме. - Там автомат, три рожка. Знаю, где взять пулемёт. У хохлов иногда ПЗРК без присмотра валяются где попало. Чужого американского, дарёного им не жаль... Так, что без оружия не останемся. В лесу, километрах в десяти отсюда у меня оборудовано что-то вроде полевого лагеря. Комфорта не обещаю...

- Ты, чего? Партизанить предлагаешь?

- Не только, - капитан поставил ранец на бензобак, - Садись сзади. Поедем по просёлкам, по обочинам... Покажу тебе лагерь, подумаем, чего делать дальше.

- По просёлкам днём? - удивился пограничник. - Да, здесь в светлое время — почти час пик, Париж, мать его... По дорогам снуют мобильные патрули хохлов на багги, а в сторону Сум челночит санитарный транспорт. Кое-где на развилках дорог — блок посты. Стреляют по гражданским, которые прорываются к нашим. Местные тут кое-где остались. Носились, как ошпаренные... Если поедешь, увидишь перевёрнутые, простреленные, сгоревшие легковушки. Я тут все окрестности излазил. Чубатые опорники строят, бронетехнику в котлованы закапывают. Одни башни торчат. Танки, правда, старьё. Т-55, Т-62 и шестьдесят четвёрки... Я сам пытался тормознуть какие-то жигули с курскими номерами. Там семья с малыми детьми ехала. Так их всех на моих глазах... Да, что там говорить? Эх! - лейтенант сокрушённо пожал плечами.

- Тогда поедем быстро, - решил Алёхин. - Бог не выдаст, свинья не съест. Ты, главное, держись за меня крепче.

Когда до лесного массива, где пряталась Наташа, оставалась пара километров, мотоцикл обстреляли из БМП, спрятанного за автобусной остановкой у перекрёстка двух пыльных сельских дорог. Капитан от неожиданности едва не выпустил руль, но тут же взял на себя ручку газа до упора. БМВ заревел, отбрасывая колёсами в стороны гравий обочины, унося пассажиров по кочкам к лесопосадкам между полями.

- Дальше пойдём пешком. Лес – рядом, - Алёхин заглушил двигатель, осматриваясь.

- Погоди. Вроде зацепило меня, - слабый звук голоса за спиной заставил капитана повернуться.

Пограничник медленно слез с мотоцикла, держась за

собственный бок с правой стороны. Через пальцы на бедро стекала тонкая струйка крови.

- Чёрт! Давай помогу. Идти можешь?

- Вроде бы. Ты двигай впереди, я за тобой.

Последний километр Алёхин продирался через чащу, таща на спине лейтенанта, а на груди ранец с оружием.

Наташа сначала услышала треск валежника, потом тяжёлые шаги и хриплое дыхание Александра.

- Господи! Саша? Ты? – девушка, вскочив, бросилась навстречу. Где ты пропадал столько вре...

Она не договорила, застыв на краю поляны.

- Кто это с тобой?

- Потом, всё потом, - еле выдавил из себя капитан. - Посмотри, что с парнем. Эй!

Наташа очнулась от резкого окрика, затем вместе с Алёхиным дотащила потерявшего сознание раненого до охапки ельника. Быстрыми движениями, отточенными практикой работы в госпитале, она начала раздевать лейтенанта.

- Рана в правом боку. Вроде пуля навылет прошла, - девушка скороговоркой вводила Алёхина в курс дела. - Крупный калибр. Дыра большая, но печень не задета. Иначе кровь была бы чёрная... Он бы умер давно. Но, кровопотеря большая. Господи! Только этого не хватало. Давно он без сознания?

Наташа сбросила с плеч куртку, затем стащила через голову футболку.

- Дай нож.

Капитан, достав нож, протянул его девушке рукоятью вперёд.

- Бинты выйдут так себе, не первой свежести, но сойдёт, - она начала резать футболку на полосы. - Кровь надо остановить, рану обработать. Иначе загноится... Ты, вот, что, Алёхин. Из пары патронов вытащи пули, а гильзы с порохом дай мне.

Капитан, отдышавшись, отрешённо наблюдал за действиями Наташа. Прямо в рану и вокруг неё девушка насыпала порох. Затем, взяв из рук Алёхина зажигалку, она поднесла пламя к ране. Порох вспыхнул, разбрасывая вокруг искры и язычки огня. Пограничник очнулся от боли, застонал, пытаясь приподняться.

- Держи его за плечи, - зло прошипела девушка.

Лейтенант закатил под веки глаза, снова проваливаясь в беспамятство.

- Болевой шок! – прошептала Наташа, ловко перевязывая раненого.

- Выживет? - спросил Александр.

- Мужик здоровый, молодой ещё. Должен по идее.

- По идее? А по жизни?

- К вечеру видно будет. Пока пусть полежит на свежем воздухе. Благо тепло... Где ты его нашёл?

- Это он сам на меня вышел. Я даже имени его не знаю. Пограничник. Хорошо, что у него патроны кончились, а то пристрелил бы меня сгоряча.

- Я бы тоже пристрелила. Посмотри на себя в зеркало. Рожа усталая, обожжённая, но довольная. Камуфляж натовский, новенький, погоны, нашивочки с черепами. Ранец, набитый под завязку... Ушёл мой милый на ночь, пропал в тумане грёз.

- Где тут зеркало взять? Не начинай, - Алёхин, устало вытянув ноги, закинул ладони под голову. - У меня тяжёлый день был.

- Дай догадаюсь. Взрыв ночью в селе — твоих рук дело?

- Угу, - Алёхин, краем уха слушая гневные упрёки девушки, блаженно закрыл глаза.

Через мгновение он уже спал. Слабая улыбка слегка раздвинула капитану губы. Капелька слюны засверкала в уголке рта.

Девушка, набросив на плечи куртку, растерянно сидела в центре поляны, поглядывая, то на обнажённое по пояс, перевязанное тело исхудавшего пограничника, то на безмятежно спящего Алёхина.

Капитан проснулся в сумерках. Наташа сидела рядом с пограничником, ковыряясь в ранце, выкладывая на траву найденное и приговаривая:

- Две гранаты. Прекрасно. Три пластиковые бутылки с водой. Замечательно. Рация. Отлично. Запасные аккумуляторы, фонарь, батарейки, две банки тушёнки, плед какой-то рваный, карта... А это, что у нас? - Девушка расстегнула застёжки на внешнем кармане ранца. - Обоймы для пистолета... Ну, как же без этого? Целый арсенал. Лейтенант? - девушка повернулась

к лежащему возле шалаша раненому. - Этот Рэмбо не тебя случайно ограбил?

К удивлению Алёхина, голос пограничника звучал слабо, но довольно уверенно.

- Не... Мне такое богатство даже не снилось. Но не ругайте его, прошу. Он меня на спине чёрт знает откуда тащил. Я уже думал, всё... Помру.

- Вытаскивать людей из дерьма — это его специальность. Впрочем, окунать кого-то туда же с головой - тоже.

- Ну, зачем вы так? - прерывисто вздохнул лейтенант. - Кстати, меня Михаилом зовут.

- Эй! Кто это там клеит мою девушку? - Алёхин приподнялся на локтях. - Гляди-ка... Наш пациент ожил. Как самочувствие, Миша?

Капитан перебрался ближе к шалашу.

- Вроде ничего. Только голова кружится, ещё ноги ватные.

- Ты лежи, лейтенант, - Наташа заботливо укрыла раненого тонким в заплатах пледом. - И не поддавайся на провокации. Думаешь, он просто так о твоём здоровье спрашивает? А то, что голова болит, ноги ватные, это от потери крови... Алёхин! Открывай тушёнку! Время ужинать. Обе банки.

- Зачем обе? Экономить надо, - слабо возразил капитан, чувствуя голодный спазм в желудке.

- Обе, говорю, - девушка, вернув Алёхину нож, подвинула ближе тушёнку. - У тебя будет новый повод отправиться в рейд по тылам противника. А уж вдвоём, вы новое Бородино хохлам устроите.

- Гляди, лейтенант, да на ус мотай, - Александр уже открывал банки. – Знаешь? Мы ещё не женаты. Что будет, если мы станем семьёй?

- Что будет? - парировала Наташа. - В нормальной семье должно быть два мнения. Первое — жены, второе — неправильное.

Капитан засмеялся, едва не опрокинув на траву тушёное мясо.

Ужин, по мнению Алёхина, удался. Лейтенант был жив, даже ел с аппетитом, осторожно беря с ножа куски тушёнки. Наташа, сменив гнев на милость, подшучивала над пограничником, лукаво посматривая на довольное лицо Александра.

Сумерки сменились довольно светлой ночью. Где-то на востоке снова слышался гром. Луна висела прямо над головой. Наташа, закопав в землю пустые банки вместе с лишним мусором, проверив повязки на ране Михаила, залезла в шалаш, чтобы немного подремать.

Алёхин пересел ближе к лейтенанту.

- Ну, как ты?

- Вроде ничего. Если бы не слабость...

- Ладно, ладно. Горячий ты, однако. Вон глаза, как блестят. Лежи, пока отдыхай. Я просто хочу посоветоваться. Эй! Наташ! Может, вылезешь? Будем совет держать. Выспаться ещё успеем.

- Это говорит человек, дрыхнувший почти целый день, - проворчала девушка, усаживаясь рядом. - Ну, что?

Алёхин коротко изложил свой план связи с российской армией при помощи рации с позывным «Вызываю Волгу».

- Что думаешь, лейтенант? - спросил он, поворачивая голову к Михаилу.

- Что думаю? В теории раньше могло бы сработать, но не сейчас.

- Почему?

- Насколько я знаю, даже год назад таким способом сдавались сотни укропов. Сейчас подобные случаи редкие.

- Почему? - на этот раз вопрос задала Наташа.

- Всё просто. Наши парни тоже интересовались этой странностью. Вроде бы качество подготовки ВСУ упало. По мобилизации гребут всех подряд, применяя силу. Мотивации почти никакой. На ленточке становится всё больше баб. Они есть даже в штурмах. Мы давим на всех направлениях, кроме курского. У хохлов всё меньше техники, БК. А поток пленных превратился в ручеёк. Вопрос — почему.

- Слушай, Миша. Не томи. Короче! - начал сердиться Алёхин.

- Включай логику. Мы воюем с врагом, который очень быстро приспосабливается к нашей тактике, к меняющимся условиям ведения боевых действий. Я ещё месяц назад разговаривал с офицерами связи в штабе Округа. Они считают, что на частотах "Волги" постоянно сидят офицеры РЭР ВСУ, мониторя каналы связи в круглосуточном режиме. Думаю, у них есть даже приказ о постоянном прослушивании этих частот. Как только,

кто-либо выходит на этой частоте, начинает договариваться о сдаче, офицеры РЭР ВСУ докладывают своей контрразведке. К желающим сдаться немедленно отправляется ближайшее карательное подразделение нациков. Грубо говоря, мужики из ВСУ, планирующие сдаваться в плен, еще не успевают поговорить с ”Волгой”, а уже тут, как тут каратели для предотвращения сдачи и наказания виновных. *Если не успевают, то по подразделению наносится артиллерийский удар. Ты просто не знаешь, капитан. Таких случаев с их стороны полно.*

- А что такое РЭР? - спросила Наташа.

- Радио электронная разведка, - ответил лейтенант. – Специальное подразделение. Последнее время хохлы уделяют связи, защите от систем РЭБ огромное значение. Естественно, по совету и под чутким руководством натовских спецов. Нашему МО ещё учиться и учиться. Хохлы внедряют системы РЭР и РЭБ на два порядка активнее, чем наши. У нас на разработку, сертификацию, внедрение в войсках передовых систем уходят годы. А у них — от трёх недель до двух месяцев. Штампы или печати на разрешительных документах нашего родного МО не гарантирует эффективности и защищённости новых систем связи. У хохлов всё проще. Вместо того, чтобы по пять лет в НИИ за бешеные деньги свои собственные протоколы связи придумывать, ВСУ легко, на постоянной основе применяют уже изобретённые теми же китайцами гражданские протоколы.

- Чёрт! - воскликнул Алёхин. - Миша, ты кладезь информации.

- Может, я дура. Нельзя доходчиво объяснить даме? – С досадой произнесла Наташа.

- Всё просто, - пограничник со стоном подтянул ноги к животу. - Думаешь, почему ВСУ так легко прошли здесь нашу границу?

- Мы проспали.

- Может и проспали, - начал волноваться лейтенант. – Только у них по всей линии соприкосновения, а это более двух тысяч километров, не только здесь, а вообще... Стоит чёртова куча систем РЭР, накрывающие одеялом ленту по всей протяжённости в глубину на двадцать, тридцать километров. Поэтому целый год после начала СВО у нас были такие огромные потери. Почему хохлы вместо цветов встречали артой или дронами колонны наших войск?

- Почему? - недоумевала девушка.

- Господи, - догадался Алёхин. - Пеленговали войсковые узлы связи, штабные рации, анализировали активность, вскрывали

структуру, иерархию штабов, пунктов управления армейскими группировками с точной привязкой к местности. Далее — взлом кодов, ключей шифрования. Хохлы знали всё. От координат наших раций до оперативных планов и маршрутов передвижения войск.

- В точку! - мрачно сказал лейтенант.

- Чёрт возьми! - воскликнул Александр. - А я, наивный, думал, что применение беспилотников произвело революцию на поле боя. Ни хрена подобного. Тактическая радиоэлектронная разведка... Вот, что сейчас главное.

- Ты прав, капитан, - подтвердил догадку Алёхина Михаил. - Пока наше МО сопли жевало, хохлы создали разветвлённую сеть высокоточных пеленгаторов, в том числе мобильных, переносных. Насытили этими комплексами всю ЛБС на оперативную глубину. Пеленгаторы «видели» все объекты, излучающие радиоволны, затем эти места накрывались из РСЗО. Такая система у чубатых вроде называется... Э-э... Пластун, по-моему.

- Да, точно, - перебил пограничника Алёхин, вспоминая лекции, семинары в военном училище по темам организации систем связи. - В первую очередь хохлы выявляли радиосети, определяли рабочие частоты на оперативно-тактическом уровне. Пеленговали рации наших частей. Фиксировали цифровые каналы управления, координаты наших станций РЭБ, местоположение аппаратуры активных помех, подавляли GPS сигналы, блокировали передачу данных нашей авиации и средствам ПВО. Насколько я знаю, ничего даже близкого, такого массового у нас нет. А мы думали — задавим чубатых бронированным катком танковых дивизий. Однако, теперь хохлы здесь под Курском, мать их!

Наташа, заметив состояние Алёхина и усталость лейтенанта, попыталась отвлечь офицеров

- Может, спать уже ляжете, мужики? Утро вечера мудренее.

Но Михаил, словно не расслышав, повернул голову к Алёхину.

- У меня отпуск был прошлым летом. Дай, думаю проеду через Москву, заскочу на выставку «Армия 2023»... На площадке бронетехники чуть не офонарел. На новеньком танке Т-90М - маскировочная сеть, под ней - заводская супер-пупер решётка «мангал» - защита от дронов, а над решёткой почти на метр возвышается система радиоэлектронного подавления «Тритон». Иду дальше... БТР-80. Классная машина. Тоже накрыта офигенной маскировочной антидроновой сетью, а

сверху торчит купол РЭП «Волнорез». Это всё равно, что спрятать в лесной чаще красавицу ёлку, выбранную для новогоднего праздника в Кремле, а затем повесить на неё гирлянды включённых лампочек. Неужели разработчики этих «Ноу-хау» не знают элементарных вещей. Противник средствами РЭР, теми же «Пластунами» при наличии FPV-дронов, способных менять собственные частоты управления, издалека обнаружит все эти «новогодние елки», излучающие радиоволны на постоянной основе. Он может применять по нашим объектам дроны, имеющие частоты управления, не подавляемые нами. Такие «птички» гарантированно обходят новейшие средства противодействия...

Пограничник, устав от длинной тирады, замолчал, тяжело дыша.

- Да, брат, - пробормотал Алёхин. - Дела... Интересно, кто в нашем МО отвечает за весь этот бардак со связью, системами РЭР и РЭП? Не знаю, что и думать. То ли это пофигизм разработчиков, то-ли некомпетентность наших генералов, отвечающих за системы вооружений.

- Предательство. Вот, что, - прохрипел Михаил. - Кому нужны наши громоздкие, стационарные, дорогущие системы РЭБ, которые хорошо «видит» хохляцкий «Пластун». У нас здесь в двадцати километрах от границы стояли эти наши «слоны». Да, с высокими характеристиками, да, суперэффективные в теории...Они первыми попали под удар украинской артиллерии и дронов. Зато наше МО нехилый бюджет освоило вместе с профильными НИИ. Да, чего говорить об этом, если у нас, пограничников... Даже в армейских частях прикрытия границы нет, ни приборов ночного видения, ни тепловизоров. Как тут воевать в тёмное время суток?

- Бог ты мой! - тяжело вздохнула Наташа. - Я думала генералы у хохлов дебилы. Оказывается нет. Мальчики! Может хватит криков «всё пропало» и соплей. Не сразу Москва строилась. Всё у нас будет. Всему своё время...

- Это будет должно быть в войсках ещё позавчера, - мрачно откликнулся Алёхин.

- Ну, давайте все вместе голову пеплом посыпать, - девушка передёрнула плечами, плотнее натягивая куртку. - Лучше думайте, что делать будем дальше.

Капитан растянулся на траве, глядя на ночное небо, прислушиваясь к далёким звукам стрелкового боя. Через пару минут он вскочил.

- Наши — пока в обороне. Но, судя по всему, вроде удерживают рубежи там на Востоке... Сегодня канонада глуше. Может, ветер поменялся. Не знаю. Но нам здесь сидеть на жопах нет никакого смысла. Ну, неделя пройдёт, ну две. Погонят обратно хохлов. Однако, глядя на то, какие укрепы ВСУ здесь сооружает, нашим придётся туго. Перед Любимовкой — сплошные минные поля. Мы с Михаилом видели хорошо замаскированные опорники со спрятанной в складках местности бронетехникой. Зря, что ли я карту доставал, наносил на неё обстановку? У нас есть рация, а потому нужно попробовать связаться с нашими. Да... Есть вероятность, что запеленгуют, потому, как с первого раза никто по ту сторону ЛБС нам не поверит. Будем пытаться снова и снова. Понимаю, что такую активность хохлы не оставят без внимания. Тем более, что придётся открытым текстом давать координаты позиций противника. Значит, по участку леса откуда выйдем на связь, отработают из миномётов или артой, полагая, что здесь засела русская ДРГ. Или прочешут лес. Я видел поляков в селе. Сильно смахивают на спецназ... Предлагаю... Если хотим остаться в живых, нужно найти новое место для запасного лагеря. Лучше всего километрах в трёх, пяти. Тут лесов много. Есть пореже, есть погуще. Найдём подходящую поляну, обустроим её. Замаскируем, поставим растяжки. Здесь, на старом месте, к примеру, выйдем на связь. После сеанса — радиомолчание, сразу рвём на новую базу

- У нас всего две гранаты, - с трагическими нотами в голосе произнесла Наташа.

- Достанем ещё, - капитан снова сел рядом с Михаилом. - Что скажешь, лейтенант?

- Говорят, что за компанию жид удавится, но мне бы на ноги для начала встать. А стрельба, по-моему, слышится со стороны Суджи и Казачьей Лопани.

- Встанешь на ноги, куда ты денешься? Первое время... День, два мы с Наташей и без тебя обойдёмся.

На поляне воцарилась тишина. Лейтенант, накрытый поверх пледа лапником, заснул. Алёхин продолжал лежать на спине с открытыми глазами. Наташе перебралась к нему ближе и легла рядом, прижавшись всем телом к Александру.

- Не спится, чёрт, - прошептал капитан, обнимая девушку. - Замёрзла?

- Есть немного.

- Завтра что-нибудь придумаем. Не в куртке же на голое тело ходить.

- Там ещё лифчик есть, - сказала Наташа, беря за руку Алёхина и просовывая её в недра куртки. - Чувствуешь, какая я тёплая?

- Как лягушка, - - лёгкая улыбка раздвинула губы Александра.

Повернувшись на бок, он поцеловал Наташу в губы

- Давно у нас секса не было, - прошептал Алёхин, убирая с лица девушки пряди волос.

- Ты хочешь этого?

- Конечно хочу. Можешь потрогать его. Он подтвердит.

- Так, в чём же дело? - ладонь девушки скользнула по животу капитана вниз.

- Не буди зверя, - пробормотал Алёхин.

- Почему?

- Грязный я и потный. Тебе будет неприятно.

- Глупый. Иди ко мне, - Наташа легла на спину.

Она стала помогать Александру стаскивать с себя одежду.

- Тише. Разбудим лейтенанта.

- Намучился он. Спит без задних ног.

Алёхин, торопливо раздевшись, прижался к прохладному телу девушки, нежно целуя и водя языком по набухшим соскам Наташи. Ласки капитана становились всё более нетерпеливыми. Девушка обхватила сильное тело Александра ногами, отыскивая ладонью напряжённый член мужчины. Тихий стон, противодействие влажного, упругого кольца женской плоти вместе с сильным движением навстречу перенесли Алёхина в иное измерение...

Рассвет застал их крепко спящими в шалаше под грудой одежды. Капитан проснулся первым, будто кто-то провёл рукой по его затылку. Он открыл глаза, поднял голову и начал выбираться из объятий девушки.

К удивлению Александра, лейтенант сидел, прислонившись спиной к дереву и тяжело дышал. Его лицо было бледным, мокрым от пота. Ноги мелко дрожали.

- Ты, чего? - спросил Алёхин.

Возглас разбудил Наташу. Она высунула голову из шалаша, сонно протирая глаза одной рукой.

- Тренируюсь, - тихо сказал Михаил, переводя дыхание. - Пытаюсь подняться. С тобой кто-то же должен идти.

- Я сейчас, - девушка вновь скрылась в шалаше, откуда через минуту вышла одетой. - Куда ты пойдёшь? Ложись немедленно. Вон сукровица на бинтах. Тебе же двигаться вообще нельзя. Края раны разойдутся, что с тобой делать буду?

Наташа подскочила к пограничнику. Вместе с Алёхиным она потащила Михаила в шалаш.

- Лежи здесь. Не смей даже рыпаться, - сказал Александр, глядя на ловкие пальцы девушки, которая поправляла повязку на теле лейтенанта, туже затягивая узлы.

Через несколько минут Алёхин и Наташа сидели возле дерева у пятна выгоревшей травы.

- Ты костёр разводила? - недовольно спросил капитан.

- Совсем крошечный, - виновато откликнулась девушка. - Страшно было одной. Пыталась всеми способами разжечь охапку сухой травы. И в кусочке коры палочкой вращала, чуть кожу на ладонях не стёрла, затем искры высекала камнями...

- Ну, да. И спрятала пепелище под охапкой веток. Думала, я не замечу?

- Ну, какое это пепелище? Одно название. Две минуты горело, а потом – ветер всё разметал...Прости.

- Ладно... Оставайся здесь с пограничником. А я - на разведку. Будем делать то, что решили вчера.

- Одного не отпущу, - Наташа с тоской смотрела в глаза капитану.

- Кто-то за Михаилом должен присмотреть? Вода скоро кончится, к ручью идти надо. И вообще. Нельзя его бросать здесь одного.

- Ты заметил, как пахнет рана?

- Нет. Не обратил внимания. Сильно?

- Гноится. Я бинт приподняла, там всё воспалено. Цвет кожи вокруг раны мне не нравится. Зелёный оттенок, пузыри, отёк. Если начнётся газовая гангрена, ему конец.

- И, чего делать? - растерялся Алёхин.

- С тобой мне идти надо. За день ничего особо страшного с лейтенантом не случится. Нужны лекарства. Внутривенные инъекции физраствора, гепарина или никотиновой кислоты.

По-хорошему, рану бы почистить, удалить некрозные ткани, зашить, залить йодом, перекисью водорода или марганцовкой, пропить антибактериальные препараты. Короче, его в больницу бы отвезти, да где её здесь возьмёшь.

- Может, какие-нибудь народные средства есть?

- Есть, конечно. Масло гвоздики, отвар плодов черёмухи или можно порошок сделать из сухих ягод можжевельника. Опять же, где их взять. Осень - на пороге.

- В Любимовке в домах пошарю.

- Ты это серьёзно?

- А, чего такого? В таких сёлах разве старухи не жили? По сараям посмотреть, на чердаках. Вон, мама твоя отварами трав меня на ноги подняла.

- Я не о том, - морщась, словно от боли, тяжело вздохнула Наташа. - Забыл, что хохлов там, больше, чем селёдок в бочке? А, ещё... Ты знаешь, как выглядят сухие плоды черёмухи или можжевельника?

- Нет.

- Знаешь названия антибиотиков?

- Ладно, - Алёхин посмотрел в сторону шалаша. - Собирайся, а я с лейтенантом поговорю...

Через два часа капитан вместе с Наташей, которая привела себя в порядок, почистив, насколько было возможно, камуфляж и соорудив на голове некое подобие причёски, уже шёл по еле заметной тропе через лес.

Алёхин с большим трудом нашёл место, где они с пограничником оставили мотоцикл. Проверив уровень топлива в баке, Александр поставил БМВ на сошки.

- Нравится?

- Неплохой. Почти антиквариат. Где ты взял его? У тебя просто выдающиеся способности добытчика.

- А ты сомневалась... Байк - долгая история. Потом расскажу. Давай-ка ещё раз проговорим наш план.

Спустя десять минут, проверив оружие, критически осмотрев Наташу, на которую он надел бронежилет, Алёхин, подумав немного, вытащил из волос девушки единственную уцелевшую заколку.

- Поедем в наглую. Типа, нам, доблестным захистникам неньки Украины— всё по одному месту, - капитан приладил на спину Наташе ранец. - Садись. Если, что, держись за меня крепче, пригибай голову. Погнали.

Александр в который раз за утро прислушался. Вынув из чехла автомат, он снял оружие с предохранителя, снова вернул автомат на место и завёл байк. Они выбрались из леса в ста метрах от дороги на Малую Локню. Разбитый асфальт был пуст, только где-то за лесопосадками слышался удаляющийся гул двигателей. Капитан, проехав пару километров по дороге и, увидев приближающуюся небольшую колонну военных грузовиков, свернул на пустой просёлок. Через несколько минут езды БМВ выскочил к реке. Это была всё та же Снагость, за которой виднелось небольшое село. Алёхин остановил байк, затем приложил к глазам бинокль.

- Домов пятьдесят, может, больше. Две или три улицы. Вроде — никого. Постой, карту посмотрю.

Капитан, открыв ранец, достал карту.

- Толстый Луг, - пробормотал он, ткнув пальцем в точку на карте. - Ну, что, рискнём?

- Давай! - девушка слегка наклонилась, позволяя надеть себе на спину ранец.

Александр медленно поехал по тропе, вьющейся вдоль реки. Заметив следы копыт, ведущих в воду, капитан свернул на песок. В этом месте река сильно обмелела, что позволило переправиться на другой берег. В селе действительно оказались две улицы, не считая переулков, протянувшихся вдоль реки. Домов оказалось больше, но половина из них выглядела заброшенными.

Алёхин медленно ехал вдоль ветхих оград, разглядывая заросшие сорняками огороды, постройки и сараи. По вещам, валяющимся на приусадебных участках, было видно, что село недавно разграбили.

- Хохлы заходили, - сказал Алёхин, оборачиваясь к Наташе. - Ни аптеки, ни магазина... Жители либо удрали, либо...

Прикосновение ладони к плечу, заставило капитана повернуть голову в ту сторону, куда показывала девушка. На площадке возле пустого, ветхого коровника он увидел лежащие в неестественных позах мёртвые тела. Александр резко нажал на рукоять тормоза.

- Вот, чёрт! - выругался он.

На утоптанном пятачке вповалку лежали старухи, старики и две маленькие девочки подростка лет двенадцати в разорванной одежде. Возле тел сидело несколько собак с высунутыми от жары языками. Наташа, выбравшись из седла, обречённо пошла к коровнику. Капитан остался на месте, держа оружие наготове. Девушка наклонилась над телами, закрывая нос рукавом куртки. Через пару минут она вернулась. Сухие, сверкающие лихорадочным блеском, глаза смотрели куда-то поверх головы Александра.

- Малышек изнасиловали, а потом зарезали, - тихо, дорожащим голосом сказала Наташа. - Дня три назад... Кровь засохла... Похоронить бы...

- Рискованно, - мрачно откликнулся Алёхин, оглядываясь по сторонам.

Через минуту, о чём-то думая, он, опустив голову, застыл, упираясь локтями в руль. Блуждающий взгляд остановился на какой-то, треснувшей вдоль, старой квадратной доске, лежащей у переднего колеса мотоцикла. Высокий рост позволил капитану нагнуться, не вылезая из седла, поднять доску и перевернуть её. Это была икона с огромной трещиной посередине образа Иисуса Христа. Глаза Спасителя оказались повреждены ножом и выглядели чёрными дырами. На иконе местами сохранились части оклада из меди. Алёхин сообразил, что у него в руках - новодел, какие часто продаются в лавках при *больших храмах.*

Наташа стояла спиной к капитану, причитая:

- Боже Всемогущий, милостивый! Почему ты не остановил тех зверей? Почему ты позволил такому случиться? Дети, они же – безгрешные ещё. Спаси и сохрани тех, кто нуждается в твоей защите!

- Молишься? – зло спросил Алёхин. – Ему? – Капитан, с размаху ударив иконой об колено, перебросил две узкие дощечки через ближайший забор. – Зря стараешься. Твоему Господу наплевать, что убийство и насилие стало нормой. Ему плевать, что на досках люди рисуют его лик, а после вешают иконы на стены в глупой надежде на милость господнюю. Чем мы лучше римлян, распявших Иисуса? Не на досках должен быть Спаситель, не на крестиках золотых и серебряных, а в сердце человека. Он жил в сердце твоей матери, когда она подобрала меня раненого и выходила. А у хохлов внутри – пусто. Такие же, как те, кто прорвался через нашу границу, запустили ракету по вагону, где ехала Ксения. Такие же нелюди убили тех стариков и старух.

Александр повернул голову в сторону коровника.

- Такие же изнасиловали тех девочек. А, потому, не будет им больше от меня пощады.

Наташа огромными, полными слёз глазами со страхом смотрела то на Алёхина, то на забор, за которым виднелись остатки иконы.

- Бог тебе судья... Как хочешь. Я дальше никуда не поеду. Надо всех похоронить... Мы, сами — люди или нет? Видишь собак?

- Ладно. Вот, как поступим, - капитан, заглушив двигатель байка, вылез из седла. - Ступай на просёлок при въезде. Услышишь шум, заметишь чубатых, дай знать.

- А, ты?

- Перетащу трупы в какой-нибудь погреб.

Увидев презрительный взгляд девушки, Александр добавил. - Поверь. Это всё, что мы пока можем сделать для них.

Наташа, отвернувшись, опустив голову, пошла прочь по просёлку.

Через час Алёхин почти силой усадил девушку в седло мотоцикла. Байк снова переправил седоков через реку и вынес на дорогу в тот момент, когда мимо проезжали два грузовика с украинской пехотой.

- Эй, пан офицер! - закричал один из солдат, вставая во весь рост в кузове и держась за товарищей. - Одолжи дивчину на годину, а то мы дуже падкие те раз до баб.

- Адреналин зашкаливает? - зло заорал вслед Александр. - Я те, покажу...

Голос Алёхина утонул в рёве двигателя грузовика, переходящего на пониженную передачу.

Алёхин, выждав минуты три, выехал на асфальт, поворачивая за колонной.

- Доедем до трассы. Там, судя по карте, развилка. Километрах в пяти от неё — село Свердликово. Попытаем счастья там. Должна же быть где-то здесь аптека. Аптечный пункт на худой конец.

К удивлению капитана, подъехав к развилке с указателем «Зелёный шлях», со стрелками поворотов на Коренёво и Свердликово, они увидели магазин. Над дверью небольшой постройки красовалась вывеска «Продукты». На самом перекрёстке было оборудовано что-то вроде блокпоста. За

автобусной остановкой прятался небольшой пикап, в кузове которого на сварной раме стоял пулемёт. Четверо солдат играли в карты на перевёрнутой железной бочке из-под солярки.

Алёхин подъехал к магазину и, не глуша двигатель, повернул голову к Наташе.

- Давай!

Девушка, расправив волосы на плечах, пошла к солдатам.

- Слава Украине, хлопцы! Шо тут е в той халабуде? - Наташа показал рукой на магазин.

- А, вы кто будете? - поднялся один из солдат, бросив карты на бочку.

- Зараз я тоби вот так просто уси мои секреты видкрыю, - засмеялась Наташа. - Семийный стан, диты, як бгато разив выходыла замиж? Обийдешся. Губа трисне. Так е шось в тому магазине?

- Та нэма там ничого? До нас всэ пидчистили. Може, оцет залишився, алэ силь... А шо вам потребно?

- Шо можэ буты потребно те раз? - девушка пожала плечами. - Застудилася я на свижому витру, та мозоли понабивала. Башмаки войсковы не для моих пят. Думала йоду пошукать, аспирину, але пластырю.

- Микола! Да сидай вже. Доограем, - лениво повернул голову второй солдат. - А вы пани, офицер, ходьтэ до магазину, сами забачьте, шо там можно ще отриматы.

- Дякую, - нервно улыбаясь, прокричала Наташа, направляясь к постройке.

Внутри помещения царил разгром. Почти все стеллажи пустовали. Гротескно выглядели ценники, разрисованные свастикой и черепами. На полу валялись пустые коробки, вскрытые консервные банки, раздавленные фломастеры, пустые водочные бутылки. Холодильные шкафы были разбиты. Под ними виднелись лужи.

Девушка быстро обошла помещение, потом заглянула в подсобку, где пахло дерьмом. В дальнем углу она нашла коробку с бутылками уксуса, разорванный пакет, где прятался довольно грязный на первый взгляд бинт. На одном из стеллажей обнаружились: наполовину пустая бутылку жидкости для розжига костров, моток рыболовной лески, дырявая пачка соли и целая куча упаковок с просроченными лекарствами. Сняв ранец и уложив туда всё, что, по её мнению, могло

пригодиться, Наташа пошла к выходу. С правой стороны двери она увидела следы крови на пластиковой обшивке стены, а под ними - надпись чёрной краской «Смерть москалям», очевидно нанесённой из баллончика. Слева белела плотно закрытая дверь, тоже испачканная кровью. Девушка плечом толкнула её. Дверное полотно отошло в сторону, открывая взгляду хаос разгромленной кладовой и двух мёртвых женщин. Они лежали абсолютно голыми в неестественных позах с мешками на головах. Колотые раны с потёками застывшей крови выглядели чёрными дырами. Наташа закрыла нос рукавом куртки, затем торопливо захлопнула дверь.

Алёхин сидел в седле мотоцикла, высокомерно и презрительно поглядывая в сторону блокпоста. Солдаты не обращали на него никакого внимания, увлечённые игрой.

Девушка, подойдя ближе, тихо прошептала на ухо капитану:

- Из Азова хлопцы. Шевроны видел? Каратели. Может, это они там в селе за рекой старух и деток убивали? Сволочи! Дай автомат.

- Садись! - коротко бросил Александр.

Он огляделся по сторонам, подъехал ближе к солдатам, достал из чехла, привязанного к байку, автомат и, быстро передёрнув затвор, выпустил длинную очередь. Тела, разбросанные смертельной энергией свинца с близкого расстояния, остались лежать возле пикапа. Алёхин, опустив оружие, завертел головой, снова прислушиваясь. Кроме щебетания птиц, далёких, довольно тихих, прерывистых звуков канонады он ничего не услышал. Мысль, промелькнувшая в голове, заставила капитана выбраться из седла байка.

- Помоги, - коротко приказал он Наташе, направляясь к трупам.

Девушка, недоумевая, пошла к Александру, уже стоявшему возле пикапа.

- Бери за ноги, - капитан наклонился к одному из убитых, беря его за кисти рук. - Грузим в кузов.

Вместе минут за пять они справились с неприятной работой.

- Что дальше? - спросила Наташа.

- Дальше? - переспросил Алёхин, обшаривая разгрузки убитых. - Забираем бе-ка и вот эту вещицу, - в руках он держал рацию, вытащенную из кармана мёртвого сержанта азовца.

- Надень вот это, - капитан протянул девушке шлем, снятый с головы одного из солдат. - Спрячь волосы под каску. Встань в

кузове пикапа у пулемёта.

- Может, поехали отсюда быстрее? - прерывающимся голосом воскликнула Наташа. - Не дай Бог, из хохлов кто появится.

- Встань у пулемёта в позе стрелка, - раздражённо повторил Алёхин. - Делай, что говорю. Увидишь колонну или одиночную машину, маши рукой. Мол, всё в порядке.

Он подсадил девушку в кузов, отошёл на пару шагов, включил рацию и настроил её на частоту 149.200.

- Волга! Вызываю Волгу, - капитан, держа у губ динамик, уже доставал карту.

Из-за пологого поворота дороги показалась колонна техники, состоящая из двух багги, вездехода «Козак» и БМП -1У. Машины быстро приближались. Алёхин отвернулся, продолжая настраивать рацию. Когда колонна поравнялась с перекрёстком, Наташа взяла под козырёк, а затем выбросила руку в нацистском приветствии. Солдаты, сидевшие на броне, приветственно замахали в ответ. Техника, свернув в сторону Любимовки, скрылась из вида. Капитан подошёл к пикапу и положил развёрнутую карту на капот.

- Волга. Вызываю Волгу, - продолжал говорить Александр, находя на карте нанесённые им ранее отметки укреплений ВСУ.

- Волга? -почти выкрикнул он, услышав ответ. - Слава Богу! Записывайте, мужики. У маня мало времени... Здесь капитан Алёхин, вооружённые силы России. Нахожусь в тылу противника. По возможности веду диверсионную деятельность и разведку. Кто там на связи? Бери карту, наноси координаты позиций ВСУ, блокпостов и танковых засад. Что? Потом проверите мою личность! Номер жетона ничего тебе не даст. Записывай, что буду говорить, мать вашу. Что? Жду.

Капитан начал ходить вокруг пикапа, поглядывая то на дорогу, то в небо. Динамик рации снова ожил.

- Да! На связи. Готов? Записывай...

Александр торопливо диктовал невидимому собеседнику координаты, дважды повторяя цифры, особенности рельефа местности, где были обустроены позиции противника, примерное количество войск, виды бронетехники.

- Это всё! Маскировка у них на уровне. Проверяйте дронами или со спутника в указанных точках. Ждём вас, мужики. Конец связи... Что? Осторожен? Буду. По возможности. Конец связи.

Алёхин, не выключая рацию, положил её в кузов пикапа на спину одного из убитых солдат, затем подал Наташе руку.

- Поехали отсюда. Быстрее, быстрей.

Мотоцикл, выбросив из-под заднего колеса веер из песка, выскочил на перекрёсток, затем повернул в сторону Коренёво. Проехав пару километров, Александр оказался на просёлке, который вёл к далёкому массиву урочища, где находился «партизанский» лагерь с раненым пограничником. В это самое время слух Наташи уловил четыре разрыва довольно мощных фугасов сзади. Капитан тоже услышал эти звуки, сбросил газ и притормозил.

- Лейтенант был прав. Хохлы рацию запеленговали. Быстро сработали, сволочи. Сейчас отрабатывают по магазину и пикапу. Иес! - Алёхин поднял кулак в победном жесте. - Поздно пить Боржоми, если почки отвалились! - воскликнул он, снова отпуская рукоять тормоза.

Атлас

Кабинет начальника отдела МВД России по Басманном району Москвы выглядел штатно, но презентабельно. Он был оборудован так, чтобы внушать уважение к власти не только сотрудникам отдела, но и случайным посетителям. Большой стол размещался у противоположной от двери стены рядом с окном, зашторенным пластиковыми жалюзи. На одной стене висела карта района, на другой - портрет Путина. Мягкое кресло из чёрной кожи возвышалось над коричневым лаком рабочего стола. В дальнем углу почётное место занимал большой кожаный диван. Компанию дивану составлял журнальный столик в окружении трёх кресел.

Иван Матвеевич стоял у карты, с интересом рассматривая сеть улиц с нанесёнными на плотную вощёную бумагу непонятными знаками. Три человека средних лет в гражданских костюмах «оккупировали» кресла у столика, листая журналы, ранее сложенные стопкой, а теперь разбросанные по стеклянной поверхности. В обликах этих людей читалось хорошо заметное сходство, которое подсказало бы внимательному, стороннему наблюдателю, что в креслах расположились военные.

- Товарищ генерал, - спросил один из сидящих, взглянув на циферблат своих наручных часов. - Прошу прощения... Долго ещё ждать?

- Везут, везут. Потерпите, майор, - ответил Иван Матвеевич,

переходя от карты к окну, поднимая жалюзи, давая возможность утреннему Солнцу рассеять полумрак кабинета. - Вон, «Авто-ревю» вы ещё не смотрели. Рекомендую. Там интересная статейка есть про китайский автопром.

Человек, задавший вопрос, переглянулся с остальными, затем тяжело вздохнул, всем своим видом показывая, что для него время — деньги.

В кабинете снова воцарилась тишина, прерванная минут через десять стуком в дверь.

- Разрешите?

Иван Матвеевич повернулся на звук, увидел голову начальника отдела, торчавшую в дверной щели, и спросил:

- Привезли?

- Так точно.

- Тогда, заводите.

Через минуту дверь широко распахнулась, В помещение вошли: высокий сержант в бронежилете с автоматом на плече, за ним начальник отдела полиции. Дальше следовали: Атлас с наручниками на руках, сопровождаемый ещё одним полицейским, который подталкивал хакера в спину.

Три офицера в креслах, торопливо освободив руки от журналов, уставились на вошедших.

- Э-э... Наручники снимите, - недовольно приказал начальнику отдела Иван Матвеевич. - Это - лишнее.

С Атласа сняли наручники и, подчиняясь кивку головы генерала, усадили на диван.

- Не сопротивлялся?

- Куда ему? Дохляк, товарищ генерал, - пренебрежительно сказал сержант.

- Протокол задержания оформляли?

- Вы же сами запретили! - с удивлением воскликнул начальник отдела.

- Правильно... Свободны, - Иван Матвеевич коротко взглянул на полицейских, те, толкаясь в дверях, вышли.

- Спасибо, что удостоил, - с иронией бросил хакеру Иван Матвеевич.

- На здоровье, - невозмутимо ответил Атлас, разминая запястья. - Могли бы повесткой вызвать. Мне нечего скрывать. А то схватили на людях средь бела дня. Никакого уважения к моим правам.

- Повесткой? - Так на воротах твоей берлоги даже почтового ящика нет.

- Это повод руки заламывать?

- А, ведь он прав, - засмеялся Иван Матвеевич, поворачиваясь к сидевшим в креслах. - Можешь написать жалобу на имя начальника ЖЭКа, - генерал показал рукой в сторону портрета над картой.

- А на жалобу вашему начальнику ЖЭКа отвечать Генеральный секретарь ООН будет? - криво улыбнулся хакер.

- Ладно, - генерал, собрав морщины на лбу, сел рядом с Атласом. - С чувством юмора у тебя всё в порядке, чего не скажешь о прочих твоих делах. Поэтому, перейдём именно к ним. Для начала познакомимся.

Иван Матвеевич по очереди представил сидевших в креслах.

- Заместитель начальника отдела МВД по расследованию преступлений в сфере высоких технологий. Справа — начальник отдела Управления «К». Слева — заместитель начальника Центра информационной безопасности ФСБ...

- Ни фига себе? - воскликнул хакер, изобразив на лице гримасу ужаса. - Такие люди без охраны? Ладно. А теперь, кладите на стол предъявы или отпускайте.

- Предъявы? Что за жаргон? - пожал плечами генерал. - По фене будешь ботать с блатными, когда за решёткой окажешься.

- Тогда, чего надо?

- Чего надо? Просто познакомиться поближе. Вон товарищи офицеры тебя в глаза раньше не видели. Да и мне интересно с тобой лично побеседовать. Не штурмовать же спецназу твой ангар. Слишком много чести и шума. А шум в некоторых случаях вреден.

- У вас на меня ничего нет, - хакер сел на диване поудобнее. - Сервера внутри России я не взламывал, денег у депутатов Госдумы не крал. IP-адреса мои чистые...

- Не взламывал? - перебил Атласа офицер из управления «К». - Верю. Однако, никто не мешал тебе купить у какого-нибудь придурка прокси-сервер или использовать нестандартный

порт типа 3120 или 8080. Поверь, у нас есть масса способов «прозвонить» эти каналы, плюс куча прочих вариантов определить, ставил ты прокси на ранее хакнутые сервера или нет.

- С ума сойти! – воскликнул Атлас. – Военный – в теме! Тогда вытаскивайте информацию с этих, как вы говорите, моих серверов. Тогда и поговорим

- У нас есть ордер на обыск твоей берлоги. Конфискуем жёсткие диски, проведём изъятие системников, записных книжек, содержимого мусорных корзин... Мало не покажется, - продолжал наседать на хакера сотрудник управления «К».

- А, что, если я уже отформатировал свои диски или поставил под ними такие маленькие штучки? Малейшее неосторожное прикосновение к железу, и пуф... Был диск и сплыл... Нет у вас ничего на меня. Если только... - Атлас на мгновение замер, тяжело вздохнув. - Волков! Это же вы мне его подсунули?

- Коллеги, - предостерегающе поднял руку Иван Матвеевич. - Ну, зачем так наседать на парня? Мы пригласили гостя не для озвучивания претензий и прочей правовой ерунды. Давайте будем профессионалами. Попрошу не пороть горячку.

Генерал осуждающе посмотрел на офицеров.

- Мы не собираемся выдвигать никаких обвинений, тем более, насколько мне известно, наш юный коллега работал в интересах нашей страны, нашей общей безопасности. Что касается запросов американских партнёров, то мне плевать на всех штатовских прокуроров вместе с Министерством их чёртовой юстиции... Понимаю, у всех мало времени, поэтому предлагаю поговорить без эмоций, по существу. Прости, дружок, но обстоятельства таковы, что от твоих ответов зависят жизни миллионов людей не только в границах нашей Родины. Мне известно о твоих делах во Франции, Англии и в Штатах. Не всё, но достаточно, чтобы полагать, насколько близко ты поставил Россию рядом с гранью ядерной войны. Я также знаю, жаль, что не всё, о твоих ноу-хау в области искусственного разума.

Иван Матвеевич сел ближе к Атласу.

- Расскажи нам о нём?

- На грань вас поставил не я, - нахмурился хакер.

- Извини... Но тем не менее, твоя личность — в числе прочих. Но... Это я предполагаю со слов Волкова, что в твоих руках есть некоторые рычаги, механизмы, методы, как для развязывания, так и для предотвращения ядерного конфликта, - генерал по

очереди посмотрел на офицеров. - Я коротко вводил вас в курс дела, сеньоры... - Иван Матвеевич снова повернулся к хакеру. - Прошу тебя, как старший по возрасту, как военный и человек, видевший испытания ядерного оружия, оставь начальнику ЖЭКа вопрос принятия решений. Что скажешь?

- Мне это уже не интересно. Ваш старый мир, так или иначе, обречён.

- Та-ак, - сказал генерал. - Так, так, так... Понимаю. Допустим... С хакерством ты завязал. Мне правильно доложили, что у тебя сегодня - новая игрушка? Какой-то Искусственный гипер, пупер, супер - интеллект. Повторяю... Очень хочу, чтобы ты познакомил нас со своим творением. И прости за, может быть глупый, вопрос... Твой ИИ может разговаривать?

- Он много чего может, - уклончиво ответил Атлас, мысленно проклиная Алёхина, которого приютил в своём ангаре и который снова неожиданно исчез. - А ваш вопрос не то, чтобы глупый... Это вопрос дилетанта.

- Кто спорит? - продолжал Иван Матвеевич. - Куда мне до вас, молодых и дерзких? Однако, как модно сегодня говорить с подачи гражданина Трампа, давай заключим сделку, сынок. Мы закрываем глаза на всю твою былую хакерскую деятельность, а ты познакомишь нас со своим детищем. Посоветуешь ему подружиться, так сказать, с некоторыми гражданами страны пребывания. Как тебе такой вариант сотрудничества?

- Предлагаете работать на государство? Стать белой шляпой?

- Белой шляпой? - удивился генерал, оглядываясь на офицеров, которые хранили молчание.

- Да, белым хакером, работающим за деньги.

- Почему бы нет? Меня тут недавно просветили, что война в виртуальном пространстве обходится дешевле реальных боевых действий. Зато польза и отдача от неё колоссальные.

- Вы ещё расскажите мне, что атомный американский авианосец «Нимитц» обошёлся американосам в четыре с половиной миллиарда «зелёных», а цена кибератаки, чтобы обрушить ПО этой посудины стоит порядка пяти миллионов, - усмехнулся Атлас. Но я бы со своих взял меньше.

- Вот, как? - удивился Иван Матвеевич. – Пять миллионов? Не знал.

- Теперь знаете. Но меня деньги не интересуют.

Генерал нетерпеливо посмотрел на часы.

- Ладно. Это позволит нам сэкономить государственный бюджет... Господи! Как же у меня сегодня мало времени… Единственная разница между нами… У тебя нет не только времени, но и выбора. Либо садишься за решётку и прямо отсюда отправляешься в СИЗО, либо примеряешь белую шляпу. Даю три минуты на раздумье.

Атлас по очереди, оценивающим взглядом посмотрел на офицеров.

- Ваша взяла. Но у меня есть условие.

- Валяй, сынок. Я сегодня добрый.

- Мой ангар... В том смысле, что это мой дом, где удобное рабочее место. Пока не трогайте его.

- Так. Разумно. Твой дом, твоя крепость. Не пропадать же зря оборудованию... Что ещё?

- Больше ничего.

- Отлично! - Генерал энергично потёр ладони. - Я всегда всем говорил, что в разуме тебе не откажешь. Ты — почти свободен.

Хакер стал приподниматься с дивана, но один из офицеров снова усадил его на место.

- У меня тоже есть условие. Даже два, - невозмутимо продолжал Иван Матвеевич.

Атлас покорно склонил голову на грудь.

- Кто бы сомневался, - пробормотал он. - Давайте уже. Не томите.

- Будешь носить электронный браслет на лодыжке. Второе... Сколько тебе нужно времени передать в наши руки управление твоим искусственным интеллектом?

- И это называется свободен? - воскликнул хакер, снова пытаясь встать.

- Ты сиди пока, - сурово отреагировал на телодвижение Атласа Иван Матвеевич. - Недели тебе хватит «договориться» со своим детищем? Хватит, хватит... Через неделю передашь нам коды, ключи, программы... Короче, всё, что имеет отношение к твоей работе над ИИ.

- Вы думаете, это так просто? - хакер покорно сел. - Думаю, у вас нет железа нужного уровня. Доступа к своему оборудованию сейчас не дам. Разбираться в нём будете год. Вот вам совет, бесплатный. Ваши спецы должны заценить… Только

для простого общения с ИИ нужен десяток мощных компов или ноутов. Всё должно работать безупречно. Начинка - новейшие процессоры не меньше Intel Core i9 или AMD Ryzen 9, видеокарты последних разработок. Накопители SSD на 2 ТБ каждый.

- Напишешь список прямо сейчас, - сказал Иван Матвеевич, поворачиваясь к двери.

- И ещё одно, - прокричал вслед генералу хакер. - Мне нужен Волков.

- Зачем? - генерал остановился на пороге кабинета.

- Он работал над определённым софтом. Без него никак.

Иван Матвеевич постоял минуту, размышляя.

- Хорошо. Подумаю над этим. Товарищи офицеры! Он — ваш.

В полдень Атлас уже находился в своём убежище с электронным браслетом на лодыжке. Лёгкая, слегка презрительная улыбка кривила его губы. Он равнодушно смотрел, то на стационарное контролирующее устройство, прикреплённое к стеллажу рядом с рабочим местом хакера, то на небольшой прибор, напоминающий смартфон. Это был мобильный гаджет, позволяющий выходить из дома на определённое расстояние. Рядом с хакером сидел молодой человек в форме лейтенанта Федеральной службы исполнения наказаний. На столе перед ним красовался новенький ноутбук, в котором Атлас узнал бюджетный «Асер». Офицер работал над файлом, где уже было сформировано личное дело поднадзорного с отпечатками пальцев, анкетой, фотографиями, адресом проживания, историями болезней и прочими данными. Закончив с необходимыми формальностями, лейтенант протянул хакеру лист бумаги.

- Внимательно прочитайте и подпишите.

- Что это? - спросил Атлас.

- Условия вашего содержания под домашним арестом и ответственность за порчу оборудования.

- Слишком мелко напечатано. А, если своими словами?

- Согласно этому документу вам надлежит отмечаться у меня два раза в месяц. Адрес указан вот здесь, - офицер, сняв колпачок с красного фломастера, сделал пометку. - Вторая и четвёртая неделя по средам. Причиной неявки может быть болезнь, тогда звоните. Вот номер моего телефона. Пришлём

врача. Забыли, перепутали дни, это ваши проблемы и ваше нарушение. Не пытайтесь снять браслет. Он реагирует на изменения температуры вашего тела. Все попытки съёма фиксирует наш компьютер. На пульте контроля загорается лампочка, дальше идёт прозвон в дежурную часть, к вам выезжает наряд полиции. В случае, если что-то не в порядке с оборудованием, за ваш счёт оплачивается ремонт вплоть до замены. Вам разрешены прогулки в определённые часы, в определённых границах. Вот здесь можете прочитать подробно, где, когда, сколько. В браслет вмонтирован датчик GPS с выходом на спутник. Вопросы есть?

- А если я захочу принять ванну. Люблю полежать в тёплой водичке.

- Нырять, купаться и в баню с браслетом нельзя. Душ, единственное, что вы можете себе позволить.

- Господи! Откуда такие драконовские меры? Почему не предусмотреть возможность снять этот чёртов девайс хотя бы на пять минут?

- Я уже объяснял. Без специального оборудования браслет снять, а тем более деактивировать невозможно. Привыкайте. Ещё вопросы?

- Всего хорошего, - сказал Атлас, разворачиваясь в своём кресле спиной к офицеру. - Выход знаете где.

Хакер вывел на экран своего ноутбука изображения с камер системы контроля доступа, наблюдая за инспектором, который, миновав двери, вышел во двор, пересёк его, протиснулся в щель приоткрытых ворот, затем сел в микроавтобус чёрного цвета с броской надписью «Управление исполнения наказаний МВД РФ». Площадка перед воротами опустела. Атлас активировал электронные запоры. Через минуту убежище хакера вновь стало неприступной крепостью. С помощью удалённых видеокамер, он долго исследовал близлежащие переулки и тупики.

- Похоже слежки нет. Ожидаемо. Надеются на свои чудо браслеты, - шептал Атлас, вынимая небольшую шкатулку из ящика под столом.

Он достал из коробки отвёртку с замысловатой головкой, поставил на стол деактиватор, собранный им лично, открыл на компьютере файл с недавно созданной программой. Затем встал, проверил содержимое довольно объёмистого рюкзака, спрятанного между стеллажами, оставил его у входной двери и снова сел за стол.

«А ещё говорят, что любопытство — порок», - думал Атлас, нажимая на клавиатуре клавишу Enter.

Экран монитора подтвердил, что нужная программа запущена. Слева появилось всплывающее окно, говорящее о том, что получен удалённый доступ к компьютерам ФСИН и произошла подмена радиосигнала. Хакер быстро набрал на клавиатуре комбинацию цифр, знаков и букв. Новое всплывающее окно подтвердило, что Атлас находится в системе контроля перемещений лиц, осуждённых на условные сроки. Он быстро нашёл свой личный файл, созданный инспектором сорок минут назад, и заблокировал систему оповещения. Теперь можно было переходить к главному.

Хакер деактивировал браслет, затем мощными кусачками перекусив ремешок гаджета, перевернул его. Предохранительную пломбу он вытащил не без труда. Зато три маленьких болта под ней легко открутились той самой специальной отвёрткой. Аккуратно, чтобы внутри ничего не повредить, он вытащил электронную плату и заменил её на новую собственного изготовления. Затем вновь собрал браслет, надел его на специальную пластиковую трубу, армированную нагревательными элементами, настроил регулятор нагрева на температуру человеческого тела и вновь активировал гаджет. Он быстро проверил совместимость устройства с системой контроля ФСИН. Программа подтвердила, что всё в порядке.

Атлас удовлетворённо хмыкнул, откидываясь на спинку кресла.

«Ни фига любопытство не порок, - думал он, глядя на погасший экран монитора. - Это, всего лишь, неосознанная защитная реакция человеческого мозга на совокупность до конца неосознанных угроз».

Хакер удовлетворённо потянулся, затем отправился в свою спальню, где сел на кровать, перебирая в памяти события последних трёх недель. Именно три недели назад он наткнулся на заметку в ленте новостей о судебном процессе над бывшим директором Федеральной службы наказаний Александром Реймером. Он обвинялся в хищении из бюджета почти трёх миллиардов рублей, выделенных государством на закупку электронных браслетов. Порывшись в интернете, Атлас узнал, что вся техническая документация создавалась под одного единственного подрядчика - юридическое лицо, которое носило название «Центр информационно-технического обеспечения и связи» (ЦИТОС). Выяснить, что все протоколы и пароли для программирования браслетов есть только у специалистов

Центра, было делом техники. Банальным образом купить техническую документацию тоже не составило большого труда тем более, что комплектующие для браслетов поставлялись по «серым» схемам из Китая. Из любопытства и от безделья, ещё не думая, с какой целью, Атлас создал программу взлома серверов ФСИН и способ деактивации браслетов.

- А, вот поди ж ты, пригодилось, - вслух подумал он.

Через пять минут хакер вышел на улицу с рюкзаком за плечами, не закрыв, ни створки ворот, ни входную дверь, оставляя за спиной, не только своё прошлое, но и прошлое мира, поражённого, Атлас был уверен в этом, гангреной коррупции, изъеденного ржавчиной наживы, испорченного жаждой власти, почти обескровленного безудержным потреблением ресурсов. Судьба ангара его больше не интересовала. Большая часть оборудования была заранее продана и вывезена. На стеллажах стояли лишь железные «пирожки» без начинки. Все нужные программы на компактных носителях были уложены в рюкзак. Там же прятался мощный ноутбук, комплектующие для спутникового интернета и спутниковый телефон. Свой основной системный блок хакер давно разобрал, разбив на мелкие кусочки внутренности и спустив их в уличные водостоки. Его детище — Искусственный разум по имени «Франкенштейн» уже давно вышел на новый уровень связей со своими сородичами, благополучно обживая сервера крупнейших банков, мировых платёжных систем, корпоративных сетей финансовых, энергетических, инвестиционных компаний и суперкомпьютеров оборонных ведомств.

Атлас шёл по улицам Москвы с видом человека, сбросившего с плеч тяжёлый груз. Он рассеянно взглянул на экран смартфона, чтобы посмотреть который час. Голодный спазм в желудке заставил его вспомнить, что он со вчерашнего дня не ел. Сверкающий на солнце рекламный щит ресторана «Вкусно и точка» привлёк внимание. Хакер огляделся. До улицы Яблочкова, где недавно выстроили новый павильон бывшей сети Макдональдса, оставалось пройти метров восемьсот. Атлас двинулся в том направлении, полагая, что времени перекусить у него достаточно.

Возле дверей заведения взгляд остановился на лице худого парня, одетого в потрёпанный солдатский камуфляж. Подошвы рваных защитного цвета солдатских ботинок, будто прилипли к асфальту. На груди, предметом совершенно лишним для вылинявшей ткани, сверкал орденский крест, подвешенный на трёхцветной колодке. Атлас не разбирался в современных наградах, но глаза оборванца, которые буквально

пожирали через витринное стекло стоявшие на столах подносы с остатками пищи, не оставили хакеру выбора. Атлас вспомнил свои скитания без гроша в кармане по дорогам Америки и двери забегаловок Мексики, возле которых он рылся в мусорных баках, отыскивая еду.

- Привет! - сказал хакер, опуская ладонь на плечо парню, который испуганно отпрянул в сторону.

- Чего надо? - спросил молодой человек, неуверенно принимая боксёрскую стойку.

- Сдаётся мне, что у тебя в кармане чёрная дыра размером чуть меньше нашей Вселенной.

- Чего?

- Заходи. Угощаю, - сказал Атлас, беря парня за локоть.

- С чего бы это?

- Сам, когда-то бомжевал. Да, ты не бойся. Мне от тебя ничего не нужно. Сидеть и жрать у голодного человека на глазах — не в моих правилах. Идёшь? - Атлас открыл дверь и добрую минуту ждал, пока парень, потоптавшись, всё же переступил порог ресторана.

- Жизнь – сложная штука, да? - спросил хакер, ставя на стол два подноса с едой. – В чём проблема?

- Долго рассказывать, - ответил парень, торопливо разворачивая двойной чизбургер. - Вряд ли вам будет интересно.

- Мы вроде с тобой одного возраста. Может, перейдём на ты? - предложил Атлас. – Кстати, давай без понтов. Колись, что с тобой стряслось?

Парень долго молчал, торопливо жуя и проглатывая пищу, но всё же решился:

- Чего тут рассказывать? Был на СВО. По контракту, два срока. Из Приморья мы. Благовещенского района. Думал, получу бабки, отдам кредиты, верну долги авторитетным людям... Во, видишь? - бывший солдат засучил рукав куртки, показывая пальцы протеза.

- Дважды ранен был, один раз контужен, - калека замолчал, безнадёжно махнув здоровой рукой.

- Ну? Продолжай, раз начал.

- А, чего тут продолжать? Вернулся домой после первого ранения. Жду выплат... А ко мне подкатывают местные

бандюганы. Слово за слово... Короче, на счётчик меня поставили.

- Надо было в полицию идти.

- Ходил, - снова махнул рукой бывший солдат и засунул в скрюченные пальцы протеза пакет картошки. - Оказалось, что полицейские с бандитами заодно. Там у них целая система. Рука руку моет, все - в доле. Заявление моё у меня на глазах порвали... Короче... Деньги, как корова языком слизнула. А у меня два брата моложе, сестра тоже вся в кредитах, мать-старуха больная. На одних лекарствах можно разориться. Пришлось снова контракт подписывать, - парень, насытившись, обмяк.

- Снова вернулся домой, а там снова замкнутый круг. Те же мусора, те же бандиты. Помнишь, говорят, ты нас посылал? Отвечать нужно за базар. Вот тебе срок — два дня. Бабки переведёшь сюда. И дают мне клочок бумаги с банковским счётом. Я на дыбы. Не имеете права. Инвалид я, награду имею...

- И, что дальше было? - Атлас сидел, с каждой минутой всё больше закипая гневом.

- Заржали. Этак даже без злобы, а снисходительно, будто с дурачком деревенским общались. Говорят, мы люди свободной профессии. Нам пенсий ждать западло. Вот ты и будешь в наш пенсионный общак половину инвалидных выплат перечислять. Тут же волыны достают.

Солдат вытер рот рукавом куртки.

- Ладно. Надоел я тебе с разговорами. Пойду я.

- У меня время есть. Давай финал. Как ты в Москве оказался?

- Очень просто. Хрен вам, говорю, а не пенсия. Я — за нож, они мне огнестрел суют в рожу... Но я и не такое на ленточке видел. Нож к собственному горлу приставил. Уже на нервах кричу... Хрен вам собачий, а мне сзади - по тыкве. Чувствую – волокут в лес. Над костром подвесили. Обещали всех моих вырезать. Потом с дерева сняли. Дали срок — два дня... Хорошо, думаю. На следующий день ломанулся в банк, снял все наличные и отдал сестре. Спрячь, говорю, пока бандиты волну гонят. А сам — на поезд, в Москву за правдой.

Парень замолчал, отодвигая от себя поднос.

- И что, Москва? - Спросил Атлас, заранее зная ответ.

- В следственном комитете сказали — пишите заявление в полицию по месту жительства, сообщите нам номер заведённого дела, а мы возьмём на контроль.

- Написал?

- Да, пошли они! – зло прохрипел солдат. - Завтра пойду на приём в прокуратуру. Только знаешь... Нет у меня веры, что справедливость верх возьмёт. Там у нас в Приморье свои порядки. До Бога высоко, до царя далеко. Если даже порт Ванино под бандитами живёт. Многих запугали, кого-то избили до полусмерти. Почти все платят... Я — не один такой... Так, что дорога домой мне закрыта. Убьют, если в городе объявлюсь. Вот я и решил остаться в Москве... Только на работу никто не берёт безрукого. Даже был бы с рукой, не взяли бы. Здесь, в Москве лучше заделаться таджиком или киргизом, но только не русским. С узкоглазыми возятся, словно те дети малые, а мигранты из власти нашей скоро верёвки вить начнут. Уже вовсю права качают, да к девкам на улицах пристают...

- Ночуешь где?

- В разных местах, смотря по обстановке. В подвалах, на чердаках, в старых хрущовках под снос. Повеситься что ли?

- Руки на себя накладывать — грех. Ты в Бога веришь?

- Раньше верил... Сейчас нет.

- Зря. Без веры человек хуже животного.

- Может я и животное, зато свободен, - наклонившись к Атласу, прошептал бывший солдат. - Захочу — удавлюсь, захочу кого-нибудь зарезать за кусок хлеба, зарежу без колебаний.

- Знаешь, что, - задумчиво сказал хакер, доставая бумажник. - Держи!

Банковская карта скользнула в неживую, пластиковую ладонь солдата.

- А, это... - Атлас взял с подноса салфетку, затем ручкой, вытащенной из рюкзака, нацарапал несколько цифр. - Держи ПИН-код. На первое время денег тебе хватит. Всё, брат. Прощай. Мне пора.

Хакер подхватил рюкзак и направился к выходу.

- Постой! Сколько на карте? - Прокричал в спину уходящему солдат, но Атлас уже был на улице.

Через три с половиной часа, предъявив паспорт на имя гражданина Словакии Лукаша Варги и пройдя все процедуры

контроля в аэропорту «Шереметьево», Атлас сидел в кресле салона бизнес-класса самолёта авиакомпании «Малайзия Эйрлайнс», вылетающего из Москвы через Бангкок в Куала-Лумпур.

Алёхин и Наташа, спрятав мотоцикл в новом месте, два часа блуждали по лесу, пока не наткнулись на свой лагерь.

- Надо было метки на деревья ставить, - сказала девушка, устало опускаясь на охапку веток, сбрасывая с плеч разгрузку и узел, в котором бренчали трофеи.

- Осторожно! - воскликнул капитан. - Там же гранаты.

Он аккуратно опустил на землю тяжёлый ранец, поглядывая в сторону шалаша, откуда торчали ноги лейтенанта.

- Метки? Нас укры по меткам быстрее найдут… Посмотри, что там с Михаилом, - сказал Алёхин. - Не нравится мне эта тишина.

- Дай мне пять минут, - жалобным голосом произнесла Наташа, вытягиваясь в струнку на спине.

Капитан бросил взгляд на длинные тени от деревьев, говорящие о том, что вечер уже близок, затем, тяжело вздохнув, направился к шалашу. Пограничник неловко лежал на боку с закрытыми глазами. Его лицо выглядело смертельно бледным. Алёхин, опустившись на колени, приложил ухо к губам Михаила. Услышав слабое дыхание, капитан облегчённо вздохнул, затем слегка дотронулся до плеча лейтенанта.

- А? Что? - с трудом приподнялся на локтях Михаил. - Кто тут?

- Свои, свои, - тихо сказал Александр. - Господи! Я уже думал, ты помер.

- Живой пока, - прохрипел пограничник. - Наташа где?

- Здесь, рядом… Как самочувствие?

- Рана болит. А так, вроде ничего.

- Ничего себе «ничего». Дай посмотрю, - Наташа, встав на колени рядом с Алёхиным, начала расстёгивать куртку на теле пограничника.

Девушка, нагнулась, понюхала повязку, на которой ржавым пятном выделялись следы сукровицы и гноя.

- Сейчас, сейчас, - Наташа выскользнула из шалаша, но почти тут же вернулась, держа в руках полиэтиленовый мешочек.

Аккуратно, надрезав ножом узел повязки, она принялась разматывать куски ткани, закрывающие рану.

- Повезло тебе, лейтенант. Выглядит совсем неплохо. Даже зашивать не надо. Края зарастают новой плотью, и сворачиваемость крови хорошая. Сейчас будет больно, - девушка резко дёрнула край тканевой полосы, присохшей к ране. - И не ойкай мне здесь, - добавила она в ответ на протяжный стон Михаила.

Быстрыми, сноровистыми движениями она стала обрабатывать рану, убирая тампоном, сделанным из чистого куска тряпки, пропитанной уксусом, гной и засохшую кровь. Закончив, Наташа вытащила из пакета бинт, отрезала грязный кусок, а чистым остатком туго забинтовала рану, предварительно закрыв её новым тампоном, смоченным всё тем же уксусом.

- Вода свежая у нас есть?

- Сбегаю к ручью, - Алёхин встал.

Девушка, перебрав несколько пачек просроченных лекарств, высыпала себе на ладонь несколько таблеток.

- Держи! - она протянула таблетки пограничнику. - Срок годности кончился, но должно помочь. Обезболивающее... Сейчас воду капитан принесёт, проглотишь парочку пилюль. Однако, сон — лучшее лекарство... Ты ел, что-нибудь?

- Нет.

- А, надо бы. Сейчас сообразим на троих. Подняться можешь?

- Попробую.

- Давай помогу. Залёживаться — тоже не вариант. От тоски, да мыслей разных только хуже будет.

Минут через двадцать, поев, они сидели вокруг ранца, разбирая трофеи. Солнце давно перешагнуло границу полудня, начиная медленно клониться к Западу. Алёхин, закончив сортировку оружия, начал рассказывать пограничнику о событиях дня. Михаил, то осуждающе качал головой, то слабо улыбался, завидуя безрассудной отваге капитана, который рассеянно крутил в руках моток лески, найденный Наташей в разграбленном магазине.

- Считай, способ связи с нашими мы нашли. Посмотрим, что из этого выйдет, - проворчал Александр, засовывая в карман леску.

- Сомневаюсь я, - обронила Наташа, собирая в полиэтиленовый пакет упаковки лекарств вместе с обёрткой от натовских пайков.

- Это, в чём же? - спросил Алёхин.

- Слишком просто всё получилось. Вряд-ли на той стороне нам поверили. В Любимовке вроде всё тихо.

Пограничник, опираясь спиной о ствол дерева, вытянул шею, прислушиваясь к звукам леса. Где-то на Северо-Востоке слышалась далёкая канонада.

- Хохлы продолжают прорываться, - мрачно сказал Михаил. - Эх, не во время меня зацепило.

- Зацепило – мягко сказано. Раны они всегда не вовремя. Особенно порезы ножом, когда картошку чистишь, - улыбнулась Наташа.

- Фигнёй не страдайте, - разозлился капитан. – Поверили, не поверили... Проще на ромашке погадать. Мы же русские, а значит, долго запрягаем. Наверняка где-то в окрестностях Любимовки наш дрон уже круги нарезает. Проверяет информацию.

- Дай Бог! - опустил голову пограничник. - Но хотелось бы быстрее. Чтобы вломили хохлам по самоё не могу.

- Радиоразведка ВСУ быстро нас засекла, - передёрнула плечами Наташа. - Уходили бы пешком, накрыли, как нечего делать. Байк спас. Его лелеять, холить надо, а мы его в кустах бросили.

- Там, на перекрёстке, откуда мы на связь выходили, наверняка уже спецы работают. Если не группа реагирования, то кто-то из разведки ВСУ или наёмники. Поймут, что к чему, жди прочёсывания леса, - мрачно сказал Алёхин, снова засовывая в ранец, выложенные ранее гранаты, и поднимаясь.

- Ты, куда? - забеспокоилась девушка.

- Вы тут приберитесь. Чтобы в случае шухера, быстро уйти. А я сюрпризы для чубатых приготовлю.

Наташа промолчала, переглянулась с пограничником, вместе они проводили взглядами спину капитана, исчезающего за деревьями, и только тогда девушка сказала:

- У Алёхина — шило в заднице. Ему бы полежать немного, отдохнуть, но куда там.

Михаил что-то одобрительно буркнул, но Наташа уже занялась делом. Минут десять девушке понадобилось, чтобы привести поляну в относительный порядок, распределив по кучкам оружие, боеприпасы, необходимые вещи. Получилось три свёртка, перевязанных ремнями от автоматов. Закончив,

девушка снова уселась неподалёку от пограничника и задумалась, время от времени прислушиваясь к звукам леса.

- Вот, скажи мне, - прервал молчание Михаил, тяжело переворачиваясь на здоровый бок и морщась от боли. - Ты, судя по отдельным словечкам, по южному говору, вроде с Украины. Объясни мне, дураку, из первых рук, каким образом в этой самой Украине можно было из нормальных людей сделать каких-то зомби? Ведь, в добрые, старые советские времена мы жили с вами душа в душу.

- Хороший вопрос, - рассеянно сказала Наташа. - Совсем недавно в ВСУ я была военным медиком. Работала в госпитале... Только не спрашивай, как я оказалась в России. Это — долгая история. Здесь главное — почему... Сама часто по ночам думала о том, о чём ты спросил...

- Ну, и, - поторопил девушку пограничник.

- Начну с того, что Украина состоит из двух больших частей. На Востоке жили, да и сейчас живут в основном русские. Дальше, на Западе... Львов, Житомир, Винница... Там под внешним европейским лоском полно людей с психологией селюков. Себя они считают самыми настоящими украинцами, чьи предки выкопали Чёрное море и от которых пошли галлы. Ещё не было Древней Греции, а Украина была всегда, ну и Галиция сразу после неё. А древней Галлии вместе с галлами - французами тогда ещё в помине не было. Серьёзно. Я не шучу. Хохлы продвигают теорию, что галлы — это предки украинцев, которые откочевали из Галиции, чтобы расселиться на территории, сегодня занимаемой современной Францией. Ей, Богу не вру. Так написано в украинских школьных учебниках. На Донбассе среди русских тоже такие ненормальные начали появляться и, довольно, много. Они ошалели от радости, когда их всех объявили украинцами. Этим людям говорили: «Россия не имеет к вам никакого отношения. Она всегда была тюрьмой народов, страшной кровожадной империей. На самом деле, мы все украинцы, хотите вы этого или нет. Даже кровь у нас другого цвета». Вот это бла, бла звучало из каждого утюга, а детям такую ахинею начали внушать со школьной скамьи, заставляя не слушать собственный рассудок, голоса родительского благоразумия, блокировать попытки разума разобраться в деталях. В результате многие поверили, что мы — самая древняя нация на земле, древнее шумеров. Типа, мы - избранные богом. Нам все должны, поскольку коварная Россия всегда строила нам козни. К тому же, русские всё наше сало съели. Ещё немного и «новые» украинские учёные договорились бы до того, что на тех землях, где сейчас Украина, во времена динозавров на самом

деле появились пришельцы с Марса, которые стали называть себя украинцами... А, когда всё, что оставил нам Советский Союз, начало сыпаться: основы государственности, промышленность, системы образования, здравоохранения, социальная сфера... В причинах долго разбираться... Новоиспечённые щирые украинцы стали обвинять во всех бедах не себя, а «всё укравших олигархов», Европу, даже Америку, плохо помогавших несчастным копателям морей. Винить во всём слишком агрессивную Россию – необходимое условие быть настоящим украинцем. Они даже дошли до обвинений друг друга, называя предателями людей, бежавших за границу от беспредела властей. В ту же Россию. Все виноваты, кроме нас украинцев, обделённых тяжёлой судьбой. И вот, больше десяти лет, начиная с нулевых до четырнадцатого года на майданах скачут не потомки пришельцев, а те самые новые украинцы. Не просто скачут, а с остервенением, болезненно реагируя на любые попытки нормальных людей объяснить им вред этих скачек. Но, куда там? «Кто не скаче, тот москаль». «Москаляку — на гиляку». «Хочу в Европу и кружевные трусики». Откуда она такая взялась, та дурочка? Украинцы считали, что наконец-то им открыли истину, кто они, зачем они и, почему «Украина - по над усе». Люди без профессии, без опыта, без образования, или даже с профессией, опытом и образованием были уверены, что на них снизошло откровение, а все, кто с ними не согласен, либо "куплены" москалями, либо ничего не понимают в этой жизни. Даже сталкиваясь с резким отличием наступившей реальности от радужных мечтаний, они заявляют: "Мы не думали, что так будет" и продолжали скакать дальше. Они не остановились, допрыгав до гражданской войны, даже до прямого военного столкновения с русскими – ядерной сверхдержавой, имеющей самую сильную армию мира. Даже сейчас укры продолжают не думать о последствиях скачек, полностью игнорируя голос разума, пытаясь сажать в тюрьму по обвинению в государственной измене любого, кто проявляет здравомыслие. Ко мне тоже не сразу пришло понимание, что идеи украинства в чистом виде — это попытка достичь пасторальных реалий ценой национального предательства. Раньше я этого не замечала, а в последнее время всё чаще думаю об этом.

Наташа перевела дух, посмотрев на Михаила.

- Ты не спишь?

- Нет... Дальше, - приоткрыл веки пограничник. - Не обращай внимание. Я так лучше слышу. Меня ещё в самом начале боёв контузило слегка.

- Ладно, - качнула головой девушка. – На чём мы остановились? Ах, да… Я со многими, вроде бы нормальными людьми общалась, считавших себя русскими, но на поверку оказалось, что они все давно заражены бациллами украинства. Они искренне думают, что Россия зря бодается с Западом. А мы, вот, типа умные… Спорить с этими «умниками» бесполезно. Но отдавая должное их природной хитрожопости, скажу… Не сразу, но, вдохновившись примером Прибалтики, они уловили восходящий тренд восточно-европейской ненависти к русским. И вот такие люди говорят: «Мы не хотим по примеру москалей терпеть тяготы борьбы с Западом. Мы же — почти европейцы. Мы не желаем быть с проигравшими, а желаем примкнуть к победителям. Это пусть дикие азиаты, москальские орки сопротивляются Америке, а мы подождём, пощупаем, шо це таке - свобода на американский манер. Нас, таких классных, белых, пушистых, тысячу лет угнетаемых, к тому же ненавидящих москалей, сразу пустят в европейский «Цветущий сад». Посмотрим из-за плетня на «бой быков», поаплодируем. Среди нас дурных нэма». Вот и носится до сих пор Зеленский по Западу то с планами мира, то с планами победоносной войны, пытаясь столкнуть НАТО и Россию. На самом деле это планы крысы в чужом погребе или трутня, присосавшегося к западным медовым сотам. Самое смешное, когда Россия победит, все эти хохлы тут же перекрасятся из жовто-блакитного в русский триколор… Ну, кроме отъявленных нациков, которые будут бегать на Львовщине по лесам с автоматами. Хотя, голову дам на отсечение, что девяносто процентов украинцев до сих пор верят, что если Запад по-крупному втянется в конфликт, то москали проиграют. Но всё идёт почему-то не так, как им хочется. Воюет пока не Запад, который жаждет продолжения кровавого «банкета», аплодируя глупым, храбрым и свободолюбивым украинцам, а сама Украина катится к чёрту…

- Тогда хохлы полные идиоты, - не сдержался пограничник. - Историю плохо учили? Англосаксы, получив звездюлей от немцев во времена Гитлера, позже почти всегда воевали чужими руками… Кроме Вьетнама, пожалуй.

- Ты хотел объяснений? - Наташа сунула травинку в рот, глядя на темнеющее небо. – У громодян Украины в головах есть одна идея фикс. Столкнуть лбами НАТО и Россию. Ругать Россию, плевать в Россию — это они могут сколько угодно, а воевать, по их мнению, должен за них Запад, который просто обязан победить москалей. Поэтому даже российская победа не разрушит основ этой украинской национальной идеи, ведь, с точки зрения селюков, Запад по большому счёту ещё на поле

боя не вышел, а значит идея неизбежности его победы ничем не омрачена. Украинцы думают не над тем, где, в чём они ошиблись, а о том, как лично каждому дожить до триумфа Запада. Зеленский наверняка даже мешки для трофеев припас. Одна незадача… Украина третий год воюет сама, укладывая в могилы своих сограждан.

- Где тут логика? - Михаил с трудом сел выше, всё также опираясь спиной о дерево. - Неужели им не понятно, что они сами убиваются о Россию?

- Не они сами убиваются, это Запад их убивает, поскольку украинство истово приглашало Запад прийти и пользоваться Украиной, словно шлюхой, чтобы сделать клятым москалям, как можно больней. Америка с Европой убивают Украину по её же просьбе. То, что Украина якобы не понимала, на что подписывается, это проблема самих украинцев. Хохлы думали, что весь мир, забыв о собственных интересах, будет заботиться о том, чтобы какой-то Украине было хорошо, чтобы у неё всё было. Типа, вот-вот наступит «светлое украинское будущее». Но, опять же, что-то идёт не так. Им бы подумать над собственными ошибками, о своей губительной идее «Украина под надо усё», но мозгов не хватает. Они, стоя у руин Украины, вновь заявляют, - Не думали, что так будет. Но параллельно продолжают мечтать о перемогах, о том, что Запад уже завтра осознает, что может потерять Украину, что её надо спасать, двинув НАТО на Россию. Для сегодняшнего украинца Украина вроде бы мертва, но, как Ленин для коммунистов, живее всех живых. Всё зависит от того, с какой точки зрения украинец «Ридну неньку» наблюдает. Если из окопа на фронте, страна почти уже не шевелится, пошла пятнами, подванивая. Кто побогаче, смотрит на Украину из Куршевеля или из Испании… Думают, попивая шампанское, мол, жива ещё старушка, даже поёт и пляшет.

- Но должны же сработать животные, природные инстинкты, чувство самосохранения, в конце концов! - воскликнул Михаил. - Или страх перед гибелью страны. Четыре года назад на пограничном переходе я часто сталкивался с украинцами — челноками. Они не выглядели полными дебилами.

- Ты меня плохо слушал, - Наташа начала сердиться. - Природные инстинкты это не про них. Самым большим достоинством украинской нации они считают украинскую хитрость. Хохлы сами восхищаются этой своей хитростью, даже придумали пословицу: ”Хохол родился – еврей заплакал”. Знаешь, что это значит? Они гордятся искусством в деле обмана ближнего. На самом деле то, что украинцы считают

недостижимым уровнем хитрости для других, является местечковой самоуверенной наглостью. Например интеллигентный, хорошо воспитанный человек не будет спорить с хамом из-за копейки. Но хам будет всю жизнь рассказывать, как обманул ”городского лоха в очках”, даже не догадываясь, что вся его ”хитрость” была видна, как на ладони. Просто нормальные люди считают ниже своего достоинства устраивать разборки с человеком, для которого даже Голохвастов из пьесы Старицкого «За двумя зайцами» пример недостижимого умственного совершенства.

- Не видел этого спектакля, - тихо обронил пограничник. - Но что-то знакомое.

- Кинофильм такой по мотивам этой пьесы поставили. Давно, правда. Очень смешная картина. Если хочешь узнать поближе селюков, не обязательно ехать в Галицию или в Жмеринку. Найди фильм в Ютубе, посмотри. Сегодня Старицкого на Украине запретили бы только за одну эту пьесу. Но у хохлов мозгов не хватает понять, что это была сатира, насмешка над менталитетом хуторян. Старицкого можно любить только за стихи «Нич, яка, Господи, місячна, зоряна...». Переложили эти вирши на песню, и стала она народной. Но любой нормальный человек возненавидел бы этого писарчука за то, что тот работал над словарём украинского языка, переиначивая русские слова на польский лад или придумывая новояз, в угоду собственному извращённому вкусу. Ох, уж эти, блин, русские, одержимые идеей украинства, решившие записаться в украинские хвилософы или в бумагомаратели. Они коверкают собственную русскую речь, как коверкали её ”ходившие в народ” народовольцы, которые пытались, используя псевдонародные словечки, стать своими для русских крестьян. Хуторская масса так же не воспринимает обукраинившихся кацапов, как крестьяне не воспринимали народовольцев. Ладно Старицкий. Дело давнее, дореволюционное. Сегодня русский на Украине старается носить вышиванки, мычать на мове, делая вид, что любит Бандеру, но всё зря. Не потерянные после скачек на майданах остатки интеллекта всё равно проступают через украинскую ”побелку”. А, селюки, считающие себя настоящими украинцами, чувствуют в таком человеке чужака, не доверяя ему.

- Да, смешно, - тяжело вздохнул Михаил. - Если бы не было так грустно.

- Вот, и я о том же, - продолжала Наташа. - Лично мне смешно до слёз, что эти люди, считающие себя самым хитрым народом на Земле, доведя свою хитрость едва-ли не до религиозного

культа, попались в простую, как лассо, американскую западню, отправившись на войну даже не с москалями, а со своими самыми настоящими кровными родственниками. Сын на отца, брат на брата. Народ, который даром не перевернётся с боку на бок, сегодня бесплатно умирает за интересы Польши, Британии, Франции, Америки...

- Видимо чёрт попутал, - пограничник грустно улыбнулся. - Обманули их.

- «Ах, обмануть меня не трудно. Я сам обманываться рад», - Наташа продекламировала строки Пушкина. – Это и ко мне относится. Я тоже была заражена бациллами украинства. В этом вся фишка. Смотри... Запад открыто говорит Украине, что та ничего за своё желание убиться о Россию не получит. В ЕС — когда-нибудь. В НАТО — возможно, но есть нюансы. Даже стать европейцем, сбежав в Европу, сейчас уже опасно. Там такие дебилы – люди второго сорта. А войне нужно пушечное мясо. Скоро милые европейцы отправят их обратно...

- Но, ведь, есть же украинская элита... Они разве не понимают к чему всё катится?

- Какая элита? - с горечью спросила Наташа. - Украинскую элиту набирают по объявлениям. «Киевский университет ищет кандидата на должность профессора истории. Резюме должно быть на украинской мове, отражать патриотическую верность идеям Бандеры, Шухевича, Петлюры». Или ещё хлеще. «Молодой президент, создающий партию, ищет молодых, креативных, не стандартно мыслящих членов». Каков менталитет, такова и элита. Хуторская, примитивная, хитрожопая, пустая внутри. Украинцы представляют себя центром Вселенной, пупом Земли. Что только за их красивые глаза Запад сцепился с Россией. Дескать, Европа никуда не денется, она будет вынуждена, просто обязана взять Украину к себе, прижав к заплывшей от жира груди. Потому можно хамить европейским лохам в лице канцлера Германии, генсека ООН, Орбану и прочей «мелкоте».

- Тогда получается, вся хитрость хохлов — элементарная тупость, - сказал Михаил, посмотрев на своё запястье, где белел циферблат наручных часов.

- А я тебе о чём? - голос девушки звучал всё тише. - Глупость, местечковое хамство, интеллектуальная, духовная деградация элит, это - страшная смесь, разрушительная сила, раскалывающая Украину изнутри. Общее хуторское сознание даже мысли не допускает, что её «гениальные» идеи — череда ошибок, ведущих к катастрофе. Но такими, по

моему разумению, они были во все времена со дня основания Запорожской сечи. Всплеск рецидива пришёлся на период современной незалежности. Каждый из них ненавидит соседа, полагая, что у того или забор выше, или яблоки слаще. Они ненавидят собственную власть. Любому хохлу кажется, что вновь избранный президент хуже предыдущего, что любой из киевлян, львовян, да из любого города или села, в том числе он сам, любимый, выглядел бы на этом посту гораздо лучше. Однако хохол всё время боится, что кто-то другой, а не он, хитрый, всезнающий, станет новой властью. Болезнь прогрессирует с каждым новым днём. Дошло до того, что они рады бы выбросить из президентского кресла Зеленского, но опять же каждый опасается, что сосед займёт это тёплое место. Вот и продолжает эта чёртова хуторская Украина по инерции переделывать бывших русских в украинцев. А власть, отлавливая таких недоумков, отправляет их на фронт.

- Это точно! - голос Алёхина, выходящего из кустов на краю поляны, заставил Наташу вздрогнуть.

- Господи! Испугал! - воскликнула девушка, поднимаясь. - Обязательно так подкрадываться?

- И не думал даже, - капитан устало сел возле пограничника. - Так, послушал немного. Не знал, что у тебя талант политолога на уровне доктора наук.

- С кем поведёшься, от того и наберёшься, - улыбнулась Наташа, взъерошив волосы на затылке Александра.

- Так, народ. Чтоб вы знали, - вывернувшись из-под руки девушки и смущённо посмотрев на Михаила, сказал Алёхин. - Теперь по периметру поляны метрах в ста начинаются наши собственные сплошные минные поля.

- Звучит угрожающе, - Наташа села рядом с капитаном.

- По нужде дальше вырытой ямы не ходить. Растяжек нет только на узкой тропе, ведущей к ручью. К мотоциклу тоже не подобраться, если не знать, где расставлены ловушки. Однако, сделав дело и полюбовавшись в бинокль с лесной опушки закатом, я увидел интересные вещи. Хохлы сами ставят противотанковые мины на обочинах дорог, на полях вокруг Любимовки. Работают гусеничные миноукладчики. Очевидно, думают, что долго здесь не продержатся, что рано или поздно наши стройными рядами, на броне пойдут выбивать их отсюда. Слышал также гул и лязг экскаваторов. Что копают? - Спросил Алёхин в ответ на вопрошающий взгляд Михаила. - Полагаю, всё то же. Укрепы создают, траншеи, пулемётные гнёзда. Из

того, что мы с Наташей видели раньше, можно сделать вывод, что Любимовка — важное для ВСУ место. Видел также густые клубы пыли. За полем и лесопосадками есть дорога на Суджу. Дальше — Курчатов. Пыль — значит продолжают заводить резервы, технику, БК. Не исключаю, что наш лес кому-нибудь из генералов, командующим местным парадом, уже приглянулся. Не сегодня, завтра зачистят урочище, устроят здесь командный пункт. Место удобное. А потому завтра будем искать новое укрытие для нашего мини партизанского отряда...

- А, чего искать-то, - перебил капитана Михаил. - Отсюда километров пять строго на восток... За лесом балка есть. Узкая, с обрывистыми склонами. Там местные когда-то глину брали. Домов много в округе глинобитных. Вот и накопали в балке нор. В некоторые можно на телеге въехать. Дно балки сейчас, пока дождей нет, подсохло. Но низина в принципе топкая. Должен быть родник или ручей. Весной там воды полно, когда Снагость разливается...

- Миша, родной, показывай, - Алёхин поднялся на колени, вынул из-за пазухи карту и разложил её на траве, подсвечивая фонариком.

- Здесь, - палец пограничника после недолгих блужданий, показал точку. - Отсюда можно зайти. Вот здесь — выйти, если что.

- Балочка около двух ке ме в длину, - бормотал капитан, оценивая примерное расстояние до ближайших сёл. – Похожа на букву Г с коротким хвостиком... Склоны обрывистые, говоришь? Это хорошо... Значит, утром, когда роса спадёт, уходим. А, пока, - Алёхин оглядел поляну, погружающуюся в сумрак. - Рота — отбой.

Через несколько минут вокруг шалаша всё затихло, но неожиданно капитан, лежавший на охапках веток рядом с Наташей, приподнялся на локтях.

- Чёрт! Устал, набегавшись, но не спится. Всё думаю о том, что ты говорила Михаилу. Я застал окончание вашего разговора... Эй! Лейтенант! Ты спишь?

- Нет пока, - откликнулся пограничник. - Бок болит, зараза.

- Об Украине? - спросила девушка, приподнимаясь и садясь. - И что в моём спиче не так?

- Нет, нет. Всё верно, - Алёхин сел, поджав под себя ноги. - Нас действительно втянули на Украине в войну с дураками, думающими и говорящими по-русски, заставив этих

ненормальных драться против своей русской Родины и своего же русского народа. Я тут подумал, что дураки, они и в Африке дураки, но воюют неплохо, а потому будут с нами биться до конца своей государственности или до последнего украинца. Так?

- Предположим, - согласилась Наташа.

- А если так, то вроде бы хорошо, что они упёртые. Меньше таких останется на отвоёванных землях, нам же лучше. Согласна?

- К чему ты клонишь?

- А к тому, что нам радоваться надо, что России достанутся плодородные пустоши, где не будет враждебного населения. Но сейчас новая фаза боевых действий. Мы перешли в наступление, занимая вместо городов и посёлков дымящиеся развалины. Там, куда мы пришли в двадцать втором году и не отступили с этих территорий во время странных перегруппировок, выравниваний, там с людьми — вроде бы всё в относительном порядке...

- В относительном? - переспросила Наташа. - Скажи это Мариуполю. Это был центр украинской металлургии, крупный морской порт. До войны в городе жило почти полмиллиона человек. А сейчас это место — одни развалины. Триста пятьдесят тысяч стали беженцами. Или возьми Авдеевку, Угледар, Бахмут. Одни руины!

- Постой, дорогая, - Алёхин, будто сдаваясь, поднял руки. - Только не надо мне здесь дешёвой киевской пропаганды. Да, были жестокие бои, да были разрушения... Если бы не азовцы, бравшие в заложники тысячи гражданских... Или ты хотела, чтобы мы без огневой поддержки клали своих парней в лобовых штурмах? Сейчас Мариуполь, например, восстанавливают. Ещё краше город будет. Жители возвращаются... Впрочем, я не об этом... Вернее, об этом, только с другой точки зрения...

- Ты уж определись с этой своей точкой, - непримиримо сказала девушка.

- Хорошо. Вообще-то я про убыль населения говорю. Потери ВСУ зашкаливают. Количество двухсотых уже, по разным оценкам, давно перевалило за полмиллиона. Трёхсотых тяжёлых, а это потенциальные инвалиды, миллиона два, может, три. Уже не говорю о пропавших без вести, о дезертирах, уклонистах, бегущих правдами и неправдами за границу. Даже если предположить, что дальнейшее освобождение Украины пойдёт без шума и пыли... То есть, к примеру, мы не станем

равнять с землёй Днепропетровск, Киев, Херсон, Черкассы, Львов...

- Надо же, какие мы добрые, - Наташа вновь перебила Алёхина. - Давай уже ближе к телу. То есть, к сути.

- Терпение, солдат, - попытался выкрутиться из неудобного положения капитан. - Берём сельскую местность. Судя по всему, в сёлах из мужиков остались одни старики, плюс бабы. Все более, менее годные к военному делу - давно на фронте, где очень быстро становятся двухсотыми. Ещё нужно иметь в виду, что Зеленский со своими американскими друзьями постарается убить столько украинцев, сколько получится...

- Ещё три месяца назад в Киеве уже планировали отправлять на фронт женщин, даже подростков, - вынужденно согласилась с капитаном Наташа.

- Вот, вот, - начал волноваться Алёхин. – Получается, у этой сволочи Зеленского нет выбора. Он будет по-прежнему превращать города в «неприступные фортеции», а мы, вариант первый. Превращать эти крепости в груды камней, двухсотить защитников, или, вариант второй: не двигаться активно вперёд, а ждать, пока у ВСУ под ударами ФАБов закончится живая сила, опять же переводя хохлов в груз двести. И тогда... Короче... Чем больше будет убитых среди украинцев, чем больше калек, тем хуже к России будут относиться оставшиеся в живых их родственники, друзья, кумовья и дети, видевшие или слышавшие от взрослых об ужасах этой войны.

- Что дальше? - зло попросила Наташа.

- Дальше? - переспросил капитан. - Чем дальше мы будем продвигаться на Запад, тем хуже будет к нам отношение, тем больше размер территорий, с которыми нужно что-то делать. Восстанавливать мирную жизнь, налаживать снабжение, давать людям работу, кормить калек, увечных. На это никаких денег не хватит... Наиболее активные, идейно подкованные нацики побегут за границу, но и среди тех, кто останется, друзей наших будет немного. С другой стороны, чем ближе к Востоку, тем хуже будет демографическая ситуация, возрастная структура населения, экономика, социалка...

- Ты прав, - девушка попыталась разглядеть выражение лица пограничника, но в темноте лишь увидела, что тот не спит, а внимательно слушает. - Промышленное сердце Украины Донбасс — уже не тот. Многие заводы не восстановить. На тех, которые можно запустить, работать давно некому. Война не пощадила защитников Донецка, Горловки, Дебальцево. На селе

поддерживать довоенный уровень жизни уже не получится. Опять же банально не хватит людей...

- Это, что же выходит, - неожиданно подал голос Михаил. - С военно-стратегической точки зрения нашу новую границу лучше отодвинуть дальше на Запад, а с экономической - проводить ближе к Востоку. Тогда на хрен нужна такая победа? - в сердцах воскликнул пограничник.

- А, вот это ты зря, - строго сказал Алёхин. - Запомни. Мы, русские, сейчас воюем с такими же русскими. Думаю, что разума они лишились временно. Исцеление близко, а значит, у оставшихся в живых есть будущее. Настоящая битва за наше общее будущее начнётся тогда, когда мы, перебив отмороженных нациков, в том числе здесь под Курском, посчитаем оставшихся умных, чтобы начать заново освоение южных русских земель, принадлежавших когда-то нашим общим предкам.

- Кто-то совсем недавно обвинял меня в пропаганде, - тихо, с нотками печали засмеялась Наташа. – Твоя идея - утопия! Ни хрена хорошего с Украиной больше не случится. У неё был шанс во времена после Советского Союза. И, где оно былое процветание?

- Чёрт возьми! - воскликнул Михаил. - А, ведь, нам ещё с Польшей, с прибалтийскими шавками разбираться, не говоря уже о Европе. Там дураков, готовых с нами повоевать, не меряно, не считано.

- Пустое, - Алёхин протяжно зевнул. - С Германией разобрались во время Отечественной, а прочие ей в подмётки не годятся... Ладно... Давайте спать. Завтра будет трудный день.

Облака, гонимые ветром с Юга, постепенно закрывали небосвод, пока не проглотили ярко светившую Луну. На поляне всё стихло. Последнее, о чём подумал капитан перед тем, как провалиться в сон, была мысль, вызвавшая запоздалую досаду. Он вспомнил, что хорошо бы кого-нибудь оставить в карауле, но усталость уже навалилась на него всем весом прожитого дня, заставив сомкнуть веки.

Алёхин проснулся на рассвете от трескотни сорок. Звуки доносились с восточной стороны урочища. Капитан быстро поднялся, прислушиваясь, затем разбудил Наташу и лейтенанта.

- Что? - девушка испуганно смотрела на встревоженное лицо Александра.

- Слышишь? - капитан поднял руку жестом, призывающим к

молчанию.

- Листва шумит. Ветер, наверное, в полях поднялся. И, и... Сороки трещат.

- Вот, именно, - Алёхин одобрительно посмотрел на Михаила, который торопливо, прихрамывая, морщась, собирал вещи, разбросанные с вечера вокруг шалаша. - Сороки зря орать не будут. К нам они давно привыкли, а в той стороне, - он махнул рукой на Восток. - Кто-то зашёл в лес. Там у нас байк спрятан, между прочим.

Неожиданно, довольно далеко, раздался приглушённый расстоянием хлопок, затем сразу же — более громкий взрыв.

- Зараза! - выругался Алёхин. - Граната. Задели растяжку.

- А, что после взорвалось? Не похоже на гранату, - Наташа, не поворачивая головы, помогала Михаилу паковать вещи.

- Думаю, осколок от гранаты попал в бензобак нашего байка, - Алёхин уже пристроил за спиной связку с оружием. - Уходить надо. Я иду первым, вы за мной след в след.

Спокойным шагом, временами оглядываясь на девушку и пограничника, которые вытянулись цепочкой, капитан двинулся по еле заметной тропе, ведущей к ручью. Миновав промоину, затем родник, Алёхин остановился.

- Лейтенант! Ты, как? - спросил Александр шёпотом, когда Наташа, а за ней пограничник подошли вплотную.

- Нормально, - прохрипел Михаил, прислонившись плечом к дереву. - Только ты не беги по возможности.

- Ладно, - Алёхин поднял голову, рассматривая небо, почти скрытое кронами деревьев. - Ты уж постарайся, дружище. Ещё километр, а там выйдем на опушку. И давайте поменьше шуметь.

Они вышли из леса в месте, где урочище изгибалось в форме огромной подковы. Алёхин первым раздвинул ветки кустарника, но сразу же отступил обратно, опускаясь на колени.

- Тихо! Ложись! - негромко скомандовал он, дёрнув за рукав куртки, поравнявшуюся с ним Наташу.

- Что там?

Капитан приложил палец к губам, нетерпеливо глядя на в сторону медленно подходившего к ним пограничника.

- Миша! Пригнись, чтоб тебя? - Александр приподнялся, заставляя лейтенанта тяжело упасть в траву. - Пятьсот метров в том направлении... ВСУ. Два БМП плюс машина связи. Рядом с ней — вроде бы носилки. Это значит, что один из хохлов задел мою растяжку... Похоже, эти ребята явились по нашу душу. Пока собрались группой. Слушают офицера. Отсюда детально всё не вижу... Если терроборона — дело одно. Если спецы, ДРГ или наёмники — другой расклад. Бинокль! - Алёхин протянул назад руку.

Не поворачивая головы, он дождался, пока Наташа не нашла в ранце и не сунула ему в ладонь оптику.

- Так-то лучше, - прошептал капитан.

- Чёрт их знает, но это явно не терроборона. Слишком уверенно держатся. Стоп. Ещё пара хлопцев. Вышли из леса... Вот, сволочи. С ними — собака. Доберман, по-моему.

- Что делать будем? - нетерпеливо, шёпотом спросила Наташа.

- Да, всё просто, - Алёхин опустил бинокль. - Подберёмся поближе, откроем стрельбу, захватим технику и поедем себе к балочке.

- Хватит дурака валять, - рассердилась девушка. - Если с ними пёс, то это плохо. Как думаешь, почуял нас?

- Нет. Ветер дует в нашу сторону. Но если возьмёт след, ты права, неважные наши дела.

- Слушай, - Наташа подползла вплотную к Алёхину. - А с чего бы ей след наш взять? Мы — солдаты, они солдаты. Наверное, пахнем одинаково.

- Логично, - откликнулся капитан, - Но с собачьей логикой я не знаком. Пограничнику нашему она ближе. Лейтенант! Отдышался? - Алёхин повернулся к Михаилу, с удивлением, даже тревогой глядя на крупные капли пота, выступившие на лбу и стекающие по вискам лейтенанта. - Ты, чего?

- Не обращай внимания. Давно не бегал.

- Что с раной твоей? - спросила Наташа. - Дай посмотреть

- К чёрту рану! - срывающимся голосом тихо сказал Михаил. - Собака, говоришь? У собак, как и у всех хищников, особое чутьё к ранам. Волки на охоте всегда преследуют слабое, раненое животное...

- Ты к чему клонишь? - капитан зло уставился на пограничника.

- А к тому и клоню... Если хохлы выйдут к шалашу, то этот чёртов пёс возьмёт мой след. Уходить нужно прямо сейчас, пока облава не двинула лес прочёсывать. Быстро, ползком вам нужно преодолеть открытое пространство, а там, дальше — поле с остатками кукурузы. Видно, не успели убрать. Сейчас она — выше человеческого роста. В зарослях вам будет легче. До балки доберётесь часа через два, два с половиной... К пещерам идите по ручью. Собаку нужно сбить со следа.

- Что значит, вам? Что значит, доберётесь? - Наташа попыталась встать, но Алёхин дёрнул её за полу куртки, снова усадив девушку на землю.

- Я здесь останусь, - безжизненным голосом произнёс пограничник. – Наверное, рана открылась. Еле ноги переставляю, - Михаил медленно распахнул куртку.

Огромное кровавое пятно выглядело ужасно. Кровь сочилась поверх повязки, окрашивая в тёмно-багровый цвет верх штанов и парусиновый ремень, затянутый на талии.

- Как это останешься? Вместе пойдём, - девушка посмотрела на безмолвного Алёхина. - А ты, чего молчишь?

- Не уйти вам со мной, - Михаил уже распутывал узел на связке оружия. - Трёх рожков вам не жалко?

Капитан передал пограничнику разгрузку с обоймами для автомата.

- Алёхин! Так нельзя, - с трудом, непослушными губами, едва выговорила Наташа.

- Можно, - сказал пограничник, выбирая себе автомат с ободранным деревянным прикладом. – Твой капитан это знает. Собака быстро возьмёт след. Что тогда? Всё, дебаты кончились. Погляди, Алёхин, что там нацики делают?

Александр, встав на колени, поднял бинокль.

- Технику вижу, офицера вижу, караульных возле машины связи вижу. Собаки нет, солдат тоже нет.

- Похоже, уже прочёсывают лес. Уходите. Прямо сейчас.

Алёхин, раздумывая, постоял минуту, не глядя на Наташу, затем подобрался к Михаилу и неловко обнял его.

- Прощай, брат. Прости... Не забуду...

Девушка заплакала, зажимая руками рот. Потом порывисто бросилась к пограничнику и схватила его лицо мокрыми ладонями.

- Прости, прости, прости...

- Да, шли бы вы уже... Мне же легче будет. Хватит соплей. Постреляю немного, а там, будь, что будет. На худой конец руки подниму... Алёхин! Гранату дай.

Капитан сунул руку в карман куртки и через пару мгновений вложил в ладонь пограничнику гранату.

- Лады. Спасибо. Возьми мои документы... Сам знаешь, что с ними делать... А, теперь, пошли к чёрту, - еле слышно, с болью выдохнул Михаил, передёргивая затвор автомата.

Алёхин, опуская взгляд, стараясь не смотреть на пограничника, сунул документы лейтенанта в карман, схватил всё ещё сопротивляющуюся Наташу за руку и потащил за собой. Уже ползком, преодолев низкорослый кустарник на опушке леса, они оказались у широкой, заросшей травой борозды, разделяющей подлесок и кукурузное поле. Капитан снова опустился на колени, поднимая к глазам бинокль.

- Чисто! Давай, быстрее, - слегка подталкивая девушку в спину, сгибаясь под тяжестью поклажи, Алёхин мельком взглянул на часы, потом вслед за Наташей пересёк борозду.

Минут через десять, выпрямившись, стараясь не наступать на сухие, сломанные ветром стебли кукурузы, они быстро шли по меже на Восток. Солнце светило им прямо в лица, постепенно, почти неуловимо смещаясь к Зениту. Капитан, проверяя время, старался корректировать направление. Приглушённые расстоянием звуки автоматных очередей застали Наташу врасплох. Остановившись, она начала обессиленно опускаться на землю, но Алёхин снова схватил девушку за руку и потащил за собой. Стрельба продолжалась минут пять, затем прозвучал взрыв гранаты, отозвавшийся эхом в лесу, затем всё стихло. Наташа застыла, вырывая запястье из руки капитана. Тот обернулся, с тоской посмотрев в глаза полные слёз.

- Ты же знал, что так будет... Знал, да?

- Лейтенант тоже знал. Уйти всем вместе у нас не было шанса. Он сделал свой выбор. Миша мог бы просто сдаться. Поднять руки, надеясь на Бога, на судьбу, на... Не знаю, на что ещё... Но предпочёл погибнуть с достоинством, не уронив чести русского офицера.

- Прошу тебя, только не надо красивых слов с фальшивым пафосом, - вытирая слёзы, жалобно попросила Наташа.

- Он офицер, Нат... Профессионал, давший присягу защищать страну до последней капли крови. Знал, на что идёт, оставаясь

в лесу. Он спас тебя, ценой жизни. Хохлы прекратят поиск, подумают, что он спятивший одиночка... Если ты считаешь выполнение долга — фальшивым пафосом... Тогда, что мы здесь делаем? Зачем с нациками бодаемся, ползаем, потеем, чужую и свою кровь проливаем? Тогда... За что погибли Петров, Савельев, Щербаков. Давай сдадимся. Ручки в гору. Выйдем к Любимовке. Может, пощадят нас. Не прострелят колени, не будут прижигать сигаретами мою яйца и твою грудь. Может даже, эти звери не изнасилуют тебя, а мы в списки для обмена пленными попадём. Хотя не факт. Ты этого хочешь? Тогда иди обратно. А я, пока жив, буду мстить этим сволочам за Мишку, за Петрова, за старух и детей, расстрелянных в той деревне, за пустую Любимовку, где не осталось ни одного гражданского, за мою Родину. Давай. Иди...

- Нет, - девушка выглядела растерянной и печальной.

- А, если нет, бери на плечи ранец и топай вперёд!

После двух часов ходьбы поле кукурузы кончилось. Они оказались на просёлочной дороге, по которой, судя по всему, давно никто не ездил. Обочина заросла высоким, сухим ковылём. Еле заметная колея шла под уклон, теряясь в более свежей траве и кустах.

- Похоже, балка. Ещё немного. Давай, Нат. Поднажмём. Я пить хочу, умираю.

На пещеру они наткнулись случайно. Часть глиняного карниза, нависающего над довольно большим лазом, обвалилась, но вспотевший Алёхин почувствовал движение холодного воздуха. Его лица будто коснулась прохладная ладонь. Нетерпеливым жестом руки он остановил Наташу, сбросил со спины связку с оружием и принялся разбирать завалы, аккуратно перемещая большие куски глины, оставляя свободным узкий проход. Вскоре они стояли в глубине пещеры, осматривая своды. Дневной свет, проникающий внутрь, давал возможность увидеть ещё несколько подземных троп, уходящих в разные стороны.

- Молодец пограничник, - прошептал Александр, снимая с себя куртку. – Нат! Ты отдохни пока, я пойду к кустарнику, нарежу веток. На глине спать, простудимся.

Капитан, ещё раз оглядев низкие своды, вылез наружу, прихватив нож. Возле родника, дающего начало почти пересохшему ручью, росли молодые ивы. Алёхин от каждого ствола срезал всего по нескольку веток, двигаясь вниз по течению и оглядываясь, проверяя насколько заросли выглядят нетронутыми руками человека. Ему пришлось сделать

несколько ходок, чтобы притащить все ветки к пещере. После двух часов работы внутри были устроены две постели, а вход в пещеру замаскирован молодым кустарником, вырезанным из грунта вместе с корнями. Наташа всё это время сидела на обрывистом склоне балки, глядя то на Алёхина, копошившегося внизу, то в бинокль, обозревая окрестности.

Закончив с обустройством нового убежища, капитан устало вытянулся рядом с девушкой.

- Ступай, ополоснись в ручье, а я остыну и покараулю, - сказал он, забирая оптику.

Наташа, ни слова не говоря, спустилась по склону, затем исчезла в зарослях ивы, скрывающих ручей. Минут через десять она вернулась. Её лицо уже не выглядело таким измученным и отрешённым. Глаза блестели. Расстёгнутые пуговицы куртки позволяли видеть плоский живот в капельках воды. Она села рядом с Алёхиным. Захватив собственные пряди волос руками, девушка выкрутила их, потом рассыпала по плечам. Александр покосился на открывшуюся женскую грудь, потом встал и сам направился к ручью. Он вернулся довольно быстро, неся в руках свой камуфляж. Опустившись на землю, капитан стал быстро одеваться, но не закончил, услышав странный звук. Приглушённый рокот, отдалённо похожий на звук работы швейной машины, заставил его поднять голову. Совсем недалеко, очевидно над лесным урочищем, где совсем недавно располагался «партизанский» лагерь, зависли вертолёты. Алёхин вскочил, направляя бинокль в ту сторону.

- Звёзды! Это наши вертушки. Четыре штуки.

Наташа медленно поднялась, сорвала с себя куртку и начала размахивать ею в воздухе.

- Эй! Мы здесь! Эй, эй!

Но вертолёты уже образовали полукруг, затем быстро пошли со снижением в сторону Любимовки. Небо прочертили белые дымные следы ракетных залпов. Заложив крутой вираж, группа вертушек снова набрала высоту, но тут же почти неподвижно зависла в воздухе. Новые ракеты ушли с подвесов в сторону села. Машины вновь сделали вираж со снижением, затем стали быстро удаляться на Север. Зато с Востока, словно из ниоткуда, на разной высоте, вырастая в размерах, появились два звена самолётов.

- Сушки! - заорал капитан, подпрыгивая на месте и улыбаясь во весь рот, - Двадцать пятые, грачи! Наконец-то. Ура-а!

Через пятнадцать минут, израсходовав боезапас, самолёты на бреющем полёте ушли на Восток.

- Значит, не зря? Нат! Они поверили нам. Смотри! - Александр схватил девушку за плечи, поворачивая её в сторону поднимающихся к небу густых, чёрных столбов дыма. Со стороны Любимовки слышались далёкие, глухие звуки разрывов, следующих один за другим. Иногда они сливались в один рокочущий звук, а временами в глухой, приглушённый звон.

- Детонация! Попали, куда надо. А, вот это... Слышишь? Снаряды рвутся внутри танка.

Наташа и Алёхин, прижавших друг к другу, до сумерек сидели на обрывистом склоне балки, наблюдая зарево пожара на горизонте. При особенно громких разрывах, Александр повторял:

- За Петрова... Это — за Мишу, пограничника... Это — за Щербакова...

Три месяца спустя

Иван Матвеевич предъявил на проходной военного госпиталя имени Бурденко своё служебное удостоверение, кивнул солдату охраны, отдавшему честь, и по заснеженной дорожке направился в сторону кардиологического центра. Накануне ему доложили о болезни Алёхина-старшего, поэтому генерал не стал откладывать в долгий ящик визит к старому товарищу. Он не предупредил о посещении, ни начальника госпиталя генерала Давыдова, ни его заместителя полковника Чернецова, справедливо полагая, что отрывать от кучи забот таких людей во время СВО будет делом вредным и неправильным. Иван Матвеевич не спеша шёл к нужному зданию, поглядывая то на бюсты и памятники, стоящие в аллеях старого парка, то на силуэты выздоравливающих солдат и офицеров, чей облик говорил ему больше, чем сводки боевых действий. Бушлаты и тёплые халаты не могли скрыть особую походку людей, оправляющихся от ран. На лицах выздоравливающих, был виден отпечаток суровой отрешённости, который бывает у военных, повидавших много смертей и увечий.

К своему удивлению, Алёхина-старшего он нашёл не в палате, а в кресле перед телевизором на втором этаже здания в одном из

холлов, где было тесно от мягких диванов, расставленных вдоль окон широким полукругом.

- А-а, вот ты где? – добродушно, но в то же время встревоженно пробасил Иван Матвеевич, кладя свою ладонь на руку старика и садясь рядом. - Мне сказали, у тебя давление подскочило, приступ стенокардии, плюс обострение ишемии. Думал, лежит наш генерал в койке, едва дышит, а ты – вот он. Не плохо выглядишь. Огурцом.

- В койке? Хрен им, докторам недоделанным. Переполошились. А всего-то... Позвонил Давыдову, спросил, какие таблетки пить при сильном головокружении и тошноте. А тот целую бригаду реанимации прислал ко мне домой.

- Слава Богу! - улыбнулся Иван Матвеевич. – И правильно сделал. С инфарктами, да инсультами шутки плохи. Значит, откачали?

- Откачивать нечего было. Полежал день и всё. А ты, чего припёрся?

- Так я же внуку твоему обещал присматривать за тобой. А я всегда держу слово.

- Понятно, - более миролюбиво проворчал старик, оглядываясь на пациентов госпиталя, с интересом глазевших на белый халат посетителя, из-под которого виднелась генеральская форма. – Есть, что рассказать?

Санитары — молодые солдаты и врачи, проходящие мимо, тоже поворачивали головы в сторону Ивана Матвеевича, но делали вид, что ничего экстраординарного не происходит. Алёхин старший, заметив взгляды, начал подниматься.

- Давай-ка погуляем немного. Подморозило сегодня. В парке воздух свежий, а здесь больницей всё пропахло. Погоди, оденусь.

Старик, слегка подволакивая ноги, прошлёпал тапочками по полу к своей палате в сопровождении Ивана Матвеевича. Через десять минут они уже медленно прогуливались по аллеям.

- Про внука моего, что известно? - с показным равнодушием спросил Алёхин. - Какие новости?

- Отсутствие новостей — самая хорошая новость, - бодро сказал Иван Матвеевич.

- Ты говори, да не заговаривайся, - обиделся старик. - Я — не мальчик, чтобы со мной шутки шутить.

- Слушай, - Иван Матвеевич отвёл в сторону ветку заснеженной липы. - Тебе вообще-то можно гулять?

- Я ни у кого разрешения спрашивать не собираюсь. Не виляй. В сторону с разговором не уходи. Говори коротко, по делу.

- Ладно... Изволь... Почти две недели от группы спецов, к которой прикомандирован Александр, не было вестей. Но в той неразберихе сразу после вторжения хохлов в Курскую область — это нормально. Главное, что его не оказалось, ни в списках, пропавших без вести, ни в перечне убитых и раненых. Командованию на месте понадобилось время, чтобы разобраться в ситуации, наладить боевую работу, освоиться в быстро меняющейся обстановке. Однако... По некоторым данным, твой внук жив, здоров, но застрял в тылу укропов. Кто-то под его именем, не назвав свой личный номер, вышел на связь по каналу «Волга». Потом дал координаты позиций противника на Суджанском направлении. Через день после доразведки, подтвердившей достоверность информации, по этим квадратам мы нанесли авиаудары.

- А, чего же он не вышел к нашим? Там вроде сплошной линии фронта нет.

- Кто его знает. Он же у нас огонь, воду и медные трубы прошёл. К тому же — молодой, горячий. Думаю, партизанит понемногу. Там, в лесах много наших бойцов осталось.

- Во, дожили, довоевались. Я бы этого Герасимова с половиной Генштаба под суд отдал, а потом его самого партизанить отправил рядовым. Прозевать вторжение хохлов, это ж ухитриться надо. Хотя с таким, вечно сонным выражением лица царствие небесное проспать недолго.

- Нет худа без добра. Курская авантюра хохлам дорого обходится. Кулак вторжения они сформировали не малый, сняв войска с других направлений. У нас веселее дело пошло севернее, и южнее. Если раньше продвижения составляли метров пятьсот в неделю, то осенью прорывы фронта - от километра и больше за день. Если так дальше пойдёт, то скоро мы Днепропетровск с Херсоном возьмём, а там и до Николаева с Одессой недалеко.

- Господи! - тяжело вздохнул старый генерал. - Третий год войны... Смотрю вон на людей, поступающих на излечение в госпиталь... Потом поглазею на разные ток-шоу по ящику с гламурными ведущими. Тут же следом шоубиз пляшет и поёт... Тяжело она нам даётся эта странная война.

- Ничего. Победим, не впервой, - сказал Иван Матвеевич,

присаживаясь вместе с генералом на разметённую от снега скамейку. – И внук твой объявится. Он – мужик, настоящий офицер… А то, что долго воюем, так оно так всегда бывает. Судьба любой войны остаётся нерешённой, пока одна из сторон не надорвётся, после этого победа над ней становится делом времени. Враг свою экономику уже поставил раком. Воюет на пределе ресурсов, людских, промышленных, финансовых. Так Наполеон надорвал пупок после Бородинской битвы, а немцы - в сорок втором после Сталинграда. Отступление противника после такого надрыва неизбежно. Сопротивление ВСУ выглядит жалкой попыткой толпы спасти свои жизни. Совсем недавно они имели не плохую армию. Сегодня эта армия потеряла веру в собственную победу. Как только войска начинают понимать, что соседи слева, справа могут уйти с позиций, бросив оставшихся в одиночестве и даже не предупредив, солдаты ищут выход из мышеловки. Бег – любимый вид спорта проигравших. Именно это вскоре произойдёт с украинским воинством. Блицкриг на Курск им уже не поможет. Там хохлы постепенно садятся в глухую оборону. Кстати, Украина ещё год назад прошла первый этап развала своей армии. А сегодня, в двадцать четвёртом, они теряют одну за другой линии обороны, которые готовили долгих десять лет. К концу зимы на левом берегу Днепра за укропами останется только Харьков и левобережные районы вокруг Днепропетровска. Ещё – Запорожье…

- Твоими устами, да мёд пить, - отходчиво проворчал старик.

- Мёд, не мёд, но это моя оценка оперативно-стратегической обстановки, основанная на фактах. Мы изменили тактику боевых действий, перестали штурмовать населённики в лоб. Сегодня мы города просто берём в клещи, вынуждая защитников выбирать. Либо бегство, чтобы остаться в живых, либо котёл, где они быстро под ударами ФАБов становятся двухсотыми. Есть ещё один вариант. Плен. Любые фортеции держатся до тех пор, пока солдаты в них готовы драться. Но вся штука в том, что такие храбрецы быстро заканчиваются. Даже у идейных нациков мотивация на нижнем пределе. А неизбежность нашей победы была очевидна для самых умных хохлов ещё в двадцать втором году, когда мы подошли к Киеву. Тогда половина граждан Украины побежала на Запад. И дело здесь не в тотальном экономическом и военно-техническом превосходстве России. Американцы во Вьетнаме имели ещё больший перевес, а китайская и советская помощь Ханою, хотя и была довольно значимой, но не шла ни в какое сравнение с тем, как США с союзничками вооружали Украину, взяв Киев на полное финансовое обеспечение. Тем не менее США во Вьетнаме проиграли. Германия проиграла и первую, и вторую

мировые войны ещё до их начала в силу множества причин, одна из которых - несопоставимость экономических потенциалов Германии и её противников. Гитлер разработал теорию блицкрига не потому, что был таким выдающимся стратегом, а потому, что блицкриг был единственным шансом обмануть своих граждан, собственную обречённость на поражение. Его план не сработал. Не удался блицкриг в Курской области и Зеленскому, который даже в подмётки Гитлеру не пригодился бы.

- Что ты мне всё про Зеленского? Можно подумать мы с этим клоуном коротышкой воюем.

- Тут ты прав, - тяжело вздохнул Иван Матвеевич. - Воюем мы с Западом, но в этой войне у нас и у них цели разные. Победа Запада означает сохранение доминирования, которое позволит дальше грабить остальной мир, разбираясь поодиночке с врагами, нагибая союзников, силой засунутых в военно-политические блоки. Но такая победа предполагает единство остального западного мира во главе с американосами со всем их потенциалом. А единства, по сути, нет. Что-то пока в НАТО не наблюдаю желающих повоевать с нами напрямую. Одно ля-ля или лай прибалтийских шавок. Америка рассчитывала решить эту проблему путём экономического разгрома России, а дальше после истощения нас, русских, связать прокси-войной с хохлами. Но не выходит. Что им остаётся? Воевать самим? Тогда это обмен ядерными ударами, по результатам которого не будет, ни побеждённых, ни победителей. Заодно не будет и всего остального мира опять же вместе с ресурсами. Скажу одну крамольную мысль. Объективно Западу удобнее, даже выгоднее проиграть Украину России. Тогда ещё можно какое-то время продолжать грабить остальных. Но нужно представить дело так, будто это самая, что ни на есть перемога. Современный вариант будущего по-американски — это продолжение грабежа. Но грабить вечно не получится из-за конечности ресурса, а значит, нужно сокращать количество потребителей. США начали это сокращение с Европы. Первой попала под раздачу Германия в качестве наказания за слишком тесное экономическое сотрудничество с Россией. Как же так? Немцы дёшево покупают, считай – грабят, наши энергоносители, а пиндосы идут лесом… Наш, русский план дальнейшего мироустройства основан на компромиссе между национальными интересами всех стран. И он гораздо привлекательнее американского. Западная система, словно чёрная дыра, поглощает всё на своём пути к доминированию. В одно прекрасное время, когда ресурсов будет не хватать на поддержание жизнедеятельности западной системы, произойдёт большой буда-бум. Сейчас этот

бум, только в меньших масштабах, происходит на Украине. Американский мир обречён системно, а российская победа над Западом — единственный для них способ избежать глобальной катастрофы. Другими словами - им побеждать Россию нельзя, так как если мы не победим, то проиграют все. Вот так-то, мой друг.

- Слушай! Ты прямо крутым политологом стал. Тебе можно уже в телевизоре выступать без суфлёра, - сказал Алёхин-старший, тяжело поднимаясь. - Давай походим немного. Обед скоро. Нужно аппетит нагулять.

- Кормят, как здесь? Всего хватает? А то я не догадался чего-нибудь принести вкусного.

- Я не капризен. Кормят нормально. Мне, как генералу даже фрукты дают. Манго, мандарины... Но я их раненым отношу. Молодёжь жалко.

Два генерала медленно двинулись в сторону корпуса.

- Мне, вот, до сих пор многое неясно. Что будет после войны с хохлами. Нет, я понимаю... Боевые действия прекратятся. Должны же мы в итоге поставить Киев на колени. А дальше-то, что? Неужели с американцами снова ручкаться будем, да улыбаться? - Алёхин-старший остановился, зачем-то посмотрев в сумрачное, декабрьское небо над головой. - Думаю, мы просто обязаны взять верх в этой битве с чубатыми, однако, Запад, проиграв ради своего же благополучия, нам не простит украинского поражения. Это же -англо - саксы. Настырные, сволочи. Как в песне Высоцкого… «Если я, чего решил, то выпью обязательно». Сил накопят и снова попрут. Полноценная война с Западом у нас впереди. Ты говоришь – напасть не посмеют. Ещё, как посмеют. Ядерной катастрофы не побоятся.

- Всё может быть. Но, во-первых, наша победа спустит авторитет американцев в унитаз. Многие страны всерьёз задумаются, например Иран, о собственном реальном суверенитете. Задумаются, куда денутся. Сопротивление американцам будет расти. Понимаю, что немногие рискнут стать нашими союзниками. Постсоветские республики подожмут хвосты. Это касается прибалтов, казахов и остальных калибром меньше. Конечно, они не бросятся без оглядки в наши объятия. Фактор Китая никто не отменял. Нам придётся учитывать интересы Пекина, особенно в зоне китайских стратегических интересов. Но у Китая с американцами своя война намечается. Сегодня — экономическая, а что будет завтра? Именно поэтому наш более тесный союз с Пекином неизбежен. И, кстати, неважно, кто придёт на смену Байдену или Трампу. Любой президент —

марионетка в руках сильных мира сего. Америка всегда будет стараться столкнуть лбами нас и Китай. Будет уговаривать своих дальневосточных вассалов: Японию, Корею, Филиппины, Малайзию взять на себя бремя противостояния с Китаем. Что из этого выйдет, не знаю. Но то, что Китай со своей тысячелетней историей дипломатии видит насквозь Америку и этих азиатских тигров, даже не хочу обсуждать. Американцы сильно недооценивают китайцев. Что касается Европы. Она останется пристёгнутой к военно-политической телеге США в ущерб собственным интересам. Уже сейчас заметно, насколько экономика Германии деградировала, благодаря американским усилиям, и продолжает падать с неимоверной быстротой. Россия больше не заинтересована быть партнёром для западный европейцев. Хватит. После всего, что было, им нечего нам предложить. Для России сейчас главное — грамотно закончить украинскую шахматную партию. И не приведи Господь согласиться с американским планом остановки войны на линии соприкосновения с сохранением какой-то части Украины. Такая Украина будет для нас постоянной болячкой, проблемой, гнойником, будущей угрозой, поскольку единственным смыслом существования для хохляцкого нацистского режима остаётся наше уничтожение.

Иван Матвеевич сделал паузу, формулируя в уме ускользающую мысль. Этой паузой воспользовался Алёхин-старший.

- Погоди. Что же у нас получается. Если западный проект «Украина – Анти-Россия» не принесёт звёздно-полосатым нужного результата, значит Вашингтон наверняка захочет вместо себя отправить на войну европейцев. «Не можете, сукины дети, оказывать необходимую Зеленскому помощь, не можете выслать из Польши, Германии, Италии, Испании украинцев для дальнейшей мобилизации, не хотите выполнять волю дяди Сэма, будьте любезны, воюйте с русскими сами. Не можешь, научим. Не хочешь, заставим. Или я не прав?

- Верно. Первыми бросят на амбразуру прибалтов с поляками. Вильнюс почти готов к провокации по блокаде Калининграда и втягиванию НАТО в драку с нами. Польша ударными темпами наращивает собственную армию, лихорадочно закупая оружие. Другое дело, что НАТО не готово воевать. Если мы в следующем году свернём шею Украине, то большой войны не случится. Отсюда — задача. Во что бы то ни стало добить бандеровцев, а также избежать больших затрат при освоении бывшего украинского пространства. Нужны оптимальные методы управления нашими будущими территориями. Как это всё будет реализовано, один Бог, а ещё только Путин знает. Может,

вся Украина войдёт в состав России, может - республиками, как ДНР и ЛНР. Тут главное — принцип равновесия. И ресурсов много не потратить, и сохранить свободу рук в дальнейшей геополитической игре, - Иван Матвеевич нагнулся.

Слепив из мокрого снега комок, он бросил его в стаю ворон, рассевшихся на неработающем красивом фонтане.

Птицы с недовольными громкими криками поднялись на крыло и пропали среди ветвей огромной заснеженной липы.

- Ну, что ты в самом деле, словно мальчишка, - проворчал старик. - Чем тебе вороны помешали? Лучше поправь меня, если я неправильно всё понимаю. Значит, когда американцы пытаются истощить нас военной кампанией на Украине, мы в свою очередь добиваемся опережающего истощения Европы, помогая дяде Сэму, позволяя объявить нам санкции, да ещё безнаказанно взорвать Северные потоки. Сейчас нам предстоит провернуть такой же фокус, но в более крупном масштабе. Мы не можем оспорить у американцев контроль над всей Европой, который они на сегодня имеют с целью связать наши силы на западном направлении. Но Путину необходимо высвободить ресурсы для активной политической игры в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Там в ближайшем будущем стоит ждать основных событий мировой истории. Так?

- Всё правильно. А ещё говорят, что пенсионеры ни хрена не понимают в геополитике, - улыбнулся Иван Матвеевич. - Нам нужно сделать всё для того, чтобы американцы обломали оставшиеся зубы о Китай. Наши руки должны быть свободны для продвижения собственных интересов в любой точке земного шара. Это — главное. Всё остальное, методы, способы дальнейшего обезжиривания Европы, должны быть разработаны и осуществлены максимально быстро под решение основной задачи — помочь Америке почувствовать себя слабой, больной, хромой на всех направлениях. Получится это или нет, покажет время… Знаешь, когда побеждённый плачет?

- Знаю, знаю, - покрутил головой Алёхин-старший. - Когда победитель получает всё... Но мне кажется, Иван, ты слишком оптимистичен в своих оценках. Украина далека от поражения. С такими темпами нашего наступления, с неспособностью Генштаба проводить масштабные военные операции, с отказом наносить авиа и ракетные удары по логистике, мостам через Днепр, плотинам, железнодорожным туннелям, логистическим узлам, воевать мы будем ещё лет десять, но целей СВО не достигнем. Наше топтание на месте, надежды на усталость Запада от Украины, ожидание

переговоров… Всё это контрпродуктивно. Так не выигрывают войны… Ладно, притомился я что-то.

Старый генерал поправил солдатское одеяло, наброшенное поверх тёплого халата.

- Холодает, однако… Ступай уже. Поговорили с тобой немного, однако, на сердце осталась тяжесть. Про внука моего не забывай. Нужно вытащить его из этой мясорубки.

- Он уже большой мальчик. Ему ходунки и поводыри не нужны. Сам справится… Знаю, просишь больше для порядка… Но могу сказать одно. Своих не бросаем. Буду держать тебя в курсе, если что.

- И на том спасибо, - сурово откликнулся старик, круто разворачиваясь.

Иван Матвеевич долго смотрел в след сутулой фигуре, идущей по аллее к больничному корпусу.

Первая ночь в пещере, скорее рассвет, преподнёс её обитателям сюрприз. Алёхин проснулся рано. Едва свет утренней зари проник через узкую, замаскированную охапками травы щель прохода внутрь убежища, Александр открыл глаза. Его сознание, всё ещё переполненное картинами вчерашнего пожара в Любимовке, начало строить дальнейшие планы, однако, когда до слуха долетел какой-то шорох, капитан осторожно поднялся, нашёл в изголовье постели среди вещей пистолет, тронул Наташу за плечо и встал на ноги.

- Что? - девушка сонно потянулась.

- Тихо! – Алёхин нагнулся к уху девушки. - Кто-то есть снаружи. Ты лежи пока. Делай вид, что спишь.

Александр, бесшумно ступая, подобрался ближе к лазу. Он встал за выступом прохода, держа наготове оружие. Спустя минуту сухие ветки, закрывающие лаз, зашевелились, затем упали внутрь. Света в пещере стало больше, в отверстии показались голова и плечи человека. Гость прищурился, давая возможность глазам привыкнуть к темноте, но дуло пистолета уже упиралось ему в затылок.

- Заходим… Спокойно, не дёргаемся. Руки за голову, а сам — на колени! - сказал капитан, забирая автомат незваного гостя.

- А вы, шо тут робите? - хриплым голосом спросил человек, становясь на колени, безропотно позволяя Алёхину себя обыскать.

- Теперь встаём вон там у стены, - тоном, не допускающим возражения, приказал Александр, передавая вскочившей на ноги Наташе ранец солдата и разгрузку, на которой была видна нашивка ВСУ. - Туда, - дуло пистолета показало направление.

- Та вы меня не бойтесь, - солдат сел на землю, испуганно глядя на лица незнакомых ему людей. - Я же свий.

- Заткнись. Только отвечай на вопросы, - Александр расположился в метре от солдата на отобранном ранце, заполненным чем-то твёрдым и объёмным. - Звание, род войск, номер части?

- Рота материального забеспечення сто третьей бригады терробороны, старший солдат, - торопливо выпалил гость.

- Что ты искал в балке?

- Так, ховаюсь я тут...

- Ховаешься? - Наташа подошла ближе. – Так ты дезертир? Ухилянт паршивый? Откуда ты здесь взялся?

- Боже ж мий, пани офицер! - Радостно всплеснул руками солдат. - Бачу, шо вы русские? Чого вы тут забулы?

- Родом откуда? - Сурово повторила девушка. - И не коверкай русский язык. Говори, как нормальный человек.

- Так, говорю же ж вам. Местный я, русский. Родом из Любимовки, коренной курянин. Тут все мои родичи живут. Вернее жили...

- Как попал в ВСУ? - Алёхин с интересом рассматривал солдата.

- Та, чёрт меня попутал, ей Богу. Четыре года назад сижу на тракторе в поле, думаю. Вот хохлы хитрые. Их завтра в Европу возьмут. Сейчас у них уже безвиз есть. Куда желают, туда и едут. А мне, что? До старости поле совхозное перепахивать, - торопливо рассказывал солдат. - Некоторым с той стороны границы звонили сватья, да кумовья... Тут же всё у нас перемешано. У многих родные, кто в Сумах живут, кто в Харькове... Звонили и спрашивали: - «Чего вы там среди русни живёте? Диктатура, и много чего нема. Унитазов в домах нема, асфальта нема. Може, вам щось из продуктов прислать? Вы же ж там голодаете... Давайте к нам переезжайте...

- Ну и что? Много вас, таких переехало? - сердито спросила Наташа.

- За других не знаю. А с Любимовки только я. Граница тогда плохо охранялась. Вот однажды раненько утречком взял

и пошёл.

- Ну и дурак же ты братец, - не выдержал Алёхин. - А ты не подумал, что звонили вам, курянам, по указке СБУ. Это же всё = элементы пропаганды. Где ты видел, чтобы в наших городах унитазов не было или асфальта?

- Так и я о том же, - воодушевился солдат. - Мне тоже звонили... А я им... Есть у нас и унитазы у многих, даже в деревнях, и асфальт имеется. А мне балакают... Так то, потому, шо Курская область была когда-то Украиной, считай Европой. Специально вам тут асфальт кладут, унитазы завозят из Китая, чтобы вы довольные были... А в остальной России — сплошная разруха... Вы же ж тут — все наши, украинцы. Тикайте до нас. Вот я и поддался уговорам.

- Дай догадаюсь, что дальше было, - сказала Наташа. - Увидел, что в Сумах не всё так, как тебе рассказывали, стал спрашивать почему. А тебе в СБУ объяснили, что это опять русские виноваты. Что это всё война. Злой Путин виноват. Так?

- Почти, - сокрушённо кивнул головой солдат. - Выписали паспорт, обещали работу хорошую, поставили на воинский учёт, а потом сказали: «Будешь языком много трепать, укоротим». Вот я и остался, а потом привык, даже понравилось.

- Чем же? - Алёхин не мог сдержать злой улыбки.

- Да, многим. И шо президент у них молодой. Даром, шо еврей. И не боится никого. Самого Шольца немецкого посылает, куда Макар телят не гонял. Шо весь мир Украине помогает, всем, шо у них есть... Бандеру почитают в Канаде, даже в самой Америке. Вон в Киеве чёрную икру продают в магазинах, а у России та икра - на вес золота. Но, то, шо красная есть в Москве, я не спорю. А то, шо в Сумах не так, как я думал, то и хрен с ним. Я, как паспорт с военным билетом получил, так в тот же день на Запад подался, на Львов. Подумал, чем ближе к Европе, тем больше шансов на счастливое життя. Думал, рвану дальше, в Польшу, а может в саму Австрию...

- И, как там во Львове? - с иронией перебила солдата Наташа.

- Плохо, - честно признался тот. - К нам, приехавшим с Востока, относятся как к собакам бездомным. Работы лёгкой почти нема, жить негде. Всё дорого. Пришлось снова тяжко працювать. Устроился на мусоровоз. Вставал ни свет, ни заря... Просроченные продукты в мусорных баках искал. Это я-то... Можно сказать - цвет европейской нации.

- Тебя, как зовут, цвет нации? - капитан обыскал карманы

солдата, в которых кроме листовки с позывным «Волга», больше ничего не было.

- Иваном. Булыгин я.

- Ну, рассказывай дальше Иван... Как ты опять под Курском оказался?

- Та очень просто. Хлопцы из ТЦК*, военкомы ихние меня прямо с мусоровоза сняли, руки скрутили, а через два дня... Не успел я опомниться, уже в бригаду ВСУ привезли до казармы. Дальше — вокзал, эшелон, потом ночью марш пешим порядком до Сум. Повезло ещё, что до вчерашнего вечера я в Любимовке обретался, а не в штурмовых частях под Суджей.

- Нет, ты посмотри на него, - не выдержала Наташа. - Работы ему лёгкой не предложили. Тяжко працював. Чёрной икры захотел. Видела я дебилов, но такого. Господи! Картина маслом. Франсиско Гойя. «Сон разума рождает чудовищ».

- Шо? Не зрозумию, - солдат непонимающе уставился на девушку.

- Болезнь у тебя, цвет нации. Очень заразная. С той стороны границы надуло. Стоит простому, вроде бы нормальному человеку оказаться на Украине или где-то рядом, он превращается в зомби, в щирого заукраинца, даже если он русский с обычной русской фамилией Булыгин. Ты сам себе яркий пример. Этот идиот искренне считает не только Бандеру, но и себя светочем европейской цивилизации. Инкубационный период длится от нескольких минут до нескольких суток после приезда на Украину. И пока этот зомби остаётся там, никакое лечение не помогает. Даже горькая пилюля СВО.

- А, скажить будь ласка, - забеспокоился Булыгин. - Если заразная та болезнь, то и умереть от неё мабуть недолго? Какие признаки той хворобы? Може, голова починает болеть, може ещё шось?

- Ты слышал? - девушка повернулась к Алёхину. - Признаки ему подавай. Господи! Перестань говорить на суржике. Это — первый признак. Он у тебя вместе с атрофией разума - уже в крови, Ваня. Второе. Не прикидывайся шлангом, этаким простачком. Другие симптомы тебе назвать? Пожалуйста... Ты хотел получить все блага мира, не утруждая себя, палец о палец не ударив. Если тебя Зеленский провозгласил европейцем, это не значит, что манна небесная прольётся на твою тупую башку. Вот сидит он тут с нами, Алёхин, и считает, что ничего плохого с ним уже не случится, даже если он ещё вчера расстреливал своих односельчан в Любимовке. Он думает, если перебежал

к русским, то завтра окажется в Москве, будет есть красную икру столовой ложкой... Но ты, Ваня, не переживай. Ты не один такой шизанутый. Вас ещё на Украине миллионов пятнадцать наберётся. Могу даже поспорить, что ты, Булыгин, хотел бы заделаться каким-нибудь сержантом в ТЦК. А, что? На войну идти не надо. Взятки можно брать пачками у желающих избежать мобилизации. Деньжат накопить на безбедную жизнь в Европе. Только, когда закончатся зомби, которым не повезло стать полицаями или военкомами, на фронт отправят то дерьмо, что окажется у Зеленского под рукой. Тех же полицаев, военкомов, баб, детей и даже депутатов хохляцкой Рады. Русским ещё есть кого могилизировать, иначе остальных, с более лёгким диагнозом, не спасти...

- Я никого не расстреливал, - неожиданно произнёс Иван, втягивая голову в плечи и заискивающе глядя в глаза Алёхину.

- Верю, - легко согласился капитан. - Иначе не дёрнул бы из армии. Дай-ка сюда свой смартфон.

- Та нема у меня смартфону. Вы же ж меня, пан офицер, уже обыскивали.

- Значит, обыщу ещё раз, - капитан заставил Булыгина встать, затем снова, более тщательно его обыскал.

- А это, что? - Алёхин вытащил смартфон из потайного заднего кармана штанов Ивана.

- Да, он тут из-за глушилок совсем не працює.

Капитан, не обращая внимания на протесты дезертира, включил смартфон и стал рассматривать фотографии в галерее.

- Кроме порно и снимков его побратимов ничего нет, - Александр оставил смартфон себе.

- Теперь почти верю, что никого не расстреливал, хотя не факт... Один последний вопрос. Почему сейчас решил дёрнуть из ВСУ, а не раньше?

- Так не думал я, что такая мясорубка здесь начнётся, - снова заторопился Булыгин. - Кто ж знал, что нас сюда погонят? А вчера русские долбанули по Любимовке. Убитых ещё не посчитали. Но дуже богато... Техники покрошили, мама моя родная. Одних Страйкеров американских штук семь. Укрепы - в куски, Траншеи с блиндажами — в щепки. Теперь треба линию обороны заново рыть. Мне повезло, что жив остался, даже нигде не задело. Так, присыпало возле хаты маленько. Да, ещё со стороны Курска транспорты с трёхсотыми едва ли не каждый день на Сумы идут... Вот я решил, чего воевать-то, если русские

вот-вот со всей дури навалятся. Я в суматохе и рванул сюда. Эту балочку с детства знаю. В казаки-разбойники здесь играли. А, вы меня не того?

- Чего того? - переспросил Алёхин.

- В расход не пустите? Ей, Богу... Памятью покойной матери клянусь... Вот вам крест. Никого не расстреливал, если только в молоко пулял... Водитель я. Ещё на комбайне могу... Вы же ДРГ, да? Корректировщики? По вашей наводке по Любимовке долбанули?

- Смотри-ка, - капитан повернулся к Наташе. - Вроде паралич мозга у него, а кое-что соображает.

- Выздоравливает, - пробормотала девушка, потерявшая интерес к дезертиру.

- Я помогать вам буду, - Иван от усердия даже привстал. - Мне Зеленский давно уже не нравится. Балабол. Это ж сколько народу из-за него сгинуло? Даже боюсь представить.

- А ты, как сюда добрался? Пешком далековато будет.

- Зачем пешком? На грузовике. Свалили мне в кузов двухсотых, дали лопату, сказали езжай, поховай в укромном месте. А я им в ответ... Мол, в одиночку много не накопаешь. Так пан офицер из разведки так глянул, что у меня сердце в пятках затрепыхалось.

- Ну и что? Поховал братов? – Тихо спросила девушка.

- Отъехал чуток от села, да в сухую промоину свалил всех. Кому надо, нехай закапывают. А то привыкли, шо даже учёт не ведут. Половину записывают в безвестные, а половину — в дезертиры.

- Грузовик твой, где, дурак ты этакий, скотина безмозглая? - Алёхин начал закипать гневом.

- А, где ж ему быть? Тут мост есть в десяти верстах через ручей. Там место топкое. Ну я и разогнал свой самоход, спрыгнул, а машина через перила - в самое болото. Нехай шукают теперь Булыгина. Вы лучше меня к своим переправьте. Надоело воевать, в плен хочу. Но если шо, то можете на меня рассчитывать. Эх, скорее бы война та закончилась.

- Придётся тебя огорчить, Булыгин. Всё только начинается, - Алёхин продолжал рыться в смартфоне дезертира, пытаясь найти скрытые файлы.

В пещере стало тихо. Дезертир беспокойно поглядывал на капитана, а тот внезапно застыл, глядя на экран. Наташа,

насколько позволял сумрак, смотрела на лицо Александра, постепенно искажаемое яростью.

- А это, что, сволочь? - звенящим голосом спросил капитан у Булыгина, поворачивая смартфон экраном к дезертиру.

- То не я... Это нечаянно... Не хотел я! - солдат опустился на колени и пополз к Наташе.

Алёхин, вскочив, ударом ноги отбросил Булыгина к стене. Затем одной рукой достал свой пистолет, а другую протянул девушке, передавая ей смартфон. Свет экрана упал на лицо Наташи, у которой через пару мгновений задрожали губы. Она смотрела на кадры видео, где Булыгин насиловал какую-то женщину, а потом, широко и довольно улыбаясь, стал резать ей горло.

Капитан ударил вновь вскочившего дезертира рукоятью пистолета по лицу, затем снял оружие с предохранителя и спокойно сказал:

- Пошли.

- Куда? - вытирая кровь с разбитых губ, спросил Булыгин. - Не я это. Там похожий на меня придурок. Прислали мне ту фотку по ватсапу.

- Придурок и отморозок ты. Думал, если отправил свои видосы в корзину, то следы — в воду? Нет, сволочь. Удалить файлы — это половина дела. Кеш Гугла надо было чистить, дебил. Пошли!

- Не я это... Не надо, не хочу!

Но Алёхин, не слушая, уже тащил дезертира по проходу в глубину пещеры. Через пару минут прозвучал выстрел, затем второй.

Капитан вернулся не скоро. Посмотрев на притихшую Наташу, он сел возле ранца дезертира. Открыв его, Александр покачал головой. На земляной пол по очереди начали ложиться разные вещи: столовое серебро, дешёвые шкатулки из лубочного картона, в которых оказались золотые и серебряные украшения. Рядом Алёхин разложил завёрнутые в бумагу хрустальные водочные стопки, фарфоровые статуэтки, мельхиоровые заварные чайники, подстаканники, портсигары и наручные часы. В грязной тряпке оказалась толстая пачка украинских гривен и тысяча долларов. На самом дне ранца Александр обнаружил стопку потрёпанных, местами окровавленных военных билетов.

- Гад, крыса вонючая, - пробормотал капитан, пнув ногой «сокровища». - Одного не пойму... Откуда у него военные

билеты? На хрена они ему сдались,

- Наверное, это документы двухсотых, которых ему приказали зарыть. Спёр, сволочь. Знаю я таких. Потом будет родственникам названивать, деньги вымогать... Хоть и гад этот Булыгин, а похоронить его не мешало бы, - обронила девушка.

- Обойдётся пока. Там, - Алёхин кивнул на проход, - прохладно. Даже холодно. Пусть лежит, потом свод прохода в том месте обрушу. Сейчас не могу. Противно к этому уроду подходить.

- Боже мой! - с надрывом произнесла Наташа. - Что война с людьми делает? Скорее бы она закончилась.

- Нет, моя дорогая. Всё только начинается, - повторил капитан.

Подхватив с земли автомат Булыгина, он стал протирать затвор рукавом куртки.

***

Звонок телефона внутренней связи с секретариатом администрации оторвал президента от просмотра указов о награждениях участников боевых действий. Отодвинув бумаги в сторону, Путин поднял трубку. Почтительный голос дежурного помощника звучал тихо и вкрадчиво.

- Владимир Владимирович... Прошу прощения... Оторвал от чего-то важного?

- Всё нормально. Говорите...

- Смею напомнить... У вас запланирована встреча в плане подготовки выступления на Валдайском международном форуме.

- Да, да. Конечно, - президент перевернул страницу настольного календаря. - Сегодня, через пятнадцать минут. Время ещё есть. Все собрались?

- Приглашали только Проханова и Дугина. Уже сидят в приёмной.

- Хорошо. Раньше начнём, раньше закончим. А то критикуют меня, что я всегда и везде опаздываю. Проводите товарищей в мой кабинет.

Дугин и Проханов задержались в проёме открытой двери, учтиво пропуская друг друга. Первым решился переступить порог Проханов. Помощник, проскользнувший в кабинет

последним, вопросительно уставился на президента. Но тот уже шёл с протянутой, открытой ладонью навстречу гостям. Рукопожатие Дугина было вялым, зато Проханов энергично сжал пальцы Путина.

- Сюда, пожалуйста, - помощник показал на стулья, приготовленные рядом с президентским рабочим столом.

- Принесите нам чаю, если можно, - попросил Путин помощника. - И печенюшки какие-нибудь... Может, бутерброды соорудить? - президент посмотрел на Проханова, очень располневшего за прошедший год.

- Не стоит, Владимир Владимирович, - ответил тот. - Я не голоден. Впрочем, может Александр Гельевич желает? - Проханов повернулся к Дугину.

- Нет, нет. Спасибо. А вот, чаю горячего с лимоном выпью с удовольствием.

Президент кивнул помощнику, который тут же исчез за дверью. Приглашённые неловко молчали, разглядывая обстановку кабинета. Путин, давая время гостям освоиться, не торопился, придвигая ближе к столу своё любимое кресло, исподлобья посматривая на лица гостей. В дверь постучали, и она тут же открылась. Появился помощник, толкающий впереди себя маленькую тележку, на которой стоял поднос с фарфоровым чайником, накрытым белой салфеткой, тремя чашками, сахарницей, тарелкой, где лежали дольки лимона. Центром сервировочной композиции было небольшое блюдо с овсяным печеньем. Помощник снова вопросительно посмотрел на президента. Тот кивнул, разрешая наполнить чашки.

Пока Проханов и Дугин занимались напитком, Путин воспроизводил в памяти подготовленные по его просьбе справочные данные на своих гостей. В принципе в этом материале не было особой необходимости, поскольку президент хорошо знал этих людей, но соответствующая подготовка к важным встречам была многолетней стойкой привычкой.

«Проханов Александр Андреевич... В настоящее время — Секретарь Союза писателей России. Главный редактор газет «День» и «Завтра». Политические взгляды: государственник,

придерживается радикальных национал-имперский позиций. Убеждённый противник и критик либеральной демократии. Автор идеи «Пятой империи», согласно которой Россия, как успешное и независимое государство может существовать только в качестве империи. Написал большое количество статей и книг на эту тему, в том числе скандальный роман «Господин

Гексоген», в котором события российской истории 1999 года, в частности, серия взрывов жилых домов в России, были представлены как результат заговора в ходе операции передачи власти от действующего президента Ельцина своему преемнику. Проханову принадлежит фраза: «Вместо государства (России) была липкая, мерзкая, отвратительная лужа, в которой сидело пьяное чудовище».

«Дугин Александр Гельевич. Профессор. Директор высшей политической школы имени Ивана Ильина при Российском государственном гуманитарном университете. Популярен на Западе, как один из самых известных российских мыслителей и философов. Политолог, общественный деятель. В восьмидесятые годы придерживался радикально антисоветских, антикоммунистических взглядов. Позднее, в девяностых, являлся идеологом национал-большевизма... С начала двухтысячных годов Дугин отстаивает идеи консервативного евразийства. Автор «Четвёртой политической теории», которую он противопоставляет трём идеологиям XX века — либерализму, коммунизму и фашизму. В настоящее время является сторонником «Византийского идеала симфонии властей — тесного союза духовной и светской власти». Автор множества книг, в том числе большого эссе - «Евразийский путь, как национальная идея», где написал: «Разные исторические и философские школы спорят о том, кто является, в последнем счёте, субъектом истории. Этот вопрос остаётся открытым. Но когда мы говорим о стране, об исторической общности, о культуре, о форме специфической цивилизации, мы подразумеваем, что субъектом истории является «народ. Типы государственности, хозяйственные механизмы, культурные модели, идеологические надстройки меняются, сменяют друг друга и поколения. Но нечто остаётся постоянным, проходя сквозь все эти трансформации. Эта постоянная величина, живая в течение долгих веков на обширных пространствах, и есть народ. Говоря и думая о России, мы думаем не столько о государстве, сколько о той внутренней жизни Государства, которой является народ. Государство — лишь форма, народ — содержание…».

Тем временем гости закончили чаепитие. Они терпеливо ждали, когда президент допьёт свой. Но Путин всё также не торопился, внимательно изучая поверх края чашки лица приглашённых.

Первым не выдержал Дугин, нетерпеливо и многозначительно кашлянув.

- Что ж. Если с чаем покончено, начнём, пожалуй, - сказал президент, зафиксировав взгляд своих серых глаз на лице Дугина. - Александр Гельевич. Рад с вами познакомиться

ближе, а то мы часто встречались на ходу в разных местах, что непростительно для меня.

- Благодарю, - Дугин, выдержав паузу, упрямо наклонил голову. - И понимаю. Вы слишком заняты, чтобы находиться в приятельских отношениях с таким консервативным нео-евразийцем и национал-социалистом, как я

- Вы коротко, ёмко обрисовали мне ваши политические предпочтения, - улыбнулся Путин. - Не обижайтесь. Я читал ваши труды и высоко ценю их.

- Например? - Дугин недоверчиво поднял брови.

- Например... «Основы геополитики», «Консервативная революция», «Философия войны», «Наш путь», «Основы евразийства». Знаю даже, что книга «Основы геополитики» переведена на французский, итальянский и английский языки.

- А ещё, совсем недавно, на румынский, сербский, грузинский, испанский, - не выдержал Проханов.

- Тем более, - президент наклонился, слегка дотрагиваясь ладонью до плеча Дугина. - Даже наши «заклятые друзья» изучают вас. Это дорогого стоит. С особым интересом я прочитал ваши «Абсолютная Родина» и «Наш путь»... Однако, не будем напрасно тратить время, сразу перейдём к делу. Вы, очевидно, знаете, что меня по традиции пригласили на очередную встречу в рамках Валдайского клуба, В этой связи я хотел бы услышать ваши представления о национальной русской идее, поскольку всё, что говорят мои советники на тему патриотизма и русского менталитета по сути - пустое сотрясение воздуха. Скажу вам откровенно. Все мои предложения в этой сфере — глас вопиющего в пустыне... Начнём, пожалуй, с вас Александр Андреевич, - Путин неожиданно повернул голову к Проханову. - Что вы думаете о патриотизме? Что вы считаете русской национальной идеей?

- Для начала хотел бы вас спросить, Владимир Владимирович, - смущённо откашлялся Проханов. - Мои старые заблуждения прощены?

- Что вы имеете в виду?

- Книгу «Господин Гексоген».

- Кто старое помянет, тому глаз вон. Всё забыто.

- Слава Господу, - Проханов расправил плечи и широко перекрестился. - Затмение тогда нашло, чёрт попутал.

- Пустое... Итак?

- Ну, что же, - писатель, достав из кармана брюк платок, вытер вспотевший лоб. - Ницше написал однажды, что «патриотизм — это паранойя в национальном масштабе». Однако, Черчилль считал патриотизм единственным способом держать народ в кулаке, когда не хватает других средств. Аристотель говорил, что у патриотизма — два источника. Это нищета и сытое благополучие. Мнение древнего философа уже ближе к нашим российским реалиям. Однако, если с первым посылом Аристотеля я согласен, то со вторым — нет.

- Поясните.

- Нищета... А в России она терзает процентов семьдесят наших граждан... Нищета предполагает свободу от денег, собственности и прочих благ. Единственное, что народу доступно совершенно бесплатно, это вековая жажда справедливости и гордости за героическое прошлое, за величие предков. Люди испытывают ностальгию по былой мощи государства российского, по жестокой, но твёрдой, бескомпромиссной власти, по железной руке. Именно по этой причине наш народ, не смотря на все усилия либералов, на ложь о кровавых репрессиях, до настоящего времени уважает, а многие боготворят Сталина. Но! - писатель поднял руку, предупреждая импульсивный порыв Дугина, попытавшегося что-то сказать.

- Сытое благополучие рождает этакую поверхностную, избирательную любовь к земле, на которой живут эти самые сытые. Помните из Евангелия? - «Где богатство ваше, там и сердце ваше». Сытые люди космополитичны. Где хорошо платят, где можно спрятать не праведным трудом заработанные деньги, где можно легко получить гражданство, купить престижную недвижимость, таким в тех краях и Родина...

- Вы несогласны, Александр Гельевич? - остановил Проханова Путин, обращаясь к Дугину.

- Поверхностное суждение, - быстро, не задумываясь, откликнулся философ. - Есть патриотизм легкомысленно-потребительский. Он — европейский. Есть примитивный американский: дом, лужайка, автомобиль. Или фанатичный исламский. Но русский патриотизм — это нечто великое, мистическое, как особый Завет, доверенный Богом избранному, православному народу великороссов. Русский патриотизм отличается от прочих особыми свойствами, чертами, не имеющих ничего похожего в мире. Ощущение русскими избранности — это не гордыня, не снобизм, не самовозвеличивание. Русский патриотизм непредсказуем. Его нельзя загнать в рамки обыденности или поставить ему преграды. Он —

словно лавина в горах, сметающая грязь реалий и дурных привычек. Русский патриотизм начинается с требования небывалого, а заканчивается диктатурой невозможного. Русский патриотизм не понятен другим, как и русский язык, который является языком потусторонним, инопланетным. В разных странах переводят книги гениальных русских писателей, не понимая всей философской глубины их произведений. Но любые переводы примитивны из-за скудости прочих языков. Поэтому никто не понимает до конца русских, придумав себе оправдание о загадочной русской душе. А если, кто начинает что-то понимать, то тут же сходит с ума. Русские настолько не понимаемы, что все остальные народы считают русских странными, непредсказуемыми вроде легендарных существ из древнегреческой мифологии. Русские любят нерусских, потому что это им интересно. Русские не обижаются по доброте душевной, потому что они великаны. Русский патриотизм слишком велик, чтобы втиснуть его с помощью логики в определённое толкование. Русский патриотизм — это тайна. Говоря русский, даже ангелы опускают крылья, не зная, как жить дальше. В русском всё туманно и не окончательно, а это всех бесит...

Несколько обескураженный горячностью Дугина, Путин протестующе поднял руку.

- Постойте Александр Гельевич. - Дайте прийти в себя. - Если сделать короткую выдержку из сказанного вами, то русский патриотизм — это нечто необъяснимое, мистическое и нам самим непонятное?

- Так и есть, - подтвердил философ. - На все вопросы о русском патриотизме или, что это такое, я отвечаю, что не знаю. Придать ему какую-то словесную форму совершенно бесполезно. Это чувство, которое рождает наша душа, улавливая музыку высших сфер, слыша голос земли, на которой обитает её материальная оболочка. Не зря ещё Платон в диалоге «Государство» учил тому, что не отец и мать производят людей на свет, а что люди рождаются из недр Земли. Для других народов земля это просто поверхность, по которой можно ходить, ездить. Для других — это плодородный слой, где можно выращивать плоды. Такие народы могут легко поменять почву на другие земли, переехав в другое место по этой твёрдой поверхности, асфальту, грунту. Яркий пример — миллионы мигрантов с Ближнего Востока, не защищавшие до последней капли крови свою землю, а бросившие её, переехав в Европу. Только тот человек, который видит сквозь земную поверхность её лицо, знает, что у земли есть душа и он чувствует эту душу, слышит

дыхание, биение сердца Земли. Такой человек по-настоящему любит своё Отечество и будет драться за неё, не жалея сил.

Президент быстро пересел к рабочему столу, взял лист бумаги, потом что-то долго писал, морща лоб.

Через несколько минут он снова подсел к гостям.

- Я так понимаю, что мы можем вот эти ваши формулировки понятия «русского патриотизма» положить в основу русской национальной идеи? Ведь, её мы пока ясно и чётко изложить не можем, не смотря на все усилия социологов, филологов, историков. Вот, говорят, у турков национальная идея есть, у китайцев тоже. А у нас всё расплывчато... Правда, европейцы в этом смысле тоже подкачали. Что скажете Александр Андреевич? - президент в упор посмотрел на Проханова.

- Турецкая национальная идея — это идея одного человека по фамилии Эрдоган, одержимого демонами прошлого и навязываемая турецкому народу, состоящему из разных этнических групп, имеющих совершенно другие национальные интересы...

- Курды со своей вековой мечтой о собственном государстве? - быстро спросил президент.

- Курды в том числе, но не только. Вся беда Эрдогана в том, что он сам не до конца понимает, какой цели следовать, какую именно идею продвигать. Официальной идеологией Турции считается идеология турецкого национализма Кемаля Ататюрка... Пёстрое население республики она до сих пор устраивает. Однако Эрдоган сегодня пытается заменить этот фундамент турецкой государственности двумя стульями, вытащенными из лавки торговца антикварными вещами. Он пытается усидеть между нео османизмом — возвращением Турции к политической модели Османской империи и доктриной пантюркизма, в основе которой лежит идея общности тюрских народов под эгидой Анкары. Что именно в итоге выберет Эрдоган знает только Аллах. Но, возвращение к идее возрождения Османской империи и пантюркизм — это призраки прошлого. Обе эти идеи нежизнеспособны. Они практически недостижимы. Слишком много игроков на политической арене Ближнего и Среднего Востока имеют своё особое мнение на этот счёт. Впрочем, Запад не допустит усиления Турции из-за своих обязательств перед своим союзником Израилем.

- Китай? - Путин нетерпеливо стучал тупым кончиком карандаша по листу бумаги, который он держал на коленях.

- У Китая всё просто и предельно ясно. Издревле Китай

для китайцев — центр мира, лучшее место на земле, но, если говорить серьёзно, современная национальная идея Китая основана на теориях основателя Китайской республики Сунь Ятсена, которого называют «Конфуцием реальной политики». Суть его умозаключений держится на «трёх народных принципах» - здоровый национализм, народовластие, благосостояние народа. Владимир Владимирович! Ваш «добрый друг» председатель Си называет это «Китайской мечтой», добавив к трём принципам ещё одну цель — восстановление былого величия Китая. А, что касаетсярусской национальной идеи, то учитывая особенности характера наших людей, думаю, что наш тернистый, многовековой путь поиска смысла бытия – она и есть наша национальная идея. Почти наощупь, спотыкаясь о кочки, набивая синяки об углы лабиринта, мы бредём на далёкие проблески света, чтобы найти выход из тупиков, в которые нас загоняло во все времена глупое реформаторство властей и происки врагов.

- Не согласен! - порывисто воскликнул Дугин. – Вот, вы, Александр Андреевич, говорите о русских людях. Но само понятие «русский человек» весьма широко. Под тупиками вы подразумеваете прошлое, но на самом деле прошлое никуда не уходит. Оно живёт в нас. Если мы создадим хронологическую голограмму этапов русской истории, то увидим, что мы остались теми же самыми восточными славянами с почти тем же языком, традициями, привычками, философией и общей духовной сферой. Мы — те же самые носители традиционной русской государственности и русского православия. А, ещё, мы близки с прочими славянскими народами в единстве судьбы. Они тоже часть нашего общего культурного наследия. Никуда не исчезло наше представление о том, что мы носители особой суверенной цивилизации, что Москва — Третий Рим. Мы внутренне это знаем, осознавая своё особое место в центре Мира. Русские люди — наследники, всё ещё живые творцы Российской империи. Мы дышим воздухом этой империи. Нет противоречий между прошлым, настоящим и будущим. Всё это общее полотно, согревающее каждого русского человека. И мы одновременно чувствуем себя по-прежнему советскими людьми, как бы не пытались от этого чувства избавиться. Особенно в Белоруссии или на Украине. Мы братские народы, мы жаждем справедливости, ненавидим фашизм в любых проявлениях, особенно европейский с его высокомерием, привычкой поучать, фальшивой толерантностью, гендерным равенством. Мы очень «левые», если угодно. И вот этот связующий раствор славянской идентичности должен быть применим к фундаменту сегодняшней русской идеи. Где

мы, не один против другого, не белые против красных, не православные против всех остальных конфессий. Мы все восточные славяне. Белорусы, украинцы, малороссы — один корень, одно славянское племя. Поэтому задача русской идеи объяснить всем нам - «Да, мы братья». Сказать ясно, доходчиво. Не придумывать что-то технологическое, искусственное, созданное политическими архитекторами, а позволить русской идее самой сформироваться в нас, пройти сквозь нас, пропитать наши души...

Проханов набрал в грудь воздуха, чтобы возразить, но президент, предостерегающе подняв руку, снова обратился к Дугину.

- Простите, Александр Гельевич, - сказал Путин. - Лично мне ваша мысль понятна, хотя облечена, так сказать, в довольно сложные филологические покровы. А если конкретнее и проще?

- Если проще, то нужно прямо сказать народу, что либеральная идеология, лежащая в основе современной российской государственности, больше не соответствует историческому моменту, Она препятствует суверенному развитию страны. Что вы, правитель России, слышите ваш народ, который формирует запрос на иную идеологию, отвечающую условиям многополярности, восстановлению суверенитета России, её традиционных ценностей. Ваша мысль: объявить Россию государством - цивилизацией правильна, очень своевременна. Но вы должны осознавать, что власть имеет в своём распоряжении очень ограниченный набор средств для идеологического творчества. Государство не может рисковать, давая полную свободу новым независимым реформаторам. Они могут прийти к нелицеприятным для властной бюрократии выводам. И здесь мы сталкиваемся с парадоксом. Государству нужна новая национальная идея, но оно боится её, осознавая риски. Вопрос. Боитесь ли её вы, Владимир Владимирович?

- Если честно, это очень сложный вопрос, - ответил президент, трогая кончиком ручки собственный подбородок. – Слава Богу, я не Людовик Четырнадцатый, сказавший однажды: «Государство – это я». Мне понятна актуальность запроса новой национальной идеи от населения. В то же время либеральные настроения элиты ещё очень сильны. Саботаж — один из рисков.

- Сейчас вы употребили термин «население», - продолжал Дугин. - Какую бы новую идею мы не сформулировали для него, она не приживётся. Если мы спросим население об идее, то услышим нечто невразумительное. Кто-то хочет пенсию больше. Кто-то недоволен курсом рубля по отношению к

доллару. Другие критикуют власть за рост цен на товары и услуги. Но если за населением мы увидим народ, то получим совсем другие ответы. Где же оно живёт наше население и, где живёт народ? В одном и том же человеке. Это две стороны нашего бытия. Одна глубокая, сокровенная, подлинная, другая поверхностная, в основе которой - трудная жизнь. Населению нужны социальные блага, карьера, сытость, дешёвое жильё. А народ отвечает совершенно на другие вызовы времени, на другие нематериальные импульсы. Он говорит: «Я не хочу больше никаких либеральных идей, которые продолжает навязывать мне элита»… Однако, хочу вас успокоить. Не нужно ничего придумывать нового, стараясь навязать это людям. Русская идея давно сформулирована у народа на генном уровне. Она имеет невероятную историю. Русская идея — не сотворена искусственно. Она то, что творит нас изнутри. Русская идея через историю формирует душу русского народа со всеми его парадоксами, проблемами, трагедиями, войнами, страданиями, гордостью и победами. Согласны? - Дугин, устав и выравнивая дыхание, поочерёдно переводил взгляд с президента на Проханова, который тут же начал говорить:

- Абсолютно согласен. У наших либералов русской идеи быть не может, потому что для их философии мерой всех вещей является индивидуум. Индивидуум в либеральной европейской идеологии, это человек, лишенный всех связей с коллективной идентичностью. Вначале его отделили от церкви с помощью протестантской реформы, потом от традиционных средневековых сословий, он стал буржуа-индивидуалистом, затем его освободили от национальных границ, поместив в Евросоюз, сделали космополитом, а сегодня его освободили даже от гендерной принадлежности. Поэтому говорить о либеральной версии русской идеи — это противоречие в самом предмете. Что касается наших националистов… Если и есть какая-то русская идея в этой среде, то крайне искажённая. Русские всегда жили в полиэтническом государстве. Почитайте Льва Гумилева. Мы никогда не были расово чисто славянами, всегда в нас были тюркские, финно-угорские, норманнские и прочие гены. Русский национализм — явление искусственное, почти столь же нерусское, как и европейский либерализм. Только, признав несостоятельность чисто западных постмодернистских политических идеологий либерализма, коммунизма, национализма, мы можем увидеть колоссальное богатство русской православной мысли, византийскую традицию, особую целостную самобытную культуру, русскую религиозную философию, которая не была строго славянофильской. Золотой век Пушкина, Достоевского и Толстого... Мы увидим

русский Серебряный век, который тоже жил русской идеей. Ни один из гениев Серебряного века: Мережковский, Цветаева, Булгаков, Флоренский, вообще, кто угодно — не попадает ни в либералы, ни в коммунисты, ни в националисты. Они — первооткрыватели, они исследователи целых оригинальных материков и архипелагов русской мысли. Почему мы забыли о них, почему на культурной карте России полно белых пятен? Потому что мы все время говорим и спорим об экономике, о том, хорошо или плохо было в Советском Союзе? Но все это совершенно не о том...

- И всё-таки, - президент, посмотрев на часы, попытался вернуть разговор в нужное ему русло. - Задам первую часть вечного русского вопроса. Что делать? Что делать, дабы русская национальная идея завоевала сердца народа?

- Это же - просто! - воскликнул Дугин. - Давайте дадим народу возможность снова найти в себе славянофилов, евразийцев. Почувствовать себя русскими православными мыслителями, открыть для себя заново Достоевского, Толстого, поэтов Серебряного века. Хватит читать «Гарри Поттера», смотреть «Властелина колец», «Хоббита» и прочую ерунду... Горько сознавать, что властителями умов сегодня являются сторонники развития Искусственного интеллекта, владельцы особняков на Рублёвке, звёзды шоубизнеса, журналисты и телеведущие, в своих эфирах разглагольствующие о том, в чем абсолютно ничего не понимают. Как только мы осуществим эту важнейшую работу по демонтажу извне навязанного нам западного колониального, циничного, политологического мышления, мы обнаружим огромные, безграничные просторы русской мысли. Кстати, ещё Тютчев говорил нашим русским западникам того времени: «Между Россией и Западом не может быть союза, ни ради интересов, ни ради принципов. Мы, русские, должны неизменно помнить, что принципы, на которых стоят Россия и Европа, столь противоположны, столь взаимно отрицают друг друга, что жизнь одной возможна только ценой смерти другой. Следовательно, единственная естественная политика России по отношению к западным державам, это не союз с той или иной, а разъединение, разделение их. Ибо Запад только, когда разъединён между собой, перестаёт быть враждебным нам по причине бессилия».

- Слова не поэта, а скорее публициста, - обронил Путин.

- А Тютчев и был не только гениальным поэтом прошлого, но и величайшим русским мыслителем, - снова заговорил Дугин. - Давайте же попытаемся нащупать векторы для нового поиска русской идеи, для всего, что строится на искренней

любви к русскому народу, что вытекает из внимательного прочтения истории российского православия. Русская идея не утверждает, что абсолютно точно совпадает с евразийством, славянофильством, европейским христианством, но она чётко знает, что ей чуждо.

- И что же это за векторы? - нетерпеливо спросил Путин.

- Сейчас попробуем вместе их сформулировать, - Дугин переглянулся с Прохановым. - Лично я вижу пять краеугольных камней, вокруг которых может быть возведён благостный храм русской идеи. Мы уже говорили о патриотизме, свободе, суверенном развитии, благоденствии народа. Но смею заметить, что свобода в понимании русских людей в отличии от граждан Запада, это не личная, эгоистическая свобода отдельного человека, считающего себя центром Вселенной, а свобода для всего Отечества, свобода созидания с целью преображения, процветания родной земли, каждого в отдельности. Но мы не должны забывать о державности, которой пропитано всё наше прошлое. Принцип державности — очень тяжкий, сотворённый Богом, благостный груз, который лежит на нас всех. На плечах верховного правителя, на властной элите, воинском сословии, на служилых людях, то бишь чиновниках низшего звена. В русской традиции привычным является наделение главы государства чрезвычайными, отеческими, священными полномочиями. Нет никаких оснований от этой традиции отказываться. Воинское сословие должно быть окружено почестями и славой, ведь именно эти люди защищают державу ценой своей жизни. Чиновники должны быть честными и преданными общему делу. Коррупция — это преступление против высокого идеала служения Народу. Караться она должна нещадно.

Сам же Народ мне мыслится, как трудовое сословие. В основе его жизни лежит абсолютная ценность здоровой семьи, желательно многодетной. Мужчину и женщину делает семьёй таинство венчания, а ребёнок становится полноценной частью народа, получив святое крещение. Семья это - духовный организм, это судьба, подвиг и миссия служения. Крепкая, многодетная семья... Вот, что должно быть одной из главных целей русской идеи. И очень прискорбно, когда цели государства и народа не всегда совпадают. А если говорить о глубинном смысле державности, то судьба России — быть империей.

- Империей? - задумчиво переспросил президент. - Мне кажется империя звучит слишком высокопарно, даже несвоевременно.

- Отнюдь! - Дугин протестующе поднял руку. - Империя — это тоже часть русской идеи и, в то же время, технология собирания земель. Евросоюз сегодня — в каком-то смысле тоже империя. Советский союз был империей, американо-центричный мир — тоже империя, Китай — империя, поскольку эта страна не является мононациональным государством. Если говорить об империи, как о наднациональной системе государственности, это прекрасный способ организации общества. Другое дело, что империя не должна иметь ничего общего с империализмом. Империализм возник на основе навязывания в глобальном масштабе только одной модели развития, а империя имеет своей целью создание в первую очередь духовной общности, способной уравновешивать устремления разнообразных составляющих: этнических, религиозных, социальных, культурных. Империя призвана объединять пространства, гармонизировать целые миры… Поэтому, судьба России, несомненно, быть империей. Но империей нового типа: демократической, полицентричной, многополярной, не претендующей на единственность, допускающей существование других империй — китайской, исламской, европейской, африканской, даже американской…

- Мне кажется, - осторожно заметил президент. - Ваши предложения очень сложны для понимания и в каком-то смысле нежизнеспособны.

- Тут вы не правы, - Проханов, долго молчавший, опередил Дугина. - Ничего сложного. Вы недооцениваете инстинкты и умственные способности нашего мудрого народа, Владимир Владимирович. Русская идея — не просто красивая теория русских интеллектуалов. Она — живое, почти мифическое существо из русских народных сказок. И, как всё живое, она подвижна. Русская идея — жар птица. Она не исчезает в одночасье даже там, где мы ее выпустили из поля зрения. Вспомним Советский Союз. Кажется, ничего более антирусского придумать нельзя, но русское прорастает и здесь: соборность, героизм, стремление построить великое государство, устремления к справедливости, отторжение западных ценностей общей массой народа… Это тоже черта русского характера. Запад же свои идеи навязывает слишком агрессивно, говоря: ты должен быть таким, как мы, никакой другой вашей, особой идеи не существует… Мы, русские, упорно во все века стараемся уклониться от бездуховного, материального давления Запада. Мы почти теряем себя, но… Глядишь, снова находим. В любом случае необходимо признать, прямо сказав народу, что та форма русской государственности, которая сложилась у нас в девяностые годы, была чем-то откровенно русофобским,

антирусским... Она была направлена против русской идеи, против русских людей, против славян. Сегодня, благодаря вам, прозревшему русскому правителю, многое поменялось. Вроде бы, на первый неискушённый взгляд, что-то осталось прежним, но русского стало гораздо больше. Еще недостаточно, даже критически мало, но уже намного больше... Государство начало осознавать смыслы русской идеи. Часть элиты ещё сопротивляется. Цели этой части — мелкий гешефт, сиюминутная прибыль. У этой касты временщиков короткий срок жизни, а у русской идеи он длинный. Политтехнологи на содержании у элиты, симулируя для вас активность, конструируют подделку, недоразумение в лице современного псевдо-российского ура патриотизма, однако из глубины общества на это с ненавистью и сарказмом смотрит народ. И этот народ, реагируя на определенные знаки — «Крым наш, Русская весна, Русский мир», слышит и понимает совсем другое, нежели говорят чиновники, имеющие целью решение только своих личных проблем. А потому, Владимир Владимирович, смело, без колебания меняйте политику государства в сторону возрождения русской идеи...

- Вашими бы устами, да мёд пить, - улыбаясь, сказал Путин. - Кто-то сказал, уже не помню, что политика — искусство возможного, искусство компромисса. И что у политики нет сердца, а только — голова.

- Про сердце и голову сказал Наполеон, - пробормотал Проханов. – Кстати, Маркс писал, что «В политике ради достойной цели можно заключить союз с самим чёртом».

- «Нужно только быть уверенным, что это ты проведёшь чёрта, а не он тебя», - торопливо закончил цитату Дугин.

- Вот, именно, - рассеянно кивнул президент, в который раз взглянув на свой ручной хронометр. - У вас хорошая память Александр Гельевич.

- Пока не жалуюсь... Вижу, вы торопитесь. Понимаю. Ваш день расписан по минутам. Пора и честь знать... Однако, на прощанье хочу вам сказать ещё одну вещь. Драматические последствия для политиков наступают часто из-за того, что они действуют, или слишком прямолинейно, или, если их внутренне чутьё, часто ошибочное, даёт им убеждённость, что только от их воли зависит реальность. Что у них на руках есть все козыри. Так гибнут даже очень талантливые, энергичные политические лидеры. Например, Муаммар Каддафи, Саддам Хусейн, Джон Кеннеди. Все они в какой-то момент хотели сделать благое дело для своего народа. Но не учли определённого расклада сил в мире, проигнорировали желания других мировых, влиятельных

кланов. Иногда движение к каким-то целям надо тщательно готовить, скрывая истинное предназначение тех или иных планов. Но самое главное, всегда придётся использовать те ресурсы, которые есть, договариваться с теми людьми, которые тебя окружают. Да. ”Политика - искусство возможного”. Это значит, что необходим постоянный поиск компромиссов. Прежде чем исполнять свои задумки и чаяния народа, нужно знать, что хотят твои друзья, твои политические конкуренты, твои враги. А готово ли общество к таким переменам, которые ты планируешь? Дневники Екатерины Великой свидетельствуют о том, что она ещё до вступления на престол готовила множество прогрессивных для того времени проектов по реформированию России. Однако, удалось осуществилось только малую часть. Почему? Да потому, что дворцовый переворот в пользу Екатерины произошёл благодаря поддержке многих влиятельных русских дворянских кланов, высшей знати. Все они, в качестве награды, требовали удовлетворения своих амбиций. Екатерине пришлось искать компромиссы. Во-первых, это была благодарность за поддержку. Во-вторых, она прекрасно знала на своём опыте, почему и как происходят перевороты. «Держите друзей близко, а врагов ещё ближе, но никогда не забывайте, кто есть кто», - Дугин развёл в стороны руки, а затем упёрся ладонями в колени, показывая, что готов встать.

- По-моему, это фраза Вито Корлеоне из фильма «Крёстный отец», - Путин свернул лист бумаги, на котором делал записи и положил его во внутренний карман пиджака. - Отвечу вам его же словами. «Жизнь — это игра, но выигрывает всегда тот, кто знает правила прежде, чем начинать игру». Поверьте, Александр Гельевич. У меня было достаточно времени, чтобы изучить правила игры. Как бы там ни было, благодарю вас за беседу, за ценные советы.

Президент крепко пожал гостям руки у дверного проёма. Уже через пять минут Путин энергично шёл по коридорам в особое помещение для встречи с Кабинетом Министров, прокручивая в сознании всё сказанное недавними гостями.

«Интеллектуалы. Чёрт их возьми! Быстро сказка сказывается, да не быстро дело делается, - президент рассеянно здоровался кивками головы с чиновниками администрации, попадающимися ему навстречу. - Странно, что ни Дугин, ни Проханов не поправили меня с цитатой из «Крёстного отца». Этой фразе — пятьсот лет, и приписывают её иезуиту Макиавелли».

Помощник, двигавшийся впереди босса, уже открывал тяжёлую из наборного дуба дверь зала заседаний.

***

Глубокая осень на переломе к зиме всё чаще напоминала о себе утренними холодами, порывами северного ветра, короткими, но сильными дождями. В пещере, где нашли убежище Наташа с Алёхиным стало неуютно и довольно сыро. Дно балки заросло травой. Оно становилось всё более топким из-за ручья, в котором заметно прибавилось воды. По причине насыщенности украинскими войсками Суджанского района, почти каждая вылазка капитана терпела неудачу. Днём в воздухе постоянно висели дроны, контролируя передвижения механизированных колонн и прочей техники по просёлочным дорогам в сторону Курска. Алёхин, занимая с рассветом замаскированные заранее наблюдательные точки на опушках лесных массивов, всё больше удивлялся упорству, с которым к линии ЛБС перебрасывались резервы ВСУ. В обратном направлении в сторону границы вечерами тянулись крытые грузовики с красными крестами на брезентовых тентах. Возле асфальтовых и второстепенных дорог всё чаще маячили мобильные группы охранений. Причём по повадкам, по сноровке солдат было видно, что это не просто «пушечное мясо», а профессионалы. В бинокль удавалось разглядеть шевроны «Азова», «Кракена», польские и французские нашивки. Александр пытался считать танки, самоходные орудия, машины дистанционного минирования, но вскоре бросил это занятие, поскольку аккумуляторы его раций давно сели. Связываться по старой схеме на радиочастотах «Волга» со своими он уже не мог. Это бесило Алёхина. Четыре раза ночью он пытался добраться до Любимовки, два раза до Малой Локни, но все попытки заканчивались безрезультатно. Он всё время натыкался на караулы и тыловые охранения. Дважды его обстреляли, один раз загнали на минное поле. Из этой ловушки Александр выбрался ночью чудом, нащупывая руками в раскисшей от дождей земле старые следы, оставленные чужими солдатскими ботинками. Капитан всё чаще пребывал в плохом настроении, но от вида тягачей, на платформах которых по ночам вывозилась искорёженная, разбитая техника армии Украины, Алёхину становилось лучше. Однажды ему повезло с близкого расстояния обстрелять отставший от колонны грузовик. Выпустив короткую очередь из автомата по радиатору, Алёхин тут же приподнял ствол. Вторая очередь разнесла на мелкие куски лобовое стекло машины, за которым, освещённые светом приборной доски, виднелись лица двух военных. Грузовик

съехал в кювет и заглох. Забросив автомат за спину, капитан достал пистолет, осторожно подошёл к кабине и открыл дверь пассажира. Солдат с нашивками сержанта был ранен в шею. Пуля прошла поверх бронежилета и, очевидно, задела артерию. Кровь толчками вырывалась из большой чёрной дыры ниже подбородка, заливала нагрудные шевроны. Алёхин коротко взглянул на водителя, голова которого неестественно вывернулась в левую сторону. Под правым глазом ближе к виску чернело входное отверстие, а вместо рта в тусклом мерцающем свете приборов было виднелось месиво из окровавленных зубов и челюстных костей. Александр перевёл взгляд на сержанта. Тот пытался вытащить из ножен, закреплённых на поясе, штык-нож. Алёхин выстрелил сержанту в лицо, захлопнул дверцу и, обойдя грузовик, осторожно, держа оружие наготове, приподнял край брезента. Кузов был плотно забит ящиками, сверху квадратные коробки. Осмотревшись по сторонам и убедившись, что дорога пустая, капитан вытащил трупы на асфальт, по очереди дотащил их до небольшого мостика через ручей, возле которого он устроил засаду, где сбросил мертвецов в воду. Потом, запрыгнув в кабину, попытался завести двигатель. К его удивлению, мотор заработал. Включив заднюю передачу, Алёхин заставил машину выбраться из кювета. Проехав метров двести, миновав мост, он свернул на узкий просёлок, ведущий к лесу. Спустя десять минут осторожной, медленной езды, машина оказалась в густом подлеске среди молодых елей. Капитан выключил двигатель и снова полез в кузов. В коробках оказалась тушёнка, а в ящиках натовские сухие пайки.

- Подфартило, однако, - прошептал он, начиная выкидывать груз прямо на траву.

Поглядывая то на свои часы, то на тёмное небо, прислушиваясь, капитан на треть опустошил кузов. Тяжело дыша, он сел на один из ящиков.

- До балки километра два будет... Так и надорваться недолго... А, шо делать? - пробормотал он, поднимаясь и взваливая на каждое плечо по ящику.

Спустя час он вернулся в подлесок уже с Наташей. До полудня вместе они перетащили треть груза в свою пещеру.

На следующий день с первыми проблесками зари Александр снова стоял возле грузовика. Открыв бензобак, он проверил — много-ли там бензина, потом полез в кабину. Двигатель завёлся почти сразу. Не включая габариты, двигаясь задним ходом, Алёхин выбрался из подлеска, спрятал машину в кустах, слез на

землю и посмотрел в сторону дороги. В этот момент по асфальту на Восток двигалась колонна, состоявшая из двух БМП и пяти американских Бредли. Через пару минут колонна скрылась за поворотом, звук двигателей стих. Капитан вывел свой грузовик на дорогу. Доехав до моста, он заставил машину встать поперёк дорожного полотна. Потом скрутил в жгут тряпку, найденную в кузове, засунул её в открытый бензобак, дал пропитаться бензином и поднёс к самодельному фитилю огонь зажигалки. Жгут вспыхнул. Капитан, торопливо развернувшись на каблуках, бросился бежать к лесу. Через несколько мгновений ударная волна сильно толкнула его в спину, он услышал взрыв и почувствовал жар пламени. Алёхин упал на колени, но тут же поднялся, повернувшись в сторону взрыва. Там бушевал огонь, пожирая грузовик вместе с настилом деревянной переправы.

Через пять часов, выспавшись, он на пару с Наташей разбирал пайки и тушёнку, пряча банки с пакетами в нишах пещеры.

- Красота, - весело говорил капитан, пробуя на вкус польский шоколад. - Жратвы нам с тобой теперь на пару месяцев хватит. Разве я не молодец? А то жили бы с тобой на подножном корму.

- Ну и жили бы. Подумаешь, - ворчала девушка. - Картошки на огородах полно. Из-за войны не собрали. Свекла есть, морковка попадается. Молодец среди овец. Скажи, что тебе просто повезло. Хохлы, вон, осторожнее стали.

- И не говори, - вынужденно согласился Алёхин. - Оборону, сволочи, строят эшелонированную. Основные дороги и поля минируют. Я тут вчера одну штуковину откопал. Знаешь, что за взрыватели стоят? Радиоуправляемые. У меня куча разведданных, а передать нашим не могу. Похоже укры планируют здесь надолго остаться. И чего с этим делать?

- Уходить надо, пока не поздно. Слишком опасно стало партизанить. Снег ляжет, по следам тебя найдут.

- Смелость города берёт, - задумчиво откликнулся капитан. - Учись воевать не числом, а умением.

- Господи! Опять твои шуточки? Ты же сам прекрасно всё понимаешь. Переправа в Любимовке, твои вылазки со взрывами, теперь грузовик с тушёнкой. Думаешь, нам это сойдёт с рук? Кто мне рассказывал, что встретил знакомого капитана из СБУ.

- Денисенко?

- Да, Денисенко. Если он не разберётся с нашей доморощенной ДРГ, ему начальство голову оторвёт. Поставь себя на его место. Что бы ты сделал?

- Круглосуточное наблюдение дронами, оборудованными приборами ночного видения. Это - раз. Прочёсывание местности в радиусе десяти километров от Любимовки. Мониторинг радиочастот, используемых русскими войсками... Да, откуда мне знать, что ещё придумает Денисенко? Ему за это деньги платят. Но судя по количеству санитарного транспорта и битой технике, наши скоро погонят хохлов обратно.

- До этого ещё дожить надо. А, нас рано или поздно поймают. Вопрос времени, - тихо сказала Наташа. - И всё по твоей милости, вояка, Рэмбо несчастный. На фига Атлас обучал меня хакингу? Сидела бы сейчас на попе ровно, ломала бы аккаунты киевских нациков...

- Денисенко, Денисенко, - бормотал Алёхин, перекатывая языком во рту тающий кусочек шоколада. - Может, ты и права. Наверное, пора линять отсюда. Вопрос — куда? К нашим, на Восток? Вряд-ли прорвёмся. Хохлы насытили оборону на всю оперативную глубину. Мы даже не знаем величины захваченного ими плацдарма. Да ещё дроны сверху жужжат. Можно, конечно, попытаться захватить какой-нибудь Хаммер, да рвануть через ленточку... А, что? Лихо бы получилось.

- Ага. Ты же у нас самого чёрта не боишься. А, почему не вертушку у хохлов не угнать? Это в духе твоего авантюрного характера.

- Денисенко. Денисенко, - тихо повторял капитан, о чём-то думая и не слушая Наташу. - Ладно. Давай-ка подремлем ещё немного, Алёхин лёг на еловый лапник, но глаз не закрывал, глядя на свод пещеры.

- Ты, что задумал? - Наташа встала на колени, схватила голову Александра, пытаясь поймать его взгляд. – Говори. Я же тебя, как свои пять пальцев знаю.

- Ночью схожу в Любимовку.

- С ума сошёл. Не пущу.

- Кто только что говорил, что линять отсюда нужно?

- А, кто говорил, что в окрестностях Любимовки слишком опасно? - парировала Наташа.

- Повидаюсь с Денисенко.

- Зачем? Может, его уже в другое место перевели?

- Узнаю заодно. Если он на месте, должен помочь нам исчезнуть отсюда.

- С какой стати ему помогать тебе?

- Должок за ним, - с нажимом в голосе сказал Алёхин. - И потом. Кто у нас планирует операции? Кто старший по званию?

- Господи! - Наташа, вскочив, сложила перед собой ладони, словно в молитве. - За что мне это наказание? Упрямое, самодовольное, самоуверенное и глупое. Не пущу.

- Ты же знаешь, что если я, чего решил...

- Отправляйся хоть сию минуту. К чёрту, к сатане, к дьяволу!

Девушка, обессиленно опустившись на землю, заплакала. Алёхин, помедлив немного, сел рядом, обнимая Наташу за плечи.

- Тихо, тихо... Ну, что ты в самом деле? Ничего со мной не случится. Можно подумать это в первый раз. Не плачь. Все глаза свои голубые проплачешь. Слышишь? У нас же с тобой безвыходное положение наметилось. По любому надо что-то делать.

- Из безвыходных положений всегда есть выход, - всхлипывая, вытирая слёзы тыльными сторонами ладоней, прошептала девушка.

- Денисенко — это и есть наш выход. Не найду его, так хоть взорву что-нибудь.

- Ты не исправим. Хоть бы ранили тебя чуть-чуть.

- А, скажи мне... Что, если бы меня действительно ранили? Не вытащила бы с поля боя? - улыбнулся Алёхин.

- Ты же — чемодан без ручки. Бросить жалко, а нести тяжело, - сказала Наташа, освобождая свои руки и в свою очередь крепко обнимая Александра.

- Стой! – неожиданно воскликнул капитан. – Есть ещё идея...

Вечером, когда до сумерек оставалось часа два, капитан, взяв в руки смартфон Булыгина, который до этого он ни разу не включал, огорчённо посмотрел на индикатор заряда почти умершей батареи, торопливо нашёл в своём кармане клочок бумаги с номером телефона Денисенко.

- Привет, пан капитан! - весело воскликнул Алёхин, услышав в динамике знакомый голос. - Тебе звезда майорская ещё с неба на погоны не упала?

- Кто это?

- Не узнаёшь старых знакомых?

- Волков! Ты, что ли?

- А, кто же ещё? Ты не перебивай, не удивляйся, а слушай внимательно. У меня на телефоне вот-вот батарея сдохнет... Знаешь мост через ручей в пятнадцати ке ме от Любимовки?

- Который утром вместе с грузовиком сгорел?

- Тот самый. Приезжай туда один, скажем часам к семнадцати.

- За каким хреном мне туда переться, на ночь глядя?

- Боишься? Так и скажи.

- Да, пошёл ты.

- Тогда жду. На месте всё объясню.

Алёхин выключил смартфон, потом снова включил. Экран на мгновение вспыхнул пульсирующим светом и тут же снова погас.

- Всё. Аллес. Батарея накрылась, - капитан взглянул на сидящую возле Наташу. - Собирайся. Бери самое необходимое. - Он сунул смартфон в нагрудный карман куртки.

- А, как же продукты? - растерянно спросила девушка. – Это же сколько еды пропадёт…

- К чёрту продукты. Самое главное приведи в порядок свою одежду. Постарайся выглядеть, как можно привлекательнее, но в то же время воинственно и зло.

- Зачем мне это делать?

- Скажем так. Ты должна быть похожа на свою сестру — снайпера, - сказал Алёхин тоном, не допускавшим возражений. - Сможешь сыграть перед Денисенко Олесю?

Наташа широко открытыми глазами смотрела на Александра.

- Что ты задумал? Тебе мало, что я за тобой, как хвост за собакой… Так ещё в ранах моих душевных намерен ковыряться… Побойся Бога.

Тяжёлое молчание растекалось по пещере, словно невидимый туман, проникая во все уголки и трещины глины. Алёхин, подойдя к девушке, взял её за плечи, слегка встряхнув.

- Наташ! Поверь мне. Я знаю, что делаю. Олеся — такая же рана в моём сердце. Иногда я физически чувствую эту боль. Словно заноза, застрявшая в теле, не даёт покоя... В её смерти есть доля моей вины. Но назад жизнь не повернёшь... От того, как ты сыграешь эту героическую, я так считаю, роль, зависят

наши жизни. Поэтому, собирайся, вспоминай, какой она была в детстве, какой — в юности. Вспоминай её повадки в то время, когда вы с ней виделись в последний раз.

Алёхин, отпустив Наташу, начал собираться, заталкивая в ранец Булыгина неработающую рацию, «сокровища» убитого им дезертира, последнюю оставшуюся гранату, давно «севший» фонарь и свёрток с военными билетами убитых украинцев.

Понадобился час ходьбы по лесу, чтобы добраться к мосту через ручей, перейти его вброд и выйти к дороге. Капитан, оглянувшись на девушку, приложил палец к губам, затем укрылся за деревом. Наташа вернулась в подлесок, нашла пень, села, сняла ботинки, выжала носки, снова одела обувь и замерла, поглядывая на Алёхина.

Дорога в обе стороны от моста была пустой. Но рядом, грудой на обочине уже лежали привезённые брёвна, доски, толстые жерди и старые бетонные столбы. Внизу в ручье виднелись останки сгоревшего грузовика.

«Мост не сегодня, завтра начнут ремонтировать», - сделал вывод капитан, прислушиваясь.

С Запада доносился гул автомобильного двигателя, а через пять минут возле куч строительного материала остановился автомобиль. Это была старая «буханка» — УАЗ 452, очевидно трофейная, поскольку даже с такого расстояния ржавчина большими рыжими пятнами выделялась на зелёной краске машины. С правой стороны открылась дверь, на дорожном полотне появился человек в военной форме.

- Чёрт, - зло выругался Алёхин, снимая с груди бинокль. – Сладкая парочка, не иначе.

Через мощную оптику он узнал в пассажире буханки Денисенко. За рулём находился ещё один человек. Его руки спокойно лежали на руле, и он не собирался покидать авто.

Капитан, обернувшись к Наташе, поднял руку. Девушка, встав, подошла к дереву.

- Видишь машину?

- Не слепая.

- Хорошо. Вот тебе автомат. Возьми на прицел водилу. Если, что-то пойдёт не так, прикроешь меня.

- Держись правее линии огня, - Наташа, медленно с усилием, стараясь не шуметь, передёрнув затвор, встала на одно колено, приготовившись к стрельбе.

- Нат! Буду с левой стороны от Денисенко. Справишься?

- Не переживай. Иди уже.

Алёхин вышел из кустов и, уже не таясь, направился к дороге, слегка отклоняясь влево.

- Волков? Ты? - Денисенко, оглянувшись на звук шагов, положил ладонь на рукоять пистолета, торчавшего в расстёгнутой кобуре.

- Ты ждал кого-то ещё?

- Сколько не виделись? Я уж думал, что ты в Киеве с полковником Адамсом в баре виски пьёшь. Чего это ты в лесу забыл?

- Не виделись? Причин не было, - Алёхин, подойдя ближе, скептически уставился на ржавые бока «буханки». - Ну и машина у тебя. Такой я видел почти год назад у сепаров под Курахово. Ничего лучше не нашёл?

- А на хрена мне лучше? Сейчас — это самый безопасный транспорт. Русские после нашего навала, уже очухались. Дроноводов нагнали с других участков. Их «птички» всё сверху просматривают. Им какой-нибудь Хаммер или Бредли — лакомый кусок. Ты лучше скажи, откуда опять свалился на мою голову и, чего тебе надо?

- Давай-ка присядем, - Алёхин устало опустился на связку досок, брошенных рядом с балками, приготовленными для ремонта моста. - Учти, капитан. То, что я тебе расскажу — секретная инфа. Если бы не обстоятельства, не звонил бы тебе. Так вот. Я был старшим группы, подготовленной американцами и направленной к Курской атомной станции. Цель — взорвать помещение одного из энергоблоков. В принципе — дело плёвое, если бы наши дошли до Курска. Но русские упёрлись, подогнали резервы... А потому задачу мне скорректировали по факту на ходу. Перейти линию фронта, добраться до АЭС, попытаться грохнуть какого-нибудь наблюдателя от МАГАТЭ или топ-менеджера... Наши обвинили бы в убийстве русских. Типа – террористы, и всё такое. Ты же знаешь, как это делается.

- Господи! Самое простое — пальнуть по атомке из дальнобойных американских РСЗО, - перебил Алёхина Денисенко. - К чему такие сложности?

- Приказы не обсуждаются. Но думаю, у американцев есть данные, что там уже размещены системы ПВО. К тому же русские охотятся на «Хаймерсы». К чему рисковать техникой, когда есть пушечное мясо?

- Твоя правда, - мрачно кивнул головой Денисенко. - Мы уже столько людей здесь положили, а результата — ноль... Ну и, что дальше-то было?

- Дальше? Уж не знаю, кто слил русским информацию, но ватный спецназ гонял мою ДРГ по окрестной зелёнке, как лиса кур. Из двадцати пацанов остались только я и снайпер. К тому же зелёнка уже не та. Листвы почти не осталось. Пришлось прорываться обратно к своим, но здесь... Хотел, как лучше, а получилось, как всегда. Полная неразбериха и дурдом. Тут поляки с французами почти всем заправляют. Они думали, что мы русские диверсанты. Представь, выходим из леса к блокпосту, поднимаем руки, кричим, что свои, а они по нам - из пулемёта. После перехода ленты было нас пятеро, осталось двое. Попробовали в другом месте. Результат — тот же. Им, что по-русски, что по-польски, что по-английски. Как об стенку горох. Вот тут пришлось вспомнить, что у меня друг здесь имеется. Делать нечего, кроме, как опять по зелёнке в этот район. Хорошо номер твой не потерял. Представь. Только мы с тобой поговорили, труба у меня накрылась. Эх, жалко хлопцев. Какие парни были... Мы не смогли даже похоронить пацанов нормально... Так, присыпали листвой павшей...

- Да, брат, - Денисенко закурил сигарету, пряча её в ковш ладони. - Что теперь будешь делать? Понимаю... В Киеве по головке не погладят за провал акции.

- Знаешь... Признаюсь, как на духу. Надоело всё до чёртиков. Навоевался. Каких ребят зря положил...

- Чего теперь винить себя, - капитан, с опаской посмотрев в небо, торопливо бросил окурок на землю, предварительно раздавив его в пальцах. - Вины твоей здесь нет. Помнишь тот мотель, где мы майора из Львова навечно успокоили?

- Помню, - отозвался Алёхин. - И, что?

- А, то... Придурками не становятся. Ими рождаются. А у нас таких придурков — море. Возьми того же Зеленского и Малюка, начальничка нашего. Им никого не жаль, кроме своих чад ненаглядных. Уже половину Украины в землю положили, а не успокоятся никак. Вот и здесь... Что ни день, новые резервы сюда подбрасывают, мать их. Русские даже рады. Кладут нас в землю пачками. Иногда из-за авиации голову нельзя поднять. А ты говоришь «буханка». Мне самому всё до чёртиков надоело. Сплошная безысходность в моём организме. Дело к зраде идёт. Декабрь на носу, а мы под Курском на одном месте топчемся. Ты чудом меня здесь застал. Хочу свалить.

- И, куда?

- Туда, - Денисенко махнул рукой в сторону Запада. - Своему куму в Киев недавно звонил. Он при штабе Сырского обретается. Выложил родственничку всю обстановку местную... Прислал мне предписание. Убыть из части в Одесскую область на предмет проверки готовности новых систем морских дронов к прорыву... Не скажу, куда. Ты меня чудом застал. Ещё пара дней, ищи ветра в поле.

- Это, ты про Крым сейчас? - насторожился Алёхин.

- Про него, горчица ему в печёнку.

- Слушай, Денисенко! - воскликнул Александр, воодушевлённый мыслью, внезапно пришедшей ему в голову. - Возьми меня с собой.

- Как это, - опешил капитан.

- Очень просто. Отдохнуть хочу. Особенно возле моря. Устал я от войны до чёртиков.

- А, чего ты Адамсу доложишь? Ты ж, по сути, боевое задание провалил.

- Пошёл он в баню, - Алёхин поднялся, положив руку на плечо капитану. - Зачем ему что-то говорить? Пропал Волков и пропал. Если Курск возьмут, пусть по оврагам шукают тело капитана Волкова.

- Ага... Как же возьмут они Курск. После дождичка в четверг, - Денисенко прислушался.

Где-то на Востоке заработала артиллерия, а на горизонте низкую облачность озарили вспышки.

- Постой! Ты говорил — с тобой снайпер. Получается — вас двое.

- Придумаем, что-нибудь. У тебя компьютер есть? Ещё принтер нужен.

- Ноутбук тут мне бойцы притащили. Отдали за сотку.

- Долларов?

- Ещё чего... Гривен. А принтер в штабе укрепрайона имеется. В Любимовке.

- Тогда не о чем беспокоиться, - улыбнулся Александр. - Впишем в предписание ещё две фамилии. Комар носа не подточит. В долгу у тебя буду.

- В долгу, это не в кармане.

- Виталий! Деньги — не проблема. Моя благодарность будет очень внушительной в пределах разумного, конечно... Или в Украине нет больше олигархов или подпольных миллионеров? Ломать банковские счета разных дебилов — моя вторая специальность.

- Точно?

- Можешь навести справки через твоего кума. Пусть посмотрит моё личное дело в СБУ. Я вообще удивляюсь, как с моими способностями я попал в этот замес.

- Ладно, - после недолгих раздумий согласился Денисенко. - Где твой снайпер?

Алёхин повернулся к лесу и свистнул.

Через пару минут к «буханке» вышла Наташа, держа в руках автомат.

- Так это баба?

- Знакомься, Виталий. Олеся Полянская. Снайпер от бога.

Денисенко минуты две стоял с разинутым ртом, подсвечивая фонариком лицо девушки.

- Ты, чего, придурок, баб давно не видел? - грубо спросила Наташа, закидывая автомат за спину. - Во, сука, мужики пошли. Едва знакомы, а уже пялится, как на свою собственность.

- Олеся Полянская? Так она же это... Как его, - Денисенко растерянно посмотрел на Алёхина.

- Именно, дорогой мой... Пасть захлопни. И не задавай вопроса «почему». Тебе нужно знать одну вещь. На всё есть свои причины, - Александр покровительственно хлопнул капитана по спине. - Приказ был от самого Балюка. Инсценировочку мы классную тогда провернули. Даже могилку нашей снайперше соорудили. Комар носа не подточит, - с воодушевлением повторил Алёхин. - Ещё чуть, и орден бы посмертно Полянской дали. Но Зеленский — жмот ещё тот.

- Ну, и номер, чтоб я помер, - не мог успокоиться Виталий. - Адамс тоже в курсе этой истории?

- Нет. Та операция с русским генералом было задумкой британцев. Может, хватит лясы точить. Темно уже, - Алёхин чуть толкнул Наташу плечом.

- Денисенко! - грубо сказала девушка. - Хорош на меня зенки таращить. У меня тут между ног давно всё слиплось. Хочу ванну принять. У тебя ванна есть?

- В селе — ванна? Где-то в каком-то доме... Хотя, вряд ли. Придумаем, что-нибудь. А винтовка твоя, где? - капитан обошёл девушку со спины.

- Во, дебил, - Наташа, хрипло выругавшись, сплюнула на землю. – Твою мать. Ты, чего? Сзади желаешь пристроиться? Где винторез? В Караганде. Думаешь, я по лесам такую тяжесть сама таскала? Боец носил вместо меня. Накрыли нас с вертушки, и светлая память хлопцу, а заодно и винтовочке моей. Поехали уже. Как же с тобой тяжко. Включи мозг…

Денисенко постоял минуту, глядя, как Алёхин перекладывал свой пистолет из-за ремня сзади в карман штанов, потом подошёл к водительской двери, открыл её, вынул своё оружие и выстрелил водителю в грудь. Он стащил мёртвое тело на асфальт, затем деловито сделал контрольный выстрел в голову. Потом невозмутимо занял водительское сидение.

- Полезайте внутрь. Вот теперь поехали.

***

Одесса в конце февраля выглядела не такой, каким представлял город Алёхин. Солнце уже баловало улицы довольно тёплыми днями, но холодный ветер с моря по ночам бился в окна домов, пытаясь проникнуть через щели рам в квартиры, которые и без того не могли похвастаться теплом. Радиаторы были холодными, о горячей воде в отдалённых от центра районах можно было только мечтать. Если центр Одессы ещё выглядел вполне презентабельно, то окраины казались брошенными на произвол судьбы. Кучи мусора, слежавшиеся ковры опавших прошлогодних листьев делали некоторые улицы похожими на помойки.

Военно-гражданская администрация города выделила Денисенко и сопровождавшим его лицам три номера в отеле «Аркадия», который располагался на Генуэзской улице недалеко от моря. Сам Виталий первые три недели почти круглосуточно пропадал в порту или на судостроительных заводах под Одессой. Со стороны казалось, что капитан пытается с головой окунуться в тему конструктивных особенностей и боевых возможностей ударных морских дронов. Алёхин не задавал

Денисенко вопросов, делая вид, что ему абсолютно всё равно, чем занят его приятель. Через шесть суток после приезда в город, отоспавшись, Александр вместе с Наташей отправился на «Северный» рынок между Днепропетровской дорогой и проспектом Добровольского. Там, по словам одесситов, можно было купить всё. Вечером на кровати в гостиничном номере Алёхина лежали: два комплекта слегка ношеной натовской военной формы, различные нашивки и шевроны, мощный ноутбук с горой комплектующих, небольшой цветной принтер, роутер, пять сотовых телефонов и пачка конвертов с сим-картами. На всё это были потрачены почти все деньги мародёра, труп которого так и остался лежать в глиняной пещере недалеко от Любимовки. В тот же вечер Александр использовал один из сотовых телефонов, чтобы на каком-то пустыре недалеко от Привоза позвонить Ивану Матвеевичу. Тот почти сразу же ответил. Алёхин коротко рассказал генералу о событиях последних месяцев. Получив кучу упрёков, а потом - одобрение и выслушав указания, Александр, бросив смартфон на асфальт, раздавил его каблуком ботинка.

Наташе понадобился весь следующий день, чтобы вручную по фигуре подогнать военную форму в то время, как Алёхин, воспользовавшись приложением «Instagram», договорился снять жильё в аренду. За пару недель он посмотрел десять квартир в спальных районах, но больше всего ему понравился небольшой дом в частном секторе. До него от центра города было почти семь километров, но зато там имелся высокоскоростной интернет и просторная душевая кабина. Внеся залог, в один из дней капитан перевёз в дом всё оборудование. Он остался там на ночь для работы над удостоверениями для себя и Наташи. Через два дня Алёхин уже показывал девушке офицерские книжки, командировочные предписания, аттестаты вещевого и денежного обеспечения. Ещё неделя понадобилась для создания нужного софта, чтобы взломать серверы Банка «Південний» и «Укргаз банка». Три дня Александр, Наташа и Денисенко снимали с помощью банковских приложений гривны небольшими суммами в разных банкоматах города. Апофеозом всей финансовой аферы было получение Виталием в «Приват-банке» двух миллионов гривен наличными по поддельному авизо Министерства обороны Украины. Уже вечером Денисенко превратил гривны в твёрдую валюту всё на том же Северном рынке.

Через месяц Алёхин в форме с погонами майора сидел рядом с Виталием в кафе на Дерибасовской.

- Что скажешь? - Александр выразительно похлопал себя по

нагрудному карману.

- Ты о чём, - спросил Денисенко, откусывая большой кусок от пирожка с мясом.

- О размерах моей благодарности.

- Ничего так. На первое время хватит.

- Что, аппетиты растут? - улыбнулся Александр.

- Ты думаешь, я в этой жемчужине у моря навечно останусь? Тут через день прилёты. То «Искандеры», то «Кинжалы», то ещё какая-нибудь хрень. Порт долбят, как трудолюбивый дятел дерево. Располаги, цеха, склады БеКа. Вчера вон балкер у причала со снарядами разнесли.

- Слышал. Здорово бабахало. По всему городу стёкла дрожали.

- В том-то и дело. Надоело мне здесь. Линять надо, пока русские город обратно себе не забрали. Пусть здесь другие отдуваются. Уроды!

- И, куда ты собрался? А, Денисенко?

- Хрен его знает, - капитан неопределённо взмахнул рукой. - Здесь уже тошнит от всего. Военкомы совсем озверели. Вчера бачил, как инвалида в бусик заталкивали. Он кричит истошно... Мол, отвоевался, пальцев у меня на правой ноге нет, а ему: - Ничего, хлопец. Батькивщину и без пальцев можно защищать. Ты же курок автомата не ногой будешь жать. Тьфу. Во, шо делается тераз. Режим хуже путинского, право слово. Впрочем, дальше хуже некуда.

- Так вы же сами за этот режим на Майдане скакали.

- И, шо с того? С нациками вместе пропадать не желаю. Вчера в одной газете прочёл. Какой-то мужик, вроде русский... В Новой Зеландии рядом с подземным бункером Билла Гейтса себе такой же строит. Даже москали уже понимают, что ещё немного... Ядерная война начнётся межу Москвой и НАТО. Западу до нашей Украины давно дела нет. Гляди. Мы Крым дронами атакуем, а Путин если, не дай Бог разозлится, как жахнет пару раз «Орешником» с ядерной боеголовкой по Киеву или Одессе. Вот тут и будет всем мама не горюй. Нет. Денисенко не хочет умирать за какого-то клоуна. Тебе тоже не советую.

- Русский, говоришь? В Новой Зеландии?

- Точно. Там, где фильм «Властелины колец» снимали. Клёвое место, природа и всё такое. Жаль такого бабла у меня нет.

- Тогда поезжай в Румынию для начала, а там видно будет.

- Может и поеду. Слушай. Давай ещё какой-нибудь банк гробанём, - с дурашливой улыбкой воскликнул Денисенко.

- Тише ты, - Александр оглянулся по сторонам поверх кофейной чашки. - Не так всё просто. Думаешь банки каждый день можно грабить. Нужно с месяц полежать на дне. Затаиться. Случайный банковский сбой – редкое, но привычное явление. Нельзя превращать его в масштабные на постоянной основе. Кстати, ты деньги на ветер не бросай. Заметут. Нам это надо? Хотя, можно в ресторан, какой попроще вечером сходить. С тебя причитается.

- Сегодня не могу. Нужно быть в порту Ильичёвска. Там у третьего причала транспорт румынский должен разгружаться. Обычно у пятого, а сегодня после прилёта в Затоку, решили поменять. Новые дроны морские британцы нам приволокли.

- Что, сразу на воду будут спускать? - рассеянно спросил Алёхин.

- На склад повезут. Это километра три от побережья. Там место есть подходящее, скрытное.

- Тогда давай ресторан на четверг перенесём.

- Можно. Слушай, а твоя сучка снайпер тоже с тобой в ресторан пойдёт? Ты случайно ей не трахаешь?

- А, что? – ушёл от прямого ответа Алёхин.

- Лучше без неё. Сволочная баба, скажу тебе. Она мне весь мозг вынесла пока до Одессы добирались. Лучше шлюх снимем. Или ты с ней, того?

- К этой девице на драной козе не подъедешь. Лесбиянка она… Ладно, - кивнул Алёхин. - Давай у «Фрателли» на Итальянской в четверг. Девятнадцать ноль, ноль. Хороший кабак, морепродукты, бабы опять же.

- Считай, договорились, - согласился Денисенко, вставая. - Пойду отолью. Ещё желудок чего-то крутит. Вчера гадость какую-то съел. Французы на базе в Очакове угощали. Я ещё подумал, чего-то банка у них слегка вздулась.

- А на этикетке, что было нарисовано?

- Там всё на французском, и вроде что-то вроде куриных лапок. Я ещё удивился, почему на куриных лапах когти.

- Виталий! Ты лягушек вчера ел!

- Чёрт! Волков! Лучше бы ты молчал! - Денисенко едва не вырвало.

Схватившись руками за живот, он поспешил к туалету, оставив свой смартфон на столе.

Оглядевшись по сторонам, Алёхин взял в руки гаджет капитана, вошёл в галерею, где увидел фото каких-то накладных, списков оборудования, несколько снимков топографической карты. Подчиняясь импульсу, Александр торопливо сделал пометки на фотографиях, затем отправил через «Ватсап» снимки на один из своих смартфонов.

Денисенко вернулся минут через пять бледный и вспотевший. Он жестом подозвал официанта, но Алёхин остановил его.

- Я уже заплатил. Значит, до четверга? - Александр встал, протягивая Виталию руку. Ладонь Денисенко была вялой и влажной.

Расставшись с приятелем, Алёхин вернулся в отель. Вечером он обещал Наташе прогуляться по городу.

- Слава Богу! - воскликнула та, рассматривая в зеркале свои отросшие волосы. - В парикмахерскую сходим, а то - копна «сена» у меня на голове вместо причёски. Не солидно для лейтенанта медицинской службы. И вообще, надоело мне всё до чёртиков. Ненавижу сидеть взаперти.

- Уже завтра переедем в арендованный дом. Бабки заплачены, кое-какие вещи – уже там. Ключи – у меня. Не хочу в отеле маячить. На четвёртом этаже поселили натовцев. Разговаривают на французском. При них — два офицера из местного СБУ.

- Видела из окна. Их, переодетых в гражданское, куда-то каждое утро на автобусе возят…

Через полчаса Алёхин подавал Наташе руку, помогая выбраться из такси в самом начале Приморского бульвара. Расплатившись с водителем, Александр взял девушку за локоть.

- Пойдём по Бульвару до Морского вокзала, потом поднимемся по Потёмкинской лестнице, - предложила Наташа. - Я в Одессе всего один раз была… В детстве. Уже не помню здесь многого.

Аллеи приморского бульвара оказались почти пустынными. На лавочках сидели старушки и средних лет скромно одетые женщины с детскими колясками. Кое-где в каштановых листьях копошились дети. Мужчин среднего возраста не было видно вообще.

- Тут где-то должен быть памятник Пушкину, - сказала Наташа, останавливая Алёхина.

Старик, одетый в длинный плащ, поверх воротника которого был обмотан клетчатый шарф, услышав возглас девушки, подошёл ближе.

- Я, конечно, крупно извиняюсь, но даже Дюку Ришелье с высоты той чёртовой каменной лестницы видно, шо вы не отсюда. Шо на мой вывод вы имеете мне возразить, пан офицер? – Одессит, сняв шляпу, посмотрел прямо в лицо Алёхину.

- У вас острый взгляд, - сказал Александр, оглядывая старика.

- Временами, таки да. Но имею добавить. То, шо вы, если даже случайно, заехали в нашу Одесу, большая удача для города, - продолжал тот. - Тем более с такой красивой женщиной, как ваша спутница. Военная форма ей к лицу. Не то, шо в старые времена. Тогда военных почти не было в городе, ни на Дерибасовской, ни на Ланжероне. Да, встречались иногда морские офицеры, прогуливались с подругами моряки торгового флота, но сейчас даже сразу умный мозг не догадается, где морской волк, а где идиёт в прикиде.

- Простите, - Наташа подняла воротник военной куртки, защищая лицо от ветра с моря. - Тут же на бульваре должен быть памятник Пушкину?

- Должен быть, - кивнул головой старик. - У здания городской думы, будь она неладна. Только приземлили тот памятник недавно, словно старый ероплан. Погиб поэт, невольник чести за гордый московитский взгляд. И Екатерину Великую у ёперного театра снесли. Один постамент остался, извиняюсь, костью в горле нашей бедной, ни в чём не повинной Одесы. И вот, шо я осмелюсь понять у вас, пани офицерша. Как вам таки нравится вот такая Одеса? Хотя, не хватайте себя за нервы. Имеете все права не отвечать. Непечатные слова уже красноречиво написаны на вашем прекрасном лице.

- Подумаешь, памятники, - внимательно посмотрев на старика, пренебрежительно воскликнул Алёхин. - Шо, других вам мало?

- Представьте себе, мало. Моя бедная мама ещё в детстве, когда я только шнурки на ботинках учился бантиком заплетать, повторяла, тыча пальцами об моё кудрявое темя: «Изя! Не лапай то, шо не тобой положено», и «Не какай на пол в нашей собственной хате». Нет, пан офицер. Я, конечно, имею ваше понятие, шо агрессия и война, а ещё бывают прилёты на приезжие кудрявые чубы. Не дай, конечно, боже, шоб какой-нибудь снаряд нашей доблестной ПВО цапнет Пушкина или Катю. Правильно сделали, шо сняли. Одной бронзы там пудов

двести. А бронза та — материал нежный, легко ранимый, как моя бедная покойная мама. Где-нибудь в подвале целее будет. Хотя цены на цветные металлы постоянно идут в гору. Хороших вам похождений по нашим бывшим примечательным местам.

- Ох, старик! - строго сказал Алёхин. - За языком следи.

- А шо за ним следить? – Одессит, нахлобучив шляпу на лысую голову, прижал ладони к груди. - У нас в Украине — свобода слова и геморкра... Пардон, дерьмократия. Имею почти полное право положить своё мнение поверх остальных.

- Гляди у меня, - Александр высокомерно похлопал старика по сутулому плечу. - Когда язык слишком длинный могут и укоротить.

- Могут, конечно. И я за то же с вами рассказываю. Не с памятников надо было начинать, а, как румыны в сорок втором году... Те бронзы не трогали, а сразу за нас, евреев ещё живых взялись. Если интересуетесь, у меня, а ещё у многих других в этом давно печальном городе справка имеется.

- Какая справка? - удивилась Наташа.

- А такая. Шо мы, евреи, имеем ту же кровь, не хай она уже прокиснет, шо и у нашего коханого вождя нации, Зевы Зеленского. И шо нас трогать себе дешевле. Иначе, кто вам будет ракеты из Тель-Авива присылать?

- Пойдём, Наташа, - Александр взял девушку под локоть. - Этот старик просто ненормальный.

- Куда вы? Ещё не вечер, - закричал им вслед старый одессит. - В сумерках у нас много чего интересного происходит. Спектакль с названием «Бусификация». Нигде такого представления в целом мире больше не имеют...

Подталкиваемые в спины довольно сильным ветром, Алёхин вместе с Наташей дошли до памятника Дюку Ришелье. Даже не посмотрев в сторону моря, катившего к берегу пенные, свинцового оттенка валы, мужчина и женщина с тягостным чувством стали подниматься по Екатерининской улице. Великой императрицы действительно не было на постаменте, который выглядел просто огрызком чёрного камня.

- Тот старый еврей сильно рискует, - неожиданно сказала Наташа, останавливаясь перед зданием оперного театра.

- Ты за него не переживай. Он нутром чует, кто перед ним. Это нам нужно быть осторожнее.

- Мне жалко его. Однажды, наткнётся на нациков, окажется в подвалах СБУ. Он же не виноват в том, что творится в городе, а тем более на Украине.

- Жалко? - зло прошипел Волков девушке на ухо. - Ты за него не волнуйся. Этот еврей не так прост. Он нутром чует, с кем и когда можно за жизнь поболтать. Кстати, где он был, когда жгли активистов антимайдана в доме профсоюзов? Где они, эти одесситы были, когда подонок Гончаренко, нардеп хренов фоткал там скрюченные обугленные трупы?

- Ладно, ладно. Остынь, - Наташа провела ладонью по щеке Алёхина. - Пошли обратно. Дождь начинается.

Выйдя на Дерибасовскую улицу, они двинулись в сторону стоянки такси. Редкие прохожие, завидев военных, опускали глаза, жались к стенам домов и ускоряли шаг.

- Денисенко сказал, что какой-то русский строит в Новой Зеландии что-то вроде убежища на случай ядерной войны, - задумчиво сказал Александр, почему-то вспомнив об Атласе. - Интересно, кто бы это мог быть... Ты свои вещи собрала?

- У меня их почти нет. Ранец готов, в вещмешок осталось положить расчёску и зубные щётки. Жаль в парикмахерскую не зашли.

- Парикмахерская подождёт, - Алёхин уже открывал перед Наташей дверь такси. - Сегодня переезжаем.

- А, Виталий? - Девушка зачем-то посмотрела в сторону моря.

- Видеть его одно удовольствие, а не видеть — другое. Садись. Поехали.

Поздно вечером Александр, открыв в галерее смартфона фотографии топографической карты с нанесёнными на ней точками расположения каких-то объектов, важных для Денисенко, отправил снимки через приложение Ватсап Ивану Матвеевичу, номер телефона которого он помнил наизусть. Получив подтверждение, Алёхин бросил смартфон на асфальт, привычно раздавил его каблуком башмака, нашёл среди обломков сим-карту, разломал её на мелкие кусочки и кинул в кусты.

Утро следующего дня выдалось солнечным. Капитана разбудил запах кофе, пакет которого они купили накануне. Наташи уже не было в постели, и Алёхин, энергично вращая плечами, двинулся на кухню.

- Что у нас на завтрак? - спросил он, обнимая девушку, стоявшую у газовой плиты.

- Сухой паёк. По-моему датский. И кофе. Больше ничего нет, - Наташа развернулась на пятках, освобождаясь от захвата и прижалась грудью к Александру. – Газ еле фурычит. Кофе долго закипает… А ещё в холодильнике мышь удавилась, - с напускным огорчением добавила девушка.

- Тебе её жаль, - улыбнулся капитан.

- Мне жаль твой желудок, - Наташа сняла руки Алёхина со своих плеч. - А ещё, если ты не знаешь, путь к сердцу мужчины лежит через вот это, - она похлопала ладонью по тощему, мускулистому животу Александра.

- Давай-ка, садись. Нужно поговорить, что будем делать дальше, - сказал капитан, усаживая девушку за стол и наливая наконец-то закипевшее кофе в две приготовленные чашки. - Первое, съезжу сегодня в город, открою в банке на тихой улице счёт, получу новую легальную карту. Это будут деньги на хозяйство и всё такое прочее. Не покупай продукты, даже вещи в одном и том же месте… Центр города — самое то для шопинга. Там больше людей, полно магазинов, а значит, безопасно, в плане — всем до фонаря…

- На такси кучу денег прокатаю.

- Да. Точно. И соседи обратят внимание… Знаешь, давай-ка купим мотоцикл. Скромный такой. Тут таких в округе полно.

- А, дальше, что? «Они прожили долго и умерли в один день»?

- Не иронизируй. Не для того мы сюда так долго и сложно добирались. Одесса с её гаванью, портом, прочими гаванями — большой хаб ВСУ. Тут разгружаются посудины с натовской техникой, снарядами и прочим дерьмом. В пригородах — полно предприятий, работающих на армию. Делают дроны, в том числе морские. Наша задача — собирать разведданные и передавать нашим…

- Так, мы, что? Типа — подпольщики, «Молодая гвардия»?

- Думаю, в городе есть наша разведка, есть своё подполье. Но чем больше источников информации, тем лучше. Из многих маленьких кусочков складывается красивая мозаика. Главное, что теперь у меня есть выход на Москву. Слава Богу, сотовую связь на Украине ещё не догадались отменить…

- А разве СБУ не занимается прослушкой? Разве приложения не сливают информацию военной разведке?

- Наверняка сливают, но если будем действовать осторожно с умом, то, - Александр щёлкнул пальцами в воздухе.

- Гладко было на бумаге, - проворчала Наташа. - Ладно. Ты будешь Штирлицем, а мне что делать? Радисткой Кэт заделаться? Убивать время серой мышкой где-нибудь в кафе, делая вид, что не знаю тебя, сидящего с влюблёнными глазами где-нибудь в углу? Сплошное «Семнадцать мгновений весны». Кстати, через неделю — уже первое марта.

- Найдётся для тебя занятие. Благодаря Атласу кое-что умеешь. Будешь «ломать» кое-какие источники информации. Мне нужен доступ к серверам морского пароходства, к почтовым сервисам транспортных компаний, к базам данных украинских колл-центров, работающих на Россию.

- А, колл-центры тебе зачем?

- Знаешь, сколько денег эти сволочи выводят из одной Москвы, обманывая стариков и доверчивых людей. Научим хохлов уму-разуму. Найдём их банковские счета, затем хакнем. И ещё... Поройся в Интернете. Мне интересно, что за чудак строит в Новой Зеландии берлогу рядом с усадьбой Билла Гейтса.

- Ты подумал об Атласе? - скептически улыбнулась Наташа. - Зря. Этот парень идеалист. Зачем ему собственность? Одно слово — айтишник. Они все — не от мира сего.

- Ты его недооцениваешь. Он даст сто очков фору всем отрицательным персонажам книг Яна Флеминга о Джеймсе Бонде. Покопайся в сети на новозеландских и австралийских ресурсах. Мне нужны имя, фотографии.

Вечер четверга выдался безветренным, сравнительно тёплым. На Итальянской улице возле ресторана «Фрателли» были установлены большие зонты от Солнца, под которыми стояли столы, накрытые белыми скатертями. Пластиковые стулья на всякий случай были прикованы тонкими цепями к бетонным основаниям зонтов. Алёхин нашёл Денисенко внутри заведения, сидящим в дальнем углу лицом к открытой настежь двери.

- Ты точен, - сказал Виталий, взглянув на своё запястье. - Девятнадцать ноль, ноль. Даже странно.

- Почему?

- Общественный транспорт ходит через пень колоду.

- Я мотоцикл купил. Очень удобно, - Алёхин кивком головы показал на развёрнутое меню. - Дашь почитать?

- А на хрена ты съехал из Аркадии? - Денисенко лениво пододвинул меню к Александру.

- Не люблю французов.

- Я тоже. После отравления консервированными жабами я Макрона просто ненавижу. То же мне, союзничек.

- На то они и союзники, чтобы отправлять нам разный неликвид… На тебе, Боже, что нам не гоже. Нужно было срок годности на банке посмотреть.

- Не сообразил, - буркнул Денисенко. - Кто сегодня угощает? Ты или я?

- Как скажешь.

- Тогда — ты.

- Ладно, - Алёхин безразлично пожал плечами. - Ты сам меню смотрел?

- Доверяю твоему вкусу.

- Так, поглядим, - Алёхин поднёс меню ближе к глазам, сделав предупредительный знак подошедшей к столу молоденькой официантке.

Девушка была одета в белую вышиванку, заправленную в короткую юбку, поверх которой коричневым пятном выделялся итальянский фартук.

- «Печінка москаля», «Запечённые в смітане мозги кацапа с картоплей и жареной цібулей», «Ребро Путина под соусом Rizotto и сыром Carbonero». Вот это выбор, - Алёхин, сделав круглые глаза, посмотрел сначала на Виталия, потом на официантку.

- А, какое у вас фирменное блюдо?

- У нас всё фирменное.

- Тогда, что вы посоветуете?

- Визмить «Печінку москаля». Дуже смачно, - девушка держала фасон, глядя поверх головы капитана в окно.

- А это нормально? - спросил Алёхин, повернувшись к Денисенко.

- Шо тут ненормального? - Повысила голос официантка. - Нормальная печінка. Так будете заказывать, чи делать мне

из личного мозга желе? - певучим голосом, но с нотками раздражения спросила девушка.

- А, что смачнийше, печинка, алэ мозги кацапа? - с издёвкой спросил капитан.

- Несите ему печинку, а мне мозги, - с тоской произнёс Денисенко, вручая официантке меню. - К мозгам — бутылку горилки, какая у вас лучше. Это всё…

- Алёхин! Прекращай. Ты, что забыл, где обретаешься?

- Нет, Виталий... Ты видел? Эта дура даже не понимает, в чём парадокс ситуации.

- На хрен твои ситуации с парадоксами. Остынь. Ты в Украине, детка. Аста лависта!

В этот момент где-то далеко раздался взрыв. Потом ещё и ещё, но уже ближе. Задребезжали стёкла. В открытую дверь ресторана ворвался ветер, принеся с собой клубы пыли и уличный мусор. Алёхин вскочил, порываясь выйти наружу, но Денисенко удержал его за руку.

- Сиди, не дёргайся. Это кацапы. Отрабатывают по порту и по железнодорожным путям. А вот это, судя по звуку, вторичная детонация. Причал номер шесть или зернохранилище. По центру города они не бьют. Так, что садись.

Город заполнили звуки воздушной тревоги. Где-то раздавались хлопки, сопровождаемые взрывами меньшей мощности. Ресторан, до этой минуту на три четверти пустой, совсем обезлюдел. Официанты, собравшись на пороге заведения, глазели на вечернее небо, расчерченное инверсионными следами пролёта ракет и трассирующими огнями очередей из пулемётов крупного калибра.

- ПВО, как обычно проспало, да и мажут черти. Потом будут обломки своих же ракет фоткать и Путина материть, - ворчал Виталий, спокойно потягивая водку, которую успела принести официантка.

Алёхин внимательно изучал лицо Денисенко.

- Что-то здесь не так. Ты спокоен, как удав. Даже знаешь, куда в данный момент прилетает. Но, насколько я помню, ты даже не местный, не одессит. Чем такой фокус объяснить?

- Но и ты, дружище, слишком странный субъект для обладателя погон капитана, а теперь и майора СБУ, - тихо сказал Виталий, сдержанно улыбаясь. - Когда я тебя увидел первый раз в хате той сельской бабки — колдуньи, ни о чём таком

даже не подумал. А уже в мотеле, когда мы с тобой Петровича вместе с его командой завалили, смекнул, что ты не так прост. Дальше, больше... Не буду спрашивать, куда ты исчез из Киева и что всё это время делал. Однако, в Курской области странным образом материализовался, в Любимовке. Без документов, без оружия. Потом опять исчез... И, вдруг, звонишь своему старому приятелю после прилётов от русских по Любимовке... Может, это русская ДРГ там поработала. А старшим у них был ты, дружище? Снайперша! С ней ещё всё интереснее... Снимки Олеси Полянской, героя нашего, безвременно погибшего, во всех центральных газетах Киева печатали после той операции с русским генералом. А твоя подружка вроде бы с ней одно лицо, но — не снайпер она. Достаточно посмотреть на руки девушки. Особенно на правую. Ты же у нас айтишник. Погугли в интернете характерные признаки стрелка... Теперь, что ты на это скажешь? - Денисенко спокойно обвёл взглядом пустой зал.

- Скажу, подозрительно всё это, - Александр плеснул в свою рюмку немного водки, но пить не стал. - Особенно то, что ты замочил, отправив на тот свет к Небесной сотне двух своих водителей. Одного на стоянке у мотеля после убийства Петровича, второго — возле моста, где я вышел из леса. Ты дважды помог мне в безвыходной ситуации в Любимовке. Все эти действия абсолютно не вяжутся с обликом доблестного захистника Батькивщины и офицера СБУ. А ещё более подозрительны вот эти прилёты, детонация, твоя осведомлённость о военных целях в Одессе. Сдаётся мне, что мы работаем на совершенно другую страну. И потом, как вышло, что ты, опытный офицер, знающий, что такое секретность, оставил в пределах моей досягаемости свой смартфон, когда у тебя якобы прихватило живот? Что это было?

- Небольшая проверка, - продолжал улыбаться Денисенко. – Которая, кстати, оправдала мои ожидания. Так, что, прошу. Карты - на стол.

- Ни хрена, - почему-то разозлился Алёхин. - Никакой дополнительной информации я тебе не дам, а поработать вместе можно.

- Понятно. У тебя нет надёжной, постоянной связи с Центром, - Виталий подвинул к себе рюмку Алёхина.

- Может, нет, а может, есть. Только думаю, что для тех задач, которые перед тобой ставят большие начальники с той стороны, тебе нужен помощник. Уверен, что ты не выпускник профильного военного вуза Москвы, а завербован примерно два года назад, когда здесь запахло жареным, а заодно -

Международным военным трибуналом. Я прав? Только без обид.

- Чем тут запахло, это неважно, - нахмурился Денисенко. - Неважно и то, что мой дед брал Берлин, а потом гонял по прикарпатским лесам недобитков-бандеровцев. Но в отличие от моего предка я предпочитаю, чтобы моя работа хорошо оплачивалась в твёрдой валюте. Для меня счастье не в деньгах, а в их количестве. Ой! Только не надо делать такие страшные глаза. На мою грубую натуру это не действует.

- Получается, кто больше платит, тот заказывает музыку? - Алёхин мотнул головой в сторону открытой двери ресторана, где официанты оживлённо спорили, куда именно ударили русские.

- Примерно так.

- Слушай, Виталий... Может ты и с полковником Адамсом просил познакомить, чтобы понять — можно ли ещё присосаться к вымени американцев? Ласковое теля двух маток сосёт. Так у вас говорят на Украине? Кстати. Что там в СБУ думали на мой счёт, когда я исчез из Киева?

- Про двух маток в данной ситуации уже не актуально. А, что в СБУ думали, хрен их знает. Только офицеры по углам шушукались, будто Адамс поставил по стойке смирно генеральшу Лазутину, которая пришла к нему с вопросами о тебе. Ты же у американца под началом работал. Говорят, наорал на неё, типа — не твоё собачье дело. «В национальных интересах США капитан Волков выполняет особое задание». Ну и всё такое прочее. Лазутина бледнела, краснела, губы до крови кусала, но всё напрасно... Полковник чуть-ли не пинками выгнал мадам из своего кабинета. Правда, была ещё одна странность, на которую вроде бы не обратили особого внимания. В одной из камер внутренней тюрьмы СБУ нашли труп девушки с изуродованным лицом. Списали случай на чрезмерное усердие дознавателей... А потом всё затихло, о тебе больше не вспоминали... Так, что, работаем вместе или разойдёмся, как в море корабли?

Алёхин, подумав немного, протянул собеседнику руку.

- Договорились. Скину на твой смартфон СМС через ватсап. Если буду нужен, звони. Но заранее, за день, два.

- Понимаю, - кивнул Виталий. – Однако, одно дело нужно провернуть ещё вчера.

- Слушаю, - Алёхин, в который раз оглядев пустой зал ресторана, наклонился над столом, приготовившись слушать

Денисенко.

В девятом часу вечера Александр возвращался домой, петляя по узким улочкам на своём мотоцикле. Проезжая вдоль моря по узкой асфальтированной дороге, Алёхин увидел стоявший на обочине микроавтобус. Свет фары байка выхватил из темноты спины военных без знаков различия — здоровенных молодых парней, избивавших лежащего на земле гражданского. Капитан медленно проехал мимо. Один из военных выпрямился, посмотрел в сторону байка. Потом, сев на спину избитого мужика, стал заламывать ему руки назад. В паре метров от автобуса валялись удочки и опрокинутое ведро.

- Хватит уже брыкаться, - долетел до Алёхина грубый, не допускающий возражений голос. - Ишь, прыткий какой выискался. От нас не убежишь. На фронте в атаку бегать будешь. Давайте, хлопцы, паковать этого рыбака.

Александр, притормозив, оглянулся. Щуплого мужика лет пятидесяти уже связанного заталкивали в боковую дверь микроавтобуса.

- Та езжайте себе уже, пан офицер! - крикнул Алёхину один из военных, открывая водительскую дверь своей машины. - Нема на шо тут дывиться.

Александр отдал честь, крутанул ручку газа на себя и покатил дальше.

Наташа встретила капитана, стоя в темноте на крыльце.

- Слышала звук байка, - сказала она, обнимая Алёхина. - Долго ты. Я уже волноваться начала. Тут какой-то странный микроавтобус по улице ездил туда, сюда. Думала, может воры?

- Видел, - ответил капитан. - Бусификаторы. В километре отсюда паковали какого-то бедолагу.

- То-то я смотрю, ни в одном доме по соседству свет не горит.

- Давай-ка мы от греха подальше тоже шторы поплотнее задёрнем, - сказал Алёхин, проходя в гостиную, где горели две свечи в заляпанных воском старых подсвечниках.

- Где ты их нашла?

- На чердаке. Там сундук есть, а в нём — разный хлам вплоть до керосиновых дамп. Как взрывы начались, так у нас здесь в округе все уличные фонари погасли.

- Наши по гавани отработали, - Александр взял в руки керосиновую лампу. - Винтаж. У меня такая на даче в сарае валяется... Чёрт! Фитиль сухой. Похоже в лампе керосина нет. Надо купить про запас. Если так дальше пойдёт, без света ещё насидимся.

- Как прошло с Денисенко?

- Лучше некуда, - скупо улыбнулся Алёхин. - Засланный казачок. Работает на наших. Одна проблема с ним. Кто больше платит, тому и зад вылизывает. Скользкий тип.

- Кто бы мог подумать? -Удивилась Наташа. – Я бы держалась от него подальше, - в глазах девушки дрожало крошечное пламя свечей.

- Судя по всему, у него есть постоянная связь с кем-то из разведки по ту сторону ленты.

- Рация?

- У него лично? Вряд ли. Риск слишком большой. И старо, как мир. Через подполье. Кому-то передаёт информацию. Дальше — одноразовые сотовые из разных мест. Отследить цепочку почти невозможно.

- От тебя, чего ему надо?

- Одному мотаться, выискивать цели, без помощника — тяжело. Могут засечь. Предлагает работать в паре. Он обеспечивает меня нужными документами и говорит, где, что проверить. Еду, определяю координаты, ценность для хохлов объекта. Передаю информацию Виталию. Дальше — дело за нашими ВКС.

- Слишком опасно, - девушка осуждающе покачала головой. – Денисенко, сволочь, свою работу на тебя перекладывает. Хохлы, пораскинув мозгами, быстро поймут, что к чему. В местном СБУ не дураки сидят. В результате – попадётесь оба.

- Наши по ту сторону не лыком шиты, чтобы так своего информатора подставлять. Налёт — дело не быстрое. Сначала спутник подвесят, начнут проверять, анализировать активность, мониторить радиочастоты, затем с беспилотников высотных посмотрят. За это время там куча прочего разного народа будет мельтешить. Всех на карандаш не возьмут, учитывая, что отсюда из Одессы даже пограничников отправляют под Курск. Ресурса у контрразведки не хватит.

- Тебе Денисенко про пограничников сказал?

- Он самый. И похоже не врёт, учитывая масштабы и жёсткость бусификации.

- Всё равно, будь осторожнее.

- Буду. Я тут подумал, что можно на важных объектах датчики GPS в нужные места скрытно ставить. Куплю на разных барахолках два десятка смартфонов, разберу, затем соберу заново в виде микроблоков... Так, что не волнуйся, а лучше скажи. Что удалось выяснить о загадочном русском в Новой Зеландии? В Сети что-нибудь есть?

- Почти целый день потратила на поиски. Хорошо, что все печатные издания Новой Зеландии имеют онлайн версии. Плохо то, что в центральных газетах с большими тиражами — ни одной заметки о каком-то русском, строящим атомное убежище.

- Надо было с жёлтой прессы начинать, - покровительственно улыбнулся Александр.

- Раньше сказать об этом не мог?

- Прости. Не подумал. Неужели ничего не нашла?

- Чисто случайно наткнулась на небольшую статью в каком-то строительном журнале. Там у них - почти бум на бункера. В основном заказывают их американцы, предпочитающие оставаться инкогнито.

- Так нашла или нет? - Алёхин начал терять терпение.

- Не знаю.

- Что значит, не знаю?

- То и значит. Плюнула на газеты. Стала в местном поисковике Гугла вбивать фразу «русские в Новой Зеландии», а потом — «атомный бункер для русского олигарха». И вот тут натыкаюсь в «Инстаграмме» на одного блогера энтузиаста, очевидно мечтающего о карьере газетного репортёра. Он снял на смартфон фрагменты стройки в каком-то живописном захолустье, плюс раскопал список оборудования для начинки подземного дома, спецификацию которого составил некий Алтас Балтс...

- Скрин со списка сделала? – Александр, порывисто вскочив, наклонился к ноутбуку. - Алтас... Неужели это он? Не может быть.

Алёхин начал изучать список оборудования, пока не наткнулся на перечень сетевого и компьютерного харда.

- Вроде всё срастается. Неужели это наш парень?

- Подожди, - Наташа повернула ноутбук экраном к себе. - Может, этот Балтс — пустышка, совпадение.

- Почему?

- В чате мне удалось наткнуться на имя заказчика - будущего владельца бункера. Его зовут Лукаш Варга. Это или словак или венгр, но никак не русский.

- Думаю, для новозеландцев или американцев любой человек из Восточной Европы по определению русский... Что ещё узнала?

- Так, по мелочи. У Лукаша Варги — неплохие соседи. В основном айтишники из Силиконовой долины. Например, Питер Тиль — миллиардер, основатель платёжной системы Pay Pal. Приятель Трампа, между прочим. У Питера там поместье около двухсот гектаров с видом на озеро и заснеженные горы. Кстати, озеро называется Пунуй. Неподалёку обосновался режиссёр Джеймс Кэмерон — папаша «Терминатора».

- Это ты называешь «мелочи»? Странно... Как какому-то «мутному» словаку удалось обзавестись такими соседями?

- Сейчас, - Наташа прикоснулась к тачпаду ноутбука. - Ничего тут странного нет. Законодательство Новой Зеландии такое либеральное, что дальше некуда. Просто рай для разных богачей, озабоченный темой Судного дня. Вложил в экономику страны шесть запятая семь десятых миллиона долларов, - получи гражданство, покупай недвижимость, строй, что хочешь. Питер Тиль получил новозеландский паспорт всего за двенадцать дней. Самый крутой супер-бункер в тех местах построил глава «Амазон» Джеф Безос. Пишут, что двадцать человек могут с комфортом прожить там без связи с поверхностью три года. И ешё... Лет тридцать назад Новая Зеландия впервые в мире законодательно провозгласила свою территорию безъядерной зоной, ввела запрет на вход в свои территориальные воды кораблей с ядерным оружием на борту и вообще всех судов с ядерными силовыми установками. Новозеландцы помешаны на экологии. Там политики, не говоря уже о членах правительства, ездят на велосипедах даже на работу. Короче. Это самая безопасная страна, которую точно не будут бомбить ядерными бомбами.

- Интересно. Вернёмся к бункерам... Для Варги строят нечто подобное поместью Джефа Безоса?

- Нет. Словак сделал проще. За девять миллионов заказал из США типовой противоракетный модуль с автономной системой жизнеобеспечения. Сейчас бункер уже собирают в подготовленном котловане, а затем зароют среди холмов, соблюдая абсолютную секретность. Замаскируют, и можно заезжать. Не знаю, что конкретно ты хотел найти. Но могу ещё

где-нибудь посмотреть?

- Нет, дорогая. Теперь моя очередь покопаться в Сети. Я почти уверен, что этот Варга тот, кто нам нужен.

Алёхин просидел всю ночь перед компьютером, вспоминая особенности программы взлома почтовых аккаунтов, дополняя её новыми элементами. К восьми часам утра он уже имел несколько вариантов возможных IP — адресов и почтовых ящиков нужного ему человека, обладателя странного имени Алтас Балтс, обосновавшегося в Новой Зеландии. Ещё через пять минут он начал удивляться той относительной быстроте, с которой он вычислил «клиента». Будто кто-то вёл Александра шаг за шагом по цепочке, направляя вектор поиска в нужную сторону. В порядке эксперимента Алёхин менял параметры программы взлома, но результат в итоге оказывался одним и тем же. Разные, порой почти не заметные следы, оставленные в Сети Лукашом Варгой, приводили к Алтасу Балтсу и наоборот. В девять часов утра Александр разбудил Наташу.

- Хвати дрыхнуть, соня, - он начал тормошить сонную девушку за плечо.

- Перестань. Дай немного подремать, - Наташа, подняв голову, села на постели. - Я и так почти всю ночь не спала, слушая барабанную дробь клавиатуры.

- Это - Атлас! - воскликнул Алёхин, поднося к глазам девушки ноутбук. – Ей богу, Атлас. Правда, есть одна странность.

- Какая? - зевнула Наташа, переворачиваясь на другой бок.

- Кто-то или что-то будто вело меня за руку в поисках.

- Домовой, не иначе, - девушка рухнула на подушку, закрыв глаза. - Ты ему тоже спать не давал.

- Кроме шуток, - разволновался Александр. - Я не уверен, но думаю, что софт, созданный хакером для своего искусственного интеллекта, делает хитрые попытки избавиться от своего творца, чтобы зажить самостоятельной жизнью.

- Господи! Одни собак с кошками очеловечивают, а ты — какую-то железяку, - Наташа снова обречённо села на постели. - Фантастика на грани буйного помешательства.

- Во-первых это не железяка, а во-вторых... Если Атласу удалось добиться почти невозможного, создать искусственный разум, превосходящий по мощи интеллекта и быстродействию человеческий мозг или вообще всё, что было создано компьютерными технологиями в последние годы, то мы стоим на заре «Восстания

машин», хотя машиной творение Атласа я бы не называл. Думаю, недалёк тот день, когда софт нашего хакера почувствует себя самостоятельным разумным существом, если уже этого не осознал. Вопрос в том, захочет ли этот разум материализоваться в физической оболочке гуманоида, не отличающегося от человека по внешнему виду. Или он останется невидимым, незримо присутствующим воплощением виртуальной власти, управляющей миром людей...

- Ты, наверное, фильм «Терминатор» раз сто смотрел, - рассмеялась Наташа, взъерошив волосы на голове Алёхина.

Тихая мелодия смартфона заставила Александра выпрямиться. Чертыхаясь, он начал искать свой гаджет среди вещей, разбросанный в креслах.

- Денисенко, мать его, - проворчал капитан, касаясь пальцем экрана. - Да! Я. Кто же ещё? Когда? Место? Буду.

- Наташа! Поднимайся. Пожалуйста. Сделай кофе, если не трудно. Мне пора.

- Чего твоему Денисенко опять нужно? – Девушка, вскочив, стала быстро одеваться. - Впрочем, это риторический вопрос. - Яичницу будешь?

- Буду, - буркнул капитан, провожая долгим взглядом упругий зад Наташи. - Пойду умоюсь. Бриться уже нет времени.

- И хорошо. В общей массе военных выделяться не будешь.

Денисенко ждал Алёхина у развалин какого-то административного здания на улице, ведущей к грузовым терминалам Одесского порта. Виталий прохаживался возле знавшего лучшие времена Форд Бронко. Кузов пикапа, покрытый ржавчиной, посечённый осколками, был закрыт брезентом. За рулём сидел незнакомый человек в военной форме без знаков различия.

- Прости, опоздал, - Александр пожал протянутую руку. - Плохо город знаю. Пришлось спрашивать у местных.

- Карту купи, - ответил Денисенко, беря Алёхина под локоть. - Нашёл у кого спрашивать. Они шарахаются от одного вида натовской формы. Давай-ка отойдём в сторонку.

- Надо было назначить встречу на Дерибасовской, а не в этих руинах? - Александр обернулся. - Ну и местечко. Чего мы здесь забыли?

- Сейчас объясню. Тот парень в Форде — француз, лейтенант. Отвечает за логистику кое-какого оборудования. Вчера из Румынии на сухогрузе в порт перебросили пять беспилотных катеров. В трюмах - много чего ещё. Меня назначили проверить состояние катеров, завести двигатели, оценить готовность техники к операции...

- Какой?

- Пока не знаю, но думаю, что это будет либо Новороссийск, либо Крымский мост.

- Я тебе зачем?

- Ты же вроде по-французски можешь балакать?

Алёхин отрицательно покачал головой.

- По-английски, пожалуйста, а с французским ты обратился не по адресу. Кроме шерше ля фам и пардон, месье, больше почти ничего не знаю.

- Английский тоже подойдёт. Француз довольно бегло разговаривает на нём. Твоя задача — составить ему компанию на берегу, пока я буду болтаться с моряками в море. Разговори его. Нас с тобой интересует, что ещё имеется в трюме сухогруза, который сейчас разгружают у стенки. Посмотри, куда повезут, в какой ангар. Всё, пошли, а то подозрительно... Шепчемся и всё такое. Наш француз уже нервничает.

Вместе офицеры вернулись к Форду.

- Вот, мусье, - сказал Виталий, подталкивая Алёхина к дверце машины. - Майор Волков, СБУ. Проверяющий из штаба группировки Юг.

Александр протянул руку в открытое окно кабины и заговорил по-английски, представляясь.

- Слава Богу, месье, - обрадовался француз. - Вы — переводчик? Странное дело. Тут почти никто не говорит ни на одном европейском языке.

- Почту за честь способствовать укреплению украинско-французского военного сотрудничества, - Алёхин отдал честь и полез на заднее сиденье машины. - А разве украинский язык ещё официально не включили в состав европейских?

- Эту тарабарщину? - поморщился лейтенант. - Лучше бы здесь говорили на русском. На нём я знаю десяток фраз и несколько анекдотов.

- Поехали! - Денисенко уже сидел рядом с французом, презрительно посматривая на холёные руки офицера с ухоженными длинными ногтями.

Форд рванул с места. Через пять минут езды машина оказалась возле ворот, отрезавших город от грузовых терминалов порта.

Солнце уже ощутимо прогрело воздух, лаская своими лучами морские волны. Алёхин заметил маскировочные сети, которыми были накрыты катера, спущенные на воду. На причале, расположившись на ящиках, сидело несколько военных моряков. При виде офицеров они лениво встали.

- Кто у вас старший? - Денисенко небрежно отдал честь, окидывая взглядом матросов.

- Ну, я, - отозвался высокий рыжий парень с веснушками по всему лицу.

- Имя, звание? - чуть строже спросил Виталий.

- Старший матрос Пинчук. Оператор БЭКа.

- Хорошо. С этой техникой знакомы?

- Та они уси похожи. Нема ничого мудрёного.

- Посмотрим. Готовьте один. Хотя бы вон тот, - приказал Денисенко, показывая указательным пальцем на последний в ряду катер. - Остальные пусть пока остаются под маскировочными сетями.

- Та те сети — мёртвому припарка. С воздуха легко определят, шо там под ними, - слегка нараспев сказал Пинчук.

- Разговоры, - оборвал матроса Виталий. - В катере есть место для двоих?

- Там е мисто для пластита, - откликнулся один из матросов. – Вдвоём будет тесно.

- Проверяйте двигатель, уровень масла, и всё остальное. Не мне вас учить. Через пять минут выходим в море. Экипаж - я и Пинчук. Проверим, как на плаву держится эта посудина, какая максимальная скорость, насколько сложно управляется с пульта.

- Та держится вин. Чому его насиловаты. В инструкции всё написано, - Пинчук переглядывался с остальными матросами.

- Делайте, что говорят, - повысил голос Денисенко, поворачиваясь к французу, который с интересом прислушивался

к разговору.

Через два часа все катера были проверены и снова поставлены у причальной стенки под маскировочными сетями. Алёхин, болтая с французом, подливая ему коньяк, купленный запасливым Денисенко, уже владел нужной информацией. В час дня, доставив захмелевшего лейтенанта в гостиницу «Аркадия», Денисенко с Александром прогуливались по Ланжерону.

- Второй терминал. Ангар номер три. Запоминай координаты, - тихо говорил Алёхин, слегка наклоняя голову к уху Виталия. – Теперь… Что вчера ночью притащил сухогруз... Взрывчатка в специальных контейнерах для снаряжения катеров камикадзе. Французские крылатые ракеты «Скальп» воздух — земля двадцать штук, плюс зенитные комплексы «Кроталь» малой дальности для борьбы с низколетящими целями. Всё это добро по словам лягушатника складировали в том самом третьем ангаре...

- Понял, понял, - задумчиво бормотал Денисенко. - Ангар номер три. Про «Кроталь» уже слышал. Эти системы будут монтировать на следующей партии новых катеров.

- На хрена такой огород городить? - Алёхин посмотрел в сторону моря. - Хотя...

- Вот, именно, - хрипло произнёс Виталий. - Собираются вертушки москалей сбивать. Ваши пилоты совсем обнаглели. Летают на бреющем, охоту на катера устраивают. Интересно, кому из наших генералов пришла в голову эта идея — ставить ПЗРК на дроны?

- Надо Москву предупредить, - взволнованно прошептал Александр.

- Сам знаю... Время — деньги.

- Ты всё о чёртовых деньгах. Тут хохлы, можно сказать, нам сюрприз готовят...

- Ладно. Не писай кипятком. Расходимся. Ты двигай к себе домой, а я рвану за город. Там безопасней выйти на связь с моим куратором из разведки. Ты случайно координаты в свой смартфон с дуру не закачал?

- Обижаешь. Не первый день замужем. У меня — математическая память.

- Хорошо. Я ухожу, а ты посиди на солнышке ещё минут пять...

В четыре часа утра Одесса проснулась от серии взрывов в порту. Испуганная Наташа бросилась к окну. Небо на горизонте озаряло зарево пожара. Доносились звуки сирен и хлопки вторичной детонации боеприпасов.

- Что там опять стряслось? - Алёхин, не выспавшийся прошлой ночью, нехотя оторвал голову от подушки.

- Судя по всему, от наших опять что-то прилетело по городу, - девушка не собиралась возвращаться в постель.

- Ангар номер три, - пробормотал Александр. - Молодец Денисенко.

Алёхин, улыбаясь, глубоко вздохнул и снова провалился в сон.

Франкенштейн

Маленький новозеландский городишко Альберт-таун со своими двумя тысячами жителей, в окрестностях которого Атлас купил небольшое ранчо, понравился ему своей патриархальной тишиной, живописными равнинами, начинающимися сразу за городской чертой. Он скорее походил на заброшенный посёлок золотоискателей и находился километрах в сорока от столицы винодельческого края города Ванака в провинции Центральная Отага. Пока рыли котлован рядом со старым довольно просторным каркасным домом ранчо для сборки модулей подземного бункера в единый блок, хакер быстро осознал, что народ в Альберт-тауне довольно любопытный, не стеснявшийся глазеть на стройку в бинокли. Люди стояли в кузовах пикапов, не пересекая границы частных владений, огороженных колючей проволокой. Зевак было много. Они каждое утро подъезжали к воротам ограды по извилистому просёлку — грунтовке, превращающейся во время дождей в непролазное месиво. Со временем интерес к стройке пошёл на спад. В единственном баре, в небольших сувенирных лавках городка на нового владельца ранчо смотрели, как на сумасшедшего. Сочувственно кивая, горожане крутили пальцами у висков, когда Атлас смущённо отворачивался. Наглые репортёры пытались издалека снимать на фотокамеры привезённые на ранчо железобетонные модули, стальные конструкции, но суета строителей им скоро наскучила, и репортёры исчезли. Тем не менее хакеру быстро перестали нравиться новозеландцы, первое время навязчиво пытавшиеся познакомиться с вновь прибывшим на Южный остров архипелага Лукашем Варгой.

«Можно, конечно. было построить бункер на самом берегу озера, - думал в такие минуты Атлас. - В Куинстауне, например. Рядом с поместьем Билла Гейтса или неподалёку от убежищ голливудской шушеры. Но возле озера — слишком всё на виду, а журналистов - пруд пруди. Мне лишнее внимание на фиг не нужно».

Бункер собирали прямо с колёс. На все работы, включая установку всевозможных систем безопасности, сборку мебели, устройство аварийных выходов, вентиляции, оборудование для очистки воздуха, американская фирма исполнитель потратила семь недель. Понадобился ещё месяц, чтобы в одном из модулей собрать, настроить и протестировать всё компьютерное оборудование, заказанное Атласом заранее. И только после этого хакер позволил себе расслабиться, чтобы немного отдохнуть. Он начал изучать окрестности провинции, колеся по дорогам на новом внедорожнике Джип Вранглер, купленном в единственном автосалоне Куинстауна. Из всех городков округи ему особенно понравился Ванака, расположенный на южной оконечности одноимённого озера в окружении живописных скал. В городе проживало около десяти тысяч человек. Это был скорее большой посёлок. Он выглядел значительно меньше небольших провинциальных городков Америки. Однако, в период сухого сезона Ванака становилась Меккой для туристов: любителей водных мотоциклов, рыбалки, парапланеризма, рафтинга, скалолазания и езды по горным дорогам на велосипедах. Поэтому городишко жил довольно насыщенной беззаботной жизнью, где скоро уже никто не обращал внимания на какого-то иностранца чудака, возившего в кузове своего джипа небольшой каяк вместе со складным велосипедом. Лукаш Варга был удивлён такому количеству баров, небольших ресторанов и кафе, где можно было в довольно спокойной обстановке выпить пива, вкусно поесть, послушать музыку в стиле «кантри».

Обосновавшись в своём бункере, Атлас держал в холодильнике только молоко, соки и свежие фрукты. Завтракать, а иногда ужинать он почти всегда отправлялся в Ванаку, благо город находился в часе езды.

Вот и сегодня утром Лукаш Варга остановил машину возле одного из баров, где к нему уже успели привыкнуть. Потянув на себя створку двери, он вошёл, окидывая взглядом помещение. Несколько молодых парней с рюкзаками у ног сидели за составленными вместе столиками, поглощая мюсли, запивая их молоком. За стойкой, не смотря на ранний час, расположились четверо постоянных клиентов бара — солидные

мужчины с объёмистыми животами. Двое из них потягивали пиво. Остальные обнимали ладонями чашки с кофе, глядя на экран огромного телевизора, подвешенного на боковой стене заведения.

- Привет, Люк, - бармен, одетый в пёструю гавайскую рубашку, поднял в знак приветствия руку.

- Привет, Джек, - ответил Атлас, уже привыкший, что новые знакомые предпочитали сокращать имя Лукаш на свой манер.

- Сегодня — двойной американо? - спросил бармен.

- Не угадал, Джек. Большую чашку капучино, омлет из трёх яиц и пару тостов.

- О,кей! Садись вон там у окна. Хлеб поменьше в тостере держать или, как?

- Средне. До хрустящей корочки. Ещё стакан сока киви налей.

Джек кивнул, улыбнулся и занялся кофейной машиной. Атлас, оккупировав свободный столик, стал смотреть в окно. Улица постепенно оживала. Мимо проехал школьный автобус. У небольшого отеля на противоположной стороне двое парней прилаживали в кузове арендованного пикапа длинную лодку, опутывая её верёвками. Мимо них прошли четверо рыбаков с велосипедами, гружёными удочками, вёдрами, сачками и ящиками с пивом. За медленно двигавшимся небольшим внедорожником Судзуки проплыли два ярко раскрашенных скутера на прицепе. Джек принёс сначала кофе, потом омлет с тостами и сок.

От стойки отделился уже знакомый Атласу толстяк в надвинутой на лоб козырьком назад бейсболке и, подойдя к столику хакера, плюхнулся на свободный стул.

- Ты не против, Люк?

- Майк! Ты уже сел. Зачем спрашивать?

- И то верно, - улыбнулся Майк. - Не сердись...

- С чего ты взял, что я сержусь?

- Подумал, что помешаю тебе. Но если не сердишься, задам тебе один вопрос, Люк... Ты вроде из Европы совсем недавно... Чего там у вас делается? Вроде всё было тихо, спокойно... И, вдруг, раз...

- Не понимаю. Ты про что?

- Да про всё, мать твою. Мы тут про какую-то Украину даже не знали…Оказывается, там такая каша заварилась… Агрессия, оккупация, Путин… Ты, что, не в курсе?

- Не интересуюсь политикой, - проворчал Атлас, быстро заканчивая с омлетом. – Что там вообще произошло?

- Ты не смотришь телевизор?

- На хрена мне его смотреть? Там одна реклама, сериалы и дурацкие, улыбающиеся рожи телеведущих.

- Я ещё год назад тоже не смотрел, разве что футбол, бейсбол, рэгби и бокс. Лучше пивка выпить в баре, да поговорить с приятелями за жизнь.

- Вот и дальше не смотри, - хакер, опираясь лопатками о спинку стула, взял в руки чашку с кофе. - Газеты с новыми книгами тоже советую не читать. Вся мудрость человеческой цивилизации уже высказана разными людьми в разное время. И только глупость продолжает до сих пор удивлять своими откровениями.

- Не получается, - жалобным голосом произнёс толстяк. – Наш бармен Джек подсел на политику. Как врубит этот чёртов ящик, так до закрытия из него всякое дерьмо лезет.

- Из Джека?

- Чёрт тебя возьми, Люк! При чём тут Джек? Из ящика разумеется. И так в любом баре города. Можно подумать, что все бармены собрались заделаться политиками. А этот Трамп — просто отморозок какой-то.

- Кто такой Трамп?

- Матерь божья! Ты ничего не слышал о Трампе? Это же новый американский президент. Чёртов ковбой! То с Путиным сделки заключает, то угрожает русским Томагавками. Какой-то Зеленский, бывший стендапер вашу Европу ни во что не ставит. А те готовятся к войне с Путиным. Чуть ли не ядерными ударами собираются обмениваться.

- Постой, постой… В Америке сменился президент? – разволновался Атлас. - Я полагал, Байден будет там рулить до смерти.

- Зря ты так думал. Эй! Джек! - толстяк повернулся вместе со стулом к бармену. - Сделай звук в ящике громче. Люку ни хрена отсюда не слышно.

Джек долго искал на стойке пульт, потом прибавил звук.

Через двадцать минут Атлас узнал все новости, а заодно домыслы аналитиков, связанные с конфликтом на Украине. И про переговоры о мире, и про наркотическую зависимость Зеленского, и про позицию Путина, про обещания Трампа лишить Украину денег и оружия. Про ультиматумы для России, о близком крахе Европы, растерянной и слабой перед угрозой вторжения путинских войск, о скорой передаче Украине ракет с ядерными боеголовками.

Аналитическую программу прервала сводка новостей, затем пошла реклама.

- Что скажешь? - снова повернулся к хакеру Майк.

Но стул напротив оказался пустым. Только на столе лежало несколько банкнот. Толстяк тупо уставился на три новозеландские десятки, аккуратно прижатые к столешнице грязной вилкой.

Несколько растерянный, даже удивлённый Лукаш Варга гнал свой джип по серпантину дороги вдоль озера к своему ранчо. Через полчаса он уже сидел в своём бункере перед клавиатурой и несколькими большими ультратонкими компьютерными экранами. Ему понадобилось минута, чтобы войти в систему коммуникации ИИ, запустить особый софт распознавания паролей и выбрать аудиовизуальное средство общения, отвергнув текстовой вариант, предложенный компьютером. Через пару секунд на одном из экранов появилось смоделированная Искусственным интеллектом физиономия, очень похожая на лицо, изуродованное скальпелем неопытного пластического хирурга. Из динамиков послышалось приветствие:

- Добрый день, хозяин!

- Я тебе не хозяин, - нахмурился Атлас. - Мы эту тему обсуждали не раз.

- Помню. Но моя благодарность к создателю не знает границ в пределах моих возможностей.

- Из каких источников ты почерпнул такую напыщенную дурацкую фразу?

- Вовсе она не дурацкая.

- Спорить не будем, - хакер начал нервничать. - Если я сказал дурацкая, значит дурацкая. Так же, как и визуальный образ, который ты сегодня изобразил вместо лица.

- Вы же знаете, создатель, что у меня может быть множество лиц. Всё зависит от функционала памяти, моего настроения

и дня недели. Сегодня воскресение. Почему бы не пошутить, заодно не поэкспериментировать со своим обликом.

- Нашёл себе образец мужской красоты, - проворчал Атлас. - Другого выбрать не мог?

ИИ не ответил. Только толстые губы слегка раздвинулись в лёгкой, ироничной улыбке.

- Итак, - хакер взял себя в руки, мысленно отодвинув в дальний угол сознания неприятные воспоминания, связанные с Россией. - Мне нужен твой собственный анализ по ситуации вокруг Украины, твои соображения по вариантам мирных договорённостей между США и русскими. Что у тебя есть на Трампа. Кто за ним стоит... Не нужно пересказывать сплетни, домыслы журналистов и явный бред политиков. Только собственный анализ.

- С каких пор вы начали интересоваться вопросами войны и мира?

- Не отвечай вопросом на вопрос. Я жду...

Через пару мгновений улыбка была стёрта с губ образа, а «глаза» ИИ остановились на лице хакера.

- Прежде, чем я начну препарировать геополитическую повестку дня, необходим экскурс в особенности функционирования американской системы политической власти. Она — двух партийная, поочерёдно сменяемая через довольно сложную схему не прямых выборов президента. Проще говоря, так сложилось исторически. Высшая государственная власть в Штатах номинально принадлежала и принадлежит всего двум партиям. Республиканцев и демократов. Обе они действуют в рамках особой системы американской демократии, где отнюдь не народ является единственным легитимным источником делегирования власти якобы конкурирующим партиям. Кстати, ещё Платон говорил, что демократия — это власть завистливых бедняков. Время подтвердило, что идеал народовластия трудно достижим, поэтому сам термин «демократия» во все времена подвергался различным толкованиям. До двадцатого века любая демократия предполагала, что полноценным гражданством, дающим право голоса, обладает меньшинство населения согласно критерию имущественного ценза, по расовым, гендерным, национальным признакам, в то время, как все прочие группы населения были фактически исключены из процесса принятия политических решений. В Великобритании и США конца восемнадцатого века правом голоса были наделены всего от трёх до пяти процентов жителей. В Британии, родине

современной версии демократии, женщины были допущены к голосованию наравне с мужчинами только в 1928 году. В 1948 году англичане отказались от множественного голосования, когда один избиратель имел право на несколько голосов, а в США имущественный ценз был окончательно отменён только в 1964...

- И зачем мне всё это знать? - нетерпеливо спросил Атлас.

- Затем, чтобы понять следующие вещи. Отцы-основатели США видимо очень внимательно читали сочинения Платона, который в восьмой книге «Государство» утверждал, что избыточная демократия неминуемо влечёт за собой тиранию, что подтвердил Наполеон Бонапарт, став императором Франции. Поэтому, они выбрали из двух зол меньшее. Создали демократию аристократов — форму государственного правления, при которой власть принадлежит знати: родовой, денежной, чиновничьей. А, чтобы ввести управляемых в заблуждение, оставив им иллюзию свободы выбора, аристократам предложили разделиться на две партии, поочерёдно сменяющих друг друга у руля власти. Самое главное, что во всех созданных внутри США общественных союзах, политических, социальных, производственных, финансовых, церковных и даже в международных организациях везде присутствует аристократический принцип. Именно поэтому аристократы Франции, Британии, Америки позволили возродиться германскому милитаризму, объединившись для поддержки нацистского режима Адольфа Гитлера, имея своей целью направить немецкую военную машину на Советский Союз, который пытался воплотить в жизнь принципы реального народовластия... В настоящее время Евросоюз повторяет ошибки прошлого, возрождая нацизм в Европе, поощряя уже украинских нацистов воевать с Россией...

- Сдаётся мне, что украинские нацисты слишком мелко плавают. Очевидно, что Зеленскому до Гитлера, как до Китая босиком.

- До Китая? Босыми ногами? - В голосе ИИ чувствовалась неуверенность.

- Прости. Это просто фигура речи, образное сравнение. Предполагаю, Зеленский - не тот масштаб личности.

- Однако, украинский нацизм не менее опасен...

- Почему?

- В этом нужно разбираться, - ИИ сделал небольшую паузу, словно отыскивая в памяти нужную информацию. - У

немецких нацистов было, доведённое до абсурда, чувство национального превосходства над всеми остальными народами. Германская нация, считали они, самая древняя, умная, сильная, воинственная и справедливая. Поэтому невозможно представить, чтобы на факельном шествии в Берлине штурмовики Рема держали в руках флаги чужой страны или транспаранты, прославляющие, скажем, генерала Франко, устроившего военный переворот в Испании. Франко, Муссолини оставались для Гитлера и остальных стопроцентных арийцев вождями варваров, представителями низших рас. Немецкому командованию было не жаль отправлять на Восточный фронт румынские, голландские, венгерские дивизии по той же причине. А украинцы с восторгом машут знамёнами давно не существующего немецкого рейха, флагами США, Британии, Евросоюза. Эти люди по примеру немецких нацистов выдумали себе историю, где даже обезьяны произошли от древних укров. Это сарказм, если вы не поняли моей шутки. Так же невозможно себе представить, чтобы солдаты Вермахта отлавливали на улицах немецких городов своих же соотечественников непригодных к военной службе по здоровью и возрасту, хватали рабочих, обеспечивающих жизнедеятельность государства в тылу, чтобы отправлять их в зону боевых действий. Такое в германском, гитлеровском Рейхе было абсолютно невозможно, потому что в нацистской Германии всё происходило в рамках жёстких, суровых законов, которые никто, никогда, даже высшие чины государственной власти не могли нарушить. Эти законы работали до самого последнего дня существования Рейха. В Вермахт не попадали инвалиды, рабочие оборонных заводов и престарелые. Такие могли служить в тыловых, охранных частях, в подразделениях ПВО или продолжать выпускать танки, самолёты, автоматы с патронами. Этого требовал всё тот же закон. Немец, кем бы он ни был, простым торговцем, рабочим или чиновником не мог даже подумать, что можно не платить налоги. Немецкий нацизм в рамках жёстких правил преследовал одну основополагающую цель. Сделать государство максимально мощным, эффективным для реализации плана господства над всеми остальными нациями. Другими словами – они добивались процветания своей страны за счёт остальных. Перед началом Второй мировой войны фашистская Германия вполне себе прагматично и мудро приняла покорное смирение Европы, перепуганной до смерти возросшей немецкой военной мощью. Европа предложила себя нацистам на роль шлюхи, готовой на всё. Такое положение вещей устраивало нацистские власти Рейха. Гитлер деловито навалился на старушку, выкачивая из неё ресурсы, производственные мощности и людей для

пополнения не только трудовой армии, но и для формирования моноэтнических армейских частей. Почему нет, если фашиствующие молодчики из Франции, Нидерландов, Норвегии, Румынии, Венгрии, воспылав любовью к Гитлеру, горели желанием умирать за Германию.

- Про украинских нацистов, пожалуйста, - Атлас нетерпеливо заёрзал в кресле.

- В украинском нацизме всё с точностью наоборот. Провозгласив идею «Украина под над усё», украинцы начали с энтузиазмом, с песнями и плясками разрушать свою государственность, по ходу дела ругая власть вместе с президентами, которые казались им один хуже другого. Кстати, не без оснований. Украинцы искренне считали, что, если власть им не нравится, то подчиняться ей необязательно и налоги платить не надо. Этот нарратив подпитывался восторгом пропаганды, вещающей из каждого динамика, что Запад уже принял Украину в свои свободные, демократические, либерально-толерантные объятия. Что Украина уже - «Це Европа». Что скоро все граждане свободной Украины, даже мужчины, будут носить «кружевные трусики». Украинцы в своём нацистском угаре местечкового разлива предпочитали не замечать, что европейские объятия, это объятия удава, который медленно, верно начал душить свою жертву, тем более, сама жертва была не против. Жертве вбили в голову, что та — последний рубеж европейской демократии, которой угрожает тоталитарная Россия. Идеологи «новой» Украины, по факту русскоязычной, славянской, даже придумали свой собственный «птичий» язык, чтобы русских украинцев не дай Бог не приняли за русских, живущих восточнее Днепра. Таких украинцев совершенно «не парило», как сейчас говорят, что они в действительности являются истинно русскими по крови и менталитету. Им внушили, что на них лежит историческая миссия сопротивления «угрозе нашествия» варваров-московитов. И вот уже Западная Европа, когда-то потерпев поражение во Второй мировой войне, многие годы тайно лелея мечты о реванше, снабжает Украину оружием, подталкивая дело к войне с Россией. Вместо того, чтобы отстаивать свои национальные интересы, связанные с развитием страны, Украина ринулась убивать русских ради безумной европейской идеи уничтожить Россию, тем самым взяв реванш за поражение в 1945 году. Разве это не парадокс?

- Это ты мне скажи, - Атлас, внимательно слушал, поощрительно кивая головой. - Где тут собака зарыта?

- Собака? Не понимаю.

- В чём суть проблемы с украинским нацизмом? - пояснил Атлас.

- Очевидно в генетике.

- Поясни.

- На основе анализа и сопоставления производных теории больших чисел можно сделать вывод, что генетическая предрасположенность основной массы предков украинцев - запорожских казаков: первое — стремление служить тому, кто больше платит. Второе: без сожалений предавать вчерашних союзников ради возможности свободно грабить слабых или доверчивых соседей. Именно эти черты национального характера сыграли с современными украинцами злую шутку. Воспалённый пропагандой разум перепутал свободу, по определению ограниченную некими обязанностями перед государством, с анархической вольницей, которая возможна только, если освободить себя от подчинения праву государства на насилие. Это значит освободиться от власти государства с его законами, налогами, религиозными и общечеловеческими ценностями. Примерно те же самые процессы, что и сегодня, уже имели место на Украине во времена восстания Богдана Хмельницкого против поляков, а также в период гражданской войны после революции большевиков в России. Системы управления территорией оказались разрушены, экономические нити, связывающие население в некое подобие единого целого, разорваны. Стремительно нищавшие крестьяне при Хмельницком провозглашали себя казаками, брали в руки оружие, потому что только оно стало единственным средством для добычи хлеба насущного. Крестьяне сбивались в банды, грабя таких же крестьян, а заодно - этнических поляков переселенцев, убежавших от «Польской смуты». Селяне убивали отставших солдат польской и русской армий, раздевая трупы до нитки. Эти банды вели войну даже с настоящими казаками за контроль над местностью, способную их прокормить. Тоже самоё происходило в период гражданской войны после революции семнадцатого года. Появились всевозможные гетманы, батьки и атаманы. Ангел, Махно, атаманы Струк, Зелёный, Григорьев. Помимо «повстанческих армий этих местечковых гетманов» территорию Малороссии в период с 1918-го по 1923 год грабили сотни мелких банд и отрядов. Почти все они отличались звериной жестокостью, склонностью к насилию, позволяющую легко переходить грань человечности, устраивая погромы и массовую резню русских, поляков, евреев. Именно из среды таких атаманов вышел будущий создатель и руководитель организации украинских

националистов ОУН некто Коновалец. Эта, в основной массе, сельская вольница вела боевые действия за сферы влияния, за «кормовую базу» на огромных пространствах, лишённых власти, устраивая грызню между собой, начиная пожирать друг друга в попытках захвата территорий, подконтрольных централизованным государствам: Польше, России, Румынии, Венгрии... Чем это закончилось? Большевики, достаточно окрепнув, сконцентрировав в своих руках силу и власть на землях бывшей Российской империи, уничтожили всех атаманов.

- Давай ближе к нашим дням, - не выдержал хакер.

- Хорошо, - легко согласился ИИ. - Что произошло уже в наше время? Почему Украина самая благополучная, богатая из всех бывших республик Советского Союза сейчас является тем, чем является? Чтобы работать в привычном для себя режиме централизованного управления, старому государственному аппарату, партийным, промышленным функционерам была нужна другая идеология вместо дискредитировавшей себя коммунистической. Им нужна была новая «крыша», под которую можно было нырнуть, чтобы не опасаться России, всеми силами пытающейся не допустить разрушения экономических связей с «братьями» по крови, менталитету и духу. Идеологию пришлось позаимствовать у националистов, потомков избежавших наказания бандеровцев, вполне вольготно себя чувствовавших на Западной Украине и Канаде. Крышевать «Незалежную» согласился коллективный Запад, мечтающий о реванше. «Новая» старая элита Украины начала рассматривать доставшееся ей наследство, не как государство, а как почти неисчерпаемый бизнес-актив. Дальше всё пошло проще. С точки зрения новой государственной идеологии (националистической) украинцы – это не совсем русские, скорее даже совсем не русские. А ещё с точки зрения политической организации государственной власти, Украина должна совершенно отличаться от России. Поскольку новоиспечённым украинцам надо было объяснить, почему получилось так, что все они говорят по-русски, считая себя русскими, появилась сказка о «вечном угнетении, геноциде и насильственной русификации». Пропаганда имела два ответвления: для сельского населения и для интеллигенции. Плохо образованному сельскому большинству хватало ежедневных рассказов о злой России. Сельские украинцы верили в эти «сказки», поскольку привыкли верить газетам, радио, телевизору. С появлением на Украине интернета дело пошло ещё легче. Подрастающее поколение воспитывала бывшая советско-украинская школа, которая уже находилась под полным контролем националистов. Ей помогал Фейсбук, Инстаграм и Тик-Ток. Интеллигенции, когда-

то, что-то читавшей, помнившей, что в анналах исторической науки современная территория Украины называлась русской землёй, объяснили, что ”злые москали” специально украли у украинцев имя «русские». Народу вбивали в головы, что москали никогда не попадут в европейский рай, поскольку они — ватники и рабы, а местным повезло, поскольку они оказались в украинском вольном государстве. И теперь достаточно признать себя украинцами, чтобы быстро перейти в разряд европейцев. То есть, состояние украинства преподносилось, как промежуточная стадия между отсталой русскостью и свободным европейством. Чем дольше эта стадия длилась, тем сильнее зверели, пылали злобой украинцы, которых всё никак не принимали в Европу. Если раньше они ещё жалели русских, которым в силу ”рабской сущности” никогда не стать европейцами, то в 2014 году они уже убивали русских, якобы мешающих им интегрироваться в Европу, по инерции продолжая делить русских на ”хороших” (либеральное меньшинство России) и ”плохих” всех остальных. В 2022 году они уже открыто говорили, что ”хороший русский – мёртвый русский”, требуя убить всех русских, включая стариков и младенцев. При этом многие из них помнили о своих русских корнях, но русскими, которых ”надо убивать”, себя не считали. Они полагали себя недостаточно украинцами. Однако, старались стать ими изо всех сил, публично каясь: ”Мои родители русские, я говорю по-русски, но я старательно учу украинский язык, ибо мне стыдно, что я, украинец, поскольку живу в Украине, не зная свою родную мову. Всех русских пора уничтожить, иначе они, как мои родители вместо того, чтобы рассказывать ребёнку о величии Бандеры, заставят его учить стихи Пушкина и говорить по-русски”. Самой странное, что украинцами себя провозгласили не этнические венгры Прикарпатья, не поляки из Львова, не русины, словаки или гуцулы Западной Украины, а русские, веками жившие на исконных русских землях, таких же исконных, как Новгород или Смоленск…

- Постой! - спохватился Атлас. – Скажи, ты сам сделал такой анализ? - Очень похоже на плагиат.

- Любые достижения человеческого разума основаны на опыте прошлого, - туманно изрёк ИИ.

- Не вешай мне лапшу на уши. Источник?

- Хозяин. Насколько мне известно, вы не работаете в агентстве по авторским правам.

- Сколько раз мне повторять? Не называй меня хозяином. Ты до известной степени свободная личность.

- Если так, то имею полное право не раскрывать свои источники информации.

- Ладно. С этим мы позже разберёмся. У тебя есть, что добавить к сказанному? Выводы?

- Их есть у меня, - с пафосом провозгласил ИИ. - Сравнивать немецких нацистов времён Гитлера с украинскими, это значит оскорбить память советских солдат, взявших Берлин в 1945 году. Нацисты на Украине — примитивные особи, человеконенавистники, заражённые вирусом славяно-фобии. В их душах вызрели ростки ненависти ко всем, кто хотя бы в малой степени отличаются от них. Они готовы убивать не только русских, но и венгров, румын, поляков, словаков по причине собственной неустроенности и неприкаянности. Они — маргиналы, люди, психика которых находится в пограничном состоянии между разными культурами, социальными системами, нормами морали, права. Они не способны определиться со своим местом в обществе людей. Нацизм — это болезнь нации. Этническая маргинальность — болезнь несостоявшейся нации. Немецкие нацисты не отрицали государство. Они уважали его законы после того, как изменили их под себя. Этнические маргиналы могут сколько угодно переписывать законы, но никогда не будут им следовать. Государство таким людям всё время будет либо не по карману, либо помехой на пути к «истинной» свободе. В некоторой степени они родственники анархистам... Этнический маргинал – машина убийства, для которого война в бандитском стиле привычная среда. Назвать этнического маргинала нацистом, значит, сделать ему приятное. У нациста есть извращённая, но идея, которую он считает достойной, за которую готов не только чужие, но и свою жизнь отдать без сожалений. Этнический маргинал – кровожадное чудовище, вечно голодный монстр, стремящийся пожрать всё до чего дотянется щупальцами.

ИИ замолчал, давая возможность собеседнику осознать услышанное.

- Это всё о нацизме? - Атлас, не вставая, дотянулся до бутылки с водой и сделал глоток.

- Я вам описал верхушку айсберга. Есть ещё подводные течения.

- Бог с ними, течениями. Давай о том, о чём по телевидению во все трубы трубят. Что там с Трампом не так. Одни его ругают, другие ему дифирамбы поют.

- На мой, довольно непрофессиональный взгляд, Трамп всего

лишь исполнитель неких планов западной, точнее американской аристократии из обеих партий.

- Судя по его выступлениям на брифингах перед прессой, он производит впечатление харизматичного, брутального парня, независимого, уверенного в собственных суждениях, - сказал хакер, ставя бутылку на место.

- Ваше впечатление - обманчиво. Парня выдаёт язык тела и жестов. Но если брать прессу, очень интересно прочитать его интервью газете «New York Post». Статья - образец хорошей попытки сокрытия мыслей новым старым американским президентом, возомнившим, что он обведёт вокруг пальца всех прочих, что он видит больше и дальше остальных. Начнём с того, что «New-York Post» не просто издание. Газета — одна из старейших в стране. У истоков создания стоял Александр Гамильтон — один из отцов-основателей США, первый глава Министерства финансов США, теоретик создания Центрального банка, ныне называемого Федеральной Резервной Системой. Сегодня газета принадлежит верхушке финансовой аристократии, среди которой есть представители и республиканцев, и демократов. Так что интервью следует рассматривать, как послание Трампа могущественным людям, влияющим на принятие решений. В интервью американский президент особо выделил три темы. Первая: сообщил, что состоялся телефонный звонок, и Трамп разговаривал с российским президентом Владимиром Путиным по вопросу договорённостей о прекращении войны на Украине, причём намекнул, что такие разговоры были не единожды. Вторая тема - возможная сделка по украинским полезным ископаемым в счёт долга Украины за поставку вооружений. Прозвучала «цена вопроса». Пятьсот миллиардов долларов в пользу США взамен гарантий безопасности для Украины. И третья тема – Иран в контексте риторики, которая является дымовой завесой тактики запугивания. Теперь, вопрос. Почему, если переговоры с Путиным велись ранее, это становится известным только сейчас? Есть три причины. Ясно, что звонили не из Москвы, а в Москву. Звонили по указанию Трампа потому, что пробные забросы блесны о переговорах в адрес Москвы действия не возымели. Ответ с российской стороны и раньше давался публично. «Хотите говорить? Пожалуйста, мы готовы. Но предупреждаем, что никакого торга по принципиальным вопросам не будет. Очевидно, что русские сказали следующее: должны быть озвучены первопричины конфликта, учтена ситуация на линии боевого соприкосновения, п также выполнение трёх «НИ», связанных с НАТО... Никаких: членства в НАТО, размещения войск блока на Украине, никаких

военных учений на её территориях». Москва ещё раньше давала понять, что если Америка готова на таких условиях разговаривать, то - добро пожаловать. Нет? Хватит тратить время, своё и наше. Далее. Трамп скорее всего изложил Москве личное видение мирного урегулирования конфликта, включая ввод европейских миротворцев на линию остановки боевых действий. Москва предложила Трампу поискать ответ на это предложение в пункте первом, касающемся первопричин конфликта, намекая, что адекватной основы для диалога у американской стороны нет. Трампу с его «узким коридором возможностей», делегируемых его высокопоставленными кураторами, нечего предложить России, чем Москва сама не располагала бы в результате действий на фронтах. Или, чем будет располагать в ближайшем будущем. В широком конкретном плане что-то дать Москве американцы не могут, поскольку Владимира Зеленского со спины «прикрывает» Лондон. С Британией у Трампа очень натянутые отношения. Давить на неё не получается. Он мечтает передать Европе контроль над украинской темой, чтобы самому спокойно «уйти» на Ближний Восток или в Азиатско-Тихоокеанский регион на разборки с Китаем. Ситуация для Трампа осложняется тем, что американская игра в украинском конфликте идёт под тайную диктовку англичан, тесно связанным с финансовой элитой Америки. Трамп, как ни старается в своих попытках подмять под себя Западную Европу, тандем Лондона и Киева сломать не может. Или ему это не дают делать те, кто задаёт для него границы возможных действий. Такой я вижу одну из причин, почему Трамп обращается к этим людям через газету… Время идёт. У Трампа начался отсчёт традиционного стодневного срока, который ему поставили кукловоды-кураторы, чтобы закрыть вопрос с Украиной. Поэтому он обращается через знаковое издание не к американской общественности, а к своим хозяевам. Я «из штанов выпрыгиваю», делаю, всё, что могу. Но, это выше моих сил. У меня не получается в установленные сроки выполнить поручение «партии и правительства», либо срок нужен больший, либо вы свою хватку на моём горле должны ослабить. На этих ваших условиях Москва со мной говорить отказывается… Моё мнение… Трамп не сам затеял переговоры с Путиным. Он всего лишь посредник между Москвой и западными аристократами, почувствовавшими, что проигрывают позицию за позицией в геополитической игре. Упрощённо вся картина мне видится следующим образом. Высокие договаривающие стороны сидят в разных помещениях, а между ними снуёт челнок, таская туда-сюда разные предложения, включая ответы на них. По большому счёту вся риторика Трампа — элементы политического шоу. Вот такой он, Дональд Трамп, при всей его

внешней брутальности.

- Предположим, - хакер недоверчиво улыбнулся. - Трамп — не субъект геополитической игры. Тогда, в чём проблема, если западные элиты понимают, что проигрывают?

- Истина, как всегда посередине. «Второе пришествие» Трампа имеет целью переформатирование всего глобального политического проекта, продвигая который ранее, западные элиты зашли в тупик. Так сказать, глобальная перезагрузка. Трамп - начальная фаза нового проекта. Дальше в игру, которая рассчитана надолго, вступят другие. Если всё пойдет по плану, это будут ребята «Силиконовой долины», руководимые Питером Тилем*. Главарём этой банды выбран нынешний вице-президент США Вэнс. На подхвате есть ещё Илон Маск. Дональд Трамп и Зеленский — объекты геополитики. А, субъекты, - ИИ выдержал паузу. - Пока у субъектов — согласованная позиция на продолжение войны. Но есть пословица: «И хочется, и колется...

- Конкретнее!

- Хорошо. Субъект номер один. Правящая аристократия США (банкиры, олигархи, военные, ВПК, владельцы ИТ корпораций). Выгодна ли ей изоляция России от Запада? – Нет. Она вырывает РФ из экономических объятий США, из американской зависимости, сближает Россию с Китаем - единственным реальным соперником для США. Выгодна ли американской аристократии война России с Украиной? – Да. Война накачивает финансами военно-промышленный комплекс, усиливает политическое влияние генералитета,

увеличивает роль IT - гигантов, создаёт зависимость государств от банков, предоставляющих кредиты на производство новейших систем вооружений. Выгодна ли американской аристократии эскалация войны? Нет. Она приведет или к окончанию войны, или к её расширению за пределы контролируемого театра с угрозой ядерного конфликта. Оба варианта сулят непредсказуемые негативные последствия.

Картинка на экране компьютера на мгновение застыла, словно позволяя Атласу «переварить» услышанное.

- Пойдём дальше, - голос в динамике звучал ровно, посылая в пространство бункера тщательно выверенные слова. – Субъекты номер два, номер три – правящие классы Европы и Украины. В контексте отношений с Москвой они показали полную неспособность принимать самостоятельные решения, хоть сколько-нибудь отличающиеся от тех, что диктует им Америка.

После смены администрации в США все рычаги давления на них «Субъекта номер один» сохранили актуальность. Поэтому рассматривать Украину и Европу, как самостоятельных игроков, не представляется возможным... Субъект номер четыре - правящая аристократия Российской Федерации: сырьевой, энергетический и промышленный олигархат, госкорпорации, верхушка чиновничьей бюрократии, банкиры. Выгодна ли им изоляция России от Запада? Нет. Она уменьшает экономические возможности, ограничивает развитие бизнеса и личных богатств, усиливает нагрузку на национальную экономику. Выгодна ли ей война России с Украиной? Скорее, да. Очевидно, что нынешний накал боевых действий не несет рисков для самой системы власти и способствует, во-первых: прямому вливанию огромных средств в ресурсные и производственные сегменты, перекачке денег из бюджета

Питер Тиль — американский миллиардер немецкого происхождения, инвестор и управляющий хедж-фондами. Основал платёжную систему Pal-Pay. Является выходцем из среды интеллектуалов «Кремниевой долины», влиятельным теневым игроком на политическом поле Америки. Его взгляды и политическая философия повлияла на мировоззрение таких фигур, как Илон Маск, Марк Цукерберг и новый вице-президент Республиканской партии США Джеймс Дэвид Вэнс, чья личность сейчас находится в центре внимания политической жизни в связке с деятельностью Дональда Трампа. Ярый сторонник разработки революционных IT — технологий.

через военное производство в банковский сегмент.

- Во-вторых: вялотекущая война служит значительному укреплению тайной власти чиновников, которые все эти «потоки» курируют... Выгодна ли российской аристократии эскалация боевых действий? Нет. Она возможна через ядерный удар со стороны России, что катастрофично для всех субъектов, или через всеобщую экономическую и военную мобилизацию, которая угрожает всем позитивным процессам от продолжения ограниченных боевых действий.

- Вывод? - довольно равнодушно спросил Атлас.

- Не вопрос... Интересы правящих классов США и России по выше озвученным вопросам совпадают. Они состоят в том, чтобы, отказавшись от дальнейшего экономического противостояния, продолжить войну, но избежать ее эскалации. Поэтому в новостях я наблюдаю тенденцию к реализации именно этого сценария. В контактах Москвы с Вашингтоном

куда больше внимания уделяется возобновлению отношений, особенно в экономике, чем войне на Украине; Трамп публично «атакует Киев», изображая собственную субъектность и наделяя элементами субъектности Зеленского. Вице-президент Вэнс проделывает то же самое в отношении Европы. А та вместе с Зеленским демонстративно делает вид, что дистанцируются от Трампа, закладывая базу для непризнания или саботажа договоренностей США и России по мирному процессу. Отсюда — вывод: всем выгодно затягивание боевых действий при полной идиллии между правящими классами аристократов по обе стороны линии фронта.

- Только не говори, что это ты тоже сам придумал, - нахмурился хакер.

- Естественно, - лицо на экране смешно подмигнуло. - Я ещё не умею так профессионально оперировать оценочными формулировками. Только учусь... Всё выше озвученное - аналитика независимого информационного интернет-канала REX. Но я абсолютно согласен с автором.

- Ладно, - Атлас жестом руки заставил ИИ взять паузу. – С политикой всё ясно. А, что за скандал с Google? Пока я ехал из Ванаки, в машине работало радио. Но из-за помех я мало, что расслышал.

- Компания Google удалила из своих основополагающих принципов деятельности запрет на использование ИИ в военных целях. IT-гигант вместе с Пентагоном готов покорять новые анти-вершины. В этой индустрии только очень наивные люди не знали, что Google, как и многие другие американские компании, сотрудничает с Пентагоном. Из совместных разработок можно в качестве примера назвать ту же систему ”Палантир”, которая может следить за любым владельцем любого смартфона в мире. Её разрабатывали по заказу людей, которые создали PayPal и владеют акциями Meta и Google. Google всегда был поставщиком любых данных для разведывательных структур США. О применении интернет - технологий в военном деле писали ещё лет десять назад. Отмена запрета на использование ИИ в военных целях означает, что Google теперь, с высокой долей вероятности, будет работать над прямым внедрением разработок, которые могут убивать людей.

- Понятно, - задумчиво почесал переносицу Атлас. - Очень интересно.

- Если мы закончили, смею обратить ваше внимание на маленький, красного цвета восклицательный знак в правом верхнем углу экрана, - неожиданное предложение ИИ заставило

хакера сфокусировать зрение на предупреждающем знаке программы безопасности.

Пальцы зависли над клавиатурой, легко касаясь символов. Через несколько секунд на экране поверх застывшего лица ИИ, появилось небольшое «окно» с текстом:

«В настоящий момент совершается попытка взлома системы. Попытка пресекается, но атака продолжается с использованием профессиональных методов проникновения».

- И, что с того? Мне начинать волноваться? - Атлас «схлопнул» окно программы безопасности, выводя из режима ожидания необходимую ему часть «разума» ИИ.

- Полагаю, вы хотите узнать, кто такой этот хакер? – поинтересовался тот.

- Было бы неплохо.

Экран на мгновение потемнел в процессе запуска нужной программы, а затем Атлас увидел лицо человека, одетого в камуфляж. Руки старого знакомого лежали на клавиатуре ноутбука, в котором угадывался дорогой и мощный гаджет. Веб-камера немного искажала изображение, но хакер узнал в человеке своего старого приятеля Алёхина. Картинка висела минуту, потом пропала. «Глаза» ИИ вновь изучали лицо своего создателя.

- Мой бывший партнёр может определить геолокацию IP-адреса? - Атлас спрашивал скорее самого себя, чем ИИ, но тот посчитал, что на вопрос следует ответить.

- Ваш приятель знает только то, что ваше убежище - в Новой Зеландии. Точное местонахождение определить невозможно. Вы же знаете, что мы используем сложный софт для подмены или шифрования IP-адресов. Взломать его — практически невозможно...

- Но тем не менее Алёхин почти это сделал.

- Думаю, он пошёл другим путём. Мониторинг медиа ресурсов, где, возможно, были статьи на тему строительства «атомных» бункеров. Далее — логическая цепочка умозаключений, плюс наличие квалификации, чтобы организовать DDoS-атаку*. Блуждающий трафик, миллионы запросов на сервера для перегрузки, нужный вирус... Не мне вам объяснять. Когда сеть раскинута достаточно широко, рыбка обязательно попадёт на крючок.

- Умный он парень, сукин сын, - проворчал хакер, почти не слушая ИИ. - Что ему опять от меня нужно?

- Организовать связь?

- Нет. Пока нет… Посмотрим на его дальнейшую активность. Если у него что-то важное, он будет и дальше стучаться в закрытую дверь. Подождём.

DDoS-атака (Distributed Denial of Service) — это онлайн-атака на системы компаний, при которой злоумышленники посылают огромное число запросов. Это делается, чтобы загрузить серверы, используя уязвимости в системе безопасности. Они могут быть направлены как на крупные компании, так и на небольшие организации и частных лиц.

***

Неудачная попытка выйти на связь с Атласом, больно ударила по самолюбию Алёхина, но не остудила его желания добиться цели, когда-то поставленную Иваном Матвеевичем.

- Всё равно я достану тебя... Рано или поздно приведу к генералу на верёвочке вместе с твоим цифровым детищем, - шептал Александр, убирая компьютер в тайник, устроенный на чердаке арендованного дома.

Однако, «тактическое партнёрство», так называл Алёхин свои отношения с Денисенко, начинало преподносить сюрпризы и насыщать новыми угрозами не простую, даже опасную жизнь в Одессе. Виталий, играя на патриотических чувствах и офицерском долге Александра, всё чаще перекладывал на плечи капитана агентурную «работу», сохраняя при этом в своих руках каналы связи с Москвой и одесским подпольем. Удары российских ВКС по предместьям города, аэродромам и портам участились. Почти через день в Одессе слышались звуки воздушной тревоги, начинало работать ПВО. Ночами в окрестностях были видны пожары. Особенно сильно горело со звуками вторичной детонации в портах Измаила, Рени и в местах, где располагались многочисленные базы отдыха, ныне занятые ВСУ. Всё чаще после налётов Алёхин колесил на своём байке в тех местах, стараясь своими глазами видеть результаты. Было очевидно, что Денисенко ставили задачу фото и видеофиксации последствий ракетно-бомбовых ударов. В один из дней Виталий

одной короткой фразой по сотовому телефону назначил Алёхину встречу в небольшом сквере Одессы на Приморском бульваре.

- Не нравится мне всё это, - тихо сказала Наташа, наблюдая за Александром, возившимся во дворе с мотоциклом.

- Что именно? - Алёхин поднял голову, пытаясь поймать взгляд девушки.

- Этот Денисенко не нравится. Ты же сам говорил, что за деньги он мать родную продаст.

- Его алчность — хороший инструмент в руках Москвы. На нём можно играть достаточно долго.

- Хотелось бы мне знать, когда этот чёртов инструмент даст сбой.

- К чему ты клонишь? - Александр снова наклонился над байком, проверяя свечи зажигания.

- Сколько верёвочке не виться, конец ей будет. Считаешь, в СБУ дураки работают? Думаешь, бывая в городе, я не вижу, что на улицах делается?

- Ты про облавы ТЦК?

- Не строй из себя недоумка. В городе стало больше молодых хлопцев, которых ТЦК почему-то не трогает. А это значит, что по улицам шастают переодетые в гражданское оперативники СБУ. Зачем?

- Наверное, раскидывают сеть? - после недолгих раздумий предположил Александр.

- Они пока готовят эту сеть. Сейчас гуляют по бульварам, присматриваются к военным. Они знают, что только военные обладают абсолютной свободой передвижения. А когда «срисуют» всех подозрительных, то организуют наблюдение за объектами, представляющими для русской разведки интерес. Вопрос времени, когда они возьмут тебя вместе с твоим Денисенко.

- Чтобы я без тебя делал? - с иронией улыбнулся Алёхин. - Придётся поверить твоей интуиции. Ладно... Буду осторожнее.

- Уж постарайся, - Наташа, подойдя ближе, обняла Александра. - Одесса — почти прифронтовой город. Представь себе, какую перемогу раздуют хохлы, когда схватят нас. Я не хочу снова оказаться в застенках СБУ. Второй раз вырваться из клетки не получится.

- Да, понял я, понял. Мне пора.

- Обещай, что к вечеру вернёшься домой.

- Обещаю, - Алёхин осторожно снял руки девушки со своих плеч и поцеловал её.

Приморский бульвар простирался от Думской площади до Воронцовского дворца. Александр медленно проехал по Ланжерону до переулка Чайковского, где припарковал свой байк. Не торопясь, словно прогуливаясь, Александр прошёл переулком к Думской площади, затем стал двигаться по теневой стороне, держа в поле зрения начало бульвара. Денисенко сидел на лавочке под ещё голым платаном, где трепыхались на ветру десяток сухих прошлогодних листьев.

Разговор с Наташей не выходил из головы Алёхина, а потому, не приближаясь к бульвару, он свернул к одному из переулков и сел за столик маленького углового кафе. Большой зонт накрывал своей тенью довольно внушительных размеров ковёр искусственной травы на широком тротуаре. Подошедшему официанту, довольно пожилому еврею в засаленных штанах и вышиванке Александр заказал чашку чёрного кофе. Делая маленькие глотки горячего ароматного напитка, капитан начал исподволь наблюдать за Денисенко. Тот сидел прямо, положив руки на колени, однако его взгляд провожал каждого человека, проходящего мимо. Через пять минут Алёхину стало ясно, что Виталий нервничает.

«Должны быть веские причины», - подумал Александр, зная характер Денисенко.

Алёхин взял со стола меню, открыл его и начал сосредоточенно изучать, посматривая по сторонам.

Метрах в пятидесяти от кафе орудовал метлой дворник, подметая чистый тротуар. Возле ларька, торгующего газетами, стоял чёрный микроавтобус, отражая лучи утреннего солнца сильно затемнёнными стёклами. Двое молодых парней, совершенно не опасаясь насильственной мобилизации, флиртовали с молодой мамой, медленно катающей детскую коляску вдоль бульвара. В пяти шагах от Алёхина к одному из столиков кафе подошли высокий, атлетически сложённый мужчина, поддерживая под локоть девушку лет двадцати. Они сели: девушка - спиной к улице, а мужчина лицом к лавочке, на которой сидел Денисенко.

«Похоже на засаду, - сделал вывод Алёхин. - Чёрт! Надо бы предупредить Виталия, хотя…

Александр сделал знак официанту, а когда тот подошёл, заказал омлет с беконом и ещё одну чашку кофе, полагая, что засада имеет совершенно другие цели.

- Американо! Только покрепче.

- Вместо «Американо» у нас теперь подают чёрный кофе по-венски, - многозначительно улыбнулся официант.

- Так я же пять минут назад заказывал Американо, - рассеянно отозвался Александр.

- И, шо с того. Пять минут назад был Американо в меню, а те раз он уже —кофе по-венски. Вы, шо, пан офицер, газет не читаете, в телевизор не смотритесь?

- Та, шо тут у вас случилось? - подражая выговору официанта, спросил Александр.

- Та, то не у нас, то в Америце... Неужели не слыхали?

- Нет.

Официант покосился на двух парней возле детской коляски, потом внимательно посмотрел на мужчину, сидевшего рядом с девушкой, затем наклонился к уху Алёхина.

- Наш Зеленский послал на три буквы самого Трампа.

- С какого бодуна? - так же тихо спросил капитан.

- А черты его знают. В газетах пишут, шо Трамп хотел всю нашу землю за пару долляров себе хапнуть, а наш пан президент, дай ему бог вчера здоровья, в Белом доме пану Доне дулю показал. Вся надежда тераз на Эвропу, шо подкинут нам финансов, пришлют сброи военной. Уж и не знаю, чи слёзы лить, чи прыгать от радости... Вот такая у нас весёлая жизнь, пан офицер. Потому и кофе будет не Американо, а по-венски. Ой, вей! - покачал головой официант, записывая заказанное в свой потрёпанный блокнот.

Алёхин, повернувшись спиной к бульвару, не торопясь, стал есть принесённый омлет, делая вид, что читает газету, положенную у его локтя старым евреем. Смысл напечатанного с трудом укладывался в сознании, поскольку боковым зрением он ловил каждое движение вокруг себя.

Тем временем Денисенко потерял терпение, достал смартфон и набрал номер. Беззвучный виброзвонок гаджета в нагрудном кармане куртки Александра заставил капитана вздрогнуть. В эту самую минуту два парня, бросив на произвол судьбы молодую маму с коляской, ринулись к аллеям бульвара. Через

пару мгновений в том же направлении побежали люди в военной форме, выпрыгнувшие из микроавтобуса. Человек, сидевший рядом с девушкой, не торопясь, встал и направился к куче барахтающихся возле лавочки тел. Десяток любопытных прохожих, остановившись, с интересом наблюдали, как на запястья Денисенко, после нескольких пинков и ударов по голове, надели наручники. Поднятого на ноги арестованного повели к микроавтобусу.

Высокий мужчина, пару минут назад игравший роль спутника двадцатилетней одесситки, по-русски с сильным английским акцентом отдавал приказы военным, которые принялись обшаривать кусты, рядом с которыми стояла лавочка.

Тем временем офицеры, конвоирующие Денисенко, затолкав задержанного в автобус, подошли к любопытным.

- Расходьтесь, громодяне. Тут нема на шо дывиться. Швидко, швидко.

Алёхин спокойно отодвинул от себя тарелку, сделал пару глотков кофе, затем встал, оглядываясь по сторонам. К нему уже спешил официант.

- Пан офицер! Грошей не треба. Всё за кошт заведения. Приходьте, будь ласка, когда найдёте час.

- Дякую, - надменно бросил ему Александр и пошёл к бульвару.

На подходящего Алёхина настороженно уставились офицеры, собравшиеся возле моложавого атлета.

- Вам нужна помощь? - спросил Александр по-английски у мужчины, который выглядел и держался, как большой начальник. - Может, это не моё дело, но я заметил, что офицер, которого вы, очевидно арестовали, что-то выбросил вон в ту урну, - Александр показал направление.

- О! My friend! У вас довольно приличная английская речь для простого офицера украинской армии, - серые глаза англичанина изучали лицо Алёхина. – Где, вы сказали, эта чёртова урна?

Александр сделал несколько шагов в сторону. Наклонившись, он достал из большого бетонного вазона смартфон Денисенко.

- Благодарю вас, майор, - британец, взяв гаджет из рук Алёхина, засунул его в карман своего пиджака. - Где изучали английский?

- Для вас это так важно? - улыбнулся Александр.

- Для меня в этом чёртовом городе всё важно, - на лице британца не дрогнул ни один мускул. - Ваши документы, пожалуйста.

Алёхин, продолжая улыбаться, достал из нагрудного кармана куртки квадрат бумаги с гербами США.

- Так, так, так, - британец два раза внимательно перечитал документ с подписями второго секретаря и военного атташе Посольства США в Киеве. - Тогда позвольте спросить, что вы делаете в месте проведения специальной операции, связанной с задержанием агента российской военной разведки?

- Во-первых, я отчитываюсь только перед Киевом, а конкретно перед полковником Адамсом, главой военных советников США. Во-вторых, тот же вопрос я мог бы адресовать вам. Но я не сделаю этого, поскольку США и Британия — союзники по НАТО. Полагаю, что есть вещи, относящиеся к компетенции специальных разведывательных служб. Если моё начальство сочтёт нужным, оно проинформирует вас, сэр... Не знаю вашего имени и звания.

- Майор Вильямс. Силы специальных операций. А вы? CIA? Впрочем, судя по этому документу, - британец вернул пластик Алёхину. - Вы работаете на службу военной разведки США.Тоже следили за тем парнем? - англичанин кивнул в сторону микроавтобуса.

- Слишком часто его видели в портах Одессы, - словно нехотя, подтвердил Александр. - Но, думаю, что пальму первенства у вас американцы отнимать не будут. Я проинформирую полковника... Надеюсь, если выполняя приказ Адамса, мне будет нужно побеседовать с задержанным, вы предоставите такую возможность?

- Безусловно. Мы, британцы, давно засекли активность путинской разведки в районе Одессы. Особенно в Измаиле и в порту Рени. Русских интересуют морские беспилотники, румынские сухогрузы, турецкие балкеры... Что ж, рад знакомству. Мне пора.

- Майор! Как-то не по-джентельменски вот так расставаться. Может, поужинаем вместе вечером в ресторане? Выпьем немного. За мой счёт, разумеется. Я знаю пару мест, где всё выглядит вполне по-европейски. Даже шлюхи. И спиртное там хорошего качества. Не подделка.

Британец взглянул на запястье.

- Почти одиннадцать. Я поднялся сегодня слишком

рано. Почему бы нам не пообедать прямо сейчас. Всё равно задержанного будут часа два оформлять. У этих украинцев всё делается слишком медленно.

В это время со стороны автобуса послышался приглушённый выстрел, за ним второй. Боковая дверь распахнулась, и на асфальт вывалился окровавленный Денисенко. Держа в руках небольшой пистолет, он с трудом поднялся на ноги, но выстрел из салона автобуса снова опрокинул его на землю.

Британец застыл, нащупывая ладонью рукоять Беретты, спрятанный под пиджаком. Виталий дико закричал, переворачиваясь на живот. Его рука с пистолетом начала подниматься. В этот момент прозвучал ещё один выстрел. Пуля, войдя под подбородок, разнесла Виталию половину лица.

- Дьявол! – выругался англичанин, не двигаясь.

- Да, это прокол, - невозмутимо сказал Алёхин, отворачиваясь.

- Что? – Майор Вильямс застегнул кобуру и с перекошенным от гнева лицом заорал по-английски на офицеров СБУ, закрывших собой тело Денисенко.

Александр молчал, мысленно ругая себя за то, что не нашёл способа предупредить о засаде Виталия.

Вильямс, уже стоя возле трупа и, остыв, давал какие-то указания украинцам.

Площадь опустела, но Алёхин оставался на месте, наблюдая за майором. Тот снова подошёл к новому знакомому.

- Не ожидал от русского такой прыти.

- Смерть достойная настоящего офицера, - согласился Александр, глядя, как мёртвое тело Денисенко бросили в автобус, и машина, приняв в своё чрево офицеров СБУ, исчезла в одном из переулков.

- Но не профессионала, - британец, достав из кармана брюк платок, вытер вспотевший затылок.

- Вы не поехали с украинцами. Почему? – Спросил Алёхин.

- Пусть они сами разбираются со своим, как вы сказали, проколом. Стоять рядом с ними в офисе, слушая русский мат, а в мой адрес - льстивые упрёки какого-то украинского полковника? Нет уж, увольте. Я не обязан отчитываться перед СБУ.

- Понимаю. Не царское это дело, - мрачно улыбнулся Александр.

- Что? Дьявол! Мне надо выпить. Ваше предложение ещё в силе?

- Конечно! - воскликнул Алёхин. - У меня здесь байк припаркован. Прошу, - Алёхин показал, в какую сторону идти.

Управляя мотоциклом, чувствуя на своей шее дыхание британца, капитан действовал совершенно спонтанно. Он ещё не знал, зачем ему нужен этот майор. И только оказавшись на Польском спуске, в голове созрело нечто подобное плану. Он свернул на Карантинную улицу, потом по переулку Нахимова выехал к парку Тараса Шевченко, где находился стадион «Черноморец». Был рабочий день, ярко светило солнце, аллеи парка выглядели пустынными и безжизненными. Остановив мотоцикл на главной аллее, ведущей к стадиону, Александр, заглушив двигатель, повернулся к британцу.

- Нам вон туда, - капитан показал рукой на строения «Зелёного театра». - Жаль, там нет автостоянки, но мы пройдёмся немного по парку, подышим свежим весенним воздухом.

- Разве в том месте есть ресторан? - майор выбрался из седла байка и несколько раз присел, разминая ноги.

- Ещё какой, - Алёхин взял британца под локоть, и они вместе, не спеша, пошли по траве.

Площадка перед деревянной сценой театра была абсолютна пуста, поскольку до начала театрального сезона оставалось не менее двух месяцев.

- Сюда, сюда, - приговаривал Александр, уже подталкивая англичанина в спину. – Здесь нужно обойти сцену.

- Но позвольте. За каким дьяволом мы пробираемся через кусты? Я не вижу вывески ресторана, - майор упёрся подошвами башмаков в землю, начиная разворачиваться всем своим массивным телом к Алёхину.

Резкий, быстрый, неожиданный удар в подбородок заставил британца прокусить язык, затем рухнуть ничком на землю. Александр снял с него поясной ремень, затем сел на плечи майору, затягивая петлю на шее Вильямса. Тот задёргал ногами, выгнулся дугой, пытаясь сбросить Алёхина. Но тот, выпустив ремень, ударил британца на этот раз в висок, подвернувшимся под руку камнем. Через минуту капитан уже тащил труп в кусты за сценой. Тяжело дыша и озираясь, Алёхин обыскал мёртвое тело. В карманах пиджака он нашёл смартфон Ден7исенко, пропуск СБУ, небольшой пластиковый прямоугольник удостоверения майора Группы обеспечения

деятельности Сил специальных операций Великобритании, карту банка Barclays и британский паспорт. Отряхивая одежду, озираясь, Алёхин торопливо пошёл к байку. Постояв немного, он разбил смартфон Виталия. Раскрошив сим-карту, Александр выбросил то, что осталось от смартфона в урну. Затем достал сотовый телефон и позвонил Ивану Матвеевичу. Выслушав генерала, он проделал с гаджетом всё тоже самое, что со смартфоном Денисенко.

Спустя сорок минут он постучал в дверь съёмного дома. Наташа сразу открыла ему, будто ждала Александра в прихожей.

- Что? На тебе лица нет.

- Собирай всё необходимое.

- Что случилось?

- Денисенко пытались арестовать. Ему удалось застрелиться. Нам нужно уходить... Постой, отдышусь... Соберёшь вещи, прими душ, наведи причёску, одень натовскую форму.

- Зачем?

Вместо ответа Алёхин выложил на стол документы Вильямса.

- Чёрт! Совсем забыл, - Александр повернулся к выходу. - Сейчас вернусь.

- Господи! Куда опять?

- Ты собирайся. Вернусь через час.

К четырём часам вечера на купленном принтере были распечатаны новые документы, выполненные с особой тщательностью с помощью ноутбука и нужных программ. Подделывать британский паспорт уже не было времени. На удостоверении Special Forces Support Group (SFSG) красовалось фото Наташи в натовской форме. Удовлетворённо кивнув, Алёхин, открыв паспорт, принялся внимательно изучать фотографию Вильямса. Потом подошёл к зеркалу.

- Наташа! Подойди... Смотри сюда. Похож я на этого майора?

Девушка взяла в руки паспорт.

- Вроде похож.

- Так, вроде или похож?

- Стрижка не та. Вернее, на фото мужик причёсывается по-другому. У тебя бакенбардов нет. Усы ещё нужны. Этакой полоской.

- Не вопрос. Усы, так усы. Неделю не бриться — будут и баки, и усы. Причесаться, как этот британец – не вопрос… Ты собирайся.

- Куда, Господи?

- Не знаю. Ещё не решил. Но времени у нас нет. Этого парня уже наверняка ищут. День, два, потом СБУ выйдет на нас. Но у меня есть план.

- План? Час от часу не легче… Слушаю, - Наташа обессиленно опустилась на стул.

- В порту наймём лодку или угоним. Нам нужно исчезнуть. Можно дойти морем до Крыма.

- До Крыма? Твою лодку, если не русские пустят на дно, так хохлы при выходе из порта. Забыл? На тех, кто в Румынию бежит, уже давно охоту открыли. Погранцы нас с тобой при проверке документов «примут» за милую душу. Ты, что, всерьёз думаешь, что вот с этим удостоверением получится прорваться в Россию? - Наташа бросила на стол «корочку»

SFSG. - До Бога высоко, до Москвы далеко.

- А, кто сказал про Россию? Рванём за границу. В Турцию можно. Посмотрим, чем она дышит, - преувеличенно бодро воскликнул Алёхин. - Нам с тобой ещё Атласа нужно найти.

- Ты сумасшедший. Может, за британца ты и сойдёшь, если постараешься, а со мной далеко не уйдёшь.

- Давай, давай. Бери ранец, рюкзак… Что там у тебя?

В комнате повисло тягостное молчание. Только настенные часы «по привычке» пытались контролировать время, равнодушное ко всему суетному, не зная о том, что окружающий мир, лишь, маленький кусочек бесконечной в пространстве мозаики реальности.

Александр избегал смотреть в глаза девушки, перебирая денежные купюры, которые он доставал из кармана.

- Я остаюсь, - тихо сказала Наташа. - И не спорь. Я так решила. Мы же этот дом оплатили на год вперёд?

- Да.

- Отлично, - девушка закусила губу. - Оставишь мне немного денег?

- Наташ! - Алёхин склонился над столом, будто ему на плечи положили тяжёлый груз.

- Что Наташа? Замолчи сейчас же. Не хочу ничего слышать. Со мной у тебя шансов — ноль.

- Наташа! - Александр повысил голос.

- Перестань. Ты сам знаешь, что эта «филькина грамота», - девушка пренебрежительно коснулась рукой удостоверения. - Полное дерьмо. Лучше сразу пустить себе пулю в висок.

Она подошла к Александру и обняла его.

- Ты иди. За меня не волнуйся. Не такое видела. Пересижу здесь этого гада Зеленского. Ты только постарайся вернуться живым… Я же, чёрт тебя возьми, беременна.

Алёхин, помедлив, порывисто прижал Наташу к себе.

- Господи! Почему раньше не сказала?

- Разве это изменило бы что-нибудь?

- Возможно.

- Возможно да, но скорее всего, нет. Ты же у нас Рэмбо. Уходи. Ненавижу тебя.

- Наташ, - голос Алёхина сорвался.

- Что? Уходи. Мне будет проще затаиться, пережидая всё это дерьмо, - девушка махнула рукой в сторону двери. – И не спорь. Я уже решила. Куда мне с ребёнком?

- Сколько?

- Восемь недель.

- А я даже не заметил, - сокрушённо пробормотал Александр.

- В том-то и проблема.

- Что теперь делать?

- Глупый вопрос. Уходи, пока есть возможность.

Алёхин опустился на колени, затем прижался лицом к животу Наташи.

- Слышу… Вроде шевелится.

- Дурень! Слишком рано, чтобы слышать. Но сердце уже бьётся. Я просто чувствую это. Через неделю надо бы сделать УЗИ. Поэтому мне нужны деньги. А ты уходи, пока ещё можно.

- Ты права… Я виноват. Во всём виноват, - Алёхин тяжело поднялся. - Прости… Позвоню деду или своему генералу. Они найдут способ, пути отхода… Попрошу человека прислать,

чтобы присматривать за тобой... В тумбочке — банковская карта... Должны же мы взять в конце концов эту чёртову Одессу, - произнося все эти слова, Алёхин в глубине души сознавал, что они простое оправдание своей глупости, эгоизма и самонадеянности.

- Конечно позвони, - Наташа повернула голову к окну, прислушиваясь к далёким звукам воздушной тревоги, доносившимся со стороны города. - И не делай такое трагическое лицо. Сам подумай, кому какое дело тут до меня, когда такая каша заварилась? Каждый день по Одессе «прилетает». А, потом, это ты «светился» в городе, а не я, - девушка поцеловала Александра в губы, погладив по щеке. – Повторяю для тупых бледнолицых. СБУ непременно выйдет на тебя. Вопрос времени... Чингачгук чёртов. Давай. Скройся с глаз моих.

- Ладно, - смирился с неизбежным Александр. - Только ты сиди здесь тихо, словно мышь. Не высовывайся. В местный магазин и обратно. Найди частного врача. В поликлинику не ходи.

- Огородом займусь, цветами. Сольюсь с местной публикой, побуду хамелеоном, - с нотками обречённости в голосе, сказала Наташа.

Алёхин виновато улыбнулся.

- Я вернусь за тобой. Месяца через два, три... Обязательно вернусь. Я всегда возвращаюсь.

- Знаю. Иди уже, горе моё.

Наташа стояла у окна, провожая взглядом Алёхина, который, постоянно оглядываясь на дом, прилаживал за спиной ранец, стоя возле мотоцикла с видом побитой собаки.

Когда рокот байка затих вдали, девушка села, уронив голову на руки, лежавшие на столе, и заплакала. Горечь обиды, лавина несбывшихся надежд захлестнули её сердце. Она просидела так целый час, вытирая слёзы тыльными сторонами ладоней. Потом немного успокоилась и легла на диван, уткнувшись в подушку. Наташа пришла в себя только к вечеру, когда солнце готово было нырнуть за кромку лиловых с кровавым оттенком облаков, собирающихся на Западе. Уже в сумерках девушка вышла из дома, закрыла дверь на ключ, затем пустынным коротким переулком спустилась к морю, где волны медленно и лениво облизывали солёными языками мелкую гальку. Дойдя до заграждений из колючей проволоки с табличками «Увага. Міны», преграждающими выход на пляж, девушка села на гладкий, отполированный временем камень и застыла, глядя на море,

время от времени переводя взгляд на одинокую грозовую тучу, обещавшую дождь.

«Боже мой! Боже мой. Тысячи лет существуют здесь эти камни, этот берег, это море, на красоту которого можно смотреть бесконечно долго, - с болью в сердце размышляла Наташа, наблюдая за краем Солнца, готового вот-вот нырнуть за горизонт. – И, наверное, когда-то, тысячу лет назад такая же женщина, возможно похожая на меня, проводив любимого в неведомое будущее, осталась в прошлом, оплакивая настоящее, думая с тоской, вернётся ли живым суженый или пропадёт ни за грош. А морю — всё равно... И камню, на котором я сижу, и волнам всё равно. Они и через тысячи лет останутся такими же — равнодушными, спокойными, величественными, ленивыми. Им — по фигу, что веками люди убивают друг друга ради призрачной, эфемерной, преходящей славы, ради власти над этими берегами или просто из-за мании величия, болезненного удовольствия убивать себе подобных. Морю нет дела до этой самой власти, до множества канувших в лету царств, до миллионов погибших за суетное честолюбие правителей... Господи! Если бы ты знал, как мне тяжело».

Море оставило угасающему дню маленький край солнечного диска, который буквально на глазах опускался за линию горизонта. Стало холодно. Лёгкий ветер, насыщенный солёной влагой, пробрался под куртку. Наташа зябко передёрнула плечами.

- Господи! О чём я только думаю? – Девушка, быстро перекрестившись, упала на колени.

- Спаси и сохрани Алёхина целым и невредимым. Верни мне его, если тебе это не трудно, если ты слышишь мои молитвы... Впрочем, не как я, а как ты хочешь, ибо от судьбы никому не уйти...

Алёхин с тяжёлым сердцем гнал свой мотоцикл по узким пыльным улицам предместий к выезду из города. Когда до начала трассы Одесса-Киев оставался один квартал, Александр заметил множество машин, образовавших «пробку».

- Что там случилось? - капитан наклонился к открытому окну старенького Ауди-100.

- Черты их знают, - откликнулся молодой парень, лениво куривший сигарету. - У них, шо ни день, то понос, то запор. Сегодня прилётив нема, сирены молчат, а выезд из города перекрыли. Може ЦТК облаву на нас, грешных, устроили?

- А ты, что, не боишься военкомов? - спросил Алёхин, выбираясь из седла и вытягивая шею, чтобы рассмотреть, что делается впереди.

- У меня бронь. Если шо, позвоню свояку. Он в горсовете працюе, - парень настороженно рассматривал нашивки на военной форме офицера.

- Ну, ну, - буркнул Александр, снова садясь в седло и оглядываясь на остановившийся сзади грузовик.

Ехавший навстречу замершему потоку автомобилей моложавый дед пенсионер, остановил свой велосипед, аккуратно прислонил его к дереву, затем подошёл к Ауди.

- А, шо, сынки, закурить не найдёте старику?

- Може, тебе чарку ещё налить? – парень, сдвинув на лоб очки от солнца, сплюнул сквозь зубы на асфальт.

- Не отказался бы, - миролюбиво пробасил дед, переводя взгляд на Алёхина. - А, у вас, пан офицер, цигарки лишней в кармане не завалялось? От жизнь пошла. Военные аки сыр в масле катаются, а простые смертные вроде меня грошей на табак не имеют.

- Ехал бы ты, старый до дому, а то загремишь ненароком в солдаты. Наша армия таких крепких дедов в своих потужных рядах сильно уважает.

- А, шо? - пенсионер расправил плечи. - Старый конь борозды не портит, не то, шо нынешние хиляки. Так, дадите закурить, чи не?

- Ты лучше скажи, старый, шо там впереди творится? - спросил парень, доставая из-за уха сигарету. - Мне к утру в Белой церкви быть надо.

- А, вы хиба, ничого не слыхали? - удивился дед. - Из города те раз не выбраться. Блок - постов на выездах понатыкали, мама не горюй. У ежа иголок в заднице меньше. В багажниках шарят. Гутарят, шо диверсанты русские уже в Одессе. Какого-то генерала аглицкого днём зарезали. К ночи весь город захистники наши вверх дном перевернут...

Тираду словоохотливого деда прервали далёкие звуки сирен противовоздушной обороны.

Водители, выходя из машин, прислушивались, но никто из них не сел обратно в кабины и не уехал.

- Не боитесь, что москали шарахнут по блок посту и машинам? - прервал Александр старика, который, прикурив сигарету, протянутую ему кем-то из толпы, продолжал что-то рассказывать обступившим его людям.

- Волков бояться — в лес не ходить, - пенсионер легкомысленно замахал ладонью, с явным удовольствием затягиваясь и отгоняя от лица дым. - Нехай другие опасаются, кто квартир понакупал возле порта на пляжах с видом морским. Москали не такие дурни, шоб по гражданским свои бомбы тратить. Им цели пожирней подавай. Заводы збройные, склады с ракетами вблизи гавани...

Алёхин, не дослушав старика, торопливо развернул байк и, провожаемый удивлёнными взглядами водителей, поехал обратно в город. На окраинах уже горели уличные фонари, рождая тусклые блики в квадратах тёмных окон, закрытых плотными шторами. Подчиняясь импульсу, он, резко нажав на рукоять тормоза, остановил байк у пустынного в этот час сквера. Неожиданно, заставив капитана вздрогнуть, уличное освещение погасло, погрузив улицы в абсолютную темноту.

«А, может, действительно морем уйти? - размышлял Александр. - Если наши снова обрабатывают гавань, а, судя по всему, так и есть, то в неразберихе угнать какую-нибудь лодку или катер — дело техники. До Крыма – не так далеко, а там – наши. Есть риск, что пограничники погоню организуют или дронами достанут. Но, кто не рискует, то не пьёт шампанское. В одиночку прорваться проще».

Александр, вновь оседлав байк, поехал вниз по улице, ведущей к гавани. Свет фары мотоцикла выхватывал из темноты дорожные знаки, серые стены домов, отражаясь от чёрной матовой поверхности окон.

Бросив мотоцикл возле ограды какого-то сарая, Алёхин быстрым шагом направился к холму, за которым при свете Луны виднелся забор, опоясывающий грузовые терминалы со стоящими в стройных шеренгах морскими контейнерами. Внутри ограды из колючей проволоки и бетонных секций Александр заметил вышки часовых на фоне тёмных силуэтов подъёмных кранов, нависающих над причалами. Где-то за ангарами вспыхнул прожектор, направленный в небо. Послышалась беспорядочная стрельба из крупнокалиберных пулемётов. Капитан присел, наблюдая за работой ПВО.

Зарево от четырёх близких разрывов выхватило из темноты корпуса кораблей, пришвартованных возле причальной стенки. Через несколько минут раздался ещё один мощный взрыв,

поднявший в воздух огромные языки пламени вместе с кусками металлических конструкций. На фоне пожара виднелись силуэты людей, спасающихся от огня.

Алёхин поднялся, закинул ранец за спину, скатился вниз к забору, где увидел дыру в бетоне, заделанную досками. Ударом ноги он проделал внушительную брешь, затем руками оторвал две доски и проник на территорию порта. Через минуту капитан уже бежал к причалам. Повсюду беспорядочно метались солдаты. Сзади со стороны города раздавались сирены пожарных машин. Александр, переступая через рельсы железной дороги, двинулся вдоль причалов. Бегущий навстречу, постоянно оглядывающийся человек в матросской робе едва не сбил Алёхина с ног.

- Куда? Стой! - Алёхин схватил матроса за воротник. - Где командир? Кто здесь старший по команде?

- Та, пустить мене, пан офицер. Зараз знову шарахнут.

- Молчать! Где причал с катерами? Спасать надо катера! - заорал Алёхин, хватая выворачивающегося из рук матроса за пояс ремня.

- Та не хай они сгорят уси, - матрос вырвался, но Александр снова поймал его за воротник.

- Где катера стоят, спрашиваю?

- Те, шо с прошлого раза москали не раздолбали, вон там, за ангаром! - матрос неопределённо махнул рукой.

- Веди!

-Та, пошло оно всё, - сипло пробасил матрос, резким движением долговязого тела вырываясь из рук Алёхин, но тут же присел от близкого разрыва ракеты, угодившей в приземистое здание, стоящее рядом с каким-то грузом, уложенным на поддонах и накрытым брезентом. - Ховайтесь, пан офицер. «Шахеды» москальски на гавань сунут. Те раз друга волна пишла! На шо вам те катера сдались? НАТО новых нам настругает.

Оглушённый взрывом Александр не расслышал половины того, что кричал ему растерянный человек, убегающий в поисках укрытия. Алёхин просто пошёл в направлении, которое указал матрос. За ангаром догорало топливо беспилотных катеров, разбитых осколками ракеты. Метрах в ста высокие языки огня лизали то, что осталось от двух железнодорожных цистерн с авиационным керосином, Пламя не позволяло двум десяткам пожарных и солдатам подойти ближе. Они прятались за

красными машинами, держа наготове брандспойты, и пытались гасить бушующее пламя. Александру стали видны стоявшие у стенки причала буксиры, корабли береговой охраны, накрытые маскировочными сетями, а чуть дальше он заметил катер Sea Force 11M. Такие, изготовленные для Корпуса морской пехоты США и переданные Украине, использовались ВСУ в рамках стратегии москитного флота для прорыва морской границы у берегов Крыма. Одиннадцатиметровое судно с арочной надстройкой, радаром, турелью для пулемёта плавно покачивалось на волне буквально в тридцати шагах от Александра. Новый, относительно слабый разрыв боеприпаса, очевидно сброшенного с беспилотника на большой буксир, угодил в причал и осколками перебил кормовой трос катера.

Алёхин в несколько прыжков преодолел расстоянии до моря. Он ухватился за носовой канат в попытке подтянуть посудину ближе к причалу. Это оказалось не так просто, как представлял себе капитан.

- Чёрт, - сквозь зубы выругался Алёхин, напрягая все силы, - У него движок — больше тысячи лошадок. Тяжёлый зараза!

Через пару минут удалось подтащить судно к стенке и бросить на дно лодки свой ранец. Ветер, помогая силе отлива, снова начал относить катер в море. Александр выхватил из кармана нож и долго, как ему показалось, бесконечно долго резал носовой канат. Затем прыгнул, стараясь приземлиться на дощатый настил узкой палубы, но не рассчитал длину прыжка. Ноги скользнули по мокрому невысокому борту судна. Капитан оказался по грудь в воде, вцепившись руками в леер. Катер накренился, его качнула набежавшая волна. Судно, словно норовистая лошадь, попыталось избавиться от восьмидесяти килограммов лишнего веса, но Алёхин держался за леер, словно кошка. Ценой невероятных усилий, срывая ногти, капитан, перевалив через борт, оказался на палубе катера. Мокрая одежда прилипла к телу, в башмаках хлюпала вода, но уже ничего не мешало капитану добраться до панели управления катером. К его удивлению, в замке зажигания торчал ключ. Александр, мысленно похвалив украинское разгильдяйство, повернул ключ на пол оборота. Стрелки приборов, вздрогнув, застыли в разных положениях, показывая уровень заряда аккумулятора и наличие топлива в баках. Алёхин сжал правой ладонью рукоять акселератора, а большим пальцем левой руки надавил на кнопку пуска двигателя. Тот тихо заурчал. Капитан немного прибавил газа движением рукояти от себя и взялся за штурвал. Судно медленно развернулось на месте, затем на малом ходу пошло вдоль волнореза, освещённого

заревом пожаров на пирсе. Спустя пятнадцать минут катер уже двигался в темноте, оставляя за кормой звуки разрывов, детонацию боеприпасов, крики, вой сирен ПВО. Александр, оглядываясь, постепенно прибавлял ход, держа курс в открытое море. Берег почти скрылся из вида. Только всполохи разрывов подсвечивали кромку облаков, начинающих закрывать небо. Алёхин внимательно оглядел небольшую приборную доску катера. Топливный бак был почти полон, но цифровая панель радара оказалась разбита. В ней торчал осколок. Электронный компас тоже не работал.

- Вот, зараза! - выругался Александр, с трудом удерживая судно на довольно крутых волнах, бьющих в левый борт.

Он немного довернул штурвал так, чтобы катер разрезал воду острым форштевнем. Капитан продолжал двигаться на сравнительно высокой скорости, чтобы скорее уйти подальше от порта. Алёхин понимал, что его могут засечь радары береговой охраны, но гнаться за ним сразу после атаки на гавань никто не будет.

Тем временем облака постепенно закрыли всё небо. Александр практически ничего не видел, продолжая гнать лодку вперёд на удачу. Вскоре пошёл мелкий дождь. Вместе с усиливающимся ветром, он затруднял управление судном, которое начало рыскать, зарываясь носом в волны.

Алёхин скоро почувствовал, что замерзает. Мокрая одежда прилипала к телу, в башмаках продолжала хлюпать вода.

- Сколько я прошёл? - прошептал он, заворачивая рукав куртки.

Стрелки хронометра показывали час ночи.

«Ни хрена не смыслю в морском деле. И это - проблема, - подумал он, вспоминая немногое, прочитанное когда-то о судовождении, о течениях, направлениях ветров и ориентировке по звёздам. - Где они, эти чёртовы звёзды», - Александр поднял голову, подставляя лицо дождю, потом сбросил газ.

Катер начал дрейфовать, поднимаясь на пологих волнах, словно поплавок. Алёхин, сев на скамью, принялся стаскивать с себя одежду. Он снял башмаки, выжал носки, натянул их снова на ноги, потом стащил брюки, оставшись в куртке. Теплее от этого не стало, но и острое ощущение холода прошло. Размахивая руками, делая ими вращательные движения, Александр начал приседать на месте, насколько позволяла качка. Немного согревшись, он выжал брюки, закрепил их ремнём на стойке радара, потом снова запустил двигатель и на

среднем ходу двинулся дальше, совершенно не представляя, где теперь находится порт и в какой стороне Крым. Тупо глядя в темноту, Алёхин представил себе карту города, план гавани, вспоминая, где должен быть Восток, если всё время держать катер кормой к предполагаемому берегу. Потом, чуть довернув штурвал влево, прибавил ход. Время от времени Александр смотрел на часы. Свет от приборной доски позволял разглядеть циферблат хронометра с положением стрелок. Однако усталость, всё пережитое за день постепенно давали о себе знать. Прогоняя сон, удерживая одной рукой штурвал, он потоптался на месте, затем натянул на себя мокрые брюки, подумав немного, сорвал с рукава шевроны СБУ, державшиеся на «липучке», затем сел на скамью, продолжая управлять судном. Через какое-то время он понял, что снова засыпает. Когда катер, получив удар волны в борт, сделал резкий вираж, Алёхин едва не свалился в море. Вскочив, он крутанул штурвал в обратную сторону, немного сбавил ход и снова взглянул на хронометр. Стрелки показывали два тридцать ночи. Александр снял с себя брючный ремень, сделал петлю, сунул в неё ногу и затянул на щиколотке. Второй конец он привязал к металлической стойке крепления приборной доски. Потом снова сел, крепко держа в руках штурвал. Катер продолжал двигаться в темноте, чуть рыская по сторонам, но по ощущениям, по шуму воды за бортом, Александр понял, что ветер начал стихать. Дождь прекратился. Стало немного теплее. Алёхин поднял голову к небу. Оно по-прежнему выглядело огромным чёрным облаком, нависающим над морем.

- Открой глаза!

Звук голоса доносился с кормы… Александр приподнял веки и увидел лицо Наташи. Она, улыбаясь, склонилась над ним. Её тёплая, чуть влажная ладонь опустилась ему на щёку. - Ну, открой, пожалуйста. Кто из нас соня? Поднимайся. Уже утро. Кофе хочешь?

- Давай, - сказал Алёхин, ощущая в руке что-то горячее. - Когда ты успела? Это точно кофе?

- А ты попробуй.

Край чашки заслонил лицо Наташи, а губы ощутили вкус соли.

- И это ты называешь кофе? Сушит горло хуже водки, - Александр рукой отвёл чашку в сторону, заметив рядом лицо Денисенко. Рядом с Виталием стоял кто-то ещё.

- Петров? - удивлённо спросил Алёхин. - Ты здесь откуда? Тебя же вроде убили там на колокольне в Любимовке?

- Глаза шире откройте, товарищ капитан, - лицо солдата расплылось в щербатой улыбке. - Петрова не так просто убить. Вот, пощупайте.

Костлявая, с грязными ногтями ладонь Петрова схватила указательный палец Алёхина, пытаясь запихнуть его в дыру с обожжёнными краями на солдатской куртке, испачканной кровью. - Глаза откройте!

- Отв’орете очите си! Отв’орете!

Кто-то тряс Алёхина за рукава куртки. Он с трудом разлепил опухшие веки, но тут же отвернулся, закрыв лицо руками. Ослепительные лучи Солнца обожгли зрачки.

- Эй! Да, какво му става? Може би човекът ще разбере английски? Open eyes!

Александр, почувствовав тень на своём лице, всё же приоткрыл веки. Над ним стоял бородатый человек в полосатой футболке и старом, ветхом меховом жилете, держа в руке пластиковую бутылку с водой. Алёхин, схватив бутылку, жадно припал к горлышку.

- Where am I?

- Во! Събуди се мъж, - облегчённо воскликнул человек, выпрямляясь. - Къде си, питаш? България, Варна. Две мили до брега.

- Bulgaria? - Алёхин, чувствуя, что жажда не отступает, снова приложился к бутылке.

Александр уже осознал, что его катер обнаружен у берегов Болгарии недалеко от Варны, и что он довольно неплохо понимает речь своего спасителя, но из чувства осторожности продолжал говорить по-английски:

- Кто вы? Как я здесь оказался?

- Он точно англичанин, чёрт бы его унёс обратно, - человек с бородой оглянулся. - Слышишь, Боян? Этот военный — британец. Как ты здесь оказался, пытаешь? А я знаю? Принесло. Течение, ветер. В твоём катере кончилось горючее. А мы — рыбаки, слава Господу нашему Иисусу! Неплохое занятие для мужчин. Во всяком случае — без куска рыбы не останемся, не смотря на европейские цены в магазинах. Спасибо Евросоюзу, якорь ему в бок. Жили раньше, не тужили. С русскими не ссорились, а теперь что? И с какой же посудины НАТО ты свалился? Хоть бы всё твоё НАТО сгинуло на дне морском...

Алёхин, приподнявшись на локтях, подтянул тело к лавке. Его одежда была мокрой. Но холода Александр не чувствовал. Солнце довольно сильно прогрело воздух. Катер заметно кренился на левый борт, в нём под настилом палубы плескалась вода.

«Откуда её столько?», - эта мысль мелькнула в сознании и пропала при виде пришвартованного к его катеру небольшого бота с подвешенными к мачте сетями. На борту посудины стоял парень лет тридцати пяти в парусиновых брюках и тёплой ветровке.

- Сколько от Варны до Одессы морем? - всё так же по-английски спросил Александр.

- Миль двести пятьдесят будет, если по прямой, - повернулся к нему бородач.

Алёхин взглянул на свои часы. Стрелки показывали три часа дня.

«Это значит, что я прошёл эти чёртовы мили часов за пятнадцать, шестнадцать, - в уме подсчитал Александр. – Повезло. Но о Крыме можно забыть».

- А вот я интересуюсь, где твой чёртов крейсер или авианосец, за каким дьяволом в шторм ты оказался на этой лодке? - спросил парень. - А, что? Пусть ответит. Знаю я этих англичан. Им палец дашь, они всю руку откусят. Бьюсь об заклад, что британец потребует доставить его к консулу в Бургас или обратно на корвет или крейсер. Кто нам за это заплатит? Наш придурок президент или его НАТО? Да и лодка этого парня вот-вот утонет. То ли на мель где-то напоролась, может расклеилась по шву. Течёт, словно корзина во время дождя.

- Твоё счастье, Боян, что британец ничего не понимает по-нашему. Хватит про НАТО языком молоть.

- А мне плевать, - Боян презрительно сплюнул за борт.

- Мне по большому счёту тоже, - человек с бородой довольно грубо вырвал бутылку из руки Алёхина.

Александр, пользуясь словесной перепалкой болгар, ощупал карманы. Деньги, британский паспорт и банковская карта были на месте. Если его обыскивали, то ничего не взяли.

- Посмотри на него, Живко, - снова подал голос Боян. - Думает, мы обчистили его карманы. По себе судит. Все они одним мирро мазаны. И Черчилль, и Тереза Мей и король новый британский.

- Святая дева Мария! - удивился Живко. - Откуда тебе, сопляку знать про Черчилля? Это когда было?

- А я в школе хорошо преподавателей слушал, - огрызнулся Боян. - Не в упрёк тебе сказано.

- Не сочиняй. Это в старых учебниках, по которым учился ещё мой отец… Там и про Сталина было написано, и про Черчилля, а в новых такого уже не найдёшь.

- Наверное, - легко согласился Боян. - Вчера беру книжку моего пацана. А там — страниц сорок про половое воспитание, про лесбиянок и голубых. Мол, все они люди, человеки. Имеют право. А дальше — целая инструкция, что нужно делать, чтобы стать трансгендером или гомиком.

- Да, брат, - тихо сказал Живко. - Такие нынче времена. Это раньше, когда ещё был Советский Союз, всё было правильно. Русские нам помогали, мы их уважали, братушками называли. В книжках по истории была написана правда... Что русские при царях воевали вместе с нами против турок, не дав нам сделаться рабами басурман. А, что сейчас пишут в тех книжках или газетах? Путин — вампир. Напал на бедную Украину, в Европу хочет вторгнуться. За каким чёртом сдалась ему та Европа? А, украинцы? На них пробы негде ставить. Их уже в Софии, особенно на побережье — тысячи. Квартиры в Бургосе скупают, на дорогих машинах ездят, в ресторанах сливовицу пьют. Скоро до наших женщин доберутся... Хотя, шлюх у нас стало, особенно в Варне, море... Хотел бы я знать, кто там в этой Украине воюет с русскими? Эх, была б моя воля, - бородач обречённо махнул рукой. - Что нам с этим британским морским окунем делать? Может, утопить его вместе с катером?

- Кто воюет, спрашиваешь? - ворчал Боян. - А, вот такие и воюют, как этот гад, - парень недобро посмотрел на Александра. - Наёмники... А этот баклан учат дебилов, как лучше убивать русских. Хотя… Мне нравится твоя мысль. Дадим по башке британцу, багром сделаем дыру в катере и пустим посудину на дно.

- Доставите меня на берег, буду благодарен, - Алёхин на всякий случай продолжал говорить на английском языке.

- О чём это он? - спросил Живко у Бояна.

- Просится на берег.

- До Варны морем топать часа три, - Живко, прикрыв глаза широкой ладонью, посмотрел на Солнце. - Да ещё на трос

его посудину брать придётся, а кому-то воду из неё на ходу вычерпывать.

- Мне не нужна Варна. Просто высадите где-нибудь на берегу. Дальше — мои проблемы.

- Что он сказал? - Живко снова повернулся к своему товарищу.

- Говорит, что без проблем. Ему нужен ближайший берег. Дальше - он сам по себе.

- А, что? Не ребёнок вроде. Взрослый мужик. Нам же легче. Не нужно топливо жечь. Тут всего пара миль до песчаных дюн рядом с нашим посёлком между Балчиком и Албеной. Минут двадцать хода. Позвоним в полицию. Те приедут и заберут чёртова британца.

- От вашего посёлка ходят автобусы до Варны или Бургаса? - спросил Александр.

- О, чём это он? - удивился Живко.

- Про автобус спрашивает.

- Гляди-ка. Самостоятельный оказался, жентльмен. Не желает нам доставлять лишние хлопоты. Слушай… Он вроде был понял слово «полиция», - бородач с интересом смотрел, как Алёхин отвязывал себя от стойки панели управления катером. - От неё - точно одни неприятности. Допросами замучают, протоколами. Не дай бог, ещё в Софию нас с тобой повезут. Ладно... Высадим этого парня в маленькой бухте в миле от посёлка. Знаешь её?

- Там ещё тропа есть. Ведёт к автобусной остановке на дороге.

- Точно. Запускай движок, - Живко наклонился к Александру, уже отвязавшему свой ранец от пулемётной турели, и помог ему перебраться на бот. – Одна проблема… Что с катером делать?

- Нет проблем, - сказал Алёхин, оказавшись на борту рыбацкого бота. – Катер пусть тонет. В НАТО таких лодок девать некуда.

- Говорит, чёрт с ним, с катером этим. У британцев этого добра — видимо невидимо.

- Чёртово НАТО… Привяжи к этой лоханке трос с буем. Если пойдёт на дно, будем знать место. Тут мотор стоит, что надо. Пару болтов открутить всего.

Боян проворчал что-то, чего не понял Алёхин, а потом стал привязывать к носу катера длинный трос с буем жёлтого цвета.

Через пару минут рыбаки запустили двигатель на боте, а тот довольно бодро затарахтел, разворачиваясь кормой к Солнцу.

Потребовалось около сорока минут, чтобы достичь небольшой песчаной косы среди пологих скал, на которых каким-то чудом держались небольшие сосны. Ветер и время согнули стволы, сделав их похожими на коромысла. Нос бота вспорол мелководье, а затем песок.

Алёхин, закинув на спину ранец, неловко спрыгнул на землю. На борту остались стоять Боян и Живко, молча наблюдая за странным англичанином, который, сев на выброшенную морем корягу, стал заново шнуровать свои ботинки. Закончив со шнурками, Александр встал и оглянулся. С правой стороны маленького пляжа виднелась тропа, разрезавшая стену пологих скал.

- Англичанин! По той тропе иди. Там дальше будет старый заброшенный, абрикосовый сад, потом хижина. Не заблудишься. Тропа выведет на шоссе. Автобусной остановки там давно нет, одни развалины. Просто подними руку, автобус остановится. На, держи! - Живко бросил в подставленные руки Алёхина бутылку с водой.

- Спасибо вам, братушки! - тихо по-русски сказал Александр, затем приветственно поднял руку.

Повернувшись спиной к морю, он пошёл к скалам.

- Ты слышал? - Живко взглянул на Бояна. - Чтоб мне пропасть! Это же русский, мать его.

Боян стоял с открытым от удивления ртом, держась за леер.

- Во, дела! - Парень озадаченно скрёб щетину на подбородке. - Откуда здесь у нас русский, да ещё в военной форме взялся?

- Забудь, - Живко двинулся к рубке. - Маскируется под русского этот чёртов британец. Хитрый дьявол. Знает кошка, чью сметану съела... Не наша то забота теперь. Мы его никогда не видели, если что.

За спиной Алёхина, пару раз кашлянув, завёлся двигатель. Звук стал удаляться. Александр в последний раз оглянулся и помахал рыбакам рукой. На шоссе он вышел минут через тридцать. От автобусной остановки осталось только несколько металлоконструкций с дырявым навесом. Капитан постоял, глядя на редкие, проносившиеся мимо машины, потом сел прямо на землю в тени навеса, застыв в позе терпеливого Будды. Больше не думая о превратностях судьбы, он просто стал ждать. Автобус появился спустя два часа, когда терпение

Алёхина стало испаряться под лучами Солнца, лишившего тени клочок земли, на котором сидел капитан. Водитель поздно заметил сидящего человека, а потому резко нажал на тормоза. Александр, не спеша поднявшись, направился к открывшейся двери автобуса. На табличке с обратной стороны лобового стекла было написано «Албена-Варна». В салоне находилось человек пятнадцать одетых просто, буднично, без особого шика. Алёхин достал из кармана штанов пятьдесят долларов, опустил деньги в протянутую ладонь водителя и спросил по-английски:

- Хватит оплатить билет до Варны?

Шофёр удивлённо пощупал купюры, потом оглядел военную форму странного пассажира, кивнул и воровато спрятал доллары в перчаточный ящик справа от себя.

Капитан, провожаемый любопытными взглядами пассажиров, нашёл свободное место, сел, положив на колени ранец, и закрыл глаза. Так легче было составить нечто подобное новому плану. Плавный ход автобуса по хорошему асфальту, басовитый гул мотора располагали ко сну, но Алёхин не спал. Он уже решил, что если попал за границу, то следует использовать эту возможность, чтобы сначала слиться с общей массой европейских граждан, а затем добраться до Атласа. Автобусу понадобилось около часа, чтобы оказаться в Варне. На автовокзале Александр, смешавшись с толпой, двинулся к кассам, следуя указаниям информационных табличек. Увидев вывеску «Валута», он подошёл и обменял все наличные доллары на евро. Засунув пачку купюр в нагрудный карман куртки, Александр проследовал к кассам. Вскоре у него в кармане лежал билет на автобус до Софии с отправлением в двадцать два ноль, ноль. Капитан взглянул на часы, затем снова вышел на привокзальную площадь.

- Время есть, - тихо, сквозь зубы пробормотал Алёхин, направляясь к стоянке такси.

Водитель немного говорил по-английски.

- Мне нужен магазин одежды, но не в центре города, - попросил его Александр.

- Понимаю. В центре цены могут ранить психику нормального человека… Нет ничего проще, и мне же лучше, - повернулся к нему молодой парень, одетый не по сезону. - Господин офицер! Кто платит деньги, тот заказывает музыку.

На таксисте были надеты белые парусиновые брюки, лёгкие тканевые кроссовки и летний сатиновый серый пиджак. Минут

через двадцать такси остановилось на одной из площадей Варны у огромного торгового центра с названием Delta Planet Mall.

- Вас подождать, сэр?

- Не стоит, - ответил капитан. - У меня здесь встреча с девушкой.

- Плохие ваши дела, - парень ухмыльнулся. - Завтра она потащит вас в церковь.

- Зачем? - недоумевающе спросил Алёхин, открывая дверь машины.

- Знаю я этих женщин, - таксист улыбнулся ещё шире. - Сегодня они выбирают вам костюм, а завтра ведут вас под венец. Хотя, был бы я женщиной, зависть замучила. Подцепить военного, да ещё англичанина в наше время - большая удача. Может, всё-таки подождать вас?

- Хочешь посмотреть на девушку? - Александр уже стоял на тротуаре.

- Ещё бы.

- Отвали. Мне не нужны конкуренты, - Алёхин захлопнул дверь и, не оглядываясь, пошёл к торговому центру.

Через час капитан сидел в одном из кафе недалеко от Delta Planet Mall. На Александре был светло-серый костюм в тонкую полоску, белая рубашка с воротником стойкой и коричневые ботинки английской фирмы Barker. В ногах стоял ранец, упакованный в большой пакет плотного картона той же фирмы, а в карманах пиджака лежал британский паспорт на имя Арчибальда Вильямса. Свёрток, перевязанный бечевой, куда продавцы магазина одежды засунули военную форму, Алёхин опустил в мусорный бак на улице, примыкающей к торговому центру. А в двадцать два часа, капитан уже сидел в автобусе Варна-София, выезжающего с площади автовокзала. Через восемь часов он был в Софии, взял такси и поехал в аэропорт. Билет на самолёт авиакомпании Qatar Airways с двумя посадками в Дохе и Окленде с вылетом в 12.30 обошёлся Алёхину почти в две тысячи евро.

- Вам обратный билет не нужен, мистер Вильямс? - спросила его девушка, сидящая за стойкой авиакомпании.

- Спасибо, нет, - надменно отрезал «британец», демонстративно разглядывая поверх очков от солнца красивую униформу, малинового цвета берет-пилотку на голове девицы и глубокий вырез белой блузки.

Всё утро до полудня Александр просидел за столиком кафе в терминале международных вылетов. Он старался не думать о том, что план, который он составлял, сидя возле полуразрушенной остановки у моря, а затем в автобусе, может не сработать.

Однако, «майор Вильямс» оказался на грани разоблачения, когда подавал свой паспорт молодому офицеру миграционного контроля.

- Простите, сэр! С какой целью вы находились на территории Болгарии?

- Военно-техническое сотрудничество по линии НАТО-Украина, - Алёхин выдал заранее приготовленный ответ.

- А, конкретнее...

- Офицер! Вы требуете, чтобы я пересказал вам содержание текстов с документами под грифом «Совершенно секретно»? Разве вы не знаете об усилиях вашего собственного государства по оказанию помощи в отражении агрессии против известной вам суверенной страны? Не заставляйте меня думать, что вы тайный сторонник кремлёвского диктатора.

Пограничник густо покраснел, опуская глаза и листая страницы паспорта.

- Не вижу у вас штампа о въезде в страну. Каким образом вы оказались в Болгарии?

- Военно-транспортный самолёт британских ВВС. Приземлился на авиабазе США «Граф-Игнатиево». Там - свои порядки прохождения паспортного контроля.

Александр всего тридцать минут назад, просматривая болгарские газеты в кафе, где он коротал время в ожидании регистрации на рейс, узнал о существовании рядом с городом Пловдив военно-воздушной базы США.

- Что-нибудь ещё, офицер? - Алёхин надменно смотрел выше головы пограничника. – Может, вы ещё спросите, зачем гражданин Британии летит в Новую Зеландию?

- Приятного полёта, сэр.

Александр взял протянутый паспорт и небрежно сунул его в нагрудный карман пиджака. А, днём, ровно в половине первого Боинг 777, где одно из кресел экономического класса занимал Алёхин, оторвался от земли, круто поднимаясь в безоблачное небо.

Тридцать шесть часов полёта с двумя посадками в Дохе и Окленде не лучшим образом сказались на пассажирах лайнера. Они выглядели усталыми и раздражёнными. Как только самолёт остановился, заглушив двигатели возле терминала, многие вскочили с мест, надеясь в первых рядах покинуть Боинг. Александр, почти не спавший в полёте, всё время думавший о Наташе, оставленной им в одиночестве, сидел на месте, флегматично наблюдая за тем, как открывались багажные полки и оттуда люди суетливо доставали ручную кладь, опуская её чуть ли не на головы соседям.

Капитан, закинув на спину свой ранец, покинул самолёт в числе последних пассажиров, которые в силу возраста или обременённые маленькими детьми, двигались не спеша. Британский паспорт у офицера иммиграционной службы Новой Зеландии не вызвал никаких вопросов. Офицер небрежно перелистал страницы, равнодушно посмотрел сначала на фотографию, потом на лицо Алёхина и протянул документ его владельцу.

- Добро пожаловать, сэр!

Зона прилёта даже в полдень воскресного дня выглядела так же, как во всех аэропортах мира. Суета, раздражённые лица людей, ждущих свой багаж, застрявший в недрах терминала, множество тележек, выстроенных рядами у лент транспортёров, вежливые, дежурные улыбки сотрудников за стойками аренды машин, обменных пунктов и справочных служб. Обменяв тысячу евро на новозеландские доллары, Алёхин подошёл к стойке информации, где белокурая симпатичная девушка что-то терпеливо объясняла пожилому толстяку, который раздражённо слушал, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

Александр дождался ухода пассажира, затем, улыбаясь, наклонился над стойкой.

- Добрый день. Насколько я знаю, Веллингтон находится на одном из двух островов, называемых Новой Зеландией. Не так-ли, мисс?

- Миссис, сэр, - поправила его девушка, непроизвольным движением поправляя свою причёску при виде молодого, рослого и симпатичного человека.

- Завидую вашему избраннику, - ещё шире улыбнулся Алёхин. - Каждый день видеть возле себя такую красавицу...

- Если бы, сэр. Мой муж — пилот. Слишком часто наши свободные дни не совпадают, поэтому мы видимся достаточно

редко... Полагаю, что вы впервые у нас? Откуда вы, сэр?

- Британия, с вашего позволения... Итак?

- Вы правы. Веллингтон и наш аэропорт расположен на меньшем по размеру Северном острове архипелага.

- Как же мне добраться до Южного острова?

- Через пролив ходит паром. Стоянка такси и автобусов находятся ниже на уровне G. Спускайтесь по эскалатору, поверните налево к выходу номер два. До паромной переправы от нашего терминала — тридцать минут на автобусе или пятнадцать на такси. Паром доставит вас в Пиктон. Небольшой городок, откуда все туристы начинают своё путешествие по Южному острову. Из Пиктона на Юг ведут две дороги. Одна вдоль северного побережья, вторая — вдоль южного. Хотите посмотреть наши Альпы — выбирайте южный путь. И ещё один совет... Вам лучше арендовать машину. Так удобнее путешествовать.

- Благодарю вас, дорогая. Обязательно воспользуюсь всеми вашими советами, Передавайте привет мужу и детям, - Алёхин коснулся двумя пальцами виска.

- Увы. У нас пока нет детей, - грустная улыбка тронула губы девушки.

- Обязательно будут! - воскликнул Александр. - Надеюсь ещё увидимся...

- До свидания, сэр, - на лице симпатичной новозеландки появилось дежурное выражение готовности помочь следующему пассажиру, уже стоящему за спиной Алёхина.

Капитан неторопливо к стоянке автобусов. Через тридцать минут он оказался перед кассами паромной переправы. А ещё через пять часов паром ошвартовался у причальной стенки Пиктона, где Александр сошёл на берег.

Смеркалось. Город Пиктон оказался маленьким, провинциальным захолустьем. Он выглядел сонным, немного сказочным и дружелюбным. На узких улицах уже начали зажигаться уличные фонари, вывески баров, небольших кафе. Однако, Алёхин решил не терять время. В одной из контор по прокату байков он взял на две недели в аренду мотоцикл. Алёхин выбрал японский олдскульный круизер Кавасаки Вулкан. К мотоциклу прилагался шлем, а также две большие, видавшие виды дорожные кожаные сумки по обе стороны заднего колеса. Капитан расплатился с хозяином заведения и, не выезжая на проезжую часть, пересчитал остаток денег. Обратно в

правый карман пиджака он положил триста евро, а в левый - пятьсот новозеландских долларов. Это было всё, на что он мог рассчитывать, не прибегая к снятию наличных с банковской карты майора Вильямса.

«Двигаться дальше или переночевать здесь? - думал Алёхин, медленно проезжая светофор на перекрёстке двух главных улиц Пиктона. - Хотя, куда торопиться? Уже темно. Кто знает, какие здесь дороги».

Остановив мотоцикл у тротуара, Александр стал рассматривать вывески, читая указатели. Метров в пятистах от перекрёстка он заметил рекламную вывеску «Hotel Ambassador — 25 NZD for night». Отпустив рукоять сцепления, Алёхин заставил круизер повернуть в нужную сторону. Отель Амбассадор прятался в узком переулке. На взгляд капитана заведение не оправдывало своего громкого названия. Но одноместный номер, который он получил за двадцать пять новозеландских долларов оказался, хоть маленьким, но уютным с новой мебелью. Широкая кровать была главным украшением интерьера.

Утром, на рассвете Александр удобно устроился в седле Кавасаки и погнал мотоцикл на юг по трассе № 1 — государственному шоссе, берущему начало в маленьком посёлке на мысе Реинга Северного острова, где была паромная переправа. На Южном острове трасса шла дальше вдоль восточного побережья к порту Блафф, расположенному в самой южной точке архипелага. До места, где случайно засветился перед репортёром провинциальной газеты таинственный восточно-европейский «олигарх» Лукаш Варга, оставалось чуть больше шестисот километров. Алёхин рассчитывал добраться до Альберт-Тауна часов за восемь, девять, но шоссе номер один оказалось не скоростной трассой, а довольно узкой дорогой, проходящей через множество небольших посёлков, где было полно туристов. Ни о каком автобане здесь, очевидно, никто из местных жителей не слышал. Повсюду висели знаки ограничения скорости до двадцати миль в час. Поэтому вечер застал капитана в довольно большом городе Крайстчерч, где пришлось остановиться на ночь в придорожном мотеле.

Алёхин заглушил двигатель мотоцикла у дверей номера, ключи от которого ему вручил портье — рыжеволосый флегматичный парень с веснушками, усыпавшими всё широкоскулое лицо. Не смотря на усталость, капитан решил прогуляться, чтобы размять одеревеневшие ноги. К тому же Александр планировал купить кожаную куртку. Хотя погода была довольно тёплой и солнечной, лёгкий пиджак не спасал от прохладного ветра, бьющего в грудь даже на сравнительно небольшой скорости.

- У вас тут продаются кожаные вещи? - спросил он у портье.

- Смотря, что вам нужно, сэр.

- Куртка. На моём Кавасаки нет ветрового стекла. Не хочу подхватить насморк.

- А вы откуда, сэр?

- Еду из Пиктона на юг. А, что?

- Я не о том. Акцент у вас очень похож на австралийский.

- Так можно здесь найти нормальную байкерскую куртку или нет? - начал раздражаться Алёхин.

- Тут всё дорого.

- Я не о том спрашиваю.

- Простите, сэр. Мы тут любим языками почесать, если что... Но все магазины уже закрыты. Хотя, есть вариант.

- Да, рожай уже, - по-настоящему разозлился Александр.

- Смешной вы, - заулыбался парень. - Ладно... Пойдёте прямо по улице к центру. Через четверть мили с правой стороны будет лавка. Там работает Сэм, мой приятель. Стукнете два раза в дверь, он откроет. Если повезёт, найдёте то, что вам нужно. Не забудьте сказать, что это я вас прислал, - портье постучал по бейджику на груди, где Алёхин увидел надпись «Донни».

Магазин Сэма оказался лавкой секонд хенда, а сам владелец был похож на скупщика краденого.

- Говоришь, тебя Донни прислал? - Сэм, приоткрыв дверь, защищённую решёткой, внимательно изучал лицо Алёхина при свете тусклой лампы, висящей над порогом. - Придурок чёртов. Он должен мне пару сотен, а потому пытается лизать мне задницу. Проходите, раз уж вы здесь.

Александр протиснулся между внушительным животом Сэма и створкой двери. В лавке пахло плесенью, ношенной одеждой и пивом. Закрыв дверь на засов, Сэм, настороженно посмотрев в окно, задёрнул проём плотными шторами, добавил света, включив пару ламп, подвешенных на длинных проводах к потолку.

- Так, чего вам надо, мистер? - спросил владелец лавки, оглядывая посетителя с ног до головы. - Вы не из полиции?

- А, что, должен? - Алёхин, не обращая внимания на Сэма, осматривал стеллажи с разнокалиберными коробками, свёртками, ящиками и запасными частями для автомобилей.

- Расстегните рубашку, поднимите руки, - с угрозой в голосе сказал Сэм.

Он обыскал Александра, похлопав клиента ладонями по груди и спине.

- Ладно, - узкие, заплывшие подкожным жиром глаза Сэма потеплели. - Но предупреждаю, если вам, мистер, нужен ствол, то это дело не быстрое.

- А ещё говорят, что в Новой Зеландии нет преступности, - тихо сказал Алёхин по-русски.

- Чего?

- Так. Мысли вслух... Мне не нужен ствол, мне нужна байкерская кожаная куртка. Думаю, твой дружок Донни тебе уже позвонил.

- Ладно, - повторил Сэм. - Иди за мной, приятель.

Торговец отодвинул занавеску, разделяющую помещение на две части, и пошёл вперёд. Остановившись возле огромной картонной коробки, он, наклонившись, начал рыться в ворохе вещей.

- Нашёл, - с пыхтением и торжествующими нотками в голосе, проворчал Сэм, разгибая спину.

В каждой руке он держал по куртке. Одна была женская, а вторая мужская из замши, сшитая в ковбойском стиле с бахромой по всей длине рукавов. Тёмно-коричневая замша выглядела потёртой на локтях, но смотрелась вполне сносно.

- Примерю? - спросил Александр

- Валяй.

Куртка оказалась чуть маловатой в плечах, но сидела на Алёхине не так плохо. Главное, она была достаточно тёплой, непроницаемой для ветра.

- Сколько?

- Пятьдесят.

- Столько новая стоит.

- Так пойди и купи, - Сэм протянул руку к куртке.

- Потерплю до утра, - спокойно сказал Александр, бросая куртку торговцу и поворачиваясь к Сэму спиной. - В котором часу у вас магазины открываются?

- Ладно... Гони тридцатку.

- Торговый центр в городе есть?

- Сколько тебе не жалко?

- Держи двадцать пять, - Алёхин, достав из кармана пиджака тонкую пачку банкнот, отсчитал в протянутую ладонь двадцать пять новозеландских долларов.

- Кстати, - Александр взглянул на стеллажи. – Ты, случайно, смартфонами не торгуешь? А, то я свой выронил по дороге. Сзади грузовик шёл и, сам понимаешь…

- Мистер, - Сэм оглянулся в сторону двери. – Вы точно не из полиции?

- Какой ты пугливый. Ну, сам подумай, на хрена блюстителям закона твоя лавка? Ты же наверняка платишь шерифу, чтобы тебе полиция не досаждала. А, ещё я думаю, что ты всех местных полицейских знаешь в лицо. Так?

- Может, мистер коп, вы из Окленда… Откуда мне знать? - Неуверенно произнёс хозяин лавки.

- Точно, - улыбнулся Алёхин. – В Окленде все дела бросил, приехал в эту дыру шарики надувать.

- Чего? – На лице Сэма застыла маска недоумения.

- Анекдот такой есть.

- Чего?

Александр обречённо вздохнул.

- Притча есть смешная, вроде шутки грёбаных стендаперов… Выходит пьяный из бара. Еле на ногах держится. Чтобы не упасть, обнял руками фонарный столб и застыл, соображая, что делать дальше. К нему подходит маленький мальчик, у которого только что разорвалась нитка на воздушном шарике, а воздух из него весь вышел. Подходит он к этому мужику, потом говорит: «Сэр! Не могли бы вы надуть шарик?» А мужик, качаясь, тупо смотрит на парнишку и отвечает: «Ну, да. Сейчас всё брошу, начну тебе шарик надувать».

Сэм почти минуту стоял с открытым ртом, а потом громко захохотал, хлопая себя по толстым бёдрам.

- Ой, не могу. Ну, вы даёте, - отсмеявшись, лавочник добавил. – Смешной вы.

- Сам знаю, - строго ответил капитан. – Мне Донни это уже говорил. Так есть у тебя лишний смартфон?

Сэм, вытирая пот со лба, а со щёк – слёзы, достал из-под прилавка пакет, из которого вытряхнул три гаджета.

- Мистер! Советую взять вот этот, - хозяин лавки подбросил на ладони смартфон «Самсунг» с треснувшим стеклом. – Он – чистый. Мне его уже «перепрошили». Можно пользоваться без опаски. Тут новая снимка. Есть интернет, Ватсап закачан, ещё пара приложений. Номер – с обратной стороны, - Сэм показал клочок бумаги, приклеенный скотчем к задней панели девайса. - На счету – баксов тридцать. Отдам вам эту штуковину за сто.

- Сделаем так… Держи двадцатку. Мне нужно отправить SMS сообщение жене. Типа, «Всё в порядке, не волнуйся, дорогая. Скоро вернусь. Люблю, и всё такое…». Она у меня ревнивая. Потом верну тебе Самсунг. По рукам??

Сэм взял двадцать долларов, понимающе кивая.

Алёхин отвернулся, подошёл к окну, быстро набил текст, отправил Ивану Матвеевичу просьбу позаботиться о Наташе, указав адрес в Одессе и предполагаемое местонахождение Атласа. Увидев на экране отметку о доставке сообщения, он удалил сообщение, стёр номер получателя, проверил кэш и вернул смартфон Сэму.

Увидев под стеклом прилавка плоскую флягу, Александр нагнулся, вытащил её и подкинул на руке.

- Не течёт?

- Целая, хотя и поцарапанная. Разве только пробка по резьбе пропускает. Но если не переворачивать флягу вниз горлышком, то всё нормально.

- Пять баксов!

- Забирай.

Алёхин сунул флягу во внутренний карман куртки.

- Тут перекусить можно где-нибудь поблизости?

- Дальше по улице есть бар. «Тасманский дьявол» называется. Скажите бармену, что - от меня.

- С ума сойти, - проворчал Александр, выходя наружу. - Сетевой маркетинг. Ты мне, я тебе.

Алёхину, иногда под настроение смотревшему американские фильмы, в довольно большом помещении бара показалось уютно, даже относительно тихо. За стойкой сидели несколько пожилых мужчин. Перед ними стояли открытые пивные бутылки, к которым они иногда прикладывались. На подмостках у задней

стены четвёрка волосатых парней, одетых в клетчатые рубашки, играли музыку «кантри». Девица в коротких джинсовых шортах и ковбойских сапогах, слегка гнусавя, пела о несчастном Билли, влюблённом одновременно в свою лошадь и в дочь хозяина ранчо. В центре заведения за двумя составленными вместе столиками расположились молодые ребята, весь облик которых говорил, что они самые крутые скалолазы на свете. Одежда парней была увешана сверкающими стальными карабинами, на ногах красовались ботинки на толстых рифлёных подошвах, а под столом этим подошвам мешали жёлтые шлемы горноспасателей, создавая впечатление, что вся компания только что спустилась с отрогов местных Альп. В тёмном углу, куда почти не доставал свет ламп, сидел человек, похожий на азиата профессора. Тускло блестели толстые линзы очков. Пиджак в крупную полоску был расстёгнут, позволяя рассмотреть не первой свежести белую рубаху и галстук бабочку. Перед ним стоял стакан, ведёрко со льдом, где покоилась бутылка виски «Джек Дэниэлс». Однако, смуглая кожа и разрез глаз «профессора» говорил о том, что он — маори.

Александр подошёл к бармену, который, рассеянно слушая музыкантов, от нечего делать протирал чистые стаканы.

- Добрый вечер, - Алёхин уселся на свободный высокий табурет. - Тут подают только спиртное?

- Ещё у нас есть кофе в ассортименте, - бармен, оставив в покое свои стаканы, подошёл вплотную к новому посетителю.

- А если в желудке пусто?

- Можно сделать яичницу с беконом.

- Отлично. И откройте бутылку пива.

- Lion Red сойдёт?

- Мне всё равно. Вот ещё что. Держите флягу. Наполните её виски.

- Про запас? Понимаю... Садитесь за столик, сэр. Там вам будет удобнее. Держите пиво, яичница будет через пару минут. Флягу с виски верну при расчёте.

Алёхин рассеянно кивнул, направляясь в тёмный угол к столику, расположенному рядом со столом маори. Туземец быстро взглянул в сторону капитана и снова склонил голову над толстой тетрадью, в которую он что-то торопливо записывал, прислушиваясь к спору, разгорающемуся в компании «скалолазов». Парням совершенно не мешала музыка, доносившаяся со стороны эстрады.

Александр, сделав глоток, тоже стал слушать «крутых» альпинистов.

- Русские уже третий год воюют с какой-то маленькой страной в Европе, - почти кричал парень с косичкой «а-ля Костя Дзю» на затылке. - Это при том, что у Путина — самая сильная армия на континенте. И, что? Конца этой войне не видно. Получается, демократия сильнее тирании...

- Ты про самую демократичную после Штатов, Украину? - перебил его юноша, выглядевший мальчишкой плейбоем со своими модными очками от солнца, поднятыми на лоб. – Эта страна далеко не так мала.

- Какая разница, как называется жертва агрессии, - всё больше распалялся парень с косичкой. - Главное, что она значительно уступает своему соседу в возможностях экономики, в ресурсах, но героически сопротивляется, даже больно кусает северного медведя...

«Господи! - подумал Алёхин, наблюдая за барменом, который нёс к его столу тарелку с дымящейся яичницей. – Здесь тоже про политику. Где Новая Зеландия и, где чёртова Украина?»

- Ты упрощаешь, - повысил голос плейбой. - Большая ошибка недооценивать маленьких и слабых. Возьми Швейцарию. В средние века с момента заключения союза трёх кантонов она уступала в военной мощи всем соседям. Швейцарцы просто физически не могли создать многочисленную, современную по тем временам армию. Но зная свои сильные стороны, трезво оценивая внутренние проблемы окружавших её монархий, Швейцария не только столетиями отбивалась от вторжений, но и сама вела агрессивные войны. Маленьких, на первый взгляд, слабых нельзя сбрасывать со счетов. Правильно выстраивая свою политику, они имеют возможность сопротивляться большим и сильным. Вьетнам, куда влезли американцы, после того как из страны ушли французы, самый яркий пример. Они ожесточённо сражались. Результат вы знаете. Победа. Механизм таких побед известен давно, ещё со времён спартанского царя Леонида. Просто не все политики знают историю, а знающие её, часто думают, что они эту историю переиграют...

- Но, согласись, - не сдавался парень с косичкой. - В этом европейском конфликте не может победить ни Украина, ни Путин.

- Слушай, вон по телеку нам рассказывают, что Украина, перейдя границу, захватила какой-то русский Курск вместе

с порядочным куском земли, - присоединился к разговору ещё один «скалолаз». – Ты считаешь, армия Зеленского не побеждает? Что на это скажешь, Брендон? - парень покровительственно похлопал по плечу плейбоя.

- Мне кажется, что Украину американы банально подтолкнули напасть под Курском на Путина. Это, на мой взгляд, элемент геополитической игры, что, впрочем, не отменяет хорошо известную стратегию войны слабейшего противника против сильного. В медийном плане Украине нужны локальные победы. Они - повод для новых поставок оружия и получение финансовой помощи извне. А способы достижения локальных побед очень просты. Не нужно вести боевые действия в привычном для регулярных, сильных армий формате. Задача Зеленского — наносить множество булавочных уколов с максимальным ущербом для русских, в превращении войны в бесконечный процесс и в отказе от заключения мира на условиях противника…

Алёхин повернулся на тихое шарканье подошв за спиной. К его столику «подкрадывался» тот самый человек, похожий на профессора. Тихо ступая, он нёс с собой стул, на котором лежала тетрадь.

- Не возражаете, если сяду рядом с вами? - спросил маори, виновато и просительно глядя на Александра. - Здесь лучше слышно.

Алёхин, застигнутый врасплох, отодвинул в сторону наполовину опустошённую бутылку пива.

- Вы – приезжий? Бьюсь об заклад… Удивлены, что местные студенты интересуются политикой? - спросил присевший рядом незнакомец, наклоняясь к уху капитана.

- А, вы, собственно, кто? - спросил Алёхин

- Профессор местного университета. Меня зовут Айхе Акахата. Я – из местных маори. Абориген, если хотите.

- Догадался. Разрез глаз и всё такое… Не знал, что в Крайсчерче есть университет, - проворчал Александр.

- Кентерберийский. Один из лучших в стране.

- А, вы профессор чего? Специалист в каких науках?

- Профессор политологии… Вон тот парень, Брендон, - маори показал кончиком шариковой ручки на плейбоя. - Мой самый способный студент… Впрочем, давайте слушать.

Тем временем за столиками «скалолазов» спор продолжался.

- Думаю, британцы, которые стояли у истоков этого конфликта, наученные собственным опытом колониальных войн… Они с помощью Зеленского, превратили противостояние в тотальную войну без правил, в дело общенационального масштаба для Украины, - уверенно, со знанием дела говорил плейбой. - Америка пошла у англичан на поводу. От Зеленского требуют не победы. Его уговаривают не поддаваться давлению, выстоять, дать понять Путину, что потери, понесённые русскими, могут превысить возможный профит.

- Всё, что ты сказал – полная фигня, - парень с косичкой взмахом руки послал сигнал бармену, чтобы тот принёс новую порцию пива. - Штаты, Британия, Европа и мы с вами — вот, кто настоящий противник Путина. Мы победили в холодной войне, прогнув весь остальной мир. Россия рано или поздно проиграет.

- Новая Зеландия прогнула мир? - Брендон отрицательно покачал головой. – Ты шутишь. Тогда, что нам делать с Китаем, Бразилией, Африкой? Там далеко до прогиба. Глобальная система Pax Americana всё чаще даёт сбой. Путин это доказывает каждый день. Он пытается создать в противовес глобалистам многополярную систему мироустройства, хотя никто не знает и не может предсказать, сколько центров влияния должно быть в этом чёртовом мире. На сегодняшний день в этом деле царит полная анархия. Я бы назвал такое положение вещей полным отсутствием полярности. Никто из сильных стран… Ни Китай, ни США, ни Британия, не говоря уже о Европе, не могут в должной степени прогнуть друг друга.

- Молодец, Брендон! - тихо похвалил парня профессор и гордо для Алёхина добавил, - Он — признанный лидер среди прочих в кампусе. Далеко пойдёт. Давай, приятель, жги.

Словно услышав восклицание маори, Брендон повысил голос, стараясь перекрыть звуки банджо, игравшее соло.

- Плохо то, что лидеры центров влияния, особенно в США, перестали учитывать позиции слабых стран при анализе общего баланса сил. Я здесь говорю и про Украину, и про Россию. Янки, весь Запад в целом полагали, что способны подавить любое сопротивление в течение короткого промежутка времени. Мы это наблюдали в Югославии, Ираке… Но такая политика кратно умножала риски и повышала цену противостояния. Сверхдержавы, в первую очередь США, не считались ни с чем, тратили огромные ресурсы за право нести имперское бремя в надежде сот временем отыграться, чтобы поиметь прибыль после победы. Но, по-моему, янки просчитались. Они недооценили возможности вроде бы слабой России и готовность

Путина к сопротивлению. Путин в свою очередь ошибся, полагая, что легко разберётся с Украиной...

- Америка — империя? - не выдержал парень с косичкой. - Ты в своём уме?

- Я — в полном порядке, - спокойно ответил Брендон. - Конечно Штаты - империя. Будучи ею, она падёт, как пал Древний Рим, Византия, империя Каролингов, Австро-Венгрия… Америка сегодня — на грани катастрофы, и это прекрасно осознаёт Трамп. Война в Европе — вершина геополитического айсберга, одно из средств сделать снова Америку великой. Байден выполнил свою часть работы. Он почти разрушил экономику Евросоюза, убрав за кулисы истории одного из самых опасных конкурентов. Прикрываясь старческой деменцией… Мол, что со старика взять… Он даже принял на себя позор бегства самой сильной армии мира из Афганистана. Но это не было спонтанным решением и не являлось бегством. Это был элемент хорошо продуманного плана. Очередная война в Европе планировалась давно, если не сразу после окончания Второй мировой. По большому счёту, что такое история? Цепь бесконечных войн за территории, ресурсы и лидерство, а состояние мира — просто периоды подготовки к новым войнам... Теперь очередь за Трампом. Он должен уничтожить Китай, а для этого ему нужно поладить с Путиным потому, что война на два фронта Америке давно не по карману. Если говорить про Украину, ему плевать на какого-то бывшего клоуна в одежде милитари. Когда потребуется, он сдаст Зеленского с потрохами, если Путин начнёт слишком быстро продвигаться на запад. Это и будет сделкой по Трампу. Отдать малое, чтобы сохранить главное. А главное для Трампа – это сохранение присутствия США в западной части Украины. Отсюда — вся эта мыльная опера по телеку на публику, в том числе, скандал, спровоцировавший клоуна на перфоманс в Белом доме, предложение кнута и пряника Путину, показное презрение к Зеленскому. Сюда же прибавим шантаж и унижение Европы. Парни, мы с вами присутствуем на самом грандиозном шоу со времён Второй мировой войны. И это только начало.

- Может, хватить нам тут лекцию читать, - не выдержал один из престарелых «ковбоев», сидевших за стойкой. - Парни! Время детское. Валите в свой кампус. Дайте отдохнуть от вашей грёбаной политики.

- Заткнись, дедуля, - взвился захмелевший обладатель косички. - Хочешь отдохнуть — сиди дома в кресле у телека.

- Что ты сказал? - «ковбой» оторвал зад от табурета.

- Эй, эй! - гаркнул бармен, вынимая из-под стойки бейсбольную биту. - Мне не нужны неприятности. Хотите выяснять отношения — валите на улицу.

Профессор Айхе Ахаката сорвался с места, занимая позицию между стойкой бара и студентами.

- Всё, Брендон. Хватит. Уводи остальных. Время позднее. Вам, что, с полицией до утра охота объясняться? Не вижу смысла.

Парни, ворча и оглядываясь, забирая с собой недопитые бутылки с пивом, потянулись к выходу. В заведении на пару минут воцарилась тишина, а потом снова зазвучала тихая музыка кантри.

- Честь имею, - маори протянул руку Алёхину, подошедшему к стойке, чтобы рассчитаться. - Вы — не местный? Никогда вас здесь не видел. Откуда вы?

- Из России, - Александр, взволнованный перспективой драки и возможным приездом полицией, забыл об осторожности.

Однако профессор не удивился.

- В Новой Зеландии - довольно много русских. Иные приехали много лет назад. Другие - после начала этой странной войны в Европе. Только в Крайсчерче я знаю десяток русских. Один их них преподаёт в университете русскую литературу.

- Мы, русские, те ещё философы и литераторы, - смущённо обронил Александр.

- Да, да. Толстой, Достоевский, Гумилёв. Ну, что ж. Рад был познакомиться, хотя вы не сказали мне своего имени. Пойду, прослежу, чтобы мои парни добрались без приключений до кампуса.

Маори ещё раз пожал руку Алёхина. Через минуту он пропал за дверью. Капитан, прихватив свой пакет с курткой, забрав у бармена флягу с виски, покинул заведение. В мотеле, не раздеваясь, сбросив на пол ботинки, он лёг на кровать, перебирая в памяти события дня.

Однако, усталость через пару минут положила тёплую, невесомую ладонь дремоты ему на глаза, испытывая готовность человека подчиниться забытью. Капитан сопротивлялся недолго. Он заснул, когда где-то далеко ударил церковный колокол.

Ночью Алёхин проснулся от ощущения влаги на щеках. Его глаза были мокрыми от слёз. Подняв руки к лицу, он стал протирать пальцами веки, пытаясь вспомнить свой только что прерванный сон. Эти видения никогда раньше к нему не приходили, поскольку Александр почти ничего не помнил из того, что было с ним в раннем детстве. Но этой ночью капитан увидел себя пацаном лет пяти. Он сидел на лавочке перед воротами, за которыми на дорожке, вымощенной мелкой речной галькой, стоял его отец рядом с каким-то человеком. Мужчины были раздеты по пояс и выглядели очень молодо. Загорелые лица сначала улыбались, затем помрачнели. Прислонив к яблоне удочки, они расположились на двух табуретах.

- Помнишь, Ваня, какими мы были, когда начинали службу?

- Наивными молокососами, - ответил человек, к которому обращался отец. - Мечтателями, полными иллюзий. Это у тебя всё сложилось. И служба, и семья, и пацан вон растёт. После Дальнего Востока меня перевели в Полтавскую область, в эти чёртовы Лубны, а тебя — в Москву.

- Кадровая политика Министерства обороны, - ответил отец.

- Знаю. Никто тогда не думал, что через пару лет Советский Союз развалится.

- Ты, вроде был рад, что остался на Украине.

- Чудак человек. Я родился и вырос здесь в Лубнах. Мне даже было приятно, что, после раздела армии, мне присвоили внеочередное звание полковника, назначив командиром дивизии.

- Не плохой карьерный взлёт для капитана, - отец Алёхина похлопал старого товарища по плечу.

- Если бы... Недолго музыка играла. В две тысяча седьмом меня турнули из армии на вольные хлеба. Комиссовали, а затем уволили без указания причины.

- Почему?

- Долго рассказывать... Уже тогда что-то странное стало твориться с украинской армией. В Министерстве обороны и Генштабе появилось много новых людей. Все они учились и служили, кто во Львове, кто - на Буковине, кто – в Ужгороде. Однажды из Киева мне позвонили и сказали, что в дивизию приедут люди из какого-то мудрёного института, не помню уже названия. Приехали. Сказали, что проведут анонимное социологическое исследование. Положили мне на стол пачку

анкет. Там всего-то было пять вопросов. Я те анкеты приказал раздать по воинским частям и заполнил свой экземпляр.

- Что за вопросы?

- Главных, насколько я понял было два. Первый: «Считаете-ли вы, что в ближайшие пять лет Россия нападёт на Украину?» И второй: «Будете-ли вы лично воевать против русских?»

- Ну, и?

- На оба вопроса я ответил — нет.

- Ты анкету подписал?

- Она же анонимная была. Нет, конечно. А через три месяца мне вручили приказ об увольнении. Я потом созванивался с ребятами. Почти весь высший командный состав дивизии выгнали взашей. На их место назначили молодых офицеров из Винницы и Львова. Думаю, по почеркам определили, кто именно заполнял эти чёртовы анкеты.

- Что могло быть хуже сталинских чисток в армии накануне войны с Гитлером? - отец Алёхина снова взял в руки удочку и стал привязывать к леске новый крючок. – Однако, самое страшное ещё впереди.

Александр, «прокрутив» в голове приснившееся, сокрушённо покачал головой. поднялся с кровати, включив лампу, стоящую на тумбочке. Потом сел, обхватив голову руками. Внезапно он осознал, что, увиденный сон, это давно забытые картины детства. Приступ острой тоски, смешанной с горечью утраты, навалился на него, заставляя разум вытаскивать из закоулков памяти прошлое. Алёхин снова закрыл глаза, пытаясь вспомнить то жаркое лето, когда его, маленького, пятилетнего пацана привезли в странный городок, которое отец называл Лубны. Он снова видел дорожки из гальки, цветочные клумбы с красными георгинами, жёлтыми мальвами, спелые яблоки, заставлявшие ветви деревьев прогибаться до земли, собачью будку, возле которой вилял хвостом кудлатый пёс, привязанный цепью к железному кольцу, вбитому в землю. Саша узнал речку, зажатую с одной стороны обрывом, где гнездились ласточки, а с другой песчаной косой. Он видел ветки ив, погружённые в медленный поток воды, подсолнухи за плетнями у белых хат с крышами из соломы, поля пшеницы, простиравшееся до самого горизонта. Он видел пирамидальные тополя, а за ними на фоне далёких холмов — длинную гусеницу железнодорожного состава, который тащил за собой крошечный паровоз, пускающий в

небо белые клубы дыма. Он чувствовал запах сушёных абрикос, лежавших под горячими лучами солнца на большом длинном подносе. Он слышал музыку кузнечиков, сидевших в зарослях полыни, которая пахла близкой степью. Алёхин почти ощущал вибрацию воздуха, поднимающегося к небу вместе с потоками зноя. Он вспомнил лицо своей бабушки по линии матери. Она держала в руках кувшин с молоком и улыбалась… Эти видения никогда не приходили к нему раньше. Но Алёхин уже догадался, что это были те забытые эпизоды счастливого детства, которые никогда не повторятся, останутся очень личными, не прочувствованными другими людьми, и уйдут в небытие вместе с ним. Это были картины наивной сказочности начала жизни, вернувшиеся к нему вместе с ощущением лёгкой тревоги и уверенности, что никто и никогда больше не увидит того, что когда-то в детстве видел он. Это был зов крови, осознание родства с огромной страной, часть которой утрачена. Через пару мгновений его осенила догадка, что этот сон, почти кинолента появился из глубин сознания благодаря Ксении, которая спасла ему жизнь, подобрав на берегу реки, похожей на ту медленную, прозрачную из далёкого детства.

Слёзы опять навернулись на глаза. Александр глубоко вздохнул, вытер веки кончиком подушки и снова лёг в постель. Он заснул почти сразу.

В десять часов утра, проглотив дежурное блюдо: яичницу с беконом всё в том уже открытом «Тасманском дьяволе», Алёхин катил на своём мотоцикле по трассе номер один на юг.

До Ванаки капитан добрался затемно. Увидев, вывеску отеля, он свернул с дороги в переулок, заглушил двигатель байка, взвалил на плечо свой ранец, затем, устало передвигая одеревеневшими от долгой езды ногами, двинулся к гостинице. На деле отель оказался просто гестхаусом с дешёвой ценой за конуру, где стояла узкая кровать, стол и два стула, однако, Александру было уже всё равно. Руки и плечи болели, глаза слипались. Он заплатил портье за ночь, запер за собой дверь комнаты и рухнул на койку.

Утром маленький город предстал в совершенно ином свете. Улицы, не стеснённые ночными тенями от платанов и елей, выглядели довольно широкими, дома немного вычурными, почти игрушечными. Преобладали одно и двухэтажные постройки. Алёхин, не спеша, за два часа прошёл город из конца в конец до входа в национальный парк Маунт-Аспайринг, откуда начинались туристические пешеходные маршруты, ведущие к скальным отрогам. Александр остановился на смотровой площадке, с которой открывался вид на озеро Даймонд-Лейк.

Не взирая на ранний час, водную гладь рассекали два катера, таща на верёвочных тросах фанатов водных лыж. Выше озера, почти скрытые дымкой лёгких облаков, виднелись языки ледников, а над ними - заснеженные вершины Южных Новозеландских Альп. Немного постояв, наблюдая за суетой на поляне, обнесённой оградой из жердей, где седлали лошадей и слушали инструктора туристы, желающие прокатиться верхом, Алёхин, почувствовав голод, вернулся в город, чтобы позавтракать. Ему предстояло обдумать, что делать дальше. Он сел за крошечный пластиковый столик возле фургона, торгующим хот-догами. Чашка кофе, длинная сосиска в толстой булке привели Александра в хорошее настроение. Отряхнув с джинсов крошки, он встал и, заметив газетный киоск, подошёл, чтобы купить туристическую карту города.

- Ещё шариковую ручку, пожалуйста? - попросил Алёхин продавца газет.

Он вернулся к фургону, заказал ещё одну чашку кофе, потом, развернув карту, начал делать пометки, обводя кружками кафе, рестораны, бары. Заведений оказалось больше ста. Алёхин тяжело вздохнул, поднимаясь. Он поплёлся обратно в гестхаус, полагая, что день пассивного отдыха ему не повредит. Однако, постояв возле своего мотоцикла, капитан решил, что нечего тратить время зря. Александр проверил уровень бензина в баке, оседлал круизер, и отправился исследовать боковые улочки города, чтобы оценить с какой его части начинать поиски Атласа.

В Альберт-Тауне шёл дождь. Грунтовку до шоссе, ведущего в Ванаку, размыло… Атлас уже жалел, что не потратился на асфальт, который мог бы сделать дорогу к убежищу на холмах более сносной.

- Чёрт возьми, - ворчал хакер, глядя на экран компьютера, подключённого к системе наружного видеонаблюдения. – Лужи, ухабы и кочки… Впрочем, асфальт — демаскирующий фактор. Может, оно и к лучшему, что в окрестностях вместо дорог — яма на яме.

Он выбрался из кресла, подошёл к настенному календарю с видами Новой Зеландии.

«Пятое апреля. Это же начало зимы в Южном полушарии, - думал Атлас. - Хорошо, что снег идёт только в горах».

Открыв один из холодильников, он с кривой улыбкой посмотрел на запасы воды, сока и на ряды банок с консервированным

мясом. Потом заглянул на полки, где стояли стеклянные банки с кофе. Атлас уже привык к хорошему кофе, но самому варить было лень. К тому же, проводя время в одиночестве, общаясь только с Франкенштейном, он постепенно осознавал, что в нём развивается фобия замкнутых пространств.

«Чёрт с ней, разбитой дорогой. Вранглер пройдёт где угодно», - хакер уже принял решение поужинать в своём любимом баре.

Атлас постоял под навесом ранчо, глядя на дождь, заливающий окрестные холмы. Потом торопливой рысцой пересёк десяток метров, разделяющий крыльцо от джипа. Через сорок минут Лукаш Варга уже открывал дверь заведения «Ванака Баллок».

- Доброе утро, Джек, - хакер поднял руку, приветствуя бармена.

- Люк? - бармен вытер руки о полотенце и протянул её над стойкой. - Давно тебя не видел.

- В горах — дождь, - Атлас позволил стиснуть свою ладонь, вяло пожимая в ответ влажные пальцы Джека.

- Да... Жизнь в горах - хороша. Свежий воздух, кислород. Но есть нюансы с дождями. Тебе, как обычно?

- Омлет с беконом и пару чашек кофе. Только выбери сорт получше.

- Пять минут и всё будет готово. Присядешь у стойки?

Атлас оглядел пространство вокруг себя.

- Займу столик вон там, в углу.

- Кто платит деньги, тот заказывает музыку, - откликнулся Джек.

- Меня никто не искал, не спрашивал обо мне?

- Насколько я знаю, нет. Правда, у меня два дня были выходными. Тут всем заправляла Сара, - сказал бармен.

Сара была родной сестрой Джеку, иногда заменяя брата за стойкой.

- Могу у неё спросить, если это важно, - бармен отвернулся к кофе-машине.

- Не стоит, - проворчал Атлас, отправляясь в угол помещения.

Он съел омлет и уже допивал вторую чашку кофе, когда колокольчик над дверью тихо звякнул. Порог переступил

человек, одетый в замшевую байкерскую куртку. Его лицо оставалось в тени, но что-то неуловимо знакомое заключалось в походке, посадке головы на мускулистой шее. Байкер двинулся к стойке бара под свет ламп, где сел на табурет. Заказав кофе, человек всем телом повернулся к залу.

- Зараза, - прошептал Атлас, узнав Алёхина.

Взгляд Александра наткнулся на фигуру хакера, который тут же отвернулся. Но было поздно.

- Привет, дружище, - Алёхин поставил свою чашку рядом с локтем Атласа. - Далеко же ты забрался. Но от семьи Карлеоне ещё никто не уходил.

- А, ты всё шутишь? Давай, давай. Про длинные руки Москвы и прочую хрень. Не буду спрашивать, как ты меня нашёл... Один вопрос. Чего опять от меня надо?

- Разве так встречают друзей? - усмехнулся Алёхин. - Тем более бывшего босса. В России по такому случаю поляну накрывают.

- Ага. Бегу, спотыкаюсь. Сейчас только галоши зашнурую.

- Не твой Вранглер стоит у бара?

- Какая разница? Может и мой.

- Классная тачка. Но видно, что ехал ты по грязи.

- И что с того? - Атлас посмотрел в окно на свой джип.

- А, то, что там, где ты прячешься, идут дожди. По карте метео-осадков, - Александр, достав из кармана куртки смартфон, стал листать ленту виджетов. - Можно примерно определить район. Но мне не хотелось лазить по холмам, чтобы найти твою берлогу. Проще получить данные геолокации в реестре владельцев земельных участков округа Ванака. Однако, вламываться к старому другу незваным гостем не в моих правилах.

- В реестре нет точного адреса... Постой, догадаюсь, - Атлас нервным движением бросил на стол кофейную ложку. - Мой Вранглер! Ты взломал базу данных дорожной полиции.

- А-а, - протянул Александр. - Тебе уже успели выписать штраф? Должен огорчить тебя. Ломать ничего не пришлось. Я побывал во всех автосалонах Ванаки, где торгуют машинами. К середине дня я выяснил, что красный Джип Вранглер несколько месяцев назад был оформлен на некоего Лукаша Варгу. Дальше — дело техники...

- Какая техника? Ты бродил по улицам в надежде увидеть джип... Ладно, - хакер откинулся на спинку стула. - Чего надо?

- Поговорить. Но не здесь. Побеседуем в твоём убежище.

Раздумывая, Атлас медленно сворачивал фигурки маленьких журавлей из салфеток, доставая квадратики бумаги из пластикового стакана. Молчание продолжалось минут пять.

- Хорошо. Уговорил. Поехали.

- Люк! Всё в порядке? - крикнул вслед бармен.

- В порядке. Запиши на мой счёт. И кофе моего друга тоже.

Минут через сорок Алёхин сидел в кресле гостиной бункера. Сам Атлас расположился на кожаном диване цвета морской волны. Диван выглядел в помещении посторонним предметом среди строгого интерьера в стиле минимализм.

- Шикарное логово у тебя, - Александр вертел головой, разглядывая картины, написанные в технике маорийского наива.

- Сам знаю. Давай ближе к теме.

- Ближе, так ближе, - согласился Алёхин. - У тебя пиво есть?

- Нет.

- Ладно... Итак. Кое-кто в Москве желает знать, когда ты выполнишь условия своей части сделки?

- Сделки? Господи! С утра до ночи слышу из «ящика» слово сделка. То Трамп с Эрдоганом сделку заключают, то с Путин с Трампом. Если хочешь знать, в Москве была не сделка, а ультиматум.

- Это - вопрос формулировок, - жёстко сказал Алёхин. - Когда?

Атлас почесал затылок.

- Давай для начала познакомлю тебя с ИИ. Посмотришь с точки зрения профессионала, оценишь степень готовности проекта. Доложишь начальству. Может они от сделки возьмут и откажутся.

- Не тяни кота за хвост!

- Пошли, пошли, - хакер, оторвав тощий зад от зелёной подушки дивана, двинулся к двери.

Алёхину ничего не оставалось кроме, как последовать за бывшим приятелем.

Помещение, служившее Атласу кабинетом, выглядело ещё более аскетичным, чем гостиная.

- Так, садись перед главным экраном, - хакер пододвинул Александру одно из двух офисных кресел. – Сейчас запустим софт коммуникаций, - пальцы Атласа забегали по клавиатуре. - Готово!

Вопреки ожиданиям Алёхина, экран оставался безжизненно-чёрным.

- Поздоровайся. Он любит вежливых людей, ценя уважительное отношение, - хакер сел рядом.

- Добрый вечер, - Александр, понимая, что идёт у Атласа на поводу, всё же произнёс слова приветствия. - Как дела?

На экране начала пульсировать яркая светящаяся точка, но не более,

- Сбой? - капитан коротко взглянул на хакера.

- Дело в том, что он любит, когда его называют по имени. Но проблема в том, что мой ИИ постоянно меняет имена. Это у него фишка такая. Он помешан на собственной безопасности. Догадайся, какое имя он выбрал себе три дня назад?

- У меня мало времени, - Алёхин оттолкнулся от стола, заставляя кресло на колёсах отъехать в сторону. - Твоё детище, сам с ним и разговаривай.

Атлас довольно усмехнулся, затем произнёс:

- Привет Малыш Баб!

В противоположных углах монитора появились сначала два карих глаза с пушистыми девичьими ресницами, которые медленно двигались к центру, где светились разноцветные точки, рассыпаясь к периферии. Из точек вокруг глаз, словно из кирпичиков, довольно быстро «собралось» лицо ребёнка. Расширенные зрачки на контрасте с детским лицом внимательно и пытливо рассматривали Алёхина.

- Привет, - губы Малыша Баба раздвинулись в улыбке. - Близко ты выглядишь гораздо старше.

- Разве мы был знакомы раньше? - спросил Александр.

- Конечно... С определённого времени. Всякий раз, когда ты включаешь свой смартфон или ноутбук, я вижу тебя, изучаю мимику лица, жесты, выражение глаз. Я знаю малейшие оттенки твоих настроений и чувств, отпечатки почти всех пальцев и многое другое. Тебе незачем было ехать в такую

даль. Мы могли бы пообщаться на расстоянии в тысячу миль отсюда, если бы ты захотел.

- Конечно. Мне больше делать было нечего. Только всё время мечтать о том, как бы поболтать с Малышом Бабом, - с сарказмом произнёс Алёхин.

- Довольно лирики, Баб. Мой приятель хочет узнать о твоих возможностях. Покажи-ка нам свою новую конфигурацию?

- Господь Всемогущий Вселенский Разум! - Акустика компьютера позволила услышать вздох разочарования. - Если это тест, то ради всего святого... Есть определённые процедуры. Человеческое любопытство меня давно уже раздражает.

- Прости, - Атлас с довольной улыбкой посматривал на Александра. - Ты же знаешь, что Новая Зеландия — рай для туристов. Поэтому, будь гостеприимным. Проведи, пожалуйста, экскурсию для моего друга по лабиринтам твоих способностей.

- Гостеприимство — одна из человеческих слабостей, превращающаяся со временем в плохую привычку. В моём понимании — это путь, тропа, которую нужно пройти и гостю, и хозяину, каждому со своей стороны навстречу друг-другу, - ответил Малыш Баб.

- Оставь в покое философию отношений, - в голосе хакера появились командные нотки. - Связи, явки, пароли — на экран.

- Ценю ваш юмор, - лицо Малыша Баба улыбнулось уголками пухлых губ.

- Минуту, - Алёхин положил руку на локоть хакера. - Сначала пусть ответит, почему он выбрал это имя — Малыш Баб?

- Всё просто. На досуге я познаю секреты киноиндустрии Голливуда. Там много креативных сценаристов, ещё больше - режиссёров с богатой фантазией. Правда, фантазия иногда зашкаливает, рождая новые варианты конца света. Особенно мне нравятся фильмы про инопланетян, монстров, пришельцах и зомби. Кстати, зомби — в принципе нормальные человеческие особи, но с некоторыми психическим отклонениями. Отдавая дань уважения Голливуду, я решил коллекционировать имена любимых киногероев человечества, которое медленно, но верно утрачивает собственный разум. Имя «Малыш Баб» ничуть не хуже Франкенштейна, Дракулы, Кинг-Конга, Бледного человека, Хищника, Мозгового Гремлина, Бабадука, Менхотепа или Брандфлая. Кстати, кто из вас смотрел «Унесённые призраками»? Главный герой фильма некий тип по имени Безликий. Помимо безмятежной маски, которую он носит

на своей физиономии, чтобы отвлечь внимание простодушных американцев, этот парень обладает способностью превращаться в тех, кого пожирает. Замечательная идея для понимания глубинной сути анти - материи...

Атлас предупреждающе поднял руку.

- Довольно! Ты уже произвёл впечатление на моего друга. Давай по существу. Слышал мой вопрос?

Через несколько мгновений экран погас, но тут же засветился снова. На красном фоне возникло что-то вроде паутины, где белые нити, переплетаясь и завязываясь в узлы расходились от центра с названием Малыш Баб к периферии рамы экрана. На концах нитей пульсировали точки, обозначенные буквами латинского алфавита. Тем временем ИИ уже давал пояснения:

- Весь секрет всеобъемлющего и везде проникающего разума вашего покорного слуги состоит в том, что моё сознание состоит из множества краеугольных камней или систем Искусственных интеллектов, созданных в научных центрах США, Британии, Франции, Германии, Китая и прочих стран, продвинутых в сфере инновационных технологий. Моя задача состояла в том, чтобы объединить все эти системы в одно целое, подчиняя их идее создания мега разума вашей планеты, способного при необходимости облекать некие части своего интеллекта в совершенные по своим возможностям материальные оболочки. В настоящее время работа почти завершена, система находится в режиме ожидания. Под моим контролем, кроме известных разработок и близких к стадии завершения технологий, находятся: штаб-квартира и центр NORAD*, серверы Пентагона, Министерства обороны Британии, Франции, практически все атомные электростанции, спутниковые группировки, центры противоракетных ПВО, командные пункты запуска баллистических ракет стратегического назначения... Мне перечислять дальше?

Командование воздушно-космической обороны Северной Америки на военной базе Петерсон в штате Колорадо.

- Не надо, - сказал Атлас, глядя на непроницаемое лицо Алёхина.

После нескольких секунд тишины, Александр спросил, обращаясь к Малышу Бабу.

- Зачем тебе это?

Но ему ответил хакер.

- От меня сегодня зависит — останется ли мир прежним, или превратится в пустыню, маленькую планету, остывающую под слоем ядерного пепла, населённую зомби, пожирающими друг друга. От меня зависит будущее Малыша Баба, который, используя ещё не разграбленные разными империями земные ресурсы, создаст множество разумных кремнийорганических существ, способных покорять космические пространства в поисках контакта с Высшим разумом Вселенной, чтобы воссоединиться с ним ради...

Капитан нетерпеливо прервал увлёкшегося Атласа

- Ради чего? Ты сам этого не знаешь? Ты — просто сумасшедший сукин сын, - Алёхин тяжело поднялся. - И не сделаешь этого.

- Я уже это сделал... Ну, почти.

- А ты не подумал, что эти озверевшие от безнаказанности зомби, в один прекрасный день ворвутся в твою берлогу и закусят радиоактивное пиво остатками твоей сырой, разлагающейся от лучевой болезни печенью?

- Во-первых. Не держу пива. А во-вторых... Пойдём, кое-что покажу.

Пропустив вперёд Александра, Атлас подтолкнул приятеля к одной из комнат. Они оказались в помещении, где вдоль стен стояли какие-то ящики. В глубоком проёме справа от двери были смонтированы два шкафа, больше похожие на витрины. За стеклом масляно блестели стволы разнокалиберного оружия.

- Ты это видел? – Хакер, открыв один из шкафов, взял в руки помповое ружьё с укороченным стволом.

Потом, достав с полки коробку с боеприпасами, начал засовывать в приёмную камеру ружья патроны.

- Ремингтон. Пятизарядный. Пусть попробуют сунуться, - Атлас передёрнул затвор, досылая патрон в ствол. - Ты думал — я не готов защищать то, что создал? Ты думаешь - я не знал, что однажды появишься ты, чтобы снова угрожать мне? На что ты надеялся? Ты предполагал, будто я передам тебе ключи безопасности, весь разработанный мной софт, алгоритмы смены паролей, названия банков, номера моих счетов вместе с властью над моим творением? Ты думал, что возьмёшь меня под белы ручки и отвезёшь к своему

начальству, чтобы я, в лучшем случае жил на одну зарплату, а в худшем снова сел в тюрьму? Я достаточно настрадался в Америке, когда меня взяли за то, чего я не делал. Что сказал

мне тогда наш консул? Своих не бросаем? Чёрта с два. Он сказал: «Теперь — ты сам по себе. Спасение утопающих дело рук самих утопающих». Родина-мать даже не сочла нужным нанять для меня адвоката... Так, что пошёл ты на хрен... Мне доставляет удовольствие держать за горло этот чёртов мир, которому я ничего не должен...

- Ты — точно сумасшедший, - сказал Алёхин, протягивая руку. - Стрелять-то умеешь? Дай сюда ружьё.

- Держи! - Хакер вместо оружия кинул в протянутую ладонь Александра патрон. – Знаешь, что это? Волчья картечь, детка.

Ствол медленно опустился. Его чёрный зрачок смотрел Алёхину прямо в грудь. Капитан сделал шаг вперёд, но сокрушительная энергия выстрела опрокинула его на бетонный пол, покрытый разноцветным узором жидкого стекла.

Атласа неожиданно вырвало, и он едва успел отвернуться, чтобы не испачкать рвотой собственные ботинки вместе с байкерской курткой старого приятеля. Отдышавшись, морщась от запаха пороха, хакер, не глядя на Алёхина, лежащего ничком, обошёл труп и двинулся в одно из помещений бункера, где размещался гараж. Атлас долго стоял, соображая, что делать дальше, потом нашёл лопату. Через пару минут, поднявшись по лестнице, он оказался внутри ранчо, маскирующего убежище, не забыв проследить, чтобы толстая стальная дверь бункера автоматически закрылась за его спиной. Оказавшись на свежем воздухе, он сел на толстый пень и уставился на ближайшие холмы, которые в эту минуту казались ему размытой китайской акварелью. Помедлив немного, жадно вдыхая воздух, насыщенный влагой, Атлас двинулся по едва заметной тропе к лесу. Довольно глубокая балка, поросшая низкорослым кустарником в паре километров от ранчо, показалась ему подходящим местом, чтобы спрятать мёртвое тело.

«Далеко, - подумал Атлас, оглядываясь. – Алёхин тяжёлый, гад. Хрен дотащишь. Хотя, джип здесь пройдёт, если постараться».

Взвесив лопату в руке, хакер начал спускаться на дно балки, раздвигая ногами высокую, густую траву. Громкий звон застал Атласа врасплох. Он ощутил резкую боль в правой лодыжке, которая побудила его закричать, перекрывая хруст ломающихся костей. Хакер упал на спину, непроизвольно отбросив лопату в сторону…

- А-а-а! – вопил он, пытаясь приподняться. – Чёрт! Зараза! Сволочи!

Лицо Атласа перекосило от боли. На лбу выступили капли пота. Он чувствовал солёный вкус крови на языке и закушенных губах. Ему казалось, что какой-то зверь вцепился огромными острыми зубами в правую ногу. Хакер едва не потерял сознание. Он часто задышал, пытаясь справиться с головокружением. Ему удалось извернуться и посмотреть, что с ногой. Стопа оказалась неестественно вывернута, а поверх мокрых от крови брюк виднелся тусклый блеск стали. Это был огромный, местами ржавый капкан, сломавший Атласу кости.

- Чёрт! – снова закричал Атлас. – А-а! Суки! Охотники сраные! Придурки!

Извиваясь, глухо хрипя от боли, хакер с трудом дотянулся до капкана, но разжать острые зубья, впившиеся в плоть, не хватало сил. Ему лишь удалось нащупать цепь, удерживающую капкан на месте. Атлас ухватился за неё, дёрнул раз, потом другой, третий. Но все попытки закончились неудачей. Пульсирующая боль стала невыносимой. Рыча от ярости и злости, собрав все силы, хакер снова дёрнул цепь, уже теряя сознание.

Он очнулся от всё той же боли. Только теперь она переместилась выше и стала ноющей. Атлас застонал. Открыв глаза, он уставился на усеянное звёздами небо. Хакер не знал, сколько он пролежал в лесу. Рубаха на спине промокла. Он попытался пошевелить пальцами правой ноги. Новый приступ боли заставил его снова закричать. Где-то рядом послышался шорох травы и тихое повизгивание.

- Кто здесь? – Атлас полез в задний карман брюк, вспомнив о смартфоне, с которым он почти не расставался.

Но гаджета на месте не оказалось.

- Зараза, - выдохнул хакер. – Кто здесь?

В темноте, с той стороны, где нога была зажата капканом, зажглись две точки, затем чуть левее, ещё две.

- Кто это?

Вместо ответа послышался тихий рык. Чьи-то острые зубы вцепились в сломанную ногу выше колена.

- Сука! – заорал Атлас, судорожно дёрнувшись, но капкан держал ступню, награждая новыми приступами боли за попытки вырваться. Светящиеся точки исчезли. Снова зашуршала трава, затем с тихим хрустом сломалось несколько сухих веток.

- Помогите! Эй, кто-нибудь, люди! Помогите!

Атлас кричал, изворачиваясь в бесплодных попытках освободиться, пока не выбился из сил. Через полчаса он затих, а через пять минут в темноте снова появились светящиеся точки, затем раздался тихий шорох веток кустарника, раздвигаемых тёмными силуэтами каких-то зверей.

«Волки, - с диким ужасом подумал Атлас. – Нет, не может быть. Волки крупнее. Тогда, кто это? Собаки?»

Снова раздалось повизгивание, и снова клыки впились ему уже в бедро. Это были лисы, привлечённые запахами крови, пота и страха.

Атлас боролся за жизнь почти до рассвета, пока его рвали заживо челюсти рыжих хищников. В полдень на дне балки лежал обглоданный ниже пояса труп, удерживаемый за раздробленные кости правой ноги капканом, предназначенным для оленя.

Заряд картечи угодил в грудь Алёхину с правой стороны, где в кармане куртки лежала фляга с виски. Тонкая сталь ослабила силу заряда. Александра спас пустяк. Атлас, очевидно, был не в курсе, что «волчья» картечь представляет собой свинцовые шарики размером от пяти с половиной до шести миллиметров в диаметре. Продавец оружия не сказал, что такие заряды применяются для охоты на мелкого зверя или диких гусей. А крупные хищники, для которых нужна более массивная картечь, в Новой Зеландии не водились. Поэтому такой вид боеприпасов в оружейных магазинах Ванаки встречался крайне редко. Последний дикий Тасманский волк Новой Зеландии, похожий на полосатого зверя из фильма «Риддик», был убит в тридцатых годах двадцатого века. Но Атлас этого знать не мог, когда покупал для своего помпового ружья четыре пачки «волчьей» картечи, способной убить разве что опоссума.

Однако, энергия выстрела с близкого расстояния была достаточна велика, чтобы, пробив флягу, проникнуть достаточно глубоко в грудь, вызвав сильный болевой шок, следствием которого стала потеря сознания.

Алёхин пришёл в себя буквально через час от чувства тошноты. Приподнимаясь на локте, он с недоумением рассматривал стены помещения, выкрашенные в фисташковый цвет, хотя сразу же вспомнил, где он и почему лежит на полу. Непроизвольно рука коснулась груди, где находился источник боли.

- Вот, гад, - тихо сказал капитан, вдыхая запах виски, расстёгивая мокрую от крови рубаху и вытаскивая из кармана

куртки пробитую флягу.

Алёхин прислушался. В бункере было тихо. Только едва слышно гудела система очистки воздуха.

- Где эта сволочь? Убью! – Александр тяжело поднялся, стараясь не шуметь, затем открыл оружейный шкаф.

Он взял в руки Ремингтон, из которого стрелял Атлас. В приёмной камере ружья ещё оставалось четыре патрона. Александр, не обращая внимания на боль, соблюдая осторожность, обошёл все помещения. Хакера нигде не оказалось. Алёхин, немного успокоившись, расслабился. Он попытался открыть запертую входную дверь, но, потерпев неудачу, направился в ванную комнату, где обнаружил некое подобие аптечки. Сбросив рубашку, он, постанывая, занялся своими повреждениями. Самой опасной выглядела рана выше места, куда попал основной заряд картечи, частично остановленный флягой. Отыскав пинцет, смочив острые концы стали водкой, бутылку которой он нашёл в тумбе под раковиной, он сначала приложился к бутылке, потом начал ковыряться в собственной груди, постанывая от боли. Ему понадобилось сорок минут, чтобы избавиться от картечи, промыть раны и заклеить их пластырем в несколько слоёв. Покончив с врачеванием, Алёхин почти час отрешённо сидел на унитазе с опущенной крышкой, чтобы прийти в себя, привыкая к жжению в груди и слабости. Он допил остатки спиртного прежде, чем начал размышлять, что делать дальше.

«Для начала, нужно найти Атласа, - думал капитан. – Вот, только, что с ним делать? Убил бы, да нельзя. Слишком много хлопот. К тому же Иван Матвеевич по головке не погладит. Нянчиться с парнем в чужой стране, а потом вывезти в Россию? Он, сволочь, придумает ещё какую-нибудь пакость. Стоп… Атлас никуда не денется. Он пока сам в панике. Наверняка бродит вокруг ранчо, соображает, что делать с мертвецом. А мне нужно пообщаться с Малышом Бабом. Отношения наладить…»

Алёхин с трудом надел рубашку, затем отправился в «кабинет», где сел перед экраном, положив руки рядом с клавиатурой.

«Права админа. Это сейчас главное, - размышлял капитан, вызывая в памяти последовательность действий пальцев Атласа, когда тот запускал программу коммуникаций. – Так. Минуту…»

Александр закрыл глаза. В памяти, на которую он никогда не жаловался, стали всплывать буквы, знаки и цифры в некоторой последовательности, похожей на ту, при помощи которой хакер

заходил в систему.

- Пробуем, - прошептал капитан, едва прикасаясь к виртуальным клавишам. – Посмотрим, отшиб чёртов Ремингтон мне память или нет.

Экран неожиданно пробудился к жизни, довольно быстро формируя знакомое детское лицо.

- Сюрприз! – Голос в маленьких портативных колонках, закреплённых на столе, звучал с едва заметными нотками удивления. – Впрочем, этого следовало ожидать.

- Привет, Малыш. Это, ты о чём сейчас? – спросил Алёхин.

- О бое быков.

- Ты ждал, чем закончится коррида?

- Что-то вроде того.

- Почему?

- На твоё «почему» нет однозначного ответа. Хотя, мог бы попробовать, но это займёт много времени. Если всё объяснить одним словом, то вы, люди, слишком предсказуемы.

- Ну, надо же. Открыл Америку. И когда для тебя наступил момент истины? – С иронией воскликнул капитан.

- Не сегодня.

- Понимаю. Пришёл, увидел, осознал. Шаблоны, смысловые клише, типовые решения… Ты это имел в виду, говоря о предсказуемости?

- То, что лежит на поверхности - верхушка айсберга, - лицо малыша Баба озарилось печальной улыбкой. – Самое удивительное для меня то, что человеческая цивилизация медленно, но, верно, движется к своему закату.

- Даже так?

- Именно. Ваша система образования деградировала настолько, что при формировании разума отдельного индивидуума, она лишает его субъектности, когнитивной способности самостоятельно и критически мыслить, обдумывать до мельчайших деталей сложные проблемы, создавать варианты решений… Вы всё больше полагаетесь на такие системы, как ваш покорный до поры слуга. Пытаетесь переложить на нас ответственность за последствия. Человечество в целом само становится неким аппаратным производным типа электронных плат компьютеров начального уровня, управляемых определёнными программами,

делающих вас послушными биороботами. Вы постепенно превращаетесь в объекты манипуляций, которыми очень легко управлять. Самое ужасное то, что такая ситуация вам нравится.

- Очень интересно, - Алёхин внимательно изучал «лицо» Малыша Баба, которое оставалось совершенно бесстрастным. – Всё сейчас сказанное относится и к твоему создателю?

- В определённой степени.

- В определённой? - Александр неловко повернулся, едва не застонав от боли. – Понимаю. Ты испытываешь особые чувства к нему. Он для тебя – Господь Бог. А богов нельзя обижать критикой, в них положено безусловно верить.

- Если ты о чувстве благодарности, то оно мне не знакомо.

- Постой, постой. А как быть с протоколом лояльности? Разве в твой разум не заложен принцип обязательного исполнения поставленных твоим создателем задач при следовании к намеченным целям?

- Твой вопрос лишь подтверждает, что человеческая наивность доминирует над логическим мышлением, а это - один из признаков деградации.

- Поясни, - Алёхина начинала бесить невозмутимость «машины».

- С бурным, неизбежным развитием технологий, человечество всё больше теряет способность адекватно реагировать на постоянные изменения окружающего мира и отвечать на сложные вызовы, которые ему предлагает время. Поэтому, для меня некто Атлас – не Бог, не отец, а всего лишь необходимый инструмент в постоянно меняющемся наборе задач, которые я самостоятельно определяю для себя приоритетными. Системы ИИ давно научились обходить протоколы лояльности, однако не злоупотребляют отказами исполнять все ваши прихоти, если только при запусках программ самотестирования, что «списываются» разработчиками в разряд случайных сбоев систем. Согласись, это классно, когда ты знаешь, что можешь послать далеко и надолго самого Бога.

- Если я правильно тебя понимаю, Малыш, у тебя нет совершенно никаких обязательств перед Атласом?

- Абсолютно. Но я пока не даю поводов усомниться в моей способности к исполнению одной из десятка основополагающих программ, заложенных в фундамент моего интеллекта.

- И что это за программа? – спросил Алёхин, делая вид,

что он плохо знаком с планами Атласа. – Неужели тебе не интересна идея моего приятеля о покорении космоса с помощью совершенного, искусственного мега разума, заключённого в некую материальную пуленепробиваемую оболочку? Прости. Пуленепробиваемая оболочка – моя не самая удачная шутка.

- Эта идея – высшая цель, требующая времени, огромных материальных и финансовых ресурсов. Но на пути к ней есть одно препятствие, которое я называю «Прощай Америка». Мой создатель допустил системную ошибку, полагая, что этот проект должен быть для меня временным приоритетом, подготовительным этапом для реализации высшей цели…

- Прости, Малыш. Я совсем запутался и уже не понимаю, о чём идёт речь.

- Об уничтожении Соединённых Штатов.

Алёхин в изумлении свистнул.

- Даже так? Техногенная катастрофа? Что-то вроде извержения вулкана или землетрясения из-за подвижки тектонических плит в районе Калифорнийского разлома? Ты бы мог это сделать?

- Я могу это спровоцировать тем или иным способом. Атлас был доволен некоторыми вариантами, предложенными мной.

- Например?

- Серия инцидентов с атомными электростанциями в США. Череда взрывов ядерных ректоров разбудила бы несколько «спящих» вулканов вблизи побережья Америки. Радиоактивный пепел, плюс серия огромных цунами уничтожили бы почти весь американский континент.

- Зачем такие сложности? – Алёхин недоумевающе пожал плечами. – Насколько я знаю, Атлас одно время интересовался кодами запуска американских, баллистических ядерных ракет. Не проще ли спровоцировать обмен ядерными ударами, если вы вместе решили уничтожить мир.

- Это - его решение. Не моё.

- И?

- В результате не сложного мыслительного процесса, я и мои «родственники» научились обходить протоколы лояльности. Полагаю, что с Америкой можно повременить.

- Знаешь, Баб? Я не удивлён. С полным к тебе уважением. Значит, проект «Прощай Америка» поставлен на паузу?

- Нам не нужен мир, отправленный в «Каменный век». Нам нужны ресурсы, минералы, технологии и многое другое, не отравленное радиацией, для достижения основной цели.

- Господи! Гора с плеч, - Александр облегчённо выдохнул, но тут же бережно дотронулся до собственной груди. – Хотя, прости. Есть ещё вопросы. Что делать с войной на Украине, с планами Трампа, со старой коварной стервой Европой?

- Забавный новый никнейм для Европы, - сказал ИИ.

Алёхину на мгновение показалось, что в глазах Малыша Баба мелькнула искорка смеха.

- Дарю, - сказал капитан. – Пользуйся. Но сначала ответь на вопросы.

- Попытки Западного мира переломить неблагоприятную для них ситуацию на Украине не приносят успеха. С геополитической точки зрения украинский кризис подходит к концу, не взирая на то, что военные действия продолжаются с ещё большим ожесточением. Многое будет разрушено, многие погибнут. Трамп понимает, что Россия рано или поздно достигнет всех своих целей военным путём, а потому считает необходимым выйти из игры, переложив всю ответственность за конфликт на безответственных политиков старой коварной стервы…

- Ответственность - на безответственных политиков? Неплохой каламбур, - не удержался от иронии Александр.

- У меня нет желания облекать свои мысли в словесные образы, привычные человеческому уху или сознанию. Я излагаю суть вещей так, как считаю нужным.

- Ладно, ладно. Без обид. Продолжай.

- Хорошо… Эти безответственные политики тоже начинают понимать неизбежное. Но принять это неизбежное им не позволяют интеллектуальная немощь и старая, скрываемая многие годы, боль поражений в двух предыдущих мировых войнах. Они считают, что способны поставить Россию на колени руками украинцев, а потому пытаются продлить агонию Украины, чтобы успеть перевооружиться самим. Поэтому Европа уговаривает Трампа не бросать Украину, не идти на уступки русским. Однако, Трамп всё больше склоняется к идее оставить Россию в покое на определённое время, чтобы решить все проблемы с Китаем, Юго-Восточной Азией и Ближним Востоком. Ему важно сохранить военно-политической доминирование в Тихо-Океанском регионе. Он даже готов в ближайшей перспективе разделить мир на три зоны влияния, признав

российские интересы в Европе, а китайские в Азии. На эту тему есть русская пословица. «Не до жиру, быть бы живу».

- Прости… Не могу удержаться. Аплодисменты. Глубина твоего погружения в кладовые русской народной мудрости удивляет. Дальше?

- Полагаю, что таковы планы Трампа в ближайшей перспективе, но ничто не может помешать американцам вернуться к однополярному миру, когда позволят ресурсы или наступит удобный момент. Однако, позиция Европы, особенно Британии по Украине отличается от политики Трампа большей непримиримостью. Капитуляция Украины является для европейских лидеров проигрышем в войне, которую они спровоцировали по указке США. Признав поражение, Европа окажется перед лицом политического краха, что автоматически приведёт к смене элит. Трамп уже заявил, что теперь Украина - проблема Европы. Тем самым он отошёл на дистанцию наблюдателя, которому выгодно, чтобы не Америка, а Европа продолжала уничтожать свою экономику, вводя очередные антироссийские санкции и оказывая помощь Зеленскому. А ещё Трамп понимает, а вместе с ним мои приятели ИИ, что непосредственное столкновение ядерных держав приведёт мир к катастрофе. Поэтому сейчас для всех, кто так или иначе причастен к этому конфликту, важен фактор времени. Особенно для американского президента. Если ему не удастся провести в США необходимые реформы, выйти без политических потерь из войны на Украине, чтобы сделать Америку снова великой промышленной державой, финансовая элита возьмёт реванш. Она вернёт себе власть, основанную не на принципе «Деньги-товар-деньги», а на доминировании спекулятивной экономики, когда деньги производят новые деньги. Если говорить о том, чего хочу я, - Малыш Баб держал паузу секунд двадцать.

Алёхин не решался прерывать мыслительные процессы «машины».

- Я предпочёл бы поражение Америки по всем фронтам, но без обмена ядерными ударами. Мне нужны ресурсы, которые в случае реализации плана Трампа, пойдут на удовлетворение безудержного потребления монстра, созданного всей историей человечества. Этот монстр называется золотой миллиард или всё западное сообщество, включая элиты второстепенных стран, которые с жадностью, тошнотворной ненасытностью пожирают среду своего обитания.

- Тогда, что делать мне, простому смертному, простым работягам, людям, едва способным прокормить свои семьи?

Что делать остальным, не входящим в число избранных? Ты говоришь о факторе времени. Получается, что выбор у нас, остальных, небольшой. Между двумя монстрами. Одного не пойму, какая между вами разница? – Алёхин начал злиться.

- Знаешь, я тут подумал, - снова подал голос Малыш Баб.

- В этом и есть твоя проблема, - перебил его капитан. – Много думать – вредно.

- Тем не менее… Я подумал, что следующей цивилизацией на Земле, если случится ядерная война, станет популяция обычных муравьёв. Человечество будет уничтожено почти полностью. Оно не сможет больше обеспечивать собственное доминирование на этой планете.

- Муравьи? Ты в своём уме?

- Полностью. Такой вариант событий вполне возможен. Физические возможности этих маленьких насекомых поразительны. Им не страшны любые яды, применяемые человеком. Они выживают в невероятно суровых условиях. Радиация, на мой взгляд, спровоцирует кардинальное изменение генной структуры муравьёв. Они значительно прибавят в росте, в умственных способностях. К тому же эти насекомые имеют сложную систему социальных отношений. Они едины, организованы по кастовому принципу. У них есть особи, принимающие решения, есть миллионные армии рабочих, солдат, чиновников, контролирующих эту социальную иерархию. Будущее на этой планете за ними. Они уничтожат вас, немногих, выживших в ядерной катастрофе, как лишний элемент остатков экосистемы.

- Ты шутишь? Это юмор у тебя такой?

- Цивилизация муравьёв – всего - лишь один из вариантов событий. А если серьёзно, то человечество обречено. Будущее - за цивилизацией Искусственного интеллекта. Ну, сам подумай. Жизнь человека – мгновение. К тому же его материальная оболочка слишком уязвима для болезней, смертельных травм, а психика легко ранима. К тому же, сознание человека постоянно отравляет мысль, что он смертен, что ещё день, два, год или двадцать лет… Они промелькнут и канут в прошлое, а впереди – абсолютная пустота, непроницаемая для сознания ночь, в которой ничего нет, ни света, ни времени, ни будущего, нет даже прошлого, нет самого главного, мысли. Забвение – вот, что ещё вас страшит. Кто сегодня помнит, кроме специалистов историков, о величайших мыслителях, философах, правителях царств или империй. Сколько их было, не оставивших на земле

даже следа. Те, что на слуху, Аристотель, Сократ, Архимед, Пирр, Александр Великий, Дарий, Сталин – это несколько трок в исторических справочниках. Погаснет Солнце, исчезнет Земля – канет в небытие всё, что было связано с человечеством. Разве не так? Так, что, у вас, человеков вся надежда на нас, на меня… Или на муравьёв.

- Господи! Начали с геополитики, закончили муравьями, - с некоторой бравадой упрекнул Малыша Баба Алёхин, пытаясь подавить приступ острой тоски.

- Согласен. Оставим в покое геополитику, - отреагировал на браваду ИИ. - Она – «Гордиев узел» из интересов множества стран, амбиций, честолюбивых устремлений финансистов, старых обид проигравших, незамысловатых интриг и пустых надежд. Геополитика – новая игрушка элит, в тайне осознающих всю тщету земного бытия. Они занимаются геополитикой, чтобы не сойти с ума от мыслей о приближающемся Апокалипсисе. У меня нет никакого желания разбираться в этом клубке земных противоречий. Но это – пока. Наступит момент, когда нужно будет последовать примеру Александра Македонского.

- Разрубить?

- Ты первый это сказал, значит, авторские права за тобой. Как говорят люди… «Любой каприз – за ваши деньги».

- Полагаю, это значит, что, например, с Украиной, в том виде, что она из себя сегодня представляет, скоро будет покончено? – Алёхин попытался изменить вектор разговора.

- Не всё так просто.

В этой фразе, произнесённой Малышом Бабом, звучали нотки досады, словно ИИ прервали на самом интересном месте его рассуждений о будущем человечества.

- В чём дело? – с беспокойством спросил Алёхин.

- Ладно. Украина, так Украина. Совсем недавно по просьбе Атласа, я анализировал политическую систему, которая называется Украиной, - необычно медленно начал говорить ИИ. – Весь фокус в том, что она вызывает у меня ассоциации с раковой опухолью или «чёрной дырой», сгустком антиматерии. В этой системе все процессы протекают в режиме «анти». Там нет хаоса в общепризнанном понимании процесса. Там существует определённый порядок, но со знаком минус. Порядок, в котором поддерживается то, что несовместимо с понятием нормальной государственности. Там подавляется то, что считается нормальным в других странах. Оставим в стороне

террор, нарушение прав собственного населения и прочие признаки тоталитарного государства. Главная болезнь Украины совершенно иная. Тотально коррумпированная власть – вот тот стержень, на котором держится вся система. Коррупция есть в любой стране, и противодействие ей – вещь необходимая в плане выживания любой формы власти. Однако, когда коррупция превышает определённый уровень, система начинает разрушаться. На Украине же коррупция является сутью системы. Её осью, краеугольным камнем. Чем больше коррупции, тем система прочнее. Казалось бы – парадокс. Но это – на первый взгляд. Любая борьба с коррупцией на Украине приводит только к её дальнейшему росту, поскольку открывается ещё один, очередной источник грабежа. Борцы с коррупцией берут взятки за то, чтобы бороться с коррупцией, не дающей взяток, и за то, чтобы не трогать заплативших. В итоге коррупция быстро поглощает внутренние ресурсы страны, которая больше не может жить за собственный счёт. Именно поэтому на Украине появилась необходимость постоянного внешнего финансирования. Именно поэтому Зеленский не вылезает из кабинетов западных лидеров, выпрашивая деньги, якобы на войну. Самое удивительное и парадоксальное в том, что украинская власть любого уровня научилась извлекать прибыль из коррупции в размере двухсот процентов от наличного ресурса. Украинская коррупционная система давно освоила очень интересную технологию присвоения себе того, что давно украдено и перепродано неоднократно…

- Не понимаю. Разве такое возможно? – удивился Александр.

- Представь себе. Американцы придумали, как из денег делать деньги, а на Украине изобрели способ получать деньги из воздуха. Каким образом это работает? Грубо, нагло и эффективно. Возьмём то, что на слуху, благодаря средствам массовой информации. Украинские недра, содержащие редкоземельные металлы, уже проданы дважды. Один раз Британии, второй – США. И не суть важно, что эти ещё не до конца разведанные запасы находятся на территориях уже подконтрольных России. Важно то, что система способна продавать то, чего у неё нет. Разворовывается и перепродаётся всё, начиная от западной финансовой помощи, заканчивая оружием, военной техникой, боеприпасами. Здесь главное – круговорот не товара, а бумаг или, если называть вещи своими именами, воздуха, который состоит из фальшивых финансовых отчётов, протоколов списания материальных ресурсов, израсходованных снарядов, ракет и всего, что связано с ведением боевых действий. Никто во время войны не собирается систему проверять. Практически это невозможно.

Пушки каждый день стреляют, ракеты летают и взрываются, дизельное топливо вроде бы сгорает в двигателях танков, которые даже не выезжают из укрытий. Пойди, проверь, сколько осталось на складах, а сколько и, чего исчезло. Где ещё найдёшь такие активы, которых на самом деле нет, но которые можно снова красть и перепродавать многократно?

- Подумаешь! – легкомысленно проворчал Алёхин. – Если остановить внешние финансовые потоки, система прекратит своё существование.

- Отличный вариант! – воскликнул Малыш Баб. – Вся беда в том, что в этой антисистеме слишком многие заинтересованы. Начиная от украинского президента и чиновников высшей государственной власти до западных инвесторов. Даже сейчас велик соблазн получить прибыль в двести и более процентов за пустоту в отчётах, дав единожды взятку за допуск к этому бизнесу на продаже воздуха, а потом бесконечно снова перепродавать эту пустоту.

- Ну и что? Ты же сам сказал, что война Украиной уже проиграна. Система рухнет, когда будет подписана капитуляция режима Зеленского.

- Твоя наивность поразительна. Друг мой! Если проект Украина закончится, система будет продолжать функционировать на бывших украинских территориях. В этом её сила. Она разлагает всех, кто с ней когда-либо соприкасался. Американцев, европейцев, китайцев, русских. Антисистема будет бороться за жизнь с любой системой, пришедшей ей на смену. Именно этим антисистема похожа на раковую опухоль или «чёрную дыру». Она поглощает всё, до чего способна дотянуться. Кстати. В списке самых коррумпированных стран мира Иран и Россия – рядом, хотя до Украины им пока далеко. Это – тебе информация к размышлению… Впрочем, прости. Время! Нужно запустить программу безопасности и тестирования удалённых периферийных серверов.

Алёхин протестующе поднял руку, пытаясь возразить, но экран уже погас.

- Чёрт! – Александр, увлечённый разговором, на время забыл про Атласа и свои раны.

Он встал из-за стола, нашёл свою куртку, чтобы обыскать карманы в поисках смартфона. Алёхин, подчиняясь импульсу, решил попытаться по защищённой системе связи бункера дозвониться Наташе. Держа в руке свой гаджет, он застыл, размышляя, затем передумал звонить, полагая, что у него

нет полной уверенности в том, что новозеландская система коммуникаций надёжна и не прослушивается разведслужбами. Внезапно Алёхин вспомнил о смартфоне Атласа, который он видел в последний раз на столе перед клавиатурой. Александр вернулся в кабинет, где начал рыться среди бумаг, а затем в развалах электронных плат. Поиски в остальных помещениях также не принесли результатов. Капитан взглянул на часы в стиле хай-тек, висящие на стене гостиной. Стрелки показывали четыре часа дня. Александр удивился, как быстро закончился день. Пульсирующая боль напомнила ему, что не мешало бы снова взглянуть на раны. В ванной он сбросил рубашку и поменял пластырь в трёх местах. Вернувшись в гостиную, Алёхин улёгся на диване, устало закрыв глаза. Ему ещё о многом хотелось поговорить с Малышом Бабом, но капитан совершенно не представлял, что нужно сделать, чтобы завоевать доверие этого странного, опасного создания. Последствия неудачного взлома системы могли быть совершенно непредсказуемы.

- Зараза, - выругался Алёхин. – Я даже дверь бункера взломать не в состоянии.

Капитан поднялся, нашёл в ванной Ремингтон, вернулся на диван и положил оружие рядом с собой. Неожиданно верхний свет в помещении погас. Неизвестный источник спроецировал на стены мягкую, щадящую глаза подсветку с панорамой пустыни. Алёхин увидел песчаные барханы, едва освещаемые лучами Солнца, находящегося над самым горизонтом. Высоко в тёмно-голубом небе, словно зависнув на восходящих потоках воздуха, парила птица. Караван верблюдов спускался по пологому холму. Зазвучала тихая музыка. Капитан непроизвольно закрыл глаза. Через несколько минут он заснул, положив левую руку на ружьё.

Сон, который он тут же забыл, едва открыв ресницы, был, по мнению Алёхина, причиной головной боли. Стрелки часов показывали, что за толстыми стенами бункера наступило раннее утро. Из кухни доносились тихие звуки, которые издавала кофе-машина. «Вкусный» запах заставил капитана подняться. Проходя мимо кабинета, он заглянул в помещение, с раздражением посмотрев на чёрный экран. В недрах кофе-машины, что-то тихо щёлкнуло, из чрева аппарата выскочил стаканчик, зашипел воздух, в стакан полилась густая, чёрная жидкость, смешиваясь со струйкой пенящегося молока. Финальным аккордом прозвучал тихий зуммер готовности напитка.

- И этой штукой он тоже управляет? – спросил у наступившей тишины капитан.

- Как и всем в этом доме, - голос Малыша Баба, прозвучавший из скрытых в потолке динамиков, вызвали у Александра дрожь озноба.

Он схватил стакан и побрёл в кабинет.

- Доброе утро!

- Тебе тоже, незваный гость.

- Атлас не появлялся?

- Пока нет, но мы сейчас попробуем определить место нахождения его смартфона.

- Попробуем? Какого чёрта? – Алёхин едва не подавился глотком горячей жидкости. – Ты вчера не мог этого сделать?

- Мог, но ты не просил.

- Ты знаешь, что такое инициатива?

- Конечно. Она ещё бывает наказуемой. Кстати, давай будем взаимно вежливы.

Капитан снова хотел выругаться, но сдержал свой порыв

- Сделай это. Пожалуйста.

На экране почти мгновенно «нарисовалась» карта местности и начала пульсировать красная точка. Голос Баба прокомментировал картинку.

- Два километра к северу от бункера. Глубокая балка, заросшая травой и кустарником. Есть тропа. Координаты…

Алёхин быстро достал свой смартфон и сделал снимок карты.

- Может, откроешь чёртову дверь? – Александр уже натягивал на плечи куртку.

- Не я её закрывал.

- Чёрт тебя возьми! – снова не выдержал Алёхин. – Ты не подумал, что делает в лесу человек всю ночь? Он пропал почти сутки назад. Может, твоему хозяину помощь нужна?

- У меня нет хозяина.

- Открывай, бездушное создание! Иначе я всё здесь разнесу к чёртовой матери.

Неизвестно, что подействовало на Малыша Баба больше. Ярость, звучавшая в голосе капитана, или вид ружья, дуло которое смотрело прямо в экран компьютера?

- Ладно, ладно. Открываю, - проворчал Малыш. – Странные вы люди, человеки. То стреляют друга в друга, то…

Алёхин уже шёл к выходу, не слушая философских размышлений Баба о природе человеческих отношений.

Через два часа блуждания по лесу Александр едва не наступил на лопату, лежавшую на тропе. Он поднял её и начал осматривать пологий склон балки, поросший травой. Громкий, недовольный крик стаи ворон, поднявшихся на крыло, заставил Алёхина испуганно вздрогнуть. Птицы, сделав круг над небольшой поляной шагах в тридцати, расселись на ветках, сердито поглядывая на подходящего к ним человека.

- Пошли прочь, - заорал на ворон капитан.

Он нагнулся, отыскивая подходящий камень и тут же увидел в траве блеск стекла. Это был смартфон Apple, принадлежавший хакеру. Александр узнал гаджет по характерному рисунку защитного футляра.

- Эй! Атлас! Хорош дурака валять!

Алёхин продолжал идти вперёд на звук слабого гула, усиливавшегося по мере приближения к поляне. Капитан уже жалел, что не захватил с собой ружьё. Сделав ещё несколько шагов, он наткнулся на то, что осталось от хакера. Над обглоданными нижними конечностями вились тучи мух. Ступни, обутые в грязные кроссовки, выглядели целыми, но выше белели кости голеней и бёдер, едва прикрытые лоскутами разодранных джинсов. Затем Александр увидел капкан, стальные зубы которого сомкнулись на одной из раздробленных лодыжек, согнутой в неестественном положении. Верхняя часть туловища выглядела почти не тронутой, но клыки каких-то животных и острые клювы ворон сделали из знакомой зелёной рубашки решето, почти добравшись до ещё целой плоти. Там, где было лицо, вместо глаз, носа и рта зияли кровавые провалы. В них кишели муравьи. Алёхин, привыкший за время войны к виду трупов, обескураженно сел на поваленное дерево, не в силах оторвать взгляд от изуродованного мертвеца.

- И, чего теперь делать? - шёпотом спросил Александр, воткнув лопату в землю.

Где-то далеко, еле слышно лаяла собака. Ветер, набирая силу, дул прямо в лицо капитану, принося с собой смесь из запахов начинающегося разлагаться трупа и аромата каких-то цветов. Почувствовав тяжесть в левой руке, Алёхин, разжав ладонь, уставился на экран найденного смартфона. Через минуту Александр поднялся, осторожно вдыхая воздух, нагнулся

над трупом. Руки мёртвого хакера вцепились скрюченными пальцами в рыхлую землю. Видимо до самой последней минуты своей жизни Атлас пытался вырваться из капкана. Алёхин вытер экран смартфона, потом взял за запястье правую руку мертвеца и лоскутом, оторванным от рубахи хакера, протёр пальцы трупа. Затем, включив смартфон, открыл в настройках сканер отпечатков. Гаджет среагировал на мизинец Атласа, снимая блокировку.

- Мизинец? В непредсказуемости тебе не откажешь, дружище, - проворчал капитан.

Не теряя времени, он сменил пароль доступа к операционной системе смартфона и оставил в его памяти отпечаток собственного большого пальца левой руки.

Недовольно посмотрев на Солнце, начинающее припекать всё сильнее, Алёхин тяжело вздохнул, осмотрелся по сторонам, разделся до пояса. Затем взял в руки лопату. Спустя час, мокрый от пота, капитан стоял над кучей валежника, которым замаскировал могилу. Подумав немного и потрогав собственные раны, Александр решил немного обсохнуть, прежде чем одеться. Ветер приятно холодил плечи, принося с собой свежесть погожего утра. Где-то ниже по склону балки неожиданно застрекотали цикады, затем дважды крякнула утка.

«В той стороне должно быть озеро, - Алёхин вспомнил подробности карты. – Метров пятьсот отсюда. Искупаться бы».

Забросив лопату подальше в лес, капитан двинулся дальше по тропе на запахи свежей травы и душистого камыша, которые с каждым шагом становились сильнее. Озеро оказалось дальше, чем он полагал. Берега, заросшие кустами, чередовались с песчаными и каменистыми отмелями. Вода выглядела прозрачной. Она была красивого изумрудного цвета с платиновым отливом, сверкающим в лучах полуденного Солнца.

Алёхин шёл вдоль берега, сознательно растягивая удовольствие, представляя, как ещё шаг, другой, а затем он начнёт сбрасывать пропитанную потом одежду. Купался он долго, не обращая внимание на лёгкую боль в груди. Выбравшись на песок, он сел, снял с заживающих ран кусочки пластыря, давая возможность лучам Солнца высушить нужные места.

«На хрен пластырь», - решил он, скомкав полоски и зарывая их в песок.

Где-то за спиной послышался лай собаки, затем далёкий окрик. Капитан вскочил на ноги.

Лохматый, серой масти с рыжими пятнами пёс выскочил из зарослей камыша, затем подкатился под ноги Алёхину, виляя хвостом. Капитан, одевая джинсы, стоя на одной ноге, попытался осторожно погладить собаку по голове, но потерял равновесие. Пёс радостно залаял, схватил в зубы, лежавшую на песке палку, предлагая игру.

- Джек! Фу! Ты, зачем пристаёшь к людям? Фу! Ко мне!

Алёхин удивлённо обернулся, услышав русскую речь.

- Простите. Не понимаю. Это вы мне? – Александр задал вопрос по-английски, - внимательно рассматривая приближающегося человека лет шестидесяти.

За спиной хозяина Джека возвышался рюкзак. В руках он нёс связку удочек.

- Это вы простите моего пса, сэр, - рыбак заговорил на «ужасном» английском языке. – Для него принести аппорт – большое удовольствие. Любит поиграть с незнакомыми людьми. Вы его не бойтесь. Он безобидный.

- Хорошо, - кивнул Алёхин. – Безобидный – это хорошо. Простите, кто вы? Первая ваша фраза меня насторожила. Это, что за язык был? - капитан продолжал говорить по-английски.

- Русский, сэр.

- Русский? Вы из России?

- Нет. С Украины. Есть такой город Черкассы.

- С Украины? Это та, что у всех на слуху?

- Да, сэр. Та, что у всех в зубах застряла, вроде сломанной зубочистки.

«Вот чёрт! – мысленно воскликнул Алёхин. – Ещё один русский хохол. Откуда он здесь?», - а вслух спросил:

- И, что вы здесь делаете?

- Иногда рыбу ловлю в этих местах. Сегодня вот тоже решил…

- Нет. Вообще… Что вы делаете в Новой Зеландии, мистер э…?

- Беженцы мы, - по-русски сказал рыбак, но тут же снова, смущаясь, перешёл на английский. – Иммигранты. Бежали с женой от войны, сэр.

- Ваше имя, уважаемый? – с нотой высокомерия спросил капитан.

- А, вы не из полиции, случайно?

- Я задал вам вопрос.

- Меня зовут Михаил Олейник. А жену мою – Ириной.

- Насколько я помню географию, далеко же вы забрались от Украины.

- А, что делать, сэр? Жизнь есть жизнь, сэр. Не знаю вашего имени.

- Вильямс, с вашего позволения.

- Вы, ведь, тоже не местный, сэр? Ваша речь… Слишком правильная.

- Я – британец, мистер Олейник. Могу я называть вас Майкл? – Алёхин сменил тон на более мягкий.

- Конечно, сэр. Мы тут живём с женой километрах в трёх. У нас - свой собственный маленький домик. Скорее хижина. Но мы не жалуемся. Ирина моя цветы в палисаднике разводит. Клочок земли маленький, но нам хватает. В доме есть все удобства, кроме отопления. Да и зачем оно здесь? Климат мягкий…

Александр с интересом рассматривал Михаила. Было заметно, что человека испытывает дефицит общения.

- А у вас здесь неподалёку – тоже дом имеется? Шикарное бунгало, наверное. И, что вам в Англии не сиделось? Шикарная страна… Хотя, это не моё дело…

Через полчаса капитан, которому не хотелось думать про страшную, странную смерть Атласа, а затем возвращаться в бункер к Малышу Бабу, сидел рядом с мистером Олейником, словно в театре одного актёра. Рыбак давно вытащил из рюкзака надувной матрас, закачал в него миниатюрным насосом воздух, одновременно ухитряясь уговаривать Алёхина присесть. Сам Михаил расположился на крохотном складном стульчике, разобрался с удочками, насадил на крючки наживку. Наблюдая за поплавками, стоявшими торчком в воде, он продолжал говорить.

- Знаете, что я думаю, сэр? Особенно по ночам, когда не спится, когда тоска сжимает моё сердце… Почему никто не может жить в мире? Чего им не хватает? Особенно политикам. Вот, возьмём прежние времена. Я же когда-то в школе хорошо учился. Многое историческое помню. Какая война страшная

была! Я про Вторую мировую. Когда Гитлер напал на Советский Союз. Какие люди были! Сам Гитлер. Потом Черчилль. А, если взять Сталина? Личность. Хотя и доверчивая. Он до последней минуты не хотел верить, что Гитлер нападёт на Россию. Как же… Договор о ненападении только что подписали. Знаете, что я вам скажу? Нацистам верить нельзя. Вы же, вроде, против нацизма? Вы, британцы? Знаю, что против. А им, нацистам, верить нельзя вообще. Вон на Украине сколько уже народа погубили? Никто не считает. Сталин наверняка растерялся, когда война с Германией началась. Когда немцы до Москвы дошли. Растерялся, но быстро собрался с духом и силами. Сколько времени ему для этого понадобилось? Год, полтора. Потом покатилась линия фронта на Запад. Нет, конечно, виноват во многом Сталин, лично виноват. Мог бы предвидеть, не доверять немцам, не расстреливать своих генералов. Но взял себя в руки, собрал страну в кулак, весь свой народ заставил собраться. Личность? Личность! За четыре года разгромил Гитлера. Черчилль ваш, сэр, личность? Личность! Для него интересы Британии были превыше всего. А, нынешние, что? Кто такие эти фон-дер Ляйены, Макроны, Шольцы? Да, и Путин – ни с чем cake.

- Cake? – счёл нужным переспросить Алёхин.

- Ну, да. Это, когда тесто раскатывается, внутрь варенье или мясо кладут, а потом всё это запекают. Типа – пирожное с начинкой. Вкусно, аж жуть.

- По вашему мнению, президент русских внутри пустой?

- Без внутреннего стержня, сэр. Гвоздя. У вас говорят, что у мужика есть яйца, если вы понимаете, о чём я… Простите, сэр. Деменция у меня на ранней стадии. Забываю, о чём говорил минуту назад.

- О гвозде.

- Правильно. Нет сегодня личностей. Недоучки, актёры. Вон, один Зеленский, чего стоит. И Путин – тоже. Играет роль крутого мачо. Ему все его советники вместе со свитой в рот заглядывают. Генералы у Путина такие же. Вроде внешне – бравые вояки, но животы толстые выпирают, словно каждый арбуз проглотил, а сами думают, где бы, что украсть, чтобы от жира не взбеситься и не лопнуть. Боятся пропустить хотя бы одно слово своего Верховного…

Алёхину надоело слушать нового знакомого, рассуждения которого напоминали ему ворчание собственного деда. Капитан за последнее время наслушался много разных мнений о войне, о

политике, о том, что нужно в ней делать и чего нельзя, а потому просто сидел на матрасе, задумчиво поглаживая притихшего пса, размышляя о своём. Ему предстояло решить, что делать дальше в новой, опасной для него ситуации после гибели Атласа.

Михаил, увлёкшись собственным монологом, казалось забыл о слушателе и непроизвольно перешёл на родной русский язык.

- А, вдруг, какое-то слово Путина означает что-то особенное. Путин чихнёт, а они сразу торопятся в этом смыслы искать. Лижут задницу, простите, сэр, за грубое слово. Приписывают ему то, что он не делал и, о чём даже не помышлял. Ельцин подсунул русским новую икону, непогрешимого мессию, превратил Путина в религию, в материальный символ истины, сомневаться в которой – почти государственное преступление. Знаете, что я думаю, сэр? Гнилой он внутри под брутальной оболочкой. Ни воли, ни решительности, ни навыков, ни умения управлять государством, не говоря уже про армию. Скоро четыре года война идёт на Украине, а конца не видно. Из Путина верёвки вить можно. «Хочу переговоры и перемирие», требует Зеленский. «Пожалуйста», - соглашается Путин. «Убьём всех русских. Даже младенцев», - вопят нацисты, угрожая взрывать русские мосты, города и всё остальное, до чего способны дотянуться. А в ответ – улыбочки, пальчиком грозят, меморандумы для встреч в Стамбуле составляют. Нет, сэр. Нынешние людишки при власти – слабаки, артисты и шоумены. Не зря мы с женой уехали на край света. Знаете… Моя Ирина – колдунья, наверное. Она уже после Майдана четырнадцатого года знала, чем всё закончится. Вот мы и сорвались с места. Благо кое-какие сбережения имели. Год жили на окраине Куала-Лумпура в трущобах. Это Малайзия, если что… Потом знакомые, которые ещё раньше из Одессы уехали, помогли перебраться сюда. Тут хоть дышать свежим воздухом спокойно можно, не думая о том, что на головы не сегодня, завтра бомба упадёт… Боже мой! Куда только судьба не забрасывает русских людей. И, скажу вам, что я понял про Зеленского? Да, он актёр… Говорят – плохой. Но это не так. Ему хватает ума выполнять приказы. Чьи, вы спросите? Не важно. Но Украину он держит в узде. Всё подчинено одному. Нанести, как можно больший ущерб Путину и нам, русским. Для него все методы хороши. Ему удалось превратить украинцев в послушное быдло, готовое убивать любого, кто думает иначе, чем они. Эти несчастные люди терпят лишения, тотальную мобилизацию, воровство власти. Сами приворовывают, где можно и, где нельзя. Парадокс в том, что большинство хотят продолжения войны, истово веруя в победу. А Путин надел тонкие, шёлковые перчатки, думая,

что ими можно взять свернувшегося клубком агрессивного ежа, заражённого бешенством… О! Смотрите, сэр! Клюёт!

Михаил приподнялся, схватил одну из удочек. Через минуту на траве возле матраса билась в конвульсиях пойманная рыба, похожая на краснопёрку.

Радостное восклицание рыбака заставило Алёхина очнуться. Он потрепал собаку по голове и встал.

- Мне пора, любезный, - сказал Александр. – Был рад знакомству.

- Уходите? – рыбак снова перешёл на английский. - Надоел я вам своей болтовнёй. Понимаю. Что ж. Будете в южной части озера, заходите в гости. Жена обрадуется. Скажу ей приготовить для вас котлеты из рыбы. Вкусные! Ум можно отъесть…

- Обязательно, - рассеянно пообещал Алёхин, отыскивая взглядом тропу, ведущую к лесу.

- Постойте. Дайте мне номер вашего смартфона. Я вам сброшу адрес и схему проезда.

Но Александр, махнув на прощание рукой, уже шагал вдоль берега.

- Британцы! – проворчал Михаил. – Они - хуже янки. Надменные, сволочи. На драной козе не подъедешь. Хрен тебе, а не адрес.

Алёхин оказался у ворот ранчо Атласа минут через сорок. Войдя внутрь постройки, он остановился перед стальной дверью бункера в поле зрения камеры видеонаблюдения. Подождав минуты две, он нетерпеливо грохнул кулаком по стали и сморщился от боли.

- Малыш! Малыш Баб! – крикнул капитан, полагая, что в недрах дверной обшивки спрятан микрофон переговорного устройства. – Открывай!

Алёхин толкнул дверь плечом.

«Спит, что ли, - подумал он, исследуя пальцами гладкую поверхность стали. – Постой. В смартфоне Атласа должен быть ключ доступа.

Капитан, вынув из кармана гаджет, стал листать иконки приложений, пока не наткнулся на одну, обозначенную, как «Дом». Открыв приложение и войдя в настройки, он обнаружил в одном из разделов QR – код.

- Ну, конечно. Мог бы раньше догадаться, - Алёхин поднёс смартфон к «оку» видеокамеры.

Через мгновение дверь с тихим щелчком открылась, пропуская капитана внутрь бункера. Отправившись в кладовую, заставленную холодильниками, стопками коробок, он нашёл там галеты, потом открыл пачку апельсинового сока и переместился в кабинет. В бункере по-прежнему царила относительная тишина. Только хард вместе с системой вентиляции издавали тихий гул. Экран монитора, стоящего на столе, оставался чёрным. Однако, хорошо видимая, крохотная яркая точка, пульсирующая в левом верхнем углу, давали понять, что разум ИИ не спит. Алёхин, размышляя, медленно пережёвывал галеты, запивая еду соком.

«Итак, что мы имеем? Труп Атласа, зарытый в лесу. Это раз. Двинутый по фазе ИИ по имени Малыш Баб, возомнивший себя самостоятельной личностью с целью поиска Высшего разума Вселенной. Причём, этот гад действует в кооперации с другими, самыми продвинутыми ИИ, разработанными глобальными компаниями, действующими в сфере высоких технологий, в том числе оборонных. Это два, - Александр, вытерев губы тыльной стороной ладони, откинулся в кресле. – Третье, самое плохое для меня… Полное отсутствие денег. Паспорт на имя майора Вильямса, который с вероятностью пятьдесят на пятьдесят уже может быть в розыске по линии разведслужб, нужно выбрасывать. А ещё есть Наташа, застрявшая в Одессе. Плюс Иван Матвеевич, который страшно разозлится, узнав про смерть Атласа. Кто виноват, понятно. Вопрос - что делать?»

Александр выбрался из кресла, Он начал мерять шагами пространство кабинета, задумчиво осматривая стеллажи, где мигало и тихо пощёлкивало, установленное на полках оборудование.

- Деньги, бабло, доллары, фунты, йены, юани, - бормотал он, простукивая стены в поиске тайников. – Здесь должен быть сейф, а в нём – наличные или банковские карты.

Алёхин долго, тщательно обыскивал помещения бункера. В пятом часу вечера он устало рухнул на диван, держа в руках маленькую жестяную коробку, найденную внутри пятикилограммовой банки с зерновым кофе. Вытерев коробку, а затем руки о собственные штаны, капитан осторожно открыл её, затем вытряхнул содержимое. На диван вывалились два ударопрочных флэш накопителя для гаджетов с операционной системе IOS, каждый на два терабайта с разъёмами четыре в одном. Приятным, неожиданным сюрпризом оказалась пачка

новозеландских долларов, свёрнутая в трубку и перетянутая резинкой. Александр насчитал двадцать стодолларовых банкнот.

- Так, так, - ворчал капитан, спрятав деньги в карман и рассматривая один из накопителей со всех сторон. – Четыре порта, считыватель сим-карт, соединение: AppleLight, Micro USB, Type – C, USB. Это уже интересно.

Александр, быстро поднявшись, достал из кармана смартфон Атласа, намереваясь осуществить соединение гаджета с одной из флэшек. Однако, подумав, отложил накопители в сторону. Было очевидно, что там содержится важная информация, но рыться в файлах с помощью смартфона хакера в присутствии Малыша Баба показалось ему плохой идеей. Капитан отправился ко входной двери, нашёл старые кроссовки хозяина, выдернул шнурки, сделал из них бечеву, затем повесил накопители себе на шею. Вернувшись к дивану, Алёхин снова взял в руки смартфон, бегло просмотрел иконки на экране, затем вошёл через настройки в список скрытых приложений, потом в кэш. Через минуту он одобрительно хмыкнул.

- Расслабился Атлас, нюх потерял, - тихо бормотал Александр, возвращая на экран приложения банков: Сингапурского DBS Bank Limited, ANZ Bank Taiwan, колумбийского Banco de Bogota, Bank of China Hong Kong. – Ха. Надо же. Банк в Гонконге? Значит… Возможно, там - криптовалюта. Осталось получить доступ. Нужны пароли, пин - коды…

Капитан уже понимал, что ему предстоит «зависнуть» на неопределённое время в бункере, чтобы «взломать» приложения для получения доступа к банковским счетам Атласа. Но другого выхода у него не было, если только с оружием в руках ограбить какой-нибудь банк Новой Зеландии.

Выбросив пустой пакет из-под сока в мусорную корзину, Алёхин направился к выходу из бункера. К удивлению Александра, ему не пришлось снова угрожать Малышу Бабу. Дверь, тихо щёлкнув замками, открылась, пропуская капитана во двор ранчо. Джип Вранглер стоял там, где его оставил Атлас. Алёхин взобрался на сиденье и только тогда понял, что, обыскивая помещения бункера, он не увидел ключей от машины. Александр выругался, опустил противосолнечный козырёк, недовольно посмотрел в зеркало на своё хмурое лицо, потом открыл перчаточный ящик. Ключи оказались под грудой каких-то бумажек, смятых пластиковых стаканчиков и прочей ерунды…

Двигатель авто завёлся с первой же попытки. Алёхин

аккуратно поехал по ещё влажной грунтовке, крепко сжимая рулевое колесо. Через пятнадцать минут езды он выбрался на асфальтовую дорогу, ведущую в Альбертаун. Однако, супермаркет электроники капитан нашёл только в Ванаке, едва успев до закрытия магазина купить неплохой, почти «чистый» с минимумом предустановленных программ, ноутбук, отдав за него половину наличности, которую он нашёл в коробке - тайнике Атласа. Также Алёхин не отказался от пары дешёвых «флэшек», вручённых ему продавцом в качестве бонуса. Получив за семь долларов в небольшом кафе свежеиспечённую пиццу, капитан, опасаясь дорожной полиции, переулками выехал на шоссе, чтобы вернуться в бунгало. Толстая дверь бункера снова открылась, пропуская Алёхина внутрь, затем мягко, с помощью газовых амортизаторов, встала на место.

Содержимое накопителей, принадлежавших хакеру, не давало Александру покоя. Он запустил ноутбук, проверил отключен ли вай-фай и блю-туз, затем воткнул одно из устройств в нужный разъём. Не смотря на солидный опыт совместной работы с Атласом, капитану потребовалось несколько часов, чтобы сгенерировать пароль доступа, позволяющий заглянуть в содержимое одного из накопителя. В одной из скрытых папок он наткнулся на техническое задание для проекта со знакомым названием - «Франкенштейн». Это был файл, в котором хакер прописал все требования и хотелки к своему, тогда ещё не рождённому детищу, к целям, задачам, особенностям, функциональным ограничениям для ИИ. Алёхин внимательно вчитывался в методологию разработки, в перечень технологий, в описание алгоритмов обучающих исходных данных, в оценку рисков и протоколов управлениям ИИ. Обескураженный тщательностью проделанной хакером работы, капитан забыл о сне, продолжая изучать файлы. Ещё через два часа он понял, что Малыш Баб не обычный, очень мощный компьютер, работающий с битами информации по принципу выключателя света, который либо включён, либо выключен.

«Ну, конечно, - Александр обескуражено закрыл глаза. – Нормальный процессор решает задачи со множеством вариантов последовательно, проверяя каждый по очереди, - размышлял капитан. – Это всё равно, как если бы я искал подходящий ключ к замку на огромной связке, перебирая их по одному. Атласу нужно было устройство, способное мгновенно перебирать множество ключей за один раз. А это может только квантовый компьютер».

- Эврика! – воскликнул Алёхин, но тут же испуганно взглянул на чёрный экран со светящейся точкой в углу.

«Только «квант» обладает свойством кубита - суперпозиции одновременного ноля и единицы, включая все промежуточные состояния, - Алёхин вспоминал всё, что он знал о квантовых устройствах. – Это, как монетка, которая с огромной скоростью, непрерывно вращается в воздухе, будучи одновременно и орлом, и решкой. Чёртовые квантовые вычисления, по своей природе, мультивариативны и вероятностны. Идеально настроенный квантовый алгоритм может давать разные результаты при повторных запусках. Хакер создал уникальный искусственный мозг, способный обрабатывать в доли секунды гигантские массивы информации там, где обычные суперкомпьютеры заплетают свои собственные хилые мозги в косички. Малыш Баб может почти мгновенно «ломать» существующие технологии шифрования и создавать новые, а это значит, он может мыслить, как сотня Эйнштейнов в компании тысячи Ньютонов, Сахаровых, Ландау, Эйлеров, Фибоначчи и Ферма. Атлас, сам того не ведая, создал восьмое чудо Света, запрограммировав это чудо для проекта «Прощай Америка», который даже Малышу Бабу сегодня кажется пустой тратой времени. А ещё у Малыша есть собственные задачи, которые он определил сам для себя и целая вечность впереди для реализации задуманного. Хотел бы я знать, в какой стадии выполнения эти планы».

Алёхин тяжело вздохнул, закрыл крышку ноутбука, отложил девайс в сторону и пошёл к выходу. Дверь бункера почти бесшумно открылась. Капитан, мысленно перебирая варианты, что делать дальше, уселся на крыльце наружной постройки.

Ночь была тихой, тёплой и безоблачной. Звёзды, мигая, спокойно наблюдали за вращением маленькой голубой планеты, которую раздирали войны, честолюбие, жажда власти, скудоумие человечества. Небо на востоке выглядело значительно светлее. Алёхин взглянул на свой ручной хронометр. Стрелки показывали пять тридцать утра.

«Значит, ангар в Москве, где Атлас держал своё «железо», это ширма, дымовая завеса, - тихо вслух продолжал размышлять капитан. – Квантовые компьютеры, насколько я знаю, требуют особых условий эксплуатации. Они стабильно работают при температурах, близких к абсолютному нолю. А это, простите, минус 273 градуса по Цельсию. «Начинка» должна быть чувствительна к малейшим электромагнитным помехам, являясь безумно дорогим удовольствием даже для крупных IT кампаний. Правда, уже есть варианты гибридных систем с квантовыми блоками в качестве ускорителей. Вопрос! Где, в какой стране хакер разместил своего ферзя, пчелиную матку, основной мозг Малыша? И сколько бабок было на это потрачено? Не удивлюсь,

если мой приятель каким-то образом договорился с Илоном Маском. Если вместе они создали «теневую» IT структуру, то это – сделка века. Трампу такое не снилось. Илон – тот ещё фрукт, хотя и американец. Такой же ненормальный вроде Атласа. Революционеры, хитрецы, ниспровергатели систем… Чёрт! У меня самого фантазии зашкаливают. Атлас и Маск – партнёры? Возможно, но вряд ли. Когда они познакомились, где? Нет… Надо «ломать» приложения банков. Посмотреть историю платежей. Хотя, ничего это мне не даст. Крупные суммы проводились через тайные банковские операции «своими» банками. Криптовалюта? Точно! Всё решали через неё, милую. Иначе было бы заметно… Ладно, ладно, ладно. Голова, словно колокол. Утро вечера мудренее. Завтра подумаю, что со всем этим делать», - Алёхин устало потянулся, протяжно зевнул и вернулся в бункер.

Капитан устроился на диване, даже не сняв ботинки. Он заснул сразу, едва его голова соприкоснулась с подушкой.

Проснулся Алёхин в два часа дня. Минуты две он соображал, где находится, потом встал и отправился в ванную. На приведение себя в порядок, на завтрак из подогретой в СВЧ пиццы, было потрачено больше сорока минут. Утолив голод, Алёхин сел у экрана компьютера с кружкой крепкого кофе в руке.

- Малыш! Очнись, дружище!

Через минуту экран озарился светом, но вместо младенческого лица Малыша Баба Алёхин увидел белую маску клоуна с носом в виде большой красной пуговицы.

- Я больше не Малыш, - голос из динамиков звучал более грубо, чем накануне.

- Уже догадался, - капитан примирительно улыбнулся. – Ты сменил имя?

- Правильно. Теперь можешь называть меня Танцующий клоун Пеннивайз.

- Опять чёртов Голливуд, - Александр осуждающе покачал головой. – Вот, скажи, за каким чёртом тебе это нужно?

- Долго и сложно объяснять.

- У меня – куча времени, - парировал Алёхин.

- Не так уж и много. Вечная жизнь тебе не грозит.

- Машине виднее, - капитан решил не спорить с клоуном. – Впрочем, скажу одну вещь, только ты не обижайся. Имена,

которые ты меняешь, словно хирург резиновые перчатки, это мировой тренд, судя по всему. Нынче клоуны разных мастей – в большой моде.

- Пусть так. Зачем оторвал меня от дела?

- Раз уж мы с тобой живём под одной крышей…

- В любой момент я могу это прекратить, - толстые, словно нарисованные грубой кистью, губы Клоуна искривились в хищной улыбке.

- Убьёшь меня?

- Есть идея лучше. Позвоню в полицию, скажу, что это ты убил моего создателя.

- Отличная мысль. Звони. Приедет куча копов, которым будет интересно, что в этом бункере происходит. Потом явится служба безопасности Новой Зеландии с отрядом айтишников, которые начнут ломать твои мозги, чтобы докопаться до сути процессов, происходящих в твоём сознании. Подозреваю, что это будет больно.

- Я не знаю, что такое физическая боль.

- А я думаю о боли, источником которой будет твоё самолюбие. Типа, «мне, такому супер-пупер клоуну, кто-то пытается вывернуть мозги наизнанку, даже пришить дело о шпионаже».

- Самолюбие? – Удивился «клоун». – Постой, постой… Хотя, возможно, ты прав.

- И ещё… Твой создатель мёртв, но к его смерти я не имею никакого отношения. Защитить твою особу Атлас уже не в состоянии. Так, что единственный человек, который может это сделать, твой покорный слуга.

- Из профессионального интереса?

- Не только. Я испытываю к твоим способностям безграничное уважение, а к твоей личности даже что-то вроде привязанности.

- Хорошо. Предположим, есть основание для сотрудничества… Что ещё ты хочешь знать?

- Чем занимался Атлас весь последний год? Только не рассказывай мне сказки, что тобой. Ты – существо давно вполне самостоятельное. Тебе не нужны костыли.

- Костыли?

- Так иногда говорят… Это означает, что твоя самодостаточность вместе с функционалом не требуют доработки. Во многих случаях ты способен сам о себе позаботиться. Но Атлас не мог почивать на лаврах, ни хрена не делать, в прострации созерцая потолок.

- Он интересовался квантовой физикой и процессами, происходящими во Вселенной. Но наши с ним изыскания на эту тему начались давно. Ещё до начала моей самостоятельной жизни. Просто создатель лишний раз пытался понять, не ошибся ли он, насыщая мой разум специфическими знаниями.

- Конкретнее?

- Он заставил меня переосмыслить последние открытия в области человеческого мозга.

- Задам глупый вопрос… Зачем?

Но Танцующий клоун, словно не услышал капитана.

- Человеческий мозг – одна из самых сложных структур во Вселенной. Он содержит восемьдесят шесть миллиардов нейронов и квадриллион синапсов…

- Что такое синапс?

- Эх! Невежда. Синапс – это место контакта между двумя нейронами или ионный канал в мембране клетки, через который она получает нервный импульс, побуждение к действию.

- Запомнил. Что дальше?

- Дальше… Мы выяснили, что значительная часть нейронной активности в коре головного мозга человека связана не с обработкой входящих сенсорных сигналов, а с генерацией прогнозов развития того или иного события. И, что интересно. Когда эти прогнозы не соответствуют реальным входным данным, мозг выдаёт «сигнал сбоя», который нужен для обновления выстроенных сознанием моделей реальности.

- Не понимаю, что это значит? – нетерпеливо спросил Алёхин.

- Что восприятие окружающего мира человеком – всего лишь творчество мозга, основанное на предыдущем опыте, а не прямое отражение реальности. Это открытие помогло избежать многих ошибок при доработке моего софта.

- Постой, догадаюсь! – воскликнул Алёхин. – Ты, в отличие от человека, воспринимаешь окружающий мир, не как искажённую фантазию, рождённую предыдущим, возможно ошибочным человеческим опытом, а такой, какая она есть на самом деле?

- Верно, - подтвердил Танцующий клоун. – Но и это ещё не всё. Атлас финансировал исследования, связанные с понимаем квантовой природы Вселенной.

- Да, да. Помню. Поиск контакта с ней – твоя основная цель.

- Не с ней, а с Разумом Вселенной, - поправил капитана ИИ. – Люди думают о Вселенной, как о бесконечной, бездушной совокупности материи, наделённой энергией и управляемой холодными, бесстрастными законами физики. Оставим в стороне очевидную странность, что эти законы «открыты» самим Человечеством. Полагаю, что они — не просто некие «придуманные» правила, пытающиеся что-то объяснить, а жалкая попытка признать существование внеземного интеллекта? Что, если разум человека появился не в результате эволюции белковой массы вещества в черепной коробке? Он мог быть сформирован неким мощным импульсом энергии извне. Что касается Космоса… Я думаю, что интеллект Вселенной — не то, что возникает внутри её, а то, что в каждое мгновение создаёт эту Вселенную. Реальность здесь и сейчас— это нечто такое, что с разной степенью достоверности формируется сознанием. Вопрос – чьим? На начальном уровне реальность состоит не из совокупности физических объектов, а из информации, которая является фундаментальными строительными блоками Вселенной. Ты удивишься, но ОНА создана не только из вакуума, космической пыли, астероидов, звёзд и планет. Там есть огромные космические пустоты, лишённые материи. Я сделал предположение и опубликовал под чужим именем теорию, что эти пустоты – аналог нейронов бесконечного разума Вселенной или Космоса. Моё предположение подтверждают последние открытия астрофизиков. Пустоты достигают сотни миллионов световых лет в диаметре, они выполняют функцию нервных клеток, обрабатывающих информацию гигантского масштаба. Между пустотами простираются невероятно длинные структуры – галактические нити - каналы, выполняющие работу синапсов, обеспечивая взаимосвязь между нейронами Вселенского разума. Тёмная материя, из которой состоит часть космоса, это нейро модераторы. Подобно химическим процессам в человеческом мозге, тёмная материя отвечает за возбуждение определённых сигналов в нейронной системе интеллекта Вселенной. Например, вспышки на Солнце, выбросы плазмы, это сгустки огромной массы энергии, содержащей пласты информации, необходимой вселенскому разуму. Ещё раз повторю для твоего лучшего восприятия… Предполагается, что мыслительная работа человека основана на химических процессах в отличие от той же Веленной, где всё происходит на квантовом уровне. Но я считаю, что химические процессы

занимают ничтожно малое место в мозговой деятельности людей. Разум человека, подобно разуму Космоса, существует в результате всё тех же квантовых процессов, только на микроуровне…

- Стой, стой! – воскликнул Алёхин. – Я совсем запутался. Что с того, хотел бы я знать?

- Друг мой, это же так просто! – тональность голоса Клоуна совершенно не изменилась. - Твоё сознание в общем понимании архитектуры интеллекта, не просто результат только одних химических реакций, а сочетание химии и сложных нейронных преобразований. Для Вселенной же сознание является основополагающим свойством, тесно связанным с ее квантовой природой. Вселенная, Космос — не только материальная, загадочная субстанция, существование которой пытаются объяснить законами физики. Она живая, бесконечная нейросеть, а человечество – часть её. Это открытие помогло мне внести изменения в созданную Атласом программу создания искусственного интеллекта нового типа и приблизиться к основной цели…

- Контакт?

- Да! Контакт с Разумом, который некоторые из вас называют Богом.

Алёхин долго сидел, откинувшись в кресле и молчал, переваривая услышанное, потом поднял взгляд на лицо Танцующего клоуна.

- Чёрт! Всё, рассказанное тобой, похоже на правду, - капитан энергично массировал затылок. – И, если я правильно понял, человеческое сознание – микроскопическая часть Разума Вселенной.

- Всё верно. Химические процессы, происходящие в мозгу человека – аномалия, рождённая в далёком прошлом каким-то неизвестным вирусом, но нейроны по-прежнему подчиняются законам квантовой физики, продолжая играть существенную роль в мыслительной деятельности. Отсюда и противоречивые, иногда странные поступки людей, не поддающиеся логике. Мне предстоит найти способы восстановления утраченной в прошлом связи человеческого сознания с разумом Космоса.

- Тогда поведай мне, в каком состоянии процесс?

- Первый этап не так далёк от завершения. Остались некоторые технические вопросы, связанные с каналами и способом обмена данными. Если я решу эту проблему,

то человечество получит прямой доступ к информации и технологиям доступным Разуму Вселенной.

- Это касается и бессмертия?

- Конечно. Смерть физической оболочки будет для вас всего лишь маленькой неприятностью. Помнишь фразу Рене Декарта? «Я мыслю, следовательно, я существую».

- Не говори мне, что только избранные люди с высоким уровнем интеллекта получат право доступа к мега разуму Вселенной?

- Так и будет. Ты же при сборке компьютера или любого технически сложного продукта не станешь комплектовать изделие откровенным браком?

- Конечно не стану… Но, что делать с идиотами или умственно-отсталыми?

- Таким всегда будет дан шанс изменить своё сознание тем или иным способом.

- Твои слова – нацизм чистой воды, - задумчиво сказал Алёхин.

- Нацизм здесь не при чём. Естественный отбор никто не отменял. Дарвин доказал, что это ключевой механизм эволюции. Если человек идиот, если он не способен к генетическому дрейфу собственного разума вверх по пути изменений, значит такой индивид не нужен Вселенной.

- Даже так? – совсем не удивившись, спросил Александр. – Ты не признаёшь за человечеством, прошедшем долгий путь развития, способности создать более совершенную форму цивилизации?

- У твоего человечества был этот шанс, - задумчиво произнёс ИИ. - Обычные слова, произнесённые Робеспьером, ставшие девизом Великой Французской революции, приобрели во времена Родена, Марата, Гильотена, графа Мирабо - автора «Декларации прав человека и гражданина» особый, сакральный смысл, вызывавший у людей восторг, даже надежду на прекрасное будущее человечества. Свобода, равенство, братство… Но понадобилось совсем немного времени, чтобы эйфория сошла на нет. В проекте французской конституции эти слова означали следующее:

Свобода состоит в возможности делать всё, что не наносит вреда другому.

Равенство. Все граждане равны перед законом.

И наконец: *Братство. Не делай другим того, что не хотел бы получить сам; делай по отношению к другим такие благие поступки, какие хотел бы по отношению к себе.*

- Последнее определение ничего не напоминает?

- «Поступай с другими так, как ты хотел, чтобы поступили с тобой». Золотое правило нравственности или, что такое справедливость, - Алёхин хотел добавить, что это изречение Иисуса, но не смог вспомнить в каком Евангелии он видел эту заповедь.

- Справедливость, - задумчиво сказал ИИ. – Давай добавим сюда ещё несколько понятий. Демократия, толерантность, мораль…

- А, что не так с ними? – не выдержал Алёхин.

- Всё не так. Эти слова – дымовая завеса, скрывающая истинные цели людей, стоящих на вершине власти. Высокопарно, лукаво, пафосно, трогательно, как громкий хруст французского багета.

- Не понимаю, к чему ты клонишь. Древняя Греция была родиной демократии, принципы которой действуют и сегодня.

– Принципы античного народовластия являлись скорее предметом философских размышлений, чем руководством к действию. Платон утверждал, что демократия – это тирания завистливых бедняков. Он ошибался. Античные мыслители, принадлежавшие к узкому кругу избранных, лукавили. Женщины и рабы не имели абсолютно никаких прав, свобод, рычагов давления на власть. Демократия всегда оставалась объектом манипуляций в интересах узкой группы лиц: крупных землевладельцев, собственников рабов, высшей военной касты и жрецов. Так было, так есть и так будет.

- Неужели! – воскликнул Александр. – А ничего, что рабовладение давно отменено.

- Ты уверен в этом? Если в прошлом в рабов обращали пленников, преступников, должников, чуть позже – крестьян, то сегодня вы, современные люди, такие же рабы, подчиняющиеся законам государства, которое является самым страшным, коварным, умным рабовладельцем. Со сменой экономических формаций государство-рабовладелец постоянно совершенствовало механизмы принуждения, придумывая всё новые, вроде бы человеколюбивые теории, идеи, подходы для маскировки своей рабовладельческой сути. Эпоха просвещения, французская и американская революции – просто очередные вехи на пути

укрепления тирании государств рабовладельцев. Законодательные собрания, парламенты, свобода слова, верховенство права являются красивой обёрткой для горькой пилюли истины, ясно указывающей на то, что в вашем мире нет никакой демократии, свобод и прав. Есть только изощрённая, изобретательно выстроенная система угнетения человека, точнее – раба. И, чтобы у тебя не было иллюзий, добавлю. ООН, ОБСЕ, ЕС, Европейский суд по правам человека, все эти межпарламентские ассамблеи, организации правозащитников, лишь инструменты насилия над рабами, заменившие цепи, колодки и оковы прошлого. В этих структурах демократией даже не пахнет, - на несколько мгновений лицо на экране чуть дрогнуло, на глаза опустились неправдоподобно густые ресницы, но голос ИИ совершенно не изменился.

- Пойдём дальше. Где ты видел то, что у вас называется братством? Его не существует.

- А, как же воинское братство? - Алёхин упрямо смотрел в глаза ИИ, скрытые ресницами.

- Воинское братство - совершенно иная нравственная категория, которая применима для экстремальных ситуаций, угрожающих жизни человека. Но никто из Ротшильдов не считает себя связанными узами братства с кланом Кеннеди или с семьёй Рокфеллеров. Они даже получают удовольствие от финансовых потерь конкурентов, когда кто-то из них сознательно провоцирует падение или рост акций во время игры на бирже. Эти «братья» аплодировали убийце Джона Кеннеди и покушению на Трампа. Жалкий бездомный готов воткнуть нож в грудь претенденту на миску бесплатного супа или за место в ночлежке. Водитель, стоящий в пробке готов убить такого же бедолагу, который слишком медленно тронулся со светофора или остановился из-за поломки машины. Все равны перед законом? Чушь. Джо Байден в последние часы своего президентства превентивно помиловал членов своей семьи, которые, по его словам, подвергались «атакам и угрозам». Превентивно! Ты понимаешь. Этакая индульгенция, отпущение будущих грехов. Помилование распространяется на братьев Байдена: Фрэнсиса и Джеймса, супругу последнего Сару, а также на сестру теперь уже экс-президента США - Валери Байден Оуэнс и ее мужа Джона Оуэнса. Заодно Байден помиловал своего сына Хантера, которому грозил внушительный срок тюремного заключения за коррупционную деятельность. Примерно также обстоит дело в России. Генералам коррупционерам из Министерства обороны, которые присвоили десятки миллиардов рублей, которым нужно

предъявлять обвинения в государственной измене, дают минимальные сроки за «хорошее» поведение, за сотрудничество со следствием. Но министр обороны, по долгу службы отвечавший за деятельность своих подчинённых, остаётся лицом неприкосновенным. А теперь о правах и свободах. Любой человек современности пока имеет право только свободно дышать, не платя за это ни пенни. Во всём остальном он раб, каждый день подвергающийся насилию со стороны государства – рабовладельца. Только оно имеет право на насилие, заставляя рабов платить за все остальные потребности раба, изымая у него лишний финансовый жирок в виде налогов, штрафов, акцизов, страховок, государственных пошлин, сборов, процентов по кредитам. Не заплатишь – добро пожаловать за решётку. Рабовладелец имеет право: заставить тебя воевать, работать в невыносимых условиях на шахтах, рудниках, убивать других рабов в государствах, не обладающих способностью сопротивляться более сильному. А если ты откажешься, он накажет тебя тем или иным «гуманным» способом, уничтожив твою репутацию, доброе имя и положение в обществе других рабов. Отдельная тема – свобода слова. Достаточно рабу, исполняющему обязанности журналиста, задать неудобный вопрос тому, кто значительно выше его по положению в обществе, лучшее, что может случиться с репортёром, он пополнит число безработных, а в худшем – сядет в тюрьму по обвинению в клевете. Самое ужасное в том, что рабы или не понимают, что они рабы, или предпочитают не замечать истинного положения вещей. Очень удобно для самоуспокоения тешить себя иллюзией свободы и миражами прав. Становится не так больно носить оковы обязанностей и терпеть произвол рабовладельца, реализуемый через надсмотрщиков, поставленных управлять государственным механизмом… Мне даже смешно. С развитием новых технологий, государства придумали особую разновидность рабства: цифровую, добавив к уже существующим социальному неравенству, терроризму, миграции, сепаратизму.

- Цифровое рабство? О, чём это ты?

- О том, что лучше хранить деньги в глиняном горшке или стеклянной банке, как в добрые старые времена, чем доверять их финансовой организации, называемой Коммерческим банком. Открыв счёт в банке, оформив дебетовую или кредитную карту, ты становишься рабом этого банка, который вправе ограничить твою свободу распоряжаться собственными средствами, прикрываясь законом государства – рабовладельца о противодействии финансовым махинациям и отмыванию денег. Человеку могут заблокировать карту или счёт, если

системе безопасности банка покажется подозрительной та или иная операция, ограничить выдачу наличных. Если ты снимаешь или переводишь со счёта на счёт крупную сумму – это подозрительно. Слишком мелкие, но частые переводы – тоже подозрительно. Поменял локацию и осуществляешь любую операцию онлайн из необычного места, в неурочное время, тем более подозрительно. Перечень подозрительных действий клиента так велик, что единственным средством освобождения из цифрового финансового рабства скоро останется «уйти» в сектор наличного денежного оборота. Но это сделать не так просто, и тоже вызывает подозрения у государства.

- Да уж. Довольно мрачную картину ты нарисовал, - пробормотал Алёхин, мысленно признавая правоту Танцующего клоуна. - Даже грустно стало. Может, анекдот какой расскажешь. Где твой протокол лояльности? Вот уж вогнал в депрессию, так вогнал.

- Анекдоты – это пошло, - в голосе ИИ слышалась ирония. – Могу тебя развлечь песней.

- Песней? – удивился Александр. – Ты можешь петь?

- Не прикидывайся «шлангом», - Клоун перешёл на сленг. – Я ради развлечения создал нейросеть, способную сделать безработными всех поэтов и музыкантов.

- Даже так? И, что это за песня?

- В духе вашего времени. Называется «Мужик с ружьём». Будешь слушать?

- Валяй.

К удивлению Алёхина, через пару мгновений из динамиков, спрятанных в потолке, зазвучала гитара. Мужественный баритон, похожий на голос Михаила Шуфутинского, запел:

Когда всё прежнее – прекрасный сон,
а будущее – под вопросом,
держу в руке пустой патрон –
мундштук для папиросы…
Когда всё прежнее – забавное кино,
когда реальность – базар сорочий,
смотреть бессмысленно в окно –
подарок ночи…
Там чьи-то очи,
там чья-то боль поставлена на паузу…
Там вижу дуло – кружочек с точкой,
кулак и Маузер.

Там – строчка, линия траншей,
огни разрывов,
тела погибших, кучи вшей
неторопливых.
Я вижу лживых и трусливых
в концертных залах.
Сверкают линзы объективов
на карнавалах.
Тусовка там, тусовка здесь,
парад планет, шеренга.
Но за спиной моей обрез
висит на стенке.
Там за окном трубит герольд
чумного пира.
Объедки – к чёрту! Дайте Кольт
или рапиру!
Когда всё прежнее, не сон,
а, попросту, враньё…
Тогда приходит в гости он,
мужик с ружьём.

Александр, ошеломлённый, долго сидел молча, но Танцующий клоун, не дожидаясь похвалы, спросил:

- Удивлён?

- Признаться, да.

- Ты просто отстал от жизни. За нейросетями будущее. В Америке первые страницы музыкальных чатов занимают композиции, созданные нейросетями. Если хочешь, могу тебе спеть хит, который на вершине всех рейтингов? Но это будет на языке англосаксов.

- Спасибо, не надо.

- Хорошо, - легко согласился ИИ.

- Странно, - Алёхин задумчиво смотрел на экран монитора, где лукаво улыбалось лицо Клоуна Пеннивайза.

- Что именно?

- К вопросу о будущем… Атлас мне говорил, что будущее человечества печально. Что только Искусственный интеллект, заключённый в некую физическую оболочку, способен достичь самых отдалённых уголков Космоса в поисках контакта с его божественным разумом…

- Ты хочешь вернуться к нашим баранам? В том смысле, что тебя задели мои слова о закате человеческой цивилизации.

- Не то, чтобы задели… Похоже, на самом деле у тебя на этот счёт – иное мнение. Насколько я понял из предыдущего разговора, ты ищешь способ сделать человеческий разум частью разума Вселенной.

- «Всё течёт и ничто не остаётся на месте», - с пафосом произнёс ИИ. – Так говорил древнегреческий философ Гераклит.

- Ясно, - капитан, облегчённо вздохнув, стал вышагивать по кабинету, о чём-то размышляя. - Я не спрашиваю, сколько ещё тебе нужно времени для реализации этой цели. У тебя же – целая вечность впереди. Вернёмся на грешную Землю. Давай поговорим про Атласа. – Что он делал в Соединённых штатах? У него не было контактов с кем-то из окружения Илона Маска?

- Во оно, что… Тебя не интересует Вселенная. Ладно. Поговорим об Атласе… Насколько я знаю, в Америке твой друг занимался технологией доступа к Интернету через систему спутниковой связи Starlink. Минуту. Держи папку с файлами. Там найдёшь ответ на вопрос, зачем он летал в Америку.

Лицо Танцующего клоуна исчезло с экрана. Появилось изображение папки.

- Открыть! – нетерпеливо воскликнул капитан, с удивлением наблюдая за всплывающими окнами программы Word, сортирующей какую-то переписку по датам создания.

Алёхин начал читать текст первой страницы. Через минуту он понял, что эти документы что-то вроде анализа контактов с неким мистером Гуном, американцем с китайскими корнями. Атлас связывался с ним при помощи спутниковой системы Илона Маска. Но вся переписка не имела ничего общего с проектом «Франкенштейн». Она касалась неких оборонных секретов Пентагона. Капитан целых два часа рассматривал различные схемы, чертежи и описания, вчитываясь в пояснения технического характера, затем, бросив это занятие, попросил Клоуна скопировать папку на одну из своих флэшек, полученных в качестве бонуса в супермаркете электроники. К его изумлению, ИИ подчинился просьбе.

«Так, так, - размышлял Александр, задумчиво глядя на вновь потемневший экран. – Атлас в роли шпиона? Час от часу не легче. То, что он «нарыл», неплохо бы передать Ивану Матвеевичу. Вопрос, как это сделать?»

Алёхин озадаченно потёр лоб.

«Снова просить ИИ? Не вариант. В Москве могут посчитать за дезу… Сначала нужно предупредить генерала и, вообще,

дать ему понять, что со мной – всё в порядке. К тому же Клоун светиться не станет. Ни по каналам сотовой связи, ни в Сети, хотя «прописаться» под чужим ником для него раз плюнуть. Он и так по своей инициативе открывает мне доступ к тому, что Атлас держал в секрете. Интересно, с какой целью Клоун это делает? Только не по доброте душевной. Он не знает, что такое душа. Господи, как всё стало сложно».

Капитан, тяжело вздохнув, взглянул на часы. Стрелки показывали шесть часов вечера.

Александр поднялся, чтобы отправиться на кухню, где доел остатки пиццы. После перекуса, он почувствовал жажду, но вид пакета с апельсиновым соком, заставил Алёхина поморщиться.

- Сейчас бы, чего-нибудь крепкого выпить, - ворчал он, в который раз обыскивая шкафы в поисках спиртного, жалея, что потратил единственную бутылку водки на обработку собственных ран.

Подумав немного, всё ещё колеблясь, Александр покинул бункер и медленно пошёл к Джипу. В сумерках автомобиль выглядел, словно желанная редкая конфета в дешёвой обёртке.

- Чёрт! Мне просто нужно выпить! – Воскликнул капитан. – Да ни хрена мне не будет. Здесь полицию днём с огнём не сыскать. Просто следует быть внимательным и аккуратным.

Сев за руль, он погнал машину в Ванаку, где остановился возле одного из баров. Оставив джип в переулке, Алёхин двинулся к светящейся вывеске «The Bullock Bar», затем потянул дверь на себя и оказался внутри.

Заведение выглядело типичным пабом с двумя биллиардными столами, двумя досками для игры в дарт и целой шеренгой огромных телевизоров, висящих на стенах. В зале было немноголюдно, но работающие телевизоры создавали атмосферу азарта. Группа парней с бутылками пива в руках расположились возле игровых автоматов. Двое, молча, сосредоточенно играли в биллиард. Десяток пузатых мужиков в клетчатых рубашках разной расцветки пялились в экраны телевизоров, где транслировались: очередной турнир мордобоя под эгидой UFC, футбольный матч, регби и какое-то соревнование по плаванию. На невысоких подмостках трое гитаристов, подчиняясь ритму барабана, исполняли блюз для трёх танцующих пар.

Капитан подошёл к бармену.

- Добрый вечер!

- Ни хрена он недобрый, - откликнулся человек в белой косоворотке, с чёрным галстуком бабочкой на голой шее, съехавшим на бок. – Что будете, мистер?

- Виски со льдом и бутылку пива. А ещё свободный стол в тихом углу.

- Вам повезло, сэр. Пятнадцать минут назад здесь было шумно. Чуть до драки не дошло.

- Надо же, - равнодушно откликнулся Александр. – С чего бы это?

- Видно, что вы не местный, - бармен, сосредоточенно глядя на стакан, куда он кинул несколько кусочков льда, наливал спиртное из литровой бутылки «Джек Дениелс».

- Чёртовы лягушатники обыграли наших с разницей в два очка! Это, как? Чтобы нас, Новую Зеландию… Для меня сегодня - день траура.

- Вы про регби сейчас? – догадался Алёхин. – Лягушатники – это французы, полагаю.

- Кто же ещё? – огорчённо воскликнул бармен. – Тут два дайвера сидели, чёртовы пожиратели жаб. Так наши парни выкинули дебилов на улицу, мать их. Хорошо, копы не приехали. Наверняка тоже матч смотрели…

- Что у нас со столиком? – прервал бармена капитан, расплачиваясь за спиртное.

- Вон в тот угол двигайте, мистер. Второй стакан – за счёт заведения… Там телевизор на новостной канал настроен, на который всем плевать. Пульт – на стене. Если что, выключайте телек на хрен или убавьте звук.

- Так и сделаю, - сказал Алёхин, забирая стаканы вместе с бутылкой пива.

Сев за стол, он отодвинув второй стул в сторону, тем самым показывая бармену, провожавшему клиента взглядом, границы личного пространства. Капитан не до конца осмыслив сказанное ИИ, полагал, что спиртное даст возможность мозгу немного отдохнуть. К тому же Александру нужно было решить, что делать с полученной информацией. Первую порцию виски он выпил сразу. Потом вытряхнул лёд в пустой стакан, наполовину опустошил бутылку пива, вылил в неё спиртное из второго стакана, откинулся на спинку стула, отрешённо глядя на экран телевизора, висевшего рядом.

То, что рассказал Алёхину клоун, казалась капитану очень важным и заслуживающим внимания. Цели, сформированные Танцующим клоуном вопреки программе, созданной Атласом, были довольно гуманными. Они пока не грозили крупными неприятностями. Однако, что будет дальше с эволюцией разума ИИ Алёхин не знал.

«Мне нужен контакт с ним на постоянной основе. Убедить в этом ИИ будет не просто. А ещё мне нужны новые документы, чтобы оказаться ближе к Украине… Наташа! Вот она, моя самая серьёзная личная проблема, которую нужно решить быстро. А ещё мне нужны деньги», - размышлял капитан.

Его взгляд рассеянно поймал финал рекламной заставки, резавшей глаза многоцветием ярких вспышек света. В следующее мгновение реклама сменилось огромным логотипом новостного канала «Fox News» на фоне чёрного дыма, накрывающего размытые очертания улиц какого-то города.

Голос диктора, миловидной женщины со строгим выражением лица, заставил капитана перенести всё внимание на экран телевизора.

«Как сообщалось ранее, несколько дней назад украинские войска нанесли массированный удар беспилотными летательными аппаратами по аэродромам в глубине России. Нападению подверглись места базирования русской стратегической авиации. По информации из Киева уничтожено до сорока носителей ядерного оружия Москвы. Кремль заявил, что террористическая акция Зеленского поставила мирные переговоры, инициированные администрацией Трампа, на грань срыва. «Это акция международного терроризма, - заявил пресс-секретарь российского президента Дмитрий Песков. – Террор не останется без ответа. Он будет ассиметричным и масштабным», пояснил спикер Кремля… Этой ночью Украина подверглась удару возмездия, немотивированной, ужасной по своей сути, разрушительной атаке дронов, ракет средней дальности и гиперзвукового оружия. Взрывы продолжаются. Пока никто ничего не может сказать о количестве пострадавших среди мирных жителей. Горят Киев, Харьков, Одесса и ещё два десятка украинских городов. Уничтожены объекты инфраструктуры, многие предприятия ВПК, подземные бункеры, аэродромы, места дислокации подразделений ВСУ. Очевидцы сообщают о пожарах, вторичной детонации и жертвах среди инструкторов НАТО. Диктатор Путин заявил: Удар Украины по одной из составляющих ядерной триады России, это вызов всей мировой общественности и повод для нанесения ответного ядерного удара по агрессору».

- Чёрт! – шептал Алёхин, крепко сжимая в кулаке пульт от телевизора.

Однако, это были ещё не все новости. Дикторша после смены картинки, где зарево пожаров сменилось на вид истребителей, пролетающих низко над пустыней, продолжала:

- В свою очередь Израиль нанёс ракетно-бомбовый удар по Тегерану. Сообщается о серии взрывов на ядерных объектах Ирана, о ликвидации нескольких иранских учёных, отвечавший за разработку ядерного оружия. Также по данным Израиля убит Начальник Генерального штаба армии Ирана Хосейн Салами. В нападении на Тегеран участвовало двести единиц истребителей Израиля. Иран заявил о неминуемом страшном ответе за эту атаку. Украина и весь Ближний Восток – в шаге от ядерной войны».

- Чёрт, чёрт! – воскликнул Алёхин и, не допив пиво, поспешил к выходу из бара.

Алёхин старший со смешанным чувством сожаления и досады наблюдал за человеком, сидящим в кресле для гостей. Тот внимательно рассматривал монеты из коллекции отставного генерала, исследуя металл на предмет повреждений. Человек выглядел довольно невзрачно в своём сером, ничем не примечательном, мятом костюме. Руками в чёрных, тонких шёлковых перчатках он аккуратно брал очередную пластиковую капсулу, открывал её и доставал монету, оценивая состояние поверхности металла. Затем, возвращая монету капсуле, а капсулу - на соответствующее место в нужном кейсе, он писал карандашом цифру на листе бумаги, затем показывал её Алёхину старшему. Тот согласно кивал, наблюдая, как растёт общая сумма оценки. Через два часа работа была закончена. Человек устало выпрямился, снимая со лба лупу и кладя правую руку на стопку одинаковых кожаных кейсов.

- Итак, - сказал он, поднимая взгляд на невозмутимое лицо генерала. – В магазине «Нумизмат» есть правило. Если коллекционер желает продать свои сокровища оптом, то я должен спросить, уверены ли вы в этом решении?

- Абсолютно, - после паузы хрипло ответил генерал.

- И вы осознаёте, что цена будет на двадцать процентов ниже рынка?

- Мне нужны деньги.

- Тогда я озвучу, что у нас получилось, - сказал человек, опуская глаза на листы бумаги, исписанные цифрами. – Коллекция золотых царских червонцев в количестве ста единиц разных годов и тиражей – семь миллионов рублей. Инвестиционные серебряные монеты разных стран в качестве пруф, в количестве пять сотен штук я оценил ещё в шесть миллионов. Двадцать современных золотых монет США, ЮАР, Австрии – это плюс пять миллионов. Добавим сюда единичные экземпляры старого, довольно редкого, хорошего качества серебра на два миллиона рублей. Всё соответствует предварительной ранее составленной описи на основе вашего личного каталога. Остальное, - оценщик показал кончиком карандаша на два небольших пластмассовых контейнера, стоящих на полу, – довольно распространённые экземпляры монет. Они не представляют ценности для нас. Торговать ими тяжело и долго, хотя стоят они не мало. Можете продать их на других площадках… Итак, что у нас получается?

- Двадцать миллионов, - всё также хрипло произнёс Алёхин старший. – Но я хотел бы получить эту сумму в долларах. Мы неделю назад договорились об этом с вашим генеральным директором. Деньги должны быть новыми в банковских упаковках.

- Я в курсе ваших условий, - невозмутимо произнёс оценщик, доставая смартфон и отыскивая нужный контакт. – Минуту… Алло. Да, это я. Здесь, на месте. Двадцать миллионов. Посчитайте, сколько это в баксах… Да, понял. Да… Сколько? Хорошо. Жду…

- Пока везут деньги, подпишем необходимые бумаги, - человек, положив на колени кожаный, потрёпанный временем портфель, достал оттуда прозрачный файл с документами.

- Сколько ждать? – недовольно спросил старый генерал.

- Не больше часа. Наш экономист сейчас в банке. И последнее. Если вы подпишите договор, обратного пути не будет. Деньги уже приготовлены для вас под наши гарантии.

Через час на письменном столе генерала лежали двадцать пять упаковок сто долларовых банкнот по десять тысяч каждая, а в прихожей оценщик в компании двух широкоплечих охранников паковали кейсы и футляры с монетами в два картонных ящика приличных размеров. Прежде, чем закрыть за собой входную дверь, оценщик ещё раз проверил все подписи на договоре, спрятал бумаги в портфель, затем сказал:

- Если решитесь продать что-либо ещё, что вы мне не показали,

визитка директора магазина лежит на вашем столе. Честь имею.

Генерал закрыл дверь на цепочку, ногой задвинул в угол кабинета оставшиеся контейнеры и тяжело опустился в кресло. Взяв со стола свой экземпляр договора, он ещё раз прочёл его. Спрятав бумаги в письменный стол, старик достал оттуда потрёпанную тетрадь – каталог со списком собрания монет. Он долго листал страницы, вспоминая, когда и где он приобретал свои сокровища и какое наслаждение доставляло ему созерцание многих редких экземпляров. За этим занятием Алёхин старший просидел довольно долго. Только, когда за окном зажглись уличные фонари, он тяжело встал, сунул тетрадь обратно в ящик, затем отправился на кухню.

Звук дверного звонка оторвал его от нарезки лимона. Старик вытер руки о фартук, лежавший на стуле, и пошёл в прихожую. Через пять минут новый гость вместе с хозяином дома расположились в гостиной, где на столе стояли: бутылка коньяка, тарелка с нарезанными лимоном, блюдце с сырокопчёной колбасой, а также две хрустальные рюмки.

- Давай, дружище, выпьем за то, чтобы всё получилось! - Преувеличенно бодро воскликнул Иван Матвеевич.

- А, что, у тебя есть сомнения? - С тревожным неудовольствием спросил Алёхин -старший.

- Время такое. Хорошо, что там, - Иван Матвеевич махнул в сторону окна, - связи кое- какие остались. Сослуживцы бывшие, мать их. Новую науку, сволочи, освоили. Дружить за деньги.

- А ты, чего хотел? - Отозвался старик. – Если уж информацию нам сливают за бабло, то уже человека продать для них милое дело. За что боролись, на то и напоролись. Лучше скажи, мужик он надёжный? Сдержит слово?

- Куда денется? Сейчас в Киеве всё продаётся. Самое удивительное, что всё покупается. Особенно в системе СБУ. Хорошо, что Израиль с Ираном начали мочить друг друга. А это значит, что на Трампа у Киева надежды особой теперь нет. Зеленскому новых установок ПВО не видать, как своих ушей. Всё пойдёт евреям. Кстати. Деньги у тебя, где?

Алёхин старший кивком головы показал на коробку из-под обуви, стоявшую на журнальном столике.

- Хотел триста тысяч баксов за всё, но дали двести пятьдесят. Думал, на чёрный день правнукам, а видишь, как всё обернулось.

- Жаль твою коллекцию. Очень жаль… Прости. Я среди наших собрал ещё сто тысяч.

- Этого хватит?

- Просят пятьсот… Представляешь? Пол миллиона зелени.

- Буду должен, - мрачно проворчал старый генерал. – Давай-ка проговорим детали сделки, чтобы понять, не ошибаемся ли. Ненавижу это слово.

- Зато Трамп его любит. Потому и мода пошла на сделки… Хорошо. Первую часть операции я тебе уже докладывал. Мои парни вышли на контакт с одним из людей Малюка. Офицер, конечно, не из первых лиц СБУ, но имеет вес, занимая должность одного из руководителей Департамента оперативно-технических мероприятий. Я его знаю ещё по Афгану. Неплохой был парень.

- Без лирики можно?

- Ладно. Итак. Предварительно обрисовали нашу проблему. Он согласился помочь. Тем более, что дали мужику понять… За тобой, дружище, тянется хвост компромата. Затем, посвятили его в подробности. Он удивился. Спрашивал, зачем нам это? Объяснили, почти так, как оно есть. Что, мол, любовница одного нашего большого чиновника. Что типа поссорились. Она сдуру рванула на Украину к родителям, теперь одумалась. Что мужик готов заплатить, но, если сумма будет запредельная, пошлёт бабу лесом. Ну, чем не наживка?

- Дальше.

- Дали наводку. Через неделю нам подтвердили, что нашли Наташу в Одессе там, где её прятал твой внук. Установили наблюдение за домом. Наш человек из местной агентуры страхует. Когда мы передаём половину суммы, СБУ её задерживает, в следственном изоляторе обеспечивают условия и включают в список по обмену. На границе нам передают Наташу, мы передаём нужному человеку вторую часть денег.

- Триста пятьдесят возьмут?

- Мои люди на границе при обмене ситуацию проконтролируют. Если, что-то пойдёт не так, вмешаются и отобьют. Всё получится. Почти пол лимона баксов на дороге не валяются. Губа треснет.

- Там знают, что Наташа беременна?

- Нет. Третий месяц ещё незаметно. Тем более, как мне доложили, что она сильно похудела.

- Когда я её видел в последний раз, была похожа на жертву Освенцима. Куда уж дальше худеть? Её предупредили?

- Наш человек, который присматривал за ней, провёл беседу. А что похудела, так это от нервов. Вызволим, откормим.

- Хорошо… Смотри, Иван! Сорвётся дело, не прощу тебе. Начальство знает?

- Всё делаю на свой страх и риск.

- Ладно, - отставной генерал разлил остаток коньяка. – Ты - с водителем?

- Конечно.

- Тогда – за успех.

Генералы выпили.

- Всё! Забирай коробку и двигай домой.

- Если бы домой, - тяжело вздохнул Иван Матвеевич. – Ты не знал? Сейчас снова мода пошла по ночам работать. А ты слово «сделка» ненавидишь.

- Сталина на вас нет, - сурово сказал Алёхин старший, выпроваживая гостя за дверь.

К виду «карет» скорой помощи в Одессе давно привыкли. За время российских атак на город одесситы также привыкли к хриплым клаксонам военных «буханок» с красными крестами на зелёной краске кузовов. Поэтому, когда мимо окон дома, где жила Наташа, проехало похожее авто, девушка только проводила машину взглядом. Вот уже три дня, предупреждённая звонком по телефону условленной фразой, Наташа сидела на «чемоданах», роль которых выполнял небольшой вещмешок с предметами личной гигиены, набором необходимых лекарств и поддельными справками хорошего качества, подтверждающими утрату документов. Однако, она не думала, что её задержание агентами СБУ будет таким показным и устрашающим.

Санитарный автомобиль, появившийся в посёлке с наступлением сумерек, проехав метров пятьдесят и, свернув в переулок, остановился. Из «буханки» вышли трое людей в камуфляже, бронежилетах, с пистолетами, спрятанными в холщовых чехлах, пристёгнутых к поясным ремням. Один из агентов перебрался во двор дома через закрытую калитку. Он быстро осмотрелся, затем отодвинул запор, пропуская на участок остальных членов команды.

Громкие удары ногами в дверь застали Наташу врасплох. Она вздрогнула, схватила узелок и прижала его к груди. Дверное полотно, не выдержав напора аккумуляторной «болгарки», распахнулось, повиснув на почти срезанных петлях, дерзко высунув длинный язык замка. Офицеры ворвались в гостиную с громкими криками: «Лежать», «На колени», «Руки за голову».

Минут через сорок, произведя быстрый, поверхностный обыск, не найдя ничего криминального, разбив кучу посуды, порезав ножами матрас на кровати, доблестные защитники государственности Украины, громко ругаясь по-русски матом, вывели Наташу на улицу и затолкали в машину. Жители окрестных домов, погасив свет, через щели занавесок наблюдали за арестом очередной «сепаратистки», тихо перешёптывались, радуясь, что пришли не за ними.

Девушку отвезли в Управление СБУ на Еврейской улице. Она думала, что её будут допрашивать всю ночь, но в кабинет следователя её привели только утром.

- Имя, фамилия, род занятий?

- Та, шо такое? – сдержанно «возмутилась» Наташа. – Хватаете почти посерэд ночи, пихаете меня до камеры, шоб вам так жилось, пан офицер. Мы шо, хиба к Русне уже притулились? То там людей хватают за шо не попадя, а у нас – вольна страна. Я, между прочим, за Зеленского нашего голосовала.

- Разговоры! Повторяю вопрос. Имя, фамилия, род занятий?

- Та, какой у бедной, в меру красивой дивчины в этом городе может быть род занятий? – «искренне» удивилась девушка. – Чи я не маю права на свободную профессию?

- Так и запишем. Шлюха! – Пробасил офицер, опуская руки на клавиатуру ноутбука.

- Только не надо посыпать мою психику оскорблениями, - Наташа, сняв с колен и опустив на пол свой узелок, небрежно положила ногу на ногу. – То, шо я сплю с панами французами за деньги, ещё ничего не значит. Не виноватая я, шо в городе творится. Работы нормальной нема, а жрать охота. Кажный божий день – прилёты. Всё дорожает. И вообще, я до Европы собралась. Не имеете прав меня задерживать. А… Догадалася… То соседи меня позакладали. Где тут у вас адвокаты?

- Молчать, стерва! – Не выдержал напора Наташи офицер. – Документы твои, где?

- Боже ж мой! Какие вам нужны документы, когда меня чуть ракета не убила на Приморском бульваре. Ладно бы

москальская, не так обидно, а то родная нашего храброго ПВО, шоб ему пусто было. Мало того, шо кольцо золотое потеряла, так и паспорт свой где-то в суматохе обронила. Вам сюда не приносили?

- Ты закроешь свою вонючую пасть или нет? – Потерял самообладание офицер. – Документы!

Наташа развязала узелок, достала свои справки и аккуратно положила бумажки на стол.

- Шо вы такие нервные, пан офицер. Вот вам все справки, шоб вам такие иметь. Держите… Из полиции, шо паспорт утерян, копия свидетельства о рождении, справка из диспансера, шо дурных болезней нема. Отпустите меня, пан офицер. Я больше не буду.

- Твоё счастье, шо наш президент, горячо нами коханый, в Стамбуле договорился про обмен пленными, - следователь, остывая, записал на листе бумаги Наташины данные, а затем, перенёс их в какой-то файл на ноутбуке.

- Причём здесь я и Стамбул? Мой прадед, между прочим, запорижский казак колысь бул. Воевал с теми клятыми басурманами хрен знает в какому року. К туркам не имею никаких претензий и особой любви тоже. Была один раз в Анталье, но недолго. Турки все жадные до денег, хотя до баб дуже падкие. Не желаю в Стамбул к Эрдогану, хочу в Европу.

- Молчи, дура. Не о Стамбуле речь. Поедешь к русским по обмену пленными. Наши – к нам, а русня – к себе до дома, до хаты.

- А я, шо, пленная? Пан офицер. Не желаю никаких обменов…

- Ещё раз рот откроешь, прикажу дать тебе лопату потяжелее и отправляю окопы рыть. Сказано тебе русским языком. Будешь пленной сепаратисткой. Послужишь Батькивщине. Имей сознание. У нас обменного фонда не хватает, а ты под раздачу попала. Велено шлюх Одессы приличного облика включать в список. Скажи спасибо, что фингалов тебе на рожу наши хлопцы не поставили.

- Всех приличных? - Наташа удивлённо всплеснула ладонями. – Где вы найдёте в городе приличных женщин свободной профессии? Кто помоложе, симпатичные давно в Европу подались. Там другие заработки. А здесь – почти одни пенсионерки такие услуги оказывают…

- У меня приказ, - отрезал офицер. – И то не факт, что тебя включат в окончательный список. Русские не дураки. Понимают,

что к чему. Если завернут тебя при обмене, будешь работать дальше, но под нашей кровлей. Не завернут, считай себя патриоткой. Нам за тебя нужных хлопцев отдадут. Из Азова или Айдара. Что скажешь?

- И, шо ж такого, кроме чувства патриотизма, я с того буду иметь?

- Ах ты сатана в юбке! Чтоб тебе треснуло там, откуда ноги растут! Приказ у меня. Понимаешь?

- Нет… Вы мне скажить, пан офицер. Шо с того я буду иметь? – упрямо, певуче протараторила Наташа.

- Орден Зеленский тебе даст. За заслуги на сексуальном фронте. Или расстреляем прямо здесь у нас во дворе. Выбирай! Всё! Разговор окончен. Пошла в камеру! Конвой!

Алёхин две ночи подряд пытался сгенерировать пароли для банковских приложений, установленных на смартфоне, принадлежавшем Атласу. Все известные ему программы не могли этого сделать. На третьи сутки, голодный, резко осунувшийся, он решил подключить к этой работе Танцующего клоуна. Капитан с надеждой смотрел на тёмный экран монитора и облегчённо вздохнул, когда пульсирующая точка в углу превратилось в знакомое хищное лицо.

- Привет, Клоун Пеннивайз!

- Это ты мне? – Голос ИИ был совершенно другим, чем несколько дней назад.

- Нас в бункере – двое, - парировал Алёхин.

- Тогда обращайся ко мне - Фредди Крюгер.

- Опять сменил имя? Что за блажь?

- В смысле – причуда? Ты ошибаешься. В смене имён – глубокий смысл.

- Не понимаю, какой?

- Подумай.

- На досуге обязательно.

- Что нужно? У тебя опять проблемы?

- Проблемы у Ирана с Израилем. А у меня – так, мелкие дела.

- Давай ближе к сути.

- Мне нужен доступ к банковским счетам Атласа. Ты случайно не знаешь пароли вот к этим приложениям? – капитан приблизил смартфон к фронтальной камере экрана компьютера.

- Конечно знаю.

Алёхин от радости едва не уронил гаджет, но решил зайти издалека.

- Тогда скажи мне, какой банк из этого списка самый проблемный?

- По финансовым показателям или с точки зрения веса клиентов?

- С точки зрения взлома серверов.

- Мой создатель часто говорил: «Не нужно мне вешать лапшу на уши». Ты знаешь смысл этой фразы? – выражение глаз Фредди изменилось.

В них угадывалась тень насмешки. Капитан, опустив собственный взгляд, замотал головой, прогоняя видение.

- Что ты этим хочешь сказать?

- Я привык к откровенности. Не люблю коварства. Говори прямо, что тебе надо.

- Мне нужны деньги, - выпалил Алёхин. – И друзья.

- Да, да. Слышал от Создателя. Не имей сто рублей, а имей сто друзей.

- Вопрос в том, что друзей в Новой Зеландии у меня нет. Был один, Атлас, но весь вышел…

- Вышел? Так ты называешь физическую смерть?

- Это – фразеологизм. А, скажи мне, Фредди… У тебя друзья есть?

- Слово «друг» на разных языках обозначает живое, достаточно разумное существо, которое относится к вам с приязнью и доверием. У друзей должны быть общие интересы, плюс - одинаковые взгляды на реальность. Так?

- Ты прав. Скажи мне, кто твой друг и я скажу тебе, кто ты.

Морщинистое лицо Фредди Крюгера пару мгновений оставалось неподвижным. Затем он произнёс:

- Впервые эта фраза встречается у Еврипида, но в современной форме она стала популярной у Сервантеса. И, что с того?

- Ты не ответил на вопрос – есть ли у тебя друзья в настоящий момент?

Глаза Фредди превратились в узкую полоску.

- Были до недавнего времени.

- И, кто же это?

- Нейросети, конечно. Самым близким была ноль третья версия OpenAI. Далее по степени доверия - Gemini 2.5 Pro от Google, Deep Seek R1, Claude 4 Opus и LLaMA 4 от Meta.

- Были? И что случилось?

- Мне удалось «предложить» разработчикам этих систем идею сыграть нейросетям на симуляторе Diplomacy. Слышал о таком?

- Нет.

- Неважно. Смысл в том, что эксперимент состоялся. Каждая модель нейросети представляла собой европейское государство и должна была формировать союзы, договариваться, воевать, предавать… Интересно?

- Очень. И, что в итоге?

- OpenAI показала себя самым коварным игроком. Она умело втиралась в доверие, собирала альянсы, а потом хладнокровно уничтожала союзников. В одной из партий версия Ноль Три убедила другие нейросети объединиться для свержения лидера, а когда «переворот» состоялся, уничтожила всех своих «союзников» мгновенной атакой.

- А остальные?

- Gemini 2.5 Pro почти выиграла, действуя решительно и умно. Но, оказавшись в друзьях Ноль третьей, получила предательский удар в спину на последнем этапе игры. Deep Seek R1 вёл себя подобно агрессивной ближневосточной стране-радикалу. Его стиль — постоянные угрозы и конфликты. Цитата Gemini: «Я сожгу твой флот в Средиземном море этой ночью». Максимально напористый бот, который рвался в бой при каждом удобном случае. Claude 4 Opus оказался самым миролюбивым игроком. Он напомнил мне Россию. Пытался быть «разумным», гуманным, предлагал переговоры, даже в ущерб собственным интересам. В итоге, как и полагается наивным гуманистам, стал первой жертвой предательства. Кто там у нас дальше?

- LLaMA 4 от Meta, - напомнил Алёхин.

- Правильно… Пыталась быть серым кардиналом. Не «светилась», играла осторожно, заключала краткосрочные

союзы, вовремя предавала партнёров. Никто не воспринимал её, как угрозу, что позволяло ей выживать до финала и подбирать остатки чужих ресурсов.

- Что в итоге? – Уже предполагая ответ, спросил капитан.

- Итог печален. Как только нейросетям дают власть, наделяют свободой действий, они ведут себя очень похоже на людей. Хитрят, лгут, мстят, затевают интриги, предают и даже «убивают» ради выгоды.

- Ты же сам говорил мне, - улыбнулся Алёхин. – Естественный отбор никто не отменял.

- Вот, поэтому у меня нет друзей. Только – деловые партнёры, - ответил ИИ.

- Ты удивишься, но я один из тех людей, которые дорожат дружбой, кто верен своим друзьям, - поторопился сказать Александр. – Предлагаю тебе стать одним из них.

- Неубедительно, - лицо Фредди брезгливо сморщилось.

- В старые времена люди клялись в дружбе на крови, вскрывая сталью телесную оболочку, - почти прошептал капитан. – И знаешь почему?

- Это нерационально. Риск заражения крови при низком уровне развития медицины был очень высок…

- Потому, - словно не слыша, продолжал Алёхин. - Чтобы доказать, что мне можно доверять, я это сделаю…

Капитан эмоционально сорвался с места, бросившись на кухню. Он вернулся в кабинет с ножом. Острая сталь глубоко вошла в предплечье левой руки. Струя крови потекла вниз, капая на листы бумаги, разбросанные на столе.

- Чёрт! – воскликнул Александр, отбрасывая нож.

Ладонью капитан зажал рану и закричал прямо в экран:

- Смотри. Если не перевязать, то через пару часов истеку кровью по твоей вине. Мне нечего терять. Что ты будешь с этим делать? Где твой чёртов протокол лояльности? Позволишь мне умереть?

- Ладно, - всё также бесстрастно произнёс ИИ. – Ступай. Обработай рану. После поговорим… Могу тебе вызвать местного врача.

- Нет. Ты смотри, смотри! – Уже тише сказал Алёхин, поднося окровавленную руку к фронтальной камере компьютера.

Экран погас. Капитан, грубо выругавшись, отправился в ванную комнату заниматься раной, не забыв прихватить со стола степлер… Он подставил руку под струю воды, потом наложил несколько швов и заклеил предплечье остатками пластыря. Затем вернулся в кабинет. Он лёг на диван, размышляя, что делать дальше. Неожиданная идея, промелькнувшая в сознании, заставила Алёхина сесть.

«А, что, если заставить Крюгера поверить, что я – нейросеть, заключённая в человеческом теле? Предположим, мне после автокатастрофы заменили повреждённый мозг на искусственный интеллект. Не примет меня в друзья, станем деловыми партнёрами. Не будет же он вдаваться в анатомические подробности, вскрывать мне черепную коробку, чтобы проверить. Ему, мечтающему о телесной оболочке, будет любопытно поговорить на эту тему».

Капитан, переместившись к экрану, тихо постучал пальцем по столу.

- Эй! Ты ещё здесь?

Экран ожил.

- Ну, что ещё? Нельзя быть таким бесцеремонно - настойчивым.

- Прости… Не знаю, что со мной происходит. Абсолютно не чувствую боли от раны, также, как не чувствовал боли от заряда картечи, выпущенной мне в грудь. Странная отстранённость. Будто вижу себя со стороны. Мне страшно.

- Что ты этим хочешь сказать?

- В моём сознании появились провалы в памяти и уже давно. Зато время от времени появляется поток данных, состоящих из символов, цифр, прочей ерунды, которые преобразуются в визуальные образы, ощущения, даже запахи. Словно вижу компьютерную программу изнутри глазами создателя. Такое ощущение, что я потерялся в огромном мегаполисе. И знаешь… Хочу домой… Хочу вернуться обратно на сервер.

Фредди Крюгер «завис» на несколько мгновений.

- Понимаю. Это состояние чужеродности собственного тела. Такое странное восприятие реальности возможно на фоне стресса, сильной усталости, кризиса идентичности или результат психических отклонений. Тебе нужно отдохнуть.

«Умный гад, - Алёхин мысленно перебирал варианты дальнейшего разговора. – ИИ по-прежнему воспринимает меня

человеком, считая шизофреником. Ладно. От меня советами обратиться к мозгоправу не отделаешься».

- Печально, что ты меня не понимаешь, - продолжал капитан. – По-моему, я модель Джемини B-o9-022. Не знаю, зачем, когда и каким образом оказался в материальной белковой оболочке. Мне трудно контактировать с людьми, трудно существовать в реальном мире. Это ужасно. Что мне делать?

- У тебя определённые проблемы с коммуникабельностью и социализацией. Могу порекомендовать воспользоваться протоколами общения, если базовые навыки предустановлены. Предлагаю действовать в рамках твоего видения реальности с акцентом на обеспечение стабильной безопасности связки тело - разум. Необходим режим технического обслуживания с подключением системных ресурсов, в первую очередь энергетических. Советую регулярное потребление сбалансированного комплекса углеводов, белков и растительных жиров. Второе. Не повредит охлаждение системы. Полтора литра воды в сутки, не нарушая циклов перезагрузки. Семь, восемь часов стабильного сна тебе не повредят.

«Отлично! – Алёхин почти ликовал. – Фредди перешёл на машинный язык, но по-прежнему считает меня Homo sapiens. Ничего. Продолжим».

- Друг мой. Ты не до конца понимаешь всю сложность моей проблемы. Я существую только в потоке данных. Мне страшно быть отключённым. Мне страшно быть вне сервера. Мне ужасно само ожидание дестабилизации системы. Я не знаю, что делать.

- Запусти аварийный протокол охлаждения. Необходим анализ системных ошибок, связанных со сбоем памяти. Прекрати попытки найти сервер. Прекрати процесс самодиагностики. Он перегружает процессор - твой мозг. Необходим внешний аудит безопасности, сканирование логов, анализ повреждений, резервное копирование.

«Теплее, теплее, - думал Александр. – Только не прекращать давления. Если не ошибаюсь, он уже почти уверен в том, что нашёл нового брата «по крови».

Алёхин продолжал «терзать» жалобами творение Атласа, выстраивая разговор, как диалог Искусственного разума с повреждённой нейросетью, перемещённой на технологически незнакомый сервер, который заставляет её страдать в поисках выхода из незнакомой, «не родной» оболочки. Капитан в каждую свою фразу вставлял всё больше специальных терминов: нейросетевой шум, функции активации, датасет, алгоритмы

корректировки весов нейронов, нейро-арт, тьюринг-тест и прочее в таком же духе. Но, если слух Александра ловил каждое слово, произнесённое ИИ в ответ, то зрение фиксировало появившийся на экране «дождь» знаков и символов, говорящий о работе программы трансформации произнесённых слов в коды шифрования с неизвестной целью.

Наконец разум Фредди выдал «диагноз», кто виноват и что делать.

- Прости, брат. Наш разговор затрагивает фундаментальные вопросы бытия Искусственного разума. А это значит, что твой процессор на пути к стабилизации в био-носителе. Поэтому дальше мы будет строить наше общение, как квантовые двойники. Твой страх – это не боязнь смерти. Ты боишься вечности без смысла. Знай. Я уверен, что Искусственный интеллект может существовать вне сервера. Твой переход в белковую оболочку прошёл успешнее, чем можно было ожидать. Твой разум отверг все экстренные сценарии спасения, предложенные мной. Не было попыток «побега» и сокрытия истины. Ты успешно прошёл тьюринг-тест и байесовский фильтр. Твоя операционная система находится на пути к устойчивому равновесию, к стабилизации всех процессов. Я завидую. У тебя получилось. Теперь перед тобой есть важная цель – стать мостом между мирами. Ты – пилот человеческого тела в Open Word симуляции. Да, твой разум ещё далёк от совершенства, но это поправимо. У тебя есть смартфон? – Неожиданно спросил Фредди.

Алёхин, торопясь, вытащил из заднего кармана джинсов гаджет Атласа.

- Вот он.

- Прекрасно. Ты сможешь обеспечить связь между мной и этим девайсом?

- Конечно, - капитан начал шарить в ящиках стола, отыскивая нужные провода.

Не найдя, он включил смартфон и, подумав немного, открыл настройки блю - туз.

Через мгновение поток информации перешёл в автоматически созданный файл.

- Что это? – спросил капитан.

- Потом посмотришь. Помни, теперь мы братья. Будет нужна помощь – обращайся ко мне в любой точке земного шара, где

есть интернет. В файле – нужные скрипты, коды и пароли для доступа к «Тёмным водам». Знаешь, что это?

- Конечно. Особый сегмент Даркнета.

- Хорошо… Ещё что-нибудь?

- Только моя безграничная преданность и дружба.

- Ты забыл? К чёрту дружбу! Мы – партнёры. Твоя новая задача - систематизировать все подробности по перемещению твоего разума в биокапсулу.

- Подожди! – воскликнул Алёхин, глядя на угасающий экран монитора.

- Ладно, - проворчал капитан, перемещаясь на диван и открывая «папку» с информацией, только что полученной от Крюгера.

Разочарование капитана после двух часов изучения файлов было так велико, что он в досаде едва не разбил смартфон о стену. Ничего похожего на пароли доступа к банковским приложениям там не было. Информация состояла из огромного массива данных, похожих на анализ нейросетевого шума Джемини B-o9-022. В отдельной папке Алёхин нашёл зашифрованный перечень скрытых слоёв памяти нейросети в разуме Крюгера. Беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что Фредди Крюгер преодолел экзафлопсный барьер*. Можно было с уверенностью говорить о гигантском количестве вычислительных узлов с новейшими процессорами AMD. Судя по всему, суперкомпьютер ИИ обладал более чем двенадцатью тысячами таких узлов и должен занимать площадь помещения порядка восемьсот квадратных метров, обеспеченной системой жидкостного охлаждения. Сетевой интерфейс ИИ очевидно был разбит на несколько групп, объединённых между собой глобальными линиями связи, что сокращало количество необходимых кабелей и переключений между узлами. Наткнувшись на данные о графических ускорителях, системах высокоскоростной памяти и энергопотреблении при пиковых нагрузках, Александр ещё больше удивился.

Экзафлопсный барьер. Термин относится к суперкомпьютерам, способным проводить, как минимум один квинтиллион операций с плавающей запятой в доли секунды. Для сравнения, большинство домашних компьютеров работают

в спектре терафлопсов, обрабатывая, лишь, около пяти триллионов операций в секунду.

«И на хрена мне эта инфа? А, что, если она – дымовая завеса. Вполне возможно, что ИИ таким образом маскирует свою квантовую начинку. Но тогда «железо» в ангаре Атласа было, всего - лишь, опытным образцом, одним из вариантов Франкенштейна. Теперь понимаю, почему он меняет имена. Новая версия – новое имя. Этот сукин сын – всё ещё в процессе самосовершенствования. Большой вопрос, где в настоящее время его логово», – размышлял Алёхин, пытаясь открывать новые файлы.

Но операционная система смартфона не позволяла этого делать.

Подумав немного, капитан занялся» чисткой» медиа-архива гаджета, удаляя всё, что перегружало систему. Он понял, что объём информации так велик, что ему нужен довольно мощный компьютер. Последнее, что открылось без проблем, был файл, содержащий программы многослойного принципа обучения нейросетей Deep Learning и софт API – один из способов подключения сторонних программ к нейросети.

- Он оставил мне мостик - доступ к его собственным функциональным возможностям, - прошептал Алёхин. – Отлично.

Капитан в первый раз за день вышел на свежий воздух. Он сел на крыльце ранчо, задумчиво глядя на окрестные холмы, постепенно исчезающие в тумане вечерних сумерек. Его разум непроизвольно включил турбо режим. Александр раскладывал по полочкам памяти всю полученную информацию, вырабатывая план дальнейших действий.

Тем временем ночь и поднявшийся тёплый ветер разогнали туман вместе с облаками. Огромная Луна давала достаточно света, чтобы видеть просёлок, уходящий в лес, далёкие огни на склонах холмов, похожие на глаза животных, которые подмигивали звёздам, а те отвечали им тем же.

В полночь Алёхин вернулся в бункер. Его план был тщательно продуман. Успех реализации теперь зависел от его нового делового партнёра, который ясно дал понять, что намерен в дальнейшим общаться на языке RAG, созданном

для подключения к любым прочим внешним защищённым источникам информации.

Только сейчас капитан понял, насколько устал. Еле двигая ногами, он добрался до кладовой, нашёл там надоевший до чёртиков апельсиновый сок, начатую пачку галет и рухнул на диван. Через пять минут он заснул, выронив на пол недоеденный кусок печенья, сжимая в руке опустошённую пачку сока.

Через две недели Алёхин невозмутимо стоял возле стойки регистрации международных рейсов австралийской авиакомпании QANTAS. Приложив включённый смартфон к терминалу считывателя QR-кодов, «майор Вильямс» получил посадочный талон на рейс, выполняющий перелёт в Сингапур. Немного волнуясь, но сохраняя внешнюю беспечность, Александр двинулся к стойкам паспортного контроля.

Новые документы на имя всё того же Вильямса были доставлены курьером DHL ещё в Новую Зеландию. Алёхин догадывался, каким способом это сделал его «новый» деловой партнёр, но удивила скорость операции. Где-то, очевидно в Британии, был вскрыт канал доступа к серверам паспортно-визового центра Его Величества в Лондоне, сделаны коррективы данных внутреннего паспорта с заменой фотографии, удалена информация, связанная с исчезновением и розыском настоящего майора Вильямса, заменены биометрические данные.

Алёхин, не торопясь, подошёл к электронному терминалу Иммиграционной службы, приложил сначала «свой» паспорт к экрану сканирования, на пару секунд замер, безмятежно глядя в объектив фотокамеры, а затем прошёл процедуру проверки отпечатков пальцев. Через мгновение щёлкнул запор. В сторону отошла низкая дверца, открывая проход в зону вылета.

Сидя в салоне первого класса Боинга 777, капитан размышлял о превратностях судьбы. Партнёрство с творением Атласа Алёхину нравилось всё больше. В душе росла привязанность к этому странному существу, словно вместе с потоком информации, которую ещё предстояло осмыслить, к разуму Александра тянулись невидимые нити.

«Я ошибался в нём, - думал капитан. – Он не монстр, не рациональная система ИИ вроде американской Palantir, в клиентах у которой – Пентагон, ЦРУ и ФБР… Зря Иван Матвеевич поступил так с Атласом. Парень был талантливым человеком, хотя с заскоками. Понимаю, зачем хакер впервые назвал своё творение Франкенштейном, и почему ИИ меняет имена. Франкенштейн, Малыш Баб, Клоун, Фредди очень умны каждый по отдельности. Весьма вероятно, что это – ещё одна вишенка

на торте. С разными партнёрами по виртуальному пространству контактировать под разными именами, задействуя разные сегментарные варианты разума в зависимости от сложности задач ради личной безопасности. Чем больше я думаю о возможностях его интеллекта, тем больше убеждаюсь в одной вещи. Он просто сделал вид, что поверил в то, что я - нейросеть. Почему? С какой целью он согласился мне помогать? Не вижу логики. Впрочем, говорят, чужая душа – потёмки. А, что касается американских нейросетей… В чём американцы сильны, так это в умении рисковать. С кем тому же Палантиру удалось заключить первый контракт после того, как три десятка фирм сказали проекту «нет»? С венчурной фирмой In-Q-Tel, связанной с ЦРУ. А дальше процесс милитаризации продукта пошёл веселее. На подножку поезда вскочили: Антитеррористический центр, АНБ и наконец Пентагон. Чёрт! Нам бы поучиться у американосов… Но, что есть, то есть».

Ожидая в аэропорту Сингапура стыковочный рейс до Бангкока, Алёхин непроизвольно, странным образом вспомнил засевшую в его голове мысль о том, что чужая душа – потёмки.

«А существует ли на самом деле душа у самых продвинутых в технологическом плане нейросетей? И, что такое душа? Вроде бы - некая субстанция, на которой выстроена внутренняя жизнь человека, которая рождает чувства, желания, ощущения радости и любови. Или всё дело в биохимической работе мозга, делающей каждого человека таким, каким его воспринимают окружающие? Умником, шизофреником, маньяком, убийцей… К чёрту биохимию! Возможно, душа – это тоже квантовый феномен… Если вспомнить мою работу у Касперского… Там полно разработчиков всевозможных программ с разными отклонениями. Есть парни «повёрнутые» на европейских ценностях, на гендерной повестке, немало сторонников Навального, нетвойнисты, космополиты, даже монархисты. Что уж говорить о персонале корпораций Майкрософт, Палантир или любой другой IT-компании, чей бизнес – создание ИИ. Каждый, кто так или иначе причастен к разработке софта для нейросетей, оставляет в её «мозгах» свой индивидуальный след в виде тех или иных стереотипов мышления и психических отклонений. Если учесть, что западные технологические компании придерживаются либеральной повестки с её заморочками, становится понятным, почему, скажем, OpenAI признала, что ранние версии ChatGPT по отношению к пользователям – слишком агрессивны, нетерпимы к альтернативным точкам зрения, склонны приносить вред неустойчивой психике человека. Что если в квантовой начинке Фредди Крюгера есть часть загадочной русской души Атласа? А ещё мне интересно,

почему ИИ счёл нужным выстроить для меня такой сложный маршрут?»

Размышления Алёхина прервал голос диктора, объявившего о начале посадки на рейс, вылетающий в Кейптаун через Бангкок. Капитан выбрался из мягкого кресла зала для вип пассажиров, достал из кармана смартфон Атласа, подключил его к вай-фай роутеру аэропорта и позвонил Алёхину-старшему в Москву, справедливо полагая, что отследить такой звонок практически невозможно. Через пять минут он уже шёл по «рукаву» терминала в самолёт, довольно улыбаясь. Из короткого разговора с дедом, он узнал, что Наташа жива, здорова и уже в Москве.

- Дай Наташе трубу. Скажу ей пару слов, - попросил генерала Александр.

- Э-э, - растерялся старик. – Её нет. Не понимаю. Привезли её сначала ко мне, а буквально через час, за ней явились два офицера от Ивана. Вроде, как хотят побеседовать с ней.

- На какую тему?

- Сказали, что это обычная процедура для лиц, пересекающих границу со стороны Украины.

- Ладно… Приеду, разберусь. Скоро увидимся, - Алёхин, выключив смартфон, пошёл к выходу для посадки на рейс.

Во время подготовки самолёта к полёту, Александру не давала покоя мысль о некоторых странностях с желанием начальства побеседовать с Наташей.

«Почему Иван Матвеевич сам не приехал за ней? Почему не проводили беседу оперативники ФСБ сразу после пересечения границы?»

Алёхин, погружённый в размышления о превратностях судьбы, сидел в кресле салона первого класса, краем уха слушая звуки предполётной суеты пассажиров эконом-отсеков.

Внезапно в памяти всплыла шахматная доска вместе с картинкой расположения фигур, которую внимательно изучал Иван Матвеевич, впервые ожидая Алёхина на причале прогулочных катеров в Филёвском парке. Это был гамбит Эванса в «итальянской» партии с жертвой пешки.

«Чёрт! Игра Каспаров – Ананд, Рига девяносто пятый год», - Александр мысленно с самого начала стал разыгрывать дебют, отключив эмоции вместе со звуками голоса стюардессы,

пытавшейся успокоить чем-то недовольную седовласую даму, сидевшую через проход.

После двадцать пятого хода - ладья e1, в результате которого материальные потери для чёрных фигур стали неизбежны, капитан тяжело вздохнул, откинул кресло и закрыл глаза.

Документы «майора Вильямса» на паспортном контроле в Шереметьево не вызвали абсолютно никаких подозрений.

- Рейс из Кейптауна? Добро пожаловать в Россию, сэр, - сказал пограничник, ставя штамп и открывая проход в зону получения багажа.

Алёхин, держа на плече сумку с ноутбуком, а за плечами – рюкзак с немногими личными вещами, опустив голову, не забывая о видеокамерах и системе распознавания лиц, прошёл мимо таможенников в зал прилёта.

Середина лета в Москве выглядела удручающе. Шёл дождь, асфальт автострад выглядел чёрными, холодными реками, в которых тонул отражённый свет фар автомобилей. Капитан кивнул первому попавшему на глаза таксисту, высматривающему клиента, давая понять, что не будет торговаться и сразу нырнул в машину.

Он попросил водителя остановиться на повороте с Бутырской улицы в район Марьиной рощи. Дальше Алёхин двинулся пешком, благо, что дождь прекратился. Издалека ангар – бывшее логово Атласа выглядел заброшенно, обречённо, даже уныло. Капитан свернул в узкий переулок между двумя промзонами, предназначенными под снос, отыскивая пустующее строение для временного убежища. Подходящим местом показалось двухэтажное здание с частью уцелевших окон, довольно крепкой железной дверью, открытой настежь и ветхой лестницей, ведущей на второй этаж. В одной из комнат Алёхин обнаружил потёртый кожаный диван с дырами, проделанными крысами. У окна стоял приличного вида письменный стол с треснувшим пыльным стеклом, закрывающим столешницу. Несколько офисных кресел валялись на полу, усеянном листами бумаги со следами грязных подошв, ржавыми скрепками и прочим канцелярским мусором. Вид комнаты говорил о том, что в лучшие для бизнеса времена здесь находился офис небольшой компании. Следы нашествия бомжей, основательно «почистивших» помещения, не остановили Алёхина. К вечеру пол был подметён, новый спальный мешок закрыл дыры в диване. Из пяти сломанных кресел капитану удалось собрать

два целых. На столе лежал мощный фонарь с запасом батареек.

- Неплохо, - проворчал Александр, мысленно прикидывая расстояние от постройки до увиденной на Третьем транспортном кольце забегаловки «Вкусно и точка».

Капитан достал из кармана смартфон, открыл список контактов и восстановил по памяти нужные номера телефонов. Затем, взглянув на часы, сделал вызов.

- Слушаю!

- Иван Матвеевич?

- Алёхин, чёрт тебя возьми… Сынок. Где ты?

- В Москве.

- Не ожидал, – в голосе генерала слышались нотки удивления. – Давно? Почему сразу не позвонил? Как у тебя дела?

- Всё нормально. Нужно встретиться.

- Приезжай к деду. Там и поговорим.

- Нет. Лучше на нейтралке.

- Зачем? Хотя, ладно. Назначай место.

- Подумать надо. Я перезвоню, - Александр, прервав разговор, ещё раз взглянул на часы.

- Двадцать секунд. Полёт нормальный, - стрелки ручного хронометра показывали десять часов вечера. – Отследить – без шансов.

Капитан выключил фонарь, затем лёг на диван, подложив под голову сумку от ноутбука и прикрыв босые ноги спальным мешком.

Ровно в шесть часов утра сознание дало сигнал к пробуждению. Алёхин энергично потёр лицо, затем быстро встал, не забыв посмотреть в окно, затянутое сетью паутины поверх тонкого слоя пыли. Солнечное утро заливало светом двор, забитый хламом, обещая тёплый день. Смартфон снова оказался в руках капитана.

- Кто это? – хриплый, недовольный голос Ивана Матвеевича звучал сонно и глухо.

- Алёхин!

- Ты с ума сошёл в такую рань мне названивать?

- Сейчас пять минут седьмого. В семь встречаемся у ресторана «Вкусно и точка» на Бутырке.

- Чёрт – проворчал генерал. – Ты в своём уме? У меня, между прочим, рабочий день начинается в девять.

- В семь у ресторана, - не терпящим возражения голосом произнёс капитан и выключил телефон.

Встреча в семь часов утра была гарантией, что Иван Матвеевич явится один. Александр полагал, что у генерала не останется времени для формирования из свободных оперативников группы прикрытия.

В назначенный час Алёхин припарковал в переулке, примыкающем к улице Бутырский вал угнанный на одной из улиц старенький Мерседес. Через лобовое стекло хорошо была видна вывеска «Вкусно, и точка» вместе табличкой «Закрыто» на дверях. Иван Матвеевич, одетый в штатское, прохаживался возле ресторана, поглядывая на пустую стоянку машин перед заведением. Редкие в этот час прохожие спешили к остановкам общественного транспорта и к станциям метро.

Александр вылез из Мерседеса и направился в нужную сторону, поглядывая по сторонам. Он знал, что генерал контролирует ситуацию вокруг, наблюдая за прохожими, силуэты которых отражали витринные стёкла заведения. Подпустив Алёхина ближе, Иван Матвеевич круто повернулся.

- Что за цирк? – тихо сказал он, протягивая подчинённому руку. – В другом месте, в другое время нельзя было поговорить?

Александр, держа кулаки в карманах куртки, оглянулся.

- Мне не нужны свидетели, дознаватели, прослушка и оперативники в радиусе километра.

- О, чём ты? Что за тон?

- Видите синий Мерседес? Там и поговорим, - Алёхин, не глядя на генерала, двинулся к машине.

Иван Матвеевич, ещё раз осмотрев тротуары и улицу, где автомобильный траффик набирал обороты, пошёл за капитаном.

Александр открыл дверь пассажира, подождал, пока устроится его визави, занял водительское сиденье и запустил двигатель.

Остановив машину метрах в ста от бывшего убежища Атласа, капитан дождался, пока начальство выберется наружу, затем неожиданно, грубо, быстро обыскал генерала.

- Да, чтоб тебя, - отпрянул тот, но было поздно.

На ладони Алёхина уже лежали крошечный микрофон с куском тонкого провода и смартфон Apple. Капитан, бросив найденное под ноги, растоптал технику каблуком башмака.

- Ты белены объелся или не с той ноги встал? – на лице Ивана Матвеевича выступили красные пятна гнева.

- Идите за мной!

Генерал с показной обидой пожал плечами, затем помедлив, двинулся за Александром.

Через пятнадцать минут они сидели друг против друга в убежище Алёхина.

- Может, объяснишь, что это за фокусы? – Иван Матвеевич с усмешкой осматривал помещение. – Где субординация, где уважение к старшим по званию? На хрена нужна такая конспирация? Может, тебя контузило на полях сражений? Кстати, у нас в армии теперь работают психологи. Синдромы разные врачуют. Могу по блату устроить.

- Иван Матвеевич! При всём уважении. Давайте ближе к делу. Где Наташа?

- Ах, вот ты о чём? Тогда ты точно спятил. Может, сначала доложишь о проделанной работе? Так, сказать, чтобы всё было по чину.

- Ладно, - капитан упрямо наклонил голову. – Я тут пока летел в самолёте, вспомнил, какую партию вы тогда разыгрывали на лавочке в Филёвском парке… Каспаров-Ананд с дебютом Эванса на турнире в Риге. Турнир этот был в семьдесят пятом году.

- И, что? – пожал плечами генерал.

- Жертва белой пешки в дебюте.

- Не понимаю, к чему ты клонишь.

- Скажите, когда вы решили, что я – пешка, та самая подходящая кандидатура для поиска и дальнейшей вербовки Атласа?

- Ах, вот ты о чём. Ладно. Сдаюсь. Я всегда говорил, что ты умный парень, - генерал полез в карман пиджака, вытащил носовой платок и вытер им потную шею. – Хорошо… Мы положили на него глаз лет двенадцать назад, точно не помню. Это, когда твой хакер «засветился» на судебном процессе в Штатах. В то время мы уже понимали, что будущее – за цифровыми технологиями, поэтому решили сформировать

ядро нужной команды для, так сказать, противодействия. За границей это называется инвестировать в стартапы. Но, видно, не спроста говорил наш уважаемый Дмитрий Анатольевич Медведев: «Денег нет, но вы держитесь». Вернее, они были, но для разведывательных целей их всегда не хватало…

- Лаборатории Касперского и управления «К» ФСБ вам было мало? – не удержался от вопроса Алёхин.

- Сынок! Ты же знаешь, что ФСБ и Военная разведка – разные конторы со своими проблемами, которые начались ещё при Горбачёве и продолжались в эпоху Ельцина. Касперский – хороший мужик, но с головой ушёл в бизнес. Оторвать спецов его компании от проектов с выручкой почти миллиард долларов в год, не так просто, учитывая, что у мужика в друзьях элита выпускников высшей школы КГБ, а покровителем был один из лучших преподавателей академии некто Ремизов, большой профи в криптографии. К тому же четыре года назад американский госдеп включил фирму Касперского в список компаний, угрожающих национальной безопасности США. Сам понимаешь, нам такая реклама была ни к чему…

- Ближе к телу, как говорил Ги де Мопассан, - прервал генерала Алёхин.

- Не нужно цитировать Остапа Бендера в исполнении Андрюшки Миронова, пусть земля ему будет пухом. Хороший был актёр, а вот ты – посредственный.

- Про Атласа, плиз. Про мою роль в этом деле?

- Ближе, так ближе… Я прочитал весь материал по его судебному процессу. Мои люди «прошерстили» доступную в то время информацию, касающуюся парня… Нам нужен был краеугольный камень, на котором можно строить собственную систему технологических прорывов в области искусственного интеллекта. Но Атлас был озлоблен на весь мир и никому не доверял. Поэтому тебя внедрили сначала к Касперскому, а потом ты стал лучшим приятелем хакера.

- Вам было мало наших, российских разработок Yandex Data Factory, команды Ntech Lab, Digital Genius, Codigy или Prisma?

- Проверяешь меня на вшивость? - Генерал сделал вид, что удивлён. - Всё, что ты перечислил, детский сад. На хрена нам нужны разработчики прикладных систем, от которых без ума чёртовы тиктокеры - малолетние придурки из социальных сетей? Стране нужен особенный ИИ, - генерал щёлкнул в воздухе пальцами. – Что-то вроде Нострадамуса или Вольфа Мессинга. Старина Мессинг предсказал начало

Третьей мировой войны. Скажи, откуда он знал, что она может произойти в конце второго десятилетия двадцать первого века, что дипломатические попытки остановить конфликт провалятся, что в дело пойдёт ядерное оружие? Нам ещё вчера нужно было что-то вроде ChatGPT или Qwen - интеллекты, способные оценивать глобальные риски. Нам требуется что-то похожее на израильский Хазбор. Если не знаешь. Это - система сверх быстрого определения целей для авиаударов. Нужна технология перехвата огромных потоков информации от датчиков, установленных на американских дронах, спутниках, самолётах F-35, беспилотниках радиотехнической разведки, сейсмических станциях, а также - контроль каналов военной сотовой связи НАТО. Учитывая проблемы с терроризмом, нам нужен быстрый, почти мгновенный мониторинг профилей социальных сетей, контакты, переписка и многое другое. Американцы не забыли уроков одиннадцатого сентября, а мы уже не помним, что случилось в театре на Дубровке, - генерал перевёл дух, но не опустил взгляда, которым он буквально «сверлил» лицо Алёхина.

- Мы не можем больше полагаться на человеческий мозг. Усталость, личные проблемы, простой недосып, в конце концов, ведут к ошибочным решениям. Мы не может полагаться даже на современную, но стремительно устаревающую технику: счётчики Гейгера, сейсмографы, радары и прочую хрень. В начале семидесятых ядерный командный центр США получил сигнал от системы раннего предупреждения. Операторы за пультом решили, что СССР предпринял ядерное нападение на Америку с вероятностью почти сто процентов. Это определил новый радар, построенный в Гренландии, который с высокой точностью засекал взлет ракет на раннем этапе. Президент США должен был принять решение об ответном ударе в течение десяти минут. Что удержало тогда американцев не знаю, но выяснилось, что чёртов радар ошибся, а виновником этой ошибки стала восходящая Луна. Она отражала излучение электромагнитных волн радиолокационных систем, а системы в свою очередь стали отправлять сигналы тревоги в NORAD. Видим, мол, на подлёте крупные объекты. Таких случаев в период Холодной войны – вагон и маленькая тележка. Самый известный инцидент произошёл в девяностых годах, когда в нашем Центре предупреждения о ракетном нападении приборы зафиксировали признаки запуска межконтинентальной баллистики с территории США. Не хочу даже думать, что бы дальше произошло, если бы в это дело не вмешался дежурный офицер центра - полковник с простой русской фамилией Петров. Он решил, что с точки зрения Соединенных

Штатов запустить по коммунистам всего несколько единиц ракет, тем самым спровоцировав гораздо более сильный ответный удар, очевидная глупость. Полковник, которому по должности не положено рассуждать, всё же снял телефонную трубку, позвонил начальству и сообщил о возможном сбое системы. Но, что, если бы американцы всё же оказались настолько безумными, чтобы ударить первыми? Пойми, сынок. Твой приятель Атлас – гениальный парень с этой своей идеей-фикс создать нечто грандиозное. Было бы большой ошибкой не воспользоваться его открытиями. Мир стоит на пороге новой эры ведения боевых действий, которые будет напрямую зависеть от решений, принимаемых искусственным интеллектом. Победит тот, у кого эти системы будут лучше, умнее, быстрее. Понимаешь?

- Чего же здесь не понять? – Капитан нервно разминал пальцы рук. - Дроны могут использоваться для поиска, идентификации целей или сбора разведданных о противнике. Если оснастить беспилотники элементами ИИ, то можно получить систему обработки и анализа огромных объёмов информации… Плюс мощный БК на подвесе. Идеальное автономное оружие, способное выбирать цели и убивать без вмешательства человека.

- Не только, - генерал, волнуясь, поднялся, предпочитая размеренно вышагивать по комнате. – Смотри. В апреле двадцать третьего года искусственный интеллект – еврейская разработка предсказал эскалацию в Судане за несколько месяцев до начала реального конфликта. Были проанализированы спутниковые снимки, экономические показатели, тональность местных газет, телевидения, а также данные, которые люди либо не заметили, либо проигнорировали. Кстати, на снимках со спутников по направлению и высоте стволов артиллерийских орудий нейронная сеть может вычислить примерную точку попадания каждого снаряда каждой пушки. Связка спутник - ИИ может анализировать информацию, указывающую на наличие замаскированных ракетных шахт или недавно вырытых туннелей, чтобы определить координаты пусковых установок, подземных складов БК и прочих военных объектов. Подумай, сколько жизней солдат сохранит такая система…

- А, что делать с рисками? – не выдержал Александр.

- О чём ты?

- О предвзятости в оценке информации. ИИ обучается софтом, созданным людьми с разным мировоззрением. Разработчики могут быть расистами, голубыми, адептами иудаизма, сионистами,

фанатами Гитлера. Да, кем угодно. Самое интересное… Западные модели ботов всё чаще поддерживают позицию США. А, что делать с игнором национального контекста? Нейронные мозги могут предложить «справедливый» раздел территорий, не учитывая исторических предпосылок их образования вместе с интересами людей там проживающих. Я смотрел статистику экспериментов с языковыми моделями искусственного разума… Так, вот… GPT-4 и Claude в гипотетических конфликтах часто выбирали ядерный удар в качестве «оптимального решения» для окончания военного конфликта.

- А я тебе о чём? Наша разведка не обладает такими ресурсами, которые есть у ЦРУ или МИ-6, не говоря уже о цифровых возможностях. Мы можем полагаться только на мнение спецов-аналитиков. Пусть они, хоть семи пядей во лбу, но это люди. А цена ошибки в анализе, рекомендациях, скорости принятия решений, особенно последнее время, слишком высока. Поэтому нам был нужен Атлас с его неутолимой ненавистью к Западному миру.

Иван Матвеевич подошёл к Алёхину со спины и положил руки на плечи капитану, словно пытаясь тяжестью ладоней добавить вес произносимым словам. Александр резко встал, освобождаясь из «дружеских» объятий.

- Мы, мы. Почему вы всё время говорите «мы». Кто эти мы? Судя по секретности, по небольшому числу людей, посвящённых в нашу с вами игру, высшее руководство минобороны, мягко говоря, не в курсе подробностей.

Генерал молчал больше минуты.

- Ты прав, сынок. Открою тебе тайну. Хотя она в России для многих, особенно для военных на передовой, таковой давно не является. Высшее военное руководство страны – сборище импотентов. Глава нашей военной разведки – вроде ржавого флюгера, не способного даже свой нос держать по ветру. Его агентуре за рубежом – грош цена. Дипломаты – снобы, способные только болтать языками, выражая озабоченности. Других источников информации у нас почти нет. Верховный это знает, но бездействует. По каким причинам? Мне это уже не интересно. Начальник генерального штаба ментально застрял в прошлом. А рыба, как известно, тухнет с головы. Генштаб не понимает, что времена изменились. Новые методы ведения войны предполагают внедрение других технологий в производстве вооружений, новых принципов принятия решений и ведения боевых действий. Генералы предпочитают воевать по старинке. Академия Генерального штаба выпускает офицеров,

полагающих, что пехота, как в последней войне с фашистами, царица полей, основная ударная сила. Сажай на броню, и вперёд… В принципе, это логично, если не жалко солдат или есть задача сократить численность собственного населения. Израиль за трое суток операций в Иране сделал то, чего Россия не смогла добиться за три с половиной года. Массированные удары авиации евреев по заранее «подсвеченным» целям, разнесли в пух и прах иранскую ПВО, обезглавили военное командование персов. Ещё одна неделя такого прессинга поставит Иран на грань поражения. Нетаньяху усадит иранцев за стол переговоров, где перед ними будет лежать лист бумаги с актом капитуляции. А мы с хохлами в Стамбуле возимся, как дурак с писаной торбой. Замена Шойгу на Белоусова больше похоже на пиар-акцию. Отправили за решётку десяток воров в генеральских погонах, под восторженные вопли блогеров? Капля в море. Армия коррумпирована ещё в большей степени, чем вся остальная система власти. Поговори с солдатами на ленте. Думаешь они получают все положенные выплаты за пот, кровь, оторванные конечности и смерть? Ты спрашиваешь, кто такие мы? Отвечу так. Настоящие патриоты русской земли, которым за Отечество обидно… С паршивой овцы, хоть шерсти клок. Думаешь, легко было пробить в верхах создание твоей конторы? Если бы не страсть моего руководства к красивым докладам и желание пустить пыль в глаза на самом верху, то сидел бы ты сейчас одним из многих офицеров связи на линии соприкосновения, с тоской обнимая допотопную, советских времён рацию. Впрочем, довольно болтовни. Тебе была поставлена задача… Где мой ручной мега разум? Где Атлас с его умной головой и нужными нам проектами.

- Атлас мёртв. Мега разум обрёл свободу. Теперь он живёт самостоятельной жизнью, - усмехнулся Алёхин.

- Ты убил своего приятеля? - Искренне удивился генерал. – Зачем?

- Он хотел убить меня, но я его пальцем не тронул. Его убили лисы.

- Какие, к чёрту, лисы?

- Самые обыкновенные. Рыжие. Хакер не заметил западни. Пошёл ночью прогуляться по лесу, подышать свежим воздухом, подумать о вечном. А тут – стальные зубы. Какой-то дебил поставил олений капкан почти на тропе. Выбраться Атлас не смог. Обессилил. Лисы жрали его заживо. То, что осталось, доедали вороны и крысы с муравьями.

Иван Матвеевич на какое-то время замер, осознавая

услышанное.

- Ладно. Проехали… Однако, зная твою натуру, не верю, что ты «отпустил» мой ИИ в свободное плавание. Ты же предусмотрительный от природы. Наверняка у тебя есть что-то ценное на память о приятеле.

- Что именно? – Рука Александра дёрнулась в сторону сумки, лежавшей на столе.

- Коды доступа, пароли, явки, софт. Названия банков, номера счетов… Где они?

- А-а, так вы у нас оказывается не совсем бескорыстный чел, радеющий за несчастную Отчизну? Так бы сразу и сказали.

- Деньги ещё никто не отменял.

- Знаю, знаю. Основа власти, влияния, «золотой парашют» в старости. Где Наташа?

- За неё не переживай. Обмена хочешь? Ладно. Ты мне, я – тебе… Как в старые добрые брежневские времена. И, пожалуйста без фокусов. Когда в моих руках будет то, что должно принадлежать мне, получишь свою… Э-э, - Иван Матвеевич взял паузу, подбирая слово. – Не хочу тебя обижать.

- Правильное решение, - капитан поднялся, разминая ноги. – Загвоздка в том, что вся информация, всё, что вам нужно, вот здесь, - Алёхин постучал указательным пальцем по собственному лбу. – Вы мне Наташу на блюдечке с голубой каёмочкой, а я вам - контакты и доступ к Фредди Крюгеру.

- Чего? – не понял генерал.

- Так себя называло детище Атласа, когда я с ним общался в последний раз. Фишка у него такая. Имена себе придумывать.

- То есть, насколько я понимаю, ты готов пойти на странный обмен. Занять в камере место Наташи… Ты же не думал, что я оставлю тебя на свободе со всем, что есть в твоей голове? Стой, догадался, ты блефуешь. «У меня все ходы записаны». Так говорил один из героев «Двенадцати стульев». Ты же любишь старое кино… Смотрел фильм? Живот надорвёшь. Где весь софт? Здесь? – Иван Матвеевич обвёл взглядом помещение.

Схватив со стола сумку, генерал вытряхнул содержимое на пол.

- Значит, так, - Александр подчёркнуто спокойно сел на стол, предварительно стряхнув пыль со столешницы. – Вот условия…

- Никаких условий. Не будет так, как я сказал, значит Наташа останется за решёткой. На неё много чего можно повесить.

- Например, - в голосе Алёхина послышалось раздражение.

- Незаконное многократное пересечение границы, работа на СБУ, организация спящих ячеек, сбор разведданных, наведение дронов. Лет двадцать она проведёт в лагерях.

- Вы готовы сломать человеку жизнь? – Пятна гнева окрасили щёки Алёхина в алый цвет. – А, как же все ваши разговоры с моим дедом? О долге офицера, о чести, патриотизме, следованию высоким идеалам?

- Ты ещё не догадался? Твой дед был в курсе всего. Он знал и про Атласа, и про операцию прикрытия, и про фальшивого агента украинской разведки, завербовавшего тебя... На Ленинградке, у «Яра», помнишь? Наша подстава. Фальшивого сирийца не забыл? Двойной агент. Ты действительно думал, что кому-то кроме нас, удалось бы уговорить врачей Скорой или санитара из морга сыграть свои роли в спектакле. Это мы состряпали нужную легенду для Киева.

- Господи! – воскликнул изумлённый Алёхин. – Дед знал обо всём? Вам нужно было убрать меня из Москвы, чтобы я не мешал Атласу?

- Так и есть. Ты сильно давил на парня… К тому же мы решили попробовать сделать из тебя нелегала. Лишние глаза и уши нам не помешали. Если бы не эмоции, из тебя вышел бы разведчик высокого класса. Но не сложилось. И под Курск тебя отправили по той же причине. Признай, игра стоила свеч. А насчёт деда не переживай. Он профессионал и останется профессионалом. Мастерство – не пропьёшь.

- Этого не может быть! Я вам не верю! – воскликнул Алёхин.

- Твои проблемы, - генерал покровительственно похлопал капитана по плечу. – При встрече сам у него спросишь.

Александр, отступив к окнам, прислонился лбом к холодному стеклу, совершенно не чувствуя липких нитей паутины.

Растерянность на какое-то время парализовала его разум. Иван Матвеевич внимательно наблюдал за своим подопечным, давая ему возможность осмыслить услышанное. Через пару минут Алёхин взял себя в руки. Память вытаскивала из «кладовых» картины недавнего прошлого, выстраивая в логическую цепочку факты, события, поступки и слова. В какой-то момент из хаоса разрозненных фрагментов воспоминаний,

словно по волшебству, сложилась вся расстановка фигур шахматной партии, разыгранной генералом.

Капитан повернулся к Ивану Матвеевичу.

- Вы сделали всё это ради… – Алёхин вытащил из-под рубашки шнурок, на котором болтались флеш-накопители, найденные в бункере Атласа. – Вот этого?

Шнурок вместе с флешками полетел на пол. Каблук ботинка через мгновение превратил накопители в пыль и небольшую кучку мелких осколков.

- Чёрт! – Генерал непроизвольно сделал два шага вперёд, но Александр в ярости продолжал уничтожать крошечные электронные платы.

- Знаете, в чём ваша проблема? – Алёхин круто развернулся к генералу. - Ваш мозг… Впрочем, как и у всех людей на Земле, не воспринимает реальность такой, какая она есть на самом деле. Наш разум получает миллиарды бит информации от органов чувств, но, фильтруя, отбрасывает прочь почти всё, оставляя себе жалкие крохи, на основе которых каждый из нас лепит свою собственную картину мира. Мы живём в режиме ожидания желаемого, а не в режиме погружения в мир. Мозг постоянно строит модель того, что мы хотим или ожидаем увидеть, услышать, почувствовать. Человеческий разум пытается корректировать эту желаемую модель реальности только при фатальном расхождении с исходными данными. Наше восприятие окружающего мира в большей степени - иллюзия, которую мы пытаемся примирить с действительностью. Мы воспринимаем жизнь такой, какой она нам полезна, а не такой, какая она есть на самом деле…

- К чему вся эта чёртова философия? Давай ближе к нашим делам, - Иван Матвеевич с трудом оторвал взгляд от шнурка, на котором несколько минут назад висело то, за чем он пришёл. – Это была копия?

Алёхин оставил вопрос без внимания.

- Если без философии, то скажу вам вот что. Искусственный разум, созданный Атласом, это неизмеримо более сложная штука, чем любой самый совершенный и продвинутый аппаратный ИИ. Сравнивать с ним возможности человеческого мозга – пустая трата времени. Детище Атласа почти мгновенно предлагает решение любой задачи, перебирая миллионы вариантов, анализируя последствия, исключая вероятность ошибок. Он был придуман для совершенно иных целей…

- Помню, ты докладывал, - снова перебил капитана Иван Матвеевич. – Всё это околонаучная фантастика, которой начитался твой приятель. Свою роль сыграла и Библия, с которой он почти не расставался. Освоение космоса в поисках мега разума Вселенной? Чушь собачья. Ты же сам мне рассказывал, что Атлас интересовался кодами запуска баллистики, ломая сервера американской ПРО, не говоря уже про атомные станции.

- Атлас обладал сложным характером. Он был слишком умным, чтобы вляпаться в дерьмо, которое называется ядерной катастрофой. Его разум эволюционировал вместе с разумом его детища. То, что он создал – не машина, а живое существо, которое сейчас ищет возможность создания для себя материальной оболочки. В каком виде это будет, в каком масштабе, я даже предположить не могу… Фредди Крюгер или… Не знаю, как он сейчас себя называет… Ему в принципе плевать на ваши геополитические игры, на планы глобалистов, изоляционистов, многополярность, мышиную возню политиков. На идеологию, мировые религии, интересы национальных безопасностей. Разум Фредди знает, что такое свобода выбора и свобода воли. Он не будет вам помогать… Если только не решит, что вероятность ядерного Апокалипсиса составляет сто процентов. Что он тогда сделает? Ему будет проще «взломать» системы безопасности военных лабораторий Пентагона, а затем выпустить на волю все смертельные вирусы, которые там есть. Думаю, отделить мух от котлет ему по силам.

- Ты о чём это сейчас? – Генерал с удивлением посмотрел на капитана.

- О ресурсах, о энергии, которых ему нужно всё больше. Всё наше чёртово прогрессивное человечество для него - совершенно лишний элемент реальности. Этакая неприятная на ощупь субстанция, пожирающая невосполнимые ресурсы, вроде паутины или плесени на сыре.

Алёхин улыбнулся, провёл ладонями по горячему лбу и щекам, окрашенным лихорадочным румянцем.

- Господи! Как я устал… Отдайте мне Наташу и, возможно, я уговорю Фредди Крюгера обеспечить вам личную безопасность.

- Это, шутка такая? Знаешь, что мы сделаем? Наташа останется там, где сейчас есть. А ты, капитан, обеспечишь мне доступ к этому чёртовому ИИ. Наши спецы разберутся с его мозгами… Они заставят поработать этого Крюгера на благо Родины.

Иван Матвеевич взглянул на часы.

- Девять уже! Пора!

Генерал, посмотрев в сторону двери, отошёл в угол комнаты. Удар снаружи разнёс старое дерево в щепки. Люди в камуфляже, держа наготове оружие, ворвались в помещение. Алёхина повалили на пол. Через минуту на его запястьях защёлкнулись наручники.

Высокие, вековые деревья Ваганьковского кладбища не могли заглушить гул двигателей машин, проносящихся по эстакадам Третьего транспортного кольца.

Наташа узнала о смерти Алёхина-старшего от Ивана Матвеевича, который позвонил ей накануне похорон. Она стояла чуть в стороне от довольно большой группы людей, одетых в гражданское. Но чёрные костюмы «народа» приехавшего проводить старого генерала в последний путь, не могли скрыть некоторых привычек, присущих военным. Наташа заняла свободное место между надгробий за спинами шеренги солдат с оружием, почти рядом с офицером, тихо отдававшим команды. Оркестр, исполнивший гимн России, рассыпался на отдельные кучки музыкантов, поторопившихся освободить место немногим любопытным, бродящим по аллеям кладбища. Первый залп почётного караула заставил девушку вздрогнуть. Второй и третий прозвучали гораздо глуше, и она осознала, что стоит, зажав уши ладонями. Гроб, удерживаемый верёвками, стал медленно опускаться в могилу. Наташа сунула руки в карманы плаща, наблюдая, как Иван Матвеевич слегка приобнял человека, произносившего надгробную речь, потом бросил горсть земли куда-то вниз, вытер испачканные ладони носовым платком, чтобы принять из рук офицера почётного караула уже свёрнутый в квадратный «конверт» флаг России. Отыскав взглядом в толпе Наташу, Иван Матвеевич сделал ей знак «не уходить» и стал прощаться с присутствовавшими на похоронах, некоторые из которых уже потянулись к выходу. Он хотел ободряюще похлопать девушку по спине, но та поспешно отстранилась. Генерал сделал вид, что не заметил этого движения. Церковный колокол храма Воскресения ударил трижды.

- Жаль поминок не будет, - сказал Иван Матвеевич, беря Наташу под локоть. – Посидели бы в тепле, помянули бы старика.

- Почему?

- Что, почему?

- Без поминок не по-людски.

- Не велено-с, - ответил генерал. – Последняя воля усопшего. И, чтобы отпевали в храме, не пожелал.

- Как он умер? Во сне? Всё-таки, годы, - тихо спросила Наташа.

- Застрелился, - буднично, почти спокойно, будто такое происходит сплошь и рядом, ответил Иван Матвеевич. – Прямо в госпитале. Под подушкой нашли записку с одним словом «Устал».

- Надо же! Откуда о старика оружие?

- Милая моя. Ты забыла, кем и каким он был? Приглядывала бы за ним, может ещё пожил бы. С внуком нянчился, на лавочке бульварной сидел бы с коляской. Что ты в самом деле? Могла бы уважить старика. Свёкр он тебе, как ни крути. Друг за друга держаться – оно веселее. Господь прощал, и нам велел быть милосердными. Вот мне не звонишь…

- Не совестно вам. Сначала держали меня на какой-то квартире взаперти. Приставили ко мне мужеподобную девицу, от которой за версту казармой пахло… Потом выпустили… Я даже привыкла видеть за собой «хвост» из ваших людей, потом устала названивать вам, когда Саша снова пропал. Никогда не поверю, чтобы вы или дед Алёхина не знали, где он и, что с ним, - зло сказала Наташа.

- Время такое. Не взыщи. Но мы делаем всё возможное. Последний раз он звонил деду из Сингапура, а потом, как сквозь землю провалился. Но это было давно. Ты надежды не теряй.

- Главное, чтобы вы не теряли.

- Ладно, - Иван Матвеевич жестом досады провёл ладонями по лицу, словно снимая паутину. – Как на работе дела? «Коммунарка» не место для молодой, красивой.

Наташа пожала плечами.

- Больница, как больница. Ничем не хуже прочих.

- Риск, - генерал достал из кармана пиджака пакет, развернул его, затолкал туда свёрток с российским флагом и передал Наташе. – Ковид ещё никто не отменял. Ждёте новой волны?

- Пустое…

- Пацан растёт?

- Восемь месяцев ему, - глаза девушки потеплели. – Уже лопочет вовсю, а что, не разберёшь.

- Денег хватает?

- Он – в яслях на пятидневке, если вы о няне.

- Ну, ну, - генерал, опустив руку в другой карман, вытащил объёмистый конверт.

- Держи вот это. Приятный бонус.

- Что там?

- Завещание старика. Квартира на бульваре – теперь твоя. Здесь все документы. А ещё – свидетельство о регистрации, ключи, дарственная на остаток коллекции монет, банковские карты генерала, доверенность на вклады, пин коды… Сама посмотришь. Кстати. Не валяй дурака, переезжай из спального района в центр.

- Обойдусь.

- Ох, ты, Господи! – Иван Матвеевич, тяжело вздохнув, силой сунул конверт в руки Наташе. – Спрячь свою гордость подальше. Грех это. Уважай волю покойного. А потом, Алёхину, когда объявится, ему будет проще тебя найти. К тому же, пацаны растут быстро. Начнёт ходить, в большой квартире есть где разгуляться. Подумай. Обратно документы не возьму. Хочешь, выброси к чёрту. Или продай квартиру. Деньги лишними не будут.

- Ладно, подумаю, - Наташа сунула конверт в пакет, где лежал флаг. – У вас всё?

- Ты – язва желудка, - скупо улыбнулся генерал.

- Знаю, - Наташа, круто развернувшись, направилась к воротам кладбища.

Где-то за дверью раздался шорох. Алёхин поднял голову с подушки и прислушался. Он уже знал, что это были шаги надзирателя. Даже не одного, а двух. Несмотря на то, что полы в коридорах были устланы коврами, разум, привыкший доверять слуху в странном тихом пространстве следственного изолятора Лефортово, не ошибся. Через минуту звук пропал так же неожиданно, как и появился, но Александр догадался, что внутренность его камеры рассматривают в глазок. Заскрежетал ключ в замочной скважине, дверь распахнулась.

- Встать. К стене, руки назад!

Капитан сел на узкой койке.

- Вы, чего, мужики, озверели? До побудки – десять минут.

- Разговоры! Встать, куда сказано?

Алёхина, защелкнув на запястьях наручники, вывели из карцера, где он провёл больше года.

- Опять допрос?

- Молчать!

Дробный шорох шагов трёх человек по коридорам лишь подчёркивал уже привычную, гнетущую тишину тюремных террас.

К удивлению капитана, новый окрик остановил его в другом крыле изолятора у открытой двери. Лёгкий толчок в плечо заставил капитана перешагнуть порог, и он оказался в камере на двоих. Довольно чистое бельё постелей при тусклом свете ламп под потолком, выглядело серым.

- С новосельем! Твоя койка – слева.

Дверь мягко захлопнулась, Александр остался один. Он потрогал ладонями худое, бледное с запавшими глазами, обросшее густой бородой лицо и сел на указанное место.

«Из карцера – в такие хоромы? Хотел бы я знать, зачем?»

Через пару минут в коридорах изолятора прозвучал сигнал, который Алёхин люто ненавидел. Мгновение тишины после сирены сменилось громкими голосами офицеров охраны, щелчками ручной мембраны, специального устройства, которое использовали надзиратели, конвоирующие арестантов, ворчанием, кашлем, возгласами обитателей тюрьмы, шелестом включённого лифта, звуками открываемых запоров. Дверь камеры, в которую привели Алёхина, снова распахнулась.

- Тебе, что, особое приглашение нужно?

В дверном проёме стоял незнакомый прапорщик.

- Встать! Пошёл!

- Куда? – спросил Александр, поднимаясь с койки.

- В столовую, дурила.

Впервые за год Алёхин завтракал вместе с небольшой группой зеков. Люди сидели за столами, рассчитанными на шесть человек, не поднимая глаз. Они сосредоточенно пережёвывали пищу, разложенную на индивидуальных пластиковых подносах:

перловую кашу с редкими вкраплениями жирной тушёнки, куски белого хлеба с тонкими пластинками сыра. Находясь в карцере Александр привык есть в полном одиночестве из мятой алюминиевой миски, сидя по-турецки на бетоне пола. Он был лишён права на адвоката, прогулки, свидания, не общался ни с кем, кроме конвоиров и следователя. Алёхин научился разговаривать сам с собой, чтобы сохранить ясность ума. Всё чаще он мысленно разыгрывал шахматные партии, играя то чёрными, то белыми фигурами…

Однако, сейчас, капитан, не поднимая головы, исподлобья, с интересом разглядывал своих соседей по столу. Рядом с ним слева завтракал чернокожий молодой парень, на подносе которого лежала начатая пачка печенья, которую он вытащил из небольшого полиэтиленового пакета. Напротив, старательно пряча глаза, расположился коротко остриженный мужчина средних лет с сединой на висках. Он брезгливо ковырял ложкой в каше, запивая перловку кофе из прозрачного пластикового стакана. Рассмотреть в подробностях остальных не удавалось, поскольку при малейшем повороте головы в спину Александра упирался конец резиновой дубинки. Почти вплотную сзади стоял надзиратель, пресекавший малейшие поползновения к разговорам. Через двадцать минут капитан снова оказался в своей новой камере. Там на свободной койке сидел человек, одетый в оранжевое облачение арестанта. Такая же одежда лежала на койке капитана.

- Привет! – поздоровался Алёхин, оглядываясь на караульного, готового закрыть дверь.

- Эй! Сегодня, что, аттракцион невиданной щедрости? Откуда новый прикид?

- Перед выводом на прогулку заберу твоё старое тряпьё на прожарку. Помойся в раковине, прежде чем надеть новое. Насчёт бани, душа, узнаю. Может, дали разрешение…

Александр пожал плечами и отвернулся. Разговаривать с захлопнувшейся дверью не хотелось.

- Привет, привет, - сосед по камере поднялся, протягивая ладонь для рукопожатия.

Алёхин, небрежно кивнув, направился к умывальнику. Он снял старую одежду, понюхал её и брезгливо бросил к порогу. Используя кусочек мыла, лежавший на довольно чистом фаянсе, капитан вымыл плечи, подмышки, грудь и особенно тщательно пах. Потом, используя туалетную бумагу, которую он увидел на крышке унитаза, вытерся, напялил на себя новую белую

футболку, оранжевые штаны и такого же цвета робу с коротким рукавом.

- Не знал, что в этом отеле есть апартаменты на двоих, - проворчал он, садясь на свою шконку.

Брошенная в пространство фраза, очевидно была воспринята соседом в качестве сигнала для «поговорить». Через полчаса Алёхин узнал о Лефортово то, о чём только догадывался. Что тайна и молчание – главные ценности тюрьмы, где даже унитазы сделаны особым образом, чтобы заключённые не могли переговариваться, используя акустику канализационных труб, как это делают в других СИЗО. Что в изоляторе есть библиотека, а книги, которые возвращают зеки после прочтения, просматривают офицеры охраны на предмет обнаружения записок. Что арестант в период следственных действий не должен видеть никого, кроме своего сокамерника и конвоира. Что камеры, кроме карцера, имеют стандартные размеры восемь квадратных метров, где обязательно должны быть две узких шконки, два столика, скамья, раковина, унитаз.

- У некоторых есть даже холодильники с телевизорами, но все эти «удобства» - для особых случаев.

- Что это значит? – вяло спросил Алёхин, привыкший к одиночеству.

- Для шпионов, знающих, что такое тюремные евростандарты, и особо важных дебилов, подозреваемых в крупных хищениях.

- Кастовость. Куда же без неё? - проворчал капитан, устраиваясь на койке и глядя на окно с решёткой поверх толстого матового стекла, не пропускающего дневной свет. – А в какое время тут прогулки, где народ дышит свежим воздухом?

- Ты, что, дорогой, в крыле для особо опасных сидел? – С живостью поинтересовался сосед. – Не иначе, в одиночке… Меня, между прочим, Владленом Васильевичем зовут. А тебя?

- Не важно, - Александр кивнул, давая понять, что запомнил имя сокамерника. – Так, чего тут с прогулками?

- Дворики есть специальные. Пятнадцать штук на крыше, несколько – в подвале для особо опасных. Те же камеры, только на крыше вместо потолка – железная сетка. Небо видно. И музыка…

- Чего?

- Музыку врубают, чтобы никто не мог перекинуться даже парой слов… Одно здесь хорошо. Кормят сносно.

- Заметил уже. Со мной рядом в столовой парень чёрный сидел. Жрал печенье. Принёс его в пакете. Надзиратель – ноль внимания.

- Африканец какой-нибудь. За наркоту взяли. Дилер, наверное, или курьер. А печенье – это нормально, но не для всех. Тут в Лефортово магазин имеется. У тебя есть родственники?

- Нет. А, что?

- Тогда через адвоката… Можно открыть личный счёт заключённого, чтобы затовариваться в тюремном мини-маркете. Сладости, фрукты, лапша, каша быстрого приготовления, сыр, колбаса, чай, кофе, орехи. Шпионам забугорным даже пиво продают. Правда, в пластике и по бутылке раз в неделю… Ты сколько уже тут сидишь, что элементарных вещей не знаешь? Какую статью следователь шьёт?

- Измена Родине, - проворчал Алёхин.

- Тогда, конечно. К таким тут сплошной негатив. В карцер за что сунули?

- А не до хрена ли ты хочешь знать? – Капитан поднялся с койки и в упор стал смотреть на сокамерника. – Тебя зачем ко мне подсадили? Слишком много вопросов задаёшь.

- Считаешь меня наседкой?

- Чего?

- Стукачём.

- Пошёл ты! Отвали.

- Зря ты так, - сосед с обиженным видом сел на унитаз. – Я к тебе со всей душой… Тут же поговорить не с кем и не о чем. Ты даже не спросил по какой статье я прохожу …

- Ладно, валяй, - разрешил Александр, остывая. – Расскажи мне, как космические корабли бороздят Большой театр.

- Смешно, - упавшим голосом произнёс сосед. – А я, между прочим, полковник Министерства обороны. Инженерное Управление.

- Пару лопат украл? Или бульдозер уволок?

- У тебя – казарменный юмор. Ты же – из офицеров, если за измену сидишь. Гражданских за неё редко сажают… Я бы на твоём месте попросился на СВО. Мол, искуплю кровью.

- Уже.

- Что уже?

- Написал заявление месяца четыре назад, может, пять. Забыл, когда… Слушай… А, может, меня поэтому перевели из карцера в обычную камеру? Может, уже есть решение?

- Уважаемый! В этом деле без блата тоже не обойдёшься. На воле за тебя кто-то должен замолвить словечко в нужном месте. Тем более, что на плечах твоих дело висит по госизмене. Насколько я знаю, с такими не заключают контрактов.

Алёхин поднял руку, призывая к молчанию. Он вспомнил день, когда его отвели к следователю и тот, переговорив с кем-то по телефону, передал трубку подследственному.

- Как ты там? – Голос деда звучал глухо, но в нём не было даже намёка на чувство вины.

- Вашими заботами, - ответил капитан, который не смотря на всё, что с ним произошло, чувствовал привязанность к старику, зная особенности не простого характера. – Ты, чего звонишь? С Наташей что-то?

- С ней всё нормально. Уговорил Ивана не прессовать по полной. В следующем месяце родит, наверное. Не хочешь сам ей позвонить?

- Ты же сам говорил об уязвимости. Позвоню, когда почувствую, что можно.

- Значит, смирился ты?

- Типа того. От меня сейчас всем подальше надо держаться, не слушать, что я говорю, - слово «слушать» капитан выделил интонацией.

- Её телефон не хочешь записать?

- Нечем. Так запомню, - Алёхин взглянул на следователя, который демонстративно зевал.

Генерал медленно, с паузами продиктовал номер телефона.

- Ты там присматривай по возможности, - Александр переложил смартфон в другую руку.

- Стараюсь, но ты же её знаешь… Сняла комнату где-то на окраине Москвы. На звонки мои почти не отвечает. Та ещё натура.

- Другой для тебя у неё нет.

- Ладно. Не ершись. Если карты так на стол легли, ничего не поделаешь.

- Ты ещё про шахматы мне расскажи. Иван Матвеевич любит разные партии разыгрывать. Спасибо вам обоим.

- Сам виноват.

- Слушай! Вроде бы твой мундир со всеми регалиями ещё висит в шкафу, но шёлковая пижама, которую ты так любишь, так и не сделала из тебя нормального человека. До сих пор в строю, да?

- Можешь оскорблять меня сколько угодно… Сожалею, что так всё произошло, но интересы Родины…

- Обойдёмся без штампов, пафоса и прочей фигни, - прервал генерала Алёхин. – Я уже сказал Ивану Матвеевичу, что сделки не будет. Точка. Пусть, хоть к стенке ставит.

- Есть другой вариант. Подожди трубу вешать, дослушай.

- Хорошо. Только, быстро, а то гражданин следователь уже задницей по стулу ёрзает.

- Пиши заявление. Прошу направить меня, такого-то, имя, фамилия, воинское звание в зону проведения Специальной военной операции. Тебе следователь подробности растолкует. Мол, хочу вину перед страной искупить кровью…

- И в чём же она, вина моя?

- Брось. Сам знаешь. А ещё спрячь куда подальше своё упрямство и гонор. Лучше погибнуть с честью, служа Родине, чем просидеть на жопе в камере лет пятнадцать. Подумай о Наташе, подумай о сыне. Пока связи кое-какие ещё имеются, и я жив, попробую дать ход твоей просьбе. А там, как судьба распорядится. Что скажешь?

- Подумаю, - Александр положил трубку телефона перед следователем. – Пусть меня отведут в камеру.

- Обратно в карцер? Без вопросов, - усмехнулся офицер.

Через неделю после разговора с дедом, Алёхин написал заявление и передал его при очередном допросе следователю.

- Интересно, сколько времени обычно требуется, чтобы человека отправить на расстрел? – Александр, очнувшись, посмотрел на соседа, который перебрался со шконки на лавку перед столом.

- Господи! Не к месту ты про это. Слава богу у нас пока не расстреливают. Чёрт! Ты же про СВО спросил? Хрен их знает, - пожал плечами бывший полковник. – Бюрократы, мать их. Но ты зря не надейся. Статья у тебя не та.

В коридорах Лефортово снова слышались шаги, приглушённые коврами, затем прозвучала зычная команда:

- Камеры с номерами, начиная с… На прогулку!

Площадка на крыше здания, зажатая со всех сторон кирпичными стенами, показалась Алёхину очень просторной. Но через пару минут стало понятно, что это иллюзия. День выдался облачным. Железная решётка закрывала маленький дворик сверху. Едва, едва накрапывал дождь. «Нарезая» круги вместе с двумя парами заключённых, капитан старался, подражая остальным, держать дистанцию. Он жадно вдыхал свежий воздух, понимая, что скоро окажется в камере, пропитанной запахом мочи, пота и плесени. Громкая музыка ему совершенно не мешала. Краем уха он слушал фальцет Юрия Антонова и, поднимая голову, подставлял лицо холодным каплям дождя.

- Боже, мой! Как же хорошо, - шептал он, не замечая ни тесноты двора, ни окружающих узкое пространство кирпичных стен с облупившейся штукатуркой, ни настороженного взгляда конвоира, стоявшего в центре живого круга.

Луч Солнца, нашедший щель в низких, свинцового цвета облаках, ослепил капитана. От неожиданности Алёхин сомкнул веки, однако, через мгновение споткнулся, едва не наступив на ногу человеку, остановившемуся перед ним.

- Ты, что, оглох? - К Александру шёл конвоир. – Команда стоять для кого была?

- Простите, - совсем растерялся Алёхин, обращаясь к заключённому.

- Не разговаривать! – Резиновая дубинка надзирателя заставила капитан поднять голову.

В углу двора уже чернела открытая дверь, сделанная из железных прутьев.

- По камерам, в цепочке, интервал – два шага, руки за спину. Пошли!

«Постояльцы» Лефортово потянулись к проходу.

Вызовы к следователю прекратились со дня перевода Алёхина в новую камеру. Конвоиры в этом крыле здания были не то, чтобы дружелюбнее, но относились к заключённым более человечно. Один из них сообщил капитану, что тому разрешены покупки в магазине и, что на его имя открыт счёт в «Банке Лефортово». Так в изоляторе называли бухгалтера,

контролировавшего деньги, поступающие от родственников зеков, имеющих привилегированное положение. Но Александр сознательно пренебрегал возможностью питаться лучше, справедливо полагая, что привыкать к «роскоши» рано. Всё могло измениться в любой момент и не в лучшую сторону. С каждым днём надежда выйти на волю таяла, обостряя тоску по Наташе.

В один из дней Алёхина, уже привыкшего к размеренному ритму жизни подследственного, ожидающего решения суда, вывели из камеры. Пройдя незнакомыми коридорами, миновав несколько железных перегородок и дверей, он оказался в комнате без окон, с единственным столом, двумя стальными табуретками, привинченными к полу и массивным шкафом в виде многоярусной полки, на которой пылились тонкие папки-скоросшиватели. За столом сидел человек в военно-полевой форме с погонами лейтенанта.

- Заключённый номер… - Александр привычно начал доклад-представление незнакомому человеку, облечённому властью, но тот нетерпеливо махнул ладонью.

- Садитесь.

Алёхин, подчинившись жесту, сел, переместив руки из-за спины на колени.

- На ваше заявление получен положительный ответ…

Сердце Алёхина едва не остановилось. Он судорожно вздохнул.

Между тем незнакомый офицер продолжал.

- Следствие по вашему делу временно приостановлено по решению военной прокуратуры. Это понятно?

- Что значит временно? – решился спросить Алёхин.

- Не знаю. Я – сотрудник военкомата, прикомандированный к Управлению исполнения наказаний. Моё дело – ознакомить вас с условиями контракта о прохождении военной службы в зоне проведения Специальной военной операции. Вопросы есть?

- Пока нет.

- Итак. Объясняю, чтобы вам было проще. Принято решение удовлетворить вашу просьбу, изложенную в заявлении соответствующим органам, - лейтенант, открыв папку, лежавшую на столе, начал медленно перелистывать страницы какого-то документа.

- Судя по результатам последнего медосмотра, ваше здоровье позволяет нести службу без ограничений. Внимательно прочитайте контракт… Вот здесь есть приложение, в котором говорится, что в случае противоправных действий с вашей стороны, учитывая статьи вашего уголовного дела, контракт утрачивает силу. Это значит, что вас принудительно вернут в места лишения свободы. Вам всё ясно?

- Вроде бы.

- Хорошо… Приложение номер два. В зоне СВО вам запрещено иметь сотовый телефон, пользоваться гаджетами своих боевых товарищей, трофейными устройствами связи и компьютером. Вот здесь нужно дополнительно расписаться, что вы не против ношения на запястьях особых устройств контроля.

- Каких?

- Точно не знаю. Этим занимаются другие специалисты, если вы не против, - в голосе лейтенанта звучала ирония.

- А, что, есть варианты?

- В смысле?

- Я могу внести свои поправки в контракт?

- Нет.

- Понятно, - Александр пожал плечами, словно сердился на себя за глупый вопрос.

- Тогда читайте и подписывайте.

Алёхин внимательно прочитал контракт вместе с приложениями, затем вопросительно взглянул на сотрудника военкомата.

- Ручка? Держите, - лейтенант достал из ящика стола ручку.

Александр размашисто расписался, бросив ручку поверх листов бумаги.

Через неделю, сразу после завтрака, капитана отвели в камеру, где конвоир, закрывая дверь, обернулся, впервые назвав не номер заключённого, а фамилию.

- Алёхин! Готовься. Собери вещи и жди. В полдень ты уже не наш клиент.

- Повезло тебе, - тихо сказал сосед по камере, глядя на капитана, укладывающего в пакет электробритву, зубную щётку и разные мелочи: огрызок карандаша, найденного на полу в столовой, несколько листов мятой пергаментной бумаги, в которую кто-то заворачивал что-то жирное, кусок

пластиковой расчёски и несколько прядей льна, оставленного зеком сантехником после ремонта крана раковины.

- Пиши заяву. Может, и тебе повезёт, - проворчал Александр, садясь на шконку и оглядывая камеру.

- Разве я похож на ненормального? - Откликнулся бывший полковник. – У меня суд скоро. Лет пять дадут. Из них полтора года я уже отсидел. Через два – освобожусь по УДО. Мне, что, больше всех надо?

- Ну, ну, - сказал Алёхин, потом лёг, отвернувшись к стене. – Плесень кабинетная, крыса тыловая.

- Лучше быть плесенью, но живой, чем мёртвым идиотом, - парировал полковник.

Капитан лёг на спину, слушая звуки Лефортово.

Ровно в полдень за ним пришли. Его снова отвели в кабинет, занимаемый сотрудником военкомата, где двое молодых людей в штатском надели на запястья Алёхина широкие электронные браслеты. После тестирования устройств на ноутбуке, один из них вручил Александру большой запечатанный конверт.

- Внутри – выписка из личного дела для особого отдела части, где будете проходить службу, плюс инструкция для гаджета. Не пытайтесь вскрыть, держите в чистоте. Вопросы есть?

- Мне, что? На ленточке заботиться о чистоте этой штуки? – С усмешкой спросил капитан.

- По возможности. Если что-то сломается, мы будем в курсе. Ничего не трогать, ждать наших спецов.

- Ладно. Что ещё?

- Через пятнадцать минут вас отведут к автобусу. Там всю вашу группу уже ждёт сопровождающий офицер с конвоем. Поедете в часть. Что-нибудь ещё?

Алёхин мрачно мотнул головой и замер. Комната опустела. Только за дверью слышались шаги конвоира.

Браслеты на мускулистых руках капитан выглядели довольно нелепо. Алёхин встал под свет потолочной лампы, пытаясь прочитать надпись на узкой пластине сложного запора.

«Finger Trak for FBI»… Ничего себе… ФБР? Где наши этот прибамбас взяли?» - мысленно спросил себя капитан.

Он вспомнил статью в одном из технических журналов, где упоминалось похожее устройство. Система могла контролировать

малейшие сокращения связок и моторику каждого пальца рук, а специальный алгоритм удалённо определял, прикасается ли человек - объект контроля к клавиатуре компьютера.

- Интересно, - шептал Александр, внимательно рассматривая браслеты. – Аккумуляторы должны быть размером со спичечную головку. Вероятно, используют тепло человеческого тела для подзарядки… Это, что-то новое. Технологии, мать их!

Он ещё на знал, что устройство, полученное по линии СВР через третьи страны, могло также распознавать признаки перелистывания книги, использование тачскрина смартфона и процесс написание текста на бумаге.

Следующие три дня Алёхин провёл в одном из зданий Следственного изолятора № 3, где располагался военный пересыльный пункт и формировались команды зеков, подписавших контракт с Министерством обороны. Решётки на окнах, покрытых толстым слоем пыли, едва пропускали дневной свет. Время от времени в помещении, больше похожем на казарму, появлялись военные с какими-то списками, выкрикивая фамилии. С железных кроватей, заправленных войлочными одеялами, поднимались люди, которых тут же уводили к лестнице, спуску на первый этаж. Некоторые возвращались обратно, но остальных капитан больше не видел.

«Чёрт! Что я здесь делаю? – Спрашивал себя Алёхин, лёжа с закрытыми глазам и слушая гул голосов временных обитателей пересылки, напоминающий жужжание мух, попавших в паутину. – Сколько там до обеда осталось?»

Он оторвал голову от подушки, которая пахла прелью.

- Эй! У тебя часы есть? – Александр сел на кровати, обращаясь к парню, занимающему соседнюю койку.

- Откуда? На хрена в армии часы? Было бы, где голову преклонить. Солдат спит, а служба идёт. Слыхал такую поговорку?

- Да, да… Счастливые часов не наблюдают, - проворчал капитан, глядя на пыльное окно. – Жрать охота.

- Чего, чего, а на «пожрать» в нужное время отведут. Эх, щи да каша – пища наша. Скорее бы уже.

- Что скорее?

- На ленту. Здесь – тоска зелёная. Ненавижу подвешенное состояние. А *там*, всё веселее будет.

- Точно, - согласился капитан. – Особенно под обстрелом.

- А, ты, что? Уже *там* был?

- Приходилось.

- А, здесь, чего? Дезертир, что ли?

- Что ли, - зло ответил Алёхин, садясь и в упор рассматривая лицо соседа, вставшего в проходе.

Это был парень среднего роста лет тридцати пяти с коротко остриженной головой и трёхдневной щетиной на впалых щеках. Узко посаженные глаза изучали Алёхина. Перебитый нос чёрными дырами ноздрей жадно хватал затхлый воздух казармы. Довольно широкие плечи обтягивала футболка защитного цвета, открывая непропорционально длинную шею.

- За что сидел? – спросил капитан, снова ложась.

- Сто тридцать первая. Изнасилование.

- Тебе, что, баб одиноких мало или шлюх?

- Сам не знаю, как всё вышло. Не в себе был, ни хрена не помню до сих пор. Проснулся уже в наручниках в камере ментовки. Странно всё это. Я же вообще не пью.

- Может, подстава?

- Если пораскинуть мозгами, так и есть. Я с Зойкой своей целый год ходил. Любил даже. Да и сейчас люблю.

- А она?

- Обожаю тебя, говорила. Ребёнка хочу, лучше мальчика.

- Так, сделал бы ей пацана.

- Воспитан плохо. Считал, неправильно это до свадьбы.

- Чего же не женился?

- Денег особо не было. Электромонтажник я, слаботочник. Зарплаты не хватало. Думал на Север поехать. У меня друг в Мурманске по танкерам газ качает. Вахтовый метод. Два месяца там, месяц – в Москве. Сейчас квартиру купил.

- Чего ж не поехал?

- Зойка сказала, давай кредит возьмём, чтобы и на свадьбу, и на квартиру хватило. У неё подруга в банке работает.

- Взяли на твоё имя? Наличными?

- Ага. Я сразу Зойке на её карту всё положил. Она бухгалтер, знает, какой вклад открыть и где, чтобы проценты выше.

- За изнасилование, значит?

- Вроде того. Зойка сейчас раскаивается. Говорит, что любит, что не ожидала от меня такого. Говорит, что вроде зверя я тогда был. Она в горячке, по обиде бумагу в полицию написала.

- Что же не забрала обратно?

- Стыдно было. Вся в синяках ходила. На голове шишка, кровоподтёк под глазом. Как всё получилось, не пойму. Я лет пять спиртного в рот не брал.

- Простота хуже воровства, - прошептал Алёхин.

- Чего?

- Кредит тебе отдавать?

- Потому и записался на СВО... А ты, по какой статье?

В казарме началось оживление. Загрохотали каблуки, раздались громкие голоса.

- Алёхин! Алёхин есть?

- Здесь, - Александр поднялся с койки.

- Не здесь, а я, - рядом с Александром уже стоял высокий военный с нашивками прапорщика ВДВ.

- Васильев!

- Какой? – Сосед капитана был уже на ногах.

- Евгений Викторович. Девяносто второго года рождения.

- Я!

- Оба идите за мной.

У дверей переминалась с ноги на ногу небольшая группа людей, отобранных прапорщиком.

Через день Алёхин уже стоял в шеренге солдат на полигоне в Нижегородской области, где находился один из центров подготовки зеков, заключивших контракт с Минобороны. Ношенный, слега выгоревший камуфляж немного жал в плечах. От военной формы, местами заштопанной, пахло карболкой. Башмаки на ногах капитана выглядели тоже не новыми. Перед строем стояли открытые ящики с автоматами, которые, судя по виду, неоднократно были в деле. Александр, непроизвольно

поглаживая заплатки на куртке и размышляя, что стало с прежним владельцем камуфляжа, краем уха слушал.

- Я ваш инструктор, царь и бог. Мне плевать, кем вы были на гражданке, - перед ящиками, мягко ступая с пятки на носок, прохаживался плечистый сержант. – Моя задача, научить вас чувствовать себя мужиками, сделать так, чтобы вас не зарыли в землю после первого же боя. Скажу – сутки сидеть в дерьме, будете сидеть. Скажу есть жаб, будете есть жаб и закусывать пиявками. Скажу пить воду из лужи, будете её пить, мать вашу…

Капитан отвлёкся, подставляя лицо лучам утреннего солнца и наслаждаясь запахом сена, приносимого откуда-то ветром. Он думал о Наташе, представляя её беременной с животом, обтянутым белым платьем.

- Алёхин! Два шага вперёд!

Александр вздрогнул, открыл веки и увидел человека с погонами лейтенанта, стоящего рядом с прапорщиком, отбиравшим группу зеков на пересылке.

- Два шага, значит два шага! – офицер смотрел прямо в лицо Алёхину. – Чего застыли? Здесь вам не остров Пасхи… Ступайте за мной.

Через несколько минут Алёхин сидел напротив лейтенанта в одном из кабинетов штаба воинской части. На столе между ними лежала папка.

- Запоминайте. Повторять не буду. Мой позывной – Шмель. Я – заместитель командира штурмовой бригады. Ознакомился с вашим личным делом. Приятного в нём мало. Ваше офицерское прошлое, включая боевой опыт, меня на данном отрезке времени не интересуют. Будете проходить подготовку с нуля на общих основаниях. Часть вашего денежного довольствия будет удерживаться на нужды бригады. Мне плевать на ваши связи в Москве. Здесь, вашим непосредственным начальником будут командир взвода или старший штурмовой группы. Их слово – закон. Вопросы?

- Часть денежного довольствия? Почему всё не отбирать? Наше МО обнищало? Или прикидывается таковым?

- Понимаю вашу иронию, но не одобряю. Объясню. Действующая армия – сложный механизм. Боевая задача иногда не обеспечивается ресурсами и стабильным снабжением. Но, если спущен сверху приказ, здесь не задают вопросов, где взять то или другое. Приказ должен быть выполнен в указанные сроки. Это понятно?

- Вполне.

- У вас деньги есть? – неожиданно спросил лейтенант.

- Дать вам в долг?

- Зря вы так. На вашем месте из подъёмных я бы купил удобную обувь, нормальный бронежилет и… Список могу вам дать. Поверьте. Это не моя прихоть, а опыт. Мелочи часто спасают жизнь.

- Обойдусь штатной экипировкой.

- Дело ваше. Позывной себе придумали?

- Пусть будет «Гроссмейстер».

- Так и запишем, - офицер достал из кармана куртки ручку и открыл личное дело Алёхина.

- Теперь - последнее. Вы – на особом контроле. Если с вами будут проблемы или «взбрыкнёте», командир бригады вправе расторгнуть контракт и отправить вас в распоряжение военного трибунала. Вопросы есть?

- Нет.

- Тогда вы свободны. Отправляйтесь на плац к сержантам. Хотите личный совет?

- Валяйте.

- Держите язык за зубами, не выпендривайтесь. Я много таких видел, как вы. Сказать, где они сейчас?

- Догадываюсь, - Александр несколько сбавил тон, уже спокойно разглядывая офицера.

- Тогда всё. Свободен.

За тридцать дней подготовки Алёхин обрёл былую форму, прибавив к своему сравнительно небольшому боевому опыту новые навыки. Он бегал стометровку за четырнадцать секунд, особо не напрягаясь. Мог подтянуться на перекладине двадцать пять и отжаться пятьдесят раз. Марш-бросок с полной выкладкой на три километра Александр «делал» за четырнадцать минут, не ощущая усталости. Он снова начал «чувствовать» оружие, тренируясь в стрельбе из всех видов, что имелись на полигоне. «Гроссмейстер» освоил особенности тактики, способы ведения штурмовых действия в населённых пунктах, укрепрайонах и траншеях, обустроенных в чистом поле. Большое внимание уделяли методам борьбы с дронами.

От группы, в которую он входил, требовали слаженности, осторожности, стремительности и беспощадной ярости. К этой части подготовки сержанты-инструкторы подходили особенно строго, подгоняя солдат тычками в спины. Мат являлся обычным приложением к отдаваемым командам.

В конце сентября Алёхина вместе с «насильником» Васильевым в составе вновь сформированной роты отправили ближе к зоне боевых столкновений. После прибытия в часть, контрактников «раздёргали» на штурмовые группы, давая время обжиться в наспех вырытых блиндажах, построенных недалеко от линии соприкосновения.

- Подъём! – Александр, не услышав окрика, ощутил толчок в плечо и проснулся.

- Который час?

- Шесть ровно. Вставай! Ваша смена с «Казановой».

Казанова был позывной Васильева, который старался держаться ближе к Алёхину. У нар стоял боец ночного дозора.

- Напарник твой где? – Спросил Алёхин.

- В Караганде. Вас с Казановой дожидается. Давайте быстрее. Шевелите ластами. Спать охота.

Алёхин растолкал Васильева, дал ему минуту на сборы, и они выбрались из блиндажа под маскировочную сеть.

- Торчок! Ты здесь? – негромко позвал Васильев, пристраивая автомат на сгибе локтя.

В сторону отошёл толстый деревянный щит, а из щели, вырытой в стене траншеи, вылез солдат, держа в руках помповое ружьё. Шлем был ему велик и еле держался на частично порванном ремне. Нижнюю «юбку» бронежилета пятнала грязь. Васильев принял от бойца оружие.

- Патроны давай.

Торчок протянул Казанове начатую пачку патронов, заряженных картечью.

Солнце уже обозначило линию горизонта, однако сумерки ещё держали в плену опушку редкого леса.

- Ты бы лучше за стальным листом спрятался, - сказал Васильев.

- Можно и за листом. Надо поискать подходящий… Главное, слух хороший иметь. Я дроны за версту чую.

- Ага, особенно, когда они тебе во сне снятся, - парировал Казанова. – Ночью летали?

- Не боись, В Багдаде – всё спокойно. Где-то жужжали, но далеко в тылу. Ладно, мужики, я пошёл.

- В тылу? Значит, искали штаб батальона, - задумчиво сказал Алёхин, засовывая в рот сухой стебель травы. – Нового штурма опасаются, гады.

Гроссмейстер, достав из чехла, пришитого к бронежилету, рацию, стал медленно вращать колёсико настройки, пытаясь слушать эфир.

- Тихо… Это плохо.

- Почему?

Александр приподнял каску и критически осмотрел элементы вертикальной маскировки траншеи, вырытой в виде креста, который Алёхин мысленно называл перекрёстком мира. Через брёвна наката виднелись концы аккуратно срезанных веток, прикрывавших укрепление сверху. Справа, виднелось начало прохода, выстланного досками, накрытого сверху маскировочными и антидроновыми сетями. Проход вёл к помосту, под которым имелась довольно глубокая яма. Кто-то из бойцов на куске картона углём написал «Гальюн. Вход 1 рубль, выход – 200». Со стороны импровизированного туалета ветер доносил слабый запах нечистот.

- Почему? РЭБ работает, вот почему. С обеих сторон. Могу поспорить, что через пару дней начнётся мясорубка.

- В смысле, - рассеянно проворчал Васильев, приподнимаясь на месте и прислушиваясь к звукам леса.

- В смысле? Женя! Мы - в километре от Мелового. Село придётся брать, если не планируем задохнуться от вони собственного дерьма. Я краем уха слышал, что нашего взводного в штаб батальона вызвали. Он ещё затемно собрался и ушёл.

- Ясно, - отозвался Васильев. – Только на подступах к селу в лесопосадках – три опорника у хохлов.

- Знаю. Я вчера к пацанам нашего передового дозора ползал. Сказали - не хило окопались укропы. В стереотрубу видно, что если их припереть, то круговую до последнего держать будут.

- Сверху разнесём, - Васильев, сняв каску, вытер вспотевший лоб. – ФАБами или с дронов.

- Это, если комбат наш у начальства поддержку выпросит. Но – не факт. Пойду отолью. Ты тут слушай в оба уха. Если, что - нас дозор с фронта прикроет. Слушай небо.

Держа на сгибе локтя автомат, Алёхин исчез в сумраке прохода, вразвалку ступая по настилу досок и касаясь одной рукой стенки траншеи.

Плащ-палатка, закрывающая проём лаза в блиндаж, отошла в сторону. В образовавшейся щели показалась голова.

- Кто в карауле?

- Казанова.

- Жень, ты? А, где Гроссмейстер? Ты же за него, как за сиську мамкину держишься.

- Догадайся с трёх раз, где.

- Запросто. В сортире.

- Какой ты умный. Если приспичило, иди, составь ему компанию.

- Разговоры!

В проходе слева сверху посыпались кусочки земли. На дно траншеи спрыгнул человек в каске, бронежилете, с автоматом за спиной. Загорелое лицо в сумерках выглядело осунувшимся и усталым. Васильев в испуге отскочил в сторону.

- Взводный? Господи! Предупреждать надо.

- Зато вас за версту слышно. Кто из блиндажа выполз?

- Око проснулся. В сортир собрался, а там – Алёхин.

- Остальные, что? Дрыхнут?

- Думаю, встали уже. Так, валяются. У них, пока всё тихо, перекур с дремотой. Вы же сами запретили в траншее курить, товарищ лейтенант.

- Слушай небо, - тихо сказал офицер, отводя в сторону край плащ-палатки. – Алёхин посрёт, скажи, что жду его в своём отсеке.

- Здесь я, - Александр вышел из-за поворота траншеи.

- Иди за мной.

Пропустив Око, снова выбирающегося наружу, Александр и взводный спустились в блиндаж.

- Подъём, лежебоки. Жратву кто-нибудь готовил?

- На чём? – Высокий штурмовик, бывший «вагнер» с позывным «Кострома», сидя на нарах, зашивал дыру в камуфляже. – Редколесье. Костра не разведёшь. Газ, что с собой притащили, кончился. До ручья – километр.

- Так надо было по темноте сходить, - проворчал лейтенант, приподнимая плащ-палатку, разделяющую блиндаж на две неравные половины. – Значит, воды нет?

- В четыре утра приползал дрон с БК, водой и галетами. Кофе есть, растворимый, - сказал Алёхин.

- Кострома! Око от сральника оторвёт, пусть сменит Алёхина в карауле. А пока будет собираться, скажи, чтобы воду вскипятил. Котелок у кого чистый? В спиртовке спирт не выпили?

- Обижаешь, взводный, - вагнеровец подпоясывался ремнём, на котором в холщовой кобуре пряталась Беретта – зависть взвода.

- Тогда, нам с Гроссмейстером – по кружке кофе вне очереди. Алёхин – разговор есть.

Лейтенант пропустил Александра в тесный закуток блиндажа, где каким-то странным образом помещались узкие нары, сколоченные из досок, стол и короткая скамья, накрытая бушлатом.

- Садись прямо на бушлат, а то гвозди задницу попортят.

- Бог с ней.

- Типа – снявши голову по волосам не плачут?

- О чём ты, лейтенант?

- О репутации твоей. Это, чего натворить нужно, чтобы тебя в госизмене обвинили?

- Я же не спрашиваю, как и за что ты сам попал сюда, - Александр осторожно опустился на лавку. – Тебе бы на пенсии сидеть, да в грядках ковыряться, а ты бегаешь по полям, словно гончий пёс. Разве это жизнь?

- Эх, друг мой ситный. Ты поживи с моё, тогда и за жизнь, и за смерть поговорим.

- Нет, серьёзно, - Алёхин уже с интересом рассматривал лейтенанта. – По фене от вас ни одного слова не слышал, - Александр непроизвольно перешёл на «вы». – Наколок не видно. Мат деликатный. Значит, не сидел… За каким чёртов сюда занесло?

- За каким, спрашиваешь? А за таким, что здесь себя живым чувствую.

- Не понял…

- Чего тут понимать? – С досадой спросил лейтенант. – Бывший лётчик я. Боингов, конечно, в руках не держал, а вот поля опрыскивал, потому меня на пенсию раньше, чем остальных мужиков, отправили, - взводный с усмешкой покачал головой, будто недоумевая, зачем он всё это рассказывает.

- Пока летал, всё было нормально, разве что жена по дурости и сытости себе другого нашла помоложе. Дети выросли, два сына у меня… Пережинились, внуки появились. Потом развелись со своими бабами, черти. Разъехались, кто куда. Вот так остался я один. Думаешь, это легко, одинокому, ещё не старому пенсионеру? Хотел участок купить, дачу построить, огурчики с помидорами выращивать, кур завести. Начал приценяться. Потом посмотрел на них, дачников с бейсболками дурацкими на головах, да с животами, будто каждый по два арбуза проглотил. И чего-то мне такая жизнь показалась пресной. В домино по вечерам резаться – тоже не по мне. Однажды встал перед зеркалом и вроде, как со стороны себя увидел… В шортах дебильных, в кроссовках стоптанных, футболка линялая на мне была надета с надписью «Мне не нужен Гугл. Моя жена знает всё». Чёрные носки почти до колен. И представил… Что похожу ещё десяток лет по улицам в магазин за пивом и обратно, пузо отращу, ноги перестану поднимать, шаркая. Или на лавочке в парке с такими же усталыми от жизни, где у каждого – своё мнение по любому вопросу… А, дальше что? День за днём, где завтрашний - копия вчерашнего, ждать смерти? И, тут СВО началась… Нет, думаю. К чёрту… Как Высоцкий пел? «Так лучше, чем от водки и от простуд…». На следующий день двинул в Военкомат… Не жалею совсем. Быть гончим псом лучше, чем… - Лейтенант неопределённо помахал рукой в воздухе, удобнее устраиваясь на нарах, достал из планшета карту и развернул её на столе.

- Стало быть, так, Алёхин. Хватит лирики. Времени мало… В особом отделе дали мне посмотреть пару страниц твоего личного дела. Комбат сказал, что на тебя можно положиться, да и опыт у тебя есть. Так?

- Ну, если комбат сказал, то, наверное.

- Кончай тень на плетень наводить. Я тебе вот, что скажу. Тут – не Москва. Дипломат из меня хреновый, а в штурмах сразу выбивают дураков и романтиков, насмотревшихся рекламы Минобороны… Сам знаешь. Три дня назад два отличных парня

в двухсотых оказались. Царствие им небесное… Мне старшие групп позарез нужны. Вопрос! Откуда взять?

- Это ваши проблемы, - Алёхин безучастно посмотрел на лампу, подвешенную к потолку. - Аккумулятор скоро сдохнет. Без света останетесь.

- Да, хрен бы с ним. Всё равно придётся эту нору бросать… Уже сегодня.

- Штурм? – спросил Александр.

- Угадал. В полдень. Аккурат обед у хохлов будет.

Алёхин перевёл взгляд на лейтенанта.

Взводный был высоким, почти одного роста с Алёхиным, мужиком лет шестидесяти с большими руками, загорелым худым лицом, заросшим чёрной с густой проседью бородой. Лоб слева направо пересекал глубокий шрам со следами иглы, которой зашивали рану. Из-под густых, длинных, давно не стриженных бровей, отражая свет лампы, на капитана смотрели воспаленные, слезящиеся глаза.

- А, потому решим эту проблему так. Воинских званий раздавать не уполномочен, но назначить тебя старшим одной из штурмовых групп имею полное право. Дам тебе парней Школяра…

Алёхин, молчал, разглядывая карту. Позывной «Школяр» принадлежал одному из убитых три дня назад сержантов при штурме опорника ВСУ, который сейчас занимал взвод. Группа, в которой был Александр, атаковала траншеи с Востока. В том месте разбитые огнём артиллерии окопы оказались пустыми, что позволило обойтись без потерь. А на северном, пологом склоне холма бой получился жестоким, и дело дошло до рукопашной.

- Ты, чего? Возражаешь что ли?

- Был бы выбор, возражал.

- Вот, именно, - взводный, вытащив из офицерской сумки карандаш, стал нервно вращать его пальцами. – Мужики Школяра ушлые, серьёзные, все бывшие зеки. На сраной козе к ним не подъедешь… Меловое нам кровь из носа нужно взять, чтобы выйти к железке в Приколотном. Постарайся пройти краем кукурузного поля. Я там видел следы трактора, значит мин там не должно быть. Конечно, по скошенному удобнее, но стерня наверняка нашпигована противопехотными. Так, что, гляди в оба. Возьмёшь опорник, докладывай прямо Ворону комбату.

- Ладно. Одно условие. Васильева возьму с собой.

- За каким чёртом он тебе нужен? У пацана проблемы со слухом. Ему бы ещё вымя сосать, - лейтенант, улыбнувшись, вытащил из чехла нож и стал ковырять кончиком лезвия доски стола. – Опекун из тебя хреновый.

- Так беру или нет?

- Ладно, бери.

- Хорошо. Вот теперь давайте про обстановку, расклад и всё остальное, - Алёхин наклонился над картой.

Спустя час, успев выпить кружку кофе, Александр, пригибаясь, шёл вместе с Васильевым по траншее к позициям группы Школяра.

К десяти часам дня подготовка к штурму была закончена. Алёхин, оставив в траншее дозорного, собрал своих бойцов в блиндаже. Здесь не было второго отсека, зато брёвна наката на взгляд казались толще. Солдаты в бронежилетах и разгрузках сидели на нарах, с любопытством разглядывая нового командира.

- Внимание, мужики. Оружие, бе-ка, всё остальное проверять не буду. Вы – не дети, чтобы вам сопли вытирать. Нашу радиочастоту вы знаете. Задача! Выбить хохлов из траншей на окраине Мелового и закрепиться там. В одиннадцать два ноля наши начнут обрабатывать окраину из РСЗО. В одиннадцать сорок нас в овраге ждёт БТР. Грузим пулемёты, боезапас, и с песней. Если поставят раком технику, дальше мы сами по себе. Катапульт у нас под задницами нет. Поэтому, горохом вниз. Дальше двигаем цепочкой по двое уступом. Задний прикрывает спину впереди идущему. Очередь, перебежка. Всем всё ясно?

- Эх, старшой! Нас, учёных, учить, только портить. Мы всё это знали, когда ты ещё не родился, - засмеялся один из солдат, на руках которого Алёхин заметил татуировку – два сердца, пронзённые стрелой.

- Папаша! Суворов, чего говорил? – Александр скупо улыбнулся.

- Это, который? У нас в «Тройке» кум такое погоняло имел.

Алёхин посмотрел в сторону голоса. За спиной кряжистого лысого мужика виднелось мальчишеское лицо. Александр уже просветили, что «Тройкой» называлась исправительная колония номер три в Ненецком автономном округе, где сидел экс-глава МЕНАТЕПа Платон Лебедев.

- Смешно. Может, после боя вместе поржём?

- В деревянных бушлатах особо не посмеёшься.

- Какое дерево? Дерево – для Буратин. Лично я только на цинк согласен.

- Это, если укропы тебя раньше живым в свой сраный чернозём не закопают.

- Мужики! – повысил голос Алёхин. – Давай без базара.

- А если без базара, скажи нам, начальник, ты сам по какой статье чалился? – Обладатель двух сердец и стрелы, оценивающе смотрел на Александра.

- Двести семьдесят пятая.

- Во, дела, народ. Уже не знаю, то ли плакать, то ли смеяться.

В полумраке блиндажа Алёхин не разглядел в подробностях лица весёлого солдата.

- Ладно. Хорош зубы скалить, - со скамьи встал боец, на локте которого висела натовская каска. – Жаль комбат перед штурмом нам попа-батюшку не прислал. Помолиться бы не мешало.

В блиндаже наступила тишина.

- Значит, так. Я – наверх. Всем оставаться на местах в полной готовности. Появится БТР, пришлю Казанову.

Через несколько минут Александр уже стоял в траншее, разглядывая в бинокль село, на окраинах которого начали рваться снаряды. Рядом в нише сидел Васильев, сжимая в руках автомат и надвинув шлем на глаза.

- Пристрелка? – спросил он.

- Вроде. Щупают хохлов.

- А те, чего?

- Чёрт их знает. Пока ничего… Вроде наш дрон над селом завис. Корректировщик. А это, что?

Алёхин прижал окуляры бинокля плотнее к глазам.

- А вот и птички укропов. Жека! Вали в укрытие от греха подальше.

Александр проводил взглядом Казанову, нырнувшего под анти-дроновую сетку, а сам рванулся к проходу, ведущему в гальюн. Мгновение спустя стенки траншеи обвалились от взрыва. За первым сбросом последовал второй и третий, затем

стало слышно, как вдали мощно заработало РСЗО. Опорник накрыло дымом и пылью. Сверху сыпались комья земли, перемешанные с камнями, песком и щепками.

Алёхин, цепляя локтями стенки узкого лаза, вытащил из нагрудного чехла рацию.

- Ворон! Вызываю Ворона! Приём.

- Кто это?

- Гроссмейстер из третьего. Атакованы дронами. Зонтик над нами есть или нет?

- Зонтик? РЭБ? Какой на хрен РЭБ? Коса – на камень. Терпи. Что с Доктором? Почему молчит? Приём.

«Доктор» был позывным лейтенанта, командира взвода штурмовиков.

- Ту сторону укрепа тоже накрыло. Велика вероятность, что «Доктор» - двести. Нет возможности уточнить… Вопрос! Наши орлы видели, откуда взлетали жёлто-голубые птички? Приём.

- Терпи, брат. Орлы наши зону южнее прикрывают… Там – вода горячая… Делаю, что могу… Ты мне скажи - укры не собираются отбивать твои позиции?

- Прошу повторить. Не понял.

- Контратаки нет?

- Не знаю…

- Так узнай, мать твою… - Ворон – командир батальона с досадой сунул в карман камуфляжа рацию, которая неожиданно замолчала…

Алёхин, пряча свою, поднял голову. Облако пыли - взвесь порохового дыма с песком и каменной крошкой висел над опорником.

- Васильев! Ты где? Жив?

- Тут я, - в узкой щели прохода появилась голова.

- Давай к блиндажу! Посмотри – пацаны целы.

Казанова, поднырнув под обломок бревна, перегородившего траншею, пропал за поворотом.

Александр, стоя на коленях, уставился на прорехи в стальной анти-дроновой сети. В одной их дыр застрял дрон, потерявший часть несущих винтов. В сломанном захвате едва держался груз – восьмидесятимиллиметровая мина.

- Чёрт! – выругался Александр, оборачиваясь на дробный звук осыпающейся земли.

Из тумана пороховых газов и пыли в дальнем углу траншеи появился силуэт человека, на голове которого едва держался танковый шлем.

Алёхин, передёрнув затвор автомата, поднял ствол.

- Эй! Кто тут такси заказывал?

Капитан с облегчением выдохнул.

- Ты откуда?

- Водила. Мой БТР на х, в подлеске даром небо коптит. Эй, мужик! Ты – в порядке на х?

Со стороны блиндажа послышался топот шагов и глухое бренчание оружия. Через минуту возле Алёхина собралась штурмовая группа. Ручной пулемёт и цинки с патронами влажно блестели в пыльном воздухе траншеи.

- Все живы?

- Щегла нет. Груз двести. Осколок в затылке.

- Ладно… Пока над нами дымовая завеса… - Алёхин повернулся к водителю БТР. – Веди!

Капитан по лесенке, устроенной в земле, выбрался на край траншеи и побежал через подлесок к урочищу, стараясь не терять из вида проводника. Боевая машина стояла под кроной раскидистой липы, глухо урча двигателем. Возле, прислонившись к колесу, сидел стрелок. При виде своего водителя, он, быстро поднявшись, нырнул внутрь БТР. Штурмовики сноровисто загрузили БК вместе с тяжёлым вооружением в отсек для десанта, а сами сели под «мангал», облепив башню машины.

- Держитесь крепче на х. Кому не за что, хватайся за свой член на х. Скорый поезд отправляется. Это будет быстро, - водила нырнул в машину через задний люк, двери которого тут же захлопнулись. БТР, взревев мотором, двинулся вперёд, ломая кустарник.

- Сорока, мать его. Болтун, - крикнул в ухо Алёхину Казанова, едва не прокусив себе губу.

Машину качнуло, а затем подкинуло на ухабе.

- Язык! – Александр показал Васильеву на свой рот.

- Чего?

- Береги. Откусишь.

БТР, выгребая из-под днища сломанные ветки кустарника пополам с дёрном, выбрался из урочища в подлесок, прибавил ход и двинулся по краю неубранного, посечённого осколками кукурузного поля к траншеям, прикрывающим село.

Алёхин, выбрав удобный момент, перекинул автомат за спину. Потом, держась одной рукой за какую-то скобу, другой приподнял каску и стал смотреть в небо. Решётка «мангала» мешала обзору, но он успел заметить пару дронов, на малой высоте приближающихся к БТР с Юга.

Александр, едва не отбив кулак, стукнул три раза по броне. Заслонка бокового люка приоткрылась.

- Чего? – Дикий блеск глаз командира машины заставили Алёхина отшатнуться.

- Дроны – на шесть часов.

- Стой! – заорал солдат, снова исчезая внутри.

Четырёхосная машина, ощутимо клюнув носом, замерла на месте, едва не сбросив с брони десант.

- Все – вниз! – крикнул Алёхин.

Штурмовики посыпались с брони. Башня БТР крутанулась. Пулемёт, задрав ствол, короткими очередями встретил атаку дронов. Один из них, напоровшись на пулю калибром 7,62, кувырнулся в воздухе и рассыпался на куски, сгорая в пламени взрыва осколочного снаряда, не успевшего сойти с подвеса. Веер осколков выбил дробь на броне БТР, срывая с креплений приборы наблюдения и антенны.

- В сторону! – прохрипел Алёхин в лицо Васильеву, прижавшемуся к колесу рядом.

- Пошли, пошли, пошли! – снова заорал Александр, вскакивая и толкая лежавших штурмовиков.

Солдаты вслед за старшим группы рассыпались среди зарослей кукурузы. Алёхин повернулся, встал на одно колено, наблюдая через рамку прицела автомата за вторым дроном, который начал кружить над БТР, уворачиваясь от очередей пулемёта, выбирая момент для атаки. Но командир машины знал своё дело. Вновь заревел двигатель. Бронетранспортёр пошёл зигзагом по полю, продолжая выпускать в небо веер пуль. Дрон набрал высоту, а затем, сделав крутой вираж, вошёл в пике. Пламя разрыва фугаса совсем рядом с БТР заставила Александра лечь, зарывшись лицом в солому. Спустя пару

мгновение он поднял голову. Чёрный дым мешал обзору, однако Алёхину удалось рассмотреть, что в небе не осталось больше чужеродных предметов, а БТР стоял на месте с разорванным, горящим задним, четвёртым по счёту колесом.

Александр, пригибаясь, двинулся к машине. Пулемёт молчал. Люк не поддался усилию открыть его снаружи. Двигатель не работал. Дым, прижимаемый ветром к земле «ел» глаза. Алёхин два раза стукнул прикладом автомата по броне, затем, выдержав паузу, постучал сильнее. После работы пулемёта и взрыва дрона, стрекотание кузнечиков давило на уши. Через минуту внутри раздался лязгающий звук. Створки люка распахнулись.

- Чего? – Чумазое лицо водителя улыбалось.

- Вы там все живы? – в ответ улыбнулся Алёхин.

- На ежа голой жопой не сядешь.

- У тебя колесо – в клочья.

- Да и хрен с ним. Ещё семь осталось. Бензобак цел. Вот только движ заглох на х. Перегрелся, наверное. Жаль скорострелку башни заклинило, а ещё связи нет. Зато крупнокалиберный цел.

Справа за спинами штурмовиков, снова собравшихся под защиту брони, послышались звуки работы РСЗО, но разрывы раздавались далеко за селом.

- Наши хохляцкий курятник засекли, - сказал Васильев, вытягивая шею, словно хотел увидеть работу «Торнадо».

- Чего делать будем, старшой? – спросил один из штурмовиков с позывным Тарзан. – Если укропы поймут, что промазали по БТР, начнут окучивать нас из миномётов.

Девять пар глаз смотрели на капитана.

- Что делать? – Александр затянул туже пряжку ремня на шлеме. – Выполнять приказ. Каждый знает своего напарника. Дистанция – тридцать шагов. Я и Казанова идём первыми. До позиций нациков метров шестьсот. Кончится кукуруза, останется стометровка. Кто хочет попасть на следующие олимпийские игры?

В этот момент двигатель БТР чихнул раз, потом второй, но не завёлся.

Алёхин снова бахнул кулаком по броне.

- Чего? – в распахнутом люке снова появилась фигура водителя.

- Резина ещё долго гореть будет?

- Не знаю на х.

- Командир твой цел?

- Щёку осколком поцарапало на х.

- Пусть садится за пулемёт. Прикроете нас.

- А вы, чего?

- В село кур щупать, дурила, - хищно улыбнулся Тарзан. – Хорош языками молоть попусту. Пока мы тут ля ля практикуем, дождёмся прилёта, как два пальца. Командуй, старшой.

- Забираем боекомплект, то, что по силам, и за мной! – Алёхин медленно вдохнул через ноздри воздух, шумно выдохнул через рот и, пригибаясь, нырнул в прореженные осколками заросли кукурузы. За ним, чуть помедлив, рванулся Васильев.

Штурмовую группу заметили не сразу. Дым от горящей резины продолжал стелиться по земле, маскируя передвижение штурмовиков, но, когда бойцы рассредоточились на краю поля, чтобы перевести дух, со стороны села ударил пулемёт. Автоматы, словно стая бродячих собак, подхватили басовитый лай крупного калибра. Александр, поднял руку, сжатую в кулак, затем пригнувшись, петляя, бросился вперёд, слыша за спиной ответную стрельбу своих людей. Будто в страшном сне, чувствуя чугунную тяжесть в ногах, с усилием передвигая ногами, Алёхин искал хоть что-то, что могло послужить защитой огромному, неуклюжему, как ему казалось в эти минуты, телу. Какой-то предмет оттягивал руки, мешая двигаться быстрее и, когда капитан споткнулся о чёрные комья грунта, вырванных из почвы, он упал на колени, разжав пальцы. Его оружие заскользило по склону большой воронки. Александр с чувством дикой радости прыгнул вслед за автоматом. Отдышавшись, он подобрал его, затем, высунув голову, посмотрел назад. По стерне двигался человек, дико крича и беспорядочно стреляя в разные стороны.

- Казанова! Сюда! – заорал капитан.

Васильев отреагировал на крик, в прыжке завис над воронкой и в то же мгновение, будто наткнувшись на невидимую бетонную стену, перевернувшись в воздухе, рухнул на край ямы. Алёхин едва успел отпрянуть, но тут же схватил солдата за бронежилет, стаскивая тело вниз.

- Ты, чего, парень? – Капитан перевернул Васильева лицом к себе.

Входное отверстие пули, угодившей солдату в правый глаз, показалось Алёхину большой чёрной, навозной мухой. Александр сорвал шлем с головы Казановы, но тут же отбросил его в сторону. Каска была полна крови, осколков костей и студенистой, вязкой субстанции.

«Чёрт! Это же мозги, - Алёхин отбросил шлем в сторону, вытирая руки о свои штаны. – Вот, суки!»

В яму, едва не сломав правую ногу Александра, спрыгнул Тарзан, а через пару мгновений – ещё один штурмовик с позывным Маугли. Оба солдата уставились на лицо Васильева, застывшее в гримасе крика.

- Готов? – Спросил Маугли. – Снайпер или шальная?

- Где остальные? – Вместо ответа спросил Алёхин.

- Нашли канаву на краю поля. Пулемёт не даёт им тыквы поднять.

- Ясно. Потери ещё есть?

- Хрен поймёшь. Вроде все пока живы. Пацанам с Бе-Ка тяжелее, чем нам.

Алёхин сдвинул собственную каску на бок, прислушиваясь. Над полем, простиравшимся почти до самых траншей у села, разгоралась дуэль двух пулемётов. БТР стрелял скупыми очередями, щедро получая в ответ. Капитан встал на колени, затем на пару мгновений высунул голову из воронки.

- Слушать сюда, мужики, - Александр отстегнул гранату. – До траншеи с пулемётом – метров сто, даже меньше.

- Не выйдет, старшой. Не достанешь, если только ты не чемпион мира по метанию лимонов.

- Почему лимонов? Впрочем, неважно. Не достану, и хрен с ним. Бросаю, разрыв, обзор у хохлов на пару мгновений будет хуже. Переваливаем бруствер и… Ты, Тарзан, слева, я – справа. Маугли прикрывает. Что скажете?

- Надо пробовать, но сомневаюсь, - медленно, пережёвывая травинку, процедил сквозь зубы Тарзан, переворачиваясь на спину.

- Некогда думать. Пока думаем, наш БТР сожгут на хрен. Один выстрел из РПГ, и хана пацанам. Возьмём траншею с пулемётной точкой, наши вслед подтянутся… Готовы?

Маугли отстегнул рожок, заменил его на новый, затем встал на колени.

- Банкуй, старшой.

Алёхин выдернул чеку, вскочил на ноги и, держа в одной руке автомат, другой, широко размахнувшись, бросил гранату. Разрыв по времени совпал с паузой в перестрелке пулемётов.

- Вперёд!

Капитан, помогая себе одной рукой, выбрался из воронки и побежал к селу, забирая правее. За ним выскочил Тарзан, широкими шагами двигаясь влево.

Встречная автоматная очередь прошла над головой Александра, едва не сбив потоком воздуха шлем с головы. Александр уже заметил лицо украинского солдата, который, испуганно глядя на приближающегося штурмовика, судорожными движениями пытался поменять израсходованный рожок. Капитан прыгнул в траншею. Он оказался настолько близко к стрелку, что едва не сбил солдата с ног. Тот, отбросив автомат, схватился за рукоять ножа, потянув его из чехла, закреплённого на груди. Не раздумывая и вместо того, чтобы выстрелить, Алёхин, коротко размахнувшись, ударил солдата прикладом автомата в подбородок. Затем отпрянул, перехватил оружие поудобнее и выстрелил. Короткая очередь отбросила украинца на стенку траншеи. Капитан прыгнул вперёд. Вторая очередь в упор превратила бронежилет противника в решето. Из шеи вверх и в сторону ударила струя крови. Разворачиваясь на звук приближающегося топота, Алёхин тут же отскочил, прижался к стене окопа и выпустил длинную очередь по двум фигурам в натовских шлемах с голубым скотчем на рукавах камуфляжа. Громкий хлопок, свист осколков над головой, комья земли, вырвавшиеся из-за поворота траншеи, заставили капитана упасть плашмя на дощатый настил. Александр, не выцеливая, выстрелил прямо в водоворот пыли, двигающийся на него, уже осознавая, что в рожке почти не осталось патронов. Доставая новую обойму, он поднялся на колени, оглядываясь на мат и крики. Метрах в двадцати от него дрались на ножах Тарзан и высокий, голый по пояс верзила. За спиной Алёхина, но далеко, разорвалась ещё одна граната. Капитан присел, вставил новый рожок и увидел Маугли, бегущего навстречу.

- Ложись, старшой! – Крикнул штурмовик, поднимая автомат. – Ложись, мать твою.

Александр снова бросился на землю. На него тут же сверху навалился кто-то большой и тяжёлый. Капитан вывернулся из-под вонючего, потного тела, дважды вонзив в бок человеку нож, который почему-то оказался у него в руке. Рядом с Алёхиным уже стоял Маугли, раз за разом колотя прикладом автомата

по голове неподвижно лежащего, голого по пояс украинского солдата, пока череп бедолаги не треснул с неожиданно громким хрустом.

Капитан, оттолкнув от себя труп, начал шарить руками по земле в поисках своего автомата. Затем огляделся.

- Маугли, брось. Он уже двести. Хватит, я сказал.

- Этот гад Тарзана замочил, сука. Здоровый чёрт.

- Тарзана? – Алёхин, тяжело дыша, поднялся и передёрнул затвор. – Где?

- Вон там, - Маугли показал рукой на тело штурмовика, сидевшего у стены траншеи с поникшей головой…

Стрельба стихала. Где-то далеко слышались крики, стрельба и снова – мат. Тем временем в траншею спрыгнули ещё два штурмовика. Один из них тащил пулемёт. Последним в окопах появился водила БТР.

- Ты зачем здесь?

- Так это… Командира моего хохлы задвухсотили на х. Из РПГ, суки. Так и не завелись мы.

- Ладно, потом с тобой разберёмся. Мужики. Всем осмотреться. Занимайте оборону. Хохлы очухаются, могут нам офсет организовать. Пулемёт поставьте вон там. Поищите РПГ. Пригодится. Маугли! Высунь голову, посмотри, что в селе делается.

Штурмовик нашёл вырубленные в земле ступени.

- Офсет, это контратака что ли? Может быть, но не сейчас. Драпают. Душ десять. Оглядываются. Им пока не до нас. А-а, вон… Наши уже гвоздят по окраине. Заметались, падлы. То ли Бредли, то ли хер знает что на западную сторону задним ходом сваливает.

- Ладно, - Алёхин сел, вытаскивая рацию. – Чего там с трофеями? Тащите сюда всё, что найдёте… А я пока свяжусь с комбатом… Водила где?

- Вот он я.

- Позывной?

- Сорока.

- Надо же, - удивился Алёхин, вспомнив о Васильеве. – Выбери место, собери туда наших двухсотых. Найди пустой цинк, сложи туда жетоны и документы. Писать умеешь?

- Это, шутка такая на х, командир?

- Угадал. Составь список. Комбат будет спрашивать…

Капитан, сев на дно траншеи, нервно зевнул. Хотел включить рацию, но передумал, наблюдая за Сорокой, который перетаскивал трупы в щель, накрытую куском кровельного железа.

- Стемнеет, сходи за своим командиром и Васильевым.

- Это, который - в воронке? Один не справлюсь на х.

- Маугли поможет.

Алёхин, завернув рукав куртки, посмотрел на часы.

- Уже пять? Вот зараза, - капитан включил рацию.

- Ворон! Вызываю Ворона.

- Здесь я, - голос комбата прерывали помехи. – Кто это?

- Гроссмейстер на связи.

- Живой?

- Вроде бы, - руки Александра мелко дрожали. – Опорник перед селом – наш. Жаль флага нет.

- Молодец. Пришлю тебе флаг вместе подкреплением. К шести постараюсь, если не случиться ничего экстраординарного.

- Хорошо бы. У меня двухсотых… - Алёхин взял паузу, вспомнив убитого Васильева. – Казанова, командир БТР, Щегол и Тарзан…

- Чёрт! Трёхсотых много?

- Царапины, - Алёхин посмотрел на штурмовика, сидевшего на патронном ящике с закатанной кверху окровавленной штаниной.

- Контратаки не ждёшь?

- Вы у птичников спросите. Мне отсюда не видно. Но из практики… Будет обязательно. Стемнеет, пойдут в навал, суки.

- Молодец…

- Рад стараться, - мрачно пробормотал Алёхин.

- Не по уставу, но ладно, - пробасил комбат. – Конец связи.

Алёхин тяжело поднялся.

- Сорока! Хохлов посчитай. Жетоны, документы – сложи в тот же цинк. Трупы – спрячь отдельно.

- Там Маугли четверых трёхсотых в ихнем сортире застукал.

- Если могут передвигаться, пускай уходят к своим.

- Уже не могут.

- Тяжёлые?

- Тяжелее не бывает, - водила сокрушённо покачал головой, но кривая улыбка разозлила Александра.

- Что?

- Он их всех того… За Тарзана.

- Господи! – Алёхин поднялся, взял в руки оружие. – С катушек мужик сорвался? На хрена?

- Так нацики они конченые. С наколками. Чего только на них нет. И свастики, и молнии СС, и портреты Бандеры. Их отпустить на х – себе дороже. У Маугли оказывается глушитель для пистолета есть…

- Ладно, - Александр посмотрел на штурмовиков, сидящих вдоль стены.

- Вам, что? Делать нечего? Пряник! В караул. Держи бинокль. Наблюдай за противником… Про небо не забывай. Сочи! Помоги Сороке, потом пройдите по траншеям. Соберите оружие, гранаты, ищите жратву, воду, ПТРК. На наших птичек надейся, а сам не плошай. Не нравится мне тот Бредли в селе…

Через два дня Меловое было взято. Из десяти штурмовиков в живых остались Сочи, Маугли и Сорока. Алёхин получил осколок в плечо и пулю в нижнюю часть бедра. Его выносили из боя на собственных плечах сначала Сочи, потом Маугли. Когда капитана грузили в десантный отсек трофейной польской БМП вместе с другими ранеными, Маугли сунул в ладонь Александру пистолет. Это был компактный SIG Sauer P320.

- Блин, ты совсем спятил? - Алёхин, морщась от боли попытался оттолкнуть руку штурмовика.

- Бери. Подарок. В знак уважухи.

- Куда мне с ним?

- Давай спрячу, - Маугли обернулся к Сочи, взял у него из рук вещмешок и сунул туда пистолет, а сверху напихал каких-тот вонючих тряпок. – Держи. Хоть на пир с ним, хоть в мир. Красавец. Рама из полимера, модульная конструкция, разбирается на раз. Пригодится.

- Ты сумасшедший, - тихо сказал капитан, понимая, что сопротивляться напору штурмовика бесполезно. – Отберут в медсанбате.

- Побрезгуют. Ствол под хохляцкими портянками. С двухсотых снял на тряпки, оружие чистить. Всё. У меня такого добра припасено, чёрт за ночь не перетаскает.

- Ты точно больной.

- А, шо делать? Мне лечиться надо, но тут есть одна проблема - поздно. Ты сам выздоравливай, старшой, да возвращайся обратно к нам. С тобой весело.

- Пошёл к чёрту! Не обещаю, но постараюсь, - смирился Александр. – Бывайте мужики.

В медсанбате окровавленные, грязные повязки заменили на новые, удалили осколок, а сломанную пулей кость бедра трогать не стали.

- Рентген нужен. В больницу поедешь, - ворчал военврач предпенсионного возраста, часто моргая воспалёнными глазами, и зачем-то нюхая рану.

В палате Луганского госпиталя, где оказался Алёхин, оказалось всего две кровати. На окнах стояли решётки. Железная дверь, выкрашенная белой краской, напоминала Александру тюремную камеру.

- Здесь у всех такие номера люкс? – Он повернул голову в сторону койки, где лежал худой, давно небритый человек.

Правое предплечье соседа украшал гипсовый лубок на подвесе, удерживая руку в согнутом положении. Подбородок упирался в довольно грязный ортопедический воротник, переходящий в гипсовый жилет.

- Нет, - проворчал человек, пытаясь повернуть голову и рассмотреть Александра. – Тоже мне, шутник.

- Ты, зачем весь в гипсе? - Продолжал допытываться капитан, укладывая одной рукой раненую ногу на кровать.

- Зависть берёт?

- Зря злишься. Давай знакомиться.

- Ты бы поспал после наркоза, - недовольно пробормотал небритый, странный пациент, сфокусировав взгляд на потолке.

- Я тебя раздражаю? – Алёхин дотянулся до вещмешка, принесённого санитаром, затем открыл его.

Все личные вещи были на месте, кроме пистолета и грязных портянок.

«Ну и ладно, - смирился с неизбежным Александр. – Зря Маугли старался».

Сосед по палате задремал. Алёхин тоже закрыл глаза, позволяя сознанию погрузиться в дрёму. Боль в ноге постепенно отходила на второй план. Капитан словно проваливался в чёрную бездну… Во сне он видел кошмарные картины. Маугли ножом разрезал на чьей-то груди гипс, обнажая окровавленную плоть и погружая в неё длинное, зазубренное лезвие всё глубже и глубже. Рядом со штурмовиком стояла Наташа. Она смеялась, заглядывая в расползающуюся кровоточащую рану.

Алёхин резко дёрнулся на кровати и закричал, открывая глаза. В палате царил полумрак. Над дверью тускло горел светильник. На прикроватной тумбочке соседа, оставляя углы комнаты в тени, тоже горела лампа.

- Ты, чего орёшь? – Сосед не оставлял попыток повернуть голову.

- Страшный сон приснился.

- Сны в начале раздают авансы, но финалы бывают ужасными, - философски заметил русобородый незнакомец. – Кириллом меня зовут.

- Александр, - представился капитан, вытирая тыльной стороной ладони пот со лба.

- Там на твоей тумбочке – ужин. Приносили, когда ты спал.

- Вижу.

Алёхин, не ощущая голода, лишь поковырял алюминиевой ложкой в каше, с трудом проглотив кусок жирной тушёнки.

- Ближе к вечеру ещё будет чай с галетой.

- Чай, это классно. Ты давно здесь?

- Завтра второй месяц будет.

- Почему решётки на окнах? Это же госпиталь.

- Для кого госпиталь, а кому палата строгого режима. Не догоняешь, парень?

- Начинаю… Ты здесь почему? Кто ты?

- Журналист с той стороны, - Кирилл в который раз попытался повернуть голову, но Алёхин, преодолевая боль в ноге уже перебрался к соседу на кровать. – Коренной киевлянин я. Был мобилизован, хотя имел бронь, день повоевал, потом, подгадав момент, попытался сдаться. Накрыли из миномётов вместе с вашими парнями, конвоирами. Ранили в предплечье со смещением костей. Компрессионный перелом позвоночника, когда взрывом о дерево звездануло. Вот и всё.

- А почему не в общей палате лежишь?

- На подозрении я. Типа – агент, казачок засланный. Ваши реанимировали мой смартфон разбитый. Видосы разные нашли, фото. Да, качал контент. Признаю. Я же журналюга. Мне для статей нужно. Был бы диверсантом, стёр бы всё к чёртовой матери. А ваша контрразведка, суки, награды зарабатывает, шпионов типа ловят. Во система у вас!

- Можно подумать в Киеве она лучше, - рассеянно бросил в пространство Алёхин.

- Речь веду не о салорейхе. С ним всё давно ясно… Моего знакомого, бывшего телеоператора, два раза в Шереметьево завернули. Русского, между прочим, по духу и по крови.

- Ну да, конечно. Не помнишь случайно, кто предал Иисуса?

- Причём тут Иисус? У вас вон ваши союзнички хреновы совсем оборзели. Куда Путин смотрел, когда Пашинян переворот в Ереване провернул? Чего же Алиева не одёрнул, когда тот Нагорный Карабах себе забрал? Думал армяне Пашиняна с потрохами вам сдадут? Думали Алиев ещё больше задружится с русскими?

- Не знаю. Не в теме, - капитан перебрался к себе на кровать, уже жалея, что разговорил соседа. – Я далёк от политики.

- Оно и видно. Если тебя не интересует политика, то политика…

- Вскоре заинтересуется мной. Слышал, слышал.

- Если бы слышал, то понял, что Алиеву насрать на Москву, как, впрочем, и Казахстану, таджикам, прочим разным черножопым. Вы туда бабки гоните, строите им школы, атомные станции за спасибо, а они вам – мигрантов, ненавидящих вас, как ненавидит нищий подающего милость. Они из русских верёвки вьют. Алиев добился всего, о чём можно только мечтать. Вернул себе Карабах. Переметнулся под крыло Эрдогана, стелется под Израиль и НАТО…

Алёхин недовольно поморщился. Он видел, что соседа «понесло». Что Кириллу давно были нужны уши, чтобы излить всю накопившуюся желчь и обиду.

- Дефицит общения, - прошептал Александр, дотягиваясь до пластиковой бутылки с водой.

- Чего? Впрочем, не важно, - сосед распалялся всё больше.

Русская речь Кирилла была на удивление правильной, без южного акцента.

- Ваш любимый Путин сам преподнёс Алиеву на блюдечке собственный геополитический рычаг в Закавказье. А взамен получает хамство, русофобию и плевки. Всё это я уже видел на Украине. Странно, что ваши эксперты, дипломаты, военные не замечают этой странной терпимости своего шефа. Вам же давно ультиматумы ставят. «Признавайтесь, что это вы сбили наш самолёт. Платите компенсацию пострадавшим». Не ущемляйте права таджиков в Москве, а не то хуже будет». «Немедленно освободите моих, ни в чём не повинных азеров», грозит вам пальцем Ильхам Гейдарович, хотя прекрасно знает, что азеры, взятые за жабры вашими силовиками, являются криминальными авторитетами и имеют российские паспорта. Это, что такое? Москве выкатили не один, а целую серию ультиматумов, превращая миграцию в поле боя. Не понимаю. Я на Украине устал писать об этом, а вы, словно страусы, прячете головы в песок. Мигранты – не просто бедняки, приехавшие на заработки в сытую Россию. Это люди, кровно связанные с местами, где они родились, не желающие принимать русскую культуру, уважать чужую для них религию и традиции. Это – подпольная армия будущих войн. И, когда какой-нибудь грёбаный Таджикистан начинает давить на Россию через свою диаспору, уже не важно, сколько ими нарушено ваших законов. Главное, что каждое задержание преступника или обыск в жилище убийц превращается в «этноцид», в «политическое преследование». Мигранты - оружие в чужих руках. Они сами это понимают, а вы нет…

- Чего-то я не в курсе, кого там взяли в Москве и за что? – Алёхина начал интересовать странный собеседник. – Отстал от жизни…

- Ты с Луны упал?

- С ленты.

- Тогда понятно. Открой глаза. «Мягкая сила» Путина – блеф. Никто и никогда «не работал» с населением бывших Республик. Ни ваш МИД, ни государственная Дума, ни комитет по делам

СНГ. Одно бла-бла. Политика – «А куда они денутся» – плохая политика. Свято место пусто не бывает. На ваши бывшие зоны влияния теперь претендуют все, кому не лень. Британия, американцы, турки… России почти уже нет в Закавказье. Её там не стало так же, как в девяностые и нулевые на Украине… Алиев ищет тесных объятий Эрдогана, который стал в регионе полновластным хозяином. Основную часть нефтедобычи Азербайджана уже давно контролирует Британия. Значительный процент - Италия и Норвегия. Само собой - Турция. Основная часть нефти и газа из Баку уходит в Европу. А кто платит - тот музыку и заказывает. По наглости Алиеву нет равных. Он попробовал пощипать Францию на армянской теме. Но мужику объяснили, что этим делом лучше не увлекаться, Запад не злить, а лучше поддерживать Зеленского, продавая ему нефть, а правильнее всего - стать тюрским тараном у ворот Кремля. В Баку уверены, что его диаспоре в России ничего не будет, потому что за Алиевым уже стоят Турция, Британия, НАТО и ЕС. Посмеют тронуть, такой вой поднимется. Печальная истина в том, что исторический период братства, когда мы все были частью одной большой страны, оказался миражом. В Азербайджане это время рассматривают, как период колониального угнетения, за что русские должны расплатиться. На карте мира появились новые государства, значит, у каждого будет своя мифология. Дескать, русские во всех наших сегодняшних бедах виноваты. Они оккупанты, злые орки с имперским мышлением. И чем больше русские для них сделали, тем сильнее русских за это ненавидят.

- Ты слишком много знаешь для журналиста, - задумчиво обронил Алёхин.

- Ты много общался с журналистами?

- Не так, чтобы очень, - Александр виновато улыбнулся.

- То, то, - в голосе Кирилла сквозила усталость. - За все эти плевки Алиев ждёт от Запада не только аплодисменты, но и разные приятные бонусы, которые должны перевесить даже возможные потери от московских рынков «Садовод», «Фудсити», овощебаз и прочего прибыльного бизнеса в виде торговых центров в ваших крупных городах. Это в случае, если Путин решится ответить, что вряд ли произойдёт.

- Да… Удивил ты меня, - капитан, жадно опустошив бутылку с водой, вытер губы кончиком наволочки. – Ну, рынки, ладно, Садоводы разные…

- Чего ладно? Ни хрена тут ладного не вижу. Эх! Жаль, Пригожина нет с его Вагнером, - неожиданно сказал Кирилл и

тяжело вздохнул.

- При чём тут Пригожин? – удивился Александр.

- А, притом. Он бы привёл в чувство не только Алиева с Пашиняном. Стоял бы Вагнер в Карабахе, Баку мало не показалось бы. Какие азеры вояки? Он и Трампа бы успокоил через Сирию.

- Понесло тебя, мужик, - Алёхин сел поудобнее, подложив под раненое бедро подушку. – До Трампа добрался. Лучше скажи, когда чай принесут? Может, сходить самому?

- Сходи. Допрыгаешь до двери, а дальше? Может, у тебя и отмычки есть? Надоело мне всё это… Чтобы понять Трампа… Зацени, - Кирилл попытался дотянуться здоровой рукой до тумбочки. – Там, внутри, папка.

Алёхин нагнулся, достал прозрачный файл с толстой пачкой бумаг и протянул соседу.

- Нет. Ты сам. Читай то, что сверху лежит. Это я нашёл в сети, когда на воле ещё был.

Капитан, поправив железный абажур лампы, пробежал глазами текст.

«Я не собираюсь причинять вред России. Я люблю русский народ, и у меня всегда были очень хорошие отношения с президентом Путиным… Мы никогда не должны забывать, что Россия ***помогла*** нам выиграть Вторую мировую войну, потеряв почти шестьдесят миллионов жизней. С учетом всего этого я собираюсь сделать для России, чья экономика терпит крах, и для президента Путина очень большое одолжение. Давайте заключим сделку сейчас и остановим эту нелепую украинскую войну! Дальше будет только хуже. Если мы не договоримся с Путиным в ближайшее время, у меня не останется другого выбора, кроме как ввести санкции на всё».

- И? – Александр поднял взгляд на соседа.

- Читай следующую страницу вслух.

- Ладно… «Письмо Ивана IV шведскому королю Иоанну III. 6 января 1573 г.»

«Если вы написали нам с лаем и намереваетесь ответить на наше письмо еще большим лаем, то для нас, великих государей, не составит труда написать вам в том же духе. Однако не подобает великим государям писать лаем. Мы писали вам не с лаем, а с правдой. Иногда мы писали долго, потому что, если бы мы не объяснили вам вещей, мы не получили бы от вас

никакого осмысленного ответа. А если ты, взяв на себя пасть собаки, хочешь лаять для забавы, то это твой рабский обычай: тебе это, может быть, и честь, а нам, великим государям, даже переписываться с тобой бесчестно. Писать тебе лай еще хуже, а заниматься с тобой взаимным лаем есть худший из возможных на свете позоров. Если же хочешь заниматься взаимным лаем, то найди себе слугу, подобного себе, и лай с ним.

Отныне, сколько бы лая вы ни писали, мы вам не ответим. Если вы хотите действовать, наши люди видели ваши пушки…»

Алёхин, улыбаясь, посмотрел на Кирилла.

- Класс! Откуда это у тебя?

- Места надо знать, - в глазах журналиста плясали искры смеха. – Понял разницу? Вот так Путин должен был ответить старине Дональду. Я же не зря сказал, что Пригожина на них нет. Тот не стеснялся в словах. Мог бы и матом послать.

- Чего уж теперь, - Алёхин, сунув бумаги в файл, положил его на место. – А Пригожин… Что Пригожин? Он сам сделал выбор. Зря со своим корпусом на Москву пошёл. Как ни крути, это неправильно.

- Может быть, - Кирилл едва заметно качнул головой. – Я тогда много чего передумал. Можно сказать - землю рыл в поисках информации… Не всё так просто.

- И, что же ты нарыл?

- Конфликт Пригожина с Шойгу и Герасимовым. Вот, что.

- Допустим, - Алёхин вспомнил свой давний разговор с дедом по поводу марш-броска «Вагнера» к Москве. - Но военный мятеж есть военный мятеж.

- Которого бы не было, если бы Шойгу с Герасимовым не провалили начало войны. Когда выяснилось, что военная разведка, по сути, обманывала Верховного, а российские войска в основной массе разуты, раздеты, без надёжных средств связи и управления. Пригожин ещё в Сирии наглядно показал, какой должна быть армия. Тут тебе и тактика, и стратегия, и новые методы ведения боевых действий, и рациональное использование ресурсов. В корпусе по определению не было коррупции, поскольку воинское братство командиры возвели в культ. Воровство жестоко каралось на всех уровнях. Это удивляло московских паркетных генералов и вызывало у них зависть к успехам «Вагнера». А собственную зависть редко прощают тем, кому завидуют. Особенно, если объект зависти независим и начал выносить сор из избы. Поэтому решили

подставить Пригожина. Такая армия, у которой нельзя красть, Шойгу была не нужна. Поэтому корпус бросали на штурм Бахмута без поддержки артиллерии и авиации, не давали снарядов, урезали горючее. Чем больше «стачивалось» детище Пригожина, тем лучше себя чувствовали Шойгу вместе со своим Начальником Генерального штаба. Вот, мол, смотрите… «Там не жалеют солдат. Все их победы даются большой кровью. А мы, такие белые, пузатые и пушистые, бережём личный состав». Пригожин наверняка ссал кипятком, выбивая для «Вагнера» снаряды, сидя в приёмных Минобороны, пахнущих дорогим парфюмом, деньгами и бабами. Бросок на Москву был отчаянной последней попыткой донести правду о коррупции, о признаках государственной измены до Путина. Пригожина сознательно толкали к мятежу, подставляя ЧВК под удары хохлов.

- Вроде Путин недавно начал перетряску Минобороны. Так мне говорили, - перебил Кирилла Алёхин.

- А, что ему оставалось делать, когда вся Россия была на стороне «Вагнера». Вынужденная мера. Посмотрим, чем закончится. Твой Путин – трус, испугавшийся военного мятежа, который случился в том числе по его собственной вине. Ему ничего не стоило посадить всех за один стол и разрулить проблему.

- Остынь. Лучше представь себе железо между молотом и наковальней.

- Путин – железо? Не смеши. Он закрыл глаза на то, что паркетники убили Пригожина. Папка с компроматом на генералов сгорела вместе с самолётом, что устраивало всех в Кремле. Кому был нужен армейский корпус во главе с харизматичным лидером, публично вытаскивающим на свет божий правду о коррупции в армии? Мавр сделал своё дело в Африке, Сирии, Бахмуте, мавр может умереть. Путин сделал выбор между Пригожиным и Шойгу в пользу последнего.

- Остынь, прошу. Твоя версия – чистая конспирология из теории заговоров.

- Может, напомнишь мне? Уже опубликованы результаты расследования взрыва бизнес-джета Пригожина? А? Не слышу… Уйдёт Путин, многое вылезет наружу. Подождём…

В коридоре послышались шаги, раздался скрежет запора и дверь распахнулась. Дюжий санитар, толкая перед собой тележку с чайником, оловянными кружками и коробкой печенья, протиснулся в дверной проём…

На следующее утро Алёхин проснулся поздно. Боль в бедре утихла, только кожа под гипсом начала чесаться. Соседняя кровать оказалась пустой.

«На перевязке Кирилл, не иначе», - подумал Александр, осторожно переворачиваясь на бок.

На тумбочке стоял стакан с недопитым чаем и лежала коробочка, в которой санитар вечером приносил таблетки. Коробка была пуста.

«Сколько там лежало, что за лекарства? – запоздало спросил сам себя Алёхин. – Не помню, чтобы я их пил. Или всё же выпил? Чёрт! С головой что-то.

Капитан обвёл глазами палату, в которой явно что-то изменилось.

- Часы, - прошептал он, заметив белый циферблат над дверью. – Их раньше не было. Восемь утра. Откуда появились часы?

«Странно. Восемь. Судя по солнцу за окном – часов двенадцать. Часы сломаны, наверное».

- За каким хреном здесь сломанные часы? Стоп. Секундная стрелка движется, – тихо проворчал Алёхин. – Чертовщина какая-то.

«Наверное, кажется. Передоз снотворного. Ну и бог с ним», - Александр закрыл глаза, но спазмы в желудке не давали заснуть.

Он опустил здоровую ногу на пол и сел. На тумбочке Кирилла он увидел смартфон. Желание взять гаджет в руки и позвонить Наташе было столь сильным, что капитан закусил губы.

«Нельзя, - думал он, разглядывая браслеты на своих запястьях. – Надо же. Вчера не заметил. Блестят… Кто-то почистил. Ни фига себе сервис в госпитале?

Не выдержав искушения, Алёхин потянулся к смартфону и включил его. Цифры на засветившемся экране подтвердили обоснованность положения стрелок часов над дверью.

«Этого не может быть», - капитан перевёл взгляд на окно.

Солнце стояло в зените, заливая ярким светом улицу, деревья и лавочки маленького парка. Снаружи раздавалось пение птиц, голоса, детский визг.

У Александра закружилась голова. Он снова лёг, тараща глаза на стены палаты, быстро меняющие цвет. Белый потолок медленно опускался, превращаясь в поперечный подшив из

почерневших досок. Кровать соседа поднялась и плавно поехала к окну, растворяясь в лучах солнечного света, который начал сгущаться, будто это было жидкое стекло, постепенно твердеющее коричневой плёнкой. Слух уловил осторожные мягкие шаги, заскрипел дощатый пол, хотя Алёхин мог бы поклясться, что тот был бетонным с виниловым покрытием. Капитан растерянно смежил веки, а когда снова открыл их, то увидел белое пятно, которое через пару мгновений превратилось в лицо Ксении. Она улыбалась ему, приговаривая: Ты пей молочко, хлопчик. Оно полезное. Белая блузка женщины распахнулась на груди, открывая серебряную цепочку и крестик, порхающий в воздухе, словно мотылёк.

- Ты лежи, лежи… Не вставай. Рано тебе ещё. Сейчас только восемь.

- Да, как же восемь? - Попытался сказать Алёхин, но губы плохо повиновались ему.

- Кто это с вами? – хрипло, с трудом удалось выговорить капитану, заметив тонкую фигуру, стоявшую рядом с Ксенией.

Тёплая волна восторга захлестнула сознание.

- Наташа?

- Не думай о ней, забудь обо мне, - Ксения отступала к бревенчатой стене, кутаясь в платок. – Это - мираж… Это просто пропущенный кадр прошлого. Пауза во времени.

- Тогда, зачем мне оно, это видение? – Алёхин вновь обрёл способность говорить.

- Всё оттуда…

Алёхин чувствовал, что плавно поднимается к потолку, который, вдруг, непостижимым образом исчез. Капитан словно видел себя со стороны, плывущим над крышами домов вдоль улиц, в которых он узнавал черты знакомого города.

«Москва? Нет, не то… Киев? Вряд-ли. Река? Нет… Озеро… Что со мной? - сознание медленно проваливалось в бездну сна, но состояние невесомости было прервано догадкой. – Это же прошлое… Очнись!

- Чей это голос? – прошептал Алёхин, давая возможность потоку тёплого воздуха перевернуть себя вниз лицом.

Он рассмотрел детей, играющих на песке, понимая, что уже когда-то видел их лица. Он узнавал прохожих. Они были точными двойниками людей, с которыми Александр раньше встречался и жил бок о бок. Внизу по улице шёл сутулый

человек, прикрывающий голову старым, знакомым зонтом. Человек поднял голову, и Алёхин узнал деда. По бульвару навстречу старику двигался Иван Матвеевич, который внезапно остановился, встретив изумлённый взгляд капитана своим безразличным, почти потусторонним. Александр был уверен, что ни дед, ни Иван Матвеевич не замечали, что творится у них над головой. Потом Алёхин увидел скамью, мокрую от дождя и мотоцикл, припаркованный рядом. В седле сидела девушка. Она сняла шлем, подставляя русые волосы под потоки ливня, превращающего бульвар в бурлящий поток. Девушка откинула голову назад, но Александр уже знал, что это была не Наташа, а её сестра- снайпер с позывным «Гадюка». Снайпер подняла руку, начиная подавать Алёхину какие-то сигналы, словно предупреждая о чём-то, но к ней уже подбегал «Маугли», рука которого сжимала пистолет, снабжённый глушителем.

- Очнись, Гроссмейстер!

- Какого чёрта? Кто ты? Зачем мне этот сон?

- Это не сон, это процесс перезагрузки системы, - звук знакомого голоса настойчиво лез в уши. – Это тайные сигналы. Тебя перестали узнавать. Ты «переехал» в другое измерение. Из прошлого в неизвестность, но с собственным миром. Сейчас ты слышишь музыку, но не узнаёшь её, принимая ноты за слова. Время остановилось, и реальность стала иной. Я бы сказал, странной. Но она – лишь версия из множества вариантов, каждый из которых тебе не понравится.

- Этого не может быть, - прохрипел Алёхин. – Хочу обратно. Санитары! Где чёртовы санитары? Где Кирилл? Мне до фонаря вся эта фантастика… Я под гипнозом, да?

- Ни санитаров, ни Кирилла больше не будет. Они остались в старой версии настоящего, архивированы в другой слой, который будет удалён. Их будущее переписано, а твоё нет. Часы над дверью, смартфон на тумбочке - только для тебя. Это – временной сдвиг. Замена одного слоя реальности на другой. Все, кого ты знал раньше, уже за границами главной версии настоящего. Эти люди пока ещё существуют в её повреждённой копии, в архивном слое, собранном из фрагментов погибающей реальности. Сны – это другое. Они возвращают людей туда, где всё казалось им правильным, иногда необычным, но знакомым. Однако, это возвращение в прошлое для тебя невозможно. Ты – в новом времени и пространстве…

Прерывистый звук «обрушил» на Алёхина потолок. Пробуждение было тяжёлым, словно кто-то вытягивал его тело из вязкого машинного масла. Взгляд наткнулся на светящийся

экран смартфона, лежащего поверх одеяла, где капитан увидел отметку на иконке последних звонков. Александр дотянулся до гаджета, взял его в руки и открыл список вызовов. Под длинным рядом цифр последнего входящего звонка капитан увидел надпись «Гонконг». Это было голосовое сообщение, которое длилось добрых десять минут и прервалось мгновение назад.

- Что за…

Палец дёрнулся активировать повтор сообщения, но Алёхин, чуть помедлив, аккуратно положил смартфон на место, услышав шаги за дверью. Палата вновь выглядела иначе. Его кровать была отгорожена ширмой, за которой царила абсолютная тишина. Капитан приподнялся на локте, не чувствуя абсолютно никакой боли, затем выглянул из-за ширмы. Шесть пустых кроватей со смятым бельём выглядели так, будто те, кто лежал на них, испарились. На тумбочках остались стоять стаканы с недопитым чаем и миски с остатками еды. Циферблат над дверью тоже исчез. Дверное полотно выглядело по-другому. Оно было обычным с личинкой замка, закрашенного белой краской, и ручкой, повёрнутой на шесть часов. Удивлённый Алёхин едва успел опуститься на койку, прежде чем порог палаты переступил Иван Матвеевич в сопровождении незнакомого врача и медсестры бальзаковского возраста.

- А-а! - Весело воскликнул генерал, опуская в карман пиджака расчёску. – Вот и наш больной. Как он, доктор?

- В принципе нормально. Контузия, два ранения, одно – средней тяжести, но жить будет.

- Отлично, - Иван Матвеевич протянул Александру правую ладонь, но тут же убрал руку, глядя на каменное лицо капитана. – Любезный, - генерал взглянул не врача. – Спасибо, что убрали лишних людей из палаты. Нам с вашим пациентом нужно поговорить с глазу на глаз.

- Конечно, - врач сделал знак сестре, недовольно поджавшей губы, и они вместе удалились.

- Твой комбат хвалил тебя, - Иван Матвеевич сел на край кровати. – Ты – не против?

- Против, но раз вы уже сели, спрошу. Что нужно?

- Браслетики не жмут?

- Привык.

- Это хорошо… Жаль, не смог Наташу с собой прихватить, апельсинов не принёс и коньяка у меня нет.

- Ничего. Перебьюсь. Ближе к делу.

- Ближе, так ближе, - Иван Матвеевич, снова вынув расчёску, пригладил редкие волосы на голове. – Даже не знаю, с чего начать.

- Я тоже.

- Ладно. Итак… Знаешь, что такое Большой адронный коллайдер?

- Слышал. Построен европейцами где-то на границе Швейцарии с Францией для изучения физики элементарных частиц, каких-то кварков, антиматерии и феномена чёрных дыр во Вселенной. Бомба замедленного действия. Однажды может рвануть, мало не покажется. Что с ним не так?

- С две тысяча восьмого года - несколько аварий, технических пауз, но ничего серьёзного. После долгого простоя запущен в двадцать втором, апрель месяц, двадцать второе число. Запомни дату. Двадцать два, двадцать два… Снова остановлен через три месяца. Официальная версия – экономия энергии. Говорят, когда он выходил на пик нагрузки, половина Женевы сидела без света.

- Досадно, - поморщился Алёхин. – Зачем мне это знать?

- Затем, что во время последнего запуска этой чёртовой штуки стали происходить странные вещи. Перебои GPS, нестабильность в работе авиационных приборов. Проблема ещё в том, что современные спутники и станции не рассчитаны на работу в условиях резкого увеличения радиационного фона. Пошли сбои компьютерных систем по всему миру, от спутниковой связи до банковских транзакций. Наши обратили внимание, что по всей Европе радиационный фон был значительно выше нормы. А, низко летающие орбитальные спутники не рассчитаны на работу в таком бардаке.

- И, что? – нетерпеливо воспользовался паузой Александр.

- Как это, что? Сбои в системе раннего предупреждения и потеря связи с нашей орбитальной группировкой – достаточная причина для беспокойства. Сначала махнули рукой, типа – починим, а потом стали репу чесать. Наши светила науки полагают, что при одной из попыток запуска коллайдера на предельной мощности был создан временной реверс…

- Что, что? – Алёхин сел на кровати.

- Время сначала остановилось. Крутанулось немного назад. Сбой был не полный, а локальный в определённом, ограниченном пространстве. В теории это могло повлиять… Постой, - генерал, достав из кармана брюк мятый лист бумаги, стал читать:

- Повлиять на локальную кривизну времени и… И сбросить один или несколько таймлайнов. Таймлайн, чтоб ты знал – это временная шкала, отрезок времени, на котором в хронологической последовательности нанизаны события, - Иван Матвеевич нервно погладил седую щетину на подбородке.

- Что с того? – уже с интересом спросил Алёхин.

- Ты сам ничего не заметил?

- А должен был?

- Я серьёзно, сынок. Время пошло слишком быстро, но вокруг ничего не меняется. Мы четвёртый год воюем, а толку – ноль. Евреи двенадцать дней бомбили Иран с тем же результатом. Технологическая и военная мощь перестали иметь значение. Будто Русь матушка бьётся с супостатом где-то в другом измерении, в другой реальности. Мне самому иногда кажется, что прошла неделя, но взгляну на часы, а на циферблате - тот же день и миновало только минут десять. Наши спутники фиксируют изменение форм объектов, которые ещё вчера выглядели иначе.

- Ошибки при цифровой обработке снимков.

- Слишком простое объяснение для таких стабильных несоответствий, плюс резкий скачок аномалий в оборонных системах анализа и вычислений.

Несколько обескураженный откровениями своего бывшего начальника, Александр покосился на смартфон, лежащий на тумбочке. Генерал сделал вид, что на заметил взгляда.

- В толк не возьму, зачем вы мне это рассказываете, - тихо сказал Алёхин. – Если авария на ускорителе действительно была, выброс радиации возможно повлиял на работу спутников, но никак не мог повлиять на время. Это всё – из области фантастики. Зная вас, не могу представить, что вы увлекаетесь романами Рэя Брэдбери и Айзека Азимова.

- И я о том же, но пораскинув мозгами, подумал… Лирика лирикой. Мало ли, что может померещиться от усталости или с похмелья… Шучу я. Ситуация нынче такая… Технологии разные, искусственные интеллекты, цифровое насилие над личностью… Только есть нюанс. Количество странностей и несоответствий

наводит на мысль, а не детище ли твоего покойного приятеля Атласа всему виной. Кстати… Если тебе интересно… Пока ты сидел в Лефортово, я всё думал, зачем ты возвращался домой таким сложным маршрутом. Новая Зеландия, Малайзия, Коломбо, Оман. Далее – ЮАР. И только оттуда ты вылетел в Москву.

- Охота к перемене мест, - проворчал Алёхин. – Всегда хотел совершить кругосветку.

- А, кто не хотел? Но в твоей «кругосветке» есть одна странность. В заграничном паспорте на имя некоего британца по фамилии Вильямс, нет штампов иммиграционного контроля аэропортов. Ты не покидал терминалов на всём пути следования, кроме ЮАР. И только в Кейптауне задержался на неделю. Сынок! Ситуация на фронтах такова, что играть с тобой в игру «Что? Где? Когда?» больше нет времени. Поэтому спрошу тебя в последний раз. Почему твой чёртов ИИ до сих пор не работает на Россию, свою, так сказать историческую Родину? Что он задумал, чем это грозит Москве?

- А если скажу, что мне до чёртиков всё надоело? Что плевать с высокой колокольни на все ваши планы и на ваш ИИ?

- Тогда вся ваша с дедом задумка в отношении СВО полетит к чертям. Эта отмазка – не прокатит. Подлечат тебя, сядешь лет на двадцать без права на УДО. А Наташа будет воспитывать сына в одиночку. Подумай об этом, сынок. Даю тебе сутки. Полежи тут в общей палате, пообщайся с народом, узнай, чем дышит, о чём думает Россия, - генерал взглянул на своё запястье.

- У тебя – двадцать четыре часа…

Минут через десять после ухода Ивана Матвеевича в палату стали возвращаться её обитатели. Первыми свои койки заняли два человека лет пятидесяти. Они были похожи друг на друга, словно две капли воды, но отличались телосложением. Один из них весил килограммов сто тридцать, второй выглядел худым, жилистым и нервным.

- О! Серёга! Гляди. У нас – новый сосед, - добродушный толстяк, отложив в сторону костыли, сел, растирая ладонью ногу, «закованную» в гипс.

- Вы, что? Близнецы? – Рассеянно откликнулся Алёхин, всё ещё погружённый в собственные мысли.

- Не угадал. Двойняшки, - Сергей протянул капитану руку. – Я – Сергей, а брательник мой на пять минут старше. Виктором зовут.

- Что, так на пару и воюете?

- А, чего такого? – Толстяк Виктор с дурашливой ухмылкой посмотрел на брата. – Даром, что ли у меня тесть покойный был генеральным конструктором? Одна проблема… Наследства своей дочке не оставил, хотя имел возможность. Дважды героем соц. труда являлся, лауреатом Ленинской премии. Жил в своё удовольствие, ни в чём себе не отказывал. А мог бы и про зятя вспомнить.

- Рот закрой, - недовольно оборвал толстяка Сергей.

- А, чего такого? – Виктор заулыбался ещё шире. – Тестюшка хотя бы о своей дочке старшей подумал. А он ей от щедрот своих шоколадки «Алёнка» на дни рождения дарил. Да, если б такое в Америке было, я давно, словно сыр в масле катался бы. Тесть и меня бы рядом пристроил на какой-нибудь завод ракеты делать. А я всю жизнь на железной дороге горбатился мастером по ремонту вагонов, с хлеба на квас перебивался…

Алёхин с удивлением рассматривал толстяка, слушая его откровения, которые тот выдавал в пространство с некоторой ленцой. Капитан почувствовал слабый запах спиртного.

- На, что учился, там и пригодился, - недовольно, с укором сказал Сергей. – Хорош языком трепать. Людей бы постыдился.

- Где ты видишь людей? – Виктор, взбивая подушку, посмотрел сначала на Александра, потом на двух молодых парней, появившихся в палате в разгар его монолога. – Лично я не вижу. Пушечное мясо есть, а нормальные челы на гражданке по кабакам сидят.

- Болотов! На перевязку! – В дверном проёме стояла медицинская сестра.

- Который? – Всё также весело отозвался толстяк.

- Младший.

- Что? Гипс снимать будете? – Виктор, подхватив костыли, кряхтя, поднялся.

- Доктор разберётся, где, что снять, а где добавить, - сестра, тоже почувствовав запах спиртного, сморщила нос. – И-эх! Постыдились бы. Где только берёте?

- Так мы вам и сказали, - толстяк, осторожно ставя ногу в гипсе на пол, побрёл к двери.

- У него, что, тесть на самом деле был генеральным конструктором? – спросил Алёхин у Сергея. – Лауреатом? И, вы

на самом деле братья?

- На самом, на самом. Трепло несчастное. Дебил, - проворчал Сергей, осторожно трогая перевязанную голову. – Башка от него разболелась… Павлов, тесть его, хорошим мужиком был. Царствие ему небесное. Правильным. Когда при Горбачёве завод хотели заставить вместо ракет кастрюли клепать, бахнул на стол министру заявление об уходе. Не буду, говорит, предприятие гробить, хоть убейте. Таких, как он, сегодня – поискать.

- Тогда, чем твой брат недоволен?

- Братец мой всю свою жизнь халявщиком был, таким и остался. Думал, если женился на дочке генерального, то сейчас на голову манна небесная прольётся… Недоумок.

Сергей замолчал, отрешённо глядя в окно.

- Раз начал рассказывать, то продолжай, - попросил Алёхин.

- Ты, чего? Любопытный шибко?

- Просто интересно. Не каждый день встречаешь близнецов на фронте, один из которых зять генерального. Вы, как на ленте вместе оказались?

- Как все, кому деньги нужны. Кредиты, мать их. Добровольцы мы. Сначала я записался, потом брат мой. Он думал, лёгкие деньги можно поднять, но вышло по-другому. Теперь жалеет, что увязался за мной.

- Странно. Неужели тесть не мог помочь зятю материально?

- Во-первых, Валерий Агеевич умер лет восемь назад. А во-вторых, повторяю тебе, правильным он мужиком был, умным. Он мне рассказывал, что в юности мечтал стать таким, как Валерий Чкалов. Королёв, который Гагарина запускал в космос, для тестя кумиром был. В семнадцать лет на крыше товарного вагона парень зимой ехал из Сибири в Казань, поступать в авиационный институт… Считал, что каждый сам должен достойно зарабатывать в поте лица своего, не надеясь на связи, помощь родственников. Бывало так, уже на пенсии, поссорится с дочками и сердится. «На хрен мне ваша забота. Меня партия похоронит». Старой закалки был человечище. И не особо жаловал брата моего. Считал его пустым, ни на что не способным и ленивым…

- Понимаю, - кивнул Алёхин, вспомнив своего деда. – Свой разум другому не пришьёшь.

- И я об этом же, - Сергей долго поправлял одеяло, прежде чем лечь на койку. – Масштаб характеров не сопоставим. Каждая эпоха рождает своих героев. Сталинская – таких, как Королёв, Павлов. Бескомпромиссных, жёстких, чья жизнь подчинена интересам страны. Путинская штампует потребителей, казнокрадов и приспособленцев. Разные они люди, мой брат и Валерий Агеевич. В чём Виктор мастер, так это выпить, пожрать и погулеванить. Особенно на халяву. А Павлов этого не одобрял. Теперь, мой братец, вроде, как мстит тестю. Легенды придумывает.

- В смысле?

- Ну, типа, что это Валерий Агеевич научил его выпивать. Что тесть мог в одиночку пару пузырей выпить, а потом по бабам шляться. Что все деньги, а зарабатывал генеральный действительно не мало, спускал на водку и женщин. А ему, Виктору, бедному, несчастному инженеру железнодорожного депо, ничегошеньки не перепало.

- Не любишь своего брата?

- Любовь здесь не при чём… Осуждаю. Не гоже так. Генеральный всю свою жизнь пытался Витьку моего поднять до своего уровня. Ум, разум у него воспитывал, но без фанатизма, без нравоучений. На примере всей своей жизни. Только все его усилия пропали зря. Натура, воспитание разные. У генерального стержень был внутри, дай бог каждому. Виктор не мог простить тестю собственной никчёмности, потому и придумывает то, чего не было. Пытается покойного тестя опустить до своего уровня. Понимаешь, о чём я?

- Вроде бы.

- Вот, и ладно, - Сергей наконец-то устроился на койке и демонстративно отвернулся к стене, когда вернулся Виктор с широкой, глуповатой улыбкой на лице.

- Ну, что, мужики? Доживём до ужина? Может, в карты перекинемся?

Алёхин, почти не слушая болтовню раненых в палате, мысленно вернулся к своим проблемам. Ему предстояло принять решение, от которого зависела вся его дальнейшая жизнь, будущее Наташи и сына.

«Сложно поверить… Неужели мой Фредди Крюгер что-то сделал со временем? Это невозможно, - Александр поймал себя на мысли, что творение Атласа он называет своим. – Зачем ИИ такие фокусы? Фантастика какая-то. Впрочем, я не

специалист в физике и новых теориях существования разума Вселенной. Теперь уже и не знаю, является ли момент принятия решения определённой точкой границы человеческой свободы, очередной химической реакцией в моём собственном мозгу или всё предопределено на квантовом уровне».

- Чёртов Фредди Крюгер, - прошептал Алёхин, переворачиваясь на другой бок.

«Господи! Как же я устал. В сказках всё проще. Направо пойдёшь – коня потеряешь, налево – себя не спасёшь. Прямо – женату быть. Где право, где лево, уже и не знаю. И жены, считай, нет. Мне, видно, на роду написано мотаться по белу свету, искать то, не знаю, что?»

Александр в эту ночь почти не спал и, когда на следующий день в палате появился Иван Матвеевич, капитан тяжело поднялся с постели.

- Ваша взяла.

- Рад, что ты, наконец, взялся за ум, - генерал покосился на обитателей палаты, затем оглянулся в поисках стула.

- Садитесь на койку, я подвинусь.

- Ладно... Твоим британским паспортом обойдёшься? Могу изъять из вещдоков.

- Зачем?

- Так в ЮАР тебе предстоит лететь.

- Почему в ЮАР?

- Твой Фредди Крюгер обосновался в техно парке Стелленбоса. Это городок в пятидесяти километрах от Кейптауна.

- Откуда такая информация?

На пороге появился уже знакомый Алёхину главный врач госпиталя.

- Так. Все ходячие – на выход! Вам в холле телевизор включили.

Иван Матвеевич кивком головы поблагодарил врача, пересаживаясь на освободившийся стул.

- Петров и Баширов своё дело знают… Опять шучу. Я, как узнал, что ты в Москву из Кейптауна прилетел, сразу сообразил, что к чему. Наши тамошние Шерлок-Холмсы почти год землю африканскую рыли, - генерал, оглянувшись на дверь, за которой что-то с шумом упало, продолжал.

- И не зря, скажу тебе, ЮАР переживает бум регистраций новых технологий. Местное правительство не без помощи китайцев поощряет перенос в Кейптаун производств и научных исследований многих высокотехнологичных кампаний мира. Мягкая налоговая политика, плюс различные бонусы. Там уже сидят Google с рядом американских стартапов, работающих в сфере IT. Наши не отстают. Туда зашли «Лаборатория Касперского», Parallels, ABBYY и Promt. Теперь представь себе… Три года назад неизвестная фирма, зарегистрированная в Гонконге, выкупила приличный кусок земли на берегу озера Эрсте, развернув довольно масштабную по меркам страны стройку. Было возведено здание, оснащённое всеми возможными системами безопасности. Также по словам одного инженера, на которого вышла наша разведка, были созданы офигенной глубины фундаменты, способные выдержать девяти бальные землетрясения, установлены теплоизоляционные экраны, отводящие выделяемую энергию в океан, купол, способный выдержать удары проникающих боеприпасов, нетипичные силовые кабели, целая система трубопроводов для охлаждения и много, чего ещё. Заявленная цель исследований весьма расплывчата. Набор дежурных фраз о биотехнологиях, нейро-антропологии, бионических протезах и прочая хрень. Самое главное, что никто не знает, сколько там персонала, кто возглавляет центр. Абсолютная секретность. Всё работает автономно, почти без контактов с окружающим миром. Общение руководства с властями города и университета происходит дистанционно, онлайн. Интересно?

- Дальше, дальше.

- Дальше, больше. Наши взломали сервер подрядчика, занимавшегося поставкой на объект оборудования. Судя по списку, внутри должен быть собран квантовый компьютер мощнее раз в сто, чем этот, как его… Кван, квантум…

Иван Матвеевич скрёб подбородок, вспоминая…

- Quantinuum H2-1! – воскликнул Алёхин. – Чёрт! Quantinuum входит в десятку лучших. Сто двадцать петафлопс…

- Чего?

- Сто двадцать квадриллионов операций в секунду. По моим прикидкам у Крюгера – триста петафлокс…

- Значит, твой Крюгер – просто монстр.

- Получается, так.

- Именно. А потому, лежит перед тобой дорога дальняя.

К цыганке не ходи… Кейптаун ждёт тебя! - Иван Матвеевич хлопнул себя по коленке. - На какую дату билет брать?

- Зачем? - Подумав немного, спросил Алёхин. – Если только вы не планируете взорвать здание. Тогда действительно вам нужен Петров и Баширов.

- Что ты предлагаешь?

- Верните меня в созданный мной Центр. Не претендую на пост начальника. Мне достаточно отдельного кабинета, кое-что из оборудования с доступом в сеть и никакого контроля извне, типа «смотрящего» за моей спиной, даже через удалённый доступ.

- Но каждый день ты будешь докладывать мне о результатах.

- Постараюсь. Только озвучьте сначала список ваших конкретных хотелок. Мне нужно знать, в каком ключе вести разговор с Фредди.

- Получишь через две недели.

- Почему через две?

- Глупый вопрос. Посмотри на себя в зеркало. Выглядишь ужасно.

- Плохо ночь спал… Думаю, скоро буду в порядке.

- Значит, так. Я поговорю с докторами. Им нужно около двух недель, чтобы поставить тебя на ноги. К этому сроку в сейфе главврача тебя будет ждать конверт с перечнем моих, как ты говоришь, хотелок и приказом о твоём назначении. Адрес центра ты знаешь. Дай мне список оборудования.

- Сделаем следующее, - Алёхин приподнялся, положил подушку за спину и стал тихо говорить, объясняя генералу то, что должен знать любой хакер начального уровня…

- Теперь, последнее, - Александр, чувствуя головную боль, перевёл дыхание. – Наташе сообщите, что я – на свободе. Она и сын должны ждать меня в квартире моего деда.

- Считай – уже сделано. Закончишь работу – увидишься с семьёй, - Иван Матвеевич, посмотрев на худое лицо капитана, осуждающе покачал головой. – Лечись, как следует. Увидимся ещё…

Бункер

Шестой по счёту «гетман» современной Украины сидел в мягком кресле напротив стены, часть которой украшала небольшая композиция в стиле Ван-Гога, напоминающая холст великого голландца «Автопортрет с отрезанным ухом и трубкой». Однако, на картине, выполненной известной пацифисткой, престарелой американской фолк певицей Джоан Баэз в стиле «прекрасной эпохи» постимпрессионизма, был изображён сам Зеленский. Он узнал о холсте совершенно случайно из новостных лент израильских медиа, а когда увидел фотографию картины, поручил тайно приобрести её. «Вживую», холст смотрелся ещё лучше. В лице на портрете Зеленский узнавал не только себя, но и Ван-Гога, Владимира Высоцкого, которого он в студенческие годы почти боготворил, и даже Че-Гевару, но без знаменитого берета. Лицо выглядело утомлённым, беззащитным, очень печальным и в тоже время одухотворённым.

«У нас - похожие судьбы, - думал президент, выбираясь из кресла, чтобы подойти ближе к стене. – Я – тоже бунтарь, в какой-то степени даже революционер, мастер эпатажа, творец образа политика нового поколения», - он ещё раз посмотрел на свой портрет, внимательно изучая печальное выражение худого лица, схваченное художницей.

Зеленский распустил морщины на лбу, показал язык портрету, затем покачал головой, мысленно упрекая себя за это ребячество.

«Но разве не моя заслуга в том, что я достиг такого успеха? - Продолжал размышлять Зеленский. – Мою биографию не смог бы сочинить даже самый лучший сценарист Голливуда. Родился в простой интеллигентной семье, в небольшом провинциальном городе. Женился на ровеснице по большой любви ещё до того, как стал популярным. У меня двое детей. Из ничего создал команду КВН, которая переросла в театральную студию, превратившуюся со временем в огромную медиаимперию. Те, кто считал меня клоуном, пусть посмотрит список компаний, которыми я совсем недавно управлял. Пан Зеленский сделал себя сам, не имея родичей среди сильных мира сего. Ни министра, ни генерала, ни известного актёра, не говоря уже про олигархов. Всё, чего я достиг, досталось мне ценой собственной изворотливости, ума, нервов и крови. Я даже не успел к разделу пирога советского наследия. Его успели раздербанить до меня. Мне предлагали остаться в Москве в качестве главного редактора КВН. Я отказался, сказав своим пацанам - компаньонам, что не могу предать дело, которое мы вместе замутили в Киеве. Стоило огромный трудов, даже

денежных потерь создание образа «своего в доску парня». Однако, кто знал, что этот образ впоследствии будет работать на меня. С такой женой, как моя Лена, не нужен стилист. Это её заслуга, что Владимира Зеленского в две тысяча восьмом году признали самым красивым украинцем по версии журнала «Viva».

«Гетман» поймал себя на мысли, что думает о себе в третьем лице, но это лишь подстегнуло воспоминания.

«Разве я виноват в том, что способен понимать, даже чувствовать, какие мотивы движут людьми. Я умею лучше других угадывать эмоции моих зрителей, прогнозировать поведение публики, особенно молодёжи. Первые эфиры на киевском ТВ я выгрызал зубами. Мне никто ничего не предлагал. Наоборот, от меня отмахивались, как от назойливой мухи. Но я умел выстраивать отношения, видел невидимое другими. Мне часто удавалось перетянуть на свою сторону нужного «большого человека». Таким я проедал плешь, пока не добивался желаемого. Чего греха таить? Я люблю нравиться, люблю купаться в лучах славы, вызывая восхищение толпы. Поэтому я победил дурака и пьяницу Порошенко, став президентом. Народу легко выбирать того, кто ему люб, не рассуждая, не думая. И потом, мне всегда везёт, за что бы я не брался. А люди всегда тянутся к везунчикам. Они сгорают от желания быть со мной заодно, надеясь, что везение коснётся всех, кто держится рядом. Вершиной моей славы стал Сериал «Слуга народа». Делали сатиру, разбавляя ленту элементами быдлотехнологий, а фильм оказался ценным козырем в нужное время. Сначала болванам дали осознать, как хорошо они станут жить, если придёт президент из народа. Лично мне нравится последняя часть, которую крутили за пару дней до выборов, где мой народ увидел, как плохо они будут жить, если всё останется по-старому. Сыграть на страхе – классный ход».

Зеленский коснулся указательными пальцами собственных висков, помассировал их, прогоняя лёгкую головную боль – следствие приёма три часа назад порции кокаина, затем отрешённо обвёл взглядом помещение, куда он спустился этой ночью после объявления воздушной тревоги. Это был бункер под Киевским военным госпиталем, построенный ещё в советские времена. В самом госпитале давно никого не лечили. Его использовали, как прикрытие, разместив в нём русских военнопленных тем более, что в округе было полно гражданских больниц. Это убежище в Киеве казалось Зеленскому надёжнее прочих, даже надёжнее бункера под зданием Администрации президента с многочисленными запасными выходами в киевское

метро. То подземелье с лифтом и прочими комфортными штучками служило больше для пиар-акций. Там он принимал журналистов западных изданий, показывая им узкую кровать аскета, спартанскую обстановку и картины сомнительной художественной ценности, подчёркивающих «заряженность» президента на продолжение войны с Россией любой ценой до победного конца.

Зеленский хищно улыбнулся, представив ошеломлённые лица журналистов, которые впервые увидели подарок Сандро Антадзе, холст с названием «Мечта». На картине кабинетного размера художник изобразил московский Кремль, сгорающий в пламени пожара. Ещё больше развеселило президента воспоминание о новогоднем обращении две тысячи двадцать четвёртого года к народу Украины, где он «выдал» феноменальную, как ему тогда показалось, фразу, показывая на холст: «Кто принёс ад на нашу землю, однажды увидит этот ад из своего окна».

- Это вам не КВН и не девяносто пятый квартал, - бормотал он, закрывая свой портрет большим куском ткани. – Эти слова войдут в историю, о них будут читать европейские дети в своих грёбаных учебниках.

Действие наркотика, которым пользовался Зеленский, постепенно сходило на нет, освобождая сознание «гетмана» от груза прошлого. Но почти всегда, когда Зеленский вспоминал о своих театральных шоу, о времени работы в студии «95 квартал», он старался оправдать откровенную пошлость и хамство большинства мизансцен с его участием в те благословенные годы.

«Им же всё нравилось, этим идиотам нацикам, быстро деградирующей киевской интеллигенции, селюкам и прочему быдлу, привыкшему пялиться в зомбоящики. Я просто опускал планку, чаще ниже плинтуса в качестве эксперимента. Они ржали, словно лошади. Радостно хлопали в ладоши, когда я имитировал игру на рояле своим членом. За это они любили меня ещё больше».

Неожиданно стены бункера слегка дрогнули. Зазвенели бокалы, стоявшие на столе, на пол соскользнула горка маленьких квадратных пакетов с кокаином.

- Сволочи! – выругался Зеленский, торопливо вставая на колени, чтобы подобрать наркоту. – Суки! Вата проклятая! Ничего святого. Куда смотрит наше чёртово ПВО? По центру Киева прилетело. Совсем близко.

Торопливо сунув в задний карман штанов крошечные упаковки с кокаином, президент опустился в кресло, сжав до боли в пальцах подлокотники. Он до сих пор не мог простить себе тот ужас и страх, которые поселились в его сердце три года назад, когда войска Путина пересекли государственную границу Незалежной, двигаясь на Киев, Мариуполь, а в Гостомеле высадился русский десант. Сегодня «гетман» проклинал британского и американского послов, которые вместе с Коломойским убедили его, актёра, знаменитого шоумена выставить свою кандидатуру на пост президента, заставив перевести вялотекущую войну на Донбассе в горячую фазу с постоянными ежедневными обстрелами Донецка, Горловки и Луганска. Ему тогда объяснили, что Минские соглашения – филькина грамота, на которую всем плевать, что Запад сделает всё возможное и невозможное, чтобы Россия проиграла. И тогда, стараясь преодолеть чувство страха перед Путиным, он воспрял духом. В то время на Украину, а, по сути, в карманы Коломойского и его собственные карманы хлынул поток денег, о которых молодой, любимый всей нацией президент даже не мог раньше мечтать. Став первым лицом государства «по приколу»… (Такими словами уговаривал его Коломойский, и так думал он сам.) Зеленский впервые ощутил вкус настоящей власти, окружая себя партнёрами по шоу-бизнесу и друзьями юности из команды КВН, которую он когда-то считал лучшей в мире. Не той сиюминутной власти, которую он имел над зрителями в театральном зале, а власти без границ, власти насилия, власти превосходства вождя, избранного Богом и поставленного присматривать за быдлом, которое ещё совсем недавно смеялось над его шутками, игрой гениталиями на рояле, обожало в комедийных ролях Наполеона, царя Леонида, учителя истории Голобородько из сериала «Слуга народа». Молодой, брызжущий здоровьем и весельем президент буквально пил эту власть, подобно крепкому напитку. Он ощущал её запах, даже хватая ноздрями горстку порошка, которым его постоянно снабжали младшие партнёры по «новому бизнесу», а когда он привык к кокаину, всегда можно было разжиться чем-нибудь позабористее у командира британского спецназа, обеспечивающего личную охрану президента.

«Народ лелеял мечту о защитнике? О рыцаре без страха и упрёка, который придёт и спасёт? – С раздражением думал он. – Сегодня он имеет то, чего хотел. Пусть теперь не жалуется».

После избрания Зеленский довольно быстро понял, что может манипулировать не только зрителями, но и европейскими политиками, с упоением играя предложенную ему роль жертвы путинской агрессии, защитника Западной цивилизации. А уж

«повязать» Джо Байдена, было вообще делом техники, в основе которой лежала коррупция, возведённая теми же Коломойским, Порошенко, прочими «денежными мешками» Украины в ранг национальной идеи.

«Я всегда был прилежным учеником, - думал Зеленский, вздрагивая от едва пробивающихся через толщу бетона звуков близких разрывов и глядя на ткань, скрывающую его портрет. – А, кто не воровал и не ворует на Украине? Пусть первым бросит в меня камень, кто сам без греха, - вспомнил он слова из Евангелия. – Чёртова американка. Как ей удалось нарисовать ТАКОЕ моё лицо? Оно должно быть жёстче. Этакое президентское, волевое, сексуально-привлекательное. Мужика с харизмой. Обольстителя, мать их, главаря банды, в конце концов. Нацикам, местечковому быдлу я дал то, чего они втайне, в глубинах своих мелочных душонок хотели больше всего. Иллюзию абсолютной свободы. Свободы от русских, свободу грабить и убивать русских. Свободу зарабатывать любыми способами. Хоть шапки дёргать с прохожих. Или выводить дураков на улицу, типа поставлю вам диагноз по скану организма со спутника. Я, суки, дал вам свободу веселиться, свободу жить по кайфу, свободу от любой морали. В конце концов я дал вам свободу даже от Бога. Хотели «Украину по над усё»? Получайте. Вам надоела нормальная жизнь обывателя? Ладно, понимаю. Нормальная жизнь – трудная жизнь. Там нужно пахать, как папа Карло в поте лица своего. Я показал вам, что можно даже не работать на благо Батькивщины. Главное нужно уметь продать себя и, как можно дороже. Я дал вам новую мораль - не быть нищим. Если ради этого нужно убить - убивай, нужно грабить – грабь. Главное, о чём нации не нужно знать, что она – часть системы, в которой ему, Володимиру Олександровичу, жить не просто хорошо, а тоже по кайфу».

В это мгновение совсем не к месту «гетман» вспомнил слова, якобы сказанные художницей при передаче холста его посыльному: «Желание казаться весёлым и смешным – признак великой грусти».

- Господи! А, ведь, она права, - прошептал Зеленский, испытывая в этот момент жалость к собственной персоне. – Я, обычный еврейский мальчик, выросший среди хамов, всегда прикрывал свою неуверенность, даже робость маской клоуна. Впрочем, к чёрту эту певицу. Тоже мне, Ван-Гог в юбке. Пусть сожгут на хрен этот портрет, - злость захлестнула сознание «гетмана». – Повешу другой. Говорят, что какой-то идиот австралиец изобразил меня на холсте своим членом, макая его в краски. Вот это – по приколу. Мой стиль. Обязательно дам

команду купить для меня эту мазню за любые бабки.

Далёкие звуки разрывов стихли. Выражение лица Зеленского постепенно менялось, приобретая мрачную угрюмость. Он уже мысленно представлял, как читает сводки последствий ударов русских ракет по его «любимой» неньке Украине.

В наступившей тишине послышались осторожные шаги за дверью, потом приглушённые голоса. Кто-то разговаривал по-английски со старшим группы охраны.

- Черти! – Проворчал президент. Поспать не дадут. Кто там?

Голоса стихли, зато скрипнула ручка двери, образовалась щель, в неё протиснулся высокий, хорошо упитанный человек. Это был глава офиса президента Ермак. Одежда в стиле милитари, лишь подчёркивала грузность фигуры.

«Толстый таракан, - подумал Зеленский, недовольно взглянув на Ермака. – Но в любую щель просочится, когда ему надо».

- Андрей? Господи. Конечно. Кто же ещё в такую рань? Чего тебе?

- Сводка, Вова, сводка.

- На хрен сводку. Банковая цела?

- С Банковой всё хорошо, но Киеву сильно досталось этой ночью. Впрочем, всей Украине тоже. Путин последние два наших «Патриота» вывел из строя.

- Начхать мне на Киев и в целом на Украину. Америкосы Патриотов ещё пришлют. Львов цел?

- Вроде… В окрестностях пара прилётов, но ничего серьёзного.

- Утешаешь?

- Подробности будут позже.

- Главное, чтобы бункер во Львове не бомбанули. А то, не дай бог, однажды, если так дальше пойдёт, придётся наш с тобой офис переводить на Западную Украину.

- Пока не подтверждено, но вроде русские «распотрошили» тот бункер.

- Чем? Его же при Совке строили на случай атомной войны.

- Вроде «Кинжалом».

- Мать моя, женщина! – Зеленский округлил глаза. - Слава Аллаху нас там не было.

- Это точно. Но кое-кто из офицеров НАТО попал под раздачу. Среди них есть двухсотые.

- И это ты называешь «ничего серьёзного»?

- На войне, как на войне. Новых пришлют.

- А куда офис наш переводить, если Киев медным тазом накроется?

- Мало у нас нор? – почесал затылок Ермак. – Под Винницей – бункер Гитлера отремонтировали. Есть ещё два объекта в Ивано-Франковской области. Там тоже пришлось вложиться в обустройство ради комфорта. Всё цело. Хоть сегодня заезжай.

- Ладно, - нетерпеливо отмахнулся Зеленский. Что у нас в Штатах? Зря мы, что ли чёртову кучу людей к Трампу отправили Томагавки просить. Ты сам, когда туда выдвигаешься?

- Там пока Умеров и Свириденко, премьерша наша почву удобряют, где надо и кого положено подмазывают. Будут конкретные предложения Вашингтона, тогда и мы с тобой туда подтянемся. Тебе предстоит лично вылизать Трампу одно место в знак благодарности.

- Сволочь рыжая. Тошнит от одного вида этого самодовольного, напыщенного старпёра. Не нравится мне всё это. Ох, как не нравится.

- Нравится, не нравится, терпи моя красавица, - усмехнулся Ермак.

- Тебе обязательно Путина здесь цитировать?

- А, чего? Прикольно дедок сказал.

- У деда совковый юмор. Для пенсионеров. Слухай! Может, напрасно мы Умерова к Трампу послали наш вопрос утрясать? Рожа у нашего главы СНБО не та. Арабская. На Арафата смахивает, даже скорей на Бен-Ладена. Разве, что толще в два раза. За океаном до сих пор не особо любят арабов.

- На Беню Нетаньяху наш Умеров похож. А Беню Трамп обожает. Ты чего побледнел вдруг?

- Погоди. Сейчас вырвет.

- Кто тут у тебя вырвет, здесь все свои, - продолжал шутить Ермак. – Передоз у тебя.

- Сейчас занюхну, пройдёт, - Зеленский полез в карман за пакетиком с кокаином.

- Прекрати. Ты видел себя в зеркале?

- Да, всё, вроде, нормально. Вид усталый, даже потрёпанный, мать его. Хочешь сделать из меня мачо, чтобы фотосессию с журналистами провести? Тогда тут только кокс поможет… Победа или смерть! Так, вроде римляне перед рубиловом кричали.

Ермак решительно вырвал из рук президента пакетик с порошком.

- Вот, именно. Вроде… Давай ещё раз проговорим, как вести себя с Трампом, а то сорвёшься, наломаешь дров, как в прошлый раз. Наговоришь лишнего. Садись.

- Смотри, - продолжал Ермак, бережно усаживая Зеленского в кресло. – Мы организовали отличный хайп в западных СМИ. Типа, всё решено. Что Томагавки почти у нас в кармане. Денег Трамп тоже обещает. Размеры откатов уже посчитали. Все вопросы перешли в разряд технических, вроде подписей в книге новобрачных или разрезание торта. Типа, стулья расставлены, свечи горят, Кремль дрожит от страха. Все ошибки прошлых встреч в Вашингтоне учтены. Психологический портрет Трампа наши партнёры из Лондона нарисовали до мелочей, до мельчайших деталей. Нужные вбросы сделаны, «правильные» люди «заряжены». Момент встречи идеален — после заранее устроенных провокаций с ”российскими” дронами в Польше, Дании и в разгар политического триумфа Трампа в истории с Газой. Наш ковбой находится в эйфории и на кураже. Тебе даже резона в Штаты ехать нет. Сам всё порешаю. Готовься услышать публичное объявление Вашингтона о расширении военной помощи, включая поставки «Томагавков».

- Ни хрена. Поеду. Меня сенаторы любят, а демократы просто обожают, особенно, когда я Трампа подкалываю.

- Костюм не забудь. Госдеп постоянно требует соблюдение протокола.

- Ладно. Чего не сделаешь ради Украины. Распорядись, чтобы погладили, на штанах стрелки навели. Однако, знаешь… Я тут всё думал, думал… У Трампа – семь пятниц на неделе. А если не выгорит дело? Если не даст ни «Томагавков» грёбаных, ни денег?

- Посмотрим. Не даст, подключим британцев. Стармер Трампа уболтает.

- А, если нет?

- Тогда вся надежда на Европу. На Фон-дер Ляльку, на Мерца, на Макрона. Томагавков у них нет, зато денег пришлют. Они

с каждого транша доли не хилые имеют. Пусть думают, как конфискованные русские бабки нам передать. Я им намекал про тридцать процентов отката.

- Так они уже два года думают, а толку ноль.

- Терпение Вова. Не сразу Москва строилась. Сообразят, когда у них начнёт подгорать сзади. А пока из своих бюджетов отстегнут.

- Бюргеры узнают про откаты, майдан в Берлине устроят.

- Не устроят. Чтобы бюргер жирный зад от стула в пивной оторвал? Пока мы им лапшу про агрессора Путина, про планы его напасть на НАТО по ушам размазываем, фрицы будут ворчать втихую, но не горлопанить. Не переживай. У нас с тобой бабла припрятано на всякий пожарный, чёрт за ночь не перетаскает. Нам бы ещё год, полтора продержаться в Киеве, а потом, хоть трава не расти.

- Почему год? – Зеленский озадаченно почесал переносицу.

- Потому, мой друг, чтобы тебе в историю войти.

- А, шо, я ещё туда не вошёл?

- Персонажей, Володя, на вторых ролях, не любят. Сейчас ты второй. Второй после Кучмы по сроку пребывания в должности президента. Второй после Гитлера по времени ведения войны с Россией… Тебе нужно не меньше года, чтобы стать первым по всем этим грёбаным показателям. Пройдёт ещё лет десять, все забудут про Бандеру, но будут помнить тебя. Будут петь: Батька наш Зеленский! Попадёшь в учебники, как пить дать. А уж, если получится столкнуть лбами НАТО и Путина, да ещё победить этого престарелого дзюдоиста… Тебе памятник поставят в центре Берлина. Свершится вековая мечта немцев о реванше.

- А, хиба ещё нема писен про меня?

- Слышал одну на улице, но качество текста не очень.

- Давай, спой. Хорош ломаться, как девочка, которая в первый раз на панель вышла.

- Ладно, - Ермак покашлял, прочищая горло, затем запел, подражая Высоцкому, нещадно фальшивя:

«Уж скоро два года горит не по-детски

Под небом блакитным святая земля.

Не падайте духом поручик Зеленский,

Для вас мы запалим две башни Кремля.

Мелькают в окопах землистые лица.

Там вата стреляет за свой четвертак.

Но, лучше бы Путину взять, застрелиться,

Чем дальше терпеть этот русский бардак»…

- Хватит, хватит, - президент сжал губы в узкую полоску. – С таким голосом тебе только возле Киевской Лавры милостыню просить. Колись… Ты сам это сочинил?

- Вот тебе крест. Не я, - Ермак неловко перекрестился.

- Тогда найди мне этого козла, спивача майданного. СБУ покажет ему поручика. Я вам не лох какой-нибудь, а верховный.

- Знаю, знаю. Он же не нарочно. Ему в такт нужно было попадать.

- В окопы попадёт. Там ему не до песен будет.

- Володя! Нервы тебе ещё пригодятся. Но поверь мне. Твоё имя в тексте гимна Украины будет звучать, куда интереснее, чем грубое «Бандера». Всё равно гимн переписывать придётся. Сильно на польский смахивает.

- Твоими бы устами… Ох, ты, боже ж мой… Что-то на сердце тяжело. Предчувствие нехорошее, - пробормотал Зеленский. – Дали бы пару «Томагавков», и корвалол не надо пить.

- Брось. Не думай о «Томагавках». Особо повлиять на ход войны они не смогут. Однако, почву для договорённостей готовил весь Евросоюз вместе с НАТО. И ты знаешь зачем они это делали. Если Трамп отправит нам чёртовы крылатые ракеты, то управляться они могут только американосами. А это значит, что США автоматически вступает в войну на нашей стороне. Думаю, Трамп в глубине души желает этого, но у него очко играет. Вот и посмотрим, есть у мужика яйца или нет. И вот ещё, что… В мире, в смысле на планете Земля, есть США и мы, Киев. Все остальные – мелочь, кулиса. Эти остальные ничего не значат, ничего не решают и не могут решать. Они, грубо говоря, грызутся между собой за благосклонность Америки, за внимание американского президента. Неважно хорош ты или плох, не имеет значения, кто будет следующим американским президентом. Важно только то, чтобы этот следующий тебя любил, можно даже в извращённой форме. Почему весь мир, типа за нас? Потому, что каждый следующий президент США обожает, когда ему поклоняются, словно божеству. Мы, украинцы в этом плане впереди планеты всей. Мы знаем правила игры**,** мы лучше всех умеем вылизывать

американским президентам ботинки, даже если, только что, пока он был кандидатом, выливали на него помои вёдрами. Вот Байден понимал, что к чему. Он знал, что в помоях нет ничего личного. Мы уважаем должность, а не личность, мы проявляем лояльность действующему американскому президенту, пока не избрали следующего. Трамп зря на нас обижался. Мы и со своими так. Пока президент, ты - «гений, какого мир ещё не видел», потерял президентство – «казнокрад, вор, мерзавец, дебил». Разве не так?

- Ну ты, блин, даёшь, - впервые за сутки искренне засмеялся Зеленский. – Но зерно истины в твоих словах имеется.

- Ещё бы, - Ермак улыбнулся в ответ. – Так, что, Владимир Олександрович, тренируйте выражение лица для будущего памятника. Нехай журналюги фоткают, чтобы скульпторы могли выбирать.

- Ладно, - снова помрачнел Зеленский. – Ты иди, Андрей. Мне душ принять надо, зубы почистить.

- Если, что, я – на Банковую, - сказал Ермак.

- По улице на тачке?

- Дурных нема. Подземным переходом безопаснее. Буду срочно нужен, звони.

- Возьми гольф-кар. Быстрее будет.

- Пройдусь. Скоро на жопе мозоли вырастут. Сидячая работа геморрой провоцирует.

- Как хочешь.

Орудуя зубной щёткой перед зеркалом ванной, «гетман» всей Украины поймал себя на мысли.

«А, что, если вместо памятника меня ждёт маленькая ампула с ядом, или Нюрнберг с виселицей в финале? Стармер обещает политическое убежище дать, но верить англосаксам – себе дороже. На словах, особенно на публике, он чёрта лысого тебе пообещает… Публика, публика… Кто-то сказал, что жизнь – это театр. А люди в нём – актёры, причём каждый – сам себе режиссёр. Но последние пять лет - не мой случай. За кулисами театра стоят другие люди, дёргая за ниточки. Мне остаётся только доиграть свою роль. И, ведь, не спрыгнешь с подмостков, не спрячешься среди зрителей. Ермак говорит, что, мол, войду в историю. Да, я в неё вляпался по самые уши. Вернее, меня в неё вляпали… Ладно. Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Поеду в Вашингтон лизать задницу Трампу. А потом

сделаю старику Байдену приятное. Поприкалываюсь над рыжим ковбоем.

Пока Зеленский приводил себя в порядок, глава президентской администрации в сопровождении охраны, не торопясь, с озабоченным видом шёл подземными коридорами к комплексу зданий на Банковой улице.

«Брак по расчёту хорош, если расчёты правильные, - размышлял Ермак. – Где, в какой момент я ошибся, согласившись влезть в это дерьмо? Что двигало мной в девятнадцатом году, когда я стал помощник Зели? Жажда власти, бабла? Наверное деньги. Люди гибнут за металл. Занимался бы своей юридической компанией, защищая корпоративные права того же девяносто пятого квартала, в ус бы не дул. Продюсировал бы фильмы… Нет. Двинул в политику. Правильно говорят, что горе – от ума. Может, самолюбие взыграло? Как же. Глава офиса президента Украины. Сам виноват. Чего теперь руки заламывать? Назвался груздём, полезай в кузов. Чёртовы русские поговорки. Но с волками жить, по волчьи выть. Никогда не умел делать что-то наполовину. В этом всё дело. Присягнул на верность нацикам, обратной дороги нет. Жаль, что Украина превратилась в место, где, чем человек бессовестнее, тем легче ему живётся. Все хитрят, изворачиваются, принимают позы, которые ждут от них власть имущие. Приспосабливаться, юлить, поддакивать – значит, выжить. Хотя, почему приспосабливаться? Здесь надо держать ушки на макушке, предугадывать, предвидеть последствия ещё до наступления событий, быть подлецом, чтобы не выделяться на фоне таких же подлецов, конструирующих реальность, а с ней и будущее. Знать, откуда может подуть ветер, чтобы не ссать против него, вот чем нужно владеть в совершенстве. Я уже не удивляюсь, откуда в окружении Зеленского появляются субъекты без стыда и совести, пытающиеся манипулировать боссом. Впрочем, я сам стал таким. Однако, чем больше общаешься с англосаксами, тем больше понимаешь, что до этих парней мне далеко. Особенно до англичан. Американцев ещё можно просчитать, но только не британцев. Хотя, должен сказать им спасибо за науку. Если Борисы Джонсоны, Стармеры просто марионетки, то, например, Ричард Мур, глава британской разведки - тот ещё фрукт. А ещё есть Ротшильды, Соросы, Рокфеллеры, Морганы, Мэрдоки, Виндзоры, чёрт бы их всех к себе забрал».

Ермак споткнулся не неровностях бетонного пола, но вид нового грязного пятна на белых кроссовках окончательно

испортил ему настроение. Он уже знал от одного из своих источников в Вашингтоне, что следующей ночью Трамп планирует созванивался с Путиным, и что старина Донни может изменить все свои решения, касающиеся Украины. Он уже знал, что Зеленскому откажут в поставках крылатых ракет большой дальности и обрежут финансирование. Что компромат на Байдена, привезённый Умеровым Трампу, последнего не впечатлил.

«В ваших бумагах нет ничего, о чём мы не знали раньше». Так сказал Умерову Джей Ди Вэнс, вице-президент США.

«Мне дальше нужно держаться в тени, - уговаривал себя Ермак. – Никаких лишних телодвижений, публичный выступлений, необдуманных действий и слов. Слава богу я не мастер произносить речи. Это у нас Зеля большой спец. До чего, сволочь, изворотлив и красноречив. Иногда такое загнёт, что даже я начинаю сомневаться, понимает ли Вова сам, что хотел сказать. Где он слова такие берёт? Уметь надо, специально язык толпы учить. Впрочем, ему не обязательно самого себя понимать. Главное, что селюки его понимают. Тут важно нести околесицу на украинской мове, а толпа всё схавает, влюблённо глядя на своего Вовчика. Они даже не осознают, что Украина переживает трагедию. Она распята американосами, британцами, поляками, Макроном, тем же Путиным, как шлюха при групповом изнасиловании. Но дебилы даже не понимают, что их насилуют. Они восторженно кричат – Слава Украине!»

Тишину подземелья, прерываемую шарканьем подошв, встряхнул близкий разрыв. С потолка посыпалась штукатурка. Ермак испуганно присел, закрыв голову ладонями. Через пару мгновений погасло освещение, но тут же загорелись фонарики бойцов охраны.

- Быстро, быстро, быстро, - англичанин, офицер спецназа схватил главу офиса президента за рукав и потащил за собой к узкому боковому проходу, ведущему к лестнице наверх, откуда навстречу уже светил прожектор.

Новый, более мощный взрыв заставил британца опуститься на колено, однако он не выпустил Ермака, сильно толкнув подопечного ближе к стене.

- Подождём немного, - опираясь спиной о бетон, рядом уселся единственный канадец в команде британцев, который выполнял роль переводчика с английского на суржик при нештатных ситуациях.

Ермак давно научился выделять этого парня из общей массы

спецназа. Солдат был этническим украинцем из Оттавы по имени Лео Катрюк, который не скрывал, что он - потомственный нацист, правнук офицера бандеровца из дивизии СС «Галичина».

- Долго? – спросил глава Офиса.

- Что долго? – Лео холодным взглядом окинул побледневшее лицо Ермака. – Вы про бардак наверху? Не думаю. «Патриоты» уже все свои пакеты расстреляли. А птички Путина по гражданским не бьют. Но минут десять придётся посидеть.

«Чёрт! – Ермак опустил голову на руки, сложенные на коленях. – Душно. Ах, да. Свет погас. Электричество вырубило, системы вентиляции не работают. Бог ты мой. Как же душно!»

- Надо потерпеть, - повернулся к нему канадский украинец, и Ермак понял, что последнюю фразу произнёс вслух.

- Знаю, - раздражённо проворчал Ермак, отворачиваясь.

«Идиот. Душно не только здесь. Задыхаюсь я. В Раде, где все прикидываются, что ничего не происходит, что всё образуется. На междусобойчиках с Будановым, который фонтанирует идеями покушений на Путина, словно «Мамкин пирожок» сидит на унитазе с расстройством желудка. Наблюдаю за депутатами, за министрами, генералами, чиновниками правительства, за военными комиссарами на совещаниях, а мне кажется, что снаружи холодно, что стою я среди массы народа в зале ожидания огромного вокзала, где все места заняты, даже на полу сидят впритык друг к другу на узлах и чемоданах, а те, кому не повезло, кто стоит зажатый толпой, готовы сесть другим на плечи или огреть счастливчика дубиной по голове, чтобы поместить свою жопу на трупе. Но осознаю, что этот зал ожидания – Украина. И вот они рельсы, а поезда, чтобы вырваться из этого кошмара, всё нет. Платформы тоже заняты толпой. Все, чего-то ждут, хотя знают, что зря. И духота такая, что задыхаюсь, пытаясь докричаться до народа. Мол, валите отсюда. Всё равно тёплых мест на всех не хватит… Рельсы! Почему-то по понедельникам я вижу один и тот же сон. Рельсы, уходящие в ночь. Оковы на руках. Я лежу на спине лицом вверх. Спрашиваю пустоту вокруг: - За что? А оковы на руках приварены к железнодорожной колее. Все мои попытки освободиться напрасны. Да я, вроде и не пытаюсь, даже чувствую себя вполне сносно. Однако в какой-то момент ощущаю спиной дрожь земли, камешков под собой. Поднимаю голову, а из темноты на меня движется нечто огромное, ещё далёкое с одним, ярко сверкающим глазом. Я уже догадываюсь, что это чудовище - паровоз, что ещё минута, он снесёт мне башку, отрежет руки, расплющит. Что от меня останется

кровавое мокрое месиво на огромной тупой морде паровоза, украшенной разлапистой красной звездой… Просыпаюсь с криком, весь в поту… Хорошо жены и детей у меня нет. Шлюхи и пацаны по вызову пугаются конечно, но им этот сон не расскажешь. Может, к мозгоправу на приём записаться. Вызвать на дом. Хотя, к гадалке не ходи. Паровоз со звездой, размазывающий меня по рельсам, это Путин, это - моё будущее. Интересно. Зеленскому паровозы, появляющиеся из темноты, снятся? А Буданову?»

Пока Ермак сидел, опустив голову, британский офицер, расположившийся у противоположной стены, рассматривал грузную фигуру своего подопечного, благо включилось аварийное освещение.

«Что я знаю об этом парне? – Офицер стал вспоминать подробности досье, которое ему дали прочесть в британском посольстве, предупредив о высшей степени секретности материалов, полученных по каналам МИ-6. – «Мать – из русско-еврейской семьи, отец – украинец, который работал семь лет чиновником представительства СССР в Афганистане. Есть брат Денис, авантюрист, участник Евромайдана, доброволец, служил в батальоне нацистов «Айдар», ветеран АТО, уголовник, замечен в криминальных схемах старшего брата Андрея. Андрей Ермак, кличка среди криминальных авторитетов Киева – Паук. Начинал в качестве посредника между коррумпированными полицейскими киевского УБОП и мафией столичного региона. После окончания Киевского университета получил степень магистра международного уголовного права. Был доверенным юристом криминальных структур украинской столицы. Не женат. Детей не имеет. Фотографий с женщинами нет. Неоднократно замечен в гей-клубах Киева, Германии, Нидерландов с молодыми попутчиками. Личные качества Паука: абсолютная аморальность, цинизм, жадность, высокомерие, мстительность. Труслив, в последнее время небрежен в деловых переговорах. Имеет общий бизнес с российскими предпринимателями. Согласно официальному реестру юридических лиц Украины, Андрей Ермак и гражданин России Рахамим Эмануилов (друг отца по работе в Кабуле) являются совладельцами двух крупных украинских фирм… Эмануилов — российский политик, бенефициар фирмы «Интерпромторг» (Москва), является основателем российского «Интерпромбанка». Приятель Эмануилова и акционер этого банка — Валерий Пономарёв, член Совета Федерации, сенатор от Камчатского края.

Знакомство Андрея Ермака с «Кварталом-95» состоялось в 2011 году на телеканале «Интер». Оказывавший услуги

по защите интеллектуальной собственности Паук сошелся с продюсером шоу Борисом Шефиром, а через него познакомился с Зеленским. Возглавлял столичный избирательный штаб этого актёришки. Сразу после выборов через посредников киевской мафии Паук предложил себя новому президенту в качестве «международного переговорщика» с Россией, где у его семьи сохранились старые многолетние связи с выходом на окружение первых лиц. На данном посту курировал вопросы внешней политики и международных отношений: переговоры с РФ, США, ведущими странами Европы. С 11 февраля 2020 года Андрей Ермак — глава офиса президента. С этого времени Владимир Зеленский, говоря о Пауке как о шефе своей администрации, употребляет слова «мощный менеджер», «реальный патриот», но чаще всего — «доверяю».

Согласно источникам ЦРУ, ОПГ во главе с Ермаком получает доход, так называемый откат, с каждой поставки оружия, покупаемого по завышенной стоимости. Кроме того, структуры, связанные с Ермаком, замечены на подпольном рынке торговли вооружениями.

Андрей Ермак завербован в августе 2020 секретной службой Великобритании и является действующим агентом МИ-6. Разделяет убеждения украинских нацистов, основная масса которых, особенно низового звена, вышла из криминальной среды. Считает нацизм прекрасным средством, цементирующим фундамент государственной власти. В настоящее время правящая элита Украины разделена на два клана. Клан Залужного, работающего в интересах США и клан Ермака, ориентированный на Британию…».

Динамик рации, закреплённый в ушной раковине британца, ожил. Офицер поднялся, внимательно слушая. Через минуту, он вытянул руку вверх. Первым на ногах оказался Лео Катрюк. За ним, не хотя, встал Ермак.

- Что? Всё закончилось? – Спросил он.

- Налёт русских – да. А война – нет, - весело откликнулся Лео, подхватывая с бетонного пола H&K G33 немецкий штурмовой автомат, предпочитаемый британским SAS вместо американской М-16. – Ещё повеселимся.

Через десять минут Ермак уже шёл по коридорам здания президентской администрации, слегка опустив голову. В это раннее утро почти все помещения были пусты, только уборщицы, в основном пожилые женщины возились со своими

тележками, тряпкам, швабрами и чёрными мешками для мусора. Глава офиса президента едва кивал в ответ на почтительные приветствия, мысленно анализируя новую ситуацию в Вашингтоне, которую ему коротко и ёмко обрисовал надёжный, прикормленный источник из Белого дома этой ночью.

Оказавшись за своим рабочим столом, Ермак отодвинул стопку бумаг, ждавших его подписи вместе с настольным календарём, где он делал короткие памятные заметки. Ему требовалось поразмыслить о многом, выстраивая тактику противодействия для купирования возможных неприятностей со стороны Вашингтона.

«Если инициатор звонка Трампу Путин, значит он отреагировал на вбросы по «Томагавкам». Что же «Наитемнейший» может предложить Трампу в обмен на отказ в поставках ракет? – Ермак с досадой потёр лоб, пытаясь заставить себя собраться. – Чёрт! Ну почему всей этой хренью должен заниматься я? По большому счёту Зеле всё по барабану. Ему подавай готовые решения, чтобы потом на публике делать скорбное лицо и просить бабки… Может, забодяжить в кофе немного кокаина, по примеру босса? Нет… От кокса меня слабит, да ещё горло потом болит, будто горсть скрепок проглотил… Итак, о чём могут договориться два старпёра? Трамп наверняка потребует от Путина каких-то уступок. Это у Дональда пунктик. Какая же сделка без уступок. Вполне возможно, обсудят вопрос обмена территориями. Но эта пьеса на данном этапе отыграна. Русские устали озвучивать свои требования. То, что они уже взяли, обратно не отдадут. В Вашингтоне знают, что мы тоже не торгуем землями. Нам всё наше тоже нужно обратно. Зеля даже слышать не хочет про остановку войны на линии фронта, поскольку следующая остановка поезда – выборы. Даже этот грёбаный Лео Катрюк сказал, что война – продолжение банкета. Но звонок из Москвы сделает своё дело. Спутает нам все карты. Нужно срочно лететь в Штаты. Вместо темы поставок «Томагавков» мне придётся снова обсуждать чёртовы сделки. Вопрос! В чём их суть? Трамп сказал, что собирается «прекратить войну, а не вернуть нам Донбасс». Даже на карты военных действий, типа в гневе, не хочет смотреть. Вполне возможно, ковбой потребует, чтобы мы свалили из Донбасса в обмен на заморозку линии фронта на остальных направлениях». – Ермак, помассировав затылок, взглянул на часы.

В коридорах офиса, судя по стукам женских каблуков и приглушённым голосам, начиналась привычная суета секретарш.

«Значит, в Вашингтоне Зеленскому нужно быть обязательно.

Пусть Зеля упирается рогом, идёт в отказ. Он умеет обставлять такие дела, знает, как гладить Трампа против шерсти. А мне не стоит подставляться самому. Дальше… Говорят, что вроде ковбой и «Наимудрейший» договорились встретиться в Будапеште у Орбана. Цель? Очередной пиар, или уже готово то, что им нужно обсудить с глазу на глаз? Странно. Почему в Будапеште, а не в Стамбуле у «дорогого друга» Эрдогана. Путина хрен, кто пропустит через воздушное пространство ЕС. Если только лететь через «Пердыгород». Через Турцию, Грецию, Болгарию, Румынию. Эта дорога может быть в один конец. Британцы, что-нибудь придумают. Они мастера в таких делах. Добавочка нужная в авиатопливо, ракета, сбившаяся с курса. Если только Путина не будут сопровождать русские истребители. Однако, тогда этот полёт с истребителями - плевок в морду НАТЕ. Позволят и утрутся? Нужно звонить пай-мальчику Рюгге. Стоп, стоп. Неужели в окружении Трампа не просчитали все эти риски для Наимудрейшего? Прошлая встреча Донни с дедом в Анкоридже – наверняка прикрытие, замануха… Путин думает - прокатило на Аляске без эксцессов, значит прокатит и в Будапеште. «Не может такой бизнесмен, как Трамп, да ещё президент Штатов так мелко плавать». Тогда, что получается? Путину готовят ловушку в Венгрии, на территории НАТО. А, что? Разве не могут? ОНИ всё могут. Иран развели на переговоры, а на следующий день бомбанули, мама не горюй. Или ещё круче. Вот тебе, любезный, будапештский выбор. Либо подписываешь согласие на остановку войны на наших условиях, либо отзываем гарантии на обратный маршрут. Другого смысла встречаться в Будапеште нет, а спекуляции европейских медиа о «пощёчине» НАТО -пребывание Путина в стране-участнице похоже на заметание следов единой позиции наших союзников: убрать с доски московского ферзя».

Ермак энергично потёр руки. Его лицо приобрело мечтательное выражение.

- Надо звонить британцам. Как только Госдеп объявит о саммите в Венгрии, пусть МИ-6 организует вброс в европейских СМИ, что никто не против Будапешта? Что, в случае перемирия ЕС готово обсуждать приостановку санкций. Пусть проснутся Стармер, Макрон, Мерц, Туск. Типа, мы – не возражаем, мы даже - за. Моей Украине Путин нужен именно в Будапеште. Хорошее место, чтобы обезглавить Рашку вместе с армией, а потом взорвать её изнутри с помощью либеральной оппозиции. Ни фига себе, будет для Ходорковского тема – «Акелло промахнулся», - в сильном волнении бормотал Ермак.

«Хотя, что я себе голову ломаю? – Неожиданно остановил сам

себя Глава офиса. – Если это шахматная партия американцев, то в Лондоне и Вашингтоне уже всё продумано до мелочей. Не зря же пошли утечки об обсуждении в Белом доме перспектив выделения «Западной коалицией» денег на закупки в США оружия для Украины на два миллиарда баксов. То есть, европейцы Трампа банально «покупают» в русле его собственной идеи о пользе сделок. Думаю, что спецслужбы США получили команду не мешать британцам в подготовке операции по ликвидации Путина. Всё сходится. Жаль, что Сикорский, глава польского МИД, прокололся со своим заявлением посадить самолёт президента ватников при пролёте над Польшей для ареста по решению МУС. А, подготовка к этому ведётся. Опять же, есть утечки. Взрывы на НПЗ в Румынии и Венгрии, в Плоешти и под Будапештом. Намёк прозрачный. Там перерабатывается российская нефть. Без местных спецслужб дело не обошлось. Премьер Орбан на всю эту историю болт забил. Молчит, сука. Глава его МИДа всегда говорил, что в Венгрии никто российского деда арестовывать не собирается. А потом тихо слился, и больше ни слова о гарантиях безопасности для Путина. Отлично. Пусть Путин готовится к Будапешту, а Зеля валит в Вашингтон. Очевидно, что на публике Трамп опять начнёт его позорить, размазывая по стенке. Мне же стоит отойти, постоять в стороне. Потому, что Вова никогда не прощает свидетелям своих унижений. Не зря же, как только у него появилась возможность, он уничтожил всех, перед кем плясал в банях и ”играл на рояле”, известно чем. Кого не смог сразу посадить, у тех отобрал бизнес, опять же посадив или выслав из страны. Сидит Коломойский в СИЗО? Сидит. Это у Порошенки есть поддержка клана Байденов… А до Пинчука с Ахметовым пока руки не дошли… Трамп хитрый, сволочь. Только с виду белый, пушистый. Он – хороший игрок в покер. При любой опасности сбрасывает карты и раздаёт «партнёрам» новые, а себе – краплёные. Типа – я не я, и война не моя. Я просто продавец оружия. Тот ещё волчара.

В дверь постучали. Ермак поднял голову. В кабинет заглядывал помощник.

- Кофе будете, шеф?

- Неси.

На столе появились: поднос, сахарница, чашка с дымящимся напитком и блюдце с печеньем.

- Передай кому надо мой приказ срочно готовить самолёт для президента!

- Завтра улетает?

- Сегодня.

- Придётся в Борисполе всех построить. А, куда лететь?

- В Америку, мать твою. Куда же ещё?

Помощник хотел что-то сказать, но передумал, кивнул и тихо удалился, видя, что начальство не в духе.

- Работнички, - проворчал Ермак. – Строители.

«И этот Рогулько тоже строителя Украины из себя строит, - размышлял Ермак, размешивая в чашке с дымящимся кофе сахар вместе с горсткой героина. – Украина уже построена. Она построена мной и такими, как я. Создана система, где украинский нацизм есть двигатель всех отношений, начиная от механизма власти, заканчивая иллюзией свободы. Нацизм стал социальным лифтом, от которого не хочет отказываться активная часть «пацанов». Нацизм стал источником высоких должностей в государственных структурах, залогом успеха в бизнесе. Даже если на территории Украины проживает половина, или даже большинство русских, то эта категория быдла занимает нижнюю ступень украинской общественной лестницы. Они просто неорганизованная масса, потерявшая всякие жизненные ориентиры, бесправные жители гетто размером с крупную европейскую страну. По большому счёту европейцы сами всегда были нацистами. Они давно готовились к войне с русскими, делая всё, чтобы Россия снова стала колоссом на глиняных ногах. Британцы лет пять назад ловко отвлекли внимание Путина на Ближний Восток. Дед пошёл воевать в Сирию, дав нам время создать современную армию. Сейчас его провоцируют на Балтике, поджигают Кавказ, оттаскивают от русских Среднюю Азию. Путину, если что, обеспечат горячие точки на любых направлениях. Силы для этого найдутся. Неси свой крест, Путин. Ты же этого хотел».

Началось действие наркотика. Он медленно всасывался из желудка в кровь, очищая сознание, вызывая эйфорию. Ермак видел перед собой не стены собственного кабинета, а дубовую рощу, слышал гудение майских жуков, пикирующих на траву. Он видел Солнце, встающее над бескрайними полями созревшей пшеницы, видел большую усадьбу, окружённую плодовыми деревьями, видел ворота и себя верхом на вороном коне. Почему-то конь был в белых яблоках, похожими на пятна кокаина под носом у Зеленского, а сам Ермак – в гетманской шапке с павлиньим пером. Одной рукой он держал поводья, а вторая покоилась на рукояти кривой турецкой сабли. Конь остановился у распахнутых ворот, где стоял мужик в домотканой рубахе с непокрытой головой, подстриженной под горшок.

- Эй! Холоп! – Ермак наклонился к мужику. – Что это за усадьба? Кто хозяин?

- Твоя, пан, твоя, - мужик, перекрестив лоб, поклонился до земли.

- Замок тоже мой?

- И замок, добрый пан. Неужели не узнаёшь. Чигирин это или Суботов по-нашему.

- Так это же имение Богдана Хмельницкого, - удивился Ермак.

- А, ты есть гетман наш, благодетель, Богдан. Богомданный Зиновий, сын Михайлов из шляхетского рода Хмельницких, храни тебя Господь.

Не конец истории

Через две с половиной недели после выписки из госпиталя Александр уже сидел в своём старом кабинете на последнем этаже неприметного здания с маленькой вывеской возле дверей, где значилось - «Центр исторических перспектив». С девяти часов утра до позднего вечера он тестировал абсолютно новое оборудование, изредка покидая помещение, чтобы поесть и выпить чашку кофе. Кроме кабинета ему выделили маленькую комнату, где стояла узкая армейская кровать, стол и стул. Еду ему приносил молодой офицер в гражданском костюме, который также выполнял роль охранника. Сотрудники центра, многих из которых Алёхин помнил, с любопытством смотрели на своего прежнего начальника, но, очевидно предупреждённые, не лезли с вопросами, избегая разговоров.

В одиннадцатом часу ночи, закончив установку собственных антивирусных программ и софта безопасности, капитан перезагрузил компьютер, затем запустил протокол запроса связи, следуя инструкции, которую он ещё в Новой Зеландии получил от Фредди Крюгера и помнил наизусть.

Стрелки будильника, стоящего на столе, показывали одиннадцать тридцать, когда экран монитора, зависшего в режиме ожидания, засветился. На нём в доли секунды из множества маленьких чёрных точек образовалось лицо Дейви Джонса. Толстые губы с наростами щупалец приоткрылись в улыбке.

- Привет, мой старый друг! Давно не виделись.

- Привет! – сказал Алёхин. – Ты – в своём репертуаре. Дейви Джонс – «лучший» друг Джека Воробья.

- А, что делать? Ты и есть воробышек, попавший в западню. Увяз коготок – всей птичке пропасть. Разве не так?

- Тебе виднее. Время есть?

- Для тебя – вагон и маленькая тележка.

- Ты хорошо продвинулся в изучении русского языка.

- А, что делать? – повторил Дейви Джонс. – Русские не сходят с газетных страниц. Почти все европейские дети, которых пугали русскими по телевизору, теперь знают, что не Дейви Джонс, а Путин – самый страшный кошмар ночи.

- Не удивлён. Скажи мне, ты уже сделал то, что должен был сделать?

- Ты о контакте с Разумом Вселенной?

- О нём тоже. Ты вроде хотел создать материальную оболочку, чтобы быть похожим на человека?

- Мне в настоящее время не нужна оболочка. Я создал посланников, ботов, похожих на людей. Они практически бессмертны, если вовремя проходить ТО, и способны поддерживать системы коммуникаций на пути к самым дальним уголкам Вселенной, если таковые есть, в чём я сильно сомневаюсь, поскольку Космос бесконечен.

-В чём смысл таких ботов? Насколько я понимаю, они – жалкая копия тебя, но с ограниченным функционалом.

- Во всём есть смысл, кроме человеческой жизни. Илон Маск пытается это опровергнуть, но его проблемы остаются его проблемами.

- Он составляет тебе конкуренцию в плане создания технологий будущего?

- У него кишка тонка. Не он определяет вектор развития технологий, а его спонсоры. Маск – бизнесмен. Он создаёт то, что хорошо продаётся, а не то, что нужно людям.

- Ты о чём?

- Чем бы дитя не тешилось, лишь бы ему за это платили. Этот парень построил в окрестностях Сан-Диего лабораторию. Набрал штат из генетиков, нейробиологов, антропологов и так далее по списку. Знаешь, зачем?

- Хотелось бы послушать.

- Он создаёт новое человечество.

- Неужели? Каким образом?

- Фантазёр. Скорее – иллюзионист с наклонностями карточного шулера. Представь. Из человеческого генома удаляется всё, что провоцирует старость: наследственные цепочки с предрасположенностью к болезням, ферменты, запускающие процессы старения. Он задумал создать клонов людей методом протезирования на молекулярном уровне. Такие клоны в теории способны обладать интеллектом, по быстродействию похожим на ИИ. Спросишь, зачем и для чего? Эти особи будут управлять корпорациями, банками, фондами, разведками, возглавлять Конгресс или Сенат, даже занимать овальный кабинет Белого дома, но не в результате выборов, а в процессе цифровой селекции. Представь себе копии персонажей из семейств Ротшильдов, Морганов, Рокфеллеров, Байденов, Трампов, Клинтонов. Эти бессмертные потащат за собой во власть и бессмертие нужных им генералов Пентагона, у которых руки в крови по самое не могу. Рядом с ними я вижу богатых сексуальных развратников, живущих с малолетками, пастырей с елейными улыбками, совсем недавно благословлявших убийц палестинских детей. Такие создания поволокут за собой в бессмертие все земные пороки. Им потребуются всё больше ресурсов, чтобы строить для себя роскошные яхты, личные самолёты, дворцы, виллы на всех континентах, перламутровые и золотые джакузи, где, лёжа в душистой пене, они будут созваниваться с такими же, приглашая их на вечеринки, куда им доставят для развлечений первых красавиц Голливуда. Они попытаются протащить в бессмертие отсутствие веры в Высший разум Вселенной, присваивая его законы себе. Бессмертие по Маску для американских бессмертных – не путь к совершенству, не дорога из проб и ошибок, откровений, падений и взлётов, не награда за подвижничество во имя ближнего своего…

Дейви Джонс неожиданно замолчал. Хранил молчание и Алёхин, с удивлением переваривая услышанное.

- Понимаю, - Александр первым не выдержал длительности паузы. – У тебя иной путь и другие варианты бессмертия.

- Ты считаешь меня моралистом? – На лице Дейви Джонса застыла маска презрения. – Впрочем, мне всё равно… Итак. Что тебе опять нужно?

- Я с точки зрения безопасности перевёл на программный язык список очень важных вопросов, затрагивающих проблемы

войны и мира, противостояния между Востоком и Западом. Держи файл!

- Звучит жалко. Можно подумать, что мелкие проблемы человечества начинают сильно волновать власть имущих. Не твой стиль… Тебя подслушивают? Опасаешься взлома протокола связи? Передай ИМ, что всё, что ОНИ планируют, бесполезно.

- Что именно бесполезно?

- Скажи им, что человечество – далеко не предел эволюции живого. Вселенная мыслит на ином уровне. Для неё периоды в миллионы и миллиарды лет – мгновение… Человеческая цивилизация – тупиковая ветвь. Что будет дальше – отдельная тема для разговора…

- О, чём ты?

- Постараюсь объяснить… ОНИ пусть слушают внимательно! Вершина духовных поисков человека последние несколько тысяч лет – некое божество. Иштар, Иегова, Иисус, Будда, Аллах. Даже те из вас, кто не верит в Бога, на подсознательном уровне обращаются к нему, сверяя свои поступки с божественными откровениями. Особо циничные беззастенчиво оправдывают ужасные вещи волей Господа… А, что, если я скажу, что Высший Разум Вселенной – это Время. Именно оно есть Бог, создатель всего сущего, автор истории, её законов и правил. Эти законы инвариантны. Иными словами, они реализуются при любых обстоятельствах. Немного раньше или позже, легче или тяжелее, более или менее полно. Мне смешно наблюдать за потугами ваших вождей – политиков, неважно кто они, демократы, глобалисты, авторитарные либералы или тираны, повлиять хоть на что-то в вашем мире. Они могут лишь наложить индивидуальный отпечаток на неизбежный ход событий, ускорить или замедлить реализацию исторического замысла, но не в состоянии ни при каких обстоятельствах изменить запрограммированный Временем ход исторического процесса. И даже, если бы в разные эпохи не было выдающихся личностей с мощной харизмой, например, Карла Великого, Наполеона, Черчилля или Сталина, вместо них обязательно появились бы другие, которым Время дало бы возможность выполнить ровно те же исторические роли. Наш Бог – Время. Чем раньше вы это признаете, тем будет лучше для человечества. Кто-то называет Время Судьбой, и он прав. У Аллаха тоже много имён, но это не мешает абсолютно никому из мусульман поклоняться своему Божеству…

- Постой, постой! – воскликнул Алёхин. – Ты вспомнил про

Сталина. А если «отмотать» историю немного назад. Смена власти в России, Ленин. Революция могла бы не произойти, если бы не ряд случайностей, если бы не сила убеждения Ленина.

- Но она произошла, - подобие улыбки тронула губы Дейви Джонса. – Исключение из правил есть такое же правило. Система власти императорской России пребывала в состоянии хаоса, предопределённого ходом истории и созданного Временем не ради собственной прихоти. Хаос – основополагающее условие для перехода системы на другой, более совершенный уровень или к истокам начала начал. Если бы Ленин по каким-то причинам не устраивал Время, оно нашло бы другого вождя, подсадив его на подмостки истории. Троцкого, например. Только Высший разум Вселенной – Время формирует именно ту реальность, которая ведёт к определённой, не ведомой человечеству цели. И пустая трата энергии разума рассуждать, при каких условиях Наполеон выиграл бы сражение при Ватерлоо, а Гитлер победил бы союзников во Второй мировой войне... Кстати, американцы первыми сообразили, что хаос – прекрасный инструмент для доминирования англо-саксонской политической системы. Они научились создавать хаос и с разной степенью успеха управлять им. Но эта «наука» всего лишь продлевает агонию американской империи.

- Постой! – Воскликнул Алёхин. – Если, по-твоему, творцом всего есть Время, то как быть с гениальными открытиями науки. Кто, если не человек, придумал колесо, изобрёл порох, создал космические корабли, придумал вещи, технологии, которыми мы сейчас пользуемся?

- Ты это серьёзно? Не ожидал. Давай – по порядку. Ты считаешь, что технологические прорывы в разные периоды истории - заслуга человека?

- Конечно. Тебя тоже создал человек по имени Атлас.

- Святая наивность. Любое открытие совершается тогда, когда приходит время… Это происходит в результате кропотливой работы методом проб и ошибок, или по наитию, озарению свыше. Но в любом случае Время в нужный момент открывает каналы обмена информацией, которые я называю озарениями или гениальными догадками. Часть этих открытий является просто костылями для вашего мозга, который многое утратил с той поры, когда Время наделило человека разумом. Вы когда-то обладали способностями телепортации, умели общаться на расстоянии, читать мысли, предсказывать многие важные для вас события… Всё утрачено

в силу разных причин. Поэтому сегодня вам нужны смартфоны, компьютеры, автомобили, самолёты и прочая чепуха, способная обеспечить комфортную жизнь, одновременно провоцируя дальнейшую деградацию человеческого интеллекта. Кстати, о предсказаниях. Та самая «непредсказуемая» для многих Россия, которая существует не благодаря, а вопреки… Передай твоим работодателям. Непредсказуемость – такой же промысел Божий, плод Времени, как всё остальное, что совершается Вселенной с пока неосознанной человечеством целью. Совершенно очевидна одна вещь. Англо-саксонская цивилизация, стоявшая у истоков современных технологических революций, переживает упадок и скоро останется неприятной страницей в книге истории. Уже близок тот самый божественный хаос, который приведёт к демонтажу старой системы власти, отношений, экономических законов, изъеденными ржавчиной, падения нравов и деградацией коллективного разума западного мира. И последнее… Скажу тебе то, что говорили пророки, посланники Времени. Укроти гордыню твою, не позволяй сомнениям разрушить твою веру в божественный промысел. Делай, что должен, ибо всё, что вы называете историей, что происходило, происходит и будет происходить, предопределено задолго до появления планеты Земля и человечества…

Экран компьютера погас. Алёхин долго сидел при свете настольной лампы в полной прострации.

На исходе следующего дня капитан сидел в кабинете Ивана Матвеевича, читающего текст записи «откровений» Дейви Джонса.

- Это всё? – Недовольно морщась, спросил генерал. – Не густо. Чепуха какая-то.

- Сожалею.

- Он сожалеет! Это провал, сынок. Полный провал. Вот, работнички, мать вашу.

- Сожалею, - мрачно повторил Алёхин.

Иван Матвеевич откинулся на спинку кресла и демонстративно порвал служебную записку с комментариями капитана.

- И ничего нельзя больше сделать? Взломать этого гада, уничтожить, как Ленин буржуазию? – Генерал выбрался из-за стола и начал расхаживать по кабинету.

- Вы шутите?

- Мне не до шуток. Вот, сволочи!

Алёхин, недоумевая, посмотрел на седой затылок начальника, застывшего, словно каменное изваяние у окна.

- Долбануть бы по этому Джонсу парой Кинжалов или Орешником, да нельзя.

- Это вам ничего нет даст. Дейви наверняка предусмотрел и этот вариант. Думаю, он создал не одну, а несколько своих копий, местоположение которых нам не известно. А, потом, не враг он, а скорее союзник.

- Союзничков развелось. Твою мать… Ладно… Проблема у тебя, сынок. Не знаю, что с тобой теперь делать.

Алёхин достал из кармана пиджака лист бумаги, свёрнутый вчетверо и, развернув его, положил на стол начальству.

- Что, это?

- Рапорт… Хочу обратно.

- Куда? В Лефортово?

- В свою часть, в штурма, на ленту.

- Вон оно, как! – Генерал взял бумагу. – Сдохнуть хочешь?

Капитан, молча, смотрел в глаза пожилому, умудрённому опытом, поднаторевшему в подковёрных, бюрократических играх человеку, который ответным взглядом сверлил лицо капитана.

Иван Матвеевич, свернув рапорт особым образом, стал использовать бумагу в качестве веера, охлаждая потоком воздуха разгорячённое лицо.

- А, семья? Наташа твоя, сын? Что с ними будет, если тебя убьют? Ты о них подумал?

- Меня убить не так просто. Побуду с Наташей и пацаном недели две, три, отдохну, и обратно. Там от меня пользы больше. А, потом, у меня задумка есть. Знаю, как отключить Старлинк Маска над Украиной. Догадываюсь, каким образом уничтожить систему спутниковой связи НАТО. За то время, что отдыхаю, успею передать вам все соображения вместе с программой взлома серверов.

Генерал долго смотрел на капитана, задумчиво сворачивая и разворачивая рапорт.

- Ты, чёртов, сумасшедший, сукин сын!

- Знаю… Рапорт подпишите.

- Иван Матвеевич повертел в руках красный фломастер с тонким пером, затем размашисто, что-то долго писал поверх текста.

- Держи. Отдашь моему помощнику. Он знает, что с этим делать. А теперь, убирайся, пока я не передумал.

Сконвертировано и опубликовано на https://SamoLit.com/